

Институт археологии Крыма РАН
Институт Славяноведения РАН
Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования

Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан

Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
М74

Книга издана при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Печатается по решению Ученого совета Института Славяноведения РАН

Научный редактор В.Я. Петрухин

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. Майко

доктор исторических наук, профессор А.Г. Ситдилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник А.А. Турилов

доктор исторических наук, профессор И.Н. Храпунов

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.

М74 Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии / Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан. — М. : Неолит, 2017. — 744 с.

ISBN 978-5-9909479-0-0

Авторы книги попытались представить обобщенную картину истории Крыма VIII – первой половины X в. на основе изучения как письменных, так и археологических источников. Хронологические рамки издания охватывают период от конца VII – начала VIII в., когда хазары вышли к границам Крымского полуострова и в определенной степени стали влиять на ситуацию здесь, до середины X в. По мнению авторов, хазары были вытеснены за пределы полуострова уже к концу IX в. Однако еще полстолетия они были одним из серьезных политических игроков Крыма.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-9909479-0-0

© Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.,
Сорочан С.Б., 2017

© Издательский дом «Неолит», 2017

Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

Корректор О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка Ю.А. Боркуновой

Оформление обложки Ю.А. Боркуновой

Подписано в печать 31.10.2017.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 46,5.

Тираж 1000 экз.

ООО «Издательский дом «Неолит»

107023, Москва, Мажоров пер., д. 8, стр. 2, Тел.: (977) 700-67-12

<http://forum-books.ru/>

Оглавление

Предисловие. Крым и Хазария в истории Евразии и славяно-русской истории (В.Я. Петрухин)	9
Введение	15
Часть I. Крым в VIII – середине X вв. по археологическим источникам	25
Глава 1. Археологические комплексы Крыма второй половины VII – первой половины VIII в.	25
1.1. Поселения	25
1.2. Могильники	105
Глава 2. Памятники второй половины VIII–IX в.	149
2.1. Памятники второй половины VIII – первой половины IX в.	152
2.2. Комплексы второй половины IX в. и проблема времени прекращения существования «хазарских» поселений	171
Часть II. Херсон в VIII – середине X вв.	196
Глава 3. Политический статус и управление	196
Глава 4. Экономическое развитие	280
Глава 5. Архитектурный облик	375
Часть III. Проблемы истории Крыма «хазарского» времени	401
Глава 6. Хазары и Боспор в конце VII – начале VIII вв.	401
Глава 7. Проблемы церковной истории Крыма VIII – середины X вв.	429
7.1. Иконоборцы или иконопочитатели?	429
7.2. О времени образования Готской епархии	434
7.3. О времени образования Фульской епархии и проблема локализации Фул	442

Глава 8. «Крымские» святые	
в контексте истории полуострова VIII – X вв.	472
8.1. Иоанн Готский	472
8.2. Стефан Сурожский и образование Сутдейской епархии	494
8.3. Жития Херсонских епископов в контексте истории Крыма	
VIII – IX вв.	523
8.4. Крымский этап жизни Иосифа Гимнографа	552
Глава 9. Хазары и Крым в IX–X вв.	595
9.1. Крымский поход Песаха — миф или реальность?	595
9.2. Хазары и Крым в IX – середине X в.	611
Вместо заключения. Крымская Хазария X–XII вв.	
Хазарский анклав в Крыму	
или историографический миф?	640
Список использованной литературы и источников	664
Список сокращений	743

Contents

Foreword. The Crimea and the Khazaria in the history of Euroasia and Slavic-Russian history (V. Petrukhin)	9
Introduction	15
Part I. The Crimea at the VIIIth – Xth centuries	
on archeological sources	25
Chapter 1. Archeological sites of the Crimea	
at second half of the VII th – first half of the VIII th century	25
1.1. Settlements	25
1.2. Grave fields	105
Chapter 2. Sites of second half of the VIII th – IX th century	149
2.1. Sites of second half of the VIII th – IX th century	152
2.2. Sites of second half of the IX th century and problem	
of disappearance of «khazars» settlements	171
Part II. Cherson at the VIIIth – middle Xth century	196
Chapter 3. Political status and administration	196
Chapter 4. Economic development	280
Chapter 5. Architectual aspects	375
Part III. Problems of Crimean history at the «Khazar» period	401
Chapter 6. Khazars and Bosphorus in the late VII th – the early VIII th	401
Chapter 7. Problems of church history of the Crimea	
in the VIII th – middle X th century	429
7.1. Iconoclasts or Ikonodules?	429
7.2. On the time of formation of the Gothian eparchy	434
7.3. On the time of Foulia eparchy formation and problem	
of Foulia's location	442
Chapter 8. «Crimean» saints in the context of Peninsula's history	
in the VIII th – X th century	472
8.1. John of Gothia	472
8.2. Stephen of Sougdaia and formation of the Sougdaia eparchy ..	494

8.3. The Lives of Holy Bishops of Cherson in the context of history of the Crimea VIII th – IX th century	523
8.4. Crimean step of life of Joseph the Hymnographer	552
Chapter 9. Khazars and the Crimea in IX th – X th century	595
9.1. Pesakh's Crimean campaign – myth or reality?	595
9.2. Khazars and Crimea in the IX th – middle X th century	611
Instead of a conclusion. Crimean Khazaria in the X th – XII th century Khazarian enclave in Crimea or historiographical myth?	640
Bibliography	664
Abbreviations	743

Предисловие

Крым и Хазария в истории Евразии и славяно-русской истории

Крымскую историю в целом определяло господствующее положение полуострова в Причерноморском бассейне. Крым является важным центром трансконтинентальных коммуникаций Евразии начиная с далекой предыстории — эпохи ее заселения человеком (грот Киик-Коба содержит одно из древнейших погребений неандертальца).

Начиная со скифов, Крым и Таманский полуостров (Боспор Киммерийский) оставались возделанной землей для степняков, не в последнюю очередь благодаря тем богатствам, которые сконцентрировал там мир цивилизации в античных, а затем византийских городах. Скифы, сарматы, готы, гунны, хазары, монголо-татары стремились овладеть этой землей и ее богатствами.

Естественно, и древнейшая Русь стремилась к этим богатствам, и рассказы о ее походах IX в. на Сугдею (Сурож) и Амастриду, содержащиеся в житийных памятниках, порождают немало споров в современной историографии о реальности описанных событий. Собственно летописная славяно-русская история начинается с легендарного повествования о странствии Андрея Первозванного по пути из варяг в греки: его начальным пунктом был Херсон/Корсунь (крымские рефлексy легенды рассматриваются авторами в главе IX.2); завершается дохристианская история рассказом о крещении Владимира Святославича в Корсунь.

Первое тысячелетие н.э., начиная с вторжений готов, гуннов — Великого переселения народов, — традиционно относится к «темным векам» средневековой эпохи; появление хазар, сменивших в VII в. в Причерноморье господствовавших там (прото)болгар и захвативших Таманский полуостров и подчинивших славянские племена лесостепи, также окутано мраком: конечно, новая волна степняков устремилась и в Крым, по крайней

мере, на другой берег Боспора, через Керченский пролив, но насколько хазарам прочно удалось овладеть ситуацией на полуострове, посадив свою администрацию — тудунов — в Фанагории (на Боспоре), горном Доросе и даже на юго-западе, в византийском Херсоне, неясно.

Эту ситуацию, вызывающую острые споры в современной историографии (см., например, полемику о степени власти хазар в Крыму — господство или «кондоминиум» в 12-м томе Хазарского альманаха), призвана прояснить коллективная монография историков и археологов, докторов исторических наук, представляющих разные институты и школы (известный исследователь Крыма Ю.М. Могаричев, харьковский профессор-византист С.Б. Сорочан, московский историк и археолог А.В. Сазанов).

Собственно исторические — нарративные — источники по истории «хазарского» периода чрезвычайно скупы: письма патриарха Николая Мистика, упоминания в труде Константина Багрянородного, Кембриджский документ, примыкающий к еврейско-хазарской переписке, и данные хрониста Иоанна Скилицы и др., повествовательны более скудные, специально анализируются в монографии. Между тем в позднесредневековых источниках именно за причерноморскими областями закрепляется название «Хазария».

Особое значение для исследования проблемы имеют памятники археологии — отсюда необходимость применяемого авторами междисциплинарного подхода (используются данные археологии, нумизматики, сфрагистики, эпиграфики), обработка и осмысление массового археологического материала. Первостепенным по значимости является главный археологический и исторический памятник средневекового Крыма — Херсон, которому посвящен специальный большой раздел монографии.

Большая часть затронутых в книге проблем дискуссионна: эта дискуссия представляется давно назревшей и конструктивной. Она ведется по вполне конкретным вопросам: когда появились хазары в Крыму, насколько «разорительным» было их господство, и вообще, имело ли место это господство; насколько определенно отражает исчезновение археологических памятников хазарской салтовской культуры в Крыму исчезновение самих хазар и их предполагаемой власти? Корректная постановка этих проблем, во многом осложненная тенденциозными историографическими конструкциями и даже «мифами» — особая актуальность книги. Перечисленные проблемы рассматриваются в широком геополитическом контексте средневековой Евразии.

Узловые проблемы, касающиеся геополитики — византийско-хазаро-русских отношений — характеризует затрагиваемая в книге (глава IX) история со строительством крепости Саркел. По сообщению Константина Багря-

нородного, сам хакан и военачальник «пех» — высшее руководство Хазарского каганата — обратились (в 830-е гг.) к императору Византии Феофилу с просьбой построить крепость на Дону. Архитектор Петрона был направлен через Херсон в Хазарию, наладил производство кирпича, из которого на левом берегу Дона была построена крепость Саркел. Место для строительства было выбрано не случайно: крепость должна была контролировать переход из бассейна Волги в бассейн Дона (недаром там и был прорыт Волго-Донской канал, а Цимлянское водохранилище затопило частично раскопанный в середине XX в. Саркел). На противоположном Саркелу правом берегу (возможно, также не без помощи греков) из камня была построена другая крепость — т.н. Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ). В первой трети IX в. Хазарии было от кого обороняться: в степи было неспокойно — печенеги вытесняли из Причерноморья не всегда покорных вассалов Хазарии венгров, а по рекам Восточной Европы уже двинулись вооруженные дружины русских купцов — их главной магистралью был тогда Дон.

Споры о том, против кого были направлены фортификации, не прекращаются: сдерживать степняков не могли и длинные стены, значит, главным врагом была начальная Русь¹. Однако власть над пунктами, контролировавшими перекресток магистралей (степной и речной — как считала С.А. Плетнева — Саркел располагался на ответвлении Великого шелкового пути), была притягательна для всякого завоевателя. Византия была заинтересована в стабильной ситуации в неспокойном регионе, и укрепление ею собственных позиций в Крыму — создание фемы Климатов с центром в Херсоне, где также проводится интенсивная фортификация поселений (см. в главе IX), соответствует общей тенденции укрепления границ.

Была ли Русь тем главным противником (по крайней мере, Хазарии), против которого были направлены все эти фортификационные усилия? Кажется бы, источники не дают оснований для такой гипотезы — достоверных известий о военной активности Руси в Причерноморье до 860 г. нет (если не воспринимать упомянутые напрямую агиографические сюжеты, связанные с походами на Сурож и Амастриду). Однако о дипломатической активности Руси повествуют по 839 г. Бертинские анналы: они сообщают о посольстве народа «Рос» в Константинополь к императору Феофилу. «Рос» должны были искать обратный путь в обход Восточной Европы, ибо пройденный путь преградили свирепые варвары: так они оказались при дворе франкского императора Людовика Благочестивого, благодаря чему попали на страницы Бертинских анналов. На вопрос императора о том, кто они такие, «Рос» ответили, что их государь — хакан. Франки уже расправились с аварским каганатом, и хаканом мог именоваться только правитель хазар. Это заявление послов Руси всколыхнуло целую волну национально-роман-

тических конструкций, множущихся начиная с сочинений С.А. Гедеонова. Русские не могли признавать власть хазарского кагана, ибо хазары были их соперниками в Восточной Европе. Стало быть, у них был свой каганат, возникший задолго до недостовверного призвания варягов, и т.д. и т.п. Источникам неизвестен никакой русский каганат, зато строительство Саркела проясняет историческую ситуацию с первым русским посольством: оно совпадает с «саркельским» посольством хакана и «пеха». Начальная Русь была так же заинтересована в спокойном маршруте по Дону, как и Хазария и Византия, признавая власть хазарского хакана. Редкое свидетельство торговых операций Руси на Дону содержит клад монет, обнаруженный на ПЦГ, — одна из монет несет скандинавский рунический знак².

Следующий немаловажный для славистики эпизод, специально разбираемый в книге (глава VII.2 и др.), непосредственно связан с историей Крыма: это «хазарская миссия» Константина Философа 860/861 гг. Традиционно эту миссию увязывают с геополитическими проблемами, возникшими после первого внезапного похода Руси на Константинополь в июне 860 г.: миссия достигла своей цели — каган заявил в письме императору, что готов идти «на службу» (грекам нужны были союзники против нарождающегося русского государства). Сложнее обстоит дело с конфессиональными задачами миссионеров: вопреки утверждению Жития Константина считается, что попытка христианизации хазар не удалась, напротив, после прений о вере с Константином каган и решился на принятие иудаизма как «государственной» религии (К. Цукерман). Авторы осторожно отмечают доминирующую роль иудеев при дворе кагана — для этого Константину понадобилось изучать еврейский (по т.н. Итальянской легенде — хазарский) язык в Херсоне. Житийные топосы осложняют прямолинейную историческую трактовку событий: таково, в частности, начало речи послов, просящих у кесаря Философа — толкователя веры (эти речи и последующая полемика воспринимается иногда чуть не как дипломатический «протокол», — Е.М. Верещагин).

Послы хазар признаются кесарю: «От начала знаем лишь единого бога, который (стоит) над всеми, и ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев. Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины». Они просят «книжного мужа», который «переспорил» бы евреев и сарацин³. Б.Н. Флоря в издании «Жития» отмечает книжный характер этого зачина: обычаи своего народа послы не могли назвать «постыдными», заявление об изначальном знании единого бога свойственно книжной библейской традиции (этому топосу следует и Кембриджский документ, повествующий о выборе веры у хазар), источники свидетельствуют, что до миссии Константина хазарская верхушка уже стала иудейской⁴. Конфессиональный аспект миссии Константина

сводился, очевидно, к урегулированию проблем христианского населения Хазарии, возникших после принятия хазарами иудаизма, — Константин добился у кагана освобождения пленных греков⁵.

Едва ли не самым дискутируемым в этой истории вопросом, тщательно разбираемым авторами (VIII.1; IX.1), оказывается вопрос об историчности событий, описываемых в Кембриджском документе, — походе некоего русского князя Хлгу на хазарскую Таматарху/Тматорокань, спровоцированный Романом Лакапином (920–944), ответном демарше полководца Песаха, дошедшего до Херсона, разгромившего Хлгу и подчинившего себе Русь. Совпадение имен Хлгу и Олега не дает прямых оснований переписывать русскую историю, отождествляя Хлгу с Олегом Вещим, — скандинавское по происхождению имя оставалось популярным в русском княжеском роде в домонгольские времена; стычка хазар с одним из князей, носивших это имя, не упоминается летописью. Вместе с тем, Г.Г. Литаврин подчеркивал при обсуждении этого сюжета, что с точки зрения «кочевой империи» потерпевший поражение народ становился подданным победителя. Этот взгляд позволяет понять «нестыковку» амбиций Византии (как и Руси) с одной стороны, и Хазарии — с другой. Пространная редакция письма «царя Иосифа» (960-е гг.) причисляет к подданным хазар едва ли не все пограничные со степью славянские племена (давно платящие дань Руси) и многие города Крыма⁶.

Можно присоединиться к заключению авторов книги, что приводимая эпистолярная конструкция, призванная продемонстрировать широту власти хазарского правителя (письмо Иосифа), «отражает более желаемое, нежели реальное».

Иное дело — реальность «карательного» рейда Песаха, достигающего не только Таматархи, но и Херсона⁷. Следы пожаров, фиксируемые археологами в раннесредневековых слоях крымских городов и Таматархи, провоцируют на поиски материальных соответствий Кембриджскому документу, особенно когда в слое оказываются монеты Романа Лакапина. Здесь авторы демонстрируют необходимость учитывать стратиграфический контекст — отмечается, что слои пожара содержат не только монеты Романа I (привлекается и датирующий амфорный материал): пожары не связаны с походом Песаха. Впрочем, авторы осознают, что в «нарративе» могут быть преувеличены масштабы похода, и целиком отрицать историчность рейда Песаха было бы рискованно (вспоминаются в связи с этим и мотивы «Жития Константина» о хазарском полководце, осадившем греческий город в Крыму, и враждебных венграх, пугающих своим волчьим воем).

В целом, салтовские древности отражают присутствие хазар в Крыму, во всяком случае, в VIII–IX вв., но в X в. у греков появляются новые, бо-

ее актуальные соперники и союзники (Русь, по договору 944 г., должна была защищать Корсунскую страну). Тем не менее, отмечают авторы в послесловии, и в XI в., и в позднем средневековье письменные источники используют топоним Хазария (Газария и т.п.) для обозначения причерноморских территорий. Авторы относят этот топоним к «азиатскому Боспору», области Тмутороканского княжества (хазарской Таматархи), вернувшегося под власть Византии. Нельзя не вспомнить в связи с этим общую традицию античной и средневековой географии, удерживающей на протяжении тысячелетий традиционную ономастику — и хазары и русские могли именоваться скифами (последние — тавроскифами, что порождало немало историографических мифов о власти над Крымом).

Главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН
д.и.н. В.Я. Петрухин

¹ Ср. историографический обзор: Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногогорский сборник. Выпуск 6. Воронеж 2016. С. 138–158.

² См.: Петрухин В.Я. Хазарское начало русской истории // POLYSTORIA: зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017. С. 43–85. Судьба ПЦГ драматична — крепость рушится в Цимлянское море, спасательными раскопками археологических школ, проводимыми там в последние годы при поддержке центра «Сэфер», удалось зафиксировать лишь 30 м рушащейся белокаменной стены...

³ Житие Константина VIII // Сказания о начале славянской письменности. Перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Житию вторит Итальянская легенда (Сорочан С.Б. Византийский Херсон в «Италийской легенде» // ХА. Т. 14. М., 2016. С.261). Лояльное отношение к христианам, особенно в подвластных хазарам областях, в том числе в крымской Готии, не исключало конфликтов, о чем свидетельствует восстание епископа Иоанна Готского в конце VIII в. (ср.: Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись кагана и туада из Горного Крыма // Хазары: миф и история. М.: Иерусалим, 2010. С. 90–1094. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С. 162–164).

⁶ Не случайно С.А. Плетнева в обзорной книге «Очерки хазарской археологии» объединяет в одну главу «крымские владения каганата» и «степное Приднестровье»: интерпретация памятников, отражающих присутствие там хазарской властной элиты, дискуссионна, хотя их инвентарь, включающий палаши, напоминает о летописной притче о хазарах, добившихся дани оружием, заточенным лишь с одной стороны. См. также: Петрухин В.Я. Хазарское начало русской истории... ср. о немногочисленных комплексах в Крыму: Айбабин А.И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь. 1999. С. 184–185.

⁷ Ситуацию осложняет неоднозначность прочтения хоронимов — действительно ли речь идет о Таматархе и Херсоне? (ср.: Мудрак О.А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // ХА Т. 14. М., 2016. С. 359–361).

ВВЕДЕНИЕ

История Крымского полуострова «хазарского» времени (VIII – середина X вв.) является одним из самых «популярных» периодов в крымской медиевистике. По нашим подсчетам, данной проблематике посвящено больше публикаций, в том числе и фундаментальных исследований, чем остальным этапам крымского средневековья. При этом, например, хронологический промежуток XIV–XV вв. гораздо больше обеспечен источниковедческой базой, но он, тем не менее, не привлекал к себе такого количество исследователей.

Данному феномену имеется объяснение. С одной стороны, источники, сообщающие о различных перипетиях истории Тавриды VIII – середины X вв., более многочисленны и разнообразны, чем для V – VII и второй половины X – середины XIII вв. Это византийские исторические сочинения (например, «Хронография» Феофана Исповедника, «Бревиарий» патриарха Никифора, труды Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана); агиографические произведения (Жития Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Иоанна Психайта, Феодора Студита, Константина Философа, Иосифа Гимнографа, труды Епифания Монаха и др.); произведения эпистолярного жанра (письма Феодора Студита, Патриарха Николая Мистика, Анастасия Библиотекаря); документы Пято-Шестого и Седьмого Вселенских соборов; списки епархий Константинопольского патриархата (Notitiae); латинские свидетельства (в первую очередь Итальянская легенда); хазаро-еврейские источники (Кембриджский документ и письмо хазарского правителя Иосифа); фрагменты из трудов мусульманских авторов (ал-Мас'уди, Ибн ал-Асир, Ибн Хордадбех и др.); сведения грузинских и армянских авторов (Армянское Житие Стефана Сурожского и др.).

С другой стороны, в значительной степени помогают реконструировать историю Крыма «хазарского периода» эпиграфические и сфрагистические находки (в первую очередь моливдовулы из херсонского и сугдейского архивов печатей), а также довольно многочисленные археологические материалы, полученные в результате исследований слоев VIII – середины X вв.

Херсонеса, Сугдеи, Боспора, Мангупа, Эски-кермена, Баклы, Кыз-кермена, Тепсеня и других памятников.

Особый интерес к истории Крымского полуострова рассматриваемого периода объясняется и тем, что тогда эта территория оказалась в зоне особого внимания таких знаковых для отечественной историографии культурно-исторических феноменов, как Византийская империя и Хазарский каганат. Кроме того, этот период непосредственно предшествует корсунскому походу князя Владимира, завершившегося крещением в этом городе самого древнерусского правителя и его браком с представительницей правящей династии Империи ромеев. Как следствие, Русь прочно вошла с семьей цивилизованных государств. Напомним также о «крымском эпизоде» биографии славянского просветителя Константина (Кирилла) Философа.

Вехой в изучении истории Крыма «хазарского периода» стали труды крупнейшего русского византиниста В.Г. Васильевского, посвященные Житиям Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Стефана Нового, Андрея Первозванного¹ в которых на высоком научном уровне была сформулирована концепция крымской истории VIII–X вв., ставшая основой практически для всех последующих исследователей. Идеи В.Г. Васильевского в большей или меньшей степени получили развитие и корректировку в трудах Ю.А. Кулаковского², А.Л. Бертъе-Делагарда³, А.А. Васильева⁴ и ряда других авторов. Важными для понимания исторических процессов, протекавших в средневековом Крыму, являлись капитальные труды В.В. Латышева, посвященные изучению Житий Херсонских епископов⁵ и анализу эпиграфических памятников⁶. Полезными представляются и работы И. Франко «климентовского цикла»⁷.

В советское время для изучения рассматриваемой проблемы стали активно привлекать уже накопленный и осмысленный археологический материал. Это нашло отражение в трудах Н.И. Репникова⁸, А.Л. Якобсона⁹, Е.В. Веймарна¹⁰, Д.Л. Талиса¹¹, О.И. Домбровского¹², А.И. Романчук¹³, А.В. Гадло¹⁴ и ряда других авторов.

Определенного рода итоговыми и знаковыми для этого периода стали монография И.А. Баранова¹⁵ и четвертая глава книги А.И. Айбабина¹⁶. Конечно, основные научные концепции и степень обоснованности положений этих авторов отличаются, но вместе эти труды подводят черту под советским периодом историографии.

В постсоветское время проблемы крымской истории «хазарского» времени вышли на первый план в крымской медиевистике. Это связано, во-первых, с отходом от «советской тенденциозности» в освещении истории Хазарского каганата с и возможностью исследователей свободно излагать свою точку зрения по данной проблеме; во вторых, благодаря капиталь-

ным трудам по истории Хазарского каганата П.К. Коковцова¹⁷, М.И. Артамонова¹⁸, С.А. Плетневой¹⁹, М.Г. Магомедова²⁰, А.П. Новосельцева²¹, В.Я. Петрухина²², В.С. Флерова²³, Т.М. Калининой²⁴ и др²⁵, появившейся доступности работ зарубежных авторов стало реальным попытаться определить роль Крымского полуострова в системе этого государства; в-третьих, история собственно Хазарии в последние несколько десятилетий стала популярна как в постсоветской, так и в зарубежной историографии (напомним, было проведено несколько специализированных конференций и конгрессов, хазарская секция работала при Международной ежегодной конференции по иудаике, хазарская тематика была одной из основных на различных исторических и археологических конференциях, было издано несколько объемных сборников научных трудов)²⁶; в-четвертых, с одной стороны, в последнее время был накоплен значительный археологический материал, позволивший делать относительно объективные обобщения, а с другой, был совершен прорыв в определении хронологии раннесредневековых археологических материалов, давший возможность определять относительно узкие датировки бытования вещей; в-пятых, выявление херсонского и судакского архива печатей позволило привлечь новые важные сфрагистические источники.

Рассматривая историографию последних десятилетий, отметим работы К. Цукермана²⁷, А.И. Айбабина²⁸, А.Г. Герцена²⁹, В.Е. Науменко³⁰, В.В. Майко³¹, Н.А. Алексеенко³², Е.В. Степановой³³, М.Ф. Озепи³⁴, Х.Ф. Байера³⁵, А.В. Белого³⁶, Л.Ю. Пономарева³⁷, А.А. Тортики³⁸ и др., в которых рассматриваются различные аспекты истории Крымского полуострова VIII–X вв. В.Е. Науменко³⁹ и М.А. Никифоровым⁴⁰ были защищены кандидатские диссертации.

Истории раннесредневекового Херсона⁴¹ посвящен капитальный труд С.Б. Сорочана⁴². Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов и А.К. Шапошников опубликовали три монографии, рассматривающие различные аспекты, связанные с изучением Житий Иоанна Готского, Стефана Сурожского (в соавторстве с Е.В. Степановой) и первых Херсонских епископов (в соавторстве с С.Б. Сорочаном и Т.Э. Саргсян)⁴³.

Основные вопросы, по которым разворачиваются дискуссии среди современных исследователей: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» — хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум (двоевластие); основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой археологической культуры на полуострове (именно с ней большинство современных исследователей связывает материальную культуру населения хазарского каганата).

«Слабым местом» подавляющего большинства исследований является их территориальная ограниченность. Как правило, отдельно авторы публикуют итоги своих исследований Херсона, Юго-Западного и Восточного Крыма. Или, если в работе охватывается вся территория Крыма, она анализирует лишь отдельные аспекты истории (этнические, политические и т.д.).

Настоящее исследование предназначено восполнить указанную лауну. Мы попытались представить, насколько это возможно, обобщенную картину истории Крыма VIII – первой половины X в. на основе изучения как письменных, так и археологических источников. Фактически, предлагаемая монография — свод наших более ранних исследований с учетом новейшей литературы и материалов. Хронологические рамки издания охватывают период от конца VII – начала VIII в.⁴⁴, когда хазары вышли к границам Крымского полуострова и в определенной степени стали влиять на ситуацию здесь, до середины X в. По нашему мнению, хазары были вытеснены за пределы полуострова уже к концу IX в. Однако еще столетия они были одним из серьезных политических игроков Крыма, даже не находясь здесь. С середины X в., особенно после разгрома Хазарии Святославом, влияние этого государства сводится на нет, а вскоре оно вообще прекращает существование.

По некоторым вопросам, затрагиваемым в монографии, взгляды авторов не всегда совпадают, что вполне понятно для такого пространного обобщающего исследования на дискуссионную тему. Но это не мешает нам представить в целом картину истории Крымского полуострова «хазарского» времени.

Введение, Заключение и Ч. III подготовлены Ю.М. Могаричевым. (Глава 6 и Раздел 9.1 — в соавторстве с А.В. Сазановым). Ч. I подготовлена А.В. Сазановым (Глава 2 — в соавторстве с Ю.М. Могаричевым), Ч. II — С.Б. Сорочаном.

Авторы выражают искреннюю благодарность В.Я. Петрухину за неоцененную помощь в издании настоящего труда.

¹ Васильевский В.Г. Хожение Апостола Андрея в страну мирмидоян. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1; Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2 (первое издание: ЖМНП. 1877. Ч. 191. Отд. 2; Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. (первое издание: ЖМНП. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. II); Васильевский В. Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Пд., 1915. Т. 3. (первое издание: Русско-Византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II).

² См. напр.: Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. №2; Кулаковский Ю.А. Где находились Фуллы? // ЖМНП. 1898. № 2; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. (первое издание: Киев, 1906. См также: Киев, 1914).

³ Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57 (переиздано: Бертъе-Делагард А.А. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь, 2011. Т. II).

⁴ Васильев А.А. Проблема средневекового Крыма // Новый Восток. М., 1923; Васильев А.А. Готы в Крыму Ч. 2. // ИГАИМК. М.; Л., 1927. Вып. 5; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge-Massachusetts, 1936.

⁵ Латышев В.В. Об острове св. Эферия // ЖМНП. 1899. Май; Переиздано: Понтика. СПб., 1909; Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН. СПб., 1906. Т. VIII. №3; Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. № 23; Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам. К Житиям св. епископов Херсонских. СПб., 1909; Латышев В.В. К церковной археологии Херсонеса // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909; Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49.

⁶ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. и др.

⁷ Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1903. Т. LVI; Львів, 1904. Т. LIX. Кн. III; Т. LX. Кн. IV (периздано: Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Київ, 1981. Т. 34).

⁸ Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32; Репников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. и др.

⁹ Яковсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63; Яковсон А.А. Средневековый Крым. М.; Л., 1964; Яковсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168; Яковсон А.А. Крым в средние века. М., 1973.

¹⁰ Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958; Веймарн Е.В. Пам'ятники південно-західного Криму // Археологія УССР. Київ, 1975. Т.3: Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1; Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968; Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Корабль на Каче. Симферополь, 1976; Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978.

¹¹ Талис Д.А. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. XIX; Талис Д.А. Росы в Крыму // СА. 1974. №3.

¹² Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966; Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974. и др.

¹³ Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. Свердловск, 1972. №8; Романчук А. И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Византизм и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007. Ч. 2. и др.

¹⁴ Гагло А.В. Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива // КСИА. 1968. №113; Гагло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник ЛГУ. 1968. Т. 14. Вып. 3; Гагло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. №1; Гагло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII–IX вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971; Гагло А. В. Этниче-

ская история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

¹⁵ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

¹⁶ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 171–224.

¹⁷ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.

¹⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962 (переиздано: СПб., 2001).

¹⁹ Плетнева С.А. Хазары. М., 1986; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 1999 и др.

²⁰ Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.

²¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990

²² Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995; Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998. М., 2000; Петрухин В.Я. «Русь и вся языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011; Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; Петрухин В.Я, Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998; Петрухин В., Флеров В. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим; М., 2010.

²³ См. напр: Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.

²⁴ См. напр.: Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015; Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014.

²⁵ См. обзор историографии: Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.

²⁶ Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16: Хазары: Миф и история. Иерусалим; М., 2010; La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006; The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies. Leiden; Boston, 2007. и др.

²⁷ Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблема хронологии // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. Вып. 6; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI; Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX; Цукерман К. Про дату навернения хозар до иудаизму й хронологию князювання Олега та Ігоря // Ruthenica. Киев, 2003. Вип. II; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI; Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and

Igor // Revue des Etudes Byzantines. Paris, 1995. Т. 53; Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and modern Greek studies. 1997. V. 21; Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.

²⁸ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII; Айбабин А.И. Степь и Юго-западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. Археология. М., 2003; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2; Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI; Айбабин А.И. К вопросу о византийско-хазарском condominiumе в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013; Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Симферополь, 2013. Вып. XVIII; Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском condominiumе в Крыму // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

²⁹ Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002; Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // ХА. Харьков, 2002. Т. 1; Герцен А.Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34; Герцен А.Г. Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало XI вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI; Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // Империя и полис. Материалы научной конференции. VII. Севастополь, 2015.

³⁰ Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности. 1996. Харьков, 1997; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI; Науменко В.Е. Церковная география Тавриков VII–IX вв. по данным Notitiae episcopatum. Крымский архив. Симферополь, 1999. №5; Науменко В. Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12; Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. съездовских чтений. Екатеринбург, 2003; Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. 10; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum) // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34; Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36; Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // ХА. Киев; Харьков; М., 2004. Т. 2; Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. Киев; Харьков, 2004. Т. 3; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Нике и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // Sacrum et profanum. Севастополь, 2005. Вып. I; Науменко В.Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX века // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16; Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ.

Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVI; Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики Х в.: русско-византийский конфликт 935 – 941 гг. и так называемый «поход Песаха» // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

³¹ Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині Х ст. // Археологія. №2.1999; Майко В.В. Хазаро-руско-византийские отношения в середине Х в. и Крымская Хазария. // Stratum № 5. СПб.; Кишинев; Одесса, 2000; Майко В.В. О локализации Фула и Фульської епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004; Майко В.В. Проблема салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // ХА. Киев; Харьков, 2005. Т. 4; Майко В.В. Кембриджский Аноним: 100 лет изучения источника // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине Х–ХІІ вв. Киев, 2014; Майко В.В. Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. И др.

³² Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине Х века // Х.Сб. Севастополь, 1998. Вып. IX; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002; Алексеенко Н.А. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати Киров // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX; Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культа. Sacrum et profanum. Севастополь, 2007. Вып. III; Алексеенко Н.А. Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012; Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Х.Сб. Севастополь, 2012. Вып. XVII.

³³ Степанова Е.В. Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32; Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II; Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2; Степанова Е.В., Шандровская В.С. Еще раз о Судакском архиве печатей // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35. и др.

³⁴ Auzépy M.-F. Gothie et Crime de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII; Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHГ 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.

³⁵ Байер У. Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

³⁶ Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка №2. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993; Белый А.В. Вопрос о локализации Фула в связи с неясным свидетельством Менаандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 1; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3; Белый А.В. Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

³⁷ Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II; Пономарев А.Ю. О населении Керченского полуострова

во второй половине Х–ХІІІ вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. II; Пономарев А.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. III; Пономарев А.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Симферополь; Керчь. 2004. Вып. V; Пономарев А.Ю. Салтовская полуземлянка на городище Тиритака // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII; Пономарев А.Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.) // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины Х вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М., 2008; Пономарев А.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь; Керчь. 2009. Вып. XXI; Пономарев А.Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т. 9; Пономарев А.Ю. О разведках и раскопках Д.А. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. Симферополь; Керчь, 2012. Вып. XXVI; Пономарев А.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновский збірник. Харків; Софія, 2012. Т.5; Пономарев А.Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V; Пономарев А.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятстенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Річник: збірник статей к 60-літтю проф. С.Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники) // Таврійські студії. Історичні науки. Симферополь, 2013. № 1 (4); Пономарев А.Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины Х в. южной части Керченского полуострова // БИ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXV; Пономарев А.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие горшки раннесредневековых поселений Керченского полуострова // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк, 2014; Пономарев А.Ю. Однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // ХА. М., 2015. Т. 13; Пономарев А.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Т. III; Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. IX; Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М., 2008; Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–Х вв. Симферополь; Керчь, 2009. Т. I; Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXVIII; Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. № 7. Симферополь, 2015; Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2015. Вып. 3(49); Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Жилищные и хо-

зайственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // ДБ. М., 2015. Т. 19; Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989 – 2010 гг.). // ХА. М., 2014. Т. 14; Бейлин Л.В., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009 – 2010 гг.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Т. II. И др.

³⁸ Тортика А.А. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2005; Тортика А. А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XI; Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в). Харьков, 2006; Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногорский сборник. Воронеж, 2016. Вып. 6.

³⁹ Науменко В.Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2004.

⁴⁰ Нікіфоров М.А. Візантійські володіння у гірському Криму у першій половині IX на початку XIII ст. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2013.

⁴¹ С 2016 г. официальное название музея-заповедника, в который входит Херсонесское городище, — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический» (ФГБУК «ГИ-АМЗХТ»). До 2016 г. — Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (ГИАМЗХТ).

⁴² Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1,2. (переиздано: Харьков; М., 2013. Ч. 1–3).

⁴³ Могаричев Ю. М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1.

⁴⁴ Естественно, для обоснования наших выводов, и понимая, что корни многих процессов, протекавших в Крыму в VIII–IX вв., лежат в истории полуострова VI–VII вв., мы в отдельных моментах обращаем внимание и на этот период.

Часть I. КРЫМ В VIII – СЕРЕДИНЕ X ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Глава 1. Археологические комплексы Крыма второй половины VII – первой половины VIII в.

Данная глава посвящена анализу археологических контекстов Крыма второй половины VII – первой половины VIII в. Частично этот анализ уже публиковался в нескольких работах. Однако в последнее время появились новые исследования, в которых используются рассматриваемые нами ранее материалы, а также выявлены в ряде случаев новые, не учтенные нами контексты. Кроме того, за прошедшее время несколько изменилась хронология амфор и краснолаковой посуды ранневизантийского времени. Несколько по-иному видится и типология.

Указанные обстоятельства делают необходимым новое обращение к этим материалам.

1.1. Поселения

Контексты второй половины VII – первой половины VIII в. обнаружены в Херсонесе, Керчи, Суддее, Тау-Кипчаке и, видимо, Партенитах.

Херсонес

Проблемами выделения контекстов Херсонеса VII в. занимались А.И. Романчук¹, А.В.Сазанов², Л.А.Голофаст³, А.И.Айбабин⁴. Нас интересуют комплексы, отнесенные исследователями к середине – второй половине VII в. А.И. Романчук и А.В. Сазанов отнесли к ним слой разрушения хо-

зяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района⁵, Л.А. Голофаст — слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района (комплекс 22), заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района (комплекс 23), заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района (комплекс 24), заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района (комплекс 25), засыпь подвала в соседнем с цистерной помещении 6–7 а квартала VIII Северного района (контекст 26)⁶.

По мнению А.И. Айбабина, в VII в. завершилось формирование раннесредневекового архитектурного облика Херсона. Как полагает исследователь, учитывая зафиксированную Г.Д. Беловым стратиграфию (яма и печь, связанные со строительством базилики, впущены в слой с монетой 641–668 гг.) возведение базилики 1932 г. следует датировать не ранее периода Константа II 641–668 гг. В Северном районе в кварталах не ранее середины VII в. возвели новые дома и засыпали цистерны. В квартале XV из засыпи цистерны извлекли монету Ираклия или Константа II. Не ранее середины VII в. построили Восточную базилику. Дата, как подчеркивает А.И. Айбабин, основана на керамике из заполнения засыпанного в I квартале колодца. Вероятно, тогда же соорудили четырехапсидный храм. Остатки усадеб VII в. расчищены в Портовом районе. В кладовой одной из них в результате пожара возник слой керамики с монетой Константа II. А.И. Айбабин считает, что в слое наиболее поздними являлись имитации амфор, подобных встреченным в Константинополе в слое второй половины VII в.⁷

Положение А.И. Айбабина о возведении базилик 1932 г. и Восточной не ранее середины VIII в. ошибочно и не подтверждается ничем. Колодец перед Восточной базиликой был засыпан не в середине VII в., а в конце VI в. Четырехапсидный храм сооружен не в VII в., а во второй, возможно, третьей четверти VI в. и. т.д.⁸ В целом представления А.И. Айбабина о хронологии херсонесских комплексов далеки от реальности.

Список Л.А. Голофаст, в отличие от данных А.И. Айбабина, в целом надежен. Исключение составляет лишь комплекс 26 (засыпь подвала в соседнем с цистерной помещении 6–7 квартала VIII Северного района), на хронологии которого кратко остановимся⁹. Из него происходят амфоры LRA 4 конца VI–VII вв.¹⁰, LRA 5 конца VI – начала VIII в.¹¹, LRA 1 B 1 VI – середины VII в.¹², D Snr II по Д. Кассаб-Терзгор второй четверти VI – середины VII в.¹³, АДСВ типа 5 конца VI–VII вв.¹⁴. Краснолаковые миски представлены формами ARSW 107 конца VI – середины VII в.¹⁵, ARSW 99 C 560/580 – VII в.¹⁶, ARSW 93/97 similis (имитация) второй четверти VI – первой половины VII в.¹⁷, LRC 10 B 580-х гг. – первой четверти VII в.¹⁸, клеймом мотива

66 третьей хронологической группы конца V/начала VI – 580 х гг.¹⁹. Перечисленный материал не дает оснований для синхронизации с комплексом 25. Комплекс 26 выглядит явно более ранним и не содержит безусловных материалов позже первой четверти VII в. Скорее всего, он относится к этому времени, но не позже.

Таким образом, более или менее надежными контекстами, образование которых может быть отнесено примерно к середине VII в., могут считаться:

- слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района;
- заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г.;
- заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района городища. Раскопки Г.Д. Белова 1940 г.;
- заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района.

1. Херсонес. Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины

Источниками для реконструкции комплекса слоя 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 гг., являются первичная публикация А.И. Романчук²⁰, описание и рисунки сохранившихся в фондах Херсонесского музея материалов, опубликованные Л.А. Голофаст²¹, а также рисунки сосудов из архивов А.И. Романчук, использованные А.В. Сазановым в трех публикациях²².

Суммируя все эти данные и, по возможности, исключая повторяющиеся в этих публикациях рисунки одних и тех же вещей²³, получаем следующую картину.

В комплексе были обнаружены фрагменты черепицы, амфоры, пифос, краснолаковая керамика, кухонная посуда, ампулы.

Амфоры

На рисунках в статьях А.И. Романчук и Л.А. Голофаст фигурируют амфоры LRA 1, LRA13, LRA 8 или типа самосской цистерны, коричневоглиняные с перехватом, Scorpan 9=Hayes 11. Кроме того, у Л.А. Голофаст в таблице взаимовстречаемости основных групп археологического материала в комплексах второй половины VII в. фигурируют амфоры LRA 4, LRA 5, «Carotte», TRC 4 и АДСВ тип 5²⁴. В статистике А.И. Романчук в состав комплекса входили типы I, III, IV, VI, VIII–IX, XII по старой херсонесской классификации, соответствующие коричневоглиняным амфорам «с перехватом»=ScorpanXV, LRA 5, LRA 4, TRC 4, LRA 1, LRA 13²⁵. Сопоставление этих данных позволяет с достаточно высокой степенью уверенности

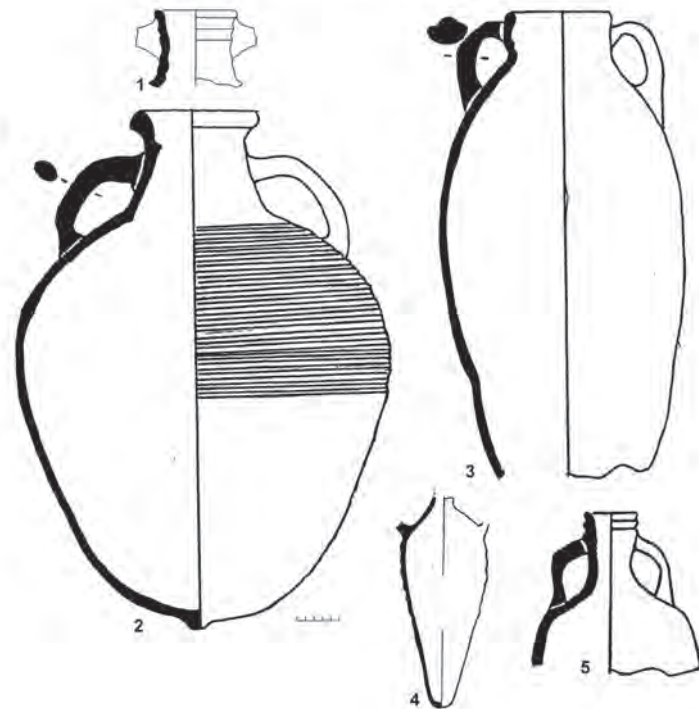
предположить, что Л.А. Голофаст ориентировалась на таблицу со статистическими данными из статьи А.И. Романчук.

Учет всех этих данных позволяет с большей или меньшей степенью надежности говорить о следующих типах амфор, обнаруженных в рассматриваемом контексте:

	Тип	Публикации	Количество по статистике А.И.Романчук (фрагменты с учетом стенок)	Количество по рисункам в публикации Л.А.Голофаст
1	LRA 1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 22,1	279	1
2	Aegean Globular amphorae («LRA 13»).	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 10,1	98	
3	LRA 8=тип самосской цистерны	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 2	1 – почти целая амфора	
4	Scorpan 9=Hayes 11	Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса Рис. 4 в, крайняя левая	1– почти целая амфора	
5	Scorpan XV=коричневоглиняные с перехватом	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 3	9	
6	TRC 4		188	
7	LRA 4 (непрофильные фрагменты, подсчитанные вместе с LRA 5.Скорее всего, LRA 4, т.к. LRA 5 гораздо менее представлен в контекстах Херсонеса)		52	

По всем изученным материалам какую-либо достоверную статистику предложить сложно. Вызываем сомнение отсутствие круглодонных амфор типа 5 по АДСВ. Видимо, они были помещены в тип TRC 4.

LRA 1(Рис. 1.1, 1). Горло LRA 1 относится к типу LRA 1 В 1 по Доминику Пиери или типу VIII по типологии кораблекрушения в Язи-Ада ван Альфена²⁶, которые датируются в пределах VI – середины VII в. Верхнюю дату в районе второй четверти VII в. показывают комплексы Марселя²⁷. Таким образом, по всей видимости, амфору LRA 1 из рассматриваемого херсонесского контекста можно отнести к VI – середине VII в.

Рис. 1.1. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Амфоры: 1 — LRA 1, 2 — Эгейская глобулярная амфора (LRA 13), 3 — LRA 8, 4 — Scorpan 9=Hayes 11, 5 — Scorpan XV. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

LRA 13(эгейские глобулярные амфоры) (Рис. 1.1,2). В целом тип датируется второй половиной VI–VII в.²⁸. Близкие формы, однако, с зональным рифлением, происходят из контекстов Коса²⁹. Другие близкие формы обнаружены в контексте Язи-Ада 640-х гг.³⁰

LRA 8. (Рис. 1.1, 3). Одна почти целая амфора (без ножки) может быть отнесена к группе амфор типа самосской цистерны³¹ или LRA 8 по Д. Пьеру³². С точки зрения хронологии, если рассматривать этот большой класс как один, то контексты позволяют его датировать временем от примерно последней трети V в. до третьей четверти VII в.³³. Обычно встречается датировка VI–VII вв.³⁴ А. Ремола определяет дату этих амфор от конца V до третьей четверти VII в., что практически совпадает с предложенной нами ранее³⁵. Из не учтенных в наших предшествовавших публикациях амфор этого класса из Причерноморья типа добавим находку в сводах Драндского храма 580-х гг.³⁶ Кроме того, в последнее время благодаря работам П. Рейнолдса выяснилось, что этот класс амфор выпускался в нескольких центрах, которые, видимо, включали не только Самос, но и Эфес, а также Икарию³⁷. Модуль амфор оставался прежним, однако существенные морфологические отличия проявляются в форме корпуса и ножки. Наш вариант ближе всего к амфоре, имеющей общую датировку в пределах VI–VII вв.³⁸ В любом случае, вне сомнений, продолжение существования этих амфор, по крайней мере, в середине-третьей четверти VII в.³⁹

Scorpan 9=Hayes 11 (Рис. 1.1, 4). Обнаруженная в комплексе амфора изготовлена из плотной глины красно-кирпичного оттенка со включениями мелких зерен известняка и шамота, относится к типу 9 по типологии К. Скорпана, соответствующему типу 11 по типологии Дж. Хейса амфор из константинопольского квартала Сарачане. В первичной публикации А.И. Романчук она была сопоставлена с ранневизантийскими амфорисками из того же комплекса и ошибочно атрибутирована как амфориск 1. Исследовательницу не смутило наличие двух ручек у рассматриваемого сосуда и его большой размер⁴⁰. Описание глины и морфология полностью соответствуют амфорам типа 9 по типологии К.Скорпана или 11 по Дж.Хейсу.

Эти амфоры встречаются в комплексах от 570–580 гг. до конца VI – середины VII в.⁴¹, что и определяет их дату.

ScorpanXV. (Рис. 1.1, 5). Одно горло относится к известным в Причерноморье т.н. коричневоглиняным амфорам с перехватом⁴². Верхняя дата этого типа укладывается в VII в.⁴³.

TRC 4. Рисунки этих амфор из комплекса не приведены в публикации А.И. Романчук. Соответствующий тип т. н. первой херсонесской классификации упомянут в статистических таблицах статьи. Все, что при такой ситуации остается, — датировка по типу в целом. Как показал проведенный нами анализ контекстов с амфорами критского производства TRC 4, этот тип в целом можно датировать концом V–VII в.⁴⁴

LRA 4. Ситуация с рисунками здесь та же самая, что и в предыдущем случае. Можно предположить, что речь идет о поздних типах амфор Газы,

соответствующих форме 4 по классификации польского исследователя Грегора Махерека, датирующей концом VI–VII вв.⁴⁵

Краснолаковая керамика

Краснолаковая керамика представлена группами Late Roman C, African red slip wares, Late Roman D и понтийскими сосудами, а также сосудами, имитирующими северо-африканские формы.

С точки зрения хронологии комплекс краснолаковой керамики распадается на следующие хронологические группы:

Хронологическая группа	количество	%	формы	Публикация
IV – первая половина V вв.	5	18,5	PRSW 1, Чашки, ARSW 61 A	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66,2-4, 11, 12
Середина V – первая половина VI в.	3	11,1	PRSW 7, LRC 3 B/C, LRC 3 C	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66, 6, 17; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 8
Середина VI – середина VII в.	17	70,4	LRC 3 F, LRC 3 G, LRC 10 A, имитации ARCW 93-97, ARSW 99, ARSW 105, Late RomanD 9 C	Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975. Рис. 5, а; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 15; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique .Fig. 10, 4, 7, 9–14
Всего	27			

Как видно из таблицы, краснолаковая керамика, обнаруженная в рассматриваемом контексте, делится на три хронологические группы. Первую составляют сосуды, датирующиеся в пределах IV – первой половины V в. К ним относятся форма PRSW 1, чашки и ARSW 61 A. (Рис. 1. 3, 6-10) Форма PRSW 1 датируется IV – началом V в.⁴⁶, чашка — IVв.⁴⁷, ARSW 61 A–324–400 гг.⁴⁸

Вторую хронологическую группу составляют краснолаковые сосуды, относящиеся к середине V – первой половине VI в.: PRSW 7, LRC 3 B/C, LRC 3 C (Рис. 1.3, 11–13). Краснолаковые миски PRSW 7 имитируют LRD 2 и, видимо, им синхронны. Их дата укладывается в период от середины V до начала второй четверти VI в.⁴⁹ Миски переходного типа LRC 3 B/C по аналогии с сосудом из контекста Афинской Агоры конца IV – середины V в., могут быть датированы тем же временем, т.е., по Дж.Хейсу, серединой второй половиной V в.⁵⁰ Наконец, сосуд формы LRC 3 C находит аналогии в контекстах Афин третьей четверти V в., Константинополя 524–525 гг., Бейрута 450–500 гг., что позволяет его датировать второй половиной V – первой третью VI в. Скорее речь должна идти о 450–500 гг., что соответствует дате П. Рейнолдса⁵¹.

Наконец, третью и самую многочисленную группу составляют сосуды, относящиеся к середине VI – середине VII в. (Рис. 1.2; Рис. 1.3, 1–5). Они распределяются следующим образом:

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C	12	70,6
2	Late Roman D	1	5,8
3	African red slip wares	2	11,6
4	Имитации ARSW 93/97	3	17,6
Всего		17	

Late Roman C.

Как видно из таблицы, абсолютно преобладает группа LRC. Распределение ее по формам следующее:

	формы LRC	количество	%
1	LRC 3	11	91,7
2	LRC 10	1	8,3
	Всего	12	

Абсолютно доминирует форма LRC 3. Распределение ее по типам следующее:

	Типы LRC 3	количество	%
1	LRC 3 F	7	58,3
2	LRC 3 G	4	33,3
3	LRC 3 F/G (клеймо)	1	8,4
	Всего	12	

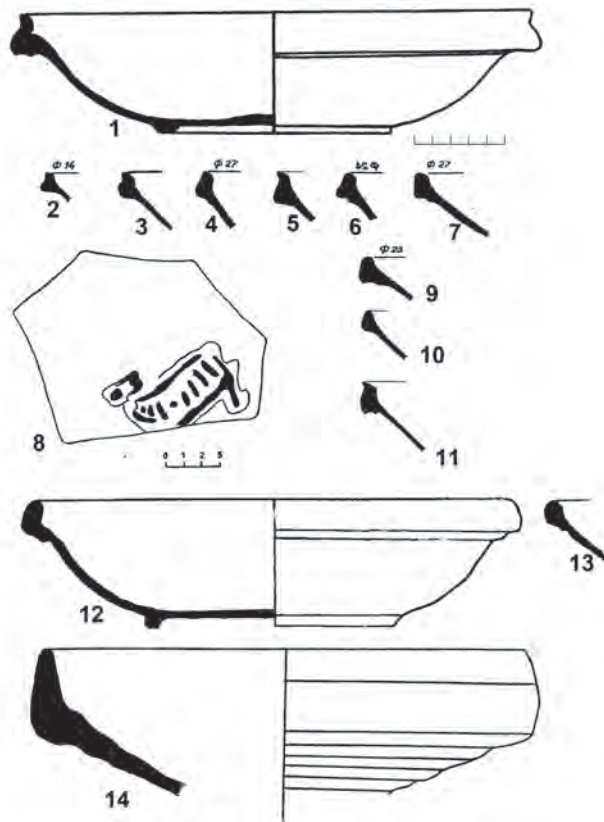
Целая миска LRC 3 F (Рис. 1.2,1) находит параллели в контекстах второй четверти VI в., 570–580 г. и конца VI в.⁵² Второй венчик (Рис. 1.2,2) имеет аналогии с краснолаковыми сосудами из комплексов Афинской Агоры второй четверти – середины VI в., Константинополя 526–527 гг., Ильичевки третьей четверти VI в., Херсонеса конца VI в.⁵³ Параллели третьему венчику (Рис. 1.2,3) встречены в контекстах второй четверти VI – конца VI/начала VII в. в Афинской Агоры, Токры и Ильичевки⁵⁴. Четвертый венчик (Рис. 1.2,4) находит аналогии с сосудами из контекстов Константинополя 524–525 гг., Афинской Агоры 525–550 гг., Бейрута 551 г., Ильичевки 570–580 гг., Агия Галены на Крите 650–670 гг.⁵⁵ Пятый венчик (Рис. 1.2,5) аналогичен сосудам из контекстов Бейрута конца V в., Афинской Агоры 525–550 гг., Ильичевки третьей четверти VI в., Токры примерно 600 г. и середины VII в. (перемещенный фрагмент из слоя примерно 600 г.)⁵⁶. Параллели шестому венчику (Рис. 1.2,6) обнаружены в контекстах Афинской Агоры 525–550 гг., Бейрута 551 г., Ильичевки 570–580 гг., Токры, видимо, конца VI в.⁵⁷ Аналогии седьмому венчику (Рис. 1.2,7) происходят из контекстов Афинской Агоры примерно 500 г., Бейрута, видимо, 530–540 гг., 570–580 гг. поселения Зеленый мыс в Восточном Крыму и Ильичевки, Херсонеса конца VI в.⁵⁸ Как мы видим, даты обнаруженных в нашем комплексе краснолаковых мисок Late Roman C form 3 type F укладываются, в основном, во вторую четверть – конец VI в.

Четыре венчика относятся к типу LRC 3 G (Рис. 1.2,9–12).

Первый венчик (Рис.1.2,9) находит параллели в контексте Бейрута, предположительно, 551 г. и Херсонеса конца VI в.⁵⁹ Аналогии второму венчику (Рис. 1.2,10) также обнаружены в контекстах Бейрута, предположительно 551 г., Ильичевки 570–580 гг. и Херсонеса конца VI в.⁶⁰ Параллели третьему венчику (Рис. 1.2,11) происходят из слоя 3 Токры, относящегося примерно к 600 г., и синхронного слоя поселения Зеленый Мыс в Восточном Крыму⁶¹. Наконец, зафиксированный на рисунке в статье А.И. Романчук целый сосуд (Рис. 1.2,12)⁶² имеет аналогии в контекстах Бейрута, предположительно, 551 г. и Херсонеса конца VI в.⁶³ Приведенные даты в определенной степени совпадают с точкой зрения П. Рейнольдса, согласно которой сам тип LRC 3 G можно датировать примерно 525–575 гг., с выраженным акцентом производства на середине VI в. Так или иначе обнаруженные в нашем комплексе сосуды типа LRC 3 G можно относить ко второй половине VI в.

Обнаруженное клеймо на донце краснолакового сосуда неясное (Рис. 1.2,8), поэтому точному отождествлению с конкретным мотивом по классификации Дж. Хейса не подлежит. Можно лишь говорить, что речь идет об изображении животного с повернутой головой, относящемся к

третьей хронологической группе Дж. Хейса, имеющей общую датировку 470–580 гг.⁶⁴ Отметим также, что в нашем случае речь может идти о деградированном клейме, скорее всего, связанном с типом LRC 3.

Рис. 1. 2. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Краснолаковая керамика: 1–7 — LRC 3 F, 8 — клеймо на донце краснолакового сосуда, 9–12 — LRC 3 G, 13 — LRC 10 A/B, 14 — Late Roman D» форма 9 C. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

Один венчик относится к группе **LRC 10 A/B**⁶⁵ (Рис. 1.2 ,13). Сосуды этой группы с аналогичными венчиками происходят из контекстов Бейрута начала VII в. и Херсонеса конца VI – первой четверти VII в.⁶⁶ В целом же, появление LRC 10 A, по всей видимости, следует относить к примерно 575 г., когда эта форма сменяет LRC 3 G⁶⁷. Таким образом, дата обнаружен-

ного в нашем комплексе венчика укладывается в 575 г. – первую четверть VII в. Скорее всего речь должна идти о рубеже VI–VII вв.

Late Roman D

Один венчик принадлежит к группе «**Late Roman D**» **форме 9 C** (Рис. 1.2, 14). По классификации 1981 г. этот тип датирован 580/600 – концом VII в. (повторение датировки Дж. Хейса 1972 г.)⁶⁸. Ближайшими аналогиями являются миски из контекстов Бейрута конца VI – начала VII в. и Гадара середины VII в.⁶⁹ Правда, в последнем случае Ламия Эль-Хури атрибутирует аналогичную миску как LRD 10. Однако ее морфология явно не соответствует указанной форме Дж. Хейса. Принадлежность к форме LRD 9 C подтверждает корректная ссылка исследовательницы на приведенные выше работы Пола Рейнолдса, где эти сосуды справедливо отнесены именно к LRD 9 C. Отметим также, что группа LRD, первоначально рассматриваемая как производившаяся исключительно на Кипре, в реальности имеет более широкий ареал производства, включающий в том числе южную Малую Азию, что размывает сложившуюся в историографии картину⁷⁰.

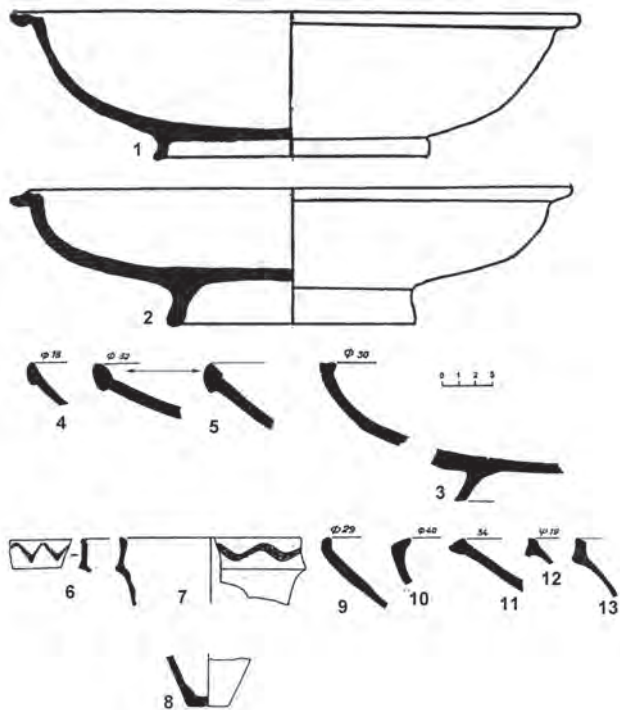
Имитации африканских форм

Следующую группы краснолаковой посуды составляют **имитации африканских форм** (Рис. 1.3, 1–3). К. Домжалский именует их «Late Roman Pontic Burnished Ware» (LRPB), при этом предполагает их производство в северо-восточной части Малой Азии и датирует в пределах второй четверти – конца VI в. с возможным бытованием в первых десятилетиях VII в.⁷¹. Сразу отметим, что на настоящий момент не существует никаких доказательств, указывающих на производство этих сосудов в Причерноморье и северо-восточной части Малой Азии. Аргументация такого названия просто отсутствует. Поэтому наименование «Понтийский» в этом, как и других случаях, предложенных К. Домжалским, по меньшей мере, преждевременно и может ввести в заблуждение исследователей, если в результате аналитики выяснится иное место их производства. Строить на этом весьма шатком основании концепцию «понтийского производства» краснолаковой керамики вряд ли стоит. На наш взгляд, важнее на данном этапе исследовать другое обстоятельство. Эти сосуды имитируют африканские формы 93–97, от которых они, видимо, и происходят. Эта особенность позволяет, на наш взгляд, более корректно определять их как имитации африканских форм без уточнения места производства. Такое определение, во-первых, соответствует действительности, а во-вторых, достаточно гибко. По известной аналогии с амфорами LRA 1, производившихся, как оказалось, во многих центрах (отсюда название LRA 1 *similis*), можно предложить условное наименование этой группы «**ARSW 93-95/97 *similis***» или, в русском варианте, «**имитации африканских форм**».

Две миски имитируют африканские формы 93/95. (Рис. 1.3, 1, 2). Они, имея общую дату, видимо, в пределах второй четверти VI – первой четверти VII в.? находят параллели в контекстах Ильичевки 570–580 гг., Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁷²

Третья миска (Рис. 1.3, 3), видимо, имитирует форму **Carthage 6**. Аналогии известны в контекстах Ильичевки 570–580 гг., Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁷³

Рис. 1. 3. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Краснолаковая керамика: 1, 2 — имитации африканских форм ARSW 93-95/97 или «ARSW 93-95/97 similis», 3 — имитация формы Carthage 6, 4 — ARSW 99 C, 5 — ARSW 105, 6–8 — чашки, 9–PRSW 10, 10–ARSW 61 A, 11–PRSW 7, 12–LRC 3 B/C, 13–LRC 3 C. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

African red slip wares

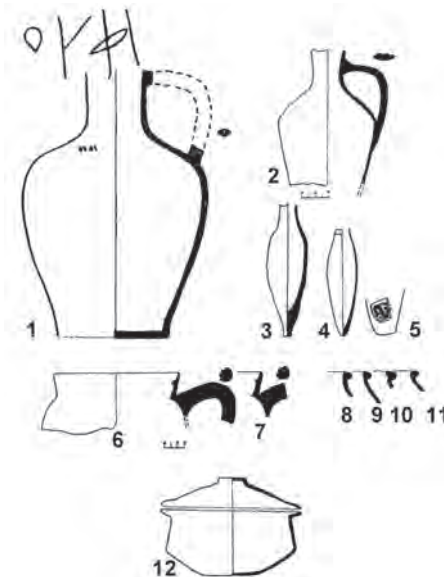
Группа «African red slip wares» представлена формами 99C и 105 (Рис. 1.3, 3, 4). Венчик миски **ARSW формы 99 C** (Рис. 1.3, 4), обычно дати-

рующийся 560/580–620 гг., находит аналогии в контекстах Бейрута конца VI в., Афинской Агоры конца VI – начала VII в., Херсонеса и Коринфа конца VI в.⁷⁴ Другой венчик принадлежит к **ARSW 105** (Рис. 1. 3, 5), общая дата которой 580–675 гг.⁷⁵ Параллели ему происходят из контекстов Афинской Агоры VII в., Бейрута начала VII в., Херсонеса конца VI в., Коринфа конца VI в. и середины третьей четверти VI в.⁷⁶ В последнем случае нельзя исключать «примесь снизу».

Амфориски

Амфориски, или поздние римские унгентарии, правильнее называть ампулами (ampullae) (Рис. 1.4, 3–5). Они составляют один из важных и принципиальных компонентов паломнического комплекса. По новейшей типологии ампул, обнаруженные в рассматриваемом комплексе сосуды относят к группе **Early Christian Ampulla**, или, сокращенно, ЕСА⁷⁷. Одна ампула с клеймом у основания относится ко второй группе, выделенной Л.А. Голофаст. Первоначально общая дата этой группы определялась хронологией, предложенной Дж. Хейсом, от конца V до 650 гг.⁷⁸ Верхняя дата остается справедливой и сегодня. Сложнее с нижней. Исследователи полагают, что эти ампулы производились в Кесарии Кибиря с начала V до середины VII в.⁷⁹ Добавим аналогии VI в. из раскопок Афинской Агоры, недавно опубликованные Дж.Хейсом⁸⁰.

Вторая ампула соответствует первой группе Л.А.Голофаст, контексты также указывают на VI в.⁸¹

Рис. 1. 4. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Простая гончарная, кухонная посуда и ампулы: 1, 2 — простая гончарная, 3–5 — ампулы, 6, 7 — кастрюли Com-Medit 23 (CATHMA 23), 8–12 — кухонная посуда. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975

Кухонная керамика

Из кухонной керамики важным является наличие двух венчиков эгейских кастрюль (Рис. 1.4, 6, 7). Эти сосуды относятся к типу **COM-MEDIT 23 (CATHMA 23)**, которые первоначально датируются К. Рэйно 580/750 гг.⁸²

Дж. Хейс датировал эту форму в Константинополе VII – первой половиной VIII в. Ж.-К.Трелиа недавно предложил относить эту форму ко второй половине VII – первой половине VIII в. Эта новая датировка была обоснована им находками в датированных контекстах Сарачан в Константинополе⁸³, Язи-Ада⁸⁴, Александрии⁸⁵, Муригиоля⁸⁶, Гортины⁸⁷, Карфагена⁸⁸, Неаполя⁸⁹, крипты Бальби в Риме⁹⁰, Таррагоне⁹¹. Проведенные анализы кухонных сосудов этой формы, относящихся к типу Reynolds 1993, Pl. 65 n° 760, показали место их производства в районе Константинополя и побережья Мраморного моря.

Монеты

Наконец, в рассматриваемом комплексе были обнаружены монеты **Юсти-ниана I (527–565 гг.) и Константа II (641–668 гг.)**⁹².

Учитывая то, что монеты дают «terminus post quem», необходимо точнее определить дату комплекса. С точки зрения хронологии, датирующие контекст материалы распределяются следующим образом:

Датировка	количество	Датирующие вещи
VI – середина VII в.	1	Амфора LRA 1
Вторая половина VI–VII вв.	1	Амфора LRA 13
VI–третья четверть VII в.	1	Амфора LRA 8
570/580–конец VI/середина VII в.	1	Амфора Scorpan 9=Hayes 11
VI–VII вв.	1	Амфора с перехватом ScorpanXV; амфоры LRA 4
Конец V–VII в.		Амфоры TRC 4
Вторая четверть – конец VI в.	7	Краснолаковые миски LRC 3 F
Вторая половина VI в.	4	Краснолаковые миски LRC 3 G
575 г.–первая четверть VII в.	1	Краснолаковая миска LRC 3 10 A/B
Конец VI – середина VII в.	1	Краснолаковая миска LRD 9 C
Вторая четверть VI – первая четверть VII в.	2	Краснолаковые миски, имитирующие ARSW 93/95
570/580 – первая четверть VII в.	1	Краснолаковая миска, имитирующая форму Carthage 6
560/580–620 гг.	1	Краснолаковая миска ARSW 99 C
Конец VI – середина/третья четверть VII в.	1	Краснолаковая миска ARSW 105
VI – середина VII (?) в.	1	Ампула первой группы
V – середина VII в.	1	Ампула второй группы
Вторая половина VII – первая половина VIII в.	1	Кухонная кастрюля CATHMA 23

Эти данные можно сгруппировать в следующие группы:

- V – середина VII в., конец V–VII в., VI–VII вв., VI – середина VII в., VI – третья четверть VII в.
- Вторая половина VI – VII вв.
- 570/580 – конец VI/середина VII в., конец VI – середина VII в., конец VI – середина/третья четверть VII в.
- Вторая четверть – конец VI в., вторая половина VI в., вторая четверть VI – первая четверть VII в.
- 575 г. – первая четверть VII в., 570/580 – первая четверть VII в., 560/580–620 гг.
- Вторая половина VII – первая половина VIII в.

Первые две группы имеют широкие датировки. Группа «в» может датироваться концом VI – серединой VII в., группа «г» – второй половиной VI в., группа «д» – 570/580 гг. – первой четвертью VII в., группа «е» – второй половиной VII – первой половиной VIII в. Это указывает, скорее всего, на время существования рассматриваемого комплекса со второй половины VI в. до, примерно, середины VII в. Т.е. монеты 641–668 гг., видимо, соответствуют времени гибели постройки, результатом которой стало образование рассматриваемого контекста. Монеты хорошо увязываются с датой самой поздней вещи – кастрюли CATHMA 23, что позволяет датировать время гибели помещения примерно, 650–670 гг.

2. Херсонес. Заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г.

Соответствует комплексу 23 по публикации Л.А. Голофаст. Исследователницей были атрибутированы амфоры: типов 5 по АДСВ, «Carotte», Зеест 99 а (TRC 4). Краснолаковая керамика из этого комплекса была отнесена Л.А.Голофаст к формам ARSW 62 В (PRSW 1), блюдам на высоком поддоне, LRC 3 F, G, LRC 9, LRC 10 А, чашкообразным сосудам. Отмечены также амфориски. Изделия из стекла представлены фрагментами рюмок и лампы⁹³.

Рассмотрим опубликованные Л.А.Голофаст материалы.

С точки зрения хронологии самыми ранними являются краснолаковая чашка и ножка амфоры типа LR 3.

Верхняя граница таких чашек, как мы уже отмечали, приходится на IV в.⁹⁴. Аналогии к ножке амфоры LR 3 позволяют ее относить к периоду от конца IV до второй четверти VI в.⁹⁵. Данные фрагменты, взятые вместе, составляют группу, скорее всего, второй половины – конца IV в. и являются несомненной «примесью снизу».

Хронологическая группа	количество	%	формы	Публикация
Вторая четверть/ середина VI в.-конец VI/первая четверть VII в.	23	59 %	Краснолаковые миски LRC 3 F, LRC 3 F/H, LRC 3 H, штампы мотивов motif 45, 65, 71. Имитация ARSW 93 B, Имитация ARSW 94/95, Имитация ARSW 93 A	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 5, 7–9. Рис. 69, 18. Рис. 68, 10–12, 14, 16, 20, 21. Рис. 69, 1–6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 17, 18
570–620 гг.	2	2,6 %	LRC 10 A, Имитация ARSW 95	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 6, 18
Всего	40			

Хронологическая группа IV–V вв. представлена чашкой¹⁰², мисками PRSW 1 (Рис. 1.6, 28)¹⁰³ и PRSW 5 (Рис. 1.6, 29)¹⁰⁴.

Группу третьей четверти V – второй четверти VI в. составляют краснолаковые миски ARSW 91 C, LRD 2, LRC 3 E, LRC 3 C/E, LRC 3 E/F.

Африканская форма 91 C (Рис 1.6, 30)¹⁰⁵ находит аналогии в контекстах Афинской Агоры второй четверти – середины VI в.¹⁰⁶, Кносса того же времени¹⁰⁷.

Одна миска (Рис. 1.6, 31)¹⁰⁸ может быть отнесена как к форме LRD 2¹⁰⁹, так и PRSW 7¹¹⁰. На наш взгляд, более корректным является ее атрибуция как формы LRD 2, на что указывает не только характер глины, но и морфология фрагмента, наиболее близкого миске с Афинской Агоры¹¹¹. Аналогичные сосуды происходят из контекстов 460–475 гг. Афинской агоры¹¹², Бейрута примерно 500 г.¹¹³, Северного Причерноморья середины V – второй четверти VI в.¹¹⁴ Отметим также, что в Коринфе в контексте первой половины V в. обнаружена похожая форма, определенная как аттическая имитация африканской формы 93/94¹¹⁵. Кроме того, укажем, что морфологически близкая миска формы PRSW 7 датирована А.В. Смокотиной серединой V – началом VI в.¹¹⁶ Приведенные аналогии позволяют высказать предположение, что морфологическим предшественником кипрской формы LRD 2 и, соответственно, понтийской формы 7 могла быть африканская форма 93/94 или какая-либо ее аттическая имитация. Во всяком случае формы LRD 2 и PRSW 7 синхронны, они датируются серединой V – второй четвертью VI в.

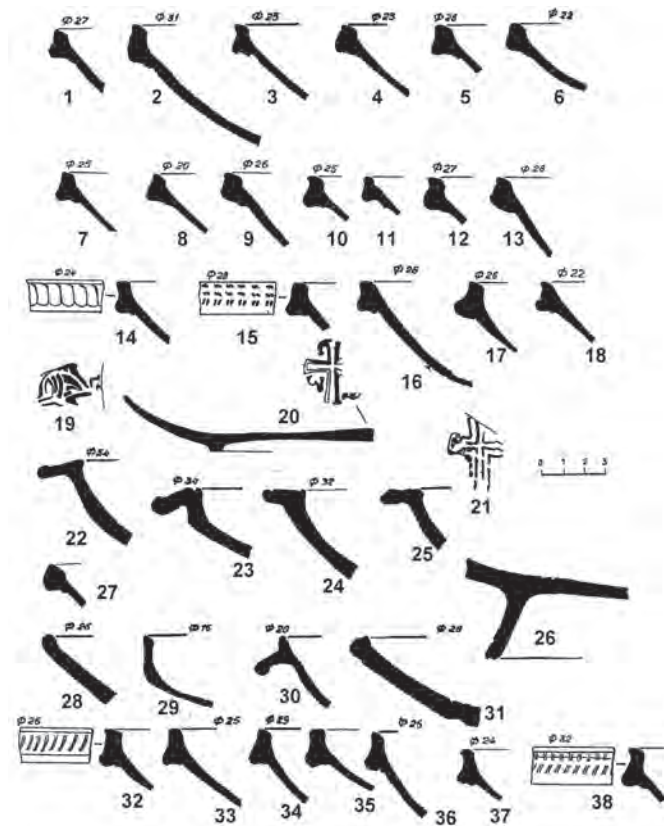

Рис. 1.6. Херсонес. Заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г. Краснолаковая керамика. 1–15 — LRC 3 F, 16 — LRC 3 F/H, 17, 18 — LRC 3 H, 19 — Штамп мотива 45, 20 — Штамп мотива 65, 21 — Штамп мотива 71, 22, 24, 26 — имитация формы ARSW 93 (ARSW 93 similis), 23, 25 — имитация формы ARSW 94/95 (ARSW 94/95 similis), 27 — LRC 10 A, 28 — PRSW 1, 29 — PRSW 5, 30 — ARSW 91 C, 31 — LRD 2, 32 — LRC 3 D, 33–35 — LRC 3 E, 36, 37 — LRC 3 C/E, 38 — LRC 3 E/F

Также одна миска относится к форме LRC 3 D (Рис. 1.6, 32)¹¹⁷. Параллели происходят из контекстов Сарачан второй четверти V в.¹¹⁸, Афинской Агоры третьей четверти V в.¹¹⁹, Бутринта второй четверти VI в.¹²⁰, Бейрута середины VI в.¹²¹, Северного Причерноморья конца V – второй четверти VI в.¹²².

Три миски могут быть атрибутированы как LRC 3 E. (Рис. 1.6, 33–35)¹²³. Одна из них¹²⁴ имеет аналогии в контекстах Бейрута третьей четверти V в.¹²⁵, Афинской Агоры начала VI в.¹²⁶ Вторая миска (Рис. 1.6,

34)¹²⁷ имеет параллели в контекстах Бейрута конца V в.¹²⁸, Афинской Агоры 500 г.¹²⁹, Херсонеса второй четверти VI в.¹³⁰. Аналогии третьей миске (Рис. 1.6, 35)¹³¹ происходят из контекстов Бейрута третьей четверти V в.¹³² Кроме того, близки им сосуды из контекстов Афинской Агоры первой половины VI в.¹³³.

Две миски можно отнести к переходной форме LRC 3 C/E.¹³⁴ Аналогии одной из них (Рис. 1.6, 36) обнаружены в контекстах Афинской Агоры 460–475 гг.¹³⁵, Бейрута третьей четверти V в., 450–500 гг. и конца V в.¹³⁶ Вторая миска (Рис. 1.6, 37) находит параллели в контекстах Афинской Агоры третьей четверти V в.¹³⁷, Бейрута третьей четверти и конца V в.¹³⁸, Херсонеса последней четверти V в.¹³⁹, Керчи и Херсонеса второй половины VI в.¹⁴⁰. Находки в контекстах второй половины – конца VI в. несомненно представляют собой примесь более раннего материала («примесь снизу»).

Одна миска может быть атрибутирована как переходная форма LRC 3 E/F. (Рис. 1.6, 38)¹⁴¹. Параллели ей происходят из контекстов Бейрута конца V в.¹⁴², Сарачан конца V – первой четверти VI в.¹⁴³, Бутринта второй четверти VI в.¹⁴⁴, Токры второй четверти VI в.¹⁴⁵, Аргоса 585 г.¹⁴⁶, Ильичевки 570–580 гг.¹⁴⁷, Херсонеса первой четверти VII в.¹⁴⁸. Находка в комплексе первой четверти VII в. является примесью более раннего материала («примесь снизу»).

Наиболее представительная группа датируется в пределах второй четверти/середины VI в. – конца VI/первой четверти VII в. К этой группе относятся краснолаковые миски форм LRC 3 F, LRC 3 F/H, LRC 3 H, имитации форм ARSW 93 A, ARSW 93 B, ARSW 94/95. Соотношение групп LRC и имитаций африканских форм следующее.

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C 3	18	78,3
2	Имитации African red slip wares	5	21,7
Всего		23	

LRC form 3

В группе LRC3 абсолютно преобладает тип F.

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C 3F	15	83,3
2	Late Roman C 3 F/H	1	5,5
3	Late Roman C 3 H	2	11,1
Всего		18	

LRC 3 F. Одна из мисок (Рис. 1.6, 1)¹⁴⁹ находит параллели в контекстах Афинской Агоры второй четверти – середины VI в.¹⁵⁰, Бутринта того же времени¹⁵¹, Бейрута середины VI в.¹⁵², Ильичевки 570–580 гг.¹⁵³, Херсонеса конца VI в.¹⁵⁴

Аналогии другой миске (Рис. 6, 2)¹⁵⁵ присутствуют в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.¹⁵⁶, Бейрута, видимо, середины VI в.¹⁵⁷, Херсонеса конца VI в.¹⁵⁸ и первой четверти VII в.¹⁵⁹. Следующая миска (Рис. 1.6, 3)¹⁶⁰ находит параллели в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.¹⁶¹, Бутринта второй четверти VI в.¹⁶², Ильичевки 570–580 гг.¹⁶³, Херсонеса второй–третьей четвертей VI в.¹⁶⁴ и конца VI – первой четверти VII в.¹⁶⁵, Керчи второй четверти – середины VI и второй половины VI в.¹⁶⁶. Аналогии следующей миске (Рис. 1.6, 4)¹⁶⁷ встречены в контекстах Афинской Агоры 530/540–550 и второй четверти VI в.¹⁶⁸, Бейрута середины VI в.¹⁶⁹, Керчи второй четверти – середины VI в. и второй половины VI в.¹⁷⁰, Херсонеса конца VI в.¹⁷¹. Еще одна миска (Рис. 1.6, 5)¹⁷² находит параллели в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.¹⁷³, Бейрута середины VI в.¹⁷⁴, Сарачан 526–527 гг.¹⁷⁵, Ильичевки 570–580 гг.¹⁷⁶, Херсонеса второй четверти¹⁷⁷ и конца VI в.¹⁷⁸. Следующая миска (Рис. 1.6, 6)¹⁷⁹ имеет аналогии в контекстах Бейрута второй четверти VI в.¹⁸⁰, Ильичевки 570–580 гг.¹⁸¹, Херсонеса конца VI в.¹⁸². Близкая форма происходит из депозита 30 константинопольского квартала Сарачане, датирующегося 650–670 гг.¹⁸³ Скорее всего, миска из Сарачан является примесью раннего материала. Аналогии следующей миске (Рис. 1.6, 7)¹⁸⁴ встречены в контекстах Сарачан второй четверти V в.¹⁸⁵ и 526/527 гг.¹⁸⁶, Афинской Агоры второй четверти VI в.¹⁸⁷, видимо, синхронном контексте Бутринта¹⁸⁸, контексте второй четверти – середины VI в. Бейрута¹⁸⁹, контекстах около 600 г.¹⁹⁰ и середины VII в. Токры¹⁹¹, конца VI в. в Херсонесе¹⁹². Датировка комплекса Сарачан с аналогичной миской второй четвертью V в. вызывает сомнения.

Следующая миска из нашего комплекса (Рис. 1.6, 8)¹⁹³ находит аналогии в контекстах Афинской Агоры второй четверти – середины VI в.¹⁹⁴, Аргоса 585 г.¹⁹⁵, Херсонеса второй четверти¹⁹⁶ и конца VI в.¹⁹⁷ Параллели следующей миске из рассматриваемого комплекса (Рис. 1.6, 9)¹⁹⁸ происходят из контекстов Бейрута середины VI в.¹⁹⁹, Афинской Агоры второй четверти VI в.²⁰⁰ и Херсонеса конца VI в.²⁰¹. Отметим также, что на Афинской Агоре аналогичный по профилю венчик обнаружен в контексте рубежа V и VI вв.²⁰² Аналогии еще одной миске из нашего комплекса (Рис. 1.6, 10)²⁰³ обнаружены в контекстах начала – второй четверти – середины VI в. Афинской Агоры²⁰⁴, середины VI в. Бейрута²⁰⁵, второй четверти VI в. Бутринта²⁰⁶, 570–580 гг. Ильичевки²⁰⁷, конца VI в. Токры²⁰⁸ и Херсонеса²⁰⁹.

Параллели следующей миски из рассматриваемого комплекса (Рис. 1.6, 11)²¹⁰ выявлены в контекстах Бейрута середины VI в.²¹¹, Бутринта второй четверти VI в.²¹², Херсонеса второй четверти²¹³ и конца VI в.²¹⁴, Ильичевки 570–580 гг.²¹⁵ Параллели еще одной миске из нашего комплекса (Рис. 1.6, 12)²¹⁶ выявлены в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.²¹⁷, Бейрута середины VI в.²¹⁸, Бутринта второй четверти VI в.²¹⁹, Херсонеса второй четверти²²⁰ и конца VI в.²²¹, Ильичевки 570–580 гг.²²², Токры второй четверти VI в. и примерно 600 г.²²³. Следующая миска (Рис. 1.6, 13)²²⁴ имеет параллели в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.²²⁵, Бейрута 450–500 или конца V в.²²⁶, Херсонеса второй четверти²²⁷ и конца VI в.²²⁸, Ильичевки 570–580 гг.²²⁹. Следующая миска (Рис. 1.6, 14)²³⁰ близка сосуду из контекста Афинской Агоры 525–550 гг.²³¹ и аналогична миске из контекста 570–580 гг. Ильичевки²³². Параллели следующей миске (Рис. 1.6, 15)²³³ происходят из контекстов Афинской Агоры второй четверти VI в.²³⁴, Бейрута середины VI в.²³⁵, Токры примерно 550 и 600 гг.²³⁶, Ильичевки 570–580 гг.²³⁷, Херсонеса второй четверти и конца VI в.²³⁸. Наконец, самая поздняя аналогия была выявлена в контексте Константинополя 650–670 гг.²³⁹. Миска из Сарачан, по всей видимости, является примесью более раннего материала.

Таким образом, в целом, миски LRC 3 F из нашего комплекса датируются в пределах второй четверти – конца VI, с возможным заходом в первую четверть VII в.

LRC 3 F/H. Одна миска может быть отнесена к переходной форме LRC 3 F/H. (Рис. 1.6, 16)²⁴⁰. Аналогии ей обнаружены в контекстах Афинской Агоры второй четверти – середины VI в.²⁴¹, Бейрута середины VI в.²⁴², Ильичевки 570–580 гг.²⁴³, Херсонеса второй четверти – конца VI в.²⁴⁴

LRC 3 H. Две миски можно атрибутировать как LRC 3 H. Одна из них (Рис. 1.6, 17)²⁴⁵ находит аналогии в контекстах Афинской Агоры середины VI в.²⁴⁶, Херсонеса конца VI в.²⁴⁷, вторая²⁴⁸ – в контекстах афинской агоры второй четверти – середины VI в.²⁴⁹, Херсонеса конца VI в.²⁵⁰, первой четверти VII в.²⁵¹ Вторая миска (Рис. 1.6, 18)²⁵² имеет параллели в контекстах Афинской Агоры второй четверти – середины VI в.²⁵³, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.²⁵⁴.

В одной из наших работ мы датировали тип LRC 3 H периодом от середины VI до первой четверти VII в., что, видимо, соответствует сегодняшнему уровню разработки хронологии²⁵⁵.

Видимо, к той же форме LRC 3 относятся штампы с мотивами 45, 65, 71 по Дж. Хейсу. Штамп мотива 45 «дельфин» из нашего комплекса (Рис. 1.6, 19)²⁵⁶ имеет аналогии в контекстах начала – третьей четверти VI в.²⁵⁷ Аналогии штампу мотива 65 «монограмматический крест» из рассматриваемого

го комплекса (Рис. 1.6, 20)²⁵⁸ происходят из контекстов конца V – третьей четверти VI в.²⁵⁹ Несколько более сложен вопрос со штампом 71 «крест с двойной линией контура». (Рис. 1.6, 21)²⁶⁰. Он может относиться как к сосудам LRC 3, так и LRC 10. Если речь идет о форме LRC 3, то такие штампы происходят из контекстов конца V – третьей четверти VI в.²⁶¹. Но этот штамп переходит на форму LRC 10. В этом случае штамп может датироваться временем вплоть до третьей четверти VII в.²⁶².

Имитации африканских форм

В рассматриваемом комплексе выявлены четыре фрагмента форм, имитирующих африканские ARSW 93 A, ARSW 93 B и ARSW 94/95.

ARSW 93 similis. Два венчика и одно донце могут быть отнесены к имитации формы ARSW 93. Один из них похож на ARSW 93 A (Рис. 1.6, 22)²⁶³. Аналогичные сосуды происходят из контекстов Херсонеса середины третьей четверти VI в.²⁶⁴, Ильичевки 570–580 гг.²⁶⁵, Херсонеса конца VI²⁶⁶ и первой четверти VII в.²⁶⁷. Донце²⁶⁸ так же сходно с ARSW 93 A²⁶⁹.

Второй венчик (Рис. 1.6, 24)²⁷⁰ больше схож с формой 93 B²⁷¹. Параллели ему происходят из контекстов Ильичевки 570–580 гг.²⁷², Херсонеса конца VI²⁷³ и первой четверти VII в.²⁷⁴.

ARSW 94/95 similis. Один венчик (Рис. 1.6, 25)²⁷⁵ схож с африканскими формами ARSW 94 и 95 из контекстов Ильичевки 570/580 гг.²⁷⁶, Херсонеса конца VI в.²⁷⁷ и первой четверти VII в.²⁷⁸.

Как мы видим, имитации африканских форм 93–95 могут датироваться серединой/третьей четвертью VI – первой четвертью VII в.

Группу 570–620 гг. составляют два сосуда. Один из них²⁷⁹ относится к форме LRC 10 A (Рис. 1.6, 27)²⁸⁰. Аналогичные венчики выявлены в контекстах Бутринта 575 г.²⁸¹, Ильичевки 570–580 гг.²⁸², Коринфа конца VI в.²⁸³, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.²⁸⁴. Второй венчик (Рис. 1.6, 23)²⁸⁵ имитирует ARSW 95. Аналогичные сосуды происходят из контекстов Ильичевки 570/580 гг.²⁸⁶, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.²⁸⁷.

Амфориск (Рис. 1.5, 8) имеет параллели в контексте Афинской Агоры середины VI в.²⁸⁸.

Стекланные сосуды (рюмки и лампы) из рассматриваемого комплекса были проанализированы Л.А. Голофаст. Они имеют широкую датировку от второй половины V и, безусловно, включают VI–VII вв.²⁸⁹.

Монеты

Наконец, в рассматриваемом комплексе была найдена монета Константа II (641–668 гг.).

Сгруппируем хронологически все проанализированные выше находки.

Датировка	количе-ство	Датирующие вещи	Публикации
IV–V вв.	4	Амфоры Зеест 95=CarthageLR 3=BenghaziLR 10 Краснола-ковые миски PRSW 1, PRSW 5, чашка	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 67, 6, 9. Рис. 68, 1, 4
Третья четверть V – вторая четверть VI в.	10	Краснолаковые миски ARSW 91 C, LRD 2, LRC 3 D,LRC 3 E,LRC 3 C/E, LRC 3 E/F	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса.Рис. 68, 2, 3, 13, 15,17,19. Рис. 69,7,13, 15
Вторая чет-верть/середина VI в.-конец VI/ первая четверть VII в.	25	Амфоры TRC 9, Краснола-ковые мискиLRC 3 F,LRC 3 F/H, LRC 3 H, Имитация ARSW 93 B, Имитация ARSW 94/95, Имитация ARSW 93 A	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса.Рис. 67, 2. Рис. 68, 5, 7–9. Рис. 69, 18. Рис. 68,10–12, 14, 16, 20, 21. Рис. 69, 1–6, 8,9, 10,11, 12, 14
Начало – третья четверть VI в.	2	LRC 3 motif 45, motif 65	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса.Рис. 69, 16, 17.
Конец V – первая четверть VII в.	1	LRC 3/10 motif 7	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса.Рис. 69, 18
570–620 гг.	2	LRC 10 A, Имитация ARSW 95	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 6, 18
VI–VII вв.	2	Амфоры АДСВ тип 5, TRC 6	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 67, 1,3
Всего	46		

Возникает вопрос о времени формирования засыпи цистерны. Главная проблема: является засыпь последовательной или одновременной. Если засыпь последовательная, то ключевой момент — время ее начала. Наиболее ранняя группа материала — несколько фрагментов краснолаковой посуды IV–V вв., далее идет группа третьей четверти V – второй четверти VI в., вслед за ней — группа второй четверти/средины VI – первой четверти VII в. Наконец, самой поздней узкодатированной находкой являются монеты 641-668 гг. По этой логике, засыпь могла осуществляться последовательно в указанные четыре этапа. Однако обратим внимание на малочисленность группы IV–V вв., что, видимо, позволяет ее трактовать как примесь более раннего материала, попавшего в цистерну при более позднем сбросе. Учтем также немногочисленность группы третьей четверти V – второй четверти

VI в. в сравнении с группой второй четверти/средины VI – первой четверти VII в. Скорее всего, эта группа попала в цистерну при массовом сбросе материала самой многочисленной группы, т.е. в середине VI – первой четверти VII в. Самая поздняя находка — монета 641–668 гг. могла попасть либо при сбросе в это время, либо просто оказаться случайной находкой. По крайней мере никаких других сосудов, четко датирующихся в пределах первой четверти VII – 650/670 гг. опубликованные материалы не содержат. Таким образом, если засыпь последовательная, то она могла осуществляться в период середины VI – первой четверти VII в. (если монета случайная) или середины VI/первой четверти VII – 650/670 гг., если она «insitu».

Если засыпь единовременная, то она могла быть сделана в период 570–620 гг. (если монета случайная) или в 650–670 гг., (если монета неслучайная). На наш взгляд, несколько ближе к истине тезис о единовременной засыпи, которая могла быть совершена в 650–670 гг. Еще раз подчеркнем, что если бы не монеты 641–668 гг., то время формирования комплекса пришлось бы относить к 570–620 гг.

3. Херсонес. Заполнение цистерны Е в XV квартале Северного района го-родища. Раскопки Г.Д.Белова 1940 г.

Соответствует комплексу 24 по публикации Л.А. Голофаст. Документация контекста не удовлетворительна. Л.А.Голофаст выделила фрагменты амфор LRA 1, LRA 4, коричневоглиняных с перехватом, краснолаковых со-судов LRC 3, LRC 10, имитации африканских форм 93/97, а также стеклян-ных рюмок 290.

Амфоры

Выявлены следующие типы амфор:

	Тип	Количество	Публикации
1	LRA 1	3	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 1, 3, 4
2	LRA 4	1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 2
3	Коричнево-глиняные с перехватом	1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 118
	Всего	4	

LRA 1

Венчик (Рис. 1.7,1)²⁹¹ находит параллели в контекстах Северного Причерноморья второй четверти VI – первой четверти VII в.²⁹², Язи-Ада 625/626 гг.²⁹³, Филипп, видимо 620 г.²⁹⁴. Общая дата, скорее всего — вторая четверть VI – первая четверть VII в.

Одно донце (Рис. 1.7, 2)²⁹⁵ имеет аналогии в контекстах 570–580 гг. Драндского храма²⁹⁶ и Ильичевки²⁹⁷, VI – начала VII в. Элависсы Себастья²⁹⁸, середины второй половины VII в. Коринфа²⁹⁹. Аналогии второму донцу (Рис. 7, 3)³⁰⁰ происходят из контекстов Северного Причерноморья второй четверти – конца VI в.³⁰¹ и, видимо, синхронных им Элависсы Себастья³⁰².

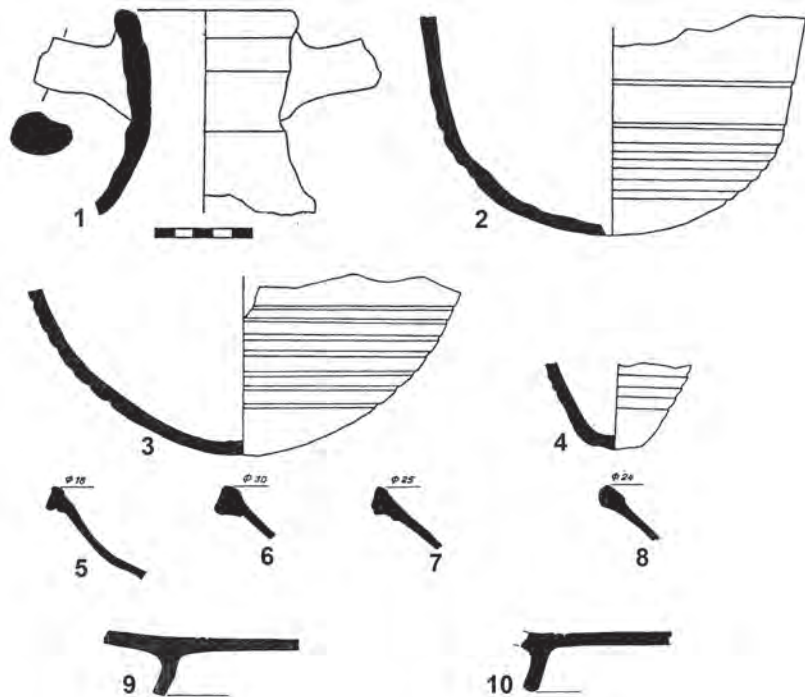

Рис. 1. 7. Херсонес. Заполнение цистерны Е в XV квартале Северного района городища. Раскопки Г.Д.Белова 1940 г. 1-3 — амфоры LRA 1, 4 — амфора LRA 4, 5 — краснолаковая миска LRC 3 F, 6 — краснолаковая миска LRC 3 F/G, 7, 8 — краснолаковые миски LRC 10 C, 9, 10 — имитации ARSW 93-97 (ARSW 93-97 similis)

LRA 4

Донце амфоры LRA 4 (Рис. 7, 4)³⁰³ имеет параллели в контекстах Нове конца V – начала VI в.³⁰⁴, Телль Явны VI–VII вв.,³⁰⁵ Александрии конца VI–VII вв.³⁰⁶, Херсонеса конца VI в.³⁰⁷, Искандил Бурну конца VI – начала VII в.³⁰⁸, Крипты Бальби VII в.³⁰⁹

Ножка коричневоглиняной амфоры с перехватом не воспроизведена в публикациях, есть только упоминание у Л.А.Голофа³¹⁰.

Краснолаковая керамика.

Краснолаковая керамика представлены группой «*Late Roman C*» и имитацией североафриканских форм.

Они распределяются следующим образом:

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C	4	66,6
2	Имитации ARSW 93/97	2	33,3
	Всего	6	

Как видно из таблицы, преобладает группа «*Late Roman C*». Она распределяется по формам следующим образом:

	формы LRC	количество	%
1	LRC 3	2	50
2	LRC 10	2	50
	Всего	4	

Форма 3 представлена типами F и F/G.

Аналогии миске **LRC 3 F** (Рис. 1.7, 5)³¹¹ происходят из контекстов Афинской Агоры второй четверти VI в.³¹², Бейрута середины VI в.³¹³, Ильичевки 570–580 гг.³¹⁴, Константинополя конца VI в.³¹⁵, Херсонеса второй четверти VI в.³¹⁶ и конца VI в.³¹⁷.

Миска LRC 3 F/G (Рис. 1.7, 6)³¹⁸ имеет аналогии в контекстах Афинской Агоры середины VI в.³¹⁹, Бейрута также середины VI в.³²⁰, Ильичевки 570–580 гг.³²¹, Константинополя конца VI в.³²², Херсонеса конца VI – начала VII в.³²³.

Два венчика относятся к типу **LRC 10 C**. Один из них (Рис. 1.7, 7)³²⁴ находит параллели в контекстах Киферы первой четверти VII в.³²⁵, Херсонеса первой четверти³²⁶ и середины VII в.³²⁷, Агия Галлены и Эмпорио третьей четверти VII в.³²⁸. Аналогии второму венчику (Рис. 1.7, 8)³²⁹ происходят из контекстов Бейрута начала VII в.³³⁰, Константинополя начала – середины VII в.³³¹, Апаеи первой половины VII в.³³², Херсонеса первой четверти VII в.³³³, третьей четверти VII в. Эмпорио и Агия Галены³³⁴.

Два донья принадлежат **имитации африканских форм 93–97** (Рис. 1.7, 9, 10).

Аналогии одному из них³³⁵ обнаружены в контекстах Херсонеса конца VI – третьей четверти VII в.³³⁶ Второе донце³³⁷ имеет аналогии в контекстах Керчи и Херсонеса конца VI – третьей четверти VII в.³³⁸.

С точки зрения хронологии, датирующие контекст материалы распределяются следующим образом:

Датировка	количество	Датирующие вещи	Публикации
Вторая четверть VI – первая четверть VII в.	4	Амфоры LRA 1: венчик и донце. Краснолаковые миски LRC 3 F, LRC 3 F/G	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 1, 4. Рис. 72, 1, 4
570/580 – середина-вторая половина VII в.	3	Амфоры LRA 1: донце. Имитация краснолаковых мисок ARSW 93/97	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 3. Рис. 72, 5, 6.
Конец V/начало VI–VII вв.	1	Амфора LRA 4	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 2.
Первая – третья четверть VII в.	2	Краснолаковые миски LRC 10 C	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 1, 4. Рис. 72, 2, 3

Монеты

В рассматриваемом комплексе была найдена монета Константа II 666–668 гг.³³⁹.

Наконец, в данном комплексе был найден обломок пальчатой фибулы, относящейся к последней четверти VII в.³⁴⁰

По всей видимости, в данном случае можно говорить о единовременной засыпи, сделанной, если учитывать монету как *terminus post quae*m, где-то в районе 670-х гг.

4. Херсонес. Заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района.

Комплекс был впервые опубликован Л.А. Голофаст, восстановившей его по полевой документации С.Г. Рыжова³⁴¹, датировавшей его в первой публикации концом VII в.³⁴² В 2011 г. Л.А. Голофаст перепубликовала комплекс с существенными изменениями. Были заменены многие рисунки, сделаны добавления. Текст фактически был написан заново³⁴³. По мнению исследовательницы, цистерна была вырублена во дворе римского или ранневизантийского дома и использовалась, возможно, до конца VII в. В это время она засыпается, либо в связи с тем, что часть двора застраивается, либо в связи со строительством новой усадьбы³⁴⁴. В публикации представлены амфоры, краснолаковая посуда, стеклянные сосуды и пряжка.

Амфоры

Л.А. Голофаст отмечает присутствие в комплексе амфор LRA 1, АДСВ тип 5, LRA 4, LRA 2, коричневоглиняных «с перехватом», Зеест 99а, Carotte, амфоры с вытянутым корпусом³⁴⁵.

Выявлены следующие типы амфор:

	Тип	Количество	Публикации
1	LRA 1	5 целых + 26 горл+48 ручек+390 стенок	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74, 1–4. Рис. 75, 5
2	АДСВ тип 5	2 целых+3 горла+1 донце+ 20 ручек+115 стенок	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74, 2, 4
3	TRC	1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75, 1
4	D Snp-II	1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75, 3
5	Byzantine (Aegean) globular amphorae	10 (венчики+ручки), 248 стенок	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С.119
6	LRA 4	5 венчиков+10 ручек	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С.119
7	Carottes	1 донце	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С.119
8	Коричневоглиняные с перехватом	1 венчик с ручкой	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С.119

LRA 1

В рассматриваемом комплексе обнаружены 5 почти целых амфор. Одна из них (Рис. 1.8,1)³⁴⁶, соответствующая типу LRA 1 В 2 Доминика Пиери, находит близкие параллели в контекстах Керчи второй четверти – середины VI в.³⁴⁷, Ильичевки 570–570 гг.³⁴⁸, Марсея конца VI – начала VII в.³⁴⁹, второй четверти VII в.³⁵⁰, Херсонеса конца VI в.³⁵¹, первой четверти VII в.³⁵², Антинополиса конца VI в.³⁵³, Филипп 620-х гг.³⁵⁴. Отметим, что морфологические предшественники этой формы производились в Элависсе Себаств в Киликии примерно в 430–460 гг.³⁵⁵. Тем самым дата рассматриваемой амфоры укладывается в промежуток между второй четвертью/серединой VI в. и первой-второй четвертью VII в.

Аналогии второй амфоре (Рис. 1.8,2)³⁵⁶, также соответствующей типу LRA 1 В 2 Доминика Пиери, происходят из контекстов Керчи второй четверти–середины VI в.³⁵⁷, Антинополиса конца VI в.³⁵⁸, Филипп примерно 620 г.³⁵⁹, Марсея конца VI в.³⁶⁰ и второй четверти VII в.³⁶¹, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.³⁶² Соответственно, дата та же, что и в предыдущем случае.

Третья амфора (Рис. 8,3)³⁶³, по Д. Пиери³⁶⁴, имеет параллели с сосудами из контекстов Ильичевки 570/580 гг.³⁶⁵, Керчи конца VI в.³⁶⁶, Херсонеса конца VI в. и первой четверти VII в.³⁶⁷, Марсея второй четверти VII в.³⁶⁸

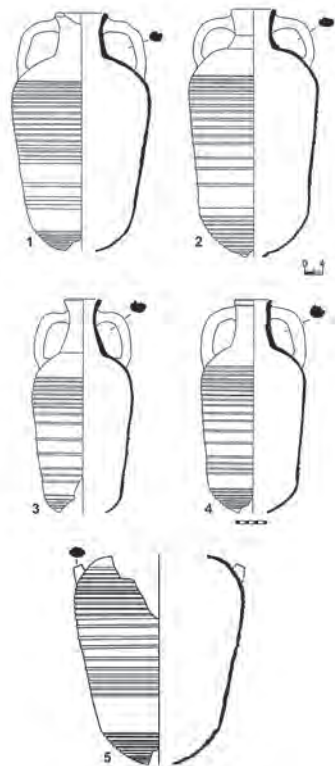

Рис. 1.8. Херсонес. Заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района. Амфоры LRA 1

TRC 5.2.

Одна амфора (Рис. 1.9, 3)³⁸⁶ относится к типу критских TRC 5.2, которые обнаружены в контекстах Гортины VI–VII в. и Северного Причерноморья 570/580 – конца VI – начала VII в.³⁸⁷ В Коринфе близкие формы зафиксированы в контекстах конца VI и середины – третьей четверти VII в.³⁸⁸ На румынских памятниках аналогичные амфоры встречены в контекстах VI в., второй половины VI в. и конца VI – начала VII в.³⁸⁹ Аналогичная амфора с Афинской Агоры датируется концом V в.³⁹⁰ В Сарачанах данная форма обнаружена в депозите 30, датирующемся 655–670 гг.³⁹¹ Приведенные параллели дают основание датировать амфору TRC 5.2 из нашего комплек-

Четвертая амфора (Рис. 1.8, 4)³⁶⁹ соответствующая типу LRA 1 B 1 Д. Пьерри³⁷⁰ или типу IX ван Алфена, находит аналогии в контекстах середины VI в. и, примерно 600 г. Бейрута³⁷¹, конца VI в. Херсонеса³⁷², VI – начала VII в. Элависы Себастья³⁷³, Халасарны между 554 г. и сер. VII в.³⁷⁴, Язи-Ада 626 г.³⁷⁵.

Наконец, последняя, пятая амфора, от которой сохранился только корпус (Рис. 1.8, 5)³⁷⁶, имеет параллели в контексте Ильичевки 570–580 гг.³⁷⁷.

Таким образом, амфоры LRA 1 из нашего комплекса относятся к типам LRA 1 B 1 и LRA 1 B 2 и датируются в пределах второй четверти VI – второй четверти VII в.

АДСВ тип 5

Из данного комплекса опубликованы две амфоры типа АДСВ тип 5. Одна из них (Рис. 9, 1)³⁷⁸ имеет параллели в контекстах Керчи и Херсонеса конца VI в.³⁷⁹, а также Тау-Кипчака конца VII в.³⁸⁰. Общая дата типа укладывается во вторую четверть VI–VII вв.³⁸¹. Вторая амфора (Рис. 1.9, 2)³⁸² находит аналогии в контекстах Ильичевки 570–580 гг.³⁸³, Херсонеса конца V в.³⁸⁴ и Тау-Кипчака конца VII в.³⁸⁵.

са временем от 570/580 г. до середины – третьей четверти VII в. На наш взгляд, наиболее вероятная дата — конец VI/начало VII в.

D-Snp II

Одна опубликованная амфора (Рис. 1.9, 4)³⁹² относится к синопской продукции типа D-Snp-II по Д. Касса-Терзгор, который исследовательница предположительно датирует в пределах VI – начала VII в. Однако четких хронологических реперов Д. Касса-Терзгор не приводит. Основания для датировки являются косвенными: идущий почти параллельно тип D-Snp III обнаружен в контекстах с монетами Юстиниана, Юстина II и Софии 565–578 гг. Скорее всего, учитывая дату D-Snp I в Бейруте (сер. VI в.) рассматриваемый тип можно относить ко второй четверти VI – началу/первой половине VII в., что, впрочем, требует серьезного дополнительного обоснования³⁹³.

Эгейские глобулярные амфоры

Л.А. Голофаст атрибутировала три амфоры как LRA 2 C³⁹⁴. Вместе с тем, такая атрибуция представляется сомнительной. Скорее они ближе к типу LRA 13, однако с точки зрения типологии выделение этого типа как такового достаточно спорно. С точки зрения современных представлений, начиная с первых десятилетий VII в. и до конца VIII/IX вв. существовал большой класс амфор, получивших в литературе название «globular amphorae» по главному признаку, который их объединяет, — глобулярному корпусу. Указанные амфоры составляют одну из важнейших групп керамической тары Эгеиды, восточного Средиземноморья и Причерноморья. Амфоры этой большой группы (или семьи, если пользоваться западноевропейской терминологией) имеют глобулярный корпус, но различаются в морфологии венчиков и горл, а также присутствием или отсутствием рифления на плечиках.

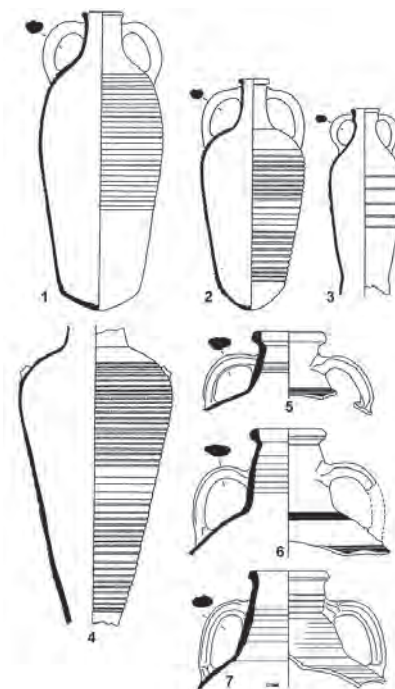

Рис. 1.9. Херсонес. Заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района. Амфоры. 1, 2 — АДСВ тип 5, 3 — TRC 5.2, 4 — D-Snp-II, 5–7 — Эгейские глобулярные амфоры

Проведенные петрографические анализы показали наличие многих эгейских центров производства глобулярных амфор.

Амфоры из этой большой группы были впервые выделены Дж. Райли на материалах Береники, когда и получили наименование LRA 13³⁹⁵. Сейчас амфоры LRA 13 рассматриваются как подтип глобулярных амфор VII в. Аналогично дело обстоит и с выделенным Д. Пиери типом LRA 2 C, который также является подтипом группы «Byzantine globular amphorae»³⁹⁶. К этому добавим, что сама «идеология», если можно так выразиться, наших амфор отличается от LRA 2. Речь идет о разных местах для крепления амфорных крышек, запечатывавших горла³⁹⁷. В силу этих обстоятельств выделение типа LRA 2 C как варианта LRA 2 представляется ошибочным.

Большой диаметр венчика (13–14 см), по мнению Кэтрин Вернер Слэйн, указывает на функцию этих сосудов как контейнеров для перевозки сухих фруктов или рыбы, поэтому исследовательница называет их «fruit amphoras»³⁹⁸.

Одна из глобулярных амфор (Рис. 1.9,7)³⁹⁹ имеет аналогии в контекстах Коринфа конца VI в. и середины/третьей четверти VII в.⁴⁰⁰.

Таким образом, две глобулярные амфоры из нашего комплекса можно датировать серединой VII–VIII в. (Рис. 1.9, 5,6)⁴⁰¹, одну — концом VI – серединой/третьей четвертью VII в.

LRA 4

Упомянутая в тексте Л.А.Голофаст амфора LRA 4 не воспроизведена в публикации, видимо, по объективным причинам (отсутствие в фондах Херсонесского заповедника при упоминании в полевой документации)⁴⁰².

Carottes

Одна ножка, согласно определению Л.А.Голофаст, относится к амфоре «Carotte»⁴⁰³.

Коричневоглиняные «с перехватом».

Фрагмент горла с вогнутой задней стенкой и ручкой с западиной на нижней плоскости относится, по атрибуции Л.А. Голофаст, ко второй четверти VI в. 650/670 гг.⁴⁰⁴.

Краснолаковая керамика

Краснолаковая керамика представлена группами *Late Roman C*, *African redslipwares* и имитацией североафриканских форм.

Они распределяются следующим образом:

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C	17	65,4
2	ARSW	3	11,5

	Группа	Количество	%
2	Имитации ARSW 93/97	6	23,1
	Всего	26	

Абсолютно преобладает группа «*Late Roman C*». Она распределяется по формам следующим образом:

	формы LRC	количество	%
1	LRC 3	3	17,6
2	LRC 10	14	82,4
	Всего	17	

Форма 3 представлена типами F и G.

Две миски относятся к типу F. Одна из них (Рис. 1. 10, 1)⁴⁰⁵ имеет аналогии в контекстах Афинской Агоры начала VI в.⁴⁰⁶, Константинополя второй четверти VI в. и середины VII в.⁴⁰⁷, Бейрута середины VI в.⁴⁰⁸, Ильичевки 570–580 гг.⁴⁰⁹, Токры второй четверти VI в. и, примерно 600 г.⁴¹⁰, Херсонеса конца VI в.⁴¹¹. Приведенные аналогии дают основание для датировки в пределах второй четверти – конца VI в. Экземпляр из депозита 31 Сарачан, по морфологии, явно более поздний.

Параллели второй миске (Рис. 1.10,2)⁴¹² встречаются в контекстах Афинской Агоры второй четверти VI в.⁴¹³, Ильичевки 570–580 гг.⁴¹⁴, Херсонеса конца VI в.⁴¹⁵ и первой четверти VII в.⁴¹⁶, Восточного Крыма конца VI в.⁴¹⁷, Агия Галены 650–670 гг.⁴¹⁸ Соответственно, венчик может датироваться в пределах второй четверти VI – первой четверти VII в. при условии «примеси» в контексте помещения из Агия Галены.

Одна миска относится к типу LRC 3 G (Рис. 1.10, 3)⁴¹⁹. Аналогии обнаружены в контекстах Афинской Агоры 530/540–550 гг.⁴²⁰, Бейрута середины VI в. и начала VII в.⁴²¹, Токры примерно 600 г.⁴²², Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁴²³, Апаimei начала первой половины VII в.⁴²⁴. Отметим также аналогичный венчик из контекста византийского эмпория на Хиосе, не имеющего стратиграфически обоснованной даты⁴²⁵. Следовательно, данная миска может относиться к 530/540 гг. – первой четверти VII в.

Форма LRC 10 представлена формами A, B, B/C, C.

Их соотношение следующее.

	Форма и тип	Количество	%
1	Late Roman C 10 A	9	64,3
2	Late Roman C 10 B	1	7,1

	Форма и тип	Количество	%
3	Late Roman C 10 B/C	1	7,1
3	Late Roman C 10 C	3	21,4
Всего		14	

Преобладает форма LRC 10 A.

LRC 10 A. Один из венчиков (Рис. 1.10, 4)⁴²⁶ имеет аналогии в контекстах Афинской Агоры первой половины VII в.⁴²⁷, Токры примерно 600 г. и середины VII в.⁴²⁸, Херсонеса конца VI в.⁴²⁹ и первой четверти VII в.⁴³⁰, Константинополя конца VI в. и 655–670 гг.⁴³¹. По всей видимости, сосуд может датироваться в пределах конца VI – первой половины VII в.

Параллели второму венчику (Рис. 1.10, 5)⁴³² происходят из контекстов Афинской Агоры первой половины VII в.⁴³³, Токры примерно 600 г. и середины VII в.⁴³⁴, Константинополя конца VI и 655–670 гг.⁴³⁵, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁴³⁶. Соответственно, дата, видимо, та же, что и в предшествующем случае — конец VI – первая половина VII в.

Третий венчик (Рис. 1.10, 6)⁴³⁷ имеет аналогии в контекстах Афинской Агоры первой половины VII в.⁴³⁸, Константинополя конца VI в. и 650–670 гг.⁴³⁹, Токры примерно 600 г.⁴⁴⁰, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁴⁴¹.

Аналогии четвертому венчику (Рис. 1.10, 7)⁴⁴² выявлены в контекстах Ильичевки 570–580 гг.⁴⁴³, Константинополя конца VI в. и 650–670 гг.⁴⁴⁴, Бейрута начала VII в.⁴⁴⁵, Токры примерно 600 г.⁴⁴⁶ Соответственно дата венчика укладывается в промежуток между 570/580 гг. и серединой VII в.

Пятый венчик (Рис. 1.10, 8)⁴⁴⁷ также имеет параллели с сосудами из контекстов Константинополя конца VI в. и 650–670 гг.⁴⁴⁸, Токры примерно 600 г.⁴⁴⁹ и Херсонеса первой четверти VII в.⁴⁵⁰ Видимо, дата сосуда — от конца VI в. до середины VII в. Отметим, что непосредственные предшественники этой формы выявлены в комплексах Бейрута и Афинской Агоры примерно середины VI в.⁴⁵¹.

Шестой венчик (Рис. 1.10, 9)⁴⁵² находит аналогии в контекстах Афинской Агоры первой половины VII в.⁴⁵³, Константинополя конца VI в.⁴⁵⁴, Херсонеса конца VI в. и первой четверти VII в.⁴⁵⁵ Соответственно, рассматриваемый венчик может датироваться концом VI – первой половиной VII в.

Параллели седьмому венчику (Рис. 1.10, 10)⁴⁵⁶ встречены в контекстах Апаimei первой половины VII в.⁴⁵⁷, Константинополя конца VI в. и середины VII в.⁴⁵⁸, Афинской Агоры около 600 г.⁴⁵⁹, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁴⁶⁰ Отметим также венчик из комплекса Эмпорио на Хиосе⁴⁶¹.

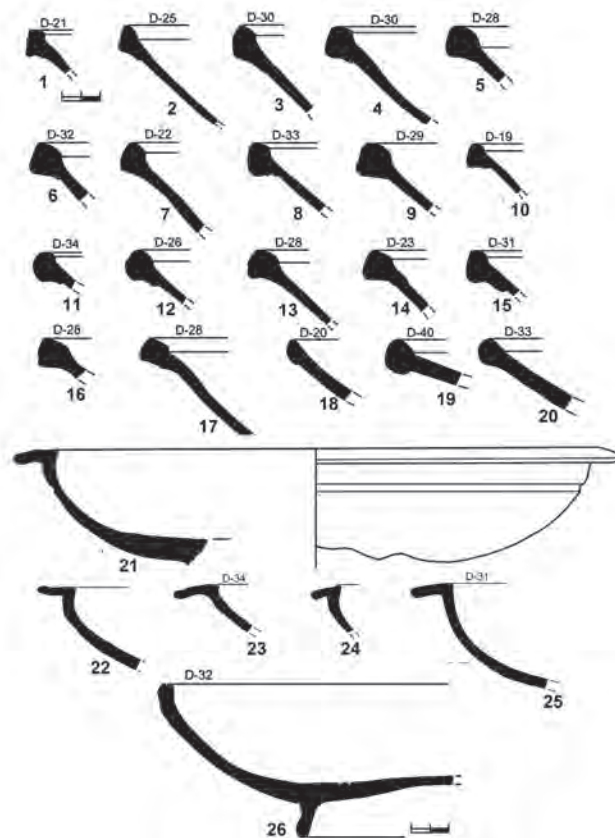

Рис. 1. 10. Херсонес. Заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района. Краснолаковая керамика: 1, 2 — LRC 3 F, 3—LRC 3 G, 4-12 — LRC 10 A, 13 — LRC 10 B, 14 — LRC 10 B/C, 15-17 — LRC 10 C, 18 — ARSW 99 C, 19 — ARSW 105, 20 — ARSW 87C/109, 21-25 — имитации африканских форм ARSW 93-97 (ARSW 93-97 similis), 26 — имитация африканской формы ARSW 101? (ARSW 101 similis)

Аналогии восьмому венчику (Рис. 1.10, 11)⁴⁶² происходят из контекстов Афинской Агоры первой половины VII в.⁴⁶³, Бейрута начала VII в.⁴⁶⁴, Токры примерно 600 г. и середины VII в.⁴⁶⁵, Херсонеса первой четверти VII в.⁴⁶⁶.

Последний венчик краснолаковых мисок «Late Roman C» from 10 A (Рис. 1.10, 12)⁴⁶⁷ имеет аналогии в контекстах Афинской Агоры первой половины VII в.⁴⁶⁸, Бейрута начала VII в.⁴⁶⁹, Токры примерно 600 г. и середины VII в.⁴⁷⁰, Апаimei первой половины VII в.⁴⁷¹, Херсонеса первой четверти VII в.⁴⁷².

Как мы видим, краснолаковые миски «Late Roman C» form 10 type A, обнаруженные в рассматриваемом комплексе, в целом датируются временем от конца VI до середины VII в.

LRC 10 B. Венчик «Late Roman C» form 10 type B (Рис. 1.10, 13)⁴⁷³ имеет параллели а контекстах Афинской Агоры 575–600 гг.⁴⁷⁴, Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁴⁷⁵, Киферы первой четверти VII в.⁴⁷⁶, Константинополя 650–670 гг.⁴⁷⁷, Агия Галены 650–670 гг.⁴⁷⁸, Апаimei первой половины VII в.⁴⁷⁹.

LRC 10 B/C. Венчик переходного типа от LRC 10 B к LRC 10 C (Рис. 1.10, 14)⁴⁸⁰ находит аналогии в контекстах Бейрута начала VII в.⁴⁸¹, Хиоса первой половины VII в.⁴⁸², Константинополя 655–670 гг.⁴⁸³.

LRC 10 C. Параллели одному из трех венчиков LRC 10 C (Рис. 1.10, 15)⁴⁸⁴ встречены в контекстах Херсонеса первой четверти VII в.⁴⁸⁵ и Агии Галены 650–670 гг.⁴⁸⁶. Второй венчик (Рис. 1.10, 16)⁴⁸⁷ находит аналогии в контекстах Бейрута начала VII в.⁴⁸⁸, Токры примерно 600 г. и середины VII в.⁴⁸⁹, Херсонеса конца VI в.⁴⁹⁰, Хиоса первой половины VII в.⁴⁹¹. Аналогии третьему венчику (Рис. 1.10, 17)⁴⁹² выявлены в контекстах Бейрута начала VII в.⁴⁹³, Хиоса первой половины VII в.⁴⁹⁴, Апаimei первой половины VII в.⁴⁹⁵, Константинополя конца VI/начала VII в. и первой половины VII в.,⁴⁹⁶ Северного Причерноморья первой четверти-650/670 гг.⁴⁹⁷, Дээса конца VII в.⁴⁹⁸.

Соответственно, LRC 10 C из рассматриваемого комплекса относятся к началу VII в. – 650/670 гг.

Тремя венчиками представлена группа «African red slip wares». Их распределение следующее:

	Форма и тип	Количество	%
1	ARSW 99 C	1	33,3
2	ARSW 105	1	33,3
3	ARSW 87C/109	1	33,3
Всего		3	

Венчик формы ARSW 99 C (Рис. 1.10, 18)⁴⁹⁹ имеет параллели в контекстах Ильичевки 570–580-х гг.⁵⁰⁰, Афинской Агоры конца VI – начала VII в.⁵⁰¹, Бейрута начала VII в.⁵⁰², Токры примерно 600 г.⁵⁰³, Херсонеса конца VI в.⁵⁰⁴, Филипп 620-х гг.⁵⁰⁵. М.Бонифэ датирует тип концом VI–VII вв.⁵⁰⁶

Форма ARSW 105 (Рис. 1.10, 19)⁵⁰⁷ датируется исследователями 580/600–660 гг.⁵⁰⁸ Аналогичная нашей форма встречена в контексте Афинской Агоры первой половины VII в.⁵⁰⁹. Крайне важно, что аналогичную форму М. Бонифэ атрибутирует как ARSW 105 B и и датирует ее примерно серединой VII в.⁵¹⁰.

Параллели форме ARSW 87C/109 (Рис. 1.10, 20)⁵¹¹ встречены в контекстах последней трети VI в.⁵¹².

Как мы видим, африканские формы из нашего комплекса датируются концом VI – серединой VII в.

Имитации африканских форм представлены имитацией формы ARSW 93/97 и , предположительно, ARSW 101. Их соотношение следующее:

	Форма и тип	Количество	%
1	Имитации ARSW 93–97	5	83,3
2	Имитации ARSW 101?	1	16,7
Всего		6	

Преобладают *имитации африканских форм ARSW 93-97*. Первый из сосудов (Рис. 10, 21)⁵¹³, *имитирующих ARSW 93 или ARSW 95*⁵¹⁴, имеет аналогии в контекстах Ильичевки 570–580 гг.⁵¹⁵, Херсонеса середины третьей четверти VI в.⁵¹⁶, конца VI в.⁵¹⁷, первой четверти VII в. и 650–670 гг.⁵¹⁸. По всей видимости данный сосуд можно относить к середине VI – первой четверти VII в.

Второй сосуд (Рис. 1.10, 22)⁵¹⁹ имеет параллели в контекстах Ильичевки 570/580 гг.⁵²⁰, Херсонеса конца VI в., первой четверти и первой половины VII в.⁵²¹

Аналогии третьему сосуду (Рис. 1.10, 23)⁵²² выявлены в контекстах Генеральского второй четверти VI в.⁵²³, Ильичевки 570/580 гг.⁵²⁴, Херсонеса конца VI в. и первой четверти VII в.⁵²⁵ Соответственно данный фрагмент можно относить ко второй четверти VI – первой четверти VII в.

Параллели четвертому сосуду, имитирующего форму ARSW 93/97 (Рис. 1.10, 24)⁵²⁶ происходят из контекстов Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁵²⁷.

Пятый сосуд, имитирующий форму ARSW 93/97 (Рис. 1.10, 25)⁵²⁸, находит аналогии в контекстах Херсонеса середины третьей четверти VI в.⁵²⁹, конца VI в., первой четверти и первой половины VII в.⁵³⁰ и Ильичевки 570–580 гг.⁵³¹. Соответственно наш сосуд может относиться к середине VI – первой четверти VII в.

Имитация, по всей видимости, формы ARSW 101 (Рис. 1.10, 26)⁵³², имеет параллели в контекстах Ильичевки 570/580 гг.⁵³³, Херсонеса конца VI в., первой четверти VII в. и первой половины VII в.⁵³⁴.

Суммируем материалы, позволяющие датировать рассматриваемый комплекс.

	Датировка	количество	Типы датированных сосудов	Публикации
1	Вторая четверть VI–конец VI в.	1	Краснолаковая миска LRC 3 F	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 1
2	Вторая четверть/середина VI в. – первая-вторая четверть VII в.	2	Амфора LRA 1 B 2	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,1, 2
3	Вторая четверть VI – первая четверть VII в	6	Краснолаковая миска LRC 3 F; Краснолаковая миска LRC 3 G; Имитация ARSW 93–97; Амфора LRA 1 B 1	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 13, 16, 22, 24, 26; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,4
4	570/580 – вторая четверть VII в	3	Амфора LRA 1 B 1/2; Краснолаковая миска LRC 10 A; Имитация ARSW 93-97	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,3; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 5, 21
5	570/580 – конец VII в.	1	Амфора ADCB тип 5	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,2; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17, 2
6	570/580 г. – середина/третья четверть VII в	1	Амфора TRC 5.2.	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,1; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17, 1

	Датировка	количество	Типы датированных сосудов	Публикации
7	570/580–620-е гг.	1	Краснолаковая миска ARSW 99 C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 18
8	Последняя треть VI в.	1	Краснолаковая миска ARSW 87C/109	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 20
9	Конец VI – первая четверть VII в.	1	Имитация ARSW 93-97	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 23
10	Конец VI – первая половина VII в.	7	Краснолаковые миски LRC 10 A	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 2-4,6-9
11	Конец VI – середина/третья четверть VII в.	2	Эгейские глобулярные амфоры; Краснолаковая миска LRC 10 B	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 18, 2 ; Рис. 19,10
12	Начало – первая половина VII в.	2	Краснолаковая миска LRC 10 A; Краснолаковая миска LRC 10 C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 14, 15
13	Начало VII – 650/670 гг.	1	Краснолаковая миска LRC 10 B/C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 11
14	Начало – конец VII в.	1	Краснолаковая миска LRC 10 C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в

	Датировка	количество	Типы датированных сосудов	Публикации
				ранне-византийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 17
15	Первая половина – середина VII в	1	Краснолаковая миска ARSW 105	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 19
16	Первая четверть VII – 650/670 гг.	1	Краснолаковая миска LRC 10 C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 12
17	Середина (?) VII–VIII в.	2	Эгейские глобулярные амфоры	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 18, 1, 3
	Всего	34		

Графически выделенные 17 хронологических групп распределяются следующим образом:

17									
16									
15									
14									
13									
12									
11									
10									
9									
8									
7									
6									
5									
4									
3									
2									
1									
	525	550	575	600	625	650	675	700	Гг.

Несколько перегруппируем полученные группы, исходя из верхней даты:

	Датировка	количество	Типы датированных сосудов	Публикации
1	Вторая четверть – конец VI в.	2	Краснолаковая миска LRC 3 F; Краснолаковая миска ARSW 87C/109	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 1, 20.
2	Вторая четверть VI/ 570–580 гг./ конец VI в. – первая четверть VII в.	8	Краснолаковая миска LRC 3 F; Краснолаковая миска LRC 3 G; Имитация ARSW 93-97; Амфора LRA 1 B 1; Краснолаковая миска ARSW 99 C	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 13, 16, 18, 22, 23, 24, 26; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,4
3	Вторая четверть VI, середина VI в. / 570–580 гг. – первая–вторая четверть VII в	5	Амфора LRA 1 B 2; Амфора LRA 1 B 1/2; Краснолаковая миска LRC 10 A ; Имитация ARSW 93-97	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,1–3; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 5, 21.
4	Конец VI/начало VII – первая половина VII в.	10	Краснолаковые миски LRC 10 A, 10 C; Краснолаковая миска ARSW 105	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 2–4, 6–9, 14, 15, 19.
5	570/ 580, конец VI/начало VII/ первая четверть – середина /третья четверть VII в.	5	Амфора TRC 5.2; Эгейские глобулярные амфоры; Краснолаковая миска LRC 10 B, LRC 10 C	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,1; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17, 1. Рис. 18, 2. Рис. 19, 10, 11, 12.
6	Начало – конец VII в.	2	Амфора АДСВ тип 5; Краснолаковая миска LRC 10 C	Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,2; Голофаст Л.А.,

	Датировка	количество	Типы датированных сосудов	Публикации
				Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17, 2; Рис. 19, 17
7	Середина (?) VII–VIII в.	2	Эгейские глобулярные амфоры	Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 18, 1, 3
	Всего	34		

Важной для датировки является находка в рассматриваемом комплексе малой пряжки византийского круга с фигурным прорезным щитком, аналогичной пряжке из склепа 331 Скалистинского могильника, датированной А.И.Айбабиным концом VII в.⁵³⁵

На этом основании Л.А.Голофаст сделала вывод, что цистерна использовалась, возможно, до конца VII в., когда она была засыпана. Т.е. дата засыпки была отнесена исследовательницей к концу VII в.⁵³⁶

Однако датировка А.И.Айбабина была подвергнута сомнению И.О. Гавритухиным, который считает, что рассматриваемая обойма имеет полное соответствие среди пряжек выделенной им серии Неа Анхиалос – Артек, которые были широко распространены в балканских и малоазийских провинциях Византии и в Южном Крыму, включая Херсонес. По стилистическим соответствиям и по комплексам они датируются в рамках середины VI – первых десятилетий VII вв. И.О. Гавритухин считает, что рассматриваемая обойма принадлежит изделиям византийского круга середины VI – первых десятилетий VII вв., но никак не позже⁵³⁷. Мнение И.О. Гавритухина было приведено Л.А.Голофаст, однако собственного отношения к этой хронологической коллизии исследовательница не высказала, оставив датировку засыпки цистерны концом VII в., тем самым, косвенно согласившись с А.И. Айбабиным.

Вновь вернемся к полученным нами датам для керамики из рассматриваемого комплекса.

Первый возникающий вопрос типичен для комплексов, связанных с заполнениями цистерн. Он заключается в выяснении того, является ли комплекс результатом последовательного накопления мусорных наслоений, или это результат одного (нескольких) единовременных сбросов.

В первом случае заполнение цистерны могло образоваться на протяжении достаточно длительного промежутка времени, от второй четверти VI в. до второй половины VII в.

Полученные нами даты хронологических групп, на наш взгляд, указывают на то, что комплекс заполнения цистерны был результатом не последовательного процесса накопления мусорных напластований, а образовался в результате одного или двух сбросов.

Из семи хронологических групп наибольшее количество сосудов приходится на группы с верхней границей в пределах конца VI – первой четверти VII в., первой половины VII в. и середины третьей четверти VII в. При такой статистике возможны два сброса: конца VI – первой четверти VII в. и середины – третьей четверти VII в., или один — в первой половине – середине VII в. Учитывая хронологическую компактность материала, предпочтительнее говорить об одном сбросе, произошедшем в первой половине VII в. Соответственно, дата обоймы, предложенная И.А. Гавритухиным, находит полное подтверждение.

Если нижняя дата для Эгейских глобулярных амфор рассматриваемого типа в пределах середины VII в. верна, то время образования исследуемого комплекса следует относить к середине VII в. Более поздняя дата — конец VII в., предложенная А.И.Айбабиным и, с оговорками, поддержанная Л.А.Голофаст, ошибочна.

Синхронизация рассмотренных выше четырех контекстов показана на следующей таблице:

№		Херсонес				
		Датированные предметы	Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины)	Заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г.	Заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района городища. Раскопки Г.Д. Белова 1940 г.	Заполнение цистерны в посещении 9 А VIII квартала Северного района
1	АМФОРЫ	LRA 1				
2		Aegean Globular amphorae («LRA 13»)				
3		LRA 4				
4		LRA 8				

№			Херсонес			
5	АМФОРЫ	Зеест 9S=Carthage LR3=Benghazi LR 10				
6		Scorpan IX=Hayes 11				
7		ScorpanXV («коричне- воглиняные с перехватом»).				
8		Carotte				
9		D Snp II.				
10		АДСВ тип 5				
11		TRC 4				
12		TRC 5.2.				
13		TRC 6				
14		TRC 9				
15	КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА	чашка				
16		PRSW 1				
17		PRSW 5				
18		PRSW 7				
19		LRC 3 B/C				
20		LRC 3 C				
21		LRC 3 D				
22		LRC 3 E				
23		LRC 3 C/E				
24		LRC 3 E/F				
25		LRC 3 F				
26		LRC 3 F/G				
27		LRC 3 F/H				
28		LRC 3 G				
29		LRC 3 H				
30		LRC 10 A				
31		LRC 10 B				
32		LRC 10 B/C				
33		LRC 10 C				
34		LRD 2				

№			Херсонес			
35	КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА	LRD 9 C				
36		ARSW 91 C				
37		ARSW 93- 95/97 similis				
38		Carthage 6 similis				
39		ARSW 61 A				
40		ARSW 101 similis				
41		ARSW 87C/109				
42		ARSW 99 C				
43		ARSW 105				
44		Early Christian Ampulla				
45	КУХОННАЯ ПОСУДА	Com-Medit 23 (CATHMA 23)				
46		Пальчатая фибула				
47	ПРЯЖКИ	Пряжка серии Неа Анхиа- лос – Артек				
48	МОНЕТЫ	Юстиниан I 527–565 гг.				
49		Констант II 641–668 гг.				

Удалим из таблицы явную примесь более раннего материала («примесь снизу»).

№			Херсонес			
		Датирован- ные предметы	Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 (Слой разрушения хозяйственно- го помещения неподалеку от XVII кур- тины)	Заполнение цистерны «Н» в поме- щении 21 Се- верного рай- она. Раскопки 1931 г.	Заполнение цистер- ны «Е» в XV квартале Северного района горо- дища. Раскоп- ки Г.Д. Белова 1940 г.	Заполнение цистерны в посещении 9 А VIII кварта- ла Северного района
1	АМФОРЫ	LRA 1				
2		Aegean Globular amphorae («LRA 13»)				
3		LRA 4				
4		LRA 8				
5		Scorpan IX=Hayes 11				
6		ScorpanXV («коричне- воглиняные с перехватом»).				
7		D Snp II- Carotte				
8		АДСВ тип 5				
9		TRC 4				
10		TRC 5.2.				
11		TRC 6				
12		TRC 9				
13	КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА	LRC 3 F				
14		LRC 3 F/G				
15		LRC 3 F/H				
16		LRC 3 G				
17		LRC 3 H				
18		LRC 10 A				
19		LRC 10 B				
20		LRC 10 B/C				
21		LRC 10 C				

№			Херсонес			
22		LRD 9 C				
23		ARSW 93-95/97 similis				
24		Carthage 6 similis				
25		ARSW 101 similis				
26		ARSW 99 C				
27		ARSW 105				
28		Early Christian Ampulla				
29	КУХОННАЯ ПОСУДА	Com-Medit 23 (CATHMA 23)				
30	ПРЯЖКИ	Пальчатая фибула				
31		Пряжка серии Неа Анхиалос – Артек				
32		Констант II 641-668 гг.				

Как мы видим, образование слоя 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 гг. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины) и заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района (раскопки 1931 г.) относятся к 650–670 гг. Заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района городища (раскопки Г.Д. Белова 1940 г.) датируется 670-ми годами. Заполнение цистерны в пом. 9А VIII квартала Северного района приходится примерно на середину VII в. Следовательно, все перечисленные контексты можно датировать примерно третьей четвертью VII в. с тенденцией к 70-м гг. этого столетия.

Керчь

1. Раскол 1990–1992 гг. в Кооперативном переулке

Рис. 1.11. Керчь. Нижний город. Сравнительная стратиграфия участков Т.И. Макаровой (1-3), А.И. Айбабина (4) и итоговая синхронизация слоев (5)

Из текста соответствующего раздела книги и статьи А.И. Айбабина⁵³⁸ выясняется следующая стратиграфия (снизу вверх) (Рис. 1.11):

1. Слой D.
2. Слой пожара В последней четверти VII в., на котором стоят стены помещения 12.
3. Яма с золой в помещении, связанная с очагом.
4. Слой серого суглинка, перекрывающего яму.
5. Слой серо-коричневого суглинка.

К интересующему нас периоду второй половины VII в. относятся слои 1-4.

1.1. Слой D

Материалы слоя D публиковались несколько раз. Первоначальная публикация была осуществлена в книге А.И. Айбабина 1999 г.⁵³⁹ В 2013 г. А.В. Смокотинной были скорректированы определения краснолаковой посуды из слоя. Сами рисунки в статье А.И. Айбабина 2013 г. были перекопированы из книги 1999 г. без изменений, если за таковые не считать перенумерацию фрагментов⁵⁴⁰. Атрибуция значительной части комплекса, предложенная А.И. Айбабиным, требует корректировки, как и структура таблиц с рисунками. Сами рисунки выполнены схематично, что создает проблемы при атрибуции сосудов. Данные обстоятельства вынуждают проанализировать этот комплекс заново.

С точки зрения хронологии опубликованные фрагменты керамики из слоя распадаются на три группы: IV – первой половины V в. (краснолаковые миски форм PRSW 1, PRSW 4), второй половины V – первой трети VI в. (LRC 3 E,

клеймо мотива 35, PRSW 7), середины VI в. – 650/670 гг. (Амфоры: коричневоглиняные с перехватом, АДСВ тип 5, TRC 4.3; краснолаковые формы LRC 10 A-C). Последняя хронологическая группа и является датирующей.

	Хронологические группы	Амфоры	Лак	Количество фрагментов	%
1	Середина VI – 650/670 гг.	5	10	15	65,2
2	Вторая половина V-первая треть VI в.		4	4	17,4
3	IV – первая половина V в.		4	4	17,4
	Всего	5	18	23	

Рассмотрим датирующую группу.

Амфоры

Амфоры представлены амфорами с перехватом, амфорами типа 5 по АДСВ и критскими типа TRC 4.3.

Их соотношение следующее:

	Тип	количество	Датировка
1	Коричневоглиняные с перехватом (Айбабин 2013, рис. 2, 6)	1	VI–VII вв.
2	АДСВ тип 5 (Айбабин 2013, рис. 2, 13, 18, 20)	3	VI–VII вв.
3	TRC 4.3 (Айбабин 2013, рис. 2, 24)	1	Вторая четверть VI – третья четверть VII в.
	Всего	5	

Приведенные нами определения серьезно отличаются от сделанных А.И. Айбабиным в рассматриваемой статье. Обоснуем наши определения.

Три сосуда атрибутированы А.И. Айбабиным как амфоры «с перехватом»⁵⁴¹. Один из них, представляющий собой корпус амфоры, действительно относится к амфорам с перехватом (Рис. 1.12, 1)⁵⁴². Два других горла не имеют отношения к указанному типу, являясь вариантами хорошо известных понтийских красноглиняных амфор типа 5 по АДСВ, датирующихся VI–VII вв. Одно горло (Рис. 1.12, 2)⁵⁴³ находит параллели с амфорами типа 5 по АДСВ из контекстов конца VI в.⁵⁴⁴ и 650–670 гг.⁵⁴⁵. Второе горло (Рис. 12, 3)⁵⁴⁶ имеет аналогии с амфорами типа 5 по АДСВ из контекстов Тиритак и Херсонеса второй четверти VI – начала VII в.⁵⁴⁷.

Одно горло определено А.И. Айбабиным как тип 10 по типологии амфор константинопольского квартала Сарачане, датирующийся VII–VIII в. (Рис. 1.12, 4)⁵⁴⁸. Аналогия, однако, опять ошибочная, в чем нетрудно убедиться, сравнив венчик амфоры из Керчи и Сарачан. Амфора из Керчи является одним из вариантов тех же понтийских амфор типа 5 по АДСВ, датирующихся VI–VII вв.⁵⁴⁹

Наконец, одно горло⁵⁵⁰ принадлежит критским амфорам типа TRC 4.3, датирующегося второй четвертью VI – третьей четвертью VII в. (Рис. 1.12, 5)⁵⁵¹.

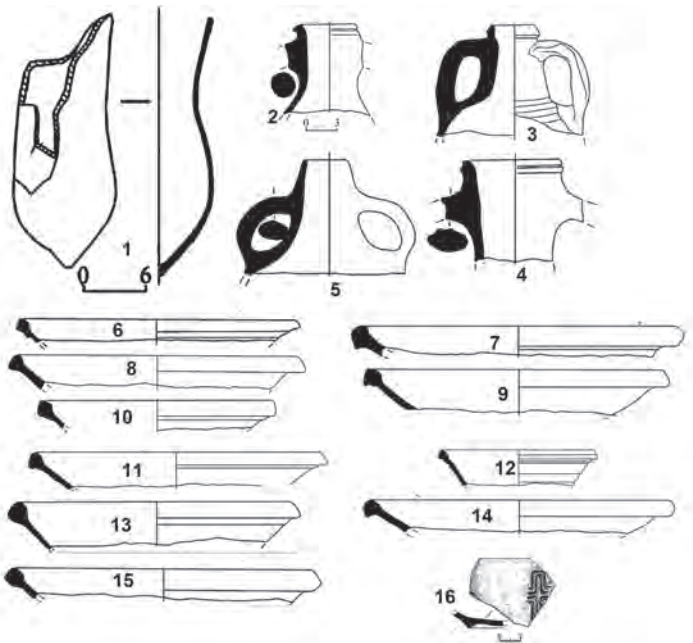

Рис. 1.12. Керчь. Слой D. 1 — амфора «с перехватом», 2–4 — АДСВ тип 5, 5 — TRC 4.3, 6 — краснолаковая миска переходной формы от LRC 3 к LRC 10, 7–13 — краснолаковые миски LRC 10 A, 14 — краснолаковая миска LRC 10 B, 15 — краснолаковая миска LRC 10 C, 16 — штамп в виде креста мотива 71 третьей хронологической группы Дж. Хейса

Краснолаковая керамика

Датирующие краснолаковые сосуды представлены формами А, В, С группы LRC 10 при абсолютном доминировании LRC 10 A. Их соотношение показано на следующей таблице:

	Форма	количество	Датировка
1	Переходная форма от LRC 3 к LRC 10 (Айбабин 2013. Рис. 2, 19)	1	середина/конец VI в. – 650/670 гг.
2	LRC 10 A (Айбабин 2013. Рис. 2, 9, 10, 12, 14, 15–17)	7	540-е гг. – первая половина VII в.
3	LRC 10 B (Айбабин 2013. Рис. 2, 7)	1	Последняя четверть /конец VI – середины третьей четверти VII в.

	Форма	количество	Датировка
4	LRC 10 C (Айбабин 2013. Рис. 2, 8)	10	Первая четверть VII – 650/670 гг.
	Всего	10	

Для уточнения хронологии вновь обоснуем наши определения. Обнаруженные в комплексе краснолаковые сосуды **LRC 10 A** (Рис. 1.12, 7–13) имеют аналогии из контекстов конца VI – первой половины VII в.⁵⁵², конца VI – первой четверти VII в.⁵⁵³, конца VI в.⁵⁵⁴, может быть, третьей четверти VII в.⁵⁵⁵, второй половины VI – первой четверти VII в.⁵⁵⁶, конца VI – середины VII в.⁵⁵⁷, первой половины VII в.⁵⁵⁸.

Из перечисленных параллелей представляется несомненным, что LRC 10 A могут датироваться временем от 580-х гг. до середины VII в.

Фрагмент, который можно отнести к LRC 10 B (Рис. 1.12, 14)⁵⁵⁹, имеет параллели в контекстах 575–600 гг., конца VI в., первой четверти VII в. и 650–670 гг.⁵⁶⁰. Комплексы позволяют относить форму LRC 10 B к периоду от последней четверти – конца VI до середины/третьей четверти VII в.

Наконец, один датирующий венчик может быть отнесен к LRC 10 C (Рис. 1.12, 15)⁵⁶¹. Параллели ему прослеживаются в контекстах первой половины VI в. – 650/670 гг.⁵⁶² В целом форма LRC 10 C, видимо, может быть датирована периодом от первой четверти VII до 650/670 гг.⁵⁶³. По крайней мере, автор данного раздела не видит оснований для пересмотра этой ранее предложенной даты.

Еще одну миску можно отнести к переходной форме от LRC 3 к LRC 10. Параллели позволяют датировать ее примерно серединой/концом VI в. – 650/670 гг. (Рис. 1.12, 6)⁵⁶⁴.

К этому добавим штамп в виде креста мотива 71 третьей хронологической группы Дж. Хейса (Рис. 12, 16)⁵⁶⁵. Этот штамп встречается как на мисках LRC 3, так и LRC 10. Суммарно, без четкой привязки к форме 3 или 10, он может относиться к VI в. – 650/670 гг.⁵⁶⁶.

Несколько слов следует сказать о более ранней керамике из комплекса, которая не является датирующей.

Одна миска относится к типу LRC 3 E. Параллели ей известны в контексте первой трети VI в.⁵⁶⁷ Еще одна миска находит параллели с формой LRC 3 из контекста также первой трети VI в.⁵⁶⁸. К этой же хронологической группе относится клеймо мотива 35 второй хронологической группы, датирующейся третьей четвертью V – второй четвертью VI в.⁵⁶⁹.

Три миски относятся к условной форме «PRSW 1», датирующейся IV – началом V в.⁵⁷⁰, одна — к «PRSW 7» второй половины V в.⁵⁷¹ В последнем случае А.И. Айбабин, со ссылкой на Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 427, fig.

13, 575–577, утверждает, что блюда формы PRS 7 встречены в Танаисе в слоях второй половины V – первой четверти VI вв.⁵⁷². Дело, однако, в том, что в Танаисе нет слоев второй половины V – первой четверти VI в. Такую грубую ошибку не могла сделать А.В. Смокотина, которой, несомненно, известны по публикациям как дата самого позднего слоя Танаиса, так и проблемы, связанные с ее определением (конец IV – первая половина V в., в одной версии, или середина IV – начало V в. в другой). По всей видимости, данная фраза является результатом дополнения А.И. Айбабиным корректного определения сосуда, сделанного А.В. Смокотиной. Одна миска соответствует форме PRSW 4, датирующейся концом IV – серединой V в.⁵⁷³.

Вместе с тем атрибуция одной миски, сделанная, видимо, А.В.Смокотиной, как ARSW 82B вызывает сомнения⁵⁷⁴. У миски из Керчи утолщенные стенки, присутствуют горизонтальные канелюры на стенках и, напротив, отсутствует характерный для C 5 орнамент в виде вертикальных наклонных линий⁵⁷⁵. Отличия весьма существенные, не позволяющие отождествить миску из Керчи с предложенной африканской формой. Речь, в лучшем случае, может идти об ее имитации. В этом случае датировка имитационной формы может примерно соответствовать датировке прототипа, т.е. вторая половина V – нач. VI в.⁵⁷⁶.

Проведенный анализ показывает, что рассматриваемый слой при условии его единовременного формирования можно датировать периодом от первой четверти VII в. до 650–670 гг. Дату корректируют находка в слое монеты 654/659 гг., а также то обстоятельство, что вышележащий слой В является слоем пожара. Тем самым если данный слой D является результатом единовременного события, то время его образования можно отнести к 650-м гг. – 660-м гг. Если слой отражает время функционирования комплекса, то его можно датировать в рамках середины VI в. – 650–660-м. гг.

1.2. Слой пожара В. (Рис. 1.13, А)

В слое пожара В были обнаружены стенка глобулярной амфоры с зональным рифлением (т.н. LRA 13) (Рис. 1.13 А, 5), два горла коричнево-глиняных амфор с перехватом (Рис. 1.13, А, 3, 4), венчик краснолаковой миски LRC 10 С (Рис. 1.13, А, 1) и венчик горшка (Рис. 1.13, А 2). Вновь отметим ошибку А.И. Айбабина, принявшего ножку «колпачковой» амфоры IV в. до н.э. за амфору типа Зеест 95=LR 10⁵⁷⁷.

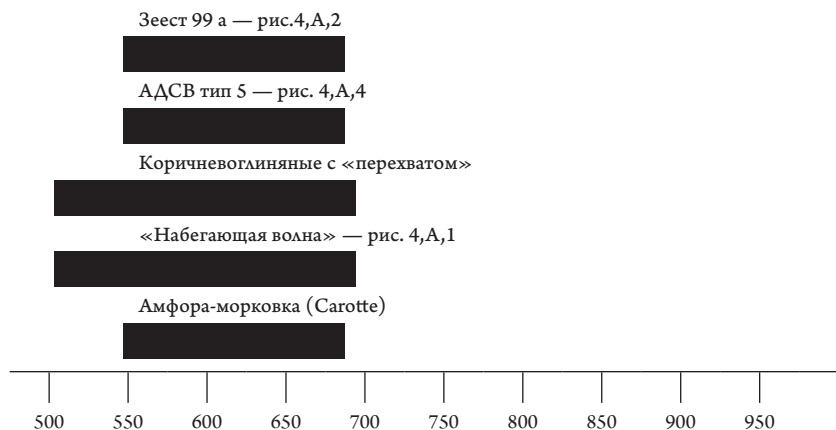
Необходимо отметить, что морфология одной и той же краснолаковой миски, воспроизведенной в статье 2013 г., претерпела изменения по сравнению с предшествующими публикациями²⁷⁸. Будем исходить из первой, по всей видимости, наиболее достоверной публикации 1999 г. Рисунок миски в монографии А.И.Айбабина 1999 г. дает основание отнести ее к LRC 10 С и датировать первой четвертью VII в. – 650/670 гг. (Рис. 1.13, А, 1)⁵⁷⁹.

Рис. 1. 13. Керчь. Слой пожара В (А): 1 — краснолаковая миска LRC 10 С, 2 — венчик горшка, 3, 4 — амфоры «с перехватом», 5 — Эгейская глобулярная амфора; яма с золой (Б): 1 — амфора LRA1, 2 — амфора TRC 4, 3, 4 — амфоры ADCB тип 5; слой серого суглинка (Б): 1–11 — амфоры LRA 1, 12–17 — амфоры «с перехватом», 18–20 — амфоры ADCB тип 5, 21, 22 — амфоры LRA2/13 с обычным рифлением, 23, 24 — Эгейские глобулярные амфоры, 26 — амфора «Carotte» 30 — гончарный сероглиняный горшок с насечкой на венчике, 33 — ручка красноглиняного кувшина, 34 — кастрюля типа CATHMA 11, 31, 38, 40, 42 — лепные кувшины, 35 — венчик красноглиняного кувшина, 39 — стенка кухонного орнаментированного сосуда, 43 — венчик стеклянной рюмки, 44 — ножка стеклянной рюмки, 45 — ножка стеклянной лампы.

Сочетание циклов этих амфор показывает, что образование комплекса при условии единовременной засыпи может быть помещено с равной вероятностью в промежуток времени от второй четверти VI в. до 650/670 гг. – конца VII в. Иными словами, керамический комплекс не дает возможности узкой датировки. Важнейшим ограничением «снизу» является находка уже упоминавшейся монеты 654–659 гг. н.э. Соответственно, дата засыпи ямы, отражающей заключительный этап функционирования помещения, приходится на примерно последнюю треть VII в. В принципе эта дата почти совпадает с предложенной А.И. Айбабиным, однако с той разницей, что засыпь ямы у очага ни в коем случае не могла быть сделана после прекращения функционирования постройки.

Принципиальные возражения вызывают у нас интерпретация и датировка А.И. Айбабиным следующего, вышележащего слоя, охарактеризованного как «слой серого суглинка», перекрывавший яму в «котловане жилища»⁵⁹⁰.

1.4. Слой серого суглинка. (Рис. 1.13, В)

Вообще, сам термин «керамика из заполнения котлована», употребляемый А.И. Айбабиным для обозначения местонахождения вещей, представляется неудачным. Часть рассматриваемых помещений сооружены в небольших котлованах, но анализируемые находки происходят из заполнения помещений, а не из строительных котлованов под них.

Рассматриваемый слой серого суглинка, судя по чертежу и описанию перекрывает остатки очага и заполняет помещение 12⁵⁹¹. Тем самым он отражает время разрушения помещения. Трактовка его А.И. Айбабиным как слоя, накопившегося за период использования дома, ошибочна. По сведениям публикации, из слоя заполнения помещения (котлована, по А.И. Айбабину) происходят находки, подробный анализ которых предлагаем ниже.

Предварительно необходимо оговорить еще один момент. Дело в том, что в статье А.И. Айбабина атрибуции большей части сосудов в подрисуночной подписи противоречат определениям тех же сосудов в тексте статьи. В результате получается, что, например, в подрисуночной подписи амфора определена как палестинская, а в тексте как «LR 1» (набегающая волна) с соответствующими аналогиями. Кроме того, в ряде случаев одни и те же фрагменты отнесены к разным слоям. К сожалению, не избежали этой участи и монеты. В силу этих обстоятельств, а также ошибочности ряда ключевых датирующих аналогий считаем необходимым провести весь анализ керамического комплекса слоя заново. При этом в каждом случае оговариваются и исправляются ошибки публикации.

Итак, в публикации представлены находки амфор, простой гончарной и лепной керамики.

Амфоры

В слое обнаружены фрагменты амфор разного времени, подавляющая часть из них — датирующие, но есть и примесь более раннего материала из нижележащих слоев.

К такой примеси относится ручка узкогорлой светлоглиняной амфоры типа А (а не С!) I в.н.э. — Зеест 64 б⁵⁹². Впрочем, типологическая неточность здесь особой роли не играет. Много хуже то обстоятельство, что несколькими строками ниже в тексте статьи А. И. Айбабин определяет тот же фрагмент как датирующий и относит его к типам 5 и 10 по А.Л. Якобсону. Что же в действительности? Упомянутые типы А.Л. Якобсона взаимноисключаемы. Тип 5 соответствует амфорам типа 5 по АДСВ, а тип 10 — амфорам с воронковидным горлом. Морфология фрагмента однозначно исключает принадлежность к этим двум типам⁵⁹³. Следовательно, первое определение ручки как узкогорлой светлоглиняной типа А остается в силе.

Второй фрагмент из «примеси» — овальная в сечении ручка на Рис. 6, II, 8. Она правильно отнесена в подрисуночной подписи к амфорам типов Зеест 83, 85, 89 II–III вв. н.э., однако в тексте статьи определена уже как коричневоглиняная с перехватом, что, конечно неверно. Эти два фрагмента составляют примесь I–III вв. Кроме того, как примесь несколько более позднего времени, IV–VI вв., правильно рассмотрены фрагменты амфор Зеест 96–97. Итак, примесь представлена хронологическими группами I–III и IV–VI вв.

Датирующие амфоры представлены амфорами «набегающей волны», с воронковидным горлом, АДСВ тип 5, м.б. «Carotte».

1. Светлоглиняные «набегающая волна» (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 1–3, 5)⁵⁹⁴.

- 1.1. Стенки (Рис. 1.13, В, 7–11) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 1; Рис. 5, 14–16, 19–20)⁵⁹⁵ с рифлением не имеют узкой датировки и могут датироваться всем временем существования типа⁵⁹⁶. Отметим, если в тексте статьи одна стенка атрибутирована правильно, то в подрисуночной подписи она фигурирует как «тип Riley LR 13», что ошибочно.
- 1.2. Венчик (Рис.1.13, В, 1) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 2)⁵⁹⁷ в тексте определен как «набегающая волна», в подрисуночной подписи как палестинская амфора (LR 5). Правильна первая атрибуция. Данный венчик относится к нашему типу 4 и датируется 550–580 гг. – VII в.⁵⁹⁸
- 1.3. Ручка (Рис. 1.13, В, 2) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 3)⁵⁹⁹ по подрисуночной подписи атрибутирована как Якобсон S=АДСВ тип 5, а в тексте как «набегающая волна». Правильна, по всей видимости, атрибуция как «волны», на что указывает профилировка этой и следующей ручки. Ручки этого типа встречены в комплексах 570–580 гг., конца VI – начала VII в. и конца VII в.⁶⁰⁰. Вместе с тем необходимо отметить, что и тип 5 по АДСВ иногда имеет близкую профилировку ручек с двумя валиками на верхней плоскости⁶⁰¹. Однако, она все-таки немного отличается от нашей.
- 1.4. Ручка (Рис. 1.13, В, 3) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 5)⁶⁰² в тексте определена как «набегающая волна» или LR1 а. Этому противоречат сведения подрисуночной подписи, где эта ручка фигурирует как Якобсон тип 5, что соответствует типу 5 по АДСВ 7. Правильна, по всей видимости, атрибуция как «волны». Примечание к предшествующей ручке справедливо и для данного экземпляра.
- 1.5. Ручка (Рис. 1.13, В, 4) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 13)⁶⁰³ относится к нашему типу 3.1.3. Датируется по аналогиям из комплексов второй четвертью VI – первой четвертью VII в. Не исключено продолжение существования до 650–670 гг.⁶⁰⁴
- 1.6. Ручка (Рис. 1.13, В, 6) (Айбабин А. И., 2000. Рис. 5, 32)⁶⁰⁵ относится к нашему типу 5 и по комплексам имеет датировку 500/550–600/670 гг.⁶⁰⁶
- 1.7. Ручка (Рис. 1.13, В, 5) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 33)⁶⁰⁷ относится к нашему типу VI и датируется 570/580 – 650/670 гг.⁶⁰⁸
2. «Carotte» (Рис. 1.13, В, 26) (Айбабин А.И., 2000.Рис. 6,II, 4)⁶⁰⁹

В тексте охарактеризована как набегающая волна, в подрисуночной подписи как LR 5-т.е. палестинская амфора. Поскольку упоминается среди «желобчатых светлоглиняных стенок(!)», т.е. основания расценивать ее как светлоглиняную. В таком случае отпадает ее атрибуция как палестин-

ской. Однако профилировка ручки с одним валиком на верхней плоскости дает еще одну возможность интерпретации. Действительно, известны ручки с близкой профилировкой амфор «набегающей волны» нашего типа 1.2. из комплексов второй четверти VI – конца VI / начала VII в.⁶¹⁰ Но ближе другой тип — т.н. амфоры «Carotte», которые также светлоглиняные⁶¹¹. Итак, возможна двоякая атрибуция этой ручки: как «набегающей волны» или как «Carotte». С нашей точки зрения принадлежность к типу «Carotte» несколько более вероятна из-за профилировки ручки. Аналогичные ручки амфор «Carotte» зафиксированы в комплексах конца VI – начала VII в., что, впрочем, может и не соответствовать верхней границе типа, поскольку более поздние комплексы единичны и документация по ним в подавляющем большинстве случаев оставляет желать лучшего. Такие ручки вполне могли быть приняты за «набегающую волну», не быть зафиксированы или просто не попасть в комплекс.

3. Амфоры LRA 13 с волнистым и зональным рифлением (Рис. 1.13, В, 24) (Айбабин А. И., 2000. Рис. 7, 3)⁶¹².

На таблице А.И. Айбабина приведена стенка такой амфоры, которая датирована VIII в. на основании одной ссылки на аналогии из Отранто. Дело обстоит, однако, сложнее. Аналогичные стенки известны и в более ранних комплексах, прежде всего в туннеле Эвпалина с монетами конца VII в. и в Агия Галлена с монетами 641–668 гг.⁶¹³. Тем самым датировать ее исключительно VIII в. нельзя. К тому же тип LRA13, как уже говорилось, может датироваться в пределах конца VI – конца VII/начала VIII в.⁶¹⁴, после чего начинается его местная, в данном случае причерноморская имитация VIII – первой половины IX в.⁶¹⁵.

4. Глобулярная амфора (LRA 13) с зональным рифлением (Рис. 1.13, В, 23) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 7, 2)⁶¹⁶.

Амфоры с зональным рифлением связаны с тем же типом амфор LRA 13, что и предшествующий экземпляр. Принципиален вопрос: с какого времени появляется зональное рифление на рассматриваемых амфорах? Как известно, А.А. Якобсон связывал этот тип рифления с амфорами VIII–IX вв., что и послужило основанием для определения А.И. Айбабиным данного фрагмента как причерноморской амфоры первого варианта и соответствующей датировки в пределах VIII – первой половины XI в.⁶¹⁷.

Ситуация, однако, опять же, значительно сложнее. Такой тип рифления известен на амфорах конца VI – начала VII в.⁶¹⁸, 650–670 гг.⁶¹⁹, конца VII – начала VIII в.⁶²⁰, первой половины IX в.⁶²¹ и в самых поздних комплексах начала XI в.⁶²². В последнем случае речь идет о «примеси снизу». В целом положение здесь то же, что и в предшествующем случае. В ранневизантийский период это импортные амфоры LRA 13, по стандарту которых в VIII –

первой половине IX в. идет выпуск амфор местного «причерноморского» производства.

Поскольку в нашем случае имеется только фрагмент стенки с зональным рифлением, то, соответственно, он может датироваться широким промежутком времени от конца VI до, видимо, середины IX в.

Важным фактом является предназначение амфор LRA 13 как контейнеров для перевозки *annona militaris*.

5. Коричневоглиняные «с перехватом» (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 21–26).

5.1. Горло амфоры «с перехватом» (Рис. 1.13, В, 12) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 26)⁶²³. Венчик находит аналогии в комплексах второй четверти VI – первой четверти VII в.⁶²⁴. Вместе с тем нельзя исключать бытование этого типа венчика до 650–670 гг., поскольку комплексы этого времени, содержащие коричневоглиняные амфоры «с перехватом», единичны и амфоры с таким типом венчика могли в них просто не попасть или не быть зафиксированы при старых раскопках.

5.2. Ручки (Рис. 1.13, Б, 13–15) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 21–23)⁶²⁵. Такие ручки известны на амфорах из комплексов второй четверти VI – конца VI / начала VII в.⁶²⁶

5.3. Уплощенная ручка (Рис. 1.13, В, 16) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 24)⁶²⁷. Имеет аналогии в комплексах третьей четверти V в. и второй четверти VI в.⁶²⁸

5.4. Ручка (Рис. 1.13, В, 17) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 25)⁶²⁹. Аналогичные ручки на коричневоглиняных амфорах «с перехватом» встречены в комплексах от третьей четверти V до конца VI – начала VII в.⁶³⁰

АДСВ тип 5. (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 27, 28).

6.1. Ручка с выделенным валиком на верхней плоскости (Рис. 1.13, В, 18) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 27)⁶³¹. Ручка имеет аналогии на амфорах из комплексов второй четверти VI – VII вв.⁶³²

6.2. Ручка со слабо выделенным валиком на верхней плоскости (Рис. 1.13, В, 19) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 28)⁶³³. Датировка ее по комплексам та же, что и предшествующей ручки⁶³⁴.

6. Зеест 96–97 (Рис. 1.13, В, 25) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 5, 31).

В таблице и подрисуночной подписи в статье А.И. Айбабина приведены ручка и ножка этих амфор. Однако следует отметить, что ручка типа Зеест 96–97, по всей видимости, является примесью из нижележащего слоя, поскольку производство этих амфор заканчивается в 80-е гг. VI в.⁶³⁵ Ножка, определенная в подрисуночной подписи А.И. Айбабина как Зеест 96–97,

судя по характерному расширению в нижней части и размерам, не относится к этим амфорам, а является обычной ножкой боспорских амфор эллинистического времени.

В итоге по данным публикации соотношение типов амфор из серого слоя заполнения помещения за вычетом явной примеси раннего материала выглядит следующим образом:

№	Название типа	венчики	ручки	стенки	Всего	%	Кол-во сосудов	%
1	АДСВ тип 5 (Рис. 1.13, В, 18–20)		2	1	3	11,5	2	16,7
2	Набегающая волна (Рис. 1.13, В, 1–11)	1	5	6	12	46,2	3	25
3	Глобулярные амфоры с зональным рифлением (Рис. 1.13, Б, 23)			1	1	3,8	1	8,3
4	Глобулярные амфоры (т.н. LRA13) с волнистым и зональным рифлением (Рис. 1.13, В, 24)			1	1	3,8	1	8,3
5	Амфоры LRA2/13 с обычным рифлением (Рис. 1.13, В, 21, 22)			2	2	7,6	1	8,3
6	Коричневоглиняные с перехватом (Рис. 1.13, В, 12–17)	1	5		6	23,1	3	25
7	Амфоры «Carotte»		1		1	3,8	1	8,3
Всего		2	13	11	26		12	

Для более корректной статистики типов объединим данные по амфоры с воронковидным горлом.

Итоговая статистика амфор слоя серого сутлинка из заполнения помещения 12 (т.н. котлована) выглядит следующим образом:

№	Название типа	венчики	ручки	стенки	Всего	%	Кол-во сосудов	%
1	LRA 1 (набегающая волна)	1	5	6	12	48,2	3	25
2	Коричневоглиняные с перехватом	1	5		6	23,1	3	25
3	LRA 13			4	4	15,4	3	25
4	АДСВ тип 5		2	1	3	11,5	2	16,7

№	Название типа	венчики	ручки	стенки	Всего	%	Кол-во сосудов	%
5	Амфоры «Carotte»		1		1	3,8	1	8,3
	Всего	2	13	11	26		12	

Простая гончарная керамика

1. Кастрюля типа СATHMA 11 (Рис. 1.13, В, 34) (Айбабин А.И. 2000. Рис. 8, II, 6)⁶³⁶.

А.И. Айбабин определил этот горшок как Sarachane Ware 4 и датировал его VII–VIII вв.⁶³⁷ Такая аналогия и атрибуция ошибочны. Указанного в качестве аналогии горшка из Сарачан совершенно другой профиль венчика. Прямая и правильная аналогия другая — тип 11 Comm. Med. или СATHMA 11, по К. Рэйно, Ж-К. Трелиа, П. Рейнольдсу и И. Ваксман, который датируется не VII–VIII вв., а 480/520 гг. – первой половиной VII в.⁶³⁸.

2. Венчик красноглиняного кувшина. (Рис. 1.13, В, 35) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 8, 7)⁶³⁹. Не имеет четкой датировки.

3. Ручка красноглиняного кувшина (Рис. 1.13, В, 33) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 6, II, 6).⁶⁴⁰ В тексте фигурирует как палестинская амфора⁶⁴¹. Правильна атрибуция в подрисуночной подписи. Не имеет четкой датировки.

4. Гончарный сероглиняный горшок с насечкой на венчике (Рис. 13, В, 30) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 8, 3)⁶⁴². А. И. Айбабин расценивает их как подобные горшкам из Тау-Кипчака и Тепсеня. Причем яму 6 из Тау-Кипчака он относит к VIII – первой половине IX вв.⁶⁴³ Такая аналогия ошибочна.

Лепная посуда

1. Лепные кувшины (Рис. 1.13, В, 31, 38, 40, 42) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 8, 5, 13-15, 17)⁶⁴⁴.

Атрибуция всех этих сосудов как кувшинов типологически сомнительна, что, однако, в данном случае не столь важно. Важнее то, что все они не имеют четкой датировки.

2. Лепные сероглиняные горшки банковидной формы с отогнутым наружу венчиком, украшенным ногтевидным давлением (Рис. 1.13, В, 32) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 8, 10)⁶⁴⁵. Не имеют четкой датировки.

Стекло

1. Венчик и ножка рюмки (Рис. 1.13, В, 43, 44) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 7, 5, 6)⁶⁴⁶. Общеизвестна дата этих сосудов от второй половины или конца V до VIII–IX вв.⁶⁴⁷

2. Ножка лампы (Рис. 1.13, В, 45) (Айбабин А.И., 2000. Рис. 7, 4)⁶⁴⁸. Ошибочно названа рюмкой. Такие ножки имеют время бытования в пределах второй половины V–VII вв.⁶⁴⁹.

Монеты

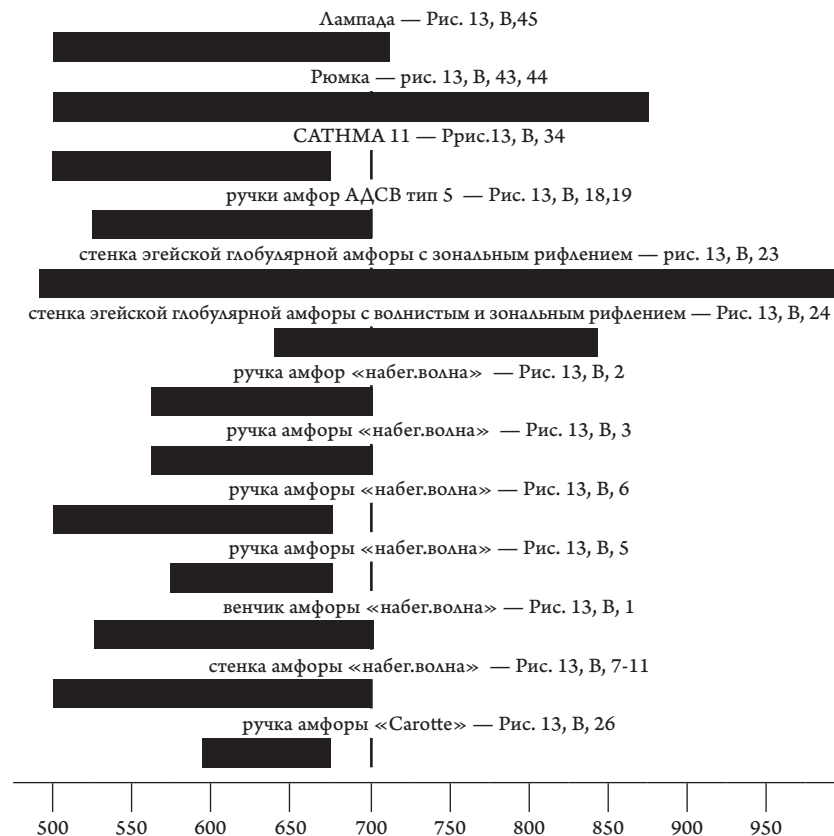
Важнейшими реперами для датировки являются монеты. Однако и здесь мы сталкиваемся с трудно объяснимым противоречием. В рассматриваемой статье утверждается, что фоллис Юстиниана II (686–687 гг.) был найден в данном слое серого суглинка. Как пишет А.И. Айбабин: «**Слой серого суглинка** накопился за период использования дома. **В этом слое** (т.е. серого суглинка. — Подчеркнуто мной. — Авт.) у западной стены чуть выше ее основания найден **фоллис Юстиниана II** (686–687 гг.)»⁶⁵⁰. Однако годом раньше, в книге 1999 г. тот же автор писал: «Западнее дома 12 **в том же серо-коричневом слое Г** (подчеркнуто мной. — Авт.), немного выше уровня основания стен, лежали полуфоллис Ираклия с соправителем Ираклия Константином, чеканенным в 612–638 гг., **фоллис первого правления Юстина II** (686–687 гг.)»⁶⁵¹. Юстин II, конечно, досадная опечатка. Но ведь получается, что одна и та же монета была найдена по книге 1999 г. в слое Г второй половины IX в., а в статье 2000 года — в слое серого суглинка конца VII – начала VIII в. (наша дата слоя) или VIII – первой половины IX в. (дата слоя по А.И. Айбабину). Последняя версия А.И. Айбабина о месте находки этой монеты выглядит следующим образом: «В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII – первой половины IX вв. и конца IX–X вв. У основания жилища раннего строительного периода нашли определенный В. А. Сидоренко фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.)»⁶⁵². Где же все-таки был найден злосчастный фоллис?

Рассмотренные выше датировки предметов из серого слоя могут быть сведены в следующую таблицу.

№	Название типа и рисунок в данной статье	Фрагмент	Рисунок в статье А.И. Айбабина (Айбабин 2000)	Дата
1	Светлоглиняная амфора с рифлением типа «набегающей волны» (Рис. 1.13, В, 7–11)	стенки	Рис. 5, 14–16, 19–20; Рис. 6, II, 1;	Первая половина V–VII в.
2	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 1)	венчик	Рис. 6, II, 2	550/580 – VII в.
3	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 2)	ручка	Рис. 6, II, 3	570/580 – VII в.
4	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 3)	ручка	Рис. 6, II, 5	570/580 – VII в.

№	Название типа и рисунок в данной статье	Фрагмент	Рисунок в статье А.И. Айбабина (Айбабин 2000)	Дата
5	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 4)	ручка	Рис. 5, 13	VI – первая четверть VII в. м. б. до 650/670 гг.
6	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 6)	ручка	Рис. 5, 32	500/550 – 600/670 гг.
7	Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (Рис. 1.13, В, 5)	ручка	Рис. 5, 33	570/580 – 650/670 гг.
8	Глобулярная красноглиняная амфора (т.н. LRA 13) с волнистым и зональным рифлением (Рис. 1.13, В, 24)	стенка	Рис. 7, 3	650–670 гг. – первая половина IX в.
9	Красноглиняная амфора LRA 13 с зональным рифлением (Рис. 1.13, В, 23)	стенка	Рис. 7, 2	Первая половина V–VIII – первая половина XI в.
10	Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ 7 (Рис. 1.13, В, 18)	ручка	Рис. 5, 27	Вторая четверть VI–VII в.
11	Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ 7 (Рис. 1.13, В, 19)	ручка	Рис. 5, 28	Вторая четверть VI–VII в.
12	Светлоглиняная «Carotte» (Рис. 1.13, В, 26)	ручка	Рис. 6, II, 4	Конец VI – начало VII в., м.б. до 650/670 гг.
13	САТНМА 11 (Рис. 1.13, В, 34)	верхняя часть	Рис. 8, II, 6	450/520 – первая половина VII в.
14	Стеклоянная рюмка (Рис. 1.13, В, 43, 44)	донья	Рис. 7, 5, 6	Вторая половина V–IX вв.
15	Стеклоянная лампада (Рис. 1.13, В, 45)	донце	Рис. 7, 4	Вторая половина V–VII вв.

График соотношения циклов имеет следующий вид:

Итак, перед нами все возможные выкладки по хронологии вещей из серого слоя, отражающего разрушение помещения 12. Весьма важно сочетание сосудов, заканчивающих свое существование в конце VII в., которые абсолютно преобладают (набегающая волна, АДСВ 5, морковка, лампада), и форм, появляющихся в последней трети VII в. (глобулярные амфоры, имеющие зональное и волнистое рифление). Перед нами открытый комплекс, который датируется по самым поздним предметам, в нем обнаруженным. К числу таковых относятся амфоры с зональным и волнистым рифлением, датирующиеся от 650–670 гг. до первой половины IX в. Здесь возможны две датировки, а зависимости от того, как оценивать абсолютно доминирующую группу материала, заканчивающую существование в конце VII в.

Первая была предложена А. И. Айбабиным, отнесшим слой к VIII – первой половине IX в. Она основывается на ошибочной трактовке слоя раз-

Особого внимания требует хронология разрушенной постройки, назначение которой интерпретируется по-разному. Находки обнаружены среди камней развала и частично над ним. А.В. Джанов полагает, что ко второй половине VII в. можно относить только момент разрушения храма. Время возведения постройки можно будет определить только в процессе дальнейших раскопок, когда будет исследован культурный слой времени функционирования постройки⁶⁵⁴.

Из датирующих материалов в статье И.А. Баранова и В.В. Майко представлено только горло светлоглиняной амфоры с рифлением типа набегающей волны⁶⁵⁵. Кроме того, в тексте статьи И.А. Баранов пишет, что при зачистке завала под блоками обрушившейся крепиды и дорожки обнаружены фрагменты желобчатых амфор из зеленоватой глины и так называемые позднесамосские амфоры, встречающиеся в Херсонесе в комплексах VII в. Вместе с ними найдены обломки поздних краснолаковых кувшинов и тарелок, позволяющих датировать замлетрясение и разрушение святилища не позднее конца VII в. Особо автор статьи выделяет фрагменты кухонной посуды из того же слоя. Вся без исключения керамика этой группы серо- или черноглиняная, лепная и грубая. Некоторые сосуды украшены простым линейно-волнистым орнаментом. По фактуре и форме эти горшки наиболее близки кухонным сосудам пеньковской культуры, связываемой М.И. Артамоновым с болгаро-кутригурами⁶⁵⁶.

Аналогии с керамикой пеньковской культуры абсолютно произвольны. Важнее перечисленные сосуды, дающие основание для датировки времени разрушения храма.

Из достоверных материалов можно указать лишь на горло амфоры с рифлением типа «набегающей волны». Аналогии этому горлу происходят из контекстов конца VI в.⁶⁵⁷, первой четверти VII в.⁶⁵⁸. Близкий сосуд происходит их херсонесского комплекса 650–670 гг.⁶⁵⁹ Тем самым горло может относиться к промежутку времени между концом VI и 650–670 гг. Если верить в реальность других упомянутых И.А. Барановым амфор и краснолаковой посуды, то дату можно несколько сузить. Типы краснолаковых сосудов исследователем не указаны, но упоминание фрагментов желобчатых амфор из «зеленоватой глины» и «позднесамосских амфор» дает некоторые зацепки. «Амфоры из зеленоватой глины», по всей видимости, являются амфорами типа 5 по АДСВ, датирующимися VI–VII вв.⁶⁶⁰ Амфоры, названные «позднесамосскими», соответствуют типу 95 по И.Б. Зеест и в целом датируются временем от конца IV в. до конца VI – начала VII в. Более поздние экземпляры являются реутилизированными⁶⁶¹. Таким образом, если эти данные соответствуют действительности, то время разрушения постройки следует ограничить концом VI – началом VII в. Соответственно, время ее функционирования может быть раньше этой даты, что исключает данный контекст из нашего дальнейшего анализа.

Более или менее уверенно можно оперировать материалами нижнего горизонта помещения Б дома 1994 г. в Портовой части Сугдеи, полуземлянки 2 на посаде Сугдеи, полуземлянки 1, полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина.

Хронологическая последовательность этих контекстов Сугдеи конца VII – первой половины VIII в. следующая. Наиболее ранними являются материалы из первоначального слоя заполнения помещения Б дома в портовой части Сугдеи и находки времени основания полуземлянки 2 на посаде этого средневекового города. Следующим можно расположить горизонт заполнения полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина⁶⁶².

К началу первой половины VIII в. мы относим следующие объекты Сугдеи: нижний горизонт помещения Б дома 1994 г., находки из слоя времени основания полуземлянки 2 на посад; полуземлянку 1 в портовой части на раскопе V.

1. Нижний горизонт помещения Б дома 1994 г.

Нижний слой зеленоватой глины дома-пятистенки содержал комплекс, включающий фрагменты амфор вариантов типа LRA 13 (два горла и одна верхняя часть без венчика), два донца и два венчика коричневоглиняных амфор «с перехватом», стеклянную рюмку, двуручный горшок, кастрюлю, лепные сосуды и пряжку (Рис. 1.14 А)⁶⁶³.

Комплекс кухонной посуды включает исключительно толстостенные лепные горшки средних и крупных размеров с конусовидным туловом, высокой шейкой и уплощенным отогнутым венчиком, поверхность которых заглажена. По данным В.В. Майко, эти сосуды отличает рыхлое тесто со значительной примесью кварца⁶⁶⁴.

Датирующими являются пряжка с крестовидным щитком, амфоры и кастрюля. В 1982 г. А.И. Айбабин разделил крестовидные пряжки по форме крестовины на пять подтипов и отнес аналогичные нашей пряжки к четвертому подтипу⁶⁶⁵.

В 1990 г. А.И. Айбабин назвал типы вариантами, а подтипы — подвариантами. Соответственно крестовидные пряжки получили номенклатуру II тип, вариант 7 с подвариантами 1–5. Теперь все типологическое деление стало обозначаться II/7-1-5, что, конечно, с точки зрения теории классификации является не лучшим способом ее построения⁶⁶⁶. Наша пряжка может быть отнесена к типу II/7-5. По сведениям А.И. Айбабина, к нему относятся пряжка из могилы 53 Суук-Су, пряжка из склепа 11 Чуфут-Кале, пряжка из склепа I/1907 Узень-Баша, склепов 220 и 290 Эски-Кермена и беспаспортная пряжка из Херсона.

В плане хронологии А.И. Айбабин замечает, что в Суук-су в могиле 53 одна из упомянутых пряжек найдена с пряжкой типа Коринф второй половины VIII–IX вв.⁶⁶⁷. Речь идет о пряжке типа «Коринф» второго подтипа, которые, по мнению А.И. Айбабина, изготавливались во второй половине VIII–IX вв.⁶⁶⁸ По всей видимости, этот комплекс фиксирует конец существования пряжек Айбабин II/7-5, поскольку это единственный случай

такой взаимовстречаемости. Пряжки типа Коринф 2 появляются в середине второй половины VIII в., этим периодом и датируется большинство их находок⁶⁶⁹.

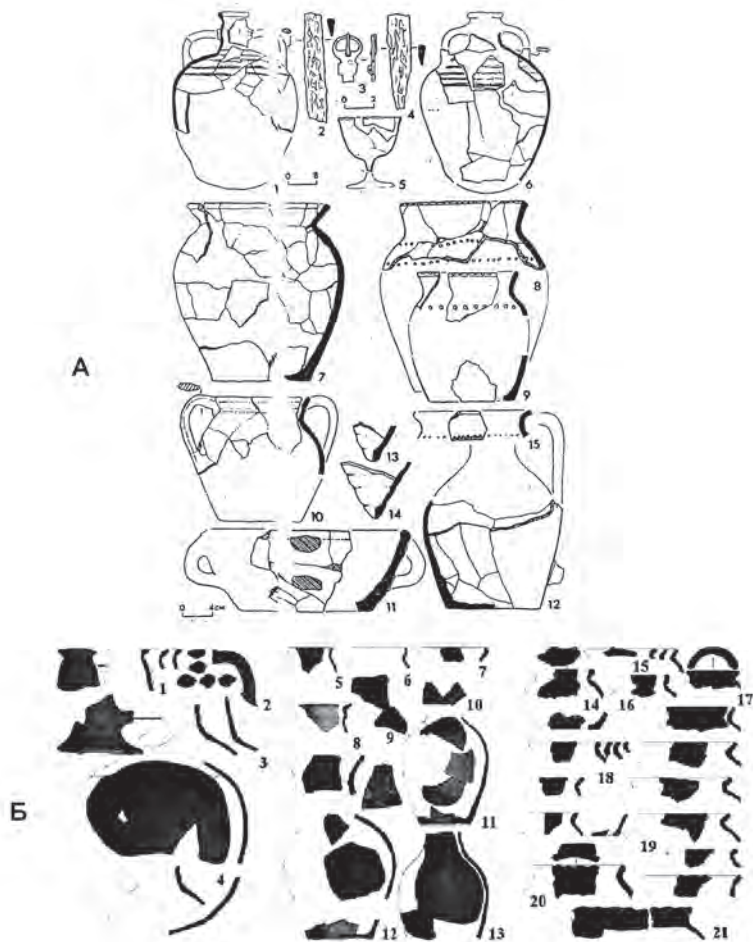

Рис. 1. 14. Сугдея. Нижний горизонт помещения Б дома 1994 г. (А). Заполнение полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина (Б). По В.В. Майко

Склеп I/1907 из Узень-Баша содержал 26 костяков и мог использоваться со второй половины VII по IX в.⁶⁷⁰

Подбойное погребение в склепе 290 Эски-Кермена отнесено А.И. Айбабиным к первой половине VIII в.⁶⁷¹

Таким образом, рассматриваемая пряжка может уверенно датироваться первой половиной VIII в.

В книгах 2007 г. и 2009 г. А.В. Сазанов предположил, что амфоры, воспроизведенные на рис. 4, 1, 6 статьи И.А. Баранова и В.В. Майко, относятся к типам Hayes 37 и Hayes 41 или их имитациям⁶⁷². При этом А.В. Сазанов отмечал, что эти типы обнаружены в Константинополе в контексте конца VIII – начала IX в.⁶⁷³ и оба эти типа Дж. Хейс поместил в группу амфор VIII в.⁶⁷⁴

Однако предложенная тогда атрибуция сейчас представляется ошибочной. Указанные в качестве аналогий типы в действительности являются более поздними звеньями эволюционного ряда амфор типа LRA 13. Именно к этому типу глобулярных амфор и относятся амфоры из судакского контекста. Остановимся на его хронологии. В целом амфоры LRA 13 с клеймами относятся к концу VI – концу VII в. Верхнюю дату в районе примерно 700 г. можно считать установленной⁶⁷⁵. На амфорах из Сутдеи клейма не обнаружены. Одним из центров производства этих амфор является о. Кос. Производились они и на Паросе⁶⁷⁶. Известны также LRA 13 египетского производства из контекстов Бейрута 700–750 гг.⁶⁷⁷ Ближайшими аналогиями по морфологии являются амфоры из Коса, датирующиеся от конца VI до конца VII в.⁶⁷⁸

Амфоры с перехватом представлены фрагментами ножек и двумя венчиками. Верхняя дата этих амфор приходится на вторую половину VII в. – конец VII/начало VIII в.⁶⁷⁹

Наконец, кастрюли типа Cathma 11⁶⁸⁰ или Marmite 4.1 наиболее часто встречаются в контекстах первой половины VII в.: Сэн-Блэз (начало VII в.), Марсель (начало и первая треть VII в.)⁶⁸¹. Их нижняя дата приходится на 480/520 гг.⁶⁸² Химические анализы сосудов этого типа показали, что они производились в разных средиземноморских центрах от Кипра до Бейрута⁶⁸³.

Как мы видим, комплекс содержит группы материалов, датирующиеся первой половиной – серединой VII в. (кастрюля CATHMA 11), VII – началом VIII в. (амфоры с перехватом), концом VI – концом VII в. (глобулярные амфоры (LRA 13), первой половиной VIII в. (пряжка). Сказанное позволяет относить время функционирования постройки ко второй половине VII в., а прекращение ее существования отнести к началу VIII в., что несколько сдвигает предлагавшиеся ранее как В.В. Майко, так и А.В. Сазановым даты.

Таким образом, перед нами действительно комплекс начала VIII в., представляющий собой типичный провинциально-византийский дом — пятистенку.

2. Находки времени основания полуземлянки 2 на посаде Сутдеи
Полуземлянка опубликована В.В. Майко. По чертежу в публикации в плане близка к прямоугольной. Как пишет исследователь, материал времени ее постройки представлен только отдельными фрагментами лепной кухонной керамики⁶⁸⁴.

3. Полуземлянка 1 в портовой части Сутдеи на раскопе V
Исследована и опубликована В.В. Майко. По указанной публикации представляет собой овальную в плане постройку без следов столбов. В заполнении был обнаружен «богатый и разнообразный археологический материал, представленный тарной, кухонной и столовой керамикой»⁶⁸⁵.
Ключевой для хронологии является критская амфора типа TRC 7, датирующаяся концом VII – началом VIII в.⁶⁸⁶.

Солнечная долина

1. Заполнение полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина
По мнению В.В. Майко, найденный на полу полуземлянки и в слое ее заполнения сильно фрагментированный материал можно рассматривать в качестве закрытого комплекса. Характерными его особенностями, по мнению автора публикации, является наличие только причерноморских амфор с зональным рифлением и комплекса кухонной лепной керамики, богато и разнообразно орнаментированной по краю венчика⁶⁸⁷.

Столовая посуда представлена ойнохойями с линейно-волнистым орнаментом. Особое внимание исследователь уделил комплексу кухонной керамики, который включал относительно крупные тарные сосуды со слегка отогнутым уплощенным венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями, небольшие горшки с коротким горлом и плавно отогнутым венчиком с орнаментированным краем, а также фрагмент тулова сероглиняного лощеного сосуда (Рис. 1.14 Б)⁶⁸⁸.

Автор публикации предлагает сузить датировку этого комплекса до первой половины – середины VIII в. Скорее всего речь должна идти о середине VIII в.

Контексты	Датировка
Сутдея. Нижний горизонт помещения Б дома 1994 г.	Вторая половина VII – начало VIII в.
Сутдея. Находки времени основания полуземлянки 2 на посаде Сутдеи: Полуземлянка 1 в портовой части Сутдеи на раскопе V	Конец VII – первая половина VIII в.
Солнечная долина. Заполнение полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина	Середина VIII в.

Партениты

Достаточно сложная ситуация складывается с Партенитами. Несомненно, важные контексты VII–VIII в. Этому памятнику посвящены несколько публикаций⁶⁸⁹. Весьма поверхностный и архаичный по использованной литературе анализ керамики дается по категориям материала, а не по контекстам. Более того, в публикациях полностью отсутствует анализ контекстов, который заменен общей характеристикой строительных периодов, основания для выделения которых не указаны. Вследствие этого проверить правильность датировок строительных периодов невозможно, а их хронологические индикаторы остается только реконструировать. Описанные в тексте статьи амфоры не имеют связи с рисунками.

Интересующий нас этап второй половины VII – первой половины VIII в., видимо, может соответствовать первому периоду Е.А. Паршиной, который исследовательница относит к VII–VIII вв., возможно, к концу VI–VIII в.⁶⁹⁰

К нему относятся четыре усадьбы, судя по фотографиям, типично византийского облика.

Описание керамического материала из слоя «VII–VIII вв.» (в тексте оно не отделено от описания керамики VIII–IX вв.) включает следующее. «Наиболее ранний материал VI–VII вв. представлен фрагментами стенок светло-желтых амфор с бороздками или уступами, а также желобчатых амфор с вытянутым корпусом, имеющим красный черепок с включениями извести и дробинок окислов железа, на внутренней поверхности — мелкие бугорки. Такие амфоры встречаются в ранних слоях Херсонеса. К VII–VIII вв. относятся желобчатые амфоры с плотным черепком темно-коричневого цвета с большим содержанием слюды в черепке и такие же амфоры с нечетко закругленным венчиком и отходящими непосредственно от него ручками, с черепком красно-коричневого цвета, мелкозернистым, с примесями извести и песка. Оба типа амфор являются привозными»⁶⁹¹. Далее следует текст, описывающий более поздние амфоры причерноморского типа VII–IX вв., что не соответствует предложенной Е.А. Паршиной дате первого строительного периода.

Попытаемся разобраться, какие типы имела в виду исследовательница. Несомненно, первый тип («светло-желтые амфоры с бороздками или уступами») — LRA 1 или «набегающая волна». Второй тип («желобчатые со включениями извести и железистых минералов») — скорее всего, АДСВ тип 5. Описание третьего типа («желобчатые с большим количеством слюды» похоже на LRA 10 (=Зеест 95), но не более, чем «похожи». Пятый тип не вызывает каких-либо внятных ассоциаций.

Кроме того, в тексте другой статьи упоминаются амфоры с перехватом⁶⁹², а также поздние варианты АДСВ тип 5, переходящие в причерно-

морский тип и датирующиеся, по мнению В.В. Созник, второй половиной VII–IX вв.⁶⁹³.

Как мы видим, более или менее установленным можно считать наличие в контекстах Партенит VII–VIII вв. амфор LRA 1, АДСВ типа 5 и «корчи-невоглиняных с перехватом».

Важно то, что усадьбы первого строительного периода погибают в пожаре⁶⁹⁴.

Тау-Кипчак

На корреляционной таблице в книге И.А. Баранова насчитывается 9 комплексов этого поселения, отнесенных им к середине второй половине VII в. К ним относятся яма 1, яма 5, яма 6, яма 14, жилище 1, жилище 3, жилище 14, жилище 22, жилище 23. При этом базовыми комплексами рассматриваются ямы 5 и 6⁶⁹⁵. При недавнем исследовании В.И. Баранова этот список был сильно скорректирован. К концу VII – первой половине VIII в. были отнесены ямы 5 и 6 у землянки N 1 и землянка 23 (!). В последнем случае налицо курьез, скорее всего, видимо, невнимательность при считке текста. Автор в одной и той же статье в одном случае относит землянку 23 к концу VII – первой половине VIII в., а несколькими строками ниже пишет, что она не может быть узко датирована. На наш взгляд, судя по типам амфор, землянку 23 можно с известной долей условности относить к концу VII – первой половине VIII в.

Землянки 2, 12, 19, а также яма 14 теперь датируются второй половиной IX – первой половиной X в. Землянки 3, 13, 14, 22, 23 содержали только амфоры причерноморского типа и не могут быть датированы в более узких рамках, чем VIII–IX вв.⁶⁹⁶

Контексты	Амфоры	Кухонная керамика	Столовая посуда и пифосы	Дата по И.А. Баранову	Дата по В.И. Баранову	Предлагаемая дата
Яма 1				Середина – вторая половина VII в.		Нет оснований для датировки
Яма 5	Баранов И.А. 1990, рис. 9, 1–9; Баранов В.И. 2004, рис. 1,4; рис. 1,8	Баранов И.А. 1990, рис. 29, 6, рис. 30,1		Середина – вторая половина VII в.	Конец VII – первая половина VIII в.	Конец VII – начало VIII в.
Яма 6	Баранов И.А. 1990, рис. 10, 1–5, 7, 8, 11; Баранов В.И. 2004, рис. 1,6; рис. 1,8; рис. 1,9	Баранов И.А. 1990, рис. 10, 9, рис. 31, 1	Баранов И.А. 1990, рис. 10, 6, 10	Середина – вторая половина VII в.	Конец VII – первая половина VIII в.	Первая половина IX в.
Яма 14				Середина – вторая половина VII в.	Вторая половина IX – первая половина X в.	Нет оснований для датировки
Хозяйственная яма около землянки 1	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 6					Конец VII – первая половина VIII в.
Землянка 1. Нижний слой		Баранов И.А., 1990, рис. 29,5, рис. 29,7, рис. 30,2, 10, рис. 31,4, 7, 8, 11, рис. 32, 1, 5, 7, 11		Середина – вторая половина VII в.		Середина – вторая половина VIII в.
Землянка 1. Верхний слой		Баранов И.А. 1990, рис. 30, 7, рис. 31, 3, 6, рис. 32, 9		Середина – вторая половина VII в.		Вторая половина VIII в.

Контексты	Амфоры	Кухонная керамика	Столовая посуда и пифосы	Дата по И.А. Баранову	Дата по В.И. Баранову	Предлагаемая дата
Землянка 2	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 8	Баранов И.А., 1990, рис. 29, 2, 3			Вторая половина IX – первая половина X в.	
Землянка 2.12	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 10–12					
Землянка 3	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 4			Середина – вторая половина VII в.	Не может быть узко датирована	
Землянка 12	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 4				Вторая половина IX – первая половина X в.	
Землянка 13					Не может быть узко датирована	
Землянка 14	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 9, 11, 12	Баранов И.А. 1990, рис. 30, 3		Середина – вторая половина VII в.	Не может быть узко датирована	
Хозяйственная яма около землянки 1	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 6					
Землянка 19	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 8, 13				Вторая половина IX – первая половина X в.	Вторая половина – последняя треть X в.
Землянка 22	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 8	Баранов И.А. 1990, рис. 31, 2, 5, рис. 32, 2, рис. 33, 1, 3		Середина – вторая половина VII в.	Не может быть узко датирована	
Землянка 23	Баранов В.И. 2004, рис. 1, 6, 8			Середина – вторая половина VII в.	Конец VII – первая половина VIII в.	

Суммируя сказанное, повторим, что надежным контекстом Тау-Кипчака второй половины VII – начала VIII в. можно считать только **яму 5**. Возможно отнесение к этому времени **землянки 23**.

Яма 5 (Рис. 1.15)

Яма 5 была отнесена И.А. Барановым ко второй половине VII в. на основании датировок амфор, с чем не согласился А.И. Айбабин, утверждающий, что хронологию многих типов И.А. Баранов обосновал по неверно подобранным аналогиям. Как считает А.И. Айбабин, сосуды из ямы 5 и жилища вместе могли использовать на рубеже VII–VIII вв., когда и возникло поселение Тау-Кипчак.

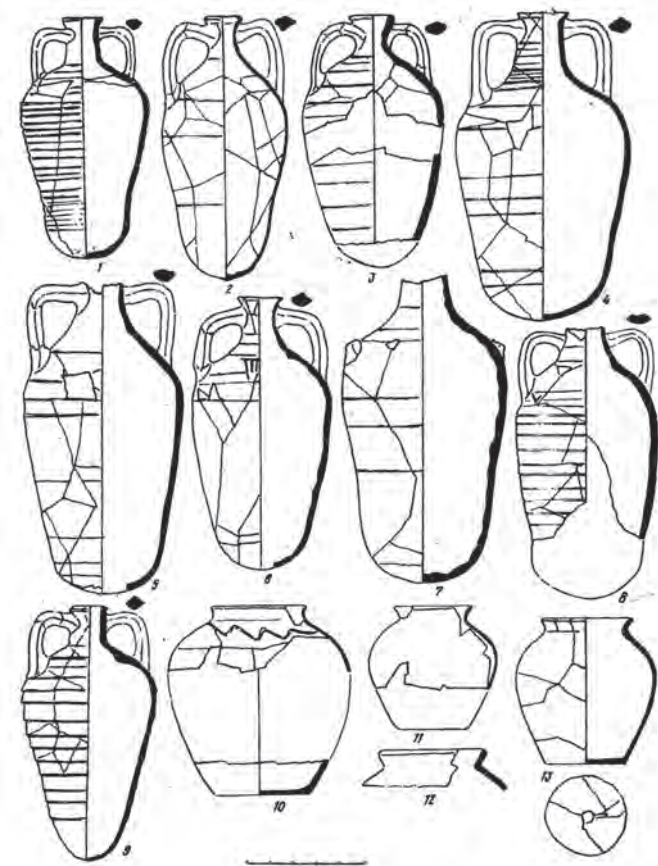

Рис. 1.15. Тау-Кипчак. Яма 5. По И.А.Баранову

Упрек А.И. Айбабина верен, но лишь отчасти, поскольку сам А.И. Айбабин в ряде случаев атрибутирует амфоры из рассматриваемого комплекса столь же ошибочно.

Обратимся к этим материалам.

1. Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны или красноглиняная 5 по АДСВ=Баранов 1990. Рис. 9, 1=Айбабин 1999. Рис. 81, 3. (Рис. 1.15, 1) И.А. Баранов описывает ее как изготовленную из светло-красной глины со включениями шамота и покрытую жидким ангобом из той же глины. В нашей статье мы определяли ее как АДСВ тип 5, однако новая публикация А.И. Баранова атрибутирует ее как «набегающую волну». Поскольку автор статьи работал с оригиналом, нет основания подвергать сомнению его определение. В этом случае предложенная нами ранее трактовка, видимо, ошибочна. Аналогичные амфоры происходят из комплексов Самоса, Язи-Ада, Пафоса и Куриона середины второй половины VII в.

2. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Айбабин 1999. Рис. 81,1=Баранов 1990. Рис. 9, 2. (Рис. 1.15, 2) А.И. Айбабин отмечает, что аналогичная амфора была обнаружена при его раскопках в Керчи в слое последней четверти VI – третьей четверти VII в. Эволюционная линия этих амфор представлена сосудами из комплексов второй четверти VI в. – середины второй половины IX в. Отметим, однако, что предложенная А.И. Айбабиным аналогия с амфорой из Пташкино 7 а абсолютно произвольна.

3. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990. Рис. 9, 3=Айбабин 1999. Рис. 81, 8 (Рис. 1.15, 3). Эволюционный ряд этих амфор охватывает период от второй четверти VI до середины второй половины IX в.

4. Красноглиняная типа 5 по АДСВ с отогнутым венчиком=Баранов 1990. Рис. 9, 4. Тип 2=Айбабин 1999. Рис. 81,2 (Рис. 15, 4). Эволюционный ряд этих амфор, соответствующих нашему типу 28, представлен амфорами из комплексов от 570–580 гг. до X – начала XI вв. Эти амфоры существуют, по крайней мере, до второй половины IX в.

5. Красноглиняная типа 5 по АДСВ=Баранов 1990.Рис. 9,6 (Рис. 1.15, 6). Соответствует нашему типу 24. Ближайшая параллель происходит из комплекса первой половины IX в. Однако этот экземпляр, видимо, показывает дальнейшее развитие типа. Нижняя граница ряда неясна.

6. Светлоглиняная с рифлением типа набегающей волны=Баранов 1990. Рис. 9,8=Айбабин 1999. Рис. 81,5. (Рис. 1.15, 8) Верхняя часть светлоглиняной амфоры с рифлением типа набегающей волны. А.И. Айбабин указал правильные аналогии с амфорами из комплекса Константинополя 650–670 гг. и Язи-Ада середины VII в.

7. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990.Рис. 9,9=Айбабин 1999. Рис. 81, 6 (Рис. 115, 9). И.А. Баранов указал на правильную аналогию в комплексе Агойского могильника второй половины VII в. Напротив, предложенная А.И.Айбабиным аналогия из Пташкино ошибочна, одна амфора почти в два раза больше другой. Рассматриваемая амфора из Тау-Кипчака соответствует нашему типу 30, датирующемуся второй четвертью VI – VII вв.

Суммируя все приведенные выше хронологические выкладки, отметим, что в данном комплексе встречены амфоры, имеющие циклы бытования в пределах VI – первой половины IX в., второй четверти VI–VII вв., 570/580 гг. – второй половины IX в. Попасть в комплекс все они могли только где-то во второй половине – конце VII в., что подтверждает как дату И.А. Баранова, так и А.И. Айбабина.

Синхронизация рассмотренных контекстов второй половины VII – первой половины VIII в. дает следующее:

Херсонес	Сутдея и Солнечная долина	Тау-Кипчак	Датировка
1. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 гг. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины) 2. Заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г. 3. Заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района городища раскопок Г.Д. Белова 1940 г. 4. Заполнение цистерны в пом. 9А VIII квартала Северного района			Третья четверть VII в.
	Сутдея. Нижний горизонт помещения Б дома 1994 г.	Яма 5	Вторая половина VII – начало VIII в.
	Сутдея. Находки времени основания полуземлянки 2	Землянка 23	Конец VII – первая половина VIII в.

Херсонес	Сугдея и Солнечная долина	Тау-Кипчак	Датировка
	на посаде Сугдеи; Полуземлянка 1 в портовой части Суг- деи на раскопе V		
	Солнечная долина. Заполнение полузем- лянки на территории поселения в с. Сол- нечная Долина		Середина VIII в.

Сопоставление материалов из контекстов поселений Крыма второй половины VII – первой половины VIII в. показывает существенное различие в характере керамических комплексов. Особенностью керамического комплекса рассмотренных поселений является наличие в его составе двух элементов — византийского и, условно, «варварского», соотношение между которыми разное на разных памятниках. Если в Херсонесе комплексы второй половины VII – первой половины VIII в. содержат исключительно керамику византийского типа при абсолютном отсутствии каких-либо артефактов, которые можно хотя бы отдаленно связать с кочевым населением, то в Сугдее, Керчи и Тау-Кипчаке выявлено значительное количество кухонной посуды, которую возможно расценивать как проявление т.н. «варварской» или не византийской традиции. Логично напрашивается идея о том, что появление этой керамики является результатом прихода нового населения, связанного с подчинением Крыма хазарам. Последняя, на сегодняшний день, типология кухонной керамики была разработана В.В. Майко на материалах Сугдеи⁶⁹⁷. Исследователь выделили пять типов с соответствующими подтипами (Рис. 1.16). Из них два отражают византийскую традицию. Остальные три типа являются неотъемлемыми компонентами становления салтово-маяцкого керамического комплекса Таврики. При этом, тип 3, по мнению В.В. Майко, является прямой генетической подосновой салтово-маяцкой кухонной керамики, определяющей «лицо» этой культуры⁶⁹⁸.

Подробная оценка этой ситуации будет дана ниже, в завершение раздела. Пока акцентируем два момента. Первый заключается в том, что рассматриваемая кухонная посуда не имеет четко выраженных аналогий с керамикой из достоверных «салтовских» комплексов. Второй, столь же очевидный, заключается в различиях кухонной керамики Сугдеи, Тау-Кипчака и Керчи. Характерный для этнических построений признак – орнаментация тулова сосудов на этих трех памятниках принципиально отличается, в чем достаточно просто убедиться при сравнении. Таким образом, утверждение о том, что рассматриваемые контексты Керчи, Тау-Кипчака и

Сугдеи оставлены одним и тем же пришлым населением, по меньшей мере, бездоказательно.

Теперь рассмотрим материалы могильников.

Рис. 1.16. Типология кухонной керамики Сугдеи по В.В. Майко

1.2. Могильники

Выделение погребений второй половины VII – первой половины VIII в. было проведено И.А. Барановым (Рис. 1.17)⁶⁹⁹ и А.И. Айбабиным (Рис. 1.18)⁷⁰⁰. Суммируя оба списка, мы получаем следующие погребения второй половины VII – первой половины VIII вв.: Айвазовское, Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/12, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, «Тепсеньский всадник», Сахарная голька, погребения в Тау-Кипчаке, «салтовское погребение в Херсонесе»,

Скалистое 260, 279, 293, 329, 767, 354, 325, 381, 288, 340, Лучистое 10, Чуфут-Кале 118, Эски-Кермен 193, Лучистое 10-1, Эски-Кермен 181, 240, 290, Скалистое 625, 331, Эски-Кермен 153-1, Лучистое 54-7, Скалистое 400, Скалистое 321, 291, 164-4, Эски-Кермен 273-4, Суук-Су 55, Эски-Кермен 257-6, Скалистое 166. К этому прибавим порядка 12 склепов могильника Малое Садовое⁷⁰¹.

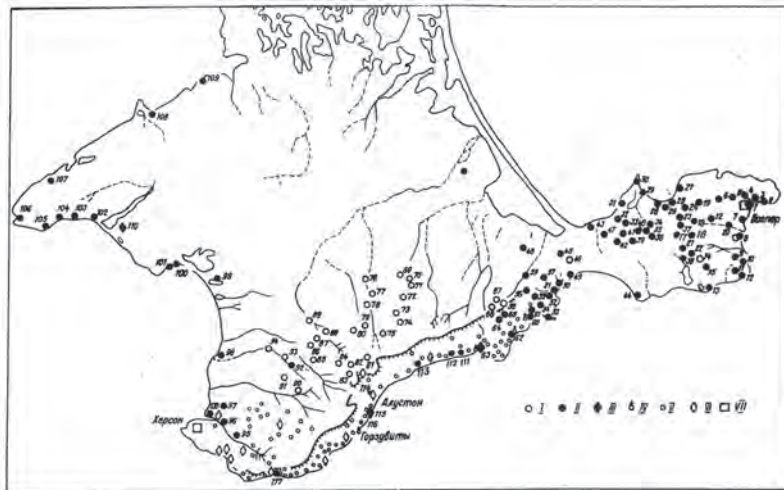
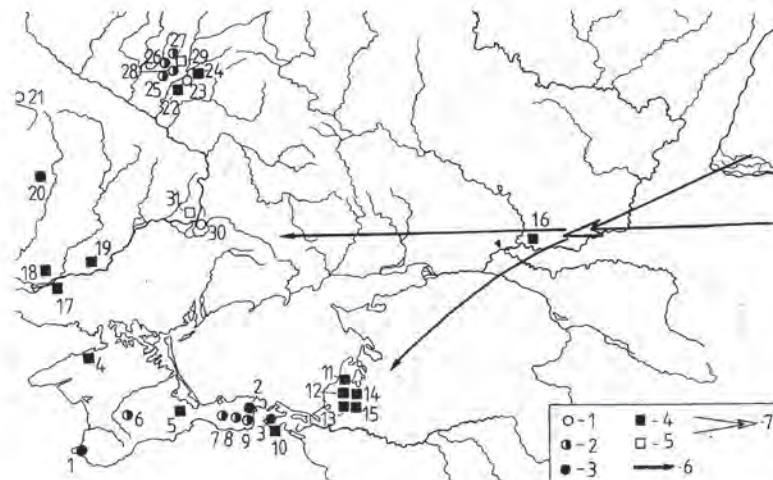

Рис. 1.17. Таврика в эпоху Хазарского каганата (VII–X вв.). Карта И.А. Баранова

Из всего этого списка погребения в Эски-Кермене, Скалистом, Чуфут-Кале не имеют отношения к кочевникам. По аргументированному заключению А.И. Айбабина, несмотря на то что в ряде из этих могил были найдены кочевнические вещи уральского круга, почти все эти вещи найдены в склепах или могилах с каменной обкладкой. Это означает, что владельцами уральских поясов из перечисленных выше погребений были местные жители юго-западного и южного Крыма ранне-средневекового времени: условные гото-аланы, хоронившие в земляных склепах и могилах с каменной обкладкой⁷⁰². Склепы могильника у с. Малое Садовое по конструкции, способам захоронения умерших, ассортименту вещей и их типам принадлежат тому же этническому кругу, что и Скалистные, Эски-Керменские и Чуфут-кальские⁷⁰³.

За их вычетом из порядка 60 погребений рассматриваемого периода на долю кочевников остается 16, что однозначно снимает вопрос о преобладании в Крыму в этот период кочевнического населения. Однако и с остальными 16 дело обстоит не столь уж однозначно.

Карта ранних хазарских памятников Северного Причерноморья.
Условные обозначения: 1 – поминательные комплексы казнов; 2 – поселения и стоянки; 3 – города; 4 – погребения хазар; 5 – гонимые центры; 6, 7 – направления вторжения хазар в Северное Причерноморье и Крым; 8 – Херсон; 9 – Боспор; 10 – Тиритака; 11 – Портово; 12 – Новоокровка; 13 – Тау-Кипчак; 14 – Илурат; 15 – Геревка; 16 – Михайловка; 17 – Малая 1. курган; 18 – погребение 6; 19 – Чаплевский; 20 – Крупская; 21 – Калининская; 22 – Староникитинская; 23 – курган 8; погребение 1; 24 – Липаровка; 25 – Келеген; 26 – Белогора; 27 – Костогорье; 28 – Ясново; 29 – Гладосы; 30 – Новые Селжары; 31 – Малая Перещепина; 32 – Макуховка; 33 – Ползуевы II; 34 – Белокони; 35 – Лаврики.

Рис. 1.18. Ранние хазарские памятники Северного Причерноморья. Карта А.И. Айбабина

Итак, на роль кочевнических погребений могут претендовать Айвазовское, Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/2, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, Сахарная головка (Инкерман), «салтовское погребение в Херсонесе», Тепсенский всадник 1929 г., несколько (четыре, по И.А. Баранову) разрушенных погребения в Тау-Кипчаке.

По мнению А.И. Айбабина поясные и сбруйные наборы из **тепсенской могилы** принадлежали праболгарскому воину, погребенному в первой половине VIII в.⁷⁰⁴ С этими выводами согласился и И.А. Баранов⁷⁰⁵. Однако А.В. Комар найденные в погребении вещи вполне обоснованно датирует временем не ранее третьей четверти VIII в.⁷⁰⁶. Этот вывод, полностью соответствующий стратиграфии хронологии Тепсенского городища, поддержал и В.В. Майко⁷⁰⁷.

Дата и принадлежность погребения из Айвазовского требуют специального рассмотрения.

Погребение у с. Айвазовское

Погребение было обнаружено И.Т. Кругликовой при раскопках поселения эллинистического времени. Погребение было совершено в простой могиле, выдолбленной в скале на глубину 0,80 м. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на северо-восток. В головах стоял лепной

горшок, у левой ключицы найдена реберчатая бусина, у пояса — бронзовый антропоморфный амулет. Кроме того, в засыпи могилы (подчеркнуто нами. — Авт.) обнаружена массивная костяная пряжка⁷⁰⁸. Последнее обстоятельство весьма существенно, поскольку на то, что пряжка найдена собственно не в самом погребении, а в засыпи могилы, исследователи не обращали внимание. Следствием этого является ставшее хрестоматийным рассмотрение пряжки как относящейся к комплексу погребения наряду с бусиной, лепным горшком и амулетом. Соответственно пряжка могла и не иметь отношения к погребению, а просто попасть в засыпь. Однако в силу отсутствия на самом поселении каких-либо позднееримских и раннесредневековых комплексов будем исходить из традиционной трактовки всех трех вещей как единого комплекса.

И.Т. Кругликова полагала, что погребение относится к концу IV или началу V в.н.э., что отражает уровень разработки материала того времени, когда писалась статья.

И.А. Баранов достаточно уверенно считал, что весь комплекс вещей в погребении у с. Айвазовского можно датировать второй половиной VII в., так же как и погребение с аналогичной, по И.А. Баранову, пряжкой у пос. Мамай⁷⁰⁹. Основанием для предложенной даты послужили костяная пряжка и антропоморфная фигурка, имеющие, согласно И.А. Баранову, аналогии в комплексах второй половины VII в.

Костяная пряжка из Айвазовского была сопоставлена И.А. Барановым с костяными пряжками алтайского могильника Кудыргэ, происходящими из погребальных комплексов второй половины VII в. Однако предложенная аналогия весьма приблизительна. У них иная нижняя часть, иное расстояние между прорезями. Близка лишь верхняя половинка пряжки⁷¹⁰. Несколько более близкая аналогия происходит из Егиз-Койтас, где датируется концом VI–VII вв.⁷¹¹

Аналогия Баранова с пряжкой из Богачевки 9/5 также приблизительна. Пряжка из Богачевки массивнее, имеет совершенно иные пропорции и прорези⁷¹².

В целом феномен костяных подпружных пряжек в Причерноморье безусловно связан с приходом тюркоязычного населения. Как справедливо замечает Б.И. Маршак, история села до VII в. почти не документирована. Ранние костяные пряжки мы знаем плохо, но эта вещь, функционально обусловленная плетеной шерстяной подпругой, едва ли была внезапно изобретена тюрками в VII в.⁷¹³

За десятилетия, прошедшие после сказанного Б.И. Маршаком на симпозиуме, ситуация несколько изменилась. На Ильичевском городище костяная пряжка была найдена в слое тюркского разгрома 586 г.⁷¹⁴. В Ви-

минациуме (Югославия) костяная пряжка происходит из слоя, перекрывающего комплекс здания, сожженного при нашествии аваров в 584 г.⁷¹⁵ В могильнике Кыдэргэ костяные пряжки зафиксированы в погребениях конца VI–VII вв.⁷¹⁶ Дату появления этих пряжек в конце VI в. подтверждают и находки в склепе 4 западного некрополя Херсонеса. В античном склепе костяная пряжка была обнаружена с самым поздним материалом второй половины – конца VI в.⁷¹⁷ Основанием для столь ранней датировки являются орлиноголовая пряжка второй половины VI в.⁷¹⁸, треугольнорамчатая пряжка первого варианта, также относящаяся ко второй половине VI в.⁷¹⁹, серебряная пряжка второй половины VI в.⁷²⁰. Данные находки позволяют относить костяные подпружные пряжки к периоду от конца VI до X в.⁷²¹, при этом наиболее близкие параллели пряжке из Айвазовского происходят из комплексов конца VI–VII вв.

Антропоморфная фигурка также имеет иную хронологию. Такие фигурки относятся к первой группе по типологии Д.Б. Шелова и появляются в IV–V вв., о чем свидетельствует находка в сюрташском погребении с надписью на ткани, содержащей дату 305 г. н.э. По заключению Д.Б. Шелова можно считать установленным, что амулеты первой группы появились еще в первой половине IV в. на Керченском полуострове и продолжали бытовать на довольно обширной территории в течение нескольких столетий, до VII в.⁷²²

Следовательно, погребение из Айвазовского нельзя относить исключительно ко второй половине VII в. Оно имеет широкие хронологические рамки и может датироваться в пределах конца VI–VII вв.

Т.н. «салтовское» погребение в Херсонесе совершено в подбое византийского склепа. Находка в нем горшка с клеймом на дне в виде четырехлепестковой розетки, вписанной в круг, позволяет датировать его не ранее чем серединой VIII в. Аналогичное клеймо на таких сосудах было обнаружено в нижнем слое землянки 1 Тау-Кипчака, датирующейся, как уже было сказано выше, серединой второй половиной VIII в.⁷²³

Раскопанные четыре могилы Тау-Кипчака датируются ойнохойми баклинского (скалистинского) типа, имеющими широкую датировку. Связать их с какими-либо комплексами городища невозможно.

Таким образом, в лучшем случае, на долю кочевого тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится примерно 9–10 могил: Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/2, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, Сахарная головка (Инкерман). К тому же, объявленные салтовскими впускные кочевнические погребения VI–VII вв. даже отдаленно не напоминают могилы, известные по раскопкам могильников салтово-маяцкой культуры⁷²⁴. Это окончательно снимает

вопрос о «тюркском», «протоболгарском» или «салтовском» Крыме во второй половине VII – первой половине VIII в.

Подведем некоторые итоги.

Как мы видим, состав комплекса кухонной керамики дает некоторые основания для выделения в его составе нового компонента, связанного с пришлым населением. Действительно, из пяти типов, выделенных В.В. Майко, три являясь новыми. При этом надо иметь в виду проблемность трактовки салтовской кухонной керамики как этномаркирующего признака. По крайней мере, технологические особенности (отошители в глине) таковыми считаться не могут. Как показал Г.Е. Афанасьев, присадки в формовочной массе кухонных горшков у носителей салтово-маяцкой культуры не являются маркерами каких-то определенных этнических групп. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры не имеет выделенных технико-технологических признаков, позволяющих утверждать, что она маркирует именно болгаро-хазарские этнические группы.

Для Центрального Кавказа керамический комплекс салтово-маяцкой культуры идентичен посуде местного населения, представленного аланской археологической культурой в хронологических рамках второй половины VIII–IX вв., носители которой были и алано-асские, и субстратные группы населения. Исторические построения, очерчивающие территорию обитания болгаро-хазарских племен в Волго-Донско-Кубанском междуречье, на Северном Кавказе и базирующиеся на технико-технологических свойствах кухонных горшков салтовского облика как этнических маркерах, фактически не имеют научных доказательств и нуждаются в пересмотре⁷²⁵.

Утверждение же о том, что кухонная керамика салтово-маяцкой культуры маркирует тюркоязычные болгаро-хазарские племенные группы, отражает их специфические керамические традиции, базируется на априорном предположении об этно/лингвомаркирующих свойствах котлов с внутренними ручками-ушками, а также кухонных с гребенчато-волнистым орнаментом⁷²⁶.

Вместе с тем факт остается фактом. Три типа кухонной посуды, в том числе орнаментированные, появляются без какой-либо генетической основы в предшествующих по времени комплексах и могут быть отражением прихода какого-то весьма незначительного по численности нового населения.

В этом случае логично возникают два вопроса: откуда могло прийти это население и какова его роль в Крыму.

В.В. Майко видит следующее решение. Вероятнее всего, в области Южного Поднепровья в течение VI–VII вв. происходит процесс постоянных контактов между пеньковским населением и той частью номадов Причерноморья, кочевья которых располагались поблизости. Существует предпо-

ложение, что пеньковская культура является археологическим эквивалентом антов. В то же время практически все письменные источники южными соседями антов называют кутригур, с которыми связывается часть ранних впускных кочевнических погребений Причерноморья. Таким образом, в процессе постоянных естественных контактов между ними и шел процесс образования своеобразной этнической общности, археологическим эквивалентом которой и являются южноднепровские пеньковские поселения с тюркскими чертами. Вероятнее всего, данное формирующееся этническое образование входило в состав антского союза. После образования Великой Болгарии выделяемое этническое образование, как и степные кутригуры, включается в ее состав. Кардинальные изменения произошли после разгрома Великой Болгарии хазарами в середине VII в. Вероятно, под давлением хазар часть этнически неоднородного оседлого и полuosедлого населения Южного Поднепровья переселяется в Крым. Именно с этим переселением и оседанием тюрков в Таврике и связано появление на полуострове анализируемых памятников. Очевидно, переселенцы быстро смешались с численно превосходящими и этнически близкими оногурами, послужив одной из составляющих при формировании салтово-маяцкой культуры Крыма. Став федератами Византии, на полуострове они чувствовали себя более защищенными⁷²⁷.

Из цитированного фрагмента следует, что, по мнению В.В. Майко, произошло переселение существенной части южноднепровского пеньковского населения, которое в Крыму наслонилось на доминировавшее здесь оногурское, и образовавшееся таким образом население стало федератом Византии.

Однако наличие пеньковских компонентов к керамическому комплексу Крыма рассматриваемого времени не подтверждается никакими материалами, как и присутствие самих «пеньковцев» в Крыму⁷²⁸. По мнению О. Приходнюка, все группы лепной посуды из Крыма имеют прямые аналогии среди материалов Бруснянского могильника ранних болгар Поволжья. Это может свидетельствовать о переселении в Крым раннесредневекового населения из Поволжья, а не из Поднепровья⁷²⁹. Что касается тезиса об оногурском населении Крыма, то приходится констатировать, что оно неуловимо ни на каких памятниках Крыма и, видимо, представляет собой конструкцию исследователей, основанную только на смутных упоминаниях в письменных источниках с географически неясной локализацией.

Отметим также, что вблизи комплекса землянки на территории пос. Солнечная Долина в подъемном материале была найдена округлая бронзовая бляшка, находящая аналогии с бляшками с подвижным кольцом из комплексов готто-аланских некрополей Крыма (Скалистинский могильник)⁷³⁰.

Вывод представляется очевидным.

Анализ комплексов второй половины VII – первой половины VIII в. не подтверждает точку зрения о заселении пришлыми кочевниками (протоболагарами или салтовцами-хазарами) территории Крыма. Выявленные «кочевнические» комплексы, даже при отнесении к ним всех спорных, в лучшем случае составляют порядка 17 % от всех комплексов этого периода. Погребения же, которые хоть как-то могут быть связаны с хазарами, отсутствуют, т.к. условно выделяемый «варварский» или «кочевнический» компонент не имеет никаких параллелей в т.н. салтовских древностях. Эти комплексы никак не связаны с постулируемым А.И. Айбабиным приходом хазарского населения.

Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого, по сравнению с VI – первой половиной VII в. существенно не изменился. Города-архонтии Боспор, Судак и Херсон контролировала Византия. Судя по опубликованным материалам, то же самое можно сказать и о Партените. Соответственно, на наш взгляд, есть все основания говорить о принадлежности Византии и зоны Южного берега Крыма.

Крымские же степи были местом перекочевков кочевников из Поднепровья и Таманского полуострова. В античное время и, видимо, вплоть до конца VI в. существование боспорских крепостей на Таманском полуострове и сложной оборонительной системы на Керченском полуострове закрывали проход кочевникам с территории Прикубанья и пограничных с азиатским Боспором территорий. Теперь, когда пролив место Боспорского царства заняла архонтия Боспор, его контролировала лишь одна одноименная крепость. Это давало возможность для беспрепятственного прохода кочевников с Таманского полуострова по переправе в районе Нимфея и дальнейшего беспрепятственного продвижения по керченским степям. Видимо, следами этих передвижений являются кочевнические погребения в Наташино.

Другим направлением перекочевков была северная часть Крыма (сз), откуда происходит несомненно кочевническое погребение из Портового⁷³¹.

В ряде случаев, видимо, в результате взаимодействия с местным населением появляются оседлые комплексы (Тау-Кипчак). Однако еще раз подчеркнем, что речь идет о единичных случаях, не определяющих общую ситуацию. Границей между традиционным местным населением и кочевниками были крымские предгорья.

Абсолютное преобладание традиционного местного населения в предгорье и на побережье, наличие здесь городов и крепостей, находившихся под властью или под контролем Византии, подтверждают сделанный нами

на материалах Боспора вывод, что политическое влияние и непосредственное присутствие здесь Хазарского каганата до сер. VIII в. было минимальным и, видимо, не выходило за пределы получения дани (подробнее см. Главу 6). Таким образом, нет никаких оснований выделять Крымскую Хазарию, или Крымскую Болгарию⁷³², конца VII – первой половины VIII вв. Это – явная ошибка исследователей.

¹ Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975.

² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age / textes réunis et présentés par Michel Kazanski et Vanessa Soupault. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2000 (Colloquia pontica ; Vol. 5).

³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. С. 117–120. Комплексы 23–26; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 382–386.

⁴ Айбабин А.И. Крым в VI–VII вв. (под властью Византийской империи) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 50, 51.

⁵ Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. P. 144–145.

⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 116–120.

⁷ Айбабин А.И. Крым в VI–VII вв. (под властью Византийской империи). С. 50, 51. Пользуясь случаем, мы вынуждены констатировать слабую ориентированность А.И. Айбабина в археологии Херсонеса, следствием чего стали многие ключевые положения разделов по средневековому Херсону, вызывающие, по меньшей мере, удивление. Во избежание недоразумений настоятельно не рекомендуем исследователям использовать указанные разделы.

⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. P. 123–136; Сазанов А.В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «жития свв. епископов Херсонских». Хронология и интерпретация // Ю.М. Могричев, А.В. Сазанов, Т.Э. Саргсян, С.Б. Сорочан, А.К. Шапошников. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Симферополь 2012.

⁹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 377–379.

¹⁰ Majcherek Gr. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean (Advances in Scientific Studies), The Second Nieborów Workshop, Warsaw 1995, Pl. 7, 2. Form 4. P. 169.

¹¹ Magness J. Jerusalem ceramic chronology.circa 200–800 ce. Sheffield 1993. P. 226, 227. Storage Jars form 5 B; Konstantinidou A.Postsherds narrate history. The Old Monastery of Baramus in Wadi al-Natrun from its foundation until the Early Arab Period (4th–9th c) // Journal of Coptic studies 15 (2013).Fig. 6, 26. LRA 5.

¹² Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles).Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth 2005. Pl. 15, 7,8-LRA 1 B 1.

¹³ Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopeennes entre le IIe-IIIe s. et le VIe s. Ap. J.-C. // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique Demirci pres de Snopce. Recueil de travaux édité par Dominique Kassab Tezgör. Varia Anatolica XX. Paris 2009. Pl. 20,7.

¹⁴ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea) // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean:

archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou/ Volume I. BAR International Series 2616 (i). 2014. Fig. 3, 6.

¹⁵ Domzalski K. At the crossroads of trade routes: terra sigillata, red slip wares and related fine pottery from the Polish excavations in Ptolemais (2002–2009) // Ptolemais in Cyrenaica, Studies in Memory of Tomasz Mikocki, Ptolemais I, edited by Jerzy Zelazowski, University of Warsaw, Institute of Archaeology, Warsaw 2012. Pl. 9, 6. ARSW 107; Hayes J.W., The pottery // J. Boardman/J. Hayes, Excavations at Tocra, 1963–1965. Fig. 49, 2469. Слой 3. Примерно 600 г.

¹⁶ Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique (BAR S1301). Oxford: Archaeopress, 2004. Fig. 96, 5- ARSW 99 B — вторая четверть VI – начало VII в., Fig. 96, 9- ARSW 99 C. — кон. VI–VII вв. P. 18; Hayes J.W., The pottery // J. Boardman/J. Hayes, Excavations at Tocra, 1963–1965. Fig. 48, 2459- ARSW 99. Слой 3. Примерно 600 г.

¹⁷ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991. Рис. 18, 195. — Первая половина VII в. С. 41. Атрибутирован как ARSW 93/97. Рис. 19, 203. — конец VI в. Атрибутирован как ARSW 93/97. С. 41; Масленников А.А., Чевелев О.Д. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИИ. 1985. Вып. 182. Рис. 4, 20. Вторая четверть VI в.

¹⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600 // M.A. Cau Ontiveros, P. Reynolds and M. Bonifay (eds), Late Roman Fine Wares 1: Solving problems of typology and chronology. A review of the evidence, debate and new contexts, (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 1), Archaeopress, Oxford. 2012. Fig. 12, 179. Beirut. Deposit BEY 006 5503. Близок. Атрибутирован как LRC 10 B. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 9, 19-LRC 10 B. Первая четверть VII в., Fig. 5, 41. LRC 10 B. Конец VI в.; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика. Рис. 11, 146. Атрибутирован как LRC 10 A. Первая четверть VII в. С. 33, 34.

¹⁹ Carandini A., Tortorici E. Ceramica Microasiatica // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero), Rome, 1985. Tav. CXVII, 10. motiv 66. P. 232. III группа 470–580 гг.; Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. The Athenian Agora, Vol. XXXII. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 2008. Pl. 69, 1416. P. 248, 249. Конец V – нач. VI в.

²⁰ Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса.

²¹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Комплекс 22.

²² Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. NN 79–81, 99, 193, 217, 225; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 13, 14. Табл. 9, 35, 80; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. P. 144–145. Fig. 10.

²³ Рисунки в публикациях зачастую отличаются, однако в ряде случаев есть основания говорить о таких разных рисунках как изображающих один и тот же предмет. Особенно это касается форм краснолаковых сосудов. На составленных нами таблицах оговорен источник рисунка, который нам кажется наиболее точным.

²⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Табл. 5.

²⁵ Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса. С. 7.

²⁶ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth 2005. Pl. 17, 2-LRA 1 B 1-VI – середина VII в.; Van Alfen P. A restudy of the cylindrical amphoras from the seventh-century Yassi Ada Shipwreck. A Thesis. Texas. 1995. Fig. 11. Type VIII; van Alfen P. New light on the 7th-century Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA1 amphoras // Journal of Roman Archaeology 1996.9. Fig. 11. Type VIII.

²⁷ Bien S. La vaisselle et les amphores en usage à Marseille au VIIe siècle et au début du VIIIe siècle : première ébauche de typologie évolutive // LRCW2 / Bonifay M. et Trégia J.-Chr. (éd.): Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. BAR Series (1662(I), 2007. Fig. 2, 30-phase 2.

²⁸ Diamanti Ch. Imperial control upon the aegean sea trade during the late roman period. New archaeological evidence // <http://www.camertola.pt/sites/default/files/Ch.%20Diamanti%20IMPERIAL%20CONTROL%20UPON%20THE%20AEGEAN%20SEA%20TRADE%20DURING%20THE%20LATE%20ROMAN%20PERIOD.pdf>. Дата обращения 29.03.2015; Demesticha S. Amphora production on Cyprus during the late roman period // VII-e Congrès International sur la Ceramique Medievale en Mediterranee. Thessaloniki 11–16 Octobre 1999. Actes. Athenes, 2003. Fig. 4. P. 472–475.

²⁹ Diamanti Ch. Local Late Roman / Early Byzantine amphoras from Halasarna on Kos. Ек. 3.2; Diamanti Ch. Stamped late Roman/Proto-Byzantine amphoras from Halasarna on Kos // Rei Cretariae Romanae Favtorvm. Acta 41, 2010. Fig. 1, B.

³⁰ Van Doorninck Fr. The cargo amphoras on the 7th century yassiada and 11th century Serce Limani shipwrecks: two examples of a reuse of Byzantine amphoras as transport jars // Bulletin de correspondance hellénique. Supplément 18. Athènes : École française d'Athènes; Paris : Dépositaire, Diffusion de Boccard, 1989. fig. 1, 2, 6.

³¹ Arthur P. Anfore dall'alto adriatico e il problema del Samos cistern type // Aquileia Nostra, LXI. 1980.

³² Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth 2005. Fig. 91, 92. P. 135, 136.

³³ Sazanov A. Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Âge: continuité ou rupture? // G. Démians d'Archanbaud (ed.), Actes du VIe congrès de l'AIECM2, Aix-en-Provence, 1995: la céramique médiévale en Méditerranée, Aix-en-Provence: Narrations ed., 1997. Type 6. Fig. 1, 6. P. 88; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. С. 41 (класс 19 – табл. 12, 81, табл. 16, 82), С. 25. (класс 7 – Табл. 9, 25). Амфоры разделены на два класса ошибочно, речь, по всей видимости, должна идти об одном классе 19 и его варианте.

³⁴ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine. P. 135, 136; Shkodra B. Ceramics from Late Roman contexts in Durres // BSA. 101. 2006. P. 441, 442, 444.

³⁵ Remola J. A. Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis). Siglos IV–VII. Col·lecció Instrumenta, núm. 7, Barcelona 2000. P. 168.

³⁶ Хотелашвили М.К., Якобсон А.А. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. Рис. 2, 3. С. 194, 195.

³⁷ Reynolds P., Pavlidis E. Nicopolis (Epirus Vetus): An early 7th century pottery assemblage from the 'Bishop's House' (Greece) // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. BAR International Series 2616 (I) Oxford 2014. Vol. I. Fig. 9–11, 1–5. P. 453.

³⁸ Remola A., Uscatescu A. El comercio de ánforas orientales en Tarraco (siglos V–VII d.c.) // II Col·loqui internacional d'arqueologia Romana. El vi a l'Antiquitat economica, producció i comerç al Mediterrani occidental. Actes (Badalona 6/9 de Mai de 1998). Musei de Badalona. 1998. P. 155. Fig. 3, 11.

³⁹ Remola J. A. Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis). Fig. 76, 8, 9.

⁴⁰ Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в Портовом районе Херсонеса. Рис. 4 а. С. 10.

⁴¹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 1, 1, 2. С. 224.

⁴² Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. С. 18.

⁴³ Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Âge. Type 11. P. 90.

⁴⁴ Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Ed. By N.Poulou-Papadimitriou, E.Nodaru and V.Kilikoglou. BAR International Series 2616 (I).Oxford, 2014. P. 401.

⁴⁵ Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean (Advances in Scientific Studies), The Second Nieborów Workshop. Warsaw 1995. P. 169.

⁴⁶ Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира. Москва, 2012. Рис. 1, 6. С. 136–138.

⁴⁷ Шаров О.А. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Дар. С. 191–195.

⁴⁸ Carandini A., Tortorella S. Produzione D. // Atlante delle forme ceramiche I. Ceramica fine romana nel bacino mediterraneo (medio e tardo impero).. Roma, 1981. Fig. XXXIV–XXXV, 1–7; Hayes J.W. Late Roman Pottery.L., 1972. Form 61 A.

⁴⁹ Arsen'eva T., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8, 2002. P. 427; Reynolds P. A note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9 // LRFW 1. Late Roman Fine Wares.Solving Problems of Typology and Chronology.Ed.Miguel Angel Cau, Paul Reynolds, Michel Bonifay/ Archeopress, 2011. Fig.1, Fig. 2.P.57, 59, 61; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Вып. 3. Рис. 18, 4, 6–8; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 416, 417.

⁵⁰ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. P. 240. Fig. 38, 1264.

⁵¹ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports.The Athenian Agora.Fig. 39.1273; Hayes, J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Oxford: Princeton University Press, 1992. Fig. 34, dep. 17,2-AD 524–525; Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600 // Late Roman Fine Wares: solving problems of typology and chronology. Volume 1.A review of the evidence, debate and new contexts; M.A.Cau,P. Reynolds and M. Bonifay. Archaeopress. LRFW 1, RLAMP 1: 207–230. 2011.Fig. 5,62.-E ? Beirut. Deposit BEY 006 3303. Suggested pottery date: 450–500? Some late 5th century pieces?

⁵² Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli) //Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero), Rome,1981.Tav. CXIII, 1; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // Рис. 6 Б, F 5.2; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Вып. 3. Рис. 13, 3–5. Тип F 5.2. C.228.

⁵³ Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Fig.40, 1288; Hayes, J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 33, dep. 14, 13-AD 526-527? Fig. 34, dep. 16,5-AD 524–525; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14, 1,2. Тип F 7/8. C. 228; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.5, 10,12.

⁵⁴ Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Fig. 42, 1331-близко, но не точная аналогия; Hayes J.W., The pottery // J. Boardman/ J. Hayes, Excavations at Tocrá, 1963–1965. The Archaic Deposits II and Later Deposits (ABSA Suppl.10), London 1973.Fig. 48, 2453; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 15, 9. Тип F 11. C. 228.

⁵⁵ Hayes J.W. Roman pottery.Fine-ware imports.Fig.40, 1289, 1290. Date earlier than context. Context of ca. a.d. 525–550; Hayes, J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 34, dep. 16,2,3-AD 524–525; Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 7, 100-Deposit BEY 006 20201.3-Redeposited AD 551 earthquake assemblages; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13,6. Тип F 6. C.228; Vogt C. Πρωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη, Κρητική Εστία 4, 39–75.1989/1991.Eik.4, 2-смонетами 610–641 и 641–668 гг.

⁵⁶ Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Fig. 40, 1282; Hayes J. W., The pottery // J. Boardman/ J. Hayes, Excavations at Tocrá, 1963–1965.Fig. 49, 2484-слой 3 – около 600 г. – LRC 3 F, Fig. 50, 2523-слой 2 – сер. VII в. (перемещен); Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 33, dep. 14, 9, 12; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli) // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero) Rome 1985. Tav. CXIII,2; Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 6, 85.Beirut Deposit BEY 006 3019. P. 215. Трактван как переходный от типа E к типу F («скорее, E»); Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13,10, 11. Тип F 7/8. C. 228.

⁵⁷ Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Fig. 40. 1286. Date earlier than context. Context of ca. a.d. 525–550; Hayes J.W., The pottery // J. Boardman / J. Hayes, Excavations at Tocrá, 1963–1965. Fig. 51, 2525-слой 2 – середина VII в. – LRC 3 (перемещенный); Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 7, 102. Deposit BEY 006 20201. Redeposited AD 551 earthquake assemblages; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 6. Тип F 6. C. 228.

⁵⁸ Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXII, 9 ;Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports.Fig. 42, 1332 ;Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 7, 93. Beirut. Deposit BEY 006 11081. Suggested pottery date: Second quarter 6th century, AD 530–540? deposited post AD 551; Сазанов А.В. Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс: (Восточный Крым) // ПИФК. Вып. 7. 1999. Рис. 5, 25. C. 190; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14,8. Тип F 10. C. 228; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea) // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodaru and VassilisKilikoglou/ Volume I. BAR International Series 2616 (i). 2014.Fig. 5, 2. P. 414.

⁵⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600.Fig. 7, 103 .Beirut. Deposit BEY 006 20201. Suggested pottery date: AD 551. Монеты короля Бадуила 541–542 гг.; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. P. 144–145. Fig. 5, 21, 24.

⁶⁰ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 8, 125. Beirut Deposit BEY 006 20216.Suggested pottery date: AD 551. Определена П. Рейнолдсом как переходная от F к G; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 16,5. Тип G 2. C. 229. Вторая и третья четверти VI в.; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. P. 144–145. Fig. 5, 22.

⁶¹ Hayes J.W. The pottery // J. Boardman / J. Hayes, Excavations at Tocrá, 1963–1965. Fig. 48, 2454; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Рис. 8, 29.

⁶² Данный сосуд отсутствует в фондах Херсонесского заповедника. Скорее всего рисунок является графической реконструкцией сосуда из нескольких фрагментов.

⁶³ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 7, 104, 105. Beirut. Deposit BEY 006 20201.Suggested pottery date: AD 551. Монеты короля Бадуила 541–542 гг.; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 5, 17, 18, 20.

⁶⁴ Hayes J.W. Late Roman Pottery. P. 349.

⁶⁵ Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli).. P. 229–235. Tav. CXIII,9-LRC 10 A.

⁶⁶ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 12, 180. Beirut. Deposit BEY 006 5503.Suggested pottery date: Early VIIth century. Монеты 583–584. Определен как

LRC 10B; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 42, Fig. 9, 12, 16.

⁶⁷ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace // Byzantine Butrint: Excavations and Survey 1994–1999. Eds. Hodges R., Bowden W. and Lako K. Oxford, Oxbow 2004. P. 243.

⁶⁸ Terra sigillata Cipriota (Late Roman E/D) // A. Carandini (a cura di), Atlante delle Forme Ceramiche I. Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero). Roma 1981. Tav. CXXII, 1-LRD 9 C. P. 239. 580/600 – кон. VII в.; Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. P. 379–382;

⁶⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 11, 175. Beirut Deposit BEY 006 5503; Reynolds P. A note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9 Fig. 6, 61.-конец VI – начало VII в. LRD 9 C; El-Khoury Lamia. Late roman fine pottery from Gadara (UMM QAIS), 2011 season of excavation // University of the Aegean, 2014, Mediterranean Archaeology & Archaeometry, 14, 2 (2014) 115–138. Fig. 5, 12–14. P. 120.

⁷⁰ Jackson M., Zelle M., Vandepuit L., Kose V. Primary evidence for Late Roman D Ware production in southern Asia Minor: a challenge to “Cypriot Red Slip Ware” // Anatolian Studies. Vol. 62. December 2012. P. 89–114; Poblome J., Firat N. Late Roman D. A matter of open(ing) or closed horizons ? // LRFW 1. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology. Ed. Miguel Angel Cau, Paul Reynolds, Michel Bonifay/ Archeopress, 2011. P. 49–55 :

⁷¹ Fedoseev N., Domzalski Kr., Opait A., Kulikov A. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'najast. in Kerch 2006 // Archeologia. LXI. 2010. Fig. 9.P.69,70; Домжальский К., Журавлев Д. Фрагменты понтийской познеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2013. N 2. С. 110, 111.

⁷² Сазанов А.В. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса // КСИА. 1992. Вып. 208. Рис. 3, А 7–9. С. 44; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 23; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,6. С.227; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig.8, 10–12. Fig. 4, 7.

⁷³ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 33. P.415; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,10, 11. С. 227; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles. Fig.8, 13, 15. Fig. 4, 17; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 8, 17–19. Имеется в виду правильный вариант таблицы, размещенный автором в этой статье на сайте Academia.edu. В бумажном варианте МАИЭТа данная таблица с рисунками отсутствует, ее ошибочно (вина редакции) заменяет копия опубликованной в той же статье таблицы.

⁷⁴ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 9, 139-Bey 006.14050. Смонетами AD 526–534. Suggested pottery date: late 6th century. Атрибутирована П. Рейнолдсом как ARSW 99 B/C; Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. The Athenian Agora, Fig. 36, 1155. Атрибутирован Дж. Хейсом как ARSW 99 C; Сазанов А.В. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса. Рис. 3, А 7–9. С. 44; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 26; Slane K.W., Sanders G. Corinth: Late Roman horizons // Hesperia 74.2005. Assemblage 3, Fig. 8, 3–8. С монетой Юстина II 577/578 гг. Атрибутирована в торах как ARSW 99 C.

⁷⁵ Raynaud Cl. Ceramique africaine Claire D. // LATTARA 6. Dicocer, Dictionnaire des ceramiques antiques (VIIe s. av. n.e.–VIIe s. de n.e.) en Mediterranee nord-occidentale (Provence, Languedoc, Ampurdan). 1993. P. 196.

⁷⁶ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports .The Athenian Agora. Fig. 36, 1163. P. 233. – VII в.; Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 10, 154. Bey 006 5503 .321. Атрибутирован как ARSW 105 А. Начало VII в. Монеты 583–584 гг.; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 3,5; Slane K.W.,

Sanders G. Corinth: Late Roman horizons .Assemblage 4, Fig. 11, 4-2, 4-4. Middle or third quarter of the Seventh Century (м.б. «примесь снизу»), Figure 8, 3-9. Assemblage 3, с монетой Юстина II 577/578 г.

⁷⁷ Brazinski P. Late antique Pilgrimage and Ampullae. History, Classification, Chronology. Saarbrücken, 2014. P. 27, 3; Hayes J.W. A New type of Early Christian Ampulla // BSA. 1971. P. 243–248.

⁷⁸ Голофаф Л.А. Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. 1990. Вып. 25. Византия и сопредельный мир. Рис. 1, 1, 2, Рис. 2 а. С. 52.

⁷⁹ Japp S. Dielocale Keramik production von Kibyra // Rei Creatariae Romanae Favtorum. Acta. 2005. T. 39. S. 239; Lochner S., Sauer R., Linke R. Late roman unguentaria? – A contribution to early Byzantine wares from the view of Ephesus // LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in Mediterranean. Oxford, 2005; Кленина Е.Ю. Ранневизантийские амфориски из Нов (Moesia Secunda). К вопросу о торговых связях // АДСВ. 2009. Вып. 39: С. 20–24.

⁸⁰ Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Pl 90, 1786, 1787, Pl. 91, 1778. Deposit O 13: 4 – середина (?) VI в. Похожие клейма.

⁸¹ Голофаф Л.А. Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона. Рис. 1, 3, 4; Hayes J.W. Roman pottery. Fine-ware imports. Pl. 91, 1814. Deposit M 17:1 (layer XIII) — начало – середина VI в.

⁸² Raynaud Cl. Ceramique commune mediterraneenne tardo-romaine // LATTARA 6. Dicocer, Dictionnaire des ceramiques antiques (VIIe s. av. n.e. – VIIe s. de n.e.) en Mediterranee nord-occidentale (Provence, Languedoc, Ampurdan). 1993. P. 366.

⁸³ Hayes J.W. A Seventh-Century Pottery Group // Harrison R. M., Firatli N . Excavations at Sarachane in Istanbul: Fifth Preliminary Report // Dumbarton Oaks Papers 1968, 22, Fig. 108; Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Deposit 21 n° 12-13, Deposit 25bis, fig. 36 n° 4, Deposit 26, fig. 37 n° 9, Deposit 30, fig. 45 n° 130–131, Deposit 31, fig. 21 n° 30, Deposit 50, fig. 76 n° 22.

⁸⁴ Bass G.F. The Pottery // G.F. Bass, H.V. Van Doorninck (dir.), Yassi Ada I, a Seventh Century Byzantine Shipwreck, Texas, A&M University Press, 1982. Fig. 8–15 n° P 43, fig. 8–17 n° P 43.

⁸⁵ Treglia J.-C. La céramique impériale et romaine tardive. Secteur 5 de la fouille du pont de Gabbari // J.-Y. Empereur et D. Nenna (dir) – Nécropolis 2, Etudes Alexandrines, 7, vol. 2, éd. IFAO, Le Caire, 2003. Fig. 63.

⁸⁶ Opait A. Ceramica din asezaarea si cetatea de la Independenta (Murighiol), secolele V î.E.N.–VII E.N. // PEUCE, 10, 1991. Fig. 32 n° 191–192, fig. 33 n° 190.

⁸⁷ Gortina II. Pretorio. Il materiale degli scavi Colini 1970–1977, Monographie della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, VII, Padova (Bottega d'Erasmus), 1997.

⁸⁸ Hayes J.W. Excavations at Carthage 1976 conducted by the University of Michigan », J.H. Humphrey (ed) , Excavations at Carthage IV, American Schools of Oriental Research, Ann Arbor 1978. Fig. 8 n° 11, fig. 11 n° 4.

⁸⁹ Carsana V. Ceramica da cucinatardo-antica ed alto medievale in Il complesso archeologico di Carminello ai Mannesi // Napoli (scavi 1983–1984) a cura di Paul Arthur, pubblicato da Dipartimento di Beni Culturali Università degli Studi, Lecce e The British School at Rome, 1994. Fig. 122 n° 116.1.

⁹⁰ Ricci M. La ceramica comune dal contesto di VII secolo della Crypta Balbi // L. Sagui (dir) Ceramica in Italia: VI–VII secolo, Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Rome, 11–13 mai 1995), Florence 1998. Fig. 4 n° 2; Arena M., Delogu P., Paroli L., Ricci M., Sagui L., Vendittelli L., (dir.), Roma dall'Antichità al Medioevo, archeologia e storia, nel Museo Nazionale Romano Crypta Balbi, Ministero per i beni e le attività culturali, Soprintendenza archeologica di Roma, 2001. Fig. II. 3. 251–253.

⁹¹ Macias Solé J. La cerámica comuna tardoantiga a Tàrraco. Anàlisi tipològica i històrica (segles V-VII). Tarragona, Museu Arqueològic de Tarragona, 1999 (TULCIS. Monografies Tarraconenses, 1). Fig. 56 n° 62.

- ⁹² Романчук А.И. Слон VII–VIII вв. в Портовом районе Херсонеса. С.3.
- ⁹³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Комплекс 23. С. 117, 118.
- ⁹⁴ Шаров О.А. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. С. 191–195.
- ⁹⁵ Sazanov A. Les amphores orientales d'époque protobyzantine au Nord de la Mer Noire // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Ed. by M.Bonifay and J.-C. Treglia. Vol. II. BAR International Series 1662 (II). Oxford, 2007. P. 412. Fig.3, 8. Fig.4, 4, 5, 43, 46. P. 805.
- ⁹⁶ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). P. 413. Fig. 3, 49.
- ⁹⁷ Ibid. Fig. 3, 45.
- ⁹⁸ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). P. 412. Fig. 3, 8; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. II. 1991. Рис. 5, 5,6.
- ⁹⁹ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). P. 412. Fig. 3, 23.
- ¹⁰⁰ Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Ed. By N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodaru and V. Kilikoglu. BAR International Series 2616 (I). Oxford, 2014. P. 403. Fig. 11, 4,5 — первая четверть VII в.
- ¹⁰¹ Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology. P. 403, 404. Fig. 12, 2, 3, 4, 6.
- ¹⁰² Шаров О.А. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. С. 191–195.
- ¹⁰³ Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время. Рис. 1, 6. С. 136–138.
- ¹⁰⁴ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 2, 16, 17-колодец в 1 квартале и «цистерна в алтаре». Атрибутирована как ARSW 101 и датирована VI-первой четвертью VII в.; Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Дисс. канд. ист. наук: 07.00.06-археология. Симферополь, 2014. Рис. 12, 1.79-понтийская форма 5 — конец IV – сер. V в.; Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. Вып. 7. 1999. Рис. 13, 4, 5-интерпретирован как Carthage flat based 7. С.246. Цистерна в алтаре. Не позже последней четверти V в., вероятно, конец IV – первая половина V в.; 4. Hayes J.W. Roman Pottery fine-ware imports. 2008. Fig. 41, 1320, 1321. 1320 – 6th century to ca. AD. 550. Context mixed; 1321- Early 6th century. Context of same date.
- ¹⁰⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,3; Raynaud Cl. Ceramique africaine claire D. ARSW 91 C.P. 194.
- ¹⁰⁶ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. The Athenian Agora. Fig. 36, 1141, 1142. Последняя ближе — ARSW 91 C.
- ¹⁰⁷ Hayes J.W. Early Christian pottery from Knossos: The 1978–1981 finds from the Knossos medical faculty site // BSA. 2001. Vol. 96. Fig. 4 A 20-ARSW 91. C–525–550 gr.
- ¹⁰⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,2. С.117.
- ¹⁰⁹ Reynolds P.A note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9. Fig. 2, 19.
- ¹¹⁰ Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Рис. 13.
- ¹¹¹ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. The Athenian Agora. 2008. Fig. 42, 1423.
- ¹¹² Op.cit. Fig. 42, 1423. Датирована третьей четвертью V в. «или немного раньше». P. 249.
- ¹¹³ Reynolds P.A Note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9. Fig. 2, 19.
- ¹¹⁴ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 3, 6,8. С. 416, 417. Интерпретирован как LRD 2.
- ¹¹⁵ Slane K.W., Sanders G. Corinth: Late roman horizons. Fig. 3 A1–12.

- ¹¹⁶ Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Рис. 13.
- ¹¹⁷ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,15. С.118.
- ¹¹⁸ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Fig. 32, Deposit 13, 6. Контекст второй четверти V в. P. 94. Дата контекста, видимо, ошибочна.
- ¹¹⁹ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 39, 1273, 1274-LRC 3 C/D. Third quarter of 5th century. Context of same date. P. 241.
- ¹²⁰ Reynolds P. The roman pottery from the Triconchpalace. Fig.13,136–138. с. AD 500/525–550 from context '1152.136 – вторая четверть VI в. P. 228.
- ¹²¹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 8, 120-LRC 3 D. – Близок. Контекст BEY 006 2528.Redeposited ad 551 debris? Suggested pottery date: AD 551.
- ¹²² Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 6 А, тип d – вторая четверть VI в. Вариант конца V – второй четверти VI в. С. 412.
- ¹²³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 13, 19; Рис. 69,7. С.119; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli) antica classica e orientale // Enciclopedia dell'arte antica classica [direttore de red. Giovanni Pugliese Carratelli]: Atlante delle forme ceramiche I. Ceramica fine romana nel bacino mediterraneo (Medio e TardoImperio) Ist. Della Enciclopedia Italiana, 1981.Tav. CXII, 8-e.
- ¹²⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 13.
- ¹²⁵ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig.4, 49, 50. Атрибутирован как LRC 3 E. Deposit BEY 006 7477. 15–17. Suggested pottery date: 3rd quarter of 5th century.
- ¹²⁶ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 39, 1276, 1279-LRC 3 E. Контекст начала VI в. Эволюционно следующий-fig. 40, 1297-LRC 3 H – вторая четверть – середина VI в.
- ¹²⁷ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,19. С. 118.
- ¹²⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 6,85-LRC 3 E. Beirut. Deposit BEY 006 3019. Suggested pottery date: late 5th century (+). p. 226.
- ¹²⁹ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 39, 1279-LRC 3 E. P. 241. Context of ca. AD 500 or a little later.
- ¹³⁰ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 6, 45. С. 21-LRC 3 E.
- ¹³¹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,7. С.118.
- ¹³² Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig.4, 49, 50-LRC 3 E. Deposit BEY 006.7477. Suggested pottery date: 3rd quarter of 5th century.
- ¹³³ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 39, 1275-E-Context of first half (to mid?) 6th century, 1279-LRC 3 E. Context of AD 500 or a little later. P. 241. Сосуды близки нашим, но не идентичны. Видимо, какой-то переходный тип, скажем от Е к F.
- ¹³⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,15, 17.
- ¹³⁵ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 39, 1268. Атрибутирован как LRC 3 C-контекст 460–475 гг. с несколькими сосудами конца V в. P. 240.
- ¹³⁶ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 4.49, 50. Сосуды атрибутированы как LRC 3 E-Beirut. Deposit BEY 006 7477. Suggested pottery date: 3rd quarter of 5th century; fig. 5, 60–62. Сосуды атрибутированы как LRC 3 C (60,61), LRC 3 E (62) Beirut. Deposit BEY 006 3303. Suggested pottery date: 450–500? Some late 5th century pieces? Fig. 6, 75. Сосуды атрибутированы как LRC 3 C-Beirut. Deposit BEY 006 7685. Coin: AD 498–507. Suggested pottery date: late 5th century (+).
- ¹³⁷ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 39, 1272. Атрибутирован как LRC 3 C. Third quarter of 5th century. Context of same date.
- ¹³⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 2, 24. Атрибутирован как переходный от LRC 3 E. Beirut. Deposit bey 006 3761. Suggested pottery date: third quarter

of the 5th century; Fig. 3,41. Атрибутирован как LRC 3 C. Bey 006 9402. 4th century coins and AD 498–512. Suggested pottery date: third quarter of the 5th century; Fig. 4, 49. Атрибутирован как LRC 3 E. Bey 006 7477. Suggested pottery date: 3rd quarter of 5th century; fig. 6,75. Атрибутирован как LRC 3 C. Bey 006 7685. Coin:ad 498–507.Suggested pottery date: late 5th century (+).

¹³⁹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. М.: Магнитогорск. Рис. 12,8. Контекст последней четверти V в. Отнесена, «видимо», к LRC 3 E. p.245. В аналогиях указаны контексты от сер. V до начала второй четверти VI в.

¹⁴⁰ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la ceramique. Fig.5, 8. Определен как LRC 3 C Контекст конца VI в.; Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Рис. 23, 3.53-3.55, 3.57. Имеют больший диаметр – 29–34 см. Происходят из контекстов второй половины VI в. и конца VI – начала VII в. Ошибочно атрибутированы как LRC 3 F 1.

¹⁴¹ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,13.

¹⁴² Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 6,76. Атрибутирован как LRC 3 E. BEY 006 7685. Coin: AD 498–507. Suggested pottery date: Late 5th century (+).

¹⁴³ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig.34, deposit 18, 2. Атрибутирован как LRC 3 E. Контекст незадолго до AD 526/527. Видимо, конец V в.

¹⁴⁴ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig. 13. 142. Атрибутирован как LRC 3 F. с. AD 500/525–550 from context '1152'.

¹⁴⁵ Hayes J.W. The Pottery. Fine red wares. Excavations at Tocra. Fig. 48, 2439. Атрибутирован как LRC 3 E. Слой 4? 525–550 гг.

¹⁴⁶ Aupert P. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // Bulletin de correspondance hellénique. Supplément VI. Numéro 1. Études argiennes. Paris 1980. Fig. 36, 127. Атрибутирован как LRC 3 F.

¹⁴⁷ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Вып. 3. Рис.13, 4. LRC 3.F 5.2. Контекст 570/580 г.

¹⁴⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 9,1. Атрибутирован как LRC 3 D/F. Контекст первой четверти VII в.

¹⁴⁹ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,10. С.118.

¹⁵⁰ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports.Fig. 40, 1288. P. 242.

¹⁵¹ Reynolds P. The Roman pottery from the TriconchPalace.Fig.13,137, 140. P.228.-LRC 3 F.P. 228. AD 525–550.

¹⁵² Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 100.LRC 3 F BEY 006 20201/20202: Area 2W (South Shops). Redeposited AD 551 debris?Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552.Suggested pottery date: AD 551.

¹⁵³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14,1,2. Тип F 7/8. С. 228. Дата типа – вторая четверть VI – первая четверть VII в.

¹⁵⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.5, 5, 10, Определен как LRC 3 F. Комплекс конца VI в.

¹⁵⁵ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,11. С. 118.

¹⁵⁶ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports. Fig. 40, 1289. P. 242. Контекст 525–550 гг. Дата раньше, чем контекст.

¹⁵⁷ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 93-BEY 006 11081. Coins: AD 395–401; AD 498–507; AD 498–512. Suggested pottery date: Second quarter 6th century, AD 530–540? deposited post AD 551. Типологически предшествует LRC 3 G – Fig. 7, 105. BEY 006 20201/20202: Area 2W (South Shops). Redeposited AD 551 debris? Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552.

¹⁵⁸ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 9, 104.

¹⁵⁹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.9, 3. Определен как LRC 3 F. Комплекс первой четверти VII в.

¹⁶⁰ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,12. С. 118.

¹⁶¹ Hayes J. W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1282, 1285. P. 241,242.

¹⁶² Reynolds Paul. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig.13, 137, 138, 140. P. 228. — LRC 3 F. Deposit 1152-500/525–550 гг.

¹⁶³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Рис. 13,9-11, Рис. 14,1,2. Тип F 7/8. С.228. Дата типа — вторая четверть VI – первая четверть VII в.

¹⁶⁴ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 6, 45. Рис. 7, 52–54.

¹⁶⁵ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.5, 5. Определен как LRC 3 F-кон. VI в. Fig. 9, 4 – Комплекс первой четверти VII в. Также в комплексе третьей четверти VII в., который был рассмотрен выше – Fig. 10,9. Явная примесь раннего материала.

¹⁶⁶ Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV-первой половине VII вв. Дисс. канд. ист. наук. Рис. 25,3. 75, Рис. 26, 3. 77–79. С. 100–101.

¹⁶⁷ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,14. С. 118.

¹⁶⁸ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports. Fig. 40, 1286-Контекст 525–550 гг., более ранняя, чем контекст, Fig. 40, 1287-530-540/550 AD.

¹⁶⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 107-Следующий за ним эволюционно вариант LRC 3 G.-BEY 006 20201/20202: redeposited ad 551 debris?coins: latest (and only contemporary coin) is of ostrogothic king Baudila, AD 541-552. Suggested pottery date: AD 551.

¹⁷⁰ Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Уменьшенный вариант: Рис. 32, 3.126. Яма 17. Вторая половина VI в. Близок сосуду аналогичного диаметра: Рис. 28,3.92. Вторая четверть – середина VI в.

¹⁷¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VII e siècles: la chronologie de la ceramique. Fig.5, 3. Определен как LRC 3 F; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 6. Определен как LRC 3 F. Имеет меньший диаметр.

¹⁷² Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 20. С. 118.

¹⁷³ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports. P. 244. Fig. 41, 1311. Уменьшенный вариант.

¹⁷⁴ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600.Fig. 7, 94. Определен как LRC 3 F/G-BEY 006 11081. Coins: AD 395-401; AD 498-507; AD 498-512. Suggested pottery date: second quarter 6th century, AD 530-540? Deposited post AD 551; fig. 8, 121. Определен как LRC 3 F/G-BEY 006 2483: redeposited AD 551 debris? Coin of AD 383-392.Suggested pottery date: AD 551.

¹⁷⁵ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery.Fig.33, dep. 14, 11. P. 94. Близкая форма.

¹⁷⁶ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14,7. Атрибутирован как F 5. С. 228. Наибольшее число аналогов – вторая четверть и конец VI в.

¹⁷⁷ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 8, 96. С. 26.

¹⁷⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la ceramique. Fig.5, 4. P. 137.

¹⁷⁹ Голофаф Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 21. С. 118.

¹⁸⁰ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600.Fig. 7,93. Deposit BEY 006 11081. Coins: AD 395-401; AD 498-507; AD 498-512. Suggested pottery date: Second quarter 6th century, AD 530-540? deposited post AD 551.

- ¹⁸¹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14,3, 7. Атрибутирован как F 5. Контекст 570–580 гг. С. 228. Наибольшее число аналогий – вторая четверть и конец VI в.
- ¹⁸² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig.5, 1, 3. P. 137.
- ¹⁸³ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 40, dep. 30, 60.
- ¹⁸⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,1. С. 118.
- ¹⁸⁵ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Vol. 2, Fig.32, dep. 13, 6.
- ¹⁸⁶ Op. cit. Fig. 33, dep. 14, 10, 12 – уменьшенный вариант.
- ¹⁸⁷ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1285, 1286. Date earlier than context. Context of ca. AD 525–550. P. 242.
- ¹⁸⁸ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig.13.139–AD 500/525–550. From context '1152'.
- ¹⁸⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 115. Фрагмент атрибутирован как LRC 3 F/G. Beirut. Deposit BEY 006 11081. COINS: AD 395–401; AD 498–507; AD 498–512. Suggested pottery date: second quarter 6th century, AD 530–540? deposited post AD 551.
- ¹⁹⁰ Hayes J.W. The Pottery. Fine red wares. Excavations at Tocra. Fig. 49, 2484, 2525. Слой 3–AD 600.
- ¹⁹¹ Op. cit. Fig. 50, 2525. Слой 2 – сеп. VII в. Survival pieces.
- ¹⁹² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.5, 13–15. P. 134.
- ¹⁹³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,2. С. 118.
- ¹⁹⁴ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1285. Date earlier than context. Context of ca. AD 525–550. P.242; Fig. 40, 1288. Context of second quarter to mid 6th century.
- ¹⁹⁵ Aupert P. Fig. 36, 127. P. 418.
- ¹⁹⁶ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 7, 68. С. 24.
- ¹⁹⁷ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 5, 2, 3–15. P. 134.
- ¹⁹⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,3. С. 118.
- ¹⁹⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 107. Атрибутирован как LRC 3 G. Beirut. Deposit BEY 006 20201/20202. Redeposited ad 551 debris? coins: latest (and only contemporary coin) is of ostrogothic king Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ²⁰⁰ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 40, 1292. Атрибутирован как LRC G. AD 530–540/550. Context of same date. P. 242.
- ²⁰¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 5, 12. Атрибутирован как LRC 3 F. P. 134.
- ²⁰² Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig.42, 1332. Интерпретирован как «texture of ware close to that of Candarliware? possibly a grynnion product? Variant of form 3h». Late 5th century to ca. 500. P. 246.
- ²⁰³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,4. С. 118.
- ²⁰⁴ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1283. Context of early 6th century; Fig. 40, 1285. Date earlier than context. Context of ca. AD. 525–550; FIG. 40, 1288. Context of second quarter to mid 6th century. P.241.
- ²⁰⁵ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 101. Beirut. Deposit BEY 006 20201. Redeposited AD 551 debris? coins: latest (and only contemporary coin) is of ostrogothic king Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ²⁰⁶ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig.13, 137, 138, 142. Fine wares of с. AD 500/525–550 from context '1152'.
- ²⁰⁷ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 3–5. F 5.2. Контекст 570–580 гг. С. 228. Дата типа: вторая четверть – конец VI в.

- ²⁰⁸ Hayes J.W. The Pottery. Fine red wares. Excavations at Tocra. Fig. 48, 2453.
- ²⁰⁹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 5, 10, 13, 14–F. Контекст конца VI в.
- ²¹⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,6. С. 118.
- ²¹¹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig.7, 101. Близкая форма, м.б. ее вариант. Атрибутирован как LRC 3 F. Beirut. Deposit BEY 006 20201. Redeposited AD 551 debris? Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ²¹² Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig. 13, 142. Fine wares of с. AD 500/525–550 from context '1152'. Близка. М.б. ее вариант.
- ²¹³ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 7, 67. Контекст второй четверти VI в. Близка. М.б. ее вариант.
- ²¹⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 11; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea) Fig. 5, 4. Близка. М.б. ее вариант.
- ²¹⁵ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 4, 5. Атрибутирован как LRC 3 F. 5.2. С. 228.
- ²¹⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,9. С. 118.
- ²¹⁷ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1285. Атрибутирован как LRC 3 F. Date earlier than context. Context of ca. AD. 525–550. P. 245.
- ²¹⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 101. Атрибутирован как LRC 3 F. Beirut. Deposit BEY 006 20201. Redeposited AD 551 debris? Coins: latest (and only contemporary coin) is of ostrogothic king Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ²¹⁹ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. Fig.13, 137, 139, 142. Fine wares of с. AD 500/525–550 from context '1152'.
- ²²⁰ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 7, 52, 53.
- ²²¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 5, 10. Атрибутирован как LRC 3 F.
- ²²² Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 4, 5. Атрибутирован как LRC 3 F. 5.2. С. 228.
- ²²³ Hayes J.W. The Pottery. Fine red wares. Excavations at Tocra. Fig. 48, 2432. Атрибутирован как LRC 3 F. Слой 4. Вторая четверть VI в., 2453–слой 3. Примерно 600 г.
- ²²⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,11. С. 118.
- ²²⁵ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 39, 1280. Атрибутирован как LRC 3 F, видимо, предшественник в эволюционном ряду. Context of second quarter of 6th century. P. 241.
- ²²⁶ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 5, 58. Атрибутирована как LRC 3 А, по всей видимости, ошибочно. Beirut deposit BEY 006 3303. Suggested pottery date: AD 450–500? Somelate 5th century pieces?
- ²²⁷ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 9, 101. Рис. 7, 59. С. 23.
- ²²⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 1; Сазанов А.В. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса. Рис. 2, 27; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени Рис. 6 Б, F 12. Атрибутирован как LRC 3 F 12. Дата типа — вторая четверть – конец VI в. С. 413.
- ²²⁹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 15, 4–6. Атрибутирован как LRC 3 F 2.
- ²³⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,12. С. 118.

- ²³¹ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports.The Athenian Agora.Fig. 40, 1290. Атрибутирован как LRC 3 F. Date earlier than context. Context of ca. AD. 525–550. P. 242.
- ²³² Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 13, 10, 11. Атрибутированы как LRC 3 F 7/8.
- ²³³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,14. С. 118.
- ²³⁴ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports.Fig. 40, 1288. Атрибутирован как LRC 3 F. Context of second quarter to mid 6th century. P. 242.
- ²³⁵ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig.7, 107, 108. Beirut. Deposit BEY 006 20201. Coins: latest (and only contemporary coin) is of ostrogothic king Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ²³⁶ Hayes J.W. The Pottery. Fine red wares. Excavations at Тосра. Fig. 48, 2439. Интерпретирован как LRC 3 Е-слои 4?-550 гг? Fig. 48, 2453. Атрибутирован как LRC 3 F. Слои 3. Примерно 600 г.
- ²³⁷ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 15, 8,9. Атрибутирован как LRC 3 F 11.
- ²³⁸ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 6 Б, LRC 3 F 11. Общая дата: вторая четверть – конец VI в.
- ²³⁹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Vol. 2, The Pottery. Fig.50, deposit 31, 12. Середина VII в.
- ²⁴⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,16. С. 118.
- ²⁴¹ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports. Fig. 40, 1297. Атрибутирован как LRC 3 Н. Second quarter to mid 6th century. Context of same date. P. 243. Близкая форма.
- ²⁴² Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600. Fig. 8, 121. Beirut. Deposit BEY 006 2483. Suggested pottery date: AD 551. Атрибутирован как переходный от LRC 3F к G.
- ²⁴³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 16,7,9, 11. Атрибутирован как LRC 3 Н 1. С. 229.
- ²⁴⁴ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 9, 101. Атрибутирован как LRC 3 G; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 17. P. 414. Атрибутирован как LRC 3 Н. Контекст конца VI в. Дата типа — вторая четверть – конец VI в.
- ²⁴⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,8. С. 118.
- ²⁴⁶ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 42, 1331. Context to mid 6th century. P. 245.
- ²⁴⁷ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 13, 17; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du vie-troisième quart du viie siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 5, 26. Близкая форма; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 10, 125. Близкая форма.
- ²⁴⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,10. С. 118.
- ²⁴⁹ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Fig. 40, 1297. Атрибутирован как LRC 3 Н. Second quarter to mid 6th century. Context of same date.
- ²⁵⁰ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 9, 101. Атрибутирован как LRC 3 G.C. 27; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 7. Маленький диаметр, атрибутирована как LRC 3 F, Fig. 5, 17. Атрибутирована как LRC 3 Н.
- ²⁵¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du vie-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 9, 6. Атрибутирован как LRC 3 G.
- ²⁵² Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,10. С.118.
- ²⁵³ Hayes J.W. Roman pottery:fine-ware imports.Fig. 40,1297. LRC 3 Н. Second quarter to mid 6th century. Context of same date.
- ²⁵⁴ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 9,101. Атрибутирован как LRC 3 G. Контекст конца VI в. С.27; Sazanov A. Les ensembles

- clos de Chersonese de la fin du VIe troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique. Fig. 9, 6 атрибутирован как LRC 3 G. Первая четверть VII в.; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 7-маленький диаметр, атрибутирована как LRC 3 F, Fig. 5, 17. -LRC 3 Н -контекст конца VI в.
- ²⁵⁵ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 6. LRC 3 Н 1. С. 413.
- ²⁵⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,17. С. 118.
- ²⁵⁷ Hayes J.W. Late Roman Pottery. Fig. 76, 45; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. motiv 45. С.414; Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. С. 118, 119.
- ²⁵⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,16. С. 118.
- ²⁵⁹ Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. С. 121, 122. motiv 65. Конец V-вторая четверть VI в. Рис. 38, 3.173; Hayes J.W. Late Roman Pottery. Fig. 68, 65; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. motiv 65. С. 415.
- ²⁶⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 69,18. С. 118.
- ²⁶¹ Hayes J.W. Roman pottery: fine-wareimports. PL. 68,1404-1407; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 6, 19 Б. Мотив 71. С. 415.
- ²⁶² Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Рис. 40, 3.179 В, 3.180 В.С. 123–127. Указаны самые поздние контексты конца VI в., 624–632/635 гг., 650–670 гг. Однако вывод исследовательницы о том, что «на основании комплексов и находке на сосуде LRC 10 С, можно предполагать производство таких штампов д с начала VII в.» (С. 127) противоречит более поздним датам указанных ей контекстов. Ограничение верхней границы мотива 71 на формах LRC 10 С в пределах начала VII в. представляется необоснованным.
- ²⁶³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,8. С. 118.
- ²⁶⁴ Жития епископов Херсонских. Рис. VII. 9,1. С. 230. Контекст середины третьей четверти VI в. Общая дата — 470/500 кон. VI в. Атрибутирован как ARSW 93 а или ее имитация.
- ²⁶⁵ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,7. С. 227. Атрибутирован как ARSW 97.
- ²⁶⁶ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 31; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 4, 4.
- ²⁶⁷ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe troisieme quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique . Fig. 8, 9. Определен как ARSW 96.
- ²⁶⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,9. С. 118.
- ²⁶⁹ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 23; Сазанов А.В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «жития свв. епископов Херсонских». Хронология и интерпретация. Рис. VII.9,1. С. 230. Контекст середины-третьей четверти VI в. Общая дата — 470/500 кон. VI в. Атрибутирован как ARSW 93 А или ее имитация.
- ²⁷⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,5. С.118.
- ²⁷¹ Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. The Athenian Agora. Fig. 36, 1143-ARSW 93 В-AD 500-530 гг.; Fig. 36, 1150. ARSW 97. P. 232 — VI в.
- ²⁷² Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,6,7. С. 227. Атрибутирован как ARSW 95 и 97.
- ²⁷³ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig.4, 7. Определен как ARSW 95.
- ²⁷⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 8, 10–12.

- ²⁷⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,7. С. 118.
- ²⁷⁶ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,6. С. 227. Атрибутирован как ARSW 95.
- ²⁷⁷ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 24, 25. Атрибутирован как ARSW 94; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 4, 4, 7.
- ²⁷⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 8, 12, 16. Атрибутирован как ARSW 97; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 2, 7, 8. С. 409.
- ²⁷⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68,18. С. 118.
- ²⁸⁰ Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII, 9, 11.
- ²⁸¹ Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace. P.228, 243. Начало типа LRC 10 А исследователь относит примерно к 575 г.
- ²⁸² Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 17, 1, 2. С. 229.
- ²⁸³ Slane K.W., Sanders G. Corinth: Late roman horizons. Fig. 8. Assemblage 3.3–14, 3–15. С монетами Юстина II 577/578 гг.
- ²⁸⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 5, 38, 39. Конец VI в. Р. 136. Опечатка: LRC 100!. Приведены аналогии из контекстов конца VI – начала VII в.; Fig. 9, 8, 8a, 17. Контекст первой четверти VII в. Р. 140. Ошибочное название рубрики LRC 3.
- ²⁸⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 68, 6. С. 118.
- ²⁸⁶ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10,6. С. 227. Атрибутирован как ARSW 95.
- ²⁸⁷ Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 8, 12. Определен как ARSW 97 – первая четверть VII в.; Fig. 4, 2, 7-кон. VI в.; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 2, 7–9. С. 409. Атрибутирована как ARSW 95.
- ²⁸⁸ Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-ware Imports. Pl. 91, 1814.
- ²⁸⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 70. С. 118.
- ²⁹⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Комплекс 24. С. 118.
- ²⁹¹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 1.
- ²⁹² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese. Fig. 6, 3 – первая четверть VII в.; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 2, 14–18. P. 411. LRA 1 B 2. Вторая четверть VI – первая четверть VII в.; Sazanov A. Les amphores LA 1 Carthage. Fig. 8, 5–11. Type VIII.P. 268. Дата типа — вторая четверть VI – первая четверть VII в.; Fedoseev N, Domžalski K., Opař A., Kulikov A. Post-Justinian Pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos. Rescue Excavationsat 12, Teatral'najaSt. InKerch, 2006 // Archeologia (Warsaw). 2010. LXI. Fig. 18. – кон. VI в.
- ²⁹³ Van Alfen, P. New Light on the 7th-c. Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 Amphoras. Journal of Roman Archaeology 1996.9. P. 189–213. Fig. 11. Type VIII. P. 200. С монетами Ираклia.
- ²⁹⁴ Zachariades S. Pottery from the workshop building, in the early byzantine city of Philippi, Greece // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and VassilisKilikoglou / Volume II.BARInternationalseries 2616 (i).2014. Fig. 13. Room 7. Слой разрушения начала VII в., скорее всего, 620 г.
- ²⁹⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 3.
- ²⁹⁶ Хотелашвили М.К., Якобсон А.А. Византийский храм в с. Дранда // ВВ. 1984. Т. 45. С. 197. Рис. 2,7.

- ²⁹⁷ Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. N 4. С. 132. Рис. 5,3; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора. Рис. 4,1. Рис. 5,2.
- ²⁹⁸ Ferrazzoli A.F, Ricci M. Un centro di produzione delle anfore LR1: Elaiussa Sebaste in Cilicia. Gliimpianti, le anfore // LRCW 3: late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : comparison between Western and Eastern Mediterranean.Edited by Simonetta Menchelli,SaraSantoro,MarinellaPasquinnucci,GabriellaGuiducci. BAR international series; 2185 (II). Vol. II. Oxford : Archaeopress, 2011. Fig. 6, 26.
- ²⁹⁹ Slane K.W. Sanders G.D. Corinth: late roman horizons // Hesperia 74 (2005). Fig. 6, 26. – после сер.VII в.
- ³⁰⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 4.
- ³⁰¹ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersinesos (Crimea). Fig. 2, 36 ; Sazanov A.Les amphores «LA 1 Carthage» dans la région de la mer Noire (typologie et chronologie: Ve-VIIe s.apr. J.-C.) // Y. Garlan (ed.), Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul (1994), Aix-en-Provence 1999. Fig. 5. Type 4. Вторая четверть VI – конец VII в. Р. 268.
- ³⁰² Ferrazzoli A.F, Ricci M. Un centro di produzione delle anfore LR 1: Elaiussa Sebaste in Cilicia. Fig. 6, 26. VI – нач. VII в.
- ³⁰³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 71, 2.
- ³⁰⁴ Klenina E. Trade relations of Novae (Moesia II) according to ceramic evidence from am assemblage of the late 5th-early 6th centuries AD // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and VassilisKilikoglou / Volume II. BARInternationalseries 2616 (i). 2014. Fig. 3, 12 a, 13 a, 16, 17.
- ³⁰⁵ Segal Orit. Tel Yavne. Final report // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. 2011. Vol. 123. Fig. 4,9.
- ³⁰⁶ Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered. P. 163. Pl. 8,3. Pl. 8, 4. Form 4.
- ³⁰⁷ Голофаст Л.А., Рьжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИИФК. М., Магнитогорск, 2000. Вып. IX. Рис. 9,5; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea).Fig.4, 10.
- ³⁰⁸ Lloyd M.F. A byzantine shipwreck at Iskandil Burnu, Turkey:preliminary report.A Thesis Submitted to the Graduate College of Texas A&M University partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts August 1984. Fig. III. S. P. 22.
- ³⁰⁹ Sagui L. Roma, i centri privilegiate la lunga durata della tarda antichita dati archeologici dal deposito di VII secolo nell'esda della Crypta Balbi // Archeologia Medievale XXIX, 2002, pp. 7–42. Fig. 6,4.
- ³¹⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 118.
- ³¹¹ Там же. Рис. 72, 1.
- ³¹² Hayes J.W., Roman Pottery: The Fine Wares Imports.Fig. 40, 1286.Атрибутирована как LRC 3 F.Date earlier than context. Context of ca. AD. 525-550; Fig. 40 1287. Context of ca. 530–540/550; Fig. 41, 1311. Context of second quarter of 6th century.
- ³¹³ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 8,121. BEY 006 2483. Атрибутирован как LRC 3F/G. Redeposited AD 551 debris?Suggested pottery date: AD 551.
- ³¹⁴ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 16,7, 9, 10. Атрибутирован как LRC 3 Н 1.
- ³¹⁵ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Dep. 26, 2. кон. VI в. Атрибутирован как LRC 3 F/G; Dep. 27, 1. кон. VI в. Атрибутирован как LRC 3 F/G.
- ³¹⁶ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 7,69. Атрибутирован как LRC 3 F.
- ³¹⁷ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 6, 48. С. 21. Атрибутирован как LRC 3 Е; Sazanov A. Les ensembles clos ... Fig. 5, 3, 4.

- ³¹⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 72, 4.
- ³¹⁹ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 40, 1298. Transitional to Form 10. Middle of 6th century. Context of same date.
- ³²⁰ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7,107. Атрибутирован как LRC 3G: BEY 006 20201. Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541-552. Suggested pottery date: AD 551.
- ³²¹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 14, 7. Атрибутирован как F 5.
- ³²² Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 35. Dep. 22, 1. Атрибутирован как LRC3 F/G.
- ³²³ Сазанов А.В., Романчук А.И. Рис. 11,144. Атрибутирован как LRC 10 А. С. 33.
- ³²⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 72, 2.
- ³²⁵ Kythera. Excavations and studies. L., 1972. Fig. 50, 6. Контекст конца VI – начала VII в. с 4 монетами от Юстина II до Ираклия. Р. 167.
- ³²⁶ Sazanov A. Les ensembles clos... Fig. 9, 20, 23. Атрибутирован как LRC 10 В/С. Р. 140.
- ³²⁷ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 11, 148. С. 334. середина VII в. Атрибутирован как LRC 10 В.
- ³²⁸ Vogt C. Πρωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη. Eik. 5, 4. Смонетами 644–668 гг.; Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. Fig. 71, 12, 15. Эмпорио на Хиосе. Конечная дата 660 гг. по монетам. Р. 345. LRC 10 C; Boardman J. The finds // Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S., Excavations in Chios 1952–1955. Byzantine emporio. Fig. 29, 101, 104, 107.
- ³²⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 72, 3.
- ³³⁰ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12, 186. Атрибутирована как LRC 10B/C. BEY 006 5503. Coin: AD 583-584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ³³¹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Vol. 2, The Pottery. Fig. 36. Dep. 25 bis, 1.
- ³³² L'église a atrium de la grande colonnade / Jacqueline Napoleone-Lemaire, Jean Ch. Balty, Dominique Collon, Robert Donceel, Cécile Dulière, Etienne Gilot, Frieda Vandenabeele. Fouilles d'Aramée de Syrie I, 1969. Fig. 31, 4, 13. Fig. 32, 19. Fig. 35, 12, 15. Из заполнения некрополя на уа. J.
- ³³³ Sazanov A. Les ensembles clos. Fig. 9, 18. Атрибутирован как LRC 10 В.
- ³³⁴ Boardman J. The finds // Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S., Excavations in Chios 1952–1955. Byzantine emporio. Fig. 28,90; Vogt C. Πρωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη. Eik. 5, 6
- ³³⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 72, 5.
- ³³⁶ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 23 конец VI в.; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 18, 193-650/670 гг. С. 41. Рис. 21, 211. первая четверть VII в. С. 43; Голофаст Л.А. Северный район Херсонеса. Рис. 43,20. Кон. VI в.
- ³³⁷ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 72, 6.
- ³³⁸ Fedoseev N., Domžalski K., Orpai A., Kulikov A. Post-Justinian Pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos. Fig. 9. Конец VI в. Дата — от второй четверти VI в., до рубежа VI/VII в. Р. 69, 70; Sazanov A. Les ensembles clos. Fig. 10, 6-650/670 гг.; Голофаст Л.А. Северный район Херсонеса. Рис. 29, 1-4. Кон. VI в.
- ³³⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 118.
- ³⁴⁰ Там же. С. 118.
- ³⁴¹ Там же. С. 118.
- ³⁴² Там же. С. 119.
- ³⁴³ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 382–386.
- ³⁴⁴ Там же. С. 382

- ³⁴⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Там же. С. 119.
- ³⁴⁶ Там же. Рис. 74,1
- ³⁴⁷ Смокотина А.В. Амфоры LR 1 На Боспоре // МАИЭТ. 2014. XXIX. Рис. 6, 38. С. 76. Близкая форма.
- ³⁴⁸ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 5,5.
- ³⁴⁹ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine ... PL.20, 3, PL. 17,6-морфологический предшественник. Атрибутирован как LRAa 1 b 1. диаметр венчика уже; PL.19,2-атрибутирован как LRA 1 b 2. Дата LRA 1 b 2- VI – начало VII в. Р. 76.
- ³⁵⁰ Bien S. La vaisselle et les amphores en usage a Marseille au VIIe siecle et au debut du VIIIe s. Fig. 2, 31. Phase 2. Близок. Вторая четверть VII в. Атрибутирован как LRA 1B, подтип 2.
- ³⁵¹ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 2, 15.
- ³⁵² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese... Fig. 6,1–3 – аналогия по венчику, корпус - другой; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. Табл. 12, 61; табл. 11, 63. С.32, 33; Sazanov A. Les Amphores LA 1 Carthage... Fig. 8, 11–13. Type 8. Венчик – Тип 4. Fig. 3. 550–650 гг. Верхняя граница типа – третья четверть VII в. Р. 266.
- ³⁵³ Fournet Jean-Luc, Pieri D. Les dipinti amphoriques d'Antinoopolis. // Bastianini G. et Pitaudi R. Antinoopolis I, Istituto Papirologico G. Vitelli, 2008, Scavi E Materiali. Fig. 26,1-4-LR1 B2. Дата дана Д. Пиери по аналогиям с контекстами Марсея. Р. 211.
- ³⁵⁴ Zachariadis S. Pottery from the workshop building, in the early byzantine city of Philippi, Greece // Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares And Amphorae in The Mediterranean. Archaeology And Archaeometry. The Mediterranean: A Market Without Frontiers Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodaras and Vassilis Kilikoglou. BAR International Series 2616 (I) 2014. Volume I. Fig. 13 no с более узким горлом. Room 7. From the fill over the floor of the room, a coin is attributed to the second half of the 6th century, although it cannot be positively identified. Дом разрушен в начале VII в., наиболее вероятно, около 620 г.
- ³⁵⁵ Ferrazzoli A., Ricci M. Un Centro di produzione delle anfore LR1: Elauissa Sebaste in Cilicia. Fig. 5, 22, 23.
- ³⁵⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74, 2.
- ³⁵⁷ Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре. Рис. 6, 38. С. 76.
- ³⁵⁸ Fournet Jean-Luc, Pieri D. Les dipinti amphoriques d'Antinoopolis. Fig. 26,1-LR1 B2, по аналогиям с контекстами Марсея конец VI в. Р. 211
- ³⁵⁹ Zachariadis S. Pottery from the workshop building, in The early byzantine city of Philippi, Greece. Fig. 13 no с более узким горлом. Room 7. From the fill over the floor of the room, a coin is attributed to the second half of the 6th century, although it cannot be positively identified. Разрушен в начале VII в., наиболее вероятно около 620 г.
- ³⁶⁰ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine ... Pl. 19,2. LRA 1 B 2.
- ³⁶¹ Bien S. La vaisselle et les amphores en usage a Marseille au VIIe siecle et au debut du VIIIe s. Fig. 2, 31. Phase 2. Близок. Вторая четверть VII в. Атрибутирован как LRA 1B, подтип 2.
- ³⁶² Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese... Fig. 2,10 конец VI в. Fig. 6,1 первая четверть VII в., (но корпус другой).
- ³⁶³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74,3.
- ³⁶⁴ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine. Pl. 20, 3-тип LRA 1 B1. Ручки прикреплены на другом уровне. Дата типа — нач. VI – сер. VII в. Р.76. Pl. 19, 1 тип LRA 1 B 2. Ручки прикреплены на другом уровне. Дата типа — VI – нач. VII в. Общая дата LR 1 B — VI – сер. VII в.
- ³⁶⁵ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 5,4.
- ³⁶⁶ Fedoseev N., Domžalski K., Kulikov A. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos. Fig. 18,1

- ³⁶⁷ Sazanov A. Les amphores LA 1 Carthage... Fig. 8, 10, 13. Type 8. Конец VI и первая четверть VII в. Венчик – тип 4. Fig. 3. 550–650 гг. Верхняя граница третья четверть VII в. P. 266; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 2, 14, 17 кон. VI в.
- ³⁶⁸ Bien S. La vaisselle et les amphores en usage a Marseille au VIIe siecle et au debut du VIIIe s. Fig. 2, 31. Phase 2. Близок. Вторая четверть VII в. Атрибутирован как LRA 1B, подтип 2.
- ³⁶⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранне византийского Херсонеса. Рис. 74,4.
- ³⁷⁰ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine ... Fig. 25-LRA 1 B VI – середина VII в. Pl. 18, 4-LRA 1 B1. Дата типа — нач. VI – сер. VII в. P. 76.
- ³⁷¹ Reynolds P. Trade networks of the east, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares) // LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean/ Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean. Edited by Simonetta Menchelli, Sara Santoro, Marinella Pasquucci and Gabriella Guiducci Vol. I. BAR International Series 2185 (I) 2010. Fig. 7 u-BEY 006.5503-600 г., Fig. 7 c-Beirut. AD 551, BEY 006.13359.
- ³⁷² Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 2, 3 кон. VI в.; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese... Fig. 2, 12 кон. VI в.
- ³⁷³ Ferrazzoli A., Ricci M. Un centro di produzione delle anfore LR 1: Elaiussa Sebaste in Cilicia. Fig. 6, 26.
- ³⁷⁴ Diamanti Ch. Local production and import of amphoras at Halasarna of Kos Island (5th-7th c.). Athens 2010. Pl. 12, 43; Pl. 17, 67, 68; Pl. 24, 90 VI – середина VII в. Phase II после 554 г. и до сер. VII в.
- ³⁷⁵ Van Alfen P. New light on the 7th-c. Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA 1 amphoras. Fig. 12. Type IX. P. 200.
- ³⁷⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,5; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17,5.
- ³⁷⁷ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. Рис. 4,2 570–580 гг. Но меньших размеров.
- ³⁷⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75, 4.
- ³⁷⁹ Fedoseev N., Domžalski K., Opař A., Kulikov A. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos. Fig. 25. — East Pontic 2 (north Colchis?) amphora; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. Из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып II. Симферополь, 1991. Рис. 4, 4. С. 63.
- ³⁸⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. Рис. 9,2. Яма 5. Конец VII в. Амфора несколько отличается формой горла, более резким сужением корпуса.
- ³⁸¹ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса. С. 63.
- ³⁸² Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,2; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17,2.
- ³⁸³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. Рис. 1,6. Несколько меньшего размера, но аналогичный нашему размерный стандарт см. Рис. 1,5, хотя венчик там другой.
- ³⁸⁴ Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. VIII, 34 совпадает по размерам, но без горла. Рис. 7,32-т уменьшенный вариант конец VI в.
- ³⁸⁵ Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.) / отв. ред.: Н.М. Куковальская. Киев; Судак: 2004. Ч. 2. С. 23. Рис. 1,2. Конец VII в.
- ³⁸⁶ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,1; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17,1.
- ³⁸⁷ Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: Contexts, chronology, typology. Fig. 10. TRC 5.2.570/580 P. 403.

- ³⁸⁸ Slane K.W. Sanders D. R. Corinthe: Late roman horizons. Fig. 13 4–22. Assemblage 4. Сепедина или третья четверть VII в. Иное завершение нижней части. Нет выраженного перехвата. Монета Тиберия II 580/581 гг.; Fig. 10.3-28. Assemblage 3. Конец VI в. Монета Юстина II. Вариант на шейформы TRC 5.2.
- ³⁸⁹ Paraschiv D. Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.). Iasi, 2006. Pl. 28, 78–80. 78–VI в., 79 – конец VI/начало VII в., Pl. 29, 90 – дно аналогичное второй половине VI в.
- ³⁹⁰ Robinson H.S. Pottery of the Roman Period, The Athenian Agora V, Princeton 1959. Pl. 34, M 372.
- ³⁹¹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 49, dep. 30, 196.
- ³⁹² Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75,3; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 17,3.
- ³⁹³ Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopeennes entre le IIe – III e s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les Fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. Recueil de travaux édité par Dominique Kassab Tezgör. Varia Anatolica XX. Paris 2009. Pl. 20, 2, 7-D Snp II; Kassab Tezgör D. Le reseau commercial des amphores sinopeennes entre le IIe – III e s. et le VIe s. de notre ere // PATABS I. Production and trade of amphorae in the Black Sea // Actes de la table ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. Édités par Dominique Kassab Tezgör et Nino Inaishvili. Varia Anatolica XXI. Paris 2009. Pl. 99, 4. P. 171, 172. D Snp II. Reynolds P. Trade networks of the east, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares). Fig. 7 e.
- ³⁹⁴ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). С. 382.
- ³⁹⁵ Riley J. 1979. P. 231.
- ³⁹⁶ Proulou-Papadimitriou N. Βυζαντινή κεραμική από τον ελληνικόν ησιωτικό χώρο και την Πελοπόννησο (7ος – 9ος αι.): μία πρώτη προ σέγγιση // E. Kountoura-Galaki (ed.), Οισκοτεινοίαιώνες του Βυζαντίου, ΕΙΕ/ΙΒΕ, Αθήνα, Μάιος 1999, 245–247; Proulou-Papadimitriou N., E. Nodarou Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th century AD. Preliminary results of the EU funded project «Pythagoras II»: the Cretan case study // LRCW 4 : late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : archaeology and archaeometry : the Mediterranean : a market without frontiers / edited by Natalia Proulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. BAR international series; 2616 (I) Oxford: Archaeopress, 2014. P. 874. Автор благодарит Натали Пулу-Пападимитриу за предоставленную информацию. Н. Пулу-Пападимитриу полагает, что амфоры из рассматриваемого херсонесского комплекса можно датировать временем после середины VII в.
- ³⁹⁷ Идея Пола Рейнолдса. Автор благодарит П. Рейнолдса за эту информацию.
- ³⁹⁸ Автор благодарит Кэтрин Вернер Слэйн за предоставленную информацию.
- ³⁹⁹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX)... Рис. 18,2.
- ⁴⁰⁰ Slane K., Sanders G. Corinthe: late roman horizons. Fig. 8, 3–27. Assemblage 3. Монеты Юстина II 577/578 гг. Конец VI в. P. 271. Fig. 11, 4–16, 4–17. Assemblage 4. P. 276, 278. Coins: Tiberius II (580/1). Середина – третья четверть VII в.
- ⁴⁰¹ Нижняя граница – середина VII в. при условии надежности даты Н. Пулу-Пападимитриу.
- ⁴⁰² Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 119.
- ⁴⁰³ Там же.
- ⁴⁰⁴ Там же.
- ⁴⁰⁵ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 1.

- ⁴⁰⁶ Hayes J.W. Roman pottery. Fine ware imports. Fig. 40, 1284. Context of early 6th century. M 17:1 (layer XIII). Близка, но венчик более вертикально вытянут.
- ⁴⁰⁷ Hayes J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Vol. 2, The Pottery. Fig. 33,8-fig. 33,dep. 14,8-F.-AD 526/527 гг. Близок; Fig. 34, dep. 17,3-F.-AD 524/525 гг. Самая близкая форма; fig. 50,dep. 31,12-F. середина VII в. Более толстый. Видимо, последующий вариант в эволюционном ряду.
- ⁴⁰⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 93, 94.-LRC 3 F/G: Beirut. Deposit BEY 006 11081. LRC3 F/G.Coins: AD 395–401; AD 498–507; AD 498–512. Suggested pottery date: Second quarter 6th century, AD 530–540?, deposited post AD 551; Fig. 7, 102–LRC 3 F, 107–LRC 3 G, 108–LRC 3 F. Deposit BEY 006 20201/20202. Redeposited AD 551 debris? Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551.
- ⁴⁰⁹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 15, 1–3, 570–580 гг. Атрибутирован как LRC 3 F 6. С. 228. Общая дата типа — встречается в контекстах третьей четверти VI в.
- ⁴¹⁰ Hayes J.W. 1973. The Roman deposits // J. Boardman and J.W. Hayes, Excavations at Tocra, 1963–1965, The Archaic Deposits II and Later Deposits. London, Thames and Hudson. Fig. 48, 2432, 2433-слой 4–AD 525–550 гг.; Fig. 48, 2463 – примерно 600 г.
- ⁴¹¹ Sazanov A. Les ensembles clos... Fig. 5, 31, 32.
- ⁴¹² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 16.
- ⁴¹³ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. – Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 2008. (The Athenian Agora: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens; 32). Fig. 40, 1286. LRC 3 F-Date earlier than context. Context of ca. a.d. 525–550; Fig. 40,1287–LRC 3 F. Context of ca. 530–540/550.
- ⁴¹⁴ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 16, 4. Интерпретирован как LRC 3 G 5. Рис. 16,8. Интерпретирован как LRC 3 H 1.
- ⁴¹⁵ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 7.
- ⁴¹⁶ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson... Fig. 9, 6. Интерпретирован как LRC 3 G.
- ⁴¹⁷ Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс (Восточный Крым) // ПИФК. Вып.7: М.: Магнитогорск 1999. Рис. 8, 28. С. 197. Интерпретирован как F 7 с датой типа вторая четверть – конец VI/начало VII в. Контекст конца VI в.
- ⁴¹⁸ Vogt C. Πρωτοβυζαντινή κεραμική από την αγία γαλήνη. Kritiki estia 4 (1991–1992). Eik. 4, 2. Атрибутирована как LRC 3 F. Монета Константа II 641–668 гг.
- ⁴¹⁹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 13.
- ⁴²⁰ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 40,1292. LRC 3 G. Уменьшенный вариант (диаметр 22,8) Ca. 530–540/550.
- ⁴²¹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7,103, 104, 106. LRC 3 G. Beirut. Deposit BEY 006 20201. Redeposited AD 551 debris? Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551; Fig. 12, 180. Deposit BEY 006 5503. Ошибочно трактован как LRC 10 B.Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴²² Hayes J.W. The Roman Deposits // J. Boardman and J. W. Hayes .Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits. London, 1973. Fig. 48,2454. LRC 2 G.Слой 3. Примерно 600 г. Последующий вариант в эволюционной линии – LRC 10 A. Fig. 51, 2533 – слой 2. Сер. VII в. – LRC 10 A, более толстый венчик.

- ⁴²³ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s: Les problemes de la chronologie de la ceramique. Fig. 5, 16, 23–LRC 3 G.Кон. VI в.; Fig. 9,9. Атрибутирован как LRC 10 A. Первая четверть VII в.
- ⁴²⁴ Napoleon-Lemaire J., Balty J. L'église à atrium de la Grande Colonnade // Fouilles d'Apamée de Syrie 1.1, Bruxelles, 1969. Fig. 35,9.
- ⁴²⁵ Balance M., Hood S., Corbett S., Boardman J. Byzantine Emporio: Excavations at Chios 1952–55. Published by Thames & Hudson, 1989. Fig. 28, 75.
- ⁴²⁶ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,2.
- ⁴²⁷ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 40, 1298. – предшественник. Ca. middle of 6th century. Context of same date. Transitional to Form 10. P. 243.; Fig. 42, 1329. – LRC 10 A.Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641). Аналогия.
- ⁴²⁸ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 48, 2464; Fig. 49, 2486. – LRC 10 A. Слой 3. Примерно 600 г.; Fig. 51, 2533. слой 2. LRC 10 A. Середина VII в.
- ⁴²⁹ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика. Рис. 9, 121. Атрибутирована как LRC 3 G.
- ⁴³⁰ Sazanov A. Les ensembles clos... Fig. 9, 8, 8a, 10.
- ⁴³¹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, Dep. 22, 2, 3-LRC 10 A. Конец VI в.; Fig. 40, Dep. 30, 59–AD 655–670 ; Fig. 50, dep. 31, 13 – сер. VII в. LRC 3 F/G-м.б. и примесь.
- ⁴³² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,3.
- ⁴³³ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports... Fig. 42, 1328, 1329. – LRC 10 A. Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641).
- ⁴³⁴ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 49, 2487. слой 2. LRC 10 A. Примерно 600 г.; Fig. 51, 2533-LRC 10 A . сер. VII в.
- ⁴³⁵ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, dep. 22,2. LRC 10 A. Кон. VI в. Fig. 40. dep. 30, 61. AD 655–670.
- ⁴³⁶ Sazanov A. Les ensembles clos. Fig. 5, 37,38 кон. VI в. Рис. 9,13 – первая четверть VII в.
- ⁴³⁷ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,4.
- ⁴³⁸ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 42, 1329.-LRC 10 A.Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641). Первая половина VII в.
- ⁴³⁹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 37, dep. 26,3-LRC 10 A-конец VI в., dep. 27,5 -LRC 10 A-конец VI в., Fig. 40, dep. 30,59-AD 655–670.
- ⁴⁴⁰ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 49, 2487. Слой 2. LRC 10 A.
- ⁴⁴¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 5, 38-LRC 10 A. Конец VI в. Fig. 9,15–первая четверть VII в. LRC 10 A.
- ⁴⁴² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,5.
- ⁴⁴³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 17,1 570–580 гг. Дата типа в статье определена как 570/580–650/670 гг. С. 229.
- ⁴⁴⁴ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Vol. 2, The Pottery. Fig. 35, Dep. 22,2 кон. VI в. LRC 10 A; Fig. 40, dep. 30, 59. AD 655–670 г.
- ⁴⁴⁵ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600 .Fig. 7,103, 106. LRC 3G. Видимо, непосредственные предшественники. Deposit BEY 006 20201. Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551; Fig. 12,180. LRC 10 B: Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁴⁶ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 48, 2464. LRC 10 A. Слой 3. Примерно 600 г.

- ⁴⁴⁷ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,6.
- ⁴⁴⁸ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, dep. 22, 3. кон. VI в. LRC 10 A; Fig. 40, Dep. 30, 61. AD 655–670.
- ⁴⁴⁹ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 48, 2464, Fig. 49, 2486. слой 3. Примерно 600 г.
- ⁴⁵⁰ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 9, 10, 17. LRC 10 A.
- ⁴⁵¹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 7, 106. LRC 3G. Видимо, непосредственные предшественники. Deposit BEY 006 20201. Coins: latest (and only contemporary coin) is of Ostrogothic King Baudila, AD 541–552. Suggested pottery date: AD 551; Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 40, 1292 – предшественник. LRC 3 G. Ca. 530–540/550. Context of same date.
- ⁴⁵² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,7.
- ⁴⁵³ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 42, 1329. LRC 10 A. Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641). Первая половина VII в.
- ⁴⁵⁴ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, dep. 22, 1. Атрибутирован как LRC 3 F/G, Fig. 37, dep. 26, 3. Атрибутирован как LRC 10 A; Fig. 37, Dep. 27, 5. Конец VI в.
- ⁴⁵⁵ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century ad from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 18 LRC 10 A.P.414. Кон. VI в. Дата типа – 570/580–650/670 гг.; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 8, 90, 91 – конец VI в.; Рис. 9, 139, 144 – первая четверть VII в.
- ⁴⁵⁶ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,8.
- ⁴⁵⁷ Napoleon-Lemaire J., Balty J. L'église à atrium de la Grande Colonnade // Fouilles d'Apamée de Syrie I.1, Bruxelles, 1969. Fig. 31, 14 из заполнения некрополя на улице J.
- ⁴⁵⁸ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, dep. 22, 3, 4. LRC 10 A. Конец VI в. Fig. 50, dep. 31, 13 Атрибутирован как LRC 3 F/G. Сер. VII в.
- ⁴⁵⁹ Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. Fig. 71, 4. LRC 10 A. Близка. С монетой Юстина II.
- ⁴⁶⁰ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 5, 20, 21, 24, 25. Атрибутированы как LRC 3 G. Конец VI в.; Fig. 9, 8 а. LRC 10 A. Первая четверть VII в.
- ⁴⁶¹ M. Ballance, J. Boardman, S. Corbett and S. Hood, Excavations in Chios, 1952–1955: Byzantine Emporio. L., 1989. Fig. 28, 65.
- ⁴⁶² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19,9.
- ⁴⁶³ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 42, 1329. LRC 10 A. Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641); Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. Fig. 71, 1. LRC 10 A.
- ⁴⁶⁴ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12, 179, 180. LRC 10 B: Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁶⁵ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 50, 2533 слой 2 – середина VII в. Fig. 49, 2486. слой 3. Примерно 600 г. LRC 10 A.
- ⁴⁶⁶ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 9, 12 первая четверть VII в.
- ⁴⁶⁷ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 14.
- ⁴⁶⁸ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 42, 1329. LRC 10 A. Area N-Q 19–22, lot 233, with coins running as late as Heraclius (610–641).

- ⁴⁶⁹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12, 179. Атрибутирован как LRC 10 B. Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁷⁰ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 49, 2486. LRC 10 A. Слой 3. Примерно 600 г.; Fig. 51, 2533. LRC 10 A. Слой 2. Середина VII в.
- ⁴⁷¹ Napoleon-Lemaire J., Balty J. L'église à atrium de la Grande Colonnade. Fig. 35, 18.
- ⁴⁷² Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 9, 8, 10. LRC 10 A.
- ⁴⁷³ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 10.
- ⁴⁷⁴ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 42, 1328. LRC 10 B. AD 575–600. Монета Юстина II 574/575 гг. Контекст той же самой даты. P. 245; Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. Fig. 71, 7. LRC 10 B. P. 345.
- ⁴⁷⁵ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 5, 41 – конец VI в. Fig. 9, 19 – первая четверть VII в.
- ⁴⁷⁶ Kythera; excavations and studies conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens / [by] J.N. Coldstream and G.L. Huxley (editors) and others. University of Pennsylvania. University Museum. British School at Athens. Park Ridge, N.J.: Noyes Press, 1972. Fig. 51, 19. Deposit с монетами 615/616 гг. P. 308.
- ⁴⁷⁷ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 40, dep. 30, 61. P. 100.
- ⁴⁷⁸ Vogt C. Прωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη. Kritiki Estia 4 (1991–1992). Eik. 5, 1, 2. Монета Константа II 641–668 гг.
- ⁴⁷⁹ Napoleon-Lemaire J., Balty J. L'église à atrium de la Grande Colonnade. Fig. 35, 12, 15, 19 – из заполнения некрополя на улице J.
- ⁴⁸⁰ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 11.
- ⁴⁸¹ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12, 182. LRC 10 B/C. Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁸² Balance M., Hood S., Corbett S., Boardman J. Byzantine Emporio: Excavations at Chios 1952–55. Fig. 28, 69.
- ⁴⁸³ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 40, dep. 30, 59. AD 655–670. P. 100.
- ⁴⁸⁴ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 12.
- ⁴⁸⁵ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 9, 23. LRC 10 C – первая четверть VII в.
- ⁴⁸⁶ Vogt C. Прωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη. Eik. 4, 4, 5. Монета Константа II 641–668 гг. Ошибочно атрибутирована как LRC 3.
- ⁴⁸⁷ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 15.
- ⁴⁸⁸ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12, 182, 186. LRC 10 B/C. Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁸⁹ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 49, 2487. слой 3. LRC 10 B. Примерно 600 г.; Fig. 51, 2534. LRC 10 C. Слой 2. Сер. VII в.
- ⁴⁹⁰ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 5, 20. Кон. VI в. Атрибутирован как LRC 10 B.
- ⁴⁹¹ Balance M., Hood S., Corbett S., Boardman J. Byzantine Emporio: Excavations at Chios 1952–55. Fig. 28, 69; Hayes J.W. Late Roman Pottery. Fig. 71, 12. LRC 10 C. Дата не стратиграфична.

- ⁴⁹² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 17.
- ⁴⁹³ Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600. Fig. 12,182-LRC 10 B/C, 183-LRC 10 C,186-LRC 10 B/C.Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁴⁹⁴ Balance M., Hood S., Corbett S., Boardman J. Byzantine Emporio: Excavations at Chios 1952–55. Fig. 28, 80; Hayes J.W. Late Roman Pottery. L, 1972. Fig. 71,11. LRC 10 C.
- ⁴⁹⁵ Napoleon-Lemaire J., Balty J. L'église à atrium de la Grande Colonnade. Fig. 31,2. Fig. 35, 14. Из заполнения некрополя на улице J.
- ⁴⁹⁶ Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 36, deposit 24, 3. Конец VI – начало VII в. Ошибочная атрибуция как LRC 10 A.; fig. 36, deposit 25 bis, 1 – начало – середина VII в.
- ⁴⁹⁷ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 416. Дата типа – первая четверть 650/670 гг.
- ⁴⁹⁸ Orssaud D., Le passage de la céramique byzantine à la céramique islamique : quelques hypothèses à partir du mobilier de Dèhès, dans P. Canivet et J.-P. Rey-Coquais (éd.), La Syrie de Byzance à l'Islam (VIIe – VIIIe siècles), Actes du Colloque International (Lyon, 11–15 septembre 1990), Publications de l'IFEAD, 137, Damas, 1991, Fig. B/2, 13.Lot 3. Конец VII в.
- ⁴⁹⁹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 18.
- ⁵⁰⁰ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10, 8, 9. Интерпретирован как ARSW 99 B.
- ⁵⁰¹ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig.36,1155–ARSW 99 C. С. 232.
- ⁵⁰² Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, с. 450 to с. 600 Fig. 10, 147 близок. ARSW 99 C. Та же форма венчика, но чуть иной наклон стенок. Beirut. Deposit BEY 006 5503. Coin: AD 583–584. Suggested pottery date: Early 7th century.
- ⁵⁰³ Hayes J.W. The Roman Deposits. Fig. 49, 2475. Слой 3. Примерно 600 г.
- ⁵⁰⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4, 8, 10.
- ⁵⁰⁵ Ζαχαριάδης Σταύρος. Η επι τραπέζια κεραμική από την οικοδοκική ησίδα του Υαλουργείου Στην παλαιοχριστιανική πόλη των Φιλίππων. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ 2008. Fig. 39, 415-ARSW 99 C.
- ⁵⁰⁶ Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique (BAR S1301). Oxford: Archaeopress, 2004. Fig. 96, 8–ARSW 99 C. P. 181.
- ⁵⁰⁷ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 19.
- ⁵⁰⁸ Carandini A., Tortorella. Produzione D // Atlante delle forme ceramiche I: ceramica fine romana nel bacino Mediterraneo (medio e tardo impero) Roma: Ist. Enciclopedia Italiana, 1981. Tav. XLIII, 6. P. 96.
- ⁵⁰⁹ Hayes J.W. Roman Pottery: The Fine Wares Imports. Fig. 36, 1162. Deposit P 18:1. 7th century? Late 6th to first half 7th century. P. 233.
- ⁵¹⁰ Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Fig. 98, 11- ARSW 105 B. Датируется «центральными десятилетиями VII в.» С монетным кладом 647 г. P. 185.
- ⁵¹¹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 20.
- ⁵¹² Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Fig. 99, 1, 7–variante precoce (forme 87C/109). P. 187; Bonifay M. Avances dans l'étude des ceramiques africaines de l'Antiquite tardive (IIIe–VIIe s.) // Keramik tes ... Fig. 9, 34. Hayes 87C/109.
- ⁵¹³ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 26.

- ⁵¹⁴ Carandini A., Tortorella S. Produzione D .Tav. XLVII, 4 (ARSW 93) или Tav. XLVII, 11 (ARSW 95).
- ⁵¹⁵ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10, 6, 7. 6 – атрибутирован как ARSW 95, 7 – атрибутирован как ARSW 97.7. С. 277.
- ⁵¹⁶ Сазанов А.В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «Жития свв. епископов Херсонских». Хронология и интерпретация. Рис. VII.9, 1. С.228, 282. Дата типа – вторая четверть VI – первая четверть VII в. Контекст середины третьей четверти VI в.
- ⁵¹⁷ Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6,23. Трактована как имитация ARSW 94. Дата типа определена как вторая четверть VI – первая четверть VII в. P. 414.
- ⁵¹⁸ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4, 4, 7 – кон. VI в. Fig. 8, 9, 12. Первая четверть VII в. Аtribuтирован как ARSW 97. Fig. 10, 6–650–670 гг.; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 2, 7–9. Аtribuтирован как ARSW 95. С.409. Верхняя граница – первая четверть VII в.
- ⁵¹⁹ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 21.
- ⁵²⁰ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10, 6. Аtribuтирован как ARSW 95.
- ⁵²¹ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4, 4. Кон. VI в. Аtribuтирован как ARSW 93/94, Fig. 8, 9 – первая четверть VII в. Аtribuтирован как ARSW 96; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис.3, 6. Ошибочно атрибутирован как ARSW 108. Первая половина VII в.; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 18, 195, 196. Конец VI и первая половина VII в. Аtribuтирован как ARSW 93/97; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 31. Конец VI в. Ошибочно трактован как ARSW 108. Дата типа – вторая четверть VI – первая половина VII в. P. 415.
- ⁵²² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 22.
- ⁵²³ Масленников А.А., Чевелов О.Д. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182. Рис. 4, 20.
- ⁵²⁴ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10, 7. 570/580. Аtribuтирована как ARSW 97.7.
- ⁵²⁵ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 19, 204. С. 41. Конец VI в; Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4, 7. кон. VI в. Fig. 8,12. Первая четверть VII в.
- ⁵²⁶ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 23.
- ⁵²⁷ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4, 2, 3.-Кон. VI в. Fig. 8,16. Первая четверть VII в.; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6,32; Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 19,198. Кон. VI в.
- ⁵²⁸ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 24.
- ⁵²⁹ Сазанов А.В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «Жития свв. Епископов Херсонских». Рис. VII.9, 1. С.228, 282. Вторая четверть VI – первая четверть VII в. Контекст середины третьей четверти VI в.
- ⁵³⁰ Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Рис. 18, 195 – первая половина VII в., 196 – кон. VI в. Рис. 19, 203, 204 – кон. VI в.; Sazanov A.

Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 8,9. – первая-четверть VII в.

⁵³¹ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис.10,7; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 8, 17.

⁵³² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 19, 27.

⁵³³ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. Рис. 10, 10, 11. Ошибочно атрибутирована как Carthage 6.

⁵³⁴ Sazanov A. Les ensembles clos de Kherson de la fin du VIe s. au troisieme quart du VIIe s. Fig. 4,17.-конец VI в. Ошибочно атрибутирован как Carthage 6. Fig. 8,13 – первая-четверть VII в.; Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea). Fig. 6, 33.; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Рис. 8, 18 – Херсонес, конец VI в., 19. – Херсонес. Первая половина VII в.

⁵³⁵ Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). Рис. 20, 17.

⁵³⁶ Там же. С. 387.

⁵³⁷ Там же. С. 386, 387.

⁵³⁸ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 2000. С. 171–173; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 136.

⁵³⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 135, 136. Рис. 55, 23–39.

⁵⁴⁰ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Вып. XVIII. Симферополь: Керчь, 2013. С. 284, 285.

⁵⁴¹ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... С. 284. Рис. 2, 6, 13, 20.

⁵⁴² Там же. Рис. 2,6.

⁵⁴³ Там же. Рис. 2, 13.

⁵⁴⁴ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II. Рис. 3, 2, 3, 5.

⁵⁴⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсона... Рис. 67, 3. Комплекс 23.

⁵⁴⁶ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... С. 284. Рис. 2, 20.

⁵⁴⁷ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса. Рис. 3, 2; Тиритакта 1983/85. Участок XXV. Постройка 2.

⁵⁴⁸ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... С. 284. Рис. 2, 18.

⁵⁴⁹ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса. С.63. Рис. 4, 4 – конец VI в.; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса... Рис. 75, 4. Комплекс 25 – конец VII в.

⁵⁵⁰ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... Рис. 2, 24.

⁵⁵¹ Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4: late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry : the Mediterranean : a market without frontiers / edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodariou and Vassilis Kilikoglou. BAR international series; 2616 (I) Oxford: Archaeopress, 2014. P. 402. Fig.8

⁵⁵² Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... С. 284. Рис. 2, 9; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII,11; Boardman J. The finds // Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S., Excavations in Chios 1952–1955. Byzantine emporio, BSA Supplement 20, London, 1989, Fig. 28, 68.

⁵⁵³ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата... С. 284. Рис. 2, 10; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII,11 ; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe — troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique . Fig. 5, 28, fig. 9, 15–17.

⁵⁵⁴ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2, 15; Hayes J.W. Late Roman Pottery.Fig. 71,4; Hayes, J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery. Fig. 36, deposit 25,1. fig. 35, 4, deposit 22.

⁵⁵⁵ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2, 14; Bien S. La vaisselle et les amphores en usage à Marseille au VIIe siècle et au début du VIIIe siècle: première ébauche de typologie évolutive // LRCW2 / Bonifay M. et Trégliat J.-Chr.(éd.): Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry.BAR Series (1662(I), 2007. Fig. 3, 44. Форма определена Стефаном Бьеном как тунисская, однако диаметр венчика и морфология, на наш взгляд, гораздо ближе к LRC 10 A, тем более, что тунисских аналогий исследователем не приведено, а сам фрагмент классифицирован как неопределенный.

⁵⁵⁶ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2, 12; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII,10; Aupert P. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // Étudesargiennes (BCH, Suppl. 6), Paris 1980, Fig. 36, 140;Kythera. Excavations and studies conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens. Ed. J. N. Coldstream and G. L. Huxley. L. 1972. Fig. 51, 18, 19; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe — troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique. Fig. 5, 38.

⁵⁵⁷ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2, 16; L'église a atrium de la grande colonnade / Jacqueline Napoleone-Lemaire, Jean Ch. Balty,Dominique Collon, Robert Donceel, Cécile Dulière, Etienne Gilot, Frieda Vandenabeele. Fouilles d'Apamée de Syrie I, 1. Bruxelles: Centre belge de recherches archéologiques à Apamée de Syrie, 1969. Fig.35,9;Hayes, J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. / Volume 2, The Pottery. Fig. 35, 3, 4, deposit 22.

⁵⁵⁸ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2, 17;CarandiniA. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav.CXIII,12;Hayes J.W. The Athenian Agora, Vol. XXXII: Roman Pottery: Fine-wareImports. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 2008. P. 245. Fig. 42, 1329.

⁵⁵⁹ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284. Рис. 2,7; Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minore («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII,13.

⁵⁶⁰ Hayes J. W. The Athenian Agora, Vol. XXXII: Roman Pottery: Fine-ware Imports.Fig. 42, 1328.P.245;Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe — troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique.Fig. 5, 41, Fig. 9, 8 19; Vogt C. Προτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη. Eik.5, 2.

⁵⁶¹ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата...С. 284, 285. Рис. 2, 8.

⁵⁶² Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli). Tav. CXIII,14; L'église a atrium de la grande colonnade / Jacqueline Napoleone-Lemaire, Jean Ch. Balty, Dominique Collon, Robert Donceel, Cécile Dulière, Etienne Gilot, Frieda Vandenabeele. Fouilles d'Apamée de Syrie I, 1. Bruxelles: Centre belge de recherches archéologiques à Apamée de Syrie, 1969. Fig. 35,14; Boardman J. The finds, in Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S., Excavations in Chios 1952-1955.Byzantine emporio, BSA Supplement 20, L,1989,Fig. 28,76.

⁵⁶³ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 416.

- ⁵⁶⁴ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Рис. 2, 19; Hayes J.W. The Athenian Agora, Vol. XXXII: Roman Pottery: Fine-ware Imports. Princeton, 2008. P. 243. Fig. 40, 1298; Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2. Fig. 40, 60; Сазанов А.В. Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс: (Восточный Крым). Рис. 9, 8, 9.
- ⁵⁶⁵ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Рис. 2, 5.
- ⁵⁶⁶ Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 416.
- ⁵⁶⁷ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Рис. 2, 21; Hayes, J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Fig. 34, dep. 18,2-LRC 3 E-526–527 гг. P. 96.
- ⁵⁶⁸ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 284. Рис. 2, 7; Hayes J.W., The Athenian Agora, Vol. XXXII: Fig. 41, 1310.
- ⁵⁶⁹ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Рис. 2, 4; Hayes J.W. The Athenian Agora, Volume XXXII: Pl. 61, 1267. P. 240; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 414; Смокитина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 137, 138.
- ⁵⁷⁰ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 284. Рис. 2, 3, 25, 26; Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM. Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. Москва, 2012. Рис. 1, 6. С. 135–138.
- ⁵⁷¹ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Рис. 2, 23.
- ⁵⁷² Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 285. Повторено: Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском condominiumе в Крыму // ХА. Киев: Харьков, 2014. С.167
- ⁵⁷³ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. Рис. 2, 11. С. 285; Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia antique. 2002. Band 8. P.427.
- ⁵⁷⁴ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. Рис. 2, 2. С.285.
- ⁵⁷⁵ Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Oxford, Archaeopress, 2004 (BAR IS 1301). P. 165. Fig. 89, 1–3. Автор благодарит М.Бонифэ за консультацию.
- ⁵⁷⁶ Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. P. 165.
- ⁵⁷⁷ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. Рис. 2, 30.
- ⁵⁷⁸ Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. Рис. 2, 32.
- ⁵⁷⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Рис. 55, 44; Hayes J.W. Late Roman pottery. Fig. 71, 12.
- ⁵⁸⁰ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 171.
- ⁵⁸¹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 171.
- ⁵⁸² Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи.
- ⁵⁸³ Сазанов А.В. Амфоры «сароттес» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БИ. М., 1995. Вып. 6.
- ⁵⁸⁴ Сазанов А.В. Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст.н.е.) // Археологія. 1992. N 1.
- ⁵⁸⁵ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire.
- ⁵⁸⁶ Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым).
- ⁵⁸⁷ Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым).

- ⁵⁸⁸ Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг.
- ⁵⁸⁹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.
- ⁵⁹⁰ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, I.
- ⁵⁹¹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, I.
- ⁵⁹² Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 7.
- ⁵⁹³ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл. XXVIII, 64 б.
- ⁵⁹⁴ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 1–3, 5.
- ⁵⁹⁵ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 1; Рис. 5, 14–16, 19–20
- ⁵⁹⁶ Сазанов А.В. Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючщої хвилі. Рис. 6, I, тип 6.1.1.
- ⁵⁹⁷ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 2.
- ⁵⁹⁸ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire. Fig. 3, type 4.
- ⁵⁹⁹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 3.
- ⁶⁰⁰ Сазанов А.В., Мокросов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Рис. 4, 15 – 570–580 гг.; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 74, 3. Комплекс 25 – конец VII в.; Рис. 42, 1 – конец VI – начало VII в.; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X 6 в Северном районе Херсонеса // ПИФК. М.: Магнитогорск 2000. Вып. IX. Рис. 3, 1, 3, 9.
- ⁶⁰¹ Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Рис. 6, 5; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым). Рис. X, 6.
- ⁶⁰² Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 5.
- ⁶⁰³ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 13.
- ⁶⁰⁴ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire... Fig. 4. Type 3.1.3; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Рис. 2, 22; Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. Рис. 1, 5 6; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 12, 52; Bottger B. Die Gefasskeramischen Funde (1975–1981) // Iatrus-Krivina. Berlin, 1991. Bd. IV. Taf. 47, 735.
- ⁶⁰⁵ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 32.
- ⁶⁰⁶ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire... Fig. 4, type 5; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 11, 63; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым)... Рис. X, 13, 18; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса. Рис. 8, 18.
- ⁶⁰⁷ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 33.
- ⁶⁰⁸ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire.... Fig. 4, type 6; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса. Рис. 8, 19; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X 6 в Северном районе Херсонеса // ПИФК М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX. Рис. 1, 5, 13; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым)... Рис. IX, 15; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Рис. 4, 20.
- ⁶⁰⁹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 4.
- ⁶¹⁰ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire... Fig. 4, type 1.2. P. 267; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II. Рис. 8, 14, 15.
- ⁶¹¹ Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. Из северо-восточного района Херсонеса. Рис. 9, 7; Сазанов А.В. Амфоры «Carottes»... Рис. 3. Тип I.1.
- ⁶¹² Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 7, 3.

⁶¹³ Hautumm W. Studien zu Amphoren der spatromischen und frühbyzantinischen Zeit. Fulda, 1981. Abb. 129, 116, 117, 124– конец VII в. Ив Агиа Галена: Vogt C. *Πρωτοβυζαντινὴ κεραμικὴ ἀπὸ τὴν Ἀγία Γαλήνη*. Eik. 13,1 – с монетами 641–668 гг.

⁶¹⁴ Diamanti Ch. Stamped Late Roman/proto-Byzantine amphorae from Halasarna of Kos // *Rei Cretariae Romanae Favtorvm. Acta* 41, 2010. P. 1. Fig. 1 b. Koan type 2 (LRA 13): Hautumm W. Studien zu Amphoren der spatromischen und frühbyzantinischen Zeit. Fulda, 1981. Abb. 129, 116, 117, 124–конец VII в. Ив Агиа Галена: Vogt C. *Πρωτοβυζαντινὴ κεραμικὴ ἀπὸ τὴν Ἀγία Γαλήνη*. Eik. 13,1 – с монетами 641–668 гг.

⁶¹⁵ Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 23, 96. С. 52. Класс 25; Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture?... Fig. 4, 39. Type 39.

⁶¹⁶ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 7, 2.

⁶¹⁷ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 172.

⁶¹⁸ Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 14, 75.

⁶¹⁹ Hautumm W. Studien zu Amphoren der spatromischen und frühbyzantinischen. Abb. 23, Abb. 62, Abb. 33, 34, Abb. 136.

⁶²⁰ Hayes J.W. *Problemes de la ceramique...* Fig. 16, 1, 2.

⁶²¹ Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 20–21, Табл. 22, 98, 105, 109, Табл. 24, 99, 102; Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? P. 94. Fig. 3, 28, 29.

⁶²² Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. С. 12. Тип I; Сазанов А.В. Хронология средневековых слоев Керчи. Рис. II, 10 д. С. 53. Рис. VII, 15, 21. Рис. IX, 12. Рис. XIV, 21, 39.

⁶²³ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 26.

⁶²⁴ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985. Табл. 29, 1, 3. Табл. 30, 7; Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Табл. 3, 4, 5; Зеленый Мыс-1999 г. Яма 15, второй яруса.

⁶²⁵ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 21–23.

⁶²⁶ Сазанов А.В. Керамический комплекс первой четверти VII в. Рис. 10, 1; Сазанов А.В. О хронологии Боспора ... Рис. 4, 13 г; Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев ... Рис. 4, 7. Рис. 5, 3.

⁶²⁷ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 24.

⁶²⁸ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 2, 21; Зеленый Мыс-1999. Кв. 12. Яма 13.

⁶²⁹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 25.

⁶³⁰ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 2, 20; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Табл. 31, 2; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X б в Северном районе Херсонеса. Рис. 10, 2.

⁶³¹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 27.

⁶³² Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X б в Северном районе Херсонеса; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым. Рис. 4, 1 570–580 гг.; Зеленый мыс 1999 г. Слой 2. Кв. 7 а. 570–580 гг.; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Табл. 32, 11; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым). Рис. X, 7 570/580 гг.; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Рис. 9, 4.

⁶³³ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 5, 28.

⁶³⁴ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Рис. 9, 3, 5; Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым. Рис. VII, 14; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Табл. 28, 18; Голофаст Л.А., Ры-

жов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X б в Северном районе Херсонеса. Рис. 4, 14. Рис. 5, 21.

⁶³⁵ Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Fig. 2.20. Type 20. P. 92; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. С. 225. Рис. 6, 3

⁶³⁶ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 8, II, 6.

⁶³⁷ Там же. С. 172.

⁶³⁸ Raynaud C. *Ceramique commune mediterraneenne tardo-romaine* // LATTARA 6. *Dicocer. Dictionnaire des Ceramiques Antiques en Mediterranee nord-occidentale* (Provence, Languedoc, Ampurdan). Lattes, 1993. P. 365. Com. Med. 11; Treglia J.-C. Amphores, ceramique commune culinaires byzantines de la citadelle de Damas (Syrie) // LRCW 3. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. Oxford (BAR 2185 (II), 2010. Vol. II. P. 868. Fig. 7, 45; Waksman S. Archaeometric approaches to ceramics production and imports in medieval Cyprus // *Cypriot Medieval Ceramics*. Nicosia, 2014. P. 258. Waksman S.Y., Bien S., Reynolds P., Treglia J.-C. About a main production of late roman «levantine» and «cypriot» common wares // LRCW I. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : archaeology and archaeometry (Barcelona, 14–16 march 2002), Oxford (BAR 1340), 2005. Fig. 1, Fig. 3, 1, 2. Table 1.

⁶³⁹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 8, 7.

⁶⁴⁰ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 6, II, 6.

⁶⁴¹ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 172.

⁶⁴² Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 8, 3.

⁶⁴³ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 174.

⁶⁴⁴ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 8, 5, 13–15, 17.

⁶⁴⁵ Там же. Рис. 8, 10.

⁶⁴⁶ Там же. Рис. 7, 5, 6.

⁶⁴⁷ Сазанов А.В. Хронология средневековых слоев Керчи. Рис. V, 56 б. С. 64. Признак 56.

⁶⁴⁸ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. Рис. 7, 4.

⁶⁴⁹ Голофаст Л.А. Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса. Рис. 2, 9, Рис. 3, 14, Рис. 5, 7–10, Рис. 6, б. С. 98, 99.

⁶⁵⁰ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 172.

⁶⁵¹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 187.

⁶⁵² Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 284.

⁶⁵³ Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сутдеи // РА. № 3. 2001.

⁶⁵⁴ Там же. С. 59

⁶⁵⁵ Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковската култура и проблемът разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика // *Българитев северното причерноморие*. София, 1995. Т. IV. Рис. 2, 8.

⁶⁵⁶ Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сутдеи ... С. 149.

⁶⁵⁷ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noire (typologie et chronologie: Ve-VIIe s.apr.J.-C.) // *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Colloque International organise a Istanbul, 25–28 mai 1994 par le GDR 830. Textes reunis par Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999 Fig. 8, 8.*

⁶⁵⁸ Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la Mer Noire. Fig. 8, 11.

⁶⁵⁹ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсона. Рис. 66, 1. Комплекс 22.

⁶⁶⁰ Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. N 4. С. 44, 45. Признак 6.

⁶⁶¹ Sazanov A. Les amphores orientales d'epoque protobyzantine au nord de la mer Noire: chronologie et typologie // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Oxford, 2007. BAR (i), 1662 (II). V.II.P. 804, 805. Fig. 4.

- ⁶⁶² Майко В.В. Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Т. V. Харьков-София, 2012. С. 88.
- ⁶⁶³ Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // БСП. Т. 7. В. Търново, 2000, С. 83–85; Могаричев, Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». С. 125; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 104, 105; Майко В.В. Судья во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанськi читання» / упоряд. Г. Є. Свистун. Харьков, 2012. Вип. 2. С. 55.
- ⁶⁶⁴ Майко В.В. Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса. С.81.
- ⁶⁶⁵ Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 174, 175.
- ⁶⁶⁶ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 44,45.
- ⁶⁶⁷ Там же. С. 45
- ⁶⁶⁸ Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму. С. 184
- ⁶⁶⁹ Айбабин А.И. Этническая история... Табл. XXXII.
- ⁶⁷⁰ Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. Рис. V, 19. С. 119.
- ⁶⁷¹ Айбабин А.И. Этническая история... Табл. XXXII.
- ⁶⁷² Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковская культура и проблемът за разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северного Причерноморие. Изследвания и материали. – Велико Търново, 2000. Т. VII. Рис. 4, 1,6; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». С. 125; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 104, 105.
- ⁶⁷³ Hayes J.W. Excavation at Sarachanein Istanbul. The Pottery. Fig. 57, 26,27.
- ⁶⁷⁴ Op. cit. P.71, 72
- ⁶⁷⁵ Diamanti Ch. Stamped Late Roman/proto-Byzantine amphoras from Halasarna of Kos // *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta* 41, 2010. P. 1. Fig. 1 b. Koantype 2 (LRA 13).
- ⁶⁷⁶ Diamanti Ch. Imperial control upon the aegean sea trade during the late roman period. New archaeological evidence// <http://www.camertola.pt/sites/default/files/Ch.%20Diamanti-IMPERIAL%20CONTROL%20UPON%20THE%20AEGEAN%20SEA%20TRADE%20DURING%20THE%20LATE%20ROMAN%20PERIOD.pdf>. Дата обращения 29.03.2015.
- ⁶⁷⁷ Reynolds P. Pottery and the economy in 8th century Beirut: an Umayyad assemblage from the roman imperial baths (BEY 045) // Fig. 2, 5
- ⁶⁷⁸ Diamanti Ch. Stamped Late Roman/proto-Byzantine amphoras from Halasarna of Kos. P. 1. Fig. 1 b. Koantype 2 (LRA 13).
- ⁶⁷⁹ Могаричев, Ю.М., Сазанов, А.В., Шапошников, А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». С. 110–112.
- ⁶⁸⁰ Майко В.В. Судья во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. С. 57. Илл. 6,6.
- ⁶⁸¹ Waksman S.Y., Bien S., Reynolds P., Treglia J.-C. About a main production of late roman «levantine» and «cypriot» commonwares // LRCW I. Late roman coarse wares, cooking wares

- and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry (Barcelona, 14–16 march 2002), Oxford (BAR 1340), 2005. Fig. 1, Fig. 3, 1,2. Table 1.
- ⁶⁸² Raynaud C. Céramique commune méditerranéenne tardo-romaine // LATTARA 6. 1993. P. 365. Com-Medit. 11.
- ⁶⁸³ Treglia J.-C. Amphores, céramique commune culinaires byzantines de la citadelle de Damas (Syrie) // LRCW 3. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. Oxford (BAR 2185 (II). 2010. Vol. II. P.868. Fig. 7, 45; Waksman S. Archaeometric approaches to ceramics production and imports in medieval Cyprus // *Cypriot Medieval Ceramics*. Nicosia, 2014. P. 258.
- ⁶⁸⁴ Майко В.В. Судья во второй половине VII – первой половине VIII вв. С. 55.
- ⁶⁸⁵ Майко В.В. Судья во второй половине VII – первой половине VIII вв. С. 54.
- ⁶⁸⁶ Portale E. The sunset of Gortyn: amphorae in the 7th – 8th centuries AD // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers Ed. By Natalia Poulou Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. Vol. BAR International Series 2616 (I) Oxford 2014. Fig. 8; Marsili G. Contenitori da Trasporto: produzione locale e relazioni commerciali // *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane*. Vol. XC. Serie III, 12, 2012. S. 14, 2013. Fig. 25.
- ⁶⁸⁷ Майко В.В. Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса. С. 85.
- ⁶⁸⁸ Там же. С. 86.
- ⁶⁸⁹ Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 89–108; Паршина Е.А. Торжище в Партенитах. Византийская Таврика. Киев, 1991. Фактически это одна и та же статья с измененным названием и расширенной библиографией. На наш взгляд, исследовательнице вряд ли стоило переиздавать статью десятилетней давности.
- ⁶⁹⁰ Паршина Е.А. Древний Партенит. С. 90.
- ⁶⁹¹ Там же. С. 95, 96.
- ⁶⁹² Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Киев, 2012. С. 8.
- ⁶⁹³ Там же. С. 7, 8. Рис. 1.
- ⁶⁹⁴ Паршина Е.А. Древний Партенит. С. 91.
- ⁶⁹⁵ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Рис. 11.
- ⁶⁹⁶ Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф., (12–16 сентября 2004 г.) Киев; Судак, 2004. – Ч. 2. С. 23.
- ⁶⁹⁷ Майко В.В. Судья во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. С. 57.
- ⁶⁹⁸ Майко В.В. С. 59, 60.
- ⁶⁹⁹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 105–115.
- ⁷⁰⁰ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1. С. 179–181; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 171–201; 280–284; Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV.
- ⁷⁰¹ Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // АДСВ. Свердловск, 1990. Византия и сопредельный мир.
- ⁷⁰² Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V – VIII вв. М., 1982. С. 184.
- ⁷⁰³ Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине. С. 90.
- ⁷⁰⁴ Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму. С. 184.

- ⁷⁰⁵ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 123.
- ⁷⁰⁶ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. №2. Киев, 1999. С. 129–132.
- ⁷⁰⁷ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 156.
- ⁷⁰⁸ Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. в дер. Айвазовское // *СА*. 1957. № 2.С. 253, 254.
- ⁷⁰⁹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 19.
- ⁷¹⁰ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 20, 74.
- ⁷¹¹ Там же. Рис. 20, 11.
- ⁷¹² Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 21. Рис. 6, 13, 14. Попутно заметим, что ссылки в тексте книги на номера в этой таблице не всегда соответствуют действительности. Так, пряжка из Богачевки – рис. 6, 14 (а не 15), Айвазовского – рис. 6, 13 (а не 14), антропоморфная фигурка – рис. 6, 12 (а не 13) и т.д.
- ⁷¹³ Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии на симпозиуме // *КСИА*. 1979. Вып. 158. С. 122.
- ⁷¹⁴ Николаева Э.Я. Рис. 1,7. Обоснование даты см.: Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг.
- ⁷¹⁵ Попович М. Светинья б нови подаци о ранновизантијском Виминацијуму // *Старинар*. 1988. Кн. XXXVIII/1987. Сл. 20, 1.
- ⁷¹⁶ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 19, 25, 26, 73, 74
- ⁷¹⁷ Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // *Античные древности Северного Причерноморья*. К., 1988. Рис. 9, 6.
- ⁷¹⁸ Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс. Рис. 8,2; Рис. 9,9; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXVIII, 10.
- ⁷¹⁹ Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс. Рис. 8,4; Рис. 9,5; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXX, 2.
- ⁷²⁰ Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс. Рис. 8,6; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXX, 4.
- ⁷²¹ Попович М. Светиньяб нови подаци о ранновизантијском Виминацијуму. С. 25.
- ⁷²² Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 1984. С. 242–244.
- ⁷²³ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Рис. 32, 1,3.
- ⁷²⁴ Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998. С. 18.
- ⁷²⁵ Афанасьев Г.Е. Отошители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак // *Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова*. М., 2013. С. 34–50.
- ⁷²⁶ Афанасьев Г.Е. Роль кухонной посуды в маркировке булгаро-хазарских памятников (историографический аспект) // *Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта*. М., 2014. С. 367.
- ⁷²⁷ Майко В.В. Судгея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. С. 60.
- ⁷²⁸ Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно- археологический аспект исследования). С. 16–18.
- ⁷²⁹ Там же. С. 17.
- ⁷³⁰ Майко В.В. Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса. С. 87.
- ⁷³¹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 173, 174. Рис. 75.
- ⁷³² Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // *Сугдейский сборник*. Киев; Судак, 2004.

Глава 2. Памятники второй половины VIII–IX в.

Контексты второй половины VIII–IX вв. могут быть выделены на основании следующих нескольких критериев или признаков, о которых мы писали ранее¹.

Из них акцентируем внимание на соотношении наличия или отсутствия кувшинов с плоскими ручками и их процентаже в контекстах в сравнении с амфорами причерноморского типа.

Однако В.В. Майко считает, что нельзя процент встречаемости в археологических комплексах салтово-маяцкой культуры Таврики высокогорных кувшинов с плоскими ручками считать хронологическим индикатором. Выделение на этом основании комплексов середины – второй половины IX в. и утверждение об отсутствии материалов первой половины X в. преждевременно. По его мнению, количество этих импортных в салтовское время для полуострова сосудов зависело от потребностей каждого конкретного хозяйства².

С этим утверждением нельзя согласиться, так как одно из базовых положений датировки античных (и не только) комплексов как раз и состоит в том, что датировка контекстов производится с обязательным учетом процентного соотношения датированных сосудов, в данном случае — тарных. Напомним, что каждый сосуд имеет цикл, выраженный гистограммой распределения по хронологии контекстов. На оси абсцисс откладываются даты контекстов, на оси ординат — процент сосудов в этих контекстах. Имея гистограмму распределения, всегда можно примерно определить, какому времени соответствует имеющийся процентаж. Статистика нивелирует различия в торговой ориентации домохозяйств (если они сколько-нибудь заметны), давая усредненную картину. Анализ сочетания циклов вещей из контекста и дает его надежную хронологию.

В нашем случае для комплексов первой половины IX в. характерны амфоры причерноморского типа и отсутствие кувшинов с плоскими ручками. Комплексы второй половины IX в. характеризуются сочетанием амфор причерноморского типа с кувшинами с плоскими ручками. Для середины IX в. типично абсолютное преобладание амфор причерноморского типа, кувшины с плоскими ручками единичны³. Далее во второй половине IX в. процент кувшинов возрастает, однако их число в комплексах конца IX в. все равно, как минимум, в 1,5–2 раза меньше амфор. В качестве своеобразного маркера отметим, что из двух херсонесских комплексов с монетами Василия I 867–886 гг. один содержал 8 кувшинов с плоскими ручками при 15 ам-

форах,⁴ а другой — только амфоры причерноморского типа⁵. Это может указывать на начало цикла кувшинов с плоскими ручками где-то в начале правления Василия I, если выстраивать эти комплексы в одну стратиграфическую колонку. В этом случае заманчиво предложить дату появления кувшинов с плоскими ручками в конце 60–70-х гг. IX в., что, конечно, требует подтверждения новыми материалами. В любом случае самыми ранними датирующими контексты монетами, которые обнаружены вместе с кувшинами с плоскими ручками, являются именно монеты Василия I⁶. Вместе с тем известно значительное количество комплексов IX в., в которых кувшины с плоскими ручками найдены без монет Василия I. Их отсутствие может быть вызвано, конечно, тем, что на эти памятники они не доходили.

Но возможен и другой вариант в виде следующей колонки: кувшины с плоскими ручками появляются незадолго до чеканки монет Василия I в 867–886 гг., т.е. в 50–60 гг. IX в., потом они сопровождаются монетами 867–886 гг., и позже — 944–945 гг. и 969 г. в пределах X в. В этом случае первыми по хронологии будут комплексы, содержащие единичные экземпляры кувшинов с плоскими ручками, но без монет Василия I. Их можно относить к 860-м гг. Далее следуют комплексы с монетами Василия I 867–886 гг. Однако наличие упомянутого херсонесского комплекса с монетами Василия I, но без кувшинов с плоскими ручками может указывать на то, что кувшины появляются некоторое время спустя после начала чеканки этих монет, т.е., условно говоря, в 870–880 гг. Правда, в этом случае придется объяснить, почему эти монеты не попали в большинство комплексов. Видимо, на сегодняшний день более вероятна первая схема: кувшины с плоскими ручками появляются где-то в 60-х гг., незадолго до начала чеканки монет Василия I. При принятии этого положения относительная хронология выстраивается следующим образом: комплексы с амфорами причерноморского типа — комплексы с амфорами причерноморского типа и единичными кувшинами с плоскими ручками — комплексы с заметным процентом кувшинов с плоскими ручками, амфорами причерноморского типа и монетами Василия I.

Только в комплексах второй половины – последней трети X в. эти кувшины начинают преобладать над амфорами (монеты Никифора Фоки 963–969 гг.)⁷. В начале первой половины XI в. они уже могут составлять 60–70% комплекса тарных сосудов⁸. Конечно, идеально было бы проследить весь цикл этих сосудов на одном крымском памятнике, но, к сожалению, пока это невозможно. Некоторым ориентиром может служить кривая этих сосудов в слоях Саркела, опубликованная в свое время С.А. Плетневой. Учитывая последующие поправки к хронологии слоев, мы имеем следующую картину. Кувшины появляются в слое второй половины IX в., их доля в слое достигает максимума в 930–960 гг., их заметно меньше в слое XI в., и они сходят на нет

в конце XI – начале XII в.⁹ Нетрудно заметить, что цикл кувшинов с плоскими ручками в Саркеле несколько отличается от их цикла в Керчи. Есть и отличия от цикла в Херсонесе. Эти различия вполне допустимы и объяснимы как характером комплексов, так и разной ролью этих памятников. Тем не менее, общая закономерность, отмеченная выше, прослеживается достаточно четко: появление и их единичность в середине IX в., увеличение их количества во второй половине IX – начале X в. и доминирование в комплексах начиная со второй половины – последней трети X в.

В.В. Майко полагает, что амфоры причерноморского типа производились в Крыму и в первой половине XI в. Положение В.В. Майко о том, что «если амфоры есть в Сугдее, в комплексах, датированных монетами, и на Боспоре в первой половине X в., значит, функционируют и печи»¹⁰, несмотря на кажущуюся логичность, содержит серьезную ошибку, связанную с недооценкой все того же амфорного цикла. В этой связи стоит напомнить исследователю, что бытование того или иного типа амфор представляет собой цикл. Он включает не только время производства (начало, пик и окончание), но и время функционирования типа, охватывающее время его использования до выхода из обращения. Статистически это решается по правилу «трех сигм» для гистограммы распределения. Практически это означает, что купленная амфора используется в домохозяйстве по прямому назначению какое-то время, соответствующее времени использования содержащегося в ней товара (продукта). После этого еще какое-то время амфора реутилизируется (вторичное использование), пока не приходит в негодность, т.е. выходит из обращения. Как правило, при отсутствии комплексов, образовавшихся в результате внезапного разрушения или гибели, мы как раз и имеем дело с фрагментами сосудов, отражающих время выхода амфор из обращения, т.е. конец цикла, не соответствующий концу производства того или иного типа. Поскольку производство амфор причерноморского типа в первой половине X в. не подтверждается ничем (находок печей этого времени в Крыму пока не зафиксировано)¹¹, то вывод представляется очевидным. Отдельные типы причерноморских амфор просто доживают свой цикл в начале – первой половине X в., что и могут отражать соответствующие контексты Сугдеи и Боспора.

Впрочем, возможна также и вторая причина, объясняющая присутствие амфор причерноморского типа в контекстах первой половины X в.: примесь материала из более ранних контекстов, или т.н. «примесь снизу». Во всяком случае именно так надо рассматривать наличие в контекстах X в. второго поколения глобулярных амфор (причерноморские 1 типа с зональным рифлением), цикл которых завершается в середине IX в.

Вряд ли корректно считать определяющими верхнюю дату амфор причерноморского типа несколько контекстов Сугдеи против более десятка

хорошо датированных монетами контекстов Херсонеса второй половины IX в.¹²

Другим важным критерием является византийская поливная керамика группы GWW II по Дж. В. Хейсу, относящаяся к концу IX – началу X – началу XII в.¹³ Наибольшее ее распространение приходится на вторую половину X – первую половину XI в. Т.е. отсутствие этой группы сосудов может указывать на дату ранее начала X в.

Применение этих, а также ранее описанных нами критериев дало возможность разделить контексты Крыма второй половины VIII–IX в. на два периода. Первый охватывает время от второй половины VIII в. до первой половины IX в. Второй включает вторую половину IX в.

2.1. Памятники второй половины VIII – первой половины IX в.

Обратимся к многочисленной группе памятников, а именно поселениям, возникновение которых датировано различными исследователями серединой – второй половиной VIII в.¹⁴ Необходимо, однако, отметить, что археологически слой, отражающий время возникновения этих памятников, ни разу не был зафиксирован. Речь идет о слое, датирующемся амфорами причерноморского типа без кувшинов с плоскими ручками в пределах второй половины VIII – первой половины IX в.

Общая сводка важнейших памятников этого периода представлена на следующей таблице.

Памятник	Характерные комплексы	Датирующие предметы	Дата
Героевка 3	Раскоп VII. Дом и мощный дворик с ямами; Раскоп V. Жилище IX, жилище VIII; Раскоп VIII; ¹⁵ Раскоп II–IV, полуземлянка VI?	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1)	Вторая половина VIII – первая половина IX в.
Заветное	«Святилище». Первый период функционирования ¹⁶	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1)	
Героевка-2	Постройка на вершине кургана ¹⁷	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1)	
Кыз-Кермен	Постройки 1-6 ¹⁸	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1)	

Памятник	Характерные комплексы	Датирующие предметы	Дата
Тепсень	Слой глины светло-серого цвета. Участок «К». Заполнение пода очага ¹⁹	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1)	Вторая половина VIII – первая половина IX в.
Судак	Портовый раскоп V. Горизонт коричневой глины (Слой 6) в помещении Б	1.Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1) 2.Фляга 3.Ойнохойи «баклинского» типа.	
	Заполнение полуземлянки (второй стратиграфический горизонт) на участке посада.	1. Глобулярные амфоры второго поколения (Амфоры причерноморского типа 1) 2. Фляги. 3. Ойнохойи «баклинского» типа.	
Тау-Кипчак	Яма 6 ²⁰ ; Полуземлянки 1, 22; Дома 2,14	1.Амфоры причерноморского типа 2.Широкогорлая амфора с вогнутым дном	
Кордон-Оба	Полуземлянка ²¹	1. «Салтовские» горшки с клеймами на дне	
Тиритака	Уч. XXVI. Раскопки 2002 г. Полуземлянка СК-15 На полу полуземлянки ²²	1.Амфоры причерноморского типа 2.Фляга 3.Кувшины баклинского типа	

1. Героевка-3²³

1.1. Раскоп VIII

1.1.1. Жилище VIII

Заполнение жилища отражает время прекращения его функционирования. Оттуда происходят рифленый горшок, сероглиняный эйнхоевидный кувшин, железный кинжал, обломки стеклянных сосудов и причерноморских амфор²⁴. Все эти предметы не воспроизведены в публикации, соответственно, они не дают оснований для сколько-нибудь уверенной датировки комплекса.

Однако на вымостке, к западу и югу от жилища, отражающей время его функционирования, были найдены обломки рифленого горшка с насечками по венчику, обломки крышки с вырезом для выхода пара и обломки двух, по А.В. Гадло, импортных амфор. Последние позволяют датировать время функционирования жилища.

Белоглиняная импортная амфора, приведенная на рис. 4, а в статье А. В. Гадло близка к белоглиняной амфоре из склада амфор в Пташкино середины IX в.²⁵, вторая амфора, по мнению самого автора раскопок, абсолютно аналогична другой амфоре из того же пташкинского комплекса²⁶. Учитывая отсутствие кувшинов с плоскими ручками, время функционирования жилища VIII может быть определено до середины IX в., скорее всего речь идет о первой половине этого столетия. Время сооружения жилища выяснить невозможно.

1.1.2. Жилище IX

Открыто на том же раскопе 1964 г., к югу от жилища VIII. В заполнении жилища обнаружены фрагменты той же импортной белоглиняной амфоры, бракованная борозчатая амфора без ручек и горла, донце крупного серо-лощеного пифосообразного сосуда, обломки пифосообразного горшка с витым венчиком, железная мотыга²⁷. Бороздчатая амфора имеет датировку VIII–IX вв., о дате импортной белоглиняной уже говорилось выше. Соответственно время прекращения существования жилища IX то же, что и жилища VIII, т.е., скорее всего, первая половина IX в.

Особо отметим, что неоднократно фигурирующая в литературе монета 641–668 гг. была найдена вне жилища на уровне древней дневной поверхности и использовалась как амулет, о чем свидетельствует дырочка для подвешивания²⁸. Следовательно, она не имеет датирующего значения, и попала в слой много позже своего выхода из обращения.

Оба жилища связаны с одним и тем же гумусным слоем, под которым залегал материковый суглинок. Они относятся к одному комплексу и, следовательно, датируются одним и тем же временем, скорее всего первой половиной IX в.

1.2. Раскоп V

На раскопе V были открыты остатки дома-пятистенки, состоящего из двух помещений. В помещении 1 были обнаружены желтоглиняный гончарный горшок и бронзовое кольцо. Из помещения 2 происходят обломки тонкостенной реберчатой красноглиняной амфоры. Кроме того, при расчистке завала в северо-восточной части помещения обнаружен красноглиняный «бальзамарий» со следами зеленой глазури, который А.В. Гадло отнес к X в.²⁹ Скорее всего, имеется в виду красноглиняный горшок, покрытый зеленой поливой, соответствующий Coarse Glazed Ware по современной типологии³⁰. В Константинополе такие сосуды происходят из комплексов середины – конца VIII в. и начала IX в.³¹ Это и датирует время прекращения существования началом – первой половиной IX в.

К востоку от дома находился мощный дворик с ямами. В них, по определению автора раскопок, среди керамики, обычной для VIII–X вв., были

найжены фрагменты амфор VII–VIII вв.³² Проверить эту атрибуцию, к сожалению, невозможно. Скорее всего, речь идет об амфорах VIII–IX в.

Все вместе это позволяет относить рассматриваемый комплекс, по всей видимости, к началу первой половины IX в.

1.3. Раскоп VII

В зольнике, за пределами жилища, отражающем время функционирования постройки, были обнаружены обломки горшков, фрагменты амфор с зональным рифлением причерноморского типа и обломки глиняной статуэтки животного. Амфоры с зональным рифлением причерноморского типа по комплексам датируются VIII – первой половиной IX в.³³ Уточнить дату фрагмента невозможно. Скорее всего, можно говорить о все той же первой половине IX в.

1.4. Раскоп II–IV, полуземлянка VI

Учитывая то, что частично запыленный котлован этой полуземлянки стали использовать не ранее середины – второй половины IX в., к этому же времени можно под вопросом отнести полуземлянку VI³⁴.

2. Заветное

К рассматриваемому времени относится так называемое святилище с очагом. Заполнение очага и золистого слоя содержит глобулярные амфоры второго поколения (так называемые причерноморские тип 1)³⁵.

Сведения о комплексах святилища Заветного приведены в публикации А.Ю. Пономарева³⁶. Они представлены засыпью очага в святилище и золистым слоем на полу площадки вокруг очага.

Находки в засыпи очага за вычетом «примеси снизу» представлены следующими функциональными категориями:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%
1	Амфоры	3	50%
2	«Салтово-маяцкие» горшки	3	50 %
Всего		6	

Из нижнего слоя (первого периода функционирования) святилища происходят сосуды следующих функциональных категорий:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Амфоры	1	12,5 %	1	12,5 %
2	Ойнохойи	2	25 %	2	25 %
3	«Салтово-маяцкие» горшки	5	62,5 %	5	62,5 %
	Всего	8		8	

3. Героевка -2

На вершине кургана у северной окраины поселения Героевка-2 была открыта небольшая постройка, представлявшая собой квадратное в плане помещение.

Статистика находок внутри постройки за вычетом «примеси снизу» следующая:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Амфоры	5	62,5 %	3	50 %
2	Ойнохойи	1	12,5 %	1	16,7 %
3	«Салтово-маяцкие» горшки	2	25 %	2	33,3 %
	Всего	8		6	

Отсутствие кувшинов с плоскими ручками и наличие глобулярных амфор второго поколения (причерноморские 1 с плоским срезанным венчиком) дают определенные основания для отнесения этого комплекса ко второй половине VIII – первой половине IX в.³⁷

4. Кыз-Кермен

4.1. Постройка 1

Комплекс подробно описан А.В. Белым и В.В. Назаровым³⁸. Статистика находок внутри постройки за вычетом «примеси снизу» следующая:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Пифосы византийского типа	3	13 %	3	13 %
2	Амфоры	6	26 %	6	26 %
3	Столовая посуда, включая ойнохойи	3	13 %	3	13 %
4	Лощеные горшки	3	13 %	3	13 %
5	«Салтово-маяцкие» горшки	8	35 %	8	35 %
6	Всего	23		6	

Важным представляется наличие лощеной посуды и предметов, связанных с христианским культом³⁹. Также отметим, что наличие штампа в виде креста на донцах «салтово-маяцких» горшков коррелируется с находками в этом же комплексе металлических крестов.

4.2. Постройка 2.

Комплекс опубликован А.А. Белым в 1993 г.⁴⁰ Статистика керамических находок внутри постройки за вычетом «примеси снизу» следующая:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Черепица (калптер)	1	3,7 %	1	3,7 %
2	Амфоры	7	25,9 %	7	25,9 %
3	Фляги	1	3,7 %	1	3,7 %
3	Столовая посуда, включая ойнохойи	4	14,8 %	4	14,8 %
5	«Салтово-маяцкие» горшки	14	51,9 %	14	51,9 %
6	Всего	27		27	

Отметим находку калптера с меткой, а также стеклянных изделий, включающих не только рюмки, но и фрагменты лампад⁴¹. Опять же, лампы коррелируются с горшками со штампами на донце.

4.3. Постройка 3

Комплексы построек 3, 4, 7 опубликованы А.В. Белым в 2000 г.⁴²

Статистика керамических находок внутри постройки за вычетом «примеси снизу» следующая:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Амфоры	1	11,1%	6	11,1%
2	Столовая посуда, включая ойнохойи	2	22,2%	2	22,2%
3	«Салтово-маяцкие» горшки	6	66,6%	6	66,6%
4	Всего	9		9	

Вновь отметим штамп в виде креста на дне «салтовского» горшка в одном комплексе с фрагментами железных крестов⁴³.

4.4. Постройка 4

В информации о находках в этой постройке приведены выборочные данные, что не дает возможности количественной статистике. Из текста и таблиц ясно, что в комплексе наиболее многочисленную категорию находок составляли обломки керамики с преобладанием тарной и кухонной посуды. К столовой относились ойнохойи с росписью ангобом в виде комбинации горизонтальных прямых и волнистых линий. Кухонная, «салтовская» посуда содержала горшки с орнаментацией волнистой линией, а также с клеймами на дне⁴⁴.

4.5. Постройка 5

Ко времени существования постройки уверенно можно отнести только материалы из слоя завала и залегающего на полу под завалом нижнего горизонта второго слоя⁴⁵.

4.6. Постройка 6

Конструктивно взаимосвязанный комплекс построек 5 и 6 появился на раннем этапе существования усадьбы и функционировал относительно недолго. Сначала возводится постройка N 5, к которой потом пристраивается постройка N 6⁴⁶.

Хронологически А.В. Белый наметил следующую последовательность построек. К первому этапу (до разрушения) относятся постройки N 1–3, 5, 6, 7. На втором этапе (после разрушения) продолжают свое существование постройка 2 и восстановленные постройки 1 и 3. Вместо постройки 7 появляется постройка 4⁴⁷.

5. Тепсень

Подробное обобщающее исследование памятника принадлежит В.В. Майко⁴⁸. Исследователь предложил вполне обоснованную периодизацию памятника. К первоначальному периоду, который он датирует второй половиной VIII – первой половиной IX в., относятся 8 жилых сооружений, водопровод и ремесленный очаг, исследованный в 1998 г. на раскопе К. Датировку этого периода подтверждают и нумизматические данные.

Характерным контекстом Тепсеня второй половины VIII – первой половины IX в. является комплекс очага на раскопе «К», исследованный в 1998 г., где преобладали глобулярные амфоры второго поколения (причерноморские 1)⁴⁹.

6. Судак

6.1. Портовый раскоп V.

Горизонт коричневой глины (Слой 6) в помещении Б

К интересующему нас периоду относится горизонт коричневой глины (Слой 6), перекрывающий нижний слой зеленоватой глины в помещении Б на территории портового раскопа V. Согласно последней публикации В.В. Майко, основу тарной керамики контекста составляют глобулярные амфоры второго поколения с мелко-зональным рифлением («причерноморские 1»). Кроме того, среди амфорной тары исследователь выделяет фрагменты широкогорлых амфор с орнаментом в виде наколов на плечиках и аналогичные сосуды с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. Эти категории амфор встречены только в данном стратиграфическом горизонте. Именно здесь встречено и большинство обнаруженных фрагментов оранжевоглиняных фляг, в том числе археологически целая, бракованная форма⁵⁰.

6.2. Заполнением полуземлянки

(второй стратиграфический горизонт) на участке посада

К интересующему нас времени относится второй стратиграфический горизонт заполнения полуземлянки. Тарная посуда в этом контексте представлена многочисленными фрагментами оранжево- и красноглиняных глобулярных амфор второго поколения (причерноморские 1 с зональным рифлением), которые, по наблюдению В.В. Майко, составляют практически единственный вид амфорной тары этого контекста. Столовая посуда представлена красно-, оранжево- и сероглиняными ойнахойми.

Комплекс кухонной керамики состоял из одной археологически целой формы, нескольких реконструируемых до дна и около двух сотен фрагментов. Наиболее многочисленную группу составляют крупные сосуды с округлым уплощенным венчиком, имеющим паз для крышки, с орнаментом в виде одной или двух небрежно проведенных горизонтальных линий, реже — однорядной волны. Встречены один фрагмент горшка с линейно-волнистым орнаментом, два фрагмента кухонных горшков, изготовленных из плотного теста с «очковидным» многорядным волнистым орнаментом. Коллекцию кухонной керамики дополняет фрагмент дна с традиционным для юго-восточного Крыма клеймом в виде креста в круге⁵¹.

7. Тау-Кипчак

И.А. Баранов относил яму 6, как и яму 5, к середине – второй половине VII в.⁵² По мнению же А.И. Айбабина, дата образования комплекса из ямы 6, состоящего из ранних амфор типов 2 и 6 второй половины VII – начала VIII в. и поздних второй половины VIII–IX вв. (типы 7, 8), определяется по поздним. Иными словами, А.И. Айбабин относит комплекс ямы 6 ко второй половине VIII–IX вв.⁵³ Рассмотрим подробно эти материалы.

1. Амфора типа 5 по АДСВ = Баранов 1990. Рис. 10, 11.

Данная амфора имеет аналогии в херсонесском комплексе 14, датирующемся не ранее конца VI – начала VII в.⁵⁴.

2. Амфора типа 5 по АДСВ = Баранов 1990. Рис. 30, 1.

Такие амфоры генетически связаны с экземплярами из Ильичевки 570–580 гг. и Цибиллиума второй четверти VI в.⁵⁵ Встречаются в комплексах конца VI – середины VII в.⁵⁶, конца VII в.⁵⁷ Поздний вариант известен в комплексе Пташкино середины второй половины IX в.⁵⁸

3. Зеест 95 = Баранов 1990. Рис. 10, 8.

Из ямы 6 происходит горло этого сосуда. Напомним, что верхняя дата этих амфор не выходит за пределы 650–670 гг.⁵⁹

4. Широкогорлая амфора с вогнутым дном=Баранов 1990. Рис. 10, 5. Красноглиняная широкогорлая амфора с вогнутым дном. И.А. Баранов отмечал, что близкие по форме донца встречены в византийском горизонте Кордон-Обы, датирующемся не позднее середины VIII в.⁶⁰

Глина амфоры похожа на глину причерноморских амфор. Ближайшей аналогией является амфора из Судакского комплекса второй половины IX – X вв., где она обнаружена вместе с кувшином с плоскими ручками⁶¹. Соответственно, в этом случае она не может датироваться ранее середины – второй половины IX в. В таком случае данные амфоры могут датироваться временем от середины VIII до второй половины IX в.

5.Красноглиняная типа Баранов 1990. Рис. 10,7. Амфора является звеном в эволюционном ряду нашего типа 42. Ближайшие аналогии происходят из комплексов второй половины VIII – первой половины IX в.⁶².

Приведенный анализ амфор показывает, что, судя по циклам самых поздних типов, комплекс ямы 6 мог образоваться во второй половине VIII – первой половине IX в., скорее всего речь может идти о рубеже VIII и IX в. Это, в принципе, подтверждает дату А.И. Айбабина.

Поскольку амфоры типа Баранов (Рис.10,5) входят в состав комплексов ямы 14, жилища 1, жилища 2, жилища 14 и жилища 22, то все они относятся не ранее, чем ко второй половине VIII в.⁶³

8. Кордон-Оба

Полуземлянка, раскопанная в 1974 г. И.А. Барановым, была опубликована В.В. Майко в 2004 г. Первоначально гибель постройки была И.А. Барановым отнесена к VIII в. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что полуземлянку перекрывает зольник, содержащий фрагменты белоглиняной посуды и датирующийся не ранее середины IX в.⁶⁴ Соответственно, есть некоторые основания относить полуземлянку ко второй половине VIII – первой половине IX в.

9. Тиритака

В 2009 г. была опубликована монография, в которой подробно приведены контексты и материалы VIII–IX вв. на уч. XXVI⁶⁵. К первому строительному периоду, датированному второй половиной VIII – первой половиной IX в., авторы отнесли полуземлянку (СК XV), очаг 15 и хозяйственную яму 18⁶⁶.

9.1. Полуземлянка (СК XV)

Распределение керамики по функциональным категориям следующее:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Амфоры	43	64,17 %	2	14,3 %
2	Фляги	3	4,4 %	2	14,3 %
3	Ойнохойи	1	1,4 %	1	7,2
4	Горшок	1	1,4 %	1	7,2
5	Кухонная посуда	19	28,3 %	4	28,6
	«Салтово-маяцкие» горшки			3	
	«Горшок-пифос» салтовский			1	
Всего		67		14	

Группа, которая условно может считаться этнически маркирующей, представлена горшками, тулово которых орнаментировано врезными горизонтальными линиями, а венчик — давленями или защипами⁶⁷.

9.2. Очаг 15

Распределение керамики по функциональным категориям следующее:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%	Количество сосудов	%
1	Амфоры	4	50 %	4	50 %
2	«Салтово-маяцкие» горшки	4	50 %	4	50 %
Всего		8		8	

Интересующая нас группа представлена горшками с орнаментацией «арочным рифлением» и врезными волнистыми линиями.

9.3. Хозяйственная яма 18

Распределение керамики по функциональным категориям категориям следующее:

	Функциональная категория	Количество фрагментов	%
1	Амфоры	11	73,3 %
2	«Салтово-маяцкие» горшки	4	26,7 %
Всего		15	

10. Херсонес

Современное состояние изучения комплексов Херсонеса VIII – первой четверти IX вв. может быть выражено в следующей таблице.

	Название херсонесского комплекса или номер контекста	Документация	Тип комплекса	Кувшины с плоскими ручками	Монеты	Дата
1	Засыпь водохранилища в южном районе Херсонеса	Полная См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дисс... канд.ист. наук.М.,1998	полузакрытый	отсутствуют	705–711 гг.	Вторая половина VIII – первая четверть IX в.
2	Засыпь колодца в Портовом районе (пом. 131)	Отсутствует См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дисс... С.60	полузакрытый или открытый	отсутствуют	нет	
3	Засыпь цистерны «Е» в Северном районе	Отрывочная См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореф. дисс... канд.ист. наук. М.,1998. С.10	полузакрытый	отсутствуют	нет	
4	Контексты Цитатели 2006 г. 3; 7; 9; 10; 12; 17; 18; 24; 26; 30; 38; 40; 41; 47; 52	Полная См. Сорочан С.Б. Сазанов А.В., Крупа Т.Н., Иванов А.М. Отчет о раскопках... за 2006 г.	полузакрытый	отсутствуют	нет	

Более подробно остановимся на засыпи водохранилища.

10.1. Водохранилище

Сразу отметим, что комплекс требует новой переработки и исследования по слоям. Единственными более или менее твердо датированными

являются поливные сосуды, опубликованные Л.В. Седиковой в отдельной статье⁶⁸.

Определяемые миски относятся к группе GWW I типу 1, Stevenson 58,3.

1. Сосуд с выдающимся бортиком (Седикова 1997, Рис. 1, 1, 2, 4, 6).

Их больше всего — 4 экз. Он имеет аналогии в стадии II Большого Дворца с монетами 813–820 гг. и депозите 36 Сарачан с монетами 820–829 гг.⁶⁹ Отметим, что в последнем случае они сочетаются с GWW II, которой нет в водохранилище.

2. Сосуд со врезанным орнаментом группы GWW I (Седикова 1997, Рис. 1, 9).

Такие поливные сосуды с такой морфологией известны в комплексах середины второй половины VII в.⁷⁰ Однако они имеют меньший диаметр и иную орнаментацию — крест с расходящимися линиями. Он безусловно раньше нашего фрагмента. Аналогичные сосуды, но с большим диаметром происходят из депозита 35 Сарачан конца VIII – начала IX в.⁷¹

Кроме того, венчик имеет аналогии в слое Большого Дворца стадии II, содержащей самые поздние монеты Льва V 813–820 гг.⁷² Орнамент в виде завитков имеет сходство с орнаментом на сосуде из депозита 34⁷³ второй половины VIII в. Это позволяет относить наш сосуд ко второй половине – концу VIII – первой четверти IX в.

3. GWW 1. Тип 1. (Седикова 1997, Рис. 1, 12, 14).

Сосуды этого типа происходят из Deposit 34⁷⁴ середины – конца VIII в., Deposit 35 конца VIII – начала IX в.⁷⁵ Дж. Хейс склонен помещать большую часть этих сосудов в середину VIII в., что раньше, чем стадия II Большого Дворца в Константинополе, но некоторые, синхронные им, конец VIII в.⁷⁶

Поиски синхронных комплексов позволяют говорить, что поливная керамика водохранилища хорошо укладывается в формы контекстов 34 и 35 Сарачан⁷⁷. Депозит 36 с монетами 820–829 гг. уже содержал поливные миски GWW II, отсутствующие в водохранилище.

Тем самым поливная керамика из водохранилища укладывается во вторую половину VIII – первую четверть IX в. Засыпь производилась последовательно на протяжении, по всей видимости, второй половины VIII – нач. IX в. и была завершена, вероятно, в первой четверти IX в. Это позволяет существенно сдвинуть хронологию керамики, происходящей из водохранилища.

Любопытно отметить, что самая поздняя монета из херсонесского водохранилища относится к 705–711 гг., а из слоя стадии II Большого Дворца Константинополя — 813–820 гг.

Теперь обратимся к географическому распределению крымских памятников второй половины VIII–IX в.

Географически рассматриваемые памятники расположены не равномерно по всему Крыму, а группируются в четырех местах: Керченский полуостров (большая часть), Юго-Восточный Крым (вне Керченского полуострова), Центральный Крым, Северо-Западное побережье. В меньшей степени они известны в Юго-Западном Крыму.

Керченский полуостров. На археологических картах, опубликованных в монографиях И.А. Баранова⁷⁸ (рис. 1.17) и А.И. Айбабина⁷⁹ (рис. 1.19), и основанных, в основном, на разведках Д.Л. Талиса⁸⁰ и А.В. Гадло⁸¹, отмечено более 50 поселений. В.В. Веселов в 50-х – 60-х гг. XX в. обнаружил 170 «салтовских» памятников⁸². Еще порядка 50 поселений этого времени были выявлены работами Т. Шоля и В.Н. Зинько⁸³. В последнее время данные памятники плодотворно исследует А.Ю. Пономарев⁸⁴. Даже учитывая, что некоторые памятники могли быть отнесены к данному кругу ошибочно, поселений второй половины VIII–IX вв. на Керченском полуострове известно, вероятно, не менее 200–250⁸⁵. Отметим, однако, что подавляющее большинство указанных памятников археологически не изучались. В большинстве своем они располагались в восточной части Керченского полуострова «явно тяготея к Боспору и пролегавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря. Юго-западная часть полуострова как и в античное время, оставалась практически незаселенной»⁸⁶. Как показал А.Ю. Пономарев, «основная масса открытых на Керченском полуострове салтово-маяцких поселений представляла собой обычные неукрепленные селища площадью от 0,1 до 14–15 га с небольшой плотностью застройки»⁸⁷. На данный момент ни на одном из них не обнаружено следов каких-либо фортификационных сооружений. Все поселения основаны на «чистом» месте или на территории заброшенных античных поселений. Правда, недавно А.Ю. Пономарев попытался выделить одно «салтовское» укрепление, расположенное у с. Заветное⁸⁸. Однако, на наш взгляд, данные выводы представляются преждевременными: материалы экспедиции 1936 г. утрачены, а сам автор раскопок, Ю.Ю. Марти, интерпретировал укрепление как ранневизантийское; А.Ю. Пономарев проводил здесь только разведки, в результате которых был собран подъемный материал как эллинистического времени, так и VIII–IX вв.; при этом он справедливо отметил, что «не только типологически близких, но и каких-либо других раннесредневековых фортификационных памятников на Керченском полуострове пока еще не выявлено»⁸⁹. Таким образом, для датировки данного укрепления второй половиной VIII в. нет никаких оснований. Поэтому нет оснований и пересматривать сказанное выше.

Рис. 1. 19. Хазарские памятники Крыма по А.И. Айбабину

Юго-Восточный Крым. И.А. Баранов и А.И. Айбабин помещают здесь порядка 10 памятников хазарского времени⁹⁰ (рис.1.17; 1.19), из которых, по сообщению В.В. Майко, исследованиям подвергались только 5. И.А. Баранов выделял на Юго-Восточном побережье два «хазарских» укрепления — Тепсень и Кордон-оба⁹¹. По данным В.В. Майко, основанным на результатах новейших исследований, оборонительные сооружения там отсутствуют: на Тепсене стены, интерпретированные И.А. Барановым как оборонительные, на самом деле являются пристройками к северной и южной сторонам апсиды «большого» храма⁹², а оборонительные сооружения Кордон-оба принадлежат генуэзскому замку. В Судакском регионе, по данным В.В. Майко и А.В. Джанова, выявлено не менее 7 сельских поселений, основание которых датируется VIII в. Известны здесь также 4 комплекса гончарных печей VIII – первой половины X вв., и три могильника этого времени⁹³. Данные авторы выделяют также на юго-западном склоне г. Ай-Фока укрепление VII – первой половины X вв.⁹⁴. Однако, как нам представляется, такие выводы выглядят голословными и, как минимум, преждевременными. Данный объект археологически никогда не исследовался. Все заключения основаны исключительно на внешнем осмотре и случайных находках подъемного материала. К тому же считать оборонительной стеной некую каменную ограду с визуально установленной толщиной 1 м выглядит недостаточно обоснованным. Отметим, сами же авторы пишут, что с западной стороны следы стен вообще отсутствуют. А.В. Гаврилов отметил в Феодосийской административной зоне 7 поселений VIII–IX вв., на территории Кировского района 4 таких памятника, в Судакской зоне — 1 (поселение Меганом)⁹⁵ (рис. 1.20).

Рис. 1.20. Средневековые памятники Восточного Крыма по А.В. Гаврилову

Центральный Крым. На упоминавшейся археологической карте А.И. Айбабина здесь, вместе с районом современного Симферополя, показано 8 поселений хазарского времени⁹⁶ (рис. 1.19). У И.А. Баранова их порядка 13⁹⁷ (рис. 1.17). По данным В. В. Майко, таких памятников не более 5–6. Фортификационные сооружения там не выявлены, хотя И.А. Баранов и «находил» салтовские оборонительные стены на Баксанском городище⁹⁸ (по сообщению В.В. Майко, оборонительные стены там принадлежат позднескифскому городищу). Все поселения возникли на незаселенных местах. Заслуживает внимание городище Ак-кая/Вишенное (Белогорский район). На указанном поселении, наряду с археологическими слоями скифского времени, выявлены раннесредневековые материалы, которые, по предварительным результатам, датируются VIII – сер IX вв., и даже, возможно, остатки крепости этого времени⁹⁹. Однако кем были сооружены оборонительные стены – византийцами, основавшими укрепление на пути из степей в Восточный Крым, или «салтовцами» — предстоит еще выяснить. Если окажется, что оборонительные стены здесь действительно соорудили «салтовцы», тогда поселение Ак-кая/Вишенное можно будет поставить в один ряд с городищем Кыз-кермен.

Северо-Западное побережье. А.Н. Щеглов находил здесь шесть раннесредневековых памятников¹⁰⁰. На карте И.А. Баранова отмечено 9 поселений¹⁰¹ (рис. 1.17), А.И. Айбабина — 7¹⁰² (рис. 1.19). С.В. Кутайсов помещает в регионе 11 поселений, могильников и 13 мест обнаружения археологических материалов салтовского времени. По его данным, материалы салтово-маяцкой эпохи присутствуют практически на всех античных памятниках Северо-Западного Крыма. Им выделено и одно укрепление — Аблямитское¹⁰³. И.А. Баранов определял здесь одно городище — «Чайка»¹⁰⁴. В.И. Павленкову в данном регионе известны три хазарские крепости — Аблямитское городище, Хмелевское городище и Беляусское¹⁰⁵. Однако, как пишет сам автор, на Хмелевском городище проводились лишь визуальные разведки, а к настоящему времени следы поселения потеряны. Что касается Аблямитского городища, то оно также практически не исследовалось. Аргументация в пользу его датировки VIII–IX вв. строится исключительно на особенностях планировки городища и находки фрагмента лепного горшка салтово-маяцкого типа. Даже если и допустить, что на ряде «хазарских» поселений имелись фортификационные сооружения, на настоящий момент, ввиду слабой изученности памятников, невозможно определить, когда они там появились – одновременно с основанием, в связи с появлением венгерской или печенежской угрозы или вообще относятся к более позднему периоду. На Беляусском городище также нет никаких следов укрепления хазарского времени¹⁰⁶.

Последняя по времени работа, посвященная средневековым памятникам Северо-Западного Крыма, принадлежит М.С. Шапцеву (здесь же представлена и подробная историография). Его вывод следующий: «Сейчас можно с уверенностью говорить о наличии в регионе 12 памятников раннесредневекового времени с археологическим слоем, массовыми находками и комплексами: Сакская пересыпь, Тузлы, Кара-Тобе, Чайка, Евпатория, Беляус, Кульчук, Лазурное, Таранчи, Ойрат, Джан-Баба, Калос-Лимен, Ортли. Практически все раннесредневековые поселения расположены на месте более ранних античных поселений, причем на тех, которые функционировали в римское время. Такую ситуацию можно объяснить удобным местоположением греко-скифских городищ и наличием строительного камня от разрушившихся античных построек на них»¹⁰⁷.

Необходимо учитывать, что, в основном, все памятники Северо-Западного Крыма изучались археологами-античниками, поэтому средневековым слоям уделялось меньше внимания. Очевидно, не анализировался средневековый материал на предмет определения узкой хронологии и отнесения его к конкретному культурному кругу. В данном регионе, кроме поселений, принадлежавших салтовскому населению, вероятно, должны были на-

ходиться и византийские (херсонские). Как известно из сообщений Константина Багрянородного, херсониты добывали в данном районе соль¹⁰⁸, причем данный промысел существовал с античного времени¹⁰⁹. Соответственно там должны были находиться и поселения соледобытчиков. Отметим, в монографии С.Б. Ланцова, посвященной античным памятникам Сакской пересыпи, детально проанализирован и средневековый материал. Автор пришел к убедительному выводу, что средневековые находки здесь представляют комплекс IX–X вв. и, вероятно принадлежали поселению херсонских солеваров. В 2012 г. была опубликована коллективная статья, в которой были обобщены находки и памятники Северо-Западного Крыма первой половины X–XIV вв. н. э.¹¹⁰

Таким образом, общее количество памятников, которые с определенной долей вероятности можно связать с прибывшим населением Хазарского каганата, в Северо-Западном, Центральном и Юго-Восточном Крыму составляет не более 15, максимум — 20 % от числа подобных объектов на Керченском полуострове. Мы осознаем, что, вероятно, выявлены далеко не все поселения, что степень археологической изученности различных регионов Крымского полуострова неодинакова, что впоследствии возможны уточнения в хронологии, однако, учитывая вышеназванные особенности, вряд ли общая картина распределения салтовских памятников по территории Крыма в значительной степени может измениться.

Таким образом, в середине – второй половине VIII в. в Крыму (кроме Юго-Западного и Южного) появляется порядка 250 новых поселений¹¹¹, причем приблизительно 85% из них — на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-Западному, Центральному, и Юго-Восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано ни одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений (по крайней мере, на Керченском полуострове, в Юго-Восточном и Центральном Крыму. Исключение, возможно, составляет поселение Ак-кая/Вишенное. Однако, как уже отмечалось, историко-культурная интерпретация оборонительных сооружений там нуждается в дополнительной аргументации). Они отсутствуют даже на Тепсене, который трудно интерпретировать как сельское поселение. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих населенных пунктов, в частности городов Боспора и Сугдеи¹¹², окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников, а большая часть их, как уже отмечалось, археологически не изучалась, были выявлены христианские

культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене, что дало возможность ряду авторов локализовать здесь центр Фульской епархии (подробнее см. Разд. 7.3)., небольшая церковь открыта на Кордон-обе¹¹³, известны христианские памятники на поселениях Пташкино и, возможно, Героевка¹¹⁴. Однако в целом говорить о широком распространении христианства среди жителей «салтовских» поселений, по крайней мере Керченского полуострова, не приходится¹¹⁵.

И.А. Баранов определяет количество жителей Тау-Кипчака не менее 120 человек¹¹⁶. Даже если предположить, что в среднем число обитателей на каждом поселении составляло половину от этой цифры (не все постройки могли существовать одновременно, некоторые поселки имели меньшие размеры, чем Тау-Кипчак), число людей, мигрировавших в Крым во второй половине VIII в. можно определить как не менее 12–15 тыс. человек, хотя мы понимаем всю условность настоящих подсчетов.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова. Скорее всего, данное перемещение населения с территории Хазарии в Крым не было уникальным явлением.

Возможно, оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона¹¹⁷. Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737 гг.)¹¹⁸ (напомним, эту же причину называл А.И. Айбабин для объяснения появления новых поселений в Крыму). Хотя по данной проблеме существуют и другие гипотезы, однако практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии¹¹⁹. В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 – началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани¹²⁰.

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских салтовских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений (а именно: подавляющее большинство из них основывается на Керченском полуострове; пришельцы селятся исключительно на «чистом» месте; они не огораживаются оборонительными стенами; население «старых» городов остается неизменным), можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма. В связи с этим на-

помним замечание С.А. Плетневой: «В настоящее время мы практически не располагаем на территории Крыма погребениями второй половины VIII–IX вв., которые можно было бы связать с пришедшими из Хазарии воинами»¹²¹.

Если бы пришельцы мигрировали, как это предполагалось, в подвластный хазарам Крым, то вряд ли в такой ситуации можно было обойтись без серьезных конфликтов со «старым» населением. Но они заселяют исключительно свободные земли, в основном степи Керченского полуострова, и в очень небольших количествах появляются в более благоприятных для жизни юго-восточном и центральном Крыму. Причем основной отраслью экономики жителей данных поселений, по крайней мере на Керченском полуострове, было земледелие¹²².

Следует учитывать и политическую обстановку того времени. Как известно, в VIII в. между Хазарией и Византией установились дружеские, союзнические отношения, подкрепленные в 732 г. междинастическим браком между сыном Льва III, будущим императором Константином V и дочерью хазарского кагана по имени Чичак, после крещения — Ирина¹²³. И лишь в 80-х гг. наблюдается их определенное охлаждение¹²⁴ (см. подр.: Разд. 8.1; 9.2)), что подтверждается и данными нумизматики¹²⁵.

Готия с Херсоном, с чем согласны большинство современных авторов, до 80-х гг. подчинялась Византии. Как показала Е.В. Степанова, по данным сфрагистики, в Сугдее в VIII–IX вв. не только не наблюдается спада византийской активности, но наоборот, отмечается ее подъем¹²⁶ (см. Разд. 8.2). Вероятно, зависимость даже Боспора от хазар в это время не выходила за пределы выплаты дани¹²⁷.

Можно, конечно, дискутировать о степени хазарского влияния в Крыму, которое мы отнюдь не пытаемся оспорить, о степени зависимости от Византии. Но весь круг источников указывает на то, что Константинополь, несомненно, считал данные территории своими. Поэтому, учитывая перечисленные факты, вряд ли со стороны Хазарии была возможна односторонняя акция по переселению такого числа людей в Крым. Можно предположить, что данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее. Однако, современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяет сделать более конкретные выводы).

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве погра-

ничников и для приобщения к христианству¹²⁸. По крайней мере, подобные примеры для Крыма византийского периода известны. По Прокопию, готы страны Дори добровольно остались в Крыму, были союзниками византийцев и «отправлялись ... в поход, когда римляне шли на своих врагов»¹²⁹. Согласно «Аланскому посланию епископа Феодора», в XIII в. аланы жили близ Херсона «столь же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана»¹³⁰.

Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского, или согласившегося принять христианство населения, из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель, позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, в Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

2.2. Комплексы второй половины IX в. и проблема времени прекращения существования «хазарских» поселений

Вопрос о времени прекращения существования рассматриваемых памятников является принципиальным. По мнению А.Ю. Пономарева, все «салтово-маяцкие» поселения восточного Крыма были оставлены жителями одновременно где-то в конце IX – начале X в. Как показали данные раскопок, этот процесс был мирным и постепенным. На поселениях не обнаружено следов погромов и пожаров¹³¹. Как считает данный автор, современный уровень науки не позволяет четко разграничить керамические комплексы второй половины IX–X вв., поэтому вопрос о времени оставления жителями «салтовских» поселений в Крыму долго еще будет дискуссионным¹³².

В.Е. Науменко, отмечая однородность так называемых «салтовских» керамических комплексов на Керченском полуострове и стратиграфическую кратковременность существования памятников, наряду с немногочисленностью фрагментов кувшинов с плоскими ручками и ранневизантийской поливной керамики, считает логичной датировку «салтовских» поселений на месте Тиритаки, Илурата, Пташкино и в окрестностях Героевского в пределах второй половины/конца VIII – середины второй половины IX в.¹³³

Иная точка зрения была высказана В.В. Майко. Исследователь относит время гибели салтовских памятников Крыма к примерно середине X в. и связывает это с так называемым походом Песаха 943 г. (подробнее об этом см. Главу 9.1). По его мнению, гибель практически всех более или менее исследованных сельских «праболгарских» памятников Керченского полуострова относится к середине X в. Причем большинство поселений было оставлено одновременно.

Критикуя точку зрения А.Ю. Пономарева и В.Е. Науменко, и выводы А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева, В.В. Майко указывает, что концепция его оппонентов весьма уязвима, поскольку столь глобальный вывод делается на основании памятников, большая часть из которых известна лишь по археологическим разведкам и небольшим охранным раскопкам. К тому же, как полагает исследователь, явно противоречат друг другу справедливый вывод авторов о минимальном количестве следов пребывания печенегов на Керченском полуострове и заявление об усилении набегов кочевников на Крым. Оснований датировать концом IX – началом X в. время «оставления» праболгарами полуострова нет никаких. Заявление об отсутствии на этих поселениях керамики, датируемой позже начала X в., не может восприниматься серьезно. По мнению В.В. Майко, разграничить салтовскую керамику второй половины IX в. и первой половины X вв. на имеющемся в распоряжении авторов материале пока невозможно. Во всяком случае, отдельные опубликованные и приведенные в отчетах керамические формы, происходящие из сельских салтовских поселений Керченского полуострова, ничем не отличаются от аналогичной керамики, происходящей из закрытых комплексов Сутдеи первой половины X в. Столь массовый исход праболгар и хазар из Крыма на восток не подтверждается ни археологически, ни материалами письменных источников¹³⁴.

Как считает В.В. Майко, материалы археологических исследований в Кооперативном переулке Керчи свидетельствуют о гибели салтовских объектов городища в середине X в. Сходная картина наблюдается при анализе материалов из раскопок Фанагорийского и Таманского городищ. И в первом, и во втором случае салтово-маяцкие материалы существуют именно до середины X в. и отделены от последующих слоев пожара¹³⁵.

Памятники Крыма

Рассмотрим эти материалы. Прежде всего, проанализируем базовые комплексы, характеризующие время прекращения существования так называемых «салтовских» или «праболгарских» поселений Восточного Крыма, представленные в следующей таблице:

Памятник	Характерные комплексы	Датирующие вещи	Дата
Пташкино	Второй период ¹³⁶ (храм и склад)	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшин с плоскими ручками	Середина IX в.
Керчь	Темный гумусированный суглинок «хазарского времени». Фаза 1. Комплекс с пифосом ¹³⁷	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Амфоры с росписью ангобом 4. Поливная керамика группы GWW I по Дж. Хейсу	
Заветное	Второй период функционирования «святилища» ¹³⁸	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками	
Тиритака	Уч. XXVI. Раскопки 2002 г. Полуземлянка СК-15. Зольник и загорода ¹³⁹	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками	Вторая половина IX в.
Тепсень	Раскоп «К». Слой серой глины. Дом 13. Заполнение ¹⁴⁰	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная керамика группы GWW I по Дж. Хейсу	
Керчь	Темный гумусированный слой «хазарского времени». Фаза 2 ¹⁴¹ ; Кооперативный переулок. Слой серо-коричневого суглинка ¹⁴²	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная посуда группы GWW I по Дж. Хейсу	
Опук	Опук. Поселение «Над источником». Раскопки 1990 г. Помещение А. Завал стены 3 вне помещения «А» Помещение «Б» Помещение «В» ¹⁴³	1. Кувшины с плоскими ручками 2. Амфоры причерноморского типа	
Судак	Слой серо-коричневой глины ¹⁴⁴	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная посуда группы GWW I по Дж. Хейсу 4. Монета Василия I (в зольнике)	Вторая половина IX – первая половина X в. (?)

1. Тиритака

Как уже отмечалось, комплексы с участка X прекращают свое существование где-то во второй половине IX в. На участке XIII хронология, по всей видимости, аналогична, хотя, как отмечалось, дата амфоры более широкая — вторая половина IX – первая половина X в. На всех остальных участ-

ках раскопок В.Ф. Гайдукевича материалы не выходят за пределы второй половины IX в. Добавим материалы из последних раскопок.

В Тиритаке при раскопках 2004 г. полуземлянки СК-XV в слое пожара были обнаружены обломки двух причерноморских амфор с мелким зональным рифлением класса 24 по новой херсонесской классификации, обломки двух флагов с росписью белым ангобом, ойнохойя баклинского типа и фрагменты кухонной посуды. Полное отсутствие кувшинов с плоскими ручками и причерноморских амфор с крупным бороздчатым рифлением позволило А.Ю. Пономареву отнести время гибели землянки к первой половине – середине IX в.¹⁴⁵ Дата определена корректно. Важно здесь отметить, что данный слой был перекрыт золистым темно-серым рыхлым слоем, отражающим время функционирования каких-то комплексов. Из этого слоя происходят фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Стратиграфия полуземлянки однозначно указывает на то, что между концом существования полуземлянки и формированием вышележащего слоя не было сколько-нибудь существенного хронологического промежутка. Учитывая отсутствие в золистом слое каких-либо материалов, относящихся к X в., время формирования его следует отнести ко второй половине IX в., что подтверждает хронологию А.Ю. Пономарева.

Стратиграфия показывает, что контексты третьего строительного периода для данного участка поселения являются наиболее поздними. Третий строительный период представлен контекстами 50–53. Контекст 50 представляет собой остатки наземной постройки, 51 — очаг N 19, 52-очаг N 20, 53 — очаг 21. Кроме того, в таблице типов амфор фигурирует зачистка очага 22, отнесенная исследователями к интересующему нас периоду. Контекст 50 — исследованная часть наземной постройки сохранилась в виде кладки 16. При раскопках очага 20 обнаружено несколько кусков печины и четыре обломка стенок салтово-маяцких горшков. При зачистке очага 21 найдены две стенки «причерноморских» бороздчатых амфор.

Как мы видим, контексты крайне невыразительны, и в них нет фрагментов кувшинов с плоскими ручками. Тем самым мы не видим оснований датировать поздний горизонт первой половиной X в. Оснований для такой датировки просто нет¹⁴⁶.

Видимо, в определенной степени индикатором может служить обнаруженный в Тиритаке вне комплекса солид Василия I и Константина, чеканенный в 869–879 гг.¹⁴⁷

Вместе с тем необходимо отметить находку плохой сохранности монеты Василия II и Константина VIII 976–1025 гг. «при раскопках античной Тиритакки 1934 г. на участке крепостных стен, раскоп I, квадрат 7, слой II»¹⁴⁸. Данная монета, безусловно, отражает иной исторический период:

последней трети X – первой четверти XI в., — и столь же безусловно не связана с функционированием городища Тиритака как полноценного населенного пункта, на что однозначно указывает отсутствие материалов этого времени во всех известных на сегодняшний день комплексах.

Авторы публикации материалов Тиритакки справедливо подчеркивают, что следов не только разрушений и пожаров, но и поспешных сборов на поселениях Керченского полуострова не выявлено. Тем не менее, они были покинуты, и причины этого катаклизма еще предстоит выяснить¹⁴⁹.

2. Керчь-Боспор

Анализ комплексов этого периода позволил расчленить так называемый «темный гумусированный слой хазарского времени» на фазы, датирующиеся серединой IX в., второй половиной IX в. и серединой – последней третью X в. Этому слою предшествовал на раскопе в Кооперативном переулке слой конца VII – начала VIII в.¹⁵⁰

3. Судак

В настоящий момент благодаря исследованиям И.А. Баранова и В.В. Майко установлена общая стратиграфия раннесредневековых слоев памятника (Рис. 1.21).

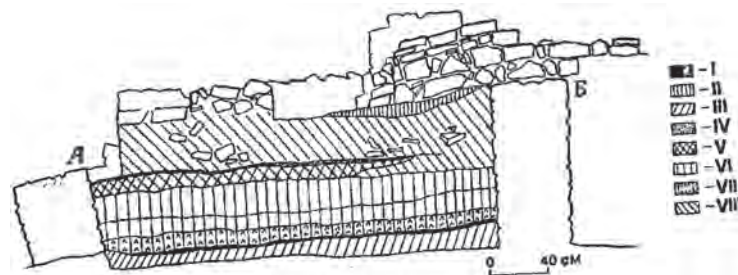

Рис. 1.21. Стратиграфия раннесредневековых слоев Судак по И.А. Баранову и В.В. Майко

Нижний слой (так называемый салтово-маяцкий горизонт), который уже характеризовался выше, датируется концом VII – первой половиной VIII в. Его перекрывал горизонт с материалом второй половины VIII – первой половины IX в. Еще выше располагался слой серо-коричневой глины с материалом второй половины IX – первой половины X в. Важно то, что в слое пожара, отделяющего слой от перекрывающего горизонта, обнаружены три медные херсоно-византийские монеты Константина VII и Романа II /после 944 г./¹⁵¹.

Для полной ясности приведем таблицу соответствия названий слоев, упоминаемых в тексте, с их наименованием в подрисуночной подписи к стратиграфическому профилю и их датировки.

№ слоя по легенде	Фаза	Название слоя по легенде	Название слоя в тексте статьи	Датирующие находки	Дата слоя
I		слой углей с печиной			
II		слой светло-коричневой глины		1. Кувшины с плоскими ручками 2. Воротничковые амфоры	Начало XI в.
III	1	серо-коричневый слой второй половины X в	слой серо-коричневой глины	1. Кувшины с плоскими ручками примерно 50 % от тары комплекса 2. Воротничковые амфоры 3. Белоглиняная поливная миска Hayes 1992 GWW II Type 8 Chafing-dish конца X в. (Hayes 1992.Fig. 64, dep. 40, 12; Fig. 8, 9)	Вторая половина X в.
	2	серо-коричневый слой	слой серо-коричневой глины	1. Кувшины с плоскими ручками примерно 20 % от тары комплексы 2. Амфоры причерноморского типа	Вторая половина IX – первая половина X в.
IV		слой печины			
V (между фазами III.1 и III.2)		слой углей и ракушки		Монеты Константина VII и Романа II после 944 г.	Середина X в.
VI		слой коричневой глины	горизонт коричневой глины	1. Амфоры причерноморского типа	Вторая половина VIII – первая половина IX в.
VII		слой зеленовато-коричневой глины			

№ слоя по легенде	Фаза	Название слоя по легенде	Название слоя в тексте статьи	Датирующие находки	Дата слоя
VIII		слой зеленовато-той глины		1. Коричнево-линяные амфоры «с перехватом» 2. Hayes 1992 Type 37 3. Hayes 1992 Type 41	Первая половина VIII в.

Комментариев здесь требуют слои III и V. Поскольку частично слой III разделяется слоем 5 на два горизонта, то мы сочли возможным определять их как фазы III.1 и III.2. Нижняя граница обоих слоев как слоя — III, так и V, лежит на нижележащем слое VI, кроме того, оба горизонта на части профиля не расчлениются, составляя единый слой. Это создает некоторые проблемы для относительной хронологии слоев. Принципиален вопрос: какой горизонт отложился раньше — III.2 или V? Внимательное рассмотрение контуров слоев показывает, что слой III.2 является более ранним, поскольку частично заходит под слой 5. Поскольку в слое V были обнаружены датирующие монеты Константина VII и Романа II, чеканенные вскоре после 944 г., то их необходимо расценивать как *terminus ante quae*m, т.е. слой III.1 мог отложиться до середины X в., что совпадает с наблюдениями В.В. Майко. Отметим, что в связанном со слоем III.2 зольнике были обнаружены сильно потертые монеты Василия I 867–886 гг., что возможно, может указывать на *terminus post quae*m образования слоя. В результате слой может относиться к периоду от конца IX в. до 40-х гг. X в. Соответственно вышележащий слой III.2 относится ко второй половине X в.

Укажем также на то, что постулированный В.В. Майко захват Песехом Сугдеи в 941 г., отразившийся, по мнению исследователя, в слое пожара, противоречит дате этого слоя, помимо прочего содержавшего монеты Константина VII и Романа II, относящиеся не ранее чем к 944 г.¹⁵² Напомним общепринятую дату этих монет — 945–959 гг. Последнее означает, что при признании этих монет датирующими разрушение Сугдеи могло произойти в промежуток времени между 945 и 959 гг. Однако будем более осторожными. Данные монеты корректнее рассматривать как *terminus post quae*m¹⁵³. В любом случае поход Песеха не мог отразиться в этом слое, имеющем более позднюю датировку.

4. Херсонес

Наиболее важные контексты Херсонеса середины второй половины IX в. представлены в следующей таблице.

Название херсонесского комплекса или номер контекста	Документация	Тип комплекса	Кувшины с плоскими ручками	Монеты	Дата
1	Засыпь ямы в общественном здании в Цитадели. Середина – вторая половина IX в.	Отсутствует См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дисс... канд. ист. наук. М., 1998. С. 67–72	открытый или полузакрытый	нет	
2	Засыпь колодца в Цитадели. Вторая половина IX в.	Отрывочная См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дисс... канд. ист. наук. С. 73–77	полузакрытый	867–886 гг.	
3	Засыпь подвала «К» в Северном районе.	Отрывочная См. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дисс... канд. ист. наук. С. 79	полузакрытый	867–886 гг.	840–860-е гг.
4	Контексты Цитадели 2005 г. 5, 6, 21, 27, 28; Контексты Цитадели 2006 г. 21, 46, 49, 29, 8, 25	Полная См. Сорочан С.Б., Сазанов А.В., Крупа Т.Н., Иванов А.М. Отчет о раскопках... за 2005 г.; Сорочан С.Б., Сазанов А.В., Крупа Т.Н., Иванов А.М. Отчет о раскопках... за 2006 г.	полузакрытый	842–867 867–886 гг.	
5	Цистерна 5 Квартала X 6 в Северном районе Херсонеса.	Полная См. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплекс X в. из раскопок квартала X «6» Северного района Херсонеса С. 312–320	полузакрытый	867–886 гг.	870-е гг. – нач. X в.

Синхронизация колонок Судая и Херсонеса дает следующую картину.

Период	Фаза	Название слоя	Монеты	Название слоя или объекта	Монеты	Дата слоя
V		Слой коричневого суглинка или слой желто-коричневого грунта. Слой, перекрывающий руины «Приморского укрепления». Зольник третьего периода	97 6-1030/1035 гг.; 1030/1035–1042 гг.; 1067–1078 гг.; херсоно-византийская монета конца XI – начала XII в.	Цистерна в VII квартале (раскопки 2002–2006 гг.) Бернацки А., Кленина Е. Топография Херсонеса Таврического.	976–1025 гг.; 976–989; после 989–1025; 1025–1034 гг.; 1067–1071 гг.; херсоно-византийские монеты анонимного выпуска конца XI в.	Вторая половина XI – начало XII в.
IV		Слой светло-коричневой глины 2		Цистерна 3 квартала X 6 Северного района (Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплекс X в.)	963–969 гг. Terminus ante quem-монета Василия II и Константина VII 976–1025 гг.	Вторая половина X в. – последняя треть X – начало XI в.
	3	Слой пожара утлей, ракушки, печины	Константин VII и Роман II 945–959; 948–959			950–960 гг.
	2	Желто-коричневый плотный суглинок с углями и известью или Серо-коричневый плотный грунт с углями				Первая половина X в.
III	1	Желто-коричневый плотный суглинок		Цистерна 5 квартала X 6 Северного района (Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплекс X в.); Засыпь колодца в Цитадели; Засыпь подвала «К» в Северном районе; (Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... дисс. канд. ист. наук. С. 73–79).	Василий I 867–886 гг.	860–880 гг.

Период	Фаза	Название слоя	Монеты	Название слоя или объекта	Монеты	Дата слоя
II		Слой зеленоватой глины		Засыпь водохранилища (Сейкова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в...).	705–711 гг.	Вторая половина VIII в. – первая половина IX в.
I	2	Заполнение ям под домом 1 1993 г.; Развал постройки («капisha» или христианского храма)		Заполнение цистерны Е в XV квартале Северного района; Заполнение цистерны Н в помещении 21 Северного берега; Слой разрушения в I Портовом квартале в районе XVII куртины; Слой разрушения усадьбы с пифосами в Портовом квартале II (Толофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. Комплексы 21–24, 26)	666–668 гг.; 641–668 гг.; 610 г.	570/580 – конец VII в.
	1	Слой коричневой глины. Слой золы и углей				До конца VI – 650/670 гг.

5. Тепсень

В.В. Майко предложил вполне обоснованную периодизацию памятника¹⁵⁴. К первоначальному периоду, который он датирует второй половиной VIII – первой половиной IX в., относятся 8 жилых сооружений, водопровод и ремесленный очаг, исследованный в 1998 г. на раскопе К. Датировку этого периода подтверждают и нумизматические данные.

Второй хронологический период, по мнению В.В. Майко, можно датировать в рамках второй половины IX – первой половины X в. К нему относятся большинство открытых жилых и хозяйственных сооружений¹⁵⁵.

Возникает вопрос о безусловных материалах первой половины X в. из комплексов Тепсеня. В приведенных В.В. Майко комплексах соответствующего слоя городища присутствуют амфоры причерноморского типа и кувшины с плоскими ручками.

Статистическое соотношение их в комплексах можно примерно оценить по процентажу в находках раскопок нескольких помещений, произведенных В.В. Майко.

К их числу относятся полуземлянка 2 раскопок 1997 г. и комплексы с участка «К». Непосредственно на полу полуземлянки были обнаружены фрагменты амфоры причерноморского типа вместе с несколькими венчиками кувшинов с плоскими ручками. Полуземлянка связана с первоначальным этапом функционирования Тепсеньского городища и прекращает свое существование примерно в середине IX в.¹⁵⁶ Выше лежали хозяйственные ямы, которые, скорее всего, можно относить ко второй половине IX в., судя по тому, что в них было найдено значительно большее количество фрагментов кувшинов с плоскими ручками, чем на полу землянки¹⁵⁷.

Участок «К» дал следующую стратиграфию. Самым нижним слоем был слой глины светло-серого цвета, не содержащий кувшинов с плоскими ручками и поливной белоглиняной керамики. Он подстилал кладки домов 11, 13, 14. С этим слоем связано заполнение пода очага, содержащего амфоры причерноморского типа¹⁵⁸.

Выше лежал основной слой серой глины, связанный с постройками 11, 13, 14. Именно из этого слоя и происходят фрагменты амфор причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов. В заполнении дома 13 были обнаружены немногочисленные фрагменты амфор причерноморского типа, амфоры с зональным рифлением и два венчика кувшинов с плоскими ручками, что позволяет датировать время прекращения существования помещения в пределах второй половины IX в.¹⁵⁹ Анализ поливной керамики с участка «К» показывает следующее. Все поливные сосуды с этого участка относятся к группе «GWW I» по Дж. Хейсу. Подавляющее количество принадлежит к типу 1, один сосуд —

к типу 2. Начнем с последнего. Этот сосуд имеет аналогии в комплексах Константинополя второй половины VIII в. и первой половины IX в.¹⁶⁰ Другой, археологически целый сосуд с орнаментацией с Тепсеня¹⁶¹ имеет аналогии в контекстах стадий III и II Большого Дворца в Константинополе, где они найдены в слоях с монетами 813–820 гг. и 867–886 гг. Т.е., грубо говоря, первой и второй половины IX в.¹⁶²

Остальные поливные сосуды с раскопа «К» являются вариантами GWW I Type 1¹⁶³. Аналогии им происходят из комплексов Сарачан второй половины VIII – начала IX в.¹⁶⁴ и Большого Дворца с монетами 867–886 гг.¹⁶⁵.

Итак, для нас принципиально важна верхняя дата GWW I. Дж. В. Хейс отмечал, что большинство сосудов этой группы происходят из депозитов середины VIII в., а самым поздним контекстом Сарачан с сосудами GWW I является Депозит 36, относящийся к первой половине IX в.¹⁶⁶ Несколько более позднюю дату имеют сосуды GWW I из Большого Дворца, где самые поздние экземпляры происходят из уже упоминавшегося слоя III с монетами 867–886 гг. Тем самым верхняя граница этих сосудов не выходит за пределы последней трети IX в., а скорее всего, лежит где-то в 70–90 гг. этого столетия.

Таким образом, хронология поливной керамики при неединичных фрагментах кувшинов с плоскими ручками¹⁶⁷ указывает на верхнюю дату рассматриваемого слоя в пределах второй половины IX в., скорее всего, последней трети этого столетия. То, что в нижележащем слое полностью отсутствовали кувшины с плоскими ручками и поливная посуда, а в рассматриваемом слое их доля уже заметна, может указывать на относительно продолжительный промежуток времени между формированием обоих слоев. Можно предположить, что если нижний слой отложился где-то в первой половине IX в., то верхний — в последней трети этого столетия. Аналогичная ситуация и на других участках городища.

В целом создается впечатление, что, может быть, комплексы Тепсеня возможно разделить не на две, а на три хронологические группы, в зависимости от количества кувшинов с плоскими ручками в них. Так, контексты с единичными находками можно датировать серединой или ближе к середине IX в., а с заметным количеством этих сосудов — последней третью IX в. Предложенная гипотеза, конечно, требует серьезной аргументации.

Что касается X века, то только в одном случае есть безусловный фрагмент (один !) ручки с венчиком «воротничковой амфоры» последней трети X в. – XI в., происходящий, однако, из подводных работ в окрестностях Тепсеня¹⁶⁸. Кроме того, по словам В.В. Майко, материалы подводных исследований позволяют поставить вопрос о возможном существовании еще одного подтипа амфор причерноморского типа. Это сосуды с вытянутым

горлом и венчиком, приближающиеся к импортным византийским амфорам с венчиком в виде т.н. «отложного воротничка». По мнению исследователя, не исключено, что это один из наиболее поздних вариантов данных амфор, подражающих вышеназванным византийским, которые не ранее середины IX в. начинают поступать в юго-восточный Крым¹⁶⁹.

В этой связи отметим два момента. Во-первых, речь здесь идет о подводных нестратифицированных и, следовательно, плохо датируемых находках. Во-вторых, идея автора основывается на внешнем сходстве этих амфор, однако «воротничковые» византийские амфоры появляются не ранее середины X в. и имеют абсолютно другой центр производства, на что однозначно указывает состав глины. В-третьих, принятие точки зрения автора приводит к явно ошибочной типологической линии: «постпричерноморские амфоры с отложным воротничком первой половины X в.» — воротничковые красноглиняные амфоры второй половины X в. — воротничковые красноглиняные и желтоглиняные амфоры последней трети X – начала XI в. Соответственно гипотеза автора представляется ошибочной, и тем более ошибочно строить на ней хронологические выкладки для других поселений, «затягивая» их, на этом основании, в X в. Последнее ярко проявилось в датировке В.К. Голенко и А.В. Джановым комплекса на южном склоне горы Опук¹⁷⁰.

В любом случае материалы так называемого слоя Тепсеня «второй половины IX – первой половины X в.» реально относятся только ко второй половине IX в. X век, а тем более его середину, как время прекращения существования раннесредневекового поселения как такового, следует исключать.

6. Поселение на южном склоне горы Опук «Над источником»

Раскопом площадью более 200 кв.м была полностью раскрыта усадьба из двух жилых помещений и остатки примыкавших к ним хозяйственных построек¹⁷¹.

Авторы прослеживают в остатках строений три строительных периода. При сооружении помещений был вырыт котлован, заглубленный в материковый суглинок. В помещениях, имеющих утрамбованные глинобитные полы, обнаружены остатки двух очагов и глинобитной печи. Вход в строение усадьбы оформлен каменной вымосткой.

В слое заполнения обнаружен достаточно репрезентативный материал: немногочисленные фрагменты северопричерноморских амфор с зональным рифлением (VIII – середина IX в.), амфор с реберчатым туловом и валикообразным или треугольным в сечении венчиком (середина IX – середина X в.), с манжетовидным венчиком, фрагменты кувшинов с плоскими

ручками, ойнохои крымского производства, сероглиняная кухонная керамика салтово-маяцкой культуры (VIII–IX вв.), фрагменты кружальных пифосов, сосудов с лощением и т.д.¹⁷²

Как уже говорилось, основанием для датировки времени прекращения существования комплекса в пределах первой половины X в. были так называемые «протоворонковидные» амфоры со стратиграфически необоснованной хронологией и сомнительным типологическим рядом. Кроме того, в данном случае принятие этой даты приводит к необходимости считать фрагменты причерноморских амфор с зональным рифлением «примесью снизу».

Анализ керамического комплекса помещений данного поселения (раскопки 1990 г.) показывает следующую картину:

Опук. Поселение «Над источником». Раскопки 1990 г.					
Комплексы Типы сосудов	Помещение А	Завал стены 3 вне помещения «А»	Помещение «Б»	Помещение «В»	Гумусный слои и из завала камней
Амфоры причерноморского типа с зональным рифлением (Глобулярные амфоры второго поколения)					
Амфоры с реберчатым туловом и валикообразным венчиком					
Кувшины с плоскими ручками					
Лощенные кувшины и горшки					
Горшки «салтовского типа»					
Пифосы с гладкими стенками					
Пифосообразные горшки					
Лощенные горшки с уплощенным венчиком					

Приведенные в отчете материалы и их статистика показывают, что прекращение существования комплекса относится ко второй половине IX в. Амфоры причерноморского типа преобладали над кувшинами с плоскими ручками. Достоверные материалы X в. в этом комплексе отсутствуют¹⁷³.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть находки безусловных материалов второй половины X – первой половины XI в. из района горы Опук. Так, Ю.Ю. Марти упоминает о находках трех медных монет Иоанна Цимисхия «с поселения на горе Опук»¹⁷⁴. А.Л. Якобсон приводит контурный рисунок амфоры второй половины X в. со следующим паспортом: «Керчь, Киммерик, поднята со дна моря в 1950 г.»¹⁷⁵. К сожалению, обе находки нестратиграфичны.

7. Кыз-Кермен

Комплексы Кыз-Кермена подробно опубликованы¹⁷⁶ и не оставляют сомнений в верхней дате памятника. На настоящий момент выделяются два хронологических этапа жизни поселения, разделенные собой, по мнению А.В. Белого, природным катаклизмом — сильным землетрясением. Материалы из слоя, отражающего второй, или поздний, этап однозначно свидетельствуют о его дате в пределах первой половины IX в. Отсутствие кувшинов с плоскими ручками при значительном количестве амфор с зональным рифлением и подтреугольным венчиком лишней раз убеждает в правильности этой даты. Материалы как X в., так и середины второй половины IX в. полностью отсутствуют. Приведенный нами анализ археологического материала городища Кыз-Кермен совпадает со сведениями письменных источников о создании Византией в 841 г. фемы Климатов и, соответственно, установления ею полного контроля над Юго-Западным Крымом.

На наш взгляд, причина датировки В.В. Майко времени прекращения существования поселений Восточного Крыма первой половиной X в. — соблазнительная попытка исходить для реконструкции событий из неоднозначного конфессионального письменного источника (Кембриджский документ) (См. Разд. 9.1). Он для В.В. Майко, несомненно первичен. Археологический материал подтягивается для подтверждения описанных в нем событий. При таком подходе вполне искреннее и понятное желание исследователя видеть именно такую историческую картину, обоснованную, в том числе, и археологическим материалом, вступает в противоречие с научной объективностью. Для обоснования своей концепции исследователю приходится без достаточных оснований продлить почти на 50 лет верхние даты не только почти всех контекстов Восточного Крыма, но даже некоторых комплексов Таманского полуострова.

Памятники Таманского полуострова

1. Фанагория

Хорошо опубликованные эталонные контексты Фанагории рассматриваемого периода позволили Л.А. Голофаст сделать следующие обоснованные выводы. Состояние открытых строительных остатков и выявленного в них материала говорит о том, что город не был разгромлен и разрушен в пожаре, а полное отсутствие в домах бытовых находок создает впечатление, что жители, захватив с собой самое необходимое и ценное, покинули город ввиду какой-то опасности, скорее всего, нашествия варваров, которыми в те годы могли быть печенеги или венгры.

Судя по составу выявленного в открытых домах керамического комплекса, это событие можно отнести к началу бытования кувшинов с пло-

скими ручками, когда амфоры с мелким зональным рифлением уже вышли из обращения и на рынке безраздельно доминировали амфоры с бороздчатым туловом, т.е. на вторую половину — конец IX в.

Эту же дату гибели города дали раскопки хазарских домов на нижнем плато: дома четвертого строительного периода на Береговом стратиграфическом раскопе и на раскопе «Центральный», где также было отмечено чрезвычайно незначительное количество находок фрагментов кувшинов с плоскими ручками.

Тот факт, что город погиб до начала широкого распространения этого типа сосудов, подтверждается раскопками средневековых слоев на верхнем плато городища в 2006–2008 гг., в ходе которых выявлены лишь единичные фрагменты кувшинов с плоскими ручками¹⁷⁷.

На наш взгляд, учитывая процентаж кувшинов с плоскими ручками (единичные находки), дату прекращения существования рассматриваемых контекстов Фанагории можно несколько уточнить и относить к 860–880 гг., что полностью исключает X в.

Об археологических комплексах **Таматархи-Тмутаракани** рассматриваемого периода подробно см. Разд. 9.1.

Вывод. Нет никаких оснований «затягивать» время прекращения существования т.н. «салтовских» поселений Восточного Крыма в первую половину X в., тем более говорить об их гибели. Конкретные контексты нами уже были рассмотрены. Тем более что постулируемая смена материальной культуры требует развернутых доказательств.

Наконец, еще один принципиальный момент. Достаточно навязчиво употребляемые понятия «салтово-маяцкая культура Крыма» или «крымские салтовцы», на наш взгляд, ошибочны. При современных крайне дискуссионных представлениях о самой салтово-маяцкой культуре рассматриваемые крымские комплексы в основных своих признаках резко отличаются от тех, которые принято считать салтовскими. Это и иные типы жилищ, и в целом иной керамический комплекс, не говоря уже о погребальном обряде. Как тут не вспомнить известную точку зрения С.А. Плетневой, пересмотревшей свое раннее утверждение о т.н. крымском варианте салтово-маяцкой культуры. В своих поздних работах исследовательница уже не видела салтовцев и хазар в Крыму. «Подводя итоги, следует признать, что пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо, а на многих памятниках и совсем незаметны. Не удалось, как мне окажется, обнаружить “хазарское присутствие” и по материалам погребальных комплексов», — делала конечный вывод С.А. Плетнева¹⁷⁸.

Проведенный анализ комплексов показывает однозначную картину. За исключением Судака и Керчи практически все так называемые «хазар-

ские» памятники заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в. Конечно, нельзя исключать появления в будущем отдельных комплексов первой половины X в. на этих поселениях, однако это вряд ли изменит общую картину. «Хазарские» поселения как целостные структуры и явление в истории Таврики прекращают свое существование именно в это время. Это позволяет говорить о массовом уходе пришлого «хазарского» населения из Крыма. Еще раз подчеркнем, что какие-то небольшие анклавы этого населения могли какое-то время задержаться в Крыму, но общая картина, на наш взгляд, весьма показательна. Они уже не определяли ситуацию в Крыму.

¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 105–108.

² Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 19.

³ Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост. Рис. 2,9.

⁴ Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «б» Северного района Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. Рис. 5. С. 325.

⁵ Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

⁶ Херсонес, раскопки 1959 г. XXII квартал. Подвал «К». Верхняя засыпь. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. Архив ФГБУК «ГИИМЗХТ». Д. 750/I.

⁷ Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «б» Северного района Херсонеса. Рис. 10. Комплекс полностью отражен графически. Из чего следует, что в цистерне 3 было обнаружено 2 амфоры и 4 кувшина с плоскими ручками.

⁸ Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 230. Табл. 2; Сазанов А.В. Хронология средневековых слоев Керчи // ПИФК. М.: Магнитогорск, 1998. Вып. 5. С. 74. Табл. 13.

⁹ Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи МИА. 1958. № 62. Рис. 45.

¹⁰ Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 16. С. 18.

¹¹ Последние находки, например, позволяют относить их к первой половине IX в. Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003–2007 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 28. Донецк, 2012. С. 110–114. Также, несомненно раньше X в., скорее всего первой половины IX в. (большинство) и остальные известные гончарные центры, выпускавшие амфоры причерноморского типа.

¹² См. далее раздел по Херсонесу. Там же синхронизация контекстов Херсонеса и Сугден.

¹³ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. V. II. P. 18–22; Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи... С. 61. Признак 42. В этой статье нижняя дата была определена нами неверно. Как правильно было замечено, автор спутал внешне схожие по профилю миски GWWI и GWWII. К тому же его ввел в заблуждения рисунок миски в книге И.А. Баранова, не соответствующий реальной вещи. См.: Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX в. из раскопок Мангупа // МАИ-ЭТ. 2003. Вып. X. С. 174, 176.

¹⁴ См. подр.: Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в.; Могаричев Ю. М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Гот-

ского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 103–166; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. 2008. Вып. 21; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники); Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата; Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата). И др.

¹⁵ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – первой половине VIII в. С. 184–186.

¹⁶ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное.

¹⁷ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка. С. 147–151.

¹⁸ Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка N 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка N 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек 3,4,7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2.

¹⁹ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 104. Рис. 57.

²⁰ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – первой половине VIII в. С. 190.

²¹ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 100, 101. Рис. 53.

²² Зинько В.Н., Пономарев А.А. Салтовская землянка на городище Тиритака // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Рис. 3–4.

²³ Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г.; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гагло 1963 г.).

²⁴ Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. №1. С. 161, 162.

²⁵ Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. Рис. 4, а; Гагло А.В. К истории восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980. Рис. 7, г.

²⁶ Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. Рис. 4, б. С. 163; Гагло А.В. К истории восточной Таврики VIII–IX вв. Рис. 7, в.

²⁷ Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. Рис. 4, в, г. С. 163, 164.

²⁸ Там же. С. 164.

²⁹ Там же. С. 165.

³⁰ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992. P. 41.

³¹ Там же. P. 41. dep. 33, 5, dep. 35, 10, 11.

³² Гагло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. 165.

³³ Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. Табл. 20, 21. С. 50–52. Класс 24; Баранов И.А., Майко В.А. Праболгарские горизонты судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 85. Рис. 4, 12.

³⁴ Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Харків: Софія, 2012. Т. V. С. 68; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гагло 1963 г.). С. 378–380.

³⁵ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Керчь, 2003. Вып. III. С. 267–271.

³⁶ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. Подсчеты проведены по рисункам керамики.

³⁷ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Керчь, 2001. Вып. I. С. 147–150.

³⁸ Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка 1.

³⁹ Там же. Рис. 16, 17.

⁴⁰ Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка 2.

⁴¹ Там же. Рис. 12.

⁴² Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7.

⁴³ Там же. Рис. 10, 6, рис. 11, 1, 3.

⁴⁴ Там же. С. 214, 215.

⁴⁵ Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6. С. 116–119.

⁴⁶ Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6. С. 129.

⁴⁷ Там же. С. 131.

⁴⁸ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму.

⁴⁹ Майко В.В. Средневековое городище... С. 104. Рис. 57.

⁵⁰ Майко В.В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Харків: Софія, 2012. Том V. С. 81.

⁵¹ Там же. С. 82, 83.

⁵² Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 30.

⁵³ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 194.

⁵⁴ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. Рис. 44, 2.

⁵⁵ Sazanov A. Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture ? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Aix-en-Provence, 1997. P. 94. Fig. 3, 2. Type 28.

⁵⁶ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Fig. 51, 35, dep. 31. Type 11

⁵⁷ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 75, 4.

⁵⁸ Sazanov A. Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture ? Fig. 3, 28, 5.

⁵⁹ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Fig. 48, 176, 178, dep. 30. Type 11; Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. Вып. 2.

⁶⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 33.

⁶¹ Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Садакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 1996. Т. V. С. 2, 5.

⁶² Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 243. Рис. 12, 1, 2.

⁶³ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 32. Рис. 11.

⁶⁴ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. С. 100, 101. Рис. 53.

⁶⁵ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь: Керчь, 2009.

⁶⁶ Там же. С. 18.

- ⁶⁷ Там же. С. 20.
- ⁶⁸ Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 646–650.
- ⁶⁹ Hayes J.W. Excavations at Sarachane. P. 113. Fig. 58,3.
- ⁷⁰ Ibid. Fig. 50,4.
- ⁷¹ Ibid. Fig. 56,1,2.
- ⁷² Brett G., Martiny, G., Stevenson R. The Great Palace of the byzantine Emperors. Oxford. 1947. Pl. 21, 14. Pl. 15, 18.
- ⁷³ Hayes J.W. Excavations at Sarachane. Fig. 5, 3.
- ⁷⁴ Hayes J.W. Excavations at Sarachane. Fig. 53, 1–4.
- ⁷⁵ Ibid. Fig. 56, 3.
- ⁷⁶ Ibid. P. 17.
- ⁷⁷ Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе. Рис. 1, 12, 14= Hayes J.W. Excavations at Sarachane. Dep. 34, 1–3 – середина – конец VIII в. = Dep. 35, fig. 56, 3 – конец VIII/нач. IX в.
- ⁷⁸ Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1.
- ⁷⁹ Айбабин А.И. Этническая история... С. 184. Рис. 78; См. также: Айбабин А.И. Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 28. Рис. 4.
- ⁸⁰ Талис А.А. Росы в Крыму // СА. 1974. №3. С. 93–96.
- ⁸¹ Гадло А.В. Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива; Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г.; Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII–IX вв.); Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв.
- ⁸² Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Suppl. M., 2003. Т. II.
- ⁸³ School T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999. См. также: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. III; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. VII; Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Симферополь, 2002. Вып. 2; и др.
- ⁸⁴ Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова; Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв.; Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное; Пономарев Л.Ю. Биритальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген; Пономарев Л.Ю. Салтовская полужемлянка на городище Тиритака; Пономарев Л.Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.); Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв.; Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского; Пономарев Л.Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров); Пономарев Л.Ю. О разведках и раскопках Д.А. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г.; Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полужемлянки); Пономарев Л.Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова); Пономарев Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники); Пономарев Л.Ю. К археологической карте памятников VIII –

- первой половины X в. южной части Керченского полуострова; Пономарев Л.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.); Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным); Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие горшки раннесредневековых поселений Керченского полуострова; Пономарев Л.Ю. Однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных); Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.; Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II); Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан; Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.; Бейлин Л.В., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное На Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.).
- ⁸⁵ Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники). С. 134.
- ⁸⁶ Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники). С. 134; См. также: Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С. 138; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху хазарского каганата. С. 410.
- ⁸⁷ Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С. 141.
- ⁸⁸ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. С. 264–266.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1; Айбабин А.И. Этническая история ... С. 184. Рис. 78.
- ⁹¹ Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 64.
- ⁹² Майко В.В. Городище на плато Тепсень в свете изучения основных проблем истории Юго-Восточного Крыма VIII – первой половины X вв. // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10(158). С. 82.
- ⁹³ Майко В.В. Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. С. 6–7.
- ⁹⁴ Там же. С. 95–96.
- ⁹⁵ Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма // Судейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 333–375.
- ⁹⁶ Этническая история... С. 184. Рис. 78.
- ⁹⁷ Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1.
- ⁹⁸ Баранов И.А. Таврика в эпоху... С. 64, 65.
- ⁹⁹ Мыц В.Л. О локализации Фулл и Фульской епархии // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002; Мыц В.Л., Бочаров С.Г., Зайцев Ю.П. Городище Вишенное в Центральном Крыму и вопрос о локализации города Фулы // Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей. Казань. 2009.
- ¹⁰⁰ Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. № 1.
- ¹⁰¹ Таврика в эпоху ... С. 8. Рис. 1.

- ¹⁰² Этническая история... С. 184. Рис. 78.
- ¹⁰³ Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002; Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // Х.Сб. Севастополь, 2003. Вып. 12; Кутайсов С.В. Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологическая карта) // Калос-Лимен — Ак-Мечеть — Черноморское: Материалы I Международной научно-практической конференции. пгт. Черноморское, 2008.
- ¹⁰⁴ Баранов И.А. Таврика в эпоху... С. 65
- ¹⁰⁵ Павленков В.И. Аблямитское городище на озере Донузлав в Крыму // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 213; Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. Симферополь, 2000. Т. 2. С. 47–48.
- ¹⁰⁶ Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма. С. 278–279.
- ¹⁰⁷ Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в Северо — Западном Крыму // Крымское историческое обозрение. Казань: Бахчисарай, 2015. № 3.
- ¹⁰⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 175; Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблема истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 53–54; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 86–88.
- ¹⁰⁹ Кадеев В.И. Соляний промысел в пізньоантичному Херсонесі // Археологія. 1961. Т. XIII; Кутайсов В.А. Соляний промысел в Северо-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К.; Судак, 2002.
- ¹¹⁰ Майко В.В., Кутайсов В.А., Ланцов С.Б., Шапцев М.С. Северо-Западный Крым в эпоху средневековья // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Симферополь, 2012.
- ¹¹¹ Конечно мы понимаем, что данные подсчеты (Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в.; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 103–166), в определенной степени условны, но в целом они совпадают с приведенными выше, данными Л.Ю. Пономарева.
- ¹¹² Айбабин А.И. Этническая история ... С. 189, 205; Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи; Сорочан С.Б. Сугдея в «Темные века»; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы. С. 100–104; и др.
- ¹¹³ Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 133–137.
- ¹¹⁴ Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики ... С. 136–139; Айбабин А.И. Этническая история... С. 207–208.
- ¹¹⁵ Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С. 146–147; Пономарев Л.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова. С. 249; Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Культовые комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2017. № 1 (55). С. 134–135.
- ¹¹⁶ Баранов И.А. Таврика в эпоху ... С. 37.
- ¹¹⁷ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268. Несколько другая интерпретация см.: Гадло А.В. Кавказ в IX–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 25–26; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998. С. 201. и др.
- Глава 2. Памятники второй половины VIII–IX вв.
- ¹¹⁸ Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 41. и др.
- ¹¹⁹ См. подр.: Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. №2. С. 52; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 8; Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время: Опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 462.
- ¹²⁰ Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // ХА. Харьков, 2002. Т. 1. С. 66–67. В любом случае, по мнению большинства исследователей, это происходило в 40–60-е гг. См.: Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Бассейна Среднего Дона. М., 1983. С.5; Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время. С. 462.
- ¹²¹ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. С. 168.
- ¹²² Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата. С. 411; Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники). С. 136–137.
- ¹²³ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 323.
- ¹²⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 151, 190–191. Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 114; Науменко В.Е. Место Боспора ... С. 341–343.
- ¹²⁵ Круглов Е.В. Некоторые проблемы проблемы анализа обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // ХА. Харьков, 2002. Т.1. С. 91.
- ¹²⁶ Степанова Е.В. Судакский архив печатей ... С. 101.
- ¹²⁷ Науменко В.Е. Место Боспора... С. 350.
- ¹²⁸ См., напр., Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 18–19; Константин Багрянородный. Об управлении империей ... С. 137, 141. и др.
- ¹²⁹ Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. №4. С. 349–350.
- ¹³⁰ Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 17.
- ¹³¹ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях... С. 191.
- ¹³² Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор ...). С. 150–152. Там же и историография.
- ¹³³ Науменко В. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 102–104.
- ¹³⁴ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. С. 32, 33; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 17–20.
- ¹³⁵ Майко В.В. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // ХА. Харьков, 2004. Т. 4. 2005; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 195–197.
- ¹³⁶ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – первой половине VIII в. С. 183, 184.
- ¹³⁷ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. С. 484–486, 487.
- ¹³⁸ Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. Рис. 8. С. 271–273.
- ¹³⁹ Зинько В.Н., Пономарев Л.А. Салтовская землянка на городище Тиритака. С. 534–536. Рис. 5–7; Рис. 9, 10.
- ¹⁴⁰ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 54. Рис. 104, 8; Рис. 117, 1–3.
- ¹⁴¹ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. С. 486, 487; Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи. С. 65–69, 82.

- ¹⁴² Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. С. 489, 500.
- ¹⁴³ Горлов Ю.В., Голенко В.К., Усачева О.Н. Отчет о полевых исследованиях Южно-боспорской экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. С. 71–73.
- ¹⁴⁴ Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты... С. 84.
- ¹⁴⁵ Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Салтовская полуземлянка на городище Тиритака. С. 532–534.
- ¹⁴⁶ Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. 2009. С. 30, 36, 40, 75, 128.
- ¹⁴⁷ Крпоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-14. М., 1961. С. 174.
- ¹⁴⁸ Крпоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. САИ. Вып. Е 4-4. М., 1962. С. 33. N 200.
- ¹⁴⁹ Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. С. 81, 82.
- ¹⁵⁰ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. С. 487–489, 500.
- ¹⁵¹ Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. С. 84.
- ¹⁵² Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново. 2000. С. 84.
- ¹⁵³ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. А. 1983. С. 142.
- ¹⁵⁴ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 115–118.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 100.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 55.
- ¹⁵⁸ Майко В.В. Средневековое городище... С. 54. Рис. 57
- ¹⁵⁹ Майко В.В. Средневековое городище... С. 95. Рис. 47, 4.
- ¹⁶⁰ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Fig. 52, dep. 33,1; Fig. 56, dep. 35, 4; The Great palace of the Byzantine emperors. Oxford. 1947. Pl. 15, 16, 19, 22. P. 38 с монетами Льва V 813–820 гг.
- ¹⁶¹ Майко В.В. Средневековое городище... Рис. 117, 3
- ¹⁶² The Great Palace. Pl. 15, 18; Pl. 16, 3; Pl. 21, 6; Hayes J.W. The Pottery. Fig. 58, dep. 36,3 начало IX в. с монетой Михаила II 820–829 гг.
- ¹⁶³ Майко В.В. Средневековое городище... Рис. 117, первый венчик в верхнем углу и два соседних один под другим без номеров.
- ¹⁶⁴ Hayes J.W. The Pottery. Fig. 53, dep. 34,2 (середина – конец VIII в.), Fig. 54, dep. 35, 1–3 (конец VIII – начало IX в.).
- ¹⁶⁵ The Great Palace... Pl. 16, 5, 6.
- ¹⁶⁶ Hayes J.W. The Pottery. P. 17.
- ¹⁶⁷ Майко В.В. Средневековое городище... Рис. 104,8; Рис. 109.
- ¹⁶⁸ Майко В.В. Средневековое городище. С. 114.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 185.
- ¹⁷⁰ Джанов А.В., Голенко В.К. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002. С. 76–78.
- ¹⁷¹ Джанов А.В., Голенко В.К. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук.
- ¹⁷² Джанов А.В., Голенко В.К. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук. С. 76–78.

- ¹⁷³ Горлов Ю.В., Голенко В.К., Усачева О.Н. Отчет о полевых исследованиях Южно-боспорской экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. С. 71–73. Таблица и приведенный текст из отчета составлены А.В.Сазановым в 1990 г.
- ¹⁷⁴ Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Вып. 2(59). С. 110.
- ¹⁷⁵ Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. Рис. 43, 6.
- ¹⁷⁶ Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка N 2; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка N 2; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек 3,4,7.
- ¹⁷⁷ Кузнецов В.Д., Голофаст А.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. В честь 75-летия Г.А. Кошеленко. М.: Магнитогорск. 2010 N 1 (27) С. 421, 422.
- ¹⁷⁸ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999. С. 169, С. 170.

Часть II.

Херсон в VIII – середине X вв.

Для того чтобы отчетливее представить себе положение крымского Херсона в «хазарскую эпоху», необходимо вычленив три его важнейшие составляющие: состояние хозяйства, управление и администрацию, а также архитектурный облик, каковой сложился уже к VII столетию и продолжал эволюционировать к X в. Баланс именно этих краеугольных элементов развития позволяет адекватно оценить место и роль города в истории и культуре Таврики и средневекового мира VII–X вв.

Глава 3. Политический статус и управление

Известно, что, согласно римскому праву, все проживающие в «римском ареале», если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, т.е. были его подчиненными, подданными – урекооi, – прежде всего, были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру Византийской империи¹. Уже Прокопий Кесарийский недвусмысленно осознавал, что Херсон являлся городом «ромейской земли (Romaion ge)», «на последних пределах (eschatiai) ромейской державы», что он «с давних пор подчинен ромеям»². Это вполне совпадает с авторитетным утверждением Андре Гийу о том, что «любое объединение населения в империи было полчинено императорской администрации, сборщикам налогов, судьям или армии»³.

В таком случае выходит, что, по меньшей мере, с эпохи Юстиниана I херсонские муниципальные власти в лице «протополитов», архонтов, «отцов города», «известных и первенствующих» (emphaneis kai proteuontas), на упоминание которых в источниках обычно указывают исследователи⁴, вполне соответствовали облику обычных провинциальных муниципальных бюрократов-чиновников, так или иначе подотчетных имперскому центральному управлению, тем более что такого рода служилое «начальство» воспроизводилось и пополнялось главным образом из рядов этих самых «первенствующих» — влиятельной местной аристократии, нобилитета, городской знати, состоятельных собственников⁵. Автор первой части Чу-

дес св. Димитрия, архиепископ Иоанн Фессалоникийский, называл подобных лиц «правившими в городе» (ton kratounton tes poleos), «властями города» (tois archousi tes poleos) и пояснял, что верховную юрисдикцию над ромейским городом имел ипарх (эпарх) или, иначе, префект Иллирика, но в самом городе были те, «кто обладал богатством, умом и рабами, гордился военным опытом, был первым в скриниях (канцеляриях, административных службах) ипархов Иллирика (... en tois skriniois ton uparchon tou Ilyrikon protoi etugchanon)»⁶. Именно они ездили в Константинополь «...с еще большим числом друзей и со всей свитой», чтобы жаловаться на префекта. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии»⁷. Он же отмечал логику взаимного характера связей византийского института верховной власти и аппарата управления, который персонифицировался в лице василевса⁸. М.Я. Сюзюмов определял этот бюрократический аппарат как «орудие эксплуататорских групп населения в целом», а К.В. Хвостова — как «властвующую элиту»⁹.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспособляли к своим нуждам органы общинного городского самоуправления, постепенно все более олигархизировавшиеся, замыкавшиеся и превращавшиеся в бюрократическую элиту. Поэтому формально «муниципальное самоуправление» сохранялось действительно долго. Например, при Диоклетиане Никомидия сделалась столицей востока Империи, центром ее администрации, но даже для V в. известен эпитафический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомидии и ее грамматевс — секретарь¹⁰. В правление Феодосия II правительство еще предпринимало меры для поддержания в городах института курии¹¹. Вообще, остатки полисного строя, бывших «органов самостоятельного управления» до конца, пока можно было, использовались раневизантийским правительством в качестве одной из опор государственной власти, но организующее государственное начало, «императорское попечение» становилось в городах все сильнее¹². Сообщая о распоряжениях василевса, автор второго собрания Чудес св. Димитрия Фессалоникского, составленного в конце VII в., видимо, не случайно говорит, что они были адресованы не кому-то конкретно из властей, а городу, общине («он повелел городу...»)¹³. Кроме того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие членов общины — политов. В новых условиях в присылке правителей со стороны в провинциальных городах иногда были даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными или групповыми симпатиями и антипатиями, ибо не знают местных жителей. Именно о такой услуге просил епископ Синесий у Троила, советника префекта претория Анфимия,

имея в виду города Киренаики¹⁴. Дело в том, что централизованные формы управления городом и их бюрократизация глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла василевса Льва VI, декларирующая на словах отмену права общин-курий «на занятие некоторых начальственных должностей и самостоятельного управления городом», имела, скорее, абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, плохо сочетаемое с нормами и реалиями городской политической жизни даже V–VI вв., не говоря уже о VIII–IX вв., когда, говоря словами законодателя, «дела приняли иной вид и один только император обо всем заботится и всем управляет»¹⁵. Недаром сословие горожан здесь так и не сложилось, как и коммунальное движение, столь ярко проявившее себя в судьбах средневековой цивилизации Запада. Изучение имперского аппарата управления Византией приводит к выводу, что если в позднеантичный период государственный механизм еще соблюдал определенный баланс сочетания элементов централизации и полисного самоуправления, то к 640–650-м гг. произошло окончательное изменение в положении городов, в финансовой и военной администрации. Старая администрация была сломана, на смену ей пришла новая государственная администрация, остатки полисного самоуправления почти полностью исчезли, и уже к середине IX в. вполне сложилась комплексная, иерархизированная структура централизованного аппарата управления в системе публичной государственности с фемной системой территориального деления государства¹⁶. Таким образом, раннесредневековыми ромейскими городами, включая провинциальный Херсон, управлял замкнутый слой лиц, занимавших привилегированное положение в обществе. Спекулируя на специфике и особенностях интересов и целей разных социальных слоев, он удерживал за собой господствующее положение. С любой точки зрения этот круг лиц обрел все основные социально-классовые признаки бюрократии, а не полисной демократии, какие бы жалкие следы последней ни прослеживались до X–XI вв. в некоторых городах Италии, Далмации или Малой Азии¹⁷.

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем архонтов, протевонтов, протополитов и «отцов города» едва ли не главное свидетельство сохранения местного, оппозиционного Византии самоуправления, автономии, особого статуса полисной организации «свободного города» в VI–VII и в последующие века, даже после отправки сюда стратига василевсом Феофилом¹⁸. По уточненным данным, это произошло не ранее 835 г.¹⁹ Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был «возвращен» Византии лишь в IX в., а в Горном Крыму, Готфии ромейская власть «вновь установилась» и того позже — в XI–XII вв.²⁰ «Не вызывает сомнений то, — пишет Н.А. Алек-

сеенко, — что появление этой должности (протевона. — С.С.) в Херсоне X в. — дань традиции античного самоуправления»²¹.

На самом деле термин «первенствующие» (*proteuontes, protoi, proteuontes protoi tes poleos, proteion, protisteuontes, proychontes*) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения лидеров института властей и знати средневекового Херсона²². К тому же понятия «чиновничество» и «аристократия», «знать» для византийцев этого времени были почти синонимами²³. В частности, в конце VI–VII вв. проты были в Фессалонике. Так, их упоминает автор второго собрания Чудес св. Димитрия (*ton ta prota pheronton tes kath' emas poleos* – «первые нашего города», *oi exochoi ton proton* – «самые видные из первенствующих») ²⁴. С.А. Иванов, комментировавший одно из таких мест, полагает, что это были «не представители администрации, а знать города, т.е. богатые люди»²⁵. Однако, как следует из текста источника, именно они осуществляли административные функции местных властей, повеления василевса, который направил послание ипарху, обладавшему всей полнотой власти на вверенной ему территории, а тот в свою очередь показал его протам, которые тотчас выполнили предписание, «как повелевало божественное послание»²⁶. Примечательно, что ходатайствовать об отмене императорского решения ездили уже не эти проты, а, если можно так сказать, общественные посланцы от горожан – «апокрисиарии», «некоторые из здешних опытных людей» (*ton entautha kat' epilogen empeiron andron*)²⁷. Горожане теперь стояли особняком и в то же время рядом с этими «управлявшими городом» (*tes dioikeseos tes poleos*), «правителями города» (*ton kratounton*), которых составитель Чудес св. Димитрия всегда упоминал без конкретизации и во множественном числе, подобно херсонским «известным и первенствующим»²⁸.

В VIII – начале IX вв. протевоны были даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами — протами сел (ком) и низшими платными служащими – ипиретами (*protoi tes komes, uperetai*)²⁹. Пользуясь превосходной сводкой, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в V–VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте («Лавсаик» Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй пол. VIII – начале IX вв. — в Амастре (Житие Георгия Амастридского); во второй пол. IX в. — на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой пол. X в. — в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. — в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)³⁰. В IX–X вв. «первенствующий» — «приор» (градоначальник с титулами ар-

хонта или стратига) нередко пожизненно выполнял функции византийского имперского наместника в Далмации и Диррахии, находясь соответственно в Задаре и Драче, а позднее эта должность известна в Сплите, Трогире и Которе³¹. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в. включительно, в том числе в сочетании с весьма высокими имперскими санами уровня протоспафария, патрикия, хрисотриклита, стратилата, что указывает не на сохранение следов городской автономии, а как раз на обратное – на проведение имперской бюрократизации управления городом³². Связь термина со стратой служилых лиц Империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Впрочем, «протевон» иногда могло быть родовым именем, как это видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшего эту должность и в феме Херсон, и в феме Пелопоннес (и там, и там в «генеральском» чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала херсонесскую печать второй половиной X – началом XI в., а Н. и В. Зайбт — рубежом X–XI вв.³³. Но не исключено, что она, как и другой аналогичный моливдул с изображением процветшего креста, относится к более раннему времени, а именно, к первой четверти X в., так как имя стратига Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа славян, происшедшего, скорее всего, в начале «царского» правления «кира» Романа I Лакапина (921–944) в феме Пелопоннес³⁴. Вот только последовательность карьеры протоспафария не ясна. Н.А. Алексеенко полагает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он был переведен василевсом подальше в глушь, «из центральной области империи в далекую провинцию Херсон»³⁵. Но с точки окраинности и трудности службы эти два места могли потягаться друг с другом, тогда как родовое имя Протевон вполне подходило бы уроженцу знатного семейства «первенствующих» Херсона, хотя последнее еще надо доказывать³⁶.

Эдиктом Юстина II, изданным в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избираемы были епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных, а по сути дела, рекомендованных, должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение³⁷. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась по меньшей мере с VI–VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии и частично совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата³⁸. Им, как никому другому из государственных лиц, были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от «городского первенствующего» (*proteuon tes poleos*) зависело распределение общественных повинностей и назначение горожан для их выполнения, причем жалобы горожан императору красноречиво ука-

зывали на вымогательства со стороны протевона³⁹. По сути дела эти лица ничем не отличались от служащих по своим функциям, а «самоуправление по имперскому поручению» в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «правивших» из числа знати, «нобилей», а в VIII–IX вв. выродилось в институт «властвующих», «начальников» — всевозможных «архонтов» разных рангов⁴⁰. Ганс-Георг Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением⁴¹. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI–VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту⁴². Особенно наглядно это видно на примере Равенны, где члены городского управления, состоявшие на службе государства, избирались из числа местной знати, но утверждались центральной властью⁴³. Со слов Феофана можно понять, что в некоторых городах Фракии были «знатные стратиоты города» (*tes poleos episemoi stratiotai*), стоявшие во главе местных гарнизонов, право на которые даровалось императором⁴⁴. Согласно Житию Георгия Амастридского, к «избранным города» (*tes poleos ekkriton*), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (*oson te toy ieratikoy katalogoy kai oson en telei*)⁴⁵. Очевидно, это были те, кого Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия» называл людьми, «к управлению причастными и делами занимающимися»⁴⁶. По закону, знатым считался не просто богатый представитель высшего социального слоя Империи, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом⁴⁷. Едва ли прав А.П. Каждан, полагавший, что эта ромейская бюрократия не осознавала себя как целое: именно в Византии чиновная служба открывала шанс к обогащению и упрочению положения в обществе даже для незначительных управленцев, вместе с правящими верхами превративших центральный и местный государственный аппарат в механизм, действовавший в их интересах⁴⁸. Все эти архонты, «отцы города», «первые политы», протевоны, кыры, игемоны, топархи, топотириты кичливо, свысока смотревшие на остальных, были частью текущего, но единого, постоянно пополняемого социума, тем бюрократическим, по замечанию Шарля Дия, «могущественным остовом», что поддерживал Империю и делал ее однородным и крепким организмом⁴⁹.

Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее и правовое, и ментальное обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только «от лица», «по поручению» (*ek prosou*) василевса

и, следовательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя⁵⁰. Ромейский же город, будучи выразителем единого государственно-этнического самосознания, обязательно являлся центром и выразителем идей бюрократического государственного управления⁵¹. В этом кроется специфика и одно из важнейших проявлений относительной стабильности, традиционности, континуитета византийской цивилизации.

Крах античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в некоторых других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, в том числе солидных торговцев, судовладельцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных промысловиков, получавших доходы от местного соляного и рыбозасолочного промысла⁵². Основа для этого нового правящего слоя, слоя элиты, сменившего прежнее полисное местное самоуправление, сформировалась уже к III в. н.э.⁵³ Как и повсюду, муниципальные должности превращались в пожизненные и наследственные. Херсонские протевоны, видимо, являлись верхушкой муниципального совета, имели в нем своих предшественников в первые века н.э., но уже в VI в. они играли в слушании дел чисто техническую роль, заключавшуюся главным образом в выполнении регистрационно-нотариальных функций, свидетельствовании правомочности заключаемых сделок и непосредственном участии в заседаниях совета⁵⁴. Другими словами, это были делопроизводители, к которым обращались все слои населения: торговцы, ремесленники, земельные собственники, военные, лица духовного звания, независимо от этнического происхождения. Городские финансы были поставлены под многоуровневый контроль уже в правление Анастасия (491–518): функции курий по сбору налогов были переданы виндикам и уменьшилось число тех, кто участвовал в процессе аккумуляции поступающих налогов⁵⁵. Впрочем, протевоны, возможно, принимали некоторое участие в сборе налогов, тем более что имперское законодательство наложило на них, как верхушку куриалов, фискальную повинность. На это же намекает наличие в византийском Херсоне такой муниципальной должности, как «отец города» (*pater tes poleos*, иначе *curator* или *defensor civitatis*), к носителю которой в IV–VI вв. перешли функции надзора за общественной нравственностью, которая не мыслилась без контроля за сбором налогов⁵⁶. Однако прямых данных об этом нет, как нет и сведений об участии совета города, протевонов в ремонте городских стен, водоснабжении, канализации, в других проблемах городского жизнеобеспечения, хотя это тоже предусматривало законодательство. Аргументы *ab silentio* свидетельствуют в пользу

того, что такая деятельность протевонов едва ли была активной. Ведь сфера деятельности совета города, его «самоуправления» сужалась все более, и это была общая тенденция, затронувшая всю Империю, самые отдаленные ее анклавы⁵⁷. С этой точки зрения действительно можно говорить о смерти полиса с конца VI в., об исчезновении старых муниципальных институтов. Городская община зависела все более от радевшего за ее нужды епископа, сотрудничавшего с имперским правительством, и от нескольких, сравнительно немногочисленных местных вельмож, состоявших на византийской службе. Большинство городских функций теперь было сконцентрировано в ведомствах и канцеляриях столицы, которая стала доминировать более, чем когда-либо, и определять характер византийской культуры и общества⁵⁸.

В «Книге понтификов» Агнелла (середина IX в.) итальянские «первенствующие» (*proceres omnes*) представлены равносильно нобилем, т.е. местной знати, чье высокое положение в обществе определялось богатством, высоким материальным положением и отчасти тем, что среди них встречались византийские официалы, высшие категории служащих, входившие в этот слой городского населения⁵⁹. Это могли быть и зажиточные землевладельцы, владельцы недвижимости и верхушка торгово-ремесленного населения, особенно те, чья деятельность приравнивалась к государственной службе (аргиropyраты, навклиры)⁶⁰. Обычно протевоны выполняли поручения византийской администрации, выдвигали кандидатов, как правило, трех, на пост епископа города, избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, может быть, выдвигали кандидатов на имперские должности архонта (протополита) или кира города⁶¹. Именно как представителей местных потомственных, «истинных (подлинных) семейств» воспринимали Иоанн Скилица и Георгий Кедрин тех 42 протевонов, что были отправлены в 710 г. к василевсу Юстиниану II (*tous men protevontes Chersonos mb ontas phamilikos pros ton basilea exapesteilan*)⁶². Примечательно, что в это количество попали не только протополит Зоил, но и «архонт Херсона», Тудун или Тондун, который, следовательно, тоже был отнесен византийскими историками к местным⁶³. Всего «первенствующих», судя по данным Никифора, было 48 (с учетом семи протевонов, казненных на месте, — изжаренных на вертелех)⁶⁴. Таким образом, в Херсоне к началу VIII в. жило около 50 семей первенствующих, т.е. вместе с их домохозяевами приблизительно 300 человек. Они составляли максимум 5% от всего населения города, который, следовательно, насчитывал примерно 5700 жителей, что близко к цифрам, получаемым иным путем⁶⁵.

Сочетание богатства, родовитости, влияния и власти, которую они несли сами и от имени правившего на тот момент государя, было отличительной чертой этого незначительного в количественном отношении слоя горожан,

независимо от того, какие конкретно должности большего или меньшего ранга, значения занимали его представители. С этой точки зрения «первенствующим» считался и протополит, и отец города», и кир, и архонт – глава военно-административного округа, архонтии, и епископ, и пресвитер, хотя положение их, статус и круг обязанностей были неодинаковыми. Отсутствие права на византийские титулы и печати у всех муниципальных служащих, за исключением архонта и кира, в период существования архонтата указывает на то, что они не считались собственно «штатными» имперскими чиновниками⁶⁶. Поэтому можно согласиться с Н.И. Храпуновым, что херсонская административная иерархия в период до образования фемы имела чиновников двух уровней — с печатями, утвержденных императором, и без печатей, не утвержденных императором⁶⁷. Пока еще они были представителями и василевса, и городской общины-курии. В последнем случае это свидетельствует не о «традиционном стремлении Херсона к самостоятельности», а о сохранении некоторой автономии на уровне местных органов власти низшего порядка⁶⁸. В любом случае их отличительными чертами были не только богатство или родовитость, но влияние в обществе, участие в той или иной степени в управлении, отношение к властным структурам. Просто богатый горожанин или зажиточный крестьянин не обязательно попадал в разряд протевонов, как полагают некоторые исследователи⁶⁹. Относительная же немногочисленность этой страты являлась отражением характерной для социального процесса в городах ранней Византии немногочисленности и недифференцированности слоя городской знати⁷⁰.

На то, что в период существования стратигиды в Херсоне такие «первенствующие», бесспорно, были чиновной знатью, имперскими функционерами, по рангу соотносимыми с фемными главами, недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария в должности *epi ton oikeiakon* – чиновника, имевшего отношение к надзору за имуществами фиска, именными, императорскими доменами в провинции, управлению ими, и одновременно протевона Михаила, какую к X в. могло иметь только официальное должностное лицо из состава столичных служащих, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и античного полисного самоуправления⁷¹. По мнению А.А. Якобсона, его деятельность могла быть связана с окрестными климата и начальством над сельскими старостами этих областей — протами, простатевонтами⁷². Как и в метрополии, протевоны существовали здесь до второй половины X или начала XI вв.: приблизительно этим временем Н. и В. Зайбт и Н.А. Алексеенко датируют моливдулы «первенствующих» Херсона — царского протоспафария, хрисотриклинита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)⁷³. Ясно лишь, что

их функции не совпадали с функциями стратига, на власть которого они не покушались. Тем более безосновательно видеть во всем этом «некоторые элементы городских свобод», традиции античного самоуправления⁷⁴.

Даже так называемые «отцы города» (*pateres tes poleos*), известные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах в качестве муниципальных чиновников с финансовыми и административно-управленческими функциями, по меньшей мере с последней четверти IV в., причем с титулом *vir perfectissimus*⁷⁵, вновь фигурировали в период существования фемы и обзаводились главным атрибутом чиновника — печатью, как некий Сергей, моливдул которого относится к первой половине X в.⁷⁶ Это, действительно, была «реально существовавшая должность», возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных, судебных и финансовых функций, должность явно управленческая, если вспомнить все немногое, что известно о ней из слов Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного, но отнюдь не самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. На примере истории Равенны видно, что уже к концу VI в. этот магистрат быстро превращался из муниципального в государственного чиновника высокого ранга, утверждаемого центральным правительством, что шло параллельно падению роли Совета в жизни города⁷⁷. Видимо, такую же эволюцию он проделывал и в иных местах, так что поставить знак равенства между ним и не муниципальным, а уже государственным служащим мешает только отсутствие печати, которая вместе с соответствующим имперским саном появится у него после превращения Херсона в фемный город. Наличие же *pater tes poleos* в фемной структуре можно объяснить попытками сохранить угасавший «городской совет» как чиновный орган и переложить на него часть бюрократической, нотариально-регистрационной и налоговой работы, дабы разгрузить стратига. В этом случае патер города мог отвечать за необходимую для Херсона организацию, юридически фиксирующую различные публично-правовые акты, приглядывающую за внутренним порядком и исправным платежом налогов. Примечательно также, что в IX–X вв. титул *pater tes poleos* был неразрывно связан у ромеев с должностью эпарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием⁷⁸. Без утверждения со стороны центрального правительства, императора такая должность была немыслима в условиях раннесредневекового византийского общества⁷⁹, как и должность еще одного имперского чиновника – экдика города, тоже унаследованная, по крайней мере, по названию, от ранневизантийской поры⁸⁰.

Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX – началу X вв., мог распоряжаться в фемном Херсоне только

как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии Дикоре, когда отправлявшие ее получали высокие титулы «светлейших», «сиятельных» — лампротатов (κлариссимов) и имели прежде всего административно-полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или «защитника» — дефенсора города (*pater tes poleos*)⁸¹. Так, в середине VI в. экдик с титулом лампротат был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как «славный комит и красноречивый экдик»⁸². Концовка «аминь» после указания должности на херсонесской печати с изображением шестиконечного креста на обратной стороне подтверждает утвердившееся с правления Юстиниана I правило выдвигать в экдики преимущественно священников как наиболее подходящих для обязанностей ходатаев перед властями и для ведения судебных дел⁸³. Фемный экдик, разумеется, не помнил о древнем праве избираться коллегией городской знати, уже не мог председательствовать в Совете полиса и в прежнем смысле защищать херсонитов от злоупотреблений имперской администрации, но, скорее всего, как государственный чиновник сохранил традиционные судебные полномочия по мелким делам, полицейскую власть и функции по сбору некоторых налогов и, безусловно, утверждался в должности столичными властями⁸⁴.

Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что фемные печати протевонтов, «отцов города» и экдиков принадлежали государственным чиновникам отнюдь не античной эпохи, и тем не менее за ними ему продолжает видеться возможность возрождения «позднеримских институтов внутригородского самоуправления», «реставрация позднеантичных институтов». По его мнению, несмотря на то что *ekdekos* и *pater tes poleos* Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации⁸⁵. Между тем правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти должностные лица были государственными служащими сети провинциальной гражданской администрации, подчиненной имперскому стратигу, они одновременно представляли власти раннесредневекового византийского города, лишь внешне сохраняя континуитет с былой полисной администрацией⁸⁶. В конечном итоге реорганизация структуры управления в Херсоне после создания фемы привела к тому, что традиционно существовавшие здесь местные муниципалы — «отцы города» оказались наделены полномочиями государственных чиновников, а позже, к концу X в., в связи с исчезновением коммеркиариев, олицетворявших гражданскую власть в феме, к херсонским экдикам или протевонам могли перейти их функции⁸⁷. Поэтому едва ли могли уцелеть «определенные черты внутреннего мун-

ципального управления городским хозяйством при полном контроле со стороны имперских властей»⁸⁸.

Не меняют этого принципиально важного вывода и находки печатей еще одного чиновника — кира Херсона. Это была именно имперская, «штатная» должность, существовавшая в городе по меньшей мере с VIII в., хотя аналогичный титул *kyrios* (или *domnus*) — «господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *illustres*, *magnifici*, *gloriosi*, и отсутствовал в Тактиконах IX то есть X вв.⁸⁹. Именно так назывался кир Исаак, моливдул которого с характерной крестообразной инвокативной монограммой, относящийся к VIII – первой половине IX вв., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул ипата и, судя по следам грубой ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием неких грузов, отправляемых из Херсона⁹⁰. Еще две печати с такой же крестообразной монограммой, принадлежавшие царскому ипату Льву, как и две печати ипата Зоила, Н.А. Алексеенко, учитывая их стилистическую близость, общие иконографические и палеографические особенности, относит к концу VIII – первым десятилетиям IX вв.⁹¹, ко времени, когда, судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике, «в земле Тавроскифов, в стране Готфов» (*ton Tauroskeythos ges, tes upo ton choron ton Gotthon telouses*) действовали также «кир Готфии и его архонты» (*to kyro Gotthias kai tois archousi autou*), к которым примыкал, очевидно, и «кир Фул» (*o kyrios ton auton Thoulon*)⁹². Впрочем, датировка печатей этого сфрагистического типа неустойчива и может укладываться в несколько больший предел, по крайней мере, во вторую половину VIII – первую половину IX вв. Поэтому безосновательно заявлять, что крымские кыры появились в результате изменения административного устройства в 80-х гг. VIII в. и исчезли, «...когда к 30-м гг. IX в. хазарская угроза спала»⁹³.

Такие официальные должностные лица были порождены не протекторатом хазар на территории Готфии, как можно понять Н.А. Алексеенко, а специфическими отношениями особого статуса Таврики⁹⁴. Н.А. Храпунов тоже относит их к чиновникам, которые могли существовать во всех приграничных районах Империи и отвечать за взаимоотношения с варварами, в данном случае, с хазарами⁹⁵. Эти обтекаемые определения, видимо, гораздо ближе к истине, нежели заявление Ж.-К. Шейне, который без каких-либо оснований считает возможным подразумевать под киром Херсона «представителя, которого направлял в город хазарский каган»⁹⁶. Будь оно так, у этого «представителя кагана» с византийской печатью и с типичным во всех случаях греческим именем была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция — пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну.

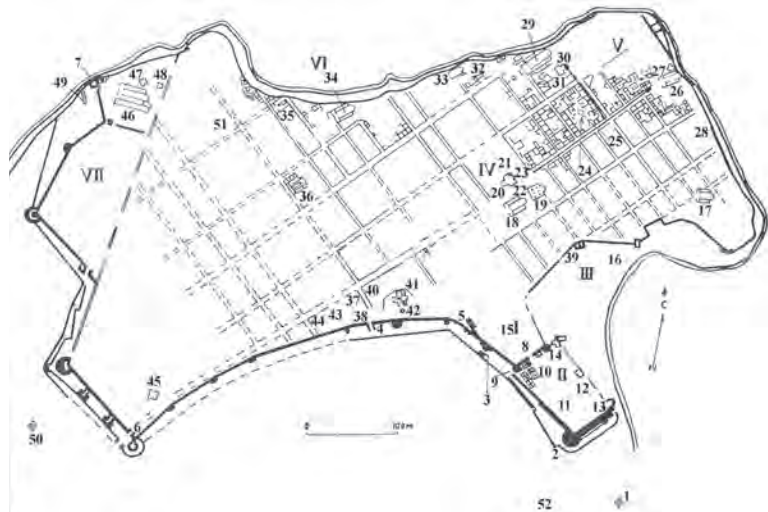

Рис. 2.1. План Херсонеса.

I–III нижняя часть города; I — юго-восточный район; II — «цитадель»; III — портовый район; IV — верхняя часть города и большая агора; V — северо-восточный район; VI — северный район; VII — западный район. 1 — Южный загородный Влахернский монастырь с храмом Богоматери Девы Марии; 2 — клавикула у башни «Зинона» (№XVII) и внешние ворота, ведущие в город через перибол; 3 — внутренние ворота в периболе между башнями XV и XVI; 4 — Южные ворота города («Ворота мертвых»); 5 — сводчатая калитка в куртине 15 рядом с башней XIV; 6 — Западные ворота города («Святые ворота», «Красивые (Прекрасные) ворота»); 7 — калитка около башни I; 8 — калитка в куртине 18; 9 — калитка около башни XVI; 10 — комплекс фемного претория X в. с гарнизонной базиликой и баптистерием; 11 — «дом командира»; 12 — баня VI–IX вв.; 13 — башня Сиагр (№XVIII); 14 — башня XX; 15 — здание апофики — склада государственных грузов и магазина; 16 — птохион Св. Фоки Навта; 17 — базилика Крузе (№7); 18 — базилика №28; 19 — крестово-купольный храм №29; 20 — крестовидный храм №27 (церковь Св. Василия); 21 — подземная водосборная цистерна с камарным перекрытием; 22 — эмвол между храмами №28 и №29 («палата Владимира»); 23 — потестарное здание за алтарной апсидой храма №27 («палата Анны»); 24 — баня в квартале III; 25 — двухъярусная церковь-мартирий с подземной криптой в квартале III; 26 — Восточная площадь с храмом апостола Петра (базилика №36); 27 — церковь №17; 28 — общегородской и таможенный архив моливдовулов; 29 — «Большая базилика», или кафоликон Апостолов Петра и Павла (базилика №23); 30 — базиликальный храм «А» (церковь Св. Прокопия?); 31 — баптистерий центрического типа; 32 — баня VI–X вв. в квартале IX; 33 — Северная базилика №22; 34 — базилика 1935 г. с крещальней; 35 — базилика 1932 г.; 36 — «базилика в базилике» (№15) с крещальней; 37 — «так называемая малая агора»; 38 — большой афедрон у куртины 13; 39 — малый афедрон; 40 — потестарное «здание Г»; 41 — крестовый храм №19 (церковь Свв. Сергия и Вакха?); 42 — «храм 1958 г.»; 43 — большое городское водохранилище (castellum aquae); 44 — больница (иатрина); 45 — тетраконхальный мартирий №47; 46 — «Дом Св. Леонтия» (Западная базилика №13) с носокмионом; 47 — крестовидный кимитирий (№11); 48 — мартирий Св. Василия со склепом («часовня Г», №12); 49 — ров перед куртиной I; 50 — предполагаемый меморий Воскресения (склеп-моельня на земле Н.И. Тура); 51 — «базилика на холме» (№14); 52 — загородный однонефный храм на Девичьей горе, открыт в 1902 г.

В.Е. Науменко преуменьшает значение наличия у местного правителя византийского сана и моливдула и сводит их появление к традиционному дипломатическому приему Византии в приобщении варварских народов и независимых политических образований на границах империи к «византийскому содружеству наций»⁹⁷. Однако в отношении византийского архонтата Херсона, давно и прочно привязанного к Романии, это едва ли было необходимо: скорее, такой прием подходил бы для политики в отношении киров Готфии, но они как раз оставлены без титулов и печатей. Скорее всего, кiry Херсона получили свое название не «от привычного титула соседствовавших с ними варварских владык», а наоборот, эти правители «в силу все той же традиции» заимствовали его из ромейской практики⁹⁸.

Еще более голословно считать херсонских киров руководителями «городского самоуправления», которые были упразднены после (читай — вследствие) учреждения фемы⁹⁹. В этом случае они дублировали бы полномочия имперского архонта, имевшего всю полноту власти на вверенной ему территории архонтата, по сути дела, замещали его¹⁰⁰. По той же причине кiry не могли быть некими византийскими наместниками в области Херсона. Самое большее, в них можно видеть преемников некоторых херсонских господа, «первенствующих» — протополитов, первых горожан, но опять-таки как представителей местной знати и имперской администрации, действующих под присмотром византийского архонта, может быть, как заместители последнего, прежде всего, по вопросам контроля за прохождением товаров и сбора налогов, податей. Подробнее об их функциях при современном состоянии источников нам вряд ли удастся узнать. Об исчезновении этих киров после первых десятилетий IX в. вследствие обострения хазарско-византийских отношений можно было говорить предположительно¹⁰¹, а в свете новых сфрагистических материалов эту точку зрения следует окончательно и бесповоротно пересмотреть: чиновник с таким названием, санами царского спафария ведомства *epi ton oikeiakon* продолжал действовать в фемном Херсоне не только в VIII – начале IX вв., но и в последней трети IX в.¹⁰² В Тактиконах 842–843 гг. и 899 г. они отсутствуют, но ведь в них отсутствуют и протевоны, «отцы города», что не помешало им всем появиться в сфрагистическом материале Херсона фемного периода начала X в.¹⁰³ Это не аргумент, чтобы говорить о существовании в административном управлении фемного Херсона «элементов неких муниципальных структур» и тем более об упразднении поста кира как провинциального чиновника в Херсоне к моменту составления Тактика Успенского в 842–843 гг.¹⁰⁴

Все эти лица были православные правители (*rex*¹⁰⁵), игемоны (*ton eparchion egemones*¹⁰⁶), в ситуации хазарского влияния на Крым радевшие

все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (*me katakyrieusai tes choras auton*), т.е. «страну Готфов»¹⁰⁷. Беспочвенно видеть в указании на обычный хороним проявление административной власти готов, которая якобы противопоставлялась власти Византии и Хазарии и выливалась в существование «маленькой самостоятельной христианской державы» в Готфии, а значит, и в Боспоре¹⁰⁸. Херсониты тоже имели свою администрацию, что не мешало им находиться под контролем Империи. К тому же в действиях этих местных киров и архонтов то и дело проглядывает ориентировка на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподданных василевса ромеев. Во всяком случае, именно так обстояло дело тогда, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле Патриарха обручился со своей любовницей (причем, возможно, даже дальней родственницей), кувикуларией Феодотой, одной из дворцовых служительниц при опочивальне императрицы Ирины, а вскоре венчал бывшую придворную на царство. В обеих версиях Жития Феодора Студита, составленных в последней трети IX в. и в X в., скорее всего, со слов игуменов — преемников Феодора Студита, содержится любопытная и многозначительная подробность: около 795 г. правители (*egemones* или *rex*) Лонгивардии в Италии, крымской Готфии и игемон или топарх Боспора (*Vita A — outos o Bosporou, outos o Gotthos, outos oi loipoi ton eparchion egemones; Vita B — outo gar Longibardias rex outos o tes Gothias outos o tes Bosporou toparches*) последовали за незаконным «прелюбодеем» Константином VI, т.е. по его нечестивому примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все епископы (*oi episkopoi*), пресвитеры (*oi presbyteroi*) и «благочестивые первые из монахов» (*te kai osoi protoi ton monachon*) в окружающих местностях (*kai tous perix topous*) — климата Херсона (*en tois klimasi tes kata Chersona*) и «боспорские соседи» (*kai Bosporon paroikias*)¹⁰⁹. Об этом зле, совершенном «отдаленными властителями и начальниками» (*tois porro kratousin kai archousin*) «в Лонгивардии и Готфии и ее климата» (*en te Longibardia kai Gotthia kai tois klimasin autes*), долго помнили, о чем Феодор вспоминал сам в письме от 808 г. к саккудийским братьям¹¹⁰.

Как уже было отмечено, «игемоном инородцев (народа, племени)» (*tou ethnous egemonian*) называл правителя «одной из климата Таврики» (*kath'en ton Taurikon klimaton*) Игнатий Диякон — младший современник агиографа Иоанна Готского¹¹¹. По его словам, этот игемон «старался развестись со своей женой, чтобы на место ее привести какую-то распутницу», однако Патриарх Никифор, пришедший к власти в 806 г., действуя «пером и чернилом», «поставил себе задачей очистить его от предосуди-

тельного греха, представил письменными наставлениями и угрозами согрешение перед его лицом, и что он, если не захочет воздержаться от него (согрешения), этим по справедливости будет подвергнут». Следовательно, и в этом случае речь шла о православном правителе, вполне управляемом, по крайней мере, послушном воле высшего должностного лица византийской Церкви, который мог подвергать его соответствующему наказанию. Следует учесть, что византийская элита порой сознательно давала местным этническим формированиям возможность политического роста, чтобы осуществлять управление через них и их глав¹¹².

Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров или игемонов — «господ», «государей», «владык» — глав местных «архонтий» остается не до конца ясным, и в них лишь можно подозревать наместников, чиновников приграничных областей Византии¹¹³, то собственно городские кiry не формально, но по существу вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате как дофемного, так и фемного периода и на имперской сановной лестнице. Нет оснований видеть в этой должности некую «особую форму правления», возникшую в Херсоне лишь на рубеже VIII–IX вв. только в силу «сложной политической ситуации» и необходимости учитывать как интересы города, так и Византии и хазар, поскольку состояние византийско-хазарского взаимодействия сложилось в Таврике гораздо раньше и, следовательно, условия для деятельности такого должностного лица были не новыми¹¹⁴. Был ли он главой местных властей или существовал одновременно с другим главой, византийским чиновником — архонтом либо с первым протевонем — протополитом Херсона, тоже остается неясным, хотя отпечаток упаковочной ткани на моливдуле Исаака может служить указанием, что контроль за прохождением товаров, грузов через город, а значит, сбор налогов, пошлин, доходов мог быть изъят из ведения главы архонтата и сосредоточен в руках кира, поскольку до образования фемы в городе не было собственных коммерциариев, контролировавших торговлю, внешний обмен и имевших функции налоговых инспекторов, тогда как для отчетности перед логофессией геникона требовались местные функционеры. Название именно этих провинциальных имперских чиновников, существовавших отнюдь не эпизодично и, судя по редкому имени Зоил, рекрутируемых из местной среды, могло быть перенесено на глав Готфии, Фул и закрепилось за ними по традиции. Видимо, не случайно государей Феодоро греки тоже продолжали называть «архонт» (*archon*) или «Кир» (*kyr*)¹¹⁵. Вместе с тем, предоставление василевсом соответствующего сана кирам Херсона, тем более фемного периода, наиболее убедительно указывает на то, что это не были независимые, самоуправяемые элементы, только и мечтавшие о вольностях¹¹⁶. Вообще, надо принять во внимание, что свобода

в тех условиях была бы слишком тяжелой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае, в былом «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии, а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром¹¹⁷.

Херсон не имел условий для политической самостоятельности, для антиимперских центробежных тенденций, ибо общественные отношения средневекового общества в VII–VIII вв. в нем только зарождались, а общая политическая ситуация, особенно поддержание системы византийско-хазарского сотрудничества в Таврике, тоже не располагали к сепаратизму или автономии. Следует принять во внимание также политическое и экономическое значение привилегий и льгот, которыми Империя привлекала на свою сторону местные господствующие слои. Лишиться их означало потерять полученные преимущества и саны. Даже тяга к державному престижу ромеев должна была толкать херсонитов к распространению «чувства единой родины» на саму «светоносную Империю»¹¹⁸. Наконец, наличие административного центра византийской власти на полуострове не давало возможность местным лидерам из числа архонтов, простатевонтов, киров мелких округов, если таковые лидеры имелись, стать полностью независимыми от Романии.

Призрачность, формальность этой «свободы» (eleuteria), предоставления которой херсониты в последний раз просили у императора Константина I наряду с освобождением от налогов (ateleia)¹¹⁹, подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей с того времени жизнь города. В период правлений Зинона — Юстиниана I его гражданские дела находились по-прежнему в ведении префектуры Востока, а контроль за вооруженными силами и военная помощь городу могли осуществляться военным магистром Фракии, что не исключало деятельности здесь имперских офицеров – трибунов, комитов, присылаемых в Херсонес с конкретными имперскими поручениями¹²⁰. Будучи проводниками государственной политики, они курировали город, по сути дела считавшийся имперским задолго до правления Юстиниана I. Нарративные источники свидетельствуют, что уже

с конца III – начала IV вв. слово комит (komes) могло выступать в значении наместник¹²¹. Комиту в свою очередь подчинялся, вероятно, викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом (prakteion), занятым сбором разнообразных податей, налогов с горожан и жителей округи, вероятно, рыночных, таможенных и корабельных пошлин, часть которых, как и прежде, шла на содержание имперского военного гарнизона, псевдополевых пограничных войск местного формирования и на оборонительное строительство¹²². Таким образом, наблюдается четкая бюрократическая вертикаль власти, соответствующая позднейшим византийским стратигу, протонотарию, хартуларию и диойкиту или коммеркиарию. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как кроме командования войсками он еще так или иначе контролировал городские финансы, распоряжался ими. Похоже, задолго до введения в Империи фемной системы управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников, т.е. соблюдалась преемственность в развитии. Следует подчеркнуть, что подобный континуитет в сфере административного управления, предусматривавший сохранение за имперскими сановниками некоторых унаследованных от античности должностей местного госаппарата (архонта, «отца города», экдика, протевона, кира), наряду с введением официальных имперских должностей (дуки, стратига, комита tes kortis, турмарха, протонотария, коммеркиария, нотариа еpi ton oikeakon, хрисотриклинита, стра-тилата), прослеживается на протяжении всего раннесредневекового периода вплоть до конца X – первой половины XI вв.

В конце правления Юстиниана I и позже, при Юстине II и Маврикии Тиверии, в городе все так же сохранялось присутствие имперских офицеров, государственных чиновников¹²³. Только вместо трибуна или комита в Херсон около середины VI в., точнее, не позже 70-х гг. VI в., связанных с усилением тюркской опасности, с аналогичными функциями присылался дука (doukos Chersonos)¹²⁴, которого следует рассматривать в качестве верховного представителя власти Империи на Крымском полуострове, наместника провинции, а подконтрольную ему территорию считать пограничным дукатом на манер дукатов на территории соседних Малой Скифии и Нижней Мезии в Западном Причерноморье. Этот чиновник мог даже купить свою должность. Во всяком случае, известно, что в середине VI – начале VII вв. диплом правителя провинции в Нижнем Подунавье приобретали, уплатив в столичное ведомство управления царскими покаяниями или в канцелярии императора, префекта претория сумму, колебавшуюся в пределах 63–76 солидов, по размерам сравнительно небольшую, приблизительно равнявшуюся годовому доходу семейного владения византийского крестья-

нина¹²⁵. Как уже сказано, изменения в административной системе управления в сторону ее военизации, сосредоточения власти в руках военного командира могло быть вызвано нарастанием опасности со стороны Великого Тюркского каганата¹²⁶, когда потребности не только дипломатии, но и военной обороны резко выступили на первый план и вызвали необходимость назначения в пограничную епархию — провинцию дуки (дукса), единого руководителя всей здешней иерархии византийского управления в отличие от прежней, недостаточно сбалансированной и поэтому малоэффективной, трудно управляемой системы из префектов претория, военных магистров, имперских офицеров-порученцев и местных «первенствующих».

С. А. Беляев пытался разграничить императорских чиновников и местную городскую администрацию, «городское самоуправление» ранневизантийского времени, полагая, что «чиновники ведали сбором денег, подлежащих отправке в казну, а городские власти — на нужды города»¹²⁷. Однако это упрощенное, искусственное построение не соответствует реальной административной практике, ибо на деле подобного «двоевластия» в условиях второй половины VI в., а тем более в VII–VIII вв. уже быть не могло. Прежде всего, дука командовал воинским контингентом, регулярными вооруженными силами, которыми, очевидно, было заменено прежнее подразделение баллистариев, являлся комендантом города и правителем края, совмещавшим военную власть с гражданской, осуществлявшим высшую административную и судебную власть, а кроме того стратилатство, которое выступает в ранневизантийских источниках одновременно и как титул, и как должность, обязывало его участвовать в решении дел местного гражданского, в том числе финансового управления¹²⁸. Он наверняка наблюдал за монетной чеканкой, которая была поручена, скорее всего, местным ремесленникам, и уже поэтому никакого волеизъявления «полисной свободы» в монограммах, легендах выпускавшихся в городе монет быть не могло¹²⁹. С таким же успехом его можно было бы искать в пропагандистской легенде «FELIX CARTHAGO» на североафриканских монетах Юстина II (565–578)¹³⁰. Примечательно, что в херсонесской надписи времени правления этого императора вместе с дукой упоминаются еще некий чиновник с титулом «светлейший», название должности которого не сохранилось (комит, архонт?), но который, вероятно, был служащим в администрации дуки, по крайней мере, ему подчинялся, поскольку был указан сразу вслед за дукой¹³¹. С появлением этих имперских должностных лиц местные «правители», архонты и протевоны, все еще уживавшиеся с ними, несомненно лишились своих прежних законодательных и внешнеполитических полномочий, а прочие стали осуществляться под контролем дук. Самостоятельная деловая активность их снижалась¹³².

Примечательно, что тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые энспонды, или симмахи — союзники, федераты Империи, ополченцы, среди которых главенствовали аланы, германцы — готы и балты¹³³. Экономический контроль за ними, их зависимость от платежей за военную службу, зависимость от поставок импортной продукции из Херсона, включение в сферу византийских товарно-денежных отношений говорят и об определенном политическом контроле Империи в зоне этих областей — архонтий, их поселений, полисм и кастра¹³⁴.

Очевидно, для удобства сношения с этими федератами и их «старшими» — простатевонтами, назначенными начальствовать над несколькими десятками районных центров, в городе были особые имперские служащие — толмачи, переводчики (*ermeneutai*), скорее всего, нанятые из числа грамотных, образованных местных жителей, хорошо знавших греческий и языки «варваров»¹³⁵. Два экземпляра моливдула такого ерминевта, Стефана, датируются второй половиной VI – первой половиной VII вв.¹³⁶, как раз укладывающаяся в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых «больших стен», а затем отдельных кастра, фрур в Инкермане, на Эски-Кермене, Мангупе, Бакле и в других местах «хоры Дори» или «архонтий» — зависимых от Империи административных областей Таврики, оказавшихся во власти верховного имперского чиновника — дуки. Позже, с правления Льва III Исавра (717–741) ерминевтов (*ton basilikon ermeneuton*), диерминевтов как имперских чиновников можно обнаружить включенными в ведомство логофета дрома, которое занималось внешними связями, отправкой своих и приемом чужих посольских миссий, сбором разведывательной информации, следило за состоянием дорог, организовывало обмен или выкуп пленных¹³⁷. Следовательно, эти лица не имели отношения к некоему «местному самоуправлению».

На время наиболее напряженных отношений с тюрками в 70–80-е гг. VI в. приходятся моливдовулы императоров Тиверия Константина и Маврикия Тиверия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники, Церковь, городская община активно взялись здесь за организацию общественного строительства, в том числе, можно думать, самых крупных христианских храмов¹³⁸. Впрочем, все это едва ли существенно изменило уже сложившийся к середине VI в. имперский статус города, поэтому верховную власть дуки над ним и, видимо, некоторыми другими центрами, архонтиями Таврики нельзя рассматривать в качестве некоего новшества, свидетельствующего о наконец-то состоявшемся правовом включении здешних земель в состав Империи. С точки зрения византийцев

это была провинция уже давно, едва ли не с часов Диоклетиана, живущая по имперским законам, повинующаяся повелениям императоров, их наместников и населенная «подлинными подчиненными василевса ромеев» (*autois upokoous tes Romaion basileias*)¹³⁹. Искать формальный момент такого включения херсонитов в число граждан Империи дело безнадежное, поскольку оно представляло собой не единовременный акт, а стадию длившегося столетиями, постепенного вживания в этот статус с одновременным, как и в других ромейских городах, размытием, забвением полисной, «приличествующей свободы» (*o te dexias eleutherias*), неосуществимой на деле уже в условиях IV–V вв., не говоря о более позднем периоде.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 г., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки двух моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616–625 гг.)¹⁴⁰. Невозможно согласиться с тем, что ко второй половине VII в. он из центра византийской епархии, более того, дуката, превратился лишь во «внешний торговый пункт в системе византийской клиентуры»¹⁴¹. Если крестообразная монограмма на двух моливдулах второй половины VI – первой половины VII вв. из полисматона Парфениты и, вероятно, из Херсона (частное собрание К.Д. Смычкова) верно раскрыта как «Константина дуки», это еще один аргумент в пользу сохранения ромейского присутствия и ромейской власти на полуострове в это время¹⁴². Сфера влияния дуката продолжала включать города, округа-архонтии, кастра, полисмы и прочие поселения Таврики от Херсона до Боспора, соседями которых стали бежавшие от хазар булгары-оногуры, как и аланы с готами, получившие статус федератов Империи и сохранявшие с ней дружественные отношения¹⁴³. Ссылные монахи-антимонифелиты Феодор и Евпрепий находились в этих кастра в середине VII в. именно потому, что они оставались под византийским контролем, а не «во власти готов или непосредственно хазар» (последних здесь в это время еще не было и не могло быть).

Дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не «в течение VII в.»¹⁴⁴, а не ранее второй четверти этого столетия, поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, начавшее устанавливаться с этого времени, вызвало к концу столетия необходимость оформления на здешних землях нового статуса, предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество византийцев и хазар. Это обстоятельство не могло не заставить ромеев отказаться от режима дуката с его обязательным военным присутствием в пограничном анклав и перейти к более гибкому режиму архонтата с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено

оставаться вплоть до середины 30-х гг. IX в., когда он был возведен в ранг государственной военно-административной единицы — фемы в связи с окончательным развалом все того же византийско-хазарского сотрудничества¹⁴⁵. Расправа, учиненная Юстинианом II над двумя десятками окрестных простатеонтов (*ton eteron prostatauontas polismaton*) в 710 г., свидетельствует в пользу того, что обширная внегородская зона оставалась в подчинении властей Херсона — центра военно-административного округа, на тот момент уже архонтата, в свою очередь включавшего ряд более мелких округов, и даже в момент сурового испытания это единение не было поколеблено: карательные акции не заставили широкие слои населения местных, региональных «архонтий», «полисм» видеть в византийцах завоевателей и врагов¹⁴⁶.

И в дальнейшем если не сами василевсы, то их ближайшие приближенные то и дело решали какие-то проблемы, связанные с городом. В частности, на это указывают находки печатей второй трети VIII в., принадлежавших некому Стефану: на одной из них он назван служителем при опочивальне императора – кувикуларием и *epi tes basilikes trapezes* (царским стольником), а на другой – кувикуларием и начальником императорской спальни, главным спальничим – паракимоменом (*parakoimomenos*)¹⁴⁷. В появлении этих моливдовулов можно видеть усиление влияния и позиций Империи после сокрушительного разгрома арабов у Акроина (недалеко от Амория) в 740 г. и других славных побед, одержанных Львом III Исавром. Тогда же у городов, а значит, и у Херсона, была отменена обязанность заботиться об оборонительных сооружениях, поддержание которых переходило теперь государству, что еще больше укрепило политику централизации и нанесло очередной удар обветшалым традициям «полисного самоуправления»¹⁴⁸. Попытки некоторых городов в Сицилии и Италии организовать заговоры и мятежи закончились казнями сепаратистов. Население Сицилии и Калабрии подверглось переписи и было обложено той же подушной податью, что и прочие ромеи. Не исключено, что административно-государственная политика «закручивания гаек», отчетливо прослеживаемая уже с правления Юстиниана II, отразилась в это время и на Херсоне. Следует учесть, что кувикуларии были исключительно из числа евнухов; они находились в услужении, выполняли самые разные поручения императора или августы, как личные, так и вполне официальные, например, доставляли плату войскам. Главный же спальничий являлся особенно доверенным лицом василевса¹⁴⁹.

В Империи все платили налоги, сборы, подати и несли повинности. Традиционная византийская «теория налогообложения», берущая истоки в римской, зиждилась на принципе справедливости, принципе определенности, принципе удобства плательщика и принципе минимальных общественных издержек на процесс сбора налогов¹⁵⁰. Принцип взаимной ответствен-

ности государства и частного собственника выдерживался уже со времен Римской империи¹⁵¹. Византийские императоры тоже требовали выплаты налогов с собственности и считали обязанностью подданных уплату недоимок. В начале V в., согласно рескрипту Аркадия, Гонория и Феодосия II, были запрещены всякие ходатайства властей городов об освобождении от налогов, равно как и просьбы о введении любых дополнительных сборов на местные нужды¹⁵². Более того, борясь с финансовыми злоупотреблениями, Юстиниан I уже к середине VI в. покончил и с муниципальными бюджетами, переправив их средства в общие подати¹⁵³. Следовательно, в VIII–X вв. не могло быть и речи о «...каких-то местных налогах, которые собирали муниципальные чиновники» Херсона, поскольку Херсон являлся ромейским городом¹⁵⁴. По ромейским же законам, все должны были нести повинности имущественные, все способные к ним, включая сборщиков налогов, полномочия налогового аппарата распространялись на всю Империю, независимо от географического или социального положения плательщика податей¹⁵⁵. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от налогового обложения не должны были быть свободны ни «Божественный дом» (ou Theios oikos), Церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов¹⁵⁶. Выгодность положения Херсона обнаруживается как раз в налоговой сфере, поскольку он оказался центром византийской налоговой системы в Юго-Западной Таврике, в него стекались налоговые сборы, поступления со всего региона.

Учитывая характерную для Византийской империи гипертрофию государственного начала, на город и его округу тоже распространялась общеимперская налоговая система. Оснований для исключений не имелось. Уже в 488 г. херсонеситы платили налоги, шедшие на содержание имперского отряда баллистариев и на ремонт оборонительных стен¹⁵⁷. При Юстине II, до 575 г. с них взымали *plōima* — средства натурой на содержание флота¹⁵⁸. Во второй половине VI – первой половине VII вв. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий (arkarios), собиравший деньги в кассу, вероятно, ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот»¹⁵⁹. Даже если верно предположение Н.И. Храпунова о том, что мы имеем в данном случае дело не со сборщиком податей, а с казначеем богадельни или приюта¹⁶⁰, это не меняет дело, ибо в любом случае перед нами имперский финансовый чиновник, имевший в городе какие-то казенные полномочия и так или иначе связанный с государственной сакеллой, отвечавшей за учет и распределение финансовых средств. Рука всесильного логофета геникона – главы самого важного доходного ведомства Империи дотягивалась и до дальних окрестностей Херсона, центров его областей — «архонтий», как можно понять на основе находки на Ман-

гупе моливдула патрикия Дорофея, вероятно, около второй четверти VII в.¹⁶¹ Надо полагать, такой чиновник, непосредственно подчиненный василевсу, далеко не случайно был включен в состав правительственной делегации, посланной Юстинианом II в город для переговоров весной 711 г.¹⁶²

Регулировать перераспределение товаров, обеспечивать содержание войск снаряжением, продовольствием и собирать казенные сборы с города, а, возможно, его окрестностей, продолжали и позже, о чем свидетельствуют ряд печатей коммеркиариев VII–VIII вв., сначала государственных агентов по закупке товаров, прежде всего монопольного шелка, у импортеров, позже — армейских снабженцев, сборщиков не прямых налогов (коммеркия), а также находки печатей начальников их ведомства — главного логофета (geniko logothete), ипата Феодора, императорского спафария (Феофана?) второй половины VIII в. и около полусотни следующих за ним, вплоть до середины – второй половины X в., главных логофетов в чине магистров, анфипатов патрикиев, императорских протоспафариюв, патрикиев, примикириюв, царских остиариюв (евнухов-привратников), что подрывает мнение исследователей об освобождении Херсона и его порта от традиционных налоговых повинностей, государственных поставок и таможенных сборов¹⁶³. Экономическая ситуация требовала стандартных юридических мер и ведения соответствующей документации. Отсутствие печатей собственно византийских коммеркиариев Херсона вплоть до 40-х гг. IX в., времени образования фемы Климата, может говорить лишь о том, что Херсон долгое время не был самостоятельной апофикой или царским коммеркионом (после 730 / 731 г.), а входил в сферу деятельности иного административно-таможенного округа, может быть, Понта или Пафлагонии. В условиях кондоминатного владения, которое обязывало к совместной эксплуатации территории, здесь, как и в других центрах полуострова, и не должна была появиться местная византийская таможня и свои коммеркирии, которые контролировали бы транзит товаров непосредственно в херсонесском порту и получили функции собственно фемных налоговых инспекторов. Это стало возможно только по достижении ситуации развала византийско-хазарского сотрудничества на крымской земле и организации здесь фемы Климата. Весьма симптоматично, что с исчезновением херсонских коммеркиариев во второй половине X в. в городе перестают появляться и сравнительно обильные до этого печати глав центрального налогового ведомства, с которыми постоянно по долгу службы контактировали соответствующие подчиненные им местные чиновники¹⁶⁴.

С появлением стратига к нему отчасти перешел контроль за внешней торговлей и за фискальными сборами, которые совершали в Херсоне. Н. Икономидес даже высказал предположение, что стратиг мог иногда вы-

полнять обязанности коммеркиария, замещая его, что, впрочем, маловероятно, по крайней мере до конца X в., когда в силу усиления центральной власти в Херсоне был упразднен институт коммеркиариев: последние с VIII в. входили в налоговое ведомство логофета геникона и, как и диикиты, эпопты, эксисоты – финансовые инспектора, налоговые сборщики, оценщики, обмерщики имуществ, перед ним же отчитывались¹⁶⁵. В свою бытность они занимали среднее положение (шестое место из 12) среди чиновников этого важнейшего секрета государства и обычно имели третий или четвертый сановный ранг (для херсонских коммеркиариев — спафарий, кандидат, спафарокандидат, кувикуларий)¹⁶⁶. Именно в руках этих фемных чиновников, назначаемых непосредственно Константинополем, сосредотачивалась самая доходная часть поступлений.

Судя по печатам, в столице фемы действовали также имевшие отношение к сфере государственных финансов протонотарии и нотарии, а также спафарий и протевон Михаил, отвечавший за некие имперские имущества (*epi ton oikeiakon*)¹⁶⁷. Протонотарии, появившиеся как официалы с 820-х гг., относились к фемной фискальной системе и координировали ее усилия с военной сферой, подчиняясь, однако, не стратигу, а главному финансовому ведомству — сакелле¹⁶⁸. Случалось, они совмещали свой пост с функциями монетария, отвечали за работу монетного двора, как это было на Сицилии в IX в. и могло быть в Херсоне X в. после организации фемы¹⁶⁹. Впрочем, протонотарии действовали и в логофессии дрома, отвечавшей за коммуникационную систему на территории Империи и сбор информации¹⁷⁰. Видимо, поэтому моливдулы этих чиновников не всегда снабжались указанием на место службы¹⁷¹.

К этому ряду памятников, оставленных лицами ведущих ведомств имперской администрации, следует добавить моливдул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария *ton Manganon kai Chersonos*, т.е. принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Мангана и одновременно контролировал какие-то царские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший две такие печати, считает, что их присутствие указывает на «определенные налоговые привилегии, наличие которых ... освобождало Херсон от каких-либо других чиновников фискальной службы империи»¹⁷². Однако с не меньшим основанием можно допустить, что они свидетельствуют об обратном, о финансовом контроле за городом со стороны столицы, сакеллы и логофессии геникона и о взимании определенных традиционных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось, кроме того, через логофетов, хартулариев, коммеркиариев, чья документация зафиксирована сфрагистическими источ-

никами Херсона VII–X вв. К нему имели отношение и финансовые чиновники из заморья, о чем свидетельствует печать Никиты, императорского спафария и диийкита Амастириды конца IX – начала X вв.¹⁷³ По мнению издателя печати, этот провинциальный финансовый чиновник контролировал область Пафлагонии и, вероятно, соседствующей с ней фемы Вукеллариев, откуда шли поставки продовольствия в Херсон, который мог иметь вполне определенное отношение к императорским владениям. О размерах собираемых налогов данных у нас нет. Можно лишь предположить, что эти налоги были не ниже обычных и что на землях Церкви и государства существовала льготная система обложения, отсутствовавшая на землях частных собственников.

В городе существовали государственные благотворительные учреждения, птохионы и ксенодохионы, которыми управляли соответствующие государственные чиновники, скорее всего, из числа клириков, и которые находились в подчинении столичного казначейства — сакеллы¹⁷⁴. Один из таких приютов, посвященный св. Фоке Навту, располагался в первом или, скорее, во втором квартале портового района Херсона, другой, монастырский ксенон (носокомион) или богадельня, входил в храмовый комплекс св. Леонтия Киликийского на северо-западной оконечности городища¹⁷⁵.

Наконец, мощным проводником византийского государственного влияния была Церковь Херсона, епископы, а с IX в. архиепископы которой тоже обладали официальными печатями и которая в свою очередь зависела от Империи, нуждалась в ее поддержке¹⁷⁶. Интересы местных Церквей в Юго-Западной Таврике вообще были важным фактором, удерживавшим эти земли в орбите византийского влияния. Кроме того, надо учесть, что в VII–VIII вв. городской совет вместе с протевонами, их деловым опытом, архивом мог быть подчинен церковной власти в лице епископа Херсона, а последний поставил делопроизводство, без которого город не мог обойтись, под свой надзор¹⁷⁷. Не исключено, что епископия осуществляла контроль за возведением, эксплуатацией и ремонтом таких общественных сооружений, как бани¹⁷⁸. В противном случае трудно объяснить, почему не встречали возражений церковных властей столь близкие по местоположению постройки бань возле Северной базилики в квартале IX и около церкви-мартирия с подземной криптой в квартале III. Еще одна баня могла находиться недалеко от экзонартекса Уваровской базилики, судя по упоминаемым К.К. Косцюшко-Валюжиничем остаткам сооружения, с пропущенными сквозь стены керамическими трубами, которое было разобрано при строительстве дома для академика Ф.И. Чагина. Под таким же надзором до первой половины IX в. действовала и ранневизантийская общественная больница — ятрина (носокомион), место нахождения которой можно

предполагать в помещениях рядом с большим водохранилищем в юго-западной части городища¹⁷⁹. Находки в его засыпи, наряду с прочим, керамической формы для оттиска евлогия VI–VII вв., шести глиняных штампов для евхаристических хлебцев, керамических курильниц, крышки от сосуда с крестами, бронзовых подвесок от лампад убедительно указывают на связь больницы с церковью или часовней. Херсонская епископия, ставшая с IX в. архиепископией, надежно стояла на страже государственных интересов и не стала бы поддерживать сепаратистов, тем более, полисные свободы. По-своему показательно, что даже в 710–711 гг., когда решалась судьба города, позиция местных церковных властей, ее архиепископа в отношении к перевороту не нашла отражения ни в одном из византийских источников¹⁸⁰.

У нас нет свидетельств о направлении в Таврику Империей в VII в. воинских контингентов. Византийские власти были вынуждены формировать войско, очевидно, на местной, территориальной основе, с привлечением симмахов, энспондов — союзников из варваров. Это отражает общую тенденцию, переживаемую вооруженными силами Империи¹⁸¹. Византийская армия превращалась в местное воинское формирование и лишь высшие командиры получали императорское утверждение. Низшее и среднее звено стало выборным. Чиновный аппарат, в целом, тоже воспроизводился и пополнялся на месте, что было характерно для гомогенной, грекоязычной Византии, постепенно отошедшей от традиций космополитизма.

Судя по упоминаниям херсонесскими патриографами «арифма», речь шла о полурегулярной армии и, вместе с тем, специфической социальной группе, войске-сословии, связанном с местом дислокации экономическими узами¹⁸². Они проживали в городе, а формирования федератов — в близлежащих поселениях, чьими опорными, административными, церковными, торговыми пунктами являлись кастра и полисмы. Новые византийско-хазарские отношения повлекли дальнейшее изменение этой системы и привели, вероятно, к окончательной иррегуляризации войска в Таврике. Уже в начале VIII в. это нерегулярное воинское формирование, по традиции возглавляемое протополитом, местным архонтом, если оно и существовало в условиях наступившей договорной демилитаризации с хазарами, было неспособно к постоянной гарнизонной службе и вообще действенной службе по охране городских стен, о чем недвусмысленно свидетельствуют события первой вооруженной конфронтации херсонитов с Юстинианом Ринотметом в 710 г. Сопротивления по сути дела не было («*medenos autois antistantos*», — отметил Феофан)¹⁸³. Позже оборона велась назначенным из столицы архонтом города, спафарием Ильей (Илией), видимо, силой небольшой части тех имперских войск (тагм и стратиотского ополчения), которые были присланы из Византии с «первым флотом», снаряженным за

счет средств жителей Константинополя¹⁸⁴. Видимо, как и в архонтах Диррахия, Кефалонии, Крита, Кипра, Фессалоники, регулярный гарнизон Херсона насчитывал в VIII в. не более 100 воинов¹⁸⁵. Таким образом, до образования фемы, после смены дуката архонтом, в условиях демилитаризации, вполне свойственной византийско-хазарским мирным договоренностям, безопасность херсонитов и других обитателей здешних земель долгое время не требовалось обеспечивать, хватало небольшого ополчения городских собственников, и только когда византийско-хазарские отношения стали меняться в худшую сторону, в конце VIII – первой половине IX вв. здесь стали чаще появляться ромейские регулярные войска, на что указывают моливдулы спафарокандидата и турмарха Константина и комискоротов — штабных комитов «палатки» (*tes kortes*), в частности, императорского кандидата Исоа¹⁸⁶. Последние являлись чем-то вроде интендантов при стратиге или полководце-императоре, ведали военной сторожевой службой во время походов и дежурили при императорской палатке¹⁸⁷.

Тогда же должна была повыситься военная роль архонта города, на наличие которого, в том числе как византийского титулярного чиновника, указывают находки моливдулов, более частые, чем в предыдущее время (две печати VIII в. против 20 — конца VIII – первой половины IX вв.)¹⁸⁸.

Все вышеизложенное позволяет задаться следующим закономерным вопросом: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что после Маврикия «связи с центральной властью ослабевают», «на Крымский полуостров перестают обращать внимание» и уже при Ираклии или, во всяком случае, «не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»¹⁸⁹. С этим, звучащими как аксиома, тезисами никак не согласуется смещение за провинности центральной властью одних государственных служащих и назначение, присылка в город других имперских титулярных чиновников, примером чему могут быть попавшие в опалу протополит Зоил, ряд протевондов и упомянутый выше спафарий Илья, дорифор — «копыеносец» василевса, в 710–711 гг. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора¹⁹⁰. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй половины VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (*sic!*)¹⁹¹. И это притом что с утратой северо-западного побережья Черного моря в результате создания Болгарии и при угрозе точному, вследствие арабской экспансии, сохранение позиций в важнейших центрах Таврики, оказавшихся на острие хазарских интересов, не могло не

приобрести для государства ромеев особую, принципиально важную актуальность. Херсон в таких условиях становится еще более значимым, чем прежде, «оком и щитом» Империи, стратегическим звеном северной границы, утрата которой стала бы чувствительным ударом по безопасности и экономическим интересам Византии¹⁹².

К тому же невозможно представить, что спафарий Илья был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Собственно, ничто не мешает видеть в протополите Зоиле именно архонта города, равно как и «ничто не говорит о том, что Зоил был первым исполнителем обязанности архонта»¹⁹³. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел. В этом плане следует обратить внимание на печати Саввы, ипата, и Феодота, ипата и царского спафарокандидата (2 экз.), архонтов Херсона, тоже одни из сравнительно ранних (с VIII в.), а также на моливдулы Евстафия, царского спафария, еще одного Зоила, ипата, Константина, царского стратора и затем спафария, Григоры, царского спафария, — архонтов Херсона конца VIII в., рубежа VIII–IX вв. или первых десятилетий IX в.¹⁹⁴ Свыше десятка херсонских архонтов IX в., чьи печати происходят из судакского сфрагистического архива, тоже носили титулы императорских спафариев или спафарокандидатов¹⁹⁵. Долгая, многолетняя служба некоторых из них, подтверждаемая сменой нескольких буллотириев и узким кругом имен таких лиц за 150 лет (не более 12 человек на почти 100 печатей)¹⁹⁶, указывают на то, что это были преимущественно выходцы из местной знати, которых не торопились менять и которые, видимо, удовлетворяли Константинополь, их утверждавший. Весомой властью в условиях непростых византийско-хазарских отношений в Таврике они не обладали и, самое главное, можно было не бояться их сепаратизма. По этой причине сменяемость чиновников была достаточно редкой, но назначать в городе правителей центральные ромейские власти никогда не забывали¹⁹⁷. Уже судя по тому, что протополита Зоила вызвали в Константинополь после введения в город войск Юстиниана II и затем вернули обратно «в прежнем [положении]» («в прежней власти»), этот глава городской администрации утверждался василевсом и, значит, ни о каком стремлении Юстиниана II «ликвидировать городское самоуправление» говорить не приходится¹⁹⁸. Этого самоуправления к хазарской эпохе уже не существовало, как и некой императорской политики, направленной против муниципальных органов города. О постоянном контроле говорит обилие моливдовулов византийских сановников — ипата Стефана (VII в.), императорского нотариуса Феодота (VII в.?), «императорского магистрана» Анфима (конец VII – начало VIII вв.), кандидата и спафария Георгия (вторая половина VII – первая половина VIII вв.), патрикиев Мариана (VII в.), Артавазда (20-е гг. VIII в.), Теосовия (VIII в.), Плотина (VIII в.?)¹⁹⁹.

Учитывая сравнительно небольшое количество моливдулов и известных к настоящему времени имен архонтов Херсона, особенно для VIII в.²⁰⁰, можно допустить, что не все они были почтены саном и соответственно имели именные печати. Однако едва ли это обстоятельство мешало им и прочим протевонам представлять интересы местной, зависимой от воли императоров городской общины, сотрудничать с ней и вместе с тем являться функционерами византийской провинциальной администрации, стремиться сделать карьеру и блюсти интересы Империи.

Кроме того, о низком ранге обладателей таких печатей можно говорить с большой натяжкой. К примеру, сан, или звание (*taxis, lamprois axiomasi*), ипата относился к синклитикам, т.е. не имел военного характера, которого его обладателю-архонту города было и не обязательно иметь. Тем не менее это было достаточно высокий чин, соответствовавший прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Он следовал сразу за «степенью» спафария, чиновника третьего класса, имевшего, однако, уже военный характер²⁰¹. Во всяком случае, ранга ипата или спафария было вполне достаточно, чтобы получать в Византии очень высокие должности²⁰². Например, ко второй половине VII – первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха — правителя Италии, т.е. представлял гражданскую и военную власть василевса на территории всего Равеннского экзархата²⁰³. Ими чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии²⁰⁴. Позже, около середины IX в. некий ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона²⁰⁵. Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов являлись главами окраинных провинциальных округов, городов-крепостей, например, на территории армянского Васпуракана²⁰⁶.

На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооруженные силы играли роль личной императорской гвардии, во второй половине VIII – начале IX столетий тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии²⁰⁷. В трактате «О фемах» Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены фемы и должности стратигов, комитами называли стратигов²⁰⁸. Следовательно, в понимании ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракисия) и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте, несмотря на заявленный сан патрикия²⁰⁹. Спафарием был и тот стратиг фемы Армениак, печать которого, датируемая около середины IX в., оказалась в числе случайных находок из Херсонеса²¹⁰.

Так что отправление должности в ранге ипата или в еще более высоком сане царского стратора или спафария ни в коей мере не умаляет положения

главных византийских чиновников в Херсоне хазарской эпохи, долгое время, до создания фемы в 30-х гг. IX в., являвшегося одним из архонтатов Романии – зависимой от Империи административной единицей, переходной формой к феме или турме – подразделению фемы, автономность которой была весьма относительной²¹¹. Именно так — архонтией или архонством, как и Боспор, называл город Никифор в своем «Бревиарии»²¹².

Несмотря на дискуссионность, спорность понятия «византийский провинциальный архонт», «архонт города», «фемы», непреложным является то, что появившись, вероятно, с конца VII в., со времени первого правления Юстиниана II (685–695), это были особые должностные лица, единоличные главы провинциального или муниципального управления и одновременно чиновники на государственной службе, представители центральной власти из числа избранных состоятельных, влиятельных провинциальных собственников, землевладельцев средней руки, владельцев недвижимости, лидеров местной городской элиты, которые находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае, занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали разнообразные вопросы местного управления, финансов, выполнения государственных повинностей, контролировали деятельность местных властей в интересах Империи²¹³. Следовательно, для византийских земель термин *archon* означал не просто начальник, но обязательно соответствующее лицо в административном аппарате, представителя центральной власти, невзирая на степень внутренней автономии того или иного архонтата. Следует подчеркнуть, что эта автономия никоим образом не исключала последний из сферы действия византийской налоговой системы, имперского законодательства и церковных административно-территориальных институтов²¹⁴. Более того, Элен Арвейлер резонно полагала, что архонт имел прямое отношение к контролю над здешними территориальными водами и даже возглавлял силы византийской военной эскадры²¹⁵. Как уже указывалось, применительно к позднеримскому — византийскому Херсону, «архонтом» изначально мог являться «протополит» («первый гражданин») — высший муниципальный чиновник города, известный с первых веков н.э. в форме «первый архонт», но это уже не был «глава местного самоуправления»²¹⁶. Необходимо подчеркнуть также и то, что главы архонтатов были в единственном числе, не представляли коллективной магистратуры, как это было в античных полисах, да и сама их должность была государственным постом, а не магистратурой²¹⁷. На это обстоятельство однозначно и безоговорочно указывают многочисленные памятники сфрагистики из Херсона и Сугдеи, приближающиеся к настоящему времени к сотне экземпляров, всегда пред-

ставляющие данного чиновника в одиночку, поэтому несомненно ошибочное представление о коллегиальности института византийских архонтов должно быть окончательно отвергнуто²¹⁸. Нет никаких оснований предпринимать сложные безуспешные поиски точной аналогии византийскому архонтату с некой мифической коллегиальной формой управления только для того, чтобы обосновать идею континуитета в эволюции этого органа²¹⁹.

Архонты почти всегда располагались на одном иерархическом уровне и в VIII – первой половине IX вв. в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев (турмархам, хартуляриям и др.), хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)²²⁰. Те же самые звания (царских ипатов, спафариев, спафарокандидатов и главным образом протоспафариев) имели архонты Херсона²²¹, которые, таким образом, были «не лучше и не хуже» глав других архонтатов и тоже утверждались в должности василевсом. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей к последней трети IX столетия²²², и крушение некоего «полисного самоуправления» конкретного Херсона, равно как и «преобразования в городском хозяйстве», здесь, конечно, ни при чем²²³.

На исчезновение печатей архонтов Херсона обратил внимание Ж.-К. Шенне, отметивший, что «трудно хотя бы одну из них с полной уверенностью отнести к периоду после 850 г.», и далее констатировал: «...можно с уверенностью говорить о том, что должность архонта не пережила учреждение должности стратига Климатов или стратига Херсона»²²⁴. Н.А. Алексеевко тоже подчеркнул изменение сфрагистического типа печатей около середины IX в., даже пришел к выводу о том, что датировка самых поздних моливдулов архонтов не выходит за пределы 50-х гг. IX в., т.е. практически совпадает с временем создания фемы, но ввел, «влил» архонтат Херсона в структуру стратигии, предположив сохранение его существования еще «какое-то время», якобы до окончательной трансформации фемы Климата в фему Херсон²²⁵. Между тем оснований для этого нет. Византийские источники недвусмысленно говорят об избрании стратига Херсона и его местностей (*tes Chersonos kastron kai tous en aute topous*) и о подчинении ему сразу же «протевона и всех» (*ton tote proteuonta kai pantas*), т.е. «отцов города» (*pateron tes poleos*) и «властей», конкретно — «архонтов» (*archousi*), очевидно, самого города и окрестных мест-городков, полисмата²²⁶. В крайнем случае, архонт Херсона мог какое-то непродолжительное время, до сосредоточения фемы в рамках собственно Херсона в 50–60-е гг. IX в., сохраняться как официальное лицо чиновного аппарата Империи, т.е. как архонт города, подчиненный стратигу, но не более того.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того как он стал к 840-м гг. протоспафарием и, видимо, стратигом Херсона, явилось стремление удержать город и прилегающие к нему районы в повиновении, «ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти»²²⁷. Однако такая вольная и в значительной степени субъективная интерпретация источников (42-й главы «Об управлении империей» и очерка о Феофиле Продолжателя Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, тем более с учетом контекста, которое указывает на то, что Петрона, по собственному опыту (*empeira*) хорошо узнавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, предостерегал императора «не доверять» (*me katapisteuses*) в этих новых, ставших нестабильными, ненадежными, условиях тамошним чиновникам, протевону и «отцам города» (*pateres tes poleos*), т.е. местным «правителям», «начальникам» (*archousi*), в том числе уже известному по печатям VIII – первой половины IX вв. киру, архонтам окрестных полисов, кастра, и для того, чтобы «законно» (*kyrios*) повелевать Херсоном и его местностями, советовал организовать «избрание своего стратига» (*proballou strategon idion*)²²⁸. Иными словами, упразднить прежний правовой статус Херсона как архонтата и, создав новую «законную» стратигию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклав, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возрастающего расхождения со все более слабевшими хазарами и появления воинственных венгров. Не «отрицательный отчет» Петроны о деятельности протевона, т.е. архонта Херсона, не малое доверие к местной аристократии, не сомнения в «политической лояльности», верности херсонитов и не стремление удержать их в повиновении²²⁹, а становившееся опасным изменение объективной политической ситуации в регионе, связанное с назревавшим развалом прежних византийско-хазарских отношений в Таврике, подвигло центральную власть на решительное имперское военно-административное и территориальное преобразование.

Поскольку глагол *proballō* имеет значение «выставлять в качестве кандидатуры», «предлагать к избранию», а по сути является скрытым эвфемизмом необсуждаемого приказа, можно думать, что до этого «всем управляли» (*ta panta dioikon*) в основном выдвигаемые на месте архонт Херсона (в редакции Константина Багрянородного он назывался *proteuontos*²³⁰) и прочие титулованные (кир) и нетитулованные чиновники из числа именитой городской знати, «отцы города» и соседних с ним мест — «архонты», «простатевонты», «нотабли». Именно этим объясняется, почему эти начальники были названы в письменных источниках во множественном

числе, хотя во главе Херсона как архонтата стоял единоличный архонт, он же «первенствующий». С этой точки зрения он имел отношение к протевонам²³¹. Исследователи в качестве сравнения обратили внимание по этому поводу на далматинский Диррахий IX в., который тоже объединял область из трех десятков городов-крепостей во главе с имперским наместником, имевшим титул архонта и именовавшимся «первенствующим» (приором)²³². Сходное административное устройство могло быть и в случае с Херсоном: первый протевон имел полномочия имперского архонта, а прочие протевоны (кир, «отцы города») — полномочия местной (но уже не самоуправляемой) администрации, своевременное и точное исполнение обязанностей которой через архонта, относившегося к чиновному аппарату Империи, направлялось и контролировалось центральными византийскими ведомствами.

Высокий статус дуката, а затем архонтии был обусловлен альянсом с императорской властью, и уже поэтому херсонская правящая верхушка, ясно осознававшая призрачность своей квазиавтономии, должна была хранить верность Империи, но присылка верховного должностного лица со стороны, назначенного из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было делом достаточно необычным, редким. Согласно повелению Феофила, «протевон и остальные» (*ton proteuonta kai pantas*), «так называемые отцы города» (*ton eponomazomenon pateron tes poleos*), т.е. штат коллегии местных чиновников, действовавший до этого «от лица» василевса, должен был быть с той поры (*ex oi kai mechri*) ограничен (*orisas*) безоговорочным подчинением (*upeikein*) «избранному» стратигу, выдвинутому самим императором²³³.

От внимания исследователей ускользало то, само по себе очевидное, обстоятельство, что Феофил именно повелевал, приказывал главе тогдашних местных властей, отчасти сохранявших лишь внешнюю преемственность с античными полисными магистратурами, и остальным подданным подчиняться новому главе — стратигу, и, значит, они уже находились в подчинении до отдания этого приказа (*orisas ton tote ptoteuonta kai pantas upeikein auto*). Им не надо было переходить под власть Империи, как полагают некоторые исследователи²³⁴. Речь шла о введении их в рамки очередного, нового, но вполне законного административного устройства. Поэтому решение василевса заменить архонтию стратигией нельзя рассматривать как некий юридический акт об аннексии земель Таврики Византией. Последняя и так имела права на эти земли, хотя, может быть, и в несколько иной форме, обусловленной до поры до времени особыми отношениями с Хазарией. Ни о каких переговорах и заключении соответствующего имперского договора с неким несуществующим «городским самоуправлением», «местной народ-

ной властью» речь не шла. Этот вопрос был давным-давно решен и закрыт, и никому не пришло бы в голову вновь его поднимать. Даже само предложение «избрать» стратига несло все то же значение необсуждаемого приказа.

К слову, если Петрона Каматир действительно был стратигом Херсона из числа «чужаков», не следует ли ожидать находок сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной, «автохтонной» знати? К примеру, не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул ипата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане²³⁵. Во всяком случае, печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII – начала IX вв. именем²³⁶, разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе василевсу возглавлял архонтию Херсон или был ее киром, а позже оказался «избран» (proballou), как и Петрона, фемным стратигом, т.е. повышен в должности, но не в сане. На то же обстоятельство недвусмысленно указывают печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона, скорее всего, второй половины конца X в.²³⁷ Ведь хорошо известные и столь головоломные для исследователей слова о правиле «...отсюда для Херсона избирать стратигов» (ton enteuthen eis Chersona proballesthai strategous)²³⁸ могут пониматься двояко, а скорее, просто как указание на причину (ton enteythen — «поэтому»), по которой с той поры город стал стратигидой. Во всяком случае, тенденция назначать на этот пост местных «бюрократов», может быть, даже из числа бывших инородцев, явно прослеживается со второй половины X в., когда среди стратигов начинают все чаще встречаться представители неизвестных на византийской иерархической лестнице специфических фамилий (Вога, Цула, Херсонит, Протевон, Катасах, Кфарос)²³⁹. Местные нобили-протевоны, как прежде архонты, могли иногда исполнять обязанности стратига Херсона, не получая этой должности, а в лучшем случае лишь имперское звание, чин. К примеру, на лицевой стороне печатей такого знатного лица второй половины X в., некоего Цула (Тзула), род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения либо стоял крест с крестиком в нижнем пространстве, а на обороте значилось имя функционера с прибавкой «царский спафарий Херсона» или «протоспафарий Херсона»²⁴⁰.

В любом случае, случившееся в Таврике в середине 830-х гг. событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, разумеется, не была «чрезвычайной»²⁴¹. Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновре-

менно с архонтами, но «прямое императорское правление» не было ошеломляющей новостью для Херсона, который, подобно другим типичным провинциальным центрам Византии, давно управлялся представителями имперской администрации, утверждаемой центральным правительством, независимо от того, были ли они приезжими византийскими чиновниками или принадлежали к архонтам, кирам, «отцам города» и прочим «первенствующим» из местной аристократии. Тем более нет оснований полагать, что здесь наблюдалось «смешение двух административных принципов», характерных для позднеримской, но не для византийской раннесредневековой системы управления, или было некое разделение властей — архонта, стратига и местного управления, что якобы придавало Херсону «завуалированную атмосферу, атмосферу колонии»²⁴².

Когда новая фема все же была окончательно организационно оформлена к самому началу правления трехлетнего Михаила III (842–867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры, первое время ею могла быть только фема Климата. Примечательно, что именно 842–843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне²⁴³. К этому же времени относится создание Тактикона Успенского, где впервые официально фигурирует фема Климата. Ее стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (o patrikios kai strategos ton klimaton) на 23-м месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17-м месте, в списке патрикиев и стратигов фем²⁴⁴. Архонты собственно Херсона (в оригинале рукописи — oi archsonos), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со стратигом функции управления, но уже находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии²⁴⁵. К примеру, Крит также значился среди фем, занимая предпоследнее место перед Климата, однако ниже, на 58-м месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также «архонт Крита» (o archon kretes)²⁴⁶, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе наравне с аподоместиками, эскувиторами и друнгариями, т.е. провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата стратига²⁴⁷. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем²⁴⁸. Следовательно, нет сомнений, что архонты были при стратигах ряда фем²⁴⁹. К слову, если бы Херсон продолжал сохранять в это время свой статус архонтии, на чем настаивал И.А. Баранов и что считает возможным Н.А. Алексеенко²⁵⁰, ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (o archon dalmatias, o archon kyprou)²⁵¹, еще долго действительно

оставшихся архонтатами²⁵². Такому архонту в свою очередь подчинялись прочие архонты — «начальники», скорее всего, как и в Херсоне, из числа местных протевонов, старейшин. Не случайно в конце списка санов в ранге спафариев на 54-м месте из 59 в Тактиконе 842–843 гг. еще раз были указаны «отставные архонты Далмации и прочих архонтий» (oi spatharioi kai aparchontes dalmatias kai loipon archontion)²⁵³.

Состав херсонских военных и гражданских фемных властей, — основных и тех, кто лишь выступал «от лица» стратига, — остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно провинциальное управление в виде оффикия любого стратига включало хотя бы одного таксиарха — командира 1000 пехотинцев, турмарха или мерарха — глав военного подразделения (турмы или меры — «части»), «главу палатки» — комискорта (komes tes kortes), фактически начальника штаба стратига и интенданта; доместика, друнгария и комита военных отрядов — ванда, протокентарха или нескольких кентархов спафариев — командиров подразделений, комита tes etaireias, протоканцеллария — канцеляриста и протомандатора — «адъютанта», посыльного, тогда как гражданскую часть представляли судья, протонотарий, отвечавший за координацию действий военных и фискальных фемных механизмов, за снабжение фемной администрации всем необходимым и подчиненный центральному финансовому департаменту — сакелле (свои отчеты он отправлял прямо в Константинополь, минуя стратига); хартуларий, выполнявший в феме финансовые функции, ведший каталог стратиотов и связанный с логофетом ton stratiotikon; инспектор — эпопт, ведший кадастровое описание приобретенных имперских земель и проверявший каталог воинов; диикит, финансовый инспектор земельного налога, сборщик связанных с ним государственных податей, как и эпопт, подчиненный главному налоговому ведомству — геникону; счетчик (anagrapheis) и писцы — скрибы секрета (basilikoi notarioi kai notarioi)²⁵⁴. Известно, что комиты соответствовали архонтам²⁵⁵ и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климата — Херсона. Однако уже Н. П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX–X вв. — в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития ... Стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, т.е. иногда не состоят и в разряде oi basilikoi (“царевы мужи”)²⁵⁶.

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту картину²⁵⁷, но в основе своей она верна: фема была невелика или, лучше сказать, весьма скоро после ее организации стала невелика, сохраняла отчасти унаследованный от городского совета архонтата управленческий, должност-

ной аппарат (примером чему могут быть кир, «отец города» и экдик, в том числе как ek prosorou стратига), и ее глава, повелевавший этим аппаратом, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Временами, как это было в июне 860 г., когда город находился в трудном положении из-за враждебного прессинга «толп язычников», «многих нападений варваров», здесь вообще могло наступить безвластие; во всяком случае, отсутствие на какой-то момент стратига — единственное логичное объяснение, почему херсониты не выполнили свою обычную обязанность, заранее не предупредили имперское правительство о морском походе на Константинополь «превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам» «народа рос»²⁵⁸. Херсонес в этом плане не был уникальным городом, поскольку номинально сохранявшиеся городские советы, курии формально сохраняли свои управленческие, начальственные полномочия и в других центрах Романии по меньшей мере до конца IX в., судя по 46-й новелле императора Льва VI, стремившегося узаконить окончательную отмену полномочий их членов²⁵⁹. Сохранение должностей «отца города», экдика во второй половине IX в. и в первой половине X в., а протевона вплоть до конца X — начала XI вв., примером чему могут служить печати хрисотриклинита Иоанна и патрикия, стратига Калокира, указывает на то, что полное упразднение остаточных пережитков курialesного управления, по крайней мере в названиях его носителей, не было изжито и после выхода новеллы Льва Мудрого. Кроме того, полифункциональность обязанностей стратига позволяла ему замещать некоторых чиновников и, таким образом, обходиться без них. Вообще, его действия были многохлопотны даже в рамках сравнительно небольшой военно-административной единицы. Он организовывал военные силы фемы, ее администрацию, вел списки — каталоги стратиотов, осуществлял казенные выплаты, отвечал за дозорную, предельно важную службу города, следил за строительством, обновлением и текущим ремонтом общественных построек, оборонительных сооружений, тесно сотрудничал с духовными властями, как столичными, так и с церковным главой Херсона, оставаясь в строгой подотчетности константинопольскому правительству и лично правившему на тот момент василевсу²⁶⁰. Не исключено, что отставные стратиги продолжали участвовать в управлении городом, переходя в разряд «отцов города» и императорских «эк просопу» (полномочных представителей с широкими функциями), о чем свидетельствуют моливдулы Сергия (коммеркиарий, стратиг, ek prosorou, pater polios), позволяющие восстановить его cursus honorum на протяжении нескольких десятков лет в конце IX — первой половине X вв.²⁶¹ Подобно этому архонты переходили в разряд апархонтов — отставных, бывших архонтов Херсона²⁶². Относить такие должности к «внештатным», да к тому же заменяющим архонта или стратига, едва ли правомерно²⁶³.

Для размещения сравнительно небольшого по численности штаба стратига вполне хватило выстроенного в середине IX в. треханфиладного претория, в конце столетия перестроенного в более обширный монументальный архитектурный ансамбль с внутренним двором, располагавшийся на территории «цитадели» в юго-восточной части Херсона²⁶⁴. Составлявшие его помещения в два ряда и двор в итоге заняли не меньше 268 м². О том, что это был именно praetorium, недвусмысленно указывает содержание строительной надписи 1059 г. на мраморном карнизе длиной 0,9 м, шириной 0,6 м и толщиной 0,3 м, который был найден с наружной стороны береговой оборонительной стены, напротив башни XXI, недалеко от «цитадели» города²⁶⁵. В комментарии к памятнику В.В. Латышев заметил, что это слово «...весьма часто употреблялось византийцами и притом в разных значениях, одно из которых — „Aula seu Palatium Praetoris vel Rectoris Provinciae“ по объяснению Дюканжа — вполне подходит к нашей надписи»²⁶⁶. Примечательно, что в столице Империи преторием называли помещение ведомства городского эпарха и тюрьму, которая находилась под надзором логофета претория. Видимо, не случайно в трактате «О фемах» Константин Багрянородный подчеркивал различие между «городом — преторием» и прочими городами. Херсон, как центр фемы, был именно таким городом, пользовавшимся особым положением.

Сооружение в X в. рядом с преторием отделанного мрамором небольшого базиликального храма, включенного в здешний комплекс зданий, явилось основанием для предположения о перемещении сюда в это время архиепископской резиденции, которая оказалась соседкой административных властей: «...епископ, живя в цитадели как в крепости, выезжал отсюда для служения в других храмах Херсонеса»²⁶⁷. Это могло бы иметь место в случае прекращения существования епископального центра на северо-восточном берегу города. Однако он продолжал действовать, а его кафедральный храм — кафоликон даже пережил перестройку, на что указывает заклад из 19 монет Романа I в яме под алтарем, обнаруженный во время раскопок 1853 г.²⁶⁸ Примечательно, что Уваровская базилика (№23) даже после того, как она сократилась до размеров центрального нефа, не стала местом многочисленных захоронений. Гробницы обнаружены только в кирпичных закладах интерколумния. Очевидно, на территории главного епископального комплекса хоронили преимущественно видных клириков, церковных иерархов, особо уважаемых ктиторов, массовые захоронения здесь не производили даже в последний период истории города. Все это говорит о том, что именно базилика №23 оставалась действующим кафедральным храмом до конца своего существования. Окончательное же разрушение епископального комплекса произошло не ранее XIII в.²⁶⁹ Остается неизвестным,

существовал ли синтрон с архиерейским креслом в храме «цитадели», но, скорее всего, это была гарнизонная церковь, церковь претория, не рассчитанная на регулярное епископское богослужение.

Не исключено, что с комплексом претория косвенно связан известный пассаж из Константина Багрянородного, относительно государственных средств, выделяемых фемному Херсону. Две литры пакта (duo tou paktou), 144 номисмы «договорных денег», денег «по условию», которые, наряду с 10 литрами казенного золота (720 номисм), получал этот кастрон от Империи через своего стратига, могли быть как платой местным имперским федератам за выполнение ими союзнического долга²⁷⁰, так и, еще более вероятно, учитывая сравнительно небольшие размеры суммы, платой за аренду некоторых херсонских оборонных или военно-административных объектов на территории городской общины, того же претория в «цитадели»²⁷¹, либо отголоском давнего, уходящего корнями в начало IV в. договора — традиции набирать некоторое число наемных постоянных военнослужащих (таксатов или таксеотов регулярного отряда — тагмы) среди потомственных горожан и платить им из казны содержание²⁷². Но, разумеется, этого не хватало бы на содержание достаточно многочисленной муниципальной и фемной администрации Херсона, если учесть обычные размеры чиновного жалованья, какие фигурируют в византийских источниках²⁷³.

Н. Икономидес предлагал понимать под 2 литрами пакта 1/5 часть солемия в 10 литр, который выплачивался, якобы, херсонской знати за ее лояльность по отношению к Империи²⁷⁴. В таком случае властям херсонитов было даровано право на получение той части дохода, возможно, от сбора коммерция, которая должна была бы поступать в казну. Однако источник однозначно говорит об этих деньгах как о «даруемых из казны» — tas didomenas apo tou demosiou²⁷⁵. К тому же такого рода удержания, имея они место, являлись бы своего рода частноправовой рентой, которая противоречила бы тогдашней политике «икономии» — государственного управления. Как известно, чиновники с имперскими титулами, представители администрации и армии, получали жалованье и рогу — довольствие из государственной казны, которые позволяли иметь вполне приличный стабильный доход размером в среднем от нескольких десятков до нескольких сотен или более номисм.

Таким же относительно небольшим по количеству, как администрация херсонского стратига, и вдобавок нетипично фемным по характеру был состав местных военных сил. Описывая в трактате «О фемах» устройство фемы Анатолик, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратигов и имели «...начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев (dexilaboys)»²⁷⁶. По численности

это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века н. э.²⁷⁷ Согласно военной реформе 840 г., фемы не должны были иметь подразделений меньше чем друнг, насчитывавший 1000 человек. В свою очередь друнг подразделялся на пять ванд по 200 человек в каждом отряде (50 человек конников и 150 пехотинцев)²⁷⁸. При этом низший, XI ранг служащих, — стратиоты, включая декархов — командиров «десяток», получали от одной до 12 номисм в год; X ранг — кентархи ванд, канкелларии — начальники ведомственных секретов, «местоблюстители» — топотириты хор и пр. — по 18 номисм; IX ранг — вандофоры, мандаторы схол и пр. — по 36 номисм; VIII ранг — хартуларии флота, протонотарии фем, протокаравы — «старшие рулевые» и пр. — по 72 номисмы; VII ранг — асикриты, ксенодохи, гирокомы и пр. — по 144 номисмы; VI ранг — турмархи фем, архонты крупных областей и пр. — по 216 номисм, а самый «низкооплачиваемый» из фемных стратигов имел жалованье не меньше 864 номисмы²⁷⁹. К концу IX в. среди стратигов даже «аутсайдеры» в лице глав морских фем Кивирреотов, Самоса и Эгеиды имели по 720 номисм²⁸⁰.

Выходит, та сравнительно небольшая ежегодная сумма казенных денег (720 номисм), которую к середине X в. получал стратиг для Херсона из Константинополя, позволяла содержать в лучшем случае не больше 140 воинов, т.е. примерно от половины до трех четвертей обычной ванды²⁸¹. Собственно городу и не нужно было, как и прежде, иметь постоянный гарнизон, превышающий 100 человек. Другое дело, к регулярным военным силам в случае нужды могли присоединяться местные ополченцы-стратиоты, милиция, в которую, по свидетельству херсонесских «патриографов», издавна зачислялись сыновья горожан (*dia to kai eos tou nun ta touton tekna kata ton goneon tes strateias sumplerosin en to arithmo katatassontai*)²⁸². Если исходить из численности населения города в 6–7 тысяч человек, число таких «зачисленных» в войско не превышало 1000, т.е. примерно один человек от «двора». Показательно, что такая городская милиция очень долгое время, до IX в. существовала в Византии²⁸³.

Военно-податная повинность поневоле должна была оказаться на первом месте для многих, кто входил в число жителей новообразованной фемы²⁸⁴. Местные собственники с имуществом определенного размера, способные к несению военной службы (*strateia*), имевшие в составе своей семьи мужчин, вполне могли попасть в воинские списки²⁸⁵. Вместе с тем, маловероятно, чтобы они владели той земельной собственностью, которая обязывала их служить в войске и быть близкими по статусу к свободным зажиточным крестьянам — стратиотам. Херсон, вероятно, относился как раз к числу тех «не классических» фем, где военная организация базировалась

не на стратиотском землевладении, а на системе земельной воинской собственности или аренды, которая не налагала на их хозяев или съемщиков безусловной обязанности несения военной службы²⁸⁶. Подобные примеры являли Равеннский экзархат с его *exercitus* из привилегированной группы средних и крупных собственников, постоянно проживавших в городах, или армия Карфагенского экзархата, состоявшая из регулярных частей, дислоцировавшихся в крепостях в качестве гарнизонов, и из отрядов имперских союзников-федератов²⁸⁷. Стратиотского ополчения не было в фемах Сицилии и Лонгивардии²⁸⁸. Подобные случаи обнаруживают некоторое внутреннее геополитическое, юридическое, военное и социокультурное сходство с ситуацией в окраинном административно-территориальном образовании, вызревшем в Юго-Западном Крыму к середине 30-х гг. IX в.

Следы существования местного фемного воинского формирования, возможно, прослеживаются в рассказе Генесия о некоем «отряде скифов из Таврики» (*tous ek Taurikes kath' etaireian Skythas*) и его решительных, единодушных действиях в 856 г. в пользу Михаила III, отдавшего приказ ликвидировать фаворита матери, Феоктиста, дабы взять власть в свои руки²⁸⁹. В столице в X в. был корпус пехотинцев во главе с *этериархом* (*o etaireiarches ton pezon*), внесенным в Эскуриальский Тактикон 971–975 гг.²⁹⁰ Однако указание на «скифский» состав отряда позволяет выдвинуть иное объяснение. Х.Ф. Байер предположил в этих воинах крымских готов, которых издавна называли скифами²⁹¹. С не меньшим основанием можно полагать, что они были потомками имперских федератов, «энспондов» — грекоязычных аланоготов, из числа стратиотов фемы Климата, которые были взяты на службу в Константинополь. Выходит, у молодого василевса были особенно веские основания благодарить своих крымских подданных, что нашло отражение в фиксируемом исследователями усилении деятельности херсонского монетного двора, выпуске нескольких типов медных литых монет именно при этом императоре²⁹².

Ничто не указывает на то, что Херсон содержал свой, фемный военный флот: письменные источники говорят лишь о гребных транспортных судах (*kamatera karabia*), а также грузо-пассажирских парусных судах (*strongila ploia* или *Chersonitika karabia*)²⁹³. Последние, «все, что могут быть найдены» (*osa eurethosin*), вместе с навами, эпиватами и ввезенным грузом (*meta tou gomou autom eiskomizesthai*), следовало в случае необходимости арестовать в столице и на южночерноморском побережье, в портах Пафлагонии, Вукеллария, Армениака²⁹⁴. Но удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для «царских кораблей», на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще

одного императорского протоспафария и друнгария флота²⁹⁵. Косвенно на это же может намекать около десятка рисунков парусно-гребных кораблей, процарапанные на внутренних, оштукатуренных цемянкой стенках вместительной, крытой сводом раннесредневековой водосборной цистерны на агоре, которая исследовалась С.Г. Рыжовым и А.Б. Бернацки в 2002 г., а затем была законсервирована²⁹⁶. Особенно интересно одно из изображений судна с заостренным носом и тремя штандартами, два из которых в «шашечку», а последний треххвостый, с прямым крестом. Подобные корабли соотносимы с ромейскими дромонами или хеландиями – крупными парусно-гребными судами военного и транспортного характера, самыми распространенным в византийском флоте. Они имели вместимость приблизительно 80 тонн, экипаж из пары сотен гребцов и около 80 воинов-стратиотов²⁹⁷. К такому класу кораблей принадлежали, например, «хеландии царского флота» (*chelandion basilikon ploimon*) и хеландии катепана Пафлагонии, около 835 г. посланные по распоряжению василевса Феофила в Херсон²⁹⁸. Сюда же могли заходить аналогичные суда фемного флота Сицилии, судя по находкам сицилийских монет первой половины IX в. и печати патрикия и царского протоспафария Епифания, стратига Сицилии в середине IX в.²⁹⁹

К слову, обилие печатей стратигов (число опубликованных образцов доходит до 75 и дает три десятка лиц за два столетия) указывает на то, что в отличие от прежних херсонских архонтов — правителей города они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4–7 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах Империи, например, Сицилии в VIII–IX вв. Видимо, объяснять этот феномен частой сменяемостью только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправдано³⁰⁰. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее, в этом можно видеть стремление правившего центра «перетасовывать чиновную колоду» из фемных глав, обладавших особенно широкой гражданской и военной властью на вверяемой им территории, дабы избежать эффекта привыкания, вrastания в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует «крайне низкий» ранг званий, а значит, и статуса стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петра Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Карп (?), императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоанн, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Феофаний — титулы чиновников соответственно 11-го, 7,

8 и 9-го рангов), тогда как с рубежа IX–X вв. преобладали моливдулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариов (9 и 11-й ранги, второй и первый класс чинов)³⁰¹. На таком уровне, как правило, находились протонотарии, турмархи, начальники штаба (*komites kortes*), архонты, т.е. чиновники средней руки. Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиги с подобными «низкими» званиями³⁰². В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же сане важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи — Анатолика³⁰³. Моливдулы стратигов VIII–X вв. убедительно демонстрируют самые разные чины этих чиновников, имевших звания не обязательно патрикиев, но и протоспафариов, спафарокандидатов, спафариов, кандидатов, даже если они принадлежали стратигам крупных, важных фем (Анатолик, Армения, Вукелларии, Македония, Эллада, Сицилия). Мало того, сан стратига не зависел ни от ранга фемы, ни от давности ее создания. К концу же IX в. особенно распространенным стало как раз звание не патрикия, а протоспафария, тогда как для второй половины VIII – первой половины IX вв. таковым являлось звание спафария³⁰⁴. Так что «сановный индикатор» оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф.И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чинов, т.е. того, что ромей обозначали термином *taxis* или *lampreis axiomasi* — «постановление», «порядок», «степень», «титул», «ранг», «сан», но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими санами³⁰⁵.

Есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрикиями. Видимо, это был лишь формально достижимый сан. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патрикия, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона и даже просто именитой фамилии Херсона ранее второй половины – конца X в. именно с таким высоким званием³⁰⁶. Очевидно, поэтому И.А. Баранов полагал, что протоспафарий Петра Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы³⁰⁷. Но, согласно Тактикону второй четверти IX в., подтвержденному данными сигиллографии этого времени, в стратигиды могли назначаться стратиги и в «генеральском» сане прото-

спафириев, занимавшие в этом случае 27-е место среди 79 высших чинов³⁰⁸. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителям других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее середины IX в., среди прочих моливдулов имперских должностных лиц — аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев.

Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратегии та «мощная полисная организация» с имперскими титулованными архонтами — «представителями самоуправления» (sic!), которая якобы налицествовала в городе в 30–60-х гг. IX в. и верность которой позже имперские власти покупали ежегодной выплатой 10 литр казенных денег³⁰⁹. Если это были представители местного городского самоуправления, тогда почему в Константинополе после создания фемы якобы решили упразднить должность кира Херсона³¹⁰, но не упразднили должность *pater tes poleos*, как следует из моливдула первой половины X в., принадлежавшего Сергию, и протоспафария Феодора второй половины этого столетия?³¹¹ Ведь никакого «двоевластия» военной и гражданской администрации здесь не могло быть, так как это нарушало единоначалие – основной, краеугольный принцип имперской фемной организации.

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о политическом статусе раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами П на аверсе и реверсе, П на аверсе и Х на реверсе, ПХ на реверсе и МВ на аверсе, буквой В на аверсе и П или ПХ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель «крепкой традиции самоуправления», «духа свободолубия» той муниципальной организации Херсона, а именно «полисной администрации», что была способна отстоять «полисные свободы» и даже «противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу»³¹². Однако не может не настораживать, что уже после создания фемы в Крыму во второй половине 30-х гг. IX в. на реверсе херсонских литых монет (DN / TH), выпуск которых был начат, вероятно, по приказу василевса Феофила, появилась надпись П/\ (*polis chersonos*); при Михаиле III (842–866) среди монет не менее двух видов (с буквой М и с буквой П на аверсе) встречались такие, которые имели на обороте крест разной формы или букву Х либо ПХ, а при Василии I (867–886) — монеты с буквой В и крестом на аверсе и буквой П с крестами или только с крестом на реверсе³¹³. Значит, в правление Михаила III и Василия I монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без «древнего символа полисного самоуправления». На это же указывают монеты с аббревиатурой К/\ или К/\М, с характерной буквой В, похожей на «замочную сква-

жину», и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (KBW) и крестом³¹⁴. Без «полисного девиза» отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886–912) и его брата Александра (/ \ E или / \ A на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление Александра (912–913) на реверсе херсонских монет в очередной раз появились буквы ПХ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод³¹⁵. Впрочем, это не помешало И.В. Соколовой, противореча себе, заключить: «Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869–879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов». О курьезе «поразительного совпадения» уже шла речь (оно относится ко всей Империи), а надпись *poleos Chersonou* встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X в., когда на смену фемы шел катепанат³¹⁶.

Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то «своеобразных компромиссов» официального Константинополя с сугубо местными, независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582–602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII – первой четверти VIII в.³¹⁷ Но их нет, за исключением надписи «Херсон» на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518–527), тогда как монограмма «Полеос Херсонос» появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527–565); легенда ХЕРСОНОС присутствует на медных фоллисах Маврикия (592–602); буквой Х был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610–641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына — соправителя Ираклия Константина (610–641), литые полуфоллисы VII–VIII вв. с буквами В на аверсе и D на реверсе³¹⁸. Примечательно, что даже инициалы василевса были убраны с солида, выпущенного в Херсоне, вероятно, в правление Льва VI или Константина VII, дабы не нарушать запрета на сохранявшееся только за столицей право чеканки золотых монет. Вместо букв П или ПХ на реверсе солида был обозначен крест на трех ступеньках, как обычно на херсоно-византийских монетах³¹⁹.

Похоже, что такого рода «девизы» то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к

которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI–VII вв.³²⁰, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (SIK, KT, R, RM, ROM)³²¹. На прочих монетах в VIII–X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а, напротив, крепили как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П, разумеется, как начальный знак слова P(OLIS), а не обозначение мифического протевона, в тех случаях, когда она ставилась на херсонских монетах IX в. обособленно, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город Империи часто называли в Византии просто «Полисом»³²². Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей «Хронографии», подразумевая Константинополь³²³. Так же поступал Константин Багрянородный³²⁴. Местные официны, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же само понятие «полис» совсем не обязательно имело в VIII–IX столетии значение некоего древнего элвтеримального символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной припиской «полеос» (tes Koloneaton poleos, tes Nikopoliton philochristou poleos и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные «города» и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами³²⁵. Они были давно лишены муниципальной организации в ее античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI–VII вв. (после упадка городских курий) функции городских советов заменила местная служилая администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни — городское управление — был в Херсоне, как и в Византии, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Случаев же бунтарского своеволия, антиимператорских выступлений за сотни лет херсонесской истории зафиксировано только два — трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, слу-

чившееся в 893 или, скорее, в 896 г. Первое из них вполне вписывается в картину тех государственных переворотов, которые потрясли Византию в 695–717 гг. и в которых мятежники-херсониты были не одиноки³²⁶. Противопоставлять херсонитов ромеям, как это делает А.Г. Герцен со ссылкой на сообщение Феофана о карательной экспедиции Юстиниана II против опального Херсона, едва ли верно, особенно в связи с некими надуманными сомнениями византийцев относительно принадлежности херсонитов к их миру³²⁷. Мятежных фессалоникийцев, равенцев, элладиков или амастрийцев византийские раннесредневековые источники тоже не называли ромеями, а подчас сообщали о военных действиях, предпринятых центральной властью против неблагонадежных (см. ниже), но это не дает оснований вычленять их из состава ромейского мира и говорит о «весьма критическом» отношении к ним этого мира.

Второе, исключительно редкое событие упомянуто без указания года Продолжателем Феофана и другими византийскими хронистами наряду с печально памятной битвой с болгарам у Булгарофигона в Восточной Фракии и взятием арабами города Корона в Каппадокии³²⁸. Примечательно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Непонятно, о какой последовавшей вслед за этим реорганизации намекает А. Пертузи, указывая на неоконченный Константином Багрянородным раздел о феме Херсон в трактате «О фемах»³²⁹. Может быть, мотив происшедшего был в какой-то степени «справедлив»? Во всяком случае, Симеон, сын Ионы, судя по имени, вполне мог быть и человеком из Херсона, которого поэтому не было необходимости навязывать некой «местной хазарской знати» (sik!)³³⁰, а сам момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда «все фемы и тагмы переправились с Востока»³³¹. Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам³³². Т.е. в основе конфликта лежали финансовые, налоговые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство и размежевание между богатыми, средними и бедными горожанами. Однако эта борьба, как и в большинстве других аналогичных случаев, была не более чем эмоционально-психологической реакцией на ситуацию, не поднимающейся до уровня потрясения основ общества³³³. Привычка же к самоуправлению населения Херсона, на которую указывали при анализе этого случая Ю.А. Кулаковский и некоторые другие исследователи, тут была ни при чем³³⁴.

Выводы о сепаратистских тенденциях херсонитов, «извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости» основываются, в основном, на предписаниях практического характера, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении кастро́на херсонитов — «столицы» фемы в случае ее неповиновения центральной власти³³⁵. Однако даже в этом сюжете не содержится намек на то, что здешний глава фемы может встать во главе сопротивления: ему предписывалось уйти из Херсона «в другой кастро́н» (*en etero kastro*), очевидно, в Сугдею или крепость из числа соседних укрепленных городищ Юго-Западной Таврики, архонты которых оставались верны правящему василевсу, и отменить казенные выплаты, полагавшиеся херсонитам. Видеть же в нем стратига «только по названию», «безоружного представителя права, скорее юриста, чем правительственное лицо», будет большой натяжкой в свете всего того, что нам известно об активной, разносторонней деятельности херсонских стратигов из летописных, агиографических, эпистолярных, эпиграфических источников X–XI вв., как и считать, что предлагаемые меры имели характер дипломатического разрыва: ни одному василевсу не пришло бы в голову идти на это в отношении своих подданных, которые, как уже отмечалось, опасались царского гнева (*ton ek tes basileias kindunon*)³³⁶.

Такого рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом ромейском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Провинциальные центры, чья ромейские законы, указы императоров, не всегда были покорны византийской власти, которой порой не удавалось добиться от горожан послушания. К примеру, во время похода стратига Петра на славян в 596 г. епископ и жители Асима (*Asemon*, *Asema*), расположенного на территории Нижней Мезии, не подчинились его требованиям включить гарнизон города, в свое время дарованный асимцам Юстином II, в ромейский экспедиционный корпус, и после безрезультатных попыток добиться этого стратиг покинул город, «...провожаемый всяческими издевательствами со стороны горожан», не забывавших в то же время в своих восхвалениях прославлять правившего императора Маврикия, чьим военачальником был оскорбленный Петр³³⁷.

Свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне осады Фессалоники славянами в 676–677 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее «опытных людей» (*empeiron andron*), имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Кон-

стантинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена³³⁸. В целом, ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона осенью 711 г., только вместо хазар здесь присутствовали славяне. Вообще, в периоды, когда центральное правительство слабело, а связь со столицей затруднялась, фессалоникийцы неоднократно пытались действовать как независимый город-государство и дистанцироваться от столичного правительства, а их совет светских магнатов и церковных иерархов занимался городскими делами вплоть до перехода Фессалоники в руки турецкого султана, что не мешало современникам воспринимать ее как второй город Византийской империи³³⁹.

Как известно, карательные действия Юстиниана II, а именно, посылка им весной 710 г. военного флота к Равенне, тоже вызвали здесь стихийное возмущение равеннских горожан, впервые избравших своего военно-административного руководителя — *dux'a*. О.Р. Бородин видит в этом «широкое антиимперское народное движение», однако признает, что оно завершилось миром после гибели Юстиниана в силу предложенных государственной властью компромиссов³⁴⁰.

В этом плане северомалоазийская военно-административная область Опикий, пределы которой отделяло от столицы Мраморное море, была не менее мятежна с конца VII до конца VIII столетия, а соседние города Вифинии — Никея, Никомидия, Пренет также не всегда были лояльны к правившим василевсам³⁴¹.

В марте 799 г. «элладики» (*ton Elladikon*), т.е., очевидно, фемная провинциальная знать, воины фемного войска пытались организовать заговор с целью возведения на трон сосланных дядей юного Константина VI в 790 г. в Афины или Коринф сыновей Константина V, но василисса Ирина расстроила эти планы, а все виновные были ослеплены³⁴². На Пасху она, по словам Феофана, ехала в повозке, в которую, наряду с четверкой белых коней, были впряжены четыре патрикия, по-видимому, участники заговора. Можно не сомневаться: не повези херсонеситам, Юстиниан II в очередной раз придумал бы для их «опытных людей», «первенствующих» наказание покруче, что он уже демонстрировал, казня, сжигая и топя их.

Чем «самоуправляемый» Херсон отличался по сути от ромейского Асима, Фессалоники, Афин или, скажем, от Селевкии — крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах Империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII – начале VIII вв., еще до того, как Селевкия — метрополия Исаврии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирриоты, она

сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, а ее управление находилось в руках местных чиновников на византийской службе, о чем свидетельствуют, как и в Херсоне, находки моливдулов³⁴³.

Оппозиционные настроения периодически возникали и в южнопонтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого «персидского отряда», талантливым военном сподвижнике василевса Феофила, ставшем его родственником, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвиненный в страшном преступлении — оскорблении величества, он «...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами» нашел убежище в Амастриде, принявшей «открытого врага царя». В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония³⁴⁴, оказался втянут в войну с императором и был осажден флотом, которым командовал друнгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841 / 842 г. решил сдаться императору и, «держав в своем сердце страх Божий, сказал, что негоже христианину радоваться пролитию крови благоверных людей», имея в виду амастрийцев и ромейских воинов³⁴⁵. Случай по всем показателям почти классический. Однако никому не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд «оплота вольнолюбия», а ее правителей назвать «местной народной властью».

Обвинения в «сепаратизме» тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надежной «тюрьмы» для разных политических преступников, бунтовщиков, смутьянов, которых не стали бы ссылать в неблагонадежный, «полузависимый» от Империи, слабо защищенный центр, населенный людьми, на верность которых нельзя было положиться. Логично, что «от жителей города, который служил центральной власти как место ссылки, преследования и заключения, никто не мог ждать ярких отклонений от официальной линии»³⁴⁶. Начиная с IV столетия, перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших после полагавшегося по закону бичевания в город или его округу, соседние «крепости — городки» (кастра, полисмы)³⁴⁷. Разумеется, выбирая место изгнания, власти учитывали не только его заброшенность, но и степень благонадежности. К примеру, Фессалоника никак не подходит под разряд небольших, «окраинных городов, удаленных от ведущих культурных центров»³⁴⁸. Однако она тоже принимала ссыльных, как и Никея Вифинская, где, к примеру, в правление Константина V провел в изгнании остаток жизни царский нотариус Феодор, отец Никифора, будущего Патриарха Константинопольского³⁴⁹.

«Нельзя думать, — справедливо отмечал А.Л. Бертье-Делагард, — что подобные ссылки делались в город, пользующийся чуть ли не безусловной свободой и не имеющий правителя, поставленного тою властью, которая ссылала; это была бы не ссылка, а предоставление свободы, тогда как ссылка в Херсонес считалась весьма тяжелым наказанием вообще и, во всяком случае, достаточно прочным заключением для лишенных престола или претендентов на него»³⁵⁰. Возможно, здесь следует ко всему прочему учитывать и консервативную особенность культуры херсонитов — потомков суровых дорийцев, всегда плохо воспринимавших вольное или невольное вторжение в их среду чужаков, иноземцев и поддерживавших во всем сограждан, преданных отчим традициям и обычаям. Отправляя к ним изгнанника, власти заранее были уверены, что его неизменно встретит настороженное отношение.

Пытавшиеся найти здесь убежище враги Константинопольского правительства очень скоро начинали понимать, что попали не туда, куда рассчитывали, что союзников, сочувствующих у них не будет, и даже просто отсидеться в городе, перевести дух не удастся. Так, поднявший в 364 / 365 г. антихристианское по своей сути восстание Прокопий, родственник покойного императора Юлиана, после поражения, разумеется, не случайно бежал вместе с семьей именно в Херсонес, рассчитывая, видимо, получить поддержку в этом остающемся еще в целом языческом городе³⁵¹. Но почти сразу незадачливый узурпатор понял, что обманулся в своих ожиданиях, «что жители его не заслуживают никакого доверия», т.е. не думают изменять правившим императорам Валентиниану и Валенту. Поскольку Аммиан Марцеллин отметил, что Прокопий «терпел от голода в диких местах и был лишен человеческого общества», можно предположить, что беглецу пришлось скрыться из города, где ему, по словам Зосима, грозило «быть выданным лицам, прибывшим искать его». Показательно, что через два с половиной столетия точно так же настороженно по отношению к опасному изгнаннику Юстиниану Ринотмету будут вести себя далекие потомки этих херсонеситов. В итоге Прокопий поспешил покинуть берега Таврики на попутном корабле, прихватив домочадцев³⁵². Более того, он направился напрямик в Константинополь. Очевидно, даже столица Империи, при всей ее опасности для мятежника, казалась ему сулящей больше перспектив и надежда, чем неудачно выбранный злополучный приют.

Уже на следующий год в Херсонес угодил в ссылку Фронимий, проходивший по делу о заговоре Прокопия³⁵³. Имперские власти могли быть спокойны: город достойно выдержал проверку на благонадежность.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элзуру, известному поборнику преследуемого правительством монофизитства, уда-

валось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку в 460 г., устраивать в Ганграх «запрещенные сходки и беспорядки», отчего Лев I перевел его в 464 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: в течение последующих 11 лет он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Нижнюю Мезию, в Томи, города Сирии, Египта, отправлял сочинения, направленные против постановлений Халкидонского собора, получал ответы и денежную помощь, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди некоторой части херсонеситов своим религиозным взглядам, но такой горячей «антиправительственной» поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел³⁵⁴. Местные церковные иерархи занимали проконстантинопольскую позицию, участвовали в синодах, утверждавших православие и осуждавших ереси, в том числе монофизитство, и вообще отличались благонадежностью. Недовольные церковной и политической зависимостью от Константинополя, подпавшие под влияние Тимофея Элура, из числа тех, что «стали следовать его вере», не могли быть многочисленными на тот момент, до либерализации отношения к монофизитам при Зиноне и Анастасии I, да и объективность этого свидетельства Захария Митиленского (Ритора) вызывает сомнения ввиду ярко выраженной монофизитской ориентации сирийского автора, для которого не исповедующие этого учения причислялись к «варварским и нецивилизованным людям»³⁵⁵.

В небольшом мартирии, написанном, вероятно, Феодором Спудом в конце 668 или в начале 669 г., и в «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина...», компиляции конца VII в., выполненной в виде схолии к нескольким кратким мартириям наиболее прославленных, непримиримых антимонифелитов, говорится, что в 646 г. в Херсон были сосланы (*Chersonem in exilium missis; kai exoristhentes en Chersoni*) схваченные «еретиками» около Авидоса монахи — братья Евпрепий и Феодор (*germanis et sanctis fratribus*), сыновья видного финансового чиновника Плутина, служившего при василевсе Ираклии, которых то и дело разлучали (*separatis*) и до смерти одного из них, последовавшей на девятый год ссылки в октябре 655 г., держали «в крепостях племен» (*in castris gentium, en kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon*), находившихся по соседству с городом и, следовательно, остававшихся под властью Империи³⁵⁶. Примечательно, что другие ссыльные противники монофелитства в Авагии (Абхазии) и Иверии тоже попадали под контроль ромейских властей в лице патрикия и стратига Иверии или патрикия и магистра Авагии³⁵⁷.

Говоря о херсонитах как о не имеющих «...совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в ... сострадании»³⁵⁸, противник церковной политики василевса

Константа II (641–668), ярый ортодокс, ссыльный Папа Мартин (649–655) тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутьян Мартин был личным врагом крутого василевса, к тому же врагом на религиозно-политической почве, не принявшим монофелитства и активно участвовавшим в возмущении равеннского экзарха Олимпия в 649–653 гг.³⁵⁹. Очевидно, его появление в городе и его климата (*ta tes Chersonos klimata*)³⁶⁰ было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне, как и среди населения Таврики, прослеживалось не только влияние монофизитов, подпитываемое торговыми и культурными связями с Сирией³⁶¹, но и безропотно принято официально введенное в VII в. монофелитство, а также очередная еретическая новация Константинополя — широко известный указ Константа II от 648 г. (*typos tes pisteos*), приравнивавший друг к другу ортодоксов и монофелитов. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам и прочим окрестным жителям Мартином, для которого отклоняющиеся в сторону любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, «варварами», которым он отказывал в общении. «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь», — писал из Херсона ссыльный своим сподвижникам³⁶². Контакты с местными жителями таких ссыльных были затруднены именно по причине взаимного недоверия и непонимания. Поэтому вряд ли Ф. Дворник прав в том, что принудительно попадавшие в Таврику сторонники ортодоксального православия, противники монофелитства были полезны константинопольскому правительству: в силу своей малочисленности они могли увеличить греческий элемент весьма незначительно, а занятие христианизацией населения в духе православия было для таких ссыльных невозможно по причине неусыпного контроля со стороны местных византийских светских и церковных властей³⁶³. То, что несли покаранные василевсом преступники, должно было восприниматься этими властями только как враждебная пропаганда на подчиненной им территории дуката (архонтии) и епархии.

Позже херсониты, «заподозрив опасность для себя», «убоявшись опасности со стороны царства (*ton ek tes basileias kindunon*) в случае, так сказать, «недоносительства», решили открыть недавно вступившему на престол императору Тиверию Апсимару (698–705) крамольные замыслы еще одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их традиционной ориентации на Византию, законопослушания и лояльности по отношению к официальному константинопольскому правительству³⁶⁴. Едва ли бы стал так ревностно, раболепно выслуживаться само-

управляемый, вольный город. По мнению Ж. Дагрона, Херсон был своеобразным местом ссылки, поскольку отправленный туда экс-император «открыто планирует свое возвращение на престол, собирает приверженцев и обладает достаточной свободой передвижения». По этому поводу стоит заметить, что, прожив в городе не один год, ссыльный не сумел обзавестись здесь большим числом сторонников (источники называют лишь несколько имен), не сыскал симпатии горожан, с ненавистью на него смотревших, а «свободным передвижением» стало бегство тайком в чужую землю. Если видеть в этом «двойственность» положения города, тогда придется признать, что он не был одинок среди прочих городов Романии. Можно вспомнить, как вызывающе вел себя в Ганграх другой враг Империи – ссыльный Тимофей Элур, чувствующий поддержку здешних горожан. Очень похожими на поведение Юстиниана II, только более успешными поначалу, были действия сосланного в 715 г. в Фессалонику низложенного Анастасия Артемия II, которому в 718 г. удалось вовлечь в заговор по возвращению престола своих приверженцев из числа фессалоникийцев, и в их числе архиепископа Фессалоники³⁶⁵. Чем не прекрасный пример «двойственности», схожей с херсонской? И пример далеко не единственный.

Тем не менее, когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец³⁶⁶. Есть основания полагать, что именно в Херсон или его окрестности («на берега Понта») им был сослан предварительно ослепленный равеннский архиепископ Феликс (705–723), несмотря на свои проимперские симпатии, очевидно, запятанный контактами с василевсом-узурпатором Леонтием³⁶⁷. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его злопамятность, жажда личной мести, толкавшие на безумные поступки, а не некая паталогическая неверность херсонитов — «сепаратистов», только и мечтавших об автономии. Скорее, здесь могли быть задействованы религиозные симпатии и антипатии местного населения. В частности, монофелитская оппозиция продолжала таять³⁶⁸. Этими настроениями мог воспользоваться в Херсоне Вардан, известный как стойкий монофелит. Он был близок к ученикам Макария Антиохийского, лишенного сана после VI Вселенского синода, на котором Макарий единственный осудил диафелитство³⁶⁹. Следовательно, город стал местом ссылки будущего василевса потому, что в очередной раз сменил религиозный курс на ортодоксальный, но изгнаннику удалось найти сторонников среди местного населения. Недаром после прихода к власти он созвал церковный синод с целью отменить положения VI Вселенского собора и предать его анафеме.

В самый апогей хазарской эпохи под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что «император, избив и остригши мятежников, сослал ...в Херсон и климата (eis Chersona kai ta klimata) ради стражи и преследования» младшего брата покойного Льва IV Хазара — кесаря Никифора и других его сообщников — заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот³⁷⁰. Точнее, это предприняла вдова василевса, Ирина, весной 776 г. раскрывшая заговор иконоборской группировки, которая объединилась вокруг братьев Льва Хазара ради попытки возвести на трон Никифора. Для того чтобы решиться на отправку преступников в Херсон, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник, способный на многое в силу своего высокого статуса, и его «подельники» не найдут сочувствия и поддержки у властей архонтата и будут лишены каких-либо возможностей для реванша. Очевидно, они тоже были разлучены друг с другом, будучи разбросаны по разным местам на территории климата. Долгое полное забвение, отсутствие свидетельств о переговорах сосланных с херсонитами или хазарами, о каких-либо попытках самостоятельно продолжать плести интриги, лучшее тому доказательство. Лишь через четыре года, осенью 780 г. о них вспомнили, попытавшись использовать в столичном придворном заговоре логофета дрома Георгия, направленном на свержение восставителей иконопочитания, императрицы Ирины и ее 10-летнего сына, Константина VI, после раскрытия которого потенциально опасных для трона ссыльных доставили из Херсона в Константинополь, рукоположили в священники, а Никифора сослали на этот раз поближе, в Грецию, предварительно ослепив³⁷¹.

Никто в Херсоне, как в целом в Таврике, не попытался использовать ввездное иконоборство как повод для бунта и отделения от государства, хотя подобное происходило в других районах Империи, например, в Мантуе, Луке и Бледе³⁷². Уже одно следование византийскому конфессиональному диктату, всем колебаниям курса Византии, за что иконодул Епифаний в первой трети IX в. укорял «лжецов», «некрепких на веру» и «кружимых всяким ветром», говорит не о неких особых, неприглядных этических, моральных нормах жизни местного населения, как может показаться на первый взгляд, а о стойкости проромейской ориентации «херсаков» и их следованию изгибам столичной правительственной политики³⁷³.

Неукротимые монахи Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений «антистудийского» поместного собора 809 г. и склониться перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, в числе которых в одном ряду упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоника, где их содержали в самых тяжелых условиях³⁷⁴. Подчас игумены, которым, как полагалось по закону, был вверен надзор над заключенными,

ми, притесняли их не в меру ретиво, даже больше, чем того требовали правительственные предписания³⁷⁵. В частности, в 48-м письме Феодора Студита некоему «юному Афанасию» (810–811 гг.) перечисляется ряд лиц, принадлежавших к разным степеням церковной иерархии и подвергшихся гонению за сочувствие взглядам студитов. Здесь названы епископ Лев по прозвищу Валелад, устрашаемый, преследуемый в Херсоне (*dediogmenos, persecutionem passus*), игумен Антоний и двое других его сподвижников, смещенных, очевидно там же; затем, после упоминаний лиц, сосланных на Липарские острова, опять в Херсоне — Литой с братией, сначала содержащиеся под стражей в этом городе, а потом отправленные к ватикану и заключенные в константинопольскую тюрьму³⁷⁶. Разумеется, представители духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики Никифора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнлюбивому» Херсону. Посылая своих противников в изгнание, каждый император оставался убежден в благонадежности выбранных для этого городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам духовенства.

Феодор Студит, обращаясь в другом своем письме, отправленном летом или осенью 821 г., к находившимся в Херсоне ссыльным епископам и монахам — «студитам», призывал их крепиться и быть наставниками, учителями, проповедниками местных жителей, «находившихся во мраке и заблуждении жизни» и участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа³⁷⁷. Очевидно, имелась в виду приверженность тому самому официальному правительственному курсу, насаждаемому из Константинополя, который, по словам Феодора Студита, проводили «ироды» — ватиканцы и, в частности, убитый в ночь на Рождество 820 г. Лев V Армянин — «великий дракон, Ассирийский ум». В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон, в целом чуждый врагам правивших ватиканцев, был транспортно связан с ядровыми землями Империи, без чего невозможны были беспрепятственный проезд в Константинополь «одного из гонимых братий», Агапита, «монаха достопочтеннейшего, или лучше, блаженнейшего», а также переписка со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счет, посылка им «некоторого приношения», видимо, столь необходимых в чужом городе денег и продуктов³⁷⁸.

Верность Херсона правительственному иконоборческому курсу тем более любопытна на фоне явных иконопочитательских симпатий и настроений, какие обнаруживала тогда же соседняя Готфия. Иначе невозможно объяс-

нить, почему между 821 и 826 гг. иерарх здешнего монашества, тот, кого Феодор Студит называл «архимандритом Готфии», состоял в переписке с известнейшим вождем иконопочитателей, принимал от него наставления в истинной вере, упреки в обмирщении местного монашества, его отходе от требований иноческого устава и даже обращался к Феодору с просьбой быть посредником в раздоре с неким «боголюбимейшим отцом и киром Филаретом», архиепископом епархии, возможно, Готфской, Херонской или Судейской³⁷⁹. По мнению Х.-Ф. Байера, эпитет «боголюбимейший», который был использован Феодором в письме по отношению к этому архиепископу, указывает на то, что упомянутый Филарет не мог быть иконоборцем³⁸⁰. Замечание не бесспорное, ибо нам не известно содержание этого письма и те упреки или наставления, которые, как и в письме архимандриту Готфии, в нем тоже могли быть.

Ортодоксы-студиты были не единственными опальными иконопочитателями. В самом начале правления Миахаила II (820–829) Херсон по неясным причинам вынужден был покинуть вместе со своим учеником Парфением прибывший туда из Константинополя ради «отдыха» (*eis anapsuxin*) предварительно амнистированный (*adeias*) Иоанн Психаит, искусный проповедник, знаменитый подвижник православия; «за дерзновенное обличение ереси», т.е. иконоборства; позже здесь отбывал ссылку монах, преподобный Иосиф Гимнограф (810–883 или 886 гг.), причем он оставался в городе «во узах и озлоблении», пока не был помилован³⁸¹. Как бы то ни было, именно присылка в окраинный город с ведома властей самых ярких иконопочитателей из числа духовенства в корне противоречит предположению о якобы «оппозиционном направлении, которое господствовало в Херсонесе в связи с иконоборчеством»³⁸².

Ничего не изменил и отказ от него. В самом конце 850-х и начале 860-х гг. окрестности города (*penes Cersonam*), вероятно, все те же кастра и полисма-та, служили местом приема ссыльных «игнатиян», непримиримых противников ватиканца Михаила III и Фотия, этого «светского чиновника», расположенного в Патриархии 25 декабря 858 г.³⁸³ Дело в том, что самосознание византийского социума, к которому относились и херсониты, очень долгое время было «государственническим» и конфессиональным, а не этническим, ибо отражало «самоидентификацию государства и города»³⁸⁴.

Херсон был прекрасно, с учетом основных правил полиоркеттики укреплен — обладал сплошной, мощной крепостной оградой, а с напольной стороны, двойной³⁸⁵. Его политический статус постепенно эволюционировал в зависимости от изменения социальных и политических обстоятельств, но в любом случае местный административно-полицейский аппарат, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить воз-

никновения и распространения смуты со стороны потенциальных источников — политических ссыльных, государственных преступников. Отзвуки былого полисного самоуправления в раннесредневековых структурах этой муниципальной бюрократии, ставшей частью имперского аппарата, как и связь органов власти с городской общиной, были не более сильны, чем в большинстве других ромейских городов, твердо державшихся за византийскую политическую систему и не посягавших на основы ромейской монархии. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за муниципальные вольности и не за отделение от Империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения Херсон являлся и в VII–X вв. на удивление лояльным, послушным, даже консервативным ромейским провинциальным городом, а сами херсониты — вполне образцовыми верноподданными ромеями, ипиками (υπεκοοι), покорно принимавшими утверждаемых из столицы правителей.

¹ Corpus juris civilis. Berolini, 1908. Vol. 1: Digesta. I.5.17; Corpus juris civilis. Berolini, 1904. Vol. 3: Novellae. 78; Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. Lipsiae, 1846. Vol. 4. XLVI.1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732–2733; Gorla F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni imperiali nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984. P. 301–302. О значении термина «ипики» см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 256–263; Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congres international des etudes byzantines. Belgrad, 1964. Vol. 1. P. 56–58.

² Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962. Vol. 1: De bellis libri I IV. – I. 12. 7; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1963. Vol. 2: De bellis libri V VIII. – VIII. 5. 27; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1964. Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 10; ср.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. 1982. Т. 43. С. 64–69.

³ Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 225–226.

⁴ Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. Серия VIII по истор.-фил. отд.. Т. 8. №3. СПб., 1906. С. 2, 13–18; Гл. 5, с. 59.10; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М., 1980. С. 40; Theophanes Continuatus e rec. I. Bekkeri. Bonn, 1838. P. 123; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. М., 1989. Гл. 42. 45–46, с. 172.

⁵ Ср.: Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 284

⁶ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995. С. 104, 62, § 120; с. 108. 24–30, § 129; с. 110. 21, § 136.

⁷ История Византии: В 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 171.

⁸ См.: Хрущева Э. Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX–XX вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Уральский гос. университет им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2003. С. 22.

⁹ Сюзюмов М. Я. Борьба за развитие феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. М., 1961. С. 51; Хвостова К. В. Социальный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социально-экономических институтов Византии // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 30.

¹⁰ Погодин П. Д., Вульф О. Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. 1897. Т. 2. С. 85.

¹¹ История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 186; ср.: Серов В. В. Понятие курий в системе ранней Византии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2000. С. 104–106.

¹² Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 75; Kazdan A. A. Municipal Administration // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1420–1421; Foss C. Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. Oxford, 2002. P. 71–72.

¹³ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 148. 58–62, § 237.

¹⁴ Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpretetor D. Petavio // PG. 1863. Т. 66. Ep. 73, col. 1437.

¹⁵ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 143–144, №3–4; Лебедева Г. Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 111–113.

¹⁶ Хрущева Э. Н. Концепция византийского государства в русской византистике... С. 23; Haldon J. Byzantium. A History. Stroud, Gloucestershire, 2000. P. 116–117.

¹⁷ Ср.: Богатырев П. И. Гносеологические и социальные корни бюрократизма в системе управления // Методологические основы управления социальными процессами в условиях совершенствования социализма. Калинин, 1988. С. 53; Гойков В. О социальной сущности бюрократии // Вопросы экономики. 1989. № 12. С. 99–101; Ивановский В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Вопросы экономики. 1989. № 12. С. 122–123; Мешков П. Я. Бюрократизм и бюрократия в системе социально-политических отношений // Социально-политические науки. 1992. № 1. С. 34–41.

¹⁸ Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес / МИА. 1959. №63. С. 37–38, 53; Сидоренко В. А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 588; Романчук А. И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 138; Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 206; Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 159, 163–165; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 151; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М., 2003. С. 65.

¹⁹ Treadgold W. R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1980. Vol. 21. P. 278, note 32; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 689–700; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 312–323; ср.: Сорочан С. Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 350–352.

²⁰ Ср.: Hannick Chr. *Annexions et reconquetes byzantines*. Peut — on parler d'un uniatisme byzantin? // *Irenikon*. 1993. №66. Р. 451–474; Могаричев Ю.М. Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 129. В свое время А.Л. Якобсон тоже полагал, что местное самоуправление Херсона в лице «протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.», продолжало существовать, «хотя и с меньшим значением», в X в. и лишь в следующем столетии «в основном» прекратило существование (см.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. 1950. №17. С. 19–20). Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю неизменно считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание, что такие взгляды порождают совершенно противоестественное для права и менталитета Романии словосочетание – «самоуправляемый имперский город».

²¹ Алексеев Н.А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 161.

²² Ср.: Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 77, 78; Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 201,8; 464,6; Сюзюмов М.Я. О социальной сущности законодательства «Василик» // ВВ. 1953. Т. 6. С. 76; Claude D. *Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert*. München, 1969. S. 114, 118–119; Каждан А.П. Город и деревня в Византии в XI–XII вв. // *Actes du XII Congres international d'etudes byzantines*. Beograd, 1963. Т. 1. С. 37–38; Курбатов Г.А. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. А., 1971. С. 201, 204; Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 a 451*. Paris, 1974. P. 191; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 124–125; Панов В. Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина // *Actes du XV Congres international d'etudes byzantines*. Athenes, 1980. Т. 4. Р. 268–274; Angold M. *Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire* // *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries*. Oxford, 1984. P. 236.

²³ Antonopoulou I. The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the *Tactica* of Leo VI the Wise // *Byzantiaka*. 1993. Т. 13. Р. 151–160.

²⁴ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 132. 49, § 193; с. 144. 11, § 231.

²⁵ Там же. С. 195, комм. 103.

²⁶ Там же. С. 144. 10–13, § 231.

²⁷ Там же. С. 146. 20, § 232.

²⁸ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 150. 25–26, § 244; с. 154. 101, § 252; с. 154. 15, § 254; с. 164. 23, § 278; с. 166. 51, § 281; с. 174. 8, § 293. В частности, анализ рассказа о незаконной распродаже запасов хлеба «чужим судам» (τον херон ploion) из фессалоникских общественных амбаров (demosiois oreiois sitou) накануне начала осады города драгуviтами и другими славянскими племенами между летом 676 и летом 677 г. показывает, что эти «управлявшие» или «правители» отвечали за снабжение города продовольствием, но не имели права самостоятельно их распорядиться, продавать зерно в тайне от василевса, отдававшего приказание городским властям (см.: Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 150. 22–31, § 244; с. 166. 48–55, § 281; Malingoudis Ph. *Die Hungersnot in Thessalonike* (ca. 676–678) // *JÖB*. 1990. Bd. 40. S. 145–154). Видимо, наиболее убедительной причиной такого ограничения полномочий местной муниципальной администрации является не «готовность городских властей действовать независимо от Константинополя» и «развивать институты самоуправления», а, напротив, признание подчиненности «правивших» константинопольскому правительству, от лица которого они действовали в Фессалонике (ср.: Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? // *GENNADIOS: K 70-летию акад. Г.Г. Литаврина*. М., 1999. С. 27–28, 30). Недаром в одном из мест текста ав-

тор второго собрания Чудес определил их опять-таки во множественном числе, как «имевшие власть ипарха» — autika oi ten uparchon (Чудеса св. Димитрия ... С. 172. 62–63, § 290).

²⁹ Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 64, 74, 75.

³⁰ Рудаков А.П. Очерки... С. 78–79.

³¹ Ферлуа Ж. Ниже војно-административне јединице тематског уређена // ЗРВИ. Београд, 1953. Кн. 36 / 2. С. 90–91; Ферлуа Я. Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Т. 12. С. 46–52; Ферлуа Ж. Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века // ЗРВИ. Београд, 1964. Кн. 8. С. 127–130; Ferluga J. *L'archontat de Dalmatie* // *Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries*. Amsterdam, 1976. P. 133–136; Ferluga J. *L'administration byzantine en Dalmatie* // *Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries*. Amsterdam, 1976. P. 142–145; Раннефеодалные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 255, 265–267, 270.

³² Ср.: Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 127, 129 (по мнению автора, именно наличие печатей у протевонов свидетельствует о том, что «бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью»); Алексеев Н.А. Новые находки печатей... С. 165–169, № 14–15 (исследователь, не желая отказываться от укоренившихся привычных представлений о крепких традициях античного самоуправления в раннесредневековом Херсоне, пытается примирить непримиримое – считать протевонов до X в. муниципальными чиновниками городского самоуправления, а затем объявить их же представителями центральной власти в органах внутригородского местного управления); Alekseyenko N. *L'administration byzantine de Cherson*. Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 7 (по мнению автора, протевонны «...предстают перед нами одновременно и местными, и государственными должностными лицами»).

³³ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. А., 1983. С. 160–161 №45, 45 а; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратиги византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 27). Симферополь, 1995. С. 95.

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 50. 23–42; 51. 199–204; с. 436–437, комм. 19–20; Алексеев Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 710–711, №9, ср. с. 723–724, № 27.

³⁵ Алексеев Н.А. Стратиги Херсона ... С. 710.

³⁶ Ср. Шандровская В.С. Что известно о Протевомах // Византийские очерки: Тр. рос. ученых к XIX Междунар. конгр. византистов. М., 1996. С. 217–225; Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С. 302–303, рис. 2, 4. Этот императорский протоспафарий Иоанн Протевон мог оказаться тем самым анонимным корреспондентом Николая I Мистика, с которым Патриарх виделся в Константинополе перед отправкой неизвестного в Херсон, вероятно, на новое место службы стратигом, и состоял в переписке в 920 г. (см.: Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. 1864. Ч. 13. С. 1002, 1005–1007). Только его молодость и желание выслужиться на новом месте, где он сменил, вероятно, патрикия Иоанна Вогу, объясняют, почему новоиспеченный стратиг пустился в тяжелое морское плавание к Херсону, едва открылся навигационный сезон, и лишь чудом избежал опасностей, которые могли стоить ему жизни (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // *Хазарский альманах*. К.; Харьков, 2012. Т. 10. С. 179–202.).

³⁷ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt* // *Ius graecoromanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Vol. 3. Col. I, nov. 5, p. 10–13; Тяжело А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 29.

³⁸ См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 430; Курбатов Г.А. Основные проблемы внутреннего развития византийского города... С. 204; Курбатов Г.А. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 110; Серов В.В. Понятие курий в системе ранней Византии. С. 104–106.

³⁹ Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. Lipsiae, 1833. Vol. 1. X. 2. 31.

⁴⁰ Bratianu G. Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin. Paris, 1936. P.43 sq.; Ферауга Ж. Нижне военно-административные единицы тематского уречья. С. 90–92; Курбатов Г.А. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55. С. 71–72; Кучина И.А. О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998. С. 20–22.

⁴¹ Beck H.-G. Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. 1965. Bd.58. Hf. 1. S. 18.

⁴² Бородин О.Р. Византийская Италия ... С.46–49, 51–53, 59–60, 69–70, 209, табл. 1–2.

⁴³ Dichl Ch. Etudes sur l'administration Byzantine dans l'eksarchat de Ravenne. Paris, 1888. T. 2. P. 93 sq.

⁴⁴ К слову, это ни в коей мере не говорит об их самоуправлении, стремлении отделиться от Византии: даже вступив в вооруженный конфликт с присланным для ведения военных действий против аваров царским стратигом Петром, они «славилася вавилевс Маврикия» (Theophanes Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens. P. 274).

⁴⁵ Труды В.Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915. С. 26. 5–6.

⁴⁶ Theophanes Continuatus. P. 239; Продолжатель Феофана. С. 103 (V. 18).

⁴⁷ Брентано Л. Народное хозяйство Византии. Л., 1924. С. 49; Бородин О.Р. Указ. соч. С. 70, табл. 2.

⁴⁸ Каждан А.П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С. 63; ср.: Winkelmann F. Byzantinische Rang — und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 29–65; Литаврин Г.Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 122–134.

⁴⁹ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. С. 86; Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 91–92.

⁵⁰ См.: Oikonomides N. Les Listes de preance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972. P. 342; Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С. Византистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. 1987. Т. 48. С. 6.

⁵¹ Хвостова К.В. Византийская цивилизация // ВИ. 1995. № 9. С. 36.

⁵² Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х.Сб. 1998. Вып. 9. С. 123, 124–126.

⁵³ Владимирцов А.О. Інститути синадрів в Ольвії та проєдрів у Херсонесі Таврійському в римський період // Археологія. 2000. №3. С. 15–16.

⁵⁴ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 576. В городах византийской Италии им соответствовали принципы, которые являлись постоянными, иногда на протяжении всей своей жизни, участниками заседаний совета, превращавшегося в «узкую замкнутую профессиональную корпорацию, занятую главным образом нотариально-регистрационной работой» (см.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 247–248, 251).

⁵⁵ Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000. С. 145.

⁵⁶ IosPE, I2, №450; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 28–30, №3 (надпись 383–395 гг.); ср.: Corpus juris civilis. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. I.55.4; XII.21.8

⁵⁷ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 246.

⁵⁸ Angold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. New York, 2001. P. 41–42.

⁵⁹ Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. Hannoverae, 1878. P. 366.

⁶⁰ Бородин О.Р. Указ. соч. С. 294–297

⁶¹ Claude D. Die byzantinische Stadt... S. 114, 116; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 576.

⁶² Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1838. Vol. 1. P. 782.

⁶³ Ср.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 64, 164.

⁶⁴ Феофан называет 68 протевониев, но включает в это число 20 мужей, которые, по словам Никифора, «управляли другими городами», т.е. окрестными полисами (ср.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 41, 64, 156, 164).

⁶⁵ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 347–348.

⁶⁶ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 577, 578

⁶⁷ Там же. С.578

⁶⁸ Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 6; ср.: Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2004 (рукопись). С. 239.

⁶⁹ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 575.

⁷⁰ См.: Лебедева Г.Е. К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюсюмова. Екатеринбург, 1993. С. 53–55.

⁷¹ Толстой И.И. О византийских печатях херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. 1887. Т. 2. С. 39–40, №13; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 159, №43; Степанова Е.В. О конференции памяти А. В. Банк // ВВ. 1988. Т. 49. С. 258; Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23. С. 94–102; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. 1. P. 186, №82. 10; ср.: Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe – Xe s.). Athenes, 1996. P. 276, Append. II; Алексеенко Н.А. Протевоны Херсона... С. 158, 159, 161; ср.: Kazdan A.A. Oikeiakos // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1515.

⁷² Якобсон А.А. Средневековый Херсонес. С.20.

⁷³ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... С. 94; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 165–167, №14–15; Алексеенко Н.А. Протевоны Херсона... С. 155–158; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 7, 216–220, №132–137; ср.: Nessbit J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Musum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. № 82. 10; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington, 1995. Vol. 4. S. 142, № 3.

⁷⁴ Ср.: Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 167–168; Алексеенко Н.А. Протевоны Херсона... С. 160–162.

⁷⁵ IosPE, I2, №449; Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 5–12, № 2; Соломоник Э.И. Латинские надписи... С. 28–30, №3. Подр. см.: Храпу-

нов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *pateres tes poleos* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 162 сл.; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 578; Храпунов Н. И. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности. Харьков, 2004. С. 56; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 522–523.

⁷⁶ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 164, № 13; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 213–214, № 128–130.

⁷⁷ Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. P. 93–106; Бородин О.Р. Равеннский экзрхат. С. 248–249.

⁷⁸ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io.Iac.Reiskii. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 264; Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. I. L'Eparque de la ville O Eparchos tes poleos // BS. 1980. T. 41. F. 1. P. 19.

⁷⁹ Lecrivain Ch. Remarques sur le formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore // Melanges d'archeologie et d'histoire. Paris; Rome, 1884. T. 6. Fasc. 3–4. P. 133–138.

⁸⁰ Rouillard G. L'administration civile de l'Egypte byzantine. Paris, 1928. P. 7–8, 63–65, 154, 159, 163; Jones A.H.M. The Greek City From Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 151, 208–209; Jones A.H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Baltimor, 1992. Vol. 1–2. P. 144–145, 279–280, 726–727; Dölger F. Parasporea. München, 1961. S. 120–121; Claude D. Die byzantinische Stadt... P. 114–118; Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 335–404.

⁸¹ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... С. 162–163, № 12; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 7, 214, № 131; ср. Corpus juris civilis. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Justinianus. XII.37.19; Feissel D. Nouvelles donnes sur l'institution du pater tes poleos // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987. P. 219–220. Титул *lamprotates* сохранял свой официальный характер и место в официальной иерархии по меньшей мере до конца VI в. и применялся при титуловании к синклитикам, ипатам, префектам претория, игемонам, легатам, архонтам, «отцам города», главам канцелярий, некоторым городским служащим, а в византийском Египте — к президу и некоторым пагархам (Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 46–48; Rouillard G. L'administration de l'Egypte byzantine. P. 48, 54; Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. С. 724 (титулы).

⁸² Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. Jena, 1903. S. 19, 33.

⁸³ Екдики // Полный православный энциклопедический словарь. М., 1992. Т.1. Стлб. 852; Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. С. 778.

⁸⁴ Ср.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. С. 535.

⁸⁵ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 162–163; Алексеевко Н.А. Defensor civitatis (ekdikos) и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 100. Ж.-К. Шейне без аргументации тоже причисляет экдика, как и *pater poleos*, и протевонов, к «античным институтам» (Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 310).

⁸⁶ Ср.: Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. 1900. Т. 6. С. 155; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. С. 535–536.

⁸⁷ Алексеевко Н.А. Коммерция и коммерциарии Херсона в IX–X вв. // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 98.

⁸⁸ Алексеевко Н. А. Defensor civitatis (ekdikos)... С. 101.

⁸⁹ Koch P. Op. cit. S. 82–83.

⁹⁰ Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. 1939. №1. С. 123, №1; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Сб. 10. С. 208; Соколова И.В. Монеты и печати ... С. 114, 146, №4.

⁹¹ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 160–161, № 8–9; Алексеевко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 21; Алексеевко Н.А. Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в. Печати киров // БИ. 2005. Вып. 9. С. 212–214, рис. 1, 4; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 4–5, 115–116, № 23–25.

⁹² Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 401, 404, гл. 1; с. 416–417, гл. 5; с. 424–425, гл. 9.

⁹³ Алексеевко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21.

⁹⁴ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей... С. 160–161; Алексеевко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21–23; Алексеевко Н.А. Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 14.

⁹⁵ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 574.

⁹⁶ Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. С. 311.

⁹⁷ Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... С. 130.

⁹⁸ Ср.: Алексеевко Н.А. Имперская администрация... С. 14; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 5 (при всем том автор считает кира Херсона «провинциальным имперским чиновником»).

⁹⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 215, 216.

¹⁰⁰ Ср.: Алексеевко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 475, 487

¹⁰¹ Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 5.

¹⁰² Сорочан С.Б., Смычков К.Д. О статусе и времени бытования киров византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2006. №728. Історія. Вип. 38. С. 133–144; Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. 2006. Вып. 16 / 1. С. 207–216, 359, 361; Алексеевко Н.А. Ведомство *epi ton oikeakon* и его представители в администрации Херсона // ХЕРСОНОС ТНЕМАТА: Империя и полис. Тезисы докладов и сообщений VI Международного византийского семинара (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Севастополь, 2014. С. 7–9.

¹⁰³ Ср.: Алексеевко Н.А. Имперская администрация... С. 14; Алексеевко Н.А. Ведомство... С. 7–9.

¹⁰⁴ Ср.: Алексеевко Н.А. Ведомство... С. 9; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 5.

¹⁰⁵ Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (version II) // PG. Tunhout, 1976. T. 99. Col. 525.

¹⁰⁶ Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (version I) // PG. Tunhout, 1976. T. 99. Col. 137.

¹⁰⁷ Житие Иоанна Готского. С. 416. Подр. см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 232–240; Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. М., 2003. Т. 2. С. 77–98.

¹⁰⁸ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 47, 143.

¹⁰⁹ Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. 1976. Т. 99. Col. 252; ср. Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. 976. Т. 99. Col. 137; Латышев В. Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. 1915 (1914). Т. 21. Вып. 3–4. С. 268, sec. 18; с. 269, sec. 29; Vasiliev A. The Goths in Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 105, note 3; Sevenco I. Hagiology of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 116; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 68–69. По мнению А.И. Айбабина, термин «топарх» отсутствовал в официальной византийской чиновной иерархии в IX–X вв. и был вставлен в текст Жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (см.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет сути приведенных выше рассуждений.

¹¹⁰ Theodori Stiditae Epistola / Ed. G. Fatouras. Berlin; New York, 1992. Vol. 1. Ep. 31, 92–97; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 69–70.

¹¹¹ Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 160. 20–30; Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. Минск, 2001. С. 21, гл. 28; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 72.

¹¹² Ср.: Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2000. P. 38–45, 80–114.

¹¹³ Существование неких провинциальных областей, архонтатов в Крыму не обязательно должно было означать полное административного или правового уравнивания их населения с остальным населением Империи, однако нельзя отрицать значимость этого политического средства для интеграции «туземцев» в состав Византии, как видно на примере славянских архонтатов, чьи главы занимали соответствующее место в византийской иерархии, утверждались в должности императором и постепенно переходили в подчинение стратига фемы или вообще заменялись византийским чиновником (Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников Византийской империи в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 73–74). Уже до образования полуавтономных архонтатов их население могло пройти ряд промежуточных форм зависимости от Романии, которая началась с превращения ала-но-готов в имперских экспондов, затем вылилась в требование военной помощи для дуката, в сбор дани — пакта или налогов, в выполнение различных работ, особенно по строительству укреплений и храмов, в необходимости поставки сельскохозяйственной продукции в Херсон. Эти повинности, обязательства в свою очередь начинали действовать как экономический механизм интеграции местного варварского населения в византийскую систему, тогда как постепенное и длительное культурное, идеологическое воздействие христианства, его распространение среди сельского населения Таврики вели к овладению им элементами ромейской культуры, особенно греческим языком и письменностью.

¹¹⁴ Ср.: Алексеев Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21–23.

¹¹⁵ Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 144.

¹¹⁶ См.: Романчук А.И. Очерки по истории и археологии византийского Херсона. С. 206.

¹¹⁷ См.: Заливадова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 156.

¹¹⁸ Ср.: Шевченко І. Реалігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1991. Т. 222: Праці історико-філософської секції. С. 19.

¹¹⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 110–119, 137–145, с. 252–253.

¹²⁰ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 146–147; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв. С. 118–121; ср.: Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 22; Баранов И.А. Административное устройство ранне-средневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 138; Храпунов М. І. Адміністрація Херсона наприкінці IV ві ст. // Археологія. 2000. № 1. С. 60.

¹²¹ Ср.: Войтенко А.А. Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антония Египетского» свт. Афанасия Александрийского // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 27.

¹²² Н.И. Храпунов верно обратил внимание, что этот викарий как чиновник должен иметь определенное место в византийском аппарате. По понятным причинам, это не мог быть гражданский викарий: правитель диоцеза — слишком большая величина для Херсона. Военный викарий тоже должен был находиться при военном магистре, и его постоянное пребывание в окраинном городе столь же маловероятно. Возможность деятельности в отдельных местах других викариев меньшего ранга исследователь тоже отмечает, предлагая выражение известной херсонесской надписи 488 г. — *bikaratos ton ballistarion* — понимать в дословном значении — «управление баллистариев», которое мог возглавлять «кто-либо, например, трибун — офицер» (Храпунов М. І. Адміністрація Херсона ... С. 59–62). Таким образом, Н.И. Храпунов все же признает за военным первоначально отвергаемую возможность выполнения гражданской функции, связанной с контролем за финансовыми вопросами, сбором податей. Впрочем, если это был не викарий военного магистра Фракии (см.: Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона ... С. 120) и не местный, специально назначенный в Херсон викарий, так сказать, викарий викария, то и не трибун, поскольку во второй половине V в. они не зафиксированы, а в византийских источниках эпохи «темных веков» трибуны стали фигурировать в качестве старшего офицерского чина в пехоте, подчиненного доместику чисел (*ton poimeton*) и соответствовавшего комиту тагмы.

¹²³ Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 121–123, №37; Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. №4; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 107, №99; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 67–68.

¹²⁴ О возможном появлении дуки в Херсоне не ранее 549 г., судя по изменению типа местной монетной чеканки, см.: Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 362–363. Это увязывается с предположением, что создание единого дуката в Таврике произошло «...в последние годы правления Юстина II для противодействия пришедшим с востока тюркютам» (Сорочан С.Б. Око и Щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Вып. 5. С. 325–333; Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 382; Сорочан С.Б. Еще раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на евроазиатском перекрестке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22. 11. 2013). СПб., 2013. С. 334–338.

¹²⁵ Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1912. Т. 2. С. 268; ср.: Антониadis-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. 1988. Т. 49. С. 27.

¹²⁶ Подр. см.: Жданович О. Кочевники Степу і Візантіїська імперія у IV–VI ст. (на основі свідчень візантійських авторів) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2014. Вип. 14. С. 13–27.

- ¹²⁷ Беляев С.А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI в. // ПС. 1987. Вып. 29 (92). С. 80.
- ¹²⁸ Подр. см.: Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона... С. 123–124; Сорочан С.Б. Око и Щит Империи. С. 325–331; ср.: Войтенко А.А. Социальный контекст монашеского движения... С. 28–29, прим. 29, 31.
- ¹²⁹ Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона... С. 122.
- ¹³⁰ Salamon M. *Mennictwo byzantynskie*. Krakow, 1987. S. 119.
- ¹³¹ Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.). С. 122, №37; Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. №4.
- ¹³² Подобная ситуация прослеживается в византийской Армении, где рядом с властью комитов и дуксов все же оставалась ограниченная власть местных нахараров (см.: Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 45, 116–119).
- ¹³³ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 68; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 191; Герцен А.Г. Мангуп — крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докладов междунаро. конф. Симферополь, 1994. С. 10–11; Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Междунаро. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. Симферополь, 1997. С. 33; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 111–120; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. М., 1999. С. 34–35, 37.
- ¹³⁴ Герцен А. Г. Мангуп — крепость федератов. С. 10.
- ¹³⁵ Ср.: Шандровская В. С. Византийские печати переводчиков // *Albo dies notanda lapillo*; коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой / Под ред. В. Я. Якубского. СПб., 2005. С. 109–115; Miller D.A. *Imperial Constantinople*. New York, 1969.
- ¹³⁶ Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 206, №14, 15; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып.26). Барнаул, 1996. С. 193–194, рис. 4.
- ¹³⁷ Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos*. London, 1911. P. 92, 140. 93; Oikonomides N. *Les Listes de presence byzantines de IXe – Xe siecles*. P. 117, 312; Bartlett B. *How Excessive Government Killed Ancient Rome* // *Cato Journal*. Washington, 1994. Vol. 4. №2. P. 15.
- ¹³⁸ См.: Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... С. 145–146, 148–150, №6–7; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ... С. 35–37
- ¹³⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. Гл. 53. 47–48, с. 248–249; гл. 53. 118–119, с. 252–253.
- ¹⁴⁰ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 204, №3; Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон ... С. 145–146, №8–9.
- ¹⁴¹ Ср.: Голофаст А.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 168.
- ¹⁴² См.: Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. 1918. Вып. 6. С. 163. рис. 5. Расшифровка монограммы любезно предложена Е.В. Степаненко, а сведения о еще одном аналогичном моливдуле представлены К.Д. Смычковым. Н.А. Алексеенко не согласен с таким прочтением монограммы на обоих одинаковых моливдулах, что, тем не менее, не отвергает факт существования дуката в Крыму, подтверждаемый данными эпиграфики конца VI в. (ср.: Алексеенко Н.А. Данные моливдулов как важный источник по истории византийской

- армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Междунаро. научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны (г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 70; Сорочан С.Б. Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. №6. Время войны. Победители и побежденные. С. 116–119).
- ¹⁴³ Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук. / ИА НАНУ. Киев, 1994. С. 32; Майко В.В. Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 148.
- ¹⁴⁴ Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 569.
- ¹⁴⁵ Ср.: Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Calif., 1997. P. 376, map 11; p. 443; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму. С. 350–352.
- ¹⁴⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 156, 164.
- ¹⁴⁷ Сведения об этих печатях и соображения об их датировке любезно сообщил К.Д. Смычков, который заметил, что они относятся к тому же периоду, что и печать стратига Сицилии Прокопия, найденная в Херсоне. О названных должностях см.: Kazdan A.A. *Koubikoularios* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1154; Kazdan A.A. *Parakoimomenos* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1584.
- ¹⁴⁸ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 50, 51–52, 54.
- ¹⁴⁹ Bury J.B. *The Imperial Administrative System*... P. 120–122; Brehier L. *Les institutions de l'empire Byzantin*. Paris, 1949. P. 128; Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 1. P. 269.
- ¹⁵⁰ Подр. см.: Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора. С. 23–42; ср.: Серов В.В. «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 74–75.
- ¹⁵¹ Серов В.В. «Теория налогов»... С. 72.
- ¹⁵² *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895. Vol. 2: *Codex Iustinianus* / Rec. P. Krueger. IV.61.10; IV.61.12.
- ¹⁵³ См.: Прокопий Кесарийский. Тайная история. XXVI. 6 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 402.
- ¹⁵⁴ Ср.: Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 577; Храпунов Н.И. Тенденции развития органов власти византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаро. науч. конф. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 227.
- ¹⁵⁵ *Corpus juris civilis*. Beroloni, 1895. Vol. 2: *Codex Iustinianus* / Rec. P. Krueger. V.41.1; V.62.8; V.62.10; Бардола К.Ю. Система оподаткування у Візантії в IV IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2003. С. 14.
- ¹⁵⁶ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum* ... Col. I, nov. 5, p. 13
- ¹⁵⁷ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 7–15, №7.
- ¹⁵⁸ *Corpus juris civilis*. Berolini, 1904. Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoellii morte interseptum absolvit G. Kroll*. № 163, cap. 2; Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. P. 74.
- ¹⁵⁹ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 203, 206, № 13; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. С. 193; Айбабин А.И. Этническая история... С. 164; Херсонес Таврический в I в. до н.э. – VI в. н.э. С. 536.

- ¹⁶⁰ Храпунов Н.И. Администрация *euaigeis oikoi* в Херсоне // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 358–359.
- ¹⁶¹ Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунаро. науч. конф. Харьков, 2001. С. 91–92; Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 61–65, рис. 1.
- ¹⁶² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 41, 64, 156, 165.
- ¹⁶³ Алексеенко Н.А. Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 174–205, №1–47; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 203, 210–211, №41–43, 44, 45; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. С. 193–194, рис. 3, 5; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die Neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS 1995 Vol. 4. P. 148–149, №12; Alexeenko N. A. Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. P. 8414; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 577. Об эволюции и функциях института коммеркиариев подр. см.: Oikonomides N. Silk Trade and Produktion in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP 1986. №40. P. 33–35; Kazdan A.A., Oikonomides N. Kommerkiarios // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1141; Haldon J. Byzantium. A History. Stroud, Gloucestershire, 2000. P. 79–80; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 296–300; Бардола К.Ю. Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст. С. 12–13.
- ¹⁶⁴ Алексеенко Н.А. Печати главных логофетов... С. 198; Алексеенко Н.А. Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. С. 99; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 181–211, №95–125.
- ¹⁶⁵ Kazdan A.A. Epoptes // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 1. P. 725; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 323; Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы... С. 458, 781, 790.
- ¹⁶⁶ Алексеенко Н.А. Коммеркия... С. 97–98; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 181–211, №95–125.
- ¹⁶⁷ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. ... С. 212–213, № 52, 56; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 159, № 43; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 132, №132.
- ¹⁶⁸ Oikonomides N. Les Listes... P. 390; Kazdan A. A. Protonotarios // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1746; Haldon J. Byzantium. P. 80.
- ¹⁶⁹ Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 212, №126–127; ср.: Степанова Е.В. Печати монетариев Сицилии IX в. // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 210.
- ¹⁷⁰ Подр. см.: Guiland R. Les logothetes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // REB. 1971. T. 29. P. 31–70.
- ¹⁷¹ Oikonomides N. Les Listes... P. 311.
- ¹⁷² Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотарииев в Херсоне // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 227; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 6, 212, №126–127 (издатель в одном случае ошибочно назвал владельца печати Никифором).
- ¹⁷³ Алексеенко Н.А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 99–100, №1.
- ¹⁷⁴ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 229–230, 244–245; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 643–665; Храпунов Н.И. Администрация *euaigeis oikoi* в Херсоне. С. 357–361.

- ¹⁷⁵ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. Киев, 2003. С. 81–83, 179–181; Сорочан С.Б. Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 94–117.
- ¹⁷⁶ Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 138–147, №138–147.
- ¹⁷⁷ Подобная тенденция обозначалась в ромейских городах уже в VI в., и ее не должен был избежать Херсон, ставший одним из самых значительных церковных центров Крымского полуострова (см.: Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit. Inaug. Diss. Marburg, 1904).
- ¹⁷⁸ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. С. 254.
- ¹⁷⁹ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. С. 206–214; Сорочан С.Б. Бани византийского Херсона (VI–X вв.) // Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 196–211; Сорочан С.Б. Больница или преторий? О монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // Медицина в художніх образах: Статті. Донецьк, 2009. Вип. 7. С. 8–25; Сорочан С.Б. Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // БИ. 2010. Вып. 24. С. 436–456.
- ¹⁸⁰ Сорочан С.Б. О датировке времени борьбы Юстиниана II Ринотмета с византийским Херсоном // Древности Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 8. С. 357–359.
- ¹⁸¹ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 77–85.
- ¹⁸² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 254–255, гл. 53. 156–158.
- ¹⁸³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40, 64.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 63–65, 164–165.
- ¹⁸⁵ Treadgold W.A History of the Byzantine State and Society. P. 376, map 11.
- ¹⁸⁶ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса. С. 212, № 49–51. Это обстоятельство особенно наглядно подчеркивает, что автономность такой византийской административной единицы как архонтия не следует преувеличивать, как иногда делается (ср.: Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978. P. 87–164).
- ¹⁸⁷ Успенский Ф.И. Военное устройство... С. 65; Bury J.B. The Imperial Administrative System... P. 43.
- ¹⁸⁸ См.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 476–483, прил. 1; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 73–114, №1–22.
- ¹⁸⁹ См.: Бертъе-Делагард А.А. Надпись времен Императора Зенона, с связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 87; Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. С. 138; Айбабин А.И. Этническая история... С. 195–196; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. S. 303.
- ¹⁹⁰ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... С. 64, 164.
- ¹⁹¹ Баранов И.А. Административное устройство... С. 138.
- ¹⁹² История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 367–378; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 337–339; Сорочан С.Б. Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. №6. Время войны. Победители и побежденные. С. 113–131.
- ¹⁹³ Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. С. 312.
- ¹⁹⁴ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 1284, № 2345; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Кн. 17. С. 82, 91, №1; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 145, №18; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991.

Vol. 1. P. 184, № 82. 3; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157, №1–3; Алексеенко Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // Х.Сб. 2000. Вып. 10. С. 361–362, № 1; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. S. 305; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 475–481, прил. 1, №1–36; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 73–88, №1–12.

¹⁹⁵ Число таких печатей составляет не менее 11 экземпляров (Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 24; Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 231). Учитывая, что в Херсоне институт архонтов был ликвидирован в связи с образованием стратигиды, датировку этих до сих пор не опубликованных моливдовулов можно сузить до первой половины — середины столетия (ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 313).

¹⁹⁶ Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 475, 477–482.

¹⁹⁷ Ср.: Бертье-Делагард А.А. Напись времени Императора Зенона... С. 87.

¹⁹⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40–41, 64, 156, 164–165; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 570; ср. точку зрения М.Я. Сюзюмова (История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 46).

¹⁹⁹ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса. С. 208, №27; с. 209, №35, 37, 38; с. 210, №39; с. 213, №№56, 57; Алексеенко Н.А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 68–69.

²⁰⁰ См.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 474–479, прил. 1; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 73–74, №1–2.

²⁰¹ Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century... P. 25–27.

²⁰² В сводке, собранной Ф. Винкельманом на основе сфрагистического материала второй половины VII–X вв., ипатов можно найти среди таких важных функционеров как логофеты геникона, главные логофеты, комиты Авидоса, епархи Константинополя и Фессалоники, архонты Кивирреотов и Месемврии, и о понижении значения обладателей этого сана можно говорить только ко второй половине IX–X вв. (см.: Winkelmann F. Byzantinische Rang — und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. S. 49–51).

²⁰³ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantine. Paris, 1884. P. 514; Степанова Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 59–60, 65, №7, табл. I, 4; II, 2.

²⁰⁴ Степанова Е.В. Печати экзархов Италии С. 67–68.

²⁰⁵ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон. С. 91–92.

²⁰⁶ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). М., 1994. С. 38. Следовательно, стратиги Херсона середины IX в., носившие титулы спафария, и тут не были последними, этими «чиновниками второго уровня», как может показаться на первый взгляд, тем более что очень скоро, уже с 860-х гг. они стали получать сан не ниже спафарокандидата или протоспафария (ср.: Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи... С. 26–27; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 123–178, №32–93).

²⁰⁷ Алексеенко Н.А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса. С. 78–79.

²⁰⁸ Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. с греч. Г. Ласкина. М., 1899. С. 20–21.

²⁰⁹ Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century ... P. 136–137.

²¹⁰ Смычков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. Харьков, 1999. С. 75.

²¹¹ Ср.: Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978. P. 87–164; Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. P. 17; Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995. С. 323, комм. 433.

²¹² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... С. 156, 164.

²¹³ Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A.D. 802–867). London, 1912. P. 223, 330; Bon A. Le Peloponnese byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951. P. 99; Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 154; Ahrweiler H. Byzance et la mer. Paris, 1966. P. 71–72; Oikonomides N. Les Listes... P. 343, note 13; Margetic L. «Provincijalni archonti» Taktikona Uspenskog (s osobitim obzirom na archonta Dalmacije) // ЗРВИ. 1991. Кн. 29–30. С. 45–59; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. P. 200, s.v. «archon»; Cheynet J.-Cl. L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. Симферополь, 1997. P. 95; Oikonomides N. L'archonte slave de l'Hellade au VIIIe siecle // BB. 1998. T. 55 (80). Ч. 2. P. 111–119; Кучина И.А. О термине «архонты» в Византии IV XV вв. С. 20–22; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 473–474, 487; ср.: Ферлуга Ж. Нижне војно-административне јединице тематског уређења. С. 61–94; Ферлуга Я. Архонтат Далмации // BB. 1957. Т. 12. С. 47–48; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Кн. 18; Angold M. A. Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire P. 236–253; Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. С. 312, 314–316; Haldon J. Byzantium. A History. P. 122–123, 171; Сорочан С.В. Византия. Парадигмы... С. 393–394. Подробный экскурс на тему «Провинциальный «архонт» в Византийской империи» помещен в диссертации В.Е. Науменко (Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2004 (рукопись). С. 233–246, Приложение А).

²¹⁴ Ср.: Иванова О.В. О путях интеграции иноплемеников в Византийской империи в VII X вв. С. 72–78.

²¹⁵ Glykatzis-Ahrweiler H. L'administration militaire de la Crete byzantine // Byzantion. 1964. T. 31. P. 217–218; Ahrweiler H. Byzance et la mer. P. 48, 59, 61, 71.

²¹⁶ Ср.: Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 547–548.

²¹⁷ Во время событий 710–711 гг. протополита Зоила сменил спафарий Илья, поставленный Юстинианом II сановным архонтом Херсона, который продолжал выступать и далее в качестве единственного функционера такого рода (см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 40–41, 64, 156–157, 164–165).

²¹⁸ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 115; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 571, 573; Храпунов Н.И. Тенденции развития органов власти византийского Херсона. С. 228; Храпунов Н.И. О непрерывности администрации византийского Херсона. С. 55–56; ср.: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 474–475.

²¹⁹ Храпунов Н.И. Администрация... С. 573.

²²⁰ Ср.: Панченко Б.А. Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. 1903. Т. 8. Вып. 3. С. 231–232, №79 / 80.

²²¹ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Parts 1–3. №1973, 2345, 3106, 3113; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 76, 169, 174, №1, 5–13; Winkelmann F. Byzantinische Rang — und Ämterstruktur ... S. 113; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157, №1–7; Степанова Е.В. Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов. С. 24; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 486 (на опубликованных 77 печатях

стратигов Херсона три раза указаны спафарокандидаты, т.е. сан второго класса, 68 раз — спафарии, сан третьего класса, 5 — страторы и 4 — ипаты, саны четвертого класса).

²²² Bury J.B. Op. cit. P. 13–15, 136 f.

²²³ Ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 115; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики С. 208; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 163.

²²⁴ Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 313.

²²⁵ Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 484–487; Алексеенко Н.А. Данные моливдулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона). С. 71.

²²⁶ Theophanus Continuiatus res. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 123; Константин Багрянородный. Об управлении имерий. Гл. 42. 41–52, с. 172.

²²⁷ Ср.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X века по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 44; Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 87; Баранов И.А. Административное устройство... С. 139–140; Сазанов А.В. К хронологии цитадели Бакинских городищ IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 55–56.

²²⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 41–53, с. 172; Theophanes Continuatus e res. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 123. Примечательно, что Иоанн Скилица в конце XI в. интерпретировал выражение «отцы города» по-своему, заменив его более понятным для его времени словами «тамошние динаты» (autochthonoi dynatoi), и именно так переписал их у него Георгий Кедрин (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkeri supplementus et emendatus. Bonnae, 1838. Vol. 1. P. 528).

²²⁹ Ср.: Сазанов А.В. К хронологии цитадели... С. 55–56; Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 311, 316.

²³⁰ Очевидно по аналогии со *stephanophores kai protevon*, которое применительно к концу III – первой половине IV вв. означало главу правительства Херсонеса, командира ополчения и эпонима города (Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 575). Ср. гл. 53, где архонт херсонитов неизменно обозначается термином «венценосец и протевон» (Константин Багрянородный. Об управлении... Гл. 53. 2, 24–25, 167–168, 186, 234–235, 470, с. 246–247, 254–259, 270). Н. Икономидес тоже придерживался мнения, что протевон города был идентичен архонту Херсона, а «муниципальный» штат эквивалентен «имперскому» (Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe s. P. 320).

²³¹ Это противоречит утверждению, что «...источники всегда противопоставляют протевонов Херсона византийской администрации», т.е. архонту и прочим титулярным чиновникам, обладающим печатями (ср.: Храпунов Н.И. Администрация... С. 575, 576).

²³² Ферлуа Я. Архонтат Далмации. С. 48–49; Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 315; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 472.

²³³ Theophanes Continuatus e res. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 123; Продолжатель Феофана. С. 56 (III, 28); Константин Багрянородный. Об управлении... Гл. 42. 52, с. 172.

²³⁴ Ср.: Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée... P. 321.

²³⁵ См.: Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157, №2, 3; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–92; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 479.

²³⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40, 41, 130–131, 156; Theophanis Chronographia ex res. C. de Boor. Lipsiae, 1885. Vol. 2. P. 241, 242; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 116, №25 (кир Херсона).

²³⁷ Алексеенко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым», Тезисы докл. Симферополь, 1997. С. 11–12. Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 257–259, №2–4; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 164, №80; p. 229, №148–149.

²³⁸ Theophanes Continuatus. P. 124; Константин Багрянородный. Об управлении... Гл. 42. 53–54, с. 172.

²³⁹ Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать... С. 261; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 162–167, №77–82; p.173, №89.

²⁴⁰ Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 231–232, №№151–153; Смычков К.Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48. С. 158–159, рис.1 (печать из частной коллекции). Ж.-К. Шене такая формулировка, предложенная Г. Шляумберже, издателем одной из двух имеющихся печатей, кажется подозрительной, и он склонен читать после спафария АРХ — «архонт» (вместо характерного в таких случаях АРН), однако все это пока остается в области гипотезы (см.: Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 313) и, самое главное, не согласуется с текстом моливдула, изданного К.Д. Смычковым. Большинство стратигов Херсона имело в это время сан императорского спафарокандидата или императорского протоспафария (ср.: Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики... С. 737–738, 741, диаграмма 1–2), поэтому предполагаемое назначение главой фемы или другим ее функционером спафария, притом даже не царского, могло быть только случайной, временной мерой.

²⁴¹ О подобном мнении см.: Баранов И.А. Административное устройство... С.140.

²⁴² Ср.: Храпунов Н.И. Администрация... С. 573; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... P. 323.

²⁴³ Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... С. 146, 148, 152, №10.

²⁴⁴ Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3. С. 115; Oikonomides N. Les Listes de preseance byzantines... P. 48–49; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 321; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. С. 691 сл.

²⁴⁵ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 124; Oikonomides N. Les Listes... P. 56–57.

²⁴⁶ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 119. Эти данные подтверждают также моливдулы архонта Крита VIII–IX вв., причем в одном случае он совмещал свои обязанности с функцией парафилака военного коменданта (Oikonomides N. Les listes... P. 353; Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 314).

²⁴⁷ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 123.

²⁴⁸ Там же. С. 115, 124.

²⁴⁹ К этому выводу С.Б. Сорочан пришел одновременно с Н. Икономидесом (Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 248; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... P. 321, п. 12).

²⁵⁰ Баранов И.А. Административное устройство... С. 139–140; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... С. 486, 487.

²⁵¹ После архонта Далмации и перед дуксом Калаврии в Тактиконе второй четверти IX в. значилось с артиклем множественного числа *oi archonos* (Oikonomides N. Les Listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. P. 57, 1. 13), что Н. Икономидес, вслед за Ф.И. Успенским (Византийская табель... С. 124), убедительно интерпретировал как *oi arch[ontes cher]sonos*. Большинство исследователей не оспаривают такую конъектуру, хотя объясняют ее наличие в тексте по-разному. В частности, эту явную ошибку писца в виде пропуска нескольких букв Н.А. Алексеенко предлагает исправить введением в лакуну терминов Климата и Боспора. В его конъектуре фрагмент испорченного текста выглядел бы следующим образом: *oi arch[ontes ton Klimaton kai*

Cher]sonos либо oi arch[ontes ton Klimaton kai Bosporos kai Cher]sonos. Учитывая, что Продолжатель Феофана и Константин Багрянородный единодушно упоминали о необходимости подчинения стратигу тех мест их архонтов (во множественном числе), но при этом бывшего главу Херсона как архонтата назвали в единственном числе (протевонем), эта реконструкция не лишена вероятности (См.: Алексеевко Н.А. Архонтия Херсона... С. 471–473). В таком случае речь могла идти о нескольких правителях — архонтах некой территории, включающей Херсон и другие византийские укрепленные центры, округа, так называемые климата на полуострове. Вообще, надо учесть, что византийское понятие archon было многозначным и прикрывало собой самых разных «начальствующих», в том числе и таких как херсонские pater tes poleos, кир, экдик, протевоны, других чиновников оффикия стратига. Вместе с тем, лакуна не была большой и едва ли вероятно вместить в нее еще и Боспор (ср.: Oikonomides N. Le «systeme» administratif... P. 320, n. 10).

²⁵² Нарративные и сфрагистические источники сообщают о существовании архонта Кипра и во второй половине IX в. (Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 315).

²⁵³ Успенский Ф. И. Византийская табель... С. 126; Oikonomides N. Les Listes... P. 56–59.

²⁵⁴ Bury J.B. Op.cit. P. 41–46, 139; Oikonomides N. Les Listes... P. 313, 335–336, 341; Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale... P. 277, 279–280, 282; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. P. 316; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... P. 319; Haldon J. Byzantium. P. 80.

²⁵⁵ Bury J.B. Op. cit. P. 42.

²⁵⁶ Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 142.

²⁵⁷ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 203, 212, № 49–51 (печати комита tes kortes и турмарха); Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. С. 193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–97; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. S. 140–146; Алексеевко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. С. 221 сл.; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P. 179, №94 (ek prosopou Херсона); p. 213–214, №128–131 (pater poleos Херсона, экдик Херсона).

²⁵⁸ Ср.: Photii epistulae. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 50, №2, p. 293–296; Сорочан С.Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Вып. 3. С. 73–74, 79–80, 81, 104–105.

²⁵⁹ Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. С. 111–113.

²⁶⁰ См.: Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. С. 87–91; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 307–314.

²⁶¹ См.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 153, №24, 24а; Алексеевко Н.А. Таможня и коммерциарии Херсона // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 3. С. 408–445; Алексеевко Н.А. Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики // С. сб. 2006. Вып. 2. С. 7–11, рис. 1; Alekseyenko N. L'administration byzantine... P.132, №45, p.142, №55; p.179, №94, p.186, №104–107; p.202, №1164 p.213, №128 (всего известно восемь печатей спафарокандидата Сергия и эк просопу Херсона, которые относятся к концу IX – первой половине X вв., но не ясно, почему надо строить карьеру этого Сергия сначала как эк просопу, а уже потом как стратига, и при этом сводить полномочия эк просопу лишь к специально фискально-инспекторским).

²⁶² Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона... С. 573.

²⁶³ Ср.: Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... С. 169. «Эк просопу», если верить Житию Антония Нового, являлись правителями фем, как это

было в случае с Кивирреотами в правление Михаила II (820–829) (Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 376), но могли иметь отношение к императорским имуществам в феме и к фискальной ответственности ее перед казной. В Тактиконах они шли за стратигами, что уже само по себе о многом говорит (Oikonomides N. Les Listes... P. 41; 105. 25; 145. 28; 249. 29). Более чем через столетие Катакалос Кекавмен знал их уже только как разряд «сборщиков податей» (Кекавмен. Советы и рассказы. СПб., 2003. С. 212–213; ср.: Алексеевко Н.А. Должность ЕК PROSOPOU... С. 8).

²⁶⁴ Антонова И.А. Административные здания херсонесской вексиляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Х.Сб. 1997. Вып. 8. С. 10–22.; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 537–539; Храпунов Н.И. Преторий в средневековом Херсоне // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3. С. 148–149; Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В. Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 301; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. Киев, 2003. С. 70–71; Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108–121; Сорочан С.Б. О византийских преториях в «цитадели» Херсона // IX Боспорские чтения. «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria». Керчь, 2008. С. 257–262; Сорочан С.Б. Об исследованиях византийского претория IX в. в «цитадели» Херсона // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. 2008. №816. Історія. Вип. 40. С. 64–71; Сорочан С.Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона // СТРАТИГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2008. С. 167–173; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы истории археологического изучения цитадели Херсонеса Таврического // БИ. 2008. Вып. 19. С. 156–249; Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Т. 1–2 // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009. С. 378–383.

²⁶⁵ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. СПб., 1897. С. 88–89, рис. 225, 226; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 15–19, № 8.

²⁶⁶ Латышев В.В. Сборник греческих надписей... С. 19.

²⁶⁷ См.: Пелин А., протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дисс. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись). С. 164, 165, 168.

²⁶⁸ Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических находках в 1853 году. СПб., 1855. С. 163, 165.

²⁶⁹ Завадская И.А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 304–311; Сорочан С.Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // БИ. 2005. Вып. 10. С. 153–181.

²⁷⁰ Ср.: Synelli K. Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «pakton» im Rahmen der Entwicklung der «internationalen» Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der Römischen Spätantike. Athen, 1989. S. 234–250.

²⁷¹ Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... P. 322.

²⁷² См.: Константин Багрянородный. История города Херсона // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 158; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274–275, гл. 53. 526–528; Сорочан С.Б. К вопросу о византийском термине «пакта» применительно к истории фемного Херсона // ХА. 2009. Т. 8. С. 315–328.

- ²⁷³ Подр. о размерах этих доходов в сравнении с доходами других ромейских граждан см.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 403–407.
- ²⁷⁴ Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... P. 322.
- ²⁷⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274, гл. 53. 527.
- ²⁷⁶ Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». С. 23.
- ²⁷⁷ Ср.: Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 59–78, 139–140, 148.
- ²⁷⁸ Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. P. 443.
- ²⁷⁹ См.: Oikonomides N. Les Listes... P. 46–63; Treadgold W.R. The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. New York, 1982. P. 98–103, tabl. II; p. 111–114, tabl. VI.
- ²⁸⁰ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis... P. 696–697; Ферлуа Ж. Прилог датирану платног списка стратега из «De caeremoniis aulae byzantinae» // ЗРВИ. 1956. Кн. 4. С. 63–71.
- ²⁸¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274, гл. 53. 526–527. Согласно военной реформе 840 г., оплата война составляла не менее 5 номисм в год с последующей прибавкой по номисме ежегодно, но не более 12 номисм (Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. P. 443). Это совпадает с одновременными данными Ибн Хордадбеха о том, что ромейским солдатам предписывалось выдавать по 12–18 золотых в год (Ibn Khordadbeh (Ibn Khardadhibih). Le livre des routes et des royaumes / Ed., trad. M. J. de Goeje. Leiden, 1889. P. 85; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран: Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986. Гл. 56 а, с. 102). Таким образом, на содержание одного война приходилось в среднем около 9 номисм в год.
- ²⁸² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 254, гл. 53. 156–158.
- ²⁸³ Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 127.
- ²⁸⁴ Ср.: Успенский Ф.И. История Византии. М., 1998. С. 591.
- ²⁸⁵ В середине X в. таковыми являлись обладавшие имуществом не менее чем на 4 литра, т.е. на 288 солидов, если они служили в сухопутных военных силах, и 2 литра (144 номисмы), если это были моряки (Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. С. 248; Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale... P. 118).
- ²⁸⁶ Ср.: Haldon J. Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations // DOP. 1993. №47. P. 1–67.
- ²⁸⁷ См.: Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. М., 1997.
- ²⁸⁸ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 96.
- ²⁸⁹ Iosephi Genesisii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. Berlin, 1978. IV. 10.
- ²⁹⁰ Oikonomides N. Les Listes... P. 271.
- ²⁹¹ Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 107–108.
- ²⁹² Подр. см.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 113–115.
- ²⁹³ Theophanes Continuatus e rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 123. 6; Константин Багрянородный. Об управлении... С. 170, 172, гл. 42. 32–38; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 315; Алексеенко Н.А. Данные моливдулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона). С. 75–76.
- ²⁹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении ... С. 170, гл. 42. 33–34; с. 274, гл. 53. 514–520.
- ²⁹⁵ Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... S. 147–148; Алексеенко Н.А. Данные моливдулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона). С. 75–76.

- ²⁹⁶ Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клеининой / Х.Сб. Supplement 1. Севастополь, 2006.
- ²⁹⁷ Сорочан С.Б. К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. Историко-археологический ежегодник. Харьков, 1997. С. 76, 79.
- ²⁹⁸ Theophanes Continuatus. P. 122–123; Константин Багрянородный. Об управлении... С. 170–171, гл. 42. 30–33. Хеландии-памфилы брали на борт по 150 человек, хеландии-усии на 40 человек меньше (Сорочан С.Б. К вопросу об уменьшении вместимости... С. 79).
- ²⁹⁹ См.: Соколова И.А. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 211, № 46; Алексеенко Н.А. Данные моливдулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона). С. 75–76.
- ³⁰⁰ Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–X вв. С. 701 сл.; Alexeyenko N. L'administration byzantine... P.5; ср. Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 291.
- ³⁰¹ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... S.140–144; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... С. 702–733, №1–34; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 103; ср.: Bury J. В. Op. cit. P. 25–27.
- ³⁰² Ср.: Соколова И.В. Чин стратигов византийских фем в VIII – первой половине X вв. по данным сфрагистики // Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 137–139.
- ³⁰³ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С.92, 95.
- ³⁰⁴ См.: Соколова И.В. Чин стратигов... С. 137–138.
- ³⁰⁵ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 131.
- ³⁰⁶ Bury J.B. The Imperial Administrative System ... P. 146–148; Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 114; ср.: Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... С. 739, прил. 1, № 60–61; Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. ... С. 257–261, № 2–4; Alexeyenko N. L'administration byzantine... P. 220, №137.
- ³⁰⁷ Баранов И.А. Административное устройство... С. 141.
- ³⁰⁸ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 118.
- ³⁰⁹ Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. Историко-археологический ежегодник. Харьков, 1997. С. 25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... S. 140; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimee... P. 322.
- ³¹⁰ Ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 216.
- ³¹¹ Alexeyenko N. L'administration byzantine... P. 213–214, №128–130. Не схожесть ли функций одного и другого чиновника объяснение такому кажущемуся феномену?
- ³¹² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 125–126; Соколова И.В. Монеты и печати ... С. 34–36, 112, табл. VI–VIII; Айбабин А.И. Этническая история... С. 124; ср.: Salamon M. Mennictvo bizantynskie. S. 213–214, rys. 161–164.
- ³¹³ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 113–116.
- ³¹⁴ Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1992. Т. 52. С. 217, №2; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 79, табл. VII; Salamon M. Op. cit. S. 213–214, rys. 165.
- ³¹⁵ Соколова И.В. Монеты и печати... С.38–39, 43, 116, табл. VIII; Salamon M. Op. cit. S. 214. В.А. Анохин полагал, что приписываемые Александру монеты типа буква А на аверсе и крест на реверсе и буква А на аверсе и буквы ПХ на реверсе датируются временем Михаила

III, поскольку относятся к единому типологическому ряду монет, выпускавшихся в Херсоне с конца правления Феофила до конца единоличного правления Василия I. В этой букве ему виделось указание на некоего безымянного архонта, а букву П он трактовал не как сокращение греческого слова «Полис», а опять-таки указание на некоего протевона, от имени которого якобы велся выпуск монет в феином Херсоне, поскольку суверенитет города «вначале не был затронут» (Анохин В.А. Монетное дело... С. 115, 117, 125–126). Однако следует согласиться с Н.Н. Грандмезоном, что такое толкование представляется совершенно невероятным: архонтам и протевонам никогда не давалось право выпускать монеты от своего имени (Грандмезон Н.Н. Заметки о херсонско-византийских монетах // ВВ. 1986. Т. 47. С. 211). Кроме названных, к этому же ряду может быть отнесена часть местных бронзовых монет с буквами р – о (Роман) и х – р (Херсон), но выпущенные, вероятно, в 921 г. от имени Константина VII, Елены, Романа и Христофора (Анохин В.А. Указ. соч. С. 119).

³¹⁶ Зайбт Н. Зайбт В. Печати стратигов ... С. 94; ср.: Соколова И.В. Монеты и печати... С. 117.

³¹⁷ Соколова И.В. Указ. соч. С. 30–33.

³¹⁸ Salamon M. Mennictwo bizantynskie. S. 118–120, 150, 164, 174–175, rys. 64–67, 108, 109, 120. Видимо, не следует абсолютизировать некую особенность, почти уникальность монетного дела Херсона, которая якобы позволяет говорить о его «полунезависимости или лишь о полузависимости от империи» (Dagron G. Crimee ambigue (IVe – Xe siecles) // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. Р. 292). Имеющиеся особенности проглядывают преимущественно в IV VI вв., в период «перестройки» монетного дела. Ко времени конца правления Маврикия его уже пытались нивелировать под общеимперские нормы, стремясь уравнивать вес самой ходовой херсонесской монеты — фоллиса с константинопольским (Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, 1968. Vol. 2. P. 38, 381; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 24, 27), а при Иракии город участвовал в общем-персской монетной реформе (Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 104–109; Алексеев Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1995. С. 25–26).

³¹⁹ Грандмезон Н.Н. Заметки о херсонско-византийских монетах. С. 209–210, № 3.

³²⁰ Salamon M. Op. cit. S. 80–172.

³²¹ Ibid. S. 169, 170, 189, 192.

³²² Salamon M. Op. cit. S. 108, 110.

³²³ Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 56 сл.

³²⁴ Константин Багрянородный. Об управлении... С. 274, гл. 53. 514.

³²⁵ Ср.: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 70.

³²⁶ Ср.: Herrin J. The Context of Iconoclast Reform // Iconoclasm. Birmingham, 1975. P. 15.

³²⁷ Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000. С. 18.

³²⁸ Theophanes Continuatus. P. 360. 14–18; Продолжатель Феофана. С. 150 (VI. 10); ср.: Georgius Monachus continuatus (Georgii monachi Vitae imperatorum recentiorum) // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / E rec. Im. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 855. 17; Leonis Grammatici chronographia ex rec. Im. Bekkeri. Bonnae, 1842. P. 269; Иоанн Каменята. Взятие Фессалоники / Предисл. Р.А. Наследовой, пер. С.В. Поляковой, И.В. Феленковской, коммент. Р.А. Наследовой // Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 221–222, коммент. 10; Цанкова-Петкова Г. Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // Известия на Института за история. 1968. Т. 20. С. 188; Златарски В.Н. История на Българската

държавна през средните векове: В 3 т. София, 1972. Т. 1. С. 30; Ангелов Д. История на Византия 867–1204. София, 1974. Ч. 2. С. 62; Kazdan A.A. Boulgarophygon // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 1. P. 317. Надо особо подчеркнуть, что это событие, судя по наблюдению В.Н. Златарского над известием арабского историка Табари, произошло, вероятнее всего, в 896 г., совпав с завершением так называемой «экономической войны» царя Симеона с ромеями, а не в 891, 892 или 893 г., как нередко без объяснений указывают исследователи (ср.: Сазанов А.В., Ченцова В.Г. [Рец.] // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 446 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во МГУ, 1991. 256 с.); Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 58; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 82).

³²⁹ Constantino Porfirogenito. De thematibus / Introduzione, testo critico, comm. a cura di A. Pertusi. Citta del Vaticano, 1952. P. 183.

³³⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 353 (к с. 104).

³³¹ А.А. Бобринский, как и многие другие, неверно датировавший эти события 891 или 892 г., сочинил по этому поводу, что херсониты якобы послали Льву VI во время его войны с болгарями вспомогательные войска под начальством этого Симеона, но последний дурно управлял своим войском и война закончилась поражением его: «тогда херсонцы умертвили Симеона» (Бобринский А. Херсонес Тарический. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 116).

³³² Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 2. P. 191.

³³³ Ср.: Хвостова К.В. Византийская цивилизация. С. 35.

³³⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1906. С. 74.

³³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении... Гл. 53. 512–529, с. 274; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter // BS. 1992. T. 53. F. 2. S. 204.

³³⁶ Rambaud A. L'Empire grecs au Xe siecle: Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870. P. 491; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса... С. 77–78; Талис Д.А. Политические отношения Корсуня с Русью // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 612. Л. 4–6; ср.: Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. С. 87–94, 101–102.

³³⁷ Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 182–183 (VII. 1–10); ср.: Франчес Э. Левобережье Дуная и Византия в VI в. // ВВ. 1961. Т. 20. С. 18; Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 34.

³³⁸ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 144–151, § 231–242; Иванова О.В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» // Славянские древности. Киев, 1980. С. 91.

³³⁹ Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? С. 30–31.

³⁴⁰ Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции. С. 37.

³⁴¹ Lounggis T.C. A Deo conservandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. 1991. T. 52. P. 54–60.

³⁴² Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens. P. 473. 32–474. 11; Korres Th. To kinema ton «Elladikon» // Byzantiaka. Thessalonike, 1981. T. 1. S. 39–49.

³⁴³ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Pts 2–3. №727, 1074–1076, 1157, 1335–1337, 1419, 1433, 1684, 1773; Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. №144, 336, 338, 344; Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. 1975. Vol. 90. P. 729–730; Edwards R. W. The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, 1987.

³⁴⁴ Возможно, создание здесь фемы тоже было связано со стремлением «законно» (kyrios), как и в Херсоне и «его местах» (en aute torous), укрепить позиции центральной власти (ср.: Константин Багрянородный. Об управлении... С. 172, гл. 42. 41–42).

³⁴⁵ Theophanes Continuatus. P. 135–136; Продолжатель Феофана. С. 61 (III. 38).

³⁴⁶ Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 345.

³⁴⁷ Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса. С. 14; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter. S. 210; ср.: Сидоркин А.И. Лишение и ограничение свободы как наказания в византийском праве // Forum Romanum. Доклады III международ. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 141.

³⁴⁸ Ср.: Романчук А.И. Херсонес в VI – первой половины IX в. Свердловск, 1976. С. 8.

³⁴⁹ Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима... С. 6–7, гл. 5.

³⁵⁰ Бертъ-Делгард А.А. Надпись времен Императора Зенона... С. 78.

³⁵¹ См.: Ammianus Marcellinus. With engl. transl. by J. Rolfe. Cambridge; Harward, 1950. Vol. 2. P. 598 (XXVI. 10. 8–10); Zosime Histoire nouvelle / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. Paris, 1979. T. 2. P. 2. P. 266 (IV. 5. 2); Зосим. Новая история // Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. пер. В. Латышев. СПб., 1893. Ч. 1. С. 798; Курбатов Г.А. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М., 1961. С. 72.

³⁵² Предположение о том, что на тот момент в городе не было имперских войск, ничего не меняет: источники подчеркивают, что беглец был вынужден покинуть Херсонес (ср.: Цукерман К. Епископы и ганизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 558).

³⁵³ Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. М., 2000. С. 377.

³⁵⁴ Об этом особенно подробно сообщает сирийская версия «Церковной истории» епископа Захария Митиленского, составленная в 569 г. (The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene. Transl. into English by F. J. Hamilton, E. W. Brooks. London, 1899. P. 79–80). Ср.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 25, 48; Liberat. Breviarium // Acta Consiliorum Oecumenicorum / Ed. A. Shwartz. Berlin, 1936. T. 2. Vol. 5. P. 125; Сиротенко В.Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1964. № 117. С. 102.

³⁵⁵ Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 418.

³⁵⁶ Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // Епифанович С.Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917. С. 14. 11–16, sec. 4; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. 1853. T. 129. Col. 684 D; Devreesse R. Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoudes: le supplce, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothelisme // AB. 1935. T. 53. P. 49–80; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. P. 78. В свете того, что ныне известно о кастра Юго-Западной Таврики, воздвигнутых во второй половине VI–VII вв. стараниями византийской администрации и местных энспондов — союзников империи, нет никаких оснований видеть эти крепости находящимися исключительно «во власти готов или непосредственно хазар» (ср.: Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8.Jh. // Византия и Крым. Тезисы междунаро. науч. конф. Симферополь, 1997. С. 100; Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 303). Говорить о господстве хазар в Крыму в 40–50-х гг. VII в., т.е. до их появления здесь, вообще нонсенс.

³⁵⁷ См.: Хрушкова А.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002. С. 56–60.

³⁵⁸ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 179–180.

³⁵⁹ Подр. см.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. С. 142–161.

³⁶⁰ Theophanis Chronographia. Vol. 1. P. 351. 17–19.

³⁶¹ Залеская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 48. С. 207; Сидоренко В.А. Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 113; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 194–195; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 88, 95.

³⁶² Бородин О.Р. Римский папа Мартин... С. 179–180.

³⁶³ Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode, vues de Byzance. Prague, 1933. P. 159.

³⁶⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 39, 62, 155, 163.

³⁶⁵ Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. Washington, 1990. P. 126.

³⁶⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 41, 64, 157, 165.

³⁶⁷ Архиепископ Феликс был схвачен стратигом Сицилии патриkiem Феодором во время карательной экспедиции в Равенну, вероятно, весной 710 г. (Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis. P. 367–369; De Liber Pontificalis. Texte, introduc. et comment. par L. Duchesne. Paris, 1955. T. 1. P. 389; Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб., 1891. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. С. 8; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. С. 139–140, 162–165). После утверждения на троне Вардана Филиппика он был возвращен в Равенну в 712 г.

³⁶⁸ Карташов А.В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 449.

³⁶⁹ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей — 1054 г.). Киев, 1991. С. 454; Карташов А.В. Вселенские соборы. С. 436–437.

³⁷⁰ Theophanis Chronographia. P. 450.31–451.2; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 46, 68.

³⁷¹ Через 17 лет славяне Греции под предводительством князя велесичей Аксамира еще раз попытаются провозгласить василевсом слепого Никифора, но императрице Ирине с большим трудом удастся подавить мятеж (Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997. С. 139, 140).

³⁷² Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 174–175.

³⁷³ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 234.

³⁷⁴ Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. 1864. T. 99. Col. 269 D, 272 DC; Theodori Studitae epistulae // PG. 1864. T. 99. Col. 1068 B, 1072 C — 1073 B, 1076 B, 1116 B; Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni // PG. 1864. T. 99. Col. 840 D — 841 A; Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1913 (1914). Т. 113. С. 649.

³⁷⁵ Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni. Col. 840 D; Theodori Studitae epistulae. Col. 1052 A.

³⁷⁶ Theodori Studitae epistulae. Col. 1072 D; ср.: Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 326. Разумеется, представители высших духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики василевса Никифора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнлюбивому» Херсону.

³⁷⁷ Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями. СПб., 1907. Ч. 1. С. 454–455 (письмо ХСII от 821 г.).

³⁷⁸ Там же. С. 455.

³⁷⁹ См.: Theodori Studitae epistulae. Lib.II, № 164, col. 1519–1520; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 104–105, 135.

³⁸⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 346.

³⁸¹ La Vie grecque de S. Jean le Psichaitte, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Nouvelle Serie. 1902. Т. 3. P. 118–120; Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. 1864. Т. 105. Col. 939–974 (особенно sec. 4); Пападопуло-Керамевс А.И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. СПб., 1901. С. 1–14; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae et codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye // Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. Bruxelles, 1902. Col. 583; Бобринский А. Херсонес Таврический. С. 110; Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. (1911) 1913. Т. 18. С. 1–6, 12; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Пг., 1914. С. 227, 235; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 351–352. См. подр. Ч. III гл. «Крымский этап жизни Иосифа Гимнографа».

³⁸² Ср.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. С. 44.

³⁸³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письме Анастасия библиотекаря // ХА. 2012–2013. Т. 11. С. 222–240; Письмо Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 3. С. 226, 234, § 3 (речь идет о Митрофане, митрополите Смирн, сосланном сюда «вместе с другими»). Как уже было сказано, на середину IX в. могло прийти и изгнание Иосифа Гимнографа.

³⁸⁴ Хвостова К.В. Византийская цивилизация. С. 34; Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Пер. О.А. Власовой // Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 160.

³⁸⁵ Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса... С. 150–163; Антонова И.А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 5–9; Сорочан С.Б. Об эволюции фортификации византийского Херсона в VI–X вв. // ПОЛЕМО-ЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 31–57.

Глава 4. Экономическое развитие

Раскопки самого значительного из византийских центров Таврики до сих пор не открыли керамических комплексов, относящихся к VIII в., т.е. к самому пику хазарской эпохи, или так называемых «темных веков» Лишь засыпь двух херсонских рыбозасолочных цистерн может быть определенно отнесена к концу VII – началу VIII столетий (VIII квартал, помещение 9 и засыпь подвала в помещении 6–7 а), а засыпь колодца в портовом квартале 1 датируется концом VIII – началом IX вв.¹ На этом основании некоторые археологи делали и продолжают отстаивать заключение о «деградации», глубоком упадке, кризисе, процессе дезурбанизации Херсона в это время,

усматривая это «увядание» в прекращении, как и в других ромейских городах, строительства, практическом исчезновении ранневизантийской пригородной сельской хоры, резком сокращении промыслов, ремесел, судостроения, торговых связей². Одним словом, город «обезлюдел, обнищал и словно вымер». Это заключение, больше эмоциональное, нежели объективное, переносится на общий, якобы во всех отношениях упаднический, замерший и бесперспективный фон городской жизни раннесредневековой Византии, отчего даже Константинополь около 700 г. представляется нам, нынешним, не более чем «занятым рудиментом прошлого»³. Подобные взгляды, как известно, привились среди широких кругов историков и особенно активно насаждались в последней трети XX в.⁴ И тем не менее, чем далее, тем больше они входят в противоречие с данными источников, методикой их интерпретации, результатами полевых исследований, на которые еще раз стоит обратить внимание и которые позволяют представить положение «столицы» важнейшей византийской архонтии Таврики несколько иным, более благополучным.

Следы нормальной жизнедеятельности вообще трудно уловить в культурном слое городища, который фиксирует прежде всего разрушения. Недаром наиболее мощные слои образовались в середине VI – середине VII вв., когда в городе шло наиболее интенсивное общественное строительство. Разумеется, перепланировки города уничтожали остатки более ранних времен, расчищавшиеся порой до скального основания⁵. Между тем сам факт преемственности в планировке кварталов и непрерывности городской застройки в разных районах Херсона не подлежит сомнению⁶. К примеру, анализ средневековой керамики, полученной из раскопок восточного сектора на месте античного театра, показывает ее непрерывность и, следовательно, наличие для VIII в.⁷ Раннесредневековый слой, как и античные слои, незначительно сохранился и на северном берегу, в XXVIII квартале, недалеко от пересечения XIII поперечной улицы с продольной, но находки монет Феодосия I, Льва I, Юстиниана I, Тиверия Маврикия говорят о том, что перестройки происходили здесь в конце VI – начале VII вв. Наиболее поздней, относящейся уже ко времени функционирования нового дома, оказалась монета Константина IV Погоната 670–680 гг., найденная под помещением I⁸. Уцелевшие подвалы, остатки стен и слои, насыщенные множеством вещей, кухонных остатков, указывают на интенсивную жизнь в этом квартале, который, как и ряд других, оказался разрушен к рубежу X–XI вв., судя по наиболее поздним монетам Василия II, найденным в слое строительного мусора. Монументальные постройки, храмы, евктирионы, баптистерии, молельни и мартирии, выстроенные в ранневизантийский период, тоже стояли веками, подвергаясь периодическим ремонтам и пе-

ределкам. Столь же регулярно ремонтировались, достраивались оборонительные сооружения, которые неминуемо пришли бы в негодность, развалились без должного ухода уже через несколько десятков лет⁹.

Именно длительное отсутствие слоев разрушений и вообще заметных следов повреждений, переделок или построек раннесредневековых храмов и оборонительных сооружений города после конца VI – начала VII вв. позволяет полагать, что если он и испытал в 740 г. и около 900 г. землетрясения, известные по византийским источникам и возможные с точки зрения статистики сейсмических катастроф, их интенсивность на территории Крымского полуострова была незначительной, чего не скажешь о мощном землетрясении 480 г., повредившем крепостную ограду, в частности, фланговую башню Зинова (№ XVII) и разрушившем некоторые постройки на северном берегу, а также, видимо, о еще более сильной сейсмической катастрофе, которая вполне могла разразиться в третьей четверти VI в. и стать одной из причин, повлекших возведение большинства новых базиликальных храмов — кафоликонов и последующие перестройки внутри жилых кварталов, претерпевших наибольшие разрушения¹⁰.

Что касается керамических комплексов Херсона, то и для VII, и для IX столетия они тоже исчисляются единицами¹¹. Единичны они и для V–VI вв., хотя нет сомнений, что город жил тогда полнокровной жизнью¹².

О достаточно активной ремесленной деятельности свидетельствует гончарная продукция VIII – начала IX вв., а также отходы керамического и металлургического производства, найденные в засыпи ранневизантийского городского водохранилища вместимостью около 1500 куб. м., которое перестало функционировать в первой половине IX в., скорее всего, не из-за упадка города, а из-за экологических изменений, какого-то серьезного природного нарушения водного баланса, заставившего иссякнуть в округе источники наполнения¹³. В частности, обращает внимание 10 классов амфор, характерных для этого комплекса (классы 26–35) (рис. 134)¹⁴. Еще более крупная тара представлена пифосами биконической, шаровидной и яйцевидной форм тулова, которые иногда встречаются в целом виде при раскопках квартальных помещений и в ближней округе города¹⁵.

Трудно, зачастую невозможно отделить керамику VIII столетия от конца предыдущего и начала последующего веков, равно как и вычленить херсонесскую продукцию среди местных изделий Южной, Юго-Восточной и Юго-Западной Таврики. Однако, несомненно, и те, и другие отражают усилившуюся в это время стандартизацию, особенно амфор¹⁶, что говорит о возрастании их массового выпуска, рассчитанного на широкую продажу.

Металлообрабатывающие мастерские Херсона выпускали бронзовые поясные пряжки с прямоугольной рамкой или со щитком, в овальном выре-

зе которого выступает стилизованный трилистник, варианты пряжек типа «Коринф» с треугольным ажурным щитком, заканчивающимся кружком, крестовидные пряжки и другие детали поясных наборов, которые, наряду с некоторыми украшениями, крестиками, поступали на территорию «земли готов», хору Дороса¹⁷. Следы этого непрекращающегося производства то и дело встречаются при раскопках города и его загородного раннесредневекового некрополя. Например, в 1901 г. на территории храмового комплекса Западной базилики (№13), расцвет которого пришелся на VII–IX вв., были найдены различные церковные принадлежности: «бронзовый крест грубой работы на заклепке; верхняя часть тройной толстой цепи в виде бронзовой звезды, шесть лучей которой изогнуты на концах; кусок толстой бронзовой цепи; кусок тонкой бронзовой цепочки; 2 бронзовые пуговицы в виде бубенчика», типичные для раннего средневековья¹⁸. К VIII в. Н.П. Кондаков относил обнаруженные в Херсоне медные кресты — энколпионы с изображением на одной стороне Распятого Христа, одетого в коловий — безрукавную рубашку до ступней, а на другой — Богородицы и Евангелистов в кругах на концах перекрестий¹⁹. Находки таких реликвариев, традиционно относимых к сирийско-палестинскому, а точнее ближневосточному производству, не единичны и, во всяком случае, едва ли могут быть позже X–XI вв., когда стало распространяться изображение обнаженного Христа в набедренной повязке²⁰. Связывать их наличие в Херсоне только с миссионерской деятельностью Херсонской церкви — значит, искусственно сужать сферу использования подобных портативных складней — мощехранилищ, объединявших в себе три главные христианские святыни — крест, икону, реликвию²¹. Формочка из сланца для отливки аналогичных крестов, найденная в ходе раскопок обширного средневекового общественного «здания Г» недалеко от Южных ворот города, свидетельствует в пользу соответствующей работы местных мастеров, а не только о привозных образцах²². В засыпи большого водохранилища довольно часто встречались разнообразные изделия из металла — многочисленные пластинки, бесформенные куски железа, бронзовые крючки для рыбной ловли и для плетения сетей, наперстки, колокольчики, пряжки конца VII–VIII вв. с крестовидным щитком, трехчастный держатель лампад с крючками для их подвешивания²³. Еще более показательны находки отходов металлургического производства (шлака, железных криц, бронзовых слитков, бракованных византийских пряжек), глиняных форм для отливки, в частности, колец, матрицы из мраморовидного известняка для изготовления круглых свинцовых грузил, литейной формы из известняка для производства прямоугольных поясных пряжек, известных лишь во второй половине VII–VIII вв.²⁴ Есть основания полагать, что в это время на месте здания рим-

ского времени почти в центре «цитадели» мог расположиться литейный эргастрий²⁵. К слову, обилие поясных пряжек косвенно указывает на развитое кожевенное производство и, значит, наличие как привозной, так и местной продукции лоротомов — ремешков, на наличие кожевенников, дубильщиков – вирсодепсов, а также шорников, изготовителей сбруи, обувщиков — зангариев, скитотомов, без услуг которых херсонеситы не обходились, как и прочие ромен. Мир эргастрия во всем его разнообразии привычно входил в их быт²⁶ и тем самым делал особенно привлекательным этот город в глазах обитателей его сельской периферии.

Явно не было заброшено неприхотливое косторезное производство, к которому херсониты всегда имели склонность. На это указывают находки в засыпи водохранилища заготовок из кости и рога, разнообразных поделок (костяных деталей упряжи, трубочек с насечками, шахматной фигурки)²⁷.

Необходимость совершать близкие и более дальние наземные перевозки, хотя бы в пределах поселений Юго-Западного и Горного Крыма, транспортировать небольшие грузы не могла быть удовлетворена без наличия, а значит, и изготовления четырех- или двухколесных деревянных повозок. Но об устройстве их и тягловой силе практически ничего не известно, что вообще характерно для истории материальной цивилизации раннего средневековья²⁸. Можно лишь предположить, что такие повозки, коль они должны были быть в распоряжении херсонитов, влекли главным образом волы, быки, реже лошади, оглобель, подков не было, хотя система упряжи в виде нагрудного ремня (подпруги) и жесткого хомута существовала. Колеса были одинакового размера, не поворачивались на стержне, не имели поворотной оси, а отсутствие смазки заставляло их сильно скрипеть.

Для херсонитов, как и прежде, должны были быть преобладающими не сельские, а ремесленные занятия, промыслы (добыча соли, рыбы, производство рыбных соусов). Археологические материалы свидетельствуют, что ряд рыбозасолочных комплексов (№ 34, 35, 47, 48, 60–62, 91, 93, 96, т.е. около 10% от общего известного количества) мог использоваться в VIII в..²⁹ При среднем объеме цистерны в 25–30 куб. м и весе одного куб. м рыбы 7,5–8 ц в них можно было бы получить около 1875–2400 ц рыбы, так что даже при однократном ежегодном использовании цистерн на каждого человека из 6–7 тысяч населения города, включая детей и младенцев, приходилось бы не менее 2,5–3,7 ц готового продукта, явно избыточного только для собственного употребления. Между тем, это количество следует увеличить по меньшей мере вдвое, поскольку лов анчоуса — основной промысловой рыбы производился дважды в год, в конце марта — апреле и в конце ноября — декабре³⁰. Засыпь же немногих, сооруженных после IV в. цистерн для засолки рыбы, произведенная в это время, объясняется не упадком соответ-

ствующей отрасли производства, а необходимостью перепланировок территории под новое строительство, как это видно на примере одноапсидного храма, возведенного на месте давно заброшенного проскения античного театра, и пяти засыпанных цистерн (№ 36–41), которые, как и часть несенных небольших домишек, находились к юго-востоку от новостройки³¹. Учитывая, что во время путины, длившейся примерно месяц, добыча одной лодки с 3–4 рыбаками составляла в среднем около 250 ц³², в Херсоне должно было быть в наличии не менее 8–10 рыболовецких судов и 30–40 рыбаков, а учитывая необходимость лова иных, помимо анчоуса, видов рыбы (кефали, камбалы, белуги, салтанки, скумбрии, ставриды, дельфина) и моллюсков (устриц, мидий), это число может быть увеличено примерно на треть. В этом случае оно представляется не таким уж малым, как кажется на первый взгляд, ибо составляло примерно половину от того количества рыбаков, каким располагали вместе взятые Севастополь и Балаклава гораздо позже — в конце XIX в.³³ Обработка морепродуктов, переработка их для технических потребностей, в частности, для получения клея, жира, а также засолка многих сотен центнеров рыбы тоже требовали нескольких десятков рабочих рук. Разумеется, засолщики-специалисты (прасолы), владельцы рыбозасолочных комплексов, цистерн не были в состоянии самостоятельно или только с помощью домохозяев обеспечить весь фронт работ и вынуждены были хотя бы во время сезонов массового лова на месяц-другой привлекать наемных рабочих — мисфиев, каких ромен обычно использовали на условии выплаты поденной платы, составлявшей в среднем приблизительно 8–9 оболов (медных фоллисов)³⁴. Следует подчеркнуть, что все это имело смысл только при наличии сравнительно развитого рынка, зажиточных предпринимателей и простого товарного производства.

Учитывая значительный удельный вес земледелия и животноводства у оседавших в Таврике во второй половине VIII в. «салтовцев», Херсон должен был получать от них продукты, сырье (зерно, убойный скот, шкуры, невыделанные кожи, овечья шерсть), которые без каких-либо затруднений поступали в город извне, главным образом с сельской периферии Юго-Западного Крыма, и которые оставались для города основой транзитной, посреднической торговли и в последующие столетия, о чем в середине X в. сообщал Константин Багрянородный³⁵. Отсутствие следов масштабного пригородного хозяйства с широкой системой земельных угодий, сельских усадеб, проастиев, косвенно указывает именно на этот вариант развития, типичный для города-эмпория³⁶. Абсолютно беспочвенными представляются утверждения о том, что большие военные отряды хазар в конце VII и VIII в. окружили Херсон и «на долгое время отрезали его от горных и степных районов, от сырьевых и продовольственных баз»³⁷. Это в кор-

не противоречит общей политической обстановке в Таврике, сути хазарско-византийских отношений того времени и не находит подтверждения ни в письменных, ни в археологических источниках³⁸.

Для пропитания одного человека требовалось в год не менее 16 модиев хлеба (около 200 кг зерна)³⁹. Значит, только для внутренних потребностей 6–7-тысячного населения города надо было получать около 1200–1400 т зерна, не считая фуражных запасов. Херсониты могли перекупать часть урожая (хлебных излишков) у местного населения. Натурой получала часть доходов от своих патримониев и Херсонская церковь. Какая-то доля шла на нужды стола епископа, содержание нескольких сот клириков⁴⁰, для раздачи бедным, но остальное сбывалось на рынке. Сами горожане и представители духовенства, недостаточно обеспеченные сельскохозяйственной продукцией собственного производства, должны были жить за счет рынка. Примечательно, что местные производители сельскохозяйственной продукции сохранили именно пшеницу в качестве главной хлебной культуры, очевидно, в расчете на покупательный спрос, и не заменили ее менее прихотливой рожью.

С высказанным выше наблюдением вполне увязываются вырубленные в крепостях Внутренней и Главной гряды Крымских гор комплексы скальных ям — хранилищ, имевших колоколообразную или пифосообразную форму, вместимостью от 0,3 до 4,8 тонн, подобные обнаруженным вдоль восточного и западного края плато Эски-Кермен, на котором находилось одно из таких городищ — перевалочных пунктов (*polismaton* или *kastron*), укрепленных уже к концу VI в.⁴¹ Обычно хранилища располагались гнездами, по несколько десятков единиц. Вроде вероятное предположение в отношении этих ям, закрывавшихся каменными крышками, было высказано Ю.М. Могаричевым, полагающим, что устроенные таким образом крупные склады раннесредневекового периода были предназначены для хранения зерна или даже гораздо более выгодной для транспортировки муки, которые крестьяне свозили из долин под защиту крепостных стен, в свое время воздвигнутых с помощью византийских икодомов, после чего собранный груз переправляли в «столицу» византийской архонтии – портовый Херсон⁴². Аналогичные и столь же многочисленные ямы — хранилища, высеченные в скале, упоминали П.И. Кеппен и Е.А. Марков при описании древностей горы Баклы⁴³. Прослежены они и на западном отроге горного массива Ак-Кая, на укрепленном крупном городище у с. Вишенное⁴⁴.

По тем же причинам главный город окраинной провинции вполне подходил на роль местного ярмарочного центра, замыкавшего на себя поступление излишков сельскохозяйственной продукции с поселений обширной области Таврики, и не только не испытывавшего в VIII в. недостатка в этих продуктах, но отчасти их реэкспортировавшего⁴⁵. Из житийных и эпигра-

фических материалов известно, что в раннесредневековом Херсоне к числу особо почитаемых святых мест относились церковь св. Прокопия, одного из палестинских мучеников, пострадавших в Кесарее при императоре Диоклетиане в 303 и 304 гг.; храм апостола Петра и большая базилика апостолов Петра и Павла; загородный храм св.муч. Созонта — пастуха овец, дерзнувшего поднять руку на языческого идола и замученного в 304 г.; другой загородный храм — Влахернский, поставленный во имя Богородицы — заступницы, целительницы и связанный с культом почитания реликвий Девы Марии, перенесенных из Палестины в Константинополь; храм св. муч. Фоки Синопского — покровителя нищеприимцев, путешественников и моряков; «дом» или церковь св. муч. Леонтия, скорее всего, одного из киликийских братьев-бессеребренников, как и прославленные Косма и Дамиан, занимавшихся врачебным искусством и пострадавших за веру в 286–305 гг.⁴⁶ Любой день их памяти, отмечаемый соответственно 8 июля, 12 июля, 20 сентября, 2 июля (Положение Ризы Богородицы во Влахернах), 28 августа (Успение Пресвятой Богородицы) и 1 октября (Покров Пресвятой Богородицы), 5 октября, 30 октября, мог стать и днем местного панигира. Должно быть, особенно устраивало приходившееся на середину лета время праздника апостолов Петра и Павла — главных патронов парфий, которым был посвящен самый большой соборный храм-кафоликон, а также дни Успения и Покрова Богородицы, св. Фоки и св. Леонтия, совпадавших с завершением поры основных сельскохозяйственных работ, уборки урожая, добычи соли и приближением прекращения дальних морских поездок в связи с окончанием навигационного сезона.

В Византии, как и в любом другом средневековом обществе, рост сельскохозяйственных ресурсов был напрямую связан с ростом числа рабочих рук⁴⁷. Поэтому увеличение сельскохозяйственного производства, экономический подъем в Таврике в VIII в., особенно заметный с середины столетия, были прямым следствием относительного затишья, весьма благоприятной обстановки и увеличения здесь количества поселений, устраиваемых как византинизированным местным населением, так и в основном новыми пришельцами, «салтовцами»⁴⁸. Только не приобретение краем независимости или потеря здесь ромейских позиций, и уж тем более не упадок и аграризация Херсона были тому причиной, а состояние устойчивого равновесия разных сил на территории Крымского полуострова⁴⁹. Отсутствие необходимости защиты от внешних врагов с лихвой компенсировали убытки от необходимости учитывать интересы и византийских, и хазарских властей. Рост численности населения в Таврике к концу VIII в. объясним как внешними факторами⁵⁰, миграцией, в том числе из Малой Азии и с территории Хазарского каганата — Северного Кавказа, Кубани, Подонья, так и вну-

тренными демографическими процессами, когда в условиях относительной политической и экономической стабильности произошел своеобразный демографический взрыв, подобный тем, что уже случались в Крыму в иные эпохи⁵¹. Некрополи фиксируют увеличение населения Эски-Кермена, Чуфут-Кале, поселений, окружавших Мангуп и Баклу, а также южнобережных селений⁵². Примерно две с половиной сотни новых поселений возникают со второй половины VIII в. в Центральной, Северо-Западной, Юго-Восточной и особенно в Восточной Таврике (приблизительно 85% от общего числа), где процесс расселения пришельцев, численностью не менее 12–15 тысяч человек, шел бесконфликтно, на пустующих землях, видимо, с согласия византийских властей, которые продолжали считать данные территории своими⁵³. Не случайно новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений, не нужных в это мирное время.

Среди более трех десятков гончарных центров, обнаруженных к настоящему времени вдоль побережья полуострова от Коктебеля до Херсона и в горной Юго-Западной Таврике, не менее трети стали функционировать именно в это время (гончарные мастерские в районе Алушты, в урочище Суат около Ялты, на территории санатория «Кипарисный», в Ливадии, у пос. Трудолюбовка, на берегу р. Бодрак, в 6 км от Баклы, в Чабан-Куле, в 27 км западнее Судака и недалеко от впадения р. Канаки в море, в 10 км западнее Чабан-Куле), а технологическая традиция распространения здесь сложенных из сырца и камня двухъярусных не круглых, а прямоугольных или квадратных горнов с восходящим движением газов и жаропроводящими каналами в топочном блоке, вероятно, пришла с южного или юго-западного побережья византийского Понта⁵⁴. Стандартность их продукции, в основном амфорной, указывает скорее на городской, чем на деревенский характер ремесла, т.е. на то, что здесь временно работали городские ремесленники — сезонники, пытавшиеся не упустить выгодную конъюнктуру рынка и для этого старавшиеся разместиться как можно ближе к потребителям их товара — местным виноделам и производителям сельскохозяйственной продукции⁵⁵. К тому же морем было особенно удобно развозить готовые гончарные изделия, которые, судя по всему, делали большими партиями, в огромном количестве. Подобного не наблюдалось на территории Крыма ни до VIII в., ни после середины X в.

Можно ожидать, что эти процессы не обошли и собственно Херсон, численность населения которого в сложившейся обстановке пережила тенденцию не в сторону сокращения до 3 тысяч человек, а скорее, напротив, достигала не менее 5–6 тысяч⁵⁶. Знать не могла достигать 10% от общего населения города, а именно столько составляла бы численность домохозяев знатных семейств от 3000 жителей, если исходить из указаний Феофана и

Никифора о 48 протевонах, которых застали в Херсоне карательные войска Юстиниана II в 710 г.⁵⁷ Нет сомнений, что вывезенные в Константинополь, они в массе своей уцелели и были возвращены в Херсон уже в 712 г., сразу после прихода к власти Вардана Филиппика.

Неблагоприятные последствия воздействия экологического фактора в середине VIII в., по-видимому, оказались для города сведены к минимуму. Следов разрушений, запустения, какие наложили отпечаток в это время даже на лик столицы Империи, здесь не прослеживается⁵⁸. Горожане благополучно пользовались солидным архитектурным наследством, доставшимся от второй половины VI – первой половины VII в. и даже кое-что достраивали, обновляли, возводили новые храмы, среди которых с уверенностью могут быть названы появившиеся к концу столетия крестовокупольный храм №29 на большой агоре и Западный загородный крестообразный храм св. Созонта⁵⁹. К слову, возрастание плотности внутриквартальной застройки по сравнению с первыми веками н.э., замеченное не только для Херсона, но и других, достаточно хорошо археологически исследованных византийских провинциальных городов (Коринф, Афины, Фивы, Эфес, Пергам, Сарды)⁶⁰, вернее всего объяснить только одним — недостатком места и, значит, возрастанием плотности населения отдельных жилых кварталов, где земля под застройку принимала все большую ценность.

Так или иначе, события конца VII – начала VIII вв. указывают на сближение Византии и хазар через посредничество Херсона, производившего впечатление достаточно зажиточного, состоятельного города⁶¹. Империя нуждалась в этом сближении, важном для сдерживания мусульманской угрозы. Но поскольку речь шла о сближении Романии и каганата благодаря политике Херсона, почему хазары должны были чинить великое множество препятствий торговле города?⁶² Его экономика развивалась достаточно стабильно, отчего, как заметил В. В. Кропоткин, она не сопровождалась зарытием кладов — «индикаторов неблагополучия»⁶³. Необоснованное и насквозь противоречивое представление хронистов конца VIII – начала IX вв. о полном разорении Херсона во время первой карательной экспедиции Юстиниана II в 710 г. приняли и даже утрировали позднейшие византийские историки, такие как митрополит Навпакта Константин Манассия (ум. ок. 1187 г.), который писал, что участь города была хуже Вифлеема, где были убиты лишь младенцы, а не мужчины и женщины⁶⁴. На самом деле нет никаких оснований приводить свидетельства Никифора и Феофана в пользу тяжелого экономического положения, кризиса и запустения города в VIII в., как это иногда делается исследователями, в лучшем случае допускающими оговорку лишь о том, что дело не дошло до «полного замирания»⁶⁵. Показательно также, что со второй половины – конца VII в. социальные

верхи тюркюто-хазарского общества получали все выпуски византийского золота начиная с солидов Константа II (после 651 г.) до ранних монет Константина V (741–751 гг.), и изменения в этом, видимо, отражающие некие изменения в Хазарии, произошли не раньше 60-х гг. VIII столетия⁶⁶.

Итак, имеющиеся материалы позволяют говорить, что Византия через Херсон и другие свои опорные пункты на территории соседних с ним областей — климата поддерживала достаточно оживленные экономические связи с местным населением региона. Крымско-византийские расписные ойнохои так называемого «баклинского типа» широко распространялись по территории, занятой во второй половине VIII – начале IX вв. носителями салтово-маяцкой культуры, где они встречаются в погребениях Кеп, Тамани, у станицы Крымской, Нетайловского могильника на Северском Донце, Верхнего Салтова, Подонья (Червоная Гусаровка) и др. Причем отмечается тенденция к замене традиционно салтовской лощеной керамики кувшинами, кружками крымско-византийского производства.⁶⁷ О том, что последние производились в VIII – начале IX вв. и в Херсоне, свидетельствуют находки бракованных изделий этого вида в комплексе засыпи городского водохранилища⁶⁸.

Именно вещи византийского круга, бронзовые и железные пряжки типа «Коринф» и других распространенных вариантов, браслеты, фибулы, перстни с христианской символикой, греческими монограммами или имитациями монограмм, прочие украшения, стеклянная и гончарная посуда доминируют в инвентаре некоторых, преимущественно южнокрымских могильников в VIII столетии⁶⁹. Следы связей местных поселений проявляются в виде дороги с подрубами в скале, соединявшей поселения в урочище Алсу -2 (17 км к югу от Севастополя), Чоргунский Исар и поселение Гасфорт на высоте Безымянной⁷⁰. Находки византийских амфор, столовой керамики, пряжек и прочей мелкой торевтики дают также раскопки поселений и погребений этого времени в Центральной и Юго-Западной Таврике⁷¹. Туда же поступали тканые изделия. К примеру, в плитовом могильнике VIII–IX вв. Баклинского городища на голове погребенной женщины сохранились остатки плотной коричневой ткани, обшитой тесьмой с золотной нитью, которая не могла принадлежать к изделиям домашнего производства. Фрагменты ткани красного цвета были и на тазобедренных костях⁷². Очевидно, связи Херсона с населением Юго-Западного Крыма стали преобладающими, о чем свидетельствует стандартизированная керамическая тара херсонских гончарных эргастриев, поступавшая на туземные поселения.⁷³ Следовательно, вывод о том, что в городе сохранились ремесла, ориентированные на торговлю с аграрной периферией, верен, хотя надо подчеркнуть, что изделия херсонитов находили сбыт преимущественно в ближайшей округе (дальняя имела соб-

ственные гончарные центры, выпускавшие массовую продукцию)⁷⁴. Понятно, что при таком положении истинный византийский гончарный импорт, «импорт дальней доставки», был невелик, ибо местный спрос в таре и посуде удовлетворялся своими силами.

Население Таврики уже стояло почти на одной ступени развития вместе с Херсоном. Вместе с тем, его продуцентная роль, как, впрочем, и других раннесредневековых городов, вообще не могла быть велика. И дело не в упадке и кризисе города, якобы начавшемся в VII в., а в соответствии скромных потребностей новой эпохи с иными материальными потребностями и ментальными ориентирами. Именно в силу этих объективных обстоятельств не возникли условия для интенсификации обмена между херсонитами и сельской округой: массовые товары, производившиеся теми и другими, были за редким исключением одинаковыми. Более того, сельская округа как монополист сельскохозяйственных продуктов играла даже лидирующую роль в этом обмене, поскольку херсониты были жизненно заинтересованы в получении от нее зерна, вина, мяса, шкур и пр. Различия в материальной культуре Херсона и сельских поселений Юго-Западной Таврики в VIII в., конечно, существовали, но они объясняются не отсутствием связей между ними, а социально-экономическими и духовными причинами, какие всегда отличают село от города и, несмотря ни на что, делают его положение приоритетным⁷⁵. Последний все же продолжал выполнять по отношению к варварской периферии функции центра торгового обмена, причем, судя по редкости находок монет даже в ближней округе, этот обмен был неэквивалентным, неравноценным и зиждился преимущественно не на основе договора купли-продажи (*emptio-venditio*), а на основе договора мены (*permutatio*)⁷⁶. Следовательно, и тут Херсон ничем не отличался от прочих пограничных городов Империи, к которым народности, находившиеся под ромейским влиянием, тянулись прежде всего как к источнику получения того, что не было известно в варварских землях или появлялось там с известным запаздыванием⁷⁷. Примечательно, что даже амфоры и другая керамическая тара все же поступала на крымские поселения, связанные с городом, как с центром торговли всего региона, несмотря на то что на этой территории существовали собственные гончарные центры, тоже массово производившие товарную продукцию⁷⁸. К примеру, сравнение керамики из поселений нижнего и среднего течения р. Бельбек показывает, что в VIII – первой половине IX вв. они были ориентированы на получение гончарной тары из Херсона и его ближайших окрестностей, тогда как верховья р. Бельбек снабжались продукцией, вероятно, из гончарных печей IX–X вв., расположенных в 12–15 км от византийской крепости Сюйрен (Сюрень), в районе современного с. Голубинка⁷⁹.

При этом наблюдалась явная активизация производства подобных многочисленных гончарных мастерских в сельской местности, выпускавших тару, столовую, кухонную бытовую посуду, а также строительную керамику для церквей (керамиды, калиптеры, плинфу, облицовочные плитки), но прежде всего рассчитанных на удовлетворение растущих запросов крымского товарного виноделия в бочках-пифосах и особенно амфорах, кувшинах и отчасти во флягах, предназначенных для вьючной перевозки⁸⁰. При всей курьезности концовки рассказа агиографа о споре двух местных жителей, которые даже при посредничестве своего духовного пастыря, преподобного Иоанна Готского, не могли поделить вино, хранившееся в пифосе (*peri oinou ontos en pitho, oinou ento pitho*), данный пассаж косвенно свидетельствует о широком распространении к концу VIII в. значительного винодельческого промысла в здешних землях⁸¹. Примечательно, что в 1930 г. в ходе случайных раскопок большого винного склада на северной стороне Севастополя на обнаруженных здесь пифосах оказались граффити VII–VIII вв. — имена «Плиада жена Килика» (*Pliada gunē tou kylek[iou]*), Пифар, Рама (*Ramou*), расположенные в три строки, а также Тасий, Криний, Килита, Фасос (?) с изображением мухи, крестообразная монограмма имени Анастасий (*INAT*)⁸². Не исключено, что подобные прочерченные на видном месте знаки в виде монограмм, полностью написанных греческих имен или одной и двух букв были не только метками заказчиков пифосов, но и заменяли в какой-то степени уорант для тех, кто помещал такие сосуды в винное хранилище⁸³. Здесь же были найдены остатки фильтра, более совершенного, чем плетеные, «корзиночные», в виде толстого мата из шерсти, который служил для тщательного процеживания вина⁸⁴. Мат гораздо лучше старинных фильтров пропускал виноградный сок, задерживая на своей поверхности виноградные зерна, кусочки виноградной лозы, песок, тончайший ил. Следовательно, можно говорить о следующем, после античного, более высоком этапе развития этого промысла на крымской земле и о существовании организации складского дела как сферы предпринимательства.

До второй половины VIII в. сюда попадало главным образом импортное вино, поступавшее по традиционным черноморским маршрутам, известным с античных времен. Но затем ситуация меняется. Поражает обилие появившихся в этот период и несколько позже каменных корытообразных, довольно больших тарапанов — давлений, углубленных на 0,3–0,4 м, рядом с которыми сооружавшие их местные виноделы — христиане иногда высекали в скале кресты и размещали гнездами ямы для установки вместительных округлодонных сосудов. Весьма производительными винодавильными обзаводились, похоже, даже монастыри⁸⁵. Только на территории Качи-Кальона насчитывается свыше 120 таких давлений, способных одновременно пере-

работать более 2500 цн винограда⁸⁶. Винодельческие комплексы хазарской эпохи (VIII–IX вв.) открыты на северных склонах Главной гряды, в долине реки Биюк-Карасу (городище у с. Вишенное), в среднем течении р. Качи, в усадьбах городища Кыз-Кермен, в 3 км южнее Чуфут-Кале, в Чилтер-Кобе, Чилтер-Мармаре, у подножья Сюйренской крепости, на Эски-Кермене и в других местах⁸⁷. Они с трудом поддаются учету и редко сопровождаются описанием. К примеру, группа из четырех тарапанов, соединенных канавками — стоками с прямоугольными или округлыми резервуарами для сока (0,64 × 0,85, 0,75 × 0,95, 1,0 × 1,0 м, глубиной 0,4–0,6 м), находилась при дороге на восточном краю плато Кыз-Кермен, несколько в стороне от усадьбы⁸⁸. Возможно, эти давлильни предназначались для общего пользования. Они имели прямоугольную форму (1,75–2,35 × 1,95–2,35 м), были, как положено, ограждены плетнем или каменной оградой и накрыты навесами из деревянных стояков. Ни размеры, ни конструкция таких традиционных тарапанов, ни обилие выпускаемой местными мастерскими тарной гончарной керамики не дают оснований для заключения о том, что «...производство вина было здесь очень ограниченным, лишь для домашних нужд и отнюдь не товарным»⁸⁹.

На Мангупе найдено к настоящему времени более 20 таких комплексов, в том числе девять вырубленных в скале крупных винодавлений и резервуаров для сбора сусла, преимущественно вдоль обрыва, в восточной части плато, где концентрируются жилые усадьбы, а в 2001 г. на мысе Тешкли-бурун обнаружено вырубное основание для станин винтового пресса⁹⁰. С виноделием А.Г. Герцен полагает возможным связать и находки многочисленных костяных спиц для плетения⁹¹. В культурном слое преобладает тарная керамика, производившаяся в гончарных комплексах в соседних долинах, откуда доставляли и виноград, что указывает на значительные перемены в хозяйственной жизни, а именно, возрастание к концу VIII в. и в последующие десятилетия роли экспорта вина, ставшего одним из главных товаров здешних обитателей⁹².

О винодельческом производстве в районе Баклинского городища свидетельствуют находки скоплений пифосов, которые относятся ко времени не ранее VII–VIII вв. Подобное помещение с пятью пифосами было обнаружено в 1977 г. во время раскопок Уральской экспедиции. При этом В.Е. Рудаков отметил, что, по словам окрестных жителей, «на этом поле при полевых работах неоднократно обнаруживались подобные “пифосные гнезда”, однако ни посмотреть этих находок (ибо пифосы уничтожались при полевых работах, либо разбивались при неумелом обращении), ни уточнить места находок из-за давности времени не удалось»⁹³. Это находит подтверждение в сообщении А.И. Маркевича о том, что в XIX в. при распашке земли под

Баклой то и дело натыкались на скопления пифосов, зарытых рядом в землю. Крестьяне употребляли находки в своем хозяйстве для ссыпки зерна и соглашались продать их для музея ТУАК⁹⁴.

Огромное количество фрагментов пифосов зафиксировано на поселении VIII–IX вв. у с. Оборонное Балаклавского района г. Севастополя⁹⁵. Более 50 пифосов оказалось на поселении Шабурла, существовавшем в это же время в Ласпинской котловине. Лишь в одном из них были обнаружены остатки соленой рыбы, остальные были пусты и, по мнению авторов отчета о раскопках, служили для «хранения воды»⁹⁶. Однако с не меньшим основанием можно представить их применение в качестве тары для вина, поскольку проблем со снабжением водой, ее запасами данный район не знал. К примеру, на соседнее раннесредневековое поселение Хаспио вода поступала по водопроводу из керамических труб от обильных каптажей у обрывов горы Су-Уч-Кан⁹⁷.

Целые пифосы, порой достигающие двух и более метров высоты, объемом до 1500 литров, а особенно разрозненные фрагменты таких сосудов VIII–IX вв., как и амфоры, повсеместно встречаются в Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму. Среди них можно выделить не менее трех типов сосудов (с желобчатым туловом и с обручами-валиками, шаровидные с высоким горлом в виде стоячего воротничка, яйцевидные), которые ремесленники, очевидно, делали на заказ⁹⁸.

Примечательно, что амфоры, известные по раскопкам поселений Таврики, встречаются в синхронных им комплексах портового и южного районов Херсона VIII–IX вв.⁹⁹ То же можно сказать о пифосах с шаровидным и вытянутым яйцевидным туловом¹⁰⁰. Петрографические анализы керамики из приморских гончарных центров в районе Сугдеи (Чабан-Куле и Канакская балка) показывают, что изготавливавшиеся здесь амфоры служили тарой для вина, попадавшего не только в Херсон и прочие центры Таврики, но и распространявшегося за пределы полуострова, по Приазовью, Подонью, доходившего вплоть до Салтова¹⁰¹. Это же обстоятельство свидетельствует в пользу того, что большинство известных скальных винодавилен датируется второй половиной VIII–IX вв., периодом наиболее активного использования амфор местных гончарных центров, и, следовательно, именно к этому времени относится пик развития товарного виноградарства и виноделия. Только два из не менее 10 одновременно действовавших в то время гончарных центров (в Канакской Балке и Чабан-Куле – 5 и 10 печей соответственно) были в состоянии произвести за сезон около 18 тыс. амфор при объеме каждой 25–30 л, способных, таким образом, вместить 450–540 тыс. л вина¹⁰². Продукции половины этих мощных эргастриев с избытком хватило бы, чтобы покрывать ежегодную потребность в таре, а

значит, и в ее содержимом — вине для всего населения такого города, как Херсон, причем, как уже сказано, оно расходилось по всему Северному Причерноморью, особенно Крымскому полуострову, и поступало за его пределы, в Фанагорию, Таматарху, коренные салтово-маяцкие поселения¹⁰³. Разумеется, подобное положение, сопряженное с долговременной, кропотливой работой по разведению винограда, могло сложиться лишь в условиях безопасности торговли, стабильного, относительно спокойного существования, при наличии слоя соответствующих промысловиков, местных предпринимателей и при широком, устойчивом, рассчитанном на перспективу спросе на предлагаемую ими продукцию на местном и внешнем рынке. Это вполне соответствует политически стабильному, устойчивому периоду византийско-хазарского сотрудничества на крымской земле, развивавшемуся в VIII в. в условиях спокойствия в северопричерноморском регионе, в степных районах Северного Кавказа и Подонья, и поэтому нет оснований сдвигать точку отсчета такого периода лишь к концу этого столетия или переносить его во вторую половину IX – начало X вв.¹⁰⁴

Поскольку обмен шел на натуральной основе и к тому же был неэквивалентным, внутрирегиональная торговля не требовала большой монетной массы, что вполне соответствует сравнительной малочисленности нумизматических находок, столь характерной для эпохи «темных веков». Отдельные находки золотых монет, например, солида Иракия (610–641) в могиле в базилике на плато Пампук-Кая или тремиссией Вардана Филиппика (711–713) и Константина V (741–775) в Скалистинском могильнике не меняют этого вывода, хотя нет сомнений, что в свое время это золото было получено в Херсоне, ближайшем византийском центре¹⁰⁵. Впрочем, такая ситуация была недалеко от той, что существовала в Юго-Западном Крыму и в первые века н.э., и в поздневизантийский период¹⁰⁶. Медная монета небольшого достоинства, главным образом пентануммий, лежала в основе мелких торговых, в основном внутригородских денежных операций, и поэтому очень редко нужна была для осуществления экономических и культурных связей между городом и деревней. С другой стороны, это же обстоятельство, а не только слабая ориентация торговли и ремесел Херсона на варварское окружение¹⁰⁷, отчасти объясняет пассивность работы официны Херсона и других византийских городов, удовлетворявшихся в основном старыми римскими монетами IV–VII вв. и теми новыми выпусками, что эпизодически поставлял в обращение столичный монетный двор¹⁰⁸. К примеру, литые монеты, повторяющие типы чеканных полуфоллисов Маврикия, могли появиться не ранее VIII в., так как в предыдущем столетии этой техники изготовления монет в Херсоне еще не использовали¹⁰⁹. В обращении, необходимом для обеспечения нормального товарообмена

в городе и его регионе, находилась масса старых номиналов, иногда контр-маркированных, и такое своеобразное положение сохранялось по меньшей мере до правления Василия I (867–886)¹¹⁰.

В то же время распространение в Херсоне бронзовых гирь, эксагиев дисковидной, октогональной формы, подобных известным по всей территории Византийской империи в раннее средневековье, говорит о том, что денежное обращение и обслуживавшие его менялы, трапезиты, катааллакты не сдали своих позиций. Среди беспаспортных находок К. К. Косцюшко-Валюжинича имеется такая гирька диаметром 30 мм и высотой 5,7 мм, с невысоким круговым бортиком на внешней и внутренней сторонах. Коррозия уничтожила обозначение норматива, но вес гирьки 22,98 г, учитывая утраты, близок 6 номисмам или 1 унции (GS — 27,30 г). Еще одна маленькая бронзовая гирька в виде диска размерами 22 мм и высотой 6,8 мм была обнаружена в 1937 г. раскопками на северном берегу, в помещении 17, в слое с разнообразным материалом раннесредневекового времени¹¹¹. Верхнюю и нижнюю часть лицевой стороны разновеса украшали две волнистые линии, нанесенные точками, между которыми были помещены выполненные точками буквы ND, обозначающие весовой норматив — 4 номисмы. Вес гирьки — 17,37 г почти полностью совпадает с этим нормативом, теоретический вес которого равнялся 18,20 г. Видимо, этот норматив был обозначен также четырьмя большими точками, разнесенными по углам квадрата между буквами ND. Еще меньший норматив означали буквы IB (12 нуммиев), вырезанные на гирьке в виде плоского кружка диаметром 12 мм. Она была найдена при раскопках галереобразного сооружения с южной стороны Уваровской базилики, в котором предположительно можно видеть остатки епископального птохиона раннесредневекового времени¹¹². Аналогичная бронзовая гирька встречалась при раскопках в юго-восточном углу большой агоры¹¹³. Вариантом дисковидных гирь является бронзовая гиря в виде плоского восьмиугольника, на котором внутри врезных окружностей выгравированы крест и, как указано в отчете о раскопках, буквы «FE»¹¹⁴.

Очевидно, для изготовления разновесов служила обнаруженная на территории храмового комплекса Западной базилики (предполагаемого «дома св. Леонтия») мраморная прямоугольная формочка толщиной 2 см, с помощью которой можно было отливать одновременно по три плоских кружка в 12, 14 и 15 мм диаметром, т.е. маленьких разновесов – номисм и их частей¹¹⁵. Такая же формочка, только в виде прямоугольной сланцевой плитки, была найдена при раскопках в районе главной улицы и монументального общественного «здания Г», судя по Житиям свв. епископов Херсонских, в «регионе так называемой малой агоры»¹¹⁶. Она тоже служила для изготовления круглых разновесов диаметром 15–18 мм и толщиной 3 мм. Внутри

формочки, посередине кружков были вырезаны почти сгладившиеся буквы HN (8 нуммиев?) и греческий крест. Следовательно, городские трапезиты и аргиропраты, выступавшие менялами и ростовщиками, пополняли запасы необходимых им эксагиев за счет их местного производства, надзор за которым, надо полагать, находился в руках местных провинциальных властей во главе с византийским архонтом или протополитом. Контроль же со стороны столичной администрации в этом деле, видимо, ослаб.

Тем не менее Херсон, как и прежде, оставался в границах обширной «номисма-зоны», а его денежное обращение продолжало покоиться на основе знаменитого «доллара средневековья» — византийского золотого солида и его производных — семисса и тремисса, размениваемых на мелкие медные номиналы. Разумеется, постоянная необходимость взвешивать монеты при всякой денежной операции снижала быстроту и удобство платежей, однако состояние денежного дела не позволяло избежать этого. Не престижная, но нужная для общества профессия трапезита, катаалакта нашла свое место и в Херсоне, а поиски выгоды ее представителями должны были выводить к иным побочным занятиям, связанным с деньгами. Их деятельность была профессионально ориентирована, но, как и следовало ожидать, далека от узкой специализации. Нет сомнений, что херсонские менялы, подобно прочим византийским коллегам, сочетали свое ремесло с деятельностью ростовщиков — симадариев, кредиторов, скупщиков и продавцов драгоценностей, а также привлекались к «имперской службе» (*basilikos douleias*), выполнению общественных обязанностей финансового характера (подсчеты, выдачи сумм), несли контрольно-инспекторские функции, связанные с обеспечением нормального функционирования имперского монетного обращения¹¹⁷.

Несмотря на религиозные разногласия первого периода иконоборства, активизировавшуюся в 80-х гг. VIII в. политическую борьбу, даже отдельные вооруженные столкновения, общее экономическое положение в Южной и Восточной Таврике оставалось все еще вполне благоприятным. Без определенного контроля Херсона, а значит, и Византии, над «землями готов» невозможно было сохранение торговли с их обитателями, той самой торговли, наличие которой признается здесь исследователями, но лишь «под властью Хазарского каганата»¹¹⁸. Между тем, население Эски-Кермена, Тепе-Кермена, Баклы и других городищ Юго-Западной Таврики продолжало сохранять торговые связи с Херсоном, а через него с Империей¹¹⁹, византийский археологический материал, следы византийской культуры преобладают и на других поселениях Крыма, в массе своей возникших к концу VIII в.¹²⁰ и, значит, византийское влияние имело не только духовную, но и материальную основу для того, чтобы успешно конкурировать с ха-

зарским. Именно к этому времени относится особенный рост населения, включая восстановление целого ряда поселений на античной основе, в том числе в районе Феодосии, координаты которой под именем Таурсана называет при описании черноморского побережья арабский географ ал-Хваризми в первой половине IX в.¹²¹ Любопытно, что возрождение не затронуло саму Феодосию. Епифаний заявлял, что место, где находился этот прежде «...многолюдный и образованный» город, «...ныне не имеет даже следа человеческого» (*semeron oude ichnos anthropou en aute echei*)¹²². То же подчеркивает грузинский текст Жития: «Ныне он в развалинах и безлюден»¹²³. Лишь в апокрифических «Деяниях ап. Андрея», по кодексу XI–XII вв., после слов «следа человеческого» добавлено «кроме немногих, по проповеди Апостола уверовавших», т.е. крещенных¹²⁴. Эту картину пока подтверждают результаты археологических раскопок¹²⁵.

Примечательно, что уже Периплы V в. (Псевдо-Арриана, §30 и Анонимный, §77) называли Феодосию или Ардабду — «Семибожную», как она звалась «на аланском или таврском наречии», опустевшим городом эллинов¹²⁶. Следовательно, «дезурбанизация и упадок», якобы присущие именно VII–VIII вв., здесь ни при чем: в данном случае мы имеем дело с позднеантичным наследством. Впрочем, об обезлюдении здешнего места следует говорить с определенной долей условности. В. Гейд упоминал о следах раннесредневекового поселения на побережье Феодосийской бухты¹²⁷. А.Г. Еманов, ссылаясь на некие архитектурные детали и греческое надгробие, указывает на проживание полиэтничного грекоговорящего христианского населения в районе акрополя в IX в.¹²⁸ Очевидно, имеется в виду мраморная колонна вышиной 1, 67 м (2 аршина 5 1 / 2 вершков) и диаметром 0,45 м (10 вершков), найденная в развалинах большой мечети в Феодосии, надпись на которой сообщает о погребении рабы Божьей Елены монахини, скончавшейся в среду 11 мая и раба Божьего Тамгана, умершего в пятницу 13 мая лета 6327 (819 г. н.э.), хотя есть мнение, что эта колонна вторичного использования была перевезена из Анатолии и поставлена в мечети¹²⁹.

На благосостояние византизированных поселений и городов-крепостей Таврики косвенно указывает богатый клад византийских золотых солидов, который происходит с небольшого хазарско-салтово-маяцкого поселения, находящегося около Славянска на Верхней Кубани (в двух километрах восточнее Анастасиевки). Клад включал около 270 золотых монет Льва III, Константина V, Льва IV и Константина VI и, очевидно, был составлен в 90-х гг. VIII столетия, как предполагают, из добычи, которую хазары захватили после расправы в Крымской Готфии над прозелитами епископа Иоанна Исповедника¹³⁰. Более половины солидов имели граффити в основном из греческих букв, религиозных символов, рисунков архитектурного

характера, а часть обрезана по краям, как это было принято делать в Византии и византийских центрах Крыма (Херсоне, Сугдее, Тепсене, Тамани), видимо, для компенсации нехватки разменной монеты¹³¹.

Потребности контрагентов тамошних земель и метрополии ромеев обслуживал, очевидно, слой профессиональных предпринимателей, известных ромеям как «коммерческие люди из Готфов». Именно так они именовались в материалах Вселенского синода 787 г. среди прочих купцов «из всех внутренних стран запада», торговавших в Константинополе в правление Льва III Исавра¹³². Столь устойчивое сохранение памяти о них свидетельствует, что это была вполне стабильная категория частных торговцев, ведшая дела в Таврике и на главном, столичном рынке Империи. Вполне правдоподобным выглядит достаточно обоснованное мнение А.А. Васильева о том, что в продолжительный период мирных отношений с хазарами определенная часть восточного импорта поступала в Романию через византийские центры в Крыму, прежде всего Херсон и Сугдею¹³³. Поскольку арабы закрыли пути, что вели через Кавказ и Восточное Причерноморье к восточным рынкам, роль черноморской торговли и северопричерноморских сухопутных путей в VIII в. стала расти, а вместе с ней росло пристальное внимание имперского правительства к крымским центрам.

Предметом византийского экспорта в города Таврики, как и прежде, могла быть медь в слитках, с которой работали кузнецы и медники, в том числе местных сельских поселений, и спрос на которую должен был быть велик¹³⁴. Какую-то часть импорта составляли типичные византийские бронзовые поясные пряжки VIII в., а значит, и кожаные ремни к ним, которые, разумеется, не все делали только на месте, в эргастриях самого города¹³⁵. Среди привезенного случались редкие, изысканные для Херсона продукты, такие как плоды смоковницы, фиги (*syko*), на что указывает надпись по краю красноглиняной мисочки, обнаруженной в засыпи водохранилища на южном участке городища¹³⁶.

Обращает внимание, что на поселениях VIII в. в приморской полосе Южного берега Крыма преобладает провинциально-византийский археологический материал¹³⁷. Массовая стандартизованная византийская столовая керамика, производившаяся в гончарных мастерских Херсона и других византийских центров Таврики, в силу своих высоких качеств и, очевидно, дешевизны усиленно конкурировала с гончарной продукцией салтовских поселений, практически вытеснив ее с местных рынков. Собственно, она никогда на этих рынках и не появлялась¹³⁸. По подсчетам И.А. Баранова, не менее 95 % посуды на поселениях в Крыму было византийской, т.е. привозной¹³⁹. В этом обилии продукция, которую можно относить к салтовской, практически тонет. Для сравнения следует заметить, что похожее положение

ние сложилось на скифо-сарматских поселениях Юго-Западного Крыма в конце I – начале III веков н.э., в период расцвета посреднической торговли Херсонеса с ними¹⁴⁰. Приходится повторить в очередной раз, что все это в корне противоречит встречающимся в историографии утверждениям как об оторванности Византии от хоры Дори и Таврики, об утрате ею здесь какого-либо влияния и тем более контроля¹⁴¹, так и о заметном изменении в ориентации торговли Херсона этого времени, якобы превратившегося в почти замкнутый региональный экономический центр¹⁴².

На самом деле торговые связи херсонитов с метрополией ослабели не настолько, чтобы их значение перестало ощущаться для населения города. Он, как и прежде, не замкнулся в рамках регионального центра торговли. Потребление им продукции преимущественно в амфорах местного, крымского производства не противоречит этому выводу, поскольку местное вино и раньше не было предметом дальнего вывоза, что не мешало Херсонесу сохранять значение посреднического, транзитного центра дальней торговли¹⁴³. В VIII в. через него тоже шел обмен ромейских товаров из ядровых районов Империи на сырье, продовольствие, другой импорт, следы которого теперь не сыскать. Проходя Херсон, он поглощался в Романии. Во всяком случае, центр экономической жизни не покидал портовый район города¹⁴⁴. Едва ли здесь строили военные корабли, но несомненно, рыбацкие и транспортные суда, которые в эту «эпоху одномачтовых судов» отличались малыми габаритами и на которых перевозили небольшие грузы. Море связывало херсонитов с Подунавьем, малоазийскими провинциями, со столицей Империи. Поражает, сколь быстро и регулярно получал Юстиниан II осенью 711 г. сведения о всем происходившем в городе, а византийские корабли, отправляемые из Константинополя по приказам василевса, столь же быстро достигали его порта¹⁴⁵. Следует учесть, что несмотря на «демократизацию» морской торговли, государство сохраняло особый контроль над навклирами, поскольку они исполняли извозную и почтовую повинность, обеспечивали контакты с властями, доставляли налоговые поступления, помогали поддерживать связи с патримониями фиска на херсонесской земле¹⁴⁶. Не случайно в представлении Папы Григория II (715–730), запечатленном в его письме к Льву III Исавру (717–741), Херсон посещали как обитатели Севера (oi oiketores tou Borgia), так и приезжавшие с юго-запада, со стороны проливов и Боспора (Bosporos), как издавна называли Боспор Фракийский¹⁴⁷. В данном случае пути паломников к местным святыням отражали основные направления торгово-экономических контактов. И если в грузопотоке уменьшилось количество привозной керамики — привычного для археологов индикатора связей, то объем перевозок так называемых «тяжелых» товаров (зерно, металлы, шкуры, воск) не поддается учету, хотя

ясно, что сложившиеся условия явно располагали к их увеличению. Вполне возможно, что в обмен на вывозимое из Таврики херсониты, а через них обитатели селищ «земли готов» получали в VIII – первой половине IX вв. не только ранние светлоглиняные поливные столовые «сервизы» (миски, бдюда, горшководные сосуды с крышками) византийской работы¹⁴⁸, но и ткани, одежды, платье, спрос на которые был всегда стабилен, а рынок сбыта обширен. Иначе непонятно, что могло интересовать в Херсоне царского архонта (tou archonti), очевидно, влаттия, печать которого с изображением Льва III и Константина V датируется 739–751 гг.¹⁴⁹.

Нередко архонты влаттия являлись эргастериархами (ergasteriarchai) – управителями имперских мастерских по производству дорогих, парадных тканей и одежды¹⁵⁰. Определять их потребителей было прерогативой государства¹⁵¹. По другим аналогичным сфрагистическим находкам известно, что эти служащие иногда назначались на должность контролеров за торговлей — главных коммеркиариев (geniko komerkiario), надсмотрщиков за казенными складами — магазинами (апофиками), отбив которую они, вероятно, возвращались к выполнению своих прежних обязанностей¹⁵². Влаттии (blattia), в том числе и те, которыми распорядился архонт, имевший дела в Херсоне, скорее всего, имели вид кусков материи: Книга Эпарха всегда упоминала их отдельно от плащей, иматиев, другой готовой одежды и прочих ее аксессуаров.¹⁵³ Интересно, что торговцы льняными тканями имели дело с влаттиями — материей шириной «... в шесть ладоней и меньше» (blattia exalia e elattona), и их, наравне с льняными прандиями и харериями, разрешалось продавать иноземцам (ethnesi)¹⁵⁴. Это же прослеживается в торговле херсонитов, которые расплачивались с «варварами» аналогичным товаром¹⁵⁵.

Н.П. Лихачев вслед за В. Хейдом подразумевал под влаттиями лишь пурпурную шелковую ткань, и, надо сказать, исследователи обычно используют этот термин прежде всего в таком значении¹⁵⁶. Он действительно происходил от слова blatta — «пурпур», т.е. имел отношение к тканям, выкрашенным пурпурной краской. Однако Книга Эпарха вкладывала в это понятие более широкий смысл, охватывавший не только ткань, но и готовые тканые изделия, не требовавшие кроя, — занавеси, плащи, мантии, цельные скарамангии, причем как из пурпурного шелка, так и высокосортных льняных тканей, вероятно, разных расцветок (зеленых, желтоватых, персиковых, в багряную полоску, многоцветных)¹⁵⁷. Собственно пурпурово-шелковая ткань и изделия из нее именовались другим термином — охеон, охеа, который в необходимых, уточняющих случаях добавлялся в качестве дефиниции к слову влаттий (apo blattion oxeos)¹⁵⁸.

Вот эти-то ткани и одежды, шедшие через Иерон — крупнейший перевалочный пункт, таможенный и ярмарочный центр на входе в Черное море,

судя по моливдулу опечатывателя таможенных грузов — буллата середины VIII в., проходили херсонесский порт, чтобы, обернувшись другими товарами, преимущественно продуктовыми и сырьевыми, с прибылью «вернуться» в город, а через него в Романию¹⁵⁹. Так как в здешней торговле Херсона с его периферией в Юго-Западном и Южном Крыму отсутствовал устойчивый эквивалент — деньги, она по давней традиции велась главным образом путем обмена, последний не мог быть равноценным. Следовательно, лишь одна сторона — херсониты извлекали максимум выгод из такой торговли. При этом главными оказывались не слабо продуцентные сельскохозяйственная база и ресурсы самого города, а ресурсы населения Готфии, вовлеченного в сферу неэквивалентного обмена в силу стабилизации отношений в условиях византийско-хазарского сотрудничества. Видимо, именно в этом направлении стоит искать отгадку сравнительно благополучного материального положения горожан, позволяющую по-другому взглянуть на Херсон пика «темных веков». В целом, в его облике не проглядывало бескровное лицо нищеты — неизменной спутницы кризиса и упадка. Этот город привык трудиться сам и влиять на потребности своих многочисленных контрагентов, диапазон которых колебался от столичных рынков и эргастриев до скромных поселенных усадеб Таврики.

Некоторый спад в этом стабильном положении прослеживается лишь в конце 50-х – 60-е гг. IX в., когда после образования фемы Климата произошло ее преобразование в фему Херсон и политическая обстановка в Крыму ухудшилась даже по сравнению с напряженной ситуацией конца VIII в., вылившейся в политические потрясения в Крымской Готии.

Главе папской канцелярии и посланнику франкского императора Людовика II, Анастасию библиотекаря, собиравшему во время пребывания в Константинополе зимой 869–870 гг. сведения о деятельности св. Кирилла (Константина Философа) для Гаудериха, епископа италийского города Велитери (Веллетри) (*sanctae Veliternensi praeest ecclesiae*), довелось беседовать с тогдашним митрополитом Смирн Митрофаном, который прежде проживал близ Херсона, сосланный туда «вместе с другими» Патриархом Фотием (858–867) (*...penes Cersonam a Photio cum alliis exilio relegatus*), очевидно, во время преследования несогласных с избранием Фотия и осуждения экс-патриарха Игнатия¹⁶⁰. До этого, не ранее самого конца 867 г., а скорее, в 868–869 гг., папский архивариус лично встречался с самим Константином Философом, прибывшим с обретенными в Херсоне мощами св. Климента в Рим¹⁶¹. Полученные сведения Анастасий изложил через несколько лет в письме Гаудериху, из которого следует, что Митрофан, как и Константин Философ, тоже считал всю ту часть области Херсона (*tota illa pars Cersonicae regionis*), соседнюю с землей хазар (*chazarorum terrae*

vicina), покинутой, оставленной (*desolate est*), «... так что епископ Херсона внутри того города с немногочисленным народом (*non plurima plebs*) пребывал, и те, казалось, были не города жители, сколько тюрьмы обитатели, так как не отваживались выходить, остерегаясь (*cum non auderent extra eam progredi, viderentur*)»¹⁶². Передавая сжатый рассказ самого Константина Философа, Анастасий писал, что окрестности Херсона лежали «на пограничье (по соседству) ромейской местности империи (*in confinibus ille sit romani locus imperii*) и различные варвары из самых различных племен в большом числе часто вторгались туда (*diversis barbarorum quam maxime nationibus frequentetur*)»¹⁶³.

При таком положении было неминуемо развитие тенденции на отрыв города от снабжавшей его сельской округи и на необходимость полагаться преимущественно на внешнюю торговлю для получения нужных продуктов из-за моря. Впрочем, и в данном случае следует говорить только об относительной изоляции горожан. В насыпи водохранилища на южном участке херсонесского городища зафиксировано 10 классов местных и привозных амфор, происходящих из комплекса, который включал материалы не только V–VIII вв., но и первой половины IX в.¹⁶⁴ Из того же комплекса следует, что город производил в это время собственную столовую керамику, представленную разнотипными кувшинами, мисками, тарелками, горшочками, и в небольшом количестве получал гончарные изделия иногородних центров, импортные кувшины, белоглиняную поливную посуду¹⁶⁵. Есть основания полагать, что последняя поступала в город по меньшей мере уже с первой четверти IX в., поскольку она обнаруживает полные аналогии среди форм, найденных в Большом дворце Константинополя в слое, датируемом монетой Льва V (812–820)¹⁶⁶. В «весьма близком и сопредельном с землей хазар» греческом в своей основе городе Херсоне звучала разнообразная речь. Константин Философ провел здесь немало времени, слыша не только греческий, но и еврейский, хазарский языки, изучая книги «самаритянские» (сирийские), «Евангелие и псалтырь, сурскими (русскими, сирийскими?) письмена писаны»¹⁶⁷. Сюда поступали товары с Южного берега Понта, из Италии, арабского Востока,¹⁶⁸ отсюда уходили транспортные корабли «в Хазарию, на Меотское озеро» (Азовское море, к устью Дона)¹⁶⁹, моливдовулы императорских спафариев, спафарокандидатов, архонтов и стратиггов Херсона первой половины – середины IX в. получали в Сугдее¹⁷⁰, а херсонские монеты Василия I, некоторые гончарные изделия, металлические и костяные украшения попадали в Таматарху и Саркел¹⁷¹. Какие-то грузы, опечатанные херсонскими имперскими коммеркириями, поступали в Подунавье¹⁷², и, значит, что-то везли в обратную сторону. К числу таких предметов импорта может быть отнесена керамическая белоглиняная по-

ливная иконка с изображением креста, выполненного синеватой, темно- и светлоричной глазурью, верхняя часть которой (4 × 4 см; толщ. 0,4 см) оказалась обнаружена в 1982 г. у юго-восточной стены помещения 58 на месте раскопок усадьбы IX в портовом квартале 1¹⁷³.

К столь же редким и вместе с тем весьма многозначным находкам относится неопубликованный херсонесский моливдул из частной коллекции К.Д. Смычкова¹⁷⁴. С лицевой стороны он очень поврежден, особенно по линии канала для шнура, так что сохранилась только часть изображения крестовидной инвокативной монограммы «Господи, помоги твоему рабу...» в окружении круговой надписи, неясные литеры которой не позволяют реконструировать легенду, которая содержала имя и, по всей вероятности, сан владельца¹⁷⁵. Зато на обратной стороне полностью читается достаточно четкая четырехстрочная надпись: *imati(o)n exo pratik(i)ou* — «одежда (платьев), продаваемых чужим» или «одежда (платьев), продаваемых вне (за пределы)»¹⁷⁶. Несмотря на необычность типа лицевой стороны, формы знаков сокращения (в виде крупных точек), прекрасное исполнение печати, особенно украшения в ее поле, свидетельствуют о ее столичном происхождении в первой половине – третьей четверти IX в., не позднее 50–60-х гг. Скорее всего, она указывает на деятельность имперского чиновника, который контролировал или организовывал продажу готовых тканей, платьев и одежды, причем не обязательно только из шелка. Слово «иматий» ромеи понимали именно в таком широком значении. А вот предлог «эксо» весьма любопытен¹⁷⁷ и как бы подчеркивает особый смысл, служа направлением поисков вариантов трактовки надписи обратной стороны. В частности, они уводят к некоторым особенностям политической и торгово-экономической жизни столицы Империи.

Так, наряду с продовольственными, оружейными складами, в Константинополе в IX в. существовали императорские пакгаузы, носившие название килистариов (*basilikoi kylistareios* или *kylistariois*), куда поступали только ремесленные товары, отмеченные печатью эпарха (*tau eparchou boules*)¹⁷⁸. За этим тщательно следили служащие каждого хранилища. В Книге Эпарха речь шла о складировании в килистариях иматиев, тех шелковых и шерстяных тканей, плащей, вообще одежда, платьев, одеяний (*imatia*), которые предназначались для использования императорским двором и чиновничеством, а частично, возможно, шли на продажу и подарки иноземцам, составляя предмет интересов «дипломатической торговли». На подобные мысли наводят размышления над некоторыми клаузулами болгаро-византийского договора 716 г., повторенными в 812 г. «архигосом» Крумом¹⁷⁹. Во всяком случае, о такого рода дарах, взятых со складов, говорилось в «Книге церемоний»¹⁸⁰. Они находились в распоряжении

идика, специальной логофессии, отвечавшей в том числе и за имперские мастерские и их продукцию¹⁸¹. Главный форпост Империи в Таврике был особенно удобен для роли передаточного звена в сношениях с беспокойным миром северных «варваров», а ткани и одежда всегда были козырной картой византийской внешней торговли и политики.

Поэтому имеющиеся у исследователей представления о том, что город превратился в это время исключительно в местный, почти полностью замкнутый региональный экономический центр, не соответствует действительности¹⁸². Его связи с округой ослабли, но они не ограничивались только Юго-Западной Таврикой. Сопоставление их заморской сферы с тем, что мы имеем для позднеантичной эпохи, приводит к парадоксальному на первый взгляд заключению, что они существенно не изменились по широте охвата.

Находки золотых монет достаточно случайны, но тем не менее их число увеличивается именно для второй половины IX в. После правления Юстиниана I (527–565) можно назвать солид Тиверия I Константина (578–582), солид Маврикия (582–602), два солида Фоки (602–610), солид Константина III (641), солид Тиверия III (698–705), два солида Константина V (741–775), солид Феодоры (842–856), три солида Михаила III (842–867), четыре солида Василия I (867–886) и еще три совместно Василия I и его сына — соимператора Константина (869–879)¹⁸³. Таким образом, набирается 11 золотых за столетия против восьми почти за три предыдущих века. В обращении оставались монеты предыдущих, подчас весьма ранних выпусков, в том числе императоров-иконоборцев, позже изъятых и переплавленных, что заставляет с осторожностью относиться к заявлениям о незначительном количестве находок монет, приходящихся на правление того или иного василевса VII–IX вв.¹⁸⁴

Наконец, в Херсоне, очевидно, уже с момента образования фемы, если не раньше, в правление Феофила начался выпуск бронзовых литых монет с императорскими монограммами. Об этом свидетельствует клад херсонско-византийских литых монет неизвестного ранее типа, зарытый в середине IX в.¹⁸⁵ Составлявшие его монеты могли быть выпущены при первом стратиге Херсона Петроне Каматире в качестве своеобразной благодарности — компенсации Константинополя за активную помощь горожан в организации строительства на Дону Саркела. Можно предполагать появление одного типа херсонских монет времени Феофила (буквы DN / TH на аверсе и ПЛ на реверсе) и сравнительно уверенно говорить о не менее чем двух типах монет времени Михаила III (буква М на аверсе и крест на реверсе; буква М и крест над нею на аверсе и крест на реверсе, буквы П на аверсе и Х на реверсе), а также двух типов монет, выпущенных при Василии I (буква В и крест справа от нее на аверсе и буква П с двумя крестами на реверсе; бук-

ва В на аверсе и крест на реверсе)¹⁸⁶. Если верно простое и вместе с тем изысканное предположение В. А. Анохина считать литые монеты с буквами МВ на аверсе и ПХ на реверсе херсонскими монетными эмиссиями «Михаила василевса», т.е. относить их к единоличному правлению Михаила III (842–866), а не совместному правлению Михаила III и Василия Македонянина (866–867), как давно принято полагать среди нумизматов¹⁸⁷, тогда находка в 1978 г. в Северном районе городища редкой херсонской литой монеты с буквами МВ на аверсе и К/(\М?) на реверсе, что, вероятно, расшифровывается как KLIMATON, тоже может быть отнесена к 842–866 гг.¹⁸⁸ Все эти разновидности монет относятся к единому типологическому ряду и имеют примерно одинаковые размеры и вес. Деятельность херсонской официны должна была активизироваться после создания стратигиды Климата, о чем свидетельствует особенно большое количество монет с литерами МВ¹⁸⁹. В таком случае ко времени Василия I (867–886) можно констатировать лишь продолжение и пополнение местных эмиссий, а не возобновление выпуска херсонских монет.

В пользу того, что монетный двор Херсона уже работал в правление Михаила III (842–866), свидетельствует очевидное обстоятельство: за четыре месяца, прошедшие с 26 мая 866 г., с момента венчания на царство Василия Македонянина, до убийства Михаила III 23 сентября 867 г. и провозглашения Василия автократом ромеев¹⁹⁰, херсонский монетный двор выпустил для такого короткого срока слишком много монет, в количестве, мало уступающем эмиссиям всего последующего продолжительного царствования Василия I (867–886). Оправдание подобной спешки некими гипотетическими экстренными обстоятельствами выглядит неубедительно, малообоснованно, равно как и утверждение, что монеты с МВ на аверсе отливались и после 867 г.¹⁹¹

С чем спорить не приходится: явное увеличение выпуска расходной медной монеты по сравнению с предыдущим временем и сохранение известной равномерности этих выпусков указывает если не на «процветание торговли», то на стремление и даже острую необходимость удовлетворить потребности растущих товарно-денежных отношений на внутреннем рынке и, еще больше, на особое положение Херсона — теперь столицы фемы, ее жителей¹⁹². Может быть, таким образом имперские власти благодарили херсонитов за конкретную помощь или отчасти компенсировали их расходы, неизбежно увеличившиеся в связи с энергичным участием в мероприятиях по укреплению вновь организованной фемы? Достаточно вспомнить о фактах строительной деятельности казенного характера, которая около середины и конца IX в. велась на подступах к Херсону (Бакла, Эски-Кермен) и в самом городе (появление комплекса фемного претория в «цитадели» в

середине IX в. и его еще более масштабная перестройка в конце столетия). Впрочем, за разрешением на выпуск монет и его интенсификацией может проглядывать и политическая акция константинопольского правительства, таким своеобразным способом благодарившая за что-то своих подданных херсонитов и власти их города. Не было ли это связано с активным и удачным участием неких воинов-пехотинцев из «этерии (отряда) скифов из Таврики» в бурном столичном «перевороте» 856 г.¹⁹³ или со случившемся позже важным, редким событием — обретении мощей св. Климента Римского в начале 861 г. и готовившемся в конце 867 г. перенесении их в Рим, дабы получить столь необходимую тогда Василию Македонянину и Патриарху Игнатию поддержку Римской церкви? Нельзя не согласиться с И.Я. Франко в том, что это был «политический акт в ряду других, симптом перевеса одной из тех партий, которые боролись в самом Константинополе за и против Фотия»¹⁹⁴. Поскольку херсонеситы так или иначе оказались причастны к нему, их не должен был миновать отказ в монаршей милости. Ведь не случайно на территории Византийской империи этого времени пока неизвестно других провинциальных монетных дворов кроме Сиракуз и южноиталийских, которые тоже принадлежали к передовым форпостам византийцев против «варваров»¹⁹⁵. Давнее предположение Джозефа Меткалфа о возобновлении работы некоторых фемных официн на Балканах и в Малой Азии в правление Феофила (829–842 гг.) разделяется не всеми специалистами и нуждается в дальнейшем обосновании¹⁹⁶. Как бы то ни было, монетный двор столицы крымской фемы, наравне с другими действовавшими немногочисленными провинциальными официнами, тоже ставился в особое, но отнюдь не уникальное положение. В начале X в. здесь мог быть даже осуществлен небольшой выпуск серебра. Во всяком случае Н.Н. Мурзакевич упоминал в 1878 г. о находящейся в коллекции ООИД херсонской серебряной монете василевса Александра (912–913)¹⁹⁷. Очевидно, вследствие удовлетворения потребности в монете, насыщения ею рынка выпуск денег к этому времени сократился¹⁹⁸.

Сфрагистические материалы не оставляют сомнения в том, что таможенная служба Херсона хазарской эпохи, центра и архонтии, и фемы, входила в систему ромейских государственных апофик, а с 730 / 731 г. — императорских коммеркий Византии. Как и у Сугдеи, она была ориентирована на административно-таможенные округа и посты Константинополя и северного побережья Малой Азии. После осложнения византийско-хазарских отношений в Таврике, а конкретнее — с момента образования фемы, здесь появляются собственно коммеркирии Херсона. Приблизительно 150-летняя деятельность этого института нашла отражение в находках почти семи десятков печатей, принадлежавших примерно полутора десяткам

функционеров этого ведомства с имперскими придворными санями, из них 30 — именно Херсона¹⁹⁹. Это вполне понятно, учитывая, что этот город, как участник внешней торговли византийского государства, являлся завершением важной коммерческой магистрали Востока, пересекавшей степи и выводившей к морскому порту. Массовые находки свыше 120 моливдулов, почти треть от всех обнаруженных на городище византийских печатей, зафиксированные как случайные находки в 1991 г., а затем в 1994–1995 гг., позволяют предполагать, что здание администрации местного таможенного поста с городским архивом документов было сооружено не позже середины VI в. на 10-метровом отвесном скальном восточном мысу у самого входа в устье Карантинной бухты, где поблизости, на расстоянии двухсот метров, располагались порт, большая, а также малая агора, упоминаемая в Житиях свв. епископов Херсонских. Если верить сведениям Стефана Дякона, написавшего примерно в 807–810 гг. Житие Стефана Нового, здание аналогичной таможни находилось на берегу Никомидийского «залива» (kolpos) в Вифинии и им заведовал форолог, «главный таможенный начальник»²⁰⁰.

Все находки печатей, таможенных пломб, их заготовок происходят с небольшого участка (5 x 50 м) со дна вдоль берега, где оказались после подмыва и обрушения кромки открытого морю мыса, достаточно далекого от прибрежной части Карантинной бухты²⁰¹. Поэтому связывать их с функционированием собственно херсонского порта, с торговыми операциями, производившимися на стоянке кораблей, нет ни малейших оснований²⁰². По самому краю обрыва проходят остатки 27-й крепостной куртины, сооруженной, по мнению И.А. Антоновой, во второй половине IX в. Уже в 1895 г. был раскопан ее отрезок с двумя подпорными стенами, сложенными на известковом растворе. Возможно, параллельно шла еще другая стена контрэскарпа, они вместе образовывали целую систему невысоких приморских оборонительных стен почти в два метра толщины. Рядом, на кромке берега, располагались остатки двух смежных круглых построек диаметром 3,2 м каждая, с цементированными внутренними стенами. Их симметрично расположенные двери по 0,6 м ширины были обращены на северо-восток, в сторону моря и близкого обрыва. По словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, такая же постройка была открыта на этом берегу в 1891 г. с отведенным от нее узким, вырубленным в скале каналом²⁰³. Назначение загадочных сооружений, как и время их строительства, остаются открытыми, но необычный вид сдвоенных «башен», долго простоявших на самом краю мыса, рядом с входом в Карантинную бухту, заставляет подозревать их сигнальное, маячное назначение. На верхних площадках круглых построек удобно было размещать большие фонари, которые, подобно константинопольскому Фаросу

на высокой приморской террасе, служили для освещения и для передачи огневых и дымовых сигналов²⁰⁴. Их зажигали особые стражи — диетарии.

Традиционные требования военной науки воспрещали строить оборонительные стены очень близко к береговой линии, дабы неприятель не смог штурмовать их непосредственно с кораблей. Они не должны были стоять ближе 30 локтей (13 м) и дальше 100 локтей (46 м)²⁰⁵. Следовательно, ширины такого участка было достаточно для возведения на нем соответствующей постройки. Судя по находкам сфрагистического архива, именно здесь поблизости, скорее всего, с внешней стороны 27-й куртины, находилось здание поста, откуда было удобно следить за кораблями, входившими и выходившими из гавани. На расстоянии нескольких десятков метров к северо-западу от этого места располагалась площадь — бывший языческий теменос (священный, храмовый участок), с просторной трехапсидной Восточной базиликой (№36), возведенной, как и большинство остальных, в конце VI – начале VII вв., и начиналась главная улица города, соответствовавшая знаменитой константинопольской Меси («Средней»). Именно она пересекала большую и малую агору. По берегу, несколькими продольными улицами восточного региона, известного по Житиям свв. епископов Херсонских как «Феона» (ta Theona), можно было быстро попасть в порт. Эта «Феона» простиралась от «так называемой маленькой агоры» недалеко от Южных (так называемых «Мертвых») ворот до места, называвшегося прежде Парфенон, где в средние века существовал храм апостола Петра²⁰⁶. Последний вполне может быть идентифицирован с упомянутой трехапсидной базиликой, одной из самых больших церквей — кафоликонов Херсона²⁰⁷. В таком случае она играла здесь ту же роль, что находившаяся рядом с константинопольским маяком церковь Фаросской Божьей Матери.

На архивно-таможенном посту в «Феоне» на протяжении второй половины VI–XI вв., включая хазарскую эпоху, регулярно велась регистрация судов, грузов и сопроводительных документов — моливдулов, снабженных печатями коммерциариев, логофетов, экдиков, хартулариев, а также «отцов города», киров, стратигов и епископов Херсона. По данным Н.А. Алексеенко, обрабатывающего коллекцию, самые ранние из этих печатей относятся к правлению Юстиниана I, но особенно они многочисленны для конца VIII в. – 80-х гг. IX в.²⁰⁸ Следовательно, именно в это время, совпадающее с самым зенитом хазарской эпохи, деятельность таможенной службы города стала наиболее интенсивной.

Все это еще раз свидетельствует об отсутствии длительной заброшенности города, его глухой отгороженности от внешнего, в том числе заморского мира. Было бы неверным согласиться с выводом о его жалком существовании, который появился вследствие поверхностного, недоста-

точно критического знакомства с соответствующими агиографическими и эпистолярными источниками – письмом Анастасия библиотекаря, Житием Константина / Кирилла, Словом на перенесение мощей преславного Климента и Италийской легендой²⁰⁹. Даже свидетельства бывшего ссыльного Митрофана Смирнского и «отчета» (сжатой истории — *brevis historica, storiola, historica narratione*) Константина Философа, положенного в основу ряда источников, надо принимать с известной долей осторожности. Не говоря уже о том, что Митрофан мог попросту сгустить краски исключительно о «лютых разбойниках» вокруг Херсона, чтобы рельефнее стали видны его заслуги политического репрессанта и «страдальца», картина тотального и регулярного варварского прессинга, доходящего до полной изоляции горожан, вызывает сомнения в своей правдоподобности, если представить, что она непрерывно продолжалась многие десятилетия. Скорее, мы имеем дело с отражением в нарративных источниках каких-то эпизодичных тревожных моментов, тех, что все чаще случались в 50-х гг. IX в., когда византийско-хазарские (венгерские) отношения вступили в плоскость опасного состояния «ни мира, ни войны». Не исключено, что воспоминания Константина Философа, переданные Анастасием библиотекарем, явились отзвуком конкретной ситуации, когда приближение врага к городу заставило часть жителей разбежаться по окрестным горам и лесам²¹⁰, а оставшуюся, немногочисленную часть (*non plurime plebe*) — искать убежища за оборонительными стенами, ставшими для них на какой-то момент одновременно единственным убежищем и своеобразной тюрьмой. К примеру, современники херсонитов – малоазийские анкирцы в 838 г. спасались во время арабского рейда в своих соляных копиях, которые для них, понятно, тоже были не лучше тюрьмы²¹¹. Сходным образом чувствовали себя и зихи, находившие в IX–X вв. убежища на островках около восточно-черноморского побережья во время нападений аланов²¹².

Следует обратить внимание, что, согласно показаниям все того же Митрофана Смирнского, он «вместе с другими» пострадавшими от Фотия жил на рубеже 50–60-х гг. IX в. не в городе, а «у Херсона (*penes Cersonam*)», т.е. недалеко от него. Жизнь не пресеклась в его окрестностях, и недаром письменные источники говорят о том, что «вся та часть Херсонского края (области) (*tota illa pars Cersonicae regionis*)», т.е. северо-западная оконечность Гераклеяского полуострова, где находилось заброшенное место с могилой св. Климента, вследствие многих нападений варваров (*multitudinem incursantium Barbarorum*) и все увеличивающихся со всех сторон толп язычников (*et crescente circumquaque multitudine paganoru*) была лишь «почти покинута и сделалась необитаемой» (*prope modum desolata est; fere desolata et inhabitabilis reddita*)²¹³. Т.е. даже в экстремальных условиях она опустела

не полностью, не говоря уже о других местах. К примеру, находки слоя с ранней поливной керамикой в балке Бермана на раннесредневековом укрепленном поселении, устроенном в свою очередь на месте крупного античного архитектурного комплекса, указывают на сохранение жизнедеятельности в этом юго-восточном районе Гераклеяского полуострова, по крайней мере, к концу IX в. Внутри античной ограды из массивных каменных квадров (50 × 70 м) строили церковь, хлебную лавку, новые помещения, во время раскопок одного из которых было обнаружено надгробие VIII–IX вв., сообщавшее об упокоении раба Божьего (Гурия?), сына Стефана²¹⁴. В середине – второй половине IX в., т.е. в период, приблизительно совпадающий с временем пребывания Митрофана Смирнского и Константина Философа, на противоположной от Херсона стороне Севастопольской бухты, в районе Радиогорки, далеко за пределами города довольно долго работал гончарный эргастий, производивший амфоры двух типов, кувшины с коротким цилиндрическим горлом, горшочки, кухонные сосуды, горшки²¹⁵. Разумеется, устроить мастерскую, печь в столь отдаленном месте не пришло бы в голову херсонитам, если бы они действительно были жителями города, из которого опасались даже выходить.

Сам Херсон не находился в зависимости от хазар, как издавна полагали некоторые исследователи²¹⁶. Даже исторически постулируемое его близкое соседство с Хазарией весьма условно. Анастасий библиотекарь и составитель Италийской легенды лишь стремились передать информацию Константина Философа о том, что это был просто ближайший к хазарам византийский город, транзитный пункт на пути в Хазарию, каковым он являлся и двадцать лет раньше, при Петроне Каматире (См. подр. Ч. III, Гл. «Хазары и Крым в IX – середине X в.»)²¹⁷. Даже в беспокойные времена его обитатели, случалось, покидали стены и удалялись от них на 10–12 км, как это было во время неоднократных окрестных разведок Константина Философа, а также во время путешествия на остров в Казачьей бухте и при торжественной встрече перед городом вновь обретенных мощей св. Климента, не говоря уже о походах к другим местным христианским полисам²¹⁸. Вне оборонительных стен, как свидетельствуют и письменные, и археологические памятники, функционировали пригородные монастыри, храмы (Богоматери Влахернской, св. Созонта, церковь, открытая в 1902 г. на Девичьей горке), которые не подверглись разрушениям в IX в.²¹⁹ Посланец василевса, несмотря на присутствие венгров и хазарского военного отряда, ведшего военные действия недалеко от Херсона, смог беспрепятственно добраться до некоего окрестного «христанского града», со временем посетил неблизкий «народ фульский», а занимаясь розысками остатков храма с гробницей святого, «неоднократно (много раз) уходил и возвращался» (*pergens*

ас *rediens frequentaret*), т.е. регулярно обследовал окрестности города, вел разговоры с местными жителями, что противоречит буквальному представлению одного из информаторов Анастасия о херсонитах как о вечных «*carceris habitateris*»²²⁰. Такого рода данные не соответствуют утверждениям «...о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях»²²¹.

Несмотря на периодические столкновения с «варварами», «язычниками» — хазарами, венграми и своеобразное полуосадное положение города, вероятно, ставшее на какое-то непродолжительное время по сути дела хроническим, Херсон, похоже, не испытал значительного упадка, а в последней трети IX в., когда конфронтация пошла на убыль, явно оживил свою торгово-экономическую деятельность. Видимо, выручил испытанный прием: недостаток сельскохозяйственной продукции заставил горожан еще более интенсивно развивать с IX в. рыбный промысел, что позже отразил русско-византийский договор 944 г., подтверждавший в особой клаузуле безопасность херсонских судов («корсуняны рыбы ловящя»), регулярно курсировавших между Днепровским лиманом и Херсоном, и признававший власть Империи над постоянными поселениями херсонитов в низовьях Днепра.²²²

В городе в это время строили новые рыбозасолочные цистерны, о чем свидетельствуют раскопки в портовом квартале 1 (цистерна № 91); еще не менее девяти цистерн (№ 34, 35, 47, 48, 60–62, 93, 96) могли продолжать использовать в разных местах городища²²³. К примеру, цистерна № 61 из рыбозасолочного комплекса в северо-восточном районе Херсона, была засыпана не раньше 40-х гг. XI в., судя по находке на ее дне монет Василия I и Константина IX²²⁴. Объем всех трех цистерн, входивших в состав только этого комплекса, превышал 120 куб. м, т.е. в них можно было одновременно переработать 900–960 ц рыбы. Монеты IX–X вв. и обломки поливной посуды, причем белоглиняной, были встречены и во время раскопок некоторых цистерн в приморских северных кварталах города²²⁵. Г.Д. Белов полагал, что в квартале XXIX действовали две рыбозасолочные цистерны: одна из них, малая, была засыпана в начале VII в., в период строительства соседней базилики 1932 г., а другая перестала использоваться по первоначальному назначению и была превращена в мусорную яму. Однако он сам пишет в отчете об одинаковой керамике IX–X вв. и монетах (одна — Василия I и 23 — Романа I), которые были находимы в ней на разной глубине²²⁶. Следовательно, засыпь была произведена одновременно, и произошло это, судя по корреляции находок, не ранее второй половины X в. Засыпь двух цистерн, находившихся к востоку от «храма с ковчегом», содержала обломки красноглиняных амфор с зональным рифлением, фрагменты венчиков и плоских ручек характерных высокогорных кувшинов, обломки белоглиняной поливы, что может говорить в пользу их засыпи не ранее второй половины IX в. На

то же указывает материал еще двух соседних цистерн (№ 2 и № 3)²²⁷. Радиоуглеродный анализ органических остатков из них, произведенный Л.В. Фирсовым, тоже дал схожие даты (885 г. и 795 г. плюс-минус 35–40 лет)²²⁸. Судя по находкам кувшинов с плоскими ручкам и амфор X–XI вв., в это время оказалась засыпана большая рыбозасолочная цистерна (4 × 4,4 × 3,2 м) в квартале VI, сравнительно недалеко от комплекса Уваровской базилики – кафоликона свв. Апостолов²²⁹. Еще две смежные цистерны (5 а и 5 б), найденные в 1986 г. в соседнем квартале VII, рядом с большой верхней агорой, имели размеры 3,4 × 2 × 2,25 м и 3,4 × 1,65 × 2,19 м. Их засыпь содержала на дне обломки амфор и поливной керамики X в.²³⁰

Рыбу держали и, видимо, продолжали засаливать не только в цистернах. Так, на месте позднеантичного дома с винодельней на северном берегу было сооружено во второй половине VI в. новое здание с иной планировкой помещений, за исключением обширного подвала, пользование которым продолжалось вплоть до XI в. В нем стоял один большой пифос посередине и возле стен — шесть пифосов средней величины, высотой около 1,5 м. Найденные при раскопках большое количество вара («несколько пудов»), рыболовные крючки, железный якорь и комплект грузил для сетей позволяют заключить, что жители дома занимались морским промыслом и имели суда, для заливки швов которых калафаты — конопатчики употребляли вар²³¹. Море, недоступное для варваров, как всегда выручало, делилось своими богатствами, открывало дороги в большой мир Романии.

С рыбозасолочным промыслом по-прежнему был тесно связан важный, доходный соляной, который, впрочем, был связан также с гончарством, ткачеством, кузнечным ремеслом и имел немалое самостоятельное значение, так как нуждался в разработке, подготовке лесоматериалов, деревянных помостов, настилов для просушки, лопат, вил для ломки соли, соляных варниц с плоскими сковородами-чренами для выпаривания, глиняных и деревянных сосудов для формовки мокрой соли в брикеты, специальных повозок, в развитии гужевого транспорта и существовании соответствующих судов, лодок «соляного флота»²³². Примечательно, что в Северо-Западном Крыму, на Тарханкутском полуострове, около с. Окуневка Черноморского района (городище Тарпанчи) на берегу моря были найдены остатки маяка IX–X вв., представлявшие собой постройку в виде береговой стены, протяженностью 18 м, к которой со стороны моря примыкало полукруглое помещение, позднее поделенное на две камеры, которое было наполнено значительным количеством золы. Неподалеку находился колодец того же времени, который перестал функционировать после того, как его преднамеренно завалили трупами животных²³³. Вероятно, маяк входил в навигационную систему, обеспечивавшую безопасность плавания на особо опасных участ-

ках побережья, мысах Ойрат и Тарханкут и в первую очередь был необходим херсонитам, которые могли вести промысел камбалы и кефали у побережья Тарханкутского полуострова и осетровых в Каркинитском заливе, а также соледобытчикам, вывозившим из этого района соль морем. Начиная с августа, возможны были две-три садки соли за сезон, продолжительность которого достигала 4–5 месяцев²³⁴. Здесь удобно было устраивать сезонные селища промысловиков, для которых среди местной группы соляных озер, разбросанных от Багайлы до Бокальского, особый интерес представляло крупнейшее Сасык-Сивашское озеро. Недаром на Сакской песчаной косе на площади 9 га обнаружено большое количество фрагментов амфор, кувшинов VIII–X вв., черепица, гончарная кухонная посуда, известняковое надгробие с изображением греческого креста, а рядом, в Заозерном находился средневековый грунтовой могильник площадью около 200 кв. м с погребенными в узких могилах с типичной для христиан ориентацией головы покойника на запад²³⁵. К этому можно добавить, что разработка небольших самосадных и солончаковых озер, солеродных лиманов велась издавна и в ближайших окрестностях Херсонеса, в районе Песочной, Круглой, Камышовой, Казачьей бухт, Маячного полуострова, на северной стороне современного Севастополя, где добыча соли осуществлялась по меньшей мере с конца эллинистического периода до XIX в. включительно²³⁶. Богатые соляные источники были также в районе Сиваша, Перекопа²³⁷. Видимо, все это укладывалось в тогдашнее приблизительное понятие «середины» между рекой Днепром и Херсоном (*apo men tou Danapreos potamou mechri Chersonos*)²³⁸.

Добыча соли и рыбы, несмотря на сезонность, сохраняла товарный характер, что неизбежно предполагает наличие специалистов различных производств: керамистов, строителей, мастеров по изготовлению оснастки, плотников и др. Недаром неизвестный инок Психаитской обители, составивший после 843 г. Житие Иоанна Психаита, попавшего в Херсон вскоре после смерти Льва Армянина (813–820), отмечал, что в город, «расположенный по пути к Восточному» (*diathemenos epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Vosporo*), стекались «народы, жившие около (попутно) Восточного» (*ton parakeimenon ethnon te Vosporo*), а среди тех, кто общался с преподобным, ждал от него совета, исцеления, возносил ему хвалу, были местные мастера, торговцы, промысловики – некий моряк или рыболов (*alieus* — «морской») Исидор, медник (*chalkeus*) Анастасий, который, вылечившись, снова занялся своим ремеслом²³⁹. Даже прекращение строительства и использования рыбозасолочных цистерн после X в. можно объяснить не падением роли рыбного промысла, оставшегося в Херсоне на уровне домашнего хозяйства, а прекращением засолки основной с первых

веков н.э. промысловой рыбы – хамсы, особенно черноморского анчоуса (*Engraulus encrasicolus*), служившей главным образом для изготовления соуса гарона, что, по данным эколого-географических исследований, могло оказаться связано с изменением направлений миграций и количества рыбных стад вследствие похолодания климата и изменения уровня моря²⁴⁰.

Наиболее распространенными в «темные века» стали мелкие и средние корабли вместимостью от 1000 до 10000 морских модиев (6–60 рег. т.), длиной от 4 до 13 м (9–40 малых локтей) и высотой от киля до верхней палубы максимум до 2 м (6,5 малых локтей), изготовить которые можно было в любом заурядном портовом городе. Такие малогабаритные суда имели бытовое назначение, перевозили небольшие грузы и использовались рыбаками. Большими считались корабли в 20–35 тысяч модиев (120–210 рег. т.), длиной 28–35 м (90–114 локтей) и высотой 2–3,5 м (6,5–11 локтей)²⁴¹. Херсон, как и раньше, несомненно, имел свои собственные суда, лодки, а значит, должен был располагать базой для их строительства, содержания, ремонта, оснастки. Отправляясь из города в дальнюю морскую и речную экспедицию, связанную с постройкой Саркела, императорский посланец Петрона Каматир не мог полагаться только на случай застать в порту Херсона достаточное для задуманного предприятия число грузовых, торговых судов, приплывших сюда по делам из столицы и побережья Южного Понта. Зная, что выделенные ему хеландии императорского флота и катепана Пафлагонии придется заменить на иные, менее крупные, пригодные для плавания по мелководью, он был осведомлен, что найдет у самих херсонитов два необходимых ему класса транспортных кораблей: часть так называемых «круглых» парусных судов (*strongila ploia*), сравнительно тихоходных, с закругленной передней частью, широким устойчивым корпусом, и, очевидно, все потребное количество гребных судов (*katatera karabia*), рабочих, грузовых кораблей малой осадки, каждый из которых с помощью нескольких десятков гребцов мог двигаться на веслах против речного течения Дона²⁴². Через 15–20 лет такие контакты с Хазарией затруднились на некоторое время в силу политических причин, но не исчезли совсем, а значит, можно подозревать сохранение в составе херсонесского городского флота не только *strongyla ploia*, но и другого, гребного, более дорогостоящего вида водного транспорта. Следовательно, херсониты имели не случайные суда. Знакомство с их разными типами свидетельствует о том, что местные корабельщики усвоили представление о значении оптимальных форм обводов корпуса, о соотношении главных размерений, интерференции волн, главных точках законченной корабельной конструкции (центре тяжести, общем центре и мегацентре), достигали прочности, плавучести, остойчивости своей продукции, т.е. постигли опыт умелого кораблестроения.

Морские суда той далекой эпохи не имели рангоутно-такелажного оборудования (рей с брасами), парус крепили прямо к мачте и управление им было ограничено, что не мешало широко использовать этот вид транспорта. Даже в зимнее, несудоходное время, когда морские поездки предпринимались крайне редко, было проще, а учитывая тревожную подчас обстановку в округе города, безопаснее пуститься в плавание к окрестным берегам и не рисковать подвергнуться нападению врагов на суше. Направляясь рано утром, в четверг, 30 января (3 февраля) 861 г. к Казачьей бухте разыскивать мощи св. Климента Римского, Константин Философ и многочисленные сопровождавшие его воспользовались судном (*tranquillo mari navi ingressi*), а согласно Пространному Житию Константина, «сели на корабли»²⁴³. На корабле же Константин отправился через два-три месяца после этого из Херсона через Азовское море в Хазарию, между которой и Константинополем, по словам хазар и византийцев, было от девяти до 15 дней морского пути²⁴⁴. Косвенно на регулярность таких плаваний намекают не только материалы раскопок таманской Таматархи, донского Саркела (амфоры северопричерноморского типа, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, византийская, херсонская денежная медь почти всех императоров со времени Михаила III – Василия I), но и результаты обильных сборов обломков пифосов крымского производства с поселения у с. Мартыново, которое могло быть своеобразным хазарским «Танаисом»²⁴⁵. Вместе с тем, *Chersonitika karabia* с их навтами и эпиватами задолго до того, как Константин Багрянородный в середине X в. написал о них, проторили дорогу к столице Империи, не говоря уже об Амастриде, Синопе, Амисе и других значительных портовых центрах побережья фем Пафлагонии, Вукеллариев, Армениака и Халдии (если учесть указание на «оконечности (бока) Понта» — *kai plagitika tou Pontou*)²⁴⁶.

Надо полагать, собственность на эти *Chersonitika karabia* принадлежала как частным судовладельцам, так, возможно, и городу. Примеры такой практики эксплуатации судов представляет раннесредневековая Фессалоника, тоже жившая в значительной мере за счет активной морской торговли и перевозок. Так, во второй части Чудес св. Димитрия сообщается о посылке в 676–678 гг. архонтами и горожанами судов для закупки продовольствия. Из рассказа следует, что сами городские власти могли принимать такое решение, касавшееся всех «оставшихся в остатке судов» (*ypoleiphthenta skeyn*), причем среди них было 10 больших транспортных кораблей (*deka karabon*), присланных от василевса, а также местные «однодревки» (*monoxyla*)²⁴⁷. «Фессалоникские небольшие суда – акатии» (*kai aper egon Thessalonikes akatia*) упоминал Никифор в связи с событиями начала VIII в.²⁴⁸ Иоанн Камениата, описавший набег арабского флота Льва Триполийского на Фессалонику в

904 г., тоже сообщал о кораблях, на которых эмпоры возили зерно и которые «принадлежали городу»²⁴⁹. Часть их была затоплена перед входом в гавань до начала осады, причем, согласно арабским источникам, число только этих судов достигало 6–7 десятков, тогда как остались невредимыми другие фессалоникские транспортные корабли, в итоге использованные арабами для перевозки многих пленников и награбленной добычи²⁵⁰. Следовательно, городские власти имели право выступать как владельцы особых торговых флотилий, которые предоставлялись в пользование предпринимателям.

Нет сомнений, что херсонские судостроители должны были располагать собственными орудиями труда (топоры, тесла, пилы, буравы, ножи, долота, иглы), подходящими лесоматериалами, клеем, краской органического и неорганического происхождения, пенькой, полотном, сканными (двойными), тройными канатами, свитыми попеременно в разные стороны для лучшей прочности на разрыв²⁵¹. Железные корабельные части, гвозди разной длины, скобы, кольца, цепи и якоря, которых на каждом корабле должно было быть несколько, от трех-четырех до 10–11, могли изготавливать в городских кузницах, канаты, как и веревки, необходимые в любом хозяйстве не только для морского дела, — в эргастриях местных канатчиков, закупавших на стороне пеньку и серу для окуривания своей продукции, а вот паруса, новые и старые, периодически рвавшиеся и требовавшие обновления, шили особые специалисты, избравшие этот доходный вид промысла.

Едва ли херсониты имели или могли приобретать, покупать некий особый вид судов, неизвестный на Южном берегу Понта: термин *karabia* и *ploia*, *plagitika*, использованные Константином Багрянородным для обозначения парусных транспортных кораблей разной вместимости, курсировавших между Таврикой и северомалоазийским побережьем, являлись общеупотребительными и использовались в одинаковом смысле как «корабли», «суда», «суденышки»²⁵². Среди них не могло в это время быть галер и шебек, поскольку такие гребные суда были типичны для Средиземного, а не Черного моря²⁵³.

Городское производство было рассчитано прежде всего на удовлетворение потребностей местного рынка. В частности, на это указывает то обстоятельство, что подавляющее большинство плоской кровельной черепицы (керамид), полукруглых калиптеров, керамической тары и посуды (амфоры, фляги, тарные ведрообразные и горшкообразные сосуды, кувшины, ойнохой, кухонные горшки, миски, тарелки, горшочки, лутерии, блюда, сосуды на широкой подставке, «сковородообразные сосуды»), а также индивидуальные изделия были херсонского производства — изготовлены порой из идентичного глиняного теста и иногда несут следы брака²⁵⁴. С этого времени и надолго специфичной для Херсона, а также для сельских центров Юго-За-

падной и Юго-Восточной Таврики стало производство черепицы меньшего по сравнению с прежним размера (40–41 × 32–35 см), с высоким ботиком (до 3,5 см, при толщине керамид около 1,8–2,2 см), иногда ангобированной, и с оттиснутыми во время формовки метками в виде букв греческого алфавита, монограмм, крестов, пентаграмм, схематичных изображений животных, птиц, всадников, что указывает на появившиеся новые приемы организации работы местных гончаров, учета разных партий изделий²⁵⁵. Соответственно уменьшились в размерах и изготавливаемые в тех же эргастриях калиптеры (длина 46–48, ширина 30–35 см, высота полукруга 3,5–4 см)²⁵⁶.

На сохранение собственного виноделия указывает то, что в ближайшей округе Херсона действовали гончарные мастерские по производству амфор. Наличие одной из них можно подозревать в середине — второй половине IX в. за городом, на восточном берегу Карантинной бухты, где А.А. Якобсон отметил массовое скопление обломков амфор с зональным рифлением²⁵⁷. В ходе подводных исследований в 1965 г., а затем во время дноуглубительных работ в декабре 1979 г. около западного берега Карантинной бухты тоже были зафиксированы следы гончарного производства. К югу от небольшого мыса, образующего рукав бухты, на расстоянии 20–25 м вдоль береговой линии и на 15–17 м в глубину донные отложения оказались очень насыщены обломками керамики IX в., особенно фрагментами однотипных амфор с зональным рифлением, некоторые со следами брака, полученного в процессе обжига. Это позволяет считать, что именно здесь, недалеко от загородного некрополя и в сотне метров от монастырского комплекса с храмом Богоматери Влахернской, находились гончарные печи, притопленные в позднейшее время в связи с поднятием уровня моря²⁵⁸. Большая печь прямоугольной формы (4,6 × 4, 15 м) для обжига тарной керамики действовала, как попыталась уточнить Л.В. Седикова, около середины IX в. близ башни I западной оборонительной линии Херсона, в Песчаной бухте, неподалеку от античного Керамика, а другая, примерно в два раза меньших размеров, для обжига не только амфор, но и столовых кувшинов, мисок, кухонных горшков, была устроена в районе Радиогорки, на северном берегу Севастопольской бухты²⁵⁹. Обе печи были сложены из песчаника и сырцовых кирпичей, причем печь в районе Радиогорки использовалась особенно долго, на что указывают следы трехкратного ремонта. Видимо, продукцию из этого эргастрия особенно удобно было доставлять в Херсон морем, через бухту, ширина которой не превышает здесь около 2 км.

Нередко в таком удаленном от жилья расположении гончарных мастерских исследователи видят сохранение городом античной традиции вынесения производственных комплексов, особенно связанных с огнем, исключительно за пределы крепостных стен²⁶⁰. Однако промысловые комплексы,

эргастрии, в том числе пожароопасные, существовали в самом городе и в эллинистическое, и в римское время, и после IX в.; подобные случаи встречались и в других греко-римских и византийских городах, а законодательство было нетвердо и непоследовательно в отношении запретов на размещение «экологически грязных» производств в жилой зоне²⁶¹. Следует учесть, что некоторые ремесла нуждались в обильном водоснабжении, возможном не в любом месте и не в любом городе²⁶². Поэтому мастера, решая эту проблему, были вынуждены приспосабливаться к тем условиям, которые диктовал природный, геоэкологический фактор. Очевидно, охотнее других покидали пределы города именно гончары, для которых близость к источникам сырья — обильным выходам пластов глины, воде, песку, топливу — было более важным, чем эргастрий в бойком месте, среди жилых кварталов. По этой же причине гончарные мастерские с обжигательными печами оказывались иногда удалены от жилья даже в византийских деревнях VIII–IX вв., чьим обитателям было невдомек соблюдать традиции «античных предписаний»²⁶³. Разумеется, не одна боязнь пожаров заставляла херсонитов из столетия в столетие поддерживать существование обоих своих Керамиков — около Песчаной и Карантинной бухт²⁶⁴. Но наличие их не исключало размещение подобных мастерских в самом городе. Так, раскопками И.А. Антоновой в 1957 г. на западной оконечности городища, около 4-й куртины, открыта ранневизантийская мастерская, выпускавшая амфоры²⁶⁵. В 1910–1911 гг. Р.Х. Лепером был раскопан производственный комплекс с двумя большими круглыми обжигательными печами раннесредневекового времени (не позже IX–X вв.) в III квартале северо-восточного района городища²⁶⁶. Примечательно, что рядом с одной из печей, под вымосткой из каменных плит была обнаружена гончарная печь эллинистического времени. Следовательно, это место было исконно занято керамическим производством, несмотря на то что оно размещалось в одном из самых старых и густонаселенных городских районов.

Железоделательное, литейное производство было гораздо гибче и проще связано с доставкой к мастерской необходимого сырья, и отсюда находки его следов на территории города еще более часты. В слое разрушения раннесредневековых домов в XXVIII квартале в северном районе Херсона, недалеко от пересечения XIII поперечной улицы с продольной оказалось огромное количество кусков железного шлака, большинство из которых имело овальную форму, округлую поверхность с одной стороны и плоскую с другой²⁶⁷. Основная масса их лежала в черной земле на полу помещения 3, где, вероятно, находилась мастерская с печами для плавки железа, позднее разрушенная. Материал слоя, сопровождавший шлак, не выходит за пределы IX–X вв., когда, очевидно, существовал эргастрий, предназначенный для «горячего» производства — выплавки чугуна из руды. К слову, результаты анализов по-

казали, что руда не относилась к местным керченским месторождениям, как можно было бы ожидать. Здесь же, в подвале помещения 5, оказался массивный железный предмет с плоской стороной 10 × 11 см, сужающейся к концу до 6 × 6 см, высотой 17 см, скорее всего, наковальня²⁶⁸. В том же северном районе, в квартале X «А», в слоях, содержащих материалы IX–X вв., на месте помещения средневековой усадьбы в 1991 г. найдено более 30 обломков глиняных льячек для цветных металлов, что указывает на существование где-то здесь мастерской литейщика, которая не могла функционировать без печи²⁶⁹. Крупные камни (длиной 0,40 и 0,55 м) со следами длительного воздействия огня, куски спекшегося шлака, обрезки листовой меди, проволоки, изделия из железа – следы деятельности еще одной металлообрабатывающей мастерской того же времени были обнаружены во время раскопок Е.Г. Сурова в 1958–1960 гг. в помещении около западной античной оборонительной стены, т.е. в пределах средневекового города, на месте монастырского комплекса, идентифицируемого с житийным «домом св. Леонтия»²⁷⁰. Следы ранневизантийской литейной мастерской прослежены раскопками И.А. Антоновой на юго-востоке города, в «цитадели».

Таким образом, связь с огнем и неудобство тех или иных эргастриев для жителей было только одним, и не самым важным поводом к «выселению». Гораздо чаще к этому, как и в античную эпоху, подталкивали объективные профессиональные обстоятельства. В сохранении же пожароопасных производств в пределах ромейских городов обнаруживается не исключение, а континуитет с аналогичной античной традицией.

В комплексах Херсона первой половины IX в. встречается не менее пяти типов амфор местного производства, тогда как импортная тарная керамика практически отсутствует²⁷¹. Согласно наблюдениям Л.В. Седиковой, ко второй половине IX в. количество типов производимых амфор уменьшилось до двух, сократился ассортимент и столовой посуды, что, однако, указывает лишь на большую стандартизацию производимой керамики²⁷². Впрочем, к столовой посуде это относится в меньшей степени, ибо она все же отличалась разнообразием форм и многовариантностью в пределах определенных типов изделий.

Нет сомнений, что в Херсоне трудились искусные ремесленники по металлу²⁷³. Для выплавки железа они, как и прежде, использовали главным образом тяжелые железистые конкреции, вымываемые из известняка крымскими горными речками и ручьями, но были крайне заинтересованы в поставках сурмянисто-цинковых руд из месторождений Малой Азии в районе Синопа, Амастры (Амастриды), а также слитков меди, свинца, серебра, готовых вещей из них или лома через южночерноморские порты²⁷⁴. Эта оторванность от источников крайне необходимого сырья обрекала их на зависимость от

обстановки, менявшейся как в Юго-Западной Таврике, так и на территории Византийской империи. Тем не менее в слоях IX–X вв. постоянно встречаются если не целые предметы, то обломки, части каких-то изделий, поделок из железа, меди, бронзы, указывающие на то, что их производство, привоз были достаточно регулярными. В это время, не позже конца IX в., в портовом квартале 1 действовала кузница с тремя сыродутными горнами, занимавшая огороженный двор размерами 5, 7 × 4, 6 м (более 26 кв. м)²⁷⁵. Одна из печей имела размеры 1,8 × 1,95 м (3,51 кв. м) и была заполнена чередующимися слоями древесного угля и железного шлака. В другом горне оказался шлак с перегорелой золой, тоже указывающий на изготовление криц. Наличие сразу нескольких печей легко объяснимо тем, что при сыродутном способе варки увеличение производства металла могло осуществляться только за счет увеличения количества горнов и применения вместо дров древесного угля. К слову, необходимость в последнем позволяет предполагать существование местного, довольно трудоемкого промысла по выжигу такого угля. В одном горне сыродутного производства можно было выплавлять в час полукилограммовую крицу. Значит, пять часов работы херсонской кузницы давали около 7,5 кг железа. А ведь она, разумеется, была не одна. Город был в состоянии обеспечить производство на продажу орудия для всех видов ремесленного труда, для сельского хозяйства, для рыбного промысла, оружие, конское снаряжение, якоря, цепи, предметы домашнего обихода.

То же самое можно сказать о работе с цветными металлами. Соответствующие эргастрии так разрушены, что реконструкция их почти невозможна, но руда, шлаки, тигли для плавки цветных металлов, льячки, каменные и глиняные формы-матрицы, а также масса самых разнообразных готовых изделий и их фрагментов дает представление о развитом товарном характере производства²⁷⁶. Среди изделий — проволока, рыболовные крючки, кольца, цепи, большие и малые кованые и литые сосуды, бронзовые подсвечники, переносные и подвесные шандалы, ставцы, лампадофоры, пуговицы, пряжки, предметы христианского культа, складни-энколпионы, нательные крестики, амулеты, многочисленные перстни, серьги, браслеты и т.п. Только за один археологический сезон в засыпи помещений XXVIII квартала, в слое второй половины IX–X вв. оказались найдены медный наперсток, спица для вязания сетей, стиль длиной 10,5 см, ключи с ажурными бороздками, крест из пластин, скрепленных заклепками и с гравированными кружками, цепочки, бубенчиковидная пуговица, обломки пластины, перстней, фибул, щипчики, рыболовные крючки, медная чашечка²⁷⁷. Чистый свинец употреблялся для изготовления, очевидно, водопроводных труб, и особенно — для кольцеобразных грузил, подвешивавшихся к краям рыболовных сетей²⁷⁸. А.Л. Якобсон полагал, что четыре больших скопления заготовок свинца в виде цилиндров

и усеченных пирамидок (весом от 100 до 700 г), стержней, пластин, дисков, встреченные на месте раскопок одной или двух усадеб в квартале XV–XVIII на северном берегу в слоях IX–X вв., были связаны с домашним изготовлением «простейшего металлического инвентаря для рыболовства», но значительные размеры запасов (в его составе самые крупные пластины — 27 × 27 см, толщиной 4 см, диски диаметром до 18 см и толщиной 3 см, цилиндрические болванки высотой 9,5 и диаметром 5,7 см, треугольный в сечении стержень длиной 23 см со стороной почти 4 см и прочие, более мелкие заготовки) не позволяют говорить о том, что они предназначались исключительно для отливки свинцовых колец-грузил и к тому же только для домашнего пользования²⁷⁹. Как уже указано, наряду с матрицами для отливки колец встречаются матрицы и для изготовления более сложных ремесленных поделок – пряжек, крестиков, серег, явно рассчитанных для продажи на рынок. Часть этой продукции оказалась в могилах некрополя. Так, в склепах около Карантинной бухты вместе с монетами Василия I и Льва VI встречались простенькие бронзовые перстни с гладким щитком, бронзовые серьги в виде колец (с подвеской в виде виноградной кисти, «малой пуговки» или с характерной граненой поверхностью)²⁸⁰.

Ювелиры раннесредневекового Херсона использовали в своей работе золото, серебро, медь, латунь, бронзу, свинец²⁸¹. При этом приемы и методы металлообработки, как и прежде, мало менялись от столетия к столетию²⁸². Они как бы застыли на уровне ниже перемен, передаваясь из поколения в поколение. Нечто аналогичное можно заметить в отношении организации и степени специализации производства. Его потребности диктовали, как правило, сочетание плавки металлов со слесарной работой, одновременную обработку железа и цветных металлов. Например, в упомянутой выше средневековой мастерской, устроенной не ранее IX в. в одном из шести помещений, скорее всего, производственного назначения, на территории городского монастыря св. Леонтия около прежней западной античной оборонительной стены и отчасти в ней самой, кроме кусков шлака, обгоревших больших камней, обмазанных глиной, мраморной ступки с выступами-ручками и сливным каналом (высота — 12 см, диаметр — 25 см, глубина — 10 см), были найдены четыре каких-то крупных железных предмета неопределенного назначения (один из них, наибольшей длиной 0,35 м, имел форму, напоминающую секиру), а также 8 обрезков тонкой листовой меди и нечто вроде «медальона» или «оптического прибора» в виде толстого, овального, выгнутого с одной стороны прозрачного литого стекла, оправленного двумя полосками листовой меди с орнаментом поверху в виде мелких рельефных полос²⁸³. На ободке имелась сделанная из той же листовой меди дужка для ношения этой поделки на шнуре или цепочке (длина с дужкой — 6,5 см, без дужки — 6 см,

ширина — 5 см, толщина — 1 см). По сути дела, перед нами не просто мелкая ремесленная работа с разными материалами, но и элементы ювелирного дела. Следовательно, херсонский эргастий представляет сочетание кузницы, мастерской медника-халкевса и ювелира. Правда, остается неясным количество работавших в ней специалистов и степень их профессиональной дифференциации. Одна печь и сравнительно небольшие размеры помещения позволяют предположить, что здесь, очевидно, под надзором монастырского начальства, трудился один ремесленник-универсал по работе с разными металлами, владевший разными приемами и методами, делавший крупные и мелкие вещи, которому помогал в лучшем случае один наемный подмастерье или кто-то из членов семьи — сын, зять, либо другой коллега ремесленник, трудившийся со своим компаньоном на паях, как обуславливал заключенный между ними договор кинии.

Сочетание обработки черных, цветных и даже драгоценных металлов прослеживается и на некоторых других изделиях, вышедших из мастерских Херсона²⁸⁴. В то же время в городе явно были кузницы, где имели дело только с плавкой и ковкой железа. Однообразность, стандартная форма замков и ключей, изготавливавшихся в это время, тоже может служить указанием на наличие специализированных мастеров и, видимо, немногих слесарных эргастиев, где такую продукцию, совершенно необходимую для любого дома, делали на продажу²⁸⁵. Но так или иначе до сих пор в Херсоне не обнаружено ни одной узкоспециализированной мастерской медника или аргирокопа — ювелира, хрисохоа — золотаря, хотя это не доказывает того, что их здесь не было вовсе.

Едва ли такой же узкой специализацией отличались местные стеклоделы, хотя в их продукции доминируют некоторые вошедшие в моду украшения. По условиям находок к IX–X вв. относятся браслеты синего (кобальтового) стекла, круглые, плосковыпуклые, треугольные или квадратные в сечении, иногда украшенные кружочками и черточками, нанесенными краской²⁸⁶. Это был продукт византийского стекловарения, получивший широкое распространение благодаря новой рецептуре, связанной с применением золы. Херсон волился в его массовое производство и уже со второй половины IX в. стал ведущим центром по изготовлению стеклянных браслетов в Северном Причерноморье, сбывая часть продукции в Таматарху и Сарке²⁸⁷. В условиях небольшого эргастия организовать такое производство было не сложно, а торговать даже выгоднее и удобнее, чем дешевой посудой.

В слоях того же времени нередко встречаются обрезанные, специально заготовленные для дальнейшей обработки полуфабрикаты из кости и рога и готовые принадлежности для игр — шашки, круглые плоские фишки, кубики с врезными «очками» на всех гранях от одной до шести, астрагалы, а

также пряслица, проколки, черенки ножей, стили с резьбой, двухсторонние гребни с мелкими и крупными зубьями, особенно впечатляющие высоким уровнем выполнения прямоугольные, треугольные, круглые пластинки для обкладки ларцов или каких-то иных изделий, с резными изображениями птиц и зверей или гравировкой, сделанные местными умельцами, знавшими толк в косторезном деле²⁸⁸. Видимо, эта отрасль ремесла, не требовавшая больших затрат для ее организаторов, всегда пользовалась среди херсонитов особой популярностью. Некоторые разные изделия изобличают руку одного мастера²⁸⁹. Индивидуальность работы позволяла косторезу в большинстве случаев обходиться без помощника или наемного работника, почти обязательного в иных видах ремесла. Это снижало издержки производства, делало его более рентабельным и поэтому привлекательным для мелких товаропроизводителей. Показательно, что в каждой из трех раннесредневековых могил, открытых в нартексе базилики 1932 г., были какие-нибудь поделки именно из кости: круглые шашки, пересеченные крестами, костяные бусы в виде полушарий с резными кружочками, костяной предмет с шипом²⁹⁰. Ассортимент местных косторезов включал орудия труда, иглы для плетения сетей, приспособления для ткацкого и швейного дела, черенки ножей, наконечники стрел, накладные пластины для лука, петли колчанов и налучий, псалии и застёжки конской сбруи, ларцы из наборных пластин, украшения для погребальных покровов, шпильки, флейты, свистки, игральные принадлежности и даже ключи и игрушки²⁹¹. Примером последних может служить интересная находка в византийских слоях Херсона костяной куколки в виде женщины в длинной юбке, но без рук и ног, которые, судя по дырочкам в туловище, привешивались отдельно²⁹².

Византия была читающей страной, и через руки ее книгопродавцов – библиокапилов проходило немало рукописных книг, среди которых лидировали списки Ветхого и Нового Завета, а также книги святых и признанных проповедников и учителей, как это подчеркивал 58-й канон Трульского синода 681 г.²⁹³ Особенно популярной в VIII–IX вв. становится Псалтырь, которая служила не только для нужд личного благочестия, но и для обоснования идейных позиций и иконоборцев, и иконопочитателей, активно прибегавших к ней²⁹⁴.

Металлическая фурнитура — жуковины (вуллы, карфионы, амигдалии), уголки, средники кожаных переплетов, литые или кованые бронзовые застёжки от книг, находки которых встречались не раз во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в слоях «византийского времени» и в некоторых раннесредневековых погребениях, в частности, в могилах под полом баптистерия — мартирия базилики св. Леонтия и к югу от Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии²⁹⁵, указывают на наличие в Херсоне

переписки и изготовления книг. На планшетах, сделанных заведующим раскопками, довольно часто представлены небольшие, длиной от 2 до 4 см кинжаловидные шпеньки с шарообразной, реже удлинённой, обычно гладкой или каннелированной головкой, которые вставлялись в ребро деревянной крышки толщиной около 8 мм и на которые наклеивалось кольцо металлической застёжки длиной 2–3 см с искусно плетённым кожаным трехчастным, реже двухчастным ремнем²⁹⁶. Концы ремня продергивались сквозь два-три отверстия в крышке и закреплялись. Книга, дабы листы пергамена не коробились, могла иметь от одной до нескольких таких застёжек со всех сторон, кроме корешка. Примечательно, что множество херсонских шпеньков имеют отверстие по середине каждого лезвия, куда через крышку вбивался гвоздик для более надёжного крепления. Это ранняя черта византийской переплетной техники, связанная ещё с коптской традицией, которая исчезла к X–XI вв. Следовательно, большинство книг, от которых сохранились шпеньки, обращалось в Херсоне именно в раннее средневековье, в том числе в хазарскую эпоху. Соответствующим образом оформленные, в кожаных переплетах с тиснением, они стоили 20–30 номисм и представляли немалую материальную ценность²⁹⁷. Опытный графевс или каллиграф-копиист был в состоянии за неделю изготовить Псалтырь, которая оценивалась в номисму, тогда как пергаменный кодекс Нового Завета стоил 3 солида, а полная Библия – не менее 5 золотых, отчего хороший год, полный заказов, давал бы возможность заработать около 50–70 номисм²⁹⁸.

Наличие книг позволяет предполагать в Херсоне существование не только копиистов, но и изготовителей писчего материала, переплетчиков, книготорговцев-библиокапилов. На это же указывают находки железных секирообразных ножей с лезвием полукруглой формы, которые служили как для подрезки листов, зачистки неровностей, разлиновки, так и для обработки, шлифовки пергамена²⁹⁹. С IX в. в пользование, возможно, проникает бумага, на что косвенно указывает появление особого налога — *chartiatikon* енека, введенного при Никифоре I Генике³⁰⁰. Вместе с тем, нельзя исключить, что хартопои изготавливали пергамен, поскольку уверенно об использовании бумаги в Византии можно говорить не ранее XI в.³⁰¹ В отличие от переписчиков (*oi graphois, oi graphontes*), которые происходили главным образом из числа клириков, монахов, анагностов или тавулариев, хартопои были профессиональными специализированными ремесленниками. Впрочем, степень специализации византийских пергаменщиков, как и прочих ремесленников, не была велика, и они могли совмещать разные занятия, что выручало в условиях узкого рынка. Это отчетливо прослеживается в имеющем греческие корни латиноязычном трактате VIII в. «*Compositiones ad tingenda*» («Трактате об окраске мозаик»), хранящемся в Лукке (Cod.

Lucensis 490), составитель которого, ремесленник-практик, постоянно обращаясь к читателю, предлагает ему заниматься всеми видами крашения, золочения, выделкой золотого листа, пергамена, изготовлением стекла, смальты, чернил для письма золотом (хрисографии), да еще и самому добывать исходные материалы, готовить растительные и минеральные пигменты, употреблявшиеся в книжной живописи³⁰². К слову, в Херсоне всем этим тоже могли заниматься некоторые из грамотных местных золотых дел мастеров, красильщиков, мозаичистов. Последние продолжали трудиться здесь в IX в., хотя бы судя по выкладке геометрического орнамента в виде пересекающихся кругов на полу церкви, устроенной в оконечности перестроенной южной галереи Западной базилики³⁰³.

На территории городища неизвестны находки больших зерновых ям, амбаров. Впрочем, их пока не обнаруживали и для более раннего времени. Вероятно, зерно было в значительной степени привозным, приобреталось горожанами на рынке и не накапливалось помногу. На извечную слабость собственной аграрной базы указывает также сравнительная редкость земледельческих орудий труда — железных наконечников сох, кос, серпов, мотыг, лопат в хозяйственном инвентаре жилых усадеб, да и в тех случаях, когда они встречаются, им сопутствуют остатки или отходы какого-либо ремесленного производства — гончарного, металлообрабатывающего, стекольного, строительного, соответствующие ремесленные инструменты, орудия рыболовного промысла. Нет в городских усадьбах и следов специализированных животноводческих комплексов. Если на закате поздней античности херсонеситы еще стремились переориентировать свои загородные усадьбы на Гераклеяском полуострове преимущественно на разведение скота³⁰⁴, то позже они такие попытки не предпринимали, предпочитая скупать шкуры или, точнее, сырые кожи («вирсы»), а также, вероятно, мясо у местного населения Юго-Западной Таврики и у кочевников-скотоводов. Очевидно, этот путь был менее хлопотным и более надежным, прибыльным. Константин Багрянородный отмечал, что закупленное херсониты, как закупленные перекупщики, приезжая, продавали в Романии и за счет этого жили³⁰⁵.

Следовательно, чисто аграрные занятия горожан играли второстепенную, подчиненную роль, и в то же время ремесло не было полностью отделено от земледелия. Ситуация, характерная для большинства древних обществ. Поэтому железный сошник естественно вписывался в инвентарь дома, где вполне профессионально могли заниматься и металлообработкой³⁰⁶. Собственно, то же самое мы обнаруживаем и в античном Херсонесе. Его виноделы, рыбаки, соледобытчики, прасолы, ремесленники и торговцы никогда полностью не порывали связей с земледелием, сельским хозяйством, видимо, стремились иметь если не сельские усадьбы, проастии, то хотя бы земельные

участки, огороды. Возраставшая или периодически спадавшая роль торговли лишь увеличивала или уменьшала степень натуральности их хозяйства, но никогда не делала товарно-денежные отношения господствующими. Херсониты жили в таком обществе, где это было принципиально невозможно. Они развивали добывающие и лесные промыслы, отчасти рассчитанные на удовлетворение потребностей местного гончарного, металлообрабатывающего, кожевенного, строительного, стекольного, столярного, плотницкого ремесла, судостроения³⁰⁷. С этой точки зрения Херсон представлял обычный полифункциональный провинциальный потребляюще-производящий центр, коих в Романии было большинство, и не развивал имевшихся тенденций к сосредоточению представителей одной профессии в рамках одного квартала³⁰⁸. Он сохранял век от века свои традиционные промыслы и производства, почти ничего не исключая, но и не добавляя в их перечень, и никогда не знал гипертрофированного развития отдельных видов ремесла, резко вырывавшихся вперед в некоторых городах, не только средневековых, но и античных. Особенно часто такое случалось с текстильным и оружейными производствами, кораблестроением, однако ремесленники-херсониты, очевидно, не видели резона или не имели условий выбирать что-либо одно предпочтительное из своих многочисленных занятий. Будучи мелкими товаропроизводителями и сочетая это с работой и торговлей на заказ, они обслуживали главным образом всевозможные потребности горожан, а кое-чем — керамической тарой и посудой, некоторыми нехитрыми украшениями, пряжками — обеспечивали отчасти местный сельский рынок, преимущественно в Юго-Западном Крыму. Основные типы керамики IX в., такие как амфоры с горизонтально отогнутым венчиком, амфоры с бороздчатым туловом, расписные ойнохои пользовались спросом среди населения ближней и дальней округи Херсона, а сельские ремесленники копировали производимые в городе типы керамики³⁰⁹. Часть керамики, найденной при раскопках поселений у Тапчан-Кая, возле поселков Передовое, Оборонное, Заря Свободы, Ново-Бобровка, Поляны, крепости Кыз-Кермен и Бакла, в Скалистинском могильнике херсонесского происхождения, в частности из эргастерия в районе Радиогорки, а часть сделана в местных мастерских³¹⁰.

При всем том со второй трети IX в., после создания фемы и роста напряженности византийско-хазарских отношений, конфликтов с венграми на крымской земле горожане были обречены жить преимущественно за счет предпринимательских сделок с теми, кто приезжал на пафлагонских, вукелларийских, понтийских судах и привозил не только самые разные предметы, вещи, товары (*chreias e pragmateias*), но и хлеб, вино (*sitou e oinou*), другие выращенные продукты (*gennemata*) из северомалоазийских фем Вукеллариев, Пафлагонии, Армениака и окраин Понта, сбывая туда

свои, а говоря точнее, свои и перекупленные товары. Именно в этом кроется ответ на смущающий некоторых исследователей вопрос, почему Константин Багрянородный писал, что без привоза продуктов херсониты не могут «иметь силы» (*ou dynantai zesai*)³¹¹. Этим же объясняется и выбор ромейскими властями средств воздействия на херсонитов, которые в виде идеи организации своеобразной «континентальной экономической блокады» посчитал необходимым в середине X в. особо разъяснить будущему василевсу автор трактата «Об управлении империей».

В случае возмущения кастрона Херсон, его сопротивления «царским повелениям» достаточно было, не прибегая к открытым военным санкциям, а действуя полицейско-административными и экономическими методами через местные власти и «царских порученцев» (трех василиков), овладеть всеми херсонскими кораблями вместе с ввезенными грузами в портах фем и в столице, а моряков и эпиватов — фрахтователей (пассажиров, торговцев) с этих кораблей «заключить в оковы» (*desmeuontai, desmeuosi*) и «ломать» (*enapokleiontai, enapokleiosin*), как буквально выразился Константин Багрянородный, в столичных работных домах — эргалиях либо под стражей в фемных портовых застенках — филаках, одновременно задержав (*koluosi*) отправку к Таврике северомалоазийских судов (*kai ta Paphlagonika kai Boukellarika ploia kai plagitika tou Pontou*) со всем необходимым. В то же время стратиг фемы отменял выплату 12 литр золота (864 номисы), полагавшихся из государственной казны крепости Херсон и, вероятно, ее военному отряду — арифму, в который по давней традиции могли записывать часть потомственных херсонитов³¹².

Такие санкции были осуществимы и действенны только в отношении города неагроризовавшегося, лишенного собственной производственной сельской периферии и живущего преимущественно за счет транзитной торговли с Романией. Они не носили для правительства характер дипломатического разрыва, как иногда считается³¹³, поскольку предусматривались византийскими властями в отношении собственных подданных, подчиненных Империи (*urekooi tes Romaion basileias*), каковыми херсониты, по словам Константина Багрянородного и херсонесских «патриографов», считались уже со времени правления Диоклетиана (284–305)³¹⁴. Похоже, Константинополь действительно мог прибегать к своеобразной «торговой войне» и использованию флота южнопонтийских провинций не для вооруженного, а для экономического и, как следствие, политического давления на Херсон и его округу³¹⁵, пользуясь сложной ситуацией со снабжением, сложившейся там после изменения хазарско-византийских отношений и последовавших административно-территориальных изменений. Поэтому невозможно говорить о восстановлении в Готфии ромейского правления

ни в конце VIII в., ни в начале IX в., ни в 20-х гг. IX в., ни тем более в середине или конце IX в., как нередко заявляют исследователи³¹⁶, ибо в условиях относительно нормальных византийско-хазарских отношений в Крыму, формально сохранявшихся до 840-х гг., «восстанавливать» было бы нечего, а после — не к чему.

К концу 850-х гг. территория недавно созданной фемы распространялась фактически уже только на Херсон и его ближайшие окрестности, да и те были большей частью если не полностью, то «почти покинуты»³¹⁷. К этому времени стратиг Климата отступил в Херсон под натиском «диких народов», что хронологически совпадает с исчезновением печатей, а значит, и должности имперского архонта Херсона³¹⁸. Декларируемая власть Империи над областями климата между Херсоном и Боспором стала весьма призрачной, как и возможности главы фемы при осуществлении действенного контроля за ситуацией на полуострове³¹⁹. Разумеется, Романия никогда не отказывалась от своих притязаний и не признавала потерь принадлежавших ей территорий, однако на деле слова Петроны Каматира оказались пророческими: она все же почти «упустила их из своих рук». Видимо, именно это прозаическое и вместе с тем суровое обстоятельство, заставившее официальный Константинополь свести все контакты преимущественно к Херсону, а не непонятно откуда взявшееся «...стремление империи ограничить местное самоуправление и усилить центральную власть» повлекло изменение названия стратигии, которая уже через десяток лет после своего создания оказалась переименованной из Климата (или Климата и Херсона) в Херсон³²⁰. Впрочем, надо учесть, что под названием Херсон византийцы понимали не только сам город-крепость, кастрон, но и «местности в нем» (*tes Chersonos kastron kai tous en aute torous*), т.е. область, регион, «страну»³²¹.

Вероятно, переименование состоялось к концу периода самостоятельного правления Михаила III и не позже начала правления Василия I Македонянина (867–886). Во всяком случае, в Херсоне найдена медная монета с литерами МВ на аверсе и аббревиатурой К/Λ(М?) на реверсе³²², которые можно расшифровать как «Михаил василевс» (либо «Михаил III — Василий I») и «Климата». Как уже было сказано, она датируется в пределах от 842 г. до 866–867 г. и может быть одним из свидетельств официального употребления первоначального названия стратигии. Зато в Тактиконе 899 г. название Климата отсутствует, и в иерархии высших чинов на 30-м месте, из 59, значится стратиг только Херсона³²³. В списке стратигов он назван 24-м и последним, если не считать приписки относительно других фемных эк просопу (*kai oi ek prosopou eisi ton thematon*), очевидно, все тех же кира, экдика, «отца города», протевонов, так или иначе выступавших «от лица» стратига³²⁴. Стратигом Херсона это должностное лицо именует-

ся и на моливдулах, начиная примерно с середины IX в., что позволило К. Цукерману высказать предположение о существовании фемы с названием Климата в очень узких хронологических рамках, не более нескольких лет, до конца 840-х или начала 850-х гг.³²⁵. Окончательно прояснить этот вопрос помогут только новые нумизматические или сфрагистические находки.

Вместе с тем, утверждать, что «амбициозный проект Феофила потерпел провал», было бы неверно³²⁶. Именно благодаря существованию фемы на здешних землях и ее тесной связи с заморьем трудная политическая ситуация, сложившаяся вокруг города в середине IX столетия, со временем оказалась преодолена для херсонитов с наименьшими потерями и с наибольшими перспективами. Отражением неослабного внимания правительства к преобразованной феме могло стать строительство в середине и конце IX в. двух общественных архитектурных комплексов на территории «цитадели», которые есть все основания интерпретировать как ранее и более позднее здания византийского претория — резиденции стратига и командиров его ведомства³²⁷. В таком случае именно для большого претория в апреле 1059 г. стратигом Херсона и Сугдеи, патрикием Львом Алиатом, было приказано изготовить «железные двери (ai portai ton praitoriou siderai), что указывает на преемственность расположения провинциальной администрации Херсона в течение всего существования фемы и на особое отношение ромейских властей к «цитадели» и здешнему военно-административному комплексу³²⁸. Именно за его содержание на херсонской земле местные власти могли получать весьма значительные арендные деньги — те две литры (144 номисмы) пакта (tas duo tou paktou), о которых, наряду с прочими казенными выплатами, выдаваемыми кастрону Херсон, особо упоминал Константин Багрянородный³²⁹.

Тем не менее ситуация со снабжением крымских владений Империи продовольствием несколько не улучшилась и к концу IX столетия. Если около середины IX в. рядом с Херсоном роились конные отряды венгров, которые, по словам агиографа Константина Философа, писавшего около 880-х гг., с волчьим завыванием нападали на группы путников³³⁰, теснили из Крыма хазар, то около 889 г. началось вторжение печенегов или, как звали их византийцы, пачинакитов (пацинакитов), возможно, повинных в прекращении существования ряда поселений в Восточной и Южной Таврике в самом конце IX в.³³¹ До этого печенеги, в этнически пестрый племенной союз которых помимо тюркоязычных орд входили какие-то венгерские (мадьярские) объединения, обитали в степях между Волгой и Яиком. По свидетельству некоторых арабо-персидских авторов и Константина Багрянородного, они перешли Волгу вследствие давления гузов (узов), вступивших в союз с хазарами, и далее в своем продвижении где-то на западных рубежах Ха-

зарии, скорее всего, в самом конце 80-х – начале 90-х гг. IX в. столкнулись с венграми («турками») в местности (choras), называемой Леведией, где текла река Хингилус (Ингул — приток Южного Буга, Ингулец — приток Днестра или Чинхул, приток р. Молочной, впадающей в Азовское море?), вытеснили венгров, вероятно, в Северо-Западное Причерноморье, в так называемую Ателькузу — «Междуречье» (венгерское Этель-Кюзю), где протекали реки Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут), Серет (Сирет), а потом и дальше, в Карпатский ареал и Великую Мораву (Паннонию)³³². Только после этого, ближе ко второй половине 890-х гг., пачинакиты широко расселились в степях Северного Причерноморья³³³. Их кочевья могли заходить в Крым и вступать в соседство с аланами, обитавшими вблизи Херсона, но это соседство с городом все же не было столь тесным, как иногда представляется³³⁴. Недаром Константин Багрянородный, отмечавший, что пачинакиты находятся «рядом с фемой Херсон», советовал царским посланцам к печенегам все же не направляться в город, если была возможность морским путем, на хеландиях, сразу попасть к «области Днестра, Днестра и других там имеющих рек», поскольку здесь можно было «кратчайшим путем и быстрее найти...тех же пачинакитов»³³⁵. Арабо-персидский географ Абу-Исхак ал-Истахри ал-Фарси в «Книге путей государств» (ок. 930–933 гг.), очевидно, заимствовавшей сведения из не сохранившегося сочинения географа ал-Балхи (конец IX в.), отмечал, что «разряд турок, именуемых печенегами, изгнанный со своей земли, разместился между хазарами и Румом»³³⁶. Очевидно, под последним следует понимать не Рим и даже не Константинополь (арабский Кустанайя, Кустантини), лежащий по ту сторону Румского моря, а страну или землю ар-Рум, т.е. имперские владения в Таврике, с крепостных стен которых византийцы могли наблюдать приливы и отливы варварских орд.

Пытаясь сохранить систему поддержания политического равновесия, Византия стремилась оказывать на кочевников влияние посредством налаживания с ними связей, и на этот раз искусно используя заинтересованность новых пришельцев, враждовавших друг с другом, в выгодном посредническом обмене с Империей. Не случайно сюда начинают поступать амфоры с клеймами на ручках с монограммами из букв МХ, ВА, с буквой Є, буквами ЛЕО и ЛЕ, в которых можно видеть имена Михаила III (842–867), Василия I (867–886), его жены, Евдокии Ингерины (869–879), Льва VI (886–912), что в свою очередь позволяет понимать их как соответствующую выборочную маркировку продукции эргастриев, возможно, принадлежавших фиску, императорам или членам царской семьи³³⁷. Кроме этого хорошо маркируют преимущественную зону константинопольской торговли появившиеся к началу X в. конически вытянутые, иногда с фи-

гурными клеймами амфоры довольно стандартного размера, которые соответствовали по вместимости трем тетартиянам (tetartion) или лагинию (laginion) — официальной константинопольской мере для продажи оливкового масла (около 6,4–6,5 л) и, вероятно, использовались для его транспортировки³³⁸. Из 15 классов амфор IX в. (27,7 %) большинство приходится именно на вторую половину – конец столетия³³⁹. Это особенно впечатляет, если вспомнить, что на гораздо более продолжительный период истории ранневизантийского Херсона (V–VII вв.), отличавшийся весьма развитыми внешними связями, приходится 23 класса амфор (42,6%).

По археологическим данным известно, что уже в конце IX в. экономическое и политическое положение в Таврике стабилизировалось, вероятно, нормализовались политические отношения между Византией и Хазарией, что сделало степные районы Северного Каыказа и Подонья вновь открытыми и безопасными для торговли, стимулировало развитие крымского виноградарства и виноделия³⁴⁰. Как следствие, к этому времени вновь растут число и производительность сельских гончарных мастерских преимущественно вдоль побережья Крыма (урочище Сотера, Гаспра, Мисхор, около с. Лучистое, юго-восточный склон г. Урага, Чабан-Куле, Канакская балка, Коктебель, близ с. Голубинка), занятых преимущественно выпуском амфор «причерноморского типа», товар в которых вплоть до второй половины X в. распространялся далеко за пределы полуострова, главным образом на салтовские городища и поселения Приазовья и Подонья³⁴¹. Как и прежде, можно говорить о сотнях тысяч литров вина, какое разливали в эту тару³⁴². Отмечая «экономическое возрождение» края, А.Л. Якобсон связывал его причину с аналогичным широким процессом, шедшим в самой Византии³⁴³. Однако следует учесть и местную, в целом явно благоприятную ситуацию, отчасти как бы вновь возвращавшую былые дни относительно мирного существования VIII в.

К последней трети IX в. здесь, в крымской зоне византийского влияния, удалось еще более укрепить позиции Константинопольского патриархата, что отразилось в учреждении ряда новых архиепископий³⁴⁴. Епархиальные списки, составленные к концу IX – началу X столетия и около 940 г.,³⁴⁵ называют архиепископства Херсона, Боспора, Готфии, Сугдеи и Фул, хотя еще в первой половине IX в., согласно Notitii Basilii, для Крыма были указаны только первые два из этого перечня³⁴⁶. Косвенно это указывает на их влияние и благосостояние, ибо автокефальные архиепископии учреждались лишь в тех городах, которые славились своим богатством и которые в своем новом статусе значительного церковного центра еще более процветали.

Какое-то время продолжали сохраняться старые экономические и культурные связи в Юго-Западной Таврике, поскольку Мангуп пришел в упадок

лишь в XI в., причем в испытанном им потрясении могли оказаться повинны не набеги печенегов или сменивших их к середине XI в. половцев, а природный катаклизм — сильнейшее землетрясение, случившееся на рубеже X–XI вв., разрушительные следы которого прослеживаются и в Херсоне³⁴⁷. До X в. включительно здесь продолжали действовать некоторые из прежних винодельческих комплексов с большими тарапанами, вырубленными в скале, виноград для которых доставляли снизу, из долин³⁴⁸. По мнению Н.И. Барминой, прежний ранневизантийский храм в центре плато превратился в трехапсидную базилику не ранее конца IX в., когда он приобрел статус «кафедрального собора Готской епархии»³⁴⁹. Население крепости сократилось, но сохраняло ориентацию на Византию³⁵⁰. В правление императора Василия I Македонянина (867–886), по мнению И.В. Соколовой, в Доросе «работал» даже местный фальшивомонетчик, припрятавший в тыльной стороне оборонительной стены IX в. укрепления А-I на западном склоне мыса Чамну-бурун «клад» из нескольких изготовленных им «номисм VIII века», — бронзовых подражаний-подделок под солиды Льва III и Константина V, — и литой бронзовой херсоно-византийской монеты с характерной буков «В» на аверсе³⁵¹. Видимо, в готовом, позолоченном виде подобные фальшивые солиды попали в обращение, так как иногда встречаются в окрестных погребениях³⁵². Видеть в этом явлении полную утрату власти Империи в регионе не приходится, ибо подделыватели денег не переводились в самой Романии ни в ранневизантийский период, ни в «темные века», ни позже, несмотря на крайнюю строгость, жестокость законодателей по отношению к такого рода *crimen majestatis* — уголовным деяниям, наказуемым если не смертной казнью, то отсечением руки³⁵³. Едва ли они могли быть собственными монетами, якобы легально выпускавшимися правителем Готфии. Как заметил Прокопий, варварские государи не решались чеканить золотую монету, причем не потому, что у них не хватало золота, а по причине того, что они такую самостоятельную выпущенную монету «...не могли ввести в обращение с ведущими с ними торговые дела, хотя бы торговцами были даже сами варвары»³⁵⁴. Тем более на такой политико-экономический демарш не отважились бы привыкшие к оглядке на Византию власти «крымской глубинки», чьим торговцам — «эмпориям Готфии» приходилось вести дела в Константинополе.

В активно действовавшей морской эмпории Партениты, на поселениях Таврики известны находки амфор константинопольского типа, белоглиняной поливной керамики вместе с многочисленными высокорыми кувшинами второй половины IX–X вв.³⁵⁵ Фрагменты византийской белоглиняной поливной столовой посуды нередко встречаются в приморских центрах Южного Крыма, на месте Симеиза, Гурзуфа, Верхней Ореанды, крепости Алустан, Сугдеи, Тепсея, а также в глубине горного Юго-Запад-

ного Крыма, где они известны на Эски-Кермене, Мангупе, а в наиболее значительных количествах – в Херсоне, Бакле и Боспоре³⁵⁶.

Особое внимание привлекает находка византийского белоглиняного поливного блюда IX в., сделанная в 1988 г. при раскопках одного из помещений (№ 78) дома в крепости Алустон, примыкавшего к оборонительной стене IX–X вв.³⁵⁷ Рельефное изображение на нем большой рыбы в центре и четырех меньших по сторонам явно несло символическую нагрузку, связанную с образом Иисуса Христа и Евангелистов, а греческое граффити, процарапанное на поддоне, указывает на то, что сделавшие его хозяева блюда, возможно, выполнявшего роль дискаса, пользовались в обиходе этим языком. Видимо, вполне насущным здесь стало строительство в X в. небольшого храма³⁵⁸. Не позднее IX столетия датируется известняковое надгробие с плохо сохранившейся греческой надписью, упоминавшей Феодора, которое также было найдено около Алустана в 1886 г. при раскопках одного из могильников, издревле считавшегося у местных жителей старинным кладбищем греков³⁵⁹. Вообще показательно, что немногие подобные греческие эпитафии, найденные на Сахарной Головке недалеко от Инкермана, на Бакле и в других местах Юго-Западного и Южного Крыма, относились к христианам, носившим греческие и аланские, тюркские имена³⁶⁰. Наряду с прочими надписями, монограммами, отдельными греческими буквами — граффити на камнях, посуде (даже салтовского типа), таре, украшениях, они обнаруживают пусть и безграмотное, без «итализмов», но все же базовое знакомство местного гетерогенного, христианского населения, впитавшего в себя ромейский, скифо-сарматский, таврский, готский, аланский и болгарский компоненты, с греческой фонетикой, простонародным разговорным языком — димотикой и письменностью, их постоянное, обиходное использование в быту³⁶¹. Это самым убедительным образом указывает на то, какие культурные и ментальные процессы развивались и доминировали в здешней «синтезной контактной зоне», несмотря на влияние Хазарии, а позже и Печенегии.

Не приходится говорить и о Судее этого времени как о хазарском городе. Отсутствие с середины IX в. имперских коммерциариев среди моливдулов из судейского собрания печатей при одновременном появлении здесь печатей стратигов Херсона может свидетельствовать не о сокращении торговли и о резком падении ее значения в жизни Судеи, а о переходе ее во второй половине IX–X вв. из-под контроля властей Херсонского архонтата под контроль властей новообразованной фемы в лице херсонского стратига и подчиненных ему коммерциариев Херсона, печати которых, напротив, появляются в херсонском сфрагистическом архиве как раз с середины IX в.³⁶²

Вероятно, прежде всего именно обоюдное развитие тесных связей Империи с Херсоном, Судеей, Южной, Юго-Восточной Таврикой и Боспо-

ром, который к концу IX в. окончательно оставили в покое воинственные хазары и не особенно тревожили новые пришельцы из степей, стало основной причиной очередной стабилизации жизни почти всего края³⁶³. Ныне принято считать, что к концу IX в. пределы Хазарии не заходили на запад далее Дона. Ибн Русте, отразивший ситуацию, сложившуюся к 880-м гг., указывал, что между «страной печенегов», находившейся тогда уже на правом берегу Дона, и «землей хазар» «10 дней пути по степи и лесам», причем без торных дорог и прямых путей, а «от хазар до Серира (Страны гор — Аварии)» — «12 дней пути по степи», т.е. при любых понятиях дня пути (пешего или верхом) речь шла о нескольких сотнях километров — от 250 до 700³⁶⁴. Что касается Боспора, то совершенно очевидно, что хазар уже не было в нем в 873–875 гг., а может быть, и раньше, в период первого патриаршества Фотия (859–867), когда последний одобрял в письме к архиепископу Антонию Боспорскому благодатное решение крестить всех боспорских иудеев, таким образом «пленных на послушание Христу»³⁶⁵. Очевидно, это решение отражало имперскую политику в отношении обязательного крещения евреев в Византии, даже если допустить, что оно касалось не местных евреев, а только беженцев из Хазарии, хазар-иудаистов³⁶⁶. Подобная акция, как подчеркивают исследователи, была бы совершенно невымыслима в городе, удерживаемом хазарским гарнизоном и, следовательно, остававшимся под властью хазар, уже массово принявших иудаизм, радевших о защите его прозелитов³⁶⁷.

В ареал приоритетных контактов следует включить и Приазовье — Подонье, на что указывают находки в этом регионе амфор и кувшинов, аналогичных херсонским. Обнаруженный в городе в комплексах последней трети IX в. один из видов массовой тары — красноглиняные стройные кувшины «тмутараканского типа» с характерными плоскими ручками и удлиненным раструбом-горлом, в изобилии производившиеся в Таматархе (Горгиппии), на Таманском полуострове, определяют начало времени активизации постоянных торговых контактов с этой зоной³⁶⁸. Ранние экземпляры отличал темно-красный, почти коричневый обжиг и венчик диаметром в 6–8 см. Следы кораблекрушения судна, везшего большое количество таких кувшинов, зафиксированы около югобережного мыса Плака, что указывает на их транспортировку морским путем³⁶⁹. Скорее всего, в своей массе они служили тарой для нефти, которую добывали из источников около Таматархи с целью продажи для освещения, а также использования в военных целях, как ингредиент для изготовления «жидкого огня», и именно поэтому в массе своей (до 80%) кувшины покрыты изнутри смолистым черным веществом³⁷⁰. Спектральный и люминисцентный анализ этого вещества из слоев IX–X в. в портовом районе Херсона подтверждает его нефтяной ха-

ракти и происхождение с Керченского или Таманского полуострова³⁷¹. Фрагменты таких кувшинов в громадном количестве находят в Саркеле и почти на каждом поселении Крымского полуострова, причем их количество постепенно увеличивается к концу IX в. и достигает пика в X в. Судя по близости структуры черепка, наличию промежуточных форм, наиболее вероятными районами производства сосудов этого типа, кроме Таманского городища, был Боспор, что не исключает возможности херсонского происхождения части столь ходовой продукции³⁷².

Находки некоторых типов византийской поливной посуды, особенно со штампованным орнаментом, свидетельствуют о торговых контактах с Империей и прежде всего с Константинополем, где продолжало развиваться ее производство, ставшее все более массовым³⁷³. Вместе с тем этот предмет импорта, видимо, еще оставался во второй половине IX в. среди немногих избранных, престижных товаров, которые плохо добывались до деревенской «глубинки». Только этим можно объяснить, почему при наличии тарной и столовой керамики местного, в том числе херсонского производства, на сельских поселениях, отстраивавшихся в это время под Мангупом и в других местах, отсутствовали белоглиняные поливные сосуды византийского производства³⁷⁴.

Будучи крупнейшим и активным экономическим центром всей северопонтийской торговли Византии, Херсон развернул в это время оживленный и, значит, выгодный товарообмен с кочевниками, поставляя им перекупленные ромейские товары, разнообразные ткани, выделанные высококачественные кожи, пряности, посуду, поделки из кости³⁷⁵. Гардизи, Марвизи и другие персидские, арабские авторы XI в., писавшие о происхождении, истории венгров, единодушно отмечали «...богатство и явный достаток от избытка торговли их», прежде всего с ромеями (ар-Рум)³⁷⁶. Уникальные подробности об участии в этой торговле византийского Боспора (в тюркской форме — К-р-ц, К-р-х, К-р-дж) сохранил арабский географ Ибн Русте. В «Книге драгоценных драгоценностей», передавшей отдельные части труда ал-Джайхани, составленного около 900 г. или 922 г., но отразившей сведения о венграх примерно для 70-х гг. IX в. (до 889 г.)³⁷⁷, он сообщал о меновой форме производившихся торговых операций и том специфическом товаре, какой венгры поставляли грекам. По его словам, ромейский рынок рабов в Восточном Крыму функционировал с четкостью отлаженного механизма: «...мадьяры (м-дж-г-р) нападают на славян и отправляются с пленными по берегу, пока не достигнут с ними порта страны ар-Рум, называющегося К-р-х...И вот подходили мадьяры с пленными к К-р-х, выходили к ним ар-Рум и торговали там, отдавали им рабов и получали румийский шелк, ковры и другие товары ар-Рум»³⁷⁸.

Этот пассаж напрямую не связан с историей экономики Херсона, но тем не менее заслуживает пристального внимания, поскольку обычно признают ориентированность раннесредневековых Херсона, Сутдеи, других центров южнобережного «микрорайона» Таврики на малоазийские провинции Византии, тогда как Боспор увязывают с областью степных предгорий Центрального Крыма, с северочерноморской степью и Приазовьем, что уже само по себе как бы автоматически изолирует его от южных связей³⁷⁹. Приведенное свидетельство арабского автора показывает ограниченность такого заключения и кроме того указывает на принципиально одинаковый ассортимент товаров, предлагавшихся кочевникам всеми византийскими центрами Таврики, а не только одним Херсоном, как это может показаться на основании хорошо известных слов Константина Багрянородного³⁸⁰. Кроме того, строки Ибн Русте заставляют усомниться в том, что именно венгры, заинтересованные в торговле с ромейским Боспором, были повинны в его разгроме, о чем свидетельствуют якобы следы перестроек, т.е. предшествующих разрушений некоторых городских кварталов, в чем, к слову, тоже можно сомневаться. Ведь по предположению К. Цукермана, это должно было произойти приблизительно в 860-е гг., т.е. как раз в то самое время, когда кочевники вполне мирно приходили к городу для участия в обмене с ромеями³⁸¹. Скорее уж в нападении на город можно заподозрить печенегов, появившихся у Крыма в последнее десятилетие или даже в последние годы IX столетия. Стратиграфические разработки А.В. Сазанова показывают, что в Боспоре после периода середины – второй половины IX в. действительно следует период конца IX – последней трети XI в., завершение которого тоже отмечено пожаром³⁸². Эти наблюдения не позволяют согласиться с В.Е. Науменко, предложившим искать причину разрушения и перестройки ряда портовых боспорских кварталов в упомянута кембриджским анонимом (документом Шехтера) походе хазарского военачальника (бул-ш-ци) Песаха на крымские византийские владения, в ходе которого оказались захвачены три ромейских города, среди которых якобы мог быть и Боспор³⁸³. На деле в местных материалах первой половины X в. следы этого рейда не фиксируются. Впрочем, имеющиеся результаты археологических исследований заставляют с осторожностью говорить и о разорительности печенежского появления в Крыму на рубеже IX–X вв., о том, что разгромленная ими страна «вновь запустела» и в ней отсутствуют поселения X в.³⁸⁴ К тому времени уже завершилась очередная переориентация местного сельского хозяйства на преобладание пастбищно-отгонного скотоводства, более удобного, нежели производство зерновых и винограда в условиях нестабильной внешней обстановки, поэтому едва ли новые пришельцы могли ухудшить ситуацию, к которой херсониты, как и жители

других византизированных приморских центров, давно успели приспособиться после развала мирных византийско-хазарских отношений. Во всяком случае, салтовские поселения исчезли из Восточного Крыма в середине X в., и в причине этого явления еще предстоит разбираться.

Закономерно, что по своему значению, а значит, и многолюдству, архиепископская кафедра Боспора почти ничем не уступала Херсону, располагаясь в епархиальных списках IX в. рядом, на 24 и 25-м местах³⁸⁵. В более поздней нотиции 901–902 гг., отразившей положение ближайших предыдущих десятилетий, имеющими архиепископские кафедры были названы Херсон, Боспор, Готфия, Сугдея и Фулы (21-е, 39, 46, 47, 48-е места в списке)³⁸⁶. Значит, Боспор стал обладать к этому времени примерно в два раза менее многолюдной кафедрой, чем Херсон, число прихожан в котором, напротив, несколько выросло, но зато превосходил прочие крымские автокефальные епархии. На синоде 861 г., созванном в Константинополе с целью укрепления авторитета патриаршества Фотия, из церковных иерархов Таврики присутствовали епископ Херсона, Павел, очевидно, незадолго перед тем сменивший славно потрудившегося, почившего Георгия, и епископ Боспора, Лука, что тоже говорит о влиятельности городов, которые они представляли³⁸⁷. Оба центра не теряли свой ромейский облик, отстраивались. Не позже конца IX в. вновь велось строительство жилых усадеб, устроенных по типично византийским градостроительным нормам, которые сохранялись до конца XI в., до очередного периода строительства³⁸⁸. Все это никак не соответствует надуманному, печально романтичному, устаревшему представлению о «старом полузабытом Боспоре», который якобы доживал свой век на восточной окраине Таврики среди запустевших земель³⁸⁹.

Интересно, что надгробие преподобному Никите, игумену парфенитского монастыря св. Апостолов Петра и Павла (abbas Niket[as], egioumenos tes monestous agious Apostolous), умершему в возрасте 53 лет 14 декабря 906 г., было сделано по заказу Николая, монаха и пресвитера «от Востора (аро Bosprou)»³⁹⁰. Упоминание о покойном как о «гостелюбце и нищелюбце» (philoxenos on kai philoptochos) может служить косвенным указанием на наличие в здешнем эмпории при храме св. Апостолов Петра и Павла, возможно, отстроенном или кардинально перестроенном именно в это время³⁹¹, монастырского ксенодохиона или птохиона, который принимал приезжих из Боспора и других византийских центров. Очевидно, местное византийское духовенство сохраняло связи и ощущало свою общность, которая поддерживалась постоянными контактами между городами, кастра Таврики.

Обращает внимание последующее укрепление позиций архиепископских кафедр Херсона и Боспора, отражающее рост их значения и численности паствы, поскольку в нотициях, составленных в течение 920–

980-х гг., они передвигаются соответственно с 2-го на 19 и с 39 на 32-е места³⁹². Херсонское архиепископство явно главенствовало на обширной территории вплоть до Горного Крыма включительно и, вероятно, носило бытовое название Херсакеи (Херсайкеи), судя по находке в одной из пещер на горе Басман надписи X в. с упоминанием Иоанна, входившего в число пресвитеров архиепископии Херсакеи³⁹³.

Сам Херсон оставался ромейским городом с доминирующей греческой общиной. Об этом говорит и техника строительства домов, и обряд погребений, и вся материальная культура в целом. Наличие иудеев в городе не меняло положения, хотя, судя по всему, еврейская община была: Константин Философ недаром учился здесь еврейскому языку и письму³⁹⁴. Еврейские общины были вообще многочисленными во всем Крыму, а в ранневизантийское время встречались даже в сельской местности, по крайней мере на Боспоре³⁹⁵. Эпиграфические памятники позволяют предположить складывание в городе с IX–X вв. еще и армянской колонии, которая вылилась в организованную общину не ранее XI в.³⁹⁶ Зато присутствие в Херсоне носителей салтово-маяцкой культуры отмечено слабо, хотя, вероятно, имело место. В частности, находки изготовлявшихся в городе кувшинов с росписью в виде кругов и елочек, а также медных, украшенных гравировкой бляшек — деталей салтовских поясных наборов могут свидетельствовать о том, что в хазарскую эпоху здесь селились выходцы из среды салтово-маяцкого населения: вероятность такого предположения подтверждается наличием на городском некрополе погребения, носящего следы влияния салтово-маяцкой культуры³⁹⁷. Окрута Херсона в это время этнически была чрезвычайно пестрой, однако проникновение элементов варварских культур в город, как и прежде, было незначительным. Примечательно, что население, придерживавшееся прежде обычая искусственной деформации черепа, в результате ромеизации оставило его в далеком прошлом³⁹⁸. «Салтовские» горшки, встречающиеся повсеместно на поселениях Юго-Западного Крыма, для Херсона необычны, и даже среди лепных сосудов, кувшинов с лощением и с налпами на ручках, какие обычно относят к группе кочевнической керамики, лишь один сосуд можно уверенно связать с салтово-маяцким производством³⁹⁹. Также не встречаются в городе жилища, характерные для болгар⁴⁰⁰, а использование сравнительно популярной среди местного населения Таврики кладки «в елочку» (opus spicatum) сведено к минимуму, что тоже не случайно⁴⁰¹. Возможно, в целом настороженное, а к середине IX в. ставшее еще более напряженным, враждебным отношение херсонитов к окружающим «толпам варваров» объясняет, почему выходцы из этого окружения с трудом интегрировались в среду горожан, остававшихся для них чуждым обществом даже в случае принятия крещения и перенятия некоторых элементов ромейской культуры. В византийском го-

роде они могли оказаться только временно либо среди эксплуатируемого, т.е. социально неполноправного населения, что тоже делало отношения между ними и исконными, «прирожденными» херсонитами отнюдь не безоблачными. Впрочем, жизнь заставляла идти на контакты, особенно с теми чужаками, которые охотно перенимали ромейское и были падки до заморских товаров и чужого образа жизни.

С конца IX – начала X вв. в Таврике наблюдалась все более заметная переориентация хозяйства на производство продуктов отгонно-пастбищного скотоводства, как уже указано, удобного и надежного в условиях нестабильной обстановки и в определенной мере стимулируемого контактами ромеев с кочевниками⁴⁰². Эти продукты, необработанные шкуры, воск, скупаемые у степняков через торговцев византийской Таврики, перепродавались затем в Константинополе и других южночерноморских портах в обмен на хлеб, вино и прочие «произведения», «плоды» (*gennemata*), причем в сложившейся обстановке сами жители крымских кастра и одновременно портов-эмпориев были жизненно заинтересованы в поддержании подобной посреднической торговли, в свою очередь выгодной для Империи X столетия и по экономическим, и по политическим причинам⁴⁰³. В данном случае херсониты не случайно оказались орудием византийской дипломатии в сношениях с печенегами и действительно «привлекали их на сторону Византии против усилившейся Болгарии»⁴⁰⁴. Как дважды наставительно повторил Константин Багрянородный, без такой торговли они не смогли бы существовать, а точнее, «иметь силы» (*ou dynantai zesai*). Особо следует подчеркнуть ее активный характер, ибо горожане-предприниматели то и дело сами пускались в плавание к Константинополю и другим заморским византийским портам, где их всегда можно было застать во время навигационного сезона⁴⁰⁵. Не имея собственной аграрной базы и не располагая условиями для ее развития, они были преимущественно торговцами либо связаны с промыслами, ремеслами. Говорить о них как о земледельцах, даже хотя бы напополам, как это было в далматинских приморских центрах, не приходится⁴⁰⁶.

Судя по тем районам южного берега Черного моря, что указаны в трактате царственного автора, Херсон должен был осуществлять наиболее прочные, стабильные торговые морские связи с помощью чужих и своих судов с такими давними контрагентами, как Амастра (Амастрида) и Синоп в феме Пафлагония, Сампсон и Аминс (Амис) в феме Армениак, Ватиса, Керасунт и Трапезунд в феме Халдия (Понт, Понтика), а через них, особенно через Аминс, — с глубинными районами Малой Азии, прежде всего, с Ганграми, Амасией, Севастией, пунктами нахождения коммеркиариев⁴⁰⁷. Среди них особенно выделялась своим значением центра реэкспортной, ярмарочной торговли Амастра — «око Пафлагонии», согласно описанию

епископа Никиты-Давида Пафлагона в конце IX – начале X вв., общий панигир, куда стекались «...Скифы, живущие на северной стороне Евксина, а равно и те, которые расположены к югу», т.е. народы Таврики и подданные василевса из Малой Азии⁴⁰⁸. В Похвале амастридскому мученику Иакинфу автор отмечал удобства Амастры, ее пышные постройки, крепкие стены, прекрасные гавани и «издревле знатных» жителей, но главное, что все приезжавшие туда, а значит, и херсониты, приносили на торжище свои товары и получали взамен то, чем располагал город. Обладал же он, по словам Никиты, многим, ибо «...во всем, что привозится и сушей или морем, здесь нет недостатка»⁴⁰⁹. Примечательно также, что, перечисляя северомалозийские земли — контрагентов Херсона, Константин Багрянородный особым, персонально назвал лишь один портовый центр — Аминс Армениаков, очевидно, по причине его широкой известности как поставщика продуктов и всего необходимого для херсонитов и прочих «Скифов, живущих на северной стороне Евксина»⁴¹⁰.

Следует подчеркнуть, что Херсон особенно славился как крупный центр реэкспортной, посреднической торговли воском. Это наблюдение фиксировалось, но должным образом не оценивалось исследователями⁴¹¹. Между тем василевс отмечал в своем пространном наставлении сыну Роману, как будущему императору ромеев, что его подданные — херсониты вступали в торговые соглашения с кочевниками, приходившими к городу, давали им «поручения», использовали для «служений» (*doubleias*), которые те выполняли за вознаграждение в виде влаттиев, прандиев, харериев (высококачественных, крашенных пурпуром тканей, занавесей, византийских и привозных из Сирии одежд, плащей, накидок, покрывал, лент), поясов, перца, красных парфянских кож и «других предметов, требуемых ими» (*kai etera eide ta up' auton epizetoumena*)⁴¹². Восточные авторы тоже отмечали, что наряду со стадами многочисленных коней и баранов печенеги «...имеют много золотой и серебряной посуды, много оружия. Они носят серебряные пояса»⁴¹³. Видимо, немалая часть всех этих предметов проходила через руки херсонитов, торгашей-посредников, искусно использовавших к немалой выгоде для себя соседство с варварами. Такой явно неэквивалентный, как и прежде, без использования денег, обмен с ними покоился на торговой эксплуатации варварского населения, т.е. эксплуатации не принуждением, а экономическими методами. Основными же товарами, поступавшими теперь в Херсон в результате обменных операций с кочевниками, стали не продовольствие, как прежде, а невыделанные шкуры — «вирсы» и воск, в свою очередь перекупленный печенегами у росов, который херсониты на своих кораблях, а также на «судах и суденышках Понта» переправляли в Романию, т.е. в заморские пределы Империи. По уверению василевса, без ведения такой торговли город не смог

бы «иметь силы», значит, в X в. именно она была жизненно необходима и составляла стержень, основной источник благосостояния для многих горожан⁴¹⁴. Учитывая, что под термином «кириа» (*ta keria*) понимался не только воск, но и готовая продукция из него, отлитые свечи, логично допустить переработку хотя бы части от того большого количества сырья для свечного дела, проходившего через город и его порт, местными кирулариями с целью продажи изделий на вывоз⁴¹⁵.

Очевидно, столичные кируларии, объединенные в торгово-ремесленную ассоциацию – систему, и имевшие свои торговые ряды с эргасториями на форуме Константина (до квартала Психи), у Св. Софии и, видимо, рядом с некоторыми другими столичными церквями⁴¹⁶, были особенно заинтересованы в получении сырья для своего ремесла, а может быть, и партий готовой продукции, которую они с выгодой могли бы перепродать. На такого рода отношения указывает неопубликованный херсонесский моливдул из собрания К.Д. Смычкова, который датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Он имеет диаметр 22 мм, толщину 2 мм. На лицевой стороне печати ясно различим шестиконечный, пышно процветший крест на ступенях, заключенный в круговую надпись — обращение к Божией помощи (*Kurie, boethei to so doulo*). Основные ветви цветения поднимаются выше первой перекладины креста и заходят за нее, ниже опускается цветущая ветвь. На обороте — надпись в четыре строки: *Petro keroulario amen* («[Господи, помоги рабу] Петру, кируларию. Аминь»). Этот моливдул может быть поставлен в один ряд с редкой археологической находкой в Судаке более ранней византийской печати с именем Феофана халкопрата — торговца медью и медными изделиями, которая относится ко второй половине VIII в. или рубежу VIII–IX вв.⁴¹⁷. По мнению публикатора моливдула, он был прикреплен к деловому документу, посланию, сообщавшему об отправке груза в Судею, а может быть, сопровождал доставку груза или содержал предложение о продаже товаров. Очевидно, схожую информацию, только касавшуюся не меди, а воска и свечей, нес присланный в Херсон документ, который, видимо, официально разрешал свечнику Петру заниматься такого рода операциями. Конечно, экспорт готовой продукции был более прибыльным, чем поставки на рынок необработанного сырья, и едва ли местные предприниматели упустили бы такую выгодную возможность и конъюнктуру.

Агиография, далекая от фальши в фиксации бытовых реалий, тоже отразила наличие херсонского свечного дела в том месте Жития Константина, где речь идет о проповеди, осуждающей фетишистские обряды заблудшего в грехе «народа фульского». Составитель Жития отметил, что собравшись рубить старый дуб, которому по давнему обычаю поклонялись местные жители, старейшина и другие приняли участие в совершении очи-

стительной церковной церемонии: «взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву»⁴¹⁸. Показательно, что своих восковых свечей у них не было, и они пользовались теми, которые Константин принес с собой из Херсона, где он находился в 861 г. Видимо, здесь в них не было недостатка. «Слово на перенесение мощей преславного Климента», составленное кем-то из видных херсонских клириков, рассказывает, как херсониты во главе со стратигом Никифором «огнем множества свечей» издали поведали тем, кто вез мощи св. Климента, что их вышли встречать⁴¹⁹. Довольно частые находки бронзовых штырьевых подсвечников и их отдельных деталей тоже подтверждают широкое, прочное внедрение свечей в быт. Изготавливали подсвечники и из белой глины, которую покрывали глазурью, чаще всего ярко-зеленого цвета. Вероятно, без них, как и прежде, не обходился также православный обряд погребения, судя по обнаруженной в 1910 г. в некрополе у Карантинной бухты части поливного подсвечника, который оказался в верхней насыпи вырубного позднеермисского склепа с двумя монетами Василия I и обломками белоглиняной поливной посуды⁴²⁰.

Не исключено, что местные кируларии находились в зависимости от Херсонской архиепископии, поскольку в византийскую эпоху свечное дело стало в значительной мере церковной монополией⁴²¹. В этом чувствуется растущее влияние Церкви на «светские» сферы жизни. Но даже если местные свечники работали теперь главным образом на заказ, их заказчик в свою очередь был ориентирован на рынок и, если говорить о Херсоне, мог рассчитывать получать прибыль — кerdos от вывоза за море. Поэтому наряду с солью, продуктами сельского хозяйства и разными прочими, наиболее необходимыми ремесленными изделиями, свечи и здесь, очевидно, попали в число самых обиходных, самых спрсовых вещей, став одним из основных предметов местного производства.

В целом, историческая ситуация в очередной раз показала, что даже в раннесредневековом мире, причем в неспокойные времена, можно безбедно существовать, не обязательно имея в избытке собственную аграрную продукцию. Если оценивать состояние различных сфер производственной деятельности Херсона, то нельзя заметить отставания их от общеимперского уровня развития, присущего эпохе. Но также невозможно не заметить, что на первый план, особенно к концу IX в. и в X в., явно выдвигается торговля, предпринимательская сфера деятельности, которая занимает ведущее место рядом с промыслами и тем более ремеслами, сельским хозяйством. Для херсонитов, даже их верхушки, видимо, значительно выгоднее было заниматься перепродажей, торговлей, особенно морской, накапливать таким образом состояния, чем вкладывать деньги в производство, что вообще характерно для экстенсивного пути развития экономики докапитали-

стических обществ. Зде́шнее общество становится в значительной степени обществом торговцев, наглядно доказывающим возможность и выгодность такого способа существования именно на грани варварского и ромейского миров. Византия не вела себя пассивно, как могла поддерживала связи с регионом, слала сюда своих эмиссаров, не препятствовала активизации местной монетной чеканки. К концу хазарской эпохи жизнь все дальше удалялась от дней, когда горожане чувствовали себя «обитателями тюрьмы», текла налаженным руслем и сулила надежды, для которых были основания.

¹ Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / МГУ. М., 1999. С. 20, табл. II; с. 39; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 47.

² Якобсон А.А. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 131; Сазанов А. В. Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международ. конф. Тезисы докладов. Симферополь, 1994. С. 63–64; Сазанов А.В. Города и поселения... С. 40.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994. С. 95.

⁴ См.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 16–17 (там же библиография вопроса); Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак: пер. с англ. В.В. Швеца. Вып. 1 / Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Харьков, 2014. Т. 3. С. 326–328.

⁵ Ср.: Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х.Сб. 1997. Вып. 8. С. 33.

⁶ См.: Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Сб. 8. С. 42–45; Романчук А.И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. 1973. Сб. 10. С. 246–250; Романчук А. И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Сб. 11. С. 3–13; Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 52–68; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 30–46; Сорочан С. О строительной деятельности в раннесредневековом Херсонесе / Херсонес как критерии развития византийского провинциального города // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. // Матеріали наукової конф. Чернівці, 2000. С. 83–89.

⁷ Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 1411 / 1. Л. 76–81.

⁸ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 1283. Л. 5–12.

⁹ Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 41; Сорочан С. Б. Об эволюции фортификации византийского Херсона в VI–X вв. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 31–57.

¹⁰ Применительно к «темным векам» самым значительным стало землетрясение 740 г., эпицентр которого находился, вероятно, около западной оконечности Пропонтиды. Оно вызвало сильное разрушение домов и даже части оборонительных стен Константинополя, опустошение

Вифинии, причем особенно пострадали Никомидия, а также города Фракии (см.: Tradgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, Calif., 1997. P.356; Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса. Новосибирск, 1976. С. 161). Следующее столь же мощное землетрясение с магнитудой не менее 6–7 баллов, которое на сей раз поразило Херсон, произошло, очевидно, на рубеже X–XI вв., что, как и в конце VI в., тоже наглядно отразилось в последующей перепланировке отдельных кварталов, активизации строительства на их территории новых жилых усадеб и в перестройке ряда сильно поврежденных базилик в малые храмы-усыпальницы (см.: Сорочан С.Б. Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсонесе конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2004. Ч. 1. С. 266–272; Романчук А. И. К вопросу о «строительном буме» в Херсонесе во второй половине VI – первой половине VII в. // Проф. д. и. н. Тотю Тотева и столицата Великий Преслав. София, 2006. С. 124–133; Романчук А.И. «Слон разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182–188; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 300–301, 322–324, 621–627, 636–637; Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI веков). Севастополь, 2014. С. 24–40, 115–291.

¹¹ Ср.: Сазанов А.В. Хронология керамических комплексов... С. 62–63; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique // Colloquia pontica. 2000. Vol. 5. P. 123–149; Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX веке // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международ. конф. Тезисы докладов. Симферополь, 1994. С. 64.

¹² Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 20, табл. II (4 – V в.; 3 – VI в.).

¹³ Romancuk A. I. Cherson im Mittelalter // BS. 1992. Т. 53. F. 2. S. 207–208; Романчук А.И. Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 206; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 2965. Л. 7, рис. 16; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон ... С. 40–42, рис. 5, 1–6; 6,6; 7, 1, 3–6, 9–11; Седикова Л.В. Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 239–240; Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 674. Судя по находкам фрагментов высокогорных кувшинов с плоскими ручками, появившихся не ранее середины IX в., в это время были засыпаны колодец глубиной 6,2 м в квартале III, открытый в 1986 г., и еще один колодец, исследованный в 1975–1976 гг. в квартале I: «не исключено, что в это время грунтовые воды отошли на большую глубину, чем это было раньше, и надобность в высохших колодцах отпала, и их пришлось засыпать» (Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартал за 1986 год // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 2683. Л. 14–18, рис. 4). Отражением аналогичных процессов, затронувших не только сам город, но и его округу, могла стать засыпь водохранилища.

¹⁴ Романчук А.И. Очерки... С. 180–181, рис. 77–80.

¹⁵ Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 19, 36, рис. 5, 7; Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал... С. 33.

¹⁶ Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 29; Романчук А.И. Ранне-средневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 91.

¹⁷ Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х.Сб. 1927. Вып. 2. С. 181, рис. 44 (в склепе №2814 с материалом VII–VIII вв.); Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63. С. 274, 275, рис. 140, 2–3; с. 276, рис. 139, 3–7, 17, 18, 21, 22; Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне //

СА. 1982. № 3. С. 196, рис. 1,6; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 43–46, рис. 41–42, 6–8, 15, 22; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 197, табл. XXXII, 10–12, 14–16, 24, 27; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 65, табл. 37: 22, 32, 37, 38, 45; 36: 36, 40, 42.

¹⁸ Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 70–71.

¹⁹ Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб., 1891. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. С. 23; ср.: Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1. С. 259 (исследователь уточнил их датировку с VI в.).

²⁰ Ср.: Залеская В.Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т.н. «сирийских крестов» // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси 1965 г. Тбилиси, 1965. С. 91–93; Пуцко В.Г. Два фрагмента крестов-энколпионов из Крыма // АДСВ: Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 34; Куницкий В.А. Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія. 1990. №1. С. 108–113.

²¹ Куницкий В.А. Близькосхідні енколпіони... С. 113; ср.: Яшаева Т.Ю. Сакральные функции энколпионов: реликварий — крест — икона // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2004. С. 52–53.

²² Отчет за 1903 год // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 12. Л. 12–13; ср.: Пуцко В.Г. Два фрагмента крестов-энколпионов... С. 34. Глядя на кресты, за короткий срок обнаруженные при раскопках только в этом районе, возникает сомнение в справедливости вывода А. Мусина о том, что «для христианской культуры Херсонеса ношение нательных крестов было нехарактерно» (Мусин А. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 153; ср.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 154). Против этого свидетельствуют также находки бронзовых и каменных форм VI–VII вв. для отливки таких крестов (Отчет за 1898 год // Архив ГИАМЗХТ. Д. №7. Л. 7–8; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 328, рис. 180, 1–2; Яшаева Т.Ю. Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религовед. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2003. С. 50–51). Скорее, было нехарактерно класть их вместе с погребенными в могилы, на что указывает малое количество нательных крестиков из раскопок некрополя и поздних квартальных церквей-усыпальниц. Надевание креста еще не стало обязательным и при проведении частной службы крещения.

²³ Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2965. Л. 7, рис. 17, 2, 6, 10, 11; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3159. Л. 7.

²⁴ Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. Л. 7, рис. 19, 1; Седикова Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3107. Л. 6, рис. 19,2; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году. Л. 6, рис. 17,5; Айбабин А.И. О производстве поясных наборов... С. 194, рис. 5, 1–2; Айбабин А.И. Этническая история... С. 168, 197, рис.73, 6–9.

²⁵ Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1996 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3359 / 1–2. Л. 7.

²⁶ Ср.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. С. 115–190.

²⁷ Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. Л. 8, рис. 24, 2, 3; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году. Л. 6, рис. 21, 1, 2; Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году. Л. 7, рис. 4.

²⁸ Лейтон А.К. Технические характеристики транспортных средств раннего средневековья. М., 1970. С. 2–5; подр. см.: Сорочан С.Б. En pragmati. О профессиональной организации транспортировки грузов как виде услуг византийского рынка IV–IX вв. // Romaioi: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 340–357.

²⁹ Романчук А.И. Очерки... С. 92–94, 97–101.

³⁰ Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000. С. 74–75, 84.

³¹ Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 37.

³² Кадеев В.И. История и археология... С. 90.

³³ Ср.: Кадеев В.И. Указ. соч. С. 90, прим. 158.

³⁴ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 389–393.

³⁵ Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Киев, 1994. С. 18, 19; Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1996. С. 116–117, 120; Романчук А.И. Очерки... С. 108.

³⁶ Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город. Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 августа – 4 сентября 1994 г. Екатеринбург; Севастополь 1994. С. 12.

³⁷ Крым: дорога тысячелетий / Упорядн. В.А. Сидоренко. Симферополь, 2001. С.159

³⁸ См.: Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 509–543; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII в. // ПИФК. 2006. Вып. 16/1.

³⁹ Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 123.

⁴⁰ См.: Сорочан С.Б. О численности сакральных сооружений и клира в византийском Херсонесе VI–X вв.: предварительные итоги // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2013. Історія. Вип. 47. С. 82–94.

⁴¹ Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12. С. 199; Айбабин А.И. Этническая история... С. 119–120, 143, 148, рис. 58, 1; Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001. С. 12; Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. Симферополь, 2004. С. 131, 135, 139.

⁴² Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 66–67; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000. Ч. 1. С.139–140.

⁴³ А.И. Маркевич также писал, что члены ТУАК «поражены были массой высеченных в скале углублений или цистерн», которые, учитывая наличие обильных источников воды на Бакале, служили для сыпки зерна, а не для воды (Маркевич А. Экскурсия на гору Бакала и в деревню Мангуп // ИТУАК. 1889. №8. С. 110–112). Ср.: Кеппен П.И. Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 321–322; Марков Е.А. Очерки Крыма. 2-е изд. М., 1884. С. 521–522.

- ⁴⁴ Мыц В.А. О локализации Фула и Фульской епархии // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 119.
- ⁴⁵ Сорочан С.Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Междуна-род. науч. археол. конф. 14–17 ноября 1995 г. Самара, 1995. С. 80; Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике... С.116–118.
- ⁴⁶ Романчук А.И., Шандровская В.С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995. С. 45–46; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 325; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 482, 546–547, 578–579, 598–599, 644–650, 660–665; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 680–1208.
- ⁴⁷ Teall J.L. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330–1025 // DOP 1959. №13. P. 133.
- ⁴⁸ Эти поселения не имели упорядоченной планировки, но были значительными по площади и количеству построек, иногда обнесены оградой толщиной до 3 м. К примеру, южно-бережные поселения Хаспио в Ласпи, Артекское, селище на Аю-Даге, Капель и Ураги занимали площадь 25 га, на которой размещалось от 30 до 100 каменных домов, однокамерных или домов-пятистенок, сложенных из бута и покрытых черепицей-керамидами. В центре поселения нередко находилась однонефная или трехнефная церковь. См.: Яковсон А.А. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. №168. С. 192–193; Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972. С. 62–63; Яковсон А.А. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. С. 131, 136; Баранов И.А. Памятники ранне-средневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 241, 244–245; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1991. С. 148–149; Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 93–94.
- ⁴⁹ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике... С. 509–543; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 204–206.
- ⁵⁰ Активизация переселения алан и булгар, «салтовцев» главным образом в степи Керченского полуострова из Предкавказья и Кубани могла быть вызвана последствиями разорительной арабо-хазарской войны 722–737 гг., но стала заметной не ранее 40–50-х гг. VIII в. (Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 168–169; Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // ХА. 2002. Т. 1. С. 66–67; Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 462).
- ⁵¹ Ср.: Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. №1. С. 80–84.
- ⁵² Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 63; Айбабин А.И. Этническая история... С. 197.
- ⁵³ Айбабин А.И. Этническая история... С. 200–201; Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 265; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 163–168.
- ⁵⁴ См.: Яковсон А.А. Крым в средние века. М., 1973. С. 44–47; Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гонимые центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 72–77, рис. 1; Тесленко И.Б., Лысенко А.Б. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. Київ, 2003. С. 270–272.
- ⁵⁵ Яковсон А.А. Крым... С. 45; Романчук А.И. Очерки... С. 106, 108, 113.

- ⁵⁶ Курбатов Г.А. Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 7; ср.: Яковсон А.А. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 19. С. 161; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 10.
- ⁵⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 41, 64, 156, 164.
- ⁵⁸ Ср.: Theophanis cronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 422–423; Mango C. Le developpement urbain de Constantinople, IVe – VIIe siecles. Paris, 1985. P. 57 suiv.
- ⁵⁹ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. Киев, 2003. С. 98–99, 190–191; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1026–1028 (см. список).
- ⁶⁰ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. С. 151–152.
- ⁶¹ Достаточно вспомнить, с какой легкостью и быстротой (parachrema — «тотчас, мгновенно») осенью 711 г. была собрана здесь для хагана солидная сумма залога золотом за Вардана Филиппика (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 41, 65, 157, 165).
- ⁶² Ср.: Яковсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 37.
- ⁶³ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е 4–4. М., 1962. С. 18.
- ⁶⁴ Constantini Manassis Breviarum historiae metricum / Rec. Im. Bekkerus. Bonnae, 1837. P. 80–81.
- ⁶⁵ Ср.: Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 99; Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона... С. 63; Айбабин А.И. Этническая история... С. 197.
- ⁶⁶ Семенов С.А. Византийские монеты Келатейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1991. Вып. 31. С. 126–127; Семенов А.И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докл. М., 1996. С. 30–31; Безуглов С.И., Науменко С.А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. 1999. №1. С. 35–36, 37, 40–41.
- ⁶⁷ Баранов И.А. Грунтовые могильники второй половины VII–X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 166; Аксенов В.И. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // ХА 2002. Т. 1. С. 14.
- ⁶⁸ См.: Пяташева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 151–152.
- ⁶⁹ Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 165–192; Айбабин А.И. Раскопки раннесредневековых могильников в горном Крыму // АО 1982 г. М., 1984. С. 239–240; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 41–50, 59; Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 46; Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 122–128, 130; Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 118–121; ср.: Герцен А.Г., Мангуп крепость федератов. С. 10–11; Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 27). Симферополь, 1995. С. 85–86.
- ⁷⁰ Падалка Ю.В. Отчет об археологических разведках в урочище Алсу — 2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2323. Л. 2–6, рис. 8.
- ⁷¹ Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата... С. 10; Омелькова Л.А. Ранне-средневековый могильник в Бельбекской долине // Византия и средневековый мир : АДСВ. Симферополь, 1990. С. 73–94.

⁷² Рудаков В. Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1914. Л. 12, рис. 34.

⁷³ Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter. S. 208; Романчук А. И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города. С. 12.

⁷⁴ Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // *Byzantino-bulgarica*. 1981. Т. 7. С. 324, рис. 5, 1–4; Романчук А.И. Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докл. Душетской конференции. Тбилиси, 1984. С. 65; Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон... С. 44; Ломидзе Е.М., Ченцова В.Г. XIII Всесоюзная сессия византистов (Ростов, 22–25 ноября 1990 г.) // ВВ. 1992. Т. 53. С. 215.

⁷⁵ Ср.: Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. С. 147; Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. Свердловск, 1976. С. 40, прим. 8.

⁷⁶ Ср.: Любавина Н.А. Купля-продажа в римской правовой традиции и современном частном праве // *Forum Romanum*. Доклады III междунаро. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 237.

⁷⁷ Романчук А.И. Ранневизантийский Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). Барнаул, 1992. С. 210–211.

⁷⁸ Особенно крупные гончарные центры по производству фляг, черепицы, северопричерноморских амфор I типа возникли во второй половине – конце VIII в. на южном побережье (Ялта, Ливадия, Мисхор) и в Горном Крыму (Трудолюбовка) (см.: Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 29 сл.; Баранов И.А. Ранняя средневековая печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии (АДСВ. Вып. 16). Свердловск, 1979. С. 112–116; Бабенчиков В.П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Записки Одесского археологического общества. Одесса, 1980. №1 (34). С. 275–280, рис. 4, 5, 8; Золотарев М.И. Херсонесский гончарный комплекс VIII IX вв. // Византия и ее провинции (АДСВ. Вып. 19). Свердловск, 1982. С. 147). Вероятно, оттуда они попадали на поселения в ближайших окрестностях Херсона, пример чему могут дать раскопки поселения Гасфорт (высота Безымянная) (Савеля О.Я., Падалка Ю.В. Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2608. Л. 4, рис. 6).

⁷⁹ Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 81–82; Глазунов В.В., Пелевина О.А. Опыт датирования гончарной печи по магнитной аномалии DT // Методы естественных наук в археологии. М., 1989. С. 81–94.

⁸⁰ См.: Якобсон А.А. Крым в средние века. С. 44–49; Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 29–39; Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики... С. 74, рис. 10, 15, 26, 28.

⁸¹ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 32–33, гл. 9; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 399–400, 426; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 11, 14.

⁸² Шангин М.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. №3. С. 83–84, №12; Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 36, прим. 16.

⁸³ Сорожан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. С. 302; ср.: Якобсон А.А. Керамика... С. 36–38, рис. 18.

⁸⁴ Стржеleckий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 141, 158–159.

⁸⁵ Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Бакалы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996. С. 136–144. Предположение о включении винодельческого комплекса с тарапаном в состав комплекса монастыря VIII–IX вв. на городище Бакала встретило возражение Ю.М. Могаричева, который предложил иную схему развития скальных сооружений на этом участке. Он считает винодельческий комплекс предшествующим склепам, которые позже были вырублены рядом с ним. Наземный храм, по его мнению, не имел отношения к монастырю и появился не ранее X–XI вв. (Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 93–94). Если это и так, существование здесь винодельни в предшествующее время бесспорно. Остатки тарапанов, высеченных в скале, зафиксировали в 1889 г. члены ТУАК во время своей экспедиции на вершину Бакалы. А.И. Маркевич описывал их как «продолговатые, четырехугольные углубления» (Маркевич А. Экскурсия на гору Бакала и в дер. Мангуш. С. 112).

⁸⁶ Веймарн Е. Чорейф М. «Корабль» на Каче. Симферополь, 1976. С. 36–37.

⁸⁷ Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. С. 110–111; Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 113–116; Талис Д.А. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 104; Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. С. 152–154; Даниленко В.Н. Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 82; Мыц В.А. О локализации Фулл... С. 119; Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Девичья крепость. Симферополь, 1999. С. 18.

⁸⁸ Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 152–153, рис. 100–103; Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Девичья крепость. С. 30–31.

⁸⁹ Ср.: Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 154.

⁹⁰ Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 119; Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. С. 29–30; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 63; Герцен А.Г. Дорос — Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 104; Герцен А.Г. Хазары // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004. С. 104.

⁹¹ Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // ХА. 2002. Т. 1. С. 32.

⁹² Сырье для виноделия действительно свозили снизу, из долин, но непонятно, на чем строится посылка А.Г. Герцена о том, что это осуществлялось при административном контроле со стороны царского домена Хазарии, и лишь с конца VIII в. и позже (Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. С. 63; Герцен А. Г. Хазары... С. 32–33; Герцен А.Г. Дорос — Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2002. С. 18). Ни письменные, ни вещественные источники не дают оснований для такой определенности.

⁹³ Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского государственного университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году. Л. 1–10, 25.

⁹⁴ Несмотря на большую вместимость от 5 до 25 ведер и наличие крышек, автор необоснованно называл такие пифосовидные сосуды амфорами (см.: Маркевич А. Экскурсия на гору Бакала и в дер. Мангуш. С. 108, 110, 113).

⁹⁵ Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2324. Л. 22–23.

⁹⁶ Паршина Е.А., Савеля О.Я. Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3068. Л. 73.

⁹⁷ Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Археологические разведки 1993 г. поселения Хаспио в долине Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3187. Л. 31.

⁹⁸ Яковбсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 33–38, рис. 15–17.

⁹⁹ Романчук А.И. Очерки... С. 204.

¹⁰⁰ Яковбсон А.А. Керамика... С. 36. Исследователь, признавая наличие шаровидных и яйцевидных пифосов, отмечал отсутствие пифосов с обручами — валиками в Херсоне VIII–IX вв., где, по его мнению, «ремесленное производство...захирело» (с. 35, рис. 15), однако находки фрагментов таких пифосов в слоях портового района 2 заставляют пересмотреть и это утверждение.

¹⁰¹ Яковбсон А.А. Крым в средние века. М., 1973. С. 47

¹⁰² Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 31–32.

¹⁰³ Яковбсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 31, 32, рис. 12, 1–2; 13, 1–4 (второй вариант амфор с бороздчатым туловом)

¹⁰⁴ Ср.: Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. С. 546; Герцен А. Г. Хазары. С. 104–105; Герцен А. Г. Дорос — Феодоро (Мангуп)... С. 104.

¹⁰⁵ Яковбсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 148, рис. 97; Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. С. 167.

¹⁰⁶ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989. С. 87; Яковбсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 148.

¹⁰⁷ Ср.: Яковбсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 148; Romanchuk A.I. Agreement and Diskrepancy between Written and Archeological Sources // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Shepherdstown, 1996. P. 268.

¹⁰⁸ Гиалевиц А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // Х.Сб. 1959. Вып. 5. С. 193.

¹⁰⁹ Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты (дополнение) // Нумизматический сборник. 1911. Т. 1. С. 108, № 2, табл. 13, 2; Белова Л.Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА. 1941. Т. 7. С. 328, №5, табл. 7; Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. 3. С. 103.

¹¹⁰ Алексеенко Н.А. Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х.Сб. 2003. Вып. 12. С. 346.

¹¹¹ ГИАМЗХТ, инв. № 91 / 35880; Опись коллекций за 1937 г. с № 35857–35904. Раскопки в Херсонесе // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 662-II. Л. 21; Белов Г.Д., Стрелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 87, рис. 38, 55, 53.

¹¹² Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. С. 87; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... С. 129–130.

¹¹³ Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки Херсониса в 1896 г. // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1897. Т. 5. С. 174.

¹¹⁴ Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году. Л. 6, рис. 20, 1. К сожалению, в отчете не указаны размеры и вес находки. Аналогичная по форме гиря из собрания Гос. Эрмитажа (d — 2,3 см, h — 0,7 см, 31,84 г.) соответствует 1 унции, однако буквенные обозначения на гире из раскопок засыпи водохранилища несут скорее указание на 5 унций (Γ°Ε), что является большой редкостью (ср.: Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2. С. 108, №132, табл. 47, 90; Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // НЭ. 1999. Т. 16. Табл. I, 8; Antonov D. Ancient Finds From the Vicinity of Butan, Vratsa District (1st – 6th C.) // Stephanos Archaeologicos in Honorem Prophetisiorie Ludmil Getov. Sofia, 2005. P. 23, fig. 9, 3, cat. №18, вес 63, 19 г.).

¹¹⁵ Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. С. 69.

¹¹⁶ Отчет за 1903 год. Л. 26; см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес... С. 215–216, 228–229; Сорочан С.Б. О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона // С. сб. 2012. Вып. 5. С. 218–229.

¹¹⁷ Сорочан С.Б. Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2000. № 485. Історія. Вип. 32. С. 39–48.

¹¹⁸ Айбабин А.И. Этническая история... С. 197.

¹¹⁹ Романчук А.И. Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докладов Душетской конференции. Тбилиси, 1984. С. 65.

¹²⁰ Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // ХА. 2004. Т. 3. С. 117–159; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма... С. 103–166.

¹²¹ См.: Яковбсон А.А. Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА АН СССР. 1977. № 150. С. 48; Яковбсон А.А. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города (МИА. № 85). М.; Л., 1958. Т. 2. С. 470; Яковбсон А.А. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 34; Кааинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 80.

¹²² Хождение ап. Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 276. 70–73.

¹²³ Грузинское «Житие св. ап. Андрея Первозванного» // Христианское чтение. 1869. № 8. С. 165.

¹²⁴ Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemou Apostolou Andreu egkomio symperlegmenai // АВ. 1894. Т. 13. Fasc. 3–4. P. 334, § 30.

¹²⁵ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма... С. 38.

¹²⁶ Псевдо-Арриан. Безымянный автор. Объезд Эвксинского Понта: Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. №4. С. 663; Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; Главы V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 170.

¹²⁷ См.: Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и др. СПб., 1884. С. 204.

¹²⁸ Emanov A. The Polyethnic Structure of the Protopolis of Kaffa (5th – 10th Centuries) // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent Universitz, Ankara, Turkey — 2–9 September 2001. P. 40.

¹²⁹ Кеппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма... С. 70–72; Чиперис А.М. К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья (вторая половина XIII века) // Ученые записки Туркменского гос. ун-та. 1964. Вып. 27. С. 36.

¹³⁰ Semenov A.I. New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8th Century A.D. Byzantine and Arab Gold Coins // *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia* (Archaeological Studies, № 16). Sankt Petersburg, 1994. P. 83–85.

¹³¹ Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // С. сб. 2004. Вып. 2. С. 439–440.

¹³² Деяния Вселенских соборов, изданные в русском пер. при Казанской духовной академии. Казань, 1873. Т. 7. С. 37.

¹³³ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. P. 89–97.

¹³⁴ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 82–83; Sandrovskaja V. Das Siegel eines XA/\КОПРАТНС aus Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 43–46.

¹³⁵ См.: Репников Н.И. Дневник раскопок... С. 176, рис. 34, склеп №2789; ср.: Айбабин А.И. Хронология могильников... С. 43, рис. 42, 22.

¹³⁶ Седикова Л.В., Сидоренко В.А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища Херсонеса // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 107, № 2.

¹³⁷ Домбровский О.И., Столбунов О.И., Баранов И.А. Аю-Даг — «святая» гора. Симферополь, 1975. С. 90–93; Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики. С. 117–159.

¹³⁸ Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма. С. 246–247.

¹³⁹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 98.

¹⁴⁰ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов... С. 80–89; Гущина И.И., Журавлев Д.В. Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Тезисы докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 45–50.

¹⁴¹ Ср.: Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21. С. 154–155, 157; Айбабин А.И. Этническая история... С. 197.

¹⁴² Ср.: Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон... С. 44; Романчук А.И. Очерки... С. 182, 204.

¹⁴³ Ср.: Romanchuk A. Trade cooperation in Taurian Chersonese as an exemple of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent Universitz, Ankara, Turkey — 2–9 September 2001. P. 40; Сорочан С.Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докл. Севастополь, 1997. С. 112–113.

¹⁴⁴ Бибилов М.В. Городское пространство и экономическая организация Северопонтийских портов. X–XV вв. // Античный и средневековый город / Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. Севастополь; Екатеринбург, 1995. С. 15.

¹⁴⁵ См.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 40–41, 63–65, 156–157, 164–165.

¹⁴⁶ Редактирование Морского закона в это время указывает на усиление государственного контроля за данной сферой частных взаимоотношений и права, что отражало общеимперскую тенденцию (Морской закон: Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 3–54; ср.: Харитонов Е. О. Історія приватного права Європи: Східна традиція. Одеса, 2000. С. 107).

¹⁴⁷ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... Paris, 1905. T. 12. Col. 971 (regr: Graz, 1960); PL. T.89. Col. 520.

¹⁴⁸ Ранние образцы византийской светлоглиняной и белоглиняной посуды поступали в город, возможно, уже во второй половине – конце VIII в. (Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 15; Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсоне-

се // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 648–649, тип II; ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 197.). Между тем А.Л. Якобсон полагал, что искусство поливной керамики появилось в Константинополе «не ранее второй половины IX в.» (Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 68). Однако надо заметить, что за последнее время представления о времени начала производства и использования такой посуды значительно «удерживались». Самые ранние поливные белоглиняные сосуды с врезным (гравированным) орнаментом (группа Glazed White Ware I) Дж. Хейс, основываясь на материалах из раскопок в константинопольском квартале Сарахане, относил к VII в., а более поздние — с растительным, геометрическим орнаментом, изображением рыб — к VIII — первой половине IX вв. (Hayes J. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton, 1992. P. 15–18; Francois V. De la ceramique en contexte a Istanbul // Journal of Roman Archaeology. 1994. Vol. 7. P. 512–519). Таким образом, поливная керамика археологически зафиксирована в Константинополе без каких-либо лакун в слоях так называемой раннеисаврийской стадии с монетами от Фоки (602–610) до Константина IV (668–685), позднеисаврийской — с монетами Юстиниана II (685–695, 705–711), Константина V (741–775), Льва IV (775–780); раннемакедонской — с монетами Никифора I (802–811), Льва V (813–820), Феофила (829–842), Василия I (867–886). Мало того, новейшие результаты раскопок в Югославии позволили установить существование византийской поливной керамики в период между V и VIII вв. (Spieser J.-M. La ceramique byzantine medievale // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. 2. VIIIe – XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. Paris, 1991. P. 250). Причем пока необъяснимо, почему ранние образцы такой керамики встречаются во внутренних районах и буквально единичны в находках вдоль адриатического побережья и в местных портовых центрах. Шейла Макнелли, занимавшаяся раскопками Сплита, пытается найти ответ в бедности и «уединенности» (gemote) города, но внутренние районы тоже не назовешь более богатыми или «посещаемыми» (McNally S. Split in the Byzantine Empire: The Archaeological Evidence // Acts XVIII International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. Shepherdstown, 1996. Vol. 2. P. 256). Все это заставляет начать пересмотр традиционных представлений о времени появления ромейской поливной посуды в Херсоне и его окрестных крупных сельских центрах, где она присутствовала меньше, чем в городе, что указывает на источник поступления (см.: Смокотина А. В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангуна // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 172–181).

¹⁴⁹ Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 194; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 202, 206, №11 (в шестистрочной (?) надписи видны лишь несколько букв, имеющих отношение к обозначению должности архонта, но нет оснований говорить о том, что он являлся еще и главным коммеркиарием, как полагает издатель печати).

¹⁵⁰ Н.П. Лихачев связывал деятельность эргастариархов — архонтов владения с таможенными досмотром, опечатыванием грузов тканей, одежды, подлежащих вывозу, короче, видел в них «... прикровенные печати коммеркиариев» (Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. 1924. Т. 3. С. 187–189, группа IV, 1–4).

¹⁵¹ Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 219; Oikonomides N. Silk Trade and Produktion in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. №40. P. 50–51.

¹⁵² Панченко Б.А. Каталог моливдовулов... С. 207–208, № 9; Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. С. 207–209, тип IX, 4; см.: Dunn A. The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios and the West // BMGS. 1993. Vol. 17. P. 3–24; Бардола К.Ю. К анализу сфрагистических источников о функциях коммеркиариев в Византии VI–IX вв. // Вісник Харківського державного університету. 1998. № 413. Історія. Вип. 30. С. 73.

- ¹⁵³ Византийская книга Эпарха / Вступ. ст, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. IV. 3; VIII. 1; IX. 6.
- ¹⁵⁴ Там же. IX. 6.
- ¹⁵⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 40, гл. 6. 8.
- ¹⁵⁶ Лихачев Н.П. Датированные византийские печати. С.208; Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. С. 232; ср.: Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B.C. 146 to A.D. 1100). New York, 1893. Vol. 1. P.310; Панченко Б.А. Каталог моливдовулов... С. 208, № 9; Иерусалимская А.А. Ткани собора св. Софии (в поэме Павла Силенциария) // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. А., 1988. С. 8–19.
- ¹⁵⁷ Византийская книга Эпарха. VIII. 1; IX. 6.
- ¹⁵⁸ Византийская книга Эпарха. IV. 1; 3; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I.Bekkero suppletus et emandatus. Bonnae, 1838. Т. 1. P. 688 (речь идет об одежде с узорами); Kontava-Delivoria B. Les oxea et les sceaux et les étoffes pourpres des siecles apres le 9e siecle // BZ. 1989. Bd. 82. P. 177.
- ¹⁵⁹ Алексеенко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности. 1996. Историко-археологический ежегодник. Харьков, 1997. С. 126, № 3. О буллотях (буллотирах) см.: Oikonomides N. Les Listes de preance byzantines des IXe et Xe siecles. P. 321; Kazdan A.A. Boullotes // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 1. P. 317.
- ¹⁶⁰ Ягич И.В. Новь найденное свидетельство о деятельности Константина философа, первоучителя славян св. Кирилла // Записки имп. АН. СПб., 1893. Т. 27. Кн. 1. Приложение 6. С. 6; Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 146.
- ¹⁶¹ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 140, комм. 13; Vavrinek V. Great Moravia Between Byzantium and the Latin West // GENNADIOC. K 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1999. P. 46–47.
- ¹⁶² Ягич И.В. Новь найденное свидетельство. С. 6–7, § 2.
- ¹⁶³ Там же. С. 6, § 2.
- ¹⁶⁴ Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 53–60, класс 26–35.
- ¹⁶⁵ Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы междунаро. конф. Симферополь, 1994. С. 64; Седикова Л.В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 134–136.
- ¹⁶⁶ Седикова Л.В. Столовая посуда... С. 135, рис. 3, 6, 14, 15.
- ¹⁶⁷ Житие Константина. С. 77; гл. 8; Житие и перенесение мощей св. Климента / Пер. П. Лаврова // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1912. Вып. 2. С. 216; гл. 2; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей словенских // Москва. 1991. № 5. С. 148–149. Коньектуру «сурьских письма» (вместо сомнительных «роуьскими письмами» или «роушскими письмами») впервые в виде гипотезы предложил А. Вэйан, и она была подхвачена многими историками (Vaillant A. Les «lettres russes» de la vie de Constantin // Revue des Etudes Slaves. Paris, 1935. Т. 15. P. 75–77). Упор, который делал Константин на изучение в Херсоне семитских языков, видимо, необходимых для усвоения сирийских богословских источников, а также хазарского языка, не должен нисколько удивлять. Проблема знания языка народа, к которому обращался миссионер, была едва ли не решающей, ключевой в деле успешности миссии, и правительственный посланец это отчетливо осознавал (Шевченко І. Реалітій місії очима Візантії. С. 19–21). Многие народы никогда не увидели свет Христов, поскольку миссионеры не знали их родного языка. Константин же уделял языковому вопросу особое внимание во время организации всех своих миссионерских поездок, что подчеркивал агиограф.

- ¹⁶⁸ Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. Свердловск, 1976. С. 39; Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantinobulgarica. 1981. Т. 7. С. 326.
- ¹⁶⁹ Житие Константина. С. 78, гл. 9. Херсон несомненно поддерживал достаточно регулярную водную, морскую и речную связь с хазарскими землями через Меотиду и Танаис. Иначе откуда бы в середине 830-х гг. взялись в городе херсонские гребные суда с малой осадкой (kamatera karabia), пригодные для плавания по Азовскому морю и Дону? (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. Гл. 42, 32–35, с. 170–173; Zuckerman C. Short Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // BMGS. 1997. Vol. 21. P. 213–214).
- ¹⁷⁰ Степанова Е.В. К вопросу о судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995. С. 13–14; Степанова Е.В. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 24–27; Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 231, 232; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 101–102.
- ¹⁷¹ Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62. С. 43, 74; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 56. По подсчетам, херсонские литые медные монеты IX–X вв. составляют больше 42% монетных находок на Таманском городище (Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР / САИ. Вып. Е 4–4. М., 1962. С. 175).
- ¹⁷² Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 71, 76, № 18.
- ¹⁷³ Кадеев В.И., Мещеряков В.Ф., Сорочан С.Б. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2326. Л. 18, рис. 52, 2.
- ¹⁷⁴ Пользуемся случаем поблагодарить К.Д. Смычкова за любезное разрешение воспользоваться сведениями об этой печати.
- ¹⁷⁵ Размер печати: диаметр 23 мм, толщина 3 мм. Расшифровку литер затрудняет слабый оттиск матрицы и ее смещение.
- ¹⁷⁶ Впрочем, если понимать под пратиконом или пратикционом указание не на продажу, а на некий конкретный торговый налог, тогда мы имеем дело с указанием на одежды, освобождавшиеся от уплаты такого налога, вынесенные вне пратикона или пратикциона («одежания вне налога»), т.е. не облагавшиеся налогом на продажу, отчего тюки с ними подлежали опечатыванию соответствующей печатью. Следует обратить внимание на пока не объясненное обстоятельство: после слова imatin или imation (среднего рода), указанного в именительном падеже, на печати стоят две точки, смысловое значение которых неясно. Слово же pratikou или pratikiou (после k имеются следы точки, возможного знака сокращения) тоже среднего рода, но стоит в родительном падеже.
- ¹⁷⁷ В географическом значении он употреблялся для обозначения территорий за пределами города, применительно к отдаленным странам (см.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. 1982. Т. 43. С. 70).
- ¹⁷⁸ Византийская книга Эпарха. VIII. 9; 11.
- ¹⁷⁹ Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens. P. 497. 16–26; Oikonomides N. Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Sofia, 1987. Vol. 1. P. 29–31; Сорочан С.Б. Об эволюции торгово-экономической политики Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Преслав. Велико Търново, 2013. Сб. 7. С. 244–246.
- ¹⁸⁰ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo. Graece et latini, e rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1929. Vol. 1. P. 661.

- ¹⁸¹ Haldon J. Byzantium. A History. Stroud, Gloucestershire, 2000. P. 79.
- ¹⁸² Ср.: Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 43–44; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 204; Romanchuk A. Trade cooperation in Taurian Chersonese as an example of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilken University, Ankara, Turkey – 2–9 September. P. 40.
- ¹⁸³ См.: Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892. С. 14, № 6; Раскопки в Таврической губернии. В Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 4; Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки Херсонеса // ОАК за 1913–1915 годы. Пг., 1918. С. 56; Гилевич А.М. Золотые монеты из Херсонеса // СА. 1959. №1. С. 267–268; Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX в. С. 39; Костромичева Т.И. Неизданные золотые монеты из Херсонеса // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 126–129.
- ¹⁸⁴ Ср.: Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века»... С. 43; Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. С. 326, табл. 3.
- ¹⁸⁵ Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. 12. Нумизматика №4. С. 16–25.
- ¹⁸⁶ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 113–116; Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. 1986. Т. 47. С. 209, № 1, 2.
- ¹⁸⁷ Кене Б. Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. 1855. № 11–12 (отд. отд.). С. 50; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905. Т. 3. С. 365, №13–15; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 39. Н.Н. Грандмезон, возражая против этого предположения В.А. Анохина, считал необходимым заметить: «Никогда, ни в античные времена (например, на Боспоре), ни в средние века (Византия), не обозначалось на монетах сначала имя, а потом титул правителя» (Грандмезон Н.Н. Указ. соч. С. 211). Но даже если монеты с буквами МВ были отлиты в 866 / 867 гг., невозможно сомневаться в том, что им предшествовали местные эмиссии более раннего времени.
- ¹⁸⁸ Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 156; Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1991. Т. 52. С. 217, № 2. Предположение тем более вероятно, что фактура указанных монет похожа на экземпляры некоторых столь же небрежно выполненных херсонесских монет середины IX в., поэтому их датировка на основании типа аверса 866–867 гг. сделана в духе ходового клише и малоубедительна (Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. С. 16–25; ср.: Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике... С. 217). Логичнее видеть в ней отражение фемных эмиссий, сделанных с разрешения Константинопольского правительства вскоре после образования фемы Климата, которые могли начаться с монет, отмеченных аббревиатурами КЛ или КЛМ и ПХ, несших указание на конкретный провинциальный имперский монетный двор, а не на «право полнотной чеканки» некой «муниципальной организации города» с ее некими «древними заслугами и привилегиями» (ср.: Орешников А. Херсоно-византийские монеты... С. 365; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 115, 125–126; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 38, 114; Гилевич А.М. Новые материалы... С. 217–218).
- ¹⁸⁹ Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет. С.156; Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НС. 1974. Вып. 5. С. 93.
- ¹⁹⁰ Theophanes continuatus. P. 240, 255; Продолжатель Феофана. С. 103, 109 (V, 18, 28).
- ¹⁹¹ Ср.: Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах. С. 211.
- ¹⁹² Белова-Кудь Н.А. Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. 1953. № 34. С. 256–257; Гилевич А.М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг.

- // АДСВ. 1973. Сб. 9. С. 29; Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса. С. 93; Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. С. 326; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112; Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2. P. 654.
- ¹⁹³ Iosephi Genesii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. Berlin, 1978. IV. 10; перевод см.: Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 107. До сих пор исследователи видели в них то корпус хазар, то дружину росов, т.е. как раз тех, кто не мог быть из византийской Таврики (ср.: Ahrweiler H. Les relations entre les byzantines et les Russes au IX siecles // Bulletin d'information et coordination. 1971. Vol. 5. P. 45; Бибииков М. В. Byzantinorossica. С. 87).
- ¹⁹⁴ Франко І. Сьвятій Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 59. Кн. 3. С. 196.
- ¹⁹⁵ Романчук А.И. Торговля Херсона в VII–XII вв. С. 326, табл. 3; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112, 113.
- ¹⁹⁶ Metcalf D.M. Coinage in the Balkans. 820–1355. Chicago, 1966. P. 25–28.
- ¹⁹⁷ Мурзкевич Н. Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 318.
- ¹⁹⁸ См.: Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет. С. 154.
- ¹⁹⁹ Алексеенко Н.А. Коммерция и коммерции Херсона в IX–X вв. // Россия — Крым — Балканы. Екатеринбург, 2004. С. 92–97; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 181–211, №95–135; Алексеенко Н.А. Таможня и коммерции Херсона // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013. Ч. 3. Приложение. С. 408–445.
- ²⁰⁰ Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris... // PG. 1864. Т. 100. Col. 1125 С.; Auzepy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. Aldershot, 1997. P. 131. 26–27, 175. 4, 8.
- ²⁰¹ Alexeenko N.A. Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. P. 8414; Alekseenko N. Les sceaux des archives de Cherson, temoigne des relations de Cherson et de l'Empire // XXe Congres International des Etudes Byzantines. College de France. Sorbonne, 19–25 aout 2001. Pre-actes. II. Tables rondes. Paris, 2001. P. 57.
- ²⁰² Ср.: Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судак: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаро. науч. конф. Киев; Судак, 2004. С. 39.
- ²⁰³ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. СПб., 1897. С. 97–98, рис. 244.
- ²⁰⁴ Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 82.
- ²⁰⁵ Бертге-Делагард А.А. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 117–118; Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 162.
- ²⁰⁶ Латышев В.В. Жития свв. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Известия АН. 1906. Серия VIII. Т. 8. № 3. С. 62, гл. 17; Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 112.
- ²⁰⁷ Сорочан С.Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 223–230.
- ²⁰⁸ Приносим благодарности Н.А. Алексеенко, любезно поделившемуся с нами результатами своих наблюдений.

²⁰⁹ Ср.: Якобсон А.А. Византия в истории средневековой Таврики. С. 154–155; Якобсон А.А. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 166; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 85.

²¹⁰ Описывая нападение авар и славян на Фессалонику в 586 или 597 г., архиепископ Иоанн отметил, что «конечно (без сомнения *amelei*), скорее спаслись те, кто убежал за пределы [города], чем решившие бежать в город» (Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995. С. 108. 19–20, § 127).

²¹¹ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч. 2. Приложения. СПб., 1900. С. 36.

²¹² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 103–108, с. 174–177.

²¹³ Ягич В.И. Вновь найденное свидетельство... С. 6, sec. 2; Vita cum Translatione S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. Р. 143, sec. 2.

²¹⁴ Гриневич К.Э. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 г. // Крым. М.; Л., 1928. № 2 (8). Вып. 2. С. 45–47, 63–71; Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs / Ed. by G.R. Mack, J.K. Karter. Austin, Texas USA, 2003. P. 132.

²¹⁵ См.: Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994. Вып. 4. С. 434–440; Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук / ИА РАН. М., 1997. С. 11.

²¹⁶ Ср.: Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 7–8.

²¹⁷ Могаричев Ю.М. К вопросу о византийско-хазарских отношениях в Крыму в середине IX в. // Хазары. Второй Международ. colloquium. Тезисы. М., 2002. С. 71–72.

²¹⁸ Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. М., 1990. С. 314; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского... С. 222–225.

²¹⁹ См.: Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 211–232; Сорочан С.Б. К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне // Lauea. К 80-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2007. С. 158–168; Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51. С. 165–171; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. С. 13–28, 190–191; Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 146–173; Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 15–17, рис. 9; Сорочан С.Б. О монастырском комплексе на Девичьей горке около Херсонеса // Небесные патроны и земные служители культа. IX Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2007. С. 47–48.

²²⁰ Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа (по рукописи бывш. Москов. Дух. Акад. хранящейся в Отделе рукописей Рос. Гос. б-ки, ф.173, № 19.) // Труды Славянской комиссии. Т. 1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1–36, гл. VIII, XII; Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. Р. 141, § 3; cf. § 2.

²²¹ Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. С. 52–53.

²²² ПСРА. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 51; Шестаков С.П. Очерки... С. 74–75; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 84–85; Приселков М.Д. Русско-византийские отношения IX–XII вв. // ВДИ. 1939. № 3. С. 101.

²²³ Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Сб. 9. С. 46, 51–52; Романчук А.И. Очерки... С. 92–94, 97–101.

²²⁴ См.: Золотарев М.И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 27–32; Кудь-Белова Л.Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса // ХСб. 1931. Вып. 3. С. 143.

²²⁵ Белов Г.Д. Работы в Херсонесе в 1931 г. // СТАИМК. 1932. Вып. 1–2. С. 61.

²²⁶ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1909. Л. 5–6, 8–9 (цистерны П-1 и П-2).

²²⁷ Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1411 / 1. Л. 19–20, 85–86.

²²⁸ Там же. Л.110

²²⁹ Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2480 / 1. Л. 8–9.

²³⁰ Кругликова И.Т. Отчет о раскопках совместной Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР и Гос. Херсонесского заповедника в 1986 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2709. Л. 31–33. Видимо, список рыбозасолочных цистерн Херсонеса, составленный А.И. Романчук, нуждается в уточнении. Он превышает цифру 101 и должен быть расширен по меньшей мере до 110 (ср.: Романчук А.И. Очерки... С. 97–101).

²³¹ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 623 / 1. Л. 30–32.

²³² Подробнее о скансенах салинах херсонитов в «заливах и бухтах» (*limnai kai limenes*), которые располагались «посреди (в середине, между, в промежутке)» (*en to meson*) расстояния от Херсона до Днепра, и о способе добычи соли выволакиванием из озер и специальных приготовительных (матовых) и садовых неглубоких искусственных бассейнов, транспортировке продукции см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 69–71, с. 174; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 415–416; Иванова С.В. Добыча соли в Северном Причерноморье и Крыму (по археологическим и историческим данным) // Археологія: можливості реконструкцій (Археологія і давня історія України. Вип. 2). Київ, 2014. С. 7–10, 14–16. По мнению В.А. Кутайсова, промысел развивался с IV в. до н.э. на основе обширной группы соляных озер между Евпаторией и Бакальской косой, т.е. не выходил за пределы Крыма (Кутайсов В.А. Соляной промысел в Северо-Западном Крыму // Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 153–154).

²³³ Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 158–159; Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 279, 282–283, рис. 1, 18.

²³⁴ Иванова С.В. Добыча соли... С. 10.

²³⁵ Кутайсов С.В. Археологическая карта... С. 276, 277.

²³⁶ Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000. С. 56–57; Марченко Л.В. Экологическая среда на территории Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1996. С. 21–22.

²³⁷ Белов Г.Д. К вопросу изучения экономики Херсонеса эллинистического периода // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 179; Иванова С.В. Добыча соли... С. 8–9.

- ²³⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 69–71, с. 174.
- ²³⁹ La Vie grecque de S. Jean le Psichaites, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. C. Van den Ven // Le Museon. Nouvelle Serie. Louvain, 1902. Т. 3. Р. 118–120, § 8–9; Лопарев Хр.М. Византийские жития святых VIII–IX веков // ВВ. (1911) 1913. Т. 18. С. 11–12; Лопарев Хр.М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. С. 235–236. Это свидетельство, далеко не единственное, должно быть воспринято и как показатель отхода широких народных масс, в том числе торгово-ремесленных, предпринимательских кругов, от той истовой поддержки иконоборства, каким отличался его первый этап, который, по выражению Р. Дженкинса, можно рассматривать как разновидность протокальвинизма или протопуританизма (см.: Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries. AD 610–1071. London, 1966. Р. 68; Сорочан С.Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-ремесленного населения Византии в эпоху иконоборчества // Вестник Харьковского ун-та. 1992. № 363. История. Вып. 26. С. 92–101).
- ²⁴⁰ Романчук А.И. Очерки... С. 94–96; ср.: Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. С. 74–76, 83–84. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич обратил внимание, что рыбозасолочные цистерны оказались засыпаны в «верхнем», т.е. позднем средневековом городе, тогда как многие из них еще функционировали в «византийское время». Однако объяснение этому он находил в увеличении числа городского населения и плотности застройки, заставившем дорожить каждым клочком земли (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892. С. 13).
- ²⁴¹ Подр. см.: Сорочан С.Б. К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 74–82.
- ²⁴² Theophanes Continuatus. Р. 123; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42. 32–38, с. 170, 172; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 315.
- ²⁴³ Vita cum Translationes S. Clementis. Р. 143, § 3; Слово на перенесение мощей преславного Климента // Жития Херсонских святых в греко-славянской письменности / Изд. П. Лавров. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 129, гл. 10 («в корабль блаженную раку на глав несая»); Житие Константина // Сказания... С. 78, гл. 8; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 662–663.
- ²⁴⁴ Житие Константина. С. 78, гл. 9; ср.: Коковцов П.К. Хазарско-еврейская переписка X века. Л., 1932. С. 63 (пространная редакция письма царя Иосифа); с. 122–123 («текст Шехтера»); Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 142 («текст Шехтера», лист 2 об., 20–21).
- ²⁴⁵ Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 53, 55; Ларенок П.А. Северо-Восточное Приазовье и дельта р. Дон в VIII–X вв. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998. С. 130.
- ²⁴⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274, гл. 53. 514–521.
- ²⁴⁷ Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles du Saint Demetrius. Т. 1: Le Texte. Paris, 1979. Р. 214; Malingoudis Ph. Die Hungersnot in Thessalonike (ca. 676–678) // JÖB 1990. Bd. 40. S. 145–154.
- ²⁴⁸ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. Р. 56. 14–15.
- ²⁴⁹ Ioannes Cameniates De excidio Thessalonicensi // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus e rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. Р. 573. 6–8.
- ²⁵⁰ Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X в. М., 1959. С. 197–198, 239, комм. 2 к гл. 61.
- ²⁵¹ Ср.: Шевеленко А.Я. Первые корабли средневековой Европы // ВИ. 1981. №9. С. 184–187.

- ²⁵² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 512–525, с. 274–275.
- ²⁵³ Ср.: Зеленко С.М. Торговельне судноплавство середовічної Таврики (VI–XII ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. Київ, 2004. С. 12.
- ²⁵⁴ Седикова Л.В. Столовая посуда... С. 135; Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX веке // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). С. 64–65; Седикова Л.В. Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997. С. 72–73; Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. С. 12–18.
- ²⁵⁵ Метки вырезали на деревянных формах, с помощью которых ремесленники-гончары изготавливали и одновременно метили большие партии черепиц-полуфабрикатов. Следовательно, это не метки собственника черепицы. Но маловероятно видеть в них знаки-клейма мастеров или мастерских, ибо в этом случае появление их следовало бы ожидать и на других видах керамической продукции. Ср.: Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 98 сл.; Романчук А.И. Очерки... С. 121–122, 129–130, рис. 43; 44, 2; 45; Хлевов А.А. Изображение всадников на черепице средневекового Херсонеса как исторический источник: к постановке проблемы // Средневековое общество: социально-политический и культурный аспекты. Тезисы докл. XX всероссийской конф. студ., аспирантов и молодых ученых. СПб., 2001. С. 8; Романчук А.И. О символике меток и знаков на плинфе и черепице Херсонеса — Херсона // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2004. С. 38–39.
- ²⁵⁶ Романчук А.И. Очерки... С. 121, рис. 42, 3–5.
- ²⁵⁷ Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 62; Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... С. 31, рис. 12, 4, 5; Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 70–71, № 31, рис. 40.
- ²⁵⁸ См.: Кадеев В.И. Подводные исследования в Херсонесе в 1965 году / Отчет объединенной экспедиции Херсонского гос. музея, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1189. Л. 110–111; Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2053. Л. 10–11, рис. 28–33.
- ²⁵⁹ Седикова Л.В. Керамические печи IX в.... С. 434–440; Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 11–12; Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры... С. 68–70, № 29–30, рис. 36–39.
- ²⁶⁰ Примечательно к Херсону это положение особенно активно и последовательно уже давно отстаивает А.И. Романчук, пытающийся апеллировать к неким «правилам, регулирующим городскую застройку» (см.: Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 52–68; Романчук А.И. Херсон ранневизантийского времени // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международ. конф. Симферополь, 1994. С. 57–58; Романчук А.И. Очерки... С. 103, 105; ср.: Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 12, 18; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 1999. С. 158–159.
- ²⁶¹ Подр. см.: Кругликова И.Т. Квартал ремесленников в Горгиппии // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 182. С. 71 (автор указывает на примеры афинского внешнего и внутреннего Керамика к юго-западу от агоры, на гончарные и кузнечные мастерские, обнаруженные в пределах Херсонеса, Пантикалея, Фанагории, Горгиппии); Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. С. 129–136.
- ²⁶² Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. Bd. 31. Hbd. 2. Р. 649.
- ²⁶³ Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики... С. 52–72.

- ²⁶⁴ Ср.: Марченко Л.В. Херсонес Таврический во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. (сельское хозяйство, ремесло, торговля). Севастополь, 1996. С. 26–28.
- ²⁶⁵ Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX вв. С. 23.
- ²⁶⁶ Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Х.Сб. 1931. Вып. 3. С. 81–86; Якобсон А.А. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17. С. 78, рис. 29.
- ²⁶⁷ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1283. Л. 6–9.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 11.
- ²⁶⁹ Рыжов С.Г. Отчет за 1991 г. о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы № 3 в квартале X «А» // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 3065. Л. 8.
- ²⁷⁰ Суров С.Г. Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 год // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2046. Л. 20–26, 38–39; Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 98; Суров Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса таврического // АДСВ. 1965. Сб. 3. С. 136–137 (помещение Б); Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 643–650, 664–665.
- ²⁷¹ Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. С. 50–52 (класс 24–25), 59–61 (класс 33, 36–38), 63 (класс 41); Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 11–12 (тип I–VII), 21.
- ²⁷² Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 18.
- ²⁷³ Romancuk A.I. Cherson im Mittelalters // BS. 1992. T. 53. F. 2. S. 208.
- ²⁷⁴ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 417; ср.: Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX вв. С. 31–32 (автор полагает, что железо херсониты получали из местных низкокачественных болотных руд).
- ²⁷⁵ Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 129, прим. 7; с. 131, прим. 26; Романчук А.И. Очерки... С. 112.
- ²⁷⁶ Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. СПб., 1902. С. 13, рис. 20; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63. С. 322–331, рис. 175, 178–181; Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 67–68, табл. XIV, 3, а-б; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1842. Л. 22, рис. 37.
- ²⁷⁷ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1283. Л. 7–8, 12.
- ²⁷⁸ Кусок свинцовой трубы был найден в качестве лома вместе со свинцовыми пластинами во время раскопок на месте пом. 26, принадлежавшей раннесредневековой усадьбе в квартале XV–XVIII на северном берегу городища (Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 324). Свинцовые трубы использовали также в раннесредневековой бане на территории «цитадели».
- ²⁷⁹ Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 292, 324–325, рис. 176, 177; Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 67. Руководивший раскопками Г.Д. Белов указывал на находки свинцовых заготовок в двух комплексах в квартале XV–XVIII (пом. 16–19 и пом. 25–28), но по неясной причине считал их в одном случае предназначенными для продажи, а в другом — «на существование какого-то производства, с ними связанного» (Белов Г.Д., Стржеleckий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. (Херсонес, Мангун) / МИА. 1953. № 34. С. 86–88, 89–90, рис. 56). А.И. Романчук полагает, что владельцы обеих здешних усадеб являлись ремесленниками (Романчук А.И. Очерки... С. 139). Стратиграфия находок (на подошве слоя IX–X вв. и даже ниже) указывает, скорее, на IX в., чем на конец X–XI вв., когда в этом районе перестраивались усадьбы и была

- возведена небольшая квартальная церковь-усыпальница (ср.: Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона в период раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 70).
- ²⁸⁰ Отчет за 1907 год // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 16. Л. 18 об. (склеп № 72 / 2403); Л. 20 (склеп № 93 / 2405); Л. 105 (склеп № 2405).
- ²⁸¹ Подр. см.: Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 322–331.
- ²⁸² Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. С. 24–27.
- ²⁸³ Суров С.Г. Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 год. Л. 20–26, 38–39; Суров Е.Г. Херсонес Таврический. С. 98.
- ²⁸⁴ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 422.
- ²⁸⁵ Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона... С. 70. Подобные мастерские известны по американским раскопкам в ранневизантийских Сардах, где их обнаружили выходящими на главную улицу города (см.: Crawford J. S. et al. The Byzantine Shops at Sardis. Cambridge, 1990).
- ²⁸⁶ Якобсон А.А. К изучению позднесредневекового Херсонеса // Х.Сб. 1959. Вып. 5. С. 243.
- ²⁸⁷ Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. №68. С. 118; Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 221.
- ²⁸⁸ Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 87–88, рис. 40–41 (раскопки у южной галереи Уваровской базилики, перестраивавшейся в конце IX–X в.); Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 71, табл. XVII, а-е; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. Л. 8–12, рис. 17–18; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1685. Л. 7, рис. 13; Белов Г.Д. Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1760. Л. 10, рис. 19–20; Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. Л. 22, рис. 23; Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античный и средневековый город (АДСВ. Вып. 18). Свердловск, 1981. С. 93, рис. 5, 123–124; Кадеев В.И., Мещеряков В.Ф., Сорочан С.Б. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году. Л. 10, рис. 53; Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2845. Л. 7–8, рис. 27, 29; Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 61–62.
- ²⁸⁹ Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона... С. 70.
- ²⁹⁰ Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 271, мог. № 18–20.
- ²⁹¹ Романчук А.И. Изделия из рога и кости в средневековом Херсонесе. С. 84–105; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 432–435.
- ²⁹² Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. № 46. С. 284.
- ²⁹³ Деяния Вселенских соборов... Казань, 1882. Т. 6. С. 304.
- ²⁹⁴ Залеская В.Н. Прикладное искусство Византии. IV–XII вв. СПб., 1997. С. 24.
- ²⁹⁵ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 646; Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартрии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 146–173; фототека ГИАМЗХТ, №515, планшет 1904 г., нижний ряд.
- ²⁹⁶ Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.А. Материалы и техника византийской рукописной книги. М., 2003. С. 68–70, рис. 18–20.
- ²⁹⁷ Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 113.
- ²⁹⁸ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 386–387.

- ²⁹⁹ Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.А. Материалы и техника... С. 20, 27, рис. 1.
- ³⁰⁰ Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe – XIe s.). Athenes, 1996. P. 138.
- ³⁰¹ Ср.: Oikonomides N. La paleographie grecque et byzantine // Colloques internationaux du CNRS 559. Paris, 1977. P. 395 ff.; Oikonomides N. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Symmeikta. Athena, 1996. T. 10. P. 117.
- ³⁰² Compositiones ad tingenda musiva / Herausgeb. H. Nedfors. Inaugur. — Diss. Uppsala, 1932; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 40, 265–266; Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.А. Материалы и техника... С. 18.
- ³⁰³ См.: Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия... С. 163.
- ³⁰⁴ Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. Харьков, 1994. С. 70.
- ³⁰⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53, с. 274. 530–532.
- ³⁰⁶ См.: Белов Г.А., Стржецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). С. 90.
- ³⁰⁷ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 407–440.
- ³⁰⁸ Ср.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 97–114.
- ³⁰⁹ Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 18, 19–20.
- ³¹⁰ Романчук А.И., Омелькова Л.А. Отчет об охранных разведках на левом берегу реки Бельбек, на восточном склоне балки Горный Ключ, в 3,5 км от пос. Заря Свободы // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1843. Л. 12; Седикова Л. В. Указ. соч. С. 19.
- ³¹¹ Ср.: Bryer A. Byzantium and its Pontic Neighbours // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilken University, Ankara, Turkey – 2–9 September 2001. P. 39.
- ³¹² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 512–535; с. 274; ср.: гл. 53. 154–158.
- ³¹³ Rambaud A. L'Empire grecs au Xe siecle: Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870. P. 491; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса... С. 77–78; Талис Д.А. Политические отношения Корсуня с Русью // Архив ГИАМЗХТ. Д. №612. Л. 4–6.
- ³¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 48. 118–119. 140–141; с. 248, 252.
- ³¹⁵ Там же. С. 457, комм. 58.
- ³¹⁶ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. С. 76–77; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 117; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 305; Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 191–192; Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С.62; Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 141.
- ³¹⁷ Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliotecarii... P. 141, § 2; Vita cum Translatione S. Clementis. P. 143, § 2; Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siecle // Byzance: les payset les terriociers. Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des etudes Byzantines. Athenes; Paris, 1971. T. 5. P. 66.
- ³¹⁸ Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 315.
- ³¹⁹ Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. С. 551
- ³²⁰ Сорочан С.Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Междунаро. археолог. конф. Самара, 1997. С. 58–60; Цукерман К.К. вопросу о

- ранней истории фемы Херсона. С. 321; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 678; ср.: Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докл. Харьков, 1995. С. 107; Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников) // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 26; Науменко В.Е. К вопросу о характере... С. 551.
- ³²¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 42, с. 172. 41–42.
- ³²² Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона. С. 217, № 2.
- ³²³ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io.Iac.Reiskii. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 713–714; Bury J. B. The Imperial Administrative System... P. 136–137.
- ³²⁴ Bury J. B. Op. cit. P. 138; Oikonomides N. Les Listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972. P. 104–105, § 20.
- ³²⁵ Зайбт Н., Зайбт В. Печати... С. 92 и сл.; Толстой И.И. О византийских печатях Херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 2. Новая серия. С. 28–43; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 15, 15 а, 16, 19, 20, 27, 30–34, 44; Alekseenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. 1995. Vol. 4. S. 140–144; Алексеев Н.А. Стратиги Херсона... С. 702–708, прил. 1. Ср.: Цукерман К.К. вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 317, 320.
- ³²⁶ Цукерман К.К. вопросу о ранней истории... С. 321.
- ³²⁷ Антонова И.А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994. С. 26–27; Сорочан С.Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона // СТРАТИГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы. Армавир, 2008. С. 167–173; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы истории археологического изучения цитадели Херсонеса Таврического // БИ. 2008. Вып. 19. С. 156–249; Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Т. 1–2 // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009. С. 378–383.
- ³²⁸ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 15–19, № 8; ср.: Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 99; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 537–538; Храпунов Н.И. Преторий в средневековом Херсоне // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3. С. 148–149.
- ³²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274–275, гл. 53. 526–528; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 322; Сорочан С.Б. К вопросу о византийском термине «пакта» применительно к истории фемного Херсона // ХА. 2009. Т. 8. С. 315–328.
- ³³⁰ Житие Константина. С. 78, гл. 8.
- ³³¹ Якобсон А.А. Византия в истории раннесредневековой Таврики. С. 159; Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 85; Макарова Т.И. Боспор — Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 64; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 54; Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. Коломна, 2000.
- ³³² Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенег, русы, славяне. М., 1967. С. 70–76; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 37. 1–14, с. 154, 155; гл. 38. 1–71, с. 158–161; гл. 40. 13–27, с. 164, 165; Прохненко И.А. Пути передвижения венгров на территорию новой отчизны // Древнее Причерноморье. Одесса, 2006. С. 166–176. Несмотря на длительность изучения, вопрос о передвижениях, расселении венгров и их отношениях с хазарами (союзнических либо, напротив, всегда враждебных) остается в области дискуссий и едва ли будет решен однозначно в

ближайшее время (ср.: Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 189–196; Kristo Gy. Hungarian History in the Ninth Century. Szeged, 1996; Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997. С. 144; Цукерман К. Венгры.... С. 663–688 (там же библиография); Толочко П.П. Кочевые народы степей... С. 25–28, 30; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 110, 111; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003. С. 104–105).

³³³ Константин Багрянородный отметил, что они владели бывшей страной венгров в «Междуречье» Северо-Западного Причерноморья уже в течение 55 лет «вплоть до сего дня» (mechri ten semeron). Если учесть традиционную дату написания трактата (948–952 гг.), тогда появление печенегов в этих местах произошло не ранее 893–897 гг.

³³⁴ Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – нач. XIII вв.). Киев, 1997. С. 86, 88.

³³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 8. 5–12, с. 42–43; ср. гл. 1. 25–28, с. 36–37; гл. 6. 1–2, с. 40–41.

³³⁶ Заходер Б.Н. Каспийский свод... С. 76. То же. Ибн Хаукал и анонимный автор сочинения «Хуад ал-Алам» («Границы мира») (80-е гг. X в.) (ср.: Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum, 1870. Т. 1. Р. 10; 1873. Т. 2. F. 2. Р. 15; Minorsky V. Hudud al-Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. London, 1937. § 47).

³³⁷ Паршина Е.А. Клейменная византийская амфора X-го века из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 109, табл. 1–7. Оснований для того чтобы атрибутировать такую продукцию как показатель императорской монополии на производство амфор по всей Империи, явно недостаточно, поэтому более вероятным представляется предлагаемое самой же Е.А. Паршиной объяснение считать все некалейменные амфоры, составляющие большинство находок, плодом деятельности частных владельцев (с. 111). Заслуживающим дальнейшей разработки представляется также гипотеза И.В. Волкова о том, что клейменные амфоры служили эталоном объема при мелкооптовой торговле вином, чем и объясняется многочисленность средневековых клейм (Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 209–210). Показательно, что названные в Книге Епарха мерные сосуды-ангии объемом около 13 метрических литров действительно соответствовали емкости некоторых клейменных амфор, которые таким образом все же могли выполнять роль эталонных сосудов, несмотря на нестандартность в целом такой амфорной продукции (см.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 160; ср.: Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012. С. 18–20, рис. 10, 11).

³³⁸ Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 5–12, рис. 3.

³³⁹ Романчук А.И. Очерки... С. 176–177, прим. 29.

³⁴⁰ А.Г. Герцен относит это положение ко второй половине IX – началу X вв., но свидетельство Жития Константина Философа о военных действиях хазар и венгров в Юго-Западной Таврике в 861 г. позволяет сместить его ближе к концу IX в. (Герцен А.Г. Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. Керчь, 2006. С. 70).

³⁴¹ Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. С. 77. Фиксируемый таким образом подъем виноделия прекратился к середине X в. вместе с исчезновением амфор собственно крымского производства (Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство... С. 31, 32, 72; Талис Д.А. Материалы к экономической и социальной

истории Юго-Западного Крыма (цитадель Бакинського городища) // АДСВ: Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 64–72).

³⁴² Ср.: Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 31–32.

³⁴³ Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 57, 162, прим. 15.

³⁴⁴ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 153. Нет никаких оснований включать в этот ряд епископию Хазария — Хотцирон (Хотзирон), ибо под этим названием, причем даже не в тексте, а в сколи к остающейся до сих пор точно не датированной нотиции де Боора (о Chotziron synegnus Phoulon kai tou Charasiou, eno legetai to Mabron Neron — «Хотцирон близ Фуа и Харасиу, что значит Черная Вода»), можно понимать и некий крымский церковный центр, входивший в 37-ю епископию — епархию Готфия, вероятно, уже существовавшую в начале IX в. (Darrouzes J. A. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981. P. 245).

³⁴⁵ Список № 7 по Ж. Даррузе (нотиция де Боора), список 901–902 гг., Nova tactica.

³⁴⁶ См.: Кулаковский Ю.А. Из истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП. 1898. Ч. 315. Февраль. С. 173–174.

³⁴⁷ Герцен А.Г. О крепостном строительстве на Мангупе (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма 20–24 сентября 1983 г.) // Архив ГИИМЗХТ. Д. №2385. Л. 27; Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 70; Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001. С. 30; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 131, прим. 15; ср.: Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсоне: К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182–188; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 300–301.

³⁴⁸ Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 63; Герцен А.Г. Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным. С. 70.

³⁴⁹ Бармина Н.И. Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 13.

³⁵⁰ Герцен А.Г. Дорос — Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 18.

³⁵¹ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 33. «Клад» включал семь незавершенных подделок под солиды Льва III 725–732 гг. и литой «солид» периода совместного правления Льва III и Константина V 720–741 гг. Непонятно, на основании чего В.А. Сидоренко считает их браком, предназначенным для переплавки. Скорее, это вполне удавшиеся заготовки, которые оставались лишь покрыты позолотой и которые, как тяжкую улику, небезопасно было держать дома, в мастерской. Соотнесение сокрытия монет с событиями восстания Иоанна Готского в 780-е гг. тоже не имеет оснований. Этому противоречит монета с буквой «В», которая в то время еще не выпускалась. Сам по себе такой «полуфабрикат» не представлял ценности: в денежном обращении недоделанные фальшивки участвовать не могли. Но еще проблематичнее видеть в них указание на независимость Готфии от Византии (см.: Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 123–133).

³⁵² В склепах Чуфут-Келе известны позолоченные подделки под солиды Константина V 741–751 гг. (Кропоткин В.В. Могилиник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР. 1965.

Вып. 100. С. 114, рис. 44, 3, 4). Фальшивомонетчик, очевидно, не случайно остановился на копировании ранних исаврийских номисм — наиболее ходовых, чаще других встречаемых, заслуживших славу полноценных монет.

³⁵³ Corpus juris civilis. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. IX. 24. 1; Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hreg. V.L. Burgmann. Frankfurt a Main, 1983. XVII. 18; Эклога. Византийский законодательный свод VIII век: Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 69; Ecloga privata aucta // Ius graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1865. Т. 4. XVII. 44; Epanagoge (corrigendum: Eisagoge!) Basili, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1892. XL. 17; Византийская книга Эпарха. III. 1.

³⁵⁴ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962. Vol. 1. III. 33. 6; Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 349; ср.: Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 99.

³⁵⁵ Паршина Е.А. Торжище в Партенитах. С. 70–83; Романчук А.И. Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон... С. 323–324, рис. 5, 1–4; 6, 1–4; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 81–83, 94; Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012. С.16, рис.7, 7А, 7Б.

³⁵⁶ Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1960. Т. 37. С. 125–139; Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 65–66, рис. 9; Талис Д.Л. Поливная керамика Бакинского городища // СА. 1976. №4. С. 64–69; Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство... С. 83, 332–337; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 23 сл.; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.А., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. Исследование крепости Алустан // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994. С. 13; Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным. С.127; Герцен А.Г. Ранне-византийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным. С. 70.

³⁵⁷ Адаксина С.Б. Белогаинное блюдо с изображением рыб из Алустана // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 101–108, рис. 1 (публикатор находки считает возможным говорить о производстве блюда в Коринфе и, следовательно, относит его к числу импортных изделий, поступавших в византийские центры Таврики из Восточного Средиземноморья с. 105–106).

³⁵⁸ Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 77.

³⁵⁹ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 80–81, № 72.

³⁶⁰ Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 215–217; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 129, рис. 50; Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 172–178; Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. С. 130; Сидоренко В.А. Средневековая надпись с именем Tzal из баклинского склепа // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 642–645; Emanov A. The Polyethnic Structure of Kaffa (5th–10th Centuries). Р. 40. Вертикальную плиту с высеченным крестом в Юго-Западной Таврике ставили над раннесредневековыми могилами, сделанными по обряду трупоположения, а покойников клали иногда с нательными крестиками в составе ожерелий, почти без бытовых вещей, стараясь ориентировать головой на запад, в чем явно сказывается влияние христианства и Византии (см.:

Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 39, 42, 44, 58, 60).

³⁶¹ Как справедливо отметил на этом основании В.А. Сидоренко, подробно прокомментировавший надпись из баклинского склепа с упоминанием имени его строителя — христианина Цала (Чаа — Tzal), она не может быть свидетельством христианизации тюркской знати и, скорее всего, принадлежало местному мастеру из числа представителей христианских народностей Кавказа IX – начала X вв. (Сидоренко В. А. Средневековая надпись с именем Tzal... С. 642–645; ср.: Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 129–133). Тот же феномен прослеживается и в Восточном Крыму, где на поселениях VIII–IX вв. в заполнении комплексов и в слое найдено большое количество амфор и керамики, в том числе салтово-маяцкого типа, среди которых встречаются граффити в виде отдельных букв греческого алфавита, а также различные знаки в виде креста, креста с косой и др. (Гадао А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и средние века (АДСВ. Вып. 17). Свердловск, 1980. С. 141, рис. 8; Зинько В. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997. С. 40–41). Вместе с тем стоит обратить внимание, что в раннесредневековой Юго-Западной Таврике, судя по краниологическим материалам, преобладало население, европеоидная основа которого была близка к сарматскому типу и которое отличалось от населения Восточного Крыма (Беневоленская Ю. Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 198–223).

³⁶² См.: Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58; Stepanova E. New Finds in Sudak // XXe Congress International des etudes byzantines (College de France — Sorbonne, 19–25 aout 2001). Pre-Actes. Т. 2. Paris, 2001. P. 67; Степанова Е.В. Связи Херсонеса и Судеи по данным сфрагистических архивов. С. 21, 24–28; Булгакова В.И. Печати стратигов Херсона из находок в Судее // Судея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002. С. 37–41.

³⁶³ Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 58 сл.

³⁶⁴ См.: Михеев В.К., Тортика А.А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. Київ, 2000. № 3. Юдаїка. С. 154, 160–161.

³⁶⁵ Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Rec. B. Laourdes, L.G. Westerink. Leipzig, 1983. Vol. 1: Epistularum pars prima. P. 132; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 118–119; Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 273. В этом епископе Антонии некоторые исследователи предлагают видеть того самого епископа, который, по словам «Окружного послания» Патриарха Фотия от 867 г., стал вести проповедь христианства среди новообращенных русов (Кабанец Е.П. Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X вв. // С. сб. 2004. Вып. 2. С. 91).

³⁶⁶ Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae... P. 132; Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 119.

³⁶⁷ Ср.: Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 55; Константин Багрянородный. Об управлении империй. С. 334, комм. 1 к гл. 11; Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997. С. 8.

³⁶⁸ Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт ... С. 20; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 175, табл. 67: 40–42. Многочисленные обломки таких кувшинов

присутствуют и в засыпи кальдария раннесредневековой бани в цитадели, которая прекратила существование и была сnivelирована в последней трети IX в. (Антонова И.А. Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1990 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2981. Л. 17).

³⁶⁹ Зеленко С.М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 84; Zelenko S. Medieval Shipwrecks on the Coast of the Crimea // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, Turkey — 2–9 September 2001. P. 75.

³⁷⁰ Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // ХА. 2002. Т. 1. С. 111.

³⁷¹ Кострин К.В. Исследование смолистого вещества из «черносмолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. 1967. №1. С. 285–289.

³⁷² См.: Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун. С. 135, 136, 138.

³⁷³ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // Х.Сб. 1959. Вып. 5. С. 26; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 332; Талис Д.А. К характеристике византийской керамики из Херсонеса. С. 127; Макарова Т.И. Поливная посуда. М., 1967. С. 8; Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX вв. С. 27; Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 16, 20.

³⁷⁴ В.Е. Науменко обращает внимание на отсутствие среди здешнего керамического материала посуды салтово-маяцкого облика и не совсем ясно пытается объяснить это указанием на «определенную политическую и культурную ориентацию, а также характер торгово-экономических связей Мангупа в этот период», очевидно, имея в виду их отчетливо выраженную херсонскую направленность (Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа // БИАС. 1997. С. 339). Однако такова общая картина для ближних и дальних окрестностей Херсона, где следы присутствия салтоцев оказались переплавлены мощным византийским влиянием, в горниле которого к X в. выковывался самобытный этнос, унаследовавший черты ромеев и варваров, местных и чужаков. Что касается поливной красноглиняной посуды, то она стала появляться на сельских поселениях не ранее XI–XII в. (ср.: Савеля О.Я. Отчет о разведках на Северной стороне Севастополя и в Бельбекской долине в 1964–1965 гг. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1198. Л. 14–15, поселение XVI; л. 16, поселение XIX; Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроенной археологической экспедиции Херсонесского гос. заповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 2324. Л. 17, 19; Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского гос. университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1914. Л. 22–24).

³⁷⁵ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 148–149; Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. С. 322.

³⁷⁶ Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений... С. 55–56, 57.

³⁷⁷ Ср.: Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 57; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 376.

³⁷⁸ См.: Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Сборник в честь 70-летия проф. В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 167; ср. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963. С. 217–221, прил. IV; Захoder Б.Н. Каспийский свод... С. 55; *Magnae Moraviae fontes historici*. Brno, 1969. Т. 2. S. 344.

³⁷⁹ Гадло А.В. [Рец.] // ВВ. 1973. Т. 37. С. 269 (Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики) // МИА. 1970. №168; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. С. 130.

³⁸⁰ Ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 6, с. 40. 8–9.

³⁸¹ Цукерман К. Венгры... С. 675–677. Ту же точку зрения разделяет А.И. Айбабин (Этническая история... С. 222, 227).

³⁸² Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 82–83, табл. 21; Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 293.

³⁸³ См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. С. 141; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. С. 354.

³⁸⁴ А.А. Якобсон связывал гибель сельских поселений Таврики, «разорение и застой в деревне» с «нашествием новых кочевников (вероятно, печенегов)», но поначалу относил ко второй половине IX в., между тем как печенеги не могли появиться здесь раньше последних лет этого столетия (ср.: Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения... С. 11). Позже он сдвинул эти события к рубежу IX–X вв. и стал видеть в них «грань в истории средневековой Таврики», хотя постулируемое им запустение никак не вязалось с «возрождением Херсона» и всего края (ср.: Якобсон А.А. Крым в средние века. С. 56).

³⁸⁵ Darrouzes J. *Notitiae episcopatum* ... P. 44–48, 250–251, 266.

³⁸⁶ Gelzer H. *Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum* // *Abhandlungen der philos. Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft*. München, 1901. Bd. 21. S. 550–559; Darrouzes J. *Op. cit.* P. 52–78, 273–274.

³⁸⁷ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 104.

³⁸⁸ Т.И. Макарова относил эти перестройки в портовом районе города к концу IX – первой половине X вв. (Макарова Т.И. Боспор — Корчев по археологическим данным. С. 127, 144), однако ее данные оказались переработаны и уточнены А.В. Сазановым (Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи. С. 50–88; Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья... С. 224–293).

³⁸⁹ Ср.: Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 60.

³⁹⁰ Надгробие (0,44 × 0,27 × 0,02 м) было случайно найдено рабочим у подножья Аю-Дага (Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 58–65; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 74–77, № 69).

³⁹¹ Новые данные об этом см.: Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.А. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчет археологической сессии Гос. Эрмитажа. СПб., 1999. С. 21–24; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.А. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 2001. С. 19–26.

³⁹² Gelzer H. *Ungedruckte*... S. 568–575; Darrouzes J. *Notitiae episcopatum*... P. 78–87, 293.

³⁹³ См.: Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей... С. 214–215.

³⁹⁴ Житие Константина // Сказания... С. 77.

³⁹⁵ Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 9–22; Майко В.В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII–X ст.: Автореф. ... дис. канд. іст. наук / ІА НАНУ. Київ, 1997. С. 7; Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Х.Сб. 2003. Вып. 12. С. 287–300.

³⁹⁶ Меликсетбек Л.М. Армянские источники о Херсонесе // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сб. материалов Второй украинско-армянской науч. сессии. Киев, 1965. С. 181; Араджони М.А. Армяне // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004. С. 152.

³⁹⁷ Яковбсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 278, 279, рис. 141, рис. 16–18; Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА 1977. №1 С. 235; Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт... С. 20.

³⁹⁸ Яковбсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 257.

³⁹⁹ Яковбсон А.А. Средневековый Крым. С. 28; Седикова Л.В. Керамическое производство... С. 20.

⁴⁰⁰ Яковбсон А.А. Средневековый Крым. С. 30.

⁴⁰¹ Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* как культуромаркирующем признаке // Български годишник. Болгарский щорічник. Болгарский ежегодник. Київ, 2004. Вып. 5. С. 49–62; Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики // ХА. 2004. Т. 3. С. 117–159.

⁴⁰² Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. С. 104–106.

⁴⁰³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274, гл. 53, 530–535.

⁴⁰⁴ Белов Г.Д. Херсонес — Корсунь. Л., 1969. С. 37.

⁴⁰⁵ Ср.: Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона... С. 72.

⁴⁰⁶ Ср.: Фрейденберг М.М. Городская община X–XI вв. в Далмации и ее античный аналог // *Etudes balkaniques*. 1977. №2. С. 121.

⁴⁰⁷ Ср.: Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes a Byzance: l'octava, le «kommerkion» et les commerciaires. Paris, 1963.

⁴⁰⁸ Nicetae Paphlagonae Laudatio Sti Hyacinthi Amastridensis // PG. 1864. Т. 105. Col. 421; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 315.

⁴⁰⁹ Nicetai Paphlagonae Laudatio... Col. 421.

⁴¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274, гл. 53. 533–535. Археологические материалы позволяют говорить о том, что Аμισ — средоточие путей провинции Понт находился среди основных партнеров Херсонеса уже в античную эпоху, следовательно, перед нами яркий пример устойчивых континуитетных торговых контактов (см.: Кадев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в.н.э. Харьков, 1989. С. 16 сл.).

⁴¹¹ Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. С. 322; Сорочан С.Б. О торговой экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. С. 120; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 265.

⁴¹² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 6. 2–11, с. 40. Следует особо отметить, что словом *prandion* (prandion) назывались длинные верхние готовые одежды, свободно спадавшие и закрывавшие ноги (Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агнографии // ПС. 1990. Вып. 30 (93). С. 45). Вместе с тем это могли быть и накидки, головные покрывала, платки, прочий мелкий галантерейный товар наподобие лент, поясков, тесмы, шнуров. Феофан писал, что авары поразили при своем первом появлении в Европе прандиями, которыми повязывали свои волосы (*ethnos abaron eichon tas komas opisthen makras pany dedemenas prandiois*) (Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. 232).

⁴¹³ Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений... С. 74.

⁴¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 530–532, с. 274.

⁴¹⁵ Подр. см.: Сорочан С.Б. Рання Візантія: світо для живих і мертвих. Антологія освітально-виховних приладів у джерелах з історії Візантії // Схід — Захід. Харків, 1999. С. 73–74, 88–89;

Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / British Archaeological Reports International Series 1019. Oxford, 2002. P. 111–119.

⁴¹⁶ Сорочан С.Б. Византия IV–IX вв: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 71, 107–108, 217.

⁴¹⁷ Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 253–254, рис. 1, 6.

⁴¹⁸ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. С. 86, гл. 12.

⁴¹⁹ Слово на перенесение мощей преславного Климента // Жития Херсонских святых в греко-славянской письменности / Изд. П. Лавров. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 130, гл. 10.

⁴²⁰ Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 212, склеп № 8 (3).

⁴²¹ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 265.

Глава 5. Архитектурный облик

Херсон никогда, даже в самые спокойные времена, не забывал о нуждах своей безопасности и о главном, что обеспечивало ее, — о куртинах и башнях оборонительных стен. Современники-ромеи были хорошо осведомлены о том, что город представлял собой первоклассную крепость, местами, на наиболее ответственных участках обороны, прежде всего с напольной стороны, с двойной линией стен, и недаром в VIII–X вв. называли его чаще не полисом, а кастроном. Следы протехисмы обнаруживаются не только на юго-восточном, пониженном участке, против Девичьей горы, но даже у 9-й куртины и фланговой, 12–14-гранной снаружи башни VIII, с южной стороны города, где начинался крутой склон плато, что заставляет предполагать наличие не прерывистой (от башни III до башни VIII и на фронте башен XII–XVIII), а сплошной передовой стены, прикрывавшей город с суши¹. Именно на ней положено было размещать выглы — сторожевые посты, которые должны были быть особенно бдительными в ночное время². Строительство передовой оборонительной стены было начато уже с конца I–II вв. н.э. и в дальнейшем она достраивалась, утолщалась с одного до 2,8–3 м в IX–X вв., когда уже стал не нужен деревянный пандус³. На это время указывают слои с обильным содержанием амфор с зональным рифлением IX в., которые были вскрыты Н.В. Пяташевой у порога калиток, сооруженных в обновленной протехисме напротив куртин 16–19⁴. С западной стороны, против участка 5 и 6-й куртин уступом были устроены даже две параллельные протехисмы, сложенные из огромных, «нетесаных кусков местной скалы толщиной до 1,50 м», а перед ними был выкопан ров⁵. При этом ширина периболы на разных участках колебалась от 1,55 до 18 м, в большинстве случаев составляя 7–8 м. Следует учесть, что флот и

войска Юстиниана II быстро сумели овладеть этим кастроном во время первой карательной экспедиции 710 г. только потому, что херсониты, очевидно, полагаясь, на свой особый статус отношений с союзными хазарами, сами не собирались обороняться — «никто им (ромеям) не воспротивился (*medenos autois antistantos*)»⁶. Но во время следующей экспедиции осенью 711 г., когда ситуация изменилась, руководивший карателями патрикий Мавр Весс, уже знакомый с укреплениями города, был вынужден озабочиться привозом из-за моря самых внушительных, эффективных машин — метательных и стенобитных орудий, сборных осадных башен и пустил весь этот парк грозной техники в ход против куртин и башен Херсона, которые оказались серьезным препятствием для нападавших⁷.

Чтобы быть готовыми к такого рода опасностям, городские власти постоянно, в том числе и в хазарскую эпоху, заботились о боевом состоянии системы фортификации. Еще в ранневизантийское время с внутренней стороны «цитадели» было выполнено массивное утолщение «А» с южной стороны башни XVI. Оно было сложено на известковом растворе с использованием сполгий, множеством вторичных архитектурных деталей эллинистического периода, взятых из разобранных общественных зданий, храмов⁸. Не ранее конца VI – начала VII вв. в портовом районе города херсониты возвели оборонительную стену – куртину 22 шириной 2 м, сложенную из бутового камня на известковом растворе с облицовкой из плит, происходящих большей частью из кладки более ранних стен, которая под прямым углом примыкала к 18-й куртине и прикрывала жилую застройку от открытой гавани, куда мог вторгнуться неприятель⁹. Она пережила хазарскую эпоху и просуществовала до второй четверти – середины XI в. Следы многочисленных перестроек раннесредневекового времени несут приморские куртины 24 и 25, а также разделяющая их башня XXII¹⁰. То же самое обнаруживает башня XXIII и прилегающие к ней куртины 26–27. Очевидно, приморские стены портового района, защищавшие гавань, требовали особой заботы, являясь наиболее уязвимым «подбрюшьем» города, что стало особенно ясно уже в пору тюркской экспансии.

Впрочем, другие места крепостной ограды Херсона тоже не были оставлены без внимания. Судя по стратиграфическим наблюдениям, в VII–VIII вв. на северо-западной оконечности городища вплотную к куртине 1, возведенной не ранее второй четверти – середины VI в., была пристроена новая оборонительная стена, значительно увеличившая общую ширину куртины, а на углу, около поворота стен была возведена прямоугольная башня I а (6 × 9 м, толщина стен 1,5 м), которая позже, в IX–X вв., утратила свое боевое значение после постройки в новом направлении оборонительной линии из куртин 2, 3, 4¹¹. Третье, последнее утолщение куртины 1 до 4,8 м, сопровождавшееся

устройством калитки или малых ворот около угловой, прямоугольной в плане башни I с заплечиками для крестового свода произошло не ранее IX–X вв, а может быть, и позже, учитывая находку монеты Василия II, извлеченную из раствора у фундамента башни¹². При этом две первые стены куртины 1, ее предыдущие утолщения, были разобраны почти до основания¹³.

Материал, в частности, обломки амфор с характерным зональным рифлением, содержащийся в прослойке строительного мусора около 14 и 15-й куртин на участке античного театра, показал, что время обновления оборонительных стен здесь можно отнести ко второй половине IX в. и что тогда же, в очередной раз после V–VI вв., перестройке подверглась разделяющая куртины полукруглая башня XIII¹⁴.

Строительство следующей, сменившей прежнюю, новой прямоугольной башни XIV с крестовым, как у башни I, перекрытием, открывавшей отсчет укреплений юго-восточного участка обороны, тоже произошло не ранее второй четверти IX в., на что указывает находка на глубине 1,8 м от верха цоколя башни монеты Льва V и Константина (813–820). Этому заключению не противоречит и керамический материал из слоя, подстилающего пол башни, и в заполнении траншеи для водопровода, проложенного в восточной половине основания калитки с арочным сводом, сооруженной рядом с башней, в перестроенном западном конце 16-й куртины¹⁵. Значительное присутствие здесь фрагментов плоскодонных кувшинов с плоскими ручками говорит о том, что это строительство относится ко второй половине IX–X вв. Уровень поверхности строительства 16-й куртины выделяется цокольным рядом, ширина которого на 10 см больше самой стены. Он совпадает с мраморным порогом сводчатой калитки и рядами кладки башни третьего строительного периода. В прилегающих слоях засыпи, в забутовке куртины, где она примыкает к новой башне XIV, и в материалах, открытых при раскопках первой продольной улицы, подходившей к калитке, присутствовал четкий и обильный материал X–XI вв., а наиболее поздними монетами из числа обнаруженных, оказались монеты Константина VII Багрянородного и его сына Романа II¹⁶. Следовательно, к этому времени строительство здесь уже было закончено и функционировала новая сводчатая калитка под прикрытием новой башни.

В IX–X вв. была доведена до своего максимального диаметра с 19 до 22–23 м и без того одна из самых мощных, стратегически важных фланговых башен города — башня XVII, возможно, называвшаяся Кентинарисий, которая была обнесена очередным после VI в., третьим по счету каменным поясом¹⁷. В его наружную часть, в четвертый ряд, считая от основания фундамента, был помещен закладной камень — блок известняка (0,49 × 0,45 × 0,49 м) с вырезанным в нем «четырёхконечным крестом простей-

шого вида» (13 см высоты, 9 см ширины, 2,2 см глубины)¹⁸. Видимо, богоязыненные строители, осознавая особую важность этого флангового сооружения, стремились к тому, чтобы Господь распростер над предметом их особой заботы свое покровительство.

Часть башни была разобрана и переложена, а внутри устроены коридор и центральное помещение, очевидно, для стражи, которая охраняла находившуюся рядом клавикулу с внешними арочными воротами, ведущими в город через перебол. Судя по многочисленным остаткам черепицы, найденным во время раскопок внутри башни, она была перекрыта конусовидной крышей. Над расположенными справа от нее воротами в протехисме на высоте четырех метров сохранились остатки площадки, на которую вела спирально поднимавшаяся узкая каменная лестница. Караульный же мог попадать на передовую стену прямо из башни по перекидному мостику. Со стороны города ворота были украшены двумя колоннами, судя по уцелевшей на своем каменном фундаменте мраморной базе. Утолщение башни и размещение рядом с ними ворот, ведущими в перебол, заставило строителей разобрать больше половины старой передовой стены, находившейся напротив куртины 19, и переместить ее южную оконечность на 20 метров дальше, тогда как противоположная, северная часть протехисмы осталась на прежнем расстоянии в 7 м от куртины¹⁹.

Едва ли надобность в столь серьезной перестройке и без того мощного фортификационного сооружения, к тому моменту превосходившего другие напольные фланговые, угловые башни (I, III, V, VIII и XVIII), могла возникнуть у херсонитов в относительно спокойном для Таврики и степей Причерноморья VIII столетии, тогда как после развала прежних, мирных византийско-хазарских отношений, ко времени создания фемы Климата она бы оказалась весьма уместной, да и субсидировалась бы, как и прочие общественные строительные работы фемного периода, скорее всего, при поддержке центральных ромейских властей.

Со временем в проезде, ведущем в перебол, была сооружена украшенная каменным карнизом прямоугольная пристройка вышиной 2,85 м, которая сузила проезд до 3,2 м. Внутри пристройки была устроена прямоугольная гробница-кимитирий (1,95 × 0,89 × 1,07 м), старательно оштукатуренная и закрытая тремя каменными плитами. В ней покоились три костяка, от одного из которых не хватало черепа, а в ногах, с восточной стороны лежал небольшой каменный крест с круглым отверстием для крепления. Поблизости, вдоль протехисмы был выложен тротуар, что подчеркивает проезжий характер перебола²⁰.

Еще один или два переходных моста с воротами под ним, перекрывавшими проезд шириной 5,5 м в переболе, были устроены не позже второй по-

ловины IX в. между перестроенной тогда же пилонообразной башней XV и прямоугольной башней XV¹ — единственной на всей протехисме, возведенной с ее внутренней стороны, как можно ближе к противоположной башне, очевидно, именно для облегчения устройства двух перекидных мостов, а может быть, и еще одних, внутренних ворот, перекрывавших междустенное пространство важнейшего юго-восточного узла обороны²¹. Башня имела небольшие помещения с двумя широко открытыми в сторону дороги входами, очевидно, для стражи при воротах, и внутреннюю лестницу наверх. И.А. Антонова, занимавшаяся детальным исследованием обеих башен, полагала, что мосты могли быть подъемными, а устройства, опускающие и поднимающие их, находились в боковых помещениях второго этажа башни XV.

Опасная близость к господствующей над городом возвышенности (Девичьей горе, 30 м над уровнем моря) и особенно быстро росшие в непосредственно прилегавшем к оборонительным стенам низинном районе наносы земли из Карантинной балки делали все эти почти нескончаемые ремонты и периодические перестройки с целью наращивания высоты укреплений вполне понятными и неизбежными²². По мнению И.А. Антоновой, значительное обновление крепостных укреплений Херсонеса было начато в первой половине – середине IX в. и продолжено в дальнейшем²³. Едва ли это стоит связывать с реконструкцией куртин и башен Херсона, «поврежденных войсками Юстиниана II»²⁴. Со времени тех событий прошло больше века, и, разумеется, разрушения были давно исправлены: город не мог оставаться долго с ослабленной обороной, даже если учесть сравнительно мирное состояние византийско-хазарских отношений в Таврике по крайней мере до конца VIII столетия. Скорее всего, именно изменения, перестойка этих отношений, вылившиеся в фемные преобразования, дала мощный толчок к возобновлению фортификационных работ, которые наращивали свой объем к X в.

Как удалось уточнить в результате исследований 1957–1958 гг., в IX–X вв. за счет постройки новых башен II–III и куртин 2–4 был существенно обновлен и улучшен западный оборонительный рубеж города, что не только повысило его боеспособность, но и позволило включить в границы городища обширную, не застроенную ничем территорию около 2 га, которую можно было использовать в случае необходимости для эвакуации окрестного сельского населения, пригона его домашнего скота, своза продовольствия, фуража²⁵. Это было очередное и самое значительное после VI в. расширение территории Херсонеса в западном направлении.

Около угловой, крестовой внутри и прямоугольной снаружи башни I на расстоянии 11 м от линии куртины 1 херсонитами было начато сооружение рва шириной 5 м, вырубленного в скале на глубину до 6,5 м, однако

брошенного незаконченным тогда, когда его длина достигла 26 м²⁶. Очевидно, трудоемкую работу оказалось невозможно продолжить по причине встретившихся обширных подземных ранневизантийских склепов, один из которых (№2) находился особенно близко к соседней башне и мог сыграть для противника роль готового к использованию подкопа²⁷. Еще более вероятно, что надобность во рве отпала в связи с начавшимся строительством новой линии протехисмы от башни III, что перекрыло с запада доступ к этому важному участку обороны. К сожалению, точно датировать время сооружения рва на основании керамических и нумизматических находок (обломков поздней краснолаковой керамики, амфор VIII–X вв., кувшинов с плоскими ручками в его засыпи, единичных монет Анастасия, Юстиниана I, Льва V Армянина, Романа I Лакапина) не представляется возможным: оно могло быть связано и с действиями первых стратиггов Херсона, и с подготовкой к отражению нападения князя Владимира, но никак не со временем начального строительства 1-й куртины²⁸. Скорее всего, эти работы были заброшены в первой половине X в. Не ранее этого началось сооружение нового отрезка протехисмы от башни III в сторону моря.

Вообще, в IX–X вв. была предпринята особенно значительная реконструкция всей оборонительной линии города, сопровождавшаяся возведением новых участков протехисмы, доведением толщины передовых стен до 3 м, расширением периболы и застройкой военной дороги (*romoerium*) вдоль тыльной стороны куртин²⁹. Причем на юго-восточном участке вся оборонительная линия была возведена на новом, повышенном уровне, а это в свою очередь потребовало проведения здесь крупномасштабных работ по устройству новых линий и веток водопроводов и водосток³⁰. Думается, что наряду с фортификационным строительством на северо-западном участке, где оно было проведено с максимальным учетом защитных качеств рельефа³¹, наиболее грандиозные работы были предприняты в районе 15-й, 16, 17, 19, 20, 21-й куртин и их протехисмы³². Куртина 18 тоже подверглась перестройке в это время, к которому относится верхний ярус от башни XVI и до прохода по середине куртины, а также третий ярус стены после прохода³³. Пороги боевых калиток в обновленной передовой стене, у башни XIV в 16-й куртине, у башен XVI–XVII, вход в башню XV, цоколь башни XV и куртины 17 третьего строительного периода относятся к этому ярусу оборонительных стен и составляют один, единовременный этап строительства³⁴. И.А. Антонова верно отметила, что оно не могло производиться по частям, так как оставались бы бреши в оборонительной линии³⁵. Его хронологическими «реперами» являются результаты раскопок прямоугольной, крестовой башни XIV с прилегающим участком куртины 16 и материалами засыпи около сводчатой калитки, которые, как указано выше, укладываются в пе-

риод конца IX – первой половины X в. Эти же материалы дают слои около порога калиток с внешней стороны протехисмы. Наконец, на уровне третьего яруса 17-й куртины, совпадающего с порогом калитки верхнего яруса у башни XVI, была открыта яма для извести³⁶. На дне ее оказались фрагменты плоскодонных кувшинов с плоскими ручками, которые появились не ранее середины IX в. и были особенно распространены в X в. Причем третий ярус кладки с внутренней стороны куртины 17 синхронен с третьим ярусом куртины 16, с которой он составляет единый массив. Все это указывает на относительно близкое время, очевидно, на период, начиная от правления Василия I и до правления Константина Багрянородного. На деле, он мог быть еще более узким, поскольку кардинальная перестройка, даже если она шла участками, требовала на какое-то время оставаться вообще без крепостных стен, что херсониты не могли себе позволить надолго.

Сооруженные здесь новые основные и передовые оборонительные стены с вылазными калитками надо было выкладывать на значительную высоту, надстраивая их над прежними стенами, большей частью ставшими своеобразным фундаментом для новых. Обстоятельства столь масштабных континуиетных работ долгое время оставались невыясненными, загадочными, как правило, обходились молчалием и, как отметил К.К. Косцюшко-Валюжинич, осложнялись «поразительной прочностью этих сооружений, не вызывавшей необходимости их засыпки»³⁷. К.Э. Гриневич относил искусственную земляную засыпь периболы к «эпохе Нерона» и, ссылаясь на трактат Витрувия, пытался объяснить ее соответствие требованиям полиоркетик³⁸. При этом его не смутило даже то очевидное недоразумение, что строителям пришлось бы рыть каналы для фундамента протехисмы до 6 м глубины (*sic!*), вплоть до подошвы скалы³⁹.

Решить проблему помогло многолетнее тщательное изучение топографии, гидрогеологии и стратиграфии данного участка, безусловно, важнейшего для херсонитов ввиду близости гавани и портовых кварталов. Дело в том, что массивы грунта, нанесенного со стороны тальвега соседнего обширного, глубиной до 18 м оврага протяженностью 3 км, который подходил к Карантинной бухте, оказались столь значительны, что в ранневизантийский период подступили почти до верха более ранней протехисмы⁴⁰. Одно лишь ее поднятие не спасало положения, поскольку перибол в этом случае превращался в глубокий ров перед основной оборонительной стеной, которая в свою очередь оказывалась внизу. Выход оставался один: на несколько метров подсыпать землю в междустенном пространстве до уровня многовековых твердых наносов из расположенного напротив оврага и затем увеличить высоту обеих линий стен от этого уровня. При этом объем только земляных работ на участке периболы от 15 до 19-й куртины составил

около 10 000 куб. м, не считая насыпей и валгангов с внутренней стороны стен «цитадели». Так, вдоль тыльной стороны куртины 19 хорошо прослеживается еще одна стена высотой до 1 м и толщиной 2,8 м, сложенная из подгесанных камней на известковом растворе с заполнением междустенья бутом⁴¹. Она играла роль крепиды и одновременно основы для земляного пандуса (валганга), возвышавшегося у стены. На валганге в свою очередь была устроена лестница на боевой ход куртины.

Свидетельства Анастасия библиотекаря о херсонитах, замкнутых в надежно защищавших их стенах города, запечатленные в письме к епископу Гаудериху, тоже позволяют составить представление о византийском Херсоне 50–60-х гг. IX в., еще до очередного витка оборонительного строительства, как об одном из наиболее укрепленных провинциальных городов Империи с высоким оборонным потенциалом, для поддержания которого нужны были умелые рабочие руки и деньги⁴². Остается загадкой, почему И.Я. Франко, ссылаясь на этот источник, полагал, что оборонительные стены и укрепления Херсона были в плохом состоянии⁴³. Мощность стен местами стала достигать 4, 5–4, 8 м ширины (на 1-й, 7–9, 20-й куртине), фланговая башня III имела диаметр около 15 м, башни V и VIII – соответственно около 14, 5 и 11 м, башня XVII — около 23 м, а высота достигала в среднем 8–10 м⁴⁴. Многие круглые и прямоугольные (квадратные) башни и отрезки стен Херсона были устроены так, что могли служить для размещения боевых машин, метательных орудий для навесной стрельбы, прочих противоосадных приспособлений, какие требовала иметь техника византийского военного дела, а расстояние между башнями не превышало 65–70 м, достаточное для ведения эффективной стрельбы одновременно с обеих башен⁴⁵. На наиболее ответственных участках оно сокращалось до 40–45 м, т.е. примерно до 100 локтей, которые советовал соблюдать авторитетный знаток греко-римской фортификации Филон Византиец, или даже еще меньше, до 28–30 м⁴⁶. Самое активное и обширное оборонительное строительство, очевидно, совпало со временем складывания стратегии на крымской земле к 840 г. и в последующие десятилетия и объяснялось изменением политической ситуации, ростом напряжения с соседними «варварами», ослаблением Хазарского царства и появления венгров, а затем печенегов в Таврике, все больше забывавшей благословенные мирные времена большей части VIII столетия⁴⁷. В это время, а особенно во второй половине IX – начале X вв. город непрестанно наращивал мощь своего «каменного чита», причем увеличение ширины протехисмы и снабжение ее зубцов колпаками двускатных мерлонов говорит о том, что херсониты и их власти отныне рассчитывали иметь дело с опытными врагами, способными вести развитую тактику штурма, с применением камнеметов⁴⁸. В итоге, к

концу хазарской эпохи Херсон вошел в полной красе своих оборонительных рубежей, устроенных по последнему слову военного дела.

Все эти многочисленные работы по сооружению, перестройке, ремонту городских оборонительных сооружений, общественных построек, включая преторий в «цитадели», разнообразных культовых, производственных комплексов, жилых усадеб, хозяйственных, складских, кладовых помещений, какие практически непрерывно в том или ином объеме осуществлялись в Херсоне и его округе, давали средства существования местным наемным артелям строителей-икодомов, каменщиков, штукатуров и прочих «специалистов зубатки и мастера». Только сохранением прочных основ развитого жилого строительства можно объяснить особое обилие со второй половины IX в. черепицы с рельефными буквенными, фигурными метками, обнаруживаемыми в изобилии при раскопках. Такие находки указывают на возникшую на месте ремесленную традицию вести фиксацию разновременных партий подобной продукции перед обжигом — традицию, не встречаемую в эту эпоху более нигде за пределами Таврики и продержавшуюся в Херсоне довольно долго, несколько столетий⁴⁹. Частые случаи изменения замысла в ходе работы, достройки, перестройки, относимые, по мнению Р. Остерхута, к специфике византийской «изменчивой», аддитивной формы проектирования, тоже подтверждают непрерывность процесса движения здешних архитектурных форм⁵⁰.

Все это никак не увязывается с заявлением о прекращении жилого и тем более монументального строительства в «обезлюдившем, обнищавшем и словно вымершем» городе вплоть до X в.⁵¹ Напротив, можно согласиться с теми, кто, как проф. Н.П. Кондаков, имели веские основания полагать, что «...лучший строительный период и, по-видимому, наиболее блестящее время Херсонеса приходится на VII–IX столетия», а точнее, на середину VI–IX вв.⁵² Это видно из того, что для конца IV–VI вв., периода переходного от позднеантичного к ранневизантийскому, с определенной долей уверенности можно говорить о постройке и существовании в городе раннего храма апостола Петра (на месте будущей Восточной базилики № 36, «около купели»), храма св. великомученика, вероятно, Феодора или Георгия, храма св. Луппа-воина, храма св. Лонгина и храма св. Фоки (судя по находкам форм для оттиска евлогиев VI в.), а также раннего христианского однефного храма с вимой, нартексом, южным боковым пастофорием и пятигранной апсидой на месте базилики 1935 г., сооруженного в основном из саманных кирпичей и, вероятно, перестроенного в камне в третьей четверти – конце V в. Надо полагать, их декору принадлежали те мраморные ионические, композитные, коринфские капители-импосты с листьями аканфа, протомы животных или птиц, иногда украшенные хризмой, фрагменты балюстра-

ды, парапета амвонов, которые можно датировать первой половиной, серединой, второй половиной, концом V в. и особенно первой половиной VI в.⁵³

Но, как теперь становится ясно, пик активности возведения христианских культовых сооружений Херсона, куда попало и указанное мраморное наследие предыдущих веков, пришелся на вторую половину VI – первую половину VII вв.⁵⁴ Это в корне противоречит заявлению об ослаблении связей с Византией и о частичной реставрации языческих представлений в городе⁵⁵. Именно к этому времени была построена основная масса базилик, число которых выросло по меньшей мере в четыре-пять раз (до 12), сооружены здания центрического типа – октогональная крещальня при кафедральном кафедральном на северном берегу, объемный, купольный, тетраконхальный, теофанический меморий, а также подвергся кардинальной перестройке прежний загородный храм Богоматери Влахернской, который принял крестовидную форму и вскоре украсился великолепной напольной мозаикой. Четыре из крупнейших, самых значительных храмов города (базилика № 23 на северном берегу, освященная во имя свв. Апостолов Петра и Павла; базилика № 28 на большой агоре; Западная базилика № 13 — церковь во имя св. муч. Леонтия Киликийского; крестовидный «храм с ковчегом» — № 19 на месте античного театра) имели мраморные амвоны не редуцированного, константинопольского типа, на которых проходила первая часть литургии (литургия оглашенных, литургия Слова). Позже в трех из них (кроме базилики № 28) был устроен высокий, вместительный ступенчатый синтрон с архиерейским седалищем, что указывает на многочисленность их старшего клира, особую парадность служб по некоторым дням и сохранение ведущей роли большинством из этих кафедральных – «филиалов» главного епископального храма свв. Апостолов⁵⁶.

О том же говорит присутствие в них или рядом с ними баптистериев, построенных преимущественно во второй половине VI – начале VII вв., число которых к концу хазарской эпохи достигло, вероятно, шести-девяти (около Уваровской, Восточной, Западной базилик, базилики № 28, базилики фемного претория, а также в базилике 1935 г., «базилике в базилике», «храме с ковчегом» и загородном храме Богоматери Влахернской), причем среди них были как крещальни чистого типа, так и крещальни-мартирии с углубленными или поднятыми купелями⁵⁷. Все эти сооружения прекрасно вписались в оставшийся неизменным доминантный каркас застройки христианского Херсона, поскольку строительство велось в важнейших точках рельефа, с учетом исторической традиции и планировки, привязанной к очертаниям плато водораздела, пересекавшего город в направлении запад-восток.

Не исключено, что объяснение «строительного бума», открывшего раннесредневековую пору истории, кроется в целом комплексе причин,

сработавших разом: это и превращение Херсона в центр византийского дуката на крымской земле, и окончательное завершение процесса христианизации города, и решение проблемы канонизации первых херсонесских мучеников, епископов-подвижников, вообще, появление в городе значимых св. мощей, и обретение реликвиями смысла после того как им нашли места в подлинной истории, и необходимость в новых культовых зданиях вследствие обветшания прежних немногочисленных христианских храмов, построенных в конце IV–V вв., и бурный рост паломничества, и выделение государственных и церковных средств под программу такого крупномасштабного имперского строительства, и стабилизация политического положения в Таврике вследствие заключения мира с тюркским каганатом в 589 / 590 г., и, наконец, реакция на перенесенный катаклизм, который потребовал усиленных молений об избавлении в дальнейшем от опасности и ликвидации последствия очередного после 480 г. достаточно мощного землетрясения или, скорее, серии продолжительных, но с перерывами подземных толчков, сопровождавшихся разрушением, повреждением зданий по всей территории городища⁵⁸. Судя по статистике периодичности таких сейсмических катастроф для Крыма и сведениям византийских историков для Константинополя и севера Малой Азии, такие толчки могли случиться как раз к середине – второй половине VI в., а точнее, в 550-х гг.⁵⁹ Только этим можно объяснить, почему оказались засыпаны многие рыбозасолочные цистерны с неиспользованными до конца остатками анчоуса, причем это обнаруживается даже там, где поблизости не велось возведение христианских храмов и, значит, херсонитам не было необходимости заниматься предварительной нивелировкой местности под их застройку. Насколько был мощным импульс к строительству, можно судить по тому, что за сравнительно короткий срок, за четыре-пять десятилетий к началу VII в. в городе было сооружено свыше двух десятков одних только культовых построек, из них 11–12 базилик. Следовательно, на одну постройку уходило в среднем три-четыре года, и это был очень высокий темп, который трудно было поддерживать не столько физически, сколько экономически.

А.И. Романчук обратила внимание на свидетельство Льва Диакона о том, что для восстановления обрушившихся от страшного землетрясения в конце X в. купола и западного свода Великой церкви потребовалось шесть лет, что заставляет усомниться в масштабах строительной деятельности херсонитов⁶⁰. Даже если указанный срок относится только к работам в Св. Софии, а не к прочим разрушенным домам и селениям, о которых писал хронист, объективности ради следует учесть и другие примеры. Так, поздневизантийские задачники, отражавшие реальную практику жизни, указывали, что для строительства простого безордерного здания, дома,

усадыбы было достаточно 30–50 дней⁶¹. Разумеется, общественные здания требовали больше средств и усилий, но и они порой воздвигались весьма споро. Продолжатель Феофана сообщает, что в честь мятежника Вардана Турка, провозглашенного василевсом летом 803 г., был «построен и возведен храм», причем произошло это немногим более чем за месяц, так как Вардан поднял восстание 19 июля, а уже 8 сентября покинул свое войско⁶². Понятно, что этот храм в одной из малоазийских фем соорудили местные опытные, вполне квалифицированные иконодоты, для которых такие работы были не в новинку. Можно не сомневаться, что их херсонские коллеги по ремеслу не уступали им в опытности и сноровке.

С ликвидацией последствий катаклизмов увязывается и необычайный размах гражданского жилого строительства, зафиксированный во второй половине VI – первой половине VII в. практически во всех кварталах города. Косвенно это указывает, что людские потери в результате стихийного бедствия оказались не очень значительными и живой потенциал города довольно быстро восстановился. Затем каждое столетие хазарской эпохи к сложившемуся фонду не прекращавших своего существования общественных зданий, в которых культовые составляли большинство (26 памятников), добавлялось как минимум два-три храма, молельни, евктириона, преимущественно монастырских, так что в итоге к первой половине X в. общее количество церковных сооружений только в одном Херсоне, без учета его сельской периферии, превысило четыре десятка⁶³. Плотность прихожан на храм сократилась в среднем в два раза, примерно со 300 до 150 на храм. К слову, большое количество церковных сооружений говорит о многочисленности клира, который, как и в большинстве других византийских городов, насчитывал не менее одной десятой, а иногда и четверти численности населения⁶⁴. В этом случае в раннесредневековом Херсоне с его примерно 6 тыс. населения жило не менее 500–600 человек духовного звания, что соотносится с числом монастырей, храмов, церквей, мартириев, мемориев, баптистериев и молелен (в среднем по 13–15 клириков на каждый из 37–38 известных к настоящему моменту раннесредневековых храмов, молелен, мартириев, которых могло быть и больше). Учитывая потребность в старших и особенно в младших служащих клира, в пресвитерах, священниках, диаконах, диакониссах, иподиаконах, алтарниках, анагностках-чтецах, певчих, канонархах, аколоуфах, могильщиках, игуменах, монахах и прочих, упоминаемых в византийских евхологиях, это число представляется не таким уж большим⁶⁵.

Следовательно, говорить о «средневизантийском возобновлении» городской жизни и строительства, как делают некоторые исследователи, в отношении византийского Херсона в хазарскую эпоху не приходится⁶⁶. «Коллапс городской жизни», якобы наступивший в Византии в первой

половине VII в., если и был, то касался старых муниципальных, полисных институтов, но не внешних форм города и его памятников⁶⁷. Перестройка общества, в том числе его духовной жизни, привела к тому, что ромеи стали строить меньше, но, подчеркнем, все же строили⁶⁸. Именно в «темные века» здесь появились такие новые общественные здания, как крестовидный кимитирий — липсанотека при Западной базилике, базилики №26, №32 и крестовокупольный храм №29 на агоре, загородный крестовидный храм св. Созонта, гробничный евктирион в оконечности южной галереи Западной базилики, церковь или молельня в оконечности южного нефа Северной базилики, еще одна молельня, пристроенная к южной стене той же базилики, а в конце IX – начале X в. добавились базилика с баптистерием при византийском претории и загородный паломнический комплекс с меморием св. Климента на острове в Казачьей бухте. И это перечислены только известные к настоящему времени объекты культового строительства, число которых было явно больше, особенно вдоль главной продольной улицы в западной части городища, если учесть последние данные аэрофотосъемки и раскопок (трехапсидный храм второй половины IX–X вв. на месте «Пятиапсидного храма» в квартале №55 и др.)⁶⁹. Пример Херсона как раз объективно, убедительно показывает, что потенциал провинциального строительства «темных веков» не был столь убог, как представляется некоторым византинистам, и мог обеспечить сооружение не только «мелких церквей и реставрацию более древних зданий»⁷⁰.

Однако следует учесть, что уже к концу VII в., т.е. как раз к началу хазарской эпохи в Крыму, задача создания очень крупных, универсальных по замыслу сооружений, унаследованная от античного мира, ушла в прошлое. Храмы стали строить, как выразился В.М. Полевой, «по соображениям современных нужд», соответствовавшим новым материальным и культурным потребностям, когда место просторных публичных царских и епископских базилик заняли частные и монастырские храмы гораздо меньшего размера, с карликовыми пропорциями архитектурных элементов, рассчитанные на приобретающий все больший вес индивидуальный или семейный культ, интерьер которых мог рассматриваться как единое целое, а на первый план стали выдвигаться целесообразность и соответствие потребностям более камерного средневекового общества, масштабу компактного прихода, провинциального города, но не Империи⁷¹. Социально-эстетические вкусы начинают все больше ориентироваться на интимное общение с Божеством. В то же время процесс унификации, консолидации и упрощения литургии привел к тому, что постепенно городские обрядовые шествия и ритуалы стали разыгрываться в значительно сократившемся пространстве, потеряли свою массовость, «уличность», а само богослужение стало более инди-

видуализированным⁷². Как подытожил в своем исследовании Р. Остерхаут, «новые, небольшие, масштабы архитектуры идеально отвечали запросам благочестивого частного человека в закрытом обществе»⁷³. Так что и тут по меркам эпохи у херсонитов все обстояло в порядке.

Из светских сооружений общественного характера следует указать на ранневизантийский монументальный архитектурный комплекс, возможно, с баней или, скорее, больницей, носивший имя св. великомуч. Феодора, и соседствующее с ним городское водохранилище — *castellum aquae*, «правительственный дворец» — огромное «здание Г» и другие обширные многокамерные постройки недалеко от малой агоры – перекрестка главных улиц у Южных («Мертвых») ворот, общественные туалеты рядом с 14-й куртиной и около XXII приморской башни, не менее трех бань, а к концу IX в. — главная потестарная структура, выстроенный взамен прежнего, возведенного в середине столетия, новый обширный комплекс византийского претория, видимо, включавший сокровищницу, казармы, тюрьму, с несколько позже пристроенной к нему базиликальной гарнизонной церковью в «цитадели»⁷⁴. Таким образом, даже монументальное строительство, не говоря уже о жилом, никогда не замирало полностью. Перестройки, местами полные обновления, очевидно, следовали циклам, подчиненным не неким «периодам упадка», якобы присущим «темным векам», а давно сложившейся практике эксплуатации общественных зданий и жилых усадеб, согласно которой от начала до конца существования постройки проходило примерно два столетия (плюс-минус 50 лет). Это вполне совпадает с основными пиками строительной активности во второй половине VI – первой половине VII вв. и второй половине IX – первой половине X вв., причем если первый «строительный бум» был вызван целым комплексом причин, среди которых была, очевидно, и экологическая, то второй, более скромный, объясним, вероятнее всего, государственными финансовыми вливаниями после образования фемы⁷⁵. Поэтому представляется возможным видеть иной облик этого византийского провинциального города в хазарскую эпоху.

Он был хорошо, по всем тогдашним правилам фортификации и военной теории защищен⁷⁶. С сухопутной стороны протяженность городских стен достигала 2,5 км, а общая протяженность крепостной ограды (с суши и с моря) составляла около 4 км⁷⁷. Двухпанцирные оборонительные стены, основная и передовая, были сложены из тесаных блоков на прочном известковом растворе с внутренней каменной забутовкой и увенчаны парапетом с двухскатными мерлонами – колпаками зубцов, предназначенных для укрытия защитников города от вражеских камнеметов и стрел. Двое больших двухпилонных коридорообразных ворот с коробовым сводом — южные, так

называемые «Мертвые» (е *Nekre auloporta*), между башнями XII и XIII, и западные — «Святые (ta Iera)» или «Красивые» (на старославянском — Красные) (е *Omorthē auloporta*), между 12–14-гранной снаружи угловой башней VIII и квадратной башней VII, прикрытые на всех участках непрерывной протехисмой, служили въездом в Херсон и встречали идущих к его святыням паломников⁷⁸. Одни из этих ворот, скорее всего, западные, уцелевшие к 1578 г., назвал «великолепными» Мартин Бронеvский⁷⁹. Ему же вторил П.-С. Паллас, упоминая, что не раз виденные им во время посещения Херсонеса в 1794 г. «красивые городские ворота»⁸⁰. Возможно, к оформлению и украшению Западных ворот относились части вторично использованной в средневековье большой мраморной фигуры стоящего льва с пышной гривой, повернутой влево головой и приподнятой правой лапой, античной работы, обнаруженной при раскопках остатков небольшой «цитадели» с толстыми стенами на извести, которая с наружной стороны защищала въезд в город⁸¹. Как и аналогичная парная скульптура стража из претория «цитадели», она могла иметь отношение к античным надгробным памятникам некрополя⁸², откуда ее перенесли к воротам, недаром получившим название Красивые. Еще одни малые ворота шириной около 2,2 м были устроены к X в. на крайнем северо-западе городища, в начале 1-й куртины, под прикрытием приморской угловой башни I с крестовым перекрытием. Меньшая, высотой 2,3 м и шириной 1,7 м, приземистая калитка с арочным сводом и мраморным порогом, сооруженная не ранее X в. на месте разобранной старой надвратной башни древнегреческих ворот IV–I вв. до н.э., вела через начало перестроенной 16-й куртины из перибола по улице в портовый район и обратно, очевидно, для удобства связи с гаванью и птохионом св. Фоки Навта в Карантинной бухте. Другие три калитки шириной около 1,5 м в 19-й куртине позволяли в случае нужды быстро попасть на территорию юго-восточной «цитадели», войдя в перибол через внешние ворота около клавикулы самой мощной башни Зинона, достигшей своего максимального диаметра в 23 м. В свою очередь «цитадель» с ее преторием и гарнизонной базиликой сообщалась с портовым районом города через калитку посередине 18-ой куртины, переделанную в X в., после устройства нового яруса куртины, в сводчатый проход. Общее число раннесредневековых оборонительных башен круглой, полукруглой, но преимущественно квадратной и прямоугольной форм достигало до 30⁸³. Некоторые из них имели крестовые своды, достигали пятнадцатиметровой высоты, а сами массивные двойные крепостные стены имели от 2,5 до 5 м толщины при высоте в зависимости от конфигурации местности на разных участках обороны от 4–6 до 12 м.

С востока, от приморской площади с храмом апостола Петра до западных, Святых, или Красивых, ворот тянулась унаследованная от антич-

ных времен главная продольная улица – типичная *meses leophorou* длиной около 900 м и шириной от 5,5 до 7,4 м. Название этого годонима остается неизвестным, но он имел первостепенное значение, проходил через большой рынок — агору площадью около полугектара с выстроенными на нем обширной, крытой камарным кирпичным сводом подземной водосборной цистерной, несколькими палатиями и храмами, а напротив Южных ворот — Ворот мертвых пересекал главную поперечную улицу, в свою очередь соседствовавшую в месте пересечения с еще одной, малой агорой. По названию последнего урбанонима весь прилежавший «регион» с расположенными здесь общественными, возможно, административными зданиями, «дворцами», в одном из которых до хазарской эпохи еще действовал афедрон на 30 мест, был известен херсонитам как *mikras agora*.

Город выглядел гораздо более упорядоченным и строго спланированным, чем некоторые прочие византийские города, даже такие крупные как средневековый Пергам⁸⁴. Площадь его жилой застройки составляла около 200 000 м² при количестве населения около 6–7 тыс. человек (в среднем 30 м² на человека или около 180 м² на семью — размеры обычной, типовой городской усадьбы). На улицы приходилось примерно 60 000 м². Особенно показательно, что площадь, занятая общественными сооружениями, достигала около 80 000 м², и их соотношение с общей площадью города было не меньшим, если не большим, чем в античную эпоху⁸⁵. Стены общественных зданий вели преимущественно в системе двухпанцирной кладки из слегка подтесанных камней, часто сполий, с минимальной бутовой забутовкой на известковом растворе и лишь к концу раннесредневекового периода стали сменять этот раствор на глиняный, земляной. Периодические находки известковых ям и следов больших круглых печей для обжига извести свидетельствуют о том, что херсонские икодомы усвоили и долго не забывали римскую технологию строительства. Существовала ли декоративная разделка швов, роспись внешних стен, оттенение или прочерчивание их краской, остается неизвестным. Пример такой росписи экстерьера являли лишь апсида Уваровской базилики и соседний баптистерий, на известковой штукатурке которых сохранились слабые, со следами подновлений красно-коричневые линии, имитирующие прямоугольники — квадраты⁸⁶. Внешний облик зданий, вероятно, оставался сухим, а для культовых построек такой аскетизм был даже преднамерен, символизируя рубище Иисуса Христа, в котором Он принял крестную казнь⁸⁷. Впрочем, в городе было около полутора десятков ранневизантийских общественных сооружений, сложенных в технике *opus mixtum*, а, как известно, в Византии использовали прием росписи стен под эту кладку⁸⁸.

Отсутствие зеленых насаждений было характерно, но зато на высокий уровень городской культуры херсонитов указывает функционирование

развитой системы водоемов, водостоков, дренажных ям, колодцев, наличие нескольких общественных бань, странноприимного дома – птохиона, монастырского ксенона (носокомиона), или богадельни, и просторной, капитально выстроенной ятрины в архитектурном комплексе около Южных, или, как их называли херсониты, Мертвых ворот. В целом, можно заключить, что уровень благоустройства по сравнению с предшествующим, римским периодом если и снизился, то весьма незначительно. Это заставляет по-иному взглянуть на бытующие в историографии представления о ничтожном санитарном состоянии византийских городов, даже крупных, улицы которых якобы были полны грязи, луж, колдобин, ям с нечистотами и помоями, выплескивавшимися из домов⁸⁹.

В Херсоне хазарской эпохи было считанное число молитвенных домов, т.е. храмов, без престола, где богослужение происходило в определенные дни года и к которым не были приписаны лица духовного сана. К их числу следует с полной уверенностью отнести тетраконхальный меморий (№47), судя по расположению, построенный, возможно, на легендарном месте совершения чуда епископа Капитона, и первоначальный вариант загородного большого крестового храма Богородицы Влахернской. Уже с середины – второй половины VI в. последний был превращен в монастырский мартирий рядом с агиасмой, посвященной Богоматери целительнице. Она, как и храм, действовала на протяжении всего хазарского периода. Главную гордость города составляли не менее 12 действовавших кафоликонов — приходских соборов (главный, кафедральный — Уваровская базилика, и филиальные — базилика Крузе, Восточная, Северные базилики — №23, 7, 36, 22, базилики 1935 г. и 1932 г., ранняя, большая «базилика в базилике» №15, базилика № 17, ранняя «базилика на холме» №14, базилика № 28 на агоре, храм № 27, «храм с ковчегом» №19) плюс монастырский собор — кафоликон (Западная базилика №13), которые были освящены через положение в них мощей или через печать помазания святым миром и в которых ежедневно шли богослужения. Наличие в храмовом облике некоторых из них знаков епископского достоинства (иерейское седалище в синтроне, амвон, крещальня с северной, реже — с южной стороны) указывает на черты епископского богослужения в таких местах. В разных частях Херсона существовало не менее пяти таких зданий, являвшихся одновременно центрами крупных храмовых комплексов: на восточной площади — Парфеноне находился базиликальный храм апостола Петра; на северо-восточном берегу около Уваровской базилики — большой кафедральный храм свв. Апостолов; в центре, на большой агоре — крестовидная церковь св. Василия; на месте античного театра, около малой агоры и Южных ворот – крестовидная церковь, возможно, во имя свв. муч. Сергия и Вакха; на северо-западной

оконечности городища — монастырская базиликальная церковь св. муч. Леонтия Киликийского. Примечательно, что почти все они совмещались с жилыми и хозяйственными постройками в единый комплекс, демонстрируя развитый церковно-хозяйственный быт. С учетом центрального храмового комплекса на большой агоре названные кафоликоны удивительно симметрично соответствовали основным четырем частям (*meros*), регионам города, на которые его делило перекрестие главных продольной и поперечной улиц, грамотно, удобно устроенных с учетом рельефа проходившего посередине Херсонесского мыса водораздела и холма в северо-западной части городища. Кроме того, можно предположить, что храмы, вынесенные на возвышенные места и особенно хорошо просматривавшиеся с моря вдоль северного и восточного берегов, служили навигационными ориентирами, чему имеются многочисленные примеры во всех регионах с развитой культурой мореплавания⁹⁰. Основным районам города также соответствовало наличие в них нескольких баптистериев, числом не менее шести. Крестовидные постройки рядом с Восточной и Западной базиликами играли роль молитвенных домов и кимитириев, мощехранилищ, а две поминальные церкви с подземными криптами — у главной продольной улицы, в III квартале, и на территории «дома Св. Леонтия», близ западной античной оборонительной стены, были, очевидно, связаны с почитанием памяти первого мученически погибшего миссионера, епископа города — Василия⁹¹. К слову, реликвии и мощи изменили статус Херсона, сделали из него цель массовых паломничеств.

Внутри стен этого прекрасного, внешне благополучного, сохранившего устойчивую, четкую планировку, вполне благоустроенного по меркам эпохи города, сложенного из белого или слегка желтоватого, как бы золотистого известняка, в хазарскую эпоху подымались крыши примерно тысячи зданий, преимущественно частных двухэтажных усадеб и более редких общественных построек, краснели черепичной кровлей свыше десятка базилик, среди которых своими размерами выделялись епископальный комплекс с кафолионом свв. Апостолов с соседней с ней церковью св. муч. Прокопия⁹², «дворец» и другие обширные здания недалеко от Мертвых (Южных) ворот и малой агоры, монументальная, отделанная внутри мрамором постройка, скорее всего, общественная лечебница, рядом с вместительным водохранилищем, в свою очередь функционировавшим около трехсот лет, до первой половины IX в., прямоугольник византийского фемного претория с небольшой, но роскошной базиликой в «цитадели», обширный западный монастырский комплекс св. муч. Леонтия Киликийского, взметнувшаяся ввысь ротонда мемория св. Капитона, а также виднелись конические, сводчатые, купольные крыши шести крестообразных в основе храмов,

мартириев и видного октогонального баптистерия на северном берегу, свидетельствующие о зажиточности и благочестии горожан и их имперских властей.

¹ Предположение о том, что не позже II в. город со стороны суши уже имел сплошную передовую ограду, принадлежит И.А. Антоновой и основывается на том, что раскопки не выявили у XII башни, якобы завершающей перибол, поперечной стены, а в 1891 г. на южном склоне плато против 9-й куртины был открыт участок перибола и передовой стены (Антонова И.А. Протехизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса. С. 6–7). Исследовательница справедливо отмечала, что перерывы в протяженности протехисмы лишали бы ее важнейшей функции — возможности скрытого передвижения войск по периболу к наиболее угрожаемому месту обороны, да и оборонять фланги такой «оборванной» протехисмы было бы нелегко. Кроме того, на наличие сплошного перибола указывает застройка херсонитами к IX–X в. прежнего римского помериума (*pomerium*, *romoerium*) — военной дороги, шедшей вдоль внутренней части оборонительных стен: необходимость в ней отпала тоже в связи с существованием сплошной линии протехисмы. Особенно наглядно это видно на примере многочисленных помещений, пристроенных впритык к внутренней стороне куртины 16 на юго-восточной оконечности города (Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. СПб., 1901. С. 14–15; Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва». С. 153; Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Х.Сб. 1996. Вып. 7. С. 124). Следует учесть, что запрет на застройку участка вдоль внутренней стороны оборонительных стен сохранялся в Византии до XI в., но лишь формально, поскольку на деле стратегии сталкивались с «каждодневными» нарушениями такого рода, и им рекомендовалось следить, чтобы не застраивали хотя бы городские ворота (см.: Советы и рассказы Кекамена. Сочинение византийского полководца XI в.: Пер., коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 177, II. 32).

² Leonis Imperatoris *Tactica*, sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. 1863. T. 107. Col. 901 C — D, 32 — 58; 904 A, 14 (XV, 56; 60; 64).

³ Утверждение, что в эпоху античности город не имел протехисмы и вся она построена в период средневековья, оказалось ошибочным (Кучма В.В. Оборонительные сооружения... С. 161; ср.: Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. С. 123–126, рис. 11; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 503–504).

⁴ Пятыхева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946–1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 78.

⁵ Первый ряд протехисмы (стена «b») находился на расстоянии 8 м от главной оборонительной стены, а второй ряд (стена «с») — на расстоянии от 1,55 до 3 м и был несколько тоньше первого. Глубина и ширина рва («d») перед этой внешней протехисмой, раскопанной Р.Х. Лепером в 1913–1914 гг., не была определена. Сохранившаяся высота обеих стен достигала 2 м. К.Э. Гриневич ошибается, когда пишет, что они были сложены из бута. Материал их был действительно одинаков, но представлял собой огромные, лишь слегка околотые куски скалы. Исследователь относил сооружение этого участка двойной протехисмы ко времени «не ранее X в.» (см.: Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913–1915 годы. Пг., 1918. С. 63, рис. 90; Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и Западная линия обороны // Х.Сб. 1959. Вып. 5. С. 112; Кучма В.В. Оборонительные сооружения... С. 161, рис. 1).

⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40, 64.

- ⁷ Чичуров И.С. Указ. соч. С. 41, 64–65.
- ⁸ Борисова В.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1958–1959 гг. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 758 / 1. Л. 4–5, 50–51; Борисова В.В. Эллинистические архитектурные детали // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 5.
- ⁹ Таврическая губерния а) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 45; Романчук А.И. Очерки... С. 46, 168.
- ¹⁰ Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 102–107.
- ¹¹ Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 62–67, рис. 1; Романчук А.И. Очерки... С. 50–51, рис. 11.
- ¹² Антонова И.А. XIV оборонительная башня Херсонеса (К вопросу о хронологии оборонительного строительства) // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 81.
- ¹³ Антонова И. А. Западный фланг... С. 66.
- ¹⁴ Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе 1972–1973 гг. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1647. Л. 12; ср.: Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта... С. 117.
- ¹⁵ См.: Антонова И.А. Раскопки у башни XIV (Первый слой) / Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. № 1160; Антонова И.А. XIV оборонительная башня... С. 78–81; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. С. 109–110.
- ¹⁶ Антонова И.А. XIV оборонительная башня. С.81.
- ¹⁷ Стржецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (Башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 23–25; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. С. 119, 121, 123, 128; Сорочан С.Б. Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 520–521, 523–526.
- ¹⁸ Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. С. 6; Скубатов М.И. Закаленные камни с крестами, встречающиеся в херсонско-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. 1910. № 44. С. 45–46, рис. 1.
- ¹⁹ Антонова И.А. Юго-восточный участок... С. 120.
- ²⁰ См.: Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. СПб., 1901. С. 99–100, рис. 1.
- ²¹ Бертъе-Делагард А.А. О Херсонесе. С. 110–111, 137–138, рис. 25; Антонова И.А. Юго-восточный участок... С. 114.
- ²² Подр. см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 512–516.
- ²³ Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта... С. 102–118.
- ²⁴ См.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 216.
- ²⁵ Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 7; Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ: Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 22.
- ²⁶ Антонова И.А., Рижов С.Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4. С. 261–264.
- ²⁷ Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. 1953. №34. С. 245–254, рис. 11.
- ²⁸ Белов Г.Д. Западная оборонительная стена... С. 244–245; Антонова И.А. Отчет о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Ар-

- хив ГИАМЗХТ. Д. № 1969. Л. 35–36, 51; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 650.
- ²⁹ Антонова И. А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса. С. 8–9.
- ³⁰ И.А. Анотонова относит к этому времени сооружение новых башен XIV и прямоугольных XV и XVI на старом основании; III кольца башни XVII, новых куртин 16, 17, 19, 5-го утолщения 20-й куртины, 21-ю куртину, 3-го яруса 18-й куртины, башен XVIII, XXI, 37–39-й куртин, «морских ворот» и башен XXV, XXVI, XXVII, башни XII; возведение новой передовой стены по всему юго-восточному фронту (Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен... С. 128). Кроме новой сводчатой калитки размером 2,5 м с мраморным порогом в куртине 16 особенно примечательны следы водопровода из гончарных труб, которые прошли на расстоянии 0,18 м над римским пристенным склепом №1014 общей высотой 3,70 м и которые, таким образом, наглядно определяют уровень засыпи периболла (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 1, 9–10, 22–23, 25–26, 27, 29–30).
- ³¹ Антонова И.А. XIV башня оборонительных стен Херсонеса. С. 70.
- ³² См.: Антонова И.А. Юго-восточный участок... С. 106–128.
- ³³ Там же. С. 116–117, 118.
- ³⁴ Там же. С. 121.
- ³⁵ Там же. С. 126.
- ³⁶ Там же. С. 116.
- ³⁷ Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году. С. 29; Бертъе-Делагард А.А. О Херсонесе. С. 137; Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2. // Х.Сб. 1927. Вып. 2. С. 90–94, рис. 91 (раскопки в периболле перед 16-й куртиной в 1925 г. позволили окончательно установить искусственный характер засыпи из чистой земли и слоя песка, который почти на 2 м возвышался над вымосткой из битой черепицы античной эпохи). Г.Д. Белов тоже отметил, что эта засыпь прошла по уровню площадки двух пристенных склепов конца I–III вв., немного выше их, но посчитал оба склепа устроенными в ней, не обратив внимание, что сооружения не имели дромоса, зато отличались правильной, штучной наружной облицовкой, не нужной в таком случае, как и закладка в I–II вв. древнегреческих ворот рустированными, под кладку оборонительной стены, плитами (Белов Г.Д. Римские приставные склепы №1013 и 1014 // Х.Сб. 1927. Вып. 2. С. 146; ср.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение... С. 1, 10, рис.8, 23 (на фотографии склепа №1014, снятом сразу после его открытия, отчетливо видна гладкая облицовка); Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 500, 507).
- ³⁸ Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3. С. 80, 84, прим. 1; с. 112.
- ³⁹ Ср.: Гриневич К.Э. Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁰ Овраг играл роль гигантского природного стока, за счет действия которого перед оборонительными стенами портового района накопилось более миллиона куб. метров грунтовых отложений (Антонова И.А. Юго-восточный участок... С. 102–105, 114, 118–119, рис. 2–4, 8 а; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 514–516).
- ⁴¹ Антонова И.А. Юго-восточный участок... С. 122.
- ⁴² Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа... С. 9–10.
- ⁴³ Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 59. Кн. 3. С. 190. Видимо, из такого же невнимания к тексту источника проистекает ошибочное утверждение М.Я. Сюзюмова, что в середине IX в. «часть Херсонеса совсем

опустела, храм находился в развалинах», поскольку в письме Анастасия речь шла не о самом городе, а о его округе (Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 101).

⁴⁴ Подр. см.: Бертье-Делагард А.А. О Херсонесе. С. 87–166, табл. II; Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1–3 // Х.Сб. 1926. Вып. 1. С. 1–72; 1927. Вып. 2. С. 5–104; 1959. Вып. 5. С. 75–114; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 72–115, рис. 2; Романчук А.И. Очерки... С. 42–53, рис. 4–11; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В. Жизнь и гибель... С. 499–500, 502–504, 510–528, 541, 643, 650–654, 675.

⁴⁵ Кучма В.В. Оборонительные сооружения... С. 155–158.

⁴⁶ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В. Жизнь и гибель... С. 526.

⁴⁷ Там же. С. 241–246.

⁴⁸ Следует заметить, что при раскопках периболы около 16 и 17-й куртин в 1899 г. было обнаружено «30 малых метальных камней от катапульта», какие редко встречаются при раскопках городища (Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году. С. 34). Г.Д. Белов, обнаруживший защитные мерлоны во время раскопок около куртины I, принял их за зубцы оборонительной стены, предложив соответствующую реконструкцию парапета. По его мнению, «широкой своей стороной треугольные камни, стоявшие на стене вертикально, были обращены наружу, а узкой – внутрь города, вследствие чего отверстия с наружной стороны, между зубцами, были узкими, внутрь же города они значительно расширялись» (Белов Г.Д. Западная оборонительная стена... С. 240, рис.8). Однако размеры плит (0,70 × 0,50 × 0,50 × 0,47 м) никоим образом не могли предоставить возможность скрыть за собой защитников. Подобные мерлоны известны на различных участках обороны, в частности, около 16-й куртины и башни XIV (Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен... С. 120).

⁴⁹ Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 65–67, рис. 22; Романчук А.И. Очерки... С. 115–116, 121–122, 125–130, рис. 43; 44, 2; 45.

⁵⁰ Ср.: Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton, N. J., 1999. P. 86–127.

⁵¹ Ср.: Якобсон А.А. Закономерности и этапы развития архитектуры... С. 162–172.

⁵² Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. С. 15; Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. №46. С. 232.

⁵³ Подр. см.: Хрушкова А.Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 189–190.

⁵⁴ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч.2. Харьков; М., 2013. С. 7–435.

⁵⁵ Ср.: Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 74–75.

⁵⁶ Отсутствие синтрона в базилике № 28 объяснимо тем, что роль епископского кафоликона на агоре вскоре перешла к крестовидному храму № 27, который, очевидно, был освящен во имя св. муч. Василея (см.: Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. 2009. №68 (93). С. 170–193).

⁵⁷ Подр. см.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч.2. Харьков; М., 2013. С. 310–326.

⁵⁸ Сорочан С.Б. Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международного. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова. Белгород, 2004. Ч. 1. С. 266–272.

⁵⁹ Учитывая постоянное движение земной коры в крымской части Черноморья и принадлежность Крымского полуострова к числу вполне активных сейсмических областей, эта

причина представляется вполне вероятной (ср.: Слудский А.Ф. Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым. М.; Л., 1928. № 1 (5). Вып. 1. С. 17–24). О периодичности сейсмических катастроф с магнитудой 7–8 баллов см.: Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 160–161.

⁶⁰ Лев Диакон. История: Пер. М.М. Копыленко, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988. С. 91 (X. 10); ср.: Романчук А.И. Очерки... С. 62.

⁶¹ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков... С. 246.

⁶² Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus. Ioannis Cameniatae. Symeon Magister. Georgius Monachus ex rec. L. Bekkeri. Bonnæ, 1838. P. 10; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 8 (I. 3).

⁶³ См.: Список общественных сооружений Херсона в VI–X вв. (Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013. Ч. 2. С. 431–435).

⁶⁴ Лебедева Г.Е. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества // ВВ. 1992. Т. 53. С. 17.

⁶⁵ См.: Сорочан С.Б. О численности сакральных сооружений и клира в византийском Херсоне VI–X вв.: предварительные итоги // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2013. Вип. 47. С. 82–94.

⁶⁶ Ср.: Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina. Roma, 1994.

⁶⁷ Ср.: Angold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. New York, 2001. P.41–42; Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. СПб., 2000. С. 50–51.

⁶⁸ Ср.: Каздан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). С. 29, 34.

⁶⁹ Романчук А.И., Филиппов В.А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части городища Херсонеса Таврического в 2005 г. Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005. С. 8, 12, 14, 26, 28; Романчук А.И., Филиппов В.А. Топография торжественных религиозных процессов в византийском Херсоне (возможности аэрофотосъемки для выявления памятников западного района городища) // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. VIII Междунаро. Крым. конф. по религовед. Севастополь, 2006. С.49; Бернацки А.Б., Кленина Е. Херсонес Таврический. Путеводитель по городищу. Севастополь, 2012. С. 30–31.

⁷⁰ Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. С. 262.

⁷¹ Полевой В.М. Искусство Греции: 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 211–212; Каздан А.П. Два дня из жизни... С. 226; Ousterhout R. Master Builder... P. 7–38.

⁷² Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. С. 87–88

⁷³ Остерхаут Р. Византийские строители / Пер.: А.А. Беляев; ред. и коммент.: А.А. Беляев, Г.Ю. Ивкин. Киев; М., 2005. С. 272.

⁷⁴ Сорочан С.Б. Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 94–117; Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона... С.349–355; Сорочан С.Б. Больница или преторий? О монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // Медицина в художн. образах: Статті. Донецьк, 2009. Вип. 7. С. 8–25; Сорочан С.Б. Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // БИ. 2010. Вып. 24. С. 436–456; Сорочан С.Б. О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона // Сб. 2012. Вып. 5. С. 218–229; Сорочан С.Б. Общественные афедроны византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2005. №701. Історія. Вип. 37. С. 166–172; Сорочан С.Б. Бани византийского

Херсона (VI–X вв.) // Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 196–211; Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108–121; Сорочан С.Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2008. С. 167–173.

⁷⁵ Ср.: Бернадки А.Б., Кленина Е.Ю. Сакральная архитектура в праздниках и буднях византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. VIII Междунаро. Крым. конф. по религиоведению. Севастополь, 2006. С. 12.

⁷⁶ См.: Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического... С. 148–163.

⁷⁷ Для сравнения: оборонительные стены гораздо большей Фессалоники достигали в длину 7–8 км (см.: Bakalopoulos A. A. Istoría tes Thessalonikes. Thessalonike, 1983).

⁷⁸ Южные ворота, выступавшие наружу оборонительной стены в виде коридорообразного сводчатого прохода длиной 9 м и шириной 5 м, были устроены посередине куртины 14 не ранее I в. н.э. после того, как были заложены не слишком удобно расположенные древнегреческие ворота, выводившие не столько в город, сколько в портовый район сквозь куртину 16. Считать их «главными воротами» города можно условно, ибо Херсонес располагал еще одними внешними воротами, которые были тоже не менее «главными». «Через перибол» они не проходили, но выводили в перибол, на скрытую им дорогу, ведущую к угловой башне XVII («Зинона») (ср.: Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3. С. 85). А.И. Романчук ошибочно отождествляет южные ворота с «Красными», а строительство других городских, западных ворот относит к периоду между VII – первой половиной IX в., что маловероятно по причине их нахождения на участке античной крепостной ограды и выхода именно к этому месту главной продольной улицы Херсонеса, расположение которой было заложено в изначальную планировку города (отрезок этой улицы шириной 5,5 м был открыт в 2001 г. во время раскопок зданий XIII в. к северу от раннесредневекового городского водохранилища VI – начала IX вв.) (ср.: Романчук А.И. Очерки... С. 51, 52, прим. 63; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 654–655, 675–676; Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона... С. 355–357, рис. 568). В противном случае пришлось бы признать, что до хазарской эпохи главная городская магистраль на западе упиралась своим концом в глухую крепостную стену, тогда как даже в IV в. до н.э., до расширения территории городища, она проходила сквозь ворота, находившиеся рядом с оконечностью здания нынешнего античного отдела музея. Едва ли после переноса оборонительной стены херсониты отказались бы от устройства подобных же ворот. Западные куртины 8 и 9, где были устроены большие ворота города, переходили в одновременные ей куртины 5–7, которые в свою очередь сливались с линией обороны античного времени (Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса. С. 62–63, рис. 1). Они были построены по системе кдадки «кордонами на ребро, плитами на образок» из пре-красно отесанных и точно пригнанных камней. К.Э. Гриневич относил куртины 5–8 к середине или второй половине IV в. до н.э., не исключая «исправления раннеримской эпохи» (Гриневич К.Э. Стены... С. 87–97, рис. 2–10). Однако надо учесть, что самые ранние монеты в могилах №578, 586, 599, 605, 606 в периболо у куртин 8 и 9 относятся ко второй половине I в. до н.э., а самые поздние — к III–IV вв. (см.: Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1894 год. СПб., 1896. С. 60–62, 95, 109–115). Следовательно, данный участок оборонительных стен мог быть сооружен или кардинально переделан именно в этот промежуток времени. Рустированная кладка с буквенными метками каменщиков, совершенно аналогичная раскопанной на юго-восточном участке около древнегреческих ворот, тоже указывает на то, что западный участок оборонительных стен около угловой башни V, открытый в ходе работ Военно-инженерного ведомства в 1894 г., строился одновременно с припортовым в IV в. до н.э., возможно, одними и теми же мастерами.

Позже, не ранее I–II в. н.э., он был перестроен в иной технике, с вторичным использованием материалов древнегреческой стены и на известковом растворе (Косцюшко-Валюжинич Д.Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. 1911. № 45. С. 61–62). Ко времени этой перестройки относится склеп I в. н.э., обнаруженный около стены: «большая красивая гробница, сложенная из каменных плит, с крышею на два ската и с 11 нишами, в которых помещались глиняные и свинцовые урны» (Археологическая хроника // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. 1896. № 4. С. 108–109). На то же указывают раскопки военным инженером М.И. Гарабурдой в 1894 г. в районе 8-й куртины остатков большого здания II–III вв. н.э., в котором, очевидно, размещался римский караульный пост, охранявший ворота. Все эти обстоятельства вызывают сомнение в отношении принадлежащего еще К.К. Косцюшко-Валюжиничу голословного утверждения считать прилегающий участок западных куртин с воротами в них «несомненно ранневизантийской эпохи». Даже находка в воротах подпятников из мраморных пьедесталов с греческими надписями III–II вв. до н.э. и II в. н.э. не может служить основанием для установления *terminus post quem* всего сооружения и тем более считать его ранневизантийским, поскольку, как разумно заметил А.Л. Бертъе-Делагара, находившиеся здесь двустворчатые воротные полотна «могли и должны были переделываться несколько раз, значит, тому же могли подвергаться и подпятные камни» (Бертъе-Делагара А.Л. О Херсонесе. С. 155; ср.: Отчет за 1900 год // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 9. Л. 9, 28; Отчет за 1901 год // Архив ГИИМЗХТ. Д. №10. Л. 2–3). Следы широкой древней дороги, ограниченной по сторонам низкими массивными каменными стенами и выводившей из города около западной фланговой башни VIII, на протяжении нескольких километров были еще хорошо заметны в конце XIX в. (Отчет за 1892–1893 г. // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 3. Л. 38 об. — 39; Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 58; Отчет о раскопках за 1894 г. (юго-западный участок городища, юго-восточный угол городища) // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 4. Л. 2–2 об.). Часть этой дороги в виде слона щебня толщиной 0,7 м была вскрыта в 1894 г. (Гарабурда М.И. Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса. С предисловием и примечаниями М.И. Скубетова // ИТУАК. 1909. № 43. С. 96).

⁷⁹ Описание Крыма (*Tartaria descriptio*) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 342. Польский посол находился в Крыму с апреля 1578 г. до марта 1579 г.

⁸⁰ Pallas P.-S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2. S. 73; Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. Б.В. Левшин, сост. Н.К. Ткачева. М., 1999. С. 47.

⁸¹ Мраморная фигура оказалась найдена расколотой надвое, с утраченной мордой, лапами и хвостом. Ныне она выставлена около Греческого дворика музея. Высота статуи от головы до отбитых ног составляла 0,98 м, а длина достигала 1,6 м, т.е. превышала размеры льва, обнаруженного в 1905 г. в кладке оборонительной стены недалеко от «цитадели» (Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год. С. 58; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1894 год. С. 3, 51; Отчет за 1905 год // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 14. Л. 14; Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев, 1976. С. 163, №522; Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999. С. 434, илл. 108; Денисова Е.А. Изображения львов на средневековых памятниках Херсонеса // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2000. С. 20). При раскопках в 1906 г. у западных оборонительных стен был найден мраморный «завиток от гривы льва», сильно пострадавший от огня, который вполне мог быть от той же или от парной скульптуры, обнаруженной в 1893–1894 г. (Отчет за 1906 год // Архив ГИИМЗХТ. Д. № 15. Л. 23; Античная скульптура... С. 164, №528).

⁸² Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. С. 190–191.

⁸³ Для сравнения: Аморий, по сведениям Ибн Хордадбега, имел в IX в. 44 башни, причем это был один из крупных византийских городов Малой Азии (Сорочан С.Б. К сведениям Ибн Хордадбега о городах ар-Рума // На честь заслуженого діяча науки України А.П. Ковалівського. Тези міжнарод. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження. Харків, 1995. С. 52).

⁸⁴ Ср.: Ousterhout R.G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. New York, 1997. P. 195.

⁸⁵ Ср.: Снитко И.А. Методика реконструкции античного города (на примере Херсонеса Таврического): Автореф. дисс.... канд. архитектуры / Харьковский гос. технич. ун-т строительства и архитектуры. Харьков, 2005. С. 13.

⁸⁶ Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 12, 19; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 156.

⁸⁷ Бармина Н.И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 114.

⁸⁸ Ср.: Ousterhout R. Master Builders... P. 190.

⁸⁹ Ср.: Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. С. 58; Dennis G. T. Death in Byzantium // DOP. 2001. №55. P. 4.

⁹⁰ См.: Sheppard C. Pre-Romanesque Sculpture: Evidence for the Cultural Evolution of the People of the Dalmatian Coast // Gesta. 1984. Т. 23. P. 7–16; Brusic Z. Anticka Luka u Polacama na otoku Mljetu // Arheoloska istazivanja u Dubrovniku i dubrovackom podrucju. Zagreb, 1988. P. 142; (базилики и церкви активно строили во второй половине VI – начале VII вв. у побережья Адриатики именно рядом с гаванями, вдоль важных морских путей, что, по мнению, исследователей, свидетельствует об интенсификации мореплавания); Иванов А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 229, 232; Зеленко С.М. Подводные археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003. Вип. 5. С. 19, рис. 1.

⁹¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2012. Т. 1. С. 142–150, 164–181.

⁹² См.: Сорочан С.Б. О храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // Sacrum et Profanum. Вып. 1: Культ святых мест в древних и современных религиях. Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2005. С. 157–162.

Часть III. Проблемы истории Крыма «хазарского» времени

Глава 6. Хазары и Боспор в конце VII – начале VIII вв.

Ключевой проблемой истории Крыма «хазарского периода» является вопрос о времени хазарского проникновения на полуостров и захвата ими Боспора. А это подразумевает определение политической принадлежности города Боспора (совр. Керчи) и, более широко, территории бывшего Боспорского царства. Речь идет о том, был ли Боспор частью Хазарского каганата, Византийской империи, совместным византийско-хазарским владением или какой-то особой специфической зоной.

По мнению В.Г. Васильевского¹, во второй половине VII в.: «Хазары прочно утвердились на обеих сторонах Керченского пролива и стояли твердой ногой на полуострове в соседстве с независимой пока Готией и вольным греческим городом Херсоном»².

Ю.А. Кулаковский точно не определял дату завоевания хазарами Боспора, но считал, что в конце VII в. в городе сидел уже хазарский наместник, а их власть распространялась вплоть до Готии и Херсона³.

А.А. Васильев считал, что: «К концу VII в. хазары уже перешли Киммерийский пролив, завоевали Боспор, посадили там своего наместника и овладели значительной частью полуострова. ... готские владения завоеваны хазарами не были»⁴.

По мнению А.А. Якобсона хазары к концу VII в. подчинили себе уже большую часть полуострова, за исключением Херсона и ближайшей округи⁵.

М.И. Артамонов полагал, что еще в середине VII в. хазары проникли в Крым и заселили не только степную, но и южную горную часть полуострова, изолировав Херсон от сельскохозяйственной периферии⁶.

Крайне важными для всей дальнейшей историографии стали публикации Т.И. Макаровой итогов археологических исследований на территории Керчи. Исследовательница выделила так называемые «хазарские» слои, в

том числе связанные с захватом ими города, а также строительные остатки, датируемые «хазарским периодом», в том числе и так называемую «цитадель»⁷.

Несколько иную, от взглядов М.А. Артамонова, позицию занимала в своих последних работах С.А. Плетнева. С одной стороны, она характеризует VIII–IX вв. как период «хазарского господства в Керчи», а сам город, со ссылкой на пространную редакцию письма Иосифа, считает принадлежащим хазарам⁸. С другой, исследовательница с полным на то основанием заключает, что достаточно убедительных и весомых археологических доказательств пребывания хазар в степях в VII в. пока нет⁹.

И.А. Баранов, со ссылкой на результаты раскопок Т.И. Макаровой, писал о разгроме византийской крепости Боспор хазарами в конце VII в. и строительстве на ее месте в VIII в. хазарской цитадели. Он выделял два этапа политики хазар в Крыму. Первый — время вооруженного нейтралитета, когда хазары захватили в Крыму только Боспор и долгое время не предпринимали серьезных действий. При этом здесь наблюдалось византийско-хазарское двоевластие¹⁰. Около 740 г. хазары захватывают почти весь Крым, за исключением Херсона, который выплачивал дань, а их политическим центром становится Сугдая¹¹. Прекращается хазарское господство во второй половине X в.¹².

А.В. Гадло считал, что степная Таврика была включена в «хазарскую державу» около 679 г. Но район Керченского пролива на рубеже VII–VIII вв. еще на рассматривался как территория этого государства. Однако уже к 711 г. власть кагана распространилась и на Крымскую Готию, и на Южный берег¹³.

По мнению Н.Н. Болгова, прочная власть хазар в Восточной Таврике утвердилась с конца VII в. Однако вскоре византийское влияние было вновь восстановлено, но уже в конце VIII в. хазары вернули себе господство в Восточном Крыму, в ряде пунктов разместили вооруженные отряды, а в самом Боспоре возвели цитадель, которая была разрушена в конце IX в.¹⁴.

А.И. Айбабин считает, что город Боспор в последней четверти VII в. был уже хазарским, управлявшимся начальником постоянного хазарского гарнизона. При этом в начале VIII в. хазары установили протекторат над всем Крымом, за исключением Херсона. По его заключению: Боспор был одним из «всех селений за Понтом Евксинским...», на которые, по словам Никифора, напали хазары, изгнавшие в 679/680 гг. орду Аспаруха за Дунай¹⁵. Он приводит и археологические доказательства данного события. Им на основании материалов собственных исследований и раскопок Т.И. Макаровой выявлен слой пожара, связанный с захватом хазарами Боспора. Аналогичный вывод сделан и для ряда других поселений Керченского полуострова¹⁶. В са-

мом Боспоре, по мнению автора, хазары разместили гарнизон, а в приморской части построили цитадель. По мнению А.И. Айбабина, для хазарского Боспора (Керчи) характерны салтовская керамика и жилища, типичные как для крымского и Приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры, так и подобные открытым в хазарских крепостях Подонья¹⁷.

Данная точка зрения с отдельными оговорками была воспринята К. Цукерманом¹⁸, а также рядом других авторов¹⁹.

Выводы А.И. Айбабина в отношении хазарских слоев Боспора были подвергнуты критике со стороны С.Б. Сорочана²⁰, В.Е. Науменко²¹, В.В. Майко²², А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева²³, В.С. Флерова²⁴.

По мнению С.Б. Сорочана, к началу VIII в. над Крымом был установлен византийско-хазарский кондоминиум, сохранявшийся до 30-х гг. IX в. Однако уже с конца VIII в. эта система начинает распадаться. А к 860 г. хазары были вытеснены из Крыма²⁵.

В.Е. Науменко, вслед за С.А. Плетневой заметил, что находок, которые можно было бы связать с хазарским присутствием в городе вообще и в «хазарском» слое постройки, открытой А.И. Айбабиным, в частности, немного. Поэтому преждевременно перенесение результатов исследований одной усадьбы на историю всего Боспора этого времени. По его мнению, нет достаточных оснований говорить о выходе города Боспора из состава Византийской империи, хотя оседание на его территории некоторого числа носителей иной, негреческой культуры, возможно. Двойной же титул правителя Боспора (архонт-валгица) указывает на особый статус Боспора, который может быть определен (вслед за С.Б. Сорочаном) как контактная зона, находящаяся под двойным византийско-хазарским управлением. Зависимость города от хазар выражалась, вероятно, в виде дани и определенных торговых привилегиях каганата в районе Керченского пролива²⁶.

Ю.М. Могаричев и А.В. Сазанов пришли к выводу, что в начале VIII в. Крым оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воли, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими²⁷.

Частью империи считает возможным видеть оба берега Боспора в начале VIII в. и В.Н. Чхайдзе²⁸. К подобному выводу пришел и В.С. Флеров, который отдельный раздел своей монографии «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность» красноречиво назвал «Таманский полуостров и Крым: четыре не-хазарских города»²⁹. М.М. Чореф, на ос-

новании изучения нумизматического материала, пришел к выводу о минимальном влиянии хазар на жизнь приморских городов Таврики³⁰.

В заключение историографического обзора³¹ отметим, что все выводы, вне зависимости от позиции авторов, делаются на основании двух групп доказательств. Первую составляют материалы комплексов Керчи рубежа VII–VIII вв.³² (См. Ч. I. Гл. 1), вторая представлена сведениями письменных источников.

Точка зрения о хазарской принадлежности Боспора в конце VII – первой половине VIII в. базируется на информации: 1. Никифора, «подтверждающей» захват Боспора хазарами. 2. Арабских географических сочинений, называющих Черное море Хазарским. 3. Никифора и Феофана, «свидетельствующих» об управлении Боспором хазарами.

Рассмотрим подробно эти сюжеты.

Единственным автором, сообщаящим о хазарских набегах на земли по берегам Понта Эвксинского (рис. 3.1) является Никифор. Именно на него ссылаются исследователи, пишущие о захвате хазарами Фанагории и Керчи³³.

Рис. 3.1. Карта Боспорского царства по И.Г. Шургая

Под 679/680 гг. Никифор помещает следующий широко известный пассаж: «...племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань...»³⁴.

Страна Верилия, или Берсилия, локализуется исследователями по-разному: в районе Северного Дагестана³⁵, северо-западном Прикаспии³⁶, вос-

точном Прикаспии, включая с часть центрального с низовьями Волги³⁷, на средней Волге в районе Самарской Луки³⁸.

Последняя точка зрения была обоснована К. Цукерманом, который полагает, что традиционная концепция северокавказского происхождения хазарской государственности столь же мало обоснована, как и идея о хазарском присутствии там в начале VII в. Хазары пришли со Средней Волги и, вероятно, не одни. Быстрая политическая аккомодация с покоренными барсилами предполагает, что последние являлись частью хазарской орды, которая двигалась на юг. Среди завоевателей, покоривших Северный Кавказ и Понтийские степи, присутствовал сильный барсилский компонент. В новой стране барсилы, уже несомненно, считались хазарами³⁹.

Так или иначе, эта территория стала базой для набегов хазар на близлежащие территории. Принципиален вопрос о географии этих походов. В тексте Никифора «τὰ τοιαῦτα πάντα κατέδραμον χωρία τῇ ὑπὲρ Πόντου τὸν Εὐξείνουν γῆν καὶ θαλάττῃ ἐπέρασε μεθ' ὧν καὶ Βαϊανὸν ὑπεξούσιον ποιησάμενοι εἰς ὑπαγωγὴν φόρων κατέστησε» есть три сюжета, позволяющие судить о направлении хазарских набегов. Первый – фраза о нападениях хазар на все селения земель за Понтом Эвксинским (ὑπὲρ Πόντου τὸν Εὐξείνουν), второй, что в результате этих походов хазары вышли к морю, и, наконец, третий – после этих набегов последовало подчинение орды Баяна. Особенно важны первые два. Попробуем определить: что необходимо понимать под «землями за Понтом Эвксинским» и о каком море, в данном случае, может идти речь?

Для выяснения этого вопроса обратимся к упоминаниям Понтийского моря у Никифора, которые содержатся в трех других местах текста его сочинения⁴⁰. В первом речь идет о событиях 711/712 гг., когда патрикий Стефан переправился через Черное море — «διὰ τῇ Ποντικῇ θαλάσσει»⁴¹, во втором и третьем повествуется о катастрофическом морозе 763 г., в результате которого «противоположный берег Эвксинского моря (τὴν ὑπερπόντιον τοῦ Εὐξείνου θάλασσαν) обледенел и Понтийское море (τὴν Ποντικὴν τότε θάλασσαν) стало несудоходным»⁴². Отметим, что в одной из редакций (конъектура де Боора) фраза «за Понтом Эвксинским» передана тем же выражением «ἐπέτρεχεν τὰ τοιαῦτα πάντα καταδραμόν χωρία τῇ ὑπερποντίου τοῦ Εὐξείνου γῆν καὶ θαλάττῃ ἐπηρέασε»⁴³. Это позволяет предпочесть все-таки конъектуру де Боора и перевести фразу о набегах хазар как «они подвергли нападениям все селения земель противоположного берега Эвксинского (моря) и достигли моря».

Несомненно, что речь идет о Черном море — Понте Эвксинском. Следовательно, хазары из района Северного Дагестана или Среднего Поволжья совершали набеги на селения, расположенные на северном по-

бережье Черного моря, к которому они, в конце концов, вышли. Однако о какой части северного побережья идет речь – кавказской, крымской или вообще обеих? Текст Никифора не дает четких разъяснений. Если дословно исходить из фразы «они подвергли нападениям все селения земель противоположного берега Эвксинского моря», то напрашивается вывод о набегах хазар как на кавказские, так и на крымские земли. Настораживает, однако, следующее. В источнике не упоминаются города Боспора Киммерийского как земли, разоренные хазарами. Причем это касается не только собственно города Боспора (совр. Керчи), но даже Фанагории, хотя эти пункты были хорошо известны источнику компиляции Никифора.

Информация других источников позволяет высказать три предположения, какие набеги хазар могли отразиться в рассматриваемой фразе Никифора.

В «Истории халифов Вардапета Гевонда» говорится о набегах хазар в Закавказье 684 или 686 гг., в результате которых пострадали Албания, Армения и Грузия⁴⁴. Вместе с тем у Никифора эти события помещены под 679/680 гг., что на 4–6 лет раньше даты, указанной в «Истории халифов вардапета Гевонда». Такое незначительное расхождение дат в отношении одного события у авторов с разной хронологической традицией представляется допустимым.

Второй возможный вариант заключается в увязке с набегом 667–668 гг. на Закавказье гуннов, в которых ряд исследователей видит хазар⁴⁵.

Но все же наиболее достоверный вариант реконструкции событий, на наш взгляд, связан с рассмотрением аналогичного места у Феофана, который под тем же 679/680 гг. сообщает: «Из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря»⁴⁶.

Во-первых, обратим внимание, что в отличие от Никифора, Феофан упоминает не о разорении хазарами селений и земель противоположного берега Понта Эвксинского, а о том, что они господствовали на землях вплоть до Понтийского моря.

Во-вторых, и это главное, текст Феофана помогает прояснить пассаж Никифора о землях противоположного берега Понта Эвксинского, попавших под власть хазар. У Феофана вместо «τῇ ὑπερπλοτύῳ τοῦ Εὐξείνου γῆι» Никифора стоит «περατικῇ γῆι»⁴⁷. Аналогичное выражение «ἐν τοῖς ἀρχαίοις περατικοῖς μέρεσι τοῦ Εὐξείνου πόντου» Феофан употребляет в начале рассказа о событиях 679/680 гг., в следующем контексте: «В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, течет река Куфис и впадает в край Понтийского моря...»⁴⁸.

Очевидно, что под противоположными частями Эвксинского Понта источник компиляции понимал земли по течению реки Куфис (Кубань) вплоть до ее впадения в море. Следовательно, хазары, выйдя с территории Барсилии (Северный Дагестан или район Самарской Луки) подчинили земли по течению реки Кубань вплоть до ее впадения в море. Тогда становится понятным выражение Никифора «θαλάττη ἐπηρεάσε — и достигли моря».

Наконец, у обоих авторов рассматриваемый пассаж продолжает рассказ о подчинении хазарами правителя Первой Болгарии Батбаяна. У Никифора: «Затем, подчинив Баяна, они (хазары. — Авт.) заставили его платить дань»⁴⁹ (μεφ' ὧν καὶ Βαϊανὸν ὑπεξούσιον ποιησάμενοι εἰς ὑπαγωγὴν φόρων κατέστησε)⁵⁰; у Феофана – «(Этот народ — хазары. — Авт.), сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Болгарии, получает с него дань и поныне»⁵¹ (καὶ τὸν πρῶτον ἀδελφὸν Βατβαϊᾶν, τῇ πρώτῃ Βουλγαρίᾳ ἄρχοντα, ὑποτελῇ καταστήσαι φόρου παρ' αὐτοῦ κομίζεται μέχρι τοῦ νῦν)⁵². Как представляется, наиболее обоснованная локализация Великой Болгарии принадлежит И. С. Чичурову, который помещал ее в Восточном Приазовье, т.е. как раз на предполагаемом маршруте хазарских набегов⁵³.

Остается неясным, было ли подчинение Баяна результатом набегов хазар из Берсилии, что может следовать из текста Феофана, или произошло чуть позже в результате отдельного похода, по Никифору.

При такой трактовке сведений письменных источников вырисовывается следующая картина. Хазары с территории страны Берсилии, располагавшейся либо в Северном Дагестане, либо в районе Самарской Луки, совершают набеги на земли по течению реки Кубань и выходят к морю в районе Восточного Приазовья. Во время этих походов или чуть позже они подчиняют болгар Батбаяна. Все указанные события локализуются в районе от Северного Дагестана — Среднего Поволжья до Восточного Приазовья. Ни в одном случае источники не содержат сведений о захвате хазарами города Боспора (Керчи). Наоборот, события происходили по другую сторону пролива и, судя по отсутствию упоминаний о разрушении хазарами Фанагории, даже вне Таманского полуострова.

Таким образом, представляется маловероятным вывод А.И. Айбабина, что Боспор был одним из тех селений за Понтом Эвксинским, на которые напали хазары, изгнавшие в 679/680 гг. орду Аспаруха за Дунай⁵⁴. Попутно отметим обоснованность сомнений К. Цукермана в точной дате болгаро-хазарского столкновения⁵⁵.

А.П. Новосельцев считал, что вопрос о хазарской власти в Крыму стоит особо. По его мнению, в VIII–IX вв. присутствие здесь хазар было

столь значительным, что нашло отражение в сочинениях Ибн Хордадбеха, ал-Мас'уди и ал-Мукаддаси, где Черное море называлось Хазарским⁵⁶.

На наш взгляд, ситуация выглядит не столь однозначной. Этникон ал-хазар весьма широко и противоречиво использовался арабскими писателями⁵⁷. «Отставание арабской литературы, “золотым веком” которой считается X в., от реальных событий истории (напомним, что пик столкновений арабов с хазарами приходится на VII–VIII вв.), отразилось в противоречивом толковании термина у ряда арабских писателей»⁵⁸. По точному замечанию Т. М. Калининой, современный исследователь всегда должен помнить, что полученные сведения могут восходить совсем не ко времени жизни и работы сочинителя, а к гораздо более ранней эпохе или к совсем иному, чем у арабов, кругу восприятия информации⁵⁹. К тому же, как пишет исследовательница: «“Морем Хазар” или “Хазари” он (ал-Мас'уди. — Авт.) чаще всего называл Каспий. ... Однако при использовании других источников — таких, например, как книга Ибн Хордадбеха, — он называл морем Хазар Черное, но именовал его Майутисом. В последней книге ал-Мас'уди несколько раз говорил, что морем Хазар назывался Меотис ... При перечислении византийских фем, схожих с описанием их в трудах Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джа'фара, морем Хазар ал-Мас'уди неизменно называл Черное»⁶⁰.

Как известно, в арабской географической традиции моря получали наименования по прилегающим местностям. Это применимо также к Черному морю, действительно названному Ибн Хордадбехом «морем ал-Хазар»⁶¹. Где же Ибн Хордадбех помещает хазарские земли?

У него упоминаются хазарская столица Хамлидж⁶², хазарские города Самандар, Баланджар, ал-Байда⁶³. Под Хамлиджем, как считают многие специалисты, скрывается название восточной части Итиля, куда столица Хазарии была перенесена в первой половине VIII в.⁶⁴. Ал-Байда, по мнению Н. Велихановой, напротив, — арабское наименование западной части того же города⁶⁵, Саманджар, соответственно, Семендер, первая столица Хазарии, а Баланджар — город севернее Дербента⁶⁶. Все эти города, по мнению исследователей, вероятно, находились в районе от прикаспийского Дагестана (Беленджер и Семендер) до устья Волги (Итиль)⁶⁷.

Об остальных владениях хазар Ибн Хордадбех пишет: «Город Самандар расположен за ал-Бабом. Все, что за этим (городом), в руках хазар» (С. 109), и далее: «Областями Арран, Джурзан и ас-Сисаджан (до арабов) владели хазары» (С. 108). Первая фраза соответствует ареалу хазарских городов, вторая свидетельствует о том, что хазары владели территорией Кавказской Албании (Арран), прилегающими к ней землями между Араксом и озером Севан (Ас-Сисаджан) и частью Грузии⁶⁸.

Все эти данные позволяют локализовать Хазарию Ибн Хордадбеха на территории от Закавказья — прикаспийского Дагестана до устья Волги. Именно такая локализация хазар отражена на карте, составленной переводчиком Ибн Хордадбеха Н. Велихановой⁶⁹. Ни о каких крымских и даже таманских землях, принадлежащих хазарам, источник не сообщает.

Напомним, что в сочинении Ибн Хордадбеха (было написано в 80-е гг. IX в.) наименование Черного моря как моря ал-Хазар было заимствовано у Муслима ал-Джарми. Последний был выкуплен из плена в 845 г. и стал для последующих арабских географов главным источником о Византии⁷⁰. В любом случае название море «ал-Хазар» впервые появляется в арабских источниках только в середине 80-х гг. IX в.

Как же именовалось Черное море в более ранних арабских географических сочинениях? В «Книге картины Земли», относящейся к 836–847 гг., аль-Хваризми называет его «морем Барки и Лазики», упомянутый им город ал-Хазар локализуется восточнее Хорезма⁷¹. У ал-Фаргани в 833–861 гг. оно именуется «Морем ар-Рум», т.е. Римским (Византийским) морем⁷². Кроме того, несколько позже, в 877–918 гг., ал-Баттани называет Черное море «Морем Бунтус», что является простой арабской передачей греческого «Понтос»⁷³, а в 902–945 гг. Сухраб вновь использует термин «море ар-Рума»⁷⁴.

Таким образом, приведенные материалы не отмечают устойчивой традиции именования Черного моря Хазарским, которую можно было бы рассматривать как отражение хазарского присутствия в Крыму и на большей части северопричерноморского побережья.

Теперь необходимо выяснить, дают ли сведения письменных источников основание утверждать, что земли Крыма и Таманского полуострова в конце VII – первой половине VIII в. были частью территории Хазарии?

Текстологический анализ дает однозначный ответ на этот вопрос. Никифор и Феофан не считают земли Крыма и даже Таманского полуострова территориями исторической Хазарии. Так, в 704–705 гг. находясь в Фанагории, Юстиниан «немедленно отсылает Феофору в Хазарию (ἐν Χαζαρίᾳ)»⁷⁵. Никифор под 706/707 гг. сообщает: «Юстиниан посылает в Хазарию (ἀπὸ Χαζαρίαι) за своей женой Феодорой»⁷⁶. Аналогично место у Феофана: «Юстиниан послал флот, чтобы привезти из Хазарии (ἐκ Χαζαρίαι) свою жену»⁷⁷.

Какие же территории они называли «Хазарией»? Ясного и четко географически определенного ответа на этот вопрос нет. Никифор сообщает лишь о далеких пределах земли хазар⁷⁸. Практически единственная географическая зацепка – упоминание «гор Хазарии — τὰς ὄρεων Χαζαρίαι», — Дарьяльского или Дербентского проходов Кавказского хребта, через кото-

рые повернул свои полки Маслама⁷⁹. Видимо, речь идет о северо-западном Прикаспии. Именно на этой территории в тот период могла располагаться резиденция кагана. Никифор и Феофан по-разному именуют хазарского кагана. Первый употребляет термины «вождь, или предводитель» (τῷςν Χαζάρων ἡγεμόνα)⁸⁰, «архонт» (τῷςν Χαζάρων ἀρχοντα)⁸¹ «государь» (τὸν κύριον τῶν Χαζάρων)⁸² и, наконец, «каган», отмечая при этом, что «вождя хазар сами они называют их каганами» (αἰτεῖς δὲ τῶν Χαζάρων ἡγεμόνα χαγάνουι δὲ τοῦτοῦ αὐτοῦ καλοῦσιν)⁸³. Второй именует в большинстве случаев хазарского правителя каганом, иногда поясняя «владыка Хазарии» (δυνάστη)⁸⁴, или же дает термин «государь» хазар (κύριοι).⁸⁵

Итак, Боспор не входил в состав Хазарии. Кому он в таком случае принадлежал и как управлялся? Первое, что необходимо выяснить, это, как ни странно, вопрос о том, что упомянутые летописцы понимали под термином «Боспор» и тождественен ли Боспор этих авторов собственно городу Боспору?

Из Феофана известно, что бывший Пантикапей называли городом Боспором. Однако в каком контексте источника тождественны Боспор и город с таким названием? Упоминание города Боспора содержится в единственном пассаже «Хронографии» — рассказе о событиях 527/528 гг., а именно, сюжете, связанном с гуннским царевичем Гордом (Гродом). «Пришел к императору царь гуннов, (живущих) поблизости от Босфора... Император принял его, и, дав ему много даров, послал в его страну, охранять ромейское государство и город Боспор»⁸⁶. Обратим внимание на разницу: первый раз просто Босфор (ὁ πλησίον Βοσφόρου), а во втором случае город Босфор (τὴν Βόσφορον πόλιν)⁸⁷. Это же можно заметить и в следующем далее тексте: «В этом городе (ἐν τῇ αὐτῇ πόλει) происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами»⁸⁸, «... они внезапно подступили к городу Босфору (ἐν τῇ Βοσφόρῳ πόλει), убили трибуна Далмация и стратиотов», «В Босфоре (ἐν Βοσφόρῳ) наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно»⁸⁹. Совершенно очевидно, что речь идет о разных понятиях — городе Боспоре (Босфоре), соответствующем современной Керчи, и Босфоре (Боспоре) как территории вокруг пролива.

О каком же Боспоре идет речь при описании Никифором и Феофаном событий 704/705 и 711/712 гг.?

Под 711/712 гг. Никифор пишет: «Юстиниан ... послал его (Стефана Асмикта. — Авт.) с приказом истребить мечом весь народ в Херсоне, Боспоре и других архонствах»⁹⁰. Боспор именуется здесь архонством (ἐν Χερσῶνι καὶ Βοσφόρῳ καὶ τοῖς τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν)⁹¹. Чуть ниже Никифор отмечает: «И вот, Стефан, переправившись через Понтийское море в тамошние (области), исполнил приказание ... До двадцати мужей,

управляющих другими городами, Стефан, погрузив на суденышко и привязав к нему множество камней, утопил в пучине»⁹².

Обращает на себя внимание фраза о двадцати мужах, управляющих другими городами (τοὺς δὲ τῶν ἐτέρων προστατεύονταί πολιμάτων ἄνδραῖ ἄχρι), етῶν ἐτέρων πολιμάτων — явная параллель с «τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν», среди которых был назван Боспор. Возможно, хотя и абсолютно недоказуемо, что среди «других городов» был и город Боспор. Слово πολιμά у Никифора равнозначно πόλι⁹³.

Далее Никифор, рассказывая о намерении Юстиниана послать против враждебных областей флот, сообщает: «Архонты же тех областей, проведя о такой молве, как могли, укрепились»⁹⁴. Здесь уже фигурирует «τῶν χωρῶν» — области, возглавляемые архонтами.

Итак, Никифор называет Боспор архонством, областью, управляющей-ся архонтом.

Терминология Феофана в соответствующих пассажах отличается от Никифора: вместо архонтов и областей фигурируют климаты и крепости. Так, под тем же 711 г. Феофан сообщает о снаряжении Юстинианом большого флота, который он отправил «помня о заговоре против него херсонитов, босфориан и остальных климатов (τῶν Χερσωνιτῶν καὶ Βοσφοριανῶν καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων)»⁹⁵. Чуть ниже: «Василевс приказал истребить мечом всех жителей в тех крепостях (ἐν ἐκείνοις τοῖς κάστροις)»⁹⁶. И далее: «Это услышали жители крепостей, приняли меры безопасности» (ἤκουσαν ταῦτα οἱ τῶν κάστρον ἐκείων)⁹⁷. «Тогда херсониты и жители других крепостей свергли Юстиниана» (οἱ Χερσῶνοι καὶ τῶν λοιπῶν κάστρον)⁹⁸. Термина «климаты» нет у Никифора. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: кто точнее в параллельных пассажах 711/712 г. передает сведения компилируемого источника — Никифор или Феофан? От решения этой текстологической проблемы зависит определение статуса Боспора как климата или архонтии.

Общая оценка степени точности передачи источника Никифором и Феофаном⁹⁹ была проанализирована И. С. Чичуровым, который пришел к хорошо обоснованному выводу о сокращениях, пропусках и погрешностях Феофана в воспроизведении географической номенклатуры компилируемого источника¹⁰⁰. Противоречия и ошибки характерны и для описания Феофаном Северного Причерноморья¹⁰¹.

Отметим еще два важных обстоятельства, свидетельствующие в пользу Никифора. «Бревиарий» был написан, по всей видимости, между 775 и 787 гг., а «Хронография» — в 811–814 гг.¹⁰². За эти десятилетия произошло много изменений, и одним из них было появление климатов, первое упоминание о которых относится к 808 г.¹⁰³. Как справедливо отметил

К. Цукерман, климаты — административные деления, обладающие своим архонтом (откуда название архонтия) и крепостью¹⁰⁴.

По всей видимости, Феофан заменил «архонтия» текста оригинала более близким и современным ему по значению термином «климаты». Замена же «городов» на «крепостей», видимо, явилась результатом переделки Феофаном фразы источника, сохранившейся у Никифора «архонты же тех областей, проведав о такой молве, как могли, укрепились — οἱ δὲ τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες τῇ φήμῃ αἰσθόμενοι ἑαυτοὺς ὅση δύναμι ἡσφαλίζοντο»¹⁰⁵.

Перефразируя ее, Феофан написал: «это слышали жители крепостей, приняли меры безопасности — ἤκουσαν ταῦτα οἱ τῶν κάστρων ἐκείων». Так, «укрепленные области» Никифора стали просто крепостями у Феофана. Следовательно, безусловный приоритет в точности компиляции данного места источника имеет Никифор. Соответственно, Боспор в начале VIII в. был архонством — областью, находившейся под управлением архонта. Остается выяснить, какие земли включало в себя понятие «Боспор» и как он управлялся.

Важнейшую информацию сообщает Никифор. Под 704/705 гг. содержится описание известной попытки убийства Юстиниана II по приказу кагана. «... Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее — κελεύει δὲ τῷ ὄντι ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν, φειομένῳ δὲ Ἰουστινιανῷ ὄντι, ἔτι δὲ καὶ τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ ἐπιτηρεῖν ἥνικα αὐτοῖς ἐπιτρέψει ἀνελεῖν αὐτὸν ὡς τάχιστα»¹⁰⁶.

Здесь упомянуты τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ — архонт Скифского Боспора и ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν — архонт из единоплеменников. По мнению И.С. Чичурова, название «Скифский Боспор» употребляется для уточнения, что речь идет о Скифском, а не Фракийском Боспоре¹⁰⁷. На наш взгляд, «Скифский Боспор» — явная калька с «Боспор Киммерийский». Напомним его характеристику, данную Страбоном: «Целая часть пролива, простирающаяся до устья Меотиды, называется Киммерийским Боспором»¹⁰⁸. «К северу от восточного залива расположено озеро Меотида, имеющее в окружности 9000 стадий или даже немногим больше. Оно впадает в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт в Пропонтиде через Фракийский Боспор»¹⁰⁹.

В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) называет Черное море именно «Скифским»¹¹⁰.

Следовательно, архонт Скифского Боспора — архонт пролива, и не только пролива. Похожего мнения, что это был чиновник, который от имени

кагана контролировал пролив, придерживается и К. Цукерман. Однако он считает, что ставка хазарского наместника находилась в городе Боспоре¹¹¹. В.Е. Науменко предположил, что деятельность этого чиновника не затрагивала территории Таврики¹¹². У Феофана в так называемом «болгарском экскурсе», отсутствующем в тексте Никифора, сказано: «от уже указанного озера (течет) подобно реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского»¹¹³. Выражение «τῇ γῇ Βοσφόρου καὶ Κίμμεριου (земли Босфора Киммерийского)» указывает на территории по обеим сторонам пролива. Аналогичным образом описывается и Фракийский Боспор: «И вот, словно поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили (его) азиатскую часть, а авары опустошали землю Фракии»¹¹⁴. Здесь термин «Фракийский Боспор» включает в себя земли по обеим сторонам пролива — азиатскую часть и Фракию. По аналогии архонт Скифского Боспора — архонт земель по обе стороны пролива, т.е. территории бывшего Боспорского царства. В этой связи весьма характерно выражение в одной античной надгробной надписи из Керчи: «Урну его скрывает боспорская земля», где употреблено «γῇ Βοσπορί», то же что «τῇ γῇ Βοσφόρου» в тексте Феофана¹¹⁵.

Название Боспор для территории бывшего Боспорского царства сохранялось в конце VI в. н. э. (590 г.), причем, особо отметим, и для Азиатской его части. Об этом свидетельствует известная надпись, обнаруженная в Тамани. Перевод по В.В. Латышеву: «Сверх прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М(авр)икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука херсонского. Индикта восьмого»¹¹⁶. Перевод по А.Ю. Виноградову: «Вдобавок к прочим великим и удивительным свершениям и этот славный Кесарион на Воспоре возобновил Маврикий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, посредством искреннего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона, в 8-й индикт»¹¹⁷. «На Боспоре» употреблено ἐν Βοσπορίῳ. Следовательно, власть упомянутого у Никифора архонта Скифского Боспора распространялась на земли по обеим сторонам пролива, т.е. территорию бывшего Боспорского царства. При этом, как явствует из текста Никифора, его резиденция находилась в Фанагории. Напомним, осознавая всю иллюзорность этой аналогии, что в титулатуре боспорских царей эллинистического времени содержалось «Архонт Боспора и Феодосии»¹¹⁸.

Однако если у Никифора фигурирует просто архонт Скифского Боспора, то у Феофана есть существенное добавление — имя архонта (Валгиц)¹¹⁹. В пассаже о событиях 704/705 гг. Феофан пишет «а (сам каган. — Авт.) приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту

Боспора (Βαλγίζιν τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου), убить Юстиниана»¹²⁰. То, что Валгиц — не имя собственное, стало окончательно ясно после публикации Кембриджского документа, где упоминается Булшиц בולשצי [BWLŠŠY] hmkp Песах. Н. Голб и О. Прицак рассматривают его как титул правителя baliqci¹²¹. Данлоп возводит его к тюркскому Bulgi (Bolgi) tsi, Balgichi — «управитель»¹²².

Пояснение сути этого титула содержится в слове hmkp, которое П.К. Коковцов перевел как «досточтимый». Н. Голб переправил его на ha-pakud «начальник отряда, гарнизона», что лингвистически допустимо. Это привело его к заключению, что Песах, известный как בולשצי [BWLŠŠY], был правителем хазарской провинции Боспор. Ее центром была Керчь, титул правителя baliqci, а город Тмутаракань был частью этой провинции¹²³. Это построение представляется произвольным. Кембриджский документ — сложный источник, хотя в основе своей и подлинный¹²⁴. Однако принимать все содержащиеся в нем сведения как достоверные нельзя. Это обстоятельство не позволяет безоговорочно соглашаться с рядом исследователей, считающих так называемый поход Песаха на Крым **крупномасштабной** (выделено нами. — Авт.) исторической реальностью¹²⁵ (подробнее об «походе Песаха» см. Раздел 9.1).

Трактовка Голба-Прицака hmkp как ha-pakid, т.е. начальника гарнизона, была воспринята А.И. Айбабиным, который считает, что контекст Кембриджского документа позволяет вполне определенно считать בולשצי — Булшиц и Валгица начальниками хазарских гарнизонов Таматархи и Боспора¹²⁶.

Однако А.П. Новосельцев связал hmkp со среднеперсидским hamarkar, титулом правительственного чиновника, ведавшего сбором податей. Этот титул известен для Дербента и вполне мог быть заимствован хазарами¹²⁷.

В принципе все приведенные выше интерпретации слова hmkp лингвистически равно допустимы. Однако предпочтительней все-таки выглядит точка зрения А.П. Новосельцева, не требующая, в отличие от остальных, ломки структуры слова. Следовательно, архонт Валгиц, по всей видимости, — титул хазарского чиновника, ведавшего сбором податей со всей территории Боспора. Резиденцией его была Фанагория.

В текстах Никифора и Феофана в Фанагории фигурирует и второй архонт. У Никифора он назван «архонтом из единоплеменников (ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν), жившим при Юстиниане (ᾠκειωμένῳ δὲ Ιουστινιανῳ) и местным хазарином (τὸν οἰκεῖον ἔχεινον τὸν Χάζαρον καλέσαι)»¹²⁸. Феофан приводит имя этого архонта — Папац (Παπατζύν) и сообщает, что он был в Фанагории архонтом от лица кагана (ὁ ἐκ πρῶσπου)¹²⁹.

По мнению А.А. Васильева и И.С. Чичурова, греческое выражение ὁ ἐκ πρῶσπου является, скорее всего, греческим осмыслением тюркской

должности тудуна — наместника кагана¹³⁰. Эта точка зрения подтверждается употреблением того же выражения во фразе: «...а тудуна, архонта Херсона, бывшего там от лица кагана...»¹³¹. Итак, архонт Фанагории Папац был, по всей видимости, хазарским тудуном.

Не должно смущать и то обстоятельство, что Никифор называет Папаца архонтом. Под этим термином он, как и другие византийские авторы, понимал не только византийских чиновников, наместников или правителей областей, но и знатных, влиятельных варваров, каким и должен был быть Папац, и даже автономных или вассальных правителей государств, граничащих с Византией¹³². Например, описывая прибытие гуннов (вероятно, во главе с Гордом) в Константинополь, он пишет: «Прошло некоторое время, и государь племени гуннов прибыл со своими архонтами и дорифорами в Византий, прося императора посвятить его в таинства христианства»¹³³.

Наиболее точную оценку функций этого чиновника дал А.П. Новосельцев, охарактеризовавший его как представителя центральной власти на местах. Титул «тудун», как отмечал А.П. Новосельцев, происходит от китайского tu jt jung — «начальник гражданской администрации». К тюркам он попал через восточноиранские языки, где означал «близкий помощник». Этот титул известен у правителя Чача и Волжской Булгарии. Исследователь аргументированно заключает, что у хазар тудуны — первоначально что-то вроде ближних людей правителя¹³⁴.

Принимая эту трактовку, обратим внимание на обстоятельства появления тудуна в Херсоне. Первый раз, в 704–705 гг. тудун упоминается в Фанагории (Папац), а после его убийства и бегства Юстиниана еще один тудун в 711–712 гг. фиксируется в Херсоне¹³⁵. Больше ни в Крыму, ни на Таманском полуострове тудун не известен. Это обстоятельство указывает на кратковременность пребывания тудунов на территории Крыма и Тамани. Видимо, это был лишь небольшой эпизод, не имевший продолжения.

Возникает вопрос, не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Наиболее вероятно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы тудун находился в Херсоне в период ссылки Юстиниана, тому не было бы необходимости искать выход на кагана вне стен города. Кроме того, источники сообщают, что за Юстиниана было обещано много денег и даров¹³⁶. Возможно, в числе этих «даров» каган получил право иметь своего представителя в Херсоне. Когда институт тудунов прекратил свое существование в Херсоне, неизвестно. По всей видимости, логическим концом стало возвращение херсонитами тудуна хазарскому кагану, вероятно, по пути к которому тудун умер¹³⁷. Далее необходимость в функционировании такого чиновника в Херсоне и на Боспоре отпала

после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам.

Подчеркнем, что Папац — хазарский чиновник, приставленный каганом к Юстиниану. Близки к такой точке зрения взгляды Ю.А. Кулаковского и М.И. Артамонова¹³⁸. В этом нет ничего удивительного. Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал своих претензий на константинопольский престол. В силу этих обстоятельств нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица кагана было бы как нельзя кстати. Видимо, таким доверенным лицом и был Папац.

Таким образом, можно констатировать функционирование в Фанагории двух хазарских чиновников — «архонта Скифского Боспора», ведавшего сбором податей, и архонта — тудуна Папаца, бывшего представителем кагана на Боспоре.

Принципиально важным представляется следующее обстоятельство. У Никифора наряду с архонтом Скифского Боспора при описании событий 711 г. фигурирует архонтия Боспор. На первый взгляд кажется логичным предположить, что речь идет об одном и том же хазарском чиновнике, владевшем Боспором и носившем титул архонта. Против этого, однако, говорят два обстоятельства. Первое — упоминание архонтии Боспор под 711 г., когда «архонта Скифского Боспора» уже не было в живых. Второе, и, пожалуй, главное, заключается в том, что в рассказе о событиях 711/712 гг. Боспор фигурирует в едином смысловом блоке с Херсоном и другими архонтиями как территории, подчиненные Византии¹³⁹. Напрашивающийся вывод очевиден: архонтия Боспор управлялась византийским архонтом, резиденцией которого был или город Боспор, бывший Пантикапей, или, возможно, Сугдея¹⁴⁰. При этом на Боспоре (Азиатском) функционировали два хазарских чиновника. Один носил титул «архонта Скифского Боспора» и ведал сбором податей, второй — тудун Папац был представителем кагана на Боспоре, представленным к беглому византийскому императору. Резиденцией обоих хазарских чиновников была Фанагория.

Были ли на Боспоре хазарские войска или гарнизоны? Никифор пишет об отправке каганом в Фанагорию «людей для охраны Юстиниана — ἀνδραὶ εἰς φυλακὴν αὐτοῦ καθασθῆναι»¹⁴¹. Феофан в параллельном месте 704/705 гг. сообщает: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану — παρὰφυλακὴν αὐτῷ ἔπεμψεν»¹⁴². Такое словоупотребление свидетельствует об отправке в Фанагорию к Юстиниану людей для его охраны, т.е. попросту личной стражи.

Находясь в Фанагории или в окрестностях значительные военные силы хазар, кагану не было необходимости посылать туда дополнительные войска, а достаточно было направить одного или несколько чиновников с со-

ответствующими полномочиями, которые и обеспечили бы Юстиниану необходимую «охрану». Причем появление данного контингента не должно было вызвать недоверие со стороны беглого императора. Он должен был поверить, и вероятно поверил бы, если бы не Феодора, что отряд направлялся именно для его охраны. Таким образом, источники позволяют говорить об отсутствии в Фанагории на тот момент значительных военных сил хазар.

Хазарское войско действительно упоминается у Никифора и Феофана, но выражено другим словом и в иных контекстах. Под 711/712 гг. Никифор сообщает: «архонты же тех областей ... направили послов к хазарам, чтобы они прислали войско для их охраны». «Войско для охраны» передано как «ἐπὶ φυλακὴν τοῦτων λαόν»¹⁴³. Параллельный пассаж у Феофана гласит: «Это услышали жители крепостей ... послали к кагану в Хазарию просить войско для своей охраны». Употреблено опять «λαόν πρὸς φυλακὴν»¹⁴⁴. Далее в том же фрагменте 711/712 гг. в предложении «Но когда (на ромеев) внезапно напало войско хазар» Никифор снова употребляет «λαόν δὲ Χαζάρων»¹⁴⁵. Характерно, что за хазарским войском жители крымских архонтий посылают к кагану в Хазарию.

Подведем итоги.

Данные письменных источников однозначно свидетельствуют, что Боспор в конце VII – начале VIII в. хотя и платил дань хазарам, тем не менее, не был частью Хазарии. При этом в Фанагории осуществляли свои функции два хазарских чиновника. Один из них носил титул архонта Скифского Боспора и ведал сбором податей с территории Боспора, другой — тудуна, представителя кагана на Боспоре. Однако как на территории Европейского Боспора, так и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. Статус Боспора по данным письменных источников может быть определен как архонтия, управляемая византийским архонтом.

Херсон, Боспор и другие архонтии несомненно выступают в истории с Юстинианом II как местности, подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие херсонитов, босфорян и остальных архонтий в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ в Херсоне, Боспоре и других архонствах, провозглашение императором Вардана-Филиппика, опять же, херсонитами и жителями других архонтий, указывают, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались как ромейские, а не хазарские или со статусом двойного подчинения.

Какова же была роль хазар во всех этих событиях? Встретиться с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма, боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей...послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны», Юстиниан, когда узнал о заговоре Ильи и

Вардана, возвращает туда и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к кагану и только что провозглашенного императором Вардана «ромеев», обязаны были выплатить значительную сумму. Т.е. хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение, естественно желая по возможности его увеличить и обеспечить, в дальнейшем, беспрепятственное получение дани. Ни один источник не упоминает о каких-либо политических требованиях со стороны хазар, наоборот, акцентируя внимание на исключительно материальных.

Конечный вывод представляется очевидным. В конце VII – первой половине VIII в. Боспор не входил в состав Хазарии, а поэтому и сам термин «хазарский Боспор» некорректен. Соответственно, нет оснований говорить о данном времени как о хазарском периоде в истории Боспора.

¹ Мы не ставили своей целью подробный анализ историографии рассматриваемой проблемы. Мы приводим лишь основные точки зрения.

² Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 388.

³ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 65–66; Кулаковский Ю.А. Из истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. // ЖМНП. 1898. №2. С. 179–180.

⁴ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. М.; Л., 1927. Вып. 5. С. 186.

⁵ Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 28–35.

⁶ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 196.

⁷ Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991; Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI; Макарова Т.И. Боспор (VIII–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

⁸ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 1999. С. 151, 153.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 148.

¹¹ Там же. С. 149–151.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Гадо А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 72–80.

¹⁴ Болгов Н.Н. Боспор византийский: очерки истории // ПИФК М.: Магнитогорск, 1998. Вып. VI. С. 118–120; Болгов Н. К истории средневекового Боспора // Княжа доба. Львів, 2013. Вып. VII. С. 9–12.

¹⁵ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 168.

¹⁶ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 185–186.

¹⁷ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 188–189; См также: Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI; Айбабин А.И. К вопросу о византийско-хазарском condominiumе в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013; Айбабин А.И. Проблемы

хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 138; Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Симферополь, 2013. Вып. XVIII; Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском condominiumе в Крыму // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2014. Т. 12; Aibabin A. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the north of the Black sea // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006; Aibabin A. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011. P. 157–212.

¹⁸ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 675; Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 331–333.

¹⁹ Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонецье и Горный Крым в хазарское время // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 464–467; Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006. С. 74–92; Тортика А.А. Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 376–377; Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногорский сборник. Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 139; Никифоров М.А. К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 441; Кизилов М.Б. Топоним «Хазария» в источниках позднесредневекового и раннего нового времени // Хазары: Миф и история. М.: Иерусалим, 2010. С. 307–308. Фарбей О.М. Христианство в Тавриде в VII–IX ст. (сучасний стан та основні проблеми дослідження) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 308. Об «эпохе хазарского владычества» над Боспором пишет и А.Ю. Виноградов: Конец Боспора и смена эр: проблема единства территории и эпиграфическое койне в IV–XIII вв. // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII. С. 45. Однако упоминаемые им две надписи этой «эпохи» ничего не сообщают ни о хазарах, ни об их владычестве. Так надпись 767 г. сообщает: «Здесь лежит раб Божий Кириак, сын Георгия, внук Виддира. Скончался 3 июня, в 10 индикт, в 6265 году от Адама» (Виноградов А.Ю. Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья — *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE) <http://iospe.kcl.ac.uk/5.316-ru.html> (19 апреля 2015 г.)), а в надписи 819 г. сказано «Здесь лежит раба Божия монахиня Елена; скончалась 11 мая, в среду, в 1-ом часу. Скончался раб Божий Тамган 13 мая, в пятницу, в 5-м часу, в год от Адама 6327» (Виноградов А.Ю. Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (<http://iospe.kcl.ac.uk/5.316-ru.html> (19 апреля 2015 г.)).

²⁰ Сорочан С.Б. Боспор как византийско-хазарский condominium // Боспор Киммерийский и Понт. Керчь, 2001. С. 145–148; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1. С. 406–408; Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарского каганата: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. Харьков, 2005. Т. 4. С. 58. Наиболее обстоятельная критика см: Сорочан С.Б. Размышления над критикой (К статье А.И. Айбабина о византийско-хазарском condominiumе в Крыму) // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12; Сорочан С.Б. Еще раз о византийско-хазарском condominiumе в Крыму в конце VII – первой половине VIII // ВВ. М., 2014. Т. 73 (98).

²¹ Науменко В.Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 99–101; Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 52 – 65. Правда, в более поздней

тезисной работе «К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XI вв. // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII» этот автор пишет о некой «хазарской застройке» Боспора (С. 213). Вероятно, следует ожидать подробной работы В.Е. Науменко, чтобы понять его нынешнюю позицию.

²² Майко В.В. К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // Пантикапей – Боспор — Керчь. 26 веков древней столицы. Керчь, 2000.

²³ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 39–79.

²⁴ Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Иерусалим. 2011. С. 155–160.

²⁵ Сорочан С.Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995. С. 79–81; Сорочан С.Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Междунард. археолог. конф. Самара, 1997. С. 58–60; Сорочан С.Б. Торговля у Візантії IV–IX віків. Структура і організація механізмів обміну: Автореф. Дис. ... докт. іст. наук / Харківський державний університет. Харків, 1998. С. 15; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 41–43, прим. 120; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 209–263; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1. С. 322–581; Сорочан С.Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля). Материалы конференции. М., 2006. С. 174–178; Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарии: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. 2006. Вып. 4. С. 57–73; Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. 2006. Вып. 16 / 1. С. 207–216, 359, 361; Сорочан С.Б. О политическом статусе Таврики во второй половине VI – первой половине VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007. С. 239–244; Сорочан С.Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // ХА. 2007. Т. 6. С. 201–222; Сорочан С.Б. О датировке времени борьбы Юстиниана II Ринотмета с византийским Херсоном // Древности Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 8. С. 357–359; Сорочан С.Б. О положении и статусе Сугдеи в VI–IX вв. // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008. С. 108–124; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 350–352; Сорочан С.Б. О торгово-экономических связях византийского Херсона с федератами Таврики в VI–VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013. С. 235–239; Сорочан С.Б. Размышления над критикой (К статье А.И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму); Сорочан С.Б. Еще раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII в.

²⁶ Науменко В.Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 336–361; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 544–568; Науменко В.Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 69–73; Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 427–440; Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь, 2004 (рукопись); Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36: Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкан-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 129–130.

²⁷ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. 1. Проблема «хазарских слоев» Керчи // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 469–509; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСб. Севастополь, 2004. Вып. 13. С. 163–180; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия, Крым. – Балканы : диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 88–92; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в. // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 354–360; Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории восточного Крыма VIII–IX вв. // ХСб. 2005. Вып. 2. С. 237–247; Могаричев Ю.М. Крым в «византийский период» (VI – начало XIII вв.) // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158). С. 38–53; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 16/1. С. 179–207; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Древности юга России. М., 2008. С. 253–264; Могаричев Ю.М. Византийский Крым (Крым в VI–XII вв.). Симферополь, 2008. С. 21–27; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2008. Вып. 21. С. 572–589; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 104–192; Могаричев Ю.М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. Казань, 2010. №4. С. 66–78.

²⁸ Чхаидзе В.Н. Тамартах. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. С. 264–268; Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. С. 264–270.

²⁹ Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. С. 140–172.

³⁰ Чорев М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Supplement 1. Тюмень; Нижневартовск, 2015. С. 60.

³¹ Об историографии проблемы см. также: Романчук А.И. Исследования Херсонеса — Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. С. 179–254; Романчук А.И. Хазары — Таврика — Херсонес (Херсон): Историографический аспект // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12.

³² Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. 1. Проблема «хазарских слоев» Керчи; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 39–79.

- ³³ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 185; Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 168.
- ³⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 162.
- ³⁵ Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983. С. 177.
- ³⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 117.
- ³⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 79.
- ³⁸ Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты. С. 328. Критика и иные варианты локализации см.: Семенов И.Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // ХА. Киев; Харьков, 2009. Вып. 8. С. 297–300; Тортика А.А. Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 373–375.
- ³⁹ Там же. С. 329.
- ⁴⁰ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 164, 166.
- ⁴¹ Там же. С. 156.
- ⁴² Там же. С. 159.
- ⁴³ Там же. С. 154.
- ⁴⁴ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. А., 1979. С. 154.
- ⁴⁵ Там же. С. 139, 140.
- ⁴⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 37.
- ⁴⁷ Там же. С. 37.
- ⁴⁸ Там же. С. 36.
- ⁴⁹ Там же. С. 162.
- ⁵⁰ Там же. С. 154.
- ⁵¹ Там же. С. 61.
- ⁵² Там же. С. 37.
- ⁵³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 110; Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и сообщения. М., 1976. С. 68, 77–80.
- ⁵⁴ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 168; Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата. С. 280–285.
- ⁵⁵ Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты. С. 332. Сн. 79.
- ⁵⁶ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 109, 158.
- ⁵⁷ Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 12–15.
- ⁵⁸ Калинина Т.М. Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 50 (переиздание статьи: Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. С. 21–36).
- ⁵⁹ Калинина Т.М. Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. С. 50.
- ⁶⁰ Калинина Т.И. Ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир о присутствии Юстиниана II у хазар и болгар // Электронный научно-образовательный журнал «История». Элиты и элитарные практики в процессах становления и развития средневековых государств Европы. М., 2015. Выпуск 11 (34) [Электронный ресурс <http://history.jes.su/s207987840000959-3-1> (дата обращения: 14.02.2015)]. См. также: Калинина Т.М. Арабский ученый X в. ал-Мас'уди о крымской эпопее Юстиниана II // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Международная конференция. [Тезисы докладов]. Алушка–Хер-

- сонес, 22–26 сентября 2006 года. Киев; М., 2006. С. 22; Калинина Т.М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар // Проблемы джерелознавства, историографії та історії Сходу. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора Вольфа Менделевича Бейліса (1923–2001). 15–16 травня 2013 року, м. Луганськ. Луганськ, 2013. С. 67–71 (переиздание: Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). С. 215–234); Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. С. 14–15.
- ⁶¹ Калинина Т.М. Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. С. 41.
- ⁶² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод, с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 42.
- ⁶³ Там же. С. 109.
- ⁶⁴ Там же. С. 306; подробнее об этом городе: Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. С. 42–44.
- ⁶⁵ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод, с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты. С. 307. Хотя отметим, что это не единственная точка зрения по данному вопросу. См.: Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. С. 73–74.
- ⁶⁶ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод, с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты. С. 302. См. также: Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. С. 40–42.
- ⁶⁷ Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. С.26–60.
- ⁶⁸ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 298, 300.
- ⁶⁹ Там же. С. 143.
- ⁷⁰ Там же. С. 279, 281; Калинина Т.М. Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. С. 42.
- ⁷¹ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1998. С. 74, 75, 106.
- ⁷² Там же. С. 137.
- ⁷³ Там же. С. 146.
- ⁷⁴ Там же. С. 121.
- ⁷⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 39, 63.
- ⁷⁶ Там же. С. 156.
- ⁷⁷ Там же. С. 40, 63.
- ⁷⁸ Там же. С. 158, 167.
- ⁷⁹ Там же. С. 45, 68, 142.
- ⁸⁰ Там же. С. 157, 163, 166.
- ⁸¹ Там же. С. 155.
- ⁸² Там же. С. 157, 165.
- ⁸³ Там же. С. 163.
- ⁸⁴ Там же. С. 67, 68.
- ⁸⁵ Там же. С. 165.
- ⁸⁶ Там же. С. 51.
- ⁸⁷ Там же. С. 27.
- ⁸⁸ Там же. С. 27, 51.

⁸⁹ Там же. С. 27, 51.
⁹⁰ Там же. С. 156, 164.
⁹¹ Там же. С. 156.
⁹² Там же. С. 164, 165.
⁹³ Там же. С. 57.
⁹⁴ Там же. С. 165.
⁹⁵ Там же. С. 40, 64.
⁹⁶ Там же. С. 40, 64.
⁹⁷ Там же. С. 40, 64.
⁹⁸ Там же. С. 40, 64.
⁹⁹ Отметим, что историю пребывания Юстиниана II в Крыму не обошли вниманием и арабские авторы. Эти сведения недавно были подробно проанализированы Т.М. Калининой (Калинина Т.И. Ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир о присутствии Юстиниана II у хазар и болгар; Калинина Т.М. Арабский ученый X в. ал-Мас'уди о крымской эпопее Юстиниана II; Калинина Т.М. Сведения ал-Масуди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников. М., 2015). Так ал-Мас'уди (896–956 гг.) писал: «: «27-й [царь] Истинианус, известный под прозвищем “с дырой в носу” или “безносый” (ал-ахрам), царствовал 9 лет в правление ‘Абд ал-Малика ибн Марвана, затем был свергнут. Ему отрезали нос и перерезали уздечку под языком, чтобы он стал немым, но он не утратил речи. Его доставили на какой-то полуостров ... Оттуда он бежал и, оказавшись у царя хазар, обратился к нему за помощью. Там он женился, но не получил [поддержки], на которую рассчитывал, и ушел к царю бурджан Тарфале. 28-й царь – Аулинтус или же Лиунтус царствовал 3 года во время правления ‘Абд ал-Малика, затем разочаровался во власти и стал выказывать неспособность к ней, ушел в монастырь и принял монашество. 29-й [царь] Абсима, называемый ат-Тарсуси, царствовал 7 лет во время [правления] ‘Абд ал-Малика. Затем Истинианус ал-Ахрам выступил вместе с Тарфалой, царем бурджан, поддержавшим его многочисленным войском, и начал с Абсима войну. ... Истинианус завладел царством и сверг Абсима. Это произошло в первый год владычества Валида ибн ‘Абд ал-Малика: дело завершилось тем, что Истинианус стал царем во второй раз и был [таким образом] 31-м царем Рума. У него было условие Тарвалю, царю бурджан, что если вернет себе царство, будет вносить ему ежегодно харадж. Так он и поступил, и учинил жестокие насилия в отношении румов, стал безудержно казнить их и погубил многих знатных и военачальников. Они сговорились погубить его и убили. Второе его царствование продолжалось два с половиной года». Во многом предыдущего автора повторяет Ибн ал-Асир (1160–1233/4 гг.) : «Затем царь Истинан, известный как “безносый” (ал-ахрам), [царствовал] 9 лет [во времена] ‘Абд ал-Малика. Затем его свергли византийцы (ар-Рум), отрезали ему нос и перевезли на какой-то (полу)остров. Он бежал, прибрался к царю хазар и попросил его о помощи, но [тот] не оказал ему поддержки, и он отправился к царю бурджан. Затем царствовал после него три года Лунтус, во времена ‘Абд ал-Малика. Затем он отошел от власти и принял монашество. Затем царствовал ас-Самин, известный как ат-Тартусий, в течение 7 лет. И поднялся против него Истинан, а вместе с ним бурджаны, и происходили между ними ... многие битвы. Одержал победу над ним Истинан, сверг его и вернулся к власти. Такое было во времена ал-Валида ибн ‘Абд ал-Малика. И утвердился [на престоле] Истинан. Он поставил условие царю бурджан, что тот должен поставлять ему ежегодно харадж. И учинил он насилие над Византией (ар-Рум), и убил в ней множество народа. И собрался против него... и убили его. Правил он 2,5 года. А убийство его совпало с началом (правления) Сулаймана ибн ‘Абд ал-Малика» (Калинина Т.М. Сведения ал-Масуди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников. С. 217–219). Соглашаясь с основными выводами исследовательницы, по-

зволим заметить о спорности следующего положения: «источником сведений ал-Мас'уди и Ибн ал-Асира о Юстиниане II был неизвестный арабский писатель, не имевший, как и другие авторы, данных о Крыме и Херсонесе; возможно, этот информатор не был связан с Византией». Однако стоит заметить, что выражение «какой-то полуостров» скорее всего есть не что иное как дословный перевод топонима «Херсонес». Т.е. первоначальным информатором, мог вполне быть византиец. А последующие арабские переводчики, действительно незнакомые с крымскими реалиями, интерпретировали данное значение в первоначальном смысле. См также: Калинина Т.М. Письмо хазарского хакана Юстиниану II // ХА. М., 2016. Т. 14.

¹⁰⁰ Чичуров И.С. Место хронографии Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и сообщения. М., 1981. С. 54.

¹⁰¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 108–110, 116, 117. Об особенностях источника см. также: Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч.2.

¹⁰² Чичуров И.С. Место хронографии Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.). С. 57.

¹⁰³ Цукерман К.К. вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 317.

¹⁰⁴ Там же. С. 319. Об историографии проблемы интерпретации значения термина «климата» см.: Никифоров М.А. Таврические климаты византийских источников // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2011. Вып. XVII. См. также: Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI; Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVI. С. 262–263; Науменко В.Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Древнейшие государства Восточной Европы 2014 год. М. 2016.

¹⁰⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 156, 165.

¹⁰⁶ Там же. С. 155, 163.

¹⁰⁷ Там же. С. 179.

¹⁰⁸ Страбон. География. М., 1994. С. 283.

¹⁰⁹ Там же. С. 125.

¹¹⁰ Байер У.Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Федоро. Екатеринбург, 2001. С. 118.

¹¹¹ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 675.

¹¹² Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. С. 348.

¹¹³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 60.

¹¹⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 160.

¹¹⁵ Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. С. 126.

¹¹⁶ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 109.

¹¹⁷ Виноградов А.Ю. Ранневизантийская эпиграфика // Античное наследие Кубани Т. II. М., 2010. С. 156.

¹¹⁸ Отметим, что и другие византийские источники сообщают о Боспоре и как о городе, и как об области. Прокопий Кесарийский в сочинении «Война с персами» (I. 12) сообщает: «(6) Василевс Юстин ... отправил племянника прежнего василевса, Анастасия, патрикия Прова с большими деньгами в Боспор, чтобы, склонив дарами войско гуннов, послать их на помощь в качестве

союзников ивирам. (7) Боспор — город приморский; кто впадает в так называемый Понт Эвксинский, для того он находится налево, а от Херсона, самого отдаленного города римской земли, он находится на расстоянии двадцати дней пути. Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. (8). Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть вассалов Юстина». В другой работе этого автора — «Война с готами» (IV.5) можно прочесть: «(26) ... За этими племенами (гуннами, скифами, таврами. — Авт.) расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший (27) подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между (28) ними занимают варвары из племени гуннов». Особо отметим, что Кепы и Фанагурис (Фанагорию) на Таманском полуострове данный автор помещал рядом с Херсоном, т.е. относил их к одной земле с Боспором. И наконец, в трактате «О постройках» (III. 7) присутствует следующий пассаж: ««10. Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу <Эвксинского Понта> за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находится на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. ... 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян». Монах Елифанг, путешествуя по местам апостольской проповеди Андрея Первозванного между 815 и 820 гг., указывает: «Оттуда он (Андрей. — Авт.) пришел в Боспор, город на том берегу Понта» (Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. 1. СПб., 2005. С. 311). В Житии Феодора Студита (Vita B) в сюжете о прелюбодеянии Константина VI упоминаются «царь Лонгобардский, царь Готфский и наместник Веспорский» и «жившие в странах области Херсонской и Веспорской епископы и пресвитеры» (Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. С. 1374, 1378). Неизвестный инок Психаитской обители, составивший после 843 г. Житие Иоанна Психаита (Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclast. Birmingham, 1975. S. 117; Auzepu M.-F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. S. 325–326), сосланный в Херсон при Льве Армянине (813–820 гг.), повествует, что в город, «расположенный по пути к Боспору» (diathemenos epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Bosporo), стекались «народы, жившие около (попутно) Боспора» (ton parakeimenon ethnon te Bosporo) (P. van den Ven. La Vie grecque de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. 3. Louvain, 1902. S. 118–120; Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII–IX веков // ВВ. СПб., (1911) 1913. Вып. 18. С. 11–12). Несколько раз упоминает территорию Боспор и Константин Багрянородный. «Пачинакиты занимают всю землю [до] Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата и тридцати краев». «От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние — 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера». «Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мила на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам». «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурилик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 173, 175). Таким образом, как показывает обзор источников, Боспором в VI–X вв. византийцы именовали как бывший Пантикапей, так и свои владения на обоих берегах Керченского пролива, т.е. земли как Европейского, так и Ази-

атского Боспора (Воспора), часто не разделяя эти понятия. При этом упоминания Боспора, равно как и Херсона, часто использовались в качестве ориентиров для географии протяженных местных климата (Nesbitt J, Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 1. Washington, 1991. S. 182). Кроме того, топоним «Боспор» имел и третье, церковное, значение. В раннем средневековье в Восточном Крыму функционировала Боспорская епархия, известная как по Notitiae episcopatum и легендам на моливдовулах, так и по письмам Константинопольских патриархов. Причем не приходится сомневаться, что границы епархии, равно как и другой раннесредневековой крымской церковной административно-территориальной единицы — Херсонской епархии распространялись далеко за пределы крепостных стен этих городов. Боспорская епархия фиксируется источниками не позднее IV в., и, скорее всего, ее прихожанами было христианское население территории Боспорского царства. В начале VI в. отдельная епископская кафедра (наряду с Боспорской) фиксируется и в Фанагории. Однако, вероятно, после окончательного включения Азиатского Боспора в состав империи она была ликвидирована. Во второй половине VII в. Нотии фиксируют функционирование Зихийской епархии с церковными центрами в Херсоне, Боспоре и Никопсисе. Можно предполагать, что христианское население на восточной стороне Керченского пролива тогда подчинялось епископу Боспора. Восстановление же отдельной христианской церковно-административной единицы источники отмечают там не ранее конца IX – начала X вв. Но ее центр находился уже не в Фанагории, а в Таматархе Чхайдзе В.Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 291–295; Чхайдзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. С. 258–272).

¹¹⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 62, 63.

¹²⁰ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 62, 63, 74.

¹²¹ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. Иерусалим, 1997. С. 164.

¹²² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 126.

¹²³ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. С. 164.

¹²⁴ См.: Голб Н., Прицак О.С. Хазаро-еврейские документы X в.; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 93; Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. Paris, 1995. Т. 53; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 344–345. Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походе Хельгу, «царя Руси» // Хазары. Евреи и славяне. М.; Иерусалим. 2005. Т. 16. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004. С. 37–45; Кизилев М.Б. Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 81–83; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1535–1542; Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв (историко-археологический комментарий) // Империя и полис. Севастополь, 2013. С. 179–184; Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. и др.

¹²⁵ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 152; Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Боспора второй половины X – начала XI в. // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 95; Майко В. В. Проблема салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // ХА. Киев; Харьков, 2005. Т. 4. Подробнее см.: Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. Донецк, 2012. № 28.

¹²⁶ Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи. С. 168.

¹²⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 144.

- ¹²⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 155.
- ¹²⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 39, 62, 63.
- ¹³⁰ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. II. С. 197; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 126.
- ¹³¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 64.
- ¹³² Шене Ж.-К. Поздний архонт: пример из Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII: Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 371 (здесь и историография); Степаненко В.П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 52–53; Степанова Е.В. Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // Балканский сборник. Труды Гос. Эрмитажа. LXII. СПб., 2011.
- ¹³³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 159.
- ¹³⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 144. Тудуна именно как представителя кагана рассматривает и Б. Живков (Хазария през IX и X век. София, 2010. С. 278).
- ¹³⁵ См. также: Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия; Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в. С.56–60.
- ¹³⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 62.
- ¹³⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 64.
- ¹³⁸ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.3. СПб., 1996. С. 271; Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 197.
- ¹³⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 132, 133.
- ¹⁴⁰ По мнению Ю.М. Могаричева и С.Б. Сорочана, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма, возможно, несколько корректирует свою систему управления территорией основательно потрепанного, опустевшего бывшего Боспорского царства. В Юго-Восточном Крыму место разрушенного тюрками города Боспор, занимает новая крепость Сугдея, обладавшая удобными морскими связями как с западной, так и с восточной частью Крыма. По крайней мере, обнаруженные здесь печати византийских чиновников таможенной и налоговой служб, ипатов и отставных ипатов, эпархов, табуллариев, хартулариев позволяют предполагать, что уже вскоре после своего основания она стала не просто береговым укреплением и временной стоянкой для судов, но и неким важным центром. Отметим, что уже с середины VIII в. здесь располагалась резиденция главы одноименной епархии. Не случайно количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все известные находки подобных монет в Крыму. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова, из отстраивавшихся Гермонассы или Фанагории. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания». Ведь не случайно хазары, обосновавшись на восточной стороне Керченского пролива, местом расположения своих наместников тоже избрали Фанагорию. Когда город Боспор вновь стал ведущим административным центром Восточного Крыма? Скорее всего, вернуться к городу Боспору как полноценному административному центру византийцы были вынуждены, когда хазары окончательно закрепились на Азиатском Боспоре, т.е. не позднее первой половины VIII столетия (Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об эволюции административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI–VIII вв. // ИРЭСИОНА. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Белгород, 2015; Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI–VIII вв. // Добруджа. Добрич: Силистра, 2015. Вып. 30.

¹⁴¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 155, 163.

¹⁴² Там же. С. 39.

¹⁴³ Там же. С.156, 165.

¹⁴⁴ Там же. С.41.

¹⁴⁵ Там же. С.157, 165.

Глава 7. Проблемы церковной истории Крыма VIII – середины X вв.

7.1. Иконоборцы или иконопочитатели?

В 1877 г. В.Г. Васильевский на основании сюжета из Жития Стефана Нового¹ (когда к Стефану Новому пришли скрывавшиеся от иконоборцев монахи, он дал им следующий совет: «Есть три области, которые не приняли участие в этой нечестивой ереси (иконоборчестве. — Авт.): там вы должны искать себе убежища ... во-первых, северные склоны берегов Евксинского Понта, побережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Боспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направлению к Готии низменной... во-вторых, области, лежащие по Парфенийскому морю (т.е. Средиземному), там где простирается Южный залив (т.е. Адриатическое море), именно: Митрополия Никопольская — насупротив старого Рима, Неаполь и отсюда пространство до реки Тибра... в-третьих, нижние части Ликийской провинции, от Силея и Сики; далее на самом море ... остров Кипр и противоположный берег до Триполиса, Тиры и Яффы»²) сделал вывод о том, что в иконоборческий период Крым занимал иконопочитательскую позицию и сюда иммигрировали бежавшие от преследований монахи-иконпочитатели³.

Правда, исследователем было отмечено, что сведения «о греческих монашеских поселениях в Крыму... гораздо более скудны, чем данные, относящиеся к однородному явлению в Италии. Но уже по аналогии можно судить, какой важный факт, совсем не отмеченный византийскими хрониками, скрывается под кратким указанием на Корсунь, Керчь и Готский берег, вложенный в уста Стефана Нового»⁴.

Ю.А. Кулаковский в работе «Прошлое Тавриды» в развитие гипотезы В.Г. Васильевского выдвинул предположение, что крымские пещерные монастыри были созданы в VIII–IX вв. бежавшими сюда иконопочитателями⁵. Правда, никаких материалов, датирующихся ранее XII–XIII вв., в пещерных монастырях он не обнаружил, однако все же писал: «но начало пещерножительствования можно все-таки отнести к эпохе иконоборчества. Основани-

ем для такого предположения является сходство в типе между крымскими сооружениями и в Южной Италии и Сицилии»⁶.

И если поначалу члены Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшая Таврическая ученая архивная комиссия) единогласно заявили, что «пещерные города» «к иконоборческой смуте ... не имеют отношения» и датируются не ранее XI в.⁷, позднее, вероятно, под воздействием авторитета В.Г. Васильевского и Ю.А. Кулаковского, а затем А.А. Васильева и А.Л. Якобсона, данная гипотеза стала господствующей.

Уже оформившуюся в концепцию ее поддержали С.П. Шестаков⁸, А.А. Васильев⁹, а еще позже А.Л. Якобсон¹⁰, Е.В. Веймарн¹¹, О.И. Домбровский¹², И.А. Баранов¹³, Н.Н. Болгов¹⁴ и др.¹⁵ При этом практически осталось незамеченным замечание А.Л. Бертье-Делагарда, что упоминаемая в Житии Стефана Нового низменная Готия является не Крымской, а Придунайской¹⁶.

Ю.М. Могаричевым совместно с А.Г. Герценым было аргументировано мнение: иконопочитательская ориентация таврических светских и церковных властей и создание пещерных монастырей на полуострове беглыми византийскими иконодучами не более чем историографический миф¹⁷.

Напомним аргументы:

- Создание скальных¹⁸ монастырей происходило не от нехватки средств или гонимыми и скрывающимися людьми, а целенаправленно. Архитектурные остатки, данные эпиграфики и археологии говорят об их поздней дате (не ранее X–XIII вв.). Причиной возникновения некоторых скальных обителей может быть и определенный приток монахов из Малой Азии в конце XI в. Большинство пещерных монастырей расположены в границах бывшего княжества Феодоро и группируются на памятниках (или вокруг), жизнь на которых возникает или возобновляется в XIV–XV вв., реже в XIII–XIV вв.¹⁹. Правда, в последнее время появился ряд работ, смысл которых сводится к попытке удревления пещерных храмов, создание которых датируется VIII–IX, а то VI вв.²⁰ Автор настоящего раздела на примере так называемой «церкви с баптистерием» городища Тепе-кермен попытался обосновать ошибочность «ранних» дат²¹.
- Появление плитовых некрополей нельзя связывать с миграцией в Крым иконопочитателей из Малой Азии (как это иногда представлялось)²². Они начинают возникать со второй половины VI в. и отражают общий процесс христианизации населения Таврики²³.
- Н.А. Алексеев, анализируя печати Херсона иконоборческого времени, отметил: «Несмотря на известный тезис о популярности иконопочитания в Херсоне в VIII–IX вв., печати чиновников этого времени имеют общепризнанный для всей империи вид: изобра-

жение крестообразной монограммы с обращением к Богородице-защитнице», восстановление же иконопочитания также нашло отражение в печатях²⁴. На Мангупе, в центре «оппозиционной» Готии чеканились монеты с изображением «ненавистных» императоров — Льва III и Константина V и соответствующими иконоборческими символами²⁵. Позолоченные подражания солидам Константина V, равно как и оригинальные золотые монеты, обнаружены в чуфут-кальском некрополе²⁶, Сугдее, Алуште, Херсонесе, Тепсене²⁷. Судакский архив моливдовулов не отмечает для иконоборческого времени ослабления контактов с Византией²⁸.

- В Житии Стефана Нового в отношении Северного Причерноморья определяются не конкретные географические, а лишь общие ориентиры. Известно, что источник отражает реальную ситуацию крайне приблизительно²⁹. Вероятно, автор Жития лично не знал этих мест и, скорее всего, плохо представлял ситуацию здесь. В византийских источниках Таврика всегда выступала как отдаленное, варварское место, северная провинция. Поэтому не случайно сюда нередко ссылали неугодных правительству людей³⁰. Возможно, не исключено, что составитель рассматриваемого агиографического произведения, называя Северное Причерноморье в качестве оплота иконопочитания, отражал не столько реальную ситуацию, сколько историческую традицию: в глухой провинции на периферии империи была слаба центральная власть, следовательно, была возможность для развития оппозиционных настроений. Боспор, Херсон и Никопсис, упоминаемые в Житии, выступают не как искомые места, а ориентиры — церковные центры Зихийской епархии, известные по *Notittiae episcopatum*³¹. Причем нет даже намека, что эти города находятся в области иконопочитателей. Термин «Низменная Готия», или «Готская полость» (по Байеру), указан не случайно и вносит определенную ясность. Юго-Западный Крым нельзя считать «Низменной» Готией, учитывая ярко выраженный горный характер данной местности. Очевидно, что автор Жития приводит известные ему города в качестве ориентиров, указывающих общее направление. Таким образом, Зихийская епархия — район к востоку от Крыма. Что касается «Низменной Готии», то источник указывает направление на запад, и действительно, в соответствии с этим указанием мы попадаем в низменную в географическом положении Дунайскую Готию, хорошо известную византийским авторам³². Таврика же, как явствует из конкретного содержания источника, не входит в зону влияния иконопочитателей.

- ♦ Житие Иоанна Готского (см. Разд. 8.1) упоминает, что Константин V возвел анонимного предшественника Иоанна, активно поддержавшего императорскую религиозную политику, в митрополиты Гераклеи Фракийской. Сомнительно, чтобы этот ревностный поборник иконоборчества допустил в свои владения опальных противников политики Исаурийской династии.
- ♦ По Минологию Василия II³³, во время правления Константина V: «А другой (один из последователей Стефана Нового. — Авт.), будучи заключенным в (темнице) Состенее, подвергся отрезанию носа, был сослан в Херсон, где его намеревались убить, бежал в Хазарию, в которой стал епископом и позднее скончался — Ἄλλοι, ἔγκλειστοὶ ἐν τῷ Σωσθενείῳ, ῥινοκοπηθεῖσι. ἐν Χερσῶνι ἐξωρίσθη καὶ μέλλον φονευθῆναι ἔφυγεν εἰς Χαζαρίαν ἐν ἣ καὶ ἐπίσκοποι ἐγένετο καὶ ὕστερον ἐτελείωθη»³⁴. Следовательно, иконопочитатели в Херсоне, и видимо в округе, не чувствовали себя в безопасности.
- ♦ Императоры-иконоборцы постоянно ссылали в Херсон политических оппонентов, значит, их власть была здесь прочной.
- ♦ В письме к своим соратникам, сосланным в Херсон (821 г.), Феодор Студит пишет: «... мне кажется ... что и для спасения тамошних жителей устроена ссылка ваша ... ибо прибыв (туда), вы явились светильниками для находившихся во мраке и заблуждении в жизни, руководителями слепых, учителями добродетели, проповедниками благочестия, наставниками против совершенных здесь против Христа страшных дерзостей»³⁵. Учитывая религиозно-политическую обстановку того времени, не вызывает сомнений, что гнев Феодора Студита вызвали силы, чуждые ему идеологически, т.е. иконоборцы. Феодор Студит даже посылает ссылкой деньги, из чего надо понимать, что их положение в Херсоне было далеко не лучшим.
- ♦ В письме к архимандриту Готскому Феодор Студит укоряет того в том, что в Готии вообще, и он в частности, не знают учения Василия Великого, которое являлось сводом законов для византийского монашества. Автор негодует, что в таврических монастырях монахов отдают на суд мирян. Из этого послания мы узнаем о практическом отсутствии традиций монастырской жизни в Таврике. Новых людей в монастырь часто принимают «просто и без разбору», без обязательных испытаний. В практику вошла система сложения с себя монашества, иноки беспрепятственно переходили из одного монастыря в другой, у них имелись даже рабы³⁶. Таким образом, Феодор обвиняет местных архиереев и монахов в фактическом отходе от истинной веры, подчиненности светским властям. Т.е. фактически в приверженности ереси.

- ♦ Монах Елифаний, побывавший в Крыму между 815 и 820 гг., сообщает: «Херсаки же народ коварный и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра»³⁷. «Нестойкий народ херсаки вплоть до сего дня и не тверды в вере, лжецы, носимые всяким ветром ересей»³⁸. Здесь явное указание как раз не на язычество местных жителей, а на ересь, т.е. на иконоборчество³⁹.

В поддержку «иконопочитательской» гипотезы выступил Х.-Ф. Байер⁴⁰. Однако его возражения, в большей степени, являются противоречивыми и невразумительными⁴¹.

Большинство современных специалистов по раннесредневековой истории и археологии Таврики в той или иной степени поддерживали «иконоборческую» гипотезу, дополнив ее новыми аргументами⁴².

Правда, А.И. Айбабин отметил, что факт переписки архимандрита Готии с Феодором Студитом и обращение последнего к архиерею Филарету свидетельствуют, что во второй период иконоборчества «епископ и паства Готии остались иконопочитателями»⁴³. Данный аргумент нельзя признать решающим. Титул «архимандрит» обычно использовался по отношению к игуменам наиболее крупных и важнейших монастырей той или иной епархии⁴⁴, а не к ее руководителю. Поэтому факт переписки (как известно, сохранилось 564 различных послания Феодора Студита) между двумя монахами, даже весьма авторитетными, вряд ли может свидетельствовать об общих настроениях в Таврике, особенно среди светского и церковного руководства. Более того, очевидно, у архимандрита был конфликт (который, вероятно и пытался урегулировать Феодор) с другим корреспондентом Феодора Студита — Филаретом⁴⁵. Как уже отмечалось, характер письма указывает как раз на отсутствие в Таврике ортодоксальных иконопочитательских взглядов. А смысл эпизода с Филаретом заключается в том, что Феодор не писал ему, но сделал бы это по желанию адресата⁴⁶.

Что касается «иконоборчества» местных властей, отметим следующее: Крым исторически и традиционно следовал в русле официальной политики Константинополя. Местные власти, зажатые между империей и хазарами, вряд ли могли проводить самостоятельную политику. Они не имели возможности и не желали конфликтовать с центром. Находясь в варварском окружении, и в той или иной степени испытывая давление с этой стороны, они были вынуждены следовать в русле правительственной политики, боясь остаться один на один с окружавшими их племенами или подвергнуться карательной экспедиции из Константинополя. Практически все идеологические споры того времени велись в столице. Маловероятно, чтобы большинство христианского населения Таврики, расположенной на окраине византийского мира, было в курсе всех тонкостей сокрушав-

ших центральные районы империи идеологических споров иконоборцев и иконопочитателей. Против официальной политики выступали, в основном, религиозные лидеры, на территории которых власть императоров не распространялась, например, иерусалимский патриарх, римский папа. При этом известно, что всякого рода опасения перед репрессиями, страхи утратить торговые или иные выгоды и прочее в средневековом общественном сознании причудливо переплетались с догматической жесточечностью, фанатичной преданностью привычке, всякого рода символическими химерами, аллюзиями и т.д.

Сказанное выше говорит скорее не об «идеологическом», а «политическом» иконоборчестве. При этом значительная часть населения вполне могла по старинке поклоняться мощам, хранить дома иконы, при этом не подвергаться репрессиям. Главное было не выступать с критикой официальной политики⁴⁷.

7.2. О времени образования Готской епархии

Проблема времени образования Готской епархии является одной из ключевых для понимания церковной истории раннесредневекового Крыма. В историографии долгое время бытовало мнение, что самостоятельная Готская епархия появилась не позднее первой половины – середины VIII в.⁴⁸ Эти выводы, как правило, основывались на следующей аргументации: под деяниями Пято-Шестого Трульского собора (692 г.) стоит подпись Георгия, епископа Херсона и Доранта, соответственно тогда Готия еще входила в состав Херсонской епархии; представитель Готии, монах Кирилл, присутствовал на VII Вселенском соборе в Никее (787 г.); в Житии Иоанна Готского упоминается о готском епископе, который поддержал решения иконоборческого собора 754 г. Соответственно Готская епархия должна была быть образована в промежутке между 692 и 754 гг., а реально — в первой половине VIII в.

А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев обосновали точку зрения, что Готская епархия была основана в конце VIII – начале IX вв. Аргументы следующие: на Вселенском соборе в Никее присутствовал представитель не Крымской, а Дунайской (Низменной) Готии; Житие Иоанна Готского отражает ситуацию с епархиальным устройством на Крымском полуострове на момент составления источника, т.е. начала IX в. Таким образом, Готская епархия в Крыму была образована после поражения восстания Иоанна Готского (не ранее конца 784–786 гг.) на захваченной хазарами территории Горного Юго-Западного Крыма⁴⁹. Это нашло поддержку в новейшей историографии⁵⁰. А В.Е. Науменко пришел к выводу, что появление самостоятельной

епархии в области крымских готов вообще следует относить ко времени, немалого удаленному от начала X в.⁵¹

Причина таких расхождений в историографии видится в том, что немногочисленные источники не только противоречат друг другу, но и несоответствия имеются внутри них⁵².

Как уже отмечалось, репером для определения нижней хронологической границы появления Готской епархии является подпись Георгия, епископа Херсона и Доранта⁵³ (в свете современных исследований вряд ли можно сомневаться в локализации Дороса — центра Готии на плато горы Мангуп⁵⁴) под деяниями Пято-Шестого Трульского собора (692 г.). В это время территория Готии еще входила в состав Херсонской епархии.

Это подтверждают и данные *Notitiae episcopatum*. «Крымский пласт», содержащийся в этих источниках, подробно анализировался в работах Ю.А. Кулаковского⁵⁵, В.В. Кропоткина⁵⁶, А.В. Гадло⁵⁷, Ж. Даррузе⁵⁸, В.Е. Науменко⁵⁹, К. Цукермана⁶⁰ что делает излишней его подробную характеристику. Согласно официальной *Not. I* (по Ж. Даррузе), датированной около 680 г., в Крыму имелось только два церковных центра. Это Херсон и Боспор, которые входили в состав Зихийской епархии⁶¹ с центром в Никопсисе⁶². В следующем документе — *Not. II* (по Ж. Даррузе), не имеющем официального статуса и составленном не позднее первой трети IX в.⁶³, *status quo* Зихийской епархии сохраняется⁶⁴. *Not. IV* (о *Not. III* см. ниже) — официальный документ, датированный концом 60-х гг. IX в. (около 869 г.), отмечает среди автокефальных архиепископий Константинопольского патриархата включенные в Зихийскую епархию Херсон, Боспор и Никопсис⁶⁵. В краткой редакции последнего документа (*Not. V*)⁶⁶ состав Зихийской епархии сохраняется неизменным⁶⁷. Ситуацию, зафиксированную еще в *Not. I*, отразил и Тактикон Филофея (899 г.)⁶⁸.

И только в *Not. VII* (начало X в., а по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г.⁶⁹) список Таврических епархий выглядит следующим образом: Херсон, Боспор, Готия, Сугдея, Фулы⁷⁰. Вероятно, последний документ хоть и появился в начале X в., однако отражает те церковно-административные изменения Византийской империи, которые произошли ранее⁷¹. Возможно и другое объяснение: Готская и Сугдейская епископии до начала X в. административно являлись подразделениями соответственно Херсонской и Боспорской епархий и поэтому не попали в перечни самостоятельных церковно-административных подразделений империи. П. Коматина (на основании сведений Жития Иоанна Готского о том, что Иоанн был рукоположен в епископы в Иверии) считает отсутствие Готской епархии в официальных списках Константинопольского патриархата IX в. следствием того, что та находилась в подчинении грузинской церкви и соответственно

платила туда подати⁷². Однако такая гипотеза не выдерживает критики: в нотициях IX в. отсутствует и Сугдейская епархия, основанная не позднее второй половины VIII в. (см. Разд. 8.2). При этом нет никаких, даже малейших «зацепок» связывать и ее с грузинской церковью. Таким образом, официальные церковные документы фиксируют самостоятельную Готскую епархию в Крыму только в начале X в.

Однако, как уже отмечалось, имеются источники, «позволяющие» предполагать особую церковно-административную область в горной Таврике уже в середине – второй половине VIII в. Это так называемая Not. III (по Ж. Даррузе), или Нотиция Де Боора, Житие Иоанна Готского, документы VII Вселенского собора в Никее (787 г.).

Not. III, или Нотиция Де Боора. Согласно этому документу Готия являлась митрополией с центром в Доросе. В состав митрополии входили семь епископий. Огромная территория данной церковно-административной единицы включала районы Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия, пространства между Каспийским и Азовским морями, Таманский полуостров, большую часть Крыма.

ΛΗ' Ἐπαρχία Γοτθίας
 α' Δόρος μητρόπολις
 β' Ὁ Χοτζίρων
 γ' Ὁ Ἀστήλ
 δ' Ὁ Χουάλης
 ε' Ὁ Ὀνογούρων
 ς' Ὁ Ρετέγ
 ζ' Ὁ Οὔων
 η' Ὁ Ταμάταρχα⁷³

Первый издатель документа К. Де Боор склонен был считать, что нотиция не являлась официальным документом и носила компилятивный характер. Он датировал его временем около 787 г., а крымскую часть – периодом правления Юстиниана I⁷⁴. Ю.А. Кулаковский определял время составления документа — вторая половина VIII в⁷⁵. А.А. Бертье-Делагард относил «таврическую» часть ко времени не ранее XI в⁷⁶. А.А. Васильев считал нотицию поздней подделкой⁷⁷. М.И. Артамонов датировал источник периодом между 80-ми гг. VIII в. (в Житии Иоанна Готского о митрополии ничего не сказано) и началом IX в (в нотициях этого времени митрополия уже не упоминается)⁷⁸. В. Мошин⁷⁹ и Г. Вернадский⁸⁰ пришли к заключению, что документ не имел официального статуса, а представлял собой нереализованный проект по церковной организации Хазарии. Причем, по мнению Г. Вернадского, появление проекта явилось следствием «хазарской» мис-

сии Константина Философа 860–861 гг. Д. Оболенский относил рассматриваемый список епархий к промежутку между 733 и 746 гг. и полагал, что «не существует убедительных причин, почему византийские планы по созданию миссионерской Церкви на всем пространстве хазарских владений должны были остаться на бумаге»⁸¹. При этом указанный автор, к сожалению, в поддержку своей точки зрения никаких аргументов не привел. В пользу хронологии (без дополнительных аргументов) «готской части» Not. III серединой VIII в. склоняется и Т. Нуан.⁸² В итоге Ж. Даррузе, проведя обстоятельный анализ, датировал нотицию периодом ближе к 70-м гг. IX в.⁸³ Этой точки зрения придерживаются и ряд современных исследователей⁸⁴. К. Цукерман, согласившись с «рабочим» характером источника, относил его составление ко времени около 806 г.⁸⁵. В целом в отношении Not. III в современной историографии имеются мнения как об источнике второй половины VI в. (в отношении если не всего документа, то его отдельных частей)⁸⁶, о документе середины – конца VIII в.⁸⁷, представления как о поздней компиляции⁸⁸.

Таким образом, Not. III, по наиболее обоснованной аргументации, была составлена в IX в., возможно, в его второй половине. Она представляла собой проект или его черновой набросок, в итоге так и не реализованный, охвата Хазарии системой христианских епархий⁸⁹ и не может свидетельствовать о реальном функционировании Готской епархии в VIII в.

Византийское правительство планировало если не христианизировать Хазарию полностью, то создать здесь сильную и структурированную церковную организацию. И это не случайно. В 861 г. государственной религией Хазарии уже стал иудаизм. Конечно, по вопросу о времени свершения данного события существуют различные точки зрения. Так как источники, повествующие об этом, фрагментарны и противоречивы, в зависимости от степени доверия конкретного автора тому или иному информатору и вычислялась дата иудаизации хазар: 620–621 гг. (основание – письмо хазарского царя Иосифа); первая половина VIII в. (Иегуда Гелеви); конец VIII – начало IX в. (ал-Мас'уди); начало 860-х гг. (Житие Константина Философа). Кроме того, некоторые ученые, на основании письма хазарского царя Иосифа⁹⁰, писали о двухстадийной иудаизации хазар, а О. Прицак — о трехстадийной⁹¹.

Авторам наиболее убедительной представляется точка зрения, высказанная Д. Марквартом, Г. Вернадским⁹² и в наиболее завершенной форме сформулированная К. Цукерманом, о принятии хазарами иудаизма в качестве государственной религии около 860 г., по К. Цукерману – около 861 г.⁹³. Действительно, сложно проигнорировать данные Жития Константина Философа — источника, составленного между 869 и началом 880-х гг.⁹⁴: «При-

шли же к цесарю послы от хазар, говоря: “От начала знаем лишь единого бога, который (стоит) над всеми, и ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев. Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины”»⁹⁵. К тому же, как справедливо заметил К. Цукерман, сложно представить, что византийское правительство помогло построить Саркел в 839–841 гг. иудейскому государству⁹⁶.

В Хазарии было много приверженцев христианства⁹⁷. Поэтому и могла возникнуть идея подчинения местных христиан, в условиях государственного иудаизма, одному центру, чтобы создать возможность реально влиять на ситуацию в хазарском обществе. Естественно, предлагая такой проект, византийцы должны были быть уверены, что он не вызовет неприятия у хазар. Поэтому и центр митрополии предполагался не в Херсонской епархии, главном византийском политическом и идеологическом оплоте в Крыму, а в Готской, создание которой во многом было связано именно с хазарами. Однако в силу ряда причин данный проект так и остался нереализованным.

Отметим, вероятно, в Константинополе в середине – второй половине IX в. периодически возникала идея переноса центра византийских владений на полуострове из Херсона в Горный Крым. В этой связи вряд ли выглядит случайным, что имя образованной между 834 и 841 гг. на полуострове фемы было — фема Климатов⁹⁸. Ее название, возможно, отражало местонахождение центра этой военно-административной единицы.

*Житие Иоанна Готского*⁹⁹ (его первоначальной редакции не сохранилось. Наиболее полная из дошедших до нас — сокращенный вариант, состоящий из десяти небольших отрывков (глав). Древнейшая версия источника, скорее всего, была составлена в 806–811 гг. В период патриаршества Мефодия (843–847 гг.) данное агиографическое произведение было переработано в новой, уже известной нам редакции¹⁰⁰ (подробнее об источнике и Иоанне Готском см. Разд. 8.1)) сообщает, что Иоанн был епископом именно Готской епархии, и более того, в 754 г. у него уже был предшественник: «Ἐπὶ δὲ Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέω, ὁ τηνικαῦτα Γοτθίαὶ ἐπίσκοποι, μετὰ πεμπτοὶ πρὸς τὴν τότε συναθροισθεῖσαν κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων σύνοδον, προκληθεὶς καὶ καθαυτογράφαι, Ἡρακλείαι τῇ Ἐρράκηι μητροπολίτῃ ὑπὸ τοῦ βασιλέω κατέστη — При царе же Константине (Константине V. — Авт.) тогдашний епископ Готфии, призванный к созванному тогда собору против святых икон (иконоборческий собор 754 г. — Авт.), и спрошенный о его мнении и подписавший (соборные постановления), был поставлен царем в митрополиты Ираклии Фракийской»¹⁰¹.

Т.е. получается, даже если анонимный иконоборец был первым в ряду епископов Крымской Готии, то епархия должна была бы появиться не позднее начала 50-х гг. VIII в.

В пользу существования самостоятельной Готской епархии во второй половине VIII в., казалось, свидетельствуют и подписи под протоколами VII Вселенского собора в Никее, где отмечен представитель Готской епархии — монах Кирилл. Последние источники неоднократно анализировались различными исследователями¹⁰². Нет сомнения, что от имени епархии, в название которой входит топоним «готская», выступал монах Кирилл. Упоминание о представителе Готии встречается несколько раз, причем с весьма противоречивыми пояснениями. В числе лиц, участвовавших в первом заседании, указан «Кирилл монах, и представитель Никиты, епископа Готского — Κυρίλλου μοναχοῦ καὶ τὸν τόπον ἐπέχοντος Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας». В голосовании после второго заседания принимал участие «Кирилл епископ Готии — ὑρίλλος ἐπίσκοπος Γοτθίας ἐξεφώνησεν ὁμοίως» (правда, в латинской редакции Кирилл не епископ, а представитель епископа Готии — *Cyrillus ex persona sanctissimi episcopi Gotthiae promulgavit similiter*). Далее в перечне присутствовавших на соборе, Кирилл опять назвал представителем Готского епископа Никиты (Κύριλλος μοναχὸς καὶ τοποτηρητὴς Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας), и только в римской редакции (список D по Э. Ламберцу) протокола четвертого заседания собора значится «Кирилл-монах от лица Иоанна, епископа Готфов, принимая во внимание апостольские проповеди и предания отцов церкви и признав все ныне записанное, подписал — Κύριλλος μοναχὸς, καὶ ἐκ προσώπου Ἰωάννου ἐπισκόπου Γότθων, ἐντραφεὶς τοῖς ποστολικοῖς κηρύγμασι καὶ τῶν πατέρων παραδόσεσι καὶ τὰ νυν προγεγραμμένα δεξάμενος, ὑπέγραψα». На шестом заседании присутствовал «Κυρίλλου μοναχοῦ καὶ ἐκ προσώπου Γοτθίας — [подпись] Кирилла, монаха и от лица [епископа] Готфии». Под протоколами седьмого заседания Кирилл отметил как посланник Никополя Готского — «Κύριλλος ἀμαρτωλὸς μοναχὸς καὶ τὸν τόπον ἐπέχων Νικοπόλεως ἐπίσκοπος Γοτθίας ὁμοίως»¹⁰³. В русской редакции Деяний седьмого Вселенского собора эта фраза переведена как «Кирилл грешный, инок и представитель (Никиты) епископа Никополя Готского»¹⁰⁴. В переводе А.К. Шапошникова¹⁰⁵ — Кирилл, грешный монах, имеющий в своей власти место Никополь, [от лица] епископа Готфии подобным образом подписал». Ссылаясь на латинский перевод материалов собора Анастасием (IX в.), где Никополь исправлен на *Niceri*, В. Г. Васильевский считал, что термин «Никополь» появился по ошибке¹⁰⁶. С этим впоследствии согласились Ж. Даррузе¹⁰⁷ и Э. Ламберц¹⁰⁸.

Как видим, в документах Кирилл дважды назван представителем Никиты, один раз Иоанна, один раз Готским епископом и один раз представителем Готии. На это обратил внимание еще П.И. Кеппен, у которого в «Крымском сборнике» Кирилл фигурирует как представитель Никиты, а Иоанн — его

предшественник¹⁰⁹, В.Г. Васильевский, ссылаясь на «Житие Иоанна Готского», все же предпочел говорить о Кирилле как представителе Иоанна, а двукратное упоминание Никиты он объяснял невнимательностью секретарей¹¹⁰.

Но почему секретари должны были быть невнимательны? Ведь списки членов собора, восстановившего иконопочитание после 50 лет правления иконоборцев и основные догматы, несомненно, должны были четко фиксироваться, и настолько уж были безграмотны секретари патриарха Константинополя? Историки отмечают их профессиональную подготовку и серьезное отношение к обязанностям. Кроме того, каждый епископ, как участник собора, имел право держать при себе собственных нотариюв, которые выверяли каждое слово¹¹¹.

Вряд ли правомерно предположение А.А. Васильева, что на соборе Кирилл представлял Иоанна, а его преемником был Никита¹¹². Ведь имя Никиты упоминается на более ранних заседаниях собора, чем Иоанн, поэтому именно последний, исходя из этой логики, должен был быть преемником Никиты. Но тогда это предположение противоречит тексту «Жития Иоанна Готского», согласно которому предшественник Иоанна к 787 г. был уже митрополитом Гераклеи Фракийской, а о третьем возможном епископе Готии в Житие ничего не сказано.

Не выглядит убедительным и объяснение упоминания двух епископов, предложенное М.-Ф. Озепи. По ее мнению, Никита — епископ, официально назначенный иконоборческим патриархом, а Иоанн — выбранный иконопочитательской паствой¹¹³.

Во-первых, Никита вовсе не упомянут в Житии, а ведь по логике именно этот сюжет борьбы Иоанна и паствы с наместником иконоборцев должен был быть основным. Во-вторых, очень маловероятна картина присутствия на соборе двух готских епископов. Известно, что там могли участвовать только легитимные епископы, т.е. назначенные официально Патриархом, Иоанн же таким не был. Поэтому Кирилл просто не мог представлять его на соборе. Предположить, что уже во время собора сместили Никиту и назначили Иоанна, тоже маловероятно, так как об этом нет абсолютно никаких сведений ни в материалах собора, ни в Житии, да и зачем было смещать Никиту, ведь его представитель подписался под протоколом Собора¹¹⁴.

Д. Хаксли полагал, что в 787 г. епископом был Никита, а Иоанн в это время был в тюрьме в Фулах¹¹⁵.

По Х.Ф. Байеру, за упоминанием двух готских епископов стоят византийские политические интриги, предусматривавшие замену Никиты на Иоанна¹¹⁶.

Э. Ламберц аргументированно показал, что епископом Готии в 787 г. был Никита, а однократное упоминание Иоанна в одном из поздних списков

(римская редакция — список D по Э. Ламберцу) есть последующее исправление на основе Жития Иоанна Готского (редактор списков, знакомый с Житием Иоанна Готского, был уверен, что епископом был именно Иоанн)¹¹⁷.

По мнению А. И. Айбабина, основанному на выводах Э. Ламберца, в период проведения Собора 787 г. епископом крымских готов был Никита, а его предшественником — Иоанн. Последний в это время находился либо в хазарской тюрьме, либо в Амастриде¹¹⁸. К этим же выводам пришел и К. Цукерман¹¹⁹.

Оригинальный перевод подписей под протоколами Собора предложил А.К. Шапошников. По его мнению, Кирилл — это топоторит (начальник охраняемого места) Никиты и представитель крымского епископа Иоанна¹²⁰.

А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев отметили, что упоминание Никополя не случайно, и в Кирилле надо видеть представителя не крымских готов, а Никополя Готского, расположенного в Придунайской (Низменной) Готии¹²¹. Христиан же Готии скорее всего на Соборе 787 г. представлял херсонский епископ¹²².

Эту гипотезу развил В.Е. Науменко. Он аргументированно показал, что Кирилл, зафиксированный в списках VII Вселенского собора 787г. в Никее представлял «церковную организацию дунайских готов с центром в Томах»¹²³. С этим согласен и С. Б. Сорочан¹²⁴.

Житие ничего не сообщает ни об участии Иоанна, ни его представителей, ни вообще кого-либо из области крымских готов в VII Вселенском соборе. Напомним, сюжет о подготовке и проведении соборов 786 и 787 гг. изложен в источнике достаточно подробно. И вряд ли можно сомневаться, что если бы Иоанн имел хоть косвенное отношение к организации и проведению данных мероприятий, это нашло бы отражение в тексте. С другой стороны, Иоанн в 787 г., несомненно, был еще жив. Можно, конечно, возразить, что в период Собора 787 г. он находился в тюрьме в Фулах и поэтому не поехал в Никею. Но при живом иерархе, даже по каким-то причинам отсутствующем в епархии, на его место никого не назначали. Поэтому если и предположить, что автор Жития, в силу разных обстоятельств, забыл упомянуть об участии Иоанна или его посланника в работе VII Вселенского собора, почему Кирилл представлял Никиту?

Само рукоположение готского иерея в Мцхете (согласно Житию — «жители Готфии послали его (Иоанна. — Авт.) в Иверию, к кафедральному престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру») свидетельствует в пользу попыток только создания, а не уже существования на тот момент новой епархии (См. Разд. 8.1). Допустим, Готская епархия во времена Иоанна уже была реальностью, и именно готский епископ был переведен в Гераклею. Совер-

шенно очевидно, что официальный Константинополь Иоанна не поддерживал. Соответственно, на готской кафедре должен был находиться другой епископ, легитимный. Маловероятно, чтобы в течение более чем тридцати лет (с 754 г., когда был повышен в должности предшественник Иоанна, до 780-х гг.) Константинополь не удосужился заполнить вакансию. Однако Житие на это даже не намекает: будь на самом деле такая ситуация, эта линия, несомненно, нашла бы отражение в источнике. С другой стороны, весьма маловероятно, чтобы Грузинская церковь, несмотря на все ее иконопочитательские симпатии, позволила себе пойти на прямой конфликт с Константинополем времен Константина V, назначив на уже занятую кафедру «своего человека». А вот утвердить епископа в только что основанной епархии, создание которой и кандидатуру Иоанна, судя по всему, поддерживали и светские власти Готии, было вполне реальным. Ведь юридически получалось, что новая церковно-административная единица сама заявила о своей идеологической доктрине и захотела войти в лоно грузинской церкви.

Исходя из вышесказанного, следует, что у готов в 787 г. епископом был Никита. Но быть посланником крымских готов он не мог и, скорее всего, представлял дунайских.

Таким образом, из анализа источников следует вывод, что реальных данных о существовании самостоятельной Готской епархии в Крыму до 80-х гг. VIII в. нет.

Как представляется, можно определить верхний хронологический репер времени образования Готской епархии в Таврике. В Житии однозначно говорится о ней как о реальности. Агиограф «придумать» Готскую епархию вряд ли себе позволил. А вот перенести реалии времени составления Жития (нач. IX в.) на период жизни Иоанна вполне мог.

Скорее всего, епархия возникла через некоторое время после подавления восстания Иоанна Готского (см. Разд. 8.1), т.е. в конце 80-х гг. – 90-е гг. VIII в., когда хазарам на некоторое время удалось установить контроль над частью византийских владений в Таврике. В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия¹²⁵.

7.3. О времени образования Фульской епархии и проблема локализации Фул

«Фульская проблема» относится к числу наиболее трудно разрешимых в крымской медиевистике. Не смотря на то что в вопросе о том, где находил

этот загадочный и «неуловимый» населенный пункт и одноименная христианская епархия, обращалось не одно поколение исследователей, основные параметры источниковедческой базы и аргументации различных гипотез не намного изменились с середины, а реально с начала XX в.¹²⁶. В связи с этим актуальной остается оценка, данная «фульскому вопросу» еще А.А. Бертье-Делагардом: «как зачарованный клад, они (Фулы. — Авт.) не даются в руки»¹²⁷.

Как известно, впервые в источниках достоверно Фулы¹²⁸ фиксируются в Житии Иоанна Готского¹²⁹. Среди чудес, совершенных святым, присутствует сюжет о том, что когда «преподобный сидел в темнице Фул» (после подавления антихазарского выступления в Готии, случившегося между концом 784 и 786 г.¹³⁰), он посредством крещения исцелил сына «владельца» этого населенного пункта «Ἐν δὲ τῇ φυλακῇ τῶν Φούλων τοῦ ὀσίου καθεζομένου, ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων ἔλθων, ἔρριψεν εἰς τοὺ πόδας αὐτοῦ τὸ παιδίον αὐτοῦ τετραυματισμένον ἀπὸ κεφαλῆς ἕως ποδῶν, ὥστε μὴ ὀρᾶσθαι αὐτῷ εἰκόνα περικεῖσθαι ἀνθρώπου· τοῦτο σφραγίσαι, καὶ βαπτίσαι, καὶ ἀγκάλαι δεξιόμενοι, αὐτίκα ἐκαθαρίσθη (ἐκαθερίσθη) — Когда преподобный сидел в темнице Фул, владелец этих самых Фул, придя, бросил к его ногам свое дитя, покрытое от головы до ног ранами, так что казалось, не было на нем человеческого облика. Когда же (Иоанн), осенив его крестным знамением и окрестив, принял в свои объятия, то дитя тотчас очистилось от ран»¹³¹.

Затем Фулы, вернее, «народ фульский», фигурируют в Пространном Житии Константина Философа, составленном, скорее всего, между 869 и началом 880-х гг.¹³², в рассказе о «хазарской миссии» Константина (860 – 861 гг.). Святой подвигнул этот, уже приобщенный к христианству народ¹³³ отказаться от языческого обычая, а именно, поклонения большому дубу, сросшемуся с черешней: «Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр, и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (приносить) ему жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалев трудов, направился к ним. И, став среди них, сказал: “Эллины пошли на вечные муки, поклоняясь [как богу] небу и земле, столь большим и добрым творениям. Так и вы, кто столь убогому созданию, дереву, приготовленному для огня, поклоняетесь, как избегнуть можете вечного огня?” Отвечали они: “Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди. И как мы то совершим, что не дерзнул никто из нас совершить? Ведь если кто и дерзнет сделать это, тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до (самой своей) кончины”. Отвечал же им Философ: “Бог о вас говорит в Книгах, как же

вы его отвергаете? Ведь Исайя от лица господня вопиет, говоря: «Иду я собрать все племена и народы, и придут, и увидят славу мою, и положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис и Фулу, и Луд, и Мосох; и Фовел, и в Элладу, и на острова дальние, где не слышали моего имени, и возвестят славу мою народам». И снова говорит господь вседержитель: «Вот пошлю я рыболовов и охотников многих на холмах и скалах каменных изловить вас». Познайте, братья, бога, сотворившего вас. Вот евангелие Нового Завета божьего, в котором были вы крещены». И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать евангелие, а за ним и все (остальные). И, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза, и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от бога. И с радостью велико похвалили бога, и бог сильно возрадовался этому»¹³⁴.

Насколько исторически реальным было данное событие — вопрос научных дискуссий. Как представляется, данный сюжет несет в себе отчетливые следы агиографического штампа. Равно как и эпизоды «чудесного» снятия хазарской осады с анонимного «христианского города» и не менее «чудесного» избавления от венгров Константина и его спутников (см. Разд. 9.2)¹³⁵. Отметим, что Глава XII ЖК в целом составлена исключительно как изложение чудес: сначала чудо с превращением соленой воды в пресную, которое является начальным в этой главе¹³⁶, затем чудо предсказания скорой смерти архиепископу и, наконец, чудо возвращения на путь истинный фульского народа. Отметим, в иных, в том числе и официальных источниках, Фулы упоминаются или как поселение, или как епархия. Как подтверждение данной гипотезы, отметим проводимую автором Жития аллюзию, выразившуюся в игре слов между «народом Фулу» из цитируемой Константином Философом речи пророка Исайи (еврейский текст Библии) (Исайа. 66. 18–19)¹³⁷ и крымским «народом фульским». Однако сказанное выше не отрицает существование на Крымском полуострове в середине IX в. местности, именуемой Фулы.

В уже упоминаемой Not. III (по Ж. Даррузе), составленной, очевидно, не ранее IX в., а скорее всего, его второй половины, упомянут епископ хотциров ((о)хоциров), резиденция которого находилась рядом с Фулами и Харасиу(я)¹³⁸.

В начале X в. (по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г.¹³⁹) Not. VII (по Ж. Даррузе) фиксирует функционирование Фульской епархии. Она отмечена и в последующих списках епархий вплоть до середины XII в.¹⁴⁰. Затем Фульская епархия была объединена с Сугдейской и возведена в ранг митрополии. На Константинопольском соборе 1158 г., проходившем в пе-

риод патриаршества Луки Хрисоверга (1156–1169 гг.), присутствовал архиепископ уже Сугдо-Фульской епархии¹⁴¹. Согласно припискам на полях Сугдейского синаксаря «(за 9 или 10 января) в этот самый день упокоился архиепископ сугдофуллов Феодор, переименованный в Феодосия монаха, 6782-го года (от сотворения мира)» (1273 г.). А уже в 1282 г. скончался первый Сугдо-фульский митрополит Феодор: «(за 5 февраля) упокоился раб божий Феодор, митрополит сугдофуллов, тот, который (был возвышен) из архиепископов, 6790 го (да от сотворения мира)»¹⁴². В Not. 20 (XIV в.) поясняется: «Сугдея и Фулы были архиепископиями, а будучи соединены, стали одной митрополией»¹⁴³.

Приходится констатировать, что все предпринятые в историографии попытки «материализовать» Фулы успехов не имели. К сожалению, источники не сохранили никаких более или менее точных указаний, где они должны были находиться. Поэтому, вся аргументация исследователей пытавшихся решить проблему Фул, строится, как правило, на более или менее удачных логических схемах этих же авторов. Сложность ситуации заключается еще и в том, что в Крыму сложно «найти место» для Фульской епархии. В Южной и Юго-Западной части полуострова находились Херсонская и Готская епархии, а в Юго-Восточной и Восточной – Боспорская и Сугдейская. При этом нет оснований помещать Фульскую епархию за пределы Крыма, на Таманском полуострове, как это делал еще Н.М. Мурзакевич¹⁴⁴. Нотиции в это время фиксируют там церковно-административную единицу с центром в Таматархе¹⁴⁵.

«Виртуальность» Фул заключается и в отсутствии каких-либо иных, кроме перечисленных, источников. Так, особенно в последние два десятилетия в научный оборот введены моливдовулы ряда херсонских, боспорских, сугдейских и готских церковных иерархов¹⁴⁶. При этом, несмотря на выявление херсонского и судакского (что особенно показательно, учитывая вероятное соседство епархий) архивов печатей, моливдовулов фульских иерархов не обнаружено. Различные источники сохранили имена ряда светских правителей и иных должностных лиц Херсона, Боспора, Сугдеи, Готии. Более того, мы имеем определенное представление об эволюции там административно-территориального устройства. Но нет ни одного свидетельства, позволяющего пролить свет на то, какому должностному лицу подчинялась территория Фульской епархии (кроме анонимного правителя Фул малоинформативного в этом плане Жития Иоанна Готского). Это касается и эпиграфических источников.

В настоящее время в историографии насчитывается более 20 вариантов локализации этого «неуловимого» места. Согласно наиболее аргументированным гипотезам, Фулы (на каком поселении их бы ни помещали авто-

ры) находились или в юго-западной, или юго-восточной части полуострова. Однако в пользу «восточной» гипотезы имеется важный, если не решающий, аргумент. Как уже отмечалось, Фульская епархия была объединена с Сугдейской, и эта новая церковно-административная единица фиксируется вплоть до 1410 г. Более того, во второй половине XV в. в Каффе образуется униатская Фульская епархия, а с начала XVII в. создается Каффо-Фульская епархия¹⁴⁷. Сложно предположить, чтобы соединяемые церковно-административные единицы не располагались по соседству. В случае нахождения Фульской епархии в юго-западной части Крыма ее логично было присоединить к близлежащей Готии, а не к отдаленной Сугдее. Однако «восточной гипотезе» противоречит археологическая ситуация в Юго-Восточном Крыму. Согласно упомянутым источникам, функционирование Фул и одноименной епархии должны отражать поселения, на которых присутствуют археологические слои как минимум второй половины VIII – середины XII вв. При этом таких памятников должно быть несколько. Однако отвечающая этим требованиям стратиграфия в Восточном Крыму выявлена только в городах Боспоре и Сугдее. Иные поселения и могильники X (по крайней мере, начиная со второй четверти столетия) — XI в. в Юго-Восточном Крыму отсутствуют¹⁴⁸. В.В. Кропоткин, понимая это, предположил, что после гибели Фул (Тепсеньское поселение на терр. совр. поселка Коктебель) название епархии сохранилось, как это было с киевской митрополией после разрушения города монголами, а ее центр перенесли¹⁴⁹. Однако ввиду отсутствия всяких памятников это не отвечает на вопрос о том, где материальные свидетельства паствы фульских иерархов. Не может в данном случае идти речь и о миссионерской епархии, не имеющей единого центра¹⁵⁰. Такие епархии были характерны исключительно для кочевых народов¹⁵¹. Конечно, поселения этого периода присутствуют в Юго-Западном Крыму. Но, как уже отмечалось, «юго-западная версия» противоречит факту объединения Фульской и Сугдейской епархий.

Как итог, все, даже самые, на первый взгляд, логичные и аргументированные гипотезы при детальном рассмотрении не выдерживают критики. Рассмотрим их.

«Тепсеньская версия», обстоятельно аргументированная В.В. Кропоткиным¹⁵², самая популярная в современной историографии. Действительно, на этом поселении площадью 19,5 га выявлены достаточно мощный раннесредневековый культурный слой и остатки нескольких христианских храмов. Тепсень – самое крупное поселение в Юго-Восточном Крыму. Однако обнаруженный здесь археологический материал датируется только серединой VIII – концом IX или, по мнению ряда исследователей, началом X вв. (см. далее). Поэтому на плато Тепсень в лучшем случае мож-

но «садить» только Фулы периода сюжетов из Житий Иоанна Готского и Константина Философа, т.е. доепархиального времени, или, при самых оптимистических расчетах, самого начала ее функционирования. Где же находились Фулы времени активной жизни Фульской епархии (X – середина XII вв.), «тепсеньская гипотеза» ответа не дает.

Заслуживает внимание предположение В.А. Мыща о локализации Фул на городище Ак-кая/Вишенное (Белогорский район)¹⁵³. Автор аргументирует свое мнение тем, что Not. III помещает Фулы рядом с Харасиу. Последний топоним, согласно источнику, означает Черная Вода. Река же Биюк-карасу, в долине которой находится указанное поселение, переводится с тюркского как Большая Черная вода. Привлекательность данной версии заключается в том, что автор помещает искомые местность и населенный пункт на «свободную» территорию, вне Сугдейской епархии, но на границе с ней. Кроме того, тогда Фульская епархия «приобретает» достойные епархии размеры, а не «вынуждена ограничиваться» Коктебельской долиной и ближайшими окрестностями, как при «тепсеньском варианте». Однако хоть на указанном В.А. Мыщом поселении и выявлены раннесредневековые материалы, и даже, возможно, остатки крепости этого времени, эти находки все же не выходят за пределы VIII – сер. IX вв. Кроме того, там не найдено, по крайней мере на сегодня, ни одного христианского архитектурного сооружения. Нет поселений VIII–XII вв. и в округе.

Выглядит, на первый взгляд, логичной и гипотеза В.А. Сидоренко о связи Фул со средневековой крымской областью — Аланией¹⁵⁴. В Готии своя епархия была создана, а для Алании мы ничего подобного не знаем. Соответственно, у готов была Готская епархия, а у алан – Фульская. Однако, во-первых, почему-то этот автор локализует Фулы на Эски-кермене, хотя источники называют центром Алании Чувут-кале¹⁵⁵. Во-вторых, источники никак не связывают Фулы и одноименную епархию с аланами. В-третьих, «юго-западная» гипотеза, как уже отмечалось, противоречит факту объединения Фульской и Сугдейской епархий.

Последнее в полной мере относится и к попытке В.Е. Рудакова поместить Фулы на городище Бакла¹⁵⁶. Отметим: на этом, самом северном и отдаленном от Херсона «пещерном городе» выявлены археологические материалы VIII–XIII вв. и достаточное для епархиального центра количество церквей.

В 2006 г. к решению «фульского вопроса» обратился К. Цукерман. По мнению этого авторитетного французского исследователя, Фульская епархия, впервые зафиксированная Not. VII. (по Ж. Даррузе), была основана на территории Крымской Хазарии поздним летом – ранней осенью 920 г. Ее создание нашло отражение в письмах константинопольского патриарха

Николая Мистика №68 и №106. При этом крымские хазары упоминаются уже в Not. III (нач. IX в. по К. Цукерману) под именем хотциров¹⁵⁷.

В 2012–2014 гг. попытку разубить «гордиев узел» фульской проблемы предприняла И.А. Завадская. Она присоединилась к мнению тех исследователей, которые считали, что Фулы находились на плато Тепсень. Кафедральный собор Фул — это церковный комплекс в центральной части поселения. Исследовательница предлагает собственную интерпретацию последовательности его строительных периодов; первоначально (не ранее сер. VIII в) была сооружена трехапсидная базилика без нартекса. Ее строительство явилось следствием византийской политики христианизации местного населения. Ко второму строительному периоду (конец VIII – начало IX в.) относится кладка из сырцовых кирпичей в центральной части комплекса. Это свидетельство перестройки базилики местным населением – хотцирами, известными по Not. III. При этом в IX в. «идеологическое влияние Византии в этом регионе ослабевает». Третий строительный период отразился в строительстве Большой Базилики. Именно она, возведенная при участии мастеров из Преслава, была «первой кафедральной церковью Фульской епархии», основание которой она, вслед за К. Цукерманом, датирует 920 г.¹⁵⁸ Отметим, что «археологическую основу» своих выводов И.А. Завадская строит исключительно на базе гипотезы К. Цукермана.

Как нам представляется, в этом хорошо сформулированном логическом построении присутствуют ряд крайне спорных моментов.

Один из основных «столпов» системы аргументации И.А. Завадской – попытка скорректировать верхнюю хронологическую границу функционирования Тепсеня. Ссылаясь на В.В. Майко она датирует ее «серединой (второй четвертью) X в.»¹⁵⁹. Однако В.В. Майко, в последних работах специально подчеркивал, что однозначно разграничить древности первой и второй четвертей X в. на данном этапе невозможно. Это объясняется практическим отсутствием закрытых археологических комплексов и датирующих материалов: «необходимо отметить, что на современном этапе исследований нельзя с точностью указать дату прекращения существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К сожалению, практически на всех исследованных сельских памятниках восточного, северо-западного и центрального Крыма отсутствует достаточное количество датирующих находок. К тому же, обусловленная множеством объективных и субъективных причин, она, наверняка, была растянута во времени»¹⁶⁰.

Также И.А. Завадская подвергла критике гипотезу А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева¹⁶¹, согласно которой жизнь на Тепсене прекращается в последней трети IX в.: «По мнению авторов, наиболее поздним материалом на городище являются фрагменты поливной посуды группы GWW I,

по Дж. Хейсу, полученные при раскопках жилых комплексов на участке «К» в 1998 г. ... Однако следует заметить, что по хронологии Дж. Хейса производство посуды GWW I ограничивается рамками VII – начала IX вв. ... Находки GWW I вместе с монетами 867–886 гг. в слое III ... Большого императорского дворца, которые авторы используют для датировки этой посуды ... Дж. Хейс относит к более ранней фазе, предшествующей слою III ... Таким образом сосуды GWW I не могут быть использованы для определения верхней даты городища Тепсень»¹⁶². Однако мы нигде не писали о сосудах GWW I как самых поздних на рассматриваемом поселении. На с. 151–152 говорится о двух принципиально важных моментах для датировки слоя — наличия кувшинов с плоскими ручками с учетом их количества и поливной керамики GWW I: «хронология поливной керамики при неединичных фрагментах кувшинов с плоскими ручками указывает на верхнюю дату рассматриваемого слоя в пределах второй половины IX в., скорее всего, последней трети этого столетия». Утверждение же исследовательницы о том, что сосуды GWW I из слоя III Большого Дворца Дж. Хейс относит к более ранней фазе, предшествующей этому слою, излишне категорично. Ученый высказал это предположение в крайне осторожной форме, не приводя при этом достаточно веской аргументации: «a few thin-walled, fine-quality fragments (noted under GWW I) may belong to an early phase, prior to Stage III in the Great Palace sequence, for which a date slightly before AD 900 is here suggested»¹⁶³. Т.е. в рассматриваемом случае мы имеем осторожное предположение исследователя, и не более того. При этом несомненно наличие GWW I в слое II с монетами 813–820 гг. Важна как раз ранняя дата этих сосудов, т.е. то, что они не выходят за пределы последней трети IX в. Наличие кувшинов с плоскими ручками и GWW I в одном слое Тепсеня — факт, который требует объяснения. Согласно выводам А.В. Сазанова, несмотря на то что GWW I обнаружены в несомненном слое второй половины IX в., они, конечно, могут рассматриваться как примесь, попавшая из нижележащего слоя. В этом случае нижележащий слой следует относить ко второй половине VIII – первой половине IX в., что совпадает с датой, предложенной В.В. Майко. Тогда для датировки слоя важны кувшины с плоскими ручками и отсутствие поливной керамики GWW II. Отсутствие GWW II показывает, что прекращение существования городища приходится на период до 925–950 гг., время самого раннего комплекса с GWW II¹⁶⁴. Учитывая то, что дата 925–950 гг. связана с контекстами, где обнаружены GWW II, вышедшие из обращения (мусорные контексты), время начала их производства должно приходиться на более раннее время, скорее всего, начало X в.

Таким образом, если согласиться с предположением о реконструкции Тепсеньской базилики в соборный храм епархии, что естественно (по вер-

сии Цукермана — Завадской) не могло произойти ранее конца 920–921 гг., то получается, что базилика если не возводилась на заброшенном поселении (если согласиться с хронологическими выводами А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева), то строилась параллельно с уходом жителей с Тепсеньского плато (по хронологии В.В. Майко). В любом случае это явный нонсенс.

Заметим, выглядит странным замечание И.А. Завадской: «археологически изучено всего лишь 5% территории городища, к тому же далеко не весь материал, особенно из ранних раскопок, обработан должным образом, его значительная часть утрачена. Продолжение раскопок ... должны прояснить эту проблему»¹⁶⁵. В данном случае имеется в виду противоречие между отсутствием археологических материалов X–XII вв. и желанием «поместить» на Тепсеньском плато центр Фульской епархии. На рассматриваемом поселении, площадью порядка 19,5 га, раскопано не менее 12 тыс. м² культурного слоя. Работы велись в разное время (начиная с 1929 г.), разными авторами и на разных участках. Достаточно полно изучена юго-западная часть городища, частично прослежена застройка его центральной, северо-восточной и северо-западной частей. Полностью исследован ранний некрополь Тепсеня, установлено местоположение могильников последнего этапа существования памятника. Таким образом, археологический памятник на плато Тепсень изучен относительно полно для формулирования выводов об основных этапах и особенностях его существования. Конечно, как известно, отсутствие наличия не есть наличие отсутствия. Естественно можно делать замечание о неполной археологической изученности Тепсеня и предполагать последующее выявление желаемых материалов. Однако методика научных исследований и ремесло археолога, да и историка, все же предполагают апеллировать тем, что имеется в наличии, а не тем, чего нет, но очень хотелось бы видеть.

Не выдерживает критики и предложенная И.А. Завадской интерпретация последовательности строительных периодов церковного комплекса в центральной части Тепсеня¹⁶⁶.

Рассмотрев археологический аспект гипотезы Цукермана — Завадской, обратим внимание на ее «историческую основу».

Остановимся на возможности отождествления хазар с хотцирами, на территории которых, по Not. III, находилось одно из епископств Готской митрополии. Согласно исследователям, начиная с Ю.А. Кулаковского¹⁶⁷, придерживающимся этого мнения, хотциры — один из вариантов написания этнонима хазары¹⁶⁸. Однако византийскими авторами (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана, Георгий Монах, и даже составителем той же нотиции) этноним хазары, как пра-

вило, передавался в родительном падеже множественного числа мужского рода «Χαζάρων», в именительном падеже множественного числа мужского рода «χαζάροι», реже, во множественном числе «χαζάρεις (уступка средне-греческой системе именного склонения). Хотциры (ὁ хотζήρων) же нотиции – родительный падеж множественного числа мужского рода (первая буква самого этнонима переосмыслена как артикль мужского рода единственного числа, после которого подразумевается слово епископ): «ἀ' ὁ хотζήρων συνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου ἐν ᾧ λέγεται τὸ μάβρον ναίρων — 1. (епископ) (о)хоциров вокруг (города) Фулов и Харасия на так называемой Черной Воде». В большей степени этот этноним даже тождественен ακατζίρων или αχατζήρων (родительный падеж множественного числа мужского рода), который предполагается в греческом оригинале текста Аблабия, передаваемому латинской транслитерацией в тексте Иордана: «К югу соседит с ними (Aesti, эстами. — Авт.) сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты»¹⁶⁹. Отметим, что в той же Not. III следом за епископом хотциров ((о)хоциров) помещено сообщение об Астеле — реке и крепости в Хазарии: «β' ὁ Αστήλ, ἐν ᾧ λέγεται ὁ Αστήλ ὁ ποταμὸς τῇ Χαζαρίαι, ἔστιν δὲ κάστρον...»¹⁷⁰. Χαζαρίαι — регулярная форма, производная от Χαζάροι.

Хронологическая связь Not. VII с основанием Фульской епархии. Действительно, эта церковно-административная единица впервые фигурирует именно в рассматриваемой нотиции. Однако дает ли это основание датировать ее исключительно временем, близким к составлению указанного списка епархий? Отметим, что в этом источнике впервые в официальных списках епархий фиксируются также Готская и Сугдейская¹⁷¹. С этих позиций логично их создание относить к тому же времени, что и Фульской. Однако, как уже отмечалось, Готскую епархию упоминают иные, более ранние источники. В работе VII Вселенского собора в Никее (787 г.) принимал участие и сугдейский епископ¹⁷². Как мы уже отмечали, возможные объяснения изложенной ситуации могут быть следующие. Или только в Not. VII были впервые официально зафиксированы и структурированы изменения в церковно-административной структуре Византии, которые произошли намного ранее¹⁷³, или Готская и Сугдейская епископии до начала X в. административно являлись подразделениями соответственно Херсонской и Боспорской епархий и поэтому не попали в перечни самостоятельных церковно-административных подразделений империи. В любом случае попытка «привязать» создание Фульской епархии исключительно к периоду составления Not. VII не выглядит убедительной.

Когда же могла быть образована Фульская епархия? Если принимать во внимание Житие Иоанна Готского, то в последней четверти VIII в.

этой церковно-административной единицы еще не существовало. Агиограф вряд ли бы вставил в свое произведение в целом традиционный для такой литературы сюжет об исцелении Иоанном посредством крещения сына местного правителя, будь в Фульской области свой епископ, и, соответственно, достаточно много христиан. Не было епархии и на момент хазарской миссии Константина Философа. Мы понимаем, что эпизод с «возвращением на путь истинный фульского народа», скорее всего, агиографический штамп. Однако Житие однозначно свидетельствует, что «фульский народ» хоть и подвержен пережиткам язычества, но несомненно, уже принадлежит к числу христианских¹⁷⁴. Маловероятно, что при наличии там отдельной епархии и своего епископа агиограф таким бы образом построил сюжет. Можно с определенной уверенностью утверждать, что Фульская епархия не была создана и на момент составления Not. III (даже учитывая ранее изложенные выводы в отношении этой росписи епархий). Несомненно, составитель руководствовался некими реалиями. Вряд ли можно сомневаться, что тогда в Крыму уже функционировали отмеченные в источнике Херсонская, Боспорская и Сугдейская и Готская епархии. При этом на базе Готской предлагалось организовать «хазарскую митрополию». Фулы же, в данном случае, упоминаются не как епархиальный центр, а всего лишь как ориентир для локализации епископа хотциров. Отметим, что, даже учитывая проблематичность датировки Not. III, маловероятно, чтобы она была составлена намного позже «хазарской миссии» Константина Философа. Таким образом, скорее всего, Фульская епархия была основана между 861 г. и началом X в. (Not. VII ее уже фиксирует). Если принять датировку Not. VII, предложенную К. Цукерманом, то — 920 г. Позволим высказать предположение о возможной связи создания Фульской епархии и окончательным уходом хазар из Крыма. К. Цукерман показал, что ко времени путешествия Константина Философа у хазар, вытесненных венграми, на полуострове уже не оставалось опорных пунктов¹⁷⁵. В попытке вернуть крымские владения или получить дань они могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов¹⁷⁶. А.И. Айбабин считает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г., а именно, ближе к 873 г. Основанием для такой хронологии послужил как анализ археологического материала, так и письмо константинопольского патриарха Фотия архиепископу Боспора с поддержкой желания последнего крестить проживавших там иудеев¹⁷⁷: «Если же ты, пленив тамошних евреев на послушание Христу, обратишь от тени буквы к благодати, как написал, то получаю и с избытком получаю прекрасные плоды добрых надежд, которые постоянно к тебе питал»¹⁷⁸. Конечно, можно по-разному трактовать письмо Фотия. Нам представляет-

ся, что его следует рассматривать в контексте византийской истории того времени. Известно, что в период правления Македонской династии при Василии I (867–886 гг.) после ряда попыток убедить византийских евреев принять христианство, был издан декрет об обязательном и насильственном их крещении¹⁷⁹. К. Цукерман рассматривает это событие как реакцию византийских властей на иудаизацию Хазарии¹⁸⁰. Мы не знаем, были ли крещены местные евреи, и что произошло с непокорными. Но, вероятнее всего, желание Антония крестить иудеев — в большей степени «рапорт с мест» о поддержке политики императора¹⁸¹. Однако это не исключает факта прекращения хазарского господства в Крыму к началу 70-х гг. IX в.¹⁸² В.Е. Науменко сначала датировал окончательный выход Таврики из сферы влияния Хазарии временем «к 70–80-м гг. IX в»¹⁸³, а затем ограничил 80-ми гг. IX в.¹⁸⁴

Вполне возможно, что в 70–90-х гг. IX в., после того как Византии удалось полностью вытеснить хазар с территории Крымского полуострова (см. Разд. 9.2), здесь была проведена очередная реорганизация церковно-административной системы. В силу ряда, до конца не совсем понятных обстоятельств, вычленили отдельную Фульскую епархию. При этом, если территории иных епархий совпадали с административно-территориальным делением, то о существовании Фульского климата (архонтии) у нас нет никаких источников¹⁸⁵.

¹ Вероятно, оно было написано в 807/810 гг.: Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 240; М.Ф. Озепи датирует источник 807–809 гг. (Auzepy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Paris, 1997. V 3. 1997. P. 5–9; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques. С. 324).

² Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2. С. 324–325; (первое издание ЖМНП. 1877. Ч. 191. Отд. 2); См.: Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1860. Т. 99. P. 219; Х.-Ф. Байер переводит этот фрагмент следующим образом: «Расположенные в направлении открытого Гостеприимного моря по епархии Зикхии от Херсона, Боспора Никопсиса и те, которые простираются к Готской Полости» (История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 337).

³ Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового. С. 328.

⁴ Там же. С. 328.

⁵ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 150–152.

⁶ Там же. С. 151–152.

⁷ Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004. С. 239–240.

⁸ Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках. Памятники Христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 38–39.

⁹ Васильев А.А. Лекции по истории Византии. Пд., 1917. Т. 1. С. 245; Васильев А.А. Проблема средневекового Крыма // Новый Восток. М., 1923. С. 387; Васильев А.А. Готы в Крыму Ч. 2. С. 200–201.

¹⁰ Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 44–45; Якобсон А.А. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 32–33, 49–52; Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. С. 177–179; Якобсон А.А. Крым в средние века. М., 1973. С. 29–56.

¹¹ Веймарн Е.В. Пам'ятники південно-західного Криму // Археологія УРСР. Київ, 1975. Т. 3. С. 463–464; Веймарн Е.В., Чорей М.Я. Корабль на Каче. Симферополь, 1976. С. 31–33; Веймарн Е.В., Чорей М.Я. Пещерный ансамбль Чилтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978. С. 139–140 и др.

¹² Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. С. 14; Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 17.

¹³ Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 154–156.

¹⁴ Болгов Н.Н. К истории средневекового Боспора // Князя доба. Львів, 2013. Вып. VII. С. 9–10.

¹⁵ Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследования пещерного комплекса Чилтера в 1973–1981 гг. // ВВ. 1986. №46. С. 182; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 167; Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 177–178; Даниленко В.Н. Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 102–103; Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. С. 185–186; Петровский В.А. Православные памятники Тепе-кермена // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 87; Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 77–79; Фарбей О.М. Христианство в Тавриде в VII–IX ст. (сучасний стан та основні проблеми дослідження). С. 317. и др. Подробнее об историографии см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992. С. 180–181; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 84–85; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 167–177; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никеи и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // Sacrum et profanum. Севастополь, 2005. Вып. I. С. 137.

¹⁶ Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. №57. С. 46.

¹⁷ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 102–103; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. С. 84–96; Могаричев Ю.М. Византийский Крым. Крым в VI–XII вв. Симферополь, 2008. С. 37–38; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. Симферополь, 2014. С. 27–28; Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии // Преслав Сборник. Велико Търново, 2013. Т. 7. С. 345–352. и др.

¹⁸ В общем, история скальной архитектуры горного Крыма представляется следующим образом. Появление искусственных пещер в Горном Крыму относится к периоду раннего средневековья (VI–VII вв.). С конца VI – начала VII в. в горах Внутренней гряды возникает

ряд крепостей (Мангун, Эски-кермен, Чуфут-кале, Тепе-кермен), построенных по инициативе византийской администрации, где наряду с оборонительными стенами создаются и помещения в скале. Их отличают следующие архитектурные особенности: небольшие размеры, до 11 м²; овальная или скругленная в плане форма; плавный переход от пола к стенам и от стен к потолку; следы вырубки, отражающие технику создания пещерных сооружений — косые борозды, образовавшиеся от кирочных ударов, расположенные, как правило, в одном направлении: сверху вниз под углом 35–50°. Расстояние между ними не более 0,08–0,09 м. К особенностям данных помещений можно отнести вырубки в скале скамьи, имеющиеся в ряде пещерных помещений, и арочные ниши. Эти пещеры обычно располагаются в расщелинах у оборонительных стен, на краю плато городищ, в основном над древними подъемными дорогами. Таких помещений известно относительно немного: на Чуфут-кале — около 25, Эски-кермене — 25–30, Мангупе — 15–17, Тепе-кермене — 10–15. Использовались пещеры в следующих целях: для контроля подъемных дорог и подходов к городищам, легкодоступных расщелин, в качестве наблюдательных пунктов, привратных помещений, укрытий для караульных у оборонительных стен. Для активной обороны, т.е. непосредственного участия в боевых действиях, предназначалось не более 10% помещений, в основном же они использовались для подсобных целей. Скальная архитектура Крыма сразу не получила широкого распространения. Помещений VIII–IX вв. на территории Юго-Западной Таврики мы практически не знаем. Но начиная с X–XII вв. ситуация меняется. К этому времени относится расцвет трех «пещерных городов» — Эски-кермена, Тепе-кермена и Бакалы, на которых выделяется соответственно свыше 400, 250 и 90 помещений, вырубленных в скале. В функциональном плане более 80% пещер в данный период имели хозяйственное назначение, а около 85% из них, или 480–500 помещений, служили хлевами. Хлева выделяются по наличию в искусственных пещерах ясель и проушин для привязывания скота. Часть из них, в архитектурном плане копирующая загон в естественных скальных гротах, использовались для летнего содержания частного скота или для ночевки общественных овец. Остальные хозяйственные помещения являлись подвалами под усадьбами, цистернами и т.д. Кроме памятников светской скальной архитектуры, на полуострове известно и значительное число культовых помещений. На территории горной Юго-Западной Таврики выявлено не менее 63 пещерных церквей. Вероятно, этими сведениями не исчерпывается количество пещерных храмов, функционировавших в Таврике в период средневековья, и к данному списку условно можно добавить еще около 10–15 пока неизвестных (например, недавно была открыта новая пещерная церковь на Загайтанской скале в Инкермане (Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в Юго-Западном Крыму // Сугдейский сборник. Киев: Судак, 2005. Вып. II. С. 17; Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. Пещерная церковь с фресками византийской эпохи в Юго-Западном Крыму // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма». Симферополь, 2007). Они встречаются двух видов: 1) входящие в комплексы пещерных монастырей; 2) приходские. Последние известны на Эски-кермене, Тепе-кермене, Мангупе, Бакале. Всего к приходским можно отнести не более 10 церквей. К числу пещерных монастырей и скитов можно отнести: 9 комплексов в Инкерманской долине, Чилтер-мармару, Шудан, Чилтер-кобу, Успенский, Качи-кальон. Ряд монастырей находится на городищах или в непосредственной близости от них. На Мангупе выделяются 4 комплекса — Северный монастырь, Южный, Юго-восточный и на оконечности мыса Тешкли-бурун. На Чуфут-Кале в районе Южных ворот также находился монастырь. Вероятно, небольшим скитом является храм «Донаторов», недалеко от Эски-кермена. Возможно, монастырь был и на Тепе-кермене. Таким образом, по нашим подсчетам, в Таврике было около 20 пещерных монастырей. Их можно разделить условно на четыре группы. В первую входят комплексы, в монастырском характере которых никто не сомневается, не затронутые «ремонтами»

и перестройками XIX в. Это Чилтер-коба, Чилтер-мармара и Шуддан. Они имеют все признаки классического монастыря: один (Чилтер-коба) или несколько (Чилтер-мармара — 4, Шуддан — 2) храмов, монашеские кельи, трапезные, подсобные помещения, погребальные сооружения. Во вторую группу можно выделить комплексы Инкермана. В третью группу пещерных монастырей следует отнести Успенский и Качи-кальон. Их объединяет то, что в середине XIX в. на месте древних были воссозданы новые монастыри, просуществовавшие до начала 20-х гг. прошлого века и во многом изменившие облик первоначальных памятников. Последнюю группу составляют монастыри, расположенные на городищах и в непосредственной близости от них, — 4 мангупских комплекса, в районе Южных ворот Чуфут-Кале, храм «Донаторов», Тепе-керменский. Хронологически пещерные церкви Таврики можно разделить на два периода: 1) Конец X–XI–XIII вв.; 2) XIV–XV вв. К первому периоду относятся на Эски-кермене 4 церкви, Тепе-кермене — 3 церкви, Бакле — 1, Инкермане — не более 3–5 церквей, возможно 1 церковь на Качи-кальоне, 1 на Чуфут-Кале, 1–2 на Чилтер-мармаре и, возможно, несохранившаяся церковь на Шуддане. Т.е. максимально в этом хронологическом отрезке времени функционировало не более 20 церквей, или приблизительно 30 % от общего числа, а около 70 % храмов возникают уже в период Феодоро (XIX–XV вв.). Появление приходских церквей, несомненно, связано с процессом зарождения городской жизни на данных поселениях. Этот вывод серьезных возражений в литературе не встречал. Сложнее решается вопрос о причинах возникновения пещерных монастырей. Как отмечалось, с конца XIX — начала XX в. в российской, а затем и советской историографии сложилась гипотеза, которая относилась к появлению в Крыму пещерных монастырей к VIII–IX вв. и связывала их с притоком гонимых монахов во время иконоборческих смут в Византии. Современные исследования говорят: нет определенных данных, позволяющих относить крымские пещерные монастыри к VIII–IX вв. Архитектурные остатки говорят о поздней дате монастырей (не ранее X–XIII вв.). А период создания большей части скальных обителей приходится на XIV–XV вв., что подтверждают и архитектурные особенности церквей. В 1475 г., в результате турецкого завоевания, большинство пещерных монастырей приходят в упадок. Еще ранее, в конце XIII — первой половине XIV вв. погибают Эски-кермен, Тепе-кермен и Бакла — поселения, где были расположены большинство хозяйственных пещерных помещений. «Центр» скальной архитектуры перемещается на Чуфут-кале, где на протяжении XVI–XVIII вв. создается ряд вырубленных в скале помещений для содержания скота и хранения запасов жителей города. Последние крупные скальные помещения создавались в Крыму уже после присоединения к России, во второй половине XIX в, когда были возобновлены ряд древних пещерных монастырей — Успенский, Инкерманский, Качи-кальон.

¹⁹ Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. С. 84–95; Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

²⁰ Бобровский Т.А. Заметки о скальной архитектуре Юго-Западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2; Бобровский Т.А. Пещерные монастыри на территории Украины // Спелеология и спелеология; развитие и взаимодействие наук. Материалы научно-практической конференции. Набережные Челны, 2010; Шевченко Ю.Ю. Пещерные комплексы Крыма: время возникновения по погребальному инвентарю // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб, 2002. Ч. 2; Гайдуков Н.Е. Пещерная киновия Чилтер-Мармара в Крыму // РА. 2002. №3; Гайдуков Н.Е.

Новое прочтение одной надписи «Храма Успения» пещерного города Эски-Кермен. Арсенины в Таврике? // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002; Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов Юго-Западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округа пещерного города Эски-Кермен) // Судья, Сурож, Содай в истории Руси-Украины. Киев; Судак, 2002; Гайдуков Н.Е. Археология «без археологии» (к вопросу о датировке пещерного «храма с баптистерием» пещерного города Тепе-Кермен) // Христианское наследие Византии и Руси. Симферополь, 2003; Гайдуков Н.Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Тез. докл. Севастополь, 2003; Гайдуков Н.Е. Христианская топография окраины городища Эски-кермен в Юго-Западном Крыму // Спелеология и спелеология; развитие и взаимодействие наук. Материалы научно-практической конференции. Набережные Челны, 2010; Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н. Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев, 2002; Гайдуков Е.Е. Желтов М.С. Престолы пещерных храмов юго-западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2006; Виноградов А.Ю. К вопросу о средневековой эпиграфике Юго-Западного Крыма // Судья, Сурож, Содай в истории Руси-Украины. Киев; Судак, 2002; Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004; Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: К проблеме типологии и хронологии // РА. М., 2005. №1. С. 72–80; Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена; и др.

²¹ Могаричев Ю.М. «Церква з баптистерієм» городища Тепе-кермен: проблеми датування та інтерпретації // Археологія. Київ, 2005. №3.

²² Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. С. 154; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 46–47, 149–151.

²³ Айбабин А.И. Могильники VIII – начала Хв. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 128–130; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 199.

²⁴ Алексеенко Н.А. Христианская символика на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. докл. Севастополь, 2001.

²⁵ Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // Вопросы социального и политического развития. АДСВ. Свердловск, 1988. С. 127–132. См также: Чорев М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 57–58. По мнению этого автора, мангупские находки говорят о возобновлении эмиссии византийских солидов на полуострове при Льве III.

²⁶ Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 114.

²⁷ Бабенчиков В.П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) // КСИИМК. М., 1953. Вып. XLIX. С. 110; Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004.

²⁸ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 180–181.

²⁹ Auzery M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. P. 219.

³⁰ См напр.: Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т.2. С. 288–289; Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. № 4 (152); Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Х.; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 39–46; Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991; Чичуров И.С. Визан-

тийские исторические сочинения. С. 62–69; Дагрон Ж. Двудликий Крым // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. VII. С. 297; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 104–105; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 78–80; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007. Ч. 2. С. 433–435. Сорочан С.Б. О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. С. 332–334; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. I. С. 548–677; Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культа. *Sacrum et profanum*. Севастополь, 2007. Вып. III. Подробнее см. Ч. II. Гл. 1; Ч. III. Разд. 8.4.

³¹ Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae episcopatuum* // Крымский архив. Симферополь, 1999. №5; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatuum*) // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.

³² Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 102–104; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера. С. 624–625; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 169; Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии. С. 349–352.

³³ Синаксарь, как явствует из посвяtitельного стихотворения, был составлен для императора Василия II Болгаробойцы (976–1025), вероятно, в 1001–1016 гг. (*Ševčenko N.P. Menologion of Basil II // The Oxford dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. V. 2. P. 1341–1342; Виноградов А.Ю., Захарова А.В. Василия II Минологий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 7. С. 225–229*).

³⁴ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского. С. ССIC; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 202–203.

³⁵ Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. СПб., 1908. Т.2. С. 454.

³⁶ Там же. С. 554–555.

³⁷ Васильевский В.Г. Хожение Апостола Андрея в страну мирмидоян. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып.1. С. 268–269.

³⁸ Чтение А.Ю. Виноградова (Греческие предания о св. Апостоле Андрее. Спб.. 2005. Т.1. С. 312–313).

³⁹ Подробнее аргументацию см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. С.84–94.

⁴⁰ Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 47–95, 336–360; Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып.34.

⁴¹ См.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. I. С. 495–496.

⁴² Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 214. (Правда, в другой работе: «Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму»

А.И. Айбабин пишет: «предположение о более поздней дате пещерных монастырей в Шуладане, Качи-Кальоне и других относимых к периоду иконоборчества не аргументировано» (С. 620). Ниже он ссылается на работу Ю.М. Могаричева «Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997», где обосновывается как раз «поздняя» датировка монастырей. При этом далее А.И. Айбабин апеллирует к мнению М.-Ф. Озепи о неточности информации Жития Стефана Нового — серьезного аргумента против «иконопочитательской» гипотезы. Таким образом, или А.И. Айбабин допустил опечатку, данный отрывок практически повторяет похожий из монографии «Этническая история ...», или он поменял свою точку зрения. Однако, если верно последнее, то в пользу своих доказательств данный автор не приводит никаких аргументов, кроме безапелляционных заявлений и ссылок на исследование, содержащее противоположные выводы. Не вносит ясность в позицию автора по данному вопросу и его более поздняя работа: Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 12. С. 214–217. С одной стороны, автор пишет: «после прихода к власти имп. Льва V, восстановившего иконоборчество в К-поле, епископ и паства Готии остались иконопочитателями». Но чуть ниже можно прочитать: «Мн. исследователи используют эти свидетельства (Житие Стефана Нового. — Авт.) для доказательства массовой эмиграции монахов-иконопочитателей в Готию во 2-й период иконоборчества. Но, как показала Озепи, текст Жития прмч. Стефана Нового в данном случае вряд ли может быть использован как надежный источник»); Сорочан С.Б. О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2000. Вып.2; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. I. С. 494–501; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе ... С. 136–137; Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма и о Партенитской базилике // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 166–167; Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Ред.-сост. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Археологический альманах. Киев, 2015. № 23. С. 304.

⁴³ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 214; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-западном Крыму. С. 619.

⁴⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1389–1390; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе... С. 134.

⁴⁵ Auzepy M.-F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. С. 329.

⁴⁶ Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 73.

⁴⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 170–171.

⁴⁸ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Спб., 1912. Т. 2. Вып.2. (первое издание: ЖМНП. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. II); Кулаковский Ю.А. Из истории Готской епархии в VIII веке. // ЖМНП. 1898. №2. С. 173–193; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса VI–X вв. С. 36–39; Бертье-Делагард А.А. Исследования некоторых недооцененных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК. 1920. №57. С. 46–47; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч.2. С. 197; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 40; Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 348–353; Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. С.156; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 101; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 208–209; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 614–618; Айбабин А.И. Готская епархия. С. 214; Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 47–60, 336–344; Виноградов А.Ю. Иоанн Готский // Православная энциклопедия. М.. 2010. Т. 23. С. 242–243; Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија. Београд,

2014. С. 304–312; Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. P. 327–331; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 115; Huxley G. On the Vita of John Gotthia // Greek, Roman and Byzantine studies. Durham, 1978. V. 19. №2. P.161–169; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 414–419; Preiser-Kapeller J. Der Episkopatim späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolen und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453. Saarbrücken 2008. P. 136–139. и др. Историография проблемы освещалась в следующих работах: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики. С. 96–100; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее. С. 129.

⁴⁹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып.2; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С.115; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера; Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005. С.31–32; Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии. С. 349; Могаричев Ю.М., Сазанов А. В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 177–182. и др.

⁵⁰ Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации Юго-Западного Крыма // Х.Сб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 294; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 1. С. 504 (с некоторыми оговорками).

⁵¹ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе... С. 138.

⁵² Эти источники неоднократно рассматривались в литературе: Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского; Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в VIII в.; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 199–220; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 208–210; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 614–617; Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notitiae episcopatum; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum); Науменко В.Е. К вопросу о Готском епископе; Юрочкин В.В. Готская епархия (краткий исторический очерк) // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готского. Симферополь, 2007. И др.

⁵³ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. Graz., 1960. V. 13. P. 992; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С.189–190.

⁵⁴ Герцен А.Г. Дорос–Феоделор (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.

⁵⁵ Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в VIII в.

⁵⁶ Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // СА. 1958 Т. 28. С. 203.

⁵⁷ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зикхской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья.

⁵⁸ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclisiae Constantinopolitane. Paris, 1981.

⁵⁹ Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notitiae episcopatum; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum).

⁶⁰ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. Русский вариант: Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum.

⁶¹ О Зихийской епархии см.: Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зикхской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья; Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времен Палеологов // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 73–74; Чхаидзе В.Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // Херсонская феода. Империя и полис. Севастополь, 2013; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. Вып. XXVI.

⁶² Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 5–9, 215; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum). С.129–131.

⁶³ П. Коматина датирует нотацию периодом между 805/806 и 814. гг. Komatina P. Date of the composition of the Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae nos. 4, 5 and 6 // Сборник Радова Византологического Института. Београд, 2013.Т. L/1. P. 195.

⁶⁴ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 10–18, 148–149; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum). С. 133.

⁶⁵ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 34–45, 250; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 142.

⁶⁶ П. Коматина датирует ее периодом между 814 и 827/828 гг. (Komatina P. Date of the composition of the Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae nos. 4, 5 and 6. P.209–211).

⁶⁷ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 46–48.

⁶⁸ Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С.143.

⁶⁹ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 419–427.

⁷⁰ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 53–78, 273–274; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 143–144.

⁷¹ Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 143–144.

⁷² Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија. С. 305–306.

⁷³ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 611–618.

⁷⁴ Boor K. de. Analitiken (I-III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Theologie. Bd., 1891. V. XII. P. 303–322, 519–534.

⁷⁵ Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) VIII в. С. 175–193.

⁷⁶ Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. С. 43–49.

⁷⁷ Васильев А.А. Готы в Крыму Ч. 2. С. 210–216.

⁷⁸ Артамонов М.И. История хазар. 2001. С. 352–358.

⁷⁹ Мошин В. Готская епархия в Хазарии в VIII в. // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. С. 249–256.

⁸⁰ Vernadsky G. Byzantium and Southern Russian. I. The Eparchy of Gothia \\\ Byzantion. 1940 – 1941. Т. 15. P. 67–76.

- ⁸¹ Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 186.
- ⁸² Noonan T. Byzantium and Khazars: a special relationship? // *Byzantine diplomacy. Variorum*, 1992. P. 114.
- ⁸³ Darrouzes J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. P. 31–33.
- ⁸⁴ Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae episcopatum*. С. 12–18; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 138–140; Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // *Славяне и их соседи*. М., 2001. Вып. 10. С. 30–33; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 178–179.
- ⁸⁵ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the *Notitiae*. P. 214; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum*. С. 401–414.
- ⁸⁶ Атанасов Г. Бележки и допълнения към църковната организация в Мизия и Скития през IV–VII в. (Notes and Codicils to the Ecclesiastical Structure of Scythia and Moesia Secundaduring 4th – 6th Century AD) // Сборник в чест на Ал. Минчев. *Acta musei varnaensis*. Варна 2008. № VIII-1. С. 307–309.
- ⁸⁷ См. напр.: Prigent V. *Les evêches byzantins de la Calabre septentrionale au VIIIe siècle* // *Melanges de l'Ecole Française de Rome, Moyen Age*. 2002. V. 114. P. 931–953; Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија. С. 304–305.
- ⁸⁸ Lamberz E. *Die Bischofslisten des VII Okumenischen Konzils (Nicaenum II)*. München, 2004. С. 24–25. Мы не претендуем на исчерпывающий историографический анализ проблемы. Последние историографические обзоры: Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв.; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 178; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum*. С. 401–402; Айбабин А.И. Готская епархия.
- ⁸⁹ Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. С. 30–31; Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae episcopatum*. С. 12–18; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX. С. 136–140.
- ⁹⁰ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 8–10.
- ⁹¹ Обзоры см.: Голден П. Обращение хазар в иудаизм // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим: М., 2010; Петрухин В., Флеров В. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим: М., 2010; Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 159–183; Флеров В.С. Почему иудаизм не получил распространения в хазарском каганате (в поисках ответа) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т.9; Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // *Хазары*. Серия «Евреи и славяне». Том 16. Иерусалим: М., 2005; Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // *Хазары*. Серия «Евреи и славяне». Том 16. Иерусалим: М., 2005; Тортика А.А. Проблемные аспекты определения даты обращения хазарской знати в иудаизм (в связи с интерпретацией сведений о хазарской миссии Константина Философа) // *Орієнтальні студії в Україні*. До ювілею А.В. Матвеевої. Збірник наукових статей. К., 2010; Кримський А.Ю. Про обставини іудаїзації хозарів (фрагмент із другої частини монографії “Історія хазарів з найдавніших часів до X віку”) / До друку підготували О. Б. Бубенок, О.О. Хамрай, В.В. Черноіваненко // *Східний світ*. 2011. № 3 Карлос дель Валье Родригес Обращение Хазарии в иудаизм и лите-

- ратурный мотив выбора веры // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 70–79; Штампер И. Насколько хазары были иудеями? // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011; Рашковский Б. Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. Т.П.; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // *МАИЭТ*. 2002. Вып. IX; Живков Б. Хазария през IX и X век. С. 60–82; Бубенок О.Б. Так когда же хазары приняли иудаизм? // *ХА*. М., 2016. Т. 14; Petrukhin V. *Sacral Kingship and the Judaism of the Khazars* // *Conversions: Looking for Ideological Change in the Early Middle Ages*. Vienna, 2013; Golden P. *The conversion of the Khazars to Judaism* // *The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies*. Leiden: Boston, 2007; Olsson J.T. *Coup d'etat, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. L., 2013. Ser. 3. Vol. 23. № 4; Shepard J. *The Khazars' formal Adoption of Judaism and Byzantium's northern policy* // *Oxford Slavonic Papers*. 1998. V. 3; Stampfer S. *Did the Khazars Convert to Judaism?* // *Jewish Social Studies: History, Culture, Society*. Indiana University Press, 2013. Vol. 19. № 3 (Spring/Summer); Zuckerman. C. *On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor* // *Revue des Etudes Byzantines*. Paris, 1995. T. 53. P. 237–259; Brook K. *The Jews of Khazaria*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. P. 87–124; и др.
- ⁹² Vernadsky G. *Byzantium and Southern Russia*. P. 76–86.
- ⁹³ Zuckerman. C. *On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor*. P. 237 – 259; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм; Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica*. 2003. Вип. II. С. 57–66. См. также: Olsson J.T. *Coup d'etat, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate*. P. 525.
- ⁹⁴ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С.10; Zuckerman. C. *On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor*. P. 243; Golden P. *The conversion of the Khazars to Judaism*. P. 140; Трендафилов Хр. Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3459> (1 декабря 2016 г.); Бубенок О.Б. Так когда же хазары приняли иудаизм? С. 76–78.
- ⁹⁵ Сказания о начале славянской письменности. С. 75. Обстоятельная и аргументированная критика иных гипотез дана К. Цукерманом (О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм; Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря; On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor) и поэтому повторять ее считаем излишним.
- ⁹⁶ Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. С. 531. В последнее время в качестве аргумента в пользу более ранней иудаизации Хазарии приводятся «хазарские подражания арабским дирхемам» с легендой «Муса расул Алла – Моисей — посланник божий», датированные 837/838 гг. (Петрухин В., Флеров В. Иудаизм в Хазарии по данным археологии. С. 158–159). Американский нумизмат Р. Ковалев, ссылаясь на информацию письма хазарского царя Иосифа и «Кембриджского документа» связал такие монеты с переходом хазар в иудейскую веру при Булане или Сабриэле (Kovalev R.K. *Creating Khazar Identity through Coins: the Special Issue Dirham of 837/838* // *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages*. 2005. P. 220–251). Сторонники хазаро-иудейского происхождения этих монет, объясняют такую крайне неоднозначную легенду некой благочестивой хитростью: она

не могла вызвать возражения среди мусульман, так как Моисей, согласно Корану, являлся пророком. В противовес прямой связи этих монет и хазарского государственного иудаизма можно привести десяток альтернативных точек зрения: монеты чеканили евреи Арабского халифата; монету чеканил нанятый хазарами еврей-чеканщик; спецзаказ для еврейских купцов, подделки еврейских купцов, уверенных, что на Севере, где монеты и были найдены, никто не поймет легенду, и т.д. Самое главное, что даже если согласиться с точкой зрения Р. Ковалева, то это не означает, что на момент эмиссии рассматриваемого нумизматического материала иудаизм стал государственной религией в Хазарском каганате. В лучшем случае в определенной степени констатирует присутствие там иудеев, в чем никто и не сомневается. Принятию иудаизма каганом и верхушкой хазар несомненно предшествовало длительное и достаточно массовое присутствие евреев в Хазарии. Вяч. С. Кулешов недавно опубликовал специальное исследование, посвященное монетному обращению средневековых еврейских общин VIII–XIII вв. (Кулешов Вяч. С. Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // Белградский сборник. Труды Государственного Эрмитажа LXXX. СПб., 2016). Он привел ряд примеров еврейского участия в монетной чеканке (С. 89–90). Но, по его перечню участие евреев в чеканке монет вовсе не означало, что государственной религией в этих случаях был иудаизм. Отметим, в возможности правильности указанной интерпретации «монет Моисея» сомневается В.С. Флеров: «Как бы ни была интересна находка “дирхемов Моисея”, следует в первую очередь обратить внимание — пока речь идет только о предположении Р. Ковалева о том, что их эмиссия действительно связана с Хазарским каганатом» (Флеров В.С. Почему иудаизм не получил распространения в хазарском каганате (в поисках ответа). С. 307). См. также: Штампер Ш. Насколько хазары были иудеями? С. 19–20.

⁹⁷ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 560–561; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 144–164; Бубенок О.Б. К вопросу о распространении христианства среди хазар // Східний світ. Киев, 2011. №. 4; Ковалова И. Г. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй Международный колоквиум. Тезисы. М., 2002; Флеров В.С. Иудаизм, христианство, ислам в Хазарском каганате (к состоянию изучения по археологическим данным) // Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. Вып. XXVI.

⁹⁸ По мнению одних исследователей, фема Клима (таким было ее первоначальное название) была создана летом 841 г., в ответ на появление в припонтийских степях венгров (Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.С. 320; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 215–216; Дагрон Ж. Двуклык Крым. С. 297–298); Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике и др.), которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера, и те более не могли удерживать подвластные им территории. Другие исследователи сомневаются, что фема была создана именно в 841 г. (Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 2010; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму.) и не считают «венгерскую угрозу» причиной ее создания (Петрухин В.Я. Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Тез. докл. М., 2002: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 565). Однако, несомненно, этот военно-административный округ был образован византийскими властями на Крымском полуострове в промежутке между 834 и 841 гг.

⁹⁹ Papebrochio D. De sancto Joanne, Episcopo Gotthiae. Vita e codice Vaticano nunc primum Latine versa // Acta Sanctorum. Iunii. T.V. Antverpiae MDCCIX (1709). P. 190–194; Acta

sanctorum. T. V. Sub die 26; Veneziana, 1744.p. 151; Acta sanctorum. Iunii, VII, 3.ed. Parisiis 1867. P. 162–172; Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1948. T.66. P. 82; Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 78–85; Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 8–14.

¹⁰⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 8–26.

¹⁰¹ Там же. С. 8, 11.

¹⁰² Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 416; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 197; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики. С. 108–109; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 135; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 618–619.

¹⁰³ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collection. T. 12. P. 993–994; 1095–1096; 1153–1154; T. 13. P. 137–138; 365–366, 384; Darrouze J. Listes episcopales du concile de Nicee [787] // REB. 1975. T.33; Деяния Вселенских соборов. Казань, 1873. Т. 7. С. 64, 169, 226, 363, 583, 598.

¹⁰⁴ Деяния Вселенских соборов. С. 598.

¹⁰⁵ Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжества Феодоро и его князья. Симферополь, 2005. С. 198–199.

¹⁰⁶ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 316.

¹⁰⁷ Darrouze J. Listes episcopales du Concile de Nicee (787). P. 19.

¹⁰⁸ Lambertz E. Die Bischofslisten dez VII Okumenischen Konzils (Nicaenum II). P. 31, 46.

¹⁰⁹ Кеппен П.И. О древностях южного берега Крыма. СПб., 1837. С. 63, 66–67.

¹¹⁰ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 416.

¹¹¹ Лебедев А.П. Духовенство древней церкви. СПб., 1997. С. 375–397.

¹¹² Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 203–204.

¹¹³ Auzépy M.-F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. P. 328–329.

¹¹⁴ К. Цукерман, полемизируя с М.-Ф. Озепи, также указал на ошибочность версии о двух епископах Готии на Соборе 787 г. (Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum. P. 216; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 416–417).

¹¹⁵ Huxley G. On the Vita of John Gotthia. P. 166–168.

¹¹⁶ Байер Х.-Ф. История крымских готы как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 52–53.

¹¹⁷ Lambertz E. Die Bischofslisten dez VII Okumenischen Konzils (Nicaenum II). P. 31, 46.

¹¹⁸ Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 619; Айбабин А.И. Готская епархия.

¹¹⁹ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum. P. 217; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 417–418.

¹²⁰ Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжества Феодоро и его князья. С. 198–199.

¹²¹ Известно, что Готская епархия фиксируется источниками начиная с IV в. В числе участников Первого Вселенского собора в Никее (325 г.) зафиксирован Готский митрополит Феодил: «Provinciae Gothiae The ophilus Gothiaemetropolis. Provinciae Bospori Domnus Bosporensis. Cathirus Bospori». В ряде списков готский митрополит «соединяется» с Боспорским: «De Gothis The ophilus Bosporitanus Domnus Bosporensis». Феодил упоминается почти во всех

известных версиях соборных подписей. Мнения ученых о месте нахождения церковной административно-территориальной единицы во главе с Феофилом Готским разделились. Историография данного вопроса была рассмотрена А.В. Заморяхиным (Заморяхин А.В. Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. Екатеринбург, 2003. Т. II; Заморяхин А.В. Церковная история крымских готы в отечественной историографии // Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2005. Вып. 5). Большинство исследователей считали, что Феофил представлял дунайских готы. К ним принадлежат: архиепископ Макарий, Ф.А. Браун, Д.Н. Беликов, Н.Н. Мурзакевич, П.И. Кеппен, В.Г. Васильевский, А.Ф. Вельтман, В.В. Болотов, Ю.А. Кулаковский, А. Харнак, А.А. Васильев, А.И. Айбабин, В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, В.Е. Науменко и др. Эта точка зрения является господствующей и у зарубежных авторов. Иные помещали место служения представителя Готии на Первом Вселенском соборе в Крым. В их числе: Арсений, Е.Е. Голубинский, В. Томашек, А. Шмидт, Ф.К. Брун, С.П. Шестаков, Р. Лева, Дж. Манси, И.С. Пиоро, Н.Н. Болгов и др. В.Ю. Юрочкиным было выдвинуто предположение, что резиденция Феофила хоть и находилась на Боспоре, но он, в то же время, мог быть митрополитом всех готы, где бы они ни проживали. Это мнение осторожно поддержал и М.Г. Щукин, а также Н.А. Ганина. Как известно, полного и достоверного перечня лиц, присутствовавших на соборе, к нам не дошло, равно как и его протоколов. В основном, списки участников собрания церковных иерархов 325 г. представлены копиями, происходящими с оригинала конца VII–VIII вв. Очевидно, что собравшиеся в Никее делегаты от церковных организаций отражали существовавшие в то время административные диоцезы римских провинций. Традиционно указываемое число участников собора — 318 не соответствует исторической действительности. Эта цифра была установлена поздними авторами, является сакральной и подразумевает 318 слуг Авраама. Как показал еще Г. Гельцер, реальное число присутствовавших на соборе церковных деятелей — 220. Что касается достоверности присутствия в Никее готского митрополита, то в пользу его участия там свидетельствует не только фиксация большинством перечней участников собора, но и сведения ранних историков церкви. Непосредственно принимавший участие в работе Никейского собора Евсевий Кесарийский (ок. 263–340) писал: «Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не был отвергнут им и епископ скифский» (О Жизни Блаженного Васильевса Константина. Кн. III. 7). Эту информацию повторяют и церковные авторы V в. Сократ Схоластик (Церковная история I. 8) и Геласий Кизикский (Деяния Никейского собора II. 5). Более того, Сократ Схоластик (Церковная история I. 41) называет последующего готского епископа Ульфилу преемником Феофила. Было бы логичным отождествлять анонимного скифского епископа именно с Феофилом Готским. Как известно, позднеантичные и византийские авторы часто готы называли скифами, а Готию — Скифией. Так, например, Эпифаний указывал, что «Скифией древние авторы обыкновенно называют всю северную страну, где живут готы и давны». Готией в IV в. считали территории «к северу от Нижнего Дуная», а чуть позднее — часть провинции Дакция, но никак не Крым. Таким образом, резиденция готского митрополита в 325 г., вероятнее всего, располагалась на Дунае. Однако, вполне возможно, что его паства могла проживать и за пределами этого географического региона. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело не с территориальной церковно-административной единицей, а этнической. Т.е. прихожанами Феофила являлись все готы, вне зависимости от конкретного местообитания. Напомним, в IV–V вв. различные группы готы в поисках новой родины часто меняли места проживания, разделялись и отдалялись от своих сородичей на значительные расстояния. Естественно, что территориальная организация готской церкви просто не могла успевать «подстраиваться» под изменения бурной эпохи Великого переселения народов.

Еще одним «спорным» источником является сюжет из письма Иоанна Златоуста диакониссе Олимпиаде, касающийся назначения епископа неким готам. В 404 г. Иоанн был низ-

ложен и сослан в г. Кукуз в Армении, где прожил два года. Находясь в ссылке, Хризостом вел переписку со своей паствой. В одном из писем к диакониссе Олимпиаде (404 г.) ссыльный архиепископ сообщал: «Мне сообщили монахи имения Марсы, готы, что диакон Модуарий прибыл со сведением, что Унила, онный удивительный епископ, которого я рукоположил и посал в Готию, после многих великих достижений умер, и он (Модуарий) пришел и принес письмо короля готы с прошением, чтобы был послан им епископ. Так как я не вижу другого средства исправления против угрожающей катастрофы, как промедление и отсрочку — ибо невозможно совершить плавание к Боспору и в те районы теперь, — устрой дело так, чтобы они отложили пока [отъезд] из-за зимы». Далее Иоанн Златоуст опасается, что следующий глава готской церкви может быть назначен его врагами. Поэтому он советует Модуарию тайно приехать к нему в Кукуз. О возможной отсрочке отправления епископа в Готию Хризостом упоминает также в письмах к диакону Феодулу и «готским монахам в имении Промота» в том же 404 г. Подавляющее большинство исследователей считали, что в данном случае Хризостом говорит о готах, живущих на Боспоре Киммерийском. Такое мнение подкреплено авторитетом крупнейших исследователей — В.Г. Васильевского, Е.Е. Голубинского, Ю.А. Кулаковского и А.А. Васильева, М.И. Артамонова, Г.В. Вернадского. Правда, уже В. Томашек полагал, что Иоанн Златоуст упоминал готы Нижнего Дуная. Эту точку зрения поддержали А.И. Айбабин (указавший на неконкретность географической информации Хризостома и отсутствие каких-либо источников, указывавших на подчинение Боспора готам), В.Е. Науменко и М.Б. Щукин. Анализ текста послания Иоанна Златоуста не позволяет однозначно интерпретировать местонахождение упоминаемой им Готии. Это произведение эпистолярного жанра, принадлежащее перу проповедника. Оно не предполагает точности географических «привязок». Поэтому упоминание Боспора может означать, что это всего лишь ближайший европейский порт (напомним, Иоанн тогда находился в Армении) на пути в Готию, и даже туда, в условиях зимы, невозможно добраться, не говоря уже об искомой местности. Отметим, Хризостом отделяет Боспор от «тех районов» (очевидно иптонтийских), где находились готы и их король (подр. о данных проблемах см.: Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии. С. 337–342). В настоящее время большинство авторов считают, что все упоминания готских епископов, по крайней мере, до начала VIII в. относятся к области дунайских готы (Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии... С. 66; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе... С. 130–133; Popescu E. Christianitas Daco-Romana. Bucuresti, 1994. P. 178–199). По отношению же к Крыму термин Готия начинает использоваться не ранее конца VIII – начала IX в.

¹²² Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики. С. 109.

¹²³ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе... С. 130–133.

¹²⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1356–1357.

¹²⁵ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 115; Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. С. 31–32; Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии. С. 349; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 177–182.

¹²⁶ Последние историографические обзоры см.: Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул); Майко В.В. О локализации Фула и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики.

Киев, 2002; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 10–16; Байер Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 62–68; Сорочан С.Б. «Зачарованный клад» Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 516–523, сноска 88; Сорочан С.Б. К проблеме локализации Фул и «народа Фульского» // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 252–255; Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XIX. С. 212.

¹²⁷ См.: Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл): Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 516–523, сноска 8.

¹²⁸ Мы следуем раннесредневековой традиции написания Фул с одной буквой «лямбда» (Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 516).

¹²⁹ По мнению ряда исследователей, начиная с М. Тунманна (Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 33), первый раз Фулы все же упоминаются Менаандром Протектором в 576 г. (см.: Байер Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 64). Однако фрагмент, якобы упоминающий эту местность, дошел к нам в испорченном состоянии. Кроме того, еще В. Томашек (Tomaschek W. Die Gothen in Taurien. Wien, 1881. P. 71), а вслед за ним и Ю.А. Кулаковский достаточно аргументированно полагают, что в источнике речь идет не о местности с таким названием, а о филах — племенах (Кулаковский Ю.А. Где находились Фуллы? // ЖМНП. 1898. № 2. С. 194). С такой точкой зрения согласны и большинство современных исследователей (подробнее см. Белый А.В. Вопрос о локализации Фул в связи с неясным свидетельством Менаандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995). См. также: Айбабин А.И. Юго-Западный Крым под властью Византии в конце VI–VII в. // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 32.

¹³⁰ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Крыму. С. 115; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 199–204.

¹³¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 14.

¹³² Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 10; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 75; Цукерман К. Венгры в стране Леветии: новая держава на границах Византии и Хазарии. С. 677; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. С. 525–526; Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor. P. 243; Colden P. The conversion of the Khazars to Judaism. P. 14; Трендафилов Хр. Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3459> (1 декабря 2016 г.); Бубенков О.Б. Так когда же хазары приняли иудаизм? С. 76–78.

¹³³ Сорочан С.Б. «Народ фульский»: язычники или христиане?

¹³⁴ Сказания о начале славянской письменности. С. 85–86.

¹³⁵ Могаричев Ю.М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа // Археология. Київ, 2004. № 3.

¹³⁶ Когда же дошли до пустых и безводных мест, не могли переносить жажды. Найдя же в солончаке воду, не могли ее пить, ибо была она как желчь. И когда разошлись они все искать воду, сказал брату своему Мефодию: «Не могу больше терпеть от жажды, зачерпни же воды

этой. Тот, кто раньше для израильтян горькую воду сделал сладкой, Тот и нам принесет утешение». Зачерпнули же, и оказалась она сладкой, как мед, и холодной, и пили, прославляя Бога, что делает такое для рабов своих (Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности, с. 85).

¹³⁷ См. подробнее: Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. С. 123. Прим. 5.

¹³⁸ Boor K. de. Analitiken (I–III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatum. P. 533; Darrouzes J. Notitiae episcopatum eclessiae Constantinopolitanei. P. 245.

¹³⁹ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 419–427.

¹⁴⁰ Кротопкин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул). С. 203. Darrouzes J. Notitiae episcopatum eclessiae Constantinopolitanei. P. 273–274, 294, 346, 352, 377, 385, 389.

¹⁴¹ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского. С. CLXV. По мнению этого автора, Сугдэйская и Фульская епархии к концу XII в. на некоторое время вновь были объединены. Однако, хронология источников, на которые ссылается этот исследователь (С. CLXV) требует уточнения.

¹⁴² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 6, 285. И.А. Завадская, почему-то считает, что Сугдо-Фульская митрополия была создана в 1156 г. (Периодизация церковного строительства на городище Тепсень. С. 211). Это или заблуждение, или техническая ошибка. Митрополией эта церковно-административная единица стала спустя более чем, сто лет.

¹⁴³ Байер Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 67.

¹⁴⁴ Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 2011. С. 66.

¹⁴⁵ Кротопкин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул). С. 203; Чхаидзе В.Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 292–294.

¹⁴⁶ См., напр.: Алексеев Н. А. Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. Т. 28/29. Krakow, 1999/2000; Алексеев Н.А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь, 2001; Алексеев Н.А. «Херсонский архив печатей»: миф или реальность // Х.Сб. Севастополь, 2006. Вып. XV. С. 8; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 166; Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 209; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 184–185; Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 93–94; Чхаидзе В.Н. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) РА. 2016. № 2.

¹⁴⁷ Кротопкин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул). С. 202.

¹⁴⁸ Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 239; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 41–45; Майко В.В. Византиско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // ПИФК. Вып. XVI/1. М.; Магнитогорск, 2006; Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев: Судак, 2004. Ч. II.

- ¹⁴⁹ Крпоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул). С. 218.
- ¹⁵⁰ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 23.
- ¹⁵¹ Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. С. 29–31.
- ¹⁵² Крпоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фул).
- ¹⁵³ Мыц В.А. О локализации Фула и Фульской епархии; Мыц В.А., Бочаров С.Г., Зайцев Ю.П. Городище Вишенное в Центральном Крыму и вопрос о локализации города.
- ¹⁵⁴ Сидоренко В.А. К вопросу о Фулах и Доросе // МАИЭТ. Симферополь, 1995. Т. IV.
- ¹⁵⁵ См. подр.: Могаричев Ю.М. Крымская Алания и Чуфут-кале // Х.Сб. Севастополь, 2005. Вып. XIV; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 237–240.
- ¹⁵⁶ Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. Античная и средневековая идеология. АДСВ. Свердловск, 1984.
- ¹⁵⁷ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiaepiscopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum.
- ¹⁵⁸ Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии). В тезисном варианте: Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012; Завадская И.А. Этапы христианизации «народа фульского» по материалам культового строительства на городище Тепсень // VI Международный Византийский семинар Херсонская фема: империя и полис. Тез. докл. Севастополь, 2014.
- ¹⁵⁹ Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии). С. 213.
- ¹⁶⁰ Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 11.
- ¹⁶¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А. В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 150–152.
- ¹⁶² Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии). С. 213–214.
- ¹⁶³ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2. P. 18.
- ¹⁶⁴ Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. P.18.
- ¹⁶⁵ Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии). С. 214.
- ¹⁶⁶ См. подр.: Могаричев Ю.М., Майко В.В. Фулы и Крымская Хазария: еще раз о локализации Фульской епархии // Lauga I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2015; Могаричев Ю.М., Майко В.В. Тепсенская базилика и проблема локализации Фул // ХА. № 15.
- ¹⁶⁷ Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) VIII в. С. 90–193.
- ¹⁶⁸ Подробнее об этой гипотезе и историографии см.: Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiaepiscopatum. С. 425–427.
- ¹⁶⁹ См. подробнее: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // ХА. Киев: Харьков, 2012. Т. 10. С. 132; См. также: Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. С. 74; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси.

- Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. С. 135–140; Шапошников А.К. Языковые древности Северного Причерноморья (этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). Дис. ... доктора филологических наук. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007. С. 398: Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М, 1994. С. 141.
- ¹⁷⁰ Boor K. de. Analitiken (I–III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatum. P. 533.
- ¹⁷¹ Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notitiae episcopatum. С. 19; Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. С. 143–144.
- ¹⁷² Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collection. V. 12. P. 994, 1096, 1154; V.13. P. 138, 366, 384; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 86–87. Вероятнее всего сурожская епархия была основана в середине VIII в.
- ¹⁷³ См. выше.
- ¹⁷⁴ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского. С. CLXV; Сорочан С.Б. «Народ фульский»: язычники или христиане?
- ¹⁷⁵ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889г. С. 677; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. С. 527–530.
- ¹⁷⁶ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 678–679.
- ¹⁷⁷ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 222.
- ¹⁷⁸ Байер Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 118–119. В.Е. Науменко считает крещение боспорских евреев свершившимся фактом (Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XI вв. // Государственная территория как фактор полигенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII. С. 212–213; Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестник Волгоградского Государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 5. С. 69). Такой вывод выглядит странным, так как источник не дает для него абсолютно никаких оснований.
- ¹⁷⁹ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998. С. 437; Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. М.: Иерусалим, 1994. № 1 (5). С. 25; Голден П. Хазарский иудаизм в свете письменных источников // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим: М., 2010. С. 139; Sharf A. Byzantine Jewry. L, 1971. P. 82.
- ¹⁸⁰ Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. С. 531.
- ¹⁸¹ Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 273.
- ¹⁸² С этим согласен и С.Б. Сорочан. Он также считает, что к 873 г. хазар на Боспоре уже не было, но при этом отмечает, что они могли оставаться в других местах Крыма. Сорочан С.Б. «Carcis habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. С. 112–113.
- ¹⁸³ Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. С. 353.
- ¹⁸⁴ Науменко В.Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. С. 17. Последняя его работа по данной проблеме: Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X – XII веках. С. 69.

¹⁸⁵ С рассматриваемой проблемой тесно связан вопрос о так называемой Крымской Хазарии, который будет рассмотрен в Разделе «Вместо заключения. Крымская Хазария X–XII вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф?»

Глава 8. «Крымские» святые в контексте истории полуострова VIII – X вв.

Полноценное изучение истории Крымского полуострова «хазарского» времени не возможно без использования информации агиографических источников. В первую очередь это касается Житий Иоанна Готского и Стефана Сурожского, анализ которых входит в «обязательную программу» для исследований, рассматривающих те или иные аспекты исторического развития Крымского полуострова в раннесредневековый период. Так же актуальными представляются Жития Херсонских епископов, и Жития ряда исторических личностей, волею судеб, оказавшихся тогда в Крыму и впоследствии канонизированных Церковью. Попытаемся рассмотреть указанные источники в контексте влияния того или иного персонажа на историческое развитие Крыма VIII – середины X в.

8.1. Иоанн Готский (Рис. 3.2)

Житие Иоанна Готского ключевой документ для изучения истории Крымского полуострова «хазарского периода». Как уже отмечалось, его первоначальной версии не сохранилось. Наиболее полная, из дошедших до нас редакций — вероятно сокращенный вариант Жития, состоящий из десяти небольших отрывков (глав)¹.

Скорее всего, древнейшая версия рассматриваемого агиографического произведения была составлена в период правления Никифора I Геника (802–811 гг.) и патриаршества Никифора I (806–815 гг.), т.е. в 806–811 гг. В период патриаршества Мефодия (843–847 гг.) данное агиографическое произведение было переработано в новой, уже известной нам редакции².

Текст Жития³ сохранился в трех рукописях: Ватиканская № 1667 (Cod. Vaticanus 1667) — X в., Ватиканская № 655 (Cod. Vaticanus 655) — копия XVI в. с № 1667 и рукопись афонского монастыря Филофея № 8 (mss 8 du monastère athonite Philothéou) — XI в. Разночтения их незначительны и объясняются ошибками переписчиков.

За 26 июня Житие Иоанна Готского по Ватиканским рукописям было неоднократно опубликовано в «Деяниях Святых»⁴. Рукопись афонского монастыря Филофея, в которой Житие Иоанна Готского приурочено к

22 июня, издана Эрхардом⁵. В 2006 г. сводный текст Жития (с переводом на французский язык) был переиздан М.-Ф. Озепи⁶.

На русский язык источник впервые был переведен в 1878 г. В.Г. Васильевским, который посвятил ему обстоятельное исследование⁷. В 1885 г. А. Никитский опубликовал свой вариант русского перевода с приложением греческого оригинала по Ватиканским рукописям⁸. В 2005 г. С.Б. Сорочан в приложении к своей монографии, посвященной средневековому Херсону переиздал русский перевод Жития, снабдив его обстоятельными комментариями⁹. Греческий текст и русский перевод так же представлены в монографии Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова и А.К. Шапошникова¹⁰.

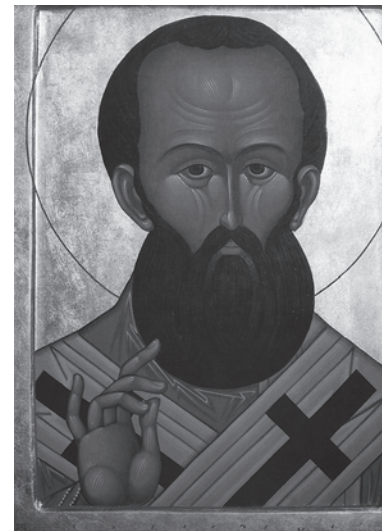

Рис. 3.2. Иоанн Готский.
Современная икона

В научный оборот введены и различные синаксарные версии Жития, древнейшие из которых относятся к X–XI вв.¹¹. В них четко прослеживаются две традиции. Одна отражена в Синаксаре Константинопольской церкви¹². Текст источника был опубликован И. Делейе по синаксарным рукописям de Sirmond (S — вероятно конец X в.) и Парижскому кодексу 1587 г. (D), которые во многом сходны¹³. Русский перевод вместе с греческим оригиналом в 2007 г. был помещен в упоминавшейся монографии Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова и А.К. Шапошникова¹⁴. В Синаксаре Константинопольской церкви история Иоанна Готского изложена в соответствии с версией Жития. Сокращённой же версией повествования из Синаксаря Константинопольской церкви является рассказ об Иоанне Готском из Митология Василия II (вероятно 1001–1016 гг.)¹⁵, где он получился кратким, с выборочным набором персонажей¹⁶.

И хотя рассматриваемый текст является одним из наиболее ранних вариантов Жития Иоанна Готского, все же источником самостоятельной достоверной информации он не является¹⁷.

Иная традиция представлена, по крайней мере, тремя рукописными вариантами: синаксарями из Труа (Trecenci 1204), Парижа (Coislin 223) и Оксфорда (рукопись №2). Лучшее всего сохранился текст из так называемого греческого синаксаря Оксфордской церкви Христа (СОЦХ)¹⁸. Данный

синаксарь был описан в 1867 г. Г. Китчином¹⁹, затем в 1902 г. И. Делейе²⁰. 23 текста из него опубликованы Ф. Алкеном²¹. Г. Китчин и И. Делейе датировали синаксарь XIII в. М. Лефор относил его к XII в.²². Ф. Алкен датировал текст согласно палеографическим критериям второй половиной XII в. По его мнению, это самый старый из синаксарей класса М*, которые дошли до нас. Он отличается чистотой текста и лучше всего доносит содержание и структурный принцип прототипа. Ф. Алкен опубликовал текст Жития Иоанна Готского из греческого синаксаря Оксфордской церкви Христа в сопоставлении с двумя другими упоминавшимися текстами (Mt=Trecensi 1204, Mc=Coislin 223)²³. Проанализировав эту версию Жития Иоанна Готского, и представив ее русский перевод Ю.М. Могаричев, и А.К. Шапошников предположили, что она несет в себе следы более раннего извода Жития (скорее всего прототипа), чем сохранившиеся²⁴.

Источнику посвящена обширная историография²⁵.

Согласно Житию, Иоанн родился в торжище Партенитов. Вероятнее всего, его «малая родина» находилась на территории современного Партенита²⁶. Поселение имело удобное географическое расположение, находясь на середине морских путей между Восточным и Западным Крымом. Гора Аю-Даг, у подножия которой возник Партенит, являлась удобным ориентиром для кораблей, следовавших из Южного Понта²⁷. Отметим, недалеко от торжища в период правления Юстиниана I, согласно сообщению Прокопия Кесарийского (трактат «О постройках». Кн. 3. VII), византийцами были возведены крепости Алустон²⁸ и в Горзувитах²⁹, основное предназначение которых, очевидно, сводилось к контролю за каботажным плаванием между Херсоном и Боспором и укреплением Южного берега Крыма за империей³⁰.

Источник указывает, что «епископство» Иоанна приходится на время правления императоров Константина и Льва. «Иоанн был епископом Готфии при царях Константине и Льве», «Он был (жил) при Константине и Льве Исавре» — синаксарь Константинопольской церкви, «В дни царя Константина Старшего (Взрослого) был в полном цвете преподобный отец наш Иоанн»³¹ — синаксарь Оксфордской церкви Христа. Несомненно, здесь подразумеваются Константин V Копроним (741–745 гг.) и Лев IV Хазарин (775–780 гг.). Это вытекает из последовательности упоминания правителей и указания на Константина как «старшего». Конечно, если согласиться с мнением В.Г. Васильевского, что Иоанн умер не ранее 791–792 гг.³², он успел застать еще период самостоятельного правления Константина VI (декабрь 790 – август 797 гг.). Однако совершенно очевидно, что святой покинул Готию в период правления Ирины (совместно с Константином) и после этого не мог оказывать существенного влияния на тамошнюю ситуацию.

Родиной его деда было северное побережье Малой Азии: он происходил «из так называемого Вона, который расположен возле Полемония Понтийского, и в военном округе Армениаков был кандофором». Вероятно, малую родину предков Иоанна следует отождествлять с современным селением Вона у мыса Чам близ города Орау в Анатолии³³. Дед служил «копьяносцем» в византийской армии³⁴ и по окончании службы переселился в Крым.

Х.-Ф. Байер вслед за Г. Карлссоном утверждает, что «дед прославляемого был кавалеристом в Малой Азии и вернулся после своей службы в Парфениты»³⁵. К сожалению, автор не приводит аргументов в пользу «кавалерийской» версии. Что же касается «возвращения в Парфениты», то здесь явное противоречие с источником, однозначно толкующим происхождении рода святого. Предки нашего героя, судя по именам родителей Иоанна — Лев и Фотина, были, скорее всего, греками.

Интересен сам факт их переезда в Крым. Нет никаких оснований связывать это с ранее упомянутой гипотезой о бегстве в Таврику иконопочитателей, источник об этом молчит. Судя по тому, что Иоанн родился уже в Крыму и в 754 г. или чуть позднее претендовал на место епископа (а кандидатом в епископы могло быть лицо не моложе 30 лет), это переселение произошло явно до 726 г.³⁶ По мнению С.Б. Сорочана, иммиграция семьи святого в Крым явилась следствием беспокойной обстановки на их родине, страдавшей от арабских набегов³⁷.

Отсутствие иных источников позволяет выдвигать по сему поводу множество различных предположений. Однако очевидно то, что территория полуострова, по крайней мере, Южный Крым, в начале VIII в. являлась частью империи, его жители не страдали от хазарского присутствия или набегов, а данное событие, в понимании автора Жития, не выглядит неординарным. Соответственно, можно предполагать, что появление на полуострове переселенцев из Романии в то время не было единичным фактом³⁸.

Неизвестно, действительно ли у Льва и Фотины долго не было детей и она дала обет посвятить ребенка «служению Господу», или это просто дань жанру. В любом случае свою карьеру Иоанн выбрал на поприще религии, и вероятно, вскоре стал одним из уважаемых местных священников³⁹.

Далее источник сообщает, что «тогдашний епископ Готии» поддержал решение церковного Собора, созванного Константином V в 754 г. в Иерии, для идеологического закрепления политики иконоборчества. За это он был повышен в ранге и стал митрополитом престижной Гераклеи Фракийской. Ранее мы попытались показать, что достоверных источников, подтверждающих существование Готской епархии в середине VIII в., не существует. Поэтому, скорее всего, участие в Соборе 754 г. принимал херсонский епи-

скоп⁴⁰, в подчинении которого находились и христианские приходы Готии. Данное предположение, как представляется, объясняет и головокружительный карьерный рост таврического иерея. Действительно, для епископа недавно образованной (если согласиться с мнением, что Готская епархия была основана между 692 и 754 гг.) небольшой «варварской» епархии это действительно кажется фантастикой. Однако для главы авторитетной и с историческими традициями — Херсонской⁴¹ сие назначение не выглядит неправдоподобным. Когда же составлялось Житие, а Готская епархия тогда уже существовала, агиограф, имеющий смутные представления об истории и географической номенклатуре Таврики⁴², перенес реалии начала IX в. на эпоху Константина V.

Не совсем понятна последовательность событий, связанных с «избранием» Иоанна епископом.

Например, в сохранившейся редакции Жития она выглядит следующим образом: сначала жители Готии, оставшись без пастыря, избирают Иоанна епископом, затем он на три года отправляется в Иерусалим и только после этого едет в Иверию. В СОЦХ события трактуются по-иному. Иоанн сначала посещает Иерусалим (поездка, растянувшаяся на три года, подтверждается как Житием, так и синаксарями), затем его выдвигают в епископы, после чего он направляется для рукоположения в Иверию. Последнее выглядит более правдоподобным. Во-первых, СОЦХ более близок к прототипу. Во-вторых, вряд ли в то время в Крыму было много священников, совершивших паломничество на Святую Землю. Соответственно Иоанн, скорее всего, глава церковного диоцеза Доранта, существование коего можно предположить исходя из подписей под протоколами Трульского собора⁴³, после перевода главы епархии в Гераклею Фракийскую был одним из наиболее реальных претендентов на освободившуюся вакансию и, судя по всему, имел определенную поддержку у паствы. Житие сообщает: «православные (люди) Готфии, чтобы не приобщаться к нововведениям беззаконного собора, но, обретаясь без пастыря, предложили этого самого преподобного Иоанна (для выбора) на должность пастыря». Однако по каким-то причинам, вполне возможно из-за иконопочитательских взглядов, которыми Иоанн проникся в Иерусалиме, Херсонскую епархию возглавил Сисиний. Его присутствие зафиксировано протоколами VII Вселенского собора⁴⁴. Тогда Иоанн и попытался, играя на существовавших в тот период в империи политических и идеологических разногласиях и заручившись поддержкой светских властей Готии (это предположение следует из дальнейшей повествовательной линии Жития), создать особую Готскую епархию⁴⁵.

Готия или Климаты — архонства во главе с архонтами⁴⁶ до середины VIII в., находилась в подчинении Византии, которая управляла данной об-

ластью через Херсон. По отношению к Юго-Западному и Южному Крыму Готия, как географическое название региона, фиксируется только с конца VIII – начала IX вв. По данным В.П. Будановой, этот топоним «у авторов IV–VI вв. ... связывается только с территориями ... к северу от Нижнего Дуная». В IV в. так называли часть провинции Дакия, в V в. это название распространилось на всю Дакию. В VI в. Готия — синоним Дакии и Гепидии⁴⁷.

Впервые в письменных источниках Горный Крым с готами (не упоминая топонима Готия) связал Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках». Как известно, в нем этот византийский историк сообщает о некоей стране Дори, населенной этим народом⁴⁸. Патриарх Никифор в «Бревиарии», повествуя о событиях 704/705 г., отмечает: «Юстиниан ... скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле»⁴⁹.

Собственно Готия, как название для региона, впервые неоспоримо фиксируется в Житии Иоанна Готского. Позднее Готия, как административно-политическая и церковная единица, фигурирует в различных источниках (Житие Феодора Студита, письма Феодора Студита, Житие Евгения Трапезундского и др.). Возможно, широкому распространению данного названия способствовало именно создание Готской епархии. Позднее, в процессе эволюции системы византийского управления в Крыму, епархиальное название трансформировалось в административно-территориальное. И хотя поначалу оно больше получило распространение в церковной литературе, уже в X в. стало использоваться и в официальных документах. Концом X – началом XI в. датируется найденный в Херсонесе моливдовул Льва «императорского спафария и турмарха Готии». Очевидно Готия, входившая в фему Херсона, управлялась турмархом⁵⁰.

В официальных византийских документах по отношению к Крымским владениям, как уже отмечалось, также использовался термин Климаты. Вероятно, в различные исторические периоды соотношение значений «Климаты» и «Готия» было различным. В целом, очевидно, «Климаты» более широкое понятие, и под ними понимались территории, контролировавшиеся византийской администрацией⁵¹.

Житие Иоанна Готского отражает определенное изменение в Готии административного устройства. Во главе фиксируется Господин (Владелец — Кир), которому подчинены архонты: «А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании». По мнению А.И. Айбабина, данные изменения провели хазары, которые «для облегчения сбора дани объединили архонства Горного Крыма, подчинив их архонту Дороса». А произошло это во второй четверти VIII в.⁵². Однако ни письменные, ни

археологические источники не дают оснований утверждать, что до конца третьей четверти VIII в. хазары имели хоть малейшую возможность влиять на административное устройство Юго-Западной Таврики. Как мы попытались показать ранее, даже переселение в середине VIII в. в Крым (в подавляющем большинстве Восточный) населения с территории Хазарского каганата проходило мирно и контролировалось византийскими властями. По мнению Н.А. Алексеенко, упоминаемый в «Житии Иоанна Готского» Господин Готии — «кир», скорее всего, по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность, судя по легендам ряда моливдовулов, появилась в конце VIII в. и в Херсоне. В обязанности этого провинциального чиновника «помимо обычных гражданских функций по сбору налогов и податей, контроля за прохождением товаров через пограничную область, очевидно, входило обеспечение обороны района»⁵³. С.Б. Сорочан уточнил, что кiry — это «постоянные сановные должностные лица, гражданские правители вполне имперского облика, которые существовали, по крайней мере, на протяжении IX в.»⁵⁴. В.Е. Науменко считает, что «кир» Херсона — лицо местного происхождения, стоящее во главе органов муниципального управления. Использование же титула кир по отношению Готии «свидетельствует о том, что эти области воспринимались в Византии как независимые, но союзные империи политические образования»⁵⁵. В. Зайбт датирует печати киров 840–870 гг., т.е. начальным этапом функционирования фемы Климатов/Херсона⁵⁶. Н.И. Храпунов полагает: «кiry (Херсона. — Авт.) действовали одновременно с архонтами и другими магистратами. Они имели придворные титулы, а значит, являлись императорскими чиновниками. ... титулы киров были ниже, чем у большинства архонтов. ... кира следует связывать с городской общиной»⁵⁷.

В любом случае, отмеченные преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской опасности, которая к 80-м гг. стала очевидной. Вероятно, необходимость перемен в административном устройстве Таврики уже назревала к концу 50-х гг.⁵⁸ А это могло привести местные церковные власти к осознанию необходимости изменения и в церковном управлении.

Только попыткой сепаратно создать особую епархию можно объяснить более чем странное, в противовес всем церковным канонам, «избрание» Иоанна⁵⁹. Согласно «Житию Стефана Нового» Константин V сам ставил епископов⁶⁰.

Интересные данные содержатся в Житии Георгия Амастридского, основателя самостоятельной Амастридской епархии⁶¹. Согласно тексту источника, когда умер старый епископ Амастриды (вероятно, около 790 г.), представители этого города предлагают Георгию стать их духовным главой. После

согласия последнего, он вместе с представителями Амастриды отправляется в Константинополь к патриарху Тарасию, чтобы быть рукоположенным. Патриарх его поддержал. Но у императора был свой ставленник, поэтому было устроено соревнование, где победил Георгий. После чего «он получил затем помазание иерейства и отправился на родину». Амастридская кафедра подчинялась Гангрскому митрополиту. У Георгия с последним отношения явно не сложились. Он уговаривает константинопольские власти создать самостоятельную Амастридскую епархию. Случилось это между 802 и 807 гг.⁶²

Что касается постиконоборческого времени, то здесь существовала сложная система выборов архиереев. Всякое избрание епископа в новый город, связанное с учреждением епархии, подлежало предварительному решению Собора или синода Константинопольской церкви. Избрание митрополитов и архиепископов совершалось по инициативе патриарха, епископами соседних митрополий или митрополитами ближайших областей. Собор избирал трех претендентов, из которых одного утверждал патриарх. Избрание епископов и митрополитов для не византийских епархий совершалось Собором или синодом и утверждалось патриархом. Процедура проходила по следующим правилам. Избрание производилось собранием архиереев той или иной епархии или митрополии, но числом не менее трех. На Соборе должны были присутствовать епископы той епархии или митрополии, для которой совершалось избрание. Собор созывался по инициативе митрополита. Решение Собора утверждал митрополит — отбирал одного из трех выбранных претендентов. При этом церковные правила запрещали светской власти принимать участие в выборах⁶³.

«Избрание кандидата на пост епископа происходило после его выдвижения духовенством соответствующего церковно-административного округа, происходило в присутствии и при участии некоторой части мирян. ... Лишь после следовала процедура его хиротонии, причем в отношении епископий «иноплеменников» в Азии, Понте и Фракии, рукоположение кандидата на вакантную должность ... совершалось самим Константинопольским Патриархом»⁶⁴.

В отношении Иоанна, если верить Житию, не было соблюдено ни одно из перечисленных условий.

Вполне объяснима и попытка рукоположения Иоанна в Иверии. В VII–IX вв. Херсонская и Боспорская автокефальные архиепископии, как уже отмечалось, входили в Зихскую епархию и подчинялись Константинопольскому патриарху⁶⁵. Рукоположение епископов должно было происходить в данной митрополии или епархии, но это могли сделать и в соседней. Видимо, избрать Иоанна в Зихии не было возможностей, тем более, если стоял вопрос о создании новой епархии. Получить согласие Константинополя на

епископство Иоанна, судя по всему, не было никакой возможности. Поэтому его рукоположили в соседней Иверии, как бы придавая легитимность. Таким образом, «Иоанн имел куда большее отношение к грузинскому клиру, чем к константинопольскому»⁶⁶. Однако, получив епископство в Грузии, Иоанн не имел шансов быть признан константинопольскими патриархами⁶⁷. Грузинская церковь уже в XI в. почитала память Иоанна Готского и впоследствии использовала факт рукоположения крымского иерея (реальный или известный по тому же Житию Иоанна Готского⁶⁸) в межцерковной полемике⁶⁹. Отметим также существующее в историографии мнение о рукоположении Иоанна не в Мцхете, а в Нижней Иверии (Абхазском княжестве)⁷⁰.

Само рукоположение готского иерея в Мцхете⁷¹ свидетельствует больше в пользу попыток образования в тот момент новой епархии. Допустим, Готская епархия во времена Иоанна уже существовала, и именно готский епископ был переведен в Гераклею. Совершенно очевидно, что официальный Константинополь Иоанна не поддержал. Соответственно, на готской кафедре должен был находиться другой епископ, легитимный. Маловероятно, чтобы в течение более чем тридцати лет (с 754 г. до 780-х гг.) Константинополь не удосужился заполнить вакансию. Однако Житие на это даже не намекает: будь на самом деле такая ситуация, эта линия, несомненно, нашла бы отражение в источнике. С другой стороны, весьма маловероятно, чтобы Грузинская церковь, несмотря на все ее иконопочитательские симпатии, позволила себе пойти на прямой конфликт с Константинополем времен Константина V, назначив на уже занятую кафедру «своего человека». А вот утвердить епископа на только что созданную епархию, образование которой и кандидатуру Иоанна, судя по всему, поддержали и светские власти Готии, было вполне реальным. Ведь юридически получалось, что новая церковно-административная единица сама заявила о своей идеологической доктрине и захотела войти в лоно грузинской церкви.

Иоанн так и не стал легитимным епископом⁷². Теоретически он мог получить кафедру к началу 60-х гг. Мы также знаем, что Иоанн умер после 787 г.⁷³ Но на Никейском соборе, даже если допустить, что Кирилл представлял крымских готов, Иоанн, как мы уже знаем, ни в каком качестве не отмечен и, следовательно, готским епископом не был. Можно конечно, возразить, что в период Никейского собора он находился или в тюрьме в Фулах, или в эмиграции в Амастриде⁷⁴. Но это ничего не объясняет. Ибо даже если он физически не мог исполнять обязанности епископа, де-юре он им оставался. Как показал И. Соколов: «Избрание нового архиерея, — будет ли он в степени подчиненного епископа, или самостоятельного архиепископа и митрополита, — должно совершаться лишь тогда, когда та

или иная епархия окажется вакантной вследствие или смерти правящего иерарха, или отречения его от кафедры добровольного, или невольного, на основании соборного решения, или, наконец, вследствие отсутствия его в епархии свыше шести месяцев, когда такое отсутствие не вызывается законными причинами, каковы царское повеление, исполнение поручений своего патриарха и тяжкая болезнь. При жизни же правящего иерарха или до окончательного его устранения от епархии по соборному решению, поставление нового архиерея не разрешается»⁷⁵. Отметим, что согласно внутрицерковным правилам того времени, если кто-либо из епископов не в состоянии попасть на свою кафедру вследствие неприятия его народом или нашествия врагов (как в случае с Иоанном Готским), он может пребывать в другой епархии до соответствующего решения Собора, возглавляемого митрополитом⁷⁶. По крайней мере, Житие не сообщает о добровольном отречении Иоанна или о соответствующем решении Собора.

Как косвенное подтверждение вышесказанного, вероятно, можно рассматривать и указание источника на то, что Иоанн наравне с Господином (Владетелем) Готии и его архонтами и всем народом участвовал в восстании (а не благословил их, как это должен был сделать глава епархии).

Если Иоанн не был готским епископом, тогда кем? С.Б. Сорочан предполагает, что он был одним из местных хорепископов, самое большее — числился «сельским епископом» (хорепископом) без постоянного прихода⁷⁷. В.Е. Науменко считает, что христиане Готии подчинялись непосредственно местному пресвитеру⁷⁸, хотя и не исключает существование здесь хорепископии⁷⁹.

К сожалению, вопрос о времени функционирования института хорепископов еще недостаточно разработан в византиноведении. А.П. Лебедев считал, что он прекратил свое существование после IV в.⁸⁰, В.Е. Науменко отмечает, что «хорепископии как особые церковно-административные единицы сохраняются в восточнохристианской церкви, по крайней мере, до второй половины XII в.⁸¹ По крайней мере, надо думать, в составе Херсонской епархии должна была существовать какая-то особая церковно-административная единица, обслуживавшая нужды христиан Готии — диоцез Доранта? Однако, в любом случае, в рассматриваемый период это была не самостоятельная автокефальная епархия.

Только данью агиографической традиции можно объяснить «инициативу» Иоанна созвать Иерусалимский синод против иконоборцев (вероятно, в 763/764 гг.), на котором иерусалимский патриарх Феодор предал анафеме иконоборческую ересь. Естественно, у нелегитимного готского епископа не было авторитета и полномочий, чтобы выступить с инициативой созыва Собора. Однако, учитывая, что посещение Иоанном Иеру-

салима, скорее всего, реальное событие, занявшее три года его жизни, он, вполне возможно, встречался там с местными иерархами. Исходя из этого, вряд ли следует отрицать факт переписки готского священника с Иерусалимским патриархом.

С большой долей вероятности, реальностью следует признать и поездку Лонгина в Иерусалим: это событие отмечено и в основном тексте, и в чудесах. Конечно, сложно говорить что-то конкретное о цели путешествия ученика Иоанна. Вполне возможно, что Лонгин вслед за учителем просто совершил паломничество в Святую Землю и имел при себе какое-то послание из Готии к местному патриарху. Учитывая отсутствие других источников, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть иконопочитательский характер данных писем. Учитывая роль посланника из Готии в составлении Жития⁸², этот сюжет появился там не случайно и особо подчеркивал участие самого Лонгина в борьбе с иконоборцами.

Что касается получения Иоанном изложения веры, то под этим документом, скорее всего, следует понимать соборное постановление Иерусалимского синода, которое получил папа Константин II и которое, вероятно, рассылалось по всем епархиям, по крайней мере, иконопочитательским⁸³.

В начальный период правления императрицы Ирины, при которой наметилась тенденция возврата к иконопочитанию, Иоанн прибыл в Константинополь «и, получив разрешение от августы Ирины, прибыл в царствующий град, и вполне откровенно побеседовав со всеми о почитании святых икон в святой всеобщей церкви, снова возвратился к себе домой». Нет никаких оснований отрицать факт посещения Иоанном Константинополя. Один из авторов настоящей работы совместно с А.Г. Герценым пришел к заключению, что аудиенция у императрицы состоялась весной-летом 784 г. Напомним логику рассуждений: «Из источника следует, что это был период правления Ирины и патриаршества Павла. Правление Ирины началось в 780 г., причем первые три года она не предпринимала каких-либо действий к официальному восстановлению иконопочитания и поэтому вряд ли в эти годы могла принимать Иоанна. Для последнего побуждением прибытия Константинополь, вероятно, должно было быть известие о начале смены правительственного курса, затем он отсылает патриарху символ веры и получает разрешение на проезд. Это все заняло, очевидно, немало времени. В столице Иоанн застаёт Павла на исходе его правления, которое закончилось 31 августа 784 г. Можно с большим основанием полагать, что в Константинополь Иоанн прибыл морем, и вряд ли это могло получиться, по обычным условиям навигации, ранее весны этого года. Т.е. встреча с Ириной могла произойти весной-летом 784 г.»⁸⁴. Однако цель поездки Иоанна, указанная в Житии, вызывает сомнения.

Скорее всего, на самом деле, в столицу он отправился, чтобы стать легитимным архиепископом. Очевидно, «готско-грузинский» епископ надеялся, что его иконопочитательская направленность поможет ему стать законным главою епархии в Горном Крыму⁸⁵. Но, скорее всего, своего он не добился. Это вполне объяснимо. В тот период еще де-юре господствовало иконоборчество. И хотя в окружении императрицы уже наметились тенденции к смене курса, резких шагов не предпринималось. Реформаторам нужна была поддержка глав епархий⁸⁶. Поэтому восстанавливать против себя Херсонского епископа, который вряд ли был в восторге от перспективы лишиться значительной части своих приходов, властям из-за никому не известного провинциального священника не хотелось. Тем более мы помним, что впоследствии решением II Никейского собора все покаявшиеся священники-иконоборцы сохранили свой сан.

По мнению М.-Ф. Озепи, целью поездки Иоанна в Константинополь была попытка согласовать вопрос о антихазарском выступлении⁸⁷. К. Цукерман также считает, что епископ ездил в Константинополь просить помощи против хазар, но его миссия потерпела неудачу⁸⁸. А.И. Айбабин отрицает возможность дипломатического характера столичного вояжа священника из Крымской Готии⁸⁹. Конечно, в силу малоинформативности источников, по поводу целей поездки Иоанна можно выдвигать разные точки зрения. Однако отметим, что священник из Готии был все же не светским правителем и военачальником. И даже Житие, несмотря на то что посвящено именно Иоанну, специально указывает, что в восстании он участвовал вместе с Киром Готии и его архонтами. Поэтому роль Иоанна в выступлении против хазар, скорее всего, не выходила за рамки идейного вдохновителя. Конечно, теоретически он мог в Константинополе обсуждать и политические проблемы, но скорее всего главной его целью было именно получить признание как глава епархии.

Вскоре после этого в Константинополе началась активная подготовка к проведению Вселенского собора. Житие обстоятельно описывает события, связанные с попыткой созыва и разгоном собора 786 г., упоминается о проведении Собора в Никее в 787 г. Но там нет ни малейшего намека на участие в этом процессе Иоанна Готского. Это тем более странно, что менее значимое событие, отправка послания в Иерусалим описана весьма подробно. Нет никаких сомнений, что если бы Иоанн, или его посланники, хоть каким-то образом принимал участие в подготовке и заседаниях соборов, это нашло бы свое отражение в Житии. Можно с определенной долей уверенности предполагать, что к этому времени он уже не мог оказывать заметного влияния на политическую и религиозную жизнь ни в Таврике, ни тем более в столице, и у агиографа не было никаких оснований «привязать» его к данным событиям.

Далее Житие сообщает о каком-то столкновении в Готии между хазарами и местным населением, известном в литературе как восстание Иоанна Готского: «Ὁ δὲ ὅσιοι οὗτοι ἐπίσκοποι Ἰωάννη μετὰ ταῦτα μετὰ (ὑπὸ) τοῦ ἰδίου λαοῦ, τοῖι ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοτθίαι καὶ τοῖι ἄρχουσι αὐτοῦ, καὶ παντὶ τῷ λαῷ, πρὸς τὸ μὴ κατακυριοῦσαι τῇ χώρᾳ αὐτῶν τοῦ ἐιρημένου Χαζάρου. Αποστείλαι γὰρ ὁ χαγάνοι, παρέλαβε τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόροι, θέμενοι ἐν αὐτῷ φύλακαὶ ταξάτου οὐ καὶ ἐξεδίωξεν ὁ εἰρημένοι ὅσιοι ἐπίσκοποι μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ καὶ τὰι χλησούραι (κλεισούραι), ἐκράτησεν. Ὅθεν εἰδόντες τὸν ἀρχιερέα ὑπὸ ἐνὸς χωρίου παραδοθέντα προσέφυγον τῷ χαγάνῳ, καὶ τῷ μὲν κυρῷ Γοτθίαι ἐφείσατο, δεκαεπτὰ δὲ δούλου ὁ χαγάνοι ἐκούρασεν ἀναιτίου. Ὁ δὲ ὅσιοι παραφυλαχθεὶς ἠδυνήθη διαδρᾶν ἀντιπερᾶσαι εἰς Ἀμαστριν, τὴν φιλόχριστον πόλιν· καὶ ἐπὶ τετραετὴ χρόνον περιαγόμενοι, ἀκούσαι τὴν τελευτήν τοῦ χαγάνου, ἔφη· Κἀγὼ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέραι ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τοῦ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ. — А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании. Чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владелец) перебежали к кагану, который пощадил владельца Готфии, семнадцать же рабов каган замучил невинными. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду — христолюбивый город. И обретаясь там, на четвертом году, услышав о кончине кагана, рек: “И я, братья, через сорок дней отхожу судиться с моим преследователем пред ликом Судии и Бога!” По синаксарю Константинопольской церкви: «И там (в Таврике. — Авт.) он подвергся многим опасностям (и мучениям) из-за того, что был предан собственным народом начальникам хазар. Сбежав и оказавшись в Амастриде, что в Понте, окончил жизнь и к Господу переселился». По СОЦХ: «Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невинные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом), ему удалось бежать, и, переправившись в Амастриду, (где) он и провел четыре года».

Данное событие, очевидно, произошло в хронологическом отрезке между концом 784 г. и серединой 786 г.⁹⁰ Этот вывод сделан на основании

того, что Иоанн вернулся из Константинополя не ранее весны — лета 784 г. О нем источник не упоминает в пассаже о подготовке и созыве Собора, открывшегося 7 августа 786 г. и, естественно, Никейского собора. Вероятно, тогда Иоанн уже находился или в тюрьме в Фулах, или в Амастриде.

К. Цукерман датирует восстание более узко — второй половиной 784 г.⁹¹ В целом его система аргументации совпадает с логической схемой, предложенной А.Г. Герценым и Ю.М. Могаричевым. Однако Житие Иоанна Готского не дает основания датировать антихазарское выступление в Готии исключительно временем сразу после возвращения Иоанна из Константинополя, т.е. одним полугодием⁹².

А.И. Айбабин, относит восстание к периоду между возвращением Иоанна из Константинополя и началом II Вселенского собора⁹³. Однако, учитывая, что источник соединяет рассказы о соборах 786 и 787 гг. и не упоминает о роли Иоанна в подготовке первого, дату восстания все же необходимо сузить до начала Собора 786 г.

С.Б. Сорочан предложил считать датой восстания период между неудавшимся Собором 786 г. и Никейским собором⁹⁴: рассказ о восстании следует сразу после сюжета о соборах 786 и 787 гг. Но так как Иоанн не присутствовал в Никее, то восстание как раз и произошло между этими двумя съездами иерархов

А.Ю. Виноградов осторожно предполагает, что выступление крымских готов произошло вскоре после VII Вселенского собора в Никее. Основание: Житие о восстании повествует после рассказа о восстановлении иконопочитания⁹⁵. Однако К. Цукерман показал, что фраза «μετὰ ταῦτα — после этого» относится не к сюжету о соборах, а к рассказу о поездке Иоанна в Константинополь⁹⁶. Кроме того, напомним, источник не упоминает о готском епископе в пассаже о подготовке и созыве Собора 786 г.

Анализ пассажа об антихазарском выступлении ставит ряд вопросов: характер восстания; его масштабы; роль Иоанна.

О характере и причинах восстания в историографии существует несколько точек зрения. Отметим основные:

- заговор с «целью вернуть крымским готам политическую свободу»⁹⁷;
- борьба против феодального гнета⁹⁸;
- восстание населения Готии при поддержке хазар против местных властей⁹⁹;
- «вмешательство Византии в дела давно уже присвоенной хазарами Таврики» с некоторой «религиозной окраской»¹⁰⁰;
- выступление «народных низов во главе с Иоанном в интересах церкви и независимости Готии против хазар»¹⁰¹;

- ♦ борьбой трудового населения Таврики как против хазар, так и правящих кругов Византии¹⁰²;
- ♦ попытка Византии через епископа Дороса увеличить влияние христианства в Хазарии путем укрепления семи только что созданных епархий (последние известны из Not. III по Даррузе). Это вызвало хазарское вторжение в Готию¹⁰³;
- ♦ ослабление Византии из-за внутренних распрей, чем и воспользовались хазары¹⁰⁴;
- ♦ «противостояние между местными властями и каганом»¹⁰⁵;
- ♦ антихазарское выступление христианского населения Готии, «развивающееся под антиправительственными лозунгами»¹⁰⁶;
- ♦ превентивная мера, направленная против пока еще не существующего хазарского вмешательства¹⁰⁷;
- ♦ помощь хазар иконоборческим кругам Византии с целью не допустить участия Иоанна в VII Вселенском соборе¹⁰⁸;
- ♦ реакция готов на размещение хазарского гарнизона в Доросе¹⁰⁹ и др.¹¹⁰.

Как мы попытались показать ранее, до середины VIII в. отношения хазар и Византии были мирными, что объясняется союзническими отношениями между ними. Но к 80-м гг. VIII в. появляются новые черты в политике хазар по отношению к византийским территориям, в том числе и в Крыму. Наметившийся в правление Ирины поворот идеологического и политического курса в сторону восстановления иконопочитания, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии не могли не вызвать реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе¹¹¹. Следствием этого стала «политическая и территориальная экспансия хазар ... в районы, пограничные либо союзные с Византией»¹¹². Например, в 786–787 гг., т.е. практически одновременно с крымскими событиями, хазары помогли абхазским правителям отложиться от Византии¹¹³.

Возникшую ситуацию лучше всего иллюстрируют материалы Юго-Западного Крыма.

Как показал А.И. Айбабин, до 780-х гг. в этническом составе Готии не произошло существенных изменений, более того, некрополи фиксируют рост населения таких крупных городищ, как Эски-кермен и Чуфут-кале, а также округа Мангупа и Баклы¹¹⁴.

Вероятно, динамику проникновения хазар в Юго-Западный Крым отражает городище Кыз-кермен¹¹⁵, датирующееся второй половиной VIII – первой половиной IX вв., (см. подр. Главу 2). Доступ на городище был перекрыт оборонительной стеной. Не вызывает сомнения связь Кыз-кермена с пришлым населением с территории Хазарского каганата. В настоящий

момент это единственное известное укрепленное поселение салтовцев в Крыму¹¹⁶.

Возникает вопрос, зачем понадобилось обносить Кыз-кермен стенами. Рядом, всего в нескольких километрах, находилась мощная крепость Чуфут-кале, оборонительные сооружения которой, вероятнее всего, появились в конце VI – первой половине VII вв.¹¹⁷ В 2 км от Кыз-кермена расположено еще одно небольшое укрепление — Тепе-кермен, возникшее, очевидно, в один хронологический период с Чуфут-кале¹¹⁸.

Несомненно, фортификационные сооружения Кыз-кермена отражают период, когда крепостями Чуфут-кале и Тепе-кермен хазары не владели, при этом отношения пришельцев с местным населением были далеки от миролюбивых. Когда могли появиться укрепления на Кыз-кермене? Вряд ли это произошло после восстания Иоанна Готского. Крайне маловероятно, что захватив Дорос, находившийся в центре Готии, хазары не подчинили себе более северную Чуфут-кале. А располагая хорошо защищенной Чуфут-кале, надобность в возведении стен на Кыз-кермене вообще отпадала. Проще было отремонтировать, если была необходимость, Чуфут-кальские укрепления, как это было сделано на Мангупе (см. ниже), чем возводить новую крепость, тем более мощную. Таким образом, вероятнее всего Кыз-кермен (напомним, он расположен в северной части Горной Таврики) отражает начальный период хазарского проникновения в Готию, когда последняя еще не была подчинена хазарам, продолжали функционировать византийские крепости, а пришельцы не чувствовали себя в безопасности. Т.е. это могло произойти в 70-х – начале 80-х гг. VIII в. Когда же была создана фема Климатов (сер 30-х г. – 841 г.) и империя вернула себе контроль над Юго-Западным Крымом, жители покинули Кыз-кермен¹¹⁹.

Если следовать Житию (а других источников нет), то фиксируется однозначная последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии — Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ владетель (господин) Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисурь. Вероятно, под Клисурями надо понимать не столько укрепленные горные проходы, как это обычно трактуется, сколько систему юстиниановских «длинных стен», сохранившихся к концу VIII в.¹²⁰

На антихазарский характер восстания указывает и СОЦХ: «Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невинные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом)».

Вероятно, восстание не было масштабным (по крайней мере, согласно источнику, все боевые действия велись вокруг Дороса) и было быстро подавлено. Конечно, вряд ли все происходило так, как сообщает Житие. А имен-

но: причиной добровольного сложения оружия Киром Готии и его подчиненными была выдача Иоанна одним селением. В СОЦХ, несмотря на всю туманность рассказа о восстании, однозначно указывается, что «невинные» пострадали не из-за Христа, очевидно, не по религиозным соображениям. Более того, там содержится намек на какие-то внутренние конфликты среди местного населения, причем не на религиозной почве «и не из-за Христа враждовавшие друг с другом». Возможно, появление хазарских войск, попытавшихся вернуть утраченные позиции, не столь широкая поддержка вооруженной борьбы местным населением (на что намекает источник), а вероятно, и невмешательство византийских властей Херсона¹²¹ (правда, Житие вообще не упоминает об этом, но сие можно предполагать исходя из контекста) заставили руководителей восстания сдаться на милость победителей.

Житие, скорее всего, указывает реальное число местных жителей, пострадавших от хазар: казнено было всего семнадцать человек (как правило, агиографические произведения склоны преувеличивать количество репрессированных)¹²². С.Б. Сорочан предположил, что казненные — наиболее активные участники изгнания хазар из Дороса¹²³. В пользу незначительности репрессий говорят также пощада правителя Готии и амнистия учеников Иоанна (естественно, это случилось не в результате заступнической молитвы святого, как это трактует источник).

Арест иерея «собственным народом» («был предан собственным народом начальникам хазар» — Синаксарь Константинопольской церкви), выдача его «одним селением», обвинение преподобного в сдаче Дороса хазарам (чудеса) показывает, что далеко не все местные жители были горячими сторонниками восстания.

В связи с этим возникает вопрос о роли Иоанна в антихазарском выступлении. Нет сомнений, что она была особой, скорее всего, как идейного вдохновителя. Источник упоминает его как равного участника событий. Епископ наравне с киром Готии и его архонтами и всем народом участвовал в восстании. Однако видеть в «его народе» «в основном монахов Партенитской обители»¹²⁴ или «учеников»¹²⁵ вряд ли будет правильным. Во-первых, действия восстания происходят исключительно вокруг Дороса и к Южному берегу Крыма (где находился монастырь св. Апостолов) не имеют никакого отношения. Во-вторых, отряд, насчитывавший около 20 монахов (вряд ли братия монастыря св. Апостолов и учеников Иоанна была более многочисленной), не представлял серьезной военной силы. Поэтому под «народом Иоанна», скорее всего, следует понимать тех, кто признал его Готским епископом¹²⁶.

После ареста епископ некоторое время провел в тюрьме в Фулах. Бегство Иоанна именно в Амастриду нельзя назвать случайным. Этот город,

являвшийся центром реэкспортной и ярмарочной торговли¹²⁷, возвышается в конце VIII в., а его значение «современники видели в ... торговле с Северным Причерноморьем»¹²⁸. Поэтому можно предполагать, что между амастридскими и готскими церковными иерархами были налажены тесные контакты. Вполне возможно, они даже были лично знакомы¹²⁹.

После подавления восстания Иоанна Готского хазарам, вероятно, удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. По данным А.И. Айбабина, тогда «булгары, пользуясь покровительством хазар, селятся в Готии», где «теснили ... аланские и готские общины». Он отмечает появление поселений с домами, аналогичными «булгарским домам из Восточного и Центрального Крыма» на Южном берегу, в районе Главной гряды и даже в ближайшей округе Херсона, на Загайтанской скале¹³⁰.

Правда, пока нет однозначного ответа, что отражают эти поселения — новые границы хазарских владений; мирную инфильтрацию болгарского населения в Готию; новые веяния в архитектуре?

А.Ю. Виноградов и А.В. Комар опубликовали неизвестную ранее надпись из Юго-Западного Крыма (по мнению авторов место находки — Мангуп)¹³¹, якобы сообщающую об освящении христианского храма в местности, подчиненной хазарскому кагану и управляемой тудуном. Датируется она концом VIII в.¹³² Если чтение, предложенное данными авторами, в дальнейшем подтвердится (к сожалению, оригинал этого эпиграфического памятника не сохранился, и авторы пользовались только фотографией середины прошлого века), то у нас будет реальное свидетельство хазарского господства в Готии в конце VIII в. Правда, в данном случае несомненно следует учитывать предположение М.М. Чорефа, считающего, что указанная надпись могла быть привезена У. Боданинским из другого региона полуострова. К тому же она относится ко времени не ранее XIV–XV вв. и является посвящением крымских урумов¹³³.

Не подтверждают массовость хазарских репрессий и археологические материалы. Пожары на ряде поселений, ранее связывавшиеся с данным событием, на самом деле датируются более поздним временем¹³⁴. Сложно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосыгаем. Как показали результаты новейших археологических исследований, вне хазарского контроля остался и Южный берег Крыма¹³⁵. Их гарнизон появился на Мангупе-Доросе. На этом городище обнаружен участок оборонительной системы, перестроенный хазарами после его завоевания (укрепление А. XIV). С хазарским завоеванием Мангупа также, вероятно, соотносится слой пожа-

ра в Лагерной Балке и, возможно, «чамну-бурунский клад», состоящий из медных подражаний солидам Льва III¹³⁶.

Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-кермен и Каламита. С одной стороны, там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой — после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей, есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями¹³⁷.

Н.И. Репников¹³⁸, Е.В. Веймарн¹³⁹, и И.А. Баранов¹⁴⁰ предполагали захват Эски-кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А.И. Айбабин, для таких выводов нет никаких оснований¹⁴¹. Не найдены следы «хазарского погрома» и при исследованиях эски-керменской базилики¹⁴². Если верно предположение А.Г. Герцена о тождестве пункта Кут из Пространной редакции Еврейско-хазарской переписки¹⁴³ с Эски-керменом¹⁴⁴ то возможно, что некоторое время городище было подчинено хазарам. Однако, как отмечалось исследователями, данные Пространной редакции в отношении крымских владений хазар сильно преувеличены¹⁴⁵. Поэтому, вероятнее всего, если крымские пункты Пространной редакции и не являются поздней вставкой, а такое мнение высказывалось¹⁴⁶ (равно как и гипотеза, что «Пространная редакция» вообще фальсификация¹⁴⁷), по крайней мере, по мнению современных авторов, рукопись вплоть до XIX в. подвергалась многочисленным исправлениям и подчисткам или была составлена только в конце XI в.¹⁴⁸, то они отражают более желаемое, нежели реальное. Как показал В.Е. Науменко, «политическое доминирование хазар в регионе в конце VIII – начале IX в. не следует преувеличивать»¹⁴⁹.

Остается неясным даже положение Судеи после подавления восстания Иоанна Готского. Скорее всего, город оставался византийским¹⁵⁰ (см. Раздел. 8.2).

В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Для христианского населения на оказавшейся во власти хазар территории в Юго-Западном Крыму была выделена самостоятельная Готская епархия.

В качестве косвенного доказательства данного мнения приведем уже упоминавшуюся Not. III. Напомним, согласно этому византийскому церковно-административному проекту все христианские епархии в Хазарии подчиняться должны были Готской митрополии с центром в Доросе. Естественно, предлагая такое решение, византийцы должны были быть уверены, что оно не вызовет неприятия у хазар. Поэтому и центр митрополии предполагался не в Херсоне, главном византийском политическом и идеологическом оплоте в Крыму, а в Готской епархии, создание которой, во многом, было связано именно с хазарами.

Надо думать, Доросом хазары владели относительно недолго. Интересно в ракурсе рассматриваемой проблемы упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г. заточил свою жену Марию в монастырь и женился на некой кувикуларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита (ранняя редакция Vita B) «это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так король (в источнике рекс. — Авт.) Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении устава, предались прелюбодейным связям»¹⁵¹. Этот факт отражен и в письме Феодора Студита (808 г.). Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора¹⁵².

Если в данном случае короля (или топарха по другим вариантам¹⁵³) Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно предположить, что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. Т.е. господство хазар там продолжалось 10–15 лет. В пользу этой версии свидетельствуют крайне небольшое число «артефактов салтово-маяцкой культуры» и отсутствие материалов, свидетельствующих о каком-либо существенном изменении этнического состава населения городища¹⁵⁴.

Правда, с другой стороны, если предположить, что статус короля Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии и осталась в определенной зависимости от хазар. Известно, что в середине – второй половине VIII в. Византия сохраняла за собой в Италии только Сицилию, Апулию и Калабрию¹⁵⁵, ее правление в Северной и Средней Италии на практике практически перестало осуществляться. Местные лидеры стали фактически независимыми от империи¹⁵⁶.

Оказавшись в Амастриде, Иоанн прожил там четыре года. После смерти беглого епископа его тело было доставлено в Партенит. Житие описывает этот процесс как чудо: «Произошло и некое чудо (особенной) скорости его переправы. Ибо упокоился он двадцать шестого (числа) июня месяца, и, отплыв двадцать седьмого, двадцать девятого поспел к всенощной в монастырь Святых Апостолов». На самом деле судно двигалось с обычной скоростью для транспортных кораблей того времени¹⁵⁷. Известно, что при удачном стечении обстоятельств расстояние между Анатолией и Крымом можно было преодолеть за 24–30 часов¹⁵⁸. Следовательно, данный пассаж источника, вероятно, можно объяснить отсутствием у составителя знаний о характере черноморской навигации.

Чудеса подтверждают факты поездки Лонгина в Иерусалим, незначительности хазарских репрессий, неоднозначное отношение к епископу местного населения и называют место заточения Иоанна перед бегством в Амастриду. Показательно, что все они, по крайней мере сохранившиеся,

были «совершены» Иоанном исключительно при жизни. Совершенно отсутствуют посмертные чудеса.

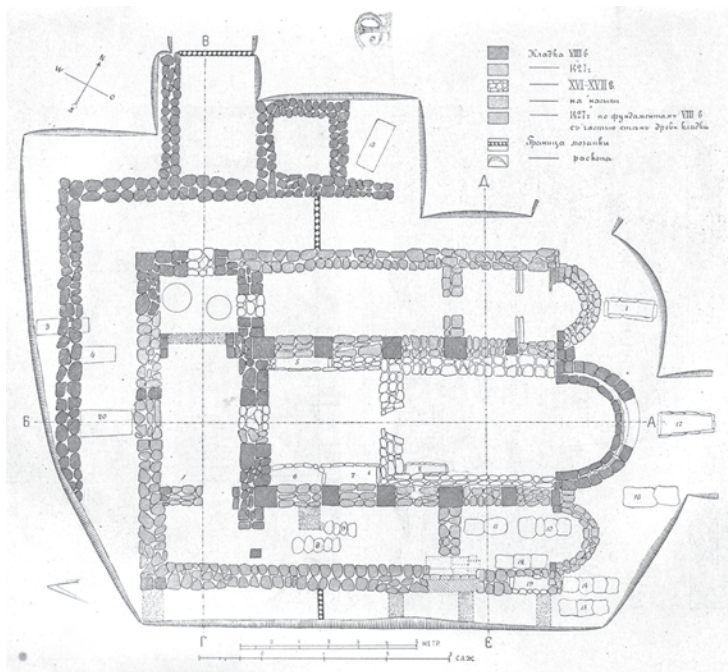

Рис. 3.3. План Партенитской базилики по Н.И. Репникову (1909 г.)

В этой связи отметим, что остается открытым вопрос о месте погребения останков епископа. Долгое время им считалась базилика, обнаруженная в 1869 г. в южной части Партенитской долины у северного подножия г. Аю-Даг (Рис. 3.3; 3.4). Основание для таких заключений давала найденная при раскопках надпись, сообщавшая о возобновлении в 1427 г. готским митрополитом Дамианом храма Апостолов Петра и Павла, воздвигнутого «архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником»¹⁵⁹. Изначально храм представлял трехнефную базилику с нартексом и галереей. Первоначальное здание погибло в пожаре и было восстановлено в 1427 г. К северо-западной стене галереи примыкала четырехугольная гробница с мозаичным полом, облицованная плитами белого мрамора. Как предполагалось, это и было место последнего упокоения святого¹⁶⁰.

Казалось, в пользу такой интерпретации свидетельствуют и архитектурные особенности памятника, и элементы литургического устройства¹⁶¹.

Однако новейшие археологические исследования позволили сделать иные выводы. Первоначально авторы раскопок отмечали, что строения на этом месте были возведены только в конце IX–X в.¹⁶² В последней работе они уточнили дату сооружения этого культового комплекса — последняя треть X в.¹⁶³ Объяснение сему факту может быть следующее: то ли в XV в. как местные жители, так и митрополит Дамиан имели уже смутные представления о месте захоронения Иоанна и за него приняли развалины другого христианского комплекса; то ли

Рис. 3.4. Партенитская базилика. Фото.

о последней пристани святого забыли практически сразу после его смерти. После же канонизации и появления новой редакции Жития его мощи были обреты подобно останкам папы Климента Римского (что практически совпадает по времени)¹⁶⁴. В любом случае, Партенитская базилика не может считаться монастырем святых Апостолов, о котором заботился Иоанн.

В заключение остановимся еще на одном аспекте. В. Юргевич¹⁶⁵, В. Лоран¹⁶⁶ и В.Е. Науменко¹⁶⁷ на основании двух моливдовулов, очевидно X–XI вв., принадлежавших «Иоанну архиепископу Готии», сделали вывод о невозможности соотнесения Иоанна Готского с Иоанном Исповедником партенитской надписи. В связи с этим позволим заметить следующее.

1. Имя Иоанн настолько распространено в христианской традиции, что присутствие среди готских иерархов нескольких лиц с таким именем вполне естественно. Особенно учитывая, что в агиографической традиции Готская епархия во многом связывалась именно с Иоанном Готским. 2. Место погребения Иоанна Готского отождествляется именно с Партенитом и именно с монастырем св. Апостолов. 3. Иного готского (крымского) святого с именем Иоанн в агиографической традиции не сохранилось. 4. Иоанн Готский действительно был исповедником: «Исповедник — название тех лиц, которые во время гонений на христиан, открыто объявив себя христианами и претерпев мучения, остались в живых»¹⁶⁸.

Таким образом, митрополит Дамиан возобновлял храм, связанный, как ему представлялось, именно с Иоанном Готским. А обозначение готского иерарха «архиепископом Феодоро» вместо «епископа Дороса» вполне объясняется влиянием реалий 1427 г. и стремлением быть понятным современ-

никам. Феодоро в это время, оказавшись «зажатым» между католическими генуэзскими колониями и мусульманским Крымским ханством, становилось единственным защитниками православия на полуострове. Оно вело тяжелые войны с генуэзцами за обладание Южным берегом Крыма. Как раз в 20-х гг. XV в. Алексей, правитель Феодоро, развернул широкое строительство практически по всей территории своего небольшого государства, стремясь показать его могущество¹⁶⁹. Естественно, в этих условиях правителям княжества необходимо было историческое и идеологическое обоснование своих притязаний. И здесь снова вспомнили об Иоанне Готском — защитнике истинного православия и непримиримом борце с внешними врагами.

8.2. Стефан Сурожский и образование Сугдейской епархии

Стефан Сурожский (Рис.3.5) является наиболее «загадочным» таврическим средневековым святым, а его Житие — самым дискуссионным «крымским» агиографическим произведением. Известно, что его греческий прототип не сохранился, а некоторые эпизоды поздних редакций выглядят настолько неправдоподобными, что у некоторых исследователей сформировалось устойчивое представление, что это агиографическое сочинение, особенно его славянский вариант, является более литературным, нежели историческим источником¹⁷⁰.

При этом, благодаря так называемому «сюжету о Бравлине», помещенному среди посмертных чудес сугдейского святого, Житию Стефана Сурожского посвящена обширная историография¹⁷¹. Это связано, в первую очередь, с тем, что если следовать хронологии источника, то упоминание о нашествии на Таврический полуостров новгородского князя Бравлина — одно из самых ранних сведений о начальной истории Руси. Эта точка зрения укрепились в российской историографии со времен Степенной книги (1563 г): «Иже и прежде Рюрикова нашествия в Славенскую землю, не худая была держава Словенского языка; воинствоваху бо и тогда на многия страны и на Селунский град, и на Херсон, и на прочих тамо, якоже свидетельствует нечто мало от части в чудесах великомученика Димитрия и святого архиепископа Стефана Сурожского»¹⁷².

К настоящему времени в историографии превалирует мнение, что набег Руси на Боспор, Сугдею и Херсон в своей основе — историческая реальность¹⁷³. Дискуссии в основном сводились к проблеме: следует ли нападение Бравлина отождествлять с известным походом киевского князя Владимира в 988/989 гг. (в некоторых русских источниках в качестве исходной точки похода отмечен Киев) или это было самостоятельное событие, дей-

ствительно случившееся вскоре после смерти святого.

Первое серьезное научное исследование, посвященное Житию Стефана Сурожского, принадлежит В.Г. Васильевскому¹⁷⁴. Ученый издал и подробно проанализировал Греческое (ГЖ) и Церковнославянское (ЦСЖ) Жития и в результате глубокого и всестороннего анализа различных редакций данного агиографического произведения и других связанных с ним источников пришел к выводу, что славянское Житие Стефана Сурожского появилось не ранее первой половины XV в. Оно было составлено русским компилятором путем соединения не дошедшего до нас варианта Греческого жития и выдержек из церковнославянских произведений — Жития Иоанна Златоуста, Духовного Луга Иоанна Мосха и Жития Петра Митрополита¹⁷⁵. Что же касается самого Стефана, то, по мнению В. Г. Васильевского, он — реальная историческая личность: «принадлежал к исповедникам иконопочитания, при царе Константине Копрониме¹⁷⁶ подвергся... тюремному заключению и разным истязаниям, но затем отправлен был ... в... Сугдею, много потрудился над распространением и утверждением христианства между местными жителями и сделан был епископом названного города, по-видимому, первым в ряду будущего ряда его архипастырей»¹⁷⁷. По мнению исследователя, первоначальное Житие должно датироваться «X или даже IX вв.». Оно было кратким, в него входили два чуда — одно прижизненное «История с Филаретом» и одно посмертное «Исцеление Ефрема»¹⁷⁸. «Сказание о Бравлине» было создано в Византии не позднее второй половины X в., но ранее похода на Херсон Владимира Киевского, и отражало реальное событие, случившееся не позднее 30-х гг. IX в.¹⁷⁹.

Научный авторитет и система аргументаций В.Г. Васильевского были настолько сильными, что до начала XXI в. все последующие авторы, как правило, повторяли основные выводы ученого¹⁸⁰ и решались лишь на незначительные уточнения (естественно, за исключением тех, в основном зарубежных исследователей, кто сомневался в исторической ценности Жития Стефана Сурожского (см. выше)).

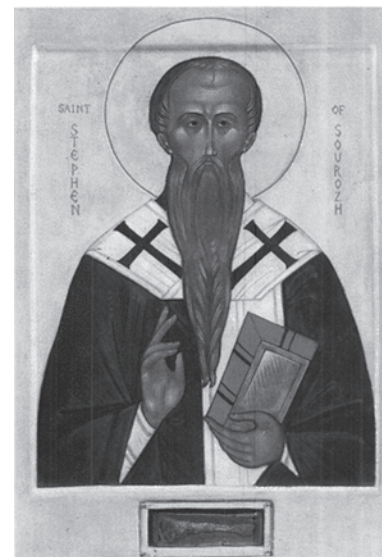

Рис. 3.5. Стефан Сурожский.
Современная икона

Шагом вперед в изучении источника стали публикации С.А. Иванова. Одну он посвятил фактически введенному им в широкий научный оборот армянскому Житию Стефана Сурожского (АЖ)¹⁸¹, другая посвящена ЦСЖ¹⁸². Исследователь пришел к аргументированному заключению: армянский вариант сохранил часть текста греческого прототипа, несомненно, восходящего к иконоборческой эпохе. Константин V (Константин Коприн в оригинале) здесь упоминается как «правивший с верой во Христа и благочестием»¹⁸³. При этом сюжет армянского источника во многом перекликается с греческой и частично со славянской версиями, «но в ряде сюжетов оно гораздо полнее их обоих»¹⁸⁴.

С.А. Иванов пришел к выводу, что первоначальное Житие Стефана было составлено в конце VIII – начале IX в., вероятно, преемником святого — Филаретом. АЖ и ЦСЖ восходят к греческим оригиналам, имеющим одну и ту же текстовую традицию, появившуюся не ранее конца X в. Следовательно, большинство компиляций и вставок, которые В.Г. Васильевский приписывал древнерусскому автору XV в., на самом деле присутствовали уже в греческом протографе конца X в.¹⁸⁵ Таким образом, пространная церковнославянская версия Жития Стефана Сурожского¹⁸⁶ является не компиляцией церковнославянских переводов греческой агиографической и хронографической литературы (как полагал В. Г. Васильевский), а переводом с незначительной редакторской правкой и купюрами пространного греческого текста, АЖ, соответственно, также является переводом с греческого на армянский с редакторской правкой и купюрами.

Важным для изучения Жития Стефана Сурожского является публикация А. Бозояном, на основе нескольких армянских рукописей, сводного текста АЖ¹⁸⁷, благодаря которому многие недоуменные места ЦСЖ получили правильную и однозначную интерпретацию.

Авторский коллектив монографии (к которому принадлежат и двое авторов настоящего издания — Ю.М. Могаричев и А.В. Сазанов) посвященной рассматриваемому агиографическому произведению, пришли к выводу: создание протографа Жития Стефана Сурожского следует датировать периодом между второй половиной 60-х гг. VIII в. и 787 г., скорее всего, между 770-м и первой половиной 80-х гг. VIII в. (последние годы царствования Константина V — время правления Льва IV Хазарина — начало властвования Ирины). В конце IX–X вв. было предпринято две попытки отредактировать источник. Первая, очевидно, в последней трети IX в. В этом варианте Стефан Сурожский выступает как епископ. В конце X – начале XI вв. появляется новая редакция. Стефан стал архиепископом (что соответствовало тогдашним реалиям), и появились два последних чуда. В новых версиях сугдейский епископ выступает уже как последовательный иконо-

почитатель, пострадавший за свои взгляды. Очевидно, что задачей редактора было показать Стефана как идейного иконопочитателя, «затушевать» его связь с императорами-иконоборцами и таким образом сохранить имя Стефана Сурожского для византийской агиографии. В связи с ограниченностью объема настоящего издания данный раздел есть краткое изложение указанной монографии с некоторыми добавлениями и с учетом последней литературы.

Версии Жития Стефана Сурожского

ГЖ¹⁸⁸. Учитывая, что некий Георгий сделал приписку на полях Сугдейского синаксаря: «В этот день — торжественно справляется в городе Сугдае 15 декабря смерть святейшего отца нашего Стефана исповедника, архиепископа Сугдаи, за то, что просветил он сугдейцев и сделал их христианами, и в пятнадцатый день месяца декабря скончавшегося. И упокоился он в Господе. Запись Георгия»¹⁸⁹ около 1318 г., можно утверждать: к этому времени текст синаксарного сокращения уже существовал. Оно краткое, с большими лакунами текста, без «чудес», но в отношении языковом — в целом грамотное¹⁹⁰.

АЖ¹⁹¹ является сокращенным вариантом греческого протографа. Перевод Жития Стефана Сурожского на армянский язык, скорее всего, был выполнен в конце XIII – первой четверти XIV в. Вероятно, как это предполагает Т.Э. Саргсян, первоначально он появился в среде цатов¹⁹², а затем получил распространение во всей армянской общине Сугдеи и других городов Крыма¹⁹³. АЖ было предназначено для армянской общины Крыма и в первую очередь Судака. Поэтому при сокращении переводчик попытался сохранить все местные реалии, имена, топонимы, которые были понятны и известны читателям. Переводчик осознанно редуцировал явные повторы и многократные дублирования текста, бережно отнесся к местным реалиям греческого текста. Внятно передал армянскими языковыми средствами имена собственные. В силу указанных особенностей в АЖ уцелели фрагменты греческого прототипа, восходящего к иконоборческой эпохе. Константин V здесь упоминается как «правивший с верой во Христа и благочестием»¹⁹⁴. Армянское Житие в ряде моментов «гораздо полнее», подробнее и понятнее славянской и греческой версий¹⁹⁵. В нем, в отличие от славянского, сохранены многие исторические реалии. Например, спасительница Стефана и жена Константина V названа не Феодорой, а Ириной, дочерью правителя Хазарии (что было на самом деле и позволило уточнить спорный момент в ЦСЖ). В АЖ более детально изложен сюжет о походе Бравлина (Пролиса), что позволяет по-новому взглянуть и на этот эпизод¹⁹⁶. Отметим также, что армянская традиция сохранила изначальную традицию почитания Стефана не 15 декабря, как в поздних синаксарях, а

10 августа¹⁹⁷. Все это позволяет отдать армянской версии предпочтение в трактовке событий, имен и терминов. Конечно, составитель армянской версии пытался осовременить источник¹⁹⁸. Очевидно, некоторые местные названия и имена, отраженные в греческом протографе, для армянского толмача уже мало что значили. Но он попытался их оставить, передав в армянской транскрипции. Вероятно, именно в силу этого родиной супруги Константина V названа мифическая «страна Лазаров», а не реальная «Хазаров».

ЦСЖ¹⁹⁹. Церковнославянские Жития Стефана Сурожского, опубликованные митрополитом Макарием²⁰⁰ и В.Г. Васильевским²⁰¹, являются независимыми переводами одного и того же греческого оригинала. Текстологические разночтения здесь, иногда весьма заметные, все же сводимы к единому прототексту. Но они имеют и явные различительные черты.

Первый церковнославянский перевод был выполнен в XIV (по С.А. Иванову) или XV в. (по В.Г. Васильевскому) в Северо-Восточной Руси. Наставить исключительно на новгородском авторстве²⁰² оснований нет. В целом переводческие приемы обеих рукописей восходят к единой традиции (кирилло-мефодиевской), что и делает текстуральные разночтения незначительными, а синтаксические и лексические несовпадения легко сводятся воедино²⁰³.

Вероятнее всего, греческий, армянский и древнерусский авторы сохранившихся версий источника не сочиняли свои произведения, а пользовались греческим протографом, а скорее всего, очень сходными, но разными текстами. При этом ГЖ в текстологическом отношении явно восходит к несохранившейся пространной редакции, в значительной степени отличной от пространной редакции (или редакций), лежащей в основе армянского и церковнославянских переводов.

Время составления и содержание протографа. Несомненно, древнейший вариант Жития Стефана Сурожского, как убедительно показал С.А. Иванов, был составлен в иконоборческую эпоху: «Тот факт, что злостный иконоборец Константин V, проклинаемый всеми источниками начиная с середины IX в., назван в армянском тексте благочестивым, свидетельствует о том, что греческий оригинал Жития возник в той или иной форме еще в иконоборческую эпоху»²⁰⁴. Сложно представить, чтобы после середины IX в. фигуру Константина Копронима искусственно «вставили» в житие, да еще как положительного героя, который покровительствовал святому²⁰⁵.

Несомненно, Стефан Сурожский скончался в период правления Константина V. Ни один из вариантов Жития ничего не сообщает ни о преемниках Константина Копронима, ни о восстановлении иконопочитания. Нет никаких сомнений в том, что если бы Стефан действительно пережил

Константина или был современником восстановления иконопочитания, это нашло бы свое отражение в источнике. Очевидно, одной из основных задач автора греческого жития, на основе которого были составлены известные нам редакции, было показать Стефана как выдающегося иконопочитателя. Поэтому если была бы хоть какая то возможность связать его образ с восстановлением поклонения иконам, это было бы сделано²⁰⁶. Сказанное выше согласуется с информацией ЦСЖ о том, что Стефан ушел из Каппадокии и появился в Константинополе в период правления Феоodosия III и патриарха Германа (715–717 гг.). Если ему в это время было 15 лет по ЦСЖ, или 18 по АЖ, то дата рождения Стефана приходится на самый конец VII в., а дата смерти (он умер, согласно АЖ, в возрасте около 70 лет²⁰⁷) — середина-конец 60-х гг. VIII в.²⁰⁸. Преемником Стефана Сурожского ЦСЖ называет Филарета. Причем источник прямо указывает, что Стефан сам назначил Филарета следующим сурожским епископом. Автор АЖ опустил сей момент, который мог вызвать подозрение у образованного армянина. Ведь это противоречило практике назначения епископов. Как отмечалось в предыдущем разделе, согласно законам и традициям, юридически Стефан не мог назначить себе преемника. К его мнению могли прислушаться, но процесс избрания епископов имел иную процедуру. Например, самого Стефана (согласно Житию) назначил лично патриарх, и на сурожскую кафедру он прибыл из столицы.

В 787 г. Сугдейскую епархию, вероятно, возглавлял другой епископ Стефан — Стефан II²⁰⁹. Его зафиксировали протоколы Седьмого Вселенского собора в Никее²¹⁰. Первый раз, правда, под именем Феофан, он упомянут в перечне епископов перед первым заседанием: «Феофан, епископ сугдайский» или «епископ Сугда(в)ов Феофан»²¹¹. В латинском варианте дано пояснение, что епископа звали Стефан «Stephano episcopo Sugdaorum»²¹². Скорее всего, Theophane может быть опиской вместо Stephano. Среди подписавшихся под вторым деянием значится «Stephanus fanctiffimus episcopus Sugdenfium fimiliter» — «Стефан, святейший епископ сугдейский провозгласил тоже»²¹³. В подписях под третьим деянием Собора сугдейского епископа нет. Вероятно, он подразумевался в коллективной подписи: «Прочие епископы провозгласили»²¹⁴. Под протоколами четвертого заседания значится «Stephanus indignus episcopus civitatis Sugdenfium libenter omnia quae praefcripta sunt fufcipiens, fubfcripsi – Стефан, епископ сугдейский, охотно принимая все выше писанное, подписался»²¹⁵. В начале седьмого заседания упоминается «Stephano episcopo Sugdenfium – Стефан, епископ сугдейский»²¹⁶. В конце седьмого заседания подпись Стефана «Stephanus indignus episcopus Sugdaenfium fimiliter – Стефан, недостойный епископ сугдайский тоже»²¹⁷.

Очевидно, что если бы среди участников судьбоносного Никейского собора присутствовал наш Стефан, сей факт нашел бы свое отражение в Житии. Не приходится сомневаться, что сего сюжета не было и в полном Греческом Житии²¹⁸.

Вероятно, стоит согласиться с мнением С.А. Иванова, что к составлению первоначального жизнеописания Стефана Сурожского имеет отношение Филарет²¹⁹. Учитывая, что, согласно Житию, это единственный известный прижизненный близкий к Стефану персонаж «Сурожского периода», к которому святой благоволил и доверил быть своим преемником и которого источник выставляет с исключительно положительной стороны, можно с определенной долей уверенности предполагать, что первоначальный текст Жития Стефана Сурожского был составлен или самим Филаретом, или при епископстве Филарета²²⁰.

Если верны наши рассуждения, то появление первоначального варианта Жития Стефана Сурожского следует датировать приблизительно периодом между второй половиной 60-х гг. VIII в. (смерть Стефана) и 787 г. (во главе Сугдейской епархии тогда находился уже преемник Филарета — Стефан II). А учитывая, что Житие составлялось «под канонизацию» Стефана и с момента смерти и до канонизации должно было пройти некоторое время, а также вероятность того, что Стефан II мог сменить Филарета не перед самим Никейским собором, то искомая дата составления протографа укладывается в промежуток между 770 г. и первой половиной 80-х гг. VIII в.

Очевидно, что агиографическое произведение в честь Стефана Сурожского, тогда, вероятно, местночтимого святого, появилось вследствие необходимости создания собственной агиографической традиции в Сугдейской епархии, первой главой которой был Стефан (см. далее).

Реконструкция древнейшего варианта Жития Стефана Сурожского выглядит следующим образом: Стефан Сурожский родился в Каппадокии, в юношеском возрасте перебрался в Константинополь, при Константине V был назначен главой Сугдейской епархии, где и скончался²²¹.

После восстановления иконопочитания его Житие должны были привести в соответствие с новыми веяниями, ибо в старом виде оно не могло быть признано официальной церковью. Известно, что большинство так называемых «иконопочитательских» житий были составлены уже после 843 г. Ряд произведений, первоначально иконоборческих или нейтральных, после 843 г. были переработаны в духе новых политических реалий²²².

Поэтому в постиконоборческий период Житие Стефана Сурожского было переработано. Сугдейский епископ в нем выступает уже как последовательный иконопочитатель, пострадавший за свои взгляды. Очевидно, что задачей редактора, скорее всего, выполнявшего свою работу по заказу су-

гдейских иерархов, было показать Стефана как идейного иконопочитателя, «затушевать» его связь с императорами-иконоборцами и таким образом сохранить имя Стефана Сурожского для византийской агиографии.

Первый раз источник был отредактирован не ранее последней трети IX в. В этом варианте Стефан Сурожский выступает как епископ. Причем, скорее всего, это произошло в Константинополе или, менее вероятно, в одном из других крупных культурных центров империи²²³. Уже ощущалась определенная неактуальность иконоборческих споров, хотя известно, что несмотря на полную победу над иконоборцами, полемика против них еще долго не прекращалась²²⁴. На лицо путаница в императорах, правивших столетие назад. Вероятно, этим можно объяснить, что Константин V назван сыном Копронима²²⁵, что ему адресованы хвалебные слова, сказанные Георгием Монахом в адрес Константина VI²²⁶. Однако именно благодаря вышеназванному редактору сохранил в своем произведении части из древнейшего извода, а в частности имя Константина V. Вспомним, что в ГЖ Лев Исавр спутан со Львом Армянином²²⁷.

В конце X – начале XI вв. появляется новая редакция источника. Вероятно, именно тогда Стефан стал архиепископом (что соответствовало новым реалиям) и появились два последних чуда.

Выглядит странным, что Стефан Сурожский, вероятно, так и не стал общевизантийским святым. Традиция почитания Стефана Сурожского не вошла в византийские синаксари. При этом очевидно, что новый вариант Жития, создаваемый в столице и показывающий Стефана не только как идейного иконопочитателя, но и как фигуру общеимперского масштаба (был в почете у патриарха Германа, лично клеймил Льва III), явно заказывался для того, чтобы ввести Стефана в круг общевизантийских святых. Не вызывает сомнений, что произведение столичного агиографа попало в Сугдею. Возможно, местными иерархами предпринималась не одна попытка придать фигуре Стефана общегосударственный характер (вероятно, с этим связана и новая редакция конца X в). Однако в силу каких-то причин константинопольские церковные власти не считали нужным поднять статус святого из далекой северной епархии. То ли борцы с иконоборчеством были уже не столь актуальны, то ли иконопочитательские заслуги Стефана у образованных константинопольских иерархов вызывали сомнение, то ли, что более вероятно, этому не соответствовал уровень Сугдейской епархии. В этой связи напомним замечание Ж. Дагрона относительно ряда агиографических произведений: «Нужно также принять в расчет неудачные агиографические опыты, которые представляют собой некоторые Жития, дошедшие до нас в отдельных рукописях, чей посредственный стиль или малая известность учреждения, где они были созданы, помешали их успеху»²²⁸.

Уже с X в. св. Стефан Сурожский приобретает черты покровителя и защитника Сугдеи (Рис. 3.6). По крайней мере, на это указывает сюжет о нашествии Бравлина (Пролиса), где святой выступает как небесный защитник города, который карает и наставляет на путь истинный язычников и варваров, пытающихся принести вред городу и его жителям²²⁹.

Рис. 3.6. Судакская крепость

Еще более востребованной фигура Стефана Сурожского, защитника от иноверцев и святого покровителя, становится в смутные времена XIII–XV вв. В это время Сугдея, судя по припискам на полях Сугдейского синаксаря и другим источникам²³⁰, неоднократно подвергается нападению неприятеля. Лишения терпят не только местные греки, но и все жители многонационального города. Службы в честь Стефана Сурожского²³¹ позиционируют Стефана как святого защитника и покровителя Сугдеи²³².

Вероятно, именно поэтому местные армяне вводят его в круг своих святых. Активные контакты между местными православными и древнерусскими купцами привели к «взаимопроникновению» святых. По крайней мере, судя по припискам на полях Сугдейского синаксаря, мы знаем, что между 1337 и 1339 гг. здесь чтили память «русских святых новоявленных мучеников в российской стране, Давида и Романа, убиенных их собственным братом, злосчастным Сфатопуком (Святополком)»²³³. Отметим, что почитание русских святых Бориса и Глеба (крещальные имена Роман и Давид) было характерно не только для сугдейцев. Их культ известен в Константинополе и Чехии²³⁴. Русские же восприняли культ Стефана Сурожского и принесли его на Русь, где он и стал российским

святим. В середине XV в. на Руси уже стало популярно и Житие Стефана Сурожского²³⁵.

Пик интереса к фигуре Стефана Сурожского проявляется, вероятно, в конце XIII – начале XIV в. По крайней мере, именно тогда появляются первые известные нам армянские рукописи, содержащие Житие святого, именно тогда некий Георгий помещает в Сугдейском синаксаре ГЖ и, вероятно, именно тогда или чуть позднее русский переводчик создает и ЦСЖ (если учесть, что древнейший из известных сегодня вариантов ЦСЖ, согласно С.А. Иванову, датируется XIV в).

Историческая основа Жития. Стефан Сурожский родился в Каппадокии. ЦСЖ и ГЖ сообщают нам и имя малой родины святого — селение Морисава (Мориваса). С определенной долей вероятности можно установить и приблизительную дату рождения святого. ЦСЖ указывает, что Стефан покинул Каппадокию и приехал в столицу «в год царя Феодосия Аньдриймина (Аньдраминдина) и патриарха Германа Святого» в возрасте пятнадцати лет. АЖ подтверждает, что данное событие случилось в период патриаршества Германа, но Стефану при этом исполнилось уже восемнадцать. На этот же возраст указывает и ГЖ, правда, сведения последнего можно понимать и в том смысле, что к моменту прибытия в Константинополь Стефану было более 18 лет.

Важным хронологическим репером является указание на правление Феодосия III и патриаршество Германа. Мало чем выдающийся и непопулярный Феодосий III правил с конца лета 715 г. до 25 марта 717 г.²³⁶ Герман занял кафедру 11 августа 715 г. и успел венчать Феодосия на царство²³⁷. Хронологический отрезок, на который указывает Житие, продолжался чуть более полутора лет. Поэтому представляется возможным эту информацию считать достоверной и исключить ее искусственное происхождение. АЖ также сводит Феодосия вместе с Германом, но в другом контексте: «В дни в те почил епископ Сухты, и озадаченные князья города, и священники отплыли в Костандинуполис к святому архипастырю Германосу и к царю Тэодосу, прозвище Андрамандинос, и попросили себе предводителя у царя и у патриарха и (те) повелели дать». С. А. Иванов убедительно показал, что этот эпизод из АЖ не соответствует историческим реалиям: «Проблема в том, что Феодосий правил с 715 по 717 г., стало быть, Стефан должен был родиться ок. 680 г. — но тогда он, прибыв в 18 лет в столицу, не застал бы еще патриарха Германа...»²³⁸.

Мы считаем, что возникшее противоречие может быть устранено, если предположить, что автор АЖ при переводе и сокращении подробного греческого жития случайно или целенаправленно переставил совместное упоминание Феодосия и Германа из сюжета о прибытии Стефана в Кон-

стантинополь (как зафиксировано в ЦСЖ) в эпизод о назначении Стефана епископом. Вероятно, армянину конца XIII – начала XIV вв. были уже неактуальны и малознакомы страницы византийской истории первой половины VIII в., а последовательность упоминания императоров и патриархов в данном случае не противоречила общей линии повествования. Более того, это позволяло гармонично и лаконично соединить сюжет избрания Стефана епископом с рассказом о свержении Феодосия, воцарении Льва и начале иконоборчества и при этом избежать повторений и некоторых несоответствий, которые, судя по ЦСЖ, присутствовали в греческом тексте.

Если принять во внимание, что на момент прибытия в Константинополь Стефану было 18 лет, он мог родиться приблизительно в 697–698 гг. Если взять за основу его 15 летний возраст, то это произошло в 700–701 гг. Однако, учитывая, что две редакции из трех называют цифру 18, и выводы С.А. Иванова о времени кончины святого²³⁹, то первый хронологический промежуток представляется более вероятным.

Сюжет о детстве Стефана и его обучении в Константинополе практически полностью заимствован из Жития Иоанна Златоуста²⁴⁰. Поэтому достоверной информации о детстве и юношестве сурожского святого до нас не дошло. Можно только предполагать, что Стефан Сурожский действительно мог получить неплохое образование и даже, возможно, в Константинополе. По крайней мере, его дальнейшая карьера предполагает это.

Не представляется возможным также вычленив однозначно исторически достоверную информацию из «константинопольского» и «монастырского» периодов жизни святого. Подробности этих эпизодов изложены в АЖ и ЦСЖ по-разному: по АЖ Стефан сразу по прибытии в Константинополь приходит к Герману, на которого произвел хорошее впечатление. Вскоре Герман рукоположил Стефана дьяконом «и после немногих дней ... священником». ЦСЖ утверждает, что Герман призвал Стефана не сразу, а после того как «услышав от многих о нем», причем факт рукоположения в этой версии не упомянут, однако подчеркнуто, что Стефан прожил в Константинополе 15 лет.

Рассказ о пребывании Стефана в монастыре более полно изложен в АЖ, которое отмечает, что уход Стефана в обитель случился после его рукоположения в священники. Причем в монастыре Стефану исполнилось тридцать пять лет. По ЦСЖ там Стефан пробыл 30 лет. Несмотря на указанные различия в деталях, которые, вероятно, необходимо отнести на счет славянского и армянского компиляторов, можно попытаться восстановить основные параметры подробного греческого текста.

Версия АЖ, что в монастыре Стефану исполнилось тридцать пять лет, не противоречит ЦСЖ: Стефан прибыл в столицу в 15 лет, еще столько же

там прожил, после чего ушел в монастырь. Т.е. в монастыре ему действительно исполнилось 35 лет (даже если примем во внимание, что в Константинополь Стефан прибыл в 18-летнем возрасте).

С этой точки зрения и с позиций исторической достоверности странно выглядит 30-летнее пребывание святого в обители²⁴¹. Если сложить вместе даже 15-летний возраст приезда в столицу, 15-летнее пребывание там и тридцать лет монашеского уединения, то выходит, что на Сугдейскую кафедру Стефан вступил не моложе чем в 60-летнем возрасте, приблизительно в конце 50-х – начале 60-х гг. VIII в. Совершенно ясно, что Герман к этому времени уже давно не был патриархом и, следовательно, не мог его рукоположить. Более того, в таком случае Стефан, естественно не мог пострадать и от Льва III Исавра, который скончался в 741 г. Если допустить, что он в 60-летнем возрасте возглавил сугдейскую кафедру при Германе (даже абстрагируясь от определенной нами даты его рождения), то случиться сие могло только до 730 г. (тогда патриарх был отстранен от должности). Учитывая, что на свою кафедру Стефан вернулся уже после 741 г. и еще какое-то время ее возглавлял, то скончался он гораздо позже 70 лет, что противоречит информации АЖ о его возрасте на момент смерти. Более сходятся цифры в АЖ. Приблизительно в 35-летнем возрасте возглавив Сугдейскую епархию (при Германе) и тридцать пять лет пробыв ее главой, Стефан действительно скончался приблизительно в 70 лет²⁴².

Надо думать, что несоответствия между историческими реалиями с датами и цифрами, представленными в различных редакциях Жития, были уже в подробном греческом тексте. Крайне маловероятно, чтобы славянский и армянский редакторы независимо друг от друга попытались искусственно запутать своих читателей.

Очевидно, что армянский автор, составляя свое произведение, стремился «подогнать» хронологические реперы источника под возраст появления Стефана в столице и год смерти. Отсюда встреча своего тридцатипятилетия в монастыре и еще тридцать пять лет епископства. Другое дело, что ему не удалось, в силу явного незнания подробностей византийской истории VIII в., соотнести цифры с историческими реалиями.

Славянский компилятор, вероятно, более адекватно отобразил то, что присутствовало в первоисточнике. Поэтому вряд ли именно ему следует приписывать тридцатилетнее пребывание Стефана в монастыре. Эта подробность выглядит искусственной. Без нее, действительно, получается относительно стройная и адекватная ситуация. Конечно, прибыв в Константинополь в 715–717 гг. в 15-летнем возрасте и прожив в столице 15 лет и еще некоторое время побыв в монастыре, Стефан, естественно, не мог быть рукоположен Германом. Однако он «успевает» еще возглавлять сугдейскую

епархию, пострадать от Льва, быть амнистированным Константином V и умереть в возрасте 70 лет. С учетом того, что данный сюжет был вставлен только в переработанное Житие не раннее конца IX–X вв., общая картина выглядит логичной. Следовательно, можно предположить, что длительное пребывание Стефана в монастыре попало в подробное греческое житие из протографа и отображало факты из реальной жизни нашего героя.

С точки зрения нынешнего уровня источниковедческой базы невозможно достоверно выявить, действительно ли Стефан был знаком с патриархом Германом и действительно ли он некоторое время монашествовал. Несомненно, что он был современником Германа и, очевидно, определенный период находился в Константинополе. Поэтому факт знакомства этих двух исторических личностей достоверно нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Что же касается монашеской жизни Стефана, то вызывает мало сомнений, что он действительно мог некоторое время обитать в обители. Его дальнейшее назначение на Сугдейскую кафедру, в таком случае, представляется естественным развитием карьеры.

Сюжеты о назначении Стефана сугдейским епископом и его «первое» епископство в Сугдее практически полное повторение соответствующих эпизодов Жития Иоанна Златоуста с вкраплениями из Луга Духовного Иоанна Мосха и перепевов из Жития Стефана Нового²⁴³. Следует также обратить внимание на некоторые противоречия в этом рассказе. Из предыдущих разделов Жития нам известно, что Герман лично знал Стефана и покровительствовал тому. Однако когда встает вопрос о назначении сугдейского епископа, на Стефана Герману указывает ангел, а из контекста повествования следует, что оба персонажа незнакомы. Еще более отчетливо это проявилось в АЖ: «Когда по собственной воле собрались достойные предводительства, и один это имя назвал, и другой-то, (тогда) и умолили патриарха попросить Бога указать им достойного (на сугдейскую кафедру. — Авт.). И уединился тот просить у Господа, и вот явился ему ангел Господа и говорит: “Степаннос инок, кто в пустыни такого-то имени, он есть достойный того престола”, — и показал ему [патриарху] вид и рост (Степанноса)».

Несомненна вторичность эпизодов и о воцарении Льва III, начале иконоборчества, борьбе патриарха Германа и Стефана со Львом Исавром, пребывании Стефана в тюрьме (последний, очевидно, полностью заимствован из Жития Стефана Нового). Эта часть жития — соединение, не всегда логичное, пересказов, а часто и дословных цитат из Георгия Монаха, Феофана Исповедника, Жития Стефана Нового, Жития Иоанна Златоуста и, возможно, и из Агапия из Менбиджа²⁴⁴. По крайней мере, информация, что Лев III убил сына Феодосия, противоречит Феофану и другим византийским источ-

никам. Вероятно, автор, чтобы усилить кровожадность Льва, действительно взял этот фрагмент из «Всемирной истории» Агапия, как считает С.А. Иванов,²⁴⁵ или из какого-то другого неизвестного нам источника.

В ЦСЖ компиляция данного раздела оказалась неуклюжей, с повторами. Например, о воцарении Льва III мы узнаем несколько раз, причем с заимствованиями из разных источников. Сначала (Гл. 18) — из Георгия Монаха, второй раз (Гл. 23) — из Агапия. В главе 23 сообщается о назначении патриархом Анастасия (по Георгию Амартолу), а в главе 24 этот же сюжет повторяется, однако там он, скорее всего, заимствован из Жития Стефана Нового. Практически одними и теми же словами повествуется о дискуссии патриарха Германа со Львом-Кононом и споре Стефана с тем же персонажем. Однако, вероятно, в первом случае за основу взята «Хронография» Феофана, а во втором — «Хроника» Георгия Монаха²⁴⁶. Автор АЖ более осмысленно подошел к редактированию, изъяв все повторы. Из двух персонажей, обличающих Льва Исавра, в АЖ остался один — Стефан Сурожский, а многие слова по ЦСЖ, принадлежащие Герману, вложены в уста Стефана.

С точки зрения выявления реальных исторических свидетельств о жизни сугдейского святого особый интерес представляет сюжет о смерти Льва III, воцарении Константина V и возвращении Стефана в Сурож. Учитывая отмеченное выше, можно считать доказанным, что эпизоды, связанные с Константином Копроном, присутствовали еще в протографе и отражали действительные факты из жизни Стефана. АЖ передает сей рассказ более осмысленно и близко к историческим реалиям. «И спустя немного дней сдох окаянный царь, и по заслугам отправилась душа его в тартары преисподней. После него царствовал Костандинос, сын Коприна²⁴⁷, (муж) с христианской верой и благочестием. И привезли от Лазаров, из города Керча, дочь царя Вирха в жены Костандиносу, и было имя царицы Ерини. А по прибытии царицы, соответственно имени (ее) настал мир во всей стране. И поскольку прежде царица Ерини была насыщена о славе чудес святого Степанноса, сказала царю: “Желаю попросить у тебя нечто”. И говорит (тот): “Проси, как и желаешь”. И говорит (она): “Желаю, чтобы освободил заключенных епископов”. И тотчас выведя, освободил всех, и отправил святого Степанноса на царском корабле в престол его». Вероятно, рассказ о происхождении невесты Константина взят из Феофана: «732/733г. В этом году василевс Лев женил сына Константина на дочери хагана, властителя скифов, обратив ее в христианство и назвав Ириной. Она же, изучив священное писание, отличалась благочестием, порицая их нечестие»²⁴⁸.

Можно предположить, что определенное покровительство Стефану со стороны Константина Копронима²⁴⁹, которого тот отправил «на царском корабле в престол его», действительно присутствовало. Учитывая отмечен-

ное выше отношение к фигуре Константина Копронима в постиконоборческой историографии, эта линия корнями уходит в протограф.

Возможно, и Ирина также благоволила к Стефану. Однако вполне допустимо и другое предположение. Феофан, несмотря на неприятие фигуры Константина V, как мы видим, положительно относился к Ирине Хазарской. Составитель подробного греческого жития, стремясь сохранить реалии, хорошо известные судейцам по протографу, вынужден был сохранить образ Константина V в своем произведении в целом как положительный. Однако покровительство святому он приписал не фигуре «неправильного» Константина, а его супруге, о которой положительно отзывались проконопочитательский и популярный тогда автор²⁵⁰.

Много споров в историографии вызывал рассматриваемый сюжет в изложении ЦСЖ: «По молитве святых вскоре умер злочестивый царь, и взошел на престол его сын Константин Копроним (иначе Гноетезный). Царица же его была дочерью Феодора, Корчемьскаго (Керьческого) царя. Она знала святого Стефана, была наслышана о добродетели его и об учении его и о чудесах его. И сказала она своему мужу: “Господин царь, отец твой посадил в темницу нашего архиепископа Стефана Сурожского, молю тебя, если любишь меня, отпусти его!” Царь послал за ним и приказал так, чтобы его привели к нему. И в то время родился у царя сын, и крестил его святой Стефан. Царь же, одарив, отпустил святого Стефана на корабле с великой честью в Сурож на свою кафедру. И пришедши в Сурож, пас свою паству учением своим».

Константин здесь, в отличие от АЖ, правильно назван Копронимом (а не его сыном). Вероятно, это заслуга древнерусского переводчика, который не только адекватно интерпретировал императора, но и перевел на русский язык его прозвище. Долгое время не совсем ясна была интерпретация имени императорской жены. В. Г. Васильевский, а вслед за ним и И. Шевченко, считали, что славянский компилятор мог перепутать жену-хазарку Ирину с другой женой-хазаркой, действительно Феодорой, супругой Юстиниана II²⁵¹. Ф. Вестберг, предположил, что данный отрывок следует понимать не как отображение имени императрицы, а имени царя — Феодора, дочерью которого и была царица.²⁵² Этой же точки зрения придерживался и О. Прицак²⁵³. При сопоставлении этих эпизодов в ЦСЖ и АЖ становится очевидным, что в ЦСЖ речь идет о царице, которая была дочерью хазарского царя Вирхора (Феодора).

Не совсем ясно, то ли Феодор армянским автором был обозначен Вирхором, то ли наоборот, Вирхор русским автором назван более понятным для него именем — Феодор²⁵⁴.

Имя Вирхор, кроме АЖ, не зафиксировано более ни в одном источнике. В АЖ оно встречается в двух местах: в упомянутом нами и в рассказе о

Георгии Тархане: «И был в то время царь Вирхор, (который) проживал в Керчи; вызвал (он) князя Сухты, имя которого был Георг, прозвище Тархан²⁵⁵, по какой-то причине; и этот опасался ехать». Очевидно, что «Вирхор» не выдумка армянского переписчика, и подобное или похожее имя было им заимствовано из пространного греческого Жития. Учитывая, что сюжет с Георгием Тарханом был уже в протографе, то можно с большой долей вероятности предполагать, что это имя в пространный греческий текст попало оттуда. Конечно, мы не знаем, как дословно этот эпизод был сформулирован в протографе. Действительно ли Вирхор там являлся царем или был обозначен традиционным для местных правителей того времени термином — кир (κύριος — владетель, господин). Игнатий Диакон, составитель Жития Патриарха Никифора, называл правителя Готии «игемоном»²⁵⁶. Этот же термин используется в одной из версий Жития Феодора Студита²⁵⁷. Также в источниках по отношению к местным правителям иногда применялся термин «топарх», которым византийцы обозначали правителей государств, которые некогда входили в состав империи, владетелей небольших областей на окраинах империи. Последние два термина являются эквивалентом киру²⁵⁸ и также могли быть интерпретированы компиляторами и переводчиками как царь.

Второй вариант, учитывая, что Георгий обозначен как князь (архонт?), очень возможен. В царя же он был «превращен» или составителем пространного греческого жития, или переписчиком XIII–XIV вв.

Возможно и предположение, что наш Вирхор действительно мог быть каким-то хазарским представителем, контролировавшим получение податей и появившемся в Крыму в период хазарской экспансии на полуострове, пиком которой было восстание Иоанна Готского.

Нам представляется следующей цепочка превращения некоего Вирхора в хазарского царя Вирхора: как уже отмечалось, сюжет о каком-то правителе с похожим именем, который находился на Боспоре (совершенно очевидно, что автор греческого протографа использовал топоним Боспор (а не более позднее название Керчь), который мог означать как и город, так и область)) имелся уже в первоначальном Житии. Информация о происхождении Ирины, скорее всего, как было показано выше, заимствована из Феофана. Однако там не упоминается никакой Вирхор. Поэтому очень возможно, что автор пространного греческого Жития, сидя в Константинополе и компилируя свое произведение, «домыслил», что Вирхор, который находился на Боспоре, и хазарский царь, отец Ирины, — одно и то же лицо. Кроме того, это давало логическое объяснение, почему Ирина заступилась за Стефана²⁵⁹.

Таким образом, если попытаться собрать воедино исторически достоверные сюжеты из Жития Стефана Сурожского, то выходит следующая

картина: Стефан родился в Каппадокии в самом конце VII в. Очевидно, в 18-летнем возрасте он оказывается в Константинополе и через некоторое время становится монахом. В период правления Константина V назначается главой Сугдейской епархии, где и умирает приблизительно в 70 лет, во второй половине 60-х гг. Все эпизоды, повествующие о назначении Стефана на сугдейскую кафедру при патриархе Германе, борьбе со Львом III, нахождении в тюрьме заимствованы из других источников и не могут считаться отражающими реальную жизнь святого²⁶⁰. Следовательно, нет никаких оснований говорить и о существовании Сугдейской епархии при патриархе Германе²⁶¹. В связи с этим напомним вывод В. Г. Васильевского: Стефан «принадлежал к исповедникам иконопочитания при царе Константине Копрониме... подвергся... тюремному заключению и разным истязаниям, но затем отправлен был ... в... Сугдею, много потрудился над распространением и утверждением христианства между местными жителями и сделан был епископом названного города, по-видимому, первым в ряду будущего ряда его архипастырей»²⁶².

Конечно, вряд ли Стефан действительно был «исповедником иконопочитания»²⁶³. Поверить в то, что самый последовательный иконоборец Константин V назначил фанатичного иконопочитателя (каким предстает Стефан в Житии) главой епархии или просто допустил, чтобы тот им стал, крайне маловероятно. Вывод же о том, что Стефан был первой главой Сугдейской епархии, заслуживает самого пристального внимания. По крайней мере, это позволяет объяснить некоторые «темные» моменты источника. В.Г. Васильевский заметил, что в заметке на полях Сугдейского синаксаря значится: «в этот самый день торжественно празднуется в городе Сугдаи, декабря 15, смерть святейшего отца нашего Стефана исповедника, архиепископа Сугдаи, потому что просветил он сугдайцев и сделал их христианами и пятнадцатого (числа) декабря месяца скончался, т.е. упокоился в Господе. Запись Георгия»²⁶⁴. Стефан там не упомянут как иконопочитатель, пострадавший за веру, а показан как человек, много сделавший для христианизации Сугдеи. Отметим, что этот источник отражает не официальную позицию церкви по отношению к Стефану, зависящую от различных политических и идеологических коллизий, а представление местных жителей, передававшееся из поколения в поколение, устно и через местные хроники (существование которых можно предполагать), основанное на реальных исторических событиях. Кроме того, В.Г. Васильевский обратил внимание, что в службах св. Стефану Сурожскому тот назван просветителем и первопрестольником Сурожа²⁶⁵.

В пользу указанных выводов можно привести и следующий аргумент. Если до Стефана на сурожской кафедре уже был настоятель, то зачем главу

этой далекой, маленькой, непрестижной епархии необходимо было присылать из столицы (вряд ли следует воспринимать как реальность, а не как дань агиографической традиции, сообщение Жития, что местные жители сами не могли выбрать епископа). Проще было найти кого-либо из местных претендентов или из ближайших Боспорской и Херсонской епархий. Тот же преемник Стефана, Филарет — местный священник. Современник Стефана, Иоанн Готский также был таврическим жителем. Если же вопрос стоял об учреждении новой епархии, становится понятной присылка пастыря из столицы (напомним, «в отношении епископий “иноплеменников” в Азии, Понте и Фракии, рукоположение кандидата на вакантную должность ... совершалось самим Константинопольским Патриархом»²⁶⁶). Скорее всего, сугдейская епархия действительно была создана при Константине V. Причем это согласуется с информацией источников, что Константин V в противовес всем нормам сам назначал епископов²⁶⁷.

Вряд ли в качестве хронологического ориентира можно использовать сообщение Минология Василия II²⁶⁸: «Подвиг святых, которые вместе со св. Стефаном Новым приняли мученичество за святые иконы. Многие из стратиотов, опять же православных, уволенные без средств к существованию, стали монахами. Но и их самих убил беззаконный царь (Константин V. — Авт.) в наказание. А также еще одного, Василия по имени, (царь) ослепил и повредил пинком его внутренности, когда услышал, что тот говорил о поклонении святым иконам. И в таком состоянии тот был сослан, и после травмы скончался. А другой, будучи заключенным в (темнице) Со-стенее, подвергся отрезанию носа, был сослан в Херсон, где его намеревались убить, бежал в Хазарию, в которой стал епископом и позднее скончался. Другой же, Стефан по имени, был сослан в Сугдию и многим принес пользу, (там) обрел конец жизни».

Как правило, данный документ используют в качестве первоисточника реальных фактов из жизни Стефана Сурожского или Стефана II. Как нам представляется, эта информация может выступать не первичной, основанной на недошедших до нас древних документах, а вторичной по отношению к Житию Стефана. Напомним, в самом тексте Жития Стефана Нового упоминаний о ссылке некоего Стефана в Сурож нет²⁶⁹. Появление в Минологии (и других синаксарях) данного сюжета может быть вставкой авторов репрессий Константина Копронима и знакомых уже с «переработанной» редакцией Жития Стефана Сурожского. Напомним о присутствии в этом синаксаре и других статей «крымского цикла» — о Херсонских епископах и Иоанне Готском. Следует также заметить, что в греческих текстах ничего не сообщается о последующем епископстве в Сугдее ссыльного Стефана.

Эта информация присутствует только в ВМЧ²⁷⁰ и вполне могла быть вставлена русским редактором, несомненно, знакомым с Житием Стефана Сурожского и отождествившим репрессированного Стефана с одноименным и известным ему сурожским епископом.

Анализируя статус и принадлежность Сутдеи в VIII–IX вв., отметим, что сам факт ссылки туда свидетельствует исключительно в пользу византийской принадлежности города и прочных позиций там центральной власти.

Как показала Е.В. Степанова, изучившая легенды моливдовулов из так называемого Судакского архива печатей²⁷¹: «Подводя итоги анализа второго — “хазарского” — периода существования судакского архива, нельзя не заметить, что уже тот сфрагистический материал, который имеется сейчас в нашем распоряжении, позволяет говорить о том, что византийцы не ушли из Сутдеи в VIII–IX вв. Особый интерес вызывают печати главных логофетов, самые ранние из которых датируются IX в. Их наличие позволяет говорить о том, что и в это время Сутдея находилась в постоянном контакте со столицей империи. Учитывая же характер деятельности этих чиновников и большое количество их печатей, можно предположить, что и в IX в. на территории Сутдеи шел сбор налогов, что вряд ли было возможно на враждебной Византии территории. При решении проблем, связанных с оценкой исторических процессов в Юго-Восточной Таврике в этот период, данный сфрагистический материал нельзя не учитывать»²⁷².

В этой связи вряд ли выглядит аргументированной попытка М.А. Никифорова, ссылаясь на легенды моливдовулов, вычленив «хазарский этап» истории Сутдеи²⁷³.

Выявленные на территории города археологически комплексы показывают, что на всем протяжении существования Сутдеи, вплоть до генуэзского времени, прослеживается преемственность материальной культуры. Она выражается как в архитектуре жилых построек, фортификации, погребальных сооружений, так и в характере керамического комплекса. Архитектурные особенности построек однозначно указывают на их византийское происхождение. Наличие варварского компонента в керамическом комплексе является типичным для провинциально-византийских городов, каковым несомненно и являлась Сутдея. Предпринимавшиеся исследователями попытки связать те или иные комплексы с тюркскими или хазарскими святилищами следует признать несостоятельными. Ни в одном из случаев реально не был зафиксирован даже «кочевнический» комплекс. Анализ письменных, нумизматических, сфрагистических источников и их сравнение с данными археологии однозначно указывает на то, что на протяжении всего рассматриваемого периода Сутдея была и оставалась провинциально-византийским городом, принадлежность которого Византии абсолютно очевидна²⁷⁴.

Позволим выдвинуть предположение о возможной связи между основанием Сутдейской епархий и конкретными историческими событиями.

Как уже отмечалось, в середине – второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений (см. Гл.2). Вероятно, тогда части христианского или согласившегося принять христианство населения из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Очевидно, активизация в городе деятельности византийской администрации, способствовавшей повышению роли Сутдеи, и появление нового населения²⁷⁵, которое необходимо было христианизировать, и привело византийские власти к идее создания здесь отдельной епископии. Таким образом, Сутдейская епархия должна была быть основана в конце 40-х – начале 60-х гг. VIII в.²⁷⁶ Если верно наше предположение о появлении указанных поселений в 50-е гг. VIII в. и если имеют историческую основу сведения источников о покровительстве Стефану Ирины Хазарской (а это отмечают все редакции Жития), то возникновение Сутдейской епископии следует датировать до 752 г. (смерть императрицы)²⁷⁷. А если принять во внимание сообщение ЦСЖ (впрочем, не совсем надежное), что Стефан, находясь еще в столице, крестил старшего сына Константина и Ирины, будущего Льва Хазарина, то Сутдейская епархия возникла между 749 г. (рождение Ириной Льва Хазарина) и 752 г. Косвенным подтверждением такой датировки могут служить и выводы Е. В. Степановой в отношении места находки печатей Иоанна, епископа Херсона (первая половина VIII в.), и неизвестного епископа Амастриды (?) (конец VII – начало VIII в.)²⁷⁸. Если бы тогда Сутдейская епархия уже существовала, то данные моливдовулы должны были бы находиться не в городском архиве, а в резиденции епископа. Отметим, что среди известных на данный момент моливдовулов сутдейского архива, датирующихся после середины VIII в., печати епископов других епархий не встречаются (печати же местных архиепископов свидетельствуют о переписке между светскими и церковными властями Сутдеи).

Откуда же мог появиться сюжет о борьбе Стефана со Львом III и его рукоположении при патриархе Германе? Совершенно очевидно, что после 843 г. назначенный при Константине V глава окраины северной епархии не имел шансов быть канонизирован. Но было бы и нелогично, если бы рукоположенный при Льве III или Константине V епископ вдруг стал идейным иконопочитателем. Поэтому автор был вынужден развести во времени рукоположение Стефана и начало иконоборчества. Отсюда появилась версия о назначении Стефана при «правильном» патриархе Германе и Феоодосии III (АЖ прямо называет этого императора, ЦСЖ имя государя не упоминает, но из контекста следует, что это было до воцарения Льва III). При

этом агиограф был вынужден в какой-то мере руководствоваться и протографом, где были отражены реальные факты из жизни героя. Поэтому в Житии и появились хронологические несоответствия между отдельными вехами из жизни святого и реальными датами жизни персонажей произведения. Естественно, согласно традиции жанра, Стефан не мог не принять участие в борьбе с иконоборцами. Отсюда появились эпизоды борьбы и страданий, заимствованные из биографий патриарха Германа и Стефана Нового, но приписанные агиографом Стефану Сурожскому²⁷⁹.

Составляя свое произведение, автор выполнил еще одну важную задачу — показал древность Сугдейской епархии. Все редакции утверждают, что Стефан сменил умершего епископа²⁸⁰, которого ЦСЖ также называет Стефаном. Упоминание этого имени не случайно. Вспомним, что в 787 г. Сугдейскую кафедру возглавлял также епископ Стефан. В Минологии Василия II в контексте Сугдеи также упомянут некий Стефан. Одним из главных источников для компиляции, как было показано выше, было Житие Стефана Нового. Поэтому вполне возможно, что редактор греческого жития соединил в образе Стефана Сурожского (или спутал, ведь спутал он императоров Константинов) нескольких Стефанов, в том числе и сугдейских епископов.

С.А. Иванов предположил, что Стефан Сурожский скончался в 765 г. Эти выводы он сделал на основании информации АЖ, что святой окончил свое земное существование в воскресенье 15 декабря в возрасте около 70 лет. Воскресенье на 15 декабря выпадало только в 754 и 765 гг.²⁸¹ ЦСЖ и ГЖ подтверждают, святой действительно скончался 15 декабря без указания дня недели. Однако АЖ прямо не сообщает, что Стефан скончался именно в воскресенье. В этот день он рукоположил Филарета в священники, после чего и умер: «И в день воскресенье, собравши всех наследников церкви, рукоположил его (очевидно Филарета. — Авт.) в священники. И был в то время святой Степаннос летам к семидесяти, дошедши благополучно до старости, и предвидел в душе кончину свою, и собрал всех священников и князей, иноков, простых и весь народ свой, вообще христиан, благословил их и увещевал божественными примерами, вручая их Господу, говорил: “Дети мои, время мое близко, и иду к тому, которого вожделем с детства моего”. И обняв всех, угас с миром во Христе, в декабре 15, в день праздника епископа Елевтериоса и архипастыря Акоба Мцбинского»²⁸².

В первой заметке из Сугдейского синаксаря, упоминающей Стефана и датированной между 1214 и 1217 гг., т.е. еще до создания АЖ, ЦСЖ и ГЖ, день поминаения святого определен не 15 декабря, а 17 декабря: «(за 17 декабря) в этот самый день торжества святого Стефана архиепископа Сугдаи, который погребен в святом алтаре святой Софии (запись Феодора,

сына Льва) (без года)»²⁸³. В 1337 г. св. Стефана Сурожского чтили и 30 января: «(за 30 января) в 30-й (день) января месяца торжественно празднуем (поминовение) 3-х иерархов, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и празднуем (поминовение) святого Стефана Сугдайского. (без года, около 1337 г.)»²⁸⁴. Армянский Айсмавурк сохранил более древнюю традицию почитания Стефана не 15 декабря, а 10 августа²⁸⁵.

Таким образом, традиция почитания Стефана Сурожского именно 15 декабря зафиксирована в Сугдеи только в начале XIV в., что хронологически совпадает со временем появления известных нам версий Жития сурожского святого. Следовательно, у нас нет твердой уверенности, что Стефан скончался именно 15 декабря и тем более в воскресенье. Поэтому 765 г. как год смерти Стефана Сурожского не может считаться единственно верной датой. Будет верным определять время кончины сугдейского епископа как середина – вторая половина 60-х гг. VIII в., если считать установленным его рождение в конце VII в. и смерть в возрасте около 70 лет.

Прижизненные и посмертные чудеса Стефана Сурожского вызывают не меньше вопросов, чем сюжеты из его земной жизни. Более понятными представляются рассказы об исцелении Ефрема и клирике Филарете.

«Исцеление Ефрема» — традиционный сюжет житийной литературы, скорее всего, присутствовавший в протографе.

«История с Филаретом» — эпизод, вставленный в Житие самим Филаретом или при его непосредственном участии. В изложении ЦСЖ и АЖ он по последовательности развития событий очень напоминает рассказ о назначении Стефана сурожским епископом, а тот, в свою очередь, является заимствованием из Жития Иоанна Златоуста. Вероятно, составитель подробного греческого Жития изложил это чудо, присутствовавшее уже в протографе, в соответствии со стилем своего произведения.

Рассказ о Георгии Тархане, более внятно изложенный в АЖ, представляет собой пересказ сюжета из протографа²⁸⁶, причем в явно сокращенном объеме. Очевидно, уже компилятору конца IX–X вв. данное повествование было непонятно и изложенные в нем исторические реалии казались анахронизмом. Напомним, согласно АЖ хазарский царь (ṛšqšlṛ [t'a-gavor] — царь, король, государь, монарх²⁸⁷) Вирхор проживал в Керчи. Мы не имеем ни одного достоверного свидетельства, что какой-либо правитель Хазарии бывал в этом городе, и тем более долго там проживал. Более того, весь комплекс источников свидетельствует, что в «хазарский» период Боспор продолжал постоянно оставаться византийским городом и подчинялся империи²⁸⁸. Нельзя, конечно, исключать появление там какого-то представителя кагана, занимавшегося сбором податей, однако говорить о принадлежности города хазарам нет оснований. Как мы попытались пока-

зять выше, вероятно, царь Вирхор — отражение должности и имени какого-то то ли византийского чиновника — кира (игемона, топарха), то ли хазарского представителя (хотя первое более правдоподобно). Что касается Георгия Тархана, то здесь ситуация еще более неопределенна. Несомненно, речь идет о христианине. У него и имя христианское — Георгий, и к Стефану он обращается «Отец святой», и церковь во имя св. Троицы он должен построить. Что же касается его должности, то здесь много непонятного. ЦСЖ называет его князем. Это же подтверждает и АЖ — «*h2hsh* [ишхан] — князь, владетель, начальник, господин, властитель, повелитель»²⁸⁹. Несомненно, это поздняя интерпретация его должности. Можно предполагать, что в первоначальном варианте стояло архонт. Маловероятно, что это был представитель хазарской власти²⁹⁰. Весь комплекс источников показывает, что Сугдея являлась византийским городом и в некоторой степени подчинялась Херсону. Поэтому сюжет с Георгием Тарханом никак не может свидетельствовать о хазарской зависимости Сугдеи.

Самыми дискуссионными сюжетами Жития Стефана Сурожского, особенно в российской историографии, являются истории «нашествие Бравлина (Пролиса)» и «исцеление Анны». Ведь если следовать хронологии источника, то упоминание о нашествии на Таврический полуостров новгородского князя Бравлина — одно из самых ранних сведений о начальной истории Руси, а в числе исторических личностей, «претенденток» на Анну, несомненное лидерство занимает Анна, сестра византийского императора Василия II и супруга киевского князя Владимира.

Несмотря на то что общая канва повествования АЖ и ЦСЖ схожа, в деталях наблюдаются несколько достаточно серьезных отличий.

Поход Бравлина (Пролиса): по ЦСЖ имя варвара — Бравлин и родиной его был Новгород²⁹¹, по АЖ его зовут Пролис и происходил он из безымянного «злого и неверного народа»; по ЦСЖ набег на Сурож состоялся «мало лет после смерти святого», по АЖ «спустя времена»; по ЦСЖ Бравлин шел от «Корсуня до Корчева» и потом десять дней осаждал Сурож, по АЖ сначала он разрушил Керчь, затем Херсон²⁹² и оттуда пошел на Сурож; по ЦСЖ Бравлин ворвался в церковь св. Софии, где находился гроб святого, по АЖ Пролис «вошел в церковь святого Степаноса»; АЖ не подтверждает присутствия Филарета при крещении Бравлина (Пролиса).

Исцеление Анны: АЖ уточняет, что это произошло в «те времена», когда случилось «нашествие Пролиса»; по ЦСЖ Анна заболела на Черной Воде, а по АЖ просто по дороге из Херсона в Керчь; в славянском варианте царица заболела «смертным недугом», а в армянском просто мучилась от боли; в ЦСЖ исцеление наступило после явления Стефана ночью во сне, в АЖ время явления святого не упоминается.

Некоторые из указанных разногласий объясняются особенностями армянского и славянского переводов.

Как показала Т.Э. Саргсян: «о», стоящее в центре имени (Пролиса. — Авт.), в армянском оригинале дано двумя буквенными символами — “а” и “вюн”, которые в данной последовательности могут быть прочтены, как «о», так и «ав». Во втором случае чтения получим “Правлис”, что ближе к имени того же вояки из церковнославянской версии нашего жития — новгородского князя Бравлина»²⁹³. Вероятнее всего, Бравлин и Пролис (Правлис) — славянский и армянский варианты одного и того же имени, которое было помещено в греческом тексте.

Иные различия представляются более серьезными, из которых самые существенные:

1. Время нашествия Бравлина (Пролиса) и хронологическая связь этого события, на чем настаивает АЖ, с путешествием Анны. Более короткие промежутки времени армянский автор отмечает выражениями «в дни в те», «спустя дни», «спустя немного дней». В предложении: «И был в то время царь Вирхор...» слово «время» стоит в единственном числе. Имеется в виду, что царь Вирхор «был» тогда, когда вернувшийся из Константинополя Стефан Сурожский прославился своими предсказаниями. В предложении: «И был в то время святой Степанос лет семидесяти» слово «время» также в единственном числе. Оно стоит в единственном числе и в предложении «В то время благочестивая царица по имени Анна, выйдя из Шрсона...». Автор подразумевает, что царица Анна затеяла свою поездку лишь немного позже нашествия Пролиса. В предложении же «Спустя времена некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, и разрушил Керчь и страну его» использовано слово «времена» (множественное число). Следуя логике всего сказанного, можно заключить, что в данном случае подразумевается значительно больший промежуток времени, нежели в предыдущих эпизодах. Поэтому это надо понимать, что нашествие Пролиса имело место спустя длительный период после смерти Стефана Сурожского²⁹⁴.

2. Происхождение Бравлина (Пролиса). Главарь нападавших по АЖ происходит «из злого и неверного народа». Его русское и тем более новгородское происхождение (ЦСЖ) там вообще не упоминается.

3. Последовательность варварского нашествия. Враги по АЖ сначала захватывают Керчь, а не Херсон, как в славянском варианте. Это позволяет предполагать, что враги пришли с Азиатского Боспора?

4. Присутствие Филарета при крещении Бравлина. В АЖ этот момент опускается.

К настоящему времени в историографии превалирует мнение, что набег русских на Крым — историческая реальность²⁹⁵. Дискуссии, в основном,

сводились к проблеме: следует ли нападение Бравлина отождествлять с известным походом киевского князя Владимира в 988/989 гг.²⁹⁶, в некоторых редакциях в качестве исходной точки похода отмечен Киев²⁹⁷ (следует отметить, А. В. Карташев полагал, что Бравлин был выходцем из Неаполя (Новгорода)²⁹⁸ (позднескифское городище на территории современного Симферополя), а А.А. Якобсон считал, что Бравлин был тмутараканским князем²⁹⁹), или это было самостоятельное событие, действительно случившееся вскоре после смерти святого³⁰⁰.

Последнюю точку зрения на серьезном научном уровне первым попытался обосновать В.Г. Васильевский³⁰¹. Напомним, в результате анализа различных редакций Жития и других связанных с ним источников ученый пришел к выводу, что «Сказание о Бравлине» было создано в Византии не позднее второй половины X в., но ранее похода Владимира, и отражало реальное событие, случившееся максимум в 30-х гг. IX в.³⁰². Для аргументации своих выводов В.Г. Васильевский использовал следующие доказательства:

- источник акцентирует внимание, что рассматриваемое событие случилось «мало лет после смерти святого», а Стефан скончался не позднее конца VIII в.³⁰³;
- в сюжете фигурирует «архиепископ Филарет, очевидно — тот же самый, который и выше был упомянут в качестве ученика и непосредственного преемника Стефана»³⁰⁴. При этом Филарет Жития Стефана Сурожского, скорее всего, является тем самым «боголюбейшим отцом и архиереем господином Филаретом», о котором сообщает Феодор Студит в письме к архимандриту Готии (821–826 гг.)³⁰⁵.

Казалось бы, противоречить таким выводам должно то, что сразу за «Сказанием о Бравлине» следует последнее из зафиксированных Житием посмертных чудес Стефана Сурожского — «Исцеление Анны». Если следовать логике повествования источника, то нашествие Бравлина должно было случиться в период, близкий к походу Владимира (если, конечно, интерпретировать царицу Анну как сестру Василия II и жену Владимира Киевского). Понимая это, исследователь считал, что Анна — хазарская царица, дочь «керченского царя». А само прочтение ее имени в ЦСЖ ненадежно³⁰⁶.

В аргументации В.Г. Васильевского присутствуют слабые места:

- славянское Житие составлено не менее чем через 400 лет спустя после появления греческого оригинала (вернее, той редакции, на основании которой оно создавалось). Поэтому все хронологические привязки в нем, учитывая и жанр и характер источника, могут носить условный характер;
- имя Анна зафиксировано и в АЖ, поэтому иного варианта прочтения здесь быть не может;

- в славянском Житии присутствуют исторические и хронологические несоответствия, анализ которых был и проведен самим В.Г. Васильевским;
- рассматриваемый сюжет относится к чудесам, в истинности которых (кроме самого факта похода), сомневался и сам ученый³⁰⁷;
- Филарет — имя распространенное, соответственно присутствие нескольких архиереев с таким именем вполне реально. Упомянутый же в письмах Феодора Студита Филарет не мог быть преемником Стефана. После него в 787 г. Сугдейскую епархию возглавлял уже другой Стефан. Но даже если допустить, что этот священник второй раз занял сугдейский престол, то выявляются несоответствия. Даже если у Филарета в конце 60-х гг. (на момент рукоположения) был минимальный для епископа возраст — 35 лет, то в 821 г. (минимально возможная дата написания письма Феодора Студита готскому архимандриту) ему должно было быть как минимум 86 лет. Феодор Студит прямо не указывает, кто был его корреспондентом: «для этого мы вынуждены были послать письмо и боголюбейшему отцу и архиерею господину Филарету»³⁰⁸. Таким образом, все рассуждения об отождествлении этого Филарета с Филаретом Сугдейским основаны только на тождественности имен³⁰⁹;
- современные наблюдения за стратиграфией культурных напластований Керчи, Судака, Херсона и других памятников Восточного и Южного Крыма не фиксируют никаких следов вторжений конца VIII – первой половины IX в., которые, несомненно, имели бы место, учитывая отмеченную Житием масштабность акции.

Таким образом, поход Бравлина в Крым в первой половине IX в. не находит подтверждения в иных источниках.

Конечно, историографическая традиция не позволяет полностью исключать факта русского нашествия в Крым в конце VIII–IX вв. Например, Кубасовский хронограф и поздняя Новгородская летопись сообщают, что рассматриваемое событие свершилось в 851/852 гг., в царствование византийского императора Михаила III³¹⁰. По Житию Георгия Амастридского, нападения Руси на византийские провинции предпринимались уже в первой половине IX в. В.Г. Васильевский датировал данный источник вторым иконоборческим периодом³¹¹. Х. Лопарев определял дату написания Жития — около 865 г.³¹² С В.Г. Васильевским соглашался И. Шевченко³¹³. Эту точку зрения поддерживают и большинство современных отечественных авторов³¹⁴. Правда, необходимо учесть, что, по мнению ряда исследователей, отрывок этого агиографического произведения о нападении Руси на Амастриду несет в себе следы влияний гомилий патриарха Фотия. «Это оз-

начает, что-либо житие написано после нападения 860 года, либо какой-то более поздний редактор внес в него интерполяцию под влиянием прочитанного у Фотия»³¹⁵. Также в историографии присутствует мнение, что рассматриваемый сюжет появился в Житии только после его переработки Симеоном Метафрастом³¹⁶, а само нашествие есть отражение похода Игоя в 941 г.³¹⁷.

В 860 г. какие то росы совершили поход на империю и оказались у стен Константинополя. Правда, затем сняли осаду и ушли³¹⁸. При этом после указанных событий в византийских источниках отсутствуют всякие упоминания о Руси до начала X в.³¹⁹

Как отмечалось нашими предшественниками, описания нашествия Бравлина на Сурож очень напоминает нашествие россов на Амастриду из Жития Георгия Амастридского³²⁰. Правда, еще С.М. Соловьев показал, что здесь нет прямого заимствования³²¹. Схожим является только общая канва повествования: святой покровитель наказывает варваров-язычников, захвативших город и потревоживших его мощи. Детали во многом разнятся: Стефан заставляет Бравлина креститься, Георгий только требует от варваров не трогать христианские святыни; Стефан обездвигивает главаря и насылает на того, судя по всему, приступ эпилепсии, Георгий парализует войско, не трогая предводителя.

Вероятно, перед нами традиционные сюжеты — наказание варваров за причиненные ими страдания христианам и осознание истинности христианства через чудесное избавление от болезни. Наконец вспомним, что по «Повести временных лет» после захвата Херсона и приезда Анны «По Божественному Промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: “Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же ты не крестишься, то не избудишь недуга своего”. Услышав это, Владимир сказал: “Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский”. И повелел крестить себя. Епископ же Корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: “Теперь узнал я истинного бога”»³²².

Вероятно, стоит признать безосновательной попытку отождествления Бравлина с Владимиром Киевским³²³: военные действия тогда велись исключительно вокруг Херсона и Восточный Крым не затронули; агиограф не связывает между собой сюжеты о Бравлине и Анне (кроме указания АЖ о хронологической близости событий); непонятно, как князь, славянское и христианское имя которого хорошо было известно и в Византии, и на Руси, превратился в Бравлина, при этом автор знает Анну и не знает Владимира?

Армянский, более достоверный в крымской части и близкий к оригиналу вариант Жития, не содержит никаких оснований для датировки похода Бравлина — Пролиса первой половиной IX в. и не связывает нападавших с Русью. Учитывая, что чудо с «исцелением Анны» следует сразу за «сказанием о Бравлине-Пролисе» с пояснением «в то время», можно с некоторой долей уверенности предполагать, что оба этих события относятся к приблизительно одному времени.

Ю.М. Могаричев, пытаясь найти подтверждение «нашествию Бравлина» в других источниках, обратил внимание на «Кембриджский аноним». В нем среди прочего повествуется, что в ответ на захват, по наущению византийцев, русским князем Олегом С-м-к-рая (Тмутаракани), хазарский военачальник Песах начал войну с византийцами на территории Крыма, вероятно, в 920–940-х гг. (подробнее см. Разд. 9.1). Несмотря на очевидную схожесть описаний этих двух походов на Крым³²⁴, необходимо признать, что все гипотезы о личности Бравлина и времени его нашествия на Таврический полуостров, было ли это реальное событие или плод фантазий составителя агиографического произведения³²⁵, до обнаружения подробного греческого Жития, скорее всего, останутся недостаточно аргументированными.

Не менее «проблемной» личностью, чем Бравлин-Пролис, является загадочная Анна, которая благодаря святому Стефану Сурожскому чудесным образом излечилась во время путешествия из Херсона в Керчь. АЖ называет ее «благочестивой царицей по имени Анна»³²⁶, ЦСЖ определяет ее также как царицу, при этом название 32-й главы звучит «О исцелении царицы корсуньской». Напомним мнение В. Г. Васильевского по ее поводу: «... трудно найти какую-нибудь другую Анну, которая была бы царицей и притом имела бы несомненный исторически-известный случай посетить Крым не позднее конца X века, кроме византийской царевны, выданной за Владимира Русского ... не разумеется ли тут просто хазарская царица – другая по отношению к той, которая раньше была названа дочерью керченского царя? Наконец само чтение Анна, как видно из вариантов, не вполне надежно»³²⁷. Ф. Вестберг писал: «Если керченский наместник великого кагана величается в русском Житии “царем”, то под царицею корсунскою следует понимать супругу хазарского наместника в Корсуну»³²⁸. С.Б. Сорочан считает Анну супругой стратига фемы Херсон³²⁹. Однако с середины XIX в. превалирует мнение, что Анна Жития Стефана Сурожского — супруга Киевского князя Владимира и сестра византийского императора Василия II³³⁰.

Как местная, так и константинопольская гипотеза имеют больше слабых мест, чем аргументов за. Если наша Анна действительно Анна Киевская, почему ее называют царицей, ведь она таковой не была. Хотя, вспом-

ним, что Повесть временных лет называет ее именно царицей³³¹. Известно, что все события, связанные с ее замужеством, развивались вокруг Херсона. Что она делала в Керчи и почему путешествовала по суше, а не традиционно морем? Куда делся Владимир, о котором молчит источник? Если она жена какого-то местного правителя, почему источник этого не объясняет, да и могла ли в таком случае она называться царицей?

АЖ позволило устранить некоторые спорные моменты, которые возникали при прочтении ЦСЖ. Этот персонаж действительно зовут Анна. Она действительно царица (թառնիհ [t'aryhi] — царица, королева, государыня³³²). Более того, в АЖ она названа благочестивой. Последнее исключает возможность ее замужества как за хазарским царем, так и за хазарским наместником. Ее путешествие состоялось приблизительно в одно время с нашествием Бравлина – Пролиса. К сожалению, источник не поясняет нам, кто такая эта Анна, в итоге это единственный персонаж Жития, о котором кроме имени и статуса мы ничего не знаем. С той же позиции, что и Анну, источник подает только исторических деятелей, которые были хорошо известны — императоры и патриархи. Например, в чудесах, где и помещен рассказ об Анне, о других персонажах мы знаем некоторые подробности: Вирхор — хазарский царь, отец императрицы Ирины; Георгий Тархан — князь Сугдеи, Филарет — дьякон, рукоположенный Стефаном в священники и преемник Стефана, Ефрем — инвалид-сугдеец, излеченный святым, Бравлин-Пролис — главарь варваров, напавших на Сурож. И только об Анне нет никаких пояснений. Единственный вывод, который может быть сделан в этой ситуации: Анна была настолько известна, что пояснять, кто она такая, не было никаких надобностей, т.е., скорее всего, действительно царицей. Причем текст составлялся именно тогда, когда о ней еще хорошо помнили.

Конечно, можно предположить, что наша Анна не сестра Василия II, а другая византийская царица с этим же именем. Однако, как справедливо заметил В.Г. Васильевский, нет ни одного даже косвенного свидетельства о присутствии в Крыму царицы Анны, кроме жены киевского князя. Таким образом, в отношении «царицы Анны» приходится сделать тот же вывод, что и в отношении «нашествия Бравлина», — до обнаружения подробного греческого Жития мы, скорее всего, не сможем реально продвинуться в решении этой проблемы.

Вряд ли можно однозначно ответить, действительно ли в греческом тексте, как и в ЦСЖ, упоминалась местность «на Черней воде», где Анна «разболелась смертным недугом среди пути». АЖ название этой местности вообще опускает. Конечно, на территории Крымского полуострова можно найти такое название. Напомним, этот термин встречается еще в

Not. III. Нам представляется, что если не будут обнаружены дополнительные эпиграфические или сфрагистические источники, вряд ли данная проблема может быть успешно решена.

Когда настоящая работа была уже завершена, к защите в МГУ им. М.В. Ломоносова была представлена кандидатская диссертация М.Ю. Андрейчевой «Образы иноверцев в Повести временных лет». Автор, как нам представляется, достаточно убедительно продемонстрировала, что на ряд сюжетов ПВЛ оказало влияние Житие Стефана Сурожского: «Текстологический анализ обнаруженных в ПВЛ семантических и текстовых параллелей с Житием святителя Стефана Сурожского показал, что последнее явилось источником летописи. По всей видимости, летописец опирался на греческий оригинал Жития. Вставки из него использовались в ПВЛ при создании ряда образов: в описании изгнания Перуна — подробности мучения святителя Стефана от рук иконоборцев; в рассказе о крещении киевлян — история о том, как император Лев принуждал византийцев отвергнуть иконы; в изображении миссионерской деятельности князя Владимира — сведения о миссии свят. Стефана среди херсонитов. Эти выводы также служат дополнительным подтверждением ранее высказанных исследователями предположений о том, что на летописное свидетельство о крещении и женитьбе князя Владимира оказали влияние житийные сказания: рассказ о нападении на Сурож князя Бравлина и история исцеления царицы Анны»³³³.

8.3. Жития Херсонских епископов в контексте истории Крыма VIII – IX вв.³³⁴

О первых Херсонских св. епископах сообщают их Жития, повествующие о появлении в городе первых христианских миссионеров и утверждении учения Христа в Херсонесе³³⁵.

Они сохранились в нескольких версиях. Рукопись № 376 — **Гр. 376**; Рукопись № 296 — **Гр. 296**; Патмосская рукопись — **ПР**; Супрасльская рукопись — **С**; Макарьевская минея — **М**³³⁶; Грузинское Житие — **ГЖ**; Армянское Житие — **АЖ**³³⁷; Минологий Василия II — **МВ**³³⁸; Синаксарь Константинопольской церкви по Сирмондской рукописи — **S, Sa**³³⁹; Синаксарь Константинопольской церкви — статья пресвитера Иоанна — **D**; Синаксарь Константинопольской церкви — статья монаха Кирилла — **N**; Русско-церковнославянский пролог из Макарьевской минеи — **РПМ**; Неоконченное Житие из Макарьевской минеи — **ЖМ**; Статьи из Списка графа Уварова — **СУ**³⁴⁰; Грузинский синаксарь — **ГС**³⁴¹. В 2013 г. А.Ю. Виноградов издал еще один греческий текст, освещающий деяния последнего из череды миссионеров — св. Капитона (по cod. Athen. gr. 2108 (XII в.))³⁴².

Таким образом, в настоящий момент известно 23 варианта этого агиографического произведения: греческие (10 текстов), церковнославянские (9 текстов), армянские (2 текста), грузинские (2 текста).

Наиболее ранние – это S и MB, датирующиеся в пределах конца X – первой четверти XI в. Вероятно, эти синаксарные сокращения сделаны на основе одного или разных, но близких пространных житий «ефериевской» традиции (см. далее). Переводами с них, вероятно с MB, являются СУ и РПМ.

Сходны между собой N (XI в.) и D (XII в.), хотя они отличаются и объемами, и своими лексическими формами. Скорее всего, что это две редакции одного и того же прототипа, сокращенного по-разному двумя различными редакторами. Вероятнее всего, D явился основой для латинского Жития и греческих служебных миней. К последним восходит Гр. 296. На основе общего с N и D текста был сочинен ГС. Изданное А.Ю. Виноградовым «Чудо св. Капитона» помещено в рукописи XII в.

Гр. 376 — литературная обработка греческого энкомия с риторическими украшениями

С и М — два разных церковнославянских перевода, вероятно XI в., выполненные с двух очень близких, но все-таки отличных друг от друга то ли списков, то ли редакций одного греческого текста (вероятно энкомия). Особенностью славянских переводов является точное воспроизведение текста оригинала без серьезного редактирования. Поэтому в них сохранились практически все подробности и названия, которые присутствовали в греческом оригинале. Конечно, славянский переводчик не всегда понимал, что означают те или иные термины, не был знаком с историческими и географическими реалиями, отраженными в тексте. Но при этом старался все передать, насколько позволял его переводческий уровень³⁴³.

ПР — образец агиографической беллетристики XIV в., тем не менее, в некоторых деталях он точно передает особенности первоисточника литературной обработки, нередко более буквально, нежели древнейшие пространные жития.

АЖ — особая армянская редакция конца XIII – начала XIV вв. греческого Жития, близкого к Житию, ставшему прототипом ГЖ. ГЖ, хоть и дошло до нас в рукописи XVI в., все же является переводом более раннего варианта, восходящего к минологии Иоанна Ксифилина (вторая половина XI в.).

Сюжет Житий Херсонских епископов в различных текстах во многом сходен. Однако имеются и выраженные отличия. Отчетливо выделяются две традиции: «ефериевская» и «капитоновская». Первая предполагает, что именно Еферий нанес основной удар по местным язычникам, и, соответственно, именно этому святому принадлежит основная заслуга в победе христианства в городе. Капитон же лишь продолжил дело Еферия и «забил

последний гвоздь в гроб херсонского язычества». Согласно второй, Еферий умирает на пути к своей пастве, и основная работа по окончательной христианизации Херсона легла на плечи Капитона. Последняя традиция представлена в Гр. 376, М, С. Остальные пространные и все синаксарные тексты отражают «ефериевскую» линию.

По нашему мнению, первоначальная редакция источника выглядела следующим образом: во время, когда во главе Римской империи находился Диоклетиан (возможно, в 16-й год его правления — около 300 г. н.э.), иерусалимский епископ Ермон делегирует двух епископов-миссионеров для проповеди христианства: Ефрема — в Турцию (вероятно, под этим следует понимать Причерноморские степи), а Василия — в Херсон. Василий, начав нести слово Божье в городе и ощутив сопротивление и притеснения язычников (вероятно, был даже избит), укрывается в некой пещере Парфенон на его территории. По просьбе одного из «первых» людей города и его жены, которых умерший сын, явившись в сновидениях, «направил» к святому, преподобный с помощью обряда Святого Крещения воскресил юношу. Присутствовали при этом и некие помощники святого. После совершения чуда родители (а возможно, и другие родственники) также были крещены. Однако против епископа восстали язычники. Они пришли к пещере, нашли там святого, привязали за ноги и, проволочив по улицам города, выбросили через Святые ворота, расположенные в западной части Херсонеса. На месте гибели мученика впоследствии был установлен столб с крестом.

Некий ученик Василия отправился в Геллеспонт и нашел там трех миссионеров Елпидия, Евгения и Агафодора, которые также были посланцами Иерусалима. Узнав о судьбе Василия, они отправились в Херсон. Здесь их обрекли на мученическую смерть эллины. Несчастных тащили по улицам, избивая палками и камнями. Тела замученных выбросили за пределы города с восточной стороны, вероятно, через Мертвые ворота.

Спустя непродолжительное время после смерти Елпидия, Евгения и Агафодора Иерусалимский престол прислал херсонитам Еферию. Епископ прибыл в город и увидел, что местные жители жестокосердны и их трудно приобщить к христианству. Узнав, что императором стал Константин Великий, Еферий отплыл в Константинополь и доложил правителю о ситуации

Рис. 3.7. Херсонские епископы.
Современная икона

в Херсоне. Константин направляет в город военный контингент, который выселил из города всех язычников и вместо них поместил христиан. Ефений, построив церковь, отправился в Константинополь, поблагодарил императора и на пути домой ветром был занесен на остров Алсос, прилежащий к реке Днепр, где и умер.

Узнав о кончине своего епископа, херсониты обращаются уже к императору Феодосию Великому (379–395 гг.) с просьбой прислать им нового предстоятеля. Тот направляет туда Капитона в сопровождении пятисот воинов. Прибыв в город, преподобный начинает проповедь и для живущих в городе христиан, и для обитавших в округе язычников-изгнанников. Он мирит две партии, язычники входят в город, и Капитон пытается склонить их к принятию христианства. Те требуют доказательства истинности новой религии и предлагают миссионеру войти в печь для обжига извести, которая предназначалась для строительства храма. Капитон соглашается, но просит язычников отдать в залог их детей. После передачи заложников римским солдатам преподобный входит в печь и через час выходит невредимый. Затем епископ крестит всех жителей. По его просьбе император оставляет в городе присланный вместе с ним из Константинополя воинский отряд во главе с Феоной, им отдается на поселение восточная часть Херсона. Умирает Капитон, прожив долгую жизнь и совершив ряд благих дел³⁴⁴.

Датировка. Рассматриваемый источник нельзя относить к древним агиографическим произведениям, так как «в ранней агиографии мотив миссионерства совершенно не встречается»³⁴⁵. Первый исследователь Житий В.В. Латышев полагал, что они не могли быть составлены ранее VII в. Основание — упоминание термина «Туркия» как места проповеди епископа Ефрема. Верхней хронологической границей появления Житий он считал начало IX в.: в службу епископов Херсонских входил канон авторства Иосифа Гимнографа. Последний находился в ссылке в Херсоне в период правления Феофила (см. Разд. 8.4). Следовательно, к этому времени Жития уже были составлены³⁴⁶.

Обратим внимание на некоторые особенности источника.

1. Отсутствие посмертных чудес. Нет никаких оснований предполагать, что они были в протографе, а затем изъяты поздними редакторами. Дошедшие до нас редакции достаточно полные и выглядят логически завершенными. Даже если принять во внимание известную в историографии самую раннюю дату создания источника (конец V – начало VI в., по А.Ю. Виноградову³⁴⁷), то от описываемых событий автора отделяло не менее ста лет. И если бы до создания Житий в городе существовала традиция почитания первых епископов, сохранились бы хоть какие-нибудь посмертные чудеса.

Также источник ничего не знает о мощах святых. Создается впечатление, что «святые епископы Херсонские» были занесены в город «искусственно», по крайней мере, к моменту создания агиографического произведения о них ничего не знали, и автор протографа и последующие редакторы не могли «предъявить» горожанам реальные посмертные чудеса, в которые они бы поверили.

Тексты редакций не показывают и не «доказывают» существования в городе развитой традиции почитания святых Херсонских епископов. М и С, отразившие херсонские реалии, говорят о сохранившемся названии «Феонин город», о существовании церкви Петра, Малого Торга, Парфенеона, но не сообщают ничего конкретного, связанного с укоренившимся почитанием святых епископов. Отметим, даже нет упоминания о поклоне-нии могиле Капитона, хотя тот скончался в городе после победы христианства, и естественно, что место его захоронения, по крайней мере, должно было быть известно. Аналогичная ситуация и с другими святыми. О месте погребения Василея, трех геллеспонтских епископов сообщается приблизительно. Василей был захоронен где-то недалеко от западной стены, что же касается Евгения, Агафодора и Елпидия, то источник сообщает, что их тела выбросили с восточной стороны города, и христиане ночью их погребли без указания даже приблизительного места. И никакого намека, что автору Жития эти места были известны. Единственное точное указание на традицию почитания Василея — упоминание об установлении столба с крестом на месте его гибели. Однако обратим внимание: этот столб поставили «ныне» (С., Гр. 376). Т.е. столб на момент написания Житий был новоделом, и, похоже, автор сам был свидетелем данного события. Другое, не менее приблизительное сообщение — строительство храма Петра рядом с купелью, где Капитон крестил херсонцев. Т.е. сохранившиеся версии Житий не сообщают ничего конкретного о развитой на тот момент традиции почитания мест, связанных с деятельностью епископов. А ведь было бы логичным, что на месте погребений святых и совершения ими чудес должны были быть построены церкви или, по крайней мере, эти места должны были привлекать паломников. Ничего этого в Житии нет. Все относительно реальное современно автору и в большей степени указывает на начало формирования традиции поклонения херсонским святым в тот момент. Последнее естественно, раз составлялись Жития, значит, и «находились» места, связанные со святыми.

В подтверждение вышесказанному обратим внимание на отсутствие указаний на поклонение херсонским епископам (или их мощам) в иных письменных источниках и противоположную ситуацию с другими святыми, связанными с Херсоном.

В Житии св. Элигия (VII в.) упоминается усыпальница Мартина I, «которая как на Востоке усиленно посещается, так и Западом не предаётся забвению». О мавзолее «блаженного Мартина» сообщает и папа Григорий II в письме к Льву III Исавру³⁴⁸.

Вспомним также круг источников, повествующих об открытии в окрестностях Херсона мощей папы Климента: Пространное Житие Константина Философа, Письмо Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху, Итальянская легенда, Слово на перенесение мощей св. Климента, отрывок из произведения Феодосия «О местоположении Святой Земли».

Понимая, что источники являются косвенными, все же отметим, что ни в одном из них нет никакого намека на поклонение в Херсоне первым епископам-миссионерам или их мощам. С другой стороны, как уже отмечалось, в средние века знали и почитали место захоронения папы Мартина, существовала традиция почитания мощей и места мученической гибели св. Климента³⁴⁹. Указанное подтверждает и Повесть временных лет: «... После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его (выделено нами. — Авт.), взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуні на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и донныне»³⁵⁰.

2. Сведения Житий Херсонских епископов вступает в противоречие с сообщением другого хорошо известного источника, а именно с главой 53 «Повествования о крепости Херсон», помещенной в сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей»³⁵¹. Последнее является, скорее всего, выборкой из херсонских хроник³⁵². Оба произведения повествуют фактически об одном и том же — истории Херсона времен Диоклетиана и Константина³⁵³. И в Житиях и в «Повествовании» события начинаются в период правления Диоклетиана и заканчиваются при Константине. Мы не будем анализировать рассказ Константина на предмет достоверности сообщенных в нем фактов³⁵⁴, это не влияет на результат наших выводов. Отметим, что это повествование христианина³⁵⁵. Так, горожане, воздвигнув статуи Гикий, «описали все совершенное ею с помощью божией (выделено нами. — Авт.) благодеяний для горожан»³⁵⁶. Но времена и порядки там описываются исключительно языческие. В честь той же Гикий горожане устанавливают «две медные статуи» (с. 271), а не церковь, «когда она (Гикий. — Авт.) была еще жива, в месте, которое ей понравилось, они поставили ее гробницу, воздвигли еще медную статую» (с. 273), горожане ежегодно празднуют «день памяти Ламаха» (с. 261 — 263) и т.д. При этом автор-христианин ничего не знает ни о св. Василее, оживившем сыне первенствующего, ни об издевательствах горожан над христианскими

миссионерами, ни о чуде Капитона, ни о присылке Константином Великим отряда для утверждения христианства. А ведь судя по Житиям, все это происходило в одно и то же время и в одном и том же месте. В «Повествовании о крепости Херсон» повествуется о благодеяниях Константина по отношению к херсонитам: «Поскольку и ныне вы добросовестно трудитесь ради нас, как и при благочестивых предках нашей божественности, то и мы, утверждая права свободы избавления от налогов, уже данные вам в стране ромеев нашей царственной данью, жалуем вам также золотое изваяние с царской мантией и застежкой и золотой венец для украшения вашего города вместе с нашим документом о свободе и избавлении от налогов и вас, и ваших судов» (с. 253–255). Но это совсем иное, чем версия Жития. Более того, по агиографическому источнику Константин Великий направляет в Херсон войска из Константинополя, и они там остаются. По версии Парфиногенета, херсониты помогли императору воинским контингентом, за что и получили привилегии. Как бы ни пытались современные исследователи объяснить указанные противоречия³⁵⁷, несомненно следующее: ни христианский редактор «херсонского рассказа», ни Константин Багрянородный ничего не знали ни о епископах-мучениках, бывших в Херсоне во времена Диоклетиана и Константина I, ни о присылке войск в город Константином, ни вообще о христианах в Херсоне в это время. А следовательно, можно определенно утверждать, что они ничего не знали о Житиях епископов Херсонских. Христиане не играли ведущую роль в Херсоне и при ближайших преемниках Константина. А.И. Айбабин справедливо подметил, что опирающийся на язычников узурпатор Прокопий после провозглашения императором Валента в 364 г. не случайно пытался укрыться именно в Херсоне³⁵⁸. «Херсонский рассказ» служит для Константина Багрянородного прелюдией к основной идее данной главы — как бороться с возможным сепаратизмом херсонцев³⁵⁹. И здесь, например, история с Капитоном, присланным с войсками из Константинополя и утвердившим христианство в городе, была бы кстати.

3. Почему епископом Херсонским назван Ефрем, ведь кроме того, что он был послан с Василеем в географически близкий регион, с городом его связать нельзя. В ранних текстах отсутствуют всякие иные подробности, кроме того что он был отправлен вместе с Василеем и местом его миссионерской деятельности названа Туркия (Скифия). Нет объяснения, почему Ефрем в заглавиях большинства вариантов Житий выступает как мученик херсонский. Еще В.В. Латышев обратил внимание на указанное противоречие, но убедительной интерпретации так и не нашел³⁶⁰.

Как полагает С.А. Иванов, возможно, наш Ефрем имеет некое отношение к упоминаемому в ряде синаксарей под 10 ноября загадочному «Эфре-

му, исповеднику и епископу Гунии»³⁶¹. Однако источники не сохранили об этом святом никакой информации. С херсонским Ефремом его сближает епископство в «Гунии». Этнонимы «гунны», равно как и «турки», часто использовались для обозначения венгров. Также Ефрем «Гунии» обозначен как исповедник, что более отвечает нашим знаниям о нем. Однако пока не будут найдены дополнительные материалы, позволяющие пролить свет на возможную общность двух Ефремов, данная версия остается хоть и перспективным, но осторожным предположением.

Только поздние авторы попытались каким-то образом привязать Ефрема к Херсону. Это отчетливо нашло отражение в Гр. 296. «Посланы были эти семеро богоносных отцов и блаженных Гермоном, святейшим епископом Иерусалимским, в страну Тавроскифов: Ефрем, раб (божий?), — в Скифию, и Василей — в Херсон. И достигнув (мест назначения) благовестили в публичных домах и на торжищах господ нашего И. Х., истинного бога, говоря: “И идолы, и огонь, который почитаете, бездушные суть и бесчувственные”. Схваченные неверными, были сильно биты, и были очень разодраны тела (их), и из города они ушли». После воскресения Василеем юноши «Те же, которые еще были в безверии и в ослеплении ума, движимые великим гневом, по улицам волокли их на канатах, привязанных за ноги и за руки. И так долго влачимые, пока тела их не были разодраны о камни, они предали души их богу». Кроме того стих, помещенный перед текстом, сообщает: «Ефрем ликует, склоняясь для усекновения (головы). Ефрема-архиерея в седьмой (день) меч посек»³⁶². Практически те же фразы присутствуют в ЖМ: «Ефрем радуется, преклонив себя таковому мечу. Ефрема архиерея в седьмой (день) меч посек»³⁶³. Т.е. только в XVI в. Ефрем «проявляется» как сподвижник Василея в Херсоне. Позднее эту традицию развил Дмитрий Ростовский: «Двое из этих епископов, Ефрем и Василий, пришли в страну тавроскийскую и здесь, в городе Херсоне, оба трудились некоторое время, проповедуя истинного Бога не ведающему Его народу и просвещая помраченных тьмою еллинского идолослужения. Затем святой Ефрем, оставляя жителей Херсона святому Василию, пошел к скифам, жившим по Дунаю, проповедью своею обращал там многих к Христу и, претерпев довольно скорбей и трудов в благовестии Христовом, в седьмой день марта был обезглавлен»³⁶⁴.

Сторонники гипотезы раннего времени создания источника полагают, что термин «Туркия» появился в поздних редакциях, а место проповеди Ефрема первоначально обозначалась как «Скифия»³⁶⁵.

Рассмотрим использование названий «Туркия» и «Скифия» (рассказ о Ефреме) в различных версиях Житий Херсонских епископов (табл. 1).

Как видим, в источниках представлены два варианта места проповеди Ефрема — Туркия (в различных написаниях) и Скифия.

Несомненно, что в церковнославянских рукописях подразумевается именно Туркия. «Тирикийские страны» в М скорее всего являются следствием или порчи текста в греческом образце, или незнания славянским переводчиком значения термина «Туркия» (в славянских рукописях XI в. он не употреблялся). В С непонятный термин был заменен на универсальный — «Поганские страны». Автор РПМ, имевший в качестве образца для перевода МВ и скорее всего знакомый с византийской агиографической (исторической?) литературой, заменил Туркию на известный славянам этноним «Угры», а сербский редактор УС использовал знакомый ему термин «венгры».

Таблица 1

источник	Место проповеди Ефрема
Гр. 376	«в области Турции»
М	«в страны Тирикийские (Тюрикийские – Волоколамская минея, Тирийские – Милютинская минея)
С	«в страны поганые»
АЖ	«Т'урк'астан»
МВ	«Туркию»
РПМ	«к уграм»
УС	«венграм»
Гр. 296	«в страну Тавроскифов: ... в Скифию»
ПР	«в страну Тавроскифов или Херсонитиду ... в страну Тавроскифов, смежную Херсону»
S	«в Скифию»
D	«в страну Тавроскифов ... в Скифию»
N	«в страну Тавроскифов ... в Скифию»
ЖМ	«в Скифию»
ГС	«в страну тавроскифов и Скифию»

Интерпретация места миссионерской деятельности Ефрема как «Скифия» вероятно восходит к Синаксарю Константинопольской церкви, все тексты из него говорят только о Скифии. Это даже позволило ряду румынских и болгарских авторов отнести Ефрема к мученикам и епископам епархии с центром в Томах³⁶⁶. Известно, что в результате административной реформы Диоклетиана (около 284 г.) была создана провинция Скифия, включающая современную центральную и северную Добруджу³⁶⁷. Из этого синаксаря оно попало и в греческие служебные минеи. Отметим, текст в D близок к изложению Житий Херсонских епископов по греческим минеям.

Рассматриваемые два варианта интерпретации места миссионерской деятельности Ефрема датируются приблизительно одним хронологиче-

ским периодом: Туркия в МВ, а Скифия в S. Поэтому нет оснований говорить об их временных различиях.

Рис. 3.8. Херсонские епископы. Из греческой минеи Михаила IV (1034–1041 гг.)

Скорее всего, здесь речь идет не о двух традициях, а о восприятии византийскими авторами одного и того же понятия. Авторы и переписчики, которые руководствовались историческими реалиями, использовали действительно существующие или существовавшие термины. Отсюда Туркия, Венгры, Угры. Авторы, которые основывались на литературной традиции, использовали и термины, принятые там. Как известно, часто в византийской религиозной литературе Северное Причерноморье, по аналогии с античным периодом, называли Скифией³⁶⁸. Возможно, также эта традиция восходит корнями и к «Посланию к Колоссянам» апостола Павла: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3.8–3.11). Скиф здесь — обозначение «дикаря», живущего за пределами империи³⁶⁹.

Вспомним, патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) обозначает Черное море именно как «Скифское»: «Было когда-то Негостеприимным Скифское море. Ибо пожирало — ужасно это услышать — иностранцев, плывущих по нему. Милетцы человеколюбием и кротким поведением смягчили звериный и варварский нрав и превратили его (море) в Гостеприимный»³⁷⁰. Патриарх Никифор в своем «Бревиарии» называет одного из чиновников — архонт Скифского Боспора (см. подр.: Гл. 6)³⁷¹.

Упоминание страны Тавроскифов, очевидно, как и Скифии, есть отражение византийской литературной традиции. Тавроскифы или скифо-

тавры – термин, который иногда применялся для обозначения населения позднескифского царства. Его использовали Плиний, Птолемей, Арриан, Юлий Капитолин и некоторые другие позднеантичные авторы³⁷². Боспорский правитель Рескупорид III (210/211–226/227 гг.) называл себя царем всего Боспора и тавроскифов³⁷³. Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» (ок. 560/561 гг.) сообщает: «что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю Римской державы»³⁷⁴. Отметим, ближайшая аналогия «стране (земле) Тавроскифов» Житий Херсонских епископов присутствует в другом «крымском» агиографическом произведении — Житии Иоанна Готского: «Сей преподобный отец наш Иоанн был епископом Готфии при царях Константине и Льве, происходя из земли Тавроскифов, что за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов».

А.Ю. Виноградов попытался доказать, что в протографе стояла именно «Скифия»³⁷⁵, а «Туркия» появляется в переработанном варианте, который представлен «только семьей IM» — Гр. 376, М, С (по нашей классификации). Однако почему-то автор забывает о Туркии в МВ, который никак нельзя соотнести с «семьей IM». Также «Т'урк'астан» фигурирует в АЖ, которое также не имеет никакого отношения к «семье IM»³⁷⁶. В основе последнего лежало несохранившееся Житие, близкое к ГЖ.

Таким образом, в первоначальном варианте Житий место миссионерской деятельности Ефрема действительно было определено как Туркия. «Скифия» — дань византийской религиозной литературной традиции. Употребление названия Туркия (турки) действительно может указывать на нижнюю хронологическую границу появления источника, однако не на конкретную дату. Отметим, что данный термин появляется в византийских источниках со второй половины VI в. и применяется по отношению к хазарам, венграм и некоторым другим тюркским народам в IX–X вв. и в более позднее время³⁷⁷. Например, Константин Багрянородный турками называет венгров³⁷⁸.

Что касается возможной верхней хронологической границы составления Житий, то в свете современных представлений, время ссылки Иосифа Гимнографа в Херсон можно определить в пределах между 858 гг. и концом 60-х гг. IX в., возможно 867/868 г. (см. Разд. 8.4).

Таким образом, приходим к выводу: первоначальное Житие епископов Херсонских могло быть составлено в широких пределах в период между концом VI – началом VII вв. и концом 60-х гг. IX в.

Попытаемся сузить эту дату. Несомненно, что автор первоначального варианта Житий работал над составлением своего произведения спустя длительное время после описываемых им событий. По Гр. 376. «с тех пор

и доселе (места) близкие к храму апостола Петра именуются “Феониной стороной”». «... И до (нынешнего) дня прилегающая (часть города) от (церкви) первого и верховного апостола Петра именуется Феонино» — С. «Окрестности храма апостола Петра жителями города и до сего дня называются местами Феоны» — ГЖ. Как видим, осознание этого присутствует в разных рукописях, как «ефериевских», так и «капитоновских». Отсюда следует вывод, что в указанные редакции оно пришло из протографа. Следовательно, уже составитель древнейшего варианта определял, что описываемые им события случились задолго до создания произведения.

По нашему мнению, в тексте источника можно найти ряд моментов, позволяющих установить более узкую дату его написания.

В сюжете «Воскресение отрока Св. Василеем» особо указывается: когда умер сын местного «старейшины», его «погребли вне города» — М, С, Гр. 376, намек в ПР. Учитывая, что все указанные версии основывались на разных рукописях, т.е. все основания предполагать, что такой акцент был расставлен и в протографе. Автор особо отмечает факт захоронения вне города, что для него выглядит в диковинку или, как минимум, странным. На погребение вне Херсона эти же рукописи обращают внимание и в сюжетах о смерти Василея и о последующих трех его преемниках.

Известно, что в позднеантичный — раннесредневековый период захоронения горожан совершались исключительно за пределами городских стен. Поэтому если бы источник составлялся в период описываемых событий, т.е. функционирования только загородных некрополей, на это бы никто не акцентировал внимание. Погребение за пределами города было естественно и не требовало какого-то дополнительного пояснения. Отметим, источник обращает внимание, не на каком из некрополей похоронили ребенка, а именно на самом факте погребения вне города. Поэтому можно с определенной долей уверенности предполагать, что протограф составлялся тогда, когда уже хоронили и внутри города, и за его пределами.

Греко-римская традиция предполагала захоронения только за пределами городских стен. Ей следовали и после того, как христианство стало государственной религией. Данное правило было закреплено законами Адриана, Диоклетиана, Феодосия и последующих императоров, вплоть до VI–VII вв. Первое внутригородское кладбище в Риме появляется только около 619 г.³⁷⁹ Даже во время чумы 542 г. в Константинополе, при массовой смертности, все же хоронили за пределами города, и лишь во время пандемии 40-х гг. VIII в. такие захоронения появились внутри города³⁸⁰. Едва ли провинциальный Херсон опережал эти тенденции. Законодательно разрешалось совершать погребения внутри города только в специальной новелле Льва VI (866–912 гг.): «... согласно с появившимся обыкновени-

ем, всякий, кто, где захочет – вне или внутри городских стен, там и сможет свободно почтить погребением умершего»³⁸¹. Как видим, данная новелла закрепляла уже существующую традицию.

Отметим, ссыльный Папа Мартин I, умерший в Херсоне 16 сентября 655 г., был похоронен в «некрополе святых... в прекрасном доме Девы Марии, именуемой Влахернской, за стенами, на расстоянии стадия от благословенного города Херсона»³⁸².

Обратим внимание на два специальных исследования, посвященные средневековым некрополям Херсона. Это Глава 10 «Смерть в Херсоне» капитального труда С.Б. Сорочана «Византийский Херсон»³⁸³ и монография М.В. Фомина «Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.)»³⁸⁴, являющаяся публикацией его кандидатской диссертации³⁸⁵. Авторы доказательно обосновывают, что захоронения на загородных некрополях продолжали совершаться и в XIII в.

Что касается могил внутри городских стен — древнейшие датированные захоронения (при церквях) датируются периодом не ранее VIII в. Как система, это проявляется только с середины IX в.³⁸⁶ Некрополи вокруг квартальных церквей стали традиционными с рубежа X–XI в. А.В. Иванов, посвятивший отдельную работу формированию городского некрополя средневекового Херсона, смог выделить не более десяти погребальных комплексов на территории города, датирующихся ранее конца X в.³⁸⁷

Таким образом, особое указание на «погребение вне города» позволяет считать, что это отражает период вряд ли древнее VIII–IX вв., а скорее всего уже IX в.

На время создания произведения определенным образом может указывать и сам сюжет «Воскресения отрока», который, несомненно, присутствовал в протографе.

В электронной энциклопедии «Википедия» в статье «Воскрешение мертвых» (раздел «Воскрешение в христианстве») собрана подборка примеров воскрешения людей апостолами и святыми³⁸⁸.

Почти половина отмеченных случаев совершена святыми, жившими, согласно их житиям, в I–V вв. К VI в. относится пять примеров, один к VII в., один к VIII в. и далее это то ли западные святые, то ли русские. Действительно, в составленном Х. Лопаревым своде византийских святых VIII–IX вв. таких случаев не известно³⁸⁹.

Воскресение отрока Василей совершил посредством обряда крещения. В.В. Латышев, рассматривая данный сюжет, заметил, что в агиографии «есть немало примеров исцеления посредством крещения»³⁹⁰. Однако, как нам представляется, исследователь привел не совсем корректное сравнение. Действительно, случаи исцеления через крещение встречаются часто.

Совсем иное — *воскресение* посредством крещения. Анализ житий показывает, иные случаи воскресения посредством таинства крещения нам неизвестны. Согласно правилам Карфагенского собора (419 г.): «26. Положено, да не дастся Евхаристия телам скончавшихся. Ибо писано есть: Примите, ядите (Мф. 26:26), но тела мертвых ни принять, ни есть не могут. Также да не подвигнется невежество пресвитеров крестить скончавшихся уже»³⁹¹. «Мертворожденные и умершие после рождения некрещеными не должны быть крещаемы (см. Карф. 26)»³⁹².

Согласно источнику Василей действительно совершил полноценный обряд крещения³⁹³. Следовательно, Василей своими действиями нарушил церковные каноны. И это понимали последующие редакторы. В N, D, ЖМ имеется пояснение: «как бы по чину крещения». Гр. 376 сообщает, что Василей «произносит как бы над живым все слова таинства». Подобное отмечено в М, С, ПР.

А В. Латышева объясняет указанное противоречие тем, что Житие было составлено в то время, когда постановление Карфагенского собора было забыто³⁹⁴. Однако вряд ли херсонское духовное лицо, которое составило Житие, было настолько безграмотно и безграмотными были все те, кто «легализовал» данное произведение. Скорее всего, рассматриваемый рассказ отражает некое представление позднего автора об истории и особенностях раннехристианской церкви. Причем создатель Жития писал свое произведение тогда, когда не было примеров и опыта составления агиографических сочинений, где бы присутствовали чудеса воскресения. А это косвенно указывает на иконоборческое время. Тогда, как уже отмечалось, византийские агиографы не практиковали включать такие сюжеты в свои труды.

Много споров в историографии вызвало иерусалимское происхождение первых Херсонских епископов. Уже В.В. Латышев отмечал странность этого факта³⁹⁵. Еще Е.Е. Голубинский достаточно доказательно обосновал невозможность отправки херсонских святых предстоятелем Иерусалимской церкви. «Что представлял собой епископ Иерусалимский во время гонения Диоклетианова — простого ли епископа в метрополии Кесарийской, каким он стал со времени образования в Греческой церкви митрополичьих (митрополичьих) округов или уже обладал достоинством и властью патриарха, для некоторых это составляет не совершенно решенный вопрос. Но если бы мы и допустили, что в гонение Диоклетианово епископ Иерусалимский уже обладал достоинством и властью патриарха; то и в этом случае было бы в высшей степени невероятно предполагать, чтобы настолько отдаленный от Тавриды и Скифии и видевший впереди себя и ближе к последним целые сотни епископов, которые могли посылать в ту или другую сторону своих миссионеров (всей Малой Азии с Сирией и всего Балканского полуострова

с принадлежащими к нему островами) епископ Иерусалимский принял на себя дело водворения христианства в Тавриде и Скифии. Это ровно столько же вероятно, сколько было бы, например, вероятно, будто у нас епископ Волинский или Екатеринославский принял на себя дело водворения христианства между язычниками Архангельской губернии или какой-нибудь части Сибири. При сем и епископы-миссионеры или епископы безкафедральные, своего рода *in partibus infidelium*, представляют собой для IV века и ближайшего к нему времени нечто весьма и крайне сомнительное. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что не менее как до времени первого Вселенского собора епископ иерусалимский оставался простым епископом в метрополии Кесарийской (принадлежавшей в свою очередь к составу патриархата Антиохийского) и что только этим Собором, как с вероятностью следует думать, освобожден был из-под власти митрополита Кесарийского, и возведен был не в патриархи, что имело место значительно позднее (при импер. Феодосии Младшем, 408–450), а лишь в епископы автокефальные или независимые от митрополита. Но простой епископ, подчиненный митрополиту (равно как и епископ автокефальный), вовсе не мог ставить епископов, каковыми были Херсонские священномученики, а следовательно, сии последние никак не могут быть признаваемы и за его — предстоятеля Иерусалимской церкви ставленников. Сейчас сказанного было бы совершенно достаточно для того, чтобы решительным образом отвергать достоверность утверждаемого о Херсонских священномучениках сказаниями о них, будто они были присылаемы и приходили в Херсон для насаждения в последнем христианства от епископа Иерусалимского. Но имеем и еще довод против этой достоверности, — довод *a silentia*. Знаменитый церковный летописатель Евсевий Памфил был младшим современником епископа Иерусалимского Ермона, как дает он знать в своей церковной Истории, и был именно епископом — митрополитом той Кесарии Палестинской, к епархии или округу которой принадлежала епископия Иерусалимская. О священномучениках Херсонских, если бы они действительно были из Иерусалима, никак не мог бы он не знать. Но он поместил в своей истории нарочитую главу (составляющую приложение к книге VIII) о Палестинских мучениках времени Диоклетиана: в этой нарочитой главе не мог бы он не сказать о Херсонских священномучениках, если они по происхождению были из Иерусалима, между тем он совершенно ничего не говорит о них»³⁹⁶.

Добавим, в сочинении Феодосия (нач. VI в.) «О местоположении Святой Земли» содержится и фрагмент, посвященный Херсону: «Также город Херсон, что у моря Понта; там претерпел мучение святой Климент; гробница его в море, где было брошено его тело, этому святому Клименту был привязан на шею якорь, и теперь в день его памяти все, народ и священни-

ки, садятся в ладьи, и когда приплывают туда, море высушивает 6 миль, и на месте, где находится гробница, раскидываются шатры и сооружается алтарь, и в течение восьми дней служатся там литургии, и Господь совершает там много чудес; там изгоняются бесы, и если кто из одержимых получит возможность прикоснуться к якорю, и прикоснется, то тотчас исцеляется»³⁹⁷. Даже учитывая, что данный фрагмент является поздней интерполяцией³⁹⁸, удивляет, что в сочинении о Святой Земле упоминается только почитание херсонитами мученически погибшего там Римского папы. При этом ничего не сообщается о пребывании в Херсоне или существовании почитания там епископов-мучеников, выходцев из Иерусалима.

Рис. 3.9. Святой Капитон. Из Минология Василия II (нач. XI в.)

По мнению К. Цукермана: «Активизм иерусалимской церкви в деле обращения Херсона никак не объясним: подобного рода ее инициативы в постапостольскую эпоху не засвидетельствованы ни в Причерноморье, ни в других регионах»³⁹⁹. На это же указывали и многие другие авторы⁴⁰⁰.

Действительно, несмотря на то что в христианском мире Иерусалим всегда занимал почетное место, иерархическое положение его епископов долгое время было незначительным. И только в результате долгой и порой трудной борьбы сначала на III Вселенском соборе 431 г., а потом и на IV Вселенском соборе 451 г. иерусалимская церковь получила статус патриархата наряду с Римом, Александрией, Антиохией и Константинополем⁴⁰¹. Этот статус официально был закреплен в конце VII в.⁴⁰²

Понимая это, А.Ю. Виноградов, выдвинул предположение, что авторами «иерусалимской легенды» были сиро-палестинские миссионеры, а

Антиохия впоследствии была заменена на Иерусалим, поэтому в «иерусалимской» версии «надо искать не столько реальный факт, сколько связь ранней Херсонской церкви с сиро-палестинским регионом»⁴⁰³.

Как показала И.А. Завадская, истоки херсонской культовой архитектуры лежат в столичной архитектурной школе⁴⁰⁴. Росписи раннехристианских херсонесских склепов не несут никаких специфических сиро-палестинских черт и входят в круг погребальных росписей Восточной Римской империи с аналогиями в Малой Азии и на Балканах⁴⁰⁵. «Практически с самого своего основания Херсонская епархия находилась под влиянием константинопольской церкви»⁴⁰⁶.

Выявленные археологические материалы позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, несомненно существование связей Херсона с сиро-палестинским регионом в конце IV–V вв., т.е. в период, к которому традиционно относят деятельность святых епископов Херсонских. Однако данные керамических комплексов Херсона этого времени не позволяют считать их ни интенсивными, ни определяющими внешние контакты города. Паломничество херсонеситов к Святым местам не нашло отражения в материальной культуре города⁴⁰⁷.

Представляется перспективным сопоставление Житий Херсонских епископов с уже упоминавшимся агиографическим произведением «крымского цикла», а именно Житием Иоанна Готского. Избранный «православными Готии» епископом Иоанн, «во-первых (прежде этого) отправившись в Святой град (и) обойдя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года». После своего рукоположения в Иверии Иоанн «писал через Лонгина, дьякона своего, патриарху Иерусалимскому, чтобы созвать собор и послать ему определение веры». Т.е. здесь, как и в предыдущем случае, подчеркивается особая связь крымских христиан именно с Иерусалимом. Известно, что иерусалимский патриархат был одним из центров борьбы с иконоборчеством, более того, патриарх Феодор созвал Собор и предал на нем анафеме иконоборческую ересь⁴⁰⁸.

Если принять во внимание гипотезу о составлении Житий в иконоборческое время, то становится понятным указание на Иерусалим. Как правило, жития писались монахами, в большинстве своем иконопочитателями. Выводить корни херсонского христианства из Константинополя, в котором на тот момент господствовали иконоборцы, значит де-факто признать принадлежность херсонской церкви к еретикам. С Римом также стали все явственнее проявляться разногласия.

Поэтому лучше всего для этих целей подходил именно Иерусалим. С одной стороны, это святой для христиан город, а с другой, на тот мо-

мент — символ истинного православия. В качестве аргумента в пользу нашего предположения стоит отметить, что В.В. Латышев находил параллели между текстами Житий Херсонских епископов и Иоанна Готского⁴⁰⁹.

Обращает на себя внимание отсутствие в Житиях Херсонских епископов упоминаний о своих знаменитых предшественниках в деле христианизации Херсона — апостоле Андрее и папе Клименте. Как попытался показать автор этой главы, выделяются три историографические линии, которые существовали в средневековые и повествовали об истории христианизации Херсона⁴¹⁰.

«Климентовская», или «римская», появилась, скорее всего, между 843 и 861 гг.⁴¹¹ и связана с именем св. Климента Римского. Эту традицию знал Константин Философ, который, как известно, во время своей «хазарской миссии» нашел останки святого и перевез их в Рим⁴¹².

Другая линия, вероятно имевшая константинопольские корни, связана с апостольской деятельностью Андрея Первозванного. О ней сообщает автор сочинения «О житии, деяниях и кончине святого и всепохвального первозванного апостола Андрея», монах Епифаний, побывавший в Крыму между 815 и 820 гг.⁴¹³.

И третья — отражает деяния святых епископов Херсонских.

Отметим, что все три традиции были хорошо известны и сосуществовали в Херсоне, по крайней мере, в середине – второй половине IX в. Епифаний указывает, что о посещении города Андреем Первозванным сообщили ему сами херсониты⁴¹⁴. Константин Философ раскапывал мощи св. Климента и организовал пышную церемонию по их перенесению в 861 г. Но предание о ссылке св. Климента и его проповеднической деятельности в Херсонесе Таврическом было известно и несколько ранее⁴¹⁵. К этому времени уже сложились и Жития Херсонских епископов. Составление Иосифом Гимнографом произведений в честь как местных епископов-мучеников, так и Климента⁴¹⁶ это подтверждает. При этом ни одна из версий не упоминает других.

Учитывая изложенное, трудно допустить, что составители Житий Херсонских епископов или, по крайней мере, авторы известных на настоящий момент их вариантов, не были знакомы с легендами о проповеди в Херсоне св. Климента или Андрея Первозванного. Как подметил А.Ю. Виноградов, сюжет о смерти епископа Василия оформлен по образцу апокрифических «Деяний Андрея и Матфия»⁴¹⁷. Конечно, можно утверждать, что Жития появились ранее версий о Клименте и Андрее. Но ведь и редакторы и переписчики X–XI вв. не упоминают о «конкурентах».

Это же можно сказать и об авторах сочинений об апостоле Андрее и папе Клименте. Например, в сказании херсонского епископа Ефрема «О свершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента» (не позднее XII в.) имеется пассаж, в связи с чудесным спасением маль-

чика, забытого родителями на могиле Климента, о воскресении апостола и святыми⁴¹⁸. И, наверное, было бы логичным упомянуть воскресение отрока «херсонским» святым Василием, тем более что автор Сказания – местный епископ. Но о чуде Василия даже не упоминается.

На наш взгляд, указанные противоречия можно объяснить тем, что все линии окончательно сформировались приблизительно в одно, вероятно иконоборческое время, или, по крайней мере, до 860 г., и разрабатывали их сторонники различных политических направлений. Поэтому в итоге одной легендарной традиции христианизации Херсона так и не было выработано.

Е.В. Уханова, обосновывая позднее складывание традиции соотносить смерть св. Климента с Херсоном, отмечает, что об этом ничего не говорит Епифаний: «Знать и не упомянуть среди разнообразных сведений о почитании в этих краях последователя апостола Андрея ... Епифаний просто не мог»⁴¹⁹. Но с другой стороны, ни один источник о Клименте, будь то различные варианты Житий, рассказов о поиске и обретении его мощей, также ничего не упоминают о более знаменитом, чем римский папа, предшественнике. Ясно, что к моменту обретения и переноса в Херсон мощей Климента (861 г.) произведения Епифания уже были известны, и, следовательно, так же была известна и традиция связывать начало христианизации Херсона с деятельностью апостола Андрея. Поэтому, не подвергая сомнению выводы исследовательницы о времени формирования окончательной версии о месте мученической смерти св. Климента, заметим, что умолчание авторами сочинений о папе Клименте, апостоле Андрее и первых херсонских епископах о «конкурентах» в деле христианизации Херсонеса, следует объяснять не столько разным временем составления упомянутых произведений, сколько принадлежностью этих авторов к разным политическим направлениям. Напомним, что в первой половине IX в., кроме иконоборческих споров, разворачивается борьба за главенство в христианском мире: с одной стороны, появляются произведения, «обосновывающие избранность Римского престола», а с другой, «легенда об апостоле Андрее, как создателе Константинопольской церкви, утверждающая ее апостольское основание»⁴²⁰.

Добавим к сказанному, что согласно Житиям, Капитон возводит в городе Петровскую, а не Андреевскую церковь, хотя последнее было бы более логичным.

Таким образом, учитывая: 1. определенные хронологические рамки времени составления Житий, которые ограничиваются концом VI – началом VII вв. и концом 60-х гг. IX в.; 2. указание на «погребение вне города»; 3. «сюжет воскресения отрока посредством таинства крещения»; 4. иерусалимское происхождение херсонского христианства; 5. отсутствие посмертных чудес; 6. параллели с Житием Иоанна Готского; 7. умолчание источника

ми традиции почитания в Херсоне св. епископов (кроме современной автору Жития); 8. очевидное противоречие информации Жития с 53-й главой произведения Константина Багрянородного «Об управлении империей», можно сделать вывод, что Жития епископов Херсонских, по крайней мере, тот вариант, на котором основаны все известные сегодня версии, возникли в иконоборческое время, вероятно, последняя четверть VIII – середина IX вв.⁴²¹. Этому не противоречат и археологические материалы. По крайней мере, ни одно предположение о связи того или иного объекта на территории Херсонесского городища с деятельностью кого-либо из первых Херсонских епископов достаточно не аргументировано. Более того, даже четырехапсидный храм, который традиционно интерпретировался как построенный на месте совершения чуда св. Капитоном⁴²², не может таковым считаться⁴²³. При этом существует хоть и небольшая, но вероятность, что начало формирования представлений о проповеди первых миссионеров в Херсонесе Таврическом может относиться и к несколько более раннему времени.

Позволим выдвинуть предположение, что появление Житий связано с процессом формирования новой системы епархий в Крыму в «хазарское» время. Это дало толчок и к появлению местной агиографической литературы.

Как уже отмечалось, до иконоборческого времени в Крыму функционировали две епархии: Херсонская и Боспорская. По мнению современных исследователей, первые сведения о Херсонской относятся к 381 г., когда ее епископ Еферий отмечен среди участников Второго Вселенского собора. Он указан в числе епископов Скифской области, наряду с епископом томским и анхиальским⁴²⁴. Правда, имя собственное этого иерарха рукописи передают то как Aetherius Tersonitamus, то как Anterius или Antherius Tersonitanus⁴²⁵. Сирийский список участников Собора позволяет видеть в Еферии все же епископа Херсона⁴²⁶.

Согласно поздним спискам Деяний Первого Вселенского собора там присутствовал иерей из Херсона по имени Филипп⁴²⁷. Однако можно считать доказанным, что это не что иное, как поздняя вставка⁴²⁸.

В сентябре 419 г. императоры Гонорий и Феодосий II по ходатайству херсонского епископа Аскепиада пощадили херсонцев, передавших неким варварам секреты кораблестроения⁴²⁹.

В документах Эфесского собора (431 г.) представитель Херсона не отмечен. Правда, А.Л. Бертье-Делагард помещает там некоего Андрея⁴³⁰. Но скорее всего это ошибка, и за представителя Херсонеса Таврического ученый принял «Андирия, епископа Херрониса, из области критской»⁴³¹.

Епископ Лонгин присутствовал на Константинопольском соборе 448 г., материалы которого нашли отражение в документах Четвертого (Халкидонского) Вселенского собора 451 г.⁴³².

На пятом Вселенском соборе (533 г.) присутствовал херсонский епископ Стефан⁴³³. Под деяниями Пято-Шестого Трульского собора (692 г.) стоит подпись Георгия, епископа Херсона и Доранта.

Как мы уже знаем, согласно Not. № I, II, IV, V (по Ж. Даррузе) Херсон и Боспор входили в состав Зихийской епархии с центром в Никопсисе. В Not. VII список Таврических епархий выглядит уже следующим образом: Херсон, Боспор, Готия, Сугдея, Фулы.

В предыдущих разделах мы уже рассмотрели вопросы, касающиеся времени и причин образования Готской и Сугдейской епархий. Вероятно, именно тогда на повестку дня стал вопрос об отделении Готии от Херсонской епархии, в среде местных церковных иерархов и появилась желание отобразить глубокие исторические корни херсонской церкви и ее неразрывную связь с древними центрами христианства. Лучше всего для этих целей подходил именно Иерусалим. С одной стороны, это святой для христиан город, а с другой, на тот момент символ истинного православия.

Можно предположить, что поначалу рассказ основной части Житий заканчивался на Еферии, который выгнал из города язычников и знаменовал победу христианства. Параллельно в Херсоне, отдельно от остальных епископов, почитали и некоего Капитона⁴³⁴.

Во второй четверти первой половины IX в. Византийское правительство создает в Крыму новую территориально-административную единицу — фему. Формирование фемы однозначно свидетельствует о переходе Херсона, Готии к началу 40-х гг. под полный контроль империи. В 50-х гг. IX в. фема Климатов была переименована в фему Херсон⁴³⁵.

Вероятно, в силу новых политических реалий, которые совпали с восстановлением иконопочитания, руководители местной епархии скорректировали Жития. Появляется Капитон из Константинополя, выступивший в роли миротворца и окончательного христианизатора города. При этом помогли Капитону солдаты из столицы. Совсем избавиться от несоответствий новые редакторы не сумели. По крайней мере, непонятно, зачем Капитону были нужны солдаты, если язычники из города были выселены еще Еферием. Так как, вероятно, уже существовала своя традиция даты почитания Капитона, то это нашло место и в новом варианте Житий.

Возможно тогда, в попытке построить логичное развитие сюжета Житий, и возникли две редакции. Одна «не позволяла» Еферию даже добрать до Херсона и отдавала все приоритеты в деле христианизации херсонцев Капитону. Отметим, что «капитоновский» вариант известен только по церковнославянским спискам и Гр. 376⁴³⁶. Как уже отмечалось, источник для церковнославянских редакций и Гр. 376 общий — энкомий. Тот, в свою очередь, был написан в самом Херсоне для местной братии, местным жи-

телем, которому были небезразличны местные обстоятельства, детали и подробности⁴³⁷. Приходим к выводу: «капитоновская» версия Житий епископов Херсонских имеет херсонское происхождение. Таким образом, Иосиф Гимнограф, приступая в Херсоне к написанию Служб св. Херсонским епископам, ориентировался именно на «местный» вариант их Жития⁴³⁸.

Отражение «ефеериевской» редакции в МВ и Константинопольском синаксаре, а впоследствии и в минеях, показывает, что официальная византийская церковь выбрала иной вариант Жития. Он зафиксирован также в ПР и ГЖ.

Отмеченные выше особенности Житий епископов Херсонских имеют общие черты с изложением в источниках истории обретения в Херсоне мощей папы Климента Римского в 861 г. Отметим, как и в случае с Херсонскими епископами, здесь известны две традиции: «константинопольская», согласно которой инициатором поиска мощей был Константин Философ, и «херсонская», считавшая, что главная роль здесь принадлежала иерархам местной церкви и местным светским руководителям⁴³⁹ (подробнее об этом в следующем разделе).

Возможно, с традицией почитания епископов Херсонских связано и появление острова св. Еферия. О нем упоминают Константин Багрянородный и Повесть временных лет. Константин, описывая пути россос «из Росии в Константинополь», пишет: «... они плывут, пока не достигают залива реки (Днепра. — авт.), являющейся устьем, в котором лежит остров Св. Эферий. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моноksилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили (с собой). Так как устье этой реки является, как сказано, заливами, простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают»⁴⁴⁰. Согласно договору Игоря с греками 945 г.: «И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь»⁴⁴¹.

В историографии нет единого мнения, где находился этот остров: то ли это современный остров Березань, то ли остров Тендра, то ли часть Кинбургской косы⁴⁴². Связано ли название острова с херсонским святым? Вероятнее всего, да. Во-первых, святой Еферий — достаточно редкий пример. Кроме нашего известен только один Еферий, мученик пострадавший при Диоклетиане, день памяти которого 1 июля (18 июня)⁴⁴³. Причем он никак не связан с Северным Причерноморьем, и его культ здесь не был распространен. Во-вторых, вряд ли здесь возможно видеть превращение греческого названия острова с «Воздушный» или «Остров воздуха» в имя святого.

В-третьих, согласно Житию, Еферий действительно умер где-то в устье Днепра. Отсюда следует вывод: название острова связано с херсонским святым. Однако, когда оно могло появиться? Жития однозначно называют остров Алсос (в различных вариантах). Нет и намека, что на момент составления источника его уже переименовали или называли в честь святого. Учитывая акцентирование в Житиях на подобные изменения (поставили столб с крестом на месте гибели Василия, часть города называли в честь Феоны и т.д.), новое имя острова неизбежно бы отразилось в тексте. Следовательно, переименование произошло после появления протографа. С другой стороны, в середине X в. это уже хорошо известное, укоренившееся название, которое попало и в официальные дипломатические документы, и в сочинение императора. Поэтому наиболее вероятное время появления топонима — 70-е гг. IX в. – начало X в. Несомненно, что инициатива переименования принадлежала херсонцам. Это территория, которая контролировалась именно ими. Согласно уже упомянутому договору: «Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла»⁴⁴⁴. Тот же Константин Багрянородный сообщает: «От устья реки Днепр идут Адары. Там есть большой залив, называемый Некропилы, по которому совершенно невозможно пройти. От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке — болота и бухты, в которых херсониты добывают соль»⁴⁴⁵. Возможно, новый топоним в устье Днепра появился в рамках «материализации» Житий епископов Херсона.

Скорее всего, херсонские святые поначалу были местночтимыми. Возможно, статус общевизантийских святых они получают в конце X в., после захвата Херсона Владимиром. Тогда, с одной стороны, актуализируется вопрос об историческом праве империи на Херсон, а с другой, у основателей русской церкви должна была возникнуть потребность показать глубокие исторические корни херсонского христианства, места, где согласно официальной версии крестился Владимир. Напомним, Владимир пытался повысить авторитет своей власти, также опираясь и на традицию почитания папы Климента⁴⁴⁶. И здесь первые епископы оказались как нельзя кстати. Их житие доказывало происхождение местной церкви из Святой Земли и неразрывную связь с Константинополем. Именно этим можно объяснить широкое появление в византийской церкви Житий именно с конца X в. и ранее, не позднее начала XI в., проникновение данного агиографического произведения на Русь.

В историографии господствует мнение, что Херсонские епископы (по крайней мере, некоторые из них) — реальные исторические личности, которые проповедовали учение Иисуса Христа в Херсонесе Таврическом. Дискуссия ведется, как правило, о времени их пребывания там⁴⁴⁷.

Рис. 3.10. Херсонес. Вид с высоты птичьего полета

В связи с этим обратим внимание на давно известный источник, выпавший с поля зрения современных исследователей. В предисловии к Житию Херсонских епископов, помещенном в Acta Sanctorum, сообщается следующее:

«11) Также и в Испании был некий город, именуемый Херсонес, который производят из Хроникона, широко известного под именем Декстера.

Его 9 епископов были записаны, словно вставленные его рукой в (Хроникон).

Местоположение этого Херсонеса в Испании описывается Страбоном в 3 кн. 6 гл.: «Если идти снова по другой стороне Сукрона к устью Ибера (Эбро), то увидим Сагунт, основанный закинфянами. Этот город Ганнибал разрушил, вопреки договору с римлянами, и тем разжег пламя второй войны против карфагенян. Вблизи Сагунта находятся города Херсонес, Оластр и Карталия; у самой переправы через Ибер лежит селение Дертосса». В 12 книге Мариа, глав. 17, в испанском вокабуляре он именуется Пенисола, на латинском Пенинсула; в кн. 20, глав. 16: «он есть в королевстве Валенции, недалеко от границ Арагонии». Город Херронес Псевдо-Декстер упоминает за 60 год от РХ, в параграфе 2 пишет так: «В те времена сошлись вместе в город Херронес поблизости Валенции в Испании ради собора (сонма) святые понтифики, некие ученики св. Якова апостола:

Базилий Картахенский, спатарий, ученик его первый,
Эугений Валенсийский,
Пий Сивильский,

Агато́дор Таррако́нский,
Эльпи́дий Толе́дский,
Эте́рий Барсе́лонский
Капи́тон Луце́нзиев
Ефре́м Асту́рийский
Несто́р Пале́нсийский
Арка́дий Брага́нский

При том же самом судье их добро разграблено, а они убиты».

“Того самого судью” он упоминает как Алота (Alotum) в 57 году от РХ.

Уже прежде 57 года, в параграфе 2 пишется, что Пий Севильский уже был епископом.

Об остальных в параграфе 3 вот что:

“Других также св. Яков сделал епископами, одного Базилия, который был первенцем Картахены, спатарием и главным из коллегии 12 жрецов-салиев бога Марса,

другого Эугения из Валенсии,

Агато́дора Таррако́нского,

Эльпи́дия Толе́дского,

Эте́рия Барсе́лонского,

Капи́тона Луке́нзиев,

Эфре́ма Асту́рийского,

Несто́ра Пале́нсийского

Арка́дия Юлиобриге́нского (Брага́нского)”.

12) двойной комментарий в Хрониконе Декстера к 60 году от РХ № 2 приводит, что Декстер обнаружил, “благодарение богу”, и гласит, что

“от одного Декстера узнаем, какие прежде были города, в какое время процветали, каким учителем были обучены, а затем в каком городе сошлись на мученичество. Следовательно, если в Испании, где процветали эти самые святые, память о них стёрлась, то единственно разумным будет сказать: никто даже не знает, какие были претерпеваемы бедствия и дурные обороты дел”.

А также прежде за 57 год комментарий № 2 пишет такое:

“Церковь Астурийская, принятая по традиции через многие руки, полагает, что св. Эфрем, ученик апостола Иакова, стал его первым первосвященником (старшиной общины)”.

Подтверждением этой традиции было свидетельство авторов, которые прежде “Хроникона” то же самое придумав, писали.

Добавляет то же самое Бивариус:

“Как следует из греческого менология, римского мартирология, Узуарда, Молана, Галезиния и проч., все епископы числом 10 были сделаны впе-

ремешку сообщниками и в одном и том же месте одновременно стяжали мученический венок, в 4-й день Марта”.

По сути дела, в Мартирологии Римском недостает имени Пия Севильского, а также у греков празднуется память остальных 7, а не 4-го Марта, как делают латиняне. Что еще? Галезиний, Молан, Феррарий, цитируемые нами выше, помещают их под 7-й день, только Бароний — под 4-й. Удивительно также цитирование Узуарда Биварием. Имеем много рукописей Узуарда, экземпляры, несколько извинительные, ни в одном нет имен Нестория, Аркадия и Пия, также ни у Галезиния, ни у Молана, ни у Феррария.

13) Много об этих святых собрал Иоанн Тамайус Салазар действительно с величайшей прилежностью, если не сказать чрезмерно. Как нам кажется, особенно он преуспел (в исследовании) Хроники Декстера, Лиутпранда, а также Юлиана Петра и Черновых записок, которые суть подсобный материал для той Хроники Декстрина. Он цитирует и другие некие писания испанцев, которые после той Хроники были обнародованы и упоминают выше названных епископов. Но мы не достигнем никакого окончания, если приступим к исследованию и опровержению отдельных (положений)»⁴⁴⁸.

Таким образом, святых с такими же именами, как и первые епископы Херсонеса Таврического, испанская церковная традиция связывает с Херсонесом, находящимся в Испании. Составители *Acta Sanctorum*, отметив странность данного факта, не стали глубоко его анализировать: «Мы даем только 7 мужей херсонесцев по Деяниям и Минеям греков»⁴⁴⁹. Однако опубликовали и латинские свидетельства о херсонских епископах⁴⁵⁰.

Как видим, согласно испанской церковной традиции, каждый из названных святых «привязан» к конкретному городу. С Херсонесом их связывает то, что они там вместе собрались на некий Собор. В Испании данные епископы выступают в качестве последователей и учеников апостола Иакова, который, по церковной традиции, проповедовал там Евангелие, и их деятельность датируется I в.н.э.

Вряд ли стоит сомневаться, что в пиренейской и в крымской версиях речь идет об одних и тех же персонажах. Случайность совпадений семи имен полностью исключена⁴⁵¹. Отметим, в иберийской традиции Василий выступает первым учеником Иакова, а в крымской — первым проповедником Ермона в Херсоне. Более того, оба рассказа делают реверанс в сторону Иерусалима. Крымский называет инициатором отправки епископов иерусалимского епископа Ермона, а испанский считает их учениками Иакова. Напомним, апостол Иаков — один из 12 апостолов, после Вознесения Христа занимал почетное место среди иерусалимских христиан, мученически погиб в 44 г. н.э. при Ироде Агриппе и был погребен в Иерусалиме⁴⁵².

Несомненно, указанные испанские свидетельства нельзя считать ранними. Латинская христианская традиция, отождествляющая апостола Иакова с Испанией, восходит ко времени не ранее начала VII в. А культ этого апостола широко распространяется на Пиренейском полуострове только во времена Реконкисты⁴⁵³.

Как известно, Флавиус Люциус Декстер — реальная историческая личность конца IV столетия. Он известен как историк и друг св. Еронима. Что же касается так называемого хроникона Псевдо-Декстера, то как было установлено уже в XVII–XVIII вв., это сочинение (хотя, вероятно, и основывалось на ряде ранних источников) было выполнено Херонимо Романом де-ла Хигуерой (1538–1611) и приписано Декстеру⁴⁵⁴.

Конечно, можно предположить, что поздние испанские авторы, найдя в минеях сообщения о святых епископах Херсонеса Таврического, перенесли их в свой Херсонес, о котором действительно сообщает Страбон⁴⁵⁵. Однако некоторые детали позволяют сомневаться в такой трактовке. С и М сообщают о загадочном Есналоте, который якобы был учителем ерусалимского епископа Ермона⁴⁵⁶. Пространные греческие версии его изъяли из текста как непонятный и искусственно вставленный персонаж⁴⁵⁷. Славянские же переводчики добротнo перевели имевшийся у них текст. Испанская традиция уточняет, что Алот — это судья, при котором в 57 г. н.э. пострадали святые епископы. Учитывая редкость имени Алот (Эсналот), случайность совпадений полностью исключена. Есналот (супр. *есналѡтѡ*; увар. *е'налѡтѡ*; волок. *есналѡтѡ*; милют. *е'налѡтѡ*; ps.-dext. *Alotum Iudex*)⁴⁵⁸ плохо понятый церковнославянскими переводчиками термин (они трактовали его как имя собственное учителя Ермона?). В испанской традиции — Алот имеет определение «судья» (*Iudex*), при котором пострадали христианские епископы. В отношении термина «судья» отметим, что, вероятнее всего, под ним надо понимать не представителя фемиды, а готского правителя. Так, Аммиан Марцеллин и Фемистий определяют должность правителя вестготов и организатора антихристианских гонений Атанариха именно как «могущественный судья». В 347–348 гг. антихристианские гонения возглавил тоже «безбожный и клятвопреступный судья готов», очевидно, предшественник Атанариха. В иных случаях данный термин в отношении правителей вестготов не встречается⁴⁵⁹. Т.е. здесь мы видим отражение традиции, связывавшей гонения на христиан с правителем готов, должность которого определялась как «судья».

Крайне маловероятно, чтобы испанские авторы были знакомы с «крымскими» Житиями епископов Херсонских и на их основе написали свою историю, т.е. выдали православных святых за католических. Образованные служители Ватикана несомненно выявили бы подделку. Кроме того, вряд

ли автор Хроникона Декстера был знаком со славянскими рукописями, а только там упоминается Эсналот.

Таким образом, мы приходим к выводу, что херсонские и испанские агиографы вероятно пользовались одним источником, на основе которого и сочинили свои версии. Что это был за источник? Скорее всего, это краткое сообщение в латинских документах (а возможно и в греческих), что в Херсоне или в районе Херсона проповедовали и приняли мученическую смерть некие семь епископов (миссионеров). Упоминался там и некий Алот. Иная информация отсутствовала.

Как косвенную аналогию в пользу нашей гипотезы напомним о неких святых мучениках Инне, Пинне и Римме (Inna, Pinna, Rimma). Первоначальный текст их мученичества, вероятно написанный во второй половине IV в., не сохранился. До нас дошли только эпитафия, содержащаяся в рукописи XI в. (Paris. gr. 1488) и небольшие рассказы в синаксарях XI–XIII вв. Согласно им эти святые были родом из некой северной и варварской страны и стали учениками Андрея Первозванного. Их успешная миссионерская деятельность вызвала гнев местного правителя, и после отказа святых стать язычниками их обрели на мученическую смерть: зимой вбили в сковавший реку лед сваи и привязали к ним несчастных. В итоге Инна, Пинна и Римма ушли под лед вместе с бревнами. В заглавии эпитафы указывается, что святые пострадали в Готии. А в Минологии Василия II место их мученической смерти — Скифия⁴⁶⁰. Как видим, несмотря на то что версия о связи этих святых с Андреем Первозванным позволяет предполагать, что первоначальный текст был переработан под влиянием Епифаниева Жития апостола Андрея, их деятельность, в отличие от херсонских епископов, осталась «невостребованной». Впоследствии так и не появилось подробного Жития Инны, Пинны и Риммы. Т.е. церковная традиция не определилась с точным местом рождения и смерти данных святых. Например, Симферопольская и Крымская епархия МП сейчас вносит их в число «Святых угодников земли Крымской»⁴⁶¹.

Что касается Херсонеса, то Страбон знает несколько пунктов с таким названием. Кроме Херсонеса Таврического и испанского это гавань на острове Крит⁴⁶², город в Киренаике (Ливия)⁴⁶³, крепость к западу от Александрии Египетской⁴⁶⁴, полуостров в Ионии⁴⁶⁵, полуостров во Фракии⁴⁶⁶. У каждого из этих мест гораздо больше шансов было видеть у себя выходцев из Иерусалима. Но скорее всего речь шла о Херсонесе Фракийском. Информация Житий, что Евгений, Елпидий и Агафодор прибыли из стран Геллеспонтских, позволяет склоняться в пользу такой точки зрения. Напомним, что полуостров Херсонес Фракийский образует северный берег Геллеспонта⁴⁶⁷. А по замечанию А.Ю. Виноградова, имена Евгений и Елпидий характерны именно для Фракии и Македонии⁴⁶⁸.

Если это мученики, то естественно, что они должны были пострадать от Диоклетиана. Откуда «возник» Иерусалим, мы уже попытались обосновать. Хотя возможно, в первоисточнике так же был какой-то «иерусалимский след». Появление Ермона укладывается в логику построения произведения. Это реальное историческое лицо фигурирует в сочинении отца церковной истории Евсевия Кесарийского (ок. 263–340 гг.) как иерусалимский епископ, занимавший кафедру как раз на момент диоклетиановских гонений. «(29) Управление Иерусалимской Церковью после недавно упомянутого нами епископа Именей принял Замвда. Он вскоре скончался; Ермон, последний перед современным нам гонением, получил апостольский престол, донныне сохраняемый»⁴⁶⁹. Отметим, что другие хронографы датируют епископат Гермона 305–314 гг.⁴⁷⁰ Вероятно, Ермон был заимствован именно у Евсевия Памфила.

В настоящее время невозможно утверждать, были ли в «крымские» Жития включены реальные события, случившиеся в Херсоне, или их сюжет полностью вымышлен. Скорее всего, автор попытался вмонтировать в свое произведение какие-то события и исторических личностей, оставшихся в памяти херсонцев. Например, в образе епископа Еферия он мог воспроизвести черты одного из двух (а возможно и обоих?) известных херсонеситов — Ефериев последней четверти IV в. Это уже упоминавшийся епископ, участник Вселенского собора 381 г., и Еферий, вероятно, принимавший участие в реконструкции стен города под руководством трибуна Флавия Флита. За это он удостоился быть упомянутым в надписи 392–393 гг.⁴⁷¹. Также автор связывает название Феонина сторона (Феонин город), вероятно, действительно существовавшая в городе и напоминавшая местным жителям о появлении там имперского гарнизона (вероятно, во второй половине IV–V вв.)⁴⁷², с деятельностью Капитона. Причем, автор агиографического произведения не был знаком с херсонской хроникой, известной нам по 53-й главе сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», повествующей о том же времени, но сообщающей противоположное тому, что пишут Жития. Составитель агиографического произведения попытался соединить рассказ с местными реалиями. Он специально указывает, что юношу, которого оживил Василей, похоронили за пределами городских стен, и таким образом пытается удревить повествование. Он знаком с раннехристианской агиографией и вставляет в Житие сюжет «воскресение отрока». Однако в понимании автора об отдаленных временах Василей должен был воскресить посредством обряда крещения. Вероятно, ставя целью рассказать историю христианизации города, а не отразить реальные события, автор посчитал возможным опустить историю Ефрема, поместив его проповедовать в Турцию. При этом, если принять во внимание предпо-

ложение С.А. Иванова о связи херсонского Ефрема и загадочного епископа с таким же именем из «Гунии»⁴⁷³, авторы херсонского Жития могли в образе Ефрема воплотить черты гуннского епископа, о котором и тогда не было практически ничего известно⁴⁷⁴. Для Евгения, Елпидия и Агафодора не нашлось собственного рассказа, их задача была всего лишь показать длительность борьбы с язычеством в городе и довести численность херсонских миссионеров до семи. Семь свв. епископов Херсонских — аналогия с семью главнейшими ангелами — Михаилом, Гавриилом, Рафаилом, Уриилом, Салафиилом, Иегудиилом и Иеремиилом, что подразумевал еще Дмитрий Ростовский⁴⁷⁵.

8.4. Крымский этап жизни Иосифа Гимнографа

Византийские источники часто указывают на Херсон как на место ссылки политических и идеологических противников константинопольских властей. Вспомним, здесь провел последние дни своей жизни опальный папа Мартин I, сюда сослали свергнутого императора Юстиниана II и объявившего о претензиях на престол Вардана-Филиппика. В Херсон был отправлен мятежный брат Льва IV Никифор. Здесь (в городе и его округе) находились в ссылке Иоанн Психаит, сторонники Феодора Студита, один из лидеров игнатианской партии Митрофан Смирнский и др. (подробнее см. Ч. II. Гл. 1)⁴⁷⁶. Наконец, византийская церковная традиция в середине IX в. окончательно стала связывать с Херсоном последний этап жизни и мученическую смерть папы Климента⁴⁷⁷.

Если о «херсонском периоде» жизни одних ссыльных сохранились хоть и отрывочные, но достоверные сведения (например, папы Мартина, Юстиниана II, сподвижников Феодора Студита, Митрофана Смирнского и ряда других), то «крымская история» других представляется «темным пятном». Последнее в полной мере относится и к Иосифу Гимнографу (810–883 или 812/818–886 гг.), автору многочисленных богослужебных песнопений, в частности канонов⁴⁷⁸.

В историографии XIX – начала XX вв. закрепилось представление, что святой как последовательный иконопочитатель был сослан в Херсон в период правления Феофила (829–842 гг.)⁴⁷⁹.

Как уже отмечалось, В.В. Латышев на основании данной гипотезы даже очерчивал верхнюю хронологическую границу возможного времени написания Житий епископов Херсонских: в службу епископов Херсонских входил канон, составленный Иосифом Песнописцем, который находился в ссылке в Херсоне в период правления Феофила. Следовательно, к этому времени Жития уже существовали⁴⁸⁰.

В своих выводах В.В. Латышев основывался на поздней, более известной тогда редакции Жития Иосифа Гимнографа, составленной Иоанном Диакonom, вероятно в XI в.⁴⁸¹. Там, желая возвеличить подвиги святого и показать того как пострадавшего иконопочитателя, указывалось, что он был сослан в Херсон в период правления иконоборца Феофила⁴⁸². Впоследствии эта версия нашла отражение и у ряда более поздних авторов⁴⁸³. Однако в первоначальном Житии Иосифа, составленном в 898–899 гг.⁴⁸⁴ учеником и преемником святого, Феофаном утверждалось, что Песнописец пострадал уже после смерти Феофила и обидчиком его выступал Варда. В столицу Иосиф вернулся только в патриаршество Игнатия (867–877 гг.)⁴⁸⁵. В византийском Оксфордском словаре отмечается, что Иосиф, как сторонник Игнатия, был сослан в Херсон Фотием⁴⁸⁶.

Если принять во внимание сведения первоначальной и более достоверной редакции Жития, что Иосиф был репрессирован Вардой, то произойти это могло между 856 г., когда в результате дворцового переворота дядя императора Михаила III Варда сделался фактическим правителем Византии (с 862 г. — кесарь), а скорее всего 858 г. (когда патриархом стал Фотий) и 21 апреля 866 г. (когда кесарь был убит)⁴⁸⁷. Учитывая возвращение опального автора церковных песнопений в столицу по инициативе патриарха Игнатия, время ссылки Иосифа Гимнографа в Херсон можно определить в широких пределах между 858 гг. и концом 60-х гг. IX в.⁴⁸⁸ Вполне вероятно, что Анастасий библиотекарь имел в виду и Иосифа Гимнографа, когда отмечал, что Митрофан Смирнский «проживал недалеко от Херсона, сосланный туда вместе с другими (выделено нами. — Авт.) от Фотия»⁴⁸⁹.

Возможно, Песнописец вернулся домой, как считает Томадакис, в 867 г.⁴⁹⁰ или чуть позднее⁴⁹¹. Митрофан Смирнский уже в начале октября 869 г. — активный участник Константинопольского собора 869/870 гг., осудившего Фотия и его сторонников⁴⁹². А Иосиф Гимнограф, скорее всего, был свидетелем константинопольского землетрясения 9 января 869 г., избавлению от которого посвятил специальный канон⁴⁹³.

Таким образом, можно достаточно обоснованно предполагать, что Иосиф Гимнограф мог быть непосредственным свидетелем обретения мощей римского папы Климента в Херсоне в 861 г.⁴⁹⁴ (рис. 3.11). Нет ничего странного, что агиографы не отметили сего факта. Все сохранившиеся источники, упоминаящие обретение в окрестностях Херсона останков Климента, акцентируют внимание или на выдающейся роли в данной акции Константина Философа, или отмечают особую заслугу местных светских и церковных властей⁴⁹⁵. Вряд ли опальные изгнанники были допущены на какие-либо значительные роли в череде событий, связанных с поиском и переносом в город мощей четвертого римского папы. Собственно о том,

что тогда в тех местах проживал Митрофан Смирнский, мы знаем «из третьих рук». Со слов Анастасия библиотекаря: «Мы узнали правду от Митрофана, настоятеля Смирнской митрополии, славящегося святостью и мудростью, который, как нам стало известно, в то время проживал недалеко от Херсона, сосланный туда вместе с другими от Фотия. Будучи тем лучше осведомлен о событии, чем ближе к месту он находился, он сообщил нам, пытливо расспрашивавшим о всем том, о чем выше упомянутый философ не хотел рассказывать, боясь упрека в гордости. Он передал нам, [что] Константин философ, направленный императором Михаилом в Хазарию проповедовать слово Божье, находясь часто в Херсоне, то приезжая туда, то уезжая обратно, потому что этот город пограничен с Хазарской землей, стал внимательно разведывать, где храм, где гробница, где те знаки блаженного Климента, которые точно определялись в памятниках, о нем написанных. Но все жители того места, будучи не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов, даже лютые разбойники, уверяли, [что ничего] не знают [о том], что он говорит. Философ, удивленный этим, предался молитве и долгое время просил Бога объявить ему мощи и святого объявиться ему. Он поощрял также спасоносными внушениями епископа с клиром и народом на действие, показав им и прочитав, что [в множестве книг] передавалось о мучении, что о чудесах, что о сочинениях блаженного Климента, и что в особенности о постройке храма, находившегося где-то недалеко от них, и о положении самого [святого] в нем же; он глубоко одушевил всех в раскопку тех берегов и на разыскание столь драгоценных мощей святого мученика и апостолика, в порядке, описанном самим философом в его историческом рассказе. Вот как [передал нам] вышеупомянутый Митрофан»⁴⁹⁶.

Рис. 3.11. Обретение мощей св. Климента. Из Минология Василия II (нач. XI в.)

Как видим, Митрофан лично не принимал участия ни в отыскании мощей, ни в торжествах по их перенесению в город. Можно с определенной долей уверенности предполагать, что и для Иосифа Гимнографа исключение не было сделано. Поэтому ни у него, ни у его агиографов не было оснований включить в биографию сюжет активного участия в поисках мощей Климента, тем более проводившегося под патронатом политических врагов.

Вероятно, именно к крымскому периоду жизни Иосифа относятся два его произведения: службы святым Херсонским епископам и богослужебный канон св. Клименту. И хотя можно считать доказанным, что не все гимны с акростихом ΙΩΣΗΦ принадлежат именно Иосифу Гимнографу⁴⁹⁷, в данном случае авторство, в силу реального пребывания Песнописца в Херсоне, атрибутируется достаточно точно.

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, различные варианты Житий первых Херсонских епископов сохранили две традиции понимания того, кому из миссионеров принадлежит приоритет в христианизации Херсона – «константинопольско-ефериевской» и «херсоно-капитоновской».

Первая утверждает, что именно епископ Еферий нанес основной удар по местным язычникам, и соответственно именно этому святому принадлежит главная заслуга в победе христианства в городе. Капитон же лишь продолжил дело Еферия и «забил последний гвоздь в гроб херсонского язычества». Согласно второй, Еферий умирает уже на пути к месту миссионерской службы, и основная работа по окончательной христианизации Херсона легла на плечи Капитона⁴⁹⁸.

Напомним, что «капитоновский» вариант получил распространение именно в Херсоне. Он известен только по Гр. 376 и церковнославянским вариантам. Гр. 376 входит в состав греческой лицевой минеи (февраль, март) Михаила IV (1034–1041 гг.)⁴⁹⁹. Данное житие, написанное специально для минеи, по обоснованному мнению В. В. Латышева, представляет собой литературную обработку греческого энкомия с риторическими украшениями⁵⁰⁰. Энкомий был написан в самом Херсоне для местной братии, местным жителем, ему были небезразличны местные обстоятельства, детали и подробности⁵⁰¹. Известно два основных церковнославянских извода Жития: Супрасльская рукопись (С) и Успенский список Макарьевских Миней (М). Это два разных перевода с греческого примерно одного времени — XI в. Церковнославянский перевод также был выполнен с энкомия. Вероятно, что именно через Херсон, а может быть и с херсонскими духовными лицами данная версия Житий могла оказаться на Руси.

Официальная же византийская церковь выбрала иной вариант Жития – «ефериевский», который превалирует в синаксарях и минеях⁵⁰².

В Иосифовых Службах свв. епископам Херсонским⁵⁰³ Василию, Ефрему и Капитону посвящены отдельные разделы. А Ефений упоминается даже реже, чем Агафодор, Елпидий и Евгений, история которых, как мы знаем, изложена в источнике предельно кратко. Так, имя Василей встречается 9 раз, Капитон — 8, Агафодор, Елпидий и Евгений упомянуты 5 раз, Ефрем — 5, а Ефений — только 4.

Таким образом, Иосиф Гимнограф, приступая к написанию Служб св. Херсонским епископам, которые в итоге вышли «типичным, даже рядовым творением»⁵⁰⁴, ориентировался именно на «местный» вариант их Жития⁵⁰⁵.

Богослужебный канон св. Клименту Римскому пера Иосифа Гимнографа можно считать знаковым произведением. В нем впервые биография святого римского папы подается уже в соответствии с поздней житийной версией, и место его мучений и смерти уверенно отождествляется с Херсонесом. Т.е. отражает традицию, получившую распространение после обретения Константином Философом мощей святого⁵⁰⁶.

Отметим, как и в случае с Херсонскими епископами, по поводу обретения мощей Климента известны две традиции: «константинопольская», согласно которой инициатором поиска мощей был Константин Философ, и «херсонская», считавшая, что ведущая роль здесь принадлежала иерархам местной церкви и местным светским руководителям⁵⁰⁷. Как заметила Е.В. Уханова: «По поводу обретения мощей источники сообщают две разных версии. Согласно первой, мощи были не известны горожанам, и Константин нашел их по собственной инициативе после долгих поисков благодаря Божественному откровению. По второй, инициатива прославления св. Климента исходила от местной церкви»⁵⁰⁸. «Херсонская» версия отражена только в славянских источниках: части прологов Второй русской редакции и в «Слове на перенесение мощей святого Климента из глубины моря в Корсунь»⁵⁰⁹. Можно предположить, что, как и в случае с Житием епископов Херсонских, этот вариант рассказа о поиске и обретении мощей св. Климента попал в славянские источники именно из Херсона. Латинские же свидетельства⁵¹⁰ и Житие Константина Философа⁵¹¹ настаивают на особой роли именно св. Кирилла. Это позволяет считать данную интерпретацию событий более достоверной.

В чем причина таких расхождений? Позволим высказать предположение, не является ли это следствием конфликта «игнатиян» и «фотиан» и участия в нем Иосифа Гимнографа? По крайней мере, его Службы Херсонским епископам, как уже отмечалось, отличаются от той трактовки событий, которая известна по большинству вариантов пространных Житий и официальным синаксарям. Они отражают версию энкомия, созданного для местной монашеской братии. Возможно также, что именно Песнопи-

сец, составляя в Херсоне канон св. Клименту, приложил свой литературный талант к тому, что в качестве инициатора обретения мощей святого римского папы, по крайней мере, в местной среде, стали называть не посланника Михаила III и Фотия, а «нейтральных» херсонских иерархов, вынужденных следовать в русле политического курса Константинополя.

¹ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение) // ВВ. СПб., 1913. Т. XVIII. Вып. 1–4 (1911). С. 15; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 115; Huxley G. On the Vita of John Gotthia. P. 161. А.Ю. Виноградов сомневается в существовании более полного первоначального варианта (Виноградов А.Ю. Иоанн Готский). Правда, его аргументы убедительными не выглядят.

² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 20–26.

³ Текст Жития, равно как и дальнейшее цитирование синаксарных вариантов этого агиографического произведения по: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 8–19: «Сей преподобный отец наш Иоанн был епископом Готфии при царях Константине и Льве, происходя из земли Тавро-скифов, что за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов, из торжища, называемого (торжищем) Парфенитов, урожденный сын Льва и Фотины. А отец этого самого Льва происходил из так называемого Вона, который расположен возле Полемония Понтийского, и в военном округе Армениаков был кандофором. Этот преподобный Иоанн, посвященный с детства подобно Иеремии и Самуилу, всецело был предан Богу. Ибо Фотина, мать преподобного, зачала его только после того, как в молитве к Богу ради дарования ей плода, (дала обет) привести его на служение Господу. Родившись же и возросши, он придерживался подвижнического образа жизни почти с пеленок, подвизаясь словом и делом во всяческой добродетели.

При царе же Константине тогдашний епископ Готфии, призванный к созданному тогда собору против святых икон, и спрошенный о его мнении и подписавший (соборные постановления), был поставлен царем в митрополиты Ираклии Фракийской.

Поэтому православные (люди) Готфии, чтобы не приобщаться к нововведениям беззаконного собора, но, обретаясь без пастыря, предложили этого самого преподобного Иоанна (для выбора) на должность пастыря. Он же, во-первых (прежде этого) отправившись в Святой град (и) обходя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года. Тогда только жители Готфии послали его в Иверию, к кафолическому престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру. По этому поводу он писал через Лонгина, дьякона своего, патриарху Иерусалимскому, чтобы созвать собор и послать ему определение веры. Тот так и сделал: он послал упомянутому преподобному показательные свидетельства о святых иконах, честных мощах и посредничестве святых, подобрав их из Ветхого и Нового Заветов и из всех избранных трудов отцов церкви.

После кончины царей Константина и Льва, когда царствовали Ирина и ее сын, он (Иоанн) послал этот самый сборник Павлу, тогдашнему святейшему патриарху, и, получив разрешение от августы Ирины, прибыл в царствующий град, и вполне откровенно побеседовав со всеми о почитании святых икон в святой всеобщей церкви, снова возвратился к себе домой.

Предчувствуя свою кончину, Павел, святейший патриарх, имея целью то же, что и преподобный (Иоанн), сошел с патриаршего престола, сделался монахом в монастыре Святой Богородицы Флора и клятвенно обязал августу отменить заблуждение.

Тарасий же, протоаскирит, будучи добродетельным и благоговейным, выбранный по кончине блаженного патриарха Павла и им самим одобренный, не пожелал принять на себя бремя и стать патриархом до тех пор, пока цари не пообещали ему созвать собор, о котором (прежде) говорили. И когда (прибыли) священные грамоты от четырех престолов, богобоязненные мужи и священные грамоты от лица патриархов (и когда получены были грамоты от четырех престолов, и прибыли богобоязненные мужи от лица патриархов), тогда сошлись отовсюду епископы. А блаженный Тарасий уже был рукоположен. В первый раз заседали в храме Святых Апостолов. И когда они возглаголали догматы православия, толпа схолариев, войдя с кинжалами и дубинками, распустила этот собор, оскорбив этим царское величие. Поэтому (были) изгнаны они вместе с женами и детьми, около шести тысяч, а с ними и некоторые из еретиков-епископов. В ближайшее же время те (остальные) епископы и представители апостолического престола, сойдясь в Никее, изложили (и утвердили) определение православия.

А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании. Чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владелец) перебежали к кагану, который пощадил владельца Готфии, семаднать же рабов каган замучил невинновыми. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду — христолюбивый город. И обретаясь там, на четвертом году, услышав о кончине кагана, рек: «И я, братия, через сорок дней отхожу судиться с моим преследователем пред ликом Судии и Бога!»

И действительно, на сороковой день, уча слову Божию и внушая всем (служащее) к спасению (души), он предал дух свой в руки Бога, и тут же случился (в гавани) корабль по его предсказанию. Положив его в гроб, Георгий, святейший епископ Амастриды, и весь его город сопровождали его (Иоанна) до судна со свечами и фициями. И так он был переправлен в свой монастырь, названный в честь Святых Апостолов, в Парфенитах, и там был погребен. Произошло и некое чудо в (особенной) скорости его переправы. Ибо упокоился он двадцать шестого (числа) июня месяца, и, отплыв двадцать седьмого, двадцать девятого поспел к всеобщей в монастырь Святых Апостолов. Этот монастырь преподобный снабдил всякого рода благоустроенными зданиями, священной утварью и разнообразными книгами, и населил его множеством преподобных монахов.

Чудеса. Сей преподобный муж, украшенный за веру и дела многими благами, вещая, приоткрывал отдаленное и будущее (по вдохновению) от Бога. Ибо Лонгин, ученик его, возвращаясь из Святого града Иерусалима, схваченный и распятый на кресте (вознесенный на крест) сарацинами, призвал (на помощь) молитву преподобного. Святой отец явился ему зрительно, и сразу же протонотарий эмира, дав пятьсот милиарисов, низвел его (с креста) и отпустил. Затем (Лонгин), схваченный снова другими, обратившись к святому и попросив об избавлении, (достиг того), что железа (оковы) пали с ног его, и через это он спасся.

И когда его ученики были в заточении, в котором и он был охраняем хазарами, после того, как он (сам) бежал в Романию, были схвачены и предстали перед каганом; подлежали казни по его (кагана) суждению, но по молитве преподобного были отпущены на свободу целыми и невредимыми. Так как каган сказал, что они не имеют вины. Тем временем, в этот самый час, когда они стояли перед каганом, преподобный в Амастриде, закончив утренний канон и вне церкви воздев руки, был в молении до третьего часа. Таким образом, что казалось, будто он на один локоть висит (над землей). И когда его спросил один из находящихся поблизости,

чего ради он так затягивает молитву, он ответил, что в тот самый час, дитя (мое), наши братья стояли перед каганом, но благой и милостивый Бог исторг их от смерти.

Некий монах, по имени Василий, ученик преподобного, охвачен был желанием покинуть (святого) и удалился. Но он не осмеливался объявить свое намерение, чтобы быть отпущенным. В торжище Кураситов преподобный почивал в церкви, внутри которой было много надгробий. И, вставая по ночам и молясь, он разговаривал с ними (мертвыми) как с живыми. Так что один из учеников преподобного слышал, как мертвые отвечали голосом и беседовали с праведником. Затем, помолясь следующей ночью, преподобный сказал лежащим мертвецам: «до каких пор, братья, будете лежать и не говорить? Вот, Василий, ученик мой, мертв, а говорит!» Тогда бодрствующий Василий, услышав это, понял, что его намерение открыто богоносному отцу, и пав к его ногам, поведал обо всем, что было у него на сердце, и испросил этим прощение.

Когда преподобный сидел в темнице Фулл, владелец этих самых Фулл, придя, бросил к его ногам свое дитя, покрытое от головы до ног ранами, так что казалось, не было на нем человеческого облика. Когда же (Иоанн), осенив его крестным знамением и окрестив, принял в свои объятия, то дитя тотчас очистилось от ран.

Некто другой, несправедливо порицавший преподобного, как если бы тот являлся причиной того, что крепость Готфии была передана кагану, и некоторые погибли несправедливо, среди упреков занес свою ногу (в стремя), чтобы сесть верхом на коня, (внезапно) упал ничком и испустил дух.

Ава каких-то (человека), враждовавших друг с другом из-за вина, бывшего в пифосе, и не примирившихся даже при посредничестве святого, обнаружили оспариваемое вино застывшим в пифосе; вернувшись домой и разрубив его подобно сыру, вывалили (из пифоса).

И многие другие чудеса содеял преподобный. И жители той страны, повествуя о них всем во всеуслышание, приводят внимающих к сокрушению сердца (раскаянию) и обращению к Богу. Посему, отче святой и боговдохновенный, прославленный глашатай православной веры и страж божественных и священных догматов, помяни и нас, недостойных и грешников! И хотя мы далеко отстали от твоего благочестия в божественной и пламенной ревности (ревнии), но ты подкрепи нас своим заступничеством, чтобы избавились мы от вредного общения с разрушителями святыни и нечистыми еретиками и сподобились с тобою вечной жизни! Ибо благословенно и прославляется всесвятное имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, аминь!»

⁴ Papebrochio D. De sancto Joanne, Episcopo Gotthiae. Vita e codice Vaticano nunc primum Latine versa // Acta Sanctorum. Iunii. T. V. Antverpiae, MDCCIX (1709). P. 190–194; Acta sanctorum... Bollandi, mensis Junii. T. V. Sub die 26. Veneziana, 1744. P. 151 sq; Acta sanctorum, collecta... a sociis Bollandans. Iunii, VII, 3.ed. Parisiis, 1867. P. 162–172; Halkin F. Analecta Bollandiana. T. LXVI. Bruxelles, 1948. P. 82, ann. 1.

⁵ Ehrhard H. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Leipzig, 1937. T. I. P. 642–647.

⁶ Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). P. 78–85. Здесь же и информация о рукописях источника (P. 76).

⁷ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского.

⁸ Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // ЗОИИД. Одесса, 1885. Т. XIII.

⁹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1345–1370.

¹⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 8–14.

¹¹ Huxley G. On the Vita of John Gotthia. P. 161.

¹² «Месяца того же (июня), 26 (числа). В этот самый день — поминание преподобного отца нашего Иоанна, бывшего епископом Готфии. Он был (жил) при Константине и Льве Исавре, происходя из страны Тавро-скифов, подчинявшейся власти (державе) Готфов, приходясь сыном Льву и Фотине. Он был посвящен еще с детства, подобно Иеремии и Самуилу Великому, рожденному по молитве, (поэтому после рождения) тотчас был посвящен Богу. Когда же он достиг в меру духовного и телесного взрослого состояния, решил возвести его на архиерейский престол. Своим собственным народом он был отправлен к кафолическому престолу Иверии и там был рукоположен. Ибо ересь иконоборцев господствовала в римских областях. После же кончины Константина и Льва он прибыл в Царственный град и много собеседовал с царицей Ириной о православной вере, и вернулся обратно в собственную страну. И там он подвергся многим опасностям (и мучениям) из-за того, что был предан собственным народом начальникам хазар. Сбежав и оказавшись в Амастриде, что в Понте, окончил жизнь и к Господу переселился. Почитаемые останки (его) были перевезены на корабле и помещены в его монастырь Святых Апостолов, и в нем установлены».

¹³ Delehayе Н. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. Brussel, 1902. Col. 771–774.

¹⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 14–15.

¹⁵ Menologium Graecorum Basilii Porphyrogeneti Imperatoris Jussu Editum // PG. CXVII J.-P. Migne, Parisiis, 1894. Col. 511–512; Ševčenko N.P. Menologion of Basil II. P. 1341–1342; Виноградов А.Ю., Захарова А.В. Василия II Минологий. С. 225–229. Этот синаксарь являлся сводом сокращенных Житий святых, включенных в общий текст в соответствии с церковным календарем. Кроме того, произведение содержало 430 иллюстраций — миниатюр, изображавших библейские сюжеты и лики святых. Синаксарь, как явствует из посвяжительного стихотворения, был составлен для императора Василия II Болгаробойцы (976–1025).

¹⁶ Текст по: Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского из Минология Василия II // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. «Месяца того же (июня). 26 (числа) Память преподобного (святого) отца нашего Иоанна, епископа готфов. Этот святой отец наш Иоанн, подобно великому пророку Иеремии, от рождения был посвящен, ибо был рожден по обету, данному родителями благочестивыми и благоверными: и отдан был ими сразу после рождения в дар Богу. Он был посвящен церкви епископства Готфии в царствование Кеонта (Льва. — Авт.) Исавра. Когда же он, достигнув зрелого возраста, соразмерно телесного и духовного, должен был взойти на архиерейский престол, избранный своим собственным народом, он был направлен в Иверию и рукоположен тамошним архиереем из-за ереси иконоборцев, возобладавшей тогда в Константинополе. И, возвратившись, он хорошо пас свою паству. Он прибыл в Константинополь после смерти Исавра, был удостоен аудиенции царицы Ирины, вернулся обратно к своей церкви. Но преследуемый (изгнанный?) собственным народом, в Амастриде скончался».

¹⁷ Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского из Минология Василия II; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. К вопросу о Житии Иоанна Готского из Минология Василия II // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. VIII Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Феодосия, 2014.

¹⁸ (31 мая) «В этот день — поминание преподобного отца нашего Иоанна епископа Готфии. В дни царя Константина Старшего (Взрослого) был в полном цвете преподобный отец наш Иоанн (между святыми) в стране готфов. Сын, рожденный по молитве, как в древности Самуил, и воспитанный в подвижничестве от нежного возраста, превратился в пристанище Христа. Придя же в Иерусалим и обойдя все почитаемые места в три года, вернулся домой. Когда же тамошний епископ был переведен Константином Старшим во фракийскую

Ираклию, он (Иоанн) возглавил кафедру по многочисленным просьбам тамошних христиологов, для чего они отослали его в Иверию, (откуда) он вернулся на родину после утверждения его епископом. Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невинные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом), ему удалось бежать, и, переправившись в Амастриду, (где) он и провел четыре года. Услышав же о кончине кагана, он рек бывшим с ним: «И я через сорок дней отойду судиться с ним пред ликом Христа». Так и случилось — через сорок дней, когда он поучал народ о спасении души, отлетел дух его к Господу. И в скором времени прибыл его корабль туда (и это было предсказано святым). Тогда Георгий, святейший епископ Амастриды, вложив его в гроб, с восковыми свечами и фимиамом, в сопровождении всего города отнес его на корабль. И переправив его в его собственный монастырь Парфенона, положили его в священную раку. И многие чудеса случились после его кончины, случаются они и поныне и восхваляются живущими там. Но и живым он совершил их немало. Одних только записанных мы обнаруживаем десять (отдельных чудес), оставляя которые из-за их объема, мы кладем конец повествованию».

¹⁹ Kitchin G.W. Catalogus codicum mss. qui in bibliotheca Aedis Christi apud Oxonienses adservantur. 1867. P. 1–7: ms. no. 2.

²⁰ Delehayе Н. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. Col. XLI–XLII. Под обозначением Md.

²¹ Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford. P. 59–83.

²² Lefort M. Album palaeographicum codicum graecorum. Louvain, 1932.

²³ Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford. P. 80–81.

²⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 16–21; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника // ХА. Киев; Харьков, 2005. Т. 4; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского» // Sacrum et profanum. Севастополь, 2005. Т. 1; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/2.

²⁵ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского; Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II. С. 51–52; Браун Ф.А. О крымских готах. СПб, 1890. С. 11–13; Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. С. 65–67; Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в.; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. С. 147–149; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках. С. 36; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 201–210; Бабеников В.П. Из истории Крымской Готии // Известия ИИМК. М.; Л, 1935. Вып. 117; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 41–43; Средневековый Крым. С. 31–32; Крым в средние века. С. 33; Артамонов М.И. История хазар. 2001. С. 349–358; Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Крыму; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 208–210; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 618–619; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 47–54; Могаричев Ю.М. Крымская агнография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2003. Вып. XIII. С. 266–327; Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. С. 30–32; Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012. С. 151–163; Могаричев Ю.М.

Средневековый Крым (VI – середина XIII вв.): история, религия, культура. Симферополь, 2014. С. 149–156; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника; Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского»; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»; Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // ХА. Киев; Харьков: М., 2004; Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // ПИИФК. М.; Магнитогорск, 2004. № 14; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 504–537; Ч. 2. С. 1345–1370; Науменко В.Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2004. С. 12; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в.; Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II; Виноградов А.Ю. Иоанн Готский; Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration // Хазары: миф и история. Иерусалим; М., 2010. С. 101–106; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 409–418; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge-Massachusetts, 1936. P. 89–96; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period... P. 115; Huxley G. On the Vita of John Gotthia: Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. P. 324; Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891); Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae. P. 214–218; и др.

²⁶ Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991; Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.

²⁷ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1347.

²⁸ Мыц В.А. Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. 1997. № 57(82); Кирилко В.П. Средневековые сооружения средневековой Алушты // Время войны. Победители и побежденные. Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 6. С. 189–200.

²⁹ Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья. С. 9–13.

³⁰ Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. С.19; Могаричев Ю.М. Византийский Крым. С. 16.

³¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 8–19.

³² Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 420. Если следовать версии Жития, что Иоанн прожил в Амастриде четыре года, и принять дату восстания конец 784–786 гг., то смерть Иоанна приходится на период не ранее 789 гг. Однако, какое количество времени арестант провел в тюрьме в Фулах, источник не уточняет. Учитывая, что с данным этапом жизни Иоанна связано одно из чудес и участник погребальной процессии Георгий Амастридский был рукоположен не ранее конца 790 г., можно утверждать, что гипотеза В.Г. Васильевского близка к истине.

³³ Подробнее см.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1347–1348.

³⁴ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 402–403; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч.2. С. 1348.

³⁵ Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 47.

³⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С.1351.

³⁷ Там же.

³⁸ Отметим, ряд исследователей находят и археологическое подтверждение факту переселения на Южный берег Крыма малоазийских греков в VIII–IX вв. Предполагается, что те внесли новые элементы в материальную культуру Южной Таврики (Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Ред.-сост. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Археологический альманах. Киев, 2015. № 23. С. 309–312).

³⁹ По мнению М.-Ф. Озепи, родители Иоанна, равно как он сам, были зажиточными людьми, скорее всего, купцами (La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). P.70). Хотя текст источника не дает никаких намеков в пользу участия семьи Иоанна в черноморской торговле, они, вероятно, действительно были достаточно обеспеченными людьми. По крайней мере, фраза Жития «Этот монастырь преподобный снабдил всякого рода благоустроенными зданиями, священной утварью и разнообразными книгами, и населил его множеством преподобных монахов» позволяет это предполагать.

⁴⁰ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о Готской епархии в Крыму; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 106–115.

⁴¹ Присутствие епископа в Херсоне фиксируется не позднее 382 г. Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. А., 1978. С. 131; Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Харьков, 2003. С. 616; Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 416; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1. С. 355. И др.

⁴² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 17

⁴³ Напомним, согласно подписи под деяниями этого Собора епископа Херсона и Доранта Георгия (Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 13. P. 992; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С.189–190) приходы Херсона и будущей Готии находились в рамках одной епархии.

⁴⁴ Деяния Вселенских соборов. Казань, 1873. Т. 7. С. 65, 369, 385.

⁴⁵ Более подробно см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.

⁴⁶ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 318–319.

⁴⁷ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. 1990. С. 80.

⁴⁸ Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 223–225.

⁴⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 163.

⁵⁰ Алексеев Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Х.Сб. Севастополь, 1998. Вып. IX.

⁵¹ Подробнее см.: Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. С. 693–696; Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. Екатеринбург, 2010. Вып. 40. С. 171–172; Цукерман К.К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 308–310; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 16; Никифоров М.А. Таврические климаты византийских источников.

⁵² Айбабин А.И. Этническая история ... С. 327; Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западной Таврике. С. 615–616; Айбабин А.И. Городище Эски-кермен в период господства хазар в Крыму. С. 215.

⁵³ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 159–160; Алексеевко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Судья, Сурож, Солдаи в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002. С. 22; Алексеевко Н.А. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати Киров // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX. С. 218; См. Alekseyenko N. L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 4–5, 29–32. Последняя историография вопроса см.: Алексеевко Н.А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Древнейшие государства Восточной Европы 2014 год. М. 2016. С. 441–443.

⁵⁴ Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки. С. 213.

⁵⁵ Науменко В.Е. К вопросу о титулах «топах» и «кир» в истории Таврики конца VIII–начала IX в. // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 335–336.

⁵⁶ Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // Сборник Радова Византологического Института. Београд, 2013. Т. L/1. P. 190–191.

⁵⁷ Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 118.

⁵⁸ Могаричев Ю.М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия. С. 71; Могаричев Ю.М. Византийский Крым. С. 30–31.

⁵⁹ См. подр.: Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы). С. 267; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2 С. 1352; Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Нике и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. С. 136–137.

⁶⁰ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 406.

⁶¹ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. СПб, 1893. Вып. 2; Васильевский В.Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. СПб, 1893. Вып. 2; Sevchenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 121–125. Подробнее о датировке источника см. Раздел 9.2.

⁶² Васильевский В.Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского. С.27–35.

⁶³ Соколов И. Избрание архиепископов в Византии IX–XV в. // ВВ. 1917. Т.22. Вып. 3–4. С. 244–252.

⁶⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1351–1352.

⁶⁵ Dargouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitane. P. 215–229; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зикхской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья. С. 98; Науменко В.Е. Церковная география Таврики. С. 11–18.

⁶⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1352.

⁶⁷ Auzéry M.-F. La Vie d'Etienne le Jeune et le iconoclasme. P. 405–406.

⁶⁸ Очевидно, что именно Житие Иоанна Готского являлось первоисточником для грузинских авторов (Виноградов А., Гугушвили Ш. Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.). Препринт WP19/2013/03 Серия WP19. Исторические исследования. М., 2013. С. 30; Виноградов А., Гугушвили Ш. Очерк истории абхазского католикосата. Часть 1. VIII–X вв. // Богословские труды. М., 2015. Вып. 46. С. 101–102.

⁶⁹ Подробнее см.: Виноградов А.Ю. Иоанн Готский.

⁷⁰ См: Дорофей. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2005. С. 223–224.

⁷¹ Мцхетская локализация рукоположения Иоанна является наиболее обоснованной (Виноградов А., Гугушвили Ш. Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.). С. 30; Виноградов А., Гугушвили Ш. Очерк истории абхазского католикосата. С. 101–102.

⁷² О том, что Иоанн не был легитимным епископом, пишет и М.Ф. Озепи. Однако, по ее мнению, это случилось из-за того, что место готского епископа было уже занято (Auzéry M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). P. 71). Отметим, что Житие ничего не сообщает ни о каком другом готском епископе, кроме предшественника Иоанна.

⁷³ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики. С. 115.

⁷⁴ Как это делают, например, А.И. Айбабин (Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 619) и К. Цукерман (Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum. P. 217; Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 417).

⁷⁵ Соколов И. Избрание архиепископов в Византии IX–XV в. С. 245.

⁷⁶ Соколов И. Избрание архиепископов в Византии IX–XV в. С. 227.

⁷⁷ Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике. С. 78; Византийский Херсон. Ч. 1. С. 506–507.

⁷⁸ О функционировании на территории полуострова института пресвитеров сообщает Житие Феодора Студита (vita B) «Жившие в странах области Херсонской и Воспорской епископы и пресвитеры» (Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1378). Кроме того, известна надпись, происходящая из часовни, расположенной внутри пещеры на г. Басман: «Почил раб божий Иоанн, пресвитер (?) Херса(й)кеи», датированная временем не ранее X в. Причем, как справедливо заметила издатель надписи Э.И. Соломоник, под Херсакеей следует понимать не сам Херсон, а подчиненную ему область (Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 216–217.

⁷⁹ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе... С. 135.

⁸⁰ Лебедев А.П. Духовенство древней вселенской церкви от времен апостольских до X века. С. 15.

⁸¹ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе... С. 135.

⁸² Вполне возможно, что именно Лонгин составил первоначальное Житие Иоанна Готского, или, что более вероятно, текст писался в Амастриде с его слов (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 23).

⁸³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1352. Прим. 530.

⁸⁴ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 113–114.

⁸⁵ С этим согласен и А.В. Виноградов (Иоанн Готский).

⁸⁶ Как показала Е.В. Степанова, даже после восстановления иконопочитания на моливодулах Ирины встречаются лишь светские изображения. Ей приходилось лавировать между различными партиями, и поэтому она старалась избегать изображения религиозных символов, однозначно толкующих ее церковную направленность (Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 103).

⁸⁷ Auzéry M.-F. La Vie de Jean de Gothie BHG 891. P.75

⁸⁸ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum. P. 217; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 418.

⁸⁹ Айбабин А.И. Городец на плато Эски-кермен. С. 210.

⁹⁰ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики. С. 115.

⁹¹ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 416.

- ⁹² Это подчеркивает и А.И. Айбабин (Городище на плато Эски-кермен. С. 210).
- ⁹³ Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму. С. 619.
- ⁹⁴ Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике. С. 79; Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. С. 1357.
- ⁹⁵ Виноградов А.Ю. Иоанн Готский; Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration. С. 101–102.
- ⁹⁶ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 417.
- ⁹⁷ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 204.
- ⁹⁸ Бабенчиков В.П. Из истории Крымской Готии.
- ⁹⁹ Якобсон А.Л. Крым в средние века. С. 33.
- ¹⁰⁰ Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. С. 161.
- ¹⁰¹ Артамонов М.И. История хазар. С. 351.
- ¹⁰² Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. С. 14–16.
- ¹⁰³ Noonan T. Byzantium and Khazars: a special relationship? P. 113–114.
- ¹⁰⁴ Байер Х.-Ф. История крымских готы. С. 62.
- ¹⁰⁵ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 209.
- ¹⁰⁶ Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу. С. 103.
- ¹⁰⁷ Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. С. 346.
- ¹⁰⁸ Фарбей А.М. Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 356; Фарбей О.М. Христианство в Тавриче в VII–IX ст. (сучасний стан та основні проблеми дослідження). С. 316.
- ¹⁰⁹ Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration. С. 103; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 419.
- ¹¹⁰ Подробнее об историографии см.: Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. С. 152–153; Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. С. 342–343; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 200–202; Могаричев Ю.М. Война Иоанна Готского // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. г. Волгограда, 26–27 сентября 2014 г. Волгоград, 2014.
- ¹¹¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 151.
- ¹¹² Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VII – середине IX в. С. 544–545.
- ¹¹³ Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в) // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 1. С. 166–168.
- ¹¹⁴ Айбабин А.И. Этническая история ... С. 197.
- ¹¹⁵ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. С. 103–110; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка №2. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 1; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3; Белый А.В. Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 154–155. и др.

- логический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 1; Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3; Белый А.В. Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 154–155. и др.
- ¹¹⁶ В данном случае мы имеем в виду собственно салтовские поселения. При этом мы помним, что следы хазарских фортификационных работ выявлены на Мангупе. Вероятно, остатки оборонительных сооружений раннесредневекового времени имеются на городище Ак-Кая/Вишенное. Однако принадлежали ли они «хазарскому» поселению или византийской крепости, вопрос, который может быть прояснен после публикации результатов археологических исследований памятника.
- ¹¹⁷ Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-кале; Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. С. 4–38.
- ¹¹⁸ Талис Д.А. Городище Тепе-кермен // КСИИ. 1976. Вып. 148. С. 103; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации). С. 191.
- ¹¹⁹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 154.
- ¹²⁰ О сооружении в эпоху Юстиниана I «длинных стен» для защиты некой страны Дори мы знаем из трактата Прокопия Кесарийского «О постройках» (Кн. 3. VII): «15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. 16. В этой стране император не построил ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. 17. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь». Где находилась эта загадочная страна — вопрос дискуссионный. Учеными высказывались различные версии как локализации Дори, так и «длинных стен» (Последние историографические обзоры см.: Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. С. 19–20; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 33; Ушаков С.В. Варвары Горной Таврики на рубеже эпох. Археологический альманах. №23. Донецк, 2010. С. 148–149; Айбабин А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX). В настоящий момент большинство исследователей склоняются к мысли, что страна Дори — это территория, которая впоследствии стала называться Готией или Климатами, т.е. горный Юго-Западный Крым, а возможно, и часть Южного, а «длинные стены» — реально существовавшие оборонительные сооружения, перекрывавшие наиболее легкодоступные ущелья Юго-Западной Таврики. Они препятствовали проникновению крупных военных отрядов кочевников из степей вглубь Дори и к Херсону. Один из таких фортификационных узлов был выявлен в первой половине 80-х гг. в ходе археологических работ, проводившихся в балке Каралез под Мангупом (Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. С. 114–115). Некоторые исследователи отмечают следы подобных укреплений и в других местах (Мыц В.А. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. С. 69–70; Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. 5. С. 331–332).

¹²¹ Действительно выглядит странным отсутствие упоминание в Житии о Херсоне. Скорее всего, херсонские власти не вмешивались в конфликт в Готии. О причинах сего можно выдвигать много предположений, однако при отсутствии дополнительных источников это вряд ли будет выглядеть аргументированно.

¹²² Первоначально А.Ю. Виноградов и А.В. Комар переводили фразу о репрессиях по отношению к восставшим так: «а 17 невинных человек хаган забрил в рабы» (Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики. С. 50). Затем, очевидно приняв критику (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 26–27), но не упомянув об этом, согласились с традиционной трактовкой (Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration. С. 104).

¹²³ Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1361.

¹²⁴ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе... С. 136.

¹²⁵ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1357.

¹²⁶ По М.-Ф. Озепи, Иоанна поддержали те, кто был настроен против центральной власти (La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) P. 70).

¹²⁷ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 315; Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. Симферополь, 2003. Вып. III. С. 115–116.

¹²⁸ Сюзюмов М.Я. Византийский город: середина VII – середина IX в. // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 117.

¹²⁹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы). С. 266–271.

¹³⁰ Айбабин А.И. Этническая история ... С. 211–212.

¹³¹ Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration. С. 93. А.И. Айбабин настаивает, что надпись происходит из материалов Эски-керменской экспедиции, ликвидированной в 1937 г. (Городище на плато Эски-кермен. С. 220).

¹³² Виноградов А.Ю., Комар А.В. Две «хазарские» надписи из Юго-Западного Крыма // РА. 2005. №3; Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration.

¹³³ Чореф М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Supplement 1. Тюмень: Нижневартовск, 2015. С. 60; Чореф М.М. К истории Таврики — контактной зоны Византии и Хазарского каганата // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 201–202.

¹³⁴ Айбабин А.И. Этническая история ... С. 210.

¹³⁵ Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлар (Алушта, Крым): исследования и материалы. Ред.- сост. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Археологический альманах. Киев, 2015. № 23. С. 309–312; Тесленко И.Б., Телиженко С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический Альманах. № 33. Киев, 2015.

¹³⁶ Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С. 111–120; Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доресе // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 63; Гер-

цен А.Г. Хазары в Доресе-Мангупе // ХА. Харьков, 2002. Т. 1. С. 33; Герцен А.Г. Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало XI вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 243–245; Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // Херсонская фема: империя и полис. Материалы научной конференции. VII. Севастополь, 2015. С. 36–37.

¹³⁷ Например, А.Г. Герцен считает, что с конца VIII в. и до середины X в. в Таврике существовало пограничье, разделявшее византийские и хазарские владения (Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993).

¹³⁸ Репников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 140.

¹³⁹ Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 25–26, 54.

¹⁴⁰ Баранов И.А. Таврика в эпоху... С. 151–152.

¹⁴¹ Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-кермен // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 47; Айбабин А.И. Этническая история. С. 210; Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму. С. 221; Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-кермен. С. 132.

¹⁴² Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988; Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев, 2002.

¹⁴³ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932. С. 102; Петрухин В.Я. Еврейско-хазарская переписка X в. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. М., 2009. С. 197–207; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1578–1580. Согласно этому источнику, в состав каганата около 950–960 г. (различные авторы датируют источник в пределах этих хронологических рамок) входил весь полуостров, за исключением Херсона и его ближайшей округи.

¹⁴⁴ Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. С. 61–62.

¹⁴⁵ Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. С. 63.

¹⁴⁶ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 108–109; Хвольсон Д.А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а также образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб., 1884. С. 500.

¹⁴⁷ Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. К., 1994. № 1–2; Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хазарського царя Йосипа // ХА. 2005. Т. 4. Обзор литературы и опровержение см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 21–36.

¹⁴⁸ См. подробнее: Рашковский Б. Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках. С. 72–88; Рашковский Б.Е. Некоторые историографические аспекты вопроса о подлинности послания хазарского правителя Иосифа // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. Вып. XXVIII; Петрухин В.Я. Еврейско-хазарская переписка X в. С. 185; Кизилов М.Б. Крымская Иудея. С. 81; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. С. 31–32.

¹⁴⁹ Науменко В.Е. К вопросу о титулах «топах» и «кир» в истории Таврики конца VIII – начала IX в. С. 333.

¹⁵⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 166, 180–181.

- ¹⁵¹ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 217–218; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1374.
- ¹⁵² Там же. С. 218.
- ¹⁵³ См. подр.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1374–1375. Прим. 663.
- ¹⁵⁴ Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предвзятые наблюдения над исторической топографией городища. С. 37.
- ¹⁵⁵ Сюзюмов М.Я. Первый период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 54.
- ¹⁵⁶ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 341.
- ¹⁵⁷ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1363.
- ¹⁵⁸ Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всеобщего симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979. С. 96.
- ¹⁵⁹ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 77–79; Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32.
- ¹⁶⁰ Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002. С. 84–85; Мыц В.А. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 147.
- ¹⁶¹ Завадская И.А. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. Тез. докл. Севастополь, 2004; Завадская И.А. О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1; Завадская И.А. Партенитская базилика: архитектурно-археологический контекст и исторические интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. XIV Боспорские чтения. Керчь, 2013; Хрушкова Л.Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): Мог ли в ней быть похоронен епископ Иоанн Готский? // Климентовский сборник. Севастополь, 2013.
- ¹⁶² Адаксина С.Б. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. СПб., 2002. С. 28; Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и матировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2. С. 169–171; Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма и о Партенитской базилике. С. 170–173.
- ¹⁶³ Адаксина С.Б., Мыц В.А. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. СПб., 2013. Т. 6. С. 501–503.
- ¹⁶⁴ См.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1408–1446; Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59.
- ¹⁶⁵ Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею общества // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 46.
- ¹⁶⁶ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Paris. 1963. V.1. P. 669.
- ¹⁶⁷ Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе ... С. 133.
- ¹⁶⁸ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 653.
- ¹⁶⁹ См.: Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71; Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп). С. 107–108; Байер Х.-Ф. История Крымских готов. С. 207–209; Мыц В.А. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. С. 112–149.
- ¹⁷⁰ Успенский Ф.И. Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания // ЗООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2003. №1. С. 79; Da Costa-Louillet G. Y eut-il des invasions Russes dans L'Empire Byzantin avant 860? // Byzantion. 1941. V. 15; Ševčenko I. Hagiography

of the iconoclast period. P. 114; Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge-Massachusetts, 1946. P. 81–83; Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): The Sources. An Annotated Survey. Aldershot, 2001. P. 227. Показательно, что А.В. Назаренко, анализируя письменные источники по истории Древней Руси, Житие Стефана Сурожского «выносит за скобки» (Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 18); Feldman A. The Historiographical and Archaeological Evidence of Autonomy and Rebellion in Cherson: a Defense of the Revisionist Analysis of Vladimir's Baptism (987–989) // Submitted as MRes Thesis to the Byzantine, Ottoman and Modern Greek Studies, The University of Birmingham. P.60–61.

¹⁷¹ Историографические обзоры см.: Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3. С. CXLII–CLVI. (первое издание: Русско-Византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II); Вестберг Ф. О житии св. Стефана Сурожского // ВВ. СПб., 1907. Т. XIV. Вып. 2–3. С. 234–235; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 46–53; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 25–28; Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 67–70; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.) СПб., 2000. С. 24–36; Сорочан С.Б. Судья в “темные века” // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 341–342; Шорохов В.А. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX вв. Дисс. ... канд. ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2014. (рукопись). С. 118–121.

¹⁷² Книга степенная (издание Ф. И. Миллера). М., 1775. С. 83.

¹⁷³ Необходимо отметить, что некоторые исследователи все же относятся к историчности «похода Бравлина» скептически. Так, А.П. Толочко отмечает: «К сожалению, текст легенды настолько поздний (XVI век), что никакой ценностью для ранней истории не может обладать» (Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 139). Также было аргументировано мнение, что «поход Бравлина» не имеет отношения к ранней истории Руси (Шорохов В.А., Мещенина А.А. Поход русов на о.Эгина в 813 г.: об одном из историографических мифов военного времени // Древняя Русь: во времени, в личностях, идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5. С. 340).

¹⁷⁴ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского.

¹⁷⁵ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского. С. CCXXIII–CCLXIII.

¹⁷⁶ В.Г. Васильевский считал, что Стефан пострадал именно при Константине V. А отождествление источником его гонителя со Львом III связано с тем, что «в Житии неверны собственно подробности заимствованные, очевидно, из постороннего источника и вставленные совершенно не к месту и неудачно в хронологические рамки, уже ранее существовавшие» (Там же. С. CCXL).

¹⁷⁷ Там же. С. CCXVI.

¹⁷⁸ Там же. С. CCLXIII–CCLXIX.

¹⁷⁹ Там же. С. CCLXXIII.

¹⁸⁰ Исключением, пожалуй, является статья Ф. Вестберга «О житии св. Стефана Сурожского». Смысл возражений Вестберга сводится к тому, что он не разделяет скептицизм В.Г. Васильевского относительно подлинности и достоверности ряда сюжетов Жития: «Пора признать за Житием св. Стефана значение важного исторического документа по истории древней Руси и Таврического полуострова за первую четверть IX столетия. ... первоначальная греческая биография нашего святого не могла быть написана позднее середины IX в» (с. 236).

¹⁸¹ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16. (В тезисном варианте: Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный colloquium. М., 2000).

¹⁸² Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.

¹⁸³ Иванов С.А. Древнеармянское житие Стефана Сурожского и хазары. С. 310.

¹⁸⁴ Там же. С. 311.

¹⁸⁵ Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 109–113.

¹⁸⁶ Великие Минеи-Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. М., 1904. Декабрь. Дни 6–17.

¹⁸⁷ Bozoyan A. La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006. Перевод на русский язык см.: Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 53–66.

¹⁸⁸ «В этот день — поминание преподобного отца нашего Стефана Исповедника, архиепископа Сугдайи. Сей прославленный и пресвятой муж, отец наш Стефан, родиной имел село Мориваса в стране Каппадокийцев. У родителей благочестивых и боголюбивых родилось дитя, и отдано было ими для изучения Священных писаний. И превзошел он всех сверстников своих там и тех, кто выделялся образованием. И в возрасте восемнадцати лет он в высшей степени обучился внутреннему и внешнему писанию, изучив прекрасно грамматику и поэтику, астрономию и геометрию, а также все энциклопедическое образование, и стал всем много любезен. Когда же его родители покинули (земную) жизнь, он раздал все свое имущество бедным. И, покинув родину, устремился в Афины. Ибо имел он страстное желание преклонить колени, обнять и поцеловать храм Богоматери. Обретя же там уроженцев того места, отечественных философов и риторов, немало беседовал он со всеми (ими) и вел ученые беседы. Он возвратился в Константинополь и стал известным и любимым для всех, обладавших умом, из-за его смиренности и сладости речи. Войдя же в некий монастырь, он принял постриг, ибо более (всего) желал уединенной и подвижнической жизни, но не достиг желаемого. В то самое время предстоятель православного города Сугдайи отошел к Господу, и появилась нужда и (начались) поиски (кандидата) для поставления другого первосвященника. Церковный строй избрал этого славного мужа из-за присущей ему добродетели и спокойствия нрава и как имеющего перевес в речах, и как наставника правых догматов. И возводится он, всесвятой, на архиерейский престол после проверки прав и голосования божественного и священного Синода и самого Апостольского престола, (его) управляющего Германа, сиречь святейшего и исповедника. И зажжен огонь в светильнике и становится он светочем всем там, не только верующим, но и неверующим, не только стоящим вблизи, но и тем, кто в отдалении. Всех освещало и обогревало справедливостью Союнца, сиявшего от его жизни. И направляется славный к выпавшей ему пастве. Попустительствуемый Богом и недостойный царствия Лев Армянин, недостойно и тиранически овладел императорской властью и возбудил страшнейшую войну против божественных святых и священных икон, и всех, кого он находил верными и православными, осудил на тюремное заключение, высылку и суровые наказания. Всю землю, можно сказать, всколыхнул он. И нечестивое его постановление достигло преславного города Сугдайи. И послал Лев-зверь арабов-волков, соратников и пособников своих, чтобы исторгли они (из стада) овцу Бога. И как ученик за учителем своим, и как простодушный ягненок (за овцую сторону), последовал он за ними, не споря и не крича. И, сойдя на берег, — о, чудо из чудес! — благой сосуд Христов, священнейший и святейший ввергнут (был) в корабль, подобно бесполезной некоей ноше. И вышли они из гавани. И многое испытыв в плавании, прибыл священнейший Стефан в город Царственности (Царьград). И сошел сей благородный муж с корабля, защищенный всеоружием Святого Духа, вступил он в бой со зверем. И когда взрвел

Лев — не поддался алмаз, не сробел благородный! Он поразил его духовными стрелами из писаний и из многих постановлений (соборов), и низверг его бессильную дерзость. И громыхала святой, вонзая (стрелы) в нечестивца, и устрасил его. И рек благородный громким голосом: “О, царь, владыка царства! Почитание образа и преклонение (перед ним), как бы там не говорить, исходит от первообраза”. И многое другое говоря, святой пускал стрелы в Льва, как некогда Даниила. И переменялся он (царь) в лице, тут же велел он наказывать святого. Соумышленники зверя сразу же повергли святого, одни попирали его ногами, другие же избивали дубинками, иные бросали камни. И многие истязания перенес святой, заключили его под стражу. И многое перенес и выдержал он с твердостью и вышел победителем через благоволение Бога. Святой освобождается из затвора благодаря женщине Ирине (по сути — это “мир”). И отошел пастырь прекрасный к собственной пастве и обрел разумных своих овец преисполненными великой печали. И завидев пастыря, возрадовались призывно овцы великой радостью. И прекрасно он пас и поучал свою паству и совершил многие чудеса, одни — прежде упокоения, другие же после упокоения. И пятнадцатого (числа) декабря месяца отошел он к Господу. Бог помилует и спасет нас через его заступничество» (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 13–15).

¹⁸⁹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 290.

¹⁹⁰ Там же. С. 81–82.

¹⁹¹ С сокращениями: «Блаженный Степаннос рожден был в наһанге Кападовкийцев, от благочестивых родителей, и по боязни Божьей, что (те) имели, воспитывали и дитя свое в кротком нраве и всем целомудрии по притческазателю слову, дескать, от плода справедливости вырастает древо жизни. Когда достиг семи лет, отдали его учению божественным писаниям, и день ото дня, Божьим соблагованием, продвигалось дитя Степаннос (более), нежели все со товарищи его, и за короткое время запомнил весь Старый и Новый Заветы в уме своем, как в благодающей и в плодотворной земле, вплоть удивив вардапета и всех со товарищей своих. И когда достиг десяти и восьми лет, оставил все житейские занятия по господнему приказу, крест Господа подняв, вышел из родного гавара и добрался до Костандинуполиса, до великого епископского главы Германоса. И когда увидел его архипастырь, прозрел в душе, что было из-за бытия (его) великим просветителем и предводителем, позвал его и рукоположил дьяконом, и после немногих дней рукоположил священником. Когда рукоположился священником попросил у патриарха отправиться к великой горе Бюзандии, к пустынному инокам, и когда отправился и увидел святых отцов и богоугодное житие их, поселился у них по Божьему соизволению, присоединился к отшельническому житию их, пока почти все виды добродетели на себе самом, перенеся, стал истинным обиталищем Духа Святого. ... И исполнился тридцати и пяти лет. В дни в те почил епископ Сухты, и озадаченные князя города и священники отплыли в Костандинуполис к святому архипастырю Германосу и к царю Тэодосу, прозвище Андрамандинос, и попросили себе предводителя у царя и у патриарха и (те) повелели дать. Когда по собственной воле собрались достойные предводительства, и один это имя назвал, и другой — то, (тогда) и умолили патриарха попросить Бога указать им достойного. И уединился тот просить у Господа, и вот явился ему ангел Господа и говорит: “Степаннос инок, к.т.е. в пустыни такого-то имени, он есть достойный того престола”, — и показал ему [патриарху] вид и рост (Степанноса). И послал патриарх иноков и позвал его к себе (Степанноса). И когда (тот) пришел, известился в душе (патриарх) от видения ангела. Говорит: “Добро пожаловать, сын мой Степаннос; от Господа объявлено быть тебе предводителем и пастырем паствы Христоса”. А он отказывался, говоря: “Не смогу осилить такого ярма, ибо кто пастырем желает быть, (тот) пастырскому главе Христосу должен уподобиться; благостно есть (это) ярмо, однако, трудно

носимо есть бремя". И в день воскресенья собрались все наследники церкви и рукоположили его, по заслугам, епископом столицы Сухты, и отправили на царском корабле во владение его. Когда добрался до престола своего, вошел в город, и узнал множество неверия идолопоклонства. И начал проповедь Евангелия в народе своем верующем, (и) утверждал в вере (других), и неверных крестил, и очистил всю страну от языческой ереси, пока прославилось имя его по всей стране. А клеветник сатана завистью терзался от такой известности святого и от аскетизма (его), и пробудил некое беззаконное по имени Малсамас, из сторон восточных, и (тот) собрал много войска и, пришедши в страну Никомида к царю по имени Леон, отправил к нему послание и говорит: "Известно мне, мол, тебе желают царствовать в Костандинуполисе; итак, приду на помощь тебе, и ты царствуй миром тем, и я войском управлюсь по закону". И отправились с множеством войска в Костандинуполис. А царь Тэодос, прозвище Андрамандиос, оставив город им, встал и ушел; и (те) вошедши в город, овладели миром и всем населением. А беззаконный Леон зверонравным был, и делами соответствовал имени, ибо изображения святых и Богоматери, и мощи мучеников крушил, и по стране метался и попираал. Сослал и святого архипастыря Германоса и поставил вместо него некоего епископа по имени Иринос, по прозвищу Анастиос, своей [Леона] ереси. И возвестил по всем гаварам, чтобы не почитали святое имя Бога, и святых его, и если найдут во Христа верующих, дабы истерзали страшной смертью. И когда узнал святой Степаннос о таком паводке потопа над святой церковью и разумной пастырью Господа своего, вспомнил первых святых отцов жития и страдания, что (те) из-за свирепых и злых царей некогда перенесли, и возжелал их житий соучастником стать; и стал-таки. Вручив пастырю свою пастырскому главе Христу, и сам взволнованный, отправился в Костандинуполис, и, вошедши к царю, со смелостью в глаза и (в) лицо осудил безбожное заблуждение его и сказал: "Зачем творишь такие злодеяния и бесполезные дела?" И тот вовсе не внимал к сказанному им. И говорит святой Степаннос: "О, царь, откуда получил повеление на такие деяния: осквернить изображения святых Божьих? Не похож ты на первых царей, что царствовали от Бога и возвысили святых его, ставших и нашими первыми святыми, или же закончилось это все? Так знай, о, царь, что как поступишь с Богом и его святыми, (так и) понесешь возмещение от справедливого судьи Бога". Когда услышал сие от святого, раздосадовался зверь и говорит: "Скажи мне, епископ, когда будет мне это, о чем говоришь, падение царства моего". Говорит епископ: "В царствование Кононоса будет". Говорит царь: "Истину говоришь Степаннэ, я есмь Кононос". Говорит святой Степаннос: "Не будет твое царствование вечным, ежели ты суть предводитель Нэра". Когда услышал сие (царь), разгневался как зверь, и возбуденный нанес пощечину святому и приказал бросить в темницу. И палачи, схвативши насильно, вели его волоча. А он по пути начал (петь) псалмы ... И когда вошел в темницу, узнал многих святых отцов, затворенных там из-за истинной веры и послушания приказу царя; у одних были отсечены носы, у других – выколоты глаза, у третьих — отрезаны руки, у четвертых — вынуты сухожилия. Когда увидел святой Степаннос, сказал: "Страх и содрогание обрушились на меня, и накрыла меня тьма", — и пав целовал раны их и цепи ... И спустя дни царь, собравши единомышленников своих, рек: "Ведите сюда Степанноса епископа". Когда (тот) пришел, царь рек: "Не я виновен пред тобой, Степаннэ, что презрел тебя, а князя мои, ибо я желал послушать проповедь твою, а эти — нет. Итак, исполни волю мою, и я отправлю тебя на прежний престол твой". Святой говорит: "Не буду внимать я назидания твои и исполнять волю твою, ибо назидания твои суть гибель для их слушателей, кто, подобно тебе, станут ненавистными Богу". И разгневавшись, царь сказал святому, дескать, "Не исполнишь волю мою и (не) станешь попирать (святые) образы, как сдедали я и эти, страшной смертью умрешь". Говорит святой: "Я угрозу твоих не страшусь, и о смерти осведомлен, ибо смерти, что суть ради Христа, суть жизни вечные ... Когда услышал сие царь, разгневался и отправил его в темницу, ибо задумал всех заключенных истерзать вместе. И когда (Степаннос) вошел в темницу, начал

ободрять всех, просить у Господа положить конец смуте в святой церкви своей и сам как великий воитель (за это) был в их молитвах к Богу. И спустя немного дней сдох окаянный царь, и по заслугам отправилась душа его в тартары преисподней. После него царствовал Костандинос, сын Коприна, (муж) с христианской верой и благочестием. И привезли от Лазаров, из города Керча, дочь царя Вирха в жены Костандиносу, и было имя царицы Ерини. А по прибытию царицы, соответственно имени (ее) настал мир во всей стране. И поскольку прежде царица Ерини была насыщена о славе чудес святого Степанноса, сказала царю: "Желаю попросить у тебя нечто". И говорит (тот): "Проси, как и желаешь". И говорит (она): "Желаю, чтобы освободил заключенных епископов". И тотчас выведа, освободил всех, и отправил святого Степанноса на царском корабле в престол его. Когда (он) пришел, вернувшись в страну свою, нашел пастырю свою разбросанной и скитающейся, и начал проповедовать и утверждать их [пастырь] в вере истинной о Святой Троице. И рек народу: "Смотрите, братья, как много происшествий приключилось с нами и с вами в сие горькое время, а Бог своей всемогущей силой противников (наших) осрамил, и вас утвердил в любви своей и в воле". И собравшиеся все благодарили Господа, говоря: "Прозорливый и всемилостивый Бог, благодарю тебя, ибо вновь стал удостоенным пастырь свой ... И был в то время царь Вирхор, (который) проживал в Керчи; вызвал (он) князя Сухты, имя которого был Георг, прозвище Тархан, по какой-то причине; и этот опасался ехать. Пришедши к святому Степанносу, рек: "Отец святой, зовет меня царь, и надвое делится мысль моя, дескать, зачем должен звать меня". Говорит святой: "Не опасайся, сынок, к добру суть твои вызовы этот; зовет тебя, чтобы по мирскому определению женить тебя на женщине; но ты не соединишься с женой три года, а через три года придеши и построишь церковь во имя Святой Троицы, и после соединишься с женой, и впоследствии возвеличишься и прославленным станешь", как и вправду случилось. ... И был в то время святой Степаннос летам к семидесяти, дошедши благополучно до старости, и предвидел в душе кончину свою, и собрал всех священников и князей, иноков, простых и весь народ свой, вообще христиан, благословил их и увещевал божественными примерами, вручая их Господу, говорил: "Дети мои, время мое близко, и иду к тому, которого вождедел с детства моего". И объяв всех, угас с миром во Христе, в декабре 15, в день праздника епископа Елевтериоса и архипастыря Акоба Мцбинского. И был святой лет 35, когда рукоположен был в епископы, и занимал престол епископский 35 лет. И когда собрались священники в церкви похоронить святого, муж некий по имени Ефрем, лишенный света очей на долгие годы, пришедши, пал к ногам святого и поцеловал лице (его), и в тотчас озарились очи, и увидел свет, прославляя Бога и святых его. Когда увидели (это) люди, восторженно славу воздали Богу и по заслугам похоронили святой прах; и положили под надгробие с псалмами и молитвами во славу Бога, который прославляет прославивших себя. Спустя времена некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, и разрушил Керчь и страну его; и отправился оттуда в Шрсон [Херсонес] и разрушил тот, и взял в плен мужчин и женщин и детей, и других мечу придал. Оттуда пришел с войском в Сухта, и как поступал в других гаварах, так поступал и в этом гаваре, ибо кровь безвинных смесал с землей; взявши город Сухта, и вошедши в церковь святого Степанноса, похитил все сосуды церкви, золотую и серебряную утварь и почтенные облачения. И когда взял (похищенное), чтобы раздать войску своему, тогда отнялись руки, и лицо окаменело, и не мог двигаться, а трясся всем телом, и страшно стало всему войску. И вернувшись, положили всю утварь церкви на (прежнее) место свое, и после исправилось лицо и все тело. И уверовал в Бога (Пролис) и получил крещение во имя Святой Троицы. И пошла слава чудес по всему миру, и впредь никто не дерзал завладевать утварью церкви святого архипастыря Степанноса. В то время благочестивая царица по имени Анна, выйдя из Шрсона, (чтобы) поехать в Керчь, заболела по дороге и мучилась от боли. И поскольку прежде слыхала о славе чудес святого Степанноса, молила Бога и святых угодников избавить от боли; и вдруг удивление нашло на нее, и узрела святого Степанноса,

который говорил: “Не страшись, завтра в это время будешь исцелена от болезни своей, моим заступничеством”; и на следующий день исцелилась так, как будто и не впадала в скверну болезни, и послала дары церкви, и святому алтарю царские облачения, и много всего другого, и благодарила Бога и святого Степанноса» (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 80–66).

¹⁹² Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах.

¹⁹³ О том, что Стефан Сурожский почитался не только сугдейскими армянами, свидетельствует, например, включение его Жития в Айсмавурк, который находился в монастыре Сурб Хач, где и был скопирован Симеоном в 1316 г. Вторая рукопись с Житием Стефана Сурожского была выполнена в Каффе в 1467 г (Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах).

¹⁹⁴ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 310.

¹⁹⁵ Там же. С. 311.

¹⁹⁶ Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?) // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6.

¹⁹⁷ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 311.

¹⁹⁸ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 81–82.

¹⁹⁹ Текст см.: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 33–55.

²⁰⁰ Великие Миней-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь. Дни 6–17.

²⁰¹ Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского. С. 73–98.

²⁰² См. напр.: Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus' // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus-Ukraine. XUS. Vol. XII\XIII. Harvard, 1990. P. 97–99.

²⁰³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 82–85.

²⁰⁴ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 310.

²⁰⁵ Сюзюмов М.Я. Первый период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 56.

²⁰⁶ Например, как поступил автор переработанной редакции Жития Иоанна Готского.

²⁰⁷ АЖ — единственный источник, который указывает, в каком возрасте скончался Стефан. Учитывая сказанное выше о характере АЖ, очевидно, эта информация близка к истине.

²⁰⁸ С.А. Иванов определял время рождения Стефана около 697 г. а дату смерти — 765 г. (Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 311, 315).

²⁰⁹ Эта гипотеза, которую высказывал еще Д.Ч. Погодин (О походе руссов на Сурож // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 194) (правда, по версии В.Г. Васильевского, данная статья на самом деле была написана А.В. Горским (Житие Стефана Сурожского. С. СXLIV), поддержана и другими исследователями. См., напр.: Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 2000. С. 288; Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 215; Аузеру М.–F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques С. 326; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 1. С. 368. И др.

²¹⁰ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio V. 12. P. 994, 1154; V. 13. P. 138, 366, 384; Darrouzez J. Listes épiscopales du concile de Nicee [787]. P. 62–63.

²¹¹ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 12. P. 994; Деяния Вселенских соборов. СПб., 1996. С. 339.

²¹² Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 12. P. 994.

²¹³ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 12. P. 1096; Деяния Вселенских соборов. С. 390.

²¹⁴ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 12. P. 1154; Деяния Вселенских соборов. С. 415.

²¹⁵ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 13. P. 138; Деяния Вселенских соборов. С. 480.

²¹⁶ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 13. P. 366; Деяния Вселенских соборов. С. 568.

²¹⁷ Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. V. 13. P. 384; Деяния Вселенских соборов. С. 593.

²¹⁸ Следует отметить, что отождествление Стефана Сурожского со Стефаном, участником VII Вселенского собора, все же широко представлено в историографии. См., напр.: Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Судея (Судак), приписанные в греческом синаксаре. ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 624; Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. С. 63–64, 123; Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 159; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 52–53; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995. С. 217; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 206; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. С. 562.

²¹⁹ Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 110.

²²⁰ Напрашивается аналогия с Житием Иоанна Готского и гипотезой о принадлежности первоначального варианта этого произведения перу его ученика Лонгина.

²²¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 88–89.

²²² Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period.

²²³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 89–90.

²²⁴ Сюзюмов М.Я. Второй период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 78–79.

²²⁵ Конечно, эта версия присутствует в АЖ, но, скорее всего, армянский автор в данном случае ничего не придумывал, а просто перевел греческий текст. Не вызывает сомнений, что речь идет именно о Константине V Копроне — сыне Льва III, инициатора иконоборчества, с которым, согласно источнику, и боролся Стефан.

²²⁶ После него (инициатора иконоборчества — Льва III. — Авт.) царствовал Костандинос, сын Коприна, (муж) с христианской верой и благочестием — подобные одобрительные слова «с христианской верой и благочестием» сказаны Георгием Монахом в адрес Константина VI, сына Льва Хазарина (780–797) (Georgii Monachi Chronicon edidit carolus de Boor. Vol. II (textum genuinum inde a vespasiani imperio continen). Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri, NCMIV. P. 766).

²²⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 90–91.

²²⁸ Дагрон Ж. Тень сомнения: агиография под вопросом, VI–XI столетия // Мир Православия. Волгоград, 2015. Вып. 9. С. 32.

²²⁹ По мнению А.Ю. Карпова, культ Стефана Сурожского «стал особенно актуальным в Крыму именно в конце X века и, более того, именно в связи с корсунским походом князя Владимира» (Владимир Святой. М., 2004. С. 237).

²³⁰ Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Крепость в Судак. Симферополь, 1983. С. 13–41; Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006. С. 39–95.

²³¹ Тексты служб известны в нескольких версиях в русских рукописях XV–XVI вв. Однако в их основе, несомненно, лежат службы, которые были составлены судейскими священниками в начале XIV в. и в которых прослеживаются реалии того времени. На это обратил внимание еще В.Г. Васильевский (Житие св. Стефана Сурожского. С. ССXI–ССXVI), а затем и С.А. Иванов (The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 114–115).

²³² Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. ССXV; Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 115.

²³³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 292. №166.

²³⁴ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 185–186, 192.

²³⁵ Там же. С. ССLX–ССLXI.

²³⁶ Сюзюмов М.Я. Социально-политическая борьба и внешнее положение империи в конце VII – начале VIII вв. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 47–48.

²³⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3. С. 296, 309.

²³⁸ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского... С. 311.

²³⁹ Там же. С. 315.

²⁴⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 34–35.

²⁴¹ В.Г. Васильевский настаивал на достоверности данной цифры (Житие Стефана Сурожского. С. ССXXXVIII). Ф. Вестберг, понимая несоответствие, предположил, что в первоначальном тексте стояла цифра не 30, а 4 (О Житии св. Стефана Сурожского. С. 229). Однако его поправка основана не на реальном прочтении текста, а на желании «подогнать» хронологические отрезки жизни Стефана, указанные в Житии, под исторические реалии.

²⁴² Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского... С. 311.

²⁴³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 34–44.

²⁴⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 44–51

²⁴⁵ Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 113.

²⁴⁶ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 197.

²⁴⁷ Скорее всего, ошибочное определение императора не как Константина Копронима, а как сына Копронима, могло содержаться уже в греческом Житии. Хотя в данном случае можно предполагать и ошибку армянского переводчика (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 76–94).

²⁴⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 68. Поэтому предположение, что наследник византийского престола женился не на дочери кагана, а на дочери крымского наместника правителя Хазарии (Иванов С.А. Древнеармянское житие Стефана Сурожского. С. 315), вряд ли имеет право на существование.

²⁴⁹ Хотя В.Г. Васильевский и пытался доказать, что Стефан пострадал именно от Константина V (С. ССXL), это выглядит малоубедительным. Источник однозначно указывает на покровительство Константина Стефану.

²⁵⁰ О популярности Хронографии Феодана см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 19–20.

²⁵¹ Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. ССXXXI; Ševčenko I. Hagiology of the iconoclast period. P. 29; См также: Gero S. Byzantine Iconoclasm During the Reigh of

Constantine V, with Particular Attention to Oriental Sources. Louvain, 1977. P. 22; Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): The Sources. P. 227.

²⁵² Вестберг Ф. О житии св. Стефана Сурожского. С. 231.

²⁵³ Pritsak O. At the Dawn of Cristianity in Rus. P. 100.

²⁵⁴ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского... С. 313; Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 111.

²⁵⁵ Предположение М.А. Никифорова, что данное прозвище судейский правитель получил в результате женитьбы на дочери хазарского тархана (К вопросу о политическом статусе Судеи первой половины IX – первой половины XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 440), вероятно можно считать следствием молодости этого, несомненно, талантливого исследователя.

²⁵⁶ Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori arhiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880. P. 160, 20–30; Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium. С. 524; Византийский Херсон. Ч. I. С. 574, 612–613.

²⁵⁷ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. II. С. 1374.

²⁵⁸ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. II. С. 1374–1375; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. С. 546–547.

²⁵⁹ Вряд ли можно согласиться с мнением С.А. Иванова, что Ирина защищала Стефана с позиций «крымского или хазарского патриотизма (Древнеармянское Житие... С. 313). У нас нет никаких оснований утверждать, что реальная Ирина когда-то вообще была в Крыму, и тем более, из Крыма уехала в Константинополь.

²⁶⁰ Напомним замечание М.В. Бибикова, что «историзм агиографии проявляется косвенно, в глубинном, подспудном смысле происходящего, что соответствует социально-психологическим и историческим условиям средневековья» (Бибики М.В. К проблеме историзма византийской агиографии // Византийские очерки. М., 1996. С. 55).

²⁶¹ См., напр.: Бертье-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде С. 43, 50; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зикхской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья. С. 100; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 206; Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары. С. 312.

²⁶² Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. ССXVI.

²⁶³ См. также: Сорочан С.Б. О положении и статусе Судеи в VI–IX вв. С. 115.

²⁶⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 290. (№ 141)

²⁶⁵ Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. ССXII–ССXIII.

²⁶⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. II. С. 1351–1352.

²⁶⁷ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. С. 406.

²⁶⁸ Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового. С. ССVIII–ССX. Также краткое сообщение о ссылке некоего Стефана в Судею содержится в Синаксаре Константинопольской церкви (рукопись de Sirmond). См.: Delehaie H. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano.

²⁶⁹ Васильевский Житие Стефана Нового. С. 349.

²⁷⁰ Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. ССVIII–ССIX.

²⁷¹ О Судакском архиве печатей см.: Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32; Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II; Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // При-

черноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2; Степанова Е.В., Шандровская В.С. Еще раз о Судакском архиве печатей // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35; Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995; Булгакова В.И. Печати стратигос Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004; Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. II; Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III; Stepanova E. New Seals from Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. 1999. V.6; Stepanova E. New Finds in Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. 2003. Vol. 8. И др.

²⁷² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 183–184.

²⁷³ Никифоров М.А. К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI в. С. 442–443. Чем система научной аргументации, в большей степени здесь видится стремление поддержки научной концепции своего научного руководителя А.И. Айбабина. Это вызывает уважение, но не усиливает саму гипотезу.

²⁷⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 229–230. См. также: Сорочан С.Б. Сугдея в «темные века»; Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. С. 160–164.

²⁷⁵ Как уже отмечалось, по данным В.В. Майко и А.В. Джанова, в окрестностях Сугдеи выявлено не менее 7 сельских поселений, основание которых датируется VIII в. Известны здесь также 4 комплекса гончарных печей VIII – первой половины X вв., и три могильника этого времени.

²⁷⁶ В.Г. Васильевский определял дату конфликта Константина V и Стефана и, соответственно, ссылки последнего в Крым 767 г. (Житие Стефана Сурожского. С. CCXL, CCLXIV). М.-Ф. Озепи — 766 г. (Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. С. 206). А.И. Айбабин, основываясь на том, что в Минуологии Василия II Стефан не назван епископом, а подпись под протоколами VII Вселенского собора 787 г. принадлежит именно Стефану Сурожскому, датировал его рукоположение периодом между 766 и 787 гг. (Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 206).

²⁷⁷ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 323.

²⁷⁸ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 177–178.

²⁷⁹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 207–208.

²⁸⁰ Вспомним, что Житие Иоанна Готского также сообщает, что у того был предшественник. Однако, скорее всего, именно при Иоанне была предпринята попытка создания Готской епархии (См. Разд. 8.1).

²⁸¹ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского. С. 315.

²⁸² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 65.

²⁸³ Там же. С.282 (№4).

²⁸⁴ Там же. С. 292 (№ 164).

²⁸⁵ Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского. С. 311.

²⁸⁶ Присутствие данного сюжета в АЖ показывает ошибочность выводов А.И. Айбабина, К. Цукермана и ряда других авторов, которые считают, что этот эпизод, равно как и рассказ о Бравлине, был выдуман автором славянской версии (Айбабин А.И. Этническая история

ранневизантийского Крыма. С. 206; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства. С. 79).

²⁸⁷ Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. М., 1838. Ч. I. С. 422. (факсимильное издание: Ереван, 1986).

²⁸⁸ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в.; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв.; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 39–166.

²⁸⁹ Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. С. 461.

²⁹⁰ Хотя в историографии укоренилась точка зрения, что Юрий Тархан был именно хазарским наместником. См., напр.: Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. С. 149–150; Артамонов М.И. История хазар. С. 409; Более того, на основании прозвища Георгия – Тархан (именно прозвища, о чем однозначно говорит АЖ) был сделан вывод о присутствии в Сугдее хазарского тумена. См.: Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 151; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 1. С. 359, 428; Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского. С. 314.

²⁹¹ Очевидно, «новгородское происхождение» Бравлина в ЦСЖ следует рассматривать в контексте новгородско-московского противостояния. Известно, что Новгород претендовал на роль духовной столицы Руси. «Памятники письменности, возникшие там в это время, делают акцент на том, что после Киева Новгород на несколько столетий занял главенствующее место на Руси. Он стал законным преемником наследия Константинополя — Корсуни — Киева без какого-либо посредничества Москвы» (Сазанов А.В. Когда же Владимир взял Корсунь? Споры о датах // Средневековый Херсон X–XI вв. Русский исторический сборник. М., 2014. С. 230). В этой связи рассказ о Бравлине наглядно демонстрировал, что выходцы из Новгорода были на Крымском полуострове и принимали крещение там еще до похода Владимира. Вспомним поздние источники, в которых повествовалось о военном походе новгородцев на Корсунь при Ярославе Мудром и привозе оттуда «корсунских древностей». Отметим, что источники фиксируют устойчивые херсоно-новгородские связи в X–XIV вв., начиная с прибывшего с Владимиром из Херсона епископа Иоакима Корсуянина, возглавлявшего новгородскую кафедру 42 г. (Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 37–38; Сазанов А.В. Херсон и Крещение Владимира. Херсон в X–XI вв. Saarbrücken, 2013. С. 414; Брюсова В.Г. Русско-Византийские отношения середины XI века // ВИ. 1972. № 3. С. 58–60).

²⁹² Упоминание Херсона и Боспора, крайних юго-западной и юго-восточной точек Крыма, в таком контексте — очевидно есть указание на завоевание всего Крымского полуострова, вернее, его южной части. Например, в лекционари (Матенадаран, рукопись 4656. 1365 г.) сообщается о вторжении Мамай в Крым. Тогда «вся страна от Кеча до Сарук'армана здесь (город Крым. — Авт.) собралась» (Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь, 2010. С. 158). Вряд ли стоит сомневаться, что такой способ определения географических координат полуострова использован армянскими авторами у византийцев.

²⁹³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 211–212.

²⁹⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 212.

²⁹⁵ Некоторые исследователи предлагают подходить к интерпретации данного события с определенной осторожностью, хотя и не сомневаются в важности источника (См., напр.: Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Київ. 1998. С. 42; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы 2000 г. М., 2003. С. 4. Отметим, что А.П. Толочко в своей недавней работе считает этот сюжет не более чем «историографическое примечание» (Толочко А.П. Очерки начальной Руси. С. 138). Также в историографии присутствует мнение, что «поход Бравлина» не имеет отношения к ранней истории Руси. (Шорохов В.А., Мещенина А.А. Поход русов на о. Эгина в 813 г: об одном из историографических мифов военного времени. С. 340).

²⁹⁶ Куник А.А. О записке готского топарха // Записки Императорской академии наук. СПб., 1874. Т. 24. Кн. 1. С. 97–116; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1882. С. 325; Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 252; Роменский А.А. Империя ромеев и «тавро-скифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти Х в. Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 5. Харьков, 2017. С. 161–163. И др.

²⁹⁷ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. С. 69. Данный автор считает, что сказание о Бравлине появилось в связи с походом Владимира и явилось идеологическим оружием, которое пытались применить судейцы против русских. А когда опасность для города миновала, эта местная история была забыта, а Стефан так и не стал общевизантийским святым (с. 71–72).

²⁹⁸ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 67.

²⁹⁹ Яacobсон А.А. Средневековый Крым. С. 159. Эта точка зрения близка к мнению Е.Е. Голубинского, что нашествие на Сурож совершили азово-таврические русы (Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т.1 С. 42).

³⁰⁰ См., напр: Макарий. История христианства в России до Владимира. СПб., 1846. С. 171; Филарет. История русской церкви. Харьков, 1849. Т.1. С. 4; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1 С. 56–57; Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. CCLXXIV; Вестберг Ф. О Житии св. Стефана Сурожского. С. 234; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. С. 67; Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 289; Мавродин В.В. Образование русского национального государства. М., 1941. С. 20, 22; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 52; Артамонов М.И. История хазар. С. 408; Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 194; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. С. 28; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 124–127; Брайчевский М.Ю. Утверждения христианства на Руси. Київ, 1988. С. 34–36; Ишин А.В. Крещение князя Бравлина. К вопросу об утверждении Христианства на Руси // Крымский Архив. Симферополь, 1999. № 5; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. С. 89, 217–218; Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 184; Яacobсон А.А. Средневековый Крым. С. 35; Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. С. 81–82; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч.1. С. 373; Ч. 2. С. 1164; Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри с середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України. Київ, 2011. Вип. 7. С. 35 (последний автор считает нападших на Сурож венграми).

³⁰¹ Отметим, что с момента выхода в свет работы В.Г. Васильевского доказательная база практически не расширилась.

³⁰² Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. CCLXXXIII.

³⁰³ Там же. С. CCLXXII.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же. С. CCLXXXIII.

³⁰⁶ Там же. С. CCLXXXV–CCLXXXVI.

³⁰⁷ Там же. С. CCLXXIV.

³⁰⁸ Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе. Т.2. С.553.

³⁰⁹ См. подробнее: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1391.

³¹⁰ Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. CXLII–CXLIII.

³¹¹ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского. С. XCIII.

³¹² Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). С. 865.

³¹³ Sevchenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 121–125.

³¹⁴ Липшиц Е.Э. О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. М., 1948. №26; Бибииков М.В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 91–92; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С.25–32; Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников. С. 19–21; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 4–5; Шорохов В.А. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в. С. 131–142. Обзор см.: Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus // Harvard Ukrainian Studies. XII/XIII. (1988/1989). P. 132–144.

³¹⁵ Толочко А.П. Очерки начальной Руси. С. 138.

³¹⁶ Da Costa-Louillet G. Y eut-il des invasions Russes dans L'Empire Byzantin avant 860? P. 246.

³¹⁷ Впервые эту мысль высказал харьковский архиепископ Филарет (История русской церкви. С. 8–12); См подробнее: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 40–60.

³¹⁸ Литаврин Г.Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 227–229; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках; Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников. С. 18–20; Сырцова Е. Текстология древнейших свидетельств о росах: Фотий и oi 'Povv Константинопольского Типикона IX в. // Byzantinoslavica, 2013. Т. LXXI № 1–2; Wozniak F. E. The Nature of Byzantine Foreign Policy toward Kievan Russia in the first half of the tenth century: a reassessment // A dissertation submitted to the Department of History and the Committee on Graduate Studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. 1973. P. 29–49.

³¹⁹ Щавелев А.С. К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016. С. 534.

³²⁰ Эту мысль высказал еще А.А. Куник (Die Berufung der schwedischen Rodsen: Zweite Abtheilung // Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie de Saint-Petersbourg. 1845. Т. II. С. 353). Правда, позднее он отождествил Бравлина с Владимиром Киевским (О записке Готского топарха. С. 104).

³²¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. Т. 1. С. 130, 296.

³²² Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева // Изборник. Повести Древней Руси. М., 1987. С. 42–43.

³²³ При этом интересным и перспективным представляется предположение А.Ю. Карпова, что военные действия Владимира в Крыму оказали влияние на отождествление Бравлина именно с «русским князем» (Карпов А.Ю. Владимир Святой. С. 239).

³²⁴ Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?).

³²⁵ Хотя следует признать, что упоминание имени собственного главара пришельцев и других топонимических реалий позволяет все же говорить, что в основе сюжета «нашествия Пролиса — Бравлина» лежит какое-то историческое событие.

³²⁶ АЖ подтверждает, что царицу звали именно Анна и позволяет отвергнуть иные прочтения ее имени в различных славянских рукописях (См., напр.: Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 252).

³²⁷ Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского. С. CCLXXXV–CCLXXXVI.

³²⁸ Вестберг Ф. О Житии Св. Стефана Сурожского. С. 235.

³²⁹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1175.

³³⁰ См., напр.: Погодин Д.Ч. О походе руссов на Сурож. С. 196; Брун Ф. Черноморье. Ч. 2. С. 128; Куник А.А. О Записке готского топарха. С. 106; Карпов А.Ю. Владимир Святой. С. 237–240; Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. P. 111. В этой связи крайне странным выглядит замечание В.А. Шорохова: «Версия Ю.М. Могаричева о тождестве Анны ЖСС и жены Владимира (в рамках соотнесения Пролиса с Песахом Кембриджского документа) представляется малоубедительной. Так, маршрут перемещения царицы из Херсона в Керчь не находит ни подтверждения в источниках, ни логического объяснения» (Шорохов В.А. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в. С. 120. Прим. 391). Конечно лестно, что мне приписывают гипотезу, сформулированную такими известными российскими исследователями, как Д.Ч. Погодин, Ф. Брун, А.А. Куник и поддержанную рядом современных авторитетных авторов. Однако я не могу претендовать на лавры в данном вопросе. Во-первых, из чувства уважения перед предшественниками, а во-вторых, я никогда однозначно не утверждал, что Анна Жития Стефана Сурожского и супруга Владимира одно и то же лицо. Я только констатировал, что такое мнение распространено. Вероятно, молодому исследователю стоит более тщательно знакомиться с историографией освещаемой им проблемы и более внимательно читать работы своих предшественников.

³³¹ Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева. С. 42–43.

³³² Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. Ч. 1. С. 422.

³³³ Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. Дис. ... канд. ист наук. МГУ. М., 2017. С. 90.

³³⁴ Настоящий раздел написан на основе монографии: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С добавлением и анализом работ, изданных после публикации указанного труда.

³³⁵ Об истории изучения этого источника см.: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 9–20.

³³⁶ Данный текст Жития, кроме собственно Макарьевских миней (Успенский список XII в.), дошел до нас еще и в трех более поздних рукописях (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 63–86).

³³⁷ В АЖ рассказ об Эферии и Капитоне (за 20 апреля) помещен отдельно от остальных епископов (7 марта).

³³⁸ Две статьи, касающиеся Херсонских епископов: первая за 8 марта — памяти «Василея, Евгения, Агафодора и остальных», а вторая, за 22 декабря, вспоминает только Капитона.

³³⁹ О Капитоне (Sa) (за 22 декабря), об остальных епископах (S) (за 7 марта).

³⁴⁰ О Капитоне рассказ за 22 ноября, об остальных епископах — за 7 марта.

³⁴¹ Подробнее о различных версиях Жития: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 21–131.

³⁴² Виноградов А.Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1.

³⁴³ Напомним, похожая ситуация наблюдается и со Славянским Житием Стефана Сурожского. Это перевод несохранившегося греческого пространного текста, практически без редакторских добавлений.

³⁴⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 313–343.

³⁴⁵ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 43.

³⁴⁶ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН. СПб., 1906. Т. VIII. №3. С. 13–14.

³⁴⁷ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 8, 155–156.

³⁴⁸ Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 176.

³⁴⁹ Jastrzebowska E. The cult of St. Clement at Tauric Chersonesos in the light of archeological researches // Климентовский сборник. Севастополь, 2013.

³⁵⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 276.

³⁵¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 247–275.

³⁵² Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического // Античное общество. М., 1967. С. 205; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 450–451. Прим к Гл. 53; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 122–123; Дагрон Ж. Двуликий Крым. С. 294–295.

³⁵³ Мы не ставим своей задачей подробный анализ исторической основы сюжета Константина Багрянородного. Мы хотим лишь обратить внимание на неизбежные противоречия, возникающие при сопоставлении данного рассказа и Житий.

³⁵⁴ Об историографии см. подробнее: Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в н.э. Очерки истории и культуры. Харьков. 2004. С. 508–510.

³⁵⁵ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С.154.

³⁵⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 271.

³⁵⁷ Возможные объяснения см: Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Т. IV. С. 560–561; Дагрон Ж. Двуликий Крым. С. 294–297; Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 153–156; Колесников К.М. Римська війська присутність, гарнізон Херсонеса та особливості міжнародно-правового статусу міста в IV–V ст. // Древности 2012. Харьков, 2012.

³⁵⁸ Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Вып. LI. С. 356; См. также: Курбатов Г.А. Восстание Прокопия (365–366) // ВВ. 1958. Вып. 14. С. 16–17.

³⁵⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 22–23.

³⁶⁰ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 27–29.

³⁶¹ Иванов С.А. Византийское миссионерство. С. 192.

- ³⁶² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 36–40.
- ³⁶³ Там же. С. 88–89.
- ³⁶⁴ Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004. Март. С. 84.
- ³⁶⁵ См., напр.: Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 51; Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 155–156.
- ³⁶⁶ Popescu E. Christianitas Daco-Romana. P. 202; Атанасов Г. Религиозные памятники на Добруджа. Силистра, 2008; Атанасов Г. Раннохристианские светцы-мученики от Българските земи I–IV в. София, 2011. С.36. Причем версия о епископстве и мученической смерти Ефрема именно в Балканской Скифии появляется к XVIII в. Иерусалимский патриарх Доситей ссылался на деятельность и мученическую смерть Ефрема, когда обосновывал давние духовные связи между Добруджей и Иерусалимом (Атанасов Г. Раннохристианские светцы-мученики от Българските земи I–IV в. С. 36). О епископстве Ефрема у дунайских скифов писал и Дмитрий Ростовский: «Затем святой Ефрем, оставяя жителей Херсона святому Василию, пошел к скифам, жившим по Дунаю, проповедью своею обращал там многих к Христу и, претерпев довольно скорбей и трудов в благовестии Христовом, в седьмой день марта был обезглавлен» (Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004. Март. С. 84).
- ³⁶⁷ Атанасов Г. Бележки и допълнения към църковната организация в Скития и Втора Мизия през I–VI в. // Acta musei Varnaensis. Varna, 2011. VIII 1. С. 297.
- ³⁶⁸ В целом о скифах и Скифии в византийской литературной традиции см.: Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016. С. 210–214; Бибииков М.В. «Скифская общность» в византийской литературной традиции // Античные и средневековые общности. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2017; Скифы у позднеримских и раннесредневековых авторов — часто общее обозначение для северопричерноморских варваров (Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 357–359). Отметим, что распространенная традиция у позднеантичных авторов называть готов скифами также имеет литературную основу, а не этнические реалии эпохи Великого переселения народов (Зинковская И.В. К вопросу об этнониме «скифы/готы» в позднеантичной нарративной традиции // Ирисиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2015. Вып. IV; Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. С. 205–210).
- ³⁶⁹ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 19.
- ³⁷⁰ Байер У.Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 118.
- ³⁷¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 155, 163.
- ³⁷² См.: Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2005. С. 263; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1346. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 364.
- ³⁷³ Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. СПб., 1917. Вып. 63. С. 111–112.
- ³⁷⁴ Прокопий Кесарийский О постройках ВДИ. 1939. № 4. С. 249.
- ³⁷⁵ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 19–21; Виногра-

- дов А.Ю. Херсонес — Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса. С.45.
- ³⁷⁶ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 19–21.
- ³⁷⁷ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 380.
- ³⁷⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Прим. 1 к Гл. 3. С. 284–286; См. также: Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. С. 21–38.
- ³⁷⁹ См.: Петровский А.В. Кладбище // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 757.
- ³⁸⁰ Mango C. Le developpement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siecles). Paris, 2004.
- ³⁸¹ Noailles P., Dain A. Les Nouvelles de Leon VI le Sage. Paris, 1944. № 53; Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 107.
- ³⁸² Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма. С. 175.
- ³⁸³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1031–1095.
- ³⁸⁴ Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 2011. См. также: Фомин М.В. О внутригородских кладбищах византийского Херсона // Дриновский сборник. Харьков; София, 2009. Т. III.
- ³⁸⁵ Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2009.
- ³⁸⁶ Мы конечно понимаем, что в городских церквях могли совершаться захоронения значимых священников, возможно, знатных ктиторов и до VIII в. Но если такое и было, то случаи единичны и на общую ситуацию не влияют.
- ³⁸⁷ Иванов А.В. «Город мертвых» в «городе живых» (внутригородские некрополи как элемент исторической топографии византийского Херсона) // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святине. Тез. докл. Севастополь, 2010; Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности. Харьков, 2012. Вып. 11.
- ³⁸⁸ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D1%91%D1%80%D1%82%D0%B2%D1%8B%D1%85. (23 октября 2010 г.). Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 346–348.
- ³⁸⁹ Лопарев В. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (начало) // ВВ. СПб., 1911. Т. XVII. Вып. 1–4 (1910); Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение).
- ³⁹⁰ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 44.
- ³⁹¹ Правила святого поместного собора Карфагенского // Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. М., 1992. (репр. 1893 г.). С. 192; См. также: Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 306.
- ³⁹² Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Ч. 2. М., 1993. (репр. 1913 г.). С. 977.
- ³⁹³ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 44–48; Латышева А.В. К реконструкции обряда крещения в раннесредневековом Херсоне // Проблемы теологии. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. Ч. 1.
- ³⁹⁴ Латышева А.В. К реконструкции обряда крещения в раннесредневековом Херсоне. С. 172.
- ³⁹⁵ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 35–36.
- ³⁹⁶ Годубинский Е.Е. Херсонские священномученики, память которых 7-го марта // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1907. Т. XII. Кн. 1. С. 265–268.

- ³⁹⁷ Феодосий. О местоположении Святой Земли (изд. и пер. И. Помяловского) // Православный палестинский сборник. СПб. 1891. Вып. 28. Гл. 54.
- ³⁹⁸ Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 118.
- ³⁹⁹ Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. С. 547.
- ⁴⁰⁰ Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 19; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 91; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 198; Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. С. 128; Диатропов П.Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 131; Дагрон Ж. Двумилый Крым. С. 298.
- ⁴⁰¹ Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. С. 196–199; Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991. С. 291–292; Сюжюмов М.Я. Христианские церкви в IV–VI вв. // История Византии. Т. I. С. 154–155.
- ⁴⁰² Успенский Ф.И. История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996. С. 197.
- ⁴⁰³ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 20; О влиянии сиро-палестинских миссионеров на появление Житий Херсонских епископов писали М.И. Ростовцев (Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. Т. 1. С. 503–507), А.А. Васильев (Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 5–8), П.Д. Диатропов (Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. н.э. С. 132) и др. авторы. См., напр.: Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г. Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса-Херсона // Судейский сборник. Киев.; Судак, 2012. Вып. V. Подр. см.: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 9–20.
- ⁴⁰⁴ Завадська І.А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками). Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ, 2000. С. 10–13; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 680–1030.
- ⁴⁰⁵ Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XI; Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV; Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. С. 361–362.
- ⁴⁰⁶ Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.). С. 415–417. Вряд ли следует признать верной логику А.Ю. Виноградова, который, основываясь на том, что некоторые имена и текстовые формулы из эпиграфических памятников, найденных в Херсонесе, чаще встречаются в сиро-палестинском регионе, нежели в Малой Азии, Константинополе, Италии или Кипре, делает вывод о значительном присутствии в Херсоне выходцев из Ближнего Востока (Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 131–132; 150–152).
- ⁴⁰⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 351–353.
- ⁴⁰⁸ Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. С. 199–211.
- ⁴⁰⁹ Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. С. 44.
- ⁴¹⁰ О трех линиях христианизации Херсона см.: Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы); Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой

- Тавриды. С. 8–10; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. С. 73–83.
- ⁴¹¹ Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 119–120; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы Римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – 1-й половины XI в. // *Aion Slavisticus*. 5. Napoli, 1997–1998; Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 57–63.
- ⁴¹² Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук. 1893. №6. С. 9–11; Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. С. 78; Лавров К. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 130–144. Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1904. Т. LIX. Кн. III; Т. LX. Кн. IV (периздано: Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. К., 1981. Т. 34); Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в.; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы Римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – первой половины XI в.
- ⁴¹³ Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999. С. 358; Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидон. С. 269.
- ⁴¹⁴ Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея. С. 269.
- ⁴¹⁵ Е.В. Уханова отмечает, что к 861 г. «должен был сложиться и основной корпус текстов» о св. Клименте и его мученической смерти в Крыму (Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 120).
- ⁴¹⁶ См.: Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции // *Ruthenica*. Киев, 2012. Вып. XI; Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа // *Нартекс. Byzantina Ucrainensis*. Харьков, 2013. Т.2.
- ⁴¹⁷ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 33.
- ⁴¹⁸ Новоструев К.И., Зикос А. Святого священномученика Ефрема, епископа Херсонского (сказание) о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента // *ЗООИД*. 1875. Т. IX. С. 143–144.
- ⁴¹⁹ Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 119.
- ⁴²⁰ Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 127.
- ⁴²¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 354–355. Отметим, Е.В. Уханова также датирует время составления Житий Херсонских епископов первой половиной IX в. (Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – 1-й половины XI вв. С. 538).
- ⁴²² См.: Гриневич К.Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе (новая попытка его объяснения) // Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005; Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // *СА*. 1982. №1; Кутайсов В.А., Труфанов А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I.

- ⁴²³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 203–312.
- ⁴²⁴ Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1910. Т. 1. С. 123.
- ⁴²⁵ Mansi J.D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection. Florentiae, MDCCLIX. 1901. Т. III. С. 572.
- ⁴²⁶ King N.Q. The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381 // *Studia Patristica*. Berlin, 1957. Vol. 1. P. 639.
- ⁴²⁷ Бенешевич В.Н. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // ИАН. СПб., 1908. Сер. 6. №1. С. 295–296.
- ⁴²⁸ Honigmann E. La liste originale des peres de Nicee // *Byzantion*. 1939. Vol. 14. P. 55; Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. С. 131; Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства. С. 616; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера. К., 2005. С. 64–68. К тому же, указанный Филипп в иных списках известен как Phillirrus Sirianus. Да и Жития Херсонских епископов сообщают, что в 325 г. в Херсоне епископствовал Апитон, который лично на Собор не ездил. Поэтому если была бы хоть какая-то возможность «подогнать» присутствие представителя Херсона в Никее, автор Жития это несомненно сделал бы.
- ⁴²⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 83.
- ⁴³⁰ Бертъе-Делагард А.А. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. С. 129.
- ⁴³¹ Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1910. Т. 1. С. 235.
- ⁴³² Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1908. Т. 3. С. 127.
- ⁴³³ Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1913. Т. 5. С. 222.
- ⁴³⁴ А возможно, как полагает А.Ю. Виноградов, поначалу отдельно 6 декабря почитали и трех геллеспонтских епископов (Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 48–49). Если, конечно, как мы отмечали, это не ошибка составителя версии, ставшей основой для Гр. 376, М и С.
- ⁴³⁵ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 320; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 678.
- ⁴³⁶ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического, С. 21–36, 313.
- ⁴³⁷ Лагышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 13; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 21.
- ⁴³⁸ Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции. С. 60–63.
- ⁴³⁹ Там же. С. 62.
- ⁴⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 49–51.
- ⁴⁴¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 234.
- ⁴⁴² Последняя работа и историография см.: Погорелая В.В. Остров Св. Эфения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985; См. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 328. Прим. 55.
- ⁴⁴³ Православный календарь // <http://days.pravoslavie.ru/Life/life1336.htm>.
- ⁴⁴⁴ Повесть временных лет. С. 234.
- ⁴⁴⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.53.
- ⁴⁴⁶ Бегунов Ю.К. Св. Климент Римский в славянской традиции: Некоторые итоги и перспективы исследования // Византиноведение. СПб., 2005. Т. 4. С. 11; Об эволюции куль-

св. Климента на Руси см.: Назаренко А.В. «Слово об обновлении десятинной церкви» или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013; Верещагина Н.В. Святой Климент в киевской духовной традиции // Климентовский Сборник. Севастополь, 2013. С. 76.

⁴⁴⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 9–20.

⁴⁴⁸ Acta sanctorum. Martii. Antverpiae, MDCLXVIII. Т. I. P. 641–642.

⁴⁴⁹ Acta sanctorum. Martii. Т. I. P. 642.

⁴⁵⁰ Acta sanctorum. Martii. Т. I. 639–640.

⁴⁵¹ Испанская версия упоминает наряду с семью херсонскими епископами еще неких Аркадия и Нестора. П.Б. Михайлов в Православной энциклопедии сообщает о них следующее: «АРКАДИЙ И НЕСТОР (IV в.), святители, епископы Тримифунтские (пам. греч. 7 марта, зап. 4 марта). Из краткого греч. жития известно, что они занимали Тримифунтскую кафедру (Кипр), были добрыми пастырями, обратили мн. язычников ко Христу, претерпели ссылки и невзгоды, совершили множество чудес и скончались в мире. Память А. и Н. указывается 7 марта в визант. календарях к-польского происхождения — в Типиконе Великой ц. IX–X вв. (Mateos. Turisop. Т. 1. P. 244), Синаксаре К-польской ц. X в. (SynCP. Col. 518), Минологии Василия II (PG. 117. Col. 341). Римский мариолог отмечает их память 4 марта и причисляет к херсонесским святым. Псевдо-Декстер, испан. иезуит XVII в., по своему обыкновению, пытается приписать этих святых Испании, куда они якобы были посланы ап. Иаковом. Согласно этой версии, А. оказался в Рейносе, а Н. — в Паленсии, они претерпели мученичество при имп. Нероне. Наиболее ранним свидетельством почитания А. и Н. у славян является упоминание их памяти 7 марта в месяцеслове болг. Охридского Апостола кон. XII в. (Л. 105). В 1-й пол. XII в. на Руси был осуществлен перевод нестишного Пролога, в состав к-рого под 7 марта включена память Тримифунтских епископов Гимнография. Последование неизвестно. В печатных Минеях, используемых ныне в греч. Церквах, по 6-й песни канона утрени, помещен стишной синаксарь святым» (Михайлов П.Б. Аркадий и Нестор // Православная энциклопедия. М., 2008. Т.3. С. 272).

⁴⁵² Допухин А.П. Иаков Заведеев // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 563; Иаков Зеведеев // Библиейская энциклопедия. М., 1991. С.312.

⁴⁵³ Циркин Ю.Б. Распространение христианства в Испании до Миланского эдикта // Iberica. М., 1983. С. 23.

⁴⁵⁴ Flavius Lucius Dexter. http://en.wikipedia.org/wiki/Flavius_Lucius_Dexter (2 декабря 2010 г.). Ticknor G. History of Spanish literature in three volumes. London, 1849. Vol. III. P. 140, 141.

⁴⁵⁵ Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратоновского. Л., 1964. Кн. 3. Гл. IV.6. С. 155.

⁴⁵⁶ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 60, 83.

⁴⁵⁷ Так же поступил и А.Ю. Виноградов, публикуя свой вариант перевода славянского Жития («Миновала уже зима языческого безумия...» С. 175).

⁴⁵⁸ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 388.

⁴⁵⁹ Подробнее об этом см.: Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 86–87; Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 207; Буданова В.Н. Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 154–155.

⁴⁶⁰ Зайцев Д.В. Инна, Пинна и Римма, мученики Готские // Православная энциклопедия. М., 2009. Т.22.

⁴⁶¹ Святые угодники земли Крымской // Официальный сайт Симферопольской и Крымской епархии МП. <http://www.crimea.orthodoxy.ru/Saints/index.html> (5 мая 2011 г.). Хотя очевидно, что эти святые никакого отношения к Крыму не имеют (Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011. С. 347; Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. С. 238).

⁴⁶² Страбон. География в 17 книгах. С. 770.

⁴⁶³ Там же. С. 770.

⁴⁶⁴ Там же. С. 737.

⁴⁶⁵ Там же. С. 602.

⁴⁶⁶ Там же. С. 95, 111, 125, 302, 311–312, 537, 552, 554, 557–558.

⁴⁶⁷ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. и коммент. А.А. Чекаловой. М., 1983. С. 564.

⁴⁶⁸ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. С. 45.

⁴⁶⁹ Евсевий Кесарийский. Церковная история. М., 1993. Кн. VII. Гл. 29.

⁴⁷⁰ Theophanis Chronographia / rec. Carolus de Boor. Hildesheim, 1963. Vol. I. S. 11, 13–15.

⁴⁷¹ Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 58–59; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 142–145; Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. С. 548. Прим. 12; Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Харьков, 2004. С. 524–525.

⁴⁷² О появлении в это время в городе имперских воинских формирований свидетельствуют как эпиграфические, так и археологические материалы (Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон. С. 353–355, 364).

⁴⁷³ Иванов С.А. Византийское миссионерство. С. 192; Сергей Архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Святой восток. М., 1876. Т. 2. Ч. 1. С. 300.

⁴⁷⁴ Архимандрит Сергей, автор Поногого месяцеслова Востока, отнес этого Ефрема к святым, встречающимся в рукописных греческих и славянских синаксарях и месяцесловах, но впоследствии не включенным в печатные сборники святых. Причем никакой информации о таких святых к нам не дошло (Сергий Архимандрит. Полный месяцеслов Востока. План. С. 11. Ч. 1. С. 300).

⁴⁷⁵ Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. С. 84.

⁴⁷⁶ См., напр.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по р.х.; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. С. 39–46; Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 62–69; Дагрон Ж. Двуликий Крым. С. 297; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации). С. 92–93; Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в.; Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. С. 104–105; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 78–80; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. С. 433–435. Сорочан С.Б. О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. С. 332–334; Византийский Херсон. Ч. 1. С. 548–677; Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике; Яшаева Т.Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах папы Мартина I // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX.

⁴⁷⁷ См.: Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в.; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы

Римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – первой половины XI в.; Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. С. 57–63; Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. С. 54–65; Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. С. 112–135.

⁴⁷⁸ Migne J.-P. Patrologiae cursus completes. Series Graeca. Paris, 1864. T. 105. Col. 939–974; Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004. Апрель. 4 апреля; Лопарев Х.М. Византийские Жития Святых VIII–IX веков. (продолжение). С. 2–7; Пападопуло-Керамевс А.И. Житие Иосифа Песнописца // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 1899. Ч. L. Вып. 1, 2; Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой церкви. СПб., 1902. С. 295–308; Рыбаков В. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность // Богословские труды. М., 1985. Т. 26. Ч. 1; М., 1986. Т. 27. Ч. 2; Отдельная книга: М., 2002; Τομαδάκης Ε.Ι. Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος. Βίος καὶ ἔργον. Αθήναι, 1971; Stiernon D. La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnologue. A propos d'une publication récente // Revue des études byzantines. 1973. T. 31. P. 243–266; Каждан А.П. Иосиф Песнописец и первое русское нашествие на Константинополь // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6; Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). С. 349–351; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 90–95; Kazdan A., Ševčenko N.P. Joseph the Gymnographer // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York Oxford, 1991. V.2. P. 1074.

⁴⁷⁹ Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по р.х. С. 44; См.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. I. С. 675–676.

⁴⁸⁰ Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 13–14.

⁴⁸¹ Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). С. 350.

⁴⁸² Пападопуло-Керамевс А.И. Житие Иосифа Песнописца. С. 7; Рыбаков В. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. Ч. 1. С. 286–287; Каждан А.П. Иосиф Песнописец и первое русское нашествие на Константинополь. С. 57.

⁴⁸³ См.: напр.: Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. С. 35; Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского С.156; Вережгин Е.М. Вновь найденное богослужебное последование обретению мощей Климента Римского — возможное поэтическое произведение Кирилла Философа // Византиноведение. СПб., 2005. Т. 4. С. 84–85.

⁴⁸⁴ Д. Стиернон датирует текст Феофана началом X в., (Stiernon D. La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnologue. A propos d'une publication récente. P. 243–266), что в нашем случае не является принципиальным.

⁴⁸⁵ Пападопуло-Керамевс А.И. Житие Иосифа Песнописца. С. 7–8; Лопарев Х.М. Византийские Жития Святых VIII–IX веков. (продолжение). С. 2–7; Τομαδάκης Ε.Ι. Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος. Βίος καὶ ἔργον. P. 55–56; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 91.

⁴⁸⁶ Kazdan A., Ševčenko N.P. Joseph the Gymnographer. P. 1074; См так же: Kazhdan A., Talbo A.-M. Joseph the Gymnographer // Dumbarton Oaks hagiography database. Dumbarton Oaks. 1998. P. 57.

⁴⁸⁷ См.: Каждан А.П. Социальная и политическая борьба в Византии в середине IX – середине X в. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 172–174; Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996. С. 158–160; The Oxford Dictionary of Byzantium. New York Oxford, 1991. V.1. P. 255–256.

⁴⁸⁸ См.: Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа.

⁴⁸⁹ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла. С. 3. См. также: Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике.

⁴⁹⁰ Τομαδάκης Ε.Ι. Ἡ τῶσφ ὁ Ἱερογράφος Βίος καὶ ἔργον. Р. 55–56.

⁴⁹¹ Δ. Стиернон в осторожной форме предполагал кратковременный характер ссылки Иосифа. Правда, никаких аргументов, кроме нескольких предположений, основанных на таких же допусках, он не привел (Stiernon D. La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnographie. A propos d'une publication récente. Р. 253). Согласно Житию, после возвращения из ссылки, но уже в патриаршество Игнатия, Песнопевец был назначен «скефофилаксом Великой церкви» (Лопарев Х.М. Византийские Жития Святых VIII–IX веков. (продолжение). С. 4–5).

⁴⁹² Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X, XI вв. СПб., 1999. С. 98–100; Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике. С. 12.

⁴⁹³ Каждан А.П. Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь. С. 57. А.П. Каждан считал, что упоминание Иосифом в нескольких канонах в честь Богородицы осады русским флотом Константинополя позволяет предполагать, что тот был непосредственным свидетелем этого события и, следовательно, находился тогда в столице. В итоге, отвергнув мнения о составлении произведений спустя почти десятилетие после описываемых событий и о кратковременном периоде пребывания святого в Херсоне, он пришел к осторожному выводу, что традиционная дата первого русского нападения на Константинополь — 18 июня 860 г. (Иосиф, согласно Житию, тогда жил в Херсоне) нуждается в пересмотре. Ориентировочно, по мнению исследователя, это произошло в период между 866 и 869 гг. (Там же. С. 56–58). Как нам представляется, аргументы А.П. Каждана не являются убедительными. Иосиф Гимнограф в первую очередь выдающийся литератор. Мировая литература знает немало примеров, когда талантливому автору удавалось создать иллюзию среди читателей своего личного участия в описываемом событии.

⁴⁹⁴ См.: Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 121. По крайней мере, так думать позволяет, с одной стороны, присутствие в Херсоне и окрестностях тогда, как минимум, нескольких ссыльных игнатиян, а с другой, сведения древнейшей редакции Жития Иосифа Гимнографа. В.Е. Науменко датирует ссылку Иосифа 862–866 гг. на том основании, что гонитель святого, Варда, стал кесарем только в 862 г. (Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. С. 137). Однако, Варда имел огромное влияние уже с 856 г., а опальные игнатияне, к числу которых можно отнести и Иосифа Гимнографа, проживали в Херсоне уже в 861 г.

⁴⁹⁵ См.: Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012. С. 87–92; Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции.

⁴⁹⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1436–1439; См. также: Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян С. 10.

⁴⁹⁷ Каждан А.П. Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь. С. 53–56.

⁴⁹⁸ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 313.

⁴⁹⁹ Архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. М., 1894. Ч. 1. С. 561 и сл.

⁵⁰⁰ Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 6–7.

⁵⁰¹ Латышев В. В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. С. 13; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 21.

⁵⁰² Там же. С. 86–100. Ефериювская версия нашла отражение в Патмосской рукописи, Грузинском Житии, восходящем к Минолоию Иоанна Ксифилина, Армянском Житии, Синаксаре Василия II, Синаксаре Константинопольской церкви и ряде других.

⁵⁰³ Верещагин Е.М. Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священномучеников, епископствовавших в Херсонесе; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. С. 382–384.

⁵⁰⁴ Верещагин Е.М. Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священномучеников, епископствовавших в Херсонесе Таврическом. С. 71.

⁵⁰⁵ Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции. С. 60–63.

⁵⁰⁶ Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 119–120; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – 1-й половины XI вв. С. 515–518.

⁵⁰⁷ Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции. С. 62–63.

⁵⁰⁸ Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 120; Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. С. 57–63.

⁵⁰⁹ Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 120.

⁵¹⁰ В первую очередь Итальянская легенда и письмо Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху.

⁵¹¹ Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. С. 77–78.

Глава 9. Хазары и Крым в IX–X вв.

9.1. Крымский поход Песаха — миф или реальность?

Одним из наиболее дискуссионных вопросов истории Крыма первой половины X в. является интерпретация и «материализация» событий, изложенных в так называемом Кембриджском Анониме, или Документе Шехтера¹, а именно подтверждение или опровержение достоверности похода в Крым хазарского полководца Песаха. Этот источник, вероятнее всего, был составлен хазарским евреем на древнееврейском языке в Константинополе зимой 949/950 г.²

Напомним текст: «И еще, в дни Иосифа царя, моего господина, [он искал] его помощи, когда гонение (на евреев. — Авт.) обрушилось во время дней Романа злодея. Когда это стало [известно] моему господину, он из-

бавился от многих христиан. Сверх того, Роман [злодей] послал большие дары HLGW, царю RWSY', побуждая его на его собственную беду; он пришел ночью к городу SMKRYU (С-м-к-рай) и взял его воровским способом, потому что его начальника, вождя войска, тогда там не было.

Когда это стало известно BWLŠŠY, т.е. Песаху HMQR, он пошел в гнев на города Романа и губил и мужчин, и женщин. И он взял три города, не считая деревень большого количества. Оттуда он пошел на город ŠWRŠWN [...] и воевал против него. [...] и они вышли из страны, как черви [...] [И]зраиля, и умерло из них 90 человек. [Он не окончательно разгромил их в битве], но он обязал их служить ему. Так [Песах] спас [казар от] руки RWSW. Он поразил всех, кого он нашел из них, [...]мечом. И отсюда он пошел войною на HLGW; он воевал [четыре] месяца; Г-сподь подчинил его Песаху, и он пошел [далее] [и н]ашел... добычу, которую (HLGW) взял из SMKRYW. Тогда сказал (HLGW): "Воистину, Роман подбил меня на это". И сказал ему Песах, "если это так, то иди и войой против Романа, как ты сражался против меня, и я отступлюсь от тебя, но если нет, тогда здесь я или умру, или пока жив, буду мстить за себя". И пошел он против своей воли и воевал против Константинополя (QWSTNTYN') на море четыре месяца. И пали там его мужи доблестные, так как македоняне победили его, благодаря (греческому) огню. Он бежал и, постыдившись вернуться в свою (собственную) страну, он бежал морем в FRS, и там он и все его войско пало»³.

Источнику посвящена достаточно обширная историография. В связи с тем, что в последнее время опубликован ряд достаточно подробных историографических обзоров⁴, мы посчитали возможным не повторять основные гипотезы, существующие на сей счет. В целом следует признать, что Кембриджский документ — сложный источник, хотя в основе своей и подлинный⁵.

Целью настоящей работы является на основе анализа археологических источников рассмотреть вопрос о наличии или отсутствии «следов» похода Песаха. Это становится актуальным в связи с тем, что в последнее время стала популярна концепция, получившая наиболее последовательное обоснование в публикациях В.В. Майко, о прекращении функционирования так называемых «салтовских» поселений Восточного Крыма и Таманского полуострова вследствие этого события⁶. Как считает исследователь, материалы археологических исследований в Кооперативном переулке Керчи свидетельствуют о гибели салтовских объектов городища в середине X в. Сходная картина наблюдается при анализе материалов из раскопок Фанагорийского и Таманского городищ. И в первом, и во втором случае салтово-маяцкие материалы существуют именно до середины X в. и отделены от последующих слоев пожара. Особенно ярко это иллюстрируют раскопки

Тмутараканского городища, что, по мнению В.В. Майко, полностью соответствует данным Кембриджского Анонима. Подтверждают это и материалы комплекса построек Тмутаракани, опубликованные в статье С.А. Плетневой 2001 г.⁷

На основании нумизматического материала и стратиграфии комплекс построек, возведенный в середине IX в., гибнет в середине X в., что, как считает исследователь, не может соотноситься с известным походом Святослава. Далее, на месте уничтоженных построек возникает слой, не связанный с предшествующими салтово-маяцкими древностями городища. Как показывают многолетние раскопки Фанагории, стратиграфически и здесь слой VIII – первой половины X в. отделяется от горизонта второй половины X–XI вв.

Таким образом, подытоживает В.В. Майко, описываемые в Анониме события исторически верно соответствуют первому походу князя Игоря на Византию 941 г. и предшествовавшему ему набегу киевской варяжской дружины под предводительством Хельгу на хазарские владения в Крыму и на Таманском полуострове. Следовательно, нет оснований сомневаться и в походе Песаха в Таврику, имевшего для юго-восточной части полуострова глобальные последствия. Тогда погибает большинство салтово-маяцких поселений юго-восточной Таврики, в том числе и городище на плато Тепсень⁸. Данная гипотеза в той или иной степени нашла поддержку у ряда других авторов⁹.

Археологическая аргументация В.В. Майко основывается, прежде всего, видимо на передатированных монетах Романа II, сейчас относимых к чекану Романа I 920–944 г., обнаруженных в слоях пожаров в Таматархе.¹⁰

Для нас важны названия городов, пострадавших в результате событий русско-византийско-хазарской войны, и датировка самого события¹¹.

В свете современных научных представлений можно с большой долей вероятности утверждать, что речь в источнике идет о Таматархе-Тмутаракани и Херсоне¹². Появившаяся в последнее время версия, что в источнике упоминается не Херсон, а поселение, находившееся в районе современной Анапы, основано исключительно на достаточно искусственной «топонимической выборке», не имеет исторической основы и соответственно выглядит недостаточно обоснованным и нуждается в дополнительной обстоятельной аргументации¹³.

Как датируют эти события исследователи? В историографии различных авторов поход датировался в пределах 909/914–943 гг.¹⁴

Не вдаваясь в дискуссию о конкретном времени конфликта, отметим, что хронологическим репером является царствование Романа Лакапина, продолжавшееся с 920 г. по 944 г.¹⁵ А если согласиться с распространенным

в историографии мнением, что нападение Руси на Константинополь может быть отождествлено с походом Игоря в 941 г.¹⁶ и принять во внимание то, что указ Романа I о крещении евреев был издан незадолго до лета 932 г.¹⁷, то вероятно речь идет о периоде 931/932–941 гг. Единственным способом проверки данных текста в конкретном случае является поиск отражения этих событий в археологических контекстах Тмутаракани и Крыма. При двойном захвате города в стратиграфии Тмутаракани должен четко проследиваться слой пожара, который должен датироваться первой половиной X в., не заходя за середину 40-х гг. X в.

Археологически слой пожара X в. действительно хорошо прослеживается в Таматархе-Тмутаракани. Однако точки зрения по поводу его датировки различаются.

Как отмечала С.А.Плетнева, то, что дошло до нас, со значительной долей уверенности позволяет отнести этот слой к 1-й половине X в.: «перекрывший его слой пожара, как и всюду на Таманском городище, в частности на центральных раскопах, датируется несколькими обнаруженными в нем византийскими монетами херсонесского чекана, относящимися к царствованию Романа II (959–963 гг.)» (подчеркнуто нами. — Авт.)¹⁸. По мнению исследовательницы, этот пожар можно связывать с событиями 965–966 гг., а именно — с походом в низовья Волги и Дона князя Святослава Игоревича.

Однако, согласно поправкам к хронологии херсонских монет, данные монеты, первоначально относимые к чекану Романа II, корректнее отнести к чекану Романа I и соответственно датировать 921–944 гг., что как будто делает возможным отнесение пожара в Таматархе ко времени, соответствующему походу Песаха¹⁹.

Иная точка зрения была высказана В.Н. Чхаидзе. «Важно отметить, что прекращение функционирования построек конца VII–X вв. связано с выявленным практически на всех участках городища слоем пожарища, датированного второй половиной X в. Стратиграфически раскопанные участки делятся пожарищем на два больших периода. Вероятно, пожар мог быть связан с захватом города дружинами Святослава Игоревича в 965 г. или Владимира Святославовича в 987–989 гг. Новые строения последующего слоя конца X–XII вв. возникают именно на этой прослойке...».²⁰

Итак, есть три даты пожара: 965–966 г. (С.А. Плетнева), вторая половина X в. (В.Н. Чхаидзе) и первая половина того же столетия (941 г.) (В.В. Майко).

Для определения даты слоя пожара обратимся к материалам раскопок Таматархи 1953–1955 гг.

Источниками наших сведений являются монография В.Н. Чхаидзе, полевые отчеты экспедиции Института археологии РАН 1952–1955 г., поле-

вые рисунки материалов, сделанные на высоком профессиональном уровне С.А. Плетневой и хранившиеся в личном архиве исследовательницы.

Важнейшим является **Центральный участок**, исследованный в 1952–1955 гг. экспедицией под руководством Б.А. Рыбакова.

Центральный участок

На раскопах 1953–1954 гг. Центральной части городища (раскопы XI, XII, XIX, XX, XXIII, XXV, XXIX) действительно хорошо прослеживается слой пожара, толщиной от 0,20 до 0,60 м. Анализ профилей показал, что пожарище на всей раскопанной территории единовременно. К нему привязаны все открытые комплексы. Стратиграфически последовательность слоев следующая. Ниже слоя пожара лежат контексты с материалом VIII–IX вв., далее идет сам слой пожара, выше — слой конца X–XI вв. Как подчеркивает В.Н. Чхаидзе, слой пожарища датируется второй половиной X в.²¹. Важнейшими являются монетные находки. В следующей таблице они сгруппированы по раскопам, что дает возможность их сравнения, в том числе по уровню обнаружения.

	Монета	Раскоп	Глубина	Дата	Публикация
1	Василий I и Константин	1953 г., раскоп XII, кв. В	?	869–870 гг.	Кропоткин, 1963 ²² , 180, Табл. 5, N 2.
2	Роман I	1953 г., раскоп XII, кв. А	Штык 6	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 3. Определена как монета Романа II
3	Анонимная	1953 г., раскоп XII, кв. А	Штык 6	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 6.
4	Иоанн Цимисий, милиарисий	1954 г., раскоп XII, квадрат Г (Е-12)	190 см	969–976 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 19.
5	Роман I	1954 г., раскоп XIX, квадрат Г (И-18)	150 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 23. Определена как монета Романа II
6	Анонимная	1953 г., раскоп XX, квадрат А	Штык 4	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 7.
7	Иоанн Цимисий, милиарисий	1953 г., раскоп XX, квадрат А	115–120 см	969–976 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 9.
8	Василий II и Константин VIII	1953 г., раскоп XXIII, прирезка	Штык 1	976–1025 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 5.
9	Василий I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Б	Штык 5. Глуб. 126 см	867–886 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 21.

	Монета	Раскоп	Глубина	Дата	Публикация
10	Константин VII	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Б	Штык 4. Глубина 70 см	944–959 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 22.
11	Роман I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат В	Штык 4. Глубина 80 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 24. Определена как монета Романа II
12	Роман I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Е	Штык 4. Глубина 80 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 25. Определена как монета Романа II
13	Василий I	1954 г., раскоп XXV, квадрат Б	Глуб. 15 см	867–886 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 20.

Суммируя эти находки по уровням, отметим следующее. На раскопе XXIII монеты Романа I 921–944 гг. действительно были найдены в интересующем нас слое гибели, однако на том же уровне (глубина 0,70–0,80 м.) они сочетались с монетами 944–959 гг. (раскоп XXIII, кв. Б-В). Глубже примерно на 50 см обнаружена монета Василия I 867–886 гг.

На раскопе XII на уровне 6-го штыка монеты 921–944 гг. сочетаются с анонимными монетами X–XI вв., на глубине 190 см — с монетой Иоанна Цимисхия 969–976 гг.

На раскопе XIX на глубине 150 см обнаружена монета Романа I 921–944 гг.

На раскопе XX на глубине 115–120 см. обнаружена монета Иоанна Цимисхия 969–976 гг.

Приведенные материалы однозначно показывают, что монеты Романа I не датируют время гибели комплексов рассматриваемого участка. Датированными время гибели, несомненно, являются монеты Иоанна Цимисхия 969–976 гг., зафиксированные на уровнях от 115–120 см в раскопе XX до 190 см в раскопе XII.

Рассмотрим комплексы.

Раскоп XII

Была обнаружена завалившаяся крыша здания, под ней расчищен завал саманных кирпичей, вероятно от стен, а затем углистый слой от сгоревшего в пожаре потолка²³.

Опять же, монеты Романа I 920–944 гг. здесь сочетаются с анонимной монетой X–XI вв. и монетой Иоанна Цимисхия, обнаруженной на три штыка ниже. Соответственно датирующая монета принадлежит Иоанну Цимисхию (969–976 гг.), что предполагает дату образования комплекса в пределах последней трети X в.

	Монета	раскоп	Глубина	дата	публикация
1	Роман I	1953 г., раскоп XII, кв. А	Штык 6	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 4. Определена как монета Романа II
2	Анонимная	1953 г., раскоп XII, кв. А	Штык 6	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 6.
3	Иоанн Цимисхий, милиарисий	1954 г., раскоп XII, квадрат Г (Е-12)	190 см	969–976 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 19.

Раскоп XIX

На этом раскопе был прослежен слой пожара, разрушившего комплекс т.н. шестигранного здания.

Как отмечает В.Н. Чхаидзе, картина гибели сооружения хорошо видна на участке к западу, где дневная поверхность времени гибели здания отмечена прослойкой углей и золы. На эту поверхность и рухнула часть здания, завалив ее саманом, золой, камнями и битым кирпичом. По мнению исследователя, можно предположить, что сооружение являлось одним из нескольких оборонительных башен-донжонов в конце IX в. После пожара и гибели здания поверхность была отнивелирована, на площадку наложена балластная земля²⁴.

Амфоры из слоя гибели шестигранника (штыки 1–9) распределяются следующим образом:

	Тип амфор	Венчики (горла)	Всего
1	Воротничковые амфоры	9	9
2	Кувшины с плоскими ручками	8	8
3	Gunsenin I=Sazanov 1997 type 45	1	1
	Всего	18	18

Нижняя часть рассматриваемого слоя (штыки 10–12) дала иную статистику:

	Тип амфор	Венчики (горла)	Всего
1	Кувшины с плоскими ручками	14	14
2	Амфоры причерноморского типа 2	1	1
	Всего	15	15

Трудно сказать, как трактовать это соотношение. Безусловно, что слой, подстилающий слой пожара, также является слоем разрушения здания. В этом случае статистики можно объединить, и общее соотношение типов меняется.

	Тип амфор	Венчики (горла)	Всего
1	Кувшины с плоскими ручками	22	22
1	Воротничковые амфоры	9	9

	Тип амфор	Венчики (горла)	Всего
2	Амфоры причерноморского типа 2	1	1
3	Gunsenin I=Sazanov 1997 type 45	1	1
	Всего	33	33

В целом наличие воротничковых амфор, а также амфор Gunsenin I позволяет относить время разрушения постройки не ранее, чем к последней трети X в.

	Монета	Раскоп	Глубина	Дата	Публикация
1	Роман I	1954 г., раскоп XIX, квадрат Г (И-18)	150 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 23. Определена как монета Романа II

Монета 921–944 гг., обнаруженная на уровне 150 см, т.е. примерно 8 штыка не является датирующей, а определяет «terminus post quae», так как предшествует времени появления воротничковых амфор и амфор Gunsenin I.

Раскоп XX

В.Н. Чхаидзе пишет о том, что раскоп XX был пройден до слоя IX в. В документации раскопа указывалось, что в некоторых местах прослеживалась прослойка угля — «вероятно остатки пожара середины X в.»²⁵.

	Монета	Раскоп	Глубина	Дата	Публикация
1	Анонимная	1953 г., раскоп XX, квадрат А	Штык 4	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 7.
2	Иоанн Цимисхий, милиарисий	1953 г., раскоп XX, квадрат А	115–120 см	969–976 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 9.

На уровне 4-го штыка была обнаружена анонимная монета X–XI в., на уровне 5–6 штыков (115–120 см) — милиарисий Иоанна Цимисхия 969–976 гг., который, как и в других случаях, является датирующим.

Раскоп XXIII

На этом, соседнем с раскопом XXIX раскопе был открыт комплекс из трех сгоревших и разрушенных жилых построек. Эти строения представляли собой мощный единый архитектурный комплекс, состоявший из центрального, наиболее крупного здания и примыкавших к нему меньших домиков. Как отмечает В.Н. Чхаидзе, материалы, полученные при исследовании данного комплекса, позволяют утверждать, что дома были выстроены в середине IX в., а сгорели и были уничтожены примерно в третьей четверти X в.²⁶

Монетные находки полностью подтверждают эту дату.

	Монета	раскоп	Глубина	дата	публикация
1	Василий II и Константин VIII	1953 г., раскоп XXIII, прирезка	Штык 1	976–1025 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 5.

	Монета	раскоп	Глубина	дата	публикация
2	Василий I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Б	Штык 5. Глуб. 126 см	867–886 гг.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 21.
3	Константин VII	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Б	Штык 4. Глубина 70 см	944–959 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 22.
4	Роман I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат В	Штык 4. Глубина 80 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 24. Определена как монета Романа II
5	Роман I	1954 г., раскоп XXIII, квадрат Е	Штык 4. Глубина 80 см	921–944 гг.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 25. Определена как монета Романа II

На глубине 4 штыка (примерно 70 см) вместе с монетами Романа I 920–944 гг. были обнаружены монеты Константина VII 944–959 гг. Выше, на уровне первого штыка, была найдена монета Василия II и Константина VIII 976–1025 гг., ниже — на уровне 5-го штыка (примерно 126 см, большая разница в глубине 4 и 5-го штыков) — монета Василия I 867–886 гг.

Тем самым, монеты Романа I найдены вместе с монетами Константина VII 944–959 г., последние и являются «terminus post quae».

Как мы видим, слой пожара един для всего центрального участка и датируется самыми поздними монетами Иоанна Цимисхия 969–976 гг., т.е. примерно последней третью X в.

Важным обстоятельством является обнаружение слоя пожара при раскопках оборонительных сооружений.

Оборонительная стена Таматархи была зафиксирована в 1952–1953 гг. в юго-западной части городища на раскопах IV, VII, XIII–XV.

Юго-западная часть городища. Участок раскопов IV, VII, XIII–XV

Как пишет В.Н. Чхаидзе, нижняя граница слоя X–XI вв. четко прорисовывается прослойкой пожарища, прослеженной во многих местах, особенно в обрезах бортов раскопов XIII и XIV²⁷.

Прежде всего, важен участок раскопов IV, VII, XIII–XV, связанный со строительством, функционированием и прекращением существования оборонительной стены Таматархи, о которой упоминалось выше. Отдельная статья по этому объекту была опубликована С.А.Плетневым²⁸.

На участке оборонительной стены глубина залегания этого пожарища составляет 3,9–4 м от современной поверхности, следовательно, уровень пожара выше подошвы стены на 0,5–0,6 м. Состав керамических находок предпожарного слоя в целом тот же, что и в нижележащем, но с явным преобладанием «тмутараканских» кувшинов сравнительно с амфорными обломками, большинство которых относится уже к X в. Кроме того, в небольшом количестве попадают обломки лощеных сосудов, гончарных

	Монета	Раскоп	Глубина	Дата	Публикация
1	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVII, кв. Г	Штык 12	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 10.
2	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVII, кв. Б	Штык 5	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 181, Табл. 5, N 17
3	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVIII, кв. А	Штык 9	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 11
4	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVIII, кв. Г	Штык 10	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 13.
5	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVIII, кв. ВГ	?	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 14.
6	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	1953 г., раскоп XVIII, кв. АВ	Штык 12	X–XI вв.	Кропоткин, 1963, 180, Табл. 5, N 16.

Слой III (штыки 2–6) в отчете отнесен к XI–XII вв. Амфорный материал из него распределяется следующим образом:

	Тип амфор	Венчики (горла)	Донья	Всего
1	С высоко поднятыми ручками=Hayes 1992 type 61	2		2
2	С высоко поднятыми ручками=Hayes 1992 type 65	1		1
2	Воротничковые амфоры	7		7
3	Кувшины с плоскими ручками	1	1	2
	Всего	11	1	12

Амфоры с высоко поднятыми ручками типа Hayes 61 появляются в конце XI – начале XII в. Самыми ранними находками являются сосуды из Диногетии с монетами 1081–1118 г. и Саркела, самые поздние зафиксированы в контекстах третьей четверти XII в., что дает основания для датировки типа от конца XI – начала XII до третьей четверти XII в.³⁴. С ним в слое обнаружен сменяющий его тип Hayes 65, появляющийся в контекстах первой половины XII в.³⁵.

Монетные находки представлены подражанием милиарисиям Василия II и Константина VIII, имеющими суммарную датировку с terminus post quae 976–1025 гг.

Таким образом, верхняя дата слоя III приходится на первую половину XII в.

Слой IV (штыки 7–12)

Авторы отчета отнесли его к X–XI вв. К слою относится дом в кв. Г раскопа XVII. Дом погиб в пожаре, во время которого крыша рухнула на пол.

Амфорный материал из него распределяется следующим образом:

	Тип амфор	Венчики (горла)	Всего
1	С высоко поднятыми ручками=Hayes 1992 type 61	2	2
2	Воротничковые амфоры	16	16
	Всего	18	

Мы видим характерное сочетание обычных воротничковых амфор с амфорами переходного типа от воротничковых к амфорам с высоко поднятыми ручками (Hayes 61) при преобладании воротничковых. Это обстоятельство позволяет относить слой к периоду второй половины XI – начала XII в.

Нумизматические материалы из слоя дают те же монеты — подражание милиарисиям Василия II и Константина VIII, т.е. начиная от 976–1025 гг., что является «terminus post quae».

Слой V (штыки 13–19)

Слой датирован в отчете IX–X вв. К слою относится дом с кладкой 26 и очагом 7. В слое прослеживается прослойка пожарища, архитектурные

объекты лежали под эти слоем. В слое были обнаружены кувшины с плоскими ручками, обломок белоглиняного поливного сосуда, покрытого зеленой глазурью.

Амфорный материал распределялся следующим образом:

	Тип амфор	Венчики (горла)	Ручки	Донья	Всего
1	Воротничковые амфоры	5	2		7
2	Кувшины с плоскими ручками	8		1	9
	Всего	13	2	1	16

Большой процент воротничковых амфор указывает на дату слоя в пределах первой половины – середины XI в.

Таким образом, ни один из рассматриваемых слоев этого раскопа не может датироваться первой половиной X в. Слой пожара в данном случае, относится к первой половине XI в., видимо, к его середине.

Суммируем все вышесказанное в синхронизированные стратиграфические колонки:

Таматарха						
I. Северо-Западный участок	Юго-западная часть городища	Центральный участок			Перемычка	Дата
II. 1953 г. Раскоп XVII–XVIII	1953–1954 гг. Раскопы IV, VII, XIII–XV	Раскоп XXIII	XX	Раскоп XII	XXI A и XXIII A	
III. Монета: подражание милиарисию Василия II и Константина VIII						Первая половина XII в.
IV. Монеты: подражание милиарисию Василия II и Константина VIII						Вторая половина XI – начало XII в.
V. Слой пожара						Первая половина XI в.
	Слой пожара на глуб. 4м	Слой пожара. «Комплекс	Прослойка угля на глуб.	Завал сгоревшего здания	Развалы камней, связанные	Последняя треть X в.

	от поверх- ности	трех сгоревших построек». Монеты Романа I 921–944 гг.; Монета Констан- тина VII 944–959 г.	5–6 шты- ков Ми- лиарисий Иоанна Цимисхия 969–976 гг.	Анонимная монета X–XI вв.; Монета Иоанна Цимисхия 969–976 гг.	с пожаром конца X в.	
--	---------------------	--	--	---	-------------------------	--

Из таблицы совершенно очевидно, что слой пожара датируется последней третью X в. и не имеет никакого отношения к военной акции хазарского полководца.

Не показывают каких-либо крупных событий 920–941 гг. и материалы кладов. Материалы Ахтанизовского клада 1911 содержали самые поздние монеты Иоанна Цимисхия и Василия II — Константина VIII 976–1025 гг.³⁶

В любом случае рассматриваемый слой пожара в Таматархе однозначно датируется не ранее 969–976 гг. Датировка его более ранним временем исключена. Приведенные материалы не оставляют сомнения в датировке слоя пожара в пределах последней трети X в., что снимает вопрос об этом слое как отражении так называемого похода Песаха.

Как мы уже не раз писали, в том числе и попытались показать в настоящей работе, нет никаких оснований «затягивать» время прекращения существования так называемых «салтовских» поселений Восточного Крыма в первую половину X в., тем более говорить об их гибели. Конкретные контексты нами уже были рассмотрены (см. Ч. 1. Гл. 2. Разд. 2.2)³⁷.

Предположение А.Л. Якобсона и А.В. Гадло о том, что жизнь на некоторых салтово-маяцких поселениях продолжалась до конца X–XI вв., не подтверждается археологическими материалами. На Керченском полуострове пока что не найдено ни одного поселения, которое можно было бы датировать второй половиной X–XIII вв.³⁸ (см. подр.: Ч. 1. Гл. 2. Разд. 2.2).

Укажем также на то, что постулированный захват Песахом Сугдеи в 941 г., отразившийся, по мнению В.В. Майко, в слое пожара, противоречит дате этого слоя, помимо прочего содержавшего монеты Константина VII и Романа II, относящиеся не ранее чем к 944 г.³⁹ Напомним общепринятую дату этих монет — 945–959 гг. Последнее означает, что при признании этих монет датирующими разрушение Сугдеи могло произойти в промежуток времени между 945 и 959 гг. Однако будем более осторожными. Данные монеты корректнее рассматривать как *terminus post quae*⁴⁰. В любом случае поход Песаха не мог отразиться в этом слое, имеющем более позднюю датировку.

Сказанное вынуждает признать, что поход Песаха, если таковой и был, пока никак не отразился в археологических комплексах. Не подтверждается данное конкретное событие византийскими или мусульманскими источниками.

Соответственно не находят подтверждения концепции, увязывающие смену материальной культуры городов и поселений Крыма с этим событием.

Обратим внимание на следующий отрывок из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного в 948–952 гг., т.е. в период, близкий по времени походу Песаха Кембриджского Анонима: «[Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир»⁴¹. По мнению Ю.М. Могаричева, указанный сюжет в определенной степени может свидетельствовать о возможности хазарских военных вылазок в Крым. Одну из таких операций мог отразить документ Шехтера⁴².

По мнению А.В. Сазанова:

1. Точка зрения Н. Голба, согласно которой Песах, известный как Bulsici, был правителем хазарской провинции Боспор, центром которой была Керчь, титул правителя Bāliqsi, а город Тмутаракань был частью этой провинции, признана в последнем обобщающем исследовании по Тмутаракани произвольной. Общий вывод был сформулирован В.Н. Чхаидзе. Кембриджский документ — сложный источник, и в данном случае смущает упоминание Самкрца-Тмутаракани, нигде более в такой роли не отмеченной, а также полное отсутствие в византийских и восточных источниках какого-либо намека на поход Песаха в Крым. Эти обстоятельства не позволяют соглашаться с рядом исследователей, считающих это событие не только исторической реальностью, но и стремящихся «подогнать» под него археологические источники⁴³.

2. Ни русские, ни византийские источники, сообщающие о событиях 941–944 гг., ни словом не упоминают Хазарию и хазар. В русско-византийском договоре, венчавшем войну Игоря и Романа Лакапина, нет даже намека на какую-то роль Хазарии в этих событиях, не говоря уж о свидетельстве какой-либо зависимости Руси от Каганата.

Можно согласиться с И.О. Князькиным, что сведения Кембриджского документа о воздействии Песаха на русско-византийский конфликт 941–944 гг. едва ли можно полагать исторически точными. Это был конфликт сугубо между Киевом и Константинополем. Участие же, причем решительное, третьей силы — Хазарского каганата, следует исключить⁴⁴.

3. Отсутствие какого-либо археологического и текстологического подтверждения параллельными источниками реальности похода Песаха не позволяют использовать эти сведения «Кембриджского Анонима» для исторических реконструкций. Тем более нельзя делать этот источник основой воссоздания истории Крыма и Таманского полуострова в X в. и ориентироваться на него при определении времени прекращения существования городов и поселений Крыма.

В любом случае несомненным является необходимость осторожного подхода к сведениям этого источника.

Вызывает вопросы позиция В.Е. Науменко, изложенная в ряде его последних работ. Так, например, в одной и той же статье он сначала пишет: «в историографии присутствует точка зрения о сомнительном и компилятивном характере этого документа (Кембриджского Анонима. — Авт.), не позволяющего его использовать для реконструкции событий истории Крыма и Таманского полуострова середины – второй половины X в.... Этот скепсис, на наш взгляд, излишен и к тому же слабо обоснован»⁴⁵. К сторонникам такой точки зрения он относит Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова. Однако, уже через 4 страницы мы читаем: «Как нам представляется, масштаб этого события (похода Песаха. — Авт.) сильно преувеличен автором хазарской записки, если вообще оно имело место в конце 30-х гг. X в. (выделено нами. – Авт.) ... Скорее всего, этот сюжет оказался необходимым анонимному автору Кембриджского документа для объяснения разрыва отношений между Русью и Византией... »⁴⁶. Так чем же позиция уважаемого исследователя отличается от нашей? Мы никогда не писали о неподлинности или о неисторичности самого источника. Все наши сомнения касались исключительно похода на Крым Песаха⁴⁷, даже не столько самого похода, а того, до какого масштабного события он разросся в работах ряда авторов.

Как отмечалось в Разделе 8.2, Ю.М. Могаричев полагает, что описание похода Песаха Кембриджским Анонимом имеет определенные параллели с описанием нашествия Пролиса Армянского Жития Стефана Сурожского⁴⁸.

Кембриджский Аноним	Армянское Житие Стефана Сурожского
И стало это (нападение Олега С-м-к-рай. — Авт.) известно Булшици, т.е. досточтимому Песаху, и пошел он в гнев на города Романа	Спустя время некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, и разрушил Керчь и страну его. И отправился

и избил (губил, по Н. Голбу и О. Прицаку) и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов (деревень, по Н. Голбу и О. Прицаку). И оттуда он пошел на (город) Шуршун и воевал против него. [...] и они вышли из земли наподобие червей [...] Израиля, и умерло из них 90 человек. [...] и он заставил их платить дань⁴⁹ ([он не окончательно разгромил их в битве], но он обязал их служить ему, по Н. Голбу и О. Прицаку⁵⁰).

оттуда в Шрсон [Херсонес] и разрушил тот, и взял в плен мужчин и женщин и детей, и других мечу придал. Оттуда пришел с войском в Сухта и как поступил в других гаварах, так поступил и в этом гаваре, ибо кровью безвинных месил землю.

Аналогично количество захваченных городов, только в АЖ упоминаются имена всех городов, а в Кембриджском документе только Херсон; и там и там сообщается о множестве покоренных селений; сходны описания репрессий по отношению к местному населению. Учитывая, что рассматриваемые источники отражают позиции противоположных сторон, версия о том, что в них отражено одно и то же, в любом случае не масштабное событие, имеет право на существование.

9.2. Хазары и Крым в IX – середине X в.

Как мы попытались показать в предыдущих разделах (Гл.1; Гл.6), в начале VIII в. Крымский полуостров оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими. Современный уровень источниковедческой базы не позволяет говорить об изменении византийско-хазарских взаимоотношений в Таврике до середины — второй половины VIII в. Археологические материалы и письменные источники не фиксируют ни серьезных вооруженных конфликтов, ни изменений в составе населения. В середине – второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений. Скорее всего, их жители пришли с территории Хазарского каганата и обосновались на полуострове (большей частью на Керченском полуострове) с разрешения византийских властей. Это отражало традиционную политику Константинополя, позволявшую варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству (см. подр.: Гл. 2). Однако уже к 80-м гг. отношения между Византией и Хазарией обостряются, что сказалось и в Крыму. Напомним, серьезное столкновение между хазарами и местным

населением, известное как восстание Иоанна Готского, произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг. Вероятно, выступление, поводом к которому послужило размещение хазарских войск в столице Готии — Доросе, не было масштабным. И после его подавления хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. В связи с изменением политической ситуации на полуострове была проведена и реорганизация церковной структуры. Собственно византийские владения в Юго-Западной и Южной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия (см. Разд. 7.2; 8.1). Вероятно, в середине VIII в. в Восточном Крыму была основана и Сугдейская епархия, выделенная из Боспорской (см. Разд. 8.2).

Можно утверждать, что к началу IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а впоследствии и над всем полуостровом. Правда, не существует однозначного ответа — насколько сильно было хазарское присутствие в Крыму в начале IX в.

Э. Арвейлер, на основании анализа Жития Иоанна Психаита, сделала вывод об угрозе византийским владениям в Крыму со стороны хазар около 820 г.⁵¹ И.А. Баранов развил указанное положение: «около 820 г. хазары вновь наводят порядок на этой территории и угрожают Херсону»⁵². Об осаде Херсона в 820 г. писала А.И. Романчук⁵³. На рассматриваемый источник, говоря о попытках хазар восстановить свою власть в Готии, ссылается В.Е. Науменко⁵⁴. На хазар, периодически появлявшихся в округе Херсона, со ссылкой на Житие, указывает и С.Б. Сорочан⁵⁵.

К. Цукерман, полемизируя с вышеназванными исследователями, отмечал, что «в указанном Житии не упоминается ни угроза со стороны хазар, ни хазары вообще»⁵⁶. Последний вывод поддержал А.И. Айбабин⁵⁷.

Действительно, в Житии Иоанна Психаита не упоминаются хазары или хазарская угроза. Однако там все же присутствует сюжет, заслуживающий, на наш взгляд, внимания в данном контексте.

Согласно источнику, посланный при Льве Армянине в Херсон Иоанн Психаит⁵⁸ занимался подвижничеством: «стекались (к Иоанну) народы, жившие около Боспора и расположенные вне святого»⁵⁹. Однажды он пригласил к себе ученика, Парфения, и посоветовал тому поехать в Византию. Но «тот сказал, что это невозможно ввиду массы (врагов), что трудно как выбраться из Херсона, так и вернуться в него; на это Иоанн предложил ехать вместе»⁶⁰.

Х. Лопарев считал, что Иоанн вернулся в Константинополь после амнистии, объявленной Михаилом II (820–829 гг.), но до 823 г.⁶¹ Близкой даты придерживаются Э. Арвейлер⁶² и С.Б. Сорочан⁶³.

Несомненно, что источник, хоть и в косвенной форме, отмечает угрозу Херсону со стороны неназванных врагов. Однако, если принять указанную датировку события, то выявляется противоречие с данными других источников и со сложившимися представлениями о характере византийско-хазарских отношений (а угрожать Херсону в 20-х гг. IX в. теоретически могли только хазары).

Для аргументации этого положения напомним сообщение монаха Епифания, который в период подготовки своего труда «О житии, деяниях и кончине святого и всепохвального первозванного апостола Андрея» путешествовал по местам, традиционно связываемым с апостольской проповедью святого. Учитывая, что указанный автор акцентировал внимание читателя: «бегая общения с иконоборцами, мы прошли страны и города до Воспора и при этом с великою любовью расспрашивали о местных свя-тых»⁶⁴ («убегая от общения с иконоборцами ... наконец обходя страны и города вплоть до Воспора» — по А.Ю. Виноградову⁶⁵), В.Г. Васильевский, а за ним и другие исследователи сделали вывод, что путешествие Епифания могло состояться только после 815 г., когда при императоре Льве V Армянине было восстановлено иконоборчество⁶⁶. Вероятнее всего, это случилось в промежутке между 815 (официальное восстановление иконоборчества) и 820 (смерть Льва Армянина) гг.⁶⁷. Известно, что во второй период иконоборчества жесткие преследования монахов и иконопочитателей были только при Льве V, во время правления Михаила II они практически прекратились, а при Феофиле не выходили за пределы Константинополя и ближайших окрестностей⁶⁸.

Напомним «крымский сюжет» из Епифаниева сочинения: «... апостол пришел в Боспор, находившийся по ту сторону Понта, город, до которого и мы достигали. Жители его, увидев чудеса, которые творил Андрей, скоро оказали послушание, как они сами нам рассказывали. Они показали нам ковчег, имеющий надпись Симона апостола, закопанный в основании храма св. апостолов (это очень большой храм) и содержащий в себе частицы мощей... Из Боспора Андрей прибыл в Февдесию (Феодосию), город многолюдный и образованный, в котором царем был Савромат. Уверовали здесь немногие. Оставив их, апостол отправился в Херсон, как (жители Херсона) нам рассказали. А Февдесия ныне не имеет даже следа человеческого. Херсаки (Херсонцы) же народ коварный, и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра. Апостол, пробыл у них довольно дней, воротился в Боспор и, нашедши корабль херсонский, переплыл в Синоп»⁶⁹. «... Он (Андрей. — Авт.) пришел в Боспор, город на том берегу Понта, напротив Амиса ... Воспорцы, увидев чудеса, которые сотворил Андрей, и богодухновенное слово, быстро послушались, как сами

нам рассказывали; и никогда они не принимали какой бы то ни было ереси. Показали они нам энкаустические иконы Христа и многих святых, столь удивительные, что говорят, они сделаны не человеческими руками, и раку с надписью “Симона апостола”, вмурованную в основание весьма большого храма Святых Апостолов ...

Из Воспора Андрей спустился в Феодосию, город многолюдный и любомуудрый, где царем был Савромат; немногие же из них уверовали. Покинув их, он спустился в Херсон, как те сами нам рассказывали. А в Феодосии сегодня нет ни следа человека. Нестойкий народ херсаки вплоть до сего дня и не тверды в вере, лжецы, носимые всяким ветром ересей, но гостеприимные и нищелюбивые. А Андрей, проведя у них достаточно дней и оставив их, вернулся в Воспор и, найдя херсакский корабль, переправился в Синопу»⁷⁰.

Практически аналогичная информация содержится и в других редакциях. Отличия крайне незначительны. В версии, приписываемой Симеону Метафрасту, добавлено, что Херсон — город знаменитый и многолюдный⁷¹, в русской редакции приводятся имена боспорского епископа Колипидия и наместника (кандидата в епископы — по А.Ю. Виноградову⁷²) Георгия⁷³, в грузинской — Босфор расположен близ земли Таврогунов, а Херсон являлся городом готов⁷⁴.

Таким образом, по сообщению автора, он совершенно свободно совершил путешествие из Боспора, через развалины Феодосии, в Херсон, общался с местными жителями и не знает ни о каких врагах, угрожавших этим городам или византийским владениям вообще.

Епифаний лично посетил все упомянутые пункты, расспрашивал об их истории (очевидно, в устной или письменной форме ему удалось ознакомиться с херсонскими Patria, обретшими письменную форму не ранее VI в. и впоследствии включенными в 53-ю главу трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁷⁵. Вероятно, только этим знакомством можно объяснить упоминание царя Савромата, одного из основных персонажей указанной главы⁷⁶), достопримечательностях (ковчег с надписью апостола Симона), выяснял политические и религиозные пристрастия (замечание в отношении херсонитов скорее всего указывает на их приверженность иконоборчеству⁷⁷).

Поэтому если бы факт угрозы присутствовал, это, несомненно, нашло отражение в источнике. Подобное, как правило, не упускалось авторами такого рода литературы. В нашем же случае отмечена только опасность со стороны иконоборцев. Следовательно, свидетельства Епифания (815–820 гг.) не подтверждают сведений Жития Иоанна Психаита. К сожалению, других письменных источников к нам не дошло.

Как косвенные доказательства, можно привести уже упоминавшиеся письма Феодора Студита к епископам, сосланным в Херсон (821 г.) и к архимандриту Готскому (821–826 гг.)⁷⁸. Учитывая, что сосланные епископы имели возможность переписываться с Феодором и получать от него деньги, а готский архимандрит мог обсуждать подробности церковной и монастырской жизни в Готии, вряд ли здесь наблюдалась ситуация, описанная в Житии Иоанна Психаита.

Следовательно, можно сделать вывод: источники не позволяют говорить об угрозе Херсону со стороны «врагов» до начала 20-х гг. IX в.

Ранее автор настоящего раздела предположил, что информация о врагах, окружающих Херсон, Жития Иоанна Психаита схожа с одним из сюжетов повествований о пребывании в Херсоне Константина Философа⁷⁹. Напомним, согласно письму Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху: «место (могила Климента. — Авт.) лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда ... епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города»⁸⁰. По Итальянской легенде: «Из-за множества варварских нападений это место опустело и храм был забыт и разрушен и большая часть той околицы стала почти безлюдной и незаселенной»⁸¹.

Сопоставление этих отрывков с информацией Жития Иоанна Психаита предполагает если не заимствование, то общий источник информации.

На первый взгляд присутствует противоречие — события Жития Иоанна Психаита относятся приблизительно к 820 г, а Константина — к 860/861 гг. Анастасий библиотекарь встречался с Константином Философом не ранее 867 г.⁸², с Митрофаном Смирнским — в 869–870 г. на Восьмом Вселенском соборе в Константинополе⁸³, текст Жития Константина появился между 869 г. и началом 880-х гг. Для устранения несоответствия рассмотрим вопрос о времени создания Жития Иоанна Психаита.

П. ван ден Вэн датировал источник второй половиной IX – началом X в.⁸⁴. По мнению Х. Лопарева, оно было составлено одним из монахов Психаитского монастыря, спустя значительное время после кончины святого, когда память о нем стала уже забываться. При этом автор не был лично знаком с Иоанном. Наиболее ранние из списков Жития относятся к концу IX–X вв.⁸⁵ Аналогичной позиции придерживался и И. Шевченко: текст появился после 843 г. и написан человеком, никогда не встречавшимся со святым⁸⁶, — с этим согласна и М.-Ф. Озепи⁸⁷. Заметим, что Психаитская обитель находилась в Константинополе, и, следовательно, агиограф вполне мог располагать информацией о путешествии Константина Философа.

Позволим сделать следующее предположение. Иоанн Психаит умер вскоре после 820 г. Автор Жития сочинял свой труд в столичном монастыре спустя много лет после смерти святого. По крайней мере, он уже был смутно осведомлен о нападении болгарского хана Крума на Константинополь в 813 г.⁸⁸ Поэтому для описания херсонского периода в жизни Иоанна Психаита вполне могли быть использованы современные или не столь отдаленные по времени от составления труда сведения (напомним, древнейшие списки относятся к концу IX–X вв.). Наиболее достоверную и авторитетную информацию можно было получить из сообщений личного посланника императора к хазарам — Константина Философа, людей, писавших с его слов или очевидцев его деяний (например, Анастасий библиотекарь или Митрофан Смирнский). Конечно, у нас нет оснований утверждать, что автор Жития лично общался с Константином, однако ему вполне мог быть доступен текст Константина, записи Анастасия или рассказы Митрофана. Отметим, Анастасий библиотекарь общался с митрополитом Смирн в Константинополе около 870 г., где помимо участия в заседаниях Собора собирал сведения о деятельности св. Кирилла⁸⁹.

Таким образом, информация Жития Иоанна Психаита об окружении Херсона врагами, скорее всего, может относиться к началу 60-х гг. IX в. и, вероятно, заимствована из круга источников, связанных с пребыванием в Крыму Константина Философа.

В середине IX в. Византийское правительство создает в Крыму новую территориально-административную единицу — фему⁹⁰.

По мнению ряда исследователей (К Цукерман, Ж. Дагрон, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко и др.), фема Климатов (таким было ее первоначальное название) была создана летом 841 г., в ответ на появление в припонтийских степях венгров, которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера, и те более не могли удерживать подвластные им территории. Другие авторы сомневаются, что фема была создана именно в 841 г., и не считают «венгерскую угрозу» причиной ее создания⁹¹. Однако несомненно, этот военно-административный округ был образован византийскими властями на Крымском полуострове в промежутке между 834 и 841 гг. Создание фемы однозначно свидетельствует о переходе Готии (мы не знаем границы фемы Климатов. Входил ли в нее Восточный Крым и Боспор⁹², однако Юго-Западный Крым и, скорее всего, Южный, несомненно) к началу 40-х гг. под полный контроль Византии⁹³.

По мнению К. Цукермана, в 50-х гг. IX в. территория, принадлежащая империи, ограничилась только Херсоном и его ближайшей округой. В результате фема Климатов была переименована в фему Херсон⁹⁴. Данный вывод основан не столько на анализе археологического материала или об-

щеполитической ситуации, сколько на изучении моливдовулов, зафиксированных с 50-х гг. появление стратигов Херсона⁹⁵.

Т. Живкович объясняет смену названия фемы по-иному. Изначально, очевидно, в начале IX в., в Крыму была создана фема Климатов. Причем Херсон не являлся частью этого военно-административного округа. При императоре Феофиле к ней присоединили город и сделали центром фемы, что и нашло отражение в источниках⁹⁶. Таким образом, «Тактикон Успенского», где впервые упомянут стратиг Климатов и традиционно датируемый 842/843 гг.⁹⁷, следует относить к 812/813 г.⁹⁸.

В.В. Хапаев полагает, что это было связано с «завершением интеграции областей, населенных готами и аланами, в состав империи»⁹⁹.

Вероятно, смена названия фемы означала не столько потерю имперского контроля над Климатами или ослабление там власти, сколько коррекцию византийской политики на полуострове. Очевидно поняв нерациональность выбора в качестве политического центра создаваемой фемы Горного Юго-Западного Крыма, а возможно и потерпев фиаско в попытке христианизации Хазарии, вернулись к привычному и более удачному херсонскому варианту. Соответственно, по имени нового центра меняется и название фемы¹⁰⁰. К этому же выводу, анализируя данные сфрагистики, пришел и Н.А. Алексеенко¹⁰¹. Как аргумент в пользу нашей точки зрения отметим: с середины IX и до последней трети X в. многочисленные эпиграфические и сфрагистические источники фиксируют в качестве имперских правителей византийских владений на полуострове исключительно стратигов Херсона. С большой долей вероятности можно предполагать, что их власть распространялась на все имперские земли в Крыму. Но нам ничего не известно о желании византийских властей соответствовать «новым реалиям» и назвать их крымскую территориально-административную единицу, например, фемой «Херсона и Боспора».

Создав фему, имперские власти развернули здесь фортификационное строительство. Кроме Херсона¹⁰² происходит укрепление северного форпоста Готии — Баклы¹⁰³ и, вероятно, Чуфут-кале¹⁰⁴, возможно, возводится Сюреньская крепость¹⁰⁵. Археологический комплекс Мангупа свидетельствует о переменах в хозяйственной жизни поселения и усилении роли производства экспортной продукции¹⁰⁶. Археологические материалы фиксируют изменение в середине IX в. исторической топографии Сугдеи¹⁰⁷.

Основным источником по истории Крыма 60-х гг. IX в. является Житие Константина Философа (ЖК). Остановимся на одном из эпизодов данного агиографического произведения.

В период пребывания Константина в Херсоне: «Пришел же с войском хазарский полководец, окружил христианский город и осадил его. Узнав же

об этом, Философ пошел к нему без колебаний, и, беседуя с ним и поучая, укротил его, и обещавшись ему креститься, отошел, не причинив никакого вреда этим людям. Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его. Он же не испугался, не прервал своей молитвы, лишь взывая “Господи помилуй” ибо кончал уже службу. Они же, увидев (это), по божьему повелению стали кроткими, и начали кланяться ему, и, выслушав из уст его слова поучения, отпустили его со всеми сопровождающими»¹⁰⁸.

В Херсоне Константин провел зиму 860–861 гг. Житие, как уже отмечалось, было составлено между 869 и 880 гг., а информация о «хазарской миссии», вероятно, заимствована из собственноручного доклада Константина¹⁰⁹.

Большинство исследователей¹¹⁰, обращавшихся к данному рассказу, только констатировали факты, принимая их за достоверные, а дискуссия сводилась, в основном, к локализации «осажденного города» и места нападения на Константина венгров¹¹¹. Некоторые объединяли оба эпизода, считая венгров частью хазарского войска¹¹². К. Цукерман выдвинул гипотезу, согласно которой снятию осады с «христианского города» способствовали венгры, спугнувшие хазар¹¹³.

В.П. Шушарин, согласившись, что «данные об “укрощении” варваров — стереотип, характерный для агиографии», все же склоняется к «достоверности свидетельства о контакте византийского миссионера с мадьярами»¹¹⁴. Близкую точку зрения в одной из последних работ высказал С.Б. Сорочан¹¹⁵, а также А.В. Комар¹¹⁶.

Ю.М. Могаричев попытался обосновать, что «сюжет о снятии Константином осады с “христианского” города и избавлении от венгров является традиционным для житийной литературы и, вероятно, в действительности не имел место»¹¹⁷.

Рассматриваемый отрывок содержится в VIII главе Жития. Благодаря тому, что, находясь в Херсоне в период подготовки путешествия в Хазарию, Константин организовал поиск и перенесение в город мощей папы Климента, «крымский эпизод» его жизни, кроме Жития, получил освещения и в других источниках.

Основные¹¹⁸:

Итальянская легенда (ИЛ), или «Слово о перенесении мощей св. Климента» — латинская версия рассказа о Константине, поиске им мощей папы Климента и о перенесении впоследствии их из Херсонеса в Рим. Источником для Итальянской легенды, составленной епископом г. Веллетри Гаудерихом (ок. 882 г.) и переработанной в начале XII в. Львом Остий

ским, было Житие Константина Философа, однако более ранняя его редакция, чем дошедшая до нас¹¹⁹.

Письмо Анастасия библиотекаря, главы папской канцелярии, вышеупомянутому епископу Гаудериху (875–879 гг.). В письме Анастасий излагает сжатый латинский перевод сочинений Константина о находке мощей Климента, похвальное слово Клименту, а также передает рассказ Митрофана, митрополита Смирнского, который был очевидцем пребывания Константина в Крыму (Митрофан находился здесь в ссылке)¹²⁰.

Сопоставим информацию VIII главы Жития Константина с соответствующими эпизодами Итальянской легенды и Письма Анастасия библиотекаря. Для этого разобьем события на отдельные эпизоды в соответствии с последовательностью упоминания в источнике¹²¹.

Эпизод	Житие Константина ¹²²	Итальянская легенда ¹²³	Письмо Анастасия ¹²⁴
1 Прибытие в Константинополь хазарского посольства	«Пришли же к цесарю послы от хазар» с просьбой о присылке им ученого для разъяснения положений христианства	«В то время к упомянутому императору (Михаил. — Авт.) прибыли послы от хазар, прося и моля прислать к ним ученого мужа, который научил бы их неложно кафолической вере»	Прямо не сообщается
2 Направление императором Михаилом III Константина в Хазарию	«Тогда стал искать кесарь Философа и, когда нашел его, рассказал ему о хазарском деле, говоря: «Иди Философ, к людям тем ...»	«Тогда император, посоветовавшись с патриархом, призвал пред себя упомянутого философа и с величайшей честью отправил его туда с хазарскими и своими послами»	«Он (Митрофан Смирнский. — Авт.) передал нам, что Константин Философ, направленный императором Михаилом в Хазарию проповедовать слово божие ...»
3 Приезд Константина в Херсон и изучение иностранных языков	«Тогда же пустился в путь и, когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи и письму, переведа восемь частей грамматики... некий самаритянин ... принес самаритянские книги, и показал ему. ... Философ затворился в доме и отдался	«Итак, немедленно приготовив все нужное, он (Константин. — Авт.) пустился в путь и прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землею хазар, тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа»	Не сообщается

Эпизод	Житие Константина ¹²²	Итальянская легенда ¹²³	Письмо Анастасия ¹²⁴
	молитве, и, принял знание от бога, начал читать (эти) книги без ошибок. ... Нашел же евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи ...»		
4. Поиск и перенос в Херсон мощей св. Климента	Сообщается о том, что Константин узнал о мощах св. Климента, убедил «архиепископа, и весь клир, и благочестивых мужей» отправиться на поиски и раскопки мощей, которые нашли и внесли в город	Константин начал расспрашивать о могиле св. Климента. «Все объявили, что, как пришельцы из разных народов, а не местные уроженцы ничего не знают, о чем он спрашивает». Константин убедил местного церковного главу отправиться на поиски, после чего тело Климента было найдено и перенесено в Херсон	Константин расспрашивал о гробнице Климента, «но все жители того места, будучи не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов, даже лютые разбойники, уверяли, что ничего не знают о том, что он говорит». Константин убеждает местного епископа предпринять поиски, «он глубоко одушевил всех в раскопку тех берегов и на розыскание столь драгоценных мощей ... в порядке, описанном самим Философом в его историческом рассказе»
5. Снятие Константином осады с «христианского» города и нападение на него венгров	См. отрывок выше	Не сообщается	Не сообщается

Рассмотрим указанные сюжеты.

1. Факт прибытия хазарского посольства в Константинополь, отмеченный Житием, подтверждается Итальянской легендой. Причем в обоих источниках эти эпизоды переданы близко друг к другу. В письме Анаста-

сия сюжет отсутствует. Однако фраза Митрофана Смирнского, что Константин был направлен в Хазарию «проповедовать слово Божие» переключается с изложением сюжета в ЖК и ИЛ. Не вдаваясь в выходящие за рамки настоящей работы дискуссии о причинах и характере хазарско-византийских контактов в это время, присоединимся к мнению тех исследователей, которые обоснованно считают, что приезд посольства хазар в Константинополь — вполне реальное историческое событие.

2. Факт отправки императором Константина во главе посольства подтверждается всеми рассматриваемыми источниками, а также житием Мефодия¹²⁵. ИЛ дополняет, что император Михаил дополнительно посоветовался с патриархом. Таким образом, вряд ли стоит сомневаться в «хазарской миссии» Константина¹²⁶.

3. Приезд Константина в Херсон и изучение здесь иностранных языков засвидетельствовано ЖК и ИЛ. Разница заключается в том, что согласно Житию Константин изучает еврейский язык, а также знакомится с «самаритянским» и «русским». В ИЛ он изучает только язык хазар. Мы не ставим перед собой задачу поставить точку в многолетней дискуссии: какие же языки осваивал в Херсоне будущий создатель славянской азбуки. Однако это, скорее всего, действительно реальное историческое событие.

Его миссия проходила непосредственно перед принятием хазарами в качестве государственной религии иудаизма (см. Раздел 7.2). Очевидно, древнееврейский язык уже получил распространение среди хазарской элиты, с которой и общался Константин. Судя по источнику, ему предстояло вести дискуссии, в первую очередь, именно с иудейскими священниками. Вероятно, в Херсоне Константин действительно изучал еврейский язык¹²⁷. Известно, что он его знал¹²⁸, равно как греческий, латинский, сирийский¹²⁹.

Не претендуя на решение проблемы «самаритянских книг» и «русских писем»¹³⁰, отметим, что о них ничего не сообщает ИЛ. В ЖК же, когда речь идет о «еврейской речи и письме», то Философ делает это непосредственно сам, в пассаже же с самаритянским и русским языками он их изучает с помощью молитвы и «знания от бога». В связи с этим обратим внимание на мнение Г.А. Хабургаева, что сюжет о «русских письменах» был внесен в ЖК не ранее XII в. на русской почве¹³¹.

4. Открытие Константином мощей св. Климента подтверждают все источники, и, вероятно, эти сведения являются достоверными¹³².

5. Сюжет о снятии Константином осады с «христианского» города и нападении на него венгров содержится только в ЖК. В письме Анастасия есть упоминание, что Философ «находясь часто в Херсоне, то приезжая туда, то уезжая обратно, потому, что этот город пограничен с Хазарской землею»¹³³, но при этом ни на какие эксцессы с ним во время подобных

поездок нет даже намека. Важным представляется то, что о таких случаях не сообщает ИЛ, основанная, как уже отмечалось, на более ранней редакции Жития. А ведь данный эпизод, являясь реальным историческим событием, вряд ли бы был обойден вниманием автора ИЛ. Нет даже косвенных сведений и о каких-то неприятностях с императорским послом и у очевидца событий, Митрофана Смирнского. Таким образом, из всех сюжетов восьмой главы ЖК только рассматриваемый не находит подтверждения в других источниках. Проанализировав византийскую агиографическую литературу VIII–IX вв., мы пришли к выводу: подобные сюжеты являются для нее традиционными.

Например, в Житии Георгия Амастридского (см. Раздел 8.2) есть такой эпизод: «Было нашествие неприятеля и притом более тяжкое каких-либо когда-либо упоминаемых нашествий» — далее говорится о жестокости завоевателей — арабов: «Но вот чудо: среди всех этих сцен святой (Георгий) не растерялся душой от страха, не думал о том, как бы избежать собственного плена, не помыслил и не сделал ничего низкого, но высоко подняв свою главу, взял в руки победное знамя креста, и держа щит веры, пробегает соседние села; как добрый пастырь при нашествии волков, так он при нашествии врагов собирает всех пасомых, и утвердив их внутри града, как бы внутри ограды, сам обходит кругом вне безоружный, подвергаясь опасности за отечество ... спасает теперь обходом одного иерея город многоядный и обращает вспять народ, исполненный бешенства, стремящийся стереть (с лица земли) все наследие Христа, поражая его и побеждая молитвами, как стрелами, и заставляя унести домой свой стыд»¹³⁴.

По мнению В.Г. Васильевского, Жития Константина Философа и Георгия Амастридского имеют сходные черты¹³⁵.

Из Жития Антония Нового можно узнать: св. Антоний, до пострижения Иоанн, уговаривает арабов, осадивших город Атталию, не захватывать его¹³⁶. Данное сочинение, вероятно, было составлено в 870-х гг. IX в.¹³⁷

Согласно Житию Иллариона Грузина (написано между 867 и 886 гг.), во время путешествия в Палестину на него напали арабы и хотели убить. Но волею божьей арабы окаменели, святой исцелил их и продолжил свое путешествие¹³⁸.

Григорий Декаполит, плавая по Эгейскому морю, попал в руки «славянских» морских разбойников, но был ими отпущен без вреда¹³⁹.

Напомним, в Житии Иоанна Готского среди чудес сообщается: «Лонгин, ученик его, возвращаясь из Святого града Иерусалима, схваченный и распятый на кресте (вознесенный на крест) сарацинами, призвал (на помощь) молитву преподобного. Святой отец явился ему зрительно, и сразу же протонотарий эмира, дав пятьсот милиарисиев, низвел его (с креста) и

отпустил. Затем (Лонгин), схваченный снова другими, обратившись к святому и попросив об избавлении, (достиг того), что железа (оковы) пали с ног его, и через это он спасся. И когда его ученики были в заточении, в котором и он был охраняем хазарами, после того, как он (сам) бежал в Романию, были схвачены и предстали перед каганом; подлежали казни по его (кагана) суждению, но по молитве преподобного были отпущены на свободу целыми и невредимыми. Так как каган сказал, что они не имеют вины. Тем временем, в этот самый час, когда они стояли перед каганом, преподобный в Амастриде, закончив утренний канон и вне церкви воздев руки, был в молении до третьего часа».

Таким образом рассматриваемые сюжеты не что иное, как прижизненные чудеса Св. Кирилла, равно как и уже упоминавшийся рассказ о возвращении на путь истинный «фульского народа». Житие Славянского Просветителя составлялось максимум через 10–12 лет после его смерти (869 г.). Поэтому прижизненным чудесам и должно было уделяться особое внимание. Подчеркнем, что рассматриваемые эпизоды органично дополняют и подчеркивают ключевое событие «крымского периода» жизни Константина – обретение мощей Климента Римского.

Отметим, что аналогичную нашей оценке сюжету «о снятии Константином хазарской осады с «христианского» города» дает и И.Г. Коновалова: «Слишком неопределенный характер этого известия (некий “хазарский полководец” осаждает безымянный “христианский город”, но уходит восвояси, вняв поучениям Константина и “обещавшись ему креститься”) заставляет подозревать, что оно является не более чем данью жанровой специфике произведения»¹⁴⁰.

Почему рассматриваемый эпизод попал в текст ЖК. Вероятнее всего, он мог быть в какой-то мере заимствован из сочинений самого Константина. Напомним, Анастасий, излагая их, сообщает, что «место (могила Климента. — Авт.) лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда ... толпы язычников со всех стран стали увеличиваться... место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся часть Херсонской страны пришла в упадок, так, что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города»¹⁴¹. По ИЛ: «Ибо уже от долгого времени из-за вины и халатности жителей чудо морского отлива... перестало показываться... Из-за множества варварских нападений это место опустело и храм был забыт и разрушен и большая часть той околицы стала почти безлюдной и незаселенной»¹⁴².

В связи с этим акцентируем внимание еще на двух моментах — степени варварской угрозы Херсону и толковании слов Митрофана Смирнского о

нахождении Херсона на границе с хазарской территорией. Обычно исследователи, цитируя замечание Митрофана: «Город пограничен с хазарской землею», — делают вывод о прохождении границы хазарских владений в непосредственной близости от Херсона или византийских территорий в его округе¹⁴³. Но если рассматривать эти слова, переданные Анастасием, в контексте произведений Константина, напрашиваются иные выводы. Вряд ли стоит сомневаться, что и Митрофан в своем изложении ориентировался в первую очередь на версию Константина, отсюда и такая близость его информации к ИЛ. Глава папской канцелярии особо отмечает, что Митрофан «передал нам» свой рассказ «в порядке, описанном самим Философом в его историческом рассказе»¹⁴⁴. Кроме того, скорее всего, именно через Митрофана Анастасий приобрел три сочинения Константина, о которых он упоминает в своем письме¹⁴⁵. Т.е. и ИЛ, и письмо Анастасия имеют один общий первоисточник. Приведем отрывок полностью: «Он (Митрофан. — Авт.) передал нам (Анастасию. — Авт.), что Константин Философ, направленный императором Михаилом в Хазарию проповедовать слово Божие, находясь часто в Херсоне, то приезжая туда, то уезжая обратно, потому, что этот город пограничен с Хазарской землею, стал внимательно разведывать, где храм, где гробница, где те знаки блаженного Климента»¹⁴⁶. Рассказ Митрофана переключается с Житием Славянского Просветителя, согласно которому Константин во время своей «хазарской миссии» останавливался в Херсоне как по пути в Хазарию, так и по возвращении оттуда¹⁴⁷. По ИЛ Философ «прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землею хазар». Во время пребывания в городе Константин, что отмечают все источники, на время покидал его для поисков могилы Климента, выяснения обстановки в округе. Т.е. для него Херсон был тем же, что и для Петроны Каматира за двадцать лет до этого, — ближайшим к хазарам византийским городом, перевалочной базой, где перед поездкой непосредственно в Хазарию можно было запастись всем необходимым и узнать обстановку на границах византийских владений: «Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость»¹⁴⁸. Отметим, В.С. Флеров, на основании анализа хронологии археологического материала и конструктивных особенностей ряда хазарских крепостей на Нижнем Дону, сделал вывод, что миссия Петроны в Хазарию была не единственной, и ей могли предшествовать другие экспедиции византийских чиновников и инженеров в это государство, и соответственно, возможно возведение под их руководством более ранних, чем Саркел, крепостей¹⁴⁹. Поэтому слова Митрофана ни в коем случае не следует понимать буквально. Херсон, по источнику, не пограничный (буквально), но ближайший к хазарам византийский город, откуда Констан-

тин начинал свое путешествие, занимался миссионерской деятельностью и куда вернулся на обратном пути.

Нам также представляется несколько преувеличенной угроза Херсону со стороны врагов, о которой обычно говорят. Действительно, с одной стороны, Анастасий, излагая сочинения Константина, пишет о жителях Херсона, как о заключенных в тюрьме. Но с другой, Митрофан проживал не в самом городе, а «недалеко» от него¹⁵⁰. Константин, светское и церковное руководство Херсона организовали торжественную церемонию перенесения мощей Климента в город, при этом мощи на ночь оставили в одном из загородных храмов¹⁵¹. После возвращения из Хазарии Константин, согласно Житию, без всяких эксцессов совершил путешествие к «фульскому народу». Все это не соответствует утверждениям о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях¹⁵².

Ясно, что в письме Анастасия и в ИЛ подразумевается не конкретное (непосредственно в данный момент), а «историческое» запустение местности — со временем, в течение долгого периода. Сам характер источников направлен на то, чтобы показать заслугу Константина в деле поисков мощей св. Климента, забытых и брошенных местными жителями, «из-за вины и халатности» которых даже «чудо морского прибора перестало показываться», а не отразить реальную историческую ситуацию¹⁵³.

Конечно, мы не утверждаем, что политическая ситуация в Крыму в это время была полностью стабильной. Однако, вероятнее всего, сюжеты из Жития Константина Философа об «укрощении» хазарского полководца и «избавлении» от венгров, равно как и поездка в Фулы, вряд ли имели место в действительности и были вставлены в текст в качестве традиционных сюжетов агиографии того времени, которые подчеркивали главную заслугу Константина Философа — обретение мощей Климента Римского. *Указанное выше не отрицает определенную вероятность пребывания в округе (ближней или дальней) Херсона хазарских и венгерских военных отрядов, которые в какой-то мере в определенный период могли угрожать и самому городу. Это, вероятно, отмечали Константин и Митрофан, данный факт был известен и агиографу, обработавшему его в традициях житийных произведений того времени.*

В связи с вышесказанным, актуальной проблемой остается вопрос о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму. В историографии по этому поводу мнения разнятся — от конца VIII до середины X в.¹⁵⁴

Еще А.А. Якобсон писал о фактической утрате хазарами власти в Крыму к середине IX в. По его мнению, тогда хазарские дружины могли оставаться разве что на Боспоре¹⁵⁵. И.В. Ачкинази пришел к выводу, что к концу IX в. хазары были изгнаны из Боспора, но их власть еще распространялась на области между Судак и Феодосией¹⁵⁶. В.В. Майко активно отстаивает

точку зрения, что в Юго-Восточном Крыму до 965 г. находился хазарский наместник¹⁵⁷. А. А. Тортика полагал, что хазары еще до сер. X в. могли иметь в Крыму опорные пункты на Керченском полуострове¹⁵⁸. К. Цукерман аргументировал мнение, что ко времени путешествия Константина Философа (начало 60-х гг. IX в.) у хазар, вытесненных венграми, на полуострове уже не оставалось опорных пунктов. В попытке вернуть крымские владения или получить дань они могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов. А.И. Айбабин считает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г., а именно, ближе к 873 г. В.Е. Науменко сначала датировал окончательный выход Таврики из сферы влияния Хазарии временем «к 70–80-м гг. IX в.», а затем ограничил 80-ми гг. IX в. (см. Раздел 7.3).

Напомним, проведенный нами анализ «хазарских» поселений показывает, что практически все они заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в.¹⁵⁹. Археологические исследования этих памятников показывают, что они были оставлены не в результате вражеского нашествия или природных катаклизмов. Здесь не выявлено ни следов пожаров, ни разрушений, ни даже поспешных сборов¹⁶⁰. На вопрос, что заставило людей покинуть насиженные места, в настоящее время однозначно ответить сложно. Так, В.Е. Науменко полагает, что жители покинутых селищ могли, по крайней мере частично, пополнить население городов¹⁶¹. Ряд болгарских исследователей считают, что болгары, именно так интерпретируется этническая принадлежность жителей крымских «хазарских» поселений, вместе с болгарями оставленных в конце IX – начале X в. поселений у Днестра и Днестровского лимана и болгарями Фанагории и окрестных селищ Таманского полуострова с разрешения царя Дунайской Болгарии переселились в Добруджу и земли между «Трояновым» валом и Дунаем¹⁶². Несомненно, последняя гипотеза заслуживает пристального внимания но, при этом нуждается в дополнительной аргументации.

Таким образом, вероятно, следует признать, что хазары были вытеснены за пределы Крымского полуострова не позднее 70–90 гг. IX в.¹⁶³.

В первой половине X в. империя продолжает осуществлять контакты с хазарами посредством таврических светских и церковных чиновников. Показательна в этом отношении миссионерская деятельность херсонских церковных иерархов. Через херсонского епископа Византия пыталась осуществить христианизацию в Хазарии. Сведения об этом содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика.

Письмо № 68 Николая Мистика, вероятно, херсонскому стратигу Иоанну Воге¹⁶⁴ или его преемнику¹⁶⁵. Традиционно оно датировалось 919 – первой половиной 920 г.¹⁶⁶ К. Цукерман посчитал возможным отнести источник ко второй половине 914 – первой 915 г.¹⁶⁷: «В отношении епископа

Херсона твоя благая мудрость помнит, о чем мы говорили с тобою лично и теперь уведомляем письменно; что ввиду прибытия сюда (посланников) из Хазарии с просьбой дать им епископа, чтобы он рукополагал священников среди них и принял бы на себя служение о правой христианской вере, мы отправили архиепископа, назначенного в Херсон, чтобы с Божией помощью он направился в Хазарию, дабы справить там все необходимые требы, и вернулся к кафедре в Херсон. И ты, как сын церкви, я уверен, проявишь свое усердие, чтобы содействовать ему и в предстоящем деянии в Хазарии, и в утверждении и водворении архиепископа на его кафедре...»¹⁶⁸.

Через год (документ аргументированно датируется поздним летом — ранней осенью 920 г.¹⁶⁹) в послании к херсонскому епископу, Николай Мистик пишет: «Относительно этого, кто будет архиереем у них, мы поручаем Вам заботу, чтобы ты, все тщательно обдумав, нашел достойного для этого дела и отправил его к нам, чтобы он Пресвятым Духом был возведен в сан епископа и был назначен пастырем пока еще лишенной наставника паствы. Достаточно Вашей Мудрости для того, ибо Вы и сами об этом заботились, как это следует из Ваших прежних стараний»¹⁷⁰.

Наиболее полные и достоверные сведения о политической ситуации в Крыму в первой половине – середине X в. содержатся в произведении Константина Багрянородного (945–959) «Об управлении империей», составленным в 948–952 гг.¹⁷¹.

Херсон и Климаты, согласно источнику, несомненно, подчинялись Византии, но власть империи не была здесь особо прочной, ибо Крым находился под постоянной угрозой вторжения неприятеля.

С одной стороны, это недавние владельцы большей части полуострова — хазары, которые хотя уже и покинули Крым, но, вероятно, не оставляли надежды его вернуть и всячески угрожали набегами. Чтобы сдерживать хазар от нападения, византийские власти всячески обхаживали их соседей — алан, которые, также будучи грозной военной силой, могли препятствовать тем, угрожая ударить с тылу. По словам Константина, необходимо дружить с эксусиократором Алании, потому что «он может сильно вредить им (хазарам. — Авт.), и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты»¹⁷².

С другой стороны, занявшие причерноморские степи печенеги. С ними у империи также были сложные отношения. Несмотря на тесные торговые связи, печенеги в любой момент могли напасть на византийские владения в

Крым: «Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты»¹⁷³.

Описанную Константином Багрянородным политическую ситуацию подтверждает и дополняет уже упоминаемый Кембриджский документ, написанный, вероятно, в Константинополе зимой 949/950 г. При этом оба документа составлены приблизительно в одно время, в одном городе, но представителями разных государств. Даже учитывая, что масштабы похода Песаха в Крым автором Кембриджского Анонима были значительно преувеличены (о чем уже было сказано в предыдущем разделе), тем не менее, в нем отражены представления элиты хазарского общества, согласно которым поселения на территории полуострова являлись «городами Романа»¹⁷⁴ т.е. византийскими, а Песах пришел туда явно из-за пределов Крыма.

Необходимо отметить, что один источник все же «сообщает» о вхождении части Крыма в состав Хазарии в X в. Это Пространная редакция письма царя Иосифа, согласно которой в состав каганата около 950–960 г. (различные авторы датируют источник в пределах этих хронологических рамок) входил весь полуостров, за исключением Херсона и его ближайшей округи: «Ты также спрашиваешь меня о моей земле и о протяжении моего государства — я тебя извещаю, что моя столица при реке Итиль (Волга) — у конца этой реки находится (море) Джорджан (Каспийское море). Начало этой реки клонится к востоку на расстоянии 4-х месяцев пути. При этой реке живут много народов в городах и деревнях, в открытых и укрепленных местах. Вот их названия: Буртас, Булгар, Сувар, Арису, Цармис, Вентит, Север, Славин. Каждый из этих народов весьма многочисленен и все платят мне дань. Оттуда граница направляется к Буаразму до Джорджана, все жители морского берега, живущие на расстоянии одного месяца пути, платят мне дань. С южной стороны: Семендер, Бак-Тадлу до ворот Баб аль-Аббаба, которые находятся на берегу моря. Оттуда направляется граница к горам: Азур, Бак-Багда, Сриди, Китон Арку, Шаула, Сагсарт, Альбусер, Укусер, Киадусер, Циглаг, Зуних, которые находятся на очень высоких горах, и все Аланы до границы Каса, Калкиал, Такат, Гебуль до границы моря Кустантини на расстоянии двух месяцев пути платят мне дань. К западу: *Шаркель, Самкерц, Керц, Сугдаи, Алус, Ламбат, Бартнит, Алубика, Кут, Манкуп, Будак, Алма и Грузин* (выделено нами. — Авт.) Все эти местности находятся на берегу моря Кустантини к западу. Оттуда направляется граница к северу, к местности по имени Басра, которая находится у реки Вагез. Эти племена живут в открытых и неукрепленных местностях, кочуют и имеют стоянку в степях до границы Гагриев и они многочисленны, как

песок на берегу моря. Все платят мне дань. Их местожительства находятся на протяжении четырех месяцев пути»¹⁷⁵.

Напомним отмеченное ранее в отношении этого документа (см. Раздел 8.1): информация Пространной редакции о крымских владениях хазар не соответствует действительности, а именно — отражает более желаемое, нежели реальное. При этом сведения Пространной редакции письма Иосифа противоречат данным как Константина Багрянородного, так и Кембриджского документа, по которым Крым контролируется Византией.

Таким образом, несмотря на отдельные военные успехи первой половины X в., закрепиться в Крыму хазары не смогли, а к середине 40-х гг. X в. угроза крымским владениям Византии с их стороны, вероятно, перестала быть ощутимой.

Подтверждением является договор, заключенный между империей и Русью в 944 или 945 гг. после похода Игоря на Византию. Согласно ему русские обязуются не нападать на подвластные Константинополю области в Крыму¹⁷⁶ (ст. 8) и защищать их от походов черных болгар (ст. 11)¹⁷⁷. В договоре нет ни слова о хазарской опасности. Надо думать, если бы таковая имела, византийцы не преминули бы вменить в обязанность русским защиту «Корсунской страны» и от хазар, тем более что Хазария и Черная Бугария были соседями¹⁷⁸.

¹ Текст см.: Schechter S. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. Philadelphia, 1912. Т. III. № 2. Р. 182–219; Коковцов П.К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // ЖМНП. 1913. № 11; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 118–119; Голб Н., Прицак О.С. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим 1997. С. 140–142; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1535–1552; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Восточные источники. М., 2009. Т. III. С. 177–184.

² Голб Н., Прицак О. С. Хазарско-еврейские документы X в. С. 138–142; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. С. 526.

³ Текст по: Голб Н., Прицак О. С. Хазарско-еврейские документы X в. С. 140–142.

⁴ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-восточном Крыму. С. 37–45; Майко В.В. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним; Майко В.В. Кембриджский Аноним: 100 лет изучения источника // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 34–40, 196–198; Кизилов М.Б. Крымская Иудея. С. 81–83; Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походе Хельгу, «царя Руси»; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1535–1552; Тортика А.А. Война «царя» русов Хельгу и «баики» хазар Песаха по данным текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2005; Петрухин В.Я. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 119–126; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 141–145; Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 934–941 гг. и так называемый «поход Песаха»; Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских от-

ношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) С.180–184; Чхаидзе В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории. Армавир, 2005. Вып. 10.

⁵ См. Голб Н., Прицак О.С. Хазарско-еврейские документы Хв; Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor; Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства; Цукерман К. Про дату намерения хозар до иудаизму й хронологию князювання Олега та Ігоря. С. 53–56; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории. С. 344–345; Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походе Хельгу, «царя Русин»; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 37–45; Кизилов М.Б. Крымская Иудея. С. 81–83; Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М. 2000. С. 222; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1535–1542; Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий). С. 179–184; Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики Х в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха»; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект; Рашковский Б. Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках. С. 89. И др.

⁶ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 40–45; Майко В.В. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 196–199.

⁷ Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. №2. С. 97–107.

⁸ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-восточном Крыму. С. 44, 45; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 199.

⁹ См., напр.: Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма С. 222, 227; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. С. 354; Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007. С. 265; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата. С. 417; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. С. 82; Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. С. 373. Отметим, в последних работах Л.Ю. Пономарев подходит к данному вопросу более осторожно: Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С. 151–152; Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное ... С. 339.

¹⁰ Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 44.

¹¹ Голб Н., Прицак О.С. Хазарско-еврейские документы Х в. С. 164.

¹² См., напр.: Ковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 119; Артамонов М.И. История хазар. 1962. С. 373; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 133; Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблема хронологии // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. Вып. 6. С. 70; Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 278–283; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1546–1548.

¹³ Мудрак О.А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // ХА. М., 2016. Т. 14. С. 361; Рашковский Б.Е. Вновь о лексике еврейско-хазарских документов. Маргиналии на полях статьи О.А. Мудрака «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов» // ХА. М., 2016. Т. 14. С. 393.

¹⁴ Кизилов М.Б. Крымская Иудея. С. 82; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 34–40.

¹⁵ Сообщение Кембриджского Анонима о гонениях на византийских евреев в царствование Романа I подтверждает и ал Мас'уди (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 193; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 218.) и западные источники (Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor. P. 255).

¹⁶ Цукерман К. Про дату намерения хозар до иудаизму й хронологию князювання Олега та Ігоря. С. 72–73; Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики Х в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха». С. 126. и др.

¹⁷ Цукерман К. Про дату намерения хозар до иудаизму й хронологию князювання Олега та Ігоря. С. 70–71.

¹⁸ Плетнева С.А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Армавир, 2000. Вып. 6. С. 21–28.

¹⁹ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 44–49, 142, Рис. VI

²⁰ Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 143.

²¹ Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 47.

²² Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

²³ Там же. С. 48, 49.

²⁴ Там же. С. 133, 134.

²⁵ Там же. С. 57.

²⁶ Там же. С. 55.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Плетнева С.А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани. С. 21–28.

²⁹ Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 128.

³⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 114, 115.

³¹ Sazanov A. Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du VIe congres de l'AIECM 2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995) sous la direction de G. Demians d'Archimbaud. Aix-en-Provence, 1997. P. 97, Type 45.

³² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 105, 106.

³³ Булгаков В.В. Византийские желобчатогорлые амфоры X–XI вв. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 25–35.

³⁴ Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК М.; Магнитогорск, 1998. Вып. V. С. 56, 57. Признак 19, Рис. II, 19.

³⁵ Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006. Рис. 73, 9.

³⁶ Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 239.

³⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 145–155; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект. С. 146–147.

³⁸ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. С. 81, 82; Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата С. 239; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 41–45; Майко В.В. Византийско-русские отношения в Юго-Вос-

точном Крыму в XI в.; Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв.

³⁹ Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты судакского городища середины VIII – первой половины X в. // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали*. Велико Търново, 2000. С. 84.

⁴⁰ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона С. 142.

⁴¹ Константин Багрянородный Об управлении империей. С. 50–51.

⁴² Могаричев Ю.М. Византийский Крым (Крым в VI–XII вв.). С. 40.

⁴³ Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 279–280.

⁴⁴ Князькин И.О. Русско-византийская война 941–944 гг. и Хазария // *Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы*. М., 2002. С. 51.

⁴⁵ Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 934–941 гг. и так называемый «поход Песаха». С. 123.

⁴⁶ Там же. С. 127.

⁴⁷ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект.

⁴⁸ Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?).

⁴⁹ Ковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. С. 113–123.

⁵⁰ Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. С. 141.

⁵¹ Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IX siècle // *Bulletin d'information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines*. Athens: Paris, 1971. V. 5. P. 66.

⁵² Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 152.

⁵³ Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // *Византия и средневековый Крым*. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992. С. 210.

⁵⁴ Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // *Древности*. 1996. Харьков, 1997. С. 25.

⁵⁵ Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 1995. С. 118; Византийский Херсон. Ч. 1. С. 542–544.

⁵⁶ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 320; Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // *Byzantine and modern Greek studies*. 1997. V. 21. P. 221.

⁵⁷ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 214

⁵⁸ См.: Артюхова Т.А. Иоанн Психаит // *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 24. С. 581–582; Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // *Byzantion*. 1954. Vol. 24. P. 256–263; Janin R. Giovanni lo Psicaite // *BiblSS*. Vol. 6. Col. 872–873; Stiennon D. Jean le Psichaite // *DHGE*. T. 27. Col. 479–481; Kazhdan A., Talbo A.-M. John the Psichaite // *Dumbarton Oaks hagiography database*. Dumbarton Oaks. 1998. P. 57.

⁵⁹ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). С. 12–13.

⁶⁰ Там же. С. 13. Х.-Ф. Байер переводит этот отрывок следующим образом: «Так как таким образом стекались приближенные к Боспору племена и садились у двери святого, он считал вредом их собрание и оценивал их похвалы уменьшением своей добродетели. Призвав кого-то из своих учеников, Парфения по имени, посоветовался с ним о содействии при возвращении в Византию. Когда тот возразил, что невозможно, чтобы толпа допустила нам осуществить это, мудрейший муж сказал: пусть поощает им возвращение, и это да станет исполнением наше-

го плана. Таким образом, утешив людей, он вышел из города, совершая путешествие в Византию» (История Крымских готов. С. 352). На основании этого автор делает вывод, что речь идет не о ссылке Иоанна, а о добровольном приезде, толпа, окружившая город, поклонники святого, а сам отъезд состоялся не из Херсона, а Боспора (Там же). С.Б. Сорочан аргументированно показал ошибочность выводов Х.-Ф. Байера (Византийский Херсон. Ч. 1. С. 544).

⁶¹ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). С. 12–13.

⁶² Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IX siècle. P. 66.

⁶³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 1. С. 544

⁶⁴ Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян. С. 266; Dvornik F. The idea of apostolity in Byzantium and the legend of apostle Andrew. Cambridge/Mass, 1958. P. 255.

⁶⁵ Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. Апостоле Андрее. С. 285–286.

⁶⁶ Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения. С. 25; Чичуров И.С. Литература VIII–X вв. // *Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв.* М., 1989. С. 142; Auzepey M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. P. 325–326.

⁶⁷ Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения. С. 358; Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. Апостоле Андрее. С. 38–42; Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. С. 48; Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. С. 44; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 215. Существует мнение, что путешествие Епифания могло состояться в период правления «ограниченно веротерпимых» Никифора I, Михаила I или даже Михаила II (Байер Х.-Ф. История Крымских готов. С. 345; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1380). Однако контекст источника не позволяет согласиться с такой точки зрения.

⁶⁸ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. С. 381–383; Сюзюмов М.Я. Второй период иконоборчества.

⁶⁹ Перевод В.Г. Васильевского: Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян. С. 268–269.

⁷⁰ Перевод А.Ю. Виноградова: Греческие предания о св. Апостоле Андрее. С. 311–313.

⁷¹ Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян. С. 270.

⁷² Греческие предания о св. Апостоле Андрее. С. 312.

⁷³ Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидонян. С. 275.

⁷⁴ Там же. С. 282.

⁷⁵ Дагрон Ж. Двуликий Крым. С. 295–297.

⁷⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 247–259.

⁷⁷ См.: Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации). С. 93; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика. С. 188.

⁷⁸ Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. Т. 2. С. 454–455, 553–555; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1385–1395.

⁷⁹ Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в.

⁸⁰ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 9.

⁸¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1444.

⁸² Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 261.

⁸³ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла. С. 1–2

⁸⁴ P. van den Ven. La Vie grecque de S. Jeanle Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien. P. 103–125.

- ⁸⁵ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). С. 8; Kazhdan A., Talbo A.-M. John the Pschaites. P. 57.
- ⁸⁶ Sevchenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 117.
- ⁸⁷ Auzepy M.-F. Gothieet Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. P. 325–326.
- ⁸⁸ Sevchenko I. Hagiography of the iconoclast period. P. 117.
- ⁸⁹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11. С. 222.
- ⁹⁰ В последнее время было опубликовано несколько работ, подробно рассматривавших историю создания фемы (Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 312–316; Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson; Сорочан С.Б. Рождение Фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX в. С. 548–581; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в.; Науменко В.Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX века // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике; Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв.; Науменко В.Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике В середине IX – начале X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. М., 2016; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10). Поэтому мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе.
- ⁹¹ Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. С. 565; Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму; Петрухин В.Я. Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию.
- ⁹² Так, например, считает В.Е. Науменко (К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. С. 550), но не поддерживает К. Цукерман (К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 319).
- ⁹³ А.В. Комар считает, что создание фемы сопровождалось значительными территориальными уступками в Крыму со стороны хазар. Это, в свою очередь, являлось ценой за строительство Саркела (Древние мадыры Этелькеза. С. 31). Близкую точку зрения высказывает и И.Г. Коновалова: «Даже если в постройке крепости (Саркела. — Авт.) были заинтересованы обе стороны, то создание византийской фемы Климатов с центром в Херсоне объективно имело антихазарскую направленность и, возможно, являлось вынужденной для хазарских властей платой византийцам за помощь в возведении Саркела» (Коновалова И.Г. Пути купцов-русов: торговля и политика // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2012. Т. 3. Выпуск 5(13). С. 41. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000425-6-1> (дата обращения: 07.01.2016). Соизмерима ли цена? Весь круг источников говорит в пользу версии, что создание фемы явилось лишь следствием невозможности хазар в данное время контролировать свои владения в Крыму. Византия созданием фемы только зафиксировала реалии.
- ⁹⁴ Цукерман К.К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 320; Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 678. См. также: Чхадзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. С. 271.
- ⁹⁵ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 316–321.

- ⁹⁶ Živković T. Uspenski's Taktikon and the Theme of Dalmatia // Byzantina Symmeikta. Athens. 2005. Т. 17. P. 52–58, 84–85.
- ⁹⁷ Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972. P. 48–49,
- ⁹⁸ Živković T. Uspenski's Taktikon and the Theme of Dalmatia. Как представляется, эта оригинальная гипотеза имеет много слабых мест и противоречит иным источникам, сообщаящим о создании фемы на территории Крымского полуострова. Соответственно она нуждается в дополнительной аргументации. В данной работе мы не ставили целью ее подробный анализ. Заметим лишь: мнение Н.И. Храпунова, что «гипотеза Т. Живковича позволяет решить вопрос о том, по какой причине название фемы было изменено» (Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. С. 117–118), на наш взгляд, выглядит слишком поспешным. По крайней мере, для таких выводов в качестве сравнения с системой аргументации Т. Живковича следовало бы привести иные точки зрения по данному вопросу (например, К. Цукермана и нашу), которые, надеемся, известны Н.И. Храпунову.
- ⁹⁹ Хапаев В.В. Фема Херсон в системе безопасности северных рубежей Византийской империи в IX–XI веках // Этносоциум. М., 2016. № 10 (100). С. 185.
- ¹⁰⁰ Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. С. 50; Могаричев Ю.М. Византийский Крым. С. 33–34; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 217. И др.
- ¹⁰¹ Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 486.
- ¹⁰² Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. АДСВ. 1990 С. 22–23; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 114.
- ¹⁰³ Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баглинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42–57.
- ¹⁰⁴ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. С. 190.
- ¹⁰⁵ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 218.
- ¹⁰⁶ Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп)... С. 104; Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало XI вв.).
- ¹⁰⁷ Майко В.В. Городской некрополь Судак-II на посаде средневековой Сугдеи // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 517.
- ¹⁰⁸ Сказания о начале славянской письменности. С. 78.
- ¹⁰⁹ Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg. P. 243; Трендафилов Хр. Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3459> (1 декабря 2016 г.).
- ¹¹⁰ Мы оставляем за рамками нашего анализа «оригинальные версии», например, что хазары, напавшие на Константина, на самом деле были русскими (Лебедев Л. (протоиерей). Крещение Руси. М., 2003. С. 180–181; Черных Е.А. Хазарская миссия Константина Философа: о возможной проповеди Кирилла и Мефодия у восточных славян // Вестник РУДН. Серия История России, М., 2014, № 1. С. 68).
- ¹¹¹ См., напр.: Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского. С. ССХСIII; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса. С. 49–54; Франко И. Святый Климент у Корсуні //

Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. LX. Кн. IV. С. 220; Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 2. С. 32–36; Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 223, 227–230; Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 352; Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. С. 46–47, 52–53; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 330–332, 354; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 260–261; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 221; Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 116–117, 357; А.В. Комар Древние мадьяры Этелькеза. С. 33.

¹¹² См. подр.: Цукерман К. Венгры в стране Леветии ... С. 677. Недавно эту гипотезу поддержал и А.В. Комар (Древние мадьяры Этелькеза. С. 32–35).

¹¹³ Цукерман К. Венгры в стране Леветии ... С. 676–677.

¹¹⁴ Шушарин В.П. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 160.

¹¹⁵ Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. С. 79–80.

¹¹⁶ Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза. С. 33–35.

¹¹⁷ Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. С. 52–53; Могаричев Ю.М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа.

¹¹⁸ Как Итальянская легенда, так и письмо Анастасия, — хорошо известные источники. Однако для аргументации наших выводов кратко напомним их характеристику и хронологию.

¹¹⁹ См., напр.: Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. С. 10–11; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2, С. 1442–1456; Сорочан С.Б. Византийский Херсон в «Италийской легенде». ХА. М., 2016. Т. 14.

¹²⁰ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла. С. 1–2; Франко И. Святейший Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. LIX. Кн. III. С. 204–208; Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря // ЖМНП. 1893. Январь; Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря.

¹²¹ Так как в данном случае речь идет не об анализе текстологических нюансов, а о наличии в источниках тех или иных сюжетов, мы, в основном, пересказываем сюжеты, цитируя текст только в тех местах, которые считаем важными.

¹²² Цит. по: Сказания о начале славянской письменности. С. 77–78.

¹²³ Цит. по: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1442–1456.

¹²⁴ Цит. по: Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 9–10.

¹²⁵ Сказания о начале славянской письменности. С. 96.

¹²⁶ Сорочан С.Б. «Carceris abitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. С. 75–76, хотя существует мнение о не «историчности описанной в Житии хазарской миссии» и соответственно изучения Константином языков в Херсоне (Штихель Р. Почему св. Кирилл выучил еврейский язык в Крыму? // Хазары. Второй международный симпозиум. М., 2002. С. 108).

¹²⁷ См.: Могаричев Ю.М. Евреи в византийском Крыму по данным письменных источников // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 328.

¹²⁸ Топоров В.Н. По окраинам Греческого мира // К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 211–212; Бернштейн С.Б. Константин Философ и Мефодий. М., 1984. С. 66.

¹²⁹ Бернштейн С.Б. Константин Философ и Мефодий. С. 66.

¹³⁰ Там же. С. 52–67; Иванова Т.А. Еще раз о «русских письменах» // Советское славяноведение. М., 1969. № 4; Auty P. The Gospel and Psalter of Cherson: Syriae or Russian? // To

Honor Roman Jakobson. Essays on the Occation of his seventieth Birthdey. The Hague; Paris; Mouton, 1967.

¹³¹ Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности. М., 1994. С. 118–119.

¹³² Подробнее об этом см.: Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в.

¹³³ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 10.

¹³⁴ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского. С. 40–41.

¹³⁵ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского. С. ССХСII.

¹³⁶ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). С. 114.

¹³⁷ Там же. С. 123. Kazhdan A., Talbo A.-M. Dumbarton Oaks hagiography database // Dumbarton Oaks. 1998. P. 23.

¹³⁸ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (начало). С. 56–57.

¹³⁹ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского. С. 11; Kazhdan A., Talbo A.-M. Dumbarton Oaks hagiography database. P. 47–48.

¹⁴⁰ Коновалова И.Г. Пути купцов-русов: торговля и политика. С. 77.

¹⁴¹ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 9.

¹⁴² Франко И. Святейший Климент у Корсуні. Т. LX. С. 213.

¹⁴³ Подр. см.: Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации ... С. 53.

¹⁴⁴ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 11.

¹⁴⁵ Там же. С. 2.

¹⁴⁶ Там же. С. 10.

¹⁴⁷ Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. С. 77–78.

¹⁴⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 171–173.

¹⁴⁹ Флеров В.С. К периодизации нижнедонских крепостей Хазарского каганата // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 239; Флеров В.С. Семикаракоры: башня на северной стене и относительная хронология периодизации нижнедонских хазарских крепостей // РА. 2016. № 2. С. 60. Конечно, данное предположение имеет логическую и хронологическую базу. Но все же оно нуждается в дополнительной аргументации: византийские строительные традиции могли попасть в Хазарию не только посредством специальных миссий соответствующих должностных лиц, но и путем заимствования строительных приемов и архитектурных навыков из захваченных хазарами в конце VIII в. византийских укрепленных поселений в Крыму. Или, наконец, элементарного пленения и увода в Хазарский каганат местных строителей, которые несомненно были среди жителей Горного и Восточного Крыма.

¹⁵⁰ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С. 10.

¹⁵¹ Лавров К. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. С. 130, 144.

¹⁵² См. также: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1125–1128; Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. С. 264.

¹⁵³ Соглашаясь, что Житие Константина является «полноценным историческим источником» (Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар ... С. 531), напомним справедливое замечание А.П. Новосельцева, что ставить агиографические сочинения о миссии Константина Философа в Хазарию в один ряд с историческими трудами оснований нет (Хазарское государство ... С. 33).

¹⁵⁴ Подробнее см.: Цукерман К. Венгры в стране Леветии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 676

¹⁵⁵ Якобсон А.А. Средневековый Крым. С. 55.

¹⁵⁶ Ачкинази И.В. Об иудейских памятниках конца IX – начала X вв. из Крыма // Тезисы докладов международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье». Симферополь, 1994.

¹⁵⁷ Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. №2. 1999; Майко В.В. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним. С.102.

¹⁵⁸ Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений. С. 154. Правда, это предположение автор выдвигает как возможный вариант наряду с версией об возможности хазар проникать на полуостров через перекопский перешеек.

¹⁵⁹ См. подр.: Гл.2. Отметим, что некоторые исследователи считают, что «хазарские» поселения функционируют и первую половину X в. См., напр.: Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 29; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. С. 15–21, 189–191; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники). С. 137–138; Пономарев А.Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X в. южной части Керченского полуострова. С. 364–365; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.). С. 388–389; Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С. 151–152; Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата. С. 228. Однако, как мы попытались показать, показательного археологического материала, который можно было бы датировать первой половиной X в., там нет.

¹⁶⁰ Пономарев А.Ю. Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). С.152.

¹⁶¹ Науменко В.Е. Византийская феода и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. С. 266–267.

¹⁶² Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987. С. 177, 265, 274; Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековното // Изследвания в чест на 70-годишнината на чл.-кор. проф. Страшимир Димитров. София, 2001. С. 88–190; Атанасов Г.Г., Русев Н.Д. Онглос: первая резиденция болгарских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII–X вв. // Болгарский форум I. Археология Евразийских степей. Казань, 2011. Вып. 12. С. 30–31.

¹⁶³ См. также: Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков). С. 273; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 225–227.

¹⁶⁴ Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 35; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С.424.

¹⁶⁵ Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973. P. 555.

¹⁶⁶ Nicholas I Patriarch of Constantinople. P. 553; Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. С. 35; Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 183; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1477; Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // ХА. Киев; Харьков, 2012. Т. 10. С. 189–195.

¹⁶⁷ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum. P. 223; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 424.

¹⁶⁸ Цит по: Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. С. 34–35.

¹⁶⁹ Nicholas I Patriarch of Constantinople. P. 553; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 424. Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика. С. 183–189.

¹⁷⁰ Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. С. 36.

¹⁷¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 5.

¹⁷² Там же. С. 53.

¹⁷³ Там же. С. 37.

¹⁷⁴ Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. С. 141.

¹⁷⁵ Цит по: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1552–1584.

¹⁷⁶ Вероятно, присутствующий в договоре термин «Корсунская страна» надо понимать в таком значении, что близко к трактовке. В.Е. Науменко «древнерусская калька с фемы Херсон» (К военно-политической истории Таврики X в. С. 118) .

¹⁷⁷ Полное собрание Русских Летописей. А., 1926. Т. 1. С. 51; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 162.

¹⁷⁸ О локализации Черной Булгарии см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 355; Тортика А.А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «Черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновский сборник. Харьков; София, 2012. Т.V; Чхаидзе В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет. При этом нет никаких оснований отождествлять хазар с черными булгарами, византийцы их четко разделяли. (Там же. С. 53).

Вместо заключения. Крымская Хазария X–XII вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф?

Как мы попытались показать в предыдущих разделах, весь комплекс источников позволяет сделать вывод, что к концу IX в. хазары покинули Крымский полуостров и более не могли существенно влиять на ситуацию здесь. Однако среди исследователей истории средневекового Крыма активно дискутируется вопрос о существовании на территории полуострова в X–XII вв. некой особой «Хазарии». Одни авторы, расходясь в вопросе локализации этой историко-географической области в той или иной части Крыма, считают, что своя Хазария здесь была. О Хазарии в Крыму писали: М.И. Артамонов¹, Е. Арвейлер², Е.Ч. Скржинская³, Г.Г. Литаврин⁴, А.В. Гадло⁵, Х.-Ф. Байер (понимая под ней степной Крым)⁶; Дж. Шепард⁷, А.Н. Слядзь⁸, С.А. Иванов (южный Крым, в котором жили аланы)⁹; К. Цукерман (Фульская епархия в Восточном Крыму)¹⁰; В.П. Степаненко (земли северо-восточнее фемы Херсон)¹¹, Н.А. Алексеенко (Восточная Таврика, включая Сугдею)¹². На существование реликта Хазарии в Восточном Крыму в X–XI вв. указывает В.В. Майко¹³.

Другие исследователи, в том числе и автор настоящей главы, отрицает существование «Крымской Хазарии»¹⁴.

В.Н. Чхаидзе понимает под Хазарией оба берега Керченского пролива¹⁵. А.Г. Еманов считает, что отождествлять Хазарию Скилицы исключительно с Восточным Крымом достаточно спорно: «“Хазария” как географический реликт надолго пережила Хазарский каганат. Ее обозначение встречалось в официальном документообороте генуэзского ведомства *Officium Gazariae* XIV–XV вв., занимавшегося устройством генуэзских колоний в Северном Причерноморье. В византийских и итальянских документах того времени хан улуса Джучи, или Золотой Орды, титуловался «*imperator Gazariae*», т.е. «правитель Хазарии». Это понятие охватывало все наследие Хазарского каганата — и Крым, и Приазовье, и Северный Кавказ, и Нижнее Подонье, и даже Нижнее Поволжье»¹⁶.

Дискуссия ведется, в основном, вокруг интерпретации двух письменных источников — письма патриарха Николая Мистика (№68), вероятно, херсонскому стратигу, о командировании в Хазарию архиепископа Херсона и сообщении Иоанна Скилицы об отправке в 1016 г. византийского флота в Хазарию для ее подчинения.

В данном случае мы не рассматриваем проблему соотношения хоронима «Хазария», встречающегося в источниках XIII–XV вв., с конкретной территорией. Его часто применяли по отношению к итальянским владениям в Крыму, иногда ко всему Крыму или его части, а часто и по отношению ко всей Золотой Орде¹⁷. Это отражает уже совсем другую культурно-историческую ситуацию на полуострове. Отметим лишь, что Вильгельм де Рубрук, первый среди западных авторов применивших данное название по отношению к Крыму, считал его производным не от хазар, а искаженным восприятием термина Кесария (*Cassaria* или *Caesaria*)¹⁸: «... в лето Господне 1253 г. седьмого мая, въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии великим (*majus*) морем. ... Именно около его середины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге. Тот, который находится на юге, именуется Синополь, и это — крепость и гавань султана Турции; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, то есть Цезария ... Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона ... В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия, который обращен к Синополю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. ... В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика, где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. ... Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город Климента, с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, и с востока, где город Маритандис или Матрика и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется Татарам»¹⁹.

Вторит Рубруку и Роджер Бэкон в «Великом сочинении» (вероятно 1266–1268 гг.): «... крепость, которая называется Солдаия ... находится в провинции, которая ныне называется Кассария, или Цессария ... И эта провинция Кассария окружена морем с трех сторон. Ибо с запада она омывается частью Понтийского моря, где находится город Керсона, в котором принял мучения святой Климент. И рядом с ним находится остров, а на

нем — храм, который, говорят, сооружен руками ангелов, и в нем погребено тело святого. А между Керсоной и Солдайей находятся 40 крепостей, и почти в каждой из них говорят на своем языке. И там живет много готов, которые все говорят по-тевтонски. И с южной части Кассарии простирается Понтийское море, а на востоке его река Танаис впадает в море, где оно имеет ширину 12 миллиариев [и] где находится город Матрика. ... И эта провинция Кассария граничит на севере с обширной пустыней, которая простирается от реки Танаис на востоке до самого Дуная на западе, на протяжении двух месяцев быстрой верховой езды, как продвигаются тартары; т.е. за один день столько, сколько составляет [расстояние] от Орлеана до Парижа»²⁰.

Источники, приводимые авторами в качестве аргументации реальности Крымской Хазарии.

1. Письмо № 68 Николая Мистика, вероятно, херсонскому стратигу Иоанну Воге²¹ или его преемнику²². «... О епископе Херсона: помнит, конечно, твое благоразумие, что наказывали мы своими устами и теперь письменно объявляем, именно, так как прибывшие из Хазарии испрашивали себе епископа для совершения хиротонии пресвитеров и трудов, приемлемых на соблюдение чистой христианской веры, то [наше смирение] отправило новоназначенного архиепископа Херсонского; ему-то с Божьим содействием следует отправиться в Хазарию и что нужно там совершить, и затем возвратиться к кафедре, на которую наречен, т.е. к кафедре Херсонской; и так промысли обо всем этом, как подобает сыну церкви, содействуя делу в Хазарии и возведению и упрочению архиепископа на собственной его кафедре, после того как он совершит путь в Хазарию; да явит же тебя Христос Бог наш в деле этом достохвальном и дарует тебе благополучное возвращение сюда»²³. В историографии господствует мнение, что с письмом №68 связано письмо № 106, адресованное архиепископу Херсона и отражающее результаты миссии в Хазарию²⁴: «... Большого внимания достойным почли мы то, что исследовано тобой о народе соблазненном и почти исторгнутом из недр благочестия лукавым демоном; увещеваем и еще насколько сил станет подаять заботы и труды о спасении его, дабы совершилось спасительное водворение его во Христе и Боге нашем, всякие же труды, всякую другую тягость, могущую возникнуть в таком служении, поставить в ничто, ради ожидаемого за такие труды возмездия и награды; и если приобретение Христу и одной души приносит несравненную награду тому, кто недостойного превращает в достойного, и ему, исполнителю слова Божия, нет равносильной награды, то дознает твое благоразумие, какая благодарность воздается тебе за то, что такое множество недостойных станут достойными Бога; и попечение о епископе, долженствующем быть с ними, возлагаем на

вас. Найденный на такое дело способным твоим обдуманном усмотрением да придется к нам для посвящения во св. Духа в епископский сан и для назначения его пастырем паствы, доселе лишенной пастырского попечения. Довлеет это вашему благоразумию, личные попечения которого доказаны предыдущими трудами вашими»²⁵ (См. также Разд. 9.2).

2. Сюжет из хроники Иоанна Скилицы: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Дуки Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении»²⁶. Описываемые события относятся к 1016 г., хотя сам Скилица жил и писал свои произведения во второй половине XI – начале XII вв.²⁷.

Учитывая, что и Николай Мистик, и Иоанн Скилица византийские авторы, напомним, что другие ромейские историки понимали под Хазарией.

Феофан Исповедник и патриарх Никифор (см. Гл. 6), как мы отмечали, четко отделяли Крым и даже Таманский полуостров от «Хазарии».

В нашем случае крайне важно сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» так как, во-первых, в нем много места посвящено хазарам и Хазарии; во-вторых, хронологически оно близко к сообщению Николая Мистика (их разделяет около 30 лет).

Первый раз Хазария упоминается в разделе 6 «О пачинакитах и херсонитах»: «[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу»²⁸. Далее сведения о ней содержатся в разделах 10–12: «[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому, как и эксусиократор Алании. [Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии... [Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуж-

дены хранить мир... [Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с Хазарами»²⁹. В главе 37 «О народе пачинакитов» сообщается: «Должно знать, что четыре рода пачинакитов ... располагаются по ту сторону реки Днепра по направлению к краям (соответственно) более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. ... Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии — на десять дней, от Росии — на один день, от Турции — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она близка, а к Боспору еще ближе»³⁰. Хазария упоминается и в главе 42. «От понизовья реки Дунай, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. “Саркел” же означает у них “Белый дом”; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозвищу Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склонясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость ... От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке — болота и бухты, в которых херсониты добывают соль. От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние — 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за [его] величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него — река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию. ... Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вуриик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха»³¹. Мы сознательно подробно цитируем хорошо известный источник, чтобы наглядно показать, что автор трактата четко отделял имперские владения в Крыму (Херсон, Боспор и Климаты) от Хазарии. Более того, по данным императора крымские степи занимали печенеги (Пачинакия): «к Херсону она близка, а к Боспору еще ближе», — при этом Пачинакия, расположенная рядом с крымскими владениями Византии, находилась от Хазарии «на пять дней пути»³². Таким образом, никакой Крымской Хазарии в середине X в. хорошо информированный автор не знает.

Близкую информацию сообщает и Продолжатель Феофана (сер. X в.): «В это время хаган Хазарии и пех отправили к самодержцу Феофилу по-

слов с просьбой отстроить им крепость Саркел (название означает “Белый дом”), ту, что расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую — хазар, и где, поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников. В ответ на их просьбы и мольбы послал Феофил спафарокандидата Петрону, сына Каматира, с царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии и приказал выполнить просьбу хазар. Приплыв в Херсон, Петрона причалил к берегу и оставил там длинные суда, посадил войско на круглые, переправил его к Танаису, к тому месту, где нужно было сооружать город»³³.

Как видим, византийские авторы VIII–X вв. никогда не использовали по отношению к Крыму или отдельной его части термин Хазария.

Таким образом, вероятнее всего, Николай Мистик под термином «Хазария» мог понимать только одно государственное образование — Хазарский каганат. Тем более, что он называет эту территорию просто «Хазария», а не «малая», «новая», что можно было бы предполагать, если бы речь шла о какой-то области расселения хазар, отличной от «главной» Хазарии³⁴.

Абсолютно понятно и логично командирование в Хазарию именно херсонского иерарха. Традиционно контакты между Византией и Хазарией осуществлялись через Херсон. Напомним, Петрона Каматир сначала прибыл в Херсон, здесь произвел переоснащение экспедиции и только после этого отправился строить Саркел. Причем за время нахождения в городе он успел вникнуть в местные дела и по возвращении в столицу выступить в роли инициатора создания в Крыму фемы. Через два десятка лет после Петроны Константин Философ сначала прибыл в Херсон, провел здесь зиму и только затем отправился ко двору кагана. Заметим, и Николай Мистик, и Житие Константина называют инициаторами миссии византийцев в каганат жителей самой Хазарии («послы хазар» по Житию и «прибывшие из Хазарии» по Николаю Мистик), которые посредством посольств, просят прислать к ним компетентных людей.

Аргументом в пользу отправки херсонского архиепископа именно в Хазарский каганат могут быть письма того же Николая Мистика №51 эксусисту Авагии Константину III и (914–916 гг.) и №46 — следующему правителю Абхазии, Георгию II (916–917 гг.), в которых идет речь о помощи тамошних князей в деле недавней христианизации Алании³⁵. Сохранились и письма патриарха (№52, 118, 133, 134, 135) архиепископу Алании, датирующиеся 914–918 гг.³⁶. Учитывая, что адресатом Николая Мистика были и правители Абхазии, не остается сомнений, что речь идет о кавказских аланах, а не возможном аланском анклав в Крыму или еще где-либо. Раз патриарх проводил миссионерскую деятельность в Алании, почему он не мог это же делать в Хазарии?

Правда, в первом случае речь шла о христианизации алан, в том числе и их правителей³⁷, а во втором — об организации христианской епархии в Хазарии.

В данном случае вряд ли выглядит весомым аргументом замечание К. Цукермана: «Заезд в Хазарский каганат, обращенный к тому времени в иудаизм и враждебный Византии, мог принести архиепископу только мученический венец»³⁸.

Согласно письму Николая Мистика задача херсонского иерарха заключалась не в миссионерской деятельности, а в помощи по организации церковной структуры для проживающих в Хазарии христиан. Отметим, что согласно источникам христиане, равно как и мусульмане, составляли значительную часть населения хазарского каганата³⁹.

Все версии о локализации Хазарии XI в. в той или иной части Крымского полуострова основаны на допущении, что Георгий Цула упомянутого произведения Скилицы⁴⁰ и Георгий Цула, известный по легендам ряда моливдовулов, одно и то же лицо.

Согласно печатам выделяется не менее 7 представителей рода Цул, живших во второй половине X – второй половине XIII в. Причем большинство находок имеют крымское происхождение⁴¹, хотя отдельные экземпляры были найдены на Тамани, в Фессалониках и Болгарии. Печатей с именем Георгий Цула атрибутировано порядка 12 экземпляров. Они трех типов: императорский протоспафарий и стратиг Херсона; императорский протоспафарий и стратиг; протоспафарий Боспора⁴². Причем последний моливдовул указывает на титул стратига Боспора⁴³. Все три вида печатей близки между собой и по сфрагистическому типу датируются первой половиной XI в.⁴⁴

Конечно, традиционное представление о тождестве всех Георгиев имеет определенную логику. Однако, учитывая достаточно широкие датировки моливдовулов (теоретически между ними возможен хронологический промежуток минимум до тридцати лет), наличие их трех типов и активное участие представителей данной семьи в политической жизни, по крайней мере, Херсона, именно во второй половине X – первой половине/середине XI вв. (к этому периоду также относятся два типа печатей анонимных Цул, императорских спафариив Херсона; Михаила Цулы; Игнатия Цулы; Льва Цулы; Феофилакты Цулы; Фотия Цулы; Мосика Цулы; Иоанна Цулы⁴⁵), никто пока не доказал, что здесь мы имеем дело исключительно с одним человеком, а не, по крайней мере, с двумя разными людьми: дядей и племянником, двоюродными (троюродными) братьями, отцом и сыном⁴⁶?

Даже если Георгий Цула всех упомянутых источников одно и то же лицо, что маловероятно по нашему мнению, это ни как не отвечает на вопрос: о какой Хазарии писал Скилица? Учитывая, что Скилица византий-

ский автор, он должен был отражать именно византийское представление об исторической географии и топонимике того времени. Скорее всего, времени жизни самого автора, т.е. второй половины XI в. Мог ли под Хазарией пониматься *Херсон и его округа*. Скорее всего, нет. Все источники традиционно называют эту территорию Херсоном, фемой Херсона, печати фиксируют стратига Херсона⁴⁷.

По справедливому замечанию В.П. Степаненко, под архонтом Хазарии Скилицы следует понимать автономного или вассального правителя государства, граничащего с Византией⁴⁸. Где на территории Крыма могло располагаться такое государство?

Готия или Климаты. Константин Багрянородный называет эту территорию Климатами, которые, наряду с Херсоном, подчинялись Византии. Концом X – началом XI в. (отметим, временем, близким к рассматриваемому) датируется печать Льва, императорского спафария и турмарха Готии. Что свидетельствует о вероятном вхождении этой территории в фему Херсона⁴⁹. Следовательно, нет никаких возможностей отождествлять земли, называемые византийцами Климатами или Готией, с Хазарией.

Боспор — официальное византийское название. Приблизительно к 971–976 гг. на Боспоре была создана византийская фема, выделенная, вероятно, из состава фемы Херсон⁵⁰. Напомним об уже упоминавшейся печати первой половины XI в. Георгия Цулы протоспафария Боспора. Известны также афинская печать стратига Боспора Аркадия, датирующаяся концом X – началом XI в., и еще один предполагаемый моливдовул правителя Боспорской фемы из Копенгагена⁵¹. Анализ боспорских (с европейской и азиатской стороны) печатей позволил Е.В. Степановой предполагать широкие связи данного региона с Готией, Херсоном и самим Константинополем, в том числе и в X–XI вв. Большой процент составляют печати финансовых чиновников⁵². Следовательно, византийский автор называть Боспор Хазарией не мог.

Сугдея. Судя по сфрагистическим источникам, фема в Сугдее была учреждена в конце X – начале XI в.⁵³. В середине XI в., судя по надписи патрикия и стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата (1059 г.)⁵⁴, она вошла или была объединена с фемой Херсон. Причем из всех найденных в Сугдее порядка 500–600 печатей больше половины относятся именно к периоду X – первой половины XII вв. Города, как и в более раннее время, оставался византийским и поддерживал тесные связи с Херсоном⁵⁵. Сохранившиеся письменные источники (приписки на полях Сугдейского синаксаря, Житие Стефана Сурожского и др.) не дают никаких оснований отождествлять Сугдею и ее округу с Хазарией.

Таким образом, Готию, Херсон, Боспор и Сугдею можно исключить из претендентов называться Хазарией. Если допустить, как предполага-

ли различные исследователи, что Крымская Хазария это Северный Крым (хотя этот вариант следует исключить, так как по Константину Багрянородному крымские степи контролировали печенеги) или часть Восточного (например, современные Ленинский, Нижнегорский, Белогорский районы и Феодосийский регион с Коктебелем), то возникают два противоречия, которые пока никто не попытался объяснить. Если Георгий Цула — правитель небольшой области в Крыму, граничащей с византийскими владениями, неужели его армия была так многочисленна и сильна, что с ней не могли бы справиться воинские подразделения местных фем, и понадобилось не просто присылать флот из столицы, но даже привлекать военные формирования Руси? Где материальные свидетельства Крымской Хазарии X–XI вв. Этой, судя по источникам, достаточно многолюдной страны. Ведь кроме Боспора и Сутдеи поселения и могильники X (по крайней мере, его второй половины) – XI в. в Юго-Восточном Крыму отсутствуют⁵⁶.

Очевидно, что Хазария, упоминаемая Иоанном Скилицей, находилась вне пределов Крымского полуострова. Вспомним хорошо известные источники, а именно печати тмутараканского князя Олега Святославовича (1083–1094): «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии»⁵⁷; «Господи, помоги своему рабу Михаилу, архонту и дуке Таматархи и всей Хазарии»⁵⁸. Предыдущий же тмутараканский правитель, Давид Игоревич (1081–1083), именовался на печатях «архонтом России»⁵⁹. Отметим, В.Н. Чхаидзе аргументированно показал: территории на Европейском Боспоре, вероятнее всего, вообще никогда не подчинялись древнерусским правителям Тмутаракани⁶⁰.

Русские летописи в связи с Тмутараканским княжеством⁶¹ несколько раз упоминают неких хазар. В 1023 г. дружина тмутараканского князя Мстислава, воевавшего с Ярославом Мудрым за отцовское наследство, состояла из касогов, которых он покорил за год до этого, и хазар⁶². Укажем на хронологическую близость и возможную логическую последовательность между покорением Хазарии в 1016 г. и появлением хазар в войске тмутараканского князя в 1023 г. В 1079 г. Олега Святославовича захватили и отправили в Константинополь именно хазары. И власть в княжестве перешла к посаднику Ратибору, назначенному Всеволодом⁶³. В 1083 г. Олег возвращается в Тмутаракань из Константинополя и первым делом «перевел хазар»⁶⁴. Вероятно, именно после этого он стал именоваться «архонтом всей Хазарии». Таким образом, Повесть временных лет в XI в. последовательно связывает хазар с Тмутараканским княжеством. Не появилась ли некая Хазария (не вдаваясь в подробности о ее политическом статусе) на территории (вернее части территории) бывшего азиатского Боспора в

результате мощнейших ударов, нанесенных Хазарскому каганату в 60-х гг. X в. Святославом и последующим угасанием этого государства⁶⁵.

Приходим к выводу: Хазария, архонтом которой был Георгий Цула и которая была покорена Монгом, находилась на Северном Кавказе, вероятно, на бывшем Азиатском Боспоре⁶⁶. Отметим, А.В. Гадло аргументировал гипотезу, что Хазария — византийское название Тмутараканского княжества⁶⁷.

Вероятно, предположение В.П. Степаненко о том, что воины Сфенга — это отряд варяжско-русской дружины, в качестве десанта посаженный на корабли в Константинополе⁶⁸, представляется перспективным. Вряд ли стоит переоценивать военную мощь небольшой области на северокавказском побережье, что для ее покорения понадобились не только регулярные имперские войска, но и дополнительная подмога из Киева.

В 2012 г. Н.А. Алексеенко опубликовал моливдовул, легенда оборотной стороны которого гласит: «Богородица, помоги Никифору Алану, вестарху и катебану Херсона и Хазар(ии)». По его мнению, датируется печать второй половиной XI – рубежом XI/XII вв.⁶⁹. В. Зайбт датирует ее 1060–1080 гг.⁷⁰. На первый взгляд, этот источник указывает на местонахождение Хазарии если не в ближайших окрестностях Херсона, то, по крайней мере, на территории Крымского полуострова.

В середине – второй половине XI в. происходят отчетливые изменения в системе административно-территориального управления византийских владений в Крыму. Как уже отмечалось, с середины IX и до конца X в. эпиграфические и сфрагистические источники фиксируют в качестве местных правителей стратигос Херсона. С конца X в. к ним присоединяются стратиги Сутдеи и Боспора.

Упомянутая строительная надпись стратига Херсона и Сутдеи Льва Алиата позволяет считать, что к 1059 г. Сутдейская фема вошла или была объединена с фемой Херсон⁷¹. Скорее всего, «укрупнению» крымских фем способствовал внешний, возможно половецкий фактор, который стал отчетливо проявляться именно с середины XI в.⁷².

Следующим шагом Константинополя, очевидно, стало создание нового военно-административного формирования — катепаната, зафиксированного в печати Никифора Алана⁷³. Лаврентьевская летопись фиксирует некоего котопана в 1066 г. «В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмутаракани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, — он вошел к нему в доверие, и чтл его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: “Князь, хочу выпить за тебя”. Тот же ответил: “Пей”. Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу; а под ногтем был у него яд смер-

тельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди»⁷⁴. Конечно, из текста ПВЛ однозначно не следует, что упоминаемый там «котопан» находился именно в Херсоне и был правителем византийских владений в Крыму⁷⁵. Можно сомневаться и в точности абсолютной хронологии Лаврентьевской летописи. Однако, скорее всего, существование катепаната в Херсоне в конце X – начале XI в. историческая реальность.

В 1094 г. Тмутараканское княжество в последний раз упоминается в «Повести временных лет»⁷⁶. Тогда князь Олег Святославович, вновь ставший здесь правителем не без участия Византии, ушел на Русь и при помощи половцев отвоевал себе Чернигов, а земли его бывшего владения отошли Византии⁷⁷. Известно, что византийские власти не оставляли без внимания эти территории, и в разное время в том же Тмутараканском княжестве доминировало то русское, то византийское влияние, нашедшее отражение в сфрагистике и нумизматике⁷⁸. Тмутаракань в период правления Олега Святославовича, скорее всего, находилась в определенном вассальном подчинении Византии. Отметим, печати князя соответствуют печатям провинциальных императорских наместников, а монеты по весовым нормам схожи с византийскими стандартами⁷⁹.

Г.Г. Литаврин ввел в научный оборот фрагмент речи византийского савновника Мануила Страворомана, обращенной к императору Алексею I Комнину (1081–1118): «Что касается Европы, то враждебную нам ее часть ты усмирил, а из отнятой у нас части немало присоединил, а именно: всю землю, которая заключена между Гемом и Истром и простирается сверху, от гетских пределов, до Евксина, и то, что лежит у Киммерийского Боспора»⁸⁰. Это, по аргументированному мнению исследователя, случилось до 1103 г. и является свидетельством подчинения Тмутаракани Византии⁸¹.

Вероятно, когда земли на Азиатской стороне Боспора вернулись в состав Империи ромеев, административно они вошли в состав катепаната с центром в Херсоне. Это вполне соответствует упоминавшейся политике «укрупнения» административно-территориальных подразделений, проводившейся здесь византийскими властями во второй половине XI в. Очевидно, под влиянием внешнего фактора⁸² рычаги и средства управления не «распыляются» по отдельным городам, а сосредотачиваются в удаленном от степей и, соответственно, более защищенном Херсоне — оплоте Византии в Северном Причерноморье.

В целом, мы имеем дело со следованием традициям византийской политики в Северном Причерноморье. Напомним, согласно найденной на

Тамани надписи в 590 г., дука Херсона Евпатерий на Боспоре «кесарское здание возобновил»⁸³. Причем указанное в надписи строительство, скорее всего, связано с освобождением этой местности от тюрок и возвращением под имперскую юрисдикцию⁸⁴.

Таким образом, Хазария, известная по печати Никифора Алана, скорее всего, область на Азиатском Боспоре, попавшая под власть Византии после ликвидации Тмутараканского княжества.

К сожалению, нынешний уровень источниковедческой базы не позволяет говорить насколько долго Хазария находилась по юрисдикцией Херсона: отсутствуют как сфрагистические, так и эпиграфические источники по данной проблеме. Ничего не сообщают об этом византийские и иностранные хронисты. С одной стороны, это могла быть кратковременная акция, имевшая целью наладить эффективное управление приобретенными землями на начальном этапе. А с другой, из Херсона могли руководить крымскими и окрестными территориями, пока они оставались византийскими.

В 1143 г. Нил Доксопатр писал о власти императора: «до Херсона, Хазарии, Готии и Халдии»⁸⁵. Приблизительно в это же время поэт Иоанн Цец упоминал «страну матрахов» как расположенную на окраине империи⁸⁶. Мануил I в 1166 г. именовался «августом ... зихкийским, хазарским, готским»⁸⁷. Хотя в последнем случае А.А. Васильев, учитывая написание титула как «азарский», полагал, что речь идет об Аджарии⁸⁸. А в конце этого столетия некий Никита Пигонит от имени империи собирал подати на Боспоре Киммерийском⁸⁹.

Традиционно считается, что достоверным отождествлением Хазарии с Крымом является сообщение некоего рабби Петахии, около 1173 г. путешествовавшего из Регенсбурга на Восток⁹⁰. Приведем отрывок из его сочинения: «Р. Петахия всю землю кедаарскую во всю ширину ее прошел в шестнадцать дней. Кедаары живут в шатрах ... Земля их не гориста и вся состоит из равнин. На пространстве одного дня ходьбы в стране кедаарской тянется рукав морской, отделяющий страну эту от земли хазаров. ... Р. Петахия прошел землю хазарскую в восемь дней. В конце этой земли семнадцать рек соединяются в одну, и в этом пункте собираются все желающие пуститься в морское путешествие. Там с одной стороны есть море, которое издает большое зловоние, а с другой море чистое, без запаха, и расстояние между тем и другим около одного дня ходьбы. Кто переезжает вонючее море, тот непременно умирает; из едущих же по другому морю, если ветер дует со стороны вонючего моря, также многие погибают. Поэтому последнее море переезжают тогда только, когда ветер дует в противоположную сторону»⁹¹. Конечно, заманчиво в данном сюжете видеть Крым, а в описании морей — Сиваш и Азовское море. Однако оригинала сочинения Петахии к нам не

дошло. Источник о нем говорит в третьем лице. При этом рассказ о путешествии р. Петахии записан, вероятно, с его слов, неким Иудею Хасидом, а потом кем-то неизвестным сокращен⁹². Отсюда, скорее всего, и приблизительность описаний, и явное преувеличение о вреде Сивашского воздуха. Поэтому к данному источнику нельзя относиться как к оригинальному, а содержащимся в нем сведениям как исключительно достоверным.

Когда настоящая работа была уже сдана в печать, В.Н. Чхаидзе опубликовал исследование, в котором подробно аргументировал свое мнение по данному вопросу: Хазария XI в. — это Керченский и Таманский полуострова, и соответственно ее территория включала в себя оба берега Боспора⁹³. В связи с тем, что уважаемый автор много места уделил критике наших взглядов, остановимся на его системе аргументации подробнее. В качестве уязвимых мест нашей доказательной базы он указывает:

1. Некорректность параллели с событиями конца VI в.
2. Некорректность использования более ранних византийских источников (IX–X вв., т.е. времени существования Хазарского каганата) для аргументации локализации Хазарии в XI в.
3. Отсутствует объяснение молчания источников о Боспоре с начала XI в.
4. Отсутствует объяснение отсутствия/наличия словосочетания «всей Хазарии» на печатях Никифора Алана и архонта Михаила⁹⁴.
5. Автор не объясняет, каким образом в 1016 г. восстание Георгия Цулы произошло в Тмутаракани⁹⁵.

Оставляя за рамками настоящей работы вопрос о хронологии и последовательности печатей Михаила и Никифора Алана, который требует отдельного обстоятельного анализа и не может быть решен исключительно на основании исторических концепций того или иного автора (как это сейчас происходит), отметим, что предположение В.Н. Чхаидзе о том, что печать Никифора Алана предшествует печатям архонта Михаила, основано исключительно на его же мнении (пока ничем не подтвержденном), что часть Хазарии (не византийская) во время руководства катепанатом Никифором Аланом находилась под протекторатом тмутараканских князей. И только после возвращения из Византии Олега тот владеет уже всей областью (с. 22).

Требуемое от нас В.Н. Чхаидзе объяснение такой принципиальной для него позиции по всей/не всей Хазарии (пункт 4), как представляется, находится в плоскости должности и статуса хозяина печатей. Олег-Михаил правитель (архонт) маленького, вассального от империи государственного образования⁹⁶ на восточной стороне Керченского пролива. Поэтому для него и его «международного авторитета» принципиально точное и подробное перечисление территориальных владений: Маграха, Зихия (на ряде

моливдовулов) и именно «вся Хазария». Никифор Алан — глава византийской административно-территориальной единицы, охватывавшей юго-западный, южный и восточный Крым, и как мы считаем, некоторые земли восточнее Керченского пролива. Выглядит алогичным считать, что подведомственная Никифору территория включала только Херсон и Тамань (и/или Боспор, если учитывать точку зрения В.Н. Чхаидзе и других авторов) и не захватывала, например, Готию и Сугдею. Но в легенде ничего не сказано ни о Готии, ни о Сугдее. Там зафиксированы только центр катепаната и «новые земли». Для византийцев важен был сам факт включения «Хазарии» в их владения, без «мелких подробностей».

Что касается первых двух замечаний, то в предыдущих работах мы попытались отметить принципиальную для византийской административно-политической системы традицию. Если земли на Азиатском Боспоре в конце VI в. уже управлялись из Херсона (что вряд ли может быть опровергнуто), то почему этого не могло случиться в конце XI в. при схожей военно-политической обстановке. Вспомним, что недалеко находящаяся от предполагаемой территории Хазарии Сугдея (и входившие в состав бывшей Сугдейской фемы земли), судя по упоминавшейся надписи 1059 г., также управлялась главой административно-территориальной единицы с центром в Херсоне. В отношении устойчивости традиции напомним еще раз слова Мануила Страворомана «а из отнятой у нас части немало присоединил ... и то что лежит у Киммерийского Боспора».

Как представляется, мы достаточно убедительно продемонстрировали, что по крайней мере до середины X в. византийские авторы никогда не называли Крым или его часть Хазарией, с чем согласен и В.Н. Чхаидзе. При этом, византийская историографическая традиция была достаточно устойчивой. Мог ли византийский историк Скилица называть Боспор начала XI в. иначе нежели Боспор? В.Н. Чхаидзе верно заметил, что византийские источники молчат о Боспоре на протяжении большей части XI в. Но в начале то столетия, т.е. фактически именно тогда, когда была направлена военная экспедиция в Хазарию, моливдовулы фиксируют чиновников именно фемы **Боспор**. Поэтому источник, которым пользовался Скилица, вряд ли мог отойти от официальной византийской топонимической терминологии. Еще раз вспомним Мануила Страворомана, который к концу XI – началу XII в. упоминает Боспор Киммерийский.

Касательно приписываемого уважаемым В.Н. Чхаидзе нам «восстания в Тмутаракани» заметим; 1) мы никогда не писали о полном тождестве Хазарии с Тмутараканью, отмечая лишь нахождение данной области на территории Азиатского Боспора. Проблема пространственных пределов как Хазарии, так и Тмутаракани нуждается в дальнейшем исследовании, тем более

что территория указанного древнерусского государственного образования, судя по имеющимся источникам, несомненно, периодически трансформировалась; 2) «восстание Цулы» — историографический казус. У Скилицы речь идет не о восстании в Хазарии, а о ее подчинении (!): «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Дуки Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении».

Мы не предполагаем в рамках настоящей работы рассмотреть, что же реально произошло в «Хазарии» и для чего потребовалось ее «подчинить». Отметим лишь, что В.П. Степаненко справедливо подметил, что первое упоминание о Тмутаракани в Повести временных лет относится не к 988 г., как это традиционно считается, а ближе к 1015 г.⁹⁷ Что заставило «василевса» направить византийско-русский воинский контингент на подчинение Хазарии и как это связано с появлением древнерусского государственного образования на Тамани, еще предстоит выяснить.

¹ Артамонов М.И. История хазар. Л., 2001. С. 490.

² Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IX siècle. P. 44–70.

³ Скржинская Е.Ч. Рец. на: Якобсон А.А. Средневековый Херсонес. ВВ. 1953. № 6. С. 266.

⁴ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000. С. 216, 288.

⁵ Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 150.

⁶ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 146–148, 355–361.

⁷ Shepard J. Closer encounters with the Byzantine Word: The Rus at the Straits of Kerch // Pre-Modern Russia and its Words. Essays in Honor of Thomas S. Noonan. Wiesbaden, 2006. P. 29.

⁸ Слядзь А.Н. Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.). СПб., 2014. С. 41–47.

⁹ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 183

¹⁰ Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum. P. 223–226; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum. С. 425–427.

¹¹ Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 74; Степаненко В.П. Архонт Хазарии — Стратиг Херсона? // Х.Сб. Севастополь, 2011. Вып. XVI; Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // Империя и Полис. Тез. докл. Севастополь, 2014; Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX; Степаненко В.П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12; Степаненко В.П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X–XI вв. (по поводу книги А.Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)» // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 574. С В.П. Степаненко соглашается А.А. Ашимихин (Ашихмин А.А. Взаимоотношения Тмутаракани и Восточного Крыма // Человек и общество. Чебоксары, 2016. №1. С.4).

¹² Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Х.Сб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 10; Правда, в своей последней работе данный автор полностью согласился с позицией В.П. Степаненко (Алексеенко Н.А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) С. 463). Отметим, что о Хазарии в Восточном Крыму, включающей и Судгею писал еще В.Т. Пашуто (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 77), который, в свою очередь, основывался на рассуждениях М.В. Левченко (Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 384).

¹³ Майко В.В. Хозари у Крыму в другой половине X ст.; Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Stratum № 5. СПб.; Кишинев; Одесса, 2000; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. С. 33–45; Майко В.В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в.; Майко В.В. Судгея второй половины X–XI в.: между Византией и Тмутараканью // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2009; Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. Т. IX. К., 2010; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XI в. // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 50.

¹⁴ Могаричев Ю.М. К вопросу о «Крымской Хазарии» в X–XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2012; Могаричев Ю.М. К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013; Могаричев Ю.М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII веках // Княжа доба. Львів, 2013. Вып. VII; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария X–XII вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст); Науменко В.Е. Византийская феода и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения VII. Керчь, 2006. С. 233; Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв. Политико-административный аспект. С. 185; Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X начала XI вв. С. 191; Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XI вв. С. 215; Науменко В.Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в. С. 451; Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках. С. 71; Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика. С. 187; Сорочан С.Б., Роменский А.А. Рецензия на книгу: Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (Eds). 2015. Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'—Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv: Sheremetiev's Museum // МАИАСК. Севастополь: Тюмень: Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 671; Роменский А.А. В поисках Хазарии Иоанна Скилицы: к дискуссии о походе Варды Монга и Сфенга в 1016 г. // ХА. М., 2016. Т. 14; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 217.

¹⁵ Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 20.

¹⁶ Еманов А.Г. Ретро и перспективы гибридных политик в Крыму и на Тамани XI–XII века // МАИАСК. Севастополь: Тюмень: Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 662.

¹⁷ Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Яколо Корнаро, 1362 г.) // Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2001; Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в 13–15 веках // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 84–87; Кизилов М. Топоним «Хазария» в источниках позднесредневекового и раннего нового времени // Хазары: миф и история. С. 308–309.

¹⁸ Rubruquis W. de. *Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum*, Galli, Anno gratie 1253 ad partes Orientales // *The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis*. Nendeln, 1967. P. 144.

¹⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 76–77.

²⁰ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 211–212.

²¹ Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. С. 35; Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitia episcopatum*. С. 424.

²² Nicholas I Patriarch of Constantinople. *Letters*. P. 555.

²³ Цит. по: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1487–1494.

²⁴ Правда, существует мнение, что в письме №106 речь идет об аланах (Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // *Избранные труды по истории аланов и Сарматии*. СПб., 2000. С. 177–178).

²⁵ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Ч. 2. С. 1480–1486.

²⁶ Ioannis Scylitzae. *Synopsis Historiarum*. Berlin; New York, 1973. P. 354, 88–94. Цит. по: Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. С. 368.

²⁷ Бибииков М.В. Развитие исторической мысли // *Культура Византии*. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 108–110; Kazhdan A, Cutler A. *Skylitzes John* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York: Oxford, 1991. V. 3. P. 1914.

²⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 41.

²⁹ Там же. С. 50–51.

³⁰ Там же. С. 156–157.

³¹ Там же. С. 171–177.

³² Там же. С. 171–175.

³³ Продолжатель Феофана. Перевод Я.Н. Любарского. М., 1992. С. 56–57.

³⁴ Подробнее см.: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария X–XII вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст).

³⁵ Подробнее см.: Кулаковский Ю.А. Христианство у алан. С. 168–169; Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 181–183.

³⁶ Кулаковский Ю.А. Христианство у алан. С. 170–173; Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 184–190.

³⁷ Вероятно, первоначальные успехи в деле христианизации Алании сменились около 932 г. изгнанием на некоторое время из страны византийского духовенства и ее подчинения хазарам (Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor. P. 254–255; Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 190.

³⁸ Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitia episcopatum*. С. 423.

³⁹ Артамонов М.И. История хазар. Л., 2001. С. 560–561; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 144–164; Бубенок О.Б. К вопросу о распространении христианства среди хазар; Коновалова И.Г. Христианство в Хазарии; Флеров В.С. Иудаизм, христианство, ислам в Хазарском каганате (к состоянию изучения по археологическим данным).

⁴⁰ Отметим, Б. Живков трактует это событие как восстание христианизированных болгар против Византии. Живков Б. Хазария през IX и X век. С. 318.

⁴¹ А.Ю. Виноградов попытался обосновать гипотезу, согласно которой надпись из Табана-дере (Мангуп): «Эта стена построена в дни (правления) наместника Цулы-бега (бея), сына Полеты» (чтение Э.И. Соломоник), традиционно датированная 1503 г. (Латышев В.В. Гре-

ческие и латинские надписи, найденные в Южной России // ИАК, 1902. Вып. 3, С. 21–57; Белый А.В., Э.И. Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 1984. Т. 14. С. 170–175), на самом деле должна относиться к 994–995 г.: «Построена эта стена во дни местоблюстителя Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году» (Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // *АДСВ*. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 262–271; Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись Цулы-бега, 994–995 гг. // *Византийские надписи*. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.172-gu.html> (20 августа 2016 г.). Таким образом, перед нами якобы еще одно свидетельство о представителях этого семейства в Крыму в конце X в. Вызывает сомнение датировка надписи 994–995 г., хотя это и было принято некоторыми исследователями (Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв. Политико-административный аспект. С. 184–185; Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в. Археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // *Письменность как элемент государственной инфраструктуры*. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2016. Вып. XXVIII. С. 202–204). Сама датирующая формула значительно повреждена и не поддается однозначной интерпретации. В основе датировки А.Ю. Виноградова — достаточно вольное предположение, что второй знак трехзначного числа — фи (500). Однако число может оказаться не трехзначным, а четырёхзначным. По мнению А.К. Шапошникова (автор искренне благодарит А.К. Шапошникова за обстоятельное разъяснение по поводу данной надписи), сильно поврежденная первая лигатура трехзначного числа может быть стигмой, вторая цифра скорее пси, чем фи (также повреждена, м. б., лигатура?), третья — гамма. Неясно назначение горизонтальной черты после числа. Итого выходит: $\psi\prime\gamma$ 6703 год от сотворения мира, т. е. 1195 г. Но горизонтальная черта после гаммы вполне может оказаться значащим элементом. Поэтому, к дате 6703 возможно добавление нескольких десятков лет, что указывает на период от 1195 до 1294 гг. В целом, графическая стилистика надписи — относительно поздняя, и, еще раз отметить, она не может быть однозначно датирована. Заметим, А.К. Шапошников считает, что пятая строка- $\tau\zeta\omicron\upsilon\lambda\alpha\nu\eta\gamma\eta$ не имеет никакого словоделения, соответственно дефис $\tau\zeta\omicron\upsilon\lambda\alpha\beta\eta\gamma\eta$ — Чула-бег, предложенный А.Ю. Виноградовым (впрочем, и его предшественниками), не более чем достаточно вольное предположение. В сред.-греч. возможно чтение имени и как Чулавий, так и Чулабейя. Привлекать для объяснения этого имени собственного титулатуру первого Болгарского царства достаточно опрометчиво. Ведь алтайская, тюркская или чувашская природа этой др.-болг. терминологии спорна. Столь же необоснованно отождествление второй части двусоставного имени собственного с огузским (турецким) *beu, beg*. Четвертая строка $\tau\pi\omicron\tau\eta\rho\iota\tau\omicron\nu$ прочитана и восстановлена А.Ю. Виноградовым верно. Его замечание по данному поводу следующее: «Топотирит для X века — “лейтенант” командира фемы или тагмы, но на протяжении XI века, к 1100 году, он превращается в начальника крепости ... — в нашем случае возможны оба значения: первое больше походит к словам “во дни” (уникальная формула $\upsilon\lambda\omicron\eta\mu\epsilon\rho\omega$ находит себе единственную параллель в надписи из Лак 1364 г. (V 144), где она применена, вероятно, также к наместнику (на сей раз ханскому) — Кутлак-Темиру), второе — к локальному (судя по отсутствию в надписи имен императора или стратигафемы) характеру строительства» (Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись Цулы-бега, 994–995 гг.). Добавим, что термин «топотирит» в Византии имел и другие значения, в частности «первое должностное лицо в канцелярии всех доместиков» и «специальный представитель василевса в провинции (эпархии), контролировавший один или несколько городских округов, обычно комендант крепости ... С распространением ... системы фем Т. называют первых заместителей стратигос ... а также командиров отдельных эскадр царского флота» (Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. С. 727). Отметим, формула $\upsilon\lambda\omicron\eta\mu\epsilon\rho\omega$ является не чем иным, как малограмотной аббревиатурой притяжательного местоимения в

твор. пад. «нашим» (третья строка ΥΠΟΝΜΕΡΟΝ должна быть, по мнению А.К. Шапошникова, нормализованна ΥΠΟΝΜ[ΕΤ]ΕΡΟΥ «нашим», предположно-падежное словосочетание (твор. п. ед. ч.): ὑπό ἡμετέρου τοποτηρητοῦ. По А.Ю. Виноградову, в 994–995 гг. топотирит по византийской иерархии еще не мог быть «начальником крепости» и являлся только «лейтенантом командира фемы или тагмы». При этом автор находит параллели в надписи 1364 г. Вторая часть умозаключений исследователя: «Рядом с должностью топотирита в надписи нет уточнения, заместителем какого стратига был Цула-бег, однако последнее, со всей очевидностью, подразумевается: на Мангуте в 994–995 гг. не мог действовать топотирит иного стратига, кроме стратига Херсона» вызывает удивление. Все известные в Крыму византийские надписи, сообщающие о строительстве оборонительных стен, указывают имя императора и его наместника, по приказу и усилиями которых возводились фортификационные сооружения» (Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896: Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма // Addenda et corrigenda. Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 4. С. 217–253; Виноградов А.Ю. Византийские надписи. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/locations-ru.html>). Например, вспомним известную и относительно близкую к концу X в. херсонскую надпись 1059 гг.: «Сооружены железные ворота претория, обновлены и прочие [ворота] крепости при Исааке Комнине, великом императоре и самодержце ромеев, и Екатерине, благочестивейшей августе, Львом Алиатом, патриkiem и стратигом Херсона и Сугдеи, 10 апреля, в 12-й индикт, в 6567 году» (Виноградов А.Ю. Херсон. Строительная надпись Исаака I Комнина, 1059 г. // Византийские надписи. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.11-ru.html>). Или другую херсонскую строительную надпись этого императора: «Обн[овлена стена (?)] при им[ператоре Исааке (?)]» (Виноградов А. Ю. Херсон. Строительная надпись Исаака I Комнина (?), 1059 г. Византийские надписи. IOSPE. Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.12-ru.html>). Поэтому допустить, что византийские чиновники, возводившие оборонительную стену, не упомянули не только правившего императора, но даже стратига фемы, выглядит нонсенсом. Считать же, что юго-западная Таврика в 995 г. не подчинялась имперским властям, никаких оснований нет, о чем и пишет А.Ю. Виноградов. Следовательно, данный эпиграфический памятник выпадает из разряда «византийских», он отражает явно не ромейский подход и гораздо ближе и по характеру размещения, и по стилистике к надписям ордынского (и возможно, более позднего) времени, например, известной надписи 1361–1363 гг. сотника Хуитана (Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись Хуитана, 1300–1301 или 1361–1362 г. Византийские надписи. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.176-ru.html>). В связи с этим отметим, что имя отца строителя «Πολέτας» известно не только на Корфу в 1391 г., как считает А.Ю. Виноградов (Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись Цулы-бега, 994–995 гг. // Византийские надписи. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.172-ru.html> (20 августа 2016 г.). Близкое родовое имя неоднократно встречается среди приписок XII–XV вв. на полях Сугдейского синаксаря (Полеас, Пулеас — Πολέας, Πουλέα): между 1249 и 1252 гг. (№ 13), под 1267 (№30), 1274 (№45), и 1308 (№ 123) гг. (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 171, 272, 276, 282, 283, 284, 288). Кроме того, в том же источнике известно достаточно примеров, когда отец имел греческое имя, а сын — варварское, и наоборот. В позднее средневековье в провинциально-византийском Крыму продолжали использоваться различные имперские титулы. Например, в приписках на полях Сугдейского синаксаря между 1249 и 1252 г. упомянут «архонт Сугдан кир-Хазария» (Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 271, 282. № 13), а в одной из пещерных церквей Инкермана в XIII в. был похоронен «Κο[σ]μ[α], первого

разряда и κ[ο]мит» (Виноградов А.Ю. Каламита. Надгробие Авраамия и Космы, XIII в. Византийские надписи. IOSPE. — Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html> (20 августа 2016 г.). Поэтому функционирование здесь в XII–XV вв. титула топотирит допустить вполне логично, тем более, что он продолжал использоваться в Византии и в XV в., правда, в большей степени, в церковной сфере (Kazdan A. Topoteretes // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York Oxford, 1991. V.3. P. 2095–2096). В этой связи напомним, что рядом с башней, в которой находится рассматриваемая надпись расположен пещерный (так называемый Северный) монастырь, в церкви которого высечена греческая надпись, которую А.Ю. Виноградов датирует 1224–1225 гг. (Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись неизвестного, 1224–1225 гг. // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxinigracae et latinae (IOSPE). Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html> (22 августа 2016 г.). Таким образом, как нам представляется, так называемая мангутская надпись «Цулы-бея» не может датироваться концом X в. и, скорее всего, была вырезана позднее, когда юго-западная Таврика вышла из-под юрисдикции Византии. Т.е. не ранее начала XIII, а скорее всего XIV в. При этом возможность ее датировки 1505 г. также вызывает сомнения.

⁴² Алексеев Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсона // Древности. Харьков, 1995; Алексеев Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 256–257; Алексеев Н.А. Род Цулы: варвары на византийской службе? // II международный Византийский семинар. Херсонская фема: «империя и «полис». Тез. докл. Севастополь, 2010; Alekseyenko N. L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. P. 234–236; Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 250.

⁴³ Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Л., 1971. № 23(86). С. 68–74; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 103–116, 159. Отметим, что с такой трактовкой согласны не все авторы. См. подр.: Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. С. 369–370.

⁴⁴ Н.А. Алексеев датирует их исключительно началом XI в. Однако такая узкая датировка основана только на отождествлении Георгия Цулы печатей с персонажем Скилицы. Алексеев Н.А. Род Цулы: варвары на византийской службе? С. 4; Alekseyenko N. L'Administration Byzantine de Cherson. P. 234–236.

⁴⁵ Алексеев Н.А. Род Цулы: варвары на византийской службе? С. 4; Alekseyenko N. L'Administration Byzantine de Cherson. P. 234–236.

⁴⁶ О том, что Георгий Цула стратиг Херсона и Георгий Цула стратиг Боспора — разные люди предполагал Дж. Шепард (Shepard J. Closer encounters with the Byzantine Word: The Rus at the Straits of Kerch. P. 28–29) и недавно отметил В.Н. Чхаидзе («Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. Препринт. С. 6).

⁴⁷ Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблема истории византийского города. С. 87–103, 116–121; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. С. 455–512; Alekseyenko N. L'Administration Byzantine de Cherson. P. 120–178; По нашему мнению В.П. Степаненко доказательно показал, что Хазария Скилицы и фема Херсон две разные территории (Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. С. 31–35; Степаненко В.П. Архонт Хазарии — Стратиг Херсона? С. 156).

⁴⁸ Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. С. 31–35. См. также: Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 542–543.

⁴⁹ Алексеев Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века.

⁵⁰ Oikonomides N. Les listes de preaseance Byzantines des IX et X siecles. Paris, 1972. P. 268–269; Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. С. 31.

⁵¹ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и Крым. АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 95.

⁵² Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.

⁵³ Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Судеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. С. 86; Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 303–304; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 188; Степаненко В.П. Фема Судеи в XI в. // Империя и полис. Материалы научной конференции. VII. Севастополь, 2015.

⁵⁴ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 15–19.

⁵⁵ Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы; Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации); Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 175–189.

⁵⁶ Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата. С. 239; Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-восточном Крыму. С. 41–45; Майко В.В. Византиско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. С. 217; Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XI вв. С. 44; Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв.

⁵⁷ Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Судеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.). С. 231–232; Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 542–543. На момент написания данной работы их было известно не менее 9 экземпляров (Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. // Судейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 264).

⁵⁸ Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії, з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан. Мат. Междунар. colloquiuma по русско-византийской сфрагистике. Киев; Севастополь, 2013. С. 28–29. Эта печать, очевидно, относится к последнему этапу правления Олега. См.: Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. С. 373–374. Об этих печатях см. также: Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 19–20, 134

⁵⁹ Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Судеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.). С. 320–321.

⁶⁰ Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. С. 284–285.

⁶¹ В рамках настоящей работы мы не ставим своей целью рассмотреть вопрос о сути этого государственного образования, который активно дискутируется в литературе (Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. С. 251–254; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X – 90-е гг. XI в.) // Очерки историографии. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6; Котляр Н.Ф. Тмutorоканское княжество: реальность или историографический миф? // Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2003; Захаров В.А. Тмутараканское княжество // От Тмutorокани до Тамани. Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152). М., 2005; Гадло А.В. Предыстория Приазовской

Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. С. 248–266; Войтович А. Проблема утворення тмutorаканського князівства у світлі русько-хазарських стосунків X ст. // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6; Кабанец Е.П. К вопросу о роли Тмutorаканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Судейский сборник. Киев: Судак, 2005. Вып. II. С. 121–124; Степаненко В.П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X–XI вв. (по поводу книги А.Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)»). С. 568–569. И др.). Поэтому используем традиционные термины «Тмutorаканское княжество» и «Тмutorакань».

⁶² Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 299.

⁶³ Там же. С. 336.

⁶⁴ Там же. С. 339.

⁶⁵ О гибели каганата см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 583–626; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 52; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 213–231.

⁶⁶ О локализации «Хазарии» византийских источников X–XI в. на Тамани писал В.Я. Петрухин (Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 217). А.А. Роменский, также помещающий Хазарию Скили цына в Тамани, обратил внимание, что оттуда происходит моливдовул одного из представителей семейства Цул – Игнатия (См.: Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. С. 46) (Роменский А.А. В поисках Хазарии Иоанна Скилицы: к дискуссии о походе Варды Монга и Сфенга в 1016 г. С.218).

⁶⁷ Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. С. 251.

⁶⁸ Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. С. 35; Степаненко В.П. Архонт Хазарии – Стратиг Херсона? С. 158.

⁶⁹ Алексеенко Н.А. Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 11; Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // IV Международный семинар Херсонская фема: «империя» и «полис». Тез. докл. Севастополь, 2012. С. 7; Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // X.C6. Севастополь, 2012. Вып. XVII.

⁷⁰ Seibt W. Was Lehrendie Siegelüberdie Verwaltungvon Chersonim Mittelalter? P. 191–192.

⁷¹ Данная надпись позволяет исключить возможность датировки печати Никифора Алана временем до начала 60-х гг. XI в.

⁷² Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. Археология. М., 2003. С. 80; Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв. Политико-административный аспект. С. 187.

⁷³ И.В. Соколова с херсонскими катепанами связывала еще два моливдовула (Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. №50, 57). Однако, в связи с неудовлетворительной сохранностью печатей, их атрибуция вызывала сомнения (Алексеенко Н.А. Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы. С.11).

⁷⁴ Повесть временных лет. Пер. Д.А. Лихачева. М., 2003. С. 51. См. также: Повесть временных лет. Ч. 1. М.: Л., 1950. С. 111.

⁷⁵ Так считает Н.И. Храпунов. См.: Степаненко В.П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья. С.571.

⁷⁶ Повесть временных лет. С. 349.

⁷⁷ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. СПб., 1999. С.502; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). С. 277–292; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 133.

⁷⁸ Гадло А.В. Тмутороканские этюды III // Вестник Ленинградского государственного университета. 1990. Сер. 2. Вып. 2; Алексеенко Н.А. Взаимодействия в русско-византийских отношениях на Боспоре и Тамани во второй половине XI столетия по данным нумизматики и сфрагистики // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимодействие культур. Керчь, 2011.

⁷⁹ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). С. 286; Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке. С. 501–503; Захаров В.А. Тмутараканское княжество. С. 68–69; Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. С. 264–265; Чхаидзе В.Н. Денежное обращение в Матрахе – Тмутаракани XI–XII вв. // II Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Тез докл. Севастополь, 2012. С. 49; Алексеенко Н.А. Взаимодействия в русско-византийских отношениях на Боспоре и Тамани во второй половине XI столетия по данным нумизматики и сфрагистики.

⁸⁰ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). С. 282 (историография С. 281–282). Греч текст: Гръцки извори за Българската история. София, 1980. Т. 10. С. 95–96.

⁸¹ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). С. 285, 289; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики. С. 129–133;

⁸² Отметим Н.А. Алексеенко полагает, что одной из основных причин создания катепа-ната стало стремление византийских властей получить доступ «к новым источникам нефти для вооружения имперского флота “греческим огнем”, а именно к боспорским нефтяным месторождениям» (Алексеенко Н.А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Волгоград, 2014. С. 72–73).

⁸³ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 105–109;

⁸⁴ Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. С.36–37; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 181; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 141; Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI–VIII вв. С. 152–144. Отметим близость политической ситуации на азиатской части Боспора в конце VI в. и в конце XI в.

⁸⁵ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке. С. 503.

⁸⁶ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке. С. 503.

⁸⁷ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 260; Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке. С. 503.

⁸⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму. С. 364.

⁸⁹ Каждан А.П. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93–101.

⁹⁰ См., напр.: Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в X в. С. 371–372; Кизилов М.Б. Топоним «Хазария» в источниках позднесредневекового и раннего нового времени. С. 310.

⁹¹ Три еврейских путешественника. М., 2004. С. 265.

⁹² Там же. С. 361–263.

⁹³ Чхаидзе В.Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов).

⁹⁴ Там же С. 16–17.

⁹⁵ Там же. С. 21–22.

⁹⁶ Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. С. 31–35: См. так же: Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 542–543.

⁹⁷ Степаненко В.П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья. С. 368. Прим 2.

Список использованной литературы и источников

Архивные материалы

Антонова И.А. Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1990 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2981.

Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1996 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3359 / 1–2.

Антонова И.А. Отчет о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1969.

Антонова И.А. Раскопки у башни XIV (Первый слой) / Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1160.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 623 / 1.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. 750/1.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1283.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1685.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1760.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1909.

Борисова В.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1958–1959 гг. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 758 / 1.

Герцен А.Г. О крепостном строительстве на Мангупе (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма 20–24 сентября 1983 г.) // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. №2385.

Горлов Ю.В., Голенко В.К., Усачева О.Н. Отчет о полевых исследованиях Южно-боспорской экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН.

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2053.

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2480 / 1.

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартала за 1986 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2683.

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2845.

Кадеев В.И. Подводные исследования в Херсонесе в 1965 году / Отчет объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1189.

Кадеев В.И., Мещеряков В.Ф., Сорочан С.Б. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2326.

Кругликова И.Т. Отчет о раскопках совместной Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР и Гос. Херсонесского заповедника в 1986 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2709.

Опись коллекций за 1937 г. с № 35857–35904. Раскопки в Херсонесе // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 662 — II.

Отчет за 1892–1893 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3.

Отчет за 1898 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. №7.

Отчет за 1900 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 9.

Отчет за 1901 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. №10.

Отчет за 1903 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 12.

Отчет за 1907 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 16.

Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1411 / 1.

Отчет о раскопках за 1894 г. (юго-западный участок городища, юго-восточный угол городища) // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 4.

Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе 1972–1973 гг. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1647.

Падалка Ю.В. Отчет об археологических разведках в урочище Алсу-2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2323.

Паршина Е.А., Савеля О.Я. Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3068.

Романчук А.И., Омелькова Л. А. Отчет об охранных разведках на левом берегу реки Бельбек, на восточном склоне балки Горный Ключ, в 3,5 км от пос. Заря Свободы // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1843.

Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1914.

Рыжов С.Г. Отчет за 1991 г. о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы № 3 в квартале X «А» // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3065.

Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроенной экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2324.

Савеля О.Я. Отчет о разведках на Северной стороне Севастополя и в Бельбекской долине в 1964–1965 гг. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 1198.

Савеля О.Я., Падалка Ю.В. Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2608.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Археологические разведки 1993 г. поселения Хаспио в долине Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3187.

Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2965.

Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3107.

Седикова Л.В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 3159.

Суров С.Г. Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 год // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 2046.

Талис Д.А. Политические отношения Корсуна с Русью // Архив ФГБУК «ГИАМЗХТ». Д. № 612.

Источники

Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. М., 2000.

Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. М., 1838. Ч. I (факсимильное издание: Ереван, 1986).

Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Судея (Судак), приписанные в греческом синаксаре. ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V.

Архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. М., 1894. Ч. 1.

Бенешевич В.Н. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // ИАН. СПб., 1908. Сер. 6. №1.

Бертъе-Делагард А.А. Надпись времен Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16.

Бибиков М.В. Byzantynorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч. 2. Приложения. СПб., 1900.

Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5.

Великие Миней-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. М., 1904. Декабрь.

Византийская книга Эпарха / Вступ. ст, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.

Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. 1. СПб., 2005.

Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма // Addenda et corrigenda. Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 4.

Виноградов А.Ю. Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini

graecae et latinae (IOSPE). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (28 августа 2016 г.).

Геласий Кизикский Деяния Никейского собора II. 5

Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. Иерусалим, 1997.

Гръцки извори за Българската история. София, 1980. Т. 10.

Григорович В. Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. 1864. Ч. 13.

Грузинское «Житие св. ап. Андрея Первозванного» // Христианское чтение. 1869. № 8.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1873. Т. 7.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1882. Т. 6.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1908. Т. 3.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1910. Т. 1.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе. Казань, 1913. Т. 5.

Деяния Вселенских соборов. СПб., 1996.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Восточные источники. М., 2009. Т. III

Евсевий Кесарийский. Церковная история. М., 1993.

Евсевий Кесарийский О Жизни Блаженного Василевса Константина. Кн. III. 7. Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей словенских // М. 1991.

Житие и перенесение мощей св. Климента / Пер. П. Лаврова // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. М., 1912. Вып. 2.

Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. Минск, 2001

Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004. Март.

Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004. Апрель.

Залесская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 48.

Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Зосим. Новая история // Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. пер. В. Латышев. СПб., 1893. Ч. 1.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод, с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Предисл. Р.А. Наследовой, пер. С.В. Поляковой, И.В. Феленковской, коммент. Р.А. Наследовой // Две византийские хроники X века. М., 1959.

Истрин В.М. Книгы временъныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1: Текст. Пг., 1920.

- Кекавмен. Советы и рассказы. СПб., 2003.
- Книга степенная (издание Ф. И. Миллера). М., 1775.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коковцов П.К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // ЖМНП. 1913. № 11.
- Константин Багрянородный. История города Херсона // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. 2.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Лавров К. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.
- Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т. 14.
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
- Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // ИАК, 1902. Вып. 3,
- Латышев В.В. Жития свв. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. Серия VIII по истор.-фил. отд. Т. 8. №3. СПб., 1906.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. 1906. Вып. 18.
- Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. № 23.
- Латышев В. Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. 1915 (1914). Т. 21. Вып. 3–4.
- Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие свв. Епископов херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49.
- Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
- Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа (по рукописи бывш. Москов. Дух. Акад., хранящейся в Отделе рукописей Рос. Гос. б-ки, ф.173, № 19.) // Труды Славянской комиссии. Т. 1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Морской закон: Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова // АДСВ. 1969. Вып. 6.
- Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. 1883. Т. 13.
- Новоструев К.И., Зикос А. Святого священномученика Ефрема, епископа Херсонского (сказание) о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента // ЗООИД. 1875. Т. IX.
- Описание Крыма (Tartaria descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6.
- Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // ПС. 1990. Вып. 30 (93).

- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. Б.В. Лёвшин, сост. Н.К. Ткачёва. М., 1999.
- Пападопуло-Керамевс А.И. Житие Иосифа Песнописца // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.
- Пападопуло-Керамевс А.И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. СПб., 1901.
- Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря // ЖМНП. 1893. Январь.
- Письмо Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 3.
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950.
- Повесть временных лет. Перевод Д.С. Лихачева // Изборник. Повести Древней Руси. М., 1987.
- Повесть временных лет. Пер. Д.А. Лихачева. М., 2003.
- Полное собрание Русских Летописей. Л., 1926. Т. 1.
- Правила святого поместного собора Карфагенского // Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. М., 1992. (репр. 1893 г.).
- Продолжатель Феофана. Перевод Я.Н. Любарского. М., 1992.
- Прокопий Кесарийский. О постройках. ВДИ. 1939. № 4.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. и коммент. А.А. Чекаловой. М., 1983.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.
- Псевдо-Арриан. Безымянный автор. Обезд Эвксинского Понта: Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. №4.
- ПСРА. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М., 1994.
- Седикова Л.В., Сидоренко В.А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища Херсонеса // МАИЭТ. 1996. Вып. 5.
- Сергий Архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Святой восток. М., 1876. Т. 2.
- Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. М., 1990.
- Слово на перенесение мощей преславного Климента // Жития Херсонских святых в греко-славянской письменности / Изд. П. Лавров. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.
- Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Пер., коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1972.
- Сократ Схоластик. Церковная история I. 8; 1, 41.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.

- Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47.
- Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон в «Италийской легенде». ХА. М., 2016. Т. 14.
- Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. с греч. Г. Ласкина. М., 1899.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратоновского. Л., 1964.
- Страбон. География. М., 1994.
- Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. Вып. 23.
- Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями. СПб., 1907. Т. 1.
- Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. СПб.. 1908. Т.2.
- Три еврейских путешественника. М., 2004.
- Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3.
- Феодосий. О местоположении Святой Земли (изд. и пер. И. Помяловского) // Православный палестинский сборник. СПб. 1891. Вып. 28.
- Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995.
- Феофилакт Симокатта. История. М., 1996.
- Хвольсон Д.А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а также образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб., 1884.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995.
- Шангин М.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. №3.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII век: Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.
- Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук. 1893. №6.
- Acta sanctorum. T. V. Sub die 26. Veneziana, 1744.
- Acta sanctorum. Iunii, VII, 3.ed. Parisiis 1867.
- Acta sanctorum. Martii. Antverpiae, MDCLXVIII. T. I.
- Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. Hannoverae, 1878.
- Ammianus Marcellinus. With engl. transl. by J. Rofle. Cambridge; Harward, 1950. Vol. 2.
- Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. 1853. T. 129.
- Auzepy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. Aldershot, 1997.
- Basilicorum libri LX / Ed. C. G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. Lipsiae, 1833. Vol. 1.
- Basilicorum libri LX / Ed. C. G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. Lipsiae, 1846. Vol. 4.

- Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7.
- Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum, 1870. T. 1; 1873. T. 2. F. 2.
- Boor K. de. Analitiken (I-III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatumum // Zeitschrift für Kirchengeschichte Theologie. Bd., 1891. V. XII.
- Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911.
- Compsitiones ad tingenda musiva / Herausgeb. H. Hedfors. Inaugur. — Diss. Uppsala, 1932.
- Constantini Manassis Breviarum historiae metricum / Rec. Im. Bekkerus. Bonnae, 1837.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1829. Vol. 1.
- Constantino Porfirogenito. De thematibus / Introduzione, testo critico, comm. a cura di A. Pertusi. Citta del Vaticano, 1952.
- Corpus juris civilis. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus.
- Corpus juris civilis. Berolini, 1908. Vol. 1: Digesta.
- Corpus juris civilis. Berolini, 1904. Vol.3: Novellae.
- Delehaye H. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. Brussel, 1902.
- De Liber Pontificalis. Texte, introduc. et comment. par L. Duchesne. Paris, 1955. T. 1.
- Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hreg. V.L. Burgmann. Frankfurt a Main, 1983.
- Ecloga privata aucta // Ius graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1865. T. 4.
- Epanagoge (corrigendum: Eisagoge!) Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1892.
- Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum // Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatumum // Abhandlungen der philos. — philol. Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft. München, 1901. Bd. 21.
- Halkin F. Analecta Bollandiana. T. LXVI. Bruxelles, 1948.
- Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford //Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1948. T.66.
- Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1838. Vol. 1-2.
- Georgii Monachi Chronicon edidit carolus de Boor. Vol. II (textum genuinum inde a vespasiani imperio continen). Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri, NCMIV.
- Ibn Khordadbeh (Ibn Khardadhbih). Le livre des routes et des royaumes / Ed., trad. M. J. de Goeje. Leiden, 1889.
- Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori arhiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880.
- Ioannes Cameniates De excidio Thessalonicensi // Thephanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus e rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
- Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum. Berlin: New York, 1973.

- Josephus Genesii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. Berlin, 1978.
- Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // Епифанович С.А. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917.
- La Vie grecque de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. C. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. Louvain, 1902. T. 3.
- Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles du Saint Demetrius. T. 1: Le Texte. Paris, 1979.
- Leonis Grammatici chronographia ex rec. Im. Bekkeri. Bonnae, 1842.
- Leonis Imperatoris Tactica, sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. 1863. T. 107.
- Liberat. Breviarium // Acta Consiliorum Oecumenicorum / Ed. A. Shwartz. Berlin, 1936. T. 2. Vol. 5.
- Magnae Moraviae fontes historici. Brno, 1969. T. 2.
- Mansi J.D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection. Florentiae, MDCCCLXIX. 1901. T. III.
- Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. Graz., 1960. V. 12.
- Mansi J.D. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. Graz., 1960. V. 13.
- Menologium Graecorum Basilii Porphyrogeneti Imperatoris Jussu Editum // PG CXVII J.-P. Migne, Parisiis, 1894.
- Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1860. T. 99.
- Migne J.-P. Patrologiae cursus completes. Series Graeca. Paris, 1864. T. 105.
- Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasteriis Studii (version II) // PG. 1976. T. 99.
- Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (version I) // PG. 1976. T. 99.
- Minorsky V. Hudud al-Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. London, 1937.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. Washington, 1990.
- Nicetae Paphlagonae Laudatio Sti Hyacintii Amastridensis // PG. 1864. T. 105.
- Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973.
- Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // Ius graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Vol. 3.
- Oikonomides N. Les Listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972.
- Pallas P.-S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2.
- Papebrochio D. De sancto Joanne, Episcopo Gothiae. Vita e codice Vaticano nunc primum Latine versa // Acta Sanctorum. Iunii. T. V. Antverpiae MDCCIX (1709).
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphiloquia / Rec. B. Laourdes, L.G. Westerink. Leipzig, 1983. Vol. 1: Epistularum pars prima.

- Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemou Apostolou Andreu egkomio sympeplegmenai // AB. 1894. T. 13. Fasc. 3-4.
- Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962. Vol. 1: De bellis libri IIV.
- Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1963. Vol. 2: De bellis libri VVIII.
- Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1964. Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis.
- Rubruquis W. de. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratie 1253 ad partes Orientales // The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. Nendeln, 1967.
- Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Jnioris... // PG. 1864. T. 100.
- Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpreteter D. Petavio // PG. 1863. T. 66.
- Theodori Stiditae Epistola / Ed. G. Fatouras. Berlin; New York, 1992. Vol. 1.
- Theodori Studitae epistulae // PG. 1864. T. 99.
- Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni // PG. 1864. T. 99.
- Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens.
- Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1885. Vol. 2.
- Theophanes continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus e rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
- Theophanis Chronographia / rec. Carolus de Boor. Hildesheim, 1963. Vol. I
- The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene. Transl. into English by F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, 1899.
- Vita cum Translatione S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.
- Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. 1864. T. 105.
- Zosime Histoire nouvelle / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. Paris, 1979. T. 2. P. 2.

Литература

- Адаксина С.Б. Белоглиняное блюдо с изображением рыб из Алустана // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.
- Адаксина С.Б. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. СПб., 2002.
- Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и матировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2.
- Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма и о Партенитской базилике // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.А., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. Исследование крепости Алустан // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994.

- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.А. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 1999.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.А. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 2001.
- Адаксина С.Б., Мыц В.А. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. СПб., 2013. Т. 6.
- Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
- Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА 1977. №1.
- Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982. № 3.
- Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.
- Айбабин А.И. Раскопки раннесредневековых могильников в горном Крыму // АО 1982 г. М., 1984.
- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
- Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-кермен // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.
- Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Айбабин А.И. Крым в VI–VII вв. веках (под властью Византийской империи). Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.
- Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2
- Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-кермен // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
- Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Византия в контексте мировой культуры. Труды государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Вып. LI.
- Айбабин А.И. Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 12.
- Айбабин А.И. К вопросу о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013.
- Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
- Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

- Айбабин А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX.
- Айбабин А.И. Юго-Западный Крым под властью Византии в конце VI–VII в. // Крым: проблемы истории. М., 2016.
- Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.
- Аксенов В.И. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Алексеев Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсона // Древности. Харьков, 1995.
- Алексеев Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1995.
- Алексеев Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V.
- Алексеев Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. Симферополь, 1997.
- Алексеев Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности. 1996. Историко-археологический ежегодник. Харьков, 1997.
- Алексеев Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Х.Сб. 1998. Вып. IX.
- Алексеев Н.А. К вопросу о существовании службы нотариусов в Херсоне // АДСВ. 1998. Вып. 29.
- Алексеев Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Алексеев Н.А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. 1999. Вып. 30.
- Алексеев Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1999.
- Алексеев Н.А. Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. Т. 28/29. Krakow, 1999/2000.
- Алексеев Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Алексеев Н.А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
- Алексеев Н.А. Христианская символика на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. докл. Севастополь, 2001.
- Алексеев Н.А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. 2001. Вып. 32.
- Алексеев Н.А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь, 2001.

- Алексеевко Н.А. Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002.
- Алексеевко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002.
- Алексеевко Н.А. Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х.Сб. Севастополь, 2003. Вып. 12.
- Алексеевко Н.А. Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Алексеевко Н.А. *Defensor civitatis* (ekdikos) и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Алексеевко Н.А. Коммерция и коммерциарии Херсона в IX–X вв. // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Алексеевко Н.А. Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004.
- Алексеевко Н.А. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати Киров // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX.
- Алексеевко Н.А. «Херсонский архив печатей»: миф или реальность // Х.Сб. Севастополь, 2006. Вып. XV.
- Алексеевко Н.А. Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики // Судейский сборник. Киев, 2006. Вып. 2.
- Алексеевко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культа. *Sacrum et profanum*. Севастополь, 2007. Вып. III.
- Алексеевко Н.А. Род Цулы: варвары на византийской службе? // II международный Византийский семинар ХЕРСОНОС ТЕМАТА: Империя и полис. Тез. докл. Севастополь, 2010.
- Алексеевко Н.А. Взаимовлияния в русско-византийских отношениях на Боспоре и Тамани во второй половине XI столетия по данным нумизматики и сфрагистики // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
- Алексеевко Н.А. Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012.
- Алексеевко Н.А. Таможня и коммерциарии Херсона // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 3. Приложение.
- Алексеевко Н.А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Волгоград, 2014. С. 72–73.
- Алексеевко Н.А. Ведомство *epi ton oikeakon* и его представители в администрации Херсона // ХЕРСОНОС ТЕМАТА: Империя и полис. Тезисы докладов и

- сообщений VI Международного византийского семинара (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Севастополь, 2014.
- Алексеевко Н.А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Древнейшие государства Восточной Европы 2014 год. М., 2016.
- Алексеевко Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // Х.Сб. Севастополь, 2000. Вып. 10.
- Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // IV Международный семинар Херсонская фема: «империя» и «полис». Тез. докл. Севастополь, 2012.
- Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Х.Сб. Севастополь, 2012. Вып. XVII.
- Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії, з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан. Мат. Междунар. коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. Киев; Севастополь, 2013.
- Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, (1994) 1995. Вып. 4.
- Ангелов Д. История на Византия 867–1204. София, 1974. Ч. 2.
- Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. Дис. ... канд. ист наук. МГУ. М., 2017.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
- Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // Нумизматика и сфрагистика. М., 1968. Вып. 3.
- Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. 1988. Т. 49.
- Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. Севастополь, 1963. Вып. 3.
- Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
- Антонова И.А. XIV оборонительная башня Херсонеса (К вопросу о хронологии оборонительного строительства) // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13.
- Антонова И.А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
- Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. АДСВ. Екатеринбург, 1990.
- Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса // Х.Сб. Севастополь, 1996. Вып. VII.
- Антонова И.А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Х.Сб. 1997. Вып. 8.
- Антонова І.А., Рижов С.Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вып. 4.

- Араджони М.А. Армяне // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004.
- Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
- Артамонов М.И. История хазар. А., 1962 (переиздано: СПб, 2001).
- Артюхова Т.А. Иоанн Психаит // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 24.
- Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). М., 1994.
- Археологическая хроника // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. 1896. № 4.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884.
- Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековнето // Изследвания в чест на 70-годишнината на чл.-кор. проф. Страшимир Димитров. София, 2001. С. 88–190.
- Атанасов Г. Бележки и допълнения към църковната организация в Мизия и Скифия през IV–VII в. (Notes and Codicils to the Ecclesiastical Structure of Scythia and Moesia Secunda during 4th–6th Century AD) // Сборник в чест на Ал. Минчев. Acta musei varnaensis. Варна 2008. № VIII-1.
- Атанасов Г. Религиозните паметници на Добруджа. Силистра, 2008.
- Атанасов Г. Раннохристиянски светци-мъченици от Българските земи I–IV в. София, 2011.
- Атанасов Г. Бележки и допълнения към църковната организация в Скифия и Втора Мизия през I–VI в. // Acta musei Varnaensis. Varna, 2011. V. VIII / 1.
- Атанасов Г.Г., Русев Н.Д. Онглос: первая резиденция болгарских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII–X вв. // Болгарский форум I. Археология евразийских степей. Казань, 2011. Вып. 12.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1983.
- Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. №2.
- Афанасьев Г.Е. Отощители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова. М., 2013.
- Афанасьев Г.Е. Роль кухонной посуды в маркировке булгаро-хазарских памятников (историографический аспект) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М., 2014.
- Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч.2.
- Ачкинази И.В. Об иудейских памятниках конца IX – начала X вв. из Крыма // Тезисы докладов международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье». Симферополь, 1994.
- Ашихмин А.А. Взаимоотношения Тмутаракани и Восточного Крыма // Человек и общество. Чебоксары, 2016. №1.
- Бабенчиков В.П. Из истории Крымской Готии // Известия ИИМК. М.;Л., 1935. Вып. 117.
- Бабенчиков В.П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) // КСИИМК. М., 1953. Вып. XLIX.

- Бабенчиков В.П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Записки Одесского археологического общества. Одесса, 1980. №1 (34).
- Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времен Палеологов // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
- Байер У.Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып.34.
- Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Баранов И.А. Ранняя средневековая печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии (АДСВ. Вып. 16). Свердловск, 1979.
- Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
- Баранов И.А. Грунтовые могильники второй половины VI–IX вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1989.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991.
- Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.
- Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VI–IX вв.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. / ИА НАНУ. Киев, 1994.
- Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. София, 1995. Т. IV.
- Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Садакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1996. Т. 5.
- Баранов И., Майко В. Прабългарские горизонты судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 2000.
- Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковская культура и проблемът за разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 2000. Т. VII.
- Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугдеи // РА. 2001. № 3.
- Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1.
- Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Киев; Судак, 2004.
- Бардола К.Ю. К анализу сфрагистических источников о функциях коммерцияриев в Византии VIII в. // Вісник Харківського державного університету. 1998. № 413. Історія. Вып. 30.

- Бардола К.Ю. Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків, 2003.
- Бармина Н.И. Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.
- Бармина Н.И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Бегунов Ю.К. Св. Климент Римский в славянской традиции: Некоторые итоги и перспективы исследования // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 4.
- Безуглов С.И., Науменко С.А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. 1999. №1.
- Бейлин Л.В., Пономарев А.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Т. II.
- Белова Л.Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА. 1941. Т. 7.
- Белова-Кудь Н.А. Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. 1953. № 34.
- Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. 1953. №34.
- Белов Г.Д. К вопросу изучения экономики Херсонеса эллинистического периода // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Белов Г.Д. Работы в Херсонесе в 1931 г. // СГАИМК. Л., 1932. Вып. 1–2.
- Белов Г.Д. Римские приставные склепы №1013 и 1014 // Х.Сб. 1927. Вып. 2.
- Белов Г.Д. Херсонес — Корсунь. Л., 1969.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. (Херсонес, Мангуп) / МИА. 1953. № 34.
- Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка №2 // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Белый А.В. Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 1.
- Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
- Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Девичья крепость. Симферополь, 1999.
- Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. М., 1984. Т. 14.
- Беляев С.А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI в. // ПС. 1987. Вып. 29 (92).
- Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследования пещерного комплекса Чилтера в 1973–1981 гг. // ВВ. 1986. №46.

- Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Якобсон А.А. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
- Бернацки А., Кленина Е. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). ХСб. Севастополь, 2006. Suppl. I.
- Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. Сакральная архитектура в праздниках и буднях византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. VIII Международ. Крым. конф. по религиоведению. Севастополь, 2006.
- Бернацки А.Б., Кленина Е. Херсонес Таврический. Путеводитель по городищу. Севастополь, 2012.
- Бертъе-Делагард А.А. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
- Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Бертъе-Делагард А.А. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь, 2011. Т. II (первое издание: ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57).
- Бернштейн С.Б. Константин Философ и Мефодий. М., 1984.
- Бибииков М.В. Городское пространство и экономическая организация Северопонтийских портов. X–XV вв. // Античный и средневековый город. Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. Севастополь; Екатеринбург, 1995.
- Бибииков М.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.
- Бибииков М.В. К проблеме историзма византийской агиографии // Византийские очерки. М., 1996.
- Бибииков М.В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Бибииков М.В. «Скифская общность» в византийской литературной традиции // Античные и средневековые общности. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2017.
- Бобринский А. Херсонес Тарический. Исторический очерк. СПб., 1905.
- Бобровский Т.А. Заметки о скальной архитектуре Юго-Западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Бобровский Т.А. Пещерные монастыри на территории Украины // Спелеология и спелеология; развитие и взаимодействие наук. Материалы научно-практической конференции. Набережные Челны, 2010.
- Богатырев П.И. Гносеологические и социальные корни бюрократизма в системе управления // Методологические основы управления социальными процессами в условиях совершенствования социализма. Калинин, 1988.
- Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблема истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Болгов Н.Н. Боспор византийский: очерки истории // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. VI.
- Болгов Н. К истории средневекового Боспора // Княжа доба. Львів, 2013. Вып. VII.

- Борисова В.В. Эллинистические архитектурные детали // СХМ. Севастополь, 1960. Вып. 1.
- Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.
- Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дисс...докт. ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. М., 1997.
- Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.
- Браун Ф.А. О крымских готах. СПб, 1890.
- Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? // GENNADIOC: К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- Брайчевский М.Ю. Утверждения христианства на Руси. Київ, 1988.
- Брентано Л. Народное хозяйство Византии. Л., 1924.
- Брун Ф.К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II.
- Брюсова В. Г. Русско-Византийские отношения середины XI века // ВИ. 1972. № 3.
- Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – нач. XIII вв.). Киев, 1997.
- Бубенок О.Б. К вопросу о распространении христианства среди хазар // Східний світ. Київ, 2011.
- Бубенок О.Б. Так когда же хазары приняли иудаизм? // ХА. М., 2016. Т. 14.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. 1990.
- Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008.
- Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Булгаков В.В. Византийские желобчатогорлые амфоры X–XI вв. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II
- Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Ч. 2. М., 1993. (репр. 1913 г.).
- Булгакова В.И. Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судак: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. II.
- Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III.
- Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. Київ, 1994. № 1–2.
- Бушаков В. Як укладалася доклада редакція так званого листа хозарського царя Йосипа // ХА. Киев; Харьков, 2005. Т. 4.
- Васильев А.А. Лекции по истории Византии. Пд. 1917. Т. 1.
- Васильев А.А. Проблема средневекового Крыма // Новый Восток. М., 1923.

- Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. // ИГАИМК. М.; Л., 1927. Вып. 5.
- Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998.
- Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.
- Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2 (первое издание: ЖМНП. 1877. Ч. 191. Отд. 2).
- Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. (первое издание: ЖМНП. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. II).
- Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Пд, 1915. Т. 3. (первое издание: Русско-Византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II).
- Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
- Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1.
- Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. Киев, 1960. Вып. 10.
- Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма // Археологические исследования средневековья юго-западного Крыма. Киев, 1968.
- Веймарн Е.В. Пам'ятники південно-західного Криму // Археологія УРСР. Киев, 1975. Т.3.
- Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов «длинные стены» // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Корабль на Каче. Симферополь, 1976.
- Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978.
- Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Suppl. М., 2003. Т. II.
- Вестберг Ф. О житии св. Стефана Сурожского // ВВ. СПб., 1907. Т. XIV. Вып. 2–3.
- Верещагин Е.М. Вновь найденное богослужбное последование обретению мощей Климента Римского — возможное поэтическое произведение Кирилла Философа // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 4.
- Верещагина Н.В. Святой Климент в киевской духовной традиции // Климентовский сборник. Севастополь, 2013.
- Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 2000.
- Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999.
- Виноградов А.Ю. К вопросу о средневековой эпиграфике Юго-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Содаи в истории Руси-Украины. Киев; Судак, 2002.
- Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39

- Виноградов А.Ю. Ранневизантийская эпиграфика // Античное наследие Кубани Т. II. М., 2010.
- Виноградов А.Ю. Иоанн Готский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23.
- Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
- Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 1.
- Виноградов А.Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1.
- Виноградов А.Ю. Конец Боспора и смена эр: проблема единства территории и эпиграфическое койне в IV–XIII вв. // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII.
- Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. М., 2005. №1.
- Виноградов А., Гугушвили Ш. Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.). Препринт WP19/2013/03/ Серия WP19. Исторические исследования. М., 2013.
- Виноградов А., Гугушвили Ш. Очерк истории абхазского католикосата. Часть 1. VIII–X вв. // Богословские труды. М., 2015. Вып. 46.
- Виноградов А.Ю., Захарова А.В. Василия II Минологий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 7.
- Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II.
- Виноградов А.Ю., Комар А.В. Две «хазарские» надписи из Юго-Западного Крыма // РА. 2005. №3
- Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись хагана и тудуна из горного Крыма. Republicatio et reconsideration // Хазары: миф и история. Иерусалим; М., 2010.
- Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. № 7. Симферополь, 2015.
- Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2015. Вып 3(49).
- Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // ДБ. М., 2015. Т. 19.
- Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.). // ХА. М., 2014. Т. 14.

- Винокуров Н.И., Пономарев А.Ю. Культовые комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2017. № 1 (55).
- Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. 1939. №1.
- Владимиров А.О. Інститути синедрів в Ольвії та проєдрів у Херсонесі Таврійському в римський період // Археологія. 2000. №3.
- Войтенко А.А. Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антония Египетского» свт. Афанасия Александрийского // ВВ. 2004. Т. 63 (88).
- Войтович Л. Проблема утворення тмутараканського князівства у світі русько-хазарських стосунків X ст. // ХА. Киев; Харьков, 2007.
- Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.
- «Воскрешение в христианстве // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D1%91%D1%80%D1%82%D0%B2%D1%8B%D1%85. (23 октября 2010 г.).
- Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III.
- Гадло А.В. Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива // КСИА. 1968. №113.
- Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник ЛГУ. 1968. Т. 14. Вып. 3.
- Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. №1.
- Гадло А.В. [Рец.] // ВВ. 1973. Т. 37. (Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. №168).
- Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII–IX вв.) // Этнография народов СССР. А., 1971.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980.
- Гадло А.В. Кавказ в IX–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984.
- Гадло А.В. Тмутароканские этюды III // Вестник Ленинградского государственного университета. 1990. Сер. 2. Вып. 2
- Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зикхской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

- Гайдуков Н.Е. Пещерная киновия Чилтер-Мармара в Крыму // РА. 2002. №3.
- Гайдуков Н.Е. Новое прочтение одной надписи «Храма Успения» пещерного города Эски-Кермен. Арсениты в Таврике? // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов Юго-Западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округа пещерного города Эски-Кермен) // Сугдея, Сурож, Содайя в истории Руси-Украины. Киев; Судак, 2002.
- Гайдуков Н.Е. Археология «без археологии» (к вопросу о датировке пещерного «храма с баптистерием» пещерного города Тепе-Кермен) // Христианское наследие Византии и Руси. Симферополь, 2003.
- Гайдуков Н.Е. К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Тез докл. Севастополь, 2003.
- Гайдуков Н.Е. Христианская топография окраины городища Эски-кермен в Юго-Западном Крыму // Спелеология и спелестология; развитие и взаимодействие наук. Материалы научно-практической конференции. Набережные Челны, 2010.
- Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н. Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена и его округа // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Гайдуков Е.Е. Желтов М.С. Престолы пещерных храмов юго-западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2006.
- Гарабурда М.И. Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса. С предисловием и примечаниями М. И. Скубетова // ИТУАК. 1909. № 43.
- Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб, 2011.
- Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.
- Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Герцен А.Г. Мангуп крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докл. международ. конф. Симферополь, 1994.
- Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 27). Симферополь, 1995.
- Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. Симферополь, 1997.
- Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докладов. СПб., 1998.
- Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000
- Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001.
- Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе. // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Герцен А.Г. Дорос — Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2002.

- Герцен А.Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Герцен А.Г. Хазары // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004.
- Герцен А.Г. Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангуп по археологическим данным // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. Керчь, 2006.
- Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международ. науч. конф. Харьков, 2001.
- Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало XI вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI.
- Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. Симферополь, 2004.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
- Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1.
- Герцен А.Г. Могаричев Ю.М. К вопросу церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // Империя и полис. Материалы научной конференции. VII. Севастополь, 2015.
- Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // Вопросы социального и политического развития. АДСВ. Свердловск, 1988.
- Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. 1964. Т. 24.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Гилевич А.М. Золотые монеты из Херсонеса // СА. 1959. №1.
- Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НС. 1974. Вып. 5.
- Гилевич А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // Х. Сб. 1959. Вып. 5.

- Гилевич А.М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг. // АДСВ. Свердловск, 1973. Сб. 9.
- Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1992. Т. 52.
- Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24.
- Глазунов В.В., Пелевина О.Л. Опыт датирования гончарной печи по магнитной аномалии ДТ // Методы естественных наук в археологии. М., 1989.
- Гойков В. О социальной сущности бюрократии // Вопросы экономики. 1989. № 12.
- Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.
- Голден П. Обращение хазар в иудаизм // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим; М., 2010.
- Голден П. Хазарский иудаизм в свете письменных источников // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим: М., 2010.
- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
- Голофаст Л.А. Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 1990. Вып. 25. Византия и сопредельный мир.
- Голофаст Л.А. Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала Х в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. Симферополь, 2011. Вып. XVII.
- Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т.1.
- Голубинский Е.Е. Херсонские священномученики, память которых 7-го марта // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1907. Т. XII. Кн. 1.
- Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. 1986. Т. 47.
- Гриневиц К.Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. // Крым. М.; Л., 1928. № 2 (8). Вып. 2.
- Гриневиц К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Х.Сб. Севастополь, 1931. Вып. 3.
- Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1 // Х.Сб. Севастополь, 1926. Вып. 1.
- Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // Х.Сб. Севастополь, 1927. Вып. 2.
- Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и Западная линия обороны // Х.Сб. Севастополь, 1959. Вып. 5.
- Гриневиц К.Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе (новая попытка его объяснения) // Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

- Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // НЭ. 1999. Т. 16.
- Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке. // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Тезисы докл. Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
- Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) / Пер. О.А. Власовой // Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.
- Дагрон Ж. Двухликий Крым // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. VII.
- Дагрон Ж. Тень сомнения: агиография под вопросом, VI–XI столетия // Мир Православия. Волгоград, 2015. Вып. 9.
- Даниленко В.Н. Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
- Диатропов П.Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. // Античная гражданская община. М., 1986.
- Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948.
- Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.
- Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987.
- Джанов А.В., Голенко В.К. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Судея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002. С. 76–78.
- Добротолонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1913 (1914). Т. 113.
- Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.
- Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972.
- Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Севастополь, 1960. Вып. 1.
- Домбровский О.И., Столбунов О.И., Баранов И.А. Аю-Даг — «святая» гора. Симферополь, 1975.
- Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного берега // Феодалная Таврика. Киев, 1974.
- Домжальский К., Журавлев Д. Фрагменты понтийской позднеимперской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2013. N 2.
- Дорофей. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2005.
- Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Ред.-сост. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Археологический альманах. Киев, 2015. № 23.
- Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. 1982. Т. 43.
- Екдики // Полный православный энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1.

- Еманов А.Г. Ретро и перспективы гибридных политий в Крыму и на Тамани XI–XII века // МАИАСК. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8.
- Ермолин О. Хора Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2006. Вип. X.
- Жданович О. Кочевники Степу і Візантійська імперія у IV–VI ст. (на основі свідчень візантійських авторів) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2014. Вип. 14.
- Живков Б. Хазария през IX и X век. София, 2010.
- Завадська І.А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками). Автореф. дис. канд. іст. наук. Киев, 2000.
- Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вип. X.
- Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вип. XI.
- Завадская И.А. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. Тез. докл. Севастополь, 2004.
- Завадская И.А. О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вип. XII. Ч 1.
- Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вип. XV.
- Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012.
- Завадская И.А. Партенитская базилика: архитектурно-археологический контекст и исторические интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. XIV Боспорские чтения. Керчь, 2013.
- Завадская И.А. Этапы христианизации «народа фульского» по материалам культового строительства на городище Тепсень // VI Международный Византийский семинар Херсонская фема: империя и полис. Тез. докл. Севастополь, 2014.
- Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2014. Вип. XIX.
- Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и Крым. АДСВ. Симферополь, 1995. Вип. 27.
- Зайцев Д.В. Инна, Пинна и Римма, мученики Готские // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
- Залеская В.Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т.н. «сирийских крестов» // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси 1965 г. Тбилиси, 1965.
- Залеская В.Н. Прикладное искусство Византии IV–XII вв. СПб., 1997.
- Заливалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

- Заморяхин А.В. Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. Екатеринбург, 2003. Т. II.
- Заморяхин А.В. Церковная история крымских готы в отечественной историографии // Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2005. Вип. 5.
- Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. 1979. Вип. 158.
- Захаров В.А. Тмутараканское княжество // От Тмуторокани до Тамани. Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152).
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Зеленко С.М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Зеленко С.М. Подводные археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003.
- Зеленко С.М. Торговельне судноплавство середовічної Таврики (VI–XII ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. Київ, 2004.
- Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997.
- Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вип. III.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. VII.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вип. IX.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Салтовская полумезьянка на городище Тиритака // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вип. XII. Ч. II.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь, 2009. Т. I.
- Зинько В.Н., Пономарев А.Ю. Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. Симферополь; Керчь, 2013. Вип. XXVIII.
- Зиньковская И.В. К вопросу об этнониме «скифы/готы» в позднеантичной нарративной традиции // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгорода, 2015. Вип. IV.
- Златарски В.Н. История на Българската държава през средните векове: В 3 т. София, 1972. Т. 1.
- Золотарев М.И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1977. Вип. 14.
- Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.

- Золотарев М.И. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Византия и ее провинции (АДСВ. Вып. 19). Свердловск, 1982.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х.Сб. Севастополь, 1997. Вып. 8.
- Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
- Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации Юго-Западного Крыма // Х.Сб. Севастополь, 1999.
- Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в н.э. Харьков, 2003.
- Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Т. 1-2 // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009.
- Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х.Сб. Севастополь, 1998. Вып. 9.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера. Киев, 2005.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы истории археологического изучения цитадели Херсонеса Таврического // БИ. Керчь, 2008. Вып. 19.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
- Иаков Зеведеев // Библейская энциклопедия. М., 1991.
- Иванов А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Иванов А.В. «Город мертвых» в «городе живых» (внутригородские некрополи как элемент исторической топографии византийского Херсона) // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Тез. докл. Севастополь, 2010.
- Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности. Харьков, 2012. Вып. 11.
- Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46.
- Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный colloquium. М., 2000.
- Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10.
- Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

- Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.
- Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников Византийской империи в VI–IX вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.
- Иванова О.В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия» // Славянские древности. Киев, 1980.
- Иванова С.В. Добыча соли в Северном Причерноморье и Крыму (по археологическим и историческим данным) // Археологія: можливі реконструкції (Археологія і давня історія України. Вип. 2). Київ, 2014.
- Иванова Т.А. Еще раз о «русских письменах» // Советское славяноведение. М., 1969. № 4.
- Ивановский В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Вопросы экономики. 1989. № 12.
- Иерусалимская А.А. Ткани собора св. Софии (в поэме Павла Силенциария) // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л., 1988.
- Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. СПб., 1904. Вып. 9.
- Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
- Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1882.
- История Византии: В 3 т. М., 1967. Т. 1–2.
- Ишин А.В. Крещение князя Бравлина. К вопросу об утверждении Христианства на Руси // Крымский Архив. Симферополь, 1999. № 5.
- Кабанец Е.П. Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X вв. // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 2.
- Кабанец Е.П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Судейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II.
- Кадеев В.И. Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі // Археологія. 1961. Т. XIII
- Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989.
- Каждан А.П. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Босфора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Каждан А.П. Город и деревня в Византии в XI–XII вв. // Actes du XII Congrès international d'études byzantines. Beograd, 1963. Т. 1.
- Каждан А.П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. М., 1966. № 6.
- Каждан А.П. Социальная и политическая борьба в Византии в середине IX – середине X в. // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Каждан А.П. Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

- Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.
- Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
- Калинина Т.М. Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Калинина Т.М. Арабский ученый X в. ал-Мас'уди о крымской эпопее Юстиниана II // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Международная конференция. [Тезисы докладов]. Алушка–Херсонес, 22–26 сентября 2006 года. Киев; М., 2006.
- Калинина Т.М. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар // Проблемы джерелознавства, историографії та історії Сходу. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора Вольфа Менделевича Бейліса (1923–2001). 15–16 травня 2013 року, м. Луганськ. Луганськ, 2013.
- Калинина Т.И. Ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир о присутствии Юстиниана II у хазар и болгар // Электронный научно-образовательный журнал «История». Элиты и элитарные практики в процессах становления и развития средневековых государств Европы. М., 2015. Выпуск 11 (34) [Электронный ресурс] <http://history.jes.su/s207987840000959-3-1> (дата обращения: 14.02.2015).
- Калинина Т.М. Сведения ал-Масуди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
- Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
- Калинина Т.М. Письмо хазарского хакана Юстиниану II // ХА. М., 2016. Т. 14.
- Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014.
- Карлос дель Валье Родригес. Обращение Хазарии в иудаизм и литературный мотив выбора веры // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб., 2001.
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 2004.
- Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1.
- Карташов А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Кеппен П.И. О древностях южного берега Крыма // Крымский сборник Южного Берега. СПб., 1837.
- Кизилов М.Б. Топоним «Хазария» в источниках позднесредневекового и раннего нового времени // Хазары: Миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Кизилов М.Б. Крымская Иудея. Симферополь, 2011.
- Кирилло В.П. Средневековые сооружения средневековой Алушты // Время войны. Победители и побежденные. Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 6.
- Кленина Е.Ю. Ранневизантийские амфориски из Нов (MoesiaSecunda). К вопросу о торговых связях // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
- Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. Коломна, 2000.

- Князький И.О. Русско-византийская война 941–944 гг. и Хазария // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Колесников К.М. Римська військова присутність, гарнізон Херсонеса та особливості міжнародно-правового статусу міста в IV–V ст. // Древности 2012. Харьков, 2012.
- Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. №2. Киев, 1999.
- Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри с середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України. Киев, 2011. Вип. 7.
- Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија. Београд, 2014.
- Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1.
- Коновалова И.Г. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй Международный colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Коновалова И.Г. Пути купцов-русов: торговля и политика // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2012. Т.3. Выпуск 5(13) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000425-6-1> (дата обращения: 07.01.2016).
- Кострин К.В. Исследование смолистого вещества из «черносмолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. 1967. №1.
- Костромичева Т.И. Неизданные золотые монеты из Херсонеса // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
- Котляр Н.Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2003.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки Херсониса в 1896 г. // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1897. Т. 5.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. 1901. Вып. 1.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып. 4.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. 1907. Вып. 25.
- Косцюшко-Валюжинич Д.Н. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. 1911. № 45.
- Крим: дорога тисячоліть / Упорядн. В.А. Сидоренко. Симферополь, 2001.
- Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. №68.
- Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фула) // СА. 1958 Т. 28.
- Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-14. М., 1961.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е 4-4. М., 1962.

- Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Кропоткин В.В. Могиальник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100.
- Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. в дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2.
- Кругликова И.Т. Квартал ремесленников в Горгииппии // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 182.
- Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.
- Крымський А.Ю. Про обставини іудаїзації хозарів (фрагмент із другої частини монографії “Історія хазарів з найдавніших часів до X віку”) / До друку підготували О.Б. Бубенок, О.О. Хамрай, В.В. Черноіваненко // Східний світ. 2011. № 3.
- Кудь-Белова Л.Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса // Х.Сб. Севастополь, 1931. Вып. 3.
- Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы 2000 г. М., 2003.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. М.; Магнитогорск. 2010 N 1 (27)
- Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. // ЖМНП. 1898. №2.
- Кулаковский Ю.А. Где находились Фуллы? // ЖМНП. 1898. № 2.
- Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. 21.
- Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1912. Т. 2.
- Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т.3.
- Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
- Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. (более ранние издания: Киев, 1906; Киев, 1914).
- Кулешов Вяч. С. Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // Белградский сборник. Труды Государственного Эрмитажа LXXX. СПб., 2016.
- Куник А.А. О записке готского топарха // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1874. Т. 24. Кн 1.
- Куницький В.А. Близькосхідні енкалпії на території Південної Русі // Археологія. 1990. №1.
- Курбатов Г.А. Восстание Прокопия (365–366) // ВВ. 1958. Вып. 14.
- Курбатов Г.А. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М., 1961.
- Курбатов Г.А. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. А., 1971.
- Курбатов Г.А. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
- Курбатов Г.А. Ранневизантийские портреты. А., 1991.

- Курбатов Г.А. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55.
- Курбатов Г.А., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. А., 1982.
- Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. №1.
- Кутайсов В.А. Соляной промысел в Северо-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Кутайсов В.А., Труфанов А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I.
- Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // Х.Сб. 2003. Вып. 12.
- Кутайсов С.В. Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологическая карта) // Калос-Лимен — Ак-Мечеть — Черноморское: Материалы I международной научно-практической конференции. Черноморское, 2008.
- Кучина И.А. О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998.
- Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3
- Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.
- Ларенок П.А. Северо-Восточное Приазовье и дельта р. Дон в VIII вв. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Латышев В.В. Об острове св.Эферия // ЖМНП. 1899. Май. (Переиздано: Понтика. СПб., 1909).
- Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам. К Житиям св. епископов Херсонских. СПб., 1909.
- Латышев В.В. К церковной археологии Херсонеса // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1.
- Латышева А.В. К реконструкции обряда крещения в раннесредневековом Херсоне // Проблемы теологии. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. Ч. 1.
- Лебедев А.П. Духовенство древней вселенской церкви от времен апостольских до X века. СПб., 1997.
- Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X, XI вв. СПб., 1999.
- Лебедев Л. (протоерей). Крещение Руси. М., 2003.
- Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. Изд. 2-е. СПб., 2001.
- Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.

- Лебедева Г.Е. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества // ВВ. 1992. Т. 53.
- Лебедева Г.Е. К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993.
- Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лейтон А.К. Технические характеристики транспортных средств раннего средневековья. М., 1970.
- Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х.Сб. Севастополь, 1927. Вып. 2.
- Липшиц Е.Э. О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. М., 1948. №26.
- Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.
- Литаврин Г.Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.
- Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. СПб., 1999.
- Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000.
- Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г. Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса-Херсона // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V.
- Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. 1924. Т. 3.
- Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.
- Ломизе Е.М., Ченцова В.Г. XIII Всесоюзная сессия византинистов (Ростов, 22–25 ноября 1990 г.) // ВВ. 1992. Т. 53.
- Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (начало) // ВВ. СПб., 1911. Т. XVII. Вып. 1–4 (1910).
- Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение) // ВВ. СПб., 1913. Т. XVIII. Вып. 1–4 (1911).
- Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Па, 1914.
- Лопухин А.П. Иаков Заведеев // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003–2007 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 28. Донецк, 2012.
- Любавина Н.А. Купля-продажа в римской правовой традиции и современном частном праве // Forum Romanum. Доклады III международ. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль–Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003.
- Мавродин В.В. Образование русского национального государства. М., 1941.

- Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.
- Майко В.В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VIII ст.: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. Київ, 1998.
- Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині Х ст. // Археологія. №2. 1999.
- Майко В.В. К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // Пантикапей — Боспор — Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 2000.
- Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария. // Stratum № 5. СПб.; Кишинев; Одесса, 2000.
- Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Боспора второй половины X – начала XI в. // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001.
- Майко В.В. Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Майко В.В. О локализации Фул и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В.В. Проблема салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2005. Т. 4.
- Майко В.В. Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII–XV вв. // Сугдейский сборник. 2006. Вып. 2.
- Майко В.В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1.
- Майко В.В. Городской некрополь Судак-II на посаде средневековой Сугдеи // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2.
- Майко В.В. Городище на плато Тепсень в свете изучения основных проблем истории Юго-восточного Крыма VIII – первой половины X вв. // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10(158).
- Майко В.В. Сугдея второй половины X–XI в. между Византией и Тмутараканью // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
- Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. Т. IX. Киев, 2010.
- Майко В.В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Харків: Софія 2012. Том V.
- Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». Харьков, 2012.
- Майко В.В. Кембриджский Аноним: 100 лет изучения источника // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11.
- Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014.
- Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XI в. // Крым: проблемы истории. М., 2016.
- Майко В.В. Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015.

- Майко В.В., Кутайсов В.А., Ланцов С.Б., Шапцев М.С. Северо-Западный Крым в эпоху средневековья // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Симферополь, 2012.
- Макарий. История христианства в России до Владимира. СПб., 1846.
- Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Макарова Т.И. Боспор (VIII–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71.
- Маркевич А. Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. 1889. №8.
- Марков Е.А. Очерки Крыма. 2-е изд. М., 1884.
- Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. 1928. Вып. 2(59).
- Марченко Л.В. Херсонес Таврический во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. (сельское хозяйство, ремесло, торговля). Севастополь, 1996.
- Марченко Л.В. Экологическая среда на территории Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1996.
- Масленников А.А., Чевелев О.Д. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Меликсетбек Л.М. Армянские источники о Херсонесе // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сб. материалов Второй украинско-армянской науч. сессии. Киев, 1965.
- Мешков П.Я. Бюрократизм и бюрократия в системе социально-политических отношений // Социально-политические науки. М., 1992. № 1.
- Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. А., 1978.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963.
- Михайлов П.Б. Аркадий и Нестор // Православная энциклопедия. М., 2008. Т.3.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В.К., Тортика А.А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. Київ, 2000. № 3. Юдаїка.
- Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары. Серия «Евреи и славяне», Том 16. Иерусалим; М., 2005.
- Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М. Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000. Ч. 1.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2001. Вып. X.

- Могаричев Ю.М. К вопросу о византийско-хазарских отношениях в Крыму в середине IX в. // Хазары. Второй Международный. colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. № 4.
- Могаричев Ю.М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. М.: Магнитогорск, 2003. Вып. XIII.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Х.Сб. Севастополь, 2003. Вып. 12.
- Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х.Сб. Севастополь, 2004. Вып. 13.
- Могаричев Ю.М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа // Археология. Киев, 2004. №3.
- Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории восточного Крыма VIII–IX вв. // Х.Сб. Севастополь, 2005. Вып. 2.
- Могаричев Ю.М. «Церква з баптистерієм» городища Тепе-кермен : проблеми датування та інтерпретації // Археологія. 2005. №3.
- Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
- Могаричев Ю.М. Крымская Алания и Чуфут-кале // Х.Сб. Севастополь, 2005. Вып. XIV.
- Могаричев Ю.М. Крым в «византийский период» (VI – начало XIII вв.) // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158).
- Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?) // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6.
- Могаричев Ю.М. Византийский Крым (Крым в VI–XII вв.). Симферополь, 2008.
- Могаричев Ю.М. Евреи в византийском Крыму по данным письменных источников // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008.
- Могаричев Ю.М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. Казань, 2010. №4.
- Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о таврических святых в древнерусской агиографической традиции // Ruthenica. Киев, 2012. Вып. XI.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о «Крымской Хазарии» в X–XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. X–XIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М, 2012.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Могаричев Ю.М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII веках // Княжа доба. Львів, 2013. Вып. VII.
- Могаричев Ю.М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии // Преслав Сборник. Велико Търново, 2013. Т. 7.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков, 2013. Т.2

- Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. Симферополь, 2014.
- Могаричев Ю.М. Война Иоанна Готского // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г. Волгоград, 2014.
- Могаричев Ю.М., Майко В.В. Фулы и Крымская Хазария: еще раз о локализации Фульской епархии // *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева*. Харьков, 2015.
- Могаричев Ю.М., Майко В.В. Тепсенская базилика и проблема локализации Фул // *ХА. М.*, 2015. Т. 13.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // *ХА. Киев; Харьков*, 2012. Т. 10.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. *Byzantine Ukrainensis*. Харьков, 2012. Т. 1.
- Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об эволюции административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI–VIII вв. // *ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие*. Вып. IV. Белгород, 2015;
- Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI–VIII вв. // *Добруджа. Добрич; Силистра*, 2015. Вып. 30.
- Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника // *ХА. Киев; Харьков*, 2005. Т. 4.
- Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского» // *Sacrum et profanum*. Севастополь, 2005. Т. 1.
- Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника // *ПИФК. М.; Магнитогорск*, 2006. Вып. XVI/2.
- Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского из Минология Василия II // *ХА. Киев; Харьков*, 2014. Т. 12.
- Могаричев Ю.М., Шапошников А.К. К вопросу о Житии Иоанна Готского из Минология Василия II // *Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры*. VIII Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Феодосия, 2014.
- Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.А. Материалы и техника византийской рукописной книги. М., 2003.
- Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // *Проблемы археологии и древней истории угров*. М., 1972.
- Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // *Сугдейский сборник*. Киев; Судак, 2004.

- Мошин В. Готская епархия в Хазарии в VIII в. // *Труды IV съезда русских академических организаций за границей*. Белград, 1929.
- Мудрак О.А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // *ХА. М.*, 2016. Т. 14.
- Мурзкевич Н. Херсонская монета императора Ираклия I // *ЗООИД*. 1879. Т. 11.
- Мусин А. Археология Корсунской легенды // *Православные древности Таврики*. Киев, 2002.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.
- Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустан // *ВВ*. 1997. № 57(82).
- Мыц В.Л. О локализации Фул и Фульской епархии // *Церковная археология Южной Руси*. Симферополь, 2002.
- Мыц В.Л., Бочаров С.Г., Зайцев Ю.П. Городище Вишенное в Центральном Крыму и вопрос о локализации города Фулы // *Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей*. Казань, 2009.
- Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
- Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. М., 2012.
- Назаренко А.В. «Слово об обновлении десятинной церкви» или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013.
- Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // *Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докл.* Харьков, 1995.
- Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // *Древности*. 1996. Харьков, 1997.
- Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа // *БИАС*. Симферополь, 1997.
- Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // *МАИЭТ*. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae episcopatum* // *Крымский архив*. Симферополь, 1999. № 5.
- Науменко В.Е. Боспор в системе византийско-хазарских отношений // *Боспор Киммерийский*. На перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000.
- Науменко В.Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // *ПИФК. М.; Магнитогорск*, 2002. Вып. 12.
- Науменко В.Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // *Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений*. Екатеринбург, 2003.
- Науменко В.Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // *МАИЭТ*. Симферополь, 2003. Вып. 10.
- Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // *АДСВ*. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // *ХА. Киев; Харьков*, 2004. Т. 3.

Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь, 2004 (рукопись).

Науменко В.Е. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Киев, 2004.

Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // ХА. Киев; Харьков; М., 2004. Т. 2.

Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.

Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Нике и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // Sacrum et profanum. Севастополь, 2005. Вып. I.

Науменко В.Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX века // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.

Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения VII. Керчь, 2006.

Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVI.

Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. Екатеринбург, 2010. Вып. 40.

Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв. Политико-административный аспект // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2011.

Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // Империя и полис. Севастополь, 2013.

Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // ХА. К.; Харьков, 2014. Т. 12.

Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XI вв. // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII.

Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в. Археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // Письменность как элемент государственной инфраструктуры. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2016. Вып. XXVIII.

Науменко В.Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Древнейшие государства Восточной Европы 2014 год. М., 2016.

Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестник Волгоградского Государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 5.

Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV.

Никифоров М.А. К вопросу о политическом статусе Судей первой половины IX – первой половины XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI.

Никифоров М.А. Таврические Климаты византийских источников // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2011. Вып. XVII.

Никифоров М.А. Византийські володіння у гірському Криму у першій половині IX на початку XIII ст. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2013.

Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156.

Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «готской земли» в раннесредневековом Крыму // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Тез. докл. Севастополь, 2002.

Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «готской земли» в раннесредневековом Крыму // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VII–X вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.

Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В.В. Швец. Вып. 1 / Наптекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2014. Т. 3.

Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // Византия и средневековый мир. АДСВ. Симферополь, 1990.

Орешников А.В. Херсон-византийские монеты (дополнение) // Нумизматический сборник. 1911. Т. 1.

Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.

Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. СПб., 1897.

Павленков В.И. Аблямитское городище на озере Донузлав в Крыму // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС. М., 1987.

Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. Симферополь, 2000. Т. 2.

Панов В. Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина // Actes du XV Congres international d'etudes byzantines. Athenes, 1980. Т. 4.

Панченко Б.А. Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. 1903. Т. 8. Вып. 3.

Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. 1918. Вып. 6.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодалная Таврика. Киев, 1974.

Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991.

- Паршина Е.А. Клейменная византийская амфора X-го века из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
- Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пелин А., протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дисс. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись).
- Петровский А.В. Кладбище // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
- Петровский В.А. Православные памятники Тепе-кермена // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996.
- Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; Главы V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. 1898. Т. 21.
- Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995.
- Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы 1998. М. 2000.
- Петрухин В.Я. Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Тез. докл. М., 2002.
- Петрухин В.Я. Еврейско-хазарская переписка X в. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. М., 2009.
- Петрухин В.Я. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011.
- Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Петрухин В., Флеров В. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Т. 1. Иерусалим: М., 2010.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА. 1958. № 62.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
- Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд., доп. М., 1986.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

- Плетнева С.А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Армавир, 2000. Вып. 6.
- Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. №2.
- Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // ХА. Харьков, 2002. Т. 1.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003.
- Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.
- Погодин Д.Ч. О походе русских на Сурож // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1.
- Погодин П.Д., Вульф О.Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. 1897. Т. 2.
- Погорелая В.В. Остров Св. Эферия // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.
- Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Сборник в честь 70-летия проф. В.И. Кадеева. Харьков, 1997.
- Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016.
- Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.
- Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. III.
- Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. К.; Судак, 2004. Ч. II.
- Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Симферополь; Керчь. 2004. Вып. V.
- Пономарев Л.Ю. Салтовская полужемлянка на городище Тиритака // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII.
- Пономарев Л.Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.) // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX.
- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М., 2008.
- Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь; Керчь. 2009. Вып. XXI.
- Пономарев Л.Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X в. в южной части Керченского полуострова // БИ. Симферополь; Керчь, 2011. Вып. XXV.
- Пономарев Л.Ю. О разведках и раскопках А.В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // Древне-

сти Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2011.

Пономарев А.Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т. 9.

Пономарев А.Ю. О разведках и раскопках Д.А. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. Симферополь; Керчь, 2012. Вып. XXVI.

Пономарев А.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновский збірник. Харків; Софія, 2012. Т. 5.

Пономарев А.Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V.

Пономарев А.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Рerіаіос: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013.

Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники) // Таврійські студії. Історичні науки. Симферополь, 2013. № 1 (4).

Пономарев А.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11.

Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкие горшки раннесредневековых поселений Керченского полуострова // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк, 2014.

Пономарев А.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I.

Пономарев А.Ю. Однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // ХА. М., 2015. Т. 13.

Пономарев А.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Т. III.

Попович М. Светинья б нови подаци о ранновизантијском Виминацијуму // Старианар. 1988. Кн. XXXVIII/1987.

Поснов М. Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991.

Православный календарь // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life1336.htm>.

Приселков М.Д. Русско-византийские отношения IX–XII вв. // ВДИ. 1939. № 3.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998.

Производство археологических раскопок. Тарическая губерния. Раскопки Херсонеса // ОАК за 1913–1915 годы. Пд., 1918.

Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892.

Прохненко И.А. Пути передвижения венгров на территорию новой отчины // Древнее Причерноморье. Одесса, 2006.

Пуцко В.Г. Два фрагмента крестов-энколпионов из Крыма // АДСВ: Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.

Пятышева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.

Пятышева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946–1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985.

Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.

Раскопки в Таврической губернии. В Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.

Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1894 год. СПб., 1896.

Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.

Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. СПб., 1902.

Рашковский Б. Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. Т. II.

Рашковский Б.Е. Некоторые историографические аспекты вопроса о подлинности послания хазарского правителя Иосифа // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. Вып. XXVIII.

Рашковский Б.Е. Вновь о лексике еврейско-хазарских документов. Маргиналии на полях статьи О.А. Мудрака «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов» // ХА. М., 2016. Т. 14.

Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32.

Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х. Сб. Севастополь, 1927. Вып. 2.

Репников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Т. XII.

Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. №1.

Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. Свердловск, 1972. №8.

Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1973. № 9.

Романчук А.И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1973. №. 10.

Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1975. № 11.

Романчук А.И. Херсонес в VI – первой половины IX в. Свердловск, 1976.

Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.

Романчук А.И. Торговая Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-bulgarica. 1981. Т. 7.

- Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античный и средневековый город. АДСВ. Вып. 18. Свердловск, 1981.
- Романчук А.И. Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докладов Душетской конференции. Тбилиси, 1984.
- Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
- Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50.
- Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51.
- Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992.
- Романчук А.И. Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // ВВ. 1992. Т. 53.
- Романчук А.И. Херсон ранневизантийского времени // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международ. конф. Симферополь, 1994.
- Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город. Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 августа – 4 сентября 1994 г. Екатеринбург; Севастополь 1994.
- Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Х.Сб. Севастополь, 1996. Вып. 7.
- Романчук А.И. К вопросу о «строительном буме» в Херсонесе во второй половине VI – первой половине VII в. // Проф. д. и. н. Тотю Тотев и столицата Великий Преслав. София, 2006.
- Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
- Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007. Ч. 2.
- Романчук А.И. Хазары – Таврика – Херсонес (Херсон): Историографический аспект // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12.
- Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Романчук А.И., Филиппов В.А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части городища Херсонеса Таврического в 2005 г. Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005.
- Романчук А.И., Филиппов В.А. Топография торжественных религиозных процессов в византийском Херсоне (возможности аэроразведки для выявления памятников западного района городища) // Религиозное мировоззрение в древнем

- и современном обществах: праздники и будни. VIII Международ. Крым. конф. по религиовед. Севастополь, 2006.
- Роменский А.А. В поисках Хазарии Иоанна Скилицы: к дискуссии о походе Варды Монга и Сфенга в 1016 г. // ХА. М., 2016. Т. 14.
- Роменский А.А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Наптекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 5. Харьков, 2017.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. Т. 1.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
- Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. Античная и средневековая идеология. АДСВ. Свердловск, 1984.
- Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. Вып. 4.
- Рыбаков В. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность // Богословские труды. М., 1985. Т. 26. Ч. 1; М., 1986 Т. 27. Ч. 2. Отдельная книга: М., 2002.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «б» Северного района Херсонеса // Х.Сб. Севастополь, 1999. Вып. X.
- Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
- Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.
- Сазанов А.В. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса // КСИА. 1992. Вып. 208.
- Сазанов А.В. Світоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст. н.е.) // Археологія. 1992. № 1.
- Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. СПб., 1992. Вып. 2.
- Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Сазанов А.В. Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Международ. конф. Тезисы докладов. Симферополь, 1994.
- Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV.
- Сазанов А.В. Амфоры «carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология. // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
- Сазанов А.В. Хронология средневековых слоев Керчи // ПИФК М.; Магнитогорск, 1998. Вып. V.
- Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. 7.
- Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

- Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Вып. 3.
- Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира. М., 2012.
- Сазанов А.В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «жития свв. епископов Херсонских». Хронология и интерпретация // Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов, Т.Э. Саргсян, С.Б. Сорочан, А.К. Шапошников. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Симферополь, 2012.
- Сазанов А.В. Херсон и Крещение Владимира. Херсон в X–XI вв. Saarbrücken, 2013.
- Сазанов А.В. Когда же Владимир взял Корсунь? Споры о датах // Средневековый Херсон X–XI вв. Русский исторический сборник. М., 2014.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев Боспора // СА. 1989. № 1.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия, Крым. – Балканы : диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в. // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 16/1.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Древности юга России. М., 2008.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2008. Вып. 21.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. Донецк, 2012. № 28.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое-Восточное в бухте (Восточный Крым). Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени. ПИФК. М.; Магнитогорск, Вып. III. 1996.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс: (Восточный Крым) // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
- Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.
- Сазанов А.В., Романчук А.И., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Сазанов А.В., Ченцова В.Г. [Рец.] // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во МГУ, 1991. 256 с.).

- Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
- Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь, 2010.
- Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
- Святые угодники земли Крымской // Официальный сайт Симферопольской и Крымской епархии МП. <http://www.crimea.orthodoxy.su/Saints/index.html> (5 мая 2011г.).
- Седикова Л.В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.
- Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX веке // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Междунаро. конф. Тезисы докладов. Симферополь, 1994.
- Седикова Л.В. Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
- Седикова Л.В. Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. // Византия и Крым. Междунаро. конф. Симферополь, 1997.
- Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1997. Вып. VI.
- Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.06). М., 1997.
- Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.06). М., 1998.
- Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Крепость в Судак. Симферополь, 1983.
- Семенов А.И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докл. М., 1996.
- Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походе Хельгу, «царя Руси» // Хазары. Евреи и славяне. М.; Иерусалим, 2005. Т. 16.
- Семенов И.Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // ХА. Киев; Харьков, 2009. Вып. 8.
- Семенов С.А. Византийские монеты Келагейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1991. Вып. 31.
- Серов В.В. Понятие курий в системе ранней Византии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2000.
- Серов В.В. «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995.
- Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000.
- Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.
- Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. Симферополь, 1995. Т. IV.

- Сидоренко В.А. Средневековая надпись с именем Tzal из баклинского склепа // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Сидоренко В.А. Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Тезисы докладов. СПб., 1998.
- Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.
- Сидоркин А.И. Лишение и ограничение свободы как наказания в византийском праве // *Foetus Romanum*. Доклады III международ. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003.
- Сиротенко В.Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1964. № 117.
- Скубатов М.И. Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсонско-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. Симферополь, 1910. № 44.
- Скржинская Е.Ч. Рец. на: Якобсон А.А. Средневековый Херсонес. ВВ. 1953. № 6. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Яколо Корнаро, 1362 г) // Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2001.
- Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006.
- Слудский А.Ф. Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым. М.; Л., 1928. № 1 (5). Вып. 1.
- Слядзь А.Н. Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.). СПб., 2014.
- Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.
- Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV.
- Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 — археология. Симферополь, 2014.
- Смокотина А.В. Амфоры LR 1 На Боспоре // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX.
- Смычков К.Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48.
- Смычков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. Харьков, 1999.
- Снитко И.А. Методика реконструкции античного города (на примере Херсонеса Таврического): Автореф. дисс.... канд. архитектуры / Харьковский гос. технич. ун-т строительства и архитектуры. Харьков, 2005.
- Соколовский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
- Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX–XV в. // ВВ. 1917. Т. 22. Вып. 3–4.
- Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // ПС. Л., 1971. № 23(86).
- Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. 12. Нумизматика. №4.

- Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Сб. 10.
- Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. Белград, 1978. Кн. 17.
- Соколова И.В. Чин стратигов византийских фем в VIII – первой половине X вв. по данным сфрагистики // Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев. София, 1980.
- Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52.
- Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23.
- Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1996.
- Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. Т. 1.
- Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997.
- Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Сорочан С.Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-ремесленного населения Византии в эпоху иконоборчества // Вестник Харьковского ун-та. 1992. № 363. История. Вып. 26.
- Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994.
- Сорочан С.Б. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995.
- Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Сорочан С.Б. К сведениям Ибн Хордадбеа о городах ар-Рума // На честь заслуженого діяча науки України А.П. Ковалівського. Тези міжнарод. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження. Харків, 1995.
- Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Сорочан С.Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Международ. археолог. конф. Самара, 1997.
- Сорочан С.Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докл. Севастополь, 1997.
- Сорочан С.Б. К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. Историко-археологический ежегодник. Харьков, 1997.
- Сорочан С.Б. Торгівля у Візантії IV–IX віків. Структура і організація механізмів обміну: Автореф. Дис. ... докт. іст. наук / Харківський державний університет. Харків, 1998.

- Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. (2-е изд. Харьков, 2001).
- Сорочан С.Б. Ранняя Византия: світло для живих і мертвих. Антологія освітальних приладів у джерелах з історії Візантії // Схід — Захід. Харків, 1999.
- Сорочан С.Б. О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2000. Вып. 2.
- Сорочан С.Б. Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2000. № 485. Історія. Вип. 32.
- Сорочан С. О строительной деятельности в раннесредневековом Херсонесе / Херсоне как критерии развития византийского провинциального города // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. // Матеріали наукової конф. Чернівці, 2000.
- Сорочан С.Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // Боспор Киммерийский и Понт. Керчь, 2001.
- Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
- Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. Симферополь, 2003. Вып. III
- Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Сорочан С.Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике // ХА. Киев; Харьков: М., 2004.
- Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2004. № 14.
- Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики // ХА. Киев; Харьков, 2004. Т. 3.
- Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. 5.
- Сорочан С.Б. Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы междунаро. науч.-практ. конф. Белгород, 2004. Ч. 1.
- Сорочан С.Б. Судья в «темные века» // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* как культуромаркирующем признаке // Български годишник. Болгарский щорічник. Болгарский ежегодник. Київ, 2004. Вип. 5.
- Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // ХСб. Севастополь, 2004. Вып. 13.
- Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1,2.

- Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарского каганата: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. Харьков, 2005. Т. 4.
- Сорочан С.Б. Бани византийского Херсона (VI–X вв.) // Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005.
- Сорочан С.Б. О храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // *Sacrum et Profanum*. Вып. 1: Культ святых мест в древних и современных религиях. Сб. науч. трудов. Севастополь, 2005.
- Сорочан С.Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // БИ. Керчь, 2005. Вып. 10.
- Сорочан С.Б. Общественные афедроны византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2005. № 701. Історія. Вип. 37.
- Сорочан С.Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля). Материалы конференции. М., 2006.
- Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарии: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. Киев; Харьков, 2006. Вып. 4.
- Сорочан С.Б. Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 159.
- Сорочан С.Б. О политическом статусе Таврики во второй половине VI – первой половине VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007.
- Сорочан С.Б. О монастырском комплексе на Девичьей горке около Херсонеса // Небесные патроны и земные служители культа. IX Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2007.
- Сорочан С.Б. К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне // *Laurea*. К 80-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2007.
- Сорочан С.Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6.
- Сорочан С.Б. О датировке времени борьбы Юстиниана II Ринотмета с византийским Херсоном // Древности Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 8.
- Сорочан С.Б. О византийских преториях в «цитадели» Херсона // IX Боспорские чтения. «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria*». Керчь, 2008.
- Сорочан С.Б. Об исследованиях византийского претория IX в. в «цитадели» Херсона // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. 2008. №816. Історія. Вип. 40.
- Сорочан С.Б. О положении и статусе Судей в VI–IX вв. // Древности 2006 — 2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008.
- Сорочан С.Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2008.

Сорочан С.Б. Больница или преторий? О монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // Медицина в художніх образах: Статті. Донецьк, 2009. Вип. 7.

Сорочан С.Б. К вопросу о византийском термине «пакта» применительно к истории фемного Херсона // ХА. Киев; Харьков, 2009. Т. 8.

Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. 2009. №68 (93).

Сорочан С.Б. Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // БИ. Симферополь; Керчь, 2010. Вып. 24.

Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 2010.

Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011.

Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10.

Сорочан С.Б. Об эволюции фортификации византийского Херсона в IX вв. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 31–57.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // ХА. Киев; Харьков, 2012. Т. 10.

Сорочан С.Б. О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. 5.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11.

Сорочан С.Б. Об эволюции торгово-экономической политики Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Преслав. Велико Търново, 2013. Сб. 7.

Сорочан С.Б. Еп прагмати. О профессиональной организации транспортировки грузов как виде услуг византийского рынка IV–IX вв. // Romaioi: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков, 2013. Т. 2.

Сорочан С.Б. О численности сакральных сооружений и клира в византийском Херсоне VI–X вв.: предварительные итоги // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2013. Історія. Вип. 47.

Сорочан С.Б. О торгово-экономических связях византийского Херсона с федератами Таврики в VI–VII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. X–XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013. Ч. 1–3.

Сорочан С.Б. Еще раз о духах ранневизантийского Херсона и Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на евроазиатском перекрестке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22. 11. 2013). СПб., 2013.

Сорочан С.Б. Размышления над критикой (К статье А.И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // ХА. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

Сорочан С.Б. Еще раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII // ВВ. М., 2014. Т. 73 (98).

Сорочан С.Б. Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. №6. Время войны. Победители и побежденные.

Сорочан С.Б. «Народ фульский»: язычники или христиане? // Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. Вып. XXVI.

Сорочан С.Б. К проблеме локализации Фул и «народа Фульского» // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2015. Вып. XXVII.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес — Херсон — Корсунь. Киев, 2003.

Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А. ., Иванов А.В. Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004.

Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1.

Сорочан С.Б., Смычков К.Д. О статусе и времени бытования киров византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2006. № 728. Історія. Вип. 38.

Сорочан С.Б., Роменский А.А. Рец: Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (Eds). 2015. Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv: Sheremetiev's Museum // МАИАСК. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8.

Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26.

Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008.

Степаненко В.П. Архонт Хазарии – Стратиг Херсона? // Х.Сб. Севастополь, 2011. Вып. XVI.

Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // Империя и Полис. Тез. докл. Севастополь, 2014.

Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX.

Степаненко В.П. Фема Сугдея в XI в. // Империя и полис. Материалы научной конференции. VII. Севастополь, 2015.

Степаненко В.П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12.

Степаненко В.П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X–XI вв. (по поводу книги А.Н. Сладь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)») // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX.

Степанова Е.В. О конференции памяти А. В. Банк // ВВ. 1988. Т. 49.

Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

- Степанова Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.
- Степанова Е.В. К вопросу о судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995.
- Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29.
- Степанова Е.В. Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- Степанова Е.В. Связи Херсона и Сутгеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001.
- Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сутгея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Степанова Е.В. Печати монетариев Сицилии IX в. // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сутгейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II.
- Степанова Е.В. Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // Балканский сборник. Труды Гос. Эрмитажа. LXII. 2011.
- Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
- Степанова Е.В., Шандровская В.С. Еще раз о Судакском архиве печатей // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
- Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
- Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. Севастополь, 1959. Вып. 5.
- Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (Башня Зенона) // СХМ. Севастополь, 1969. Вып. 4.
- Сырцова Е. Текстология древнейших свидетельств о росах: Фотий и οὐ τοῦν Константинопольского Типикона IX в. Byzantinoslavica. Prague, 2013. Т. LXXI. № 1–2.
- Суров Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3.
- Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
- Сюзюмов М.Я. О социальной сущности законодательства «Василик» // ВВ. 1953. Т. 6.
- Сюзюмов М.Я. Борьба за развитие феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. М., 1961.

- Сюзюмов М.Я. Христианская церковь в IV–VI вв. // История Византии. М., 1967. Т. I.
- Сюзюмов М.Я. Первый период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Сюзюмов М.Я. Второй период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Сюзюмов М.Я. Социально-политическая борьба и внешнее положение империи в конце VII – начале VIII в. // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27.
- Сюзюмов М.Я. Византийский город: середина VII – середина IX в. // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
- Талис Д.А. К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1960.
- Талис Д.А. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. XIX.
- Талис Д.А. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18.
- Талис Д.А. Росы в Крыму // СА. 1974. №3.
- Талис Д.А. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Талис Д.А. Городище Тепе-кермен // КСИА. 1976. Вып. 148.
- Талис Д.А. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. №4.
- Талис Д.А. Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // АДСВ: Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
- Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.Б. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. Київ, 2003.
- Тесленко И.Б., Телиженко С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический Альманах. № 33. Киев, 2015.
- Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
- Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев: СПб., 2015.
- Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Київ. 1998.
- Толастой И.И. О византийских печатях Херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 2. Новая серия.
- Топоров В.Н. По окраинам Греческого мира // К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- Тортика А.А. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2005.

- Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонецье и Горный Крым в хазарское время // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XI.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария к контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006.
- Тортика А.А. Проблемные аспекты определения даты обращения хазарской знати в иудаизм (в связи с интерпретацией сведений о хазарской миссии Константина Философа) // Орієнтальні студії в Україні. До ювілею Л.В. Матвеевої. Збірник наукових статей. К., 2010.
- Тортика А.А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «Черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновский сборник. Харьков; София, 2012. Т. V.
- Тортика А.А. Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX.
- Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногорский сборник. Воронеж, 2016. Вып. 6.
- Трендафилов Хр. Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3459> (1 декабря 2016 г.).
- Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876.
- Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических находках в 1853 году. СПб., 1855.
- Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С. Византинистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. 1987. Т. 48.
- Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. София, 1900. Т. 6.
- Успенский Ф.И. Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания // ЗООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи М., 1996. Т. 1.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 2
- Уханова Е.В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59.
- Уханова Е.В. Куль св. Климента, папы Римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – 1-й половины XI в. // Aion Slavistica. 5. Napoli, 1997 – 1998.
- Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998.
- Ушаков С.В. Варвары Горной Таврики на рубеже эпох. Археологический Альманах. №23. Донецк, 2010.
- Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжества Феодоро и его князья. Симферополь, 2005.
- Фарбей А.М. Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1.
- Фарбей О.М. Христианство в Тавриці в VII–IX ст. (сучасний стан та основні проблеми дослідження) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV.

- Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Т. 12.
- Ферлуга Я. Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века // ЗРВИ. Београд, 1964. Кн. 8.
- Ферлуга Я. Ниже војно-административне јединице тематског уређена // ЗРВИ. Београд, 1953. Кн. 36 / 2.
- Ферлуга Я. Прилог датирану платног списка стратега из «De caeremoniis aulae byzantinae» // ЗРВИ. Београд, 1956. Кн. 4.
- Филарет. История русской церкви. Харьков, 1849. Т.1.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой церкви. СПб., 1902.
- Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004.
- Фирсов А.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т.40.
- Фирсов А.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса. Новосибирск, 1976.
- Флеров В.С. Почему иудаизм не получил распространения в хазарском каганате (в поисках ответа) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т.9.
- Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Иерусалим. 2011.
- Флеров В.С. Иудаизм, христианство, ислам в Хазарском каганате (к состоянию изучения по археологическим данным) // Язычество и монотеизм в процессах полигенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. Вып. XXVI.
- Флеров В.С. К периодизации нижнедонских крепостей Хазарского каганата // КСИА. 2014. Вып. 236.
- Флеров В.С. Семикаракоры: башня на северной стене и относительная хронология периодизации нижнедонских хазарских крепостей // РА. 2016. № 2.
- Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Серия «Евреи и славяне», Том 16. Иерусалим; М., 2005.
- Фомин М.В. О внутригородских кладбищах византийского Херсона // Дриновский сборник. Харьков; София, 2009. Т. III.
- Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2009.
- Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 2011.
- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1903. Т. LVI; Львів, 1904. Т. LIX. Кн. III; Т. LX. Кн. IV (периздано: Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Київ, 1981. Т. 34).
- Франчес Э. Левобережье Дуная и Византия в VI в. // ВВ. 1961. Т. 20.
- Фрейденберг М.М. Городская община X–XI вв. в Далмации и ее античный аналог // Etudes balkaniques. 1977. №2.
- Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности. М., 1994.
- Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1994. № 1 (5).
- Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.
- Хазары: Миф и история. Иерусалим; М., 2010.

- Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI веков). Севастополь, 2014.
- Хапаев В.В. Фема Херсон в системе безопасности северных рубежей Византийской империи в IX–XI веках // *Этносоциум*. М., 2016. № 10 (100).
- Харитонов Е.О. История приватного права Европы: Східна традиція. Одеса, 2000.
- Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического // *Античное общество*. М., 1967.
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация // *ВИ*. 1995. № 9.
- Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.
- Хвостова К.В. Социальный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социально-экономических институтов Византии // *ВВ*. 2000. Т. 59 (84).
- Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Хотелашвили М.К., Якобсон А.А. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // *ВВ*. 1984. Т. 45.
- Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2005.
- Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *pateres tes poleos* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999.
- Храпунов М.І. Адміністрація Херсона наприкінці IV-VI ст. // *Археологія*. 2000. № 1.
- Храпунов Н.И. Администрация *euageis oikoi* в Херсоне // *МАИЭТ*. Симферополь, 2000. Вып. 7.
- Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. // *ПНФК*. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Храпунов Н.И. Преторий в средневековом Херсоне // *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження*. Одеса, 2002. Т. 3.
- Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.* Харьков, 2004.
- Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения*. Керчь, 2004.
- Храпунов Н.И. О континуитете администрации византийского Херсона // *Древности 2004. Историко-археологический ежегодник*. Харьков, 2004.
- Храпунов Н.И. Тенденции развития органов власти византийского Херсона // *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной науч. конф.* Киев; Судак, 2004. Ч. 2.
- Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // *АДСВ*. Екатеринбург, 2014. Вып. 42.
- Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.

- Хрушкова Л.Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // *ВВ*. 2004. Т. 63 (88).
- Хрушкова Л.Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): Мог ли в ней быть похоронен епископ Иоанн Готский? // *Климентовский сборник*. Севастополь, 2013.
- Хрущева Э.Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX–XX вв.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук / Уральский гос. университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2003.
- Цанкова-Петкова Г. Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // *Известия на Института за история*. София, 1968. Т. 20.
- Циркин Ю.Б. Распространение христианства в Испании до Миланского эдикта // *Iberica*. М., 1983.
- Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010.
- Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. // *МАИЭТ*. Симферополь, 1994. Т. IV.
- Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблема хронологии // *Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время*. М., 1996. Вып. 6.
- Цукерман К.К. вопросу о ранней истории фемы Херсона // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // *МАИЭТ*. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // *МАИЭТ*. Симферополь, 2001. Вып. VIII.
- Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // *МАИЭТ*. Симферополь, 2002. Вып. IX.
- Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // *Археологія*. 2003. №1.
- Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica*. Киев, 2003. Вып. II.
- Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // *У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник*. СПб., 2007.
- Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatu* // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2010. Вып. XVI.
- Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. // *Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики*. СПб., 1999.
- Черных Е.А. Хазарская миссия Константина Философа: о возможной проповеди Кирилла и Мефодия у восточных славян // *Вестник РУДН. Серия История России*, М., 2014, № 1.
- Чернышева М.И. Язык славянской версии «Житий херсонских святых» // *Очерки истории христианского Херсонеса*. СПб., 2009.
- Чиперис А.М. К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья (вторая половина XIII века) // *Ученые записки Туркменского гос. ун-та*. Ашхабад, 1964. Вып. 27.

- Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и сообщения. М., 1976.
- Чичуров И.С. Место хронографии Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и сообщения. М., 1981.
- Чичуров И.С. Литература VIII–X вв. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.
- Чореф М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Supplement 1. Тюмень; Нижневартовск, 2015.
- Чореф М.М. К истории Таврики — контактной зоны Византии и Хазарского каганата // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Нижневартовск, 2015. Ч. 1.
- Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2.
- Чхаидзе В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории. Армавир, 2005. Вып. 10.
- Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6.
- Чхаидзе В.Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. // Судейский сборник. Киев: Судак, 2012. Вып. V.
- Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012.
- Чхаидзе В.Н. Денежное обращение в Матрахе — Тмутаракани XI–XII вв. // II Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТИйский меняла: деньг местного рынка». Тез. докл. Севастополь, 2012.
- Чхаидзе В.Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // Херсонская фема. Империя и полис. Севастополь, 2013.
- Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015.
- Чхаидзе В.Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. Препринт.
- Чхаидзе В.Н. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) // РА. 2016. № 2.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. Вып. XXVI.
- Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. Екатеринбург, 1997. Вып. 28.
- Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Симферополь, 1995.
- Шандровская В.С. Что известно о Протевовах // Византийские очерки: Тр. рос. ученых к XIX Междунар. конгр. византинистов. М., 1996.
- Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. Екатеринбург, 1998.

- Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Шандровская В.С. Византийские печати переводчиков // *Albo dies notanda lapillo*; коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой / Под ред. В.Я. Якубского. СПб., 2005.
- Шапошников А.К. Языковые древности Северного Причерноморья (этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). Дис. ... доктора филологических наук. М.: Ин-т Рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007.
- Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в Северо-Западном Крыму // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2015. № 3.
- Шаров О.А. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. СПб., 2005.
- Шевеленко А.Я. Первые корабли средневековой Европы // ВИ. 1981. №9.
- Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1991. Т. 222: Праці історико-філософської секції.
- Шевченко Ю.Ю. Пещерные комплексы Крыма: время возникновения по погребальному инвентарю // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб, 2002. Ч. 2.
- Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках. Памятники Христианского Херсонеса. М., 1908.
- Шене Ж.-К. Поздний архонт: пример из Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. СПб., 1917. Вып. 63.
- Шорохов В.А. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в. Дисс. ... канд. ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2014. (рукопись).
- Шорохов В.А., Мещенина А.А. Поход русов на о. Эгина в 813 г.: об одном из историографических мифов военного времени // Древняя Русь: во времени, в личностях, идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5.
- Штампфер Ш. Насколько хазары были иудеями? // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011.
- Штихель Р. Почему св. Кирилл выучил еврейский язык в Крыму? // Хазары. Второй международный симпозиум. М., 2002.
- Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в 13–15 веках // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2.
- Шушарин В.П. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
- Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
- Щавелев А.С. К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016.
- Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. № 1.
- Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.

- Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14.
- Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею общества // ЗООИД. Одесса, 1889. Т. 15.
- Юрочкин В.Ю. Крым в эпоху великих миграций: проблемы этноса и культуры // *Ethnic Contactns and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Jasi, 2005.
- Юрочкин В.В. Готская епархия (краткий исторический очерк) // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. Симферополь, 2007.
- Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Якобсон А.А. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города (МИА. № 85). М.; Л., 1958. Т. 2.
- Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.А. К изучению поздне-средневекового Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1959. Вып. 5.
- Якобсон А.А. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 19.
- Якобсон А.А. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
- Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168.
- Якобсон А.А. Крым в средние века. М., 1973.
- Якобсон А.А. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10.
- Якобсон А.А. Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА АН СССР. 1977. № 150.
- Якобсон А.А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Якобсон А.А. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994.
- Яшаева Т.Ю. Сакральные функции энколпионов: реликварий — крест — икона // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2004.
- Яшаева Т.Ю. Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: археологические, исторические и философские аспекты. V Междунаро-д. Крым. конф. по религиовед. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2003.
- Яшаева Т.Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах папы Мартина I // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX.
- Ahrweiler H. Byzance et la mer. Paris, 1966.
- Ahrweiler H. Les relations entre les Russes au IX siecle // Bulletin d'information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. Athens: Paris, 1971. V. 5.
- Aibabin A. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011.

- Aibabin A. Early Khazar archaeological monuments In Crimea And To The North Of The Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
- Alexeenko N.A. Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // *Byzantium: Identity, Image, Influence*. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996.
- Alekseenko N. Les sceaux des archives de Cherson, temoigne des relations de Cherson et de l'Empire // XXe Congres International des Etudes Byzantines. College de France. Sorbonne, 19-25 aout 2001. Pre-actes. II. Tables rondes. Paris, 2001.
- Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012.
- Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington, 1995. Vol. 4.
- Van Alfen P. A restudy of the cylindrical amphoras from the seventh-century Yassi Ada Shipwreck. A Thesis. Texas. 1995.
- Van Alfen P. New light on the 7th — century Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA1 amphoras // *Journal of Roman Archaeology*. 1996. V. 9.
- Angold M. Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire // *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries*. Oxford, 1984.
- Angold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. New York, 2001.
- Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes a Byzance: l'octava, le «kommerkion» et les commerciaux. Paris, 1963.
- Antonopoulou I. The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the *Tactica* of Leo VI the Wise // *Byzantiaka*. 1993. T. 13.
- Antonov D. Ancient Finds From the Vicinity of Butan, Vratsa District (1st — 6th C.) // *Stephanos Archaeologicos in Honorem Prophetisiorie Ludmil Getov*. Sofia, 2005.
- Arena M., Delogu P., Paroli L., Ricci M., Sagui L., Vendittelli L., (dir.), Roma dall'Antichita al Medioevo, archeologia e storia, nel Museo Nazionale Romano Crypta Balbi, Ministero per ibeni e le attivitaculturali, Soprintendenza archeologica di Roma, 2001.
- Arsen'eva T., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua* V. 8, 2002
- Arthur P. Anfore dall'alto adriatico e il problema del Samos cistern type // *Aquileia Nostra*, LXI. 1980.
- Aupert P. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // *Bulletin de correspondance hellénique*. Supplément VI. Numéro 1. Études argiennes. Paris 1980.
- Auty P. The Gospel and Psalter of Cherson: Syriae or Russian? // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occation of his seventieth Birthdey*. — The Hague; Paris; Mouton, 1967/
- Auzepy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Paris, 1997. V 3.
- Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
- Bakalopoulos A.A. Istoria tes Thessalonikes. Thessalonike, 1983.

- Bartlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome // *Cato Journal*. Washington, 1994. Vol. 4. №2.
- Bass G.F. The Pottery // G. F. Bass, H.V. Van Doorninck (dir.), Yassi Ada I, a Seventh Century Byzantine Shipwreck, Texas, A&M University Press, 1982.
- Beck H.-G. Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // *BZ*. 1965. Bd. 58. Hf. 1.
- Bien S. La vaisselle et les amphores en usage à Marseille au VIIe siècle et au début du VIIIe siècle: première ébauche de typologie évolutive // *LRCW2 / Bonifay M. et Trégliat J.-Chr.* (éd.): Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. BARSeries (1662(I)), 2007.
- Boardman J. The finds // Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S., Excavations in Chios 1952–1955. Byzantine emporio. Published by Thames & Hudson, 1989.
- Bon A. Le Peloponnese byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951.
- Bonifay M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique (BAR S1301). Oxford, 2004.
- Bonifay M. Avances dans l'étude des céramiques africaines de l'Antiquité tardive (IIIe – VIIe s.) // *Κεραμική της υστερης αρχαιοτητας απο τον ελλαδικο χωρο (3ος -7ος αι. μ.Χ.)*, *Επιστημονική Συνάντηση (Θεσσαλονίκη, 2006)*. Thessalonique, 2010.
- Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // *The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2.
- Böttger B. Die Gefasskeramischen Funde (1975–1981) // *Iatrus-Krivina*. Berlin, 1991.
- Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // *JÖB*. 1981. Bd. 31. Hbd. 2.
- Bozoyan A. La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
- Bratianu G. Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin. Paris, 1936.
- Brazinski P. Late antique Pilgrimage and Ampullae. History, Classification, Chronology. Saarbrücken, 2014.
- Brehier L. Les institutions de l'empire Byzantin. Paris, 1949.
- Brook K. The Jews of Khazaria (2nd Edition). Lanham: Rowman & Littlefield Publishers 2006.
- Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680-850): The Sources. An Annotated Survey. Aldershot, 2001.
- Brusic Z. Anticka Luka u Polacama na otoku Mljetu // *Arheoloska istazivanja u Dubrovniku i dubrovackom području*. Zagreb, 1988.
- Bryer A. Byzantium and its Pontic Neighbours // *Second International Congress on Black Sea Antiquities*. Abstracts. Bilken University, Ankara, 2001.
- Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A. D. 802–867). London, 1912.
- Carandini A. Terra sigillata dell'Asia Minoire («Late Roman C» o di Constantinopoli) // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero), Rome, 1981.

- Carandini A. Ceramica Cipriota. Terra sigillata ("Late Roman E/D") // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero), Rome, 1981.
- Carandini A., Tortorici E. Ceramica Microasiatica // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero). Rome, 1981.
- Carandini A., Tortorella S., Produzione D // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero). Rome, 1981.
- Carsano V. Ceramica da cucina tardo-antica ed alto medievale in Il complesso archeologico di Carminielloai Mannesi // *Napoli (scavi 1983–1984) a cura di Paul Arthur*, pubblicato da Dipartimento di Beni Culturali Università degli Studi, Lecce e The British School at Rome, 1994.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. 1.
- Cheyne J.-Cl. L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // *Международ. науч. конф. «Византия и Крым»*. Тезисы докл. Симферополь, 1997.
- Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München, 1969.
- Crawford J.S. et al. The Byzantine Shops at Sardis. Cambridge, 1990
- Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs / Ed. by G.R. Mack, J.K. Karter. Austin, Texas USA, 2003.
- Da Costa-Louillet G. Y eut-il des invasions Russes dans L'Empire Byzantin avant 860? // *Byzantion*. 1941. V. 15.
- Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // *Byzantion*. 1954. V. 24/
- Dagron G. Crimée ambiguë (IVe – Xe siècles) // *МАИЭТ*. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.
- Darrouzeze J. Listes épiscopales du concile de Nicee [787] // *REB*. 1975. T.33.
- Darrouzeze J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitaneae. Paris, 1981.
- Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284-565 n. Chr. München, 1989.
- Demesticha S. Amphora production on Cyprus during the late roman period // *VII-e Congres International sur la Ceramique Medievale en Mediterranee*. Thessaloniki 11–16 Octobre 1999. Actes. Athenes, 2003.
- Dennis G. T. Death in Byzantium // *DOP*. 2001. №55.
- Devreesse R. Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoude: le supplice, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothélisme // *AB*. 1935. T. 53.
- Diamanti Ch. Local Late Roman / Early Byzantine amphoras from Halasarna on Kos. Εικ.3.2 // *Κεραμική της υστερης αρχαιοτητας απο τον ελλαδικο χωρο (3ος -7ος αι. μ.Χ.)*, *Επιστημονική Συνάντηση (Θεσσαλονίκη, 2006)*. Thessalonique, 2010.; Diamanti Ch. Stamped late Roman/Proto-Byzantine amphoras from Halasarna of Kos // *Rei Cretariae Romanae Favtorvm*. Acta 41, 2010.
- Diamanti Ch. Local production and import of amphoras at Halasarna of Kos Island (5th–7th c.). Athens 2010.

Diamanti Ch. Imperial control upon the Aegean sea trade during the late roman period. New archaeological evidence // <http://www.camertola.pt/sites/default/files/Ch.%20Diamanti%20IMPERIAL%20CONTROL%20UPON%20THE%20AEGEAN%20SEA%20TRADE%20DURING%20THE%20LATE%20ROMAN%20PERIOD.pdf>.

Dichl Ch. Etudes sur l'administration Byzantine dans l'Éksarchat de Ravenne. Paris, 1888. T. 2.

Dölger F. Parasporea. München, 1961.

Domzalski K. At the crossroads of trade routes: terra sigillata, red slip wares and related fine pottery from the Polish excavations in Ptolemais (2002–2009) // Ptolemais in Cyrenaica, Studies in Memory of Tomasz Mikocki, Ptolemais I, edited by Jerzy Zelazowski, University of Warsaw, Institute of Archaeology, Warsaw 2012.

Van Doorninck Fr. The cargo amphoras on the 7th century Yassi Ada and 11th century Serce Limani shipwrecks: two examples of a reuse of Byzantine amphoras as transport jars // Bulletin de correspondance hellénique. Supplément 18. Athènes: École française d'Athènes; Paris: Dépositaire, Diffusion de Boccard, 1989.

Dunn A. The Kommerkarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios and the West // BMGS. 1993. Vol. 17.

Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode, vues de Byzance. Prague, 1933.

Dvornik F. The idea of apostolity in Byzantium and the legend of apostle Andrew. Cambridge/Mass, 1958.

Edwards R.W. The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, 1987.

Ehrhard H. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Leipzig, 1937. T. I.

El-Khouri Lamia. Late roman fine pottery from Gadara (UMM QAIS), 2011 season of excavation // University of the Aegean, 2014, Mediterranean Archaeology & Archaeometry, 14, 2 (2014).

Emanov A. The Polyethnic Struktore of the Protopolis of Kaffa (5th – 10th Centuries) // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, 2001.

Fedoseev N., Domzalski Kr., Opait A., Kulikov A. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch 2006 // Archeologia. 2010. V. LXI.

Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du pater tes poleos // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987.

Feldman A. The Historiographical and Archaeological Evidence of Autonomy and Rebellion in Chersōn: a Defense of the Revisionist Analysis of Vladimir's Baptism (987–989) // Submitted as MRes Thesis to the Byzantine, Ottoman and Modern Greek Studies, The University of Birmingham.

Ferluga J. L'administration byzantine en Dalmatie // Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries. Amsterdam, 1976.

Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978.

Ferrazzoli A.F, Ricci M. Un centro di produzione delle anfore LR1: Elaiussa Sebastein Cilicia. Gli impianti, le anfore // LRCW 3: late Roman coarse wares, cooking

wares and amphorae in the Mediterranean : comparison between Western and Eastern Mediterranean. Edited by Simonetta Menchelli, Sara Santoro, Marinella Pasquinucci, Gabriella Guiducci. BAR international series; 2185 (II). V. II. Oxford : Archaeopress, 2011.

Flavius Lucius Dexter. http://en.wikipedia.org/wiki/Flavius_Lucius_Dexter (2 декабря 2010г.).

Foss C. Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. Oxford, 2002.

Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. 1975. Vol. 90.

Fournet Jean-Luc, Pieri D. Les dipinti amphoriques d'Antinoopolis. // Bastianini G. et Pitaudi R. Antinopolis I, Istituto Papirologico G. Vitelli, 2008,

Francois V. De la ceramique en contexte a Istanbul // Journal of Roman Archaeology. 1994. V. 7.

Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899.

Gero S. Byzantine Iconoclasm During the Reign of Constantine V, with Particular Attention to Oriental Sources. Louvain, 1977.

Glykatzis-Ahrweiler H. L'administration militaire de la Crete byzantine // Byzantion. 1964. T. 31.

Golden P. The conversion of the Khazars to Judaism // The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies. Leiden: Boston, 2007.

Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni imperiali nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984.

Gortina II. Pretorio. Il materiale degli scavi Colini 1970-1977, Monographie della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, VII. Padova (Bottega d'Erasmus), 1997.

The Great Palace of the byzantine Emperors. Oxford. 1947.

Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, 1968. Vol. 2.

Guilland R. Les logothetes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // REB. 1971. T. 29.

Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. — L'Eparque. I. L'Eparque de la ville O Eparchos tes poleos // BS. 1980. T. 41. F. 1.

Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 1-2.

Haldon J. Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations // DOP. 1993. №47.

Haldon J. Byzantium. A History. Stroud, Gloucestershire, 2000.

Hannick Chr. Annexions et reconquetes byzantines. Peut — on parler d'un unitarisme byzantin? // Irenikon. 1993. №66.

Hautumm W. Studien zu Amphoren der spatromischen und fruhbyzantinischen Zeit. Fulda, 1981.

Hayes J.W. A Seventh-Century Pottery Group // Harrison R.M., Firatli N. Excavations at Sarāḫane in Istanbul: Fifth Preliminary Report // *Dumbarton Oaks Papers* 1968, 22.

Hayes J.W. A. New type of Early Christian Ampulla // BSA. 1971.

Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.

Hayes J.W. The Roman Deposits // J. Boardman and J. W. Hayes .Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits. London, 1973.

Hayes J.W. Excavations at Carthage 1976 conducted by the University of Michigan // J.H. Humphrey (ed) , Excavations at Carthage IV, American Schools of Oriental Research, Ann Arbor, 1978.

Hayes J.W. Problèmes de la céramique des VIIème-IXème siècles à Salamine et à Chypre // Salamine de Chypre, histoire et archéologie: État des recherches, Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique, 578. Paris, 1980.

Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. V. 2.

Hayes J.W. Early Christian pottery from Knossos: The 1978–1981 finds from the Knossos medical faculty site // BSA. 2001. V. 96.

Hayes J.W. The Athenian Agora, Vol. XXXII: Roman Pottery: Fine-ware Imports. Princeton, 2008.

Herrin J. The Context of Iconoclast Reform // *Iconoclasm*. Birmingham, 1975.

Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit. Inaug. Diss. Marburg, 1904.

Honigsmann E. La liste originale des peres de Nicee // *Byzantion*. 1939. V. 14.

Huxley G. On the Vita of John Gotthia // *Greek, Roman and Byzantine studies*. Durham, 1978. V. 19. №2.

Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // *La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.

Jackson M., Zelle M., Vandeput L., Kose V. Primary evidence for Late Roman D Ware production in southern Asia Minor: a challenge to “Cypriot Red Slip Ware” // *Anatolian Studies*. Vol. 62. 2012.

Janin R. Giovanni lo Psicaia // *BiblSS*. Vol. 6.

Japp S. Die locale Keramik production von Kibyra // *Rei Creatariae Romanae Favtorum*. Acta. 2005. T. 39.

Jastrzebowska E. The cult of St. Clement at Tauric Chersonesos in the light of archeological researches // *Климентовский сборник*. Севастополь, 2013.

Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries. AD 610-1071. London, 1966.

Jones A.H.M. The Greek City From Alexander to Justinian. Oxford, 1940.

Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Baltimor, 1992. V. 1-2.

Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopeennes entre le IIe-IIIe s. et le VIe s. Ap. J.-C // *Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Snope*. Recueil de travaux édité par Dominique Kassab Tezgör. *Varia Anatolica* XX. Paris, 2009.

Kassab Tezgör D. Le reseau commercial des amphores sinopeennes entre le IIe-IIIe s. et le VIe s. de notre ere // *Patabs I*. Production and trade of amphorae in the Black Sea // *Actes de la table ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006*. Édités par Dominique Kassab Tezgör et Nino Inaishvili. *Varia Anatolica* XXI. Paris, 2009.

Kazdan A.A. *Boulgarophygon* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 1.

Kazdan A.A. *Boullotes* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 1.

Kazdan A.A. *Epopetes* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 1.

Kazdan A.A. *Koubikoularios* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 2.

Kazdan A.A. *Municipal Administration* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 3.

Kazhdan A., Cutler A. *Skylytzes John* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York: Oxford, 1991. V. 3

Kazdan A.A. *Oikeiakos* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 2.

Kazdan A.A. *Parakoimomenos* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 2.

Kazdan A.A. *Protonotarios* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V. 2.

Kazdan A.A. *Topoteretes* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. V.3.

Kazhdan A., Talbo A.-M. *John the Psychaites* // *Dumbarton Oaks hagiography database*. Dumbarton Oaks. 1998.

Kazhdan A., Talbo A.-M. *Joseph the Gymnographer* // *Dumbarton Oaks hagiography database*. Dumbarton Oaks. 1998.

Kazdan A., Ševčenko N.P. *Joseph the Gymnographer* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York Oxford, 1991. V.2.

King N.Q. *The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381* // *Studia Patristica*. Berlin, 1957. V. 1.

Kitchin G.W. *Catalogus codicum mss. qui in bibliotheca Aedis Christi apud Oxonienses adservantur*. 1867.

Klenina E. Trade relations of Novae (Moesia II) according to ceramic evidence from an assemblage of the late 5th-early 6th centuries AD // *LRCW 4*. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou / Volume II. *BAR International series* 2616 (i). 2014.

Koch P. *Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700*. Inaugural-Dissertation. Jena, 1903.

Komatina P. Date of the composition of the *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* nos. 4, 5 and 6 // *Зборник Радова Византолошког Института*. Београд, 2013. Т. LI.

Konstantinidou A. Postsherds narrate history. The Old Monastery of Baramus in Wadi al-Natrun from its foundation until the Early Arab Period (4th–9th c) // *Journal of Coptic studies* 15 (2013).

Kontava-Delivoria B. Les oxea et les sceaux et les étoffes pourpres des soie apres le 9e siecle // *BZ*. 1989. Bd. 82.

Korres Th. *To kinema ton «Elladikon»* // *Byzantiaka*. Thessalonike, 1981. Т. 1.

- Kovalev R.K. Creating Khazar Identity through Coins: the Special Issue Dirham of 837/838 \ East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. 2005.
- Kristo Gy. Hungarian History in the Ninth Century. Szeged, 1996.
- Kythera; excavations and studies conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens / [by] J. N. Coldstream and G. L. Huxley (editors) and others. University of Pennsylvania. University Museum. British School at Athens. Park Ridge, N.J.: Noyes Press, 1972.
- Kunic A. Die Berufung der schwedischen Rodsen: Zweite Abtheilung // Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie de Saint-Petersbourg. 1845. T. II.
- La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
- Lamberz E. Die Bischofslisten des VII. Okumenischen Konzils (Nicaenum II). Munchen, 2004.
- Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Paris. 1963. V. 1.
- Lecrivain Ch. Remarques sur les formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore // Melanges d'archeologie et d'histoire. Paris: Rome, 1884. T. 6. Fasc. 3–4.
- L'église à atrium de la grande colonnade / Jacqueline Napoleone-Lemaire, Jean Ch. Balty, Dominique Collon, Robert Donceel, Cécile Dulière, Etienne Gilot, Frieda Vandenabeele. Fouilles d'Apamée de Syrie I, 1. Bruxelles: Centre belge de recherches archéologiques à Apamée de Syrie, 1969.
- Lefort M. Album palaeographicum codicum graecorum. Louvain, 1932.
- Lloyd M. A byzantine shipwreck at Iskandil Burnu, Turkey: preliminary report. A Thesis Submitted to the Graduate College of Texas A&M University partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts August 1984.
- Lochner S., Sauer R., Linke R. Late roman unguentaria?—A contribution to early Byzantine wares from the view of Ephesus // LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in Mediterranean. Oxford, 2005.
- Lounghis T.C. A Deo conservandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. 1991. T. 52.
- Macias Solé J. La ceràmica comuna tardoantiga a Tàrraco. Anàlisi tipològica i històrica (segles V-VII). Tarragona, Museu Arqueològic de Tarragona, 1999 (TULCIS. Monografies Tarraconenses, 1).
- Magness J. Jerusalem ceramic chronology. circa 200–800 ce. Sheffield, 1993
- Majcherek Gr. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean (Advances in Scientific Studies). The Second Nieborów Workshop, Warsaw 1995.
- Malingoudis Ph. Die Hungersnot in Thessalonike (ca. 676–678) // JÖB. 1990. Bd. 40.
- Mango C. Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles). Paris, 2004
- Margetic L. «Provincijalni archonti» Taktikona Uspenskog (s osobitim obzirom na archonta Dalmacije) // ЗРБИ. 1991. Кн. 29–30.
- Marsili G. Contenitori da Trasporto: produzione locale e relazioni commerciali // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane. Vol. XC. Serie III, 12, 2012. Sails, 2013.
- McNally S. Split in the Byzantine Empire: The Archaeological Evidence // Acts XVIII International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. Shepherdstown, 1996. V. 2.
- Metcalf D.M. Coinage in the Balkans. 820–1355. Chicago, 1966.

- Miller D.A. Imperial Constantinople. New York, 1969.
- Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 1. Washington, 1991.
- Noailles P., Dain A. Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. № 53.
- Noonan T. Byzantium and Khazars: a special relationship? // Byzantine diplomacy. Variorum, 1992.
- Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès international des études byzantines. Belgrad, 1964. V. 1.
- Oikonomides N. Les listes de préséance Byzantines des IX et X siècles. Paris, 1972.
- Oikonomides N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – Xe s.). Athènes, 1996.
- Oikonomides N. L'archonte slave de l'Hellade au VIIIe siècle // BB. 1998. T. 55 (80). Ч. 2.
- Oikonomides N. La paléographie grecque et byzantine // Colloques internationaux du CNRS 559. Paris, 1977.
- Oikonomides N. Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. 7.
- Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Komneniarioi // DOP. 1986. № 40.
- Oikonomides N. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Symmeikta. Athena, 1996. T. 10.
- Oikonomides N. Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Sofia, 1987. V. 1.
- Olsson J.T. Coup d'état, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate // Journal of the Royal Asiatic Society. L., 2013. Ser. 3. Vol. 23. № 4.
- Opait A. Ceramica din asezarea si cetatea de la Independenta (Murighiol), secolele V I.e.n.-VII e.n. // Peuce. 10. 1991.
- Orsaud D., Le passage de la céramique byzantine à la céramique islamique: quelques hypothèses à partir du mobilier de Dêhès, dans P. Canivet et J.-P. Rey-Coquais (éd.), La Syrie de Byzance à l'Islam (VIIe–VIIIe siècles), Actes du Colloque International (Lyon, 11–15 septembre 1990), Publications de l'IFEAD, 137, Damas, 1991.
- Ousterhout R.G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. New York, 1997.
- Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton, 1999.
- Paraschiv D. Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.). Iasi, 2006.
- Petrukhin V. Sacral Kingship and the Judaism of the Khazars // Conversions: Looking for Ideological Change in the Early Middle Ages. Vienna, 2013.
- Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
- Poblome J., Firat N. Late Roman D. A matter of open(ing) or closed horizons ? // LRFW 1. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology. Ed. Miguel Angel Cau, Paul Reynolds, Michel Bonifay/ Archeopress, 2011.
- Popescu E. Christianitas Daco-Romana. Bucuresti, 1994.
- Portale E. The sunset of Gortyn: amphorae in the 7th–8th centuries AD // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean.

Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers Ed. By Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. V. BAR International Series 2616 (I) Oxford, 2014.

Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th century AD. Preliminary results of the EU funded project "Pythagoras II": the Cretan case study // LRCW 4: late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : archaeology and archaeometry : the Mediterranean : a market without frontiers / edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. BAR International Series; 2616 (I) Oxford: Archaeopress, 2014.

Preiser-Kapeller J. Der Episkopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolen und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453. Saarbrücken, 2008.

Prigent V. Les eveches bizantins de la Calabre septentrionale au VIIIe siècle // Melanges de L'Ecole Francaise de Rome, Moyen Age. 2002. V. 114.

Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus' // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus-Ukraine. XUS. Vol. XII\XIII. Harvard, 1990.

Rambaud A. L'Empire grec au Xe siècle: Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870.

Raynaud Cl. Ceramique africaine Claire D. // LATTARA 6. Dicocer, Dictionnaire des ceramiques antiques (VIIe s. av. n.e.-VIIe s. de n.e.) en Mediterranee nord-occidentale (Provence, Languedoc, Ampurdan). 1993.

Raynaud Cl. Ceramique commune mediterraneenne tardo-romaine // LATTARA 6. Dicocer, Dictionnaire des ceramiques antiques (VIIe s. av. n.e.-VIIe s. de n.e.) en Mediterranee nord-occidentale (Provence, Languedoc, Ampurdan). 1993.

Remola J.A. Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis). Siglos IV-VII. Col·lecció Instrumenta, núm. 7, Barcelona, 2000.

Remola A., Uscatescu A. El comercio de ánforas orientales en Tarraco (siglos V-VII d.c.) // II Colloqui internacional d'arqueologia Romana. El vi a l'Antiquitat economica ,produccioi comers al Mediterrani occidental. Actes (Badalona 6/9 de Mai de 1998). Musei de Badalona. 1998.

Reynolds P. Pottery and the Economy in 8th century Beirut: An Umayyad Assemblage from the Roman Imperial Baths (Bey 045) // VIIe congrés international sur la céramique médiévale en méditerranée. Thessaloniki, 2003.

Reynolds P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to c. 600 // LRFW 1. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology. Ed. Miguel Angel Cau, Paul Reynolds, Michel Bonifay/ Archeopress, 2011

Reynolds P. The Roman pottery from the Triconch Palace // Byzantine Butrint: Excavations and Survey 1994–1999. Eds. Hodges R., Bowden W. and Lako K. Oxford, 2004.

Reynolds P. Trade networks of the east, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares) // LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean/ Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean. Edited by Simonetta Menchelli, Sara Santoro, Marinella Pasquinucci and Gabriella Guiducci V. I. BAR International Series 2185 (I). Oxford: Archaeopress, 2010.

Reynolds P. A note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9 // LRFW 1. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology. Ed. Miguel Angel Cau, Paul Reynolds, Michel Bonifay/ Archeopress, 2011.

Reynolds P., Pavlidis E. Nicopolis (Epirus Vetus): An early 7th century pottery assemblage from the 'Bishop's House' (Greece) // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou. BAR International Series 2616 (I). Oxford, 2014. V. I.

Ricci M. La ceramica comune dal contesto di VII secolo della Crypta Balbi // L. Sagui (dir) Ceramica in Italia: VI-VII secolo, Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Rome, 11–13 mai 1995), Florence, 1998.

Riley J. The Coarse Pottery from Benghazi // Lloyd J. (ed) Sidi Kherbish Excavations. Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. V. II.

Robinson H.S. Pottery of the Roman Period, The Athenian Agora. Princeton, 1959.

Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter // BS. 1992. T. 53. F. 2.

Romanchuk A.I. Agreement and Discrepancy between Written and Archeological Sources // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Shepherdstown, 1996.

Romanchuk A. Trade cooperation in Taurian Chersonese as an example of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, 2001.

Rouillard G. L'administration civile de l'Egypte byzantine. Paris, 1928.

Sandrovskaja V. Das Siegel eines XA/\KOΠATHC aus Sudak // SBS. 1999. Vol. 6.

Sagui L. Roma, i centri privilegiati la lunga durata della tarda antichità dati archeologici dal deposito di VII secolo nell'edera della Crypta Balbi // Archeologia Medievale. XXIX. 2002.

Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du VIe congrès de l'AIECM 2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995) sous la direction de G. Demians d'Archimbaud. Aix-en-Provence, 1997.

Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la région de la mer Noire (typologie et chronologie: Ve–VIIe s. apr. J.-C.) // Y. Garlan (ed.), Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul (1994). Aix-en-Provence, 1999.

Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase Durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age / textes réunis et présentés par Michel Kazanski et Vanessa Soupault. Leiden: Boston: Koln: Brill, 2000 (Colloquia pontica; V. 5).

Sazanov A. Les amphores orientales d'époque protobyzantine au Nord de la Mer Noire // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Ed. by M. Bonifay and J.-C. Treglia. V. II. BAR International Series 1662 (II). Oxford, 2007.

Sazanov A. The deposit of the end of the 6th century AD from Chersonesos (Crimea) // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in

the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodarou and Vassilis Kilikoglou / V. I. BAR International Series 2616 (i). Oxford, 2014.

Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Ed. By N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodaru and V. Kilikoglou. BAR International Series 2616 (I). Oxford, 2014.

Schechter S. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. Philadelphia, 1912. T. III. № 2.

Segal Orit. Tel Yavne. Final report // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. 2011. V. 123.

Shkodra B. Ceramics from Late Roman contexts in Durres // BSA. 101. 2006.

School T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantine. Paris, 1884.

Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // Византия и Крым. Тезисы междунаро. науч. конф. Симферополь, 1997.

Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИ-ЭТ. Симферополь, 2000. Вып. 7.

Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // Сборник Радова Византолошког Института. Београд, 2013. Т. L/1.

Semenov A.I. New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8th Century A.D. Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia (Archaeological Studies, № 16). Sankt Petersburg, 1994.

Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham, 1975.

Ševčenko N.P. Menologion of Basil II // The Oxford dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. V. 2

Sharf A. Byzantine Jewry. London, 1971.

Sheppard C. Pre-Romanesque Sculpture: Evidence for the Cultural Evolution of the People of the Dalmatian Coast // Gesta. 1984. T. 23.

Shepard J. The Khazars' formal Adoption of Judaism and Byzantium's northern policy // Oxford Slavonic Papers. 1998. V. 3.

Shepard J. Closer encounters with the Byzantine Word: The Rus at the Straits of Kerch // Pre-Modern Russia and its Words. Essays in Honor of Thomas S. Noonan. Wiesbaden, 2006.

Slane K.W., Sanders G. Corinth: Late Roman horizons // Hesperia 74. 2005.

Solomon M. Mennictwo byzantynskie. Krakow, 1987.

Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B.C. 146 to A.D. 1100). New York, 1893. V. 1.

Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / British Archaeological Reports International Series 1019. Oxford, 2002.

Spieser J.-M. La ceramique byzantine medievale // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. 2. VIIIe – XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. Paris, 1991.

Stampfer S. Did the Khazars Convert to Judaism? // Jewish Social Studies: History, Culture, Society. Indiana University Press, 2013. Vol. 19. № 3 (Spring/Summer).

Stepanova E. New Seals from Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. 1999. V. 6.

Stepanova E. New Finds in Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. 2003. V. 8.

Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900-1204. Cambridge, 2000.

Stiernon D. Jean le Psichaitte // DHGE. Turnhout. T. 27.

Stiernon D. La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnographie. A propos d'une publication récente // Revue des études byzantines. 1973. T. 31.

Synelli K. Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «pakton» im Rahmen der Entwicklung der «internationalen» Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der Römischen Spätantike. Athen, 1989.

Teall J.L. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330-1025 // DOP 1959. № 13.

The Oxford Dictionary of Byzantium. New York: Oxford, 1991. V.1.

The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies. Leiden: Boston, 2007.

Ticknor G. History of Spanish literature in three volumes. London, 1849. V. III.

Tomaschek W. Die Gothen in Taurien. Wien, 1881.

Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997.

Treadgold W.R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth — Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1980. V. 21.

Treadgold W.R. The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. New York, 1982.

Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. Standford, 1988.

Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus // Harvard Ukrainian Studies. XII/XIII. (1988/1989).

Treglia J.-C. La céramique impériale et romaine tardive. Secteur 5 de la fouille du pont de Gabbari // J.-Y. Empereur et D. Nenna (dir) – Nécropolis 2. Etudes Alexandrines. 7. V. 2. Caire, 2003.

Treglia J.-C. Amphores, céramique commune culinaires byzantines de la citadelle de Damas (Syrie) // LRCW 3. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : archaeology and archaeometry. Oxford (BAR 2185 (II)/ 2010.V. II.

Vaillant A. Les «lettres russes» de la vie de Constantin // Revue des Etudes Slaves. Paris, 1935. T. 15.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge-Massachusetts, 1936.

Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge-Massachusetts, 1946.

Vavrinek V. Great Moravia Between Byzantium and the Latin West // GENNADIOC. K 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1999.

Van den Ven P. La Vie grecque de S. Jean le Psichaitte, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. 3. Louvain, 1902. V. 21.

Vernadsky G. Byzantium and Southern Russian. I. The Eparchy of Gothia // Byzantium. 1940–1941. T. 15.

Waksman S. Archaeometric approaches to ceramics production and imports in medieval Cyprus // *Cypriot Medieval Ceramics*. Nicosia, 2014.

Waksman S.Y., Bien S., Reynolds P., Treglia J.-C. About a main production of late roman 'levantine' and 'cypriot' common wares, In : LRCW I. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean : archaeology and archaeometry (Barcelona, 14-16 march 2002). Oxford, 2005.

Winkelman F. Byzantinische Rang — und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1985.

Wozniak F. E. The Nature of Byzantine Foreign Policy toward Kievan Russia in the first half of the tenth century: a reassessment // A dissertation submitted to the Department of History and the Committee on Graduate Studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. 1973. P. 29–49.

Zachariades S. Pottery from the workshop building, in the early byzantine city of Philippi, Greece // LRCW 4. Late roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Edited by Natalia Poulou-Papadimitriou, Eleni Nodaras and Vassilis Kilikoglou / Volume II. BAR International series 2616 (I). 2014.

Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. Berne, 1984. V. 2.

Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. V. 1.

Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina. Roma, 1994.

Zelenko S. Medieval Shipwrecks on the Coast of the Crimea // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, 2001.

Živković T. Uspenski's Taktikon and the Theme of Dalmatia // *Byzantina Symmeikta*. Athens. 2005. T. 17.

Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Byzantines*. Paris, 1995. T. 53.

Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // *Byzantine and modern Greek studies*. 1997. V. 21.

Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.

Poulou-Papadimitriou N. Βυζαντινή κεραμική από τον ελληνικόν ησιωτικό χώρο και την Πελοπόννησο (7ος – 9ος αι.): μία πρώτη προσέγγιση // E. Kountoura-Galaki (ed.), *Οισκοτεινοίαιώνεστος Βυζαντίου, ΕΙΕ/ΙΒΕ, Αθήνα, Μάιος 1999*.

Τομαδάκης Ε.Ι. Ίωσήφ ὁ Ὑμνογράφος Βίος καί ἔργον. Ἀθήναι, 1971/

Vogt C. Πρωτοβυζαντινή κεραμική από την Αγία Γαλήνη, Κρητική Εστία 4, 39-75.1989/1991.

Ζαχαριάδης Σ. Η επι τραπέζια κεραμική από την οικοδοική ησίδα του Υαλουργείου Στην παλαιοχριστιανική πόλη των Φιλίππων. Θεσσαλονίκη, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск (Екатеринбург).

АО – Археологические открытия. М.

БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.

БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.

ВВ – Византийский временник. М.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВИ – Вопросы истории. М.

ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический.

ГИМ – Государственный исторический музей. М.

ДБ – Древности Боспора. М.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

ЗАН – Записки Академии наук.

ЗРВИ – Сборник трудов Византологического института. Београд.

ИАК – Известия археологической комиссии. СПб.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук. М.

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.

ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Л.

ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе. София.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.

КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

- НС – Нумизматика и сфрагистика. Киев.
НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический». С 2016 г. – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический» (ФГБУК «ГИИМЗХТ»).
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
ПС – Палестинский сборник. Л.
ПСРА – Полное собрание русских летописей. Л.; М.
РУДН – Российский университет Дружбы народов. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
С. Сб. – Судейский сборник. Киев; Судак.
СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Севастополь.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ХА – Хазарский альманах.
Х. Сб. – Херсонесский сборник. Севастополь.
ФГБУН «ИАК РАН» – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Крыма РАН».
AB – *Analecta Bollandiana*. Bruxellis; Paris.
BMGS – *Byzantine and Modern Greek Studies*. Birmingham.
BS – *Byzantinoslavica*. Prague.
BSA – *British School at Athens*. London.
BZ – *Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig; Berlin; Stuttgart.
DHGE – *Dictionnaire d'histoire et de geographie ecclesiastiques*.
DOP – *Dumbarton Oaks Papers*. Washington.
IosPE – *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* / Ed. B. Latyshev.
JÖB – *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien.
PG – *Patrologae cursus completus. Series graeca*, accurrente J.-P. Migne. *Patrologiae graeca*. Parisiis; Turnhout.
PL – *Patrologae cursus completus. Series latina*, accurrente J.-P. Migne. *Patrologiae latina*. Parisiis; Turnhout.
REB – *Revue des etudes byzantines*. Paris.
SBS – *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington.